

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

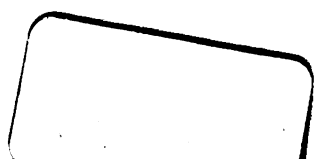
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856139 0

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CXLVIII. — 1/18 НОЯБРЯ, 1878.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

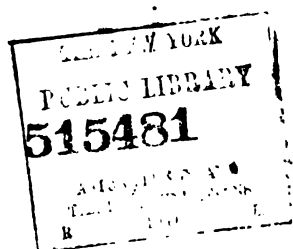
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

(408)

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПРЕДЪ ЗАРЕЮ.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...

Не грусти, что во мракѣ nocturno
Люди сладкимъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны горою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ,
Или злое ворчаніе псовъ:
Это сонъ, это лай—предъ зарею...

II.

СРЕДИ МОГИЛЬ.

Я не скорбѣть пришелъ о бренности людской
 Подъ тѣнь беретъ твоихъ, знакомое владбище.
 Ищу я отдыха отъ скуки городской
 И пошлости, и лжи. Здѣсь сонный воздухъ чище,
 И добрый богъ весны всѣ насыпи могилъ
 Цвѣтами свѣжими роскошно испестрилъ.

Мнѣ хорошо средь васъ, забытыя гробницы!
 Ложь править въ городахъ, здѣсь истина царить.
 Я будто вырвался на волю изъ темницы,
 Здѣсь всякій камень мнѣ о счастьѣ говорить...
 Да, кто людей постигъ, кто любить и страдаетъ,
 Тотъ смерти тайный зовъ безъ робости встрѣчаетъ.

Потомки обезьянъ и предки червяковъ,
 Мы счастливы лишь тѣмъ, что всѣхъ насъ ждетъ забвеніе.
 Живи, трудись, страдай и не страшись враговъ:
 Тотъ въ битвѣ смѣлъ, кому свободно отступленіе.
 Мы можемъ досыта рѣзвиться и играть:
 За нами смотреть смерть, какъ любящая мать...

Играй, дитя! Играй въ науку, въ честь, въ свободу,
 Бѣги за мотылькомъ, чтѣ слагою зовутъ,
 Играй въ безсмертіе, играй въ любовь къ народу,
 Играй! Тебѣ готовъ и отдыхъ, и приютъ.
 И если будешь ты играть умно, безъ лжи,
 То прахъ твой мраморомъ придавятъ безъ сомнѣній...

... : V M

III.

МОЯ ВѢРА.

Быть я набожнымъ ребенкомъ,
Вѣрилъ въ Господа, какъ надо:
Что Господь—небесный пастырь,
И что мы—земное стадо.

Ахъ! О пастырѣ небесномъ
Я забылъ въ своей гордынѣ,
Но тому, что люди—стадо,
Вѣрю набожно и нынѣ!

Н. Минскій.

ФОТІЙ СПАССКІЙ

ЮРЬЕВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

О Фотіѣ въ послѣднее время писалось не мало: мы имѣемъ въ печати не только массу собранныхъ матеріаловъ для его исторіи, но и цѣлыя монографіи по этому предмету. Однако и въ совокупности взятые всѣ опубликованные матеріалы и изслѣдованія относительно Фотія, его времени, его вліянія на поворотъ, совершившійся во вторую половину царствованія Александра I-го, представляютъ все еще много пробѣловъ, много не выясненныхъ сторонъ какъ относительно дѣла Фотія, такъ и самой его личности, что зависѣло главнымъ образомъ отъ неполноты и отрывочности данныхъ; въ этомъ сознаются сами изслѣдователи этой эпохи и жизнеописатели Фотія. Получивъ доступъ къ важнымъ и еще неизданнымъ въ свѣтъ матеріаламъ, собраннымъ притомъ въ рѣдкой полнотѣ и законченности, не только относительно личности Фотія и его церковно-общественной дѣятельности, но и всего движенія той интриги, которая повела къ паденію кн. Голицына и возвышенію Шишкова и Аракчеева, мы сочли своею обязанностью познакомить съ этими приобрѣтеніями публику въ видѣ обработанныхъ матеріаловъ для отечественной исторіи изъ второй половины царствованія Александра I-го.

Матеріалы для біографіи Фотія до сихъ поръ появлялись болѣею частью въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ русской старинѣ, именно въ «Чтеніяхъ Общ. исторіи и Др. русскійскихъ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Русской Старинѣ».

Такъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др.» были помѣщены: «Записки адмирала Шишкова» (1868 г. вѣн. III), извлеченія изъ записокъ Фотія, или его автобіографіи, которую мы имѣли въ *полномъ* ея составѣ; «Описаніе Юрьевскаго монастыря» (1858 г. вѣн. II). Въ «Русской Старинѣ» за всѣ годы разсѣяны отрывочные матеріалы по тому же предмету, а за 1875 г. въ т. IV-мъ помѣщена монографія г. Карновича: «Архимандритъ Фотій, настоятель Н.—Юрьевскаго монастыря», причемъ авторъ пользовался, кромѣ печатныхъ источниковъ, нѣкоторыми рукописями и документами. Въ изслѣдованію приложенъ и портретъ Фотія. Въ «Русскомъ Архивѣ», также за всѣ почти годы, собрано много матеріаловъ относительно Фотія; такъ, здѣсь помѣщена біографія Лабзина (1866 г.), записка о крамолахъ въ Россіи (1868 г.), письма Фотія къ его брату (1871 г.), укорительное письмо къ Голицыну (1870 г.), извлеченія изъ записокъ Фотія; записка Фотія о сентахъ (1873 г.), изслѣденіе Фотины Павловны (1870 г.), письма вѣн. Голицына къ гр. Орловой (1869 г.) и другія. Затѣмъ въ «Вѣстникѣ Европы» много любопытнаго есть въ «Воспоминаніяхъ» Панаева (1867 г.), особенно въ изслѣдованіяхъ г. Пыпина: «Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ» и др.; въ трудѣ г. Стоюнина «Адмиралъ Шишковъ». Затѣмъ матеріалы для исторіи этой эпохи находятся въ «Запискахъ о жизни Филарета» Н. Суцкова, въ «Воспоминаніяхъ» Виселя; въ соч. М. И. Сухомлинова «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи при Александрѣ I-мъ» (1866 г. Спб.); въ почтенномъ историческомъ изслѣдованіи Е. М. Обоимистова «Магницкій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи»; въ статьѣ академика Никитенко о Галичѣ (въ «Ж. Мин. Нар. Пр.»); въ трудѣ А. Галахова: «Обзоръ мистической литературы въ ц. Александра I-го» (въ «Ж. Мин. Нар. Пр.»). Въ трудахъ доктора И. А. Чистовича: «Исторія С.-Петербургской духовной Академіи»; «Очеркъ исторіи перевода библіи на русскій языкъ»; «Въ память М. М. Сперанскаго». Что касается сочиненія Елашова «Жизнь гр. А. Орловой-Чесменской», то оно представляетъ, очевидно, пристрастно написанную апологію. Наконецъ, въ «Трудахъ Киевской дух. Академіи» за 1875 г. (февр. и іюнь) мы находимъ монографію г. К. Павлова «Юрьевскій арх. Фотій и его церковно-общественная дѣятельность». Нѣкоторые фактическія погрѣшности въ этомъ трудѣ и неполнота его обуславливались недостаткомъ матеріаловъ; авторъ пользовался только печатными источниками, но изучалъ ихъ съ полнымъ вниманіемъ и отнесся въ предмету съ полнымъ безпристрастіемъ.

Всѣмъ этимъ мы намѣрены воспользоваться въ нашемъ опытѣ, но главною и существенною его опорою будутъ служить *рукописи*, заключающія въ нѣсколькихъ томахъ новыя матеріалы для жизнеописанія Фотія и для характеристики его эпохи. Всѣ эти рукописи принадлежали первоначально гр. Аннѣ Орловой-Чесменской, частью писаны, а частью исправлены самимъ Фотіемъ; кромѣ того, въ рукописяхъ мы нашли собственноручныя замѣчанія на поляхъ арх. Филарета Черниговскаго и Иннокентія Херсонскаго.

На первомъ мѣстѣ поставимъ собраніе рукописей въ трехъ большихъ томахъ, озаглавленное: «Повѣствованія св. арх. Фотія о своей жизни и дѣятельности». Въ 3-хъ вв. рѣп. in folio, въ богатомъ саф. перепл., съ надписью: гр. А. А. О.-Ч. (гр. Анны А. Орловой-Чесменской).

I-й томъ носитъ такое заглавіе: «Повѣствованіе о. Фотія о родѣ его, воспитаніи домашнемъ, училищномъ, о состояніи и житіи его въ должности учителя въ Петербургѣ, и о прочихъ прикосновенныхъ обстоятельствахъ и лицахъ (84 л.).

II-й томъ: «О горькомъ житіи, бытіи Фотія во вся лѣта ангельскаго жителства, дѣвственнаго, иноческаго, въ санѣ священства, законоучительства, начальника, священно-игумена, священно-архимандрита; о всѣхъ происшествіяхъ вѣры и церкви, бывшихъ въ тѣ лѣта, о дѣлахъ, подвигахъ, бывшихъ за православіе предъ владыками и царями, о паденіи владычества зловѣрныхъ и торжествъ православія» (204 л.).

III-й томъ: «О дѣйствіяхъ, успѣхахъ за православіе, за церковь, вѣру Христову; посланіяхъ и писаніяхъ противъ ересей, тайныхъ обществъ всякихъ злыхъ антихристіанствъ, противъ нововведеній вредныхъ, духовнаго министерства, библейскаго общества, и о прочихъ обстоятельствахъ, служившихъ къ побѣдѣ по православію черезъ 1824-е лѣто» (л. 163).

Такимъ образомъ, рукописи эти представляютъ *автобіографію* Фотія, обнимающую періодъ времени отъ первоначальнаго воспитанія Фотія по 1825 годъ, слѣдовательно, по годъ смерти Александра I-го, заканчивающій и церковно-общественную дѣятельность самого Фотія. Изъ общаго заглавія рукописей уже видно, что Фотій не ограничивался только личнымъ жизнеописаніемъ, но обстоятельно излагалъ и современную ему эпоху съ ея дѣятелями.

Какъ увидимъ ниже, Фотій въ ту эпоху, когда онъ писалъ свою автобіографію, смотрѣлъ уже на себя, какъ на орудіе для высшихъ цѣлей Промысла, вызванное Провидѣніемъ для спасенія

погибающей Россіи, — какъ на посланника Божія, при чемъ сквозъ грубую хламиду личной приниженности и самоуничженія сквозила гордая самоувѣренность въ своей силѣ, неотразимой энергіи, даже умѣ (на чтѣ Фотій менѣ всего могъ имѣть притязанія) и нравственномъ превосходствѣ. Подъ такимъ самовозврѣніемъ совершенно естественно, что Фотій всякую мелочь возводитъ уже въ событіе и во всемъ видитъ «перстъ Божій», «призваніе свыше». Отдѣлить вполне плевелы отъ зерна тутъ довольно трудно; но тѣмъ не менѣ автобіографія разоблачаетъ передъ нами всю *систему* и махинаціи той партіи, которая является преобладающею въ послѣдній періодъ царствованія Александра I-го. Здѣсь съ рѣдкою откровенностію указаны всѣ *средства*, какими добивались своихъ цѣлей Фотій и его сподвижники и которыми они сѣмѣли опутать многихъ. Автобіографія начинается *введеніемъ*, въ которомъ излагаются мотивы труда, характеръ его и цѣль. Какъ и вся автобіографія, введеніе отличается напыщенностью, высокопарностью, которая особенно мало выжется съ предметомъ разсказа въ тѣхъ случаяхъ, когда Фотій впадаетъ въ довольно циническія описанія.

Авторъ говоритъ, что «горькое бытіе и слезное житіе свое», «по низкости и презрѣнности рода своего, онъ не рѣшился бы изобразить», но принялся за трудъ, уступая слезамъ ея свѣтлости, «слезамъ любви» дѣвицы, «сіяющей знатностію рода, имени, извѣстной всѣмъ вѣрою, благочестіемъ и святостію житія», — тутъ разумѣется гр. А. Орлова-Чесменская, составившая Фотію положеніе и силу своимъ влияніемъ. Далѣе авторъ излагаетъ характеръ своего жизнеописанія. Печальный тонъ его обуславливается печальною жизнью автора, который, впрочемъ, пишетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ и въ концѣ впадаетъ въ тонъ самоосужденія, признаваясь, что «ничего благаго» онъ не сотворилъ. Это однакоже не мѣшаетъ ему описывать всѣ мелочи и подробности даже своего младенчества. Далѣе идетъ «пролітіе слезъ горести» о многихъ скорбяхъ, испытанныхъ Фотіемъ, и, обращаясь къ «дѣвицѣ», авторъ говоритъ: «все опишу тебѣ и *собственно для тебя*, а не для кого-иного. Ты же, когда хочешь, держи его (Фотія) слезы, читай и вся *слава на сердцѣ своемъ*». О слезахъ говорится на трехъ страницахъ; далѣе излагается, что при слезахъ, Фотій «Христа ради за вѣру и св. церковь много пріялъ искушеній и скорбей до конца житія своего на земли». Но въ заключеніи самоуничженіе уступаетъ мѣсто самоувѣию. «Подробно всего, говоритъ онъ, описать не возможно, такъ мною въ его жителствѣ было *достонамѣнаю и великаю*»; и даже заяв-

ляетъ, что «угодна душа его была Богу». Итакъ, по собственному признанію, Фотій не только *замѣчательный* человѣкъ, жизнь котораго переполнена великими и достопамятными событіями, но и *праведникъ*...

Вторымъ источникомъ для насъ служило единственное «Собраніе актовъ и документовъ революціонныхъ и другихъ бумагъ въ копіяхъ, которыя были въ дѣйстви противъ еретиковъ и отступниковъ во время дѣйствованія арх. Фотія за церковь православленную въ 1822, 1824, 1825 и 1826 гг. и прочія времена. Оныя бумаги заключаютъ въ себѣ или ереси и нечестіе, или опроверженіе и были представлены при особыхъ посланіяхъ и представленіяхъ на Высочайшее усмотрѣніе». Рукон. въ листъ, въ 2-хъ большихъ томахъ, съ надп. на переплетѣ «Повѣствованіе А. Ф.» съ помѣтами самого автора въ текстѣ и на поляхъ. Въ *первой* книгѣ 46 документовъ на 166 листахъ; во *второй* книгѣ 38 документовъ на 283 листахъ. Роскошный сафьянный переплетъ украшенъ золотыми тисненіями, какъ и другіе томы.

Авторъ говоритъ, что «здѣсь собрано было *все*, что возможно было собрать для изображенія великой борьбы съ духомъ времени, въ подлинныхъ бумагахъ и отчасти въ копіяхъ, такъ какъ подлинныя бумаги представлялись государю и оставались въ его тайномъ кабинетѣ». Въ бумагахъ, впрочемъ, нѣтъ опредѣленной системы, даже хронологія ихъ не выдержана. Собраніе это можно признать драгоценнымъ и единственнымъ, такъ какъ доселѣ только немногія изъ находящихся здѣсь документовъ появились въ печати, а между тѣмъ они заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для характеристики не только Фотія и его дѣла, но и всей эпохи. Видна особая заботливость въ собирателѣ; всѣ бумаги очень четко и даже красиво переписаны, пересмотрѣны лично Фотіемъ, въ иныхъ мѣстахъ снабжены дополненіями и поправками. По всему видно было, что Фотій придавалъ особенную цѣнность этому собранію документовъ съ изложеніемъ той борьбы, въ которой принималъ онъ самое живое и дѣятельное участіе.

Третья рукопись носитъ названіе: «Сказаніе о жизни, трудахъ и успеніи Фотія», изъ воспоминаній келліарха юрьевской при Фотіѣ обители.

Имя автора сказанія неизвѣстно (конечно, въ документахъ Юрьева монастыря оно значитса). Вотъ что разсказывается въ рукописи объ ея авторѣ и его отношеніяхъ въ Фотію. Авторъ говоритъ о себѣ, что онъ изъ іеромонаховъ Соловецкаго монастыря. Неизвѣстно, что его привлекло въ Москву; но здѣсь,

«бывъ наслышавъ о подвигахъ и добродѣтельной жизни» Фотія, онъ захотѣлъ повидѣть его и даже временно пріютиться подъ его кровомъ. Дѣло было осенью; іеромонахъ, взявъ съ собою спутникомъ іеродіакона, отправился въ путь и едва добрался до обители 5 окт. 1829 г., больной, утомленный.

Въ монастырѣ онъ повстрѣчалъ Фотія, «который былъ одѣтъ въ двухъ шубахъ, въ бобровой на головѣ шапкѣ, съ длинными ушами, въ рукахъ имѣлъ дубовый востыль, на ногахъ валопы». «Кто ты такой и откуда?»—спросилъ Фотій,—зачѣмъ пришелъ? Когда старецъ объяснилъ то и другое и просилъ благословенія, то Фотій «вмѣсто благословенія, взявши меня за рукавъ, — пишетъ авторъ «Сказанія»,—повернулъ обратно къ дверямъ и сказалъ: «голодныхъ не благословляютъ». Спутника же его благословилъ. Старикъ говоритъ, что онъ дѣйствительно съ болѣзни и съ дороги отоцалъ, и слова Фотія принялъ за проворливость, только одежда Фотія ему показалась «странною».—Обоихъ путниковъ пріютилъ уже настоятель; но іеродіаконъ такъ озадачилъ пріемъ Фотія, что онъ не согласился остаться въ монастырѣ: «что мнѣ дѣлать у такого сумасшедшаго (т.-е. настоятеля)? — сказалъ онъ—и отправился во-свояси. А больной іеромонахъ остался и вечеромъ былъ принятъ ласково Фотіемъ, который, узнавъ о его болѣзни, велѣлъ дать ему поудобнѣе келію и даже предложилъ своего врача (Соколовскаго). Старикъ совсѣмъ захворалъ и долго былъ между жизнью и смертью. Фотій далъ ему прислугу, провѣдывалъ его самъ и присылалъ пищу отъ своего стола. Когда старикъ началъ выздоравливать, ему предложили подписать написанную по распоряженію Фотія отъ имени іеромонаха бумагу, съ просьбой о принятіи въ число братства юрьевской обители навсегда. «Будучи столько облагодѣтельствованъ, — пишетъ авторъ «Сказанія» — не могъ я и подумать, чтобы не подписать прошенія», тѣмъ болѣе, что и ранѣе «въ душѣ считалъ Фотія необыкновеннымъ человѣкомъ». Такъ и остался онъ въ монастырѣ, гдѣ по выздоровленіи былъ поставленъ келіархомъ, потомъ уставщикомъ, а наконецъ и духовникомъ, причемъ онъ сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ и довѣреннымъ лицомъ Фотія, у котораго онъ постоянно бывалъ, «а особенно вечеромъ съ рапортованіями», причемъ иногда оставался ужинать у Фотія съ другими довѣренными лицами.

Такимъ образомъ, авторъ «Сказанія» былъ очень близокъ къ Фотію, зналъ всю его домашнюю жизнь, и въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ довѣрія; но въ то же время онъ самъ откровенно заявляетъ, что смотрѣлъ на Фотія какъ на человѣка не-

обыкновеннаго и даже праведнаго. Очень естественно, что темныя стороны жизни Фотія не могли найти себѣ мѣсто въ «Сказаніи», а потому односторонность и неполнота его очевидны. Тѣмъ не менѣе нѣтъ повода заподозривать истинность разсказа очевидца о томъ, что онъ самъ зналъ и записалъ. Все передаваемое въ «Сказаніи» согласно съ тѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ Фотія, объ его духѣ и дѣятельности изъ другихъ источниковъ; съ другой стороны, простодушный тонъ разсказа и его очевидная непосредственность ручаются за его искренность и правду. Рукопись написана скорописью и довольно безграмотно; по видимому, писатель ея былъ не изъ ученыхъ и писалъ «Сказаніе» для себя — въ назиданіе и память. «Сказаніе» келліарха обнимаетъ жизнь Фотія съ 1829 г. по самую его смерть.

Слѣдующая затѣмъ рукопись, которою мы пользовались, составляетъ особый томъ подъ заглавіемъ: «Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія, епископа пензенскаго, скончавшагося въ Божѣ 1819 г., написанное ученикомъ его духовнымъ и сыномъ, очевидцемъ *Фотіемъ* въ 1821 г.».

Рукопись эта (въ листъ) заключаетъ въ себѣ 59 листовъ, и важна въ томъ отношеніи, что выясняетъ отношенія Иннокентія къ Фотію.

Наконецъ, у насъ было подъ руками также рукописное «Огласительное Богословіе», составленное Фотіемъ, какъ учебное пособие, въ бытность его законоучителемъ во II-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Всѣмъ извѣстно то религіозно-нравственное мистическое движеніе, которымъ ознаменовалась вторая половина царствованія императора Александра I-го. Что вызвало это движеніе? Въ чемъ заключалось существо его и *цѣли*? Чѣмъ оно окончилось и какіе плоды принесло?—вотъ вопросы, на которыхъ намъ необходимо остановиться хотя въ краткомъ очеркѣ, прежде нежели мы перейдемъ къ ближайшему предмету настоящаго труда. Отвѣтъ на эти вопросы важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что рѣшеніемъ ихъ опредѣляется не только то положеніе, какое Фотій занималъ въ этомъ движеніи, но и причины, вызвавшія борьбу противъ такъ-называемаго «духа времени» той эпохи.

Западно-европейскій мистицизмъ до 1815 г. имѣлъ уже свою исторію, и мы только примкнули къ ней въ эпоху Александра. Какъ будто утомленное крайностями матеріалистическихъ теорій и тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, какое вызвано было французскою революціей и закончилось общеевропейскою войною, европейское общество отдалось съ увлеченіемъ вліянію библей-

скаго пієтизма и мистицизма. Это была естественная реакція отрицательнымъ доктринамъ, которыя господствовали до того времени въ сознаніи общества. Аналогичное съ этимъ явленіе должно было произойти и у насъ. Увлеченіе Вольтеромъ уступило мѣсто вліянію мистицизма. Разумѣется, все это движеніе касалось только высшихъ, образованныхъ слоевъ общества, такъ какъ масса народа русскаго коснѣла въ негѣжествѣ. Можно сказать, что для подобной реакціи въ нашемъ образованномъ тогдашнемъ обществѣ были положены основанія еще раньше. Уже Новиковъ и его школа стали на почву религіозныхъ и нравственно-практическихъ интересовъ, съ отбѣнкомъ пієтизма и мистицизма. Лавининъ и Лопухинъ были послѣдователями Новикова и продолжателями его дѣла. Такимъ образомъ, мистицизмъ александровской эпохи является какъ реакція увлеченію отрицательно-матеріалистическими доктринами предыдущей эпохи и стоитъ въ связи съ подобнымъ же движеніемъ въ западно-европейскомъ обществѣ. Но у насъ были и другія, ближайшія причины этого движенія.

Начало царствованія Александра I-го, послѣ предшествующей ему эпохи, составляло эпоху возрожденія, пробужденія лучшихъ силъ Россіи того времени. Воспитавшись подъ вліяніемъ Екатерины Великой, при руководствѣ истинно-просвѣщенныхъ наставниковъ, проникнутый идеями гуманности, свободы, Александръ обѣщалъ и далъ Россіи свѣтлую эпоху внутренняго обновленія. Въ первые 12 лѣтъ сдѣлано было не мало на пользу общества: преобразованы старыя и основаны новыя (харьковскій и казанскій) университеты, возстановленъ дерптскій университетъ (6 янв. 1802 г.); въ Ярославлѣ открытъ лицей, въ Петербургѣ педагогическій институтъ, въ Москвѣ — екатерининскій, въ Царскомъ Селѣ — основанъ лицей; данъ новый регламентъ академіи наукъ, преобразована академія художествъ, учреждена Публичная бібліотека, преобразованы среднія духовно-учебныя заведенія (1808 г.), с.-петербургская духовная академія (1809); положены новыя основанія для дѣла народнаго образованія; учреждены министерства; сдѣлана была даже попытка освобожденія крестьянъ (свободные хлѣбопашцы 20 февр. 1803 г.); даны новыя льготы печатному слову. Подъ вліяніемъ этого духа реформъ, общество пробудилось, ожило, и когда настало великое испытаніе для Россіи въ 1812 г., она съ честью и достоинствомъ выдержала его. Между тѣмъ, съ 1815 г. замѣчается въ Александрѣ I охлажденіе въ начатому дѣлу внутреннихъ преобразованій; замѣчается стѣсненіе того духа свободы, который еще недавно служилъ основой и характеромъ эпохи. Чѣмъ болѣе стѣснялось проявленіе духа сво-

боды, блѣднѣли интересы общественныя, ограничивалось печатное слово, тѣмъ сильнѣе сосредоточивались симпатіи мыслящаго общества на вопросахъ морали и религіи, куда не могло проникнуть никакое давящее и ограничивающее вліяніе. Направленіе это усиливалось тѣмъ болѣе, что находило себѣ поддержку въ высшихъ сферахъ и даже въ самомъ императорѣ. Такимъ образомъ, стѣсняемое въ своихъ внѣшнихъ стремленіяхъ и дѣятельности, русское образованное общество обращается къ внутреннему самосознанію и въ практическомъ рѣшеніи нравственно-религіозныхъ вопросовъ ищетъ себѣ исхода и успокоенія.

Не безъ вліянія на развитіе у насъ мистицизма была и народная война съ Наполеономъ. Послѣ страшныхъ потерь и опасеній, вопреки всѣмъ человѣческимъ замысламъ и расчетамъ, Россія была узѣнчана, какъ великая освободительница и примирительница Европы. Не только народъ, но и государь самъ видѣли въ этомъ непостижимые пути Промысла. Россія дано было тяжкое искушеніе, и когда она его вынесла, Провидѣніе вѣнчало ее славою. Современное общество не могло не видѣть здѣсь сверхъестественной, таинственной силы, которая посмѣивается человѣческимъ расчетамъ, избираетъ себѣ сосудъ свудельный и караетъ безбожіе въ его источникѣ. «Буря матажа разрушила престолъ царя и алтари Христовы» во Франціи, которая думала овладѣть всѣмъ міромъ. Смиренная избранница Божія—Россія, съ «кроткимъ ангеломъ» во главѣ, «разнесла и унизила гордыню безбожія». Народъ смотрѣлъ на Наполеона—какъ на антихриста, на Александра—какъ на избавителя. Самъ государь смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе Провидѣнія, и мистическое чувство, подѣ вліяніемъ всемірно-исторической роли, выпавшей на долю Благословеннаго, глубоко запало въ его душу. Настроеніе это сообщалось всему образованному русскому тогдашнему обществу и усиливало то мистико-религіозное движеніе, которое вызывалось уже и другими условіями тогдашней русской жизни.

Не менѣе существенною причиною возникновенія у насъ мистицизма въ эпоху Александра I-го слѣдуетъ признать также холодный формализмъ тогдашней церкви. Обрядовая сторона, выполненіе внѣшнихъ требованій богопочтенія, особенно постовъ, нарушеніе которыхъ считалось преступленіемъ, наконецъ, неподвижность и замкнутость ученія вѣры и нравственности, исключившія всякую свободу мысли, все это не могло удовлетворить пробудившуюся мысль общества. Утомленное формализмомъ и жаждавшее внутренняго возрожденія, свѣтское образованное общество обратилось отъ внѣшней обрядности церковной жизни къ

существо религіи, къ непосредственному общенію и воссоединенію съ Богомъ,—что и составляетъ существо мистицизма. На первый планъ выдвинулись чисто-нравственные интересы, исканіе истины, свѣта, правды жизни. Идея церкви, освободившись отъ замѣнутыхъ формъ, расширилась, обезразличилась въ смыслѣ вѣроисповѣдномъ и приняла чисто субъективную основу, дававшую широкій просторъ личности въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Одна крайность вызвала другую, неподвижная замѣнутость формъ церковной жизни перешла въ полное ихъ отрицаніе. Вотъ почему мистицизмъ въ церковномъ отношеніи представлялъ у насъ своего рода реакцію односторонности церковнаго формализма.

Въ чемъ же заключалось существо и цѣль мистическаго движенія при Александрѣ I-мъ?

Довольно трудно вратко охарактеризовать все мистическое наше движеніе, такъ какъ оно представляло много сторонъ и разныхъ направленій. Собственно *мистицизмъ* есть религіозно-философское ученіе, которое признаетъ источникомъ и утвержденіемъ достовѣрности истиннаго познанія непосредственное созерцаніе или внутреннее чувство. Таково общее начало мистики. Разсудочная дѣятельность, методическая послѣдовательность сужденій, логическая строгость выводовъ, вообще научное изслѣдованіе уступаетъ мѣсто чувству и воображенію. Отсюда само-собой понятно, что *субъективизмъ* составляетъ основной характеръ мистицизма. *Созерцаніе* составляетъ основную форму мистическаго отроченія. Но такъ какъ созерцаніе требуетъ полной свободы созерцающаго, отрѣшенія его отъ условій чувственныхъ, то отсюда рождается въ мистикѣ *экстазъ* (ἐκστασις), какъ-бы выходъ созерцающаго духа изъ матеріальныхъ обиденныхъ предѣловъ бытія, причемъ духъ не только входитъ въ соприкосновеніе, но даже сливается съ безконечнымъ существомъ. Въ этомъ состояніи мистика думаетъ созерцать истину прямо, непосредственно, какъ мы видимъ глазами предметы міра вещественнаго. Въ примѣненіи къ религіи мистицизмъ представляетъ не столько доктрину, сколько дѣло жизни; однако и здѣсь въ немъ являются тѣ же элементы, что и въ мистикѣ философской. Сущность религіознаго мистицизма состоитъ во внутреннемъ общеніи съ божествомъ, внѣ всякихъ условныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ; цѣль же его—*возсоединеніе* человѣка съ Богомъ, *возрожденіе* внутреннего существа человѣка, во всей его первоначальной чистотѣ. Это возрожденіе путемъ созерцанія составляетъ существенный догматъ мистики. Самый процессъ возрожденія имѣетъ свои *степени*, соотвѣтственно которымъ и мистическія сеты раздѣляли своихъ

адептовъ. Такъ какъ возрожденіе и истинное поклоненіе Богу, истинное христіанство и истинная церковь, по ученію мистиковъ, должно быть понимаемо въ духѣ и силѣ, во внутреннемъ значеніи, то съ мистической точки зрѣнія исчезаютъ и уничтожаются всѣ вѣроисповѣдныя различія, церковь обезразличивается. Общее единство всѣхъ христіанъ дѣлается возможнымъ даже при догматическихъ разностяхъ вѣроученія. «У Спасителя,—говоритъ органъ русскаго мистицизма,—мы не найдемъ никакихъ толковъ о догматахъ, а однѣ практическія аксіомы. Христосъ не требовать, чтобы всѣ право мыслили, но чтобы всѣ право поступали». Итакъ, мистическая церковь объемлетъ всѣ церкви христіанскія; очевидно, что самое понятіе «*православія*» утрачивало при этомъ свой смыслъ и значеніе. Отсюда же вытекало и отрицаніе *отпущеній* церкви. Духовно возрожденные живутъ во Христѣ и молитвенный домъ ихъ — въ сердцѣ. Возрожденный творить добро силою духа обновленія, живущаго въ немъ. Имѣя непосредственное отношеніе съ божествомъ, человѣкъ не нуждается ни въ какомъ вѣншнемъ посредствѣ, слѣдовательно, *іерархія* церкви есть нѣчто совершенно излишнее, для спасенія не-
нужное.

Таковы существенныя основанія и цѣли того мистицизма, который съ чрезвычайнымъ успѣхомъ распространялся въ образованномъ обществѣ эпохи Александра I-го. Въ частностяхъ и практическихъ сторонахъ приложенія этого ученія были, конечно, различія у разныхъ сектъ, но основа у всѣхъ была общая. Между прочимъ, въ нѣкоторыхъ сектахъ (напр., въ «кораблѣ», на радѣніяхъ у Татариновой) преобладалъ экстазъ и притомъ въ грубо-чувственной формѣ; другія сосредоточивались на внутреннемъ соверщеніи.

Не слѣдуетъ забывать, что между лицами, сочувствовавшими мистицизму, находились люди высокаго образованія и положенія, каковы: Сперанскій, кн. Голицынъ, Филаретъ и др. Конечно, въ пониманіи этихъ лицъ мистицизмъ являлся свободнымъ отъ той односторонности, въ какую впадали послѣдователи его менѣе просвѣщенные. Въ понятіяхъ лучшихъ представителей мистицизма направленіе это являлось чисто нравственною системою, которая не исключала идеи православія и церкви. Характеристикою такого пониманія мистики могутъ служить воззрѣнія Сперанскаго, обладавшаго положительнымъ и глубокимъ умомъ, обширными познаніями и опытомъ жизни. Въ письмахъ къ Словцову (1813 г.) Сперанскій, такъ характеризуетъ главные моменты возрожденія водою, духомъ и огнемъ:

«Путь самоиспытанія (очищенія водою, путь Іоанна Предтечи) есть приготовленіе къ возрожденію. Затѣмъ начинается *путь просвѣщенія или креста*. Начатки (духовной жизни во Христѣ) бываютъ слабы. Христосъ рождается въ асляхъ, отъ бѣдной, горькой Маріи. Однѣ высшія, *духовныя* силы нашего бытія, ангелы и мудрые востока, знаютъ небесное Его достоинство: могутъ однако же и низшія душевныя силы, пастыри, ощутить сіе рожденіе, если она бдѣть и примѣчаютъ. Примѣчайте: всякая добрая мысль, всякое доброе движеніе волн есть и движеніе Христово. *Безъ Мене не можете творити ничесоже*. По мѣрѣ того, какъ вы будете примѣчать въ себѣ сіи движенія и относить ихъ къ Христу, въ васъ дѣйствующему, Онъ будетъ въ васъ возрастать и, наконецъ, вы достигнете того счастливаго мгновенія, когда въ состояніи будете ощущать Его съ такою живостію, съ такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ въ дѣйствительномъ Его пришествіи, что съ непостижимою радостію скажете: такъ точно, это Онъ, Господь мой и Богъ мой».

Говоря далѣе о царствіи Божіемъ внутри насъ, Сперанскій изъясняетъ, что оно наступаетъ, когда человѣкъ оставляетъ всѣ разсужденія ума и чувствуетъ потребность созерцать божественное:

„Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ, помимо всякихъ образовъ, всякаго размысленія, всякаго ощутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ: не думаешь ни о чемъ; умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ, представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ—потому, что оно безусловно и что оно не опирается ни на что въ особенности. Тогда-то вступаемъ въ сумракъ *экстаза*. Тогда-то не знаемъ болѣе ничего и ждемъ вѣчнаго свѣта непосредственно свыше, и если упорствуемъ въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ этотъ нисходитъ и царствіе Божіе раскрывается. Но что же такое царствіе Божіе, въ чемъ состоитъ оно? Никто не можетъ ни описать вамъ его, ни дать о немъ понятія. Его чувствуешь, но оно несообщимо.

«Въ этомъ-то состояніи начинаетъ раскрываться *внутреннее слово*; это-то состояніе собственно называется состояніемъ благодати. Это состояніе служитъ исходомъ ученію Іисуса Христа и лишь это состояніе Онъ пришелъ возвѣстить и уготовить намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою), составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ путь, но не есть путь.

«Это же состояніе называется собственно *мистическимъ боюсловіемъ*. Это не книжное ученіе. Наставникъ въ немъ самъ Богъ и Онъ сообщаетъ свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ и способомъ, который невозможно объяснить словами».

Сообразно съ этимъ путемъ къ единенію съ божествомъ, Сперанскій опредѣляетъ и три вида молитвы: *словесная, умная, созерцательная* (безъ словъ и мысли). «Отцы восточные, — говорить онъ, — называли это состояніе безмолвіемъ, а западные — *suspension des facultés de l'ame*».

О мистическомъ экстазѣ въ грубо-чувственной формѣ Сперан-

скій отзывался строго, называлъ его вреднымъ и требующимъ подавленія, а экстаиковъ—бѣснующимися. «Духовные отцы, — пишетъ онъ—никогда не позволяли себѣ ни трясеній, ни экстаиковъ, вещей порядка низшаго, которыя мы и должны подавлять». Не одобрялъ онъ видѣній и пророчествъ. Объ образованіи всемірной внутренней церкви Сперанскій пишетъ: «Стихійная мудрость составила себѣ какую-то философско-теософо-христіанскую метафизику, вообразила себѣ, что она открыла какой-то путь къ истинѣ, удобнѣйшій и чистѣйшій, нежели тотъ, который представляетъ намъ церковь съ ея установленіями. Заблужденіе гордое и плачевное».

Мы съ цѣлю привели эти воззрѣнія послѣдователей мистики высшаго порядка. При сужденіи о мистическомъ движеніи необходимо имѣть въ виду не только общія основанія его, но и разности воззрѣній и цѣлей его участниковъ. Въ то время какъ одни стремились создать новую церковь, замѣнить православіе всемірною религіей, отвергнуть іерархію и весь чинъ церковный, другіе останавливались на идеѣ внутренняго возрожденія и нравственнаго совершенства, пребывая въ согласіи съ церковію. Опустивъ изъ виду это обстоятельство, нельзя было бы изъяснить возможность сочувствія мистическому движенію такихъ лицъ, какъ Платовъ, Филаретъ.

Не вдаваясь въ пространныя разсужденія, выскажемъ въ заключеніе тѣ результаты, какіе имѣло мистическое движеніе.

Мистицизмъ, какъ мы видѣли, служилъ *реакціей* религіозному индифферентизму и увлеченію доктринами французскаго энциклопедизма; сосредоточиваясь на внутреннемъ возрожденіи чловѣка, мистическое направленіе выдвинуло на первый планъ въ общественномъ сознаніи *интересы религіозно-нравственные*. Кромѣ того, мистицизмъ содѣйствовалъ сознанію односторонности и крайности *обрядоваго благочестія*, содѣйствовалъ обнаруженію мертвенности, застою и замкнутости религіознаго формализма, чѣмъ страдала тогдашняя наша церковная жизнь. Обращая сознаніе общества къ нравственно-практическимъ интересамъ жизни, мистическое направленіе содѣйствовало пробужденію въ обществѣ *филантропической и просвѣтительной инициативы*, послѣдствіемъ чего явилось учрежденіе школъ и благотворительныхъ учреждений. Опираясь въ своихъ началахъ на библію, мистическое направленіе, посредствомъ библейскихъ обществъ, содѣйствовало *распространенію* св. писанія въ народныхъ массахъ, возбуждало мысль о *переводѣ св. книгъ* на современный языкъ и даже сдѣлало первый опытъ такого перевода. Возводя всѣ религіи хри-

христiанскіа въ единствѣ общей ихъ нравственной основы, мистицизмъ содѣйствовалъ усвоенію нашимъ обществомъ идеи *строгости* и вообще болѣе снисходительному взгляду на христiанскіа вѣроисповѣданія и секты. Особенною заслугою мистицизма слѣдуетъ считать переводъ и всеобщее распространеніе библіи. До того времени источникъ вѣры былъ почти неизвѣстенъ для общества. «Если кто и не презиралъ библіи вовсе, — пишетъ одинъ изъ участниковъ новаго движенія, — то, по крайней мѣрѣ, почиталъ ее книгою только для церкви потребною и для поповъ однихъ годною, никто въ чтенію ея не увѣщевалъ и не предполагалъ, что библіа служить даже и къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самыя набожныя люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія сей священной книги люди съ ума сходятъ».

Но мистицизмъ принесъ и другіе плоды.

Субъективно-религіозное воодушевленіе, не сдерживаемое ничѣмъ, часто переходило въ экзальтацію, въ ханжество, въ лицемѣріе; породило грубый тѣлесный экстазъ и выродилось въ сектанское изуверство (хлыстовщина). Опираясь на чувство и усвоивъ главную роль въ религіозномъ возрожденіи созерцанію, мистицизмъ ослаблялъ значеніе и роль сознанія и разума въ дѣлѣ вѣры и нравственной жизни. Наконецъ, сосредоточивая интересы общества на благочестивыхъ упражненіяхъ и мистическихъ созерцаніяхъ, мистицизмъ отвлекалъ сознаніе общества отъ насущныхъ интересовъ жизни, отъ правильнаго ея благоустройства.

Принято считать, что главная и рѣшительная роль въ борьбѣ, поднятой противъ мистицизма, принадлежала Фотію. Въ извѣстной степени это вѣрно. Онъ дѣйствительно на своихъ плечахъ вынесъ первые и самыя опасныя моменты этой борьбы; но въ то же время самъ Фотій опирался на другія силы. Фотій является какъ представитель ультра-консервативной церковной партіи, за нимъ стояло остальное духовенство. Но борьба, начавшаяся на почвѣ религіозной, скоро получила политическій отбѣнокъ, причемъ выступила реакціонная придворная партія: Аракчеевъ, Шишковъ и Магницкій. Вопросъ шелъ уже не о крайностяхъ пѣтизма, а о спасеніи государства отъ «революціи, въ тайнѣ дѣмой», — о томъ, чтобы захватить, сжать и затормозить движеніе пробудившейся мысли, общественнаго сознанія и реформъ. Извѣстная исторія преслѣдованій въ петербургскомъ университетѣ, причемъ пострадали профессора: Галичъ, Раупахъ, Германъ и другіе, ясно свидѣтельствуетъ, — чего хотѣла и чѣмъ задалась реакція. Представителямъ науки приходилось выдержать тяжелую борьбу за

мысль, за науку. «Это не была борьба съ государственными преградами, замѣчаетъ покойный Никитенко, — государство, само вызвавшее новое движеніе, обязанное ему своими лучшими успѣхами и блескомъ, было, напротивъ того, его опорой и охранителемъ. То не была борьба и съ обществомъ: общество врожденными ему наклонностями и инстинктами вовлекалось неудержимо и быстро въ потокъ новыхъ идей. Это была борьба съ тѣми *темными силами*, которыя, какъ роковой и неизбежный продуктъ страстей человѣческихъ и эгоизма, таятся во всякомъ порядкѣ вещей и конхъ роль — задерживать и обращать, по возможности, вспять всякое естественное развитіе жизни, все разумное, что хочетъ и стремится сдѣлать шагъ впередъ къ лучшему для всѣхъ, насколько это позволено сомнительнымъ жребіемъ вещей человѣческихъ».

Какъ случилось, что религіозный протестъ противъ крайностей мистицизма перешелъ въ государственную реакцію, которая окончилась «аракчевщиной»? — Отвѣтъ читатели найдутъ въ статьѣ; здѣсь же замѣтимъ, что хотя борьба началась въ сферѣ религіозной, но дѣятели ея скоро убѣдились въ своемъ безсиліи на этой почвѣ. Само духовенство далеко не все раздѣляло мнѣнія и вражду озлобленныхъ враговъ мистицизма; если такія лица, какъ Филаретъ и Евгеній, высказывали свое сочувствіе нравственному движенію современнаго имъ общества, то масса естественно оставалась совершенно безучастною къ борьбѣ. Оставаясь одинокими, возбудители борьбы видѣли, что ничего не добьются, иди прямымъ путемъ. Тогда они не задумались привлечь своихъ противниковъ къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ въ политической неблагонадежности. Фотій въ этомъ отношеніи превзошелъ самаго рьянаго сыщика. Онъ не только не хотѣлъ вникнуть въ существо новаго движенія, не только не допускалъ въ немъ никакой искренности, но совершенно произвольно искажалъ мнѣнія противниковъ, навязывалъ имъ собственные замыслы, перетолковывалъ и комментировалъ ихъ слова въ смыслѣ революціонномъ; въ мистическихъ созерцаніяхъ онъ сумѣлъ отыскать «адскій планъ», «замыслы тайной революціи», «замышленную пагубу Россіи» и даже замыслы противъ государя; въ учрежденіи библейскаго общества открылъ — «намѣреніе составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то республику и одну религію» и т. д. Когда борьбѣ данъ былъ такой оборотъ, и когда заявила надежда на успѣхъ, то къ ней примкнули всѣ темныя силы, которыя и утилизировали фанатическаго монаха въ свою пользу, хотя достигнувъ цѣли, онъ отступился отъ него. Но дѣло было

сдѣлано: реакція овладѣла полемъ битвы, и мрачнымъ туманомъ заволокло горизонтъ царствованія, которое началось такъ свѣтло и отрадно.

I.

Въ автобіографіи Фотій описываетъ свое рожденіе до мелочныхъ подробностей, причемъ въ разсказѣ его встрѣчается много курьезнаго, а иногда грязнаго, и несмотря на высокопарный тонъ, разсказъ по временамъ вызываетъ невольную улыбку. Вотъ начало автобіографіи: «Отъ сотворенія всея твари и первозданнаго Адама, при обращеніи индиктіона 14, лѣта 7300, отъ воплощенія Бога-Слова 1792, индикта 10, въ кругъ солнца 20, а луны 4, іюня 7 дня, въ воскресенье, въ царствованіе Екатерины II, новгородскаго уѣзда спасскаго погоста, у чтеца Никиты родися сынъ Петръ. Рожденіе же его бысть тако...» ¹⁾.

Дѣдъ Петра «отставной чтець» Феодоръ, по признанію Фотія, очень долго «одержимъ былъ недугомъ лютымъ *отъ бѣса*, что называютъ врачи падучею болѣзнію, по невѣрію своему». Падучая болѣзнь сломила старика. Смерть его совпала съ временемъ рожденія Петра. Мать въ хлопотахъ и въ горѣ, чувствуя приближающіяся муки родовъ, «ради множества гостей въ домѣ, для совершеннаго своего сокрытія отъ очей всѣхъ, изыде тайно изъ дому и сокрылась въ скотскій хлѣвъ во дворѣ своемъ», — гдѣ и произвела на свѣтъ Петра, будущаго Фотія. Самое рожденіе свое Фотій описываетъ такимъ образомъ. «Евфимія (мать), не вѣдая, како отъ болѣзней рожденія избавиться, и скорѣе родити ей, повѣсила веревку во хлѣвѣ, сдѣлала изъ нея петлю, и чрево увязавъ, хотѣла тако висѣщи, помощь сдѣлать своему рожденію; на сей часъ мукъ родити хотѣющія подоспѣла Марія тетка (исторію и положеніе которой въ домѣ пространно описываетъ Фотій), и видящи дѣло странное, но не зная, что сіе есть, почто матеръ въ веревкѣ вѣшается, въ ужасѣ спасая ее, какъ отъ бѣды, схватила ее, матеръ его, въ объятія свои, исторгая отъ веревки, и

¹⁾ *Автобіографія*, л. 1. — Фотій, до монашества, въ мірѣ былъ Петромъ. Точное обозначеніе года рожденія Фотія въ рукописи разсѣиваетъ всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. О разнорѣчіи мнѣній объ этомъ см. ст. г. Попова о Фотіѣ въ „Трудахъ Кіевской академіи“ 1875 г. за іюнь. Стр. 698. Между прочимъ г. Поповъ, поправивъ другихъ, самъ впадаетъ въ крупную ошибку, полагая, что Фотій родился въ день смерти *отца* своего Никиты. Умеръ же въ ту пору *дѣдъ* Фотія — Феодоръ, „отставной чтець“; а Никита еще разъ женился, по смерти матери Фотія, на второй женѣ.

въ той часъ родился отъ утробы матери младенецъ, изшедъ изъ нея» ¹⁾. Фотій отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что «младенецъ положенъ былъ на соломѣ»... Затѣмъ часу въ 3-мъ попоудни того же дня мать Евфимія еще родила сына.

Уже здѣсь Фотій отмѣчаетъ и описываетъ «знаменіе и печать дивнаго на младенцѣ», то-есть на себѣ, когда онъ лежалъ въ хлѣвѣ, на соломѣ.

«Тогда солнце сіяло въ оконце хлѣва и прямо на него (на Петра), лежащаго на соломѣ младенца лучи облиставало. Десная же рука его была поднята повыше главы его, и три ея первые персты были сложены, яко же есть обычай крестъ слагать и молиться: хотя десницу оную отнимая отъ главы, какъ слѣдуетъ полагали, но послѣ паки десница тако была, поднималась, какъ бы вѣмъ тайно держама, со сложеніемъ крѣ(е)ста, по образу того, кто даетъ присягу въ вѣрности и клянется живущимъ на небесѣхъ» ²⁾.

Далѣе описывается перебранка между родными по поводу столь оригинальнаго появленія на свѣтъ Петра; чтó въ этомъ фактѣ любопытнаго нашелъ Фотій, не извѣстно. Дѣло въ томъ, что въ хлѣвѣ прибѣжала «попадья Евдокія», и усмотрѣвъ, что младенецъ «очи имѣетъ отверсты и на солнце зрѣть», нашла это непристойнымъ, стала прорекать недобрую судьбу малюткѣ, чтó обидѣло мать; а «тетка Марья плюнула на сін слова хульныя жены сея дерзкія и рекла: «Что ты суесловишь, *развѣ ты была у Бога на умѣ?*» ³⁾. Тѣмъ и сразила соперницу. По всему видно, «тетка Марья», которая бѣлье стирала въ домѣ и занималась хозяйствомъ, была женщина бойкая. Другіе при этомъ находили зловѣщимъ, что ребенокъ явился на свѣтъ въ день похоронъ. Знаменіе здѣсь самъ Фотій видитъ то, что отъ дня рожденія онъ призванъ былъ терпѣть скорбь и поруганіе, и при этомъ замѣчаетъ, что когда «мати носила Петра во чревѣ своемъ, весьма сохраняла себя, *часто чрево свое и зачатіе съ немъ крестила рукою своею, когда чувствовала внутри озыраніе или болѣзнь*».

На 4-мъ году Петръ потерялъ мать; она умерла, преподавъ дѣтямъ благословеніе, обширно излагаемое Фотіемъ съ обычнымъ паѳосомъ, причѣмъ Петръ «у одра матери, видѣвъ видѣнія сіянія, благоуханія и сладости, мнилъ, что святая есть мати его». Во-

¹⁾ Тж, I, г. 3.

²⁾ Тж, на оборотѣ.

³⁾ Тж, I, г. 4, на обор. Въ своихъ письмахъ Фотій описываетъ эту тетку женщиною доброю (см. „Рус. Арх.“ 1871 г. Письма Фотія). Впрочемъ, Фотій и описанную перебранку не считаетъ предосудительною.

обще Фотій относился къ матери своей тепло. Черезъ годъ отецъ Фотія вступилъ во второй бракъ, причемъ мачиха привлекла сердце Петра, подаривъ ему «поясъ красный изъ волны овчей, простаго холста бѣлый платъ, по краямъ шить безъ цвѣтовъ крестиками красными». Мачиха была тиха и «трезвенна»; но, по всему видно, не могла замѣнить матери Петру.

Дома Петръ любилъ ходить въ церковь, причемъ ребенку нравилось, что священникъ давалъ ему просфору, о которой онъ думалъ, что ее даютъ не люди, а самъ Богъ посылаетъ. Впоследствии Фотій, принимая деньги отъ разныхъ дателей, всегда приговаривалъ, что хотя это люди прислали, но я-де считаю, что это ангелъ отъ Бога принесъ. Трудно рѣшить, осталась ли эта привычка относить къ Богу дары людскія у Фотія отъ дѣтства, или, напротивъ, самое дѣтство окрашено навыками и взглядами возраста старѣйшаго,—последнее вѣроятнѣе.

Скоро отецъ началъ учить Петра азбукѣ, грамота далась ему скоро. Училъ онъ церковный букварь, гдѣ ему особенно нравились «сім священныя и яко таинственныя слова: *Азъ, ангелъ, ангельскій* и т. д.; такъ что онъ и при играхъ ихъ твердилъ». Но отецъ Фотія былъ суровъ и часто «большія лозы съ собою приносилъ» и ими изгонялъ нерадѣніе, которымъ страдалъ юный Петръ. Вотъ какъ описываетъ Фотій педагогическіе приемы своего родителя.

«Отецъ, чѣмъ-либо приведенный въ ревность, схватывалъ Петра съ мѣста ученія отъ книги, *лаву между ногъ своихъ ущемилъ*, всего обнаживъ, таѣь налагивалъ жестоко, что единожды случилось едва до смерти не убили его безвинно. Кто когда видѣлъ сіе и старался отъ мученія его избавить, но отецъ того самого билъ во гнѣвъ и ярости» ¹⁾. Въ одну изъ такихъ катастрофъ подоспѣла храбрая «тетка Марья», бросилась на разсвирѣпѣваго отца, свалила его на полъ, выхвативъ изъ ногъ его ребенка, убѣжала въ избу и заперлась тамъ. Отецъ ломился въ двери, лѣзъ въ окна, но тетка пообѣщалась проломить ему голову «палицею» и тѣмъ спасла мальчика. Домашняя школа Петра была вообще сурова, а жизнь—неприглядна. Выучившись бойко славянской грамотѣ, мальчикъ читывалъ въ церкви. Этимъ и закончилось его домашнее образование.

Итакъ, съ перваго же дня рожденія, Фотій дѣйствительно попалъ въ самую неблагоприятную обстановку. Къ этому присоединялось печальное наслѣдство—слабый, хилый и крайне нервос-

¹⁾ Тж. I, 14 л., на обор.

ный организмъ. Дѣдъ Фотія, мы видѣли, былъ подверженъ паду-чей болѣзни, а отецъ страдалъ пьянствомъ; мать была слабая и болѣзненная. Съ раннихъ лѣтъ лишенный материнскихъ заботъ, окруженный грубою, бранчивою роднею сельскаго дьячка, нервный, болѣзненный ребенокъ скоро попалъ въ такую школу, которая довершила его органическое разстройство. Что касается религіознаго вліянія семьи на Фотія, на чемъ особенно настаиваютъ нѣкоторые изъ его жизнеописателей ¹⁾, то въ разсказѣ Фотія мы не находимъ ничего, что бы давало поводъ заключать, что вліяніе это было сильно. Правда, онъ говоритъ о видѣніяхъ и знаменіяхъ со дня самаго рожденія своего; но все это писалось уже на закатѣ дней и съ апологетическими цѣлями. Мать Фотія, повидимому, отличалась религіозностью, но не болѣе другихъ дьячковскихъ женъ, и при крайней заботности и неразвитости — не шла далѣе исполненія обрядовой стороны, притомъ же она умерла очень рано. Аскетизмъ и фанатизмъ Фотія развились въ немъ гораздо позднѣе; задавленная же бѣдностію, невѣжественная семья, во главѣ которой стоялъ отецъ — пьяница, полуграмотный дьячокъ, жесткій до свирѣпости, и мачиха, какъ увидимъ далѣе, далеко не высокой нравственности особа, никакъ не могли имѣть то могучее религіозно-нравственное вліяніе на Фотія, которымъ хотятъ изъяснить его послѣдующую аскетическую настроенность и религіозность. Изъ дальнѣйшаго разсказа это будетъ видно яснѣе.

II.

Бѣдность отца побудила отдать Петра, по совѣту и при содѣйствіи родственниковъ, въ пѣвчіе казанскаго собора въ Петербургъ. 10-ти-лѣтній хилый и нервный мальчикъ попалъ еще въ болѣе суровую школу, чѣмъ дома. Регентъ пѣвчихъ, по отзыву Фотія, былъ человѣкъ грубый и невѣжественный, «добраго обученія у него никакого не было», а билъ онъ пѣвчихъ исправно. «Когда, бывало, начнутъ обучать по нотѣ отрога Петра,

¹⁾ *Е. Пономъ*, Юрьевскій арх. Фотій и его дѣятельность. *Тр. К. Д. Акад.* 1875 г. Изв. 699. Между прочимъ, авторъ хочетъ видѣть черты религіозной настроенности семьи Фотія и въ томъ, что у него были сестры родины, «освященныя Богу дѣвы», пошедшія въ монастырь. Но дѣло было проще. Явленіе это нерѣдко повторяется, когда дочери причетниковъ за мужиковъ идти не хотятъ, а жениховъ своего сословія не имѣется. Старой же дѣвкѣ всегда льготнѣе жить на готовомъ и обеспеченномъ содержаніи въ монастырѣ, чѣмъ выносить бѣдность и попреки въ нищенствующей семьѣ, гдѣ иногда и хлѣба не хватало на прокормленіе.

старшіе пѣвчіе били его жестоко, ударъ удара жестокае ему дѣлали всегда въ голову. вмѣсто лозъ, за непонятіе, старшій пѣвчій стебломъ лозы билъ его по рукамъ около плечъ, и до того бывалъ, что опухоль покрывала руки, и боль получалъ онъ великую въ головѣ. Отрады не было ему никакой, однѣ угрозы были; учащій пѣвчій говорилъ ему: убью до смерти, если не будешь скоро понимать» ¹⁾).

Мальчикъ плакалъ, тосковалъ, совсѣмъ захирѣлъ въ побояхъ. Сюда присоединялись грязныя впечатлѣнія окружающей жизни. Регентъ со всею семьей жилъ вмѣстѣ съ учениками; а послѣдніе творили «неподобныя» дѣла. «Жили всѣ пѣвчіе безъ присмотра; старшіе предъ лицомъ младшихъ производили страшныя мерзости, безчинства, неистовства, вощунства всякія. Тотъ былъ въ похвалѣ между ними, который являлъ себя дерзновеннѣе въ порокахъ отроческихъ. Начальникъ, протоіерей собора, во всю бытность его никогда не былъ для надзора за пѣвчими, не посѣщалъ жилище ихъ» ²⁾. Изъ родственниковъ у Петра въ ту пору въ Петербургѣ былъ одинъ дьяконъ; но самъ онъ былъ бѣденъ, а жена его жила развратно, вслѣдствіе чего дѣти его бродили по городу и даже крали у торговцевъ «разныя снѣдныя вещи». Фотій описываетъ, что подобныя кражи бывали въ его глазахъ на прогулкѣ, такъ что и онъ боялся, чтобы его не схватили за соучастіе въ кражѣ съ дьяконовыми дѣтьми. Наконецъ, тетка увезла Петра, полубольного, домой.

Здѣсь онъ боялся сказать отцу, что не хочетъ возвращаться въ пѣвчіе, и просилъ отдать его туда, гдѣ ученіе лучше. Въ это время уже, по словамъ автобіографіи, мальчику зашла мысль о монашествѣ. По этому поводу авторъ рассказываетъ разныя невѣроятности, будто онъ уже на 6-мъ году, помышляя о спасеніи души, въ разговорѣ съ теткой, выразилъ желаніе идти въ монахи; затѣмъ, увидѣвъ разъ монаха, который не ѣлъ мяса, и спросилъ мать почему это, узналъ, что монахи ради спасенія постятся, — «сыты они и безъ мяса», что также произвело на него впечатлѣніе. Наконецъ, рассказывается, что въ чистый четвергъ на умовеніи ногъ было ему даже видѣніе ангеловъ въ видѣ монаховъ, которые, неизвѣстно зачѣмъ, откуда-то явились и сидѣли въ алтарѣ «въ безмолвіи». «Лица ихъ были покрыты чернымъ флеромъ, аки бы тонкими сѣтками, отъ главы и до персей»; «сѣткою сѣтки тонкія смотрять, никуда не смотрять, яко же

¹⁾ Тж., I, л., 16 на обор.

²⁾ Тж. I, л. 17.

прочіи человѣки, не говорятъ»; при этомъ отрокъ отъ нихъ ощущалъ «благовоніе исходящее». Но дальше авторъ самъ оставляетъ подѣ сомнѣніемъ,—были ли то люди, или ангелы ¹⁾). Неизвѣстно, плодъ ли это позднѣйшаго авторства, или дѣйствительно пѣвчій—ребенокъ, забитый и болѣзненный, страдалъ галлюцинаціями,—только авторъ придаетъ этому случаю тоже значеніе «перста». Впослѣдствіи, мы увидимъ, что для Петра галлюцинаціи были не рѣдкость. Дивная пѣвческая школа подорвала сильно здоровье Фотія. Побой въ ученіи и полная безпривѣтность дома, быть можетъ, всего болѣе вызывали въ мальчикѣ мысль «о тихомъ пристанищѣ». Житіе Фотія въ эту эпоху, по истинѣ, было существованіемъ между молотомъ и наковальней,—по неволѣ подумашь уйти куда-нибудь, хоть въ монастырь.

III.

Третья глава «Автобіографіи» Фотія представляетъ много интереса, независимо отъ ея автора, какъ живая картина, дающая намъ характеристику духовнаго образованія въ началѣ настоящаго вѣка. Картина эта набросана грубыми штрихами, но въ истинности ея нѣтъ основаній сомнѣваться.

Благодаря участию новгородскихъ помѣщиковъ Чогловыхъ, Фотій 1803 г. былъ помѣщенъ въ новгородскую духовную семинарію. Начальство приняло его благосклонно, чтó побудило отца его, по старому обычаю, преподнести отцу ректору «благодарственное приношеніе», въ видѣ большихъ рыбъ замороженныхъ, которыя величиною своею удивляли юнаго Петра. «Арх. Флавіанъ (ректоръ) благъ, милостивъ, но бѣденъ изъ щедроты, радъ былъ дару сему на случай праздника», и потомъ «всегда на отрока, какъ ангелъ Господень, взиралъ свѣтлымъ, кроткимъ лицемъ». Значить, мерзлыя рыбы свое дѣло сдѣлали.

Помѣстили Петра въ бурсу, въ тѣсноту. Койка его стояла у входныхъ дверей и его постоянно продувало вѣтромъ, чтó не мало его беспокоило. Порядками и «сеніоромъ» онъ былъ доволенъ; житіе же свое называетъ «весьма скуднымъ», такъ что съ голодомъ приходилось ему часто бороться. За все содержаніе (кромѣ одежды) и ученіе платили за Петра *шесть руб. въ годъ*, чтó, однако, его отцу казалось обременительнымъ. Обучали Петра сначала чистописанію и латыни. Вскорѣ послѣ поступле-

¹⁾ Тж., I, г. 21.

нія въ семинарію, понадобилось, по тогдашнему обычаю, дать ему фамилію. Одинъ учитель желалъ назвать его *Недремскій*, «говоря, что отрокъ недремлющій имѣеть видъ, остро смотреть на свѣтъ и будетъ учиться исправно». На это инспекторъ отвѣчалъ: «Почто имѣть прозваніе Недремскій? Въ родѣ не было никого; ко спасенію не назидательно есть. Какъ родился при церкви преображенія Господня отрока Петръ, сынъ чтеца въ погостѣ спасскомъ, то ему наименованіе да будетъ *Спасскій*: надобно ему стараться *спасти себя*» ¹⁾. Фотій и здѣсь видитъ «нерсть».

Скоро стали на Спасскаго обрушаться всякія бѣды, началъ «врагъ пакость чинить». Помѣстили его въ маленькихъ душныхъ кельяхъ, которыя слыли у семинаристовъ подъ названіемъ «Соловки», гдѣ могло жить не болѣе 3—4 человекъ. Дали ему старшаго Вихрова, «иже во гнѣвѣ жестокости какъ звѣрь свирѣить, нетерпѣливъ, за всякую дѣтскую ошибку наказуя, билъ по ланитамъ всякаго, безъ пищи оставлялъ на день или болѣе, толь часто, что бывалъ много разъ отрокъ сей безъ всякаго ястія по обычаю въ трапезѣ» ²⁾. Всѣ службы по бурскъ исполняли сами ученики. Случилось Петру быть «череднымъ», печку топить. Натопилъ онъ маленькія кельи и самъ такъ угорѣлъ, что его замѣртво вытащили на дворъ и едва привели въ чувство. Послѣ этого Петръ очень боялся маленькихъ келій и жара, и какъ пишеть онъ, «мертвыхъ самъ отъ угара оживлялъ».

Къ этому времени отдали въ семинарію и брата Петра Спасскаго — Евфимія. Теперь отцу ихъ приходилось уже платить за обоихъ 12 р. въ годъ, и онъ изъ силъ выбивался, желая обезпечить образованіе дѣтей: «оралъ, носилъ, лѣсъ рубилъ, возилъ на крестьянъ, дабы продать»; ходилъ въ Новгородъ «на своихъ ногахъ» и проч. Дѣти, пріѣзжая въ домъ изъ семинаріи, тоже работали: убирали сѣно, жали хлѣбъ, исправляли работы по дому, съ утра до ночи, такъ что имъ и погулять было некогда лѣтомъ. Тѣмъ не менѣе Петръ дома «искалъ безмолвія», для чего уходилъ въ лѣсъ и «удилъ рыбу удицею» по праздникамъ, «стояя или сидя на берегахъ рѣки». Любилъ также ходить въ лѣсъ «по свѣдныя плоды», что спасало Петра отъ общества сверстниковъ и бесѣдъ съ «юнымъ женскимъ поломъ, отчего сѣмя ала съ юности болѣе всего рождается». Въ семинарію хаживалъ Петръ всегда пѣшкомъ. Учился хорошо и славился пѣніемъ, «гласъ имѣлъ див-

¹⁾ Тж., I, 23.

²⁾ Тж., на оборотѣ.

ный». До чего доходила нужда его въ семинаріи, можно видѣть изъ того, что онъ, «часто отъ глада томимый, запасалъ, на случай недостатка, дубовые орѣхи или желуди, ѣлъ сырые, печенные; въ іюлѣ мѣсяцѣ передъ жатвою не было вовсе хлѣба, а милостыни негдѣ было взять; то травой огороднею, благодаря Бога, насыщалъ себя, всыпавъ мало соли и кое-какъ приуготовивъ».

Авторъ далѣе описываетъ разныя «пакости, искушенія, навожденія», на Петра бывшія. Разъ за нимъ ночью будто бы бѣжалъ какой-то великанъ съ дубиной, и онъ ушелъ отъ него по тонкому льду, который проламывался подъ великаномъ: это было «спасеніе, яко черезъ Чермное море». Въ другой разъ онъ едва не замерзъ въ дорогѣ, отморозилъ пальцы, и были на рукахъ отъ холоду раны: но «Господь, сохраняя его, исцѣлилъ по своей благодати отъ ранъ». Затѣмъ разъ мачиха послала его лѣтнимъ вечеромъ «на верхъ, подъ кровлю, курицу на гнѣздо садить и нѣчто сдѣлать». Испугавшись какого-то «привидѣнія», трусливый мальчикъ вылетѣлъ черезъ окно и убился о чурбанъ, такъ что и «языка лишился»: «духъ, ударивъ его, нѣмотою связалъ его». «Исцѣлила же его сила Божія черезъ нѣсколько дней», черезъ помазаніе елеемъ. Затѣмъ онъ былъ «во многихъ бѣдахъ, болѣзняхъ, ранахъ, біеніяхъ, потопленіяхъ многократно», такъ что совсѣмъ сталъ трусливъ и суетвѣренъ.

Къ семинарской же эпохѣ относятся и «блудныя искушенія», рассказываемыя авторомъ слишкомъ цинично, особенно если подумать, что писалъ онъ свою повѣсть «для дѣвы».

Въ домѣ отца Петра жила дальняя родственница дѣвушка, которой приглянулся молодой семинаристъ Петръ. Спали они всегда всѣ въ повалку на полу, причѣмъ отъ Петра до дѣвушки было всего аршина два разстоянія. Разъ Петру не спалось. «Чувствуетъ онъ, — рассказывается въ автобіографіи, — что она приближается тихо къ нему»; но въ это время ему представилось, что это дьяволъ его искушаетъ, и онъ отклонился. Дѣвицу же постигла болѣзнь «волосъ», и она скоро умерла.

Въ такомъ же родѣ было искушеніе чрезъ мачиху, «на жатвѣ», гдѣ мачиха «рассказывала ему соблазны плотскіе, лстала къ тому, что въ тайнѣ дѣется, чего здѣсь не подобаетъ отнюдь повѣдать, яко все страстное, грѣховное есть» и за что, по жалобѣ Петра, отецъ сдѣлалъ мачихѣ «внушеніе». Послѣ страстной картины съ дѣвушкою, которая подробно описана въ автобіографіи, надо полагать, что мачиха еще энергичнѣе заявила себя, если Петръ, изобразивъ первый случай, не находитъ даже возможности передать другой, какъ «не подобающій». Въ виду

этого страшно, конечно, и предполагать, чтобы такая личность могла имѣть на юношу нравственное вліяніе. На жатвѣ Петра «вскупшали» сельскія дѣвушки. Надо сказать, что, благодаря лѣту и жарѣ, онѣ были на жатвѣ въ «срачицахъ» (сорочкахъ), и въ этомъ соблазнительномъ видѣ онѣ «блзнились» Петромъ, и «усиливались, схвативъ его въ объятія свои, ударить будто бы о землю, а въ самомъ дѣлѣ дабы *миры содѣлать страстныя* и къ тому его привлечь». Положеніе Петра было отчаянное: онъ то отбивался серпомъ, то отпихивался руками и вообще всачески защищался «отъ связи, узавлеченія женскаго похотливаго».

Отецъ Петра дома часто пьянствовалъ, и сынъ старался его удерживать, за что мѣстный попъ «единожды по ланитамъ билъ Петра, тасвалъ за волосы». Дѣло въ томъ, что попъ былъ собутыльнигъ дьячка Никиты, и они вмѣстѣ пьянствовали; понятно, что внимательство Петра ни тому, ни другому не нравилось.

Самъ Петръ любилъ читать «божественныя» книги и молиться, по примѣру «прабабы» своей; размыскавъ гдѣ-то въ амбарѣ старые образа, онъ съ дѣтьми устраивалъ крестные ходы, пока не погрозили ему за это розгами. Начитавшись «повѣсти о двухъ юношахъ-отшельникахъ», 14-ти-лѣтній Петръ съ двумя товарищами запасся «крестиками разными для обороны отъ бѣсовъ» и хотѣлъ уйти въ пустынную гору; но вечеромъ, когда они уходили изъ города, имъ встрѣтился лѣсной сторожъ, который счелъ ихъ бѣглыми, хотѣлъ ихъ переловить, такъ что странники едва успѣли убѣжать домой. Фотій старика-сторожа считаетъ привидѣніемъ, а самый случай—перстомъ Провидѣнія. Съ тѣхъ поръ онъ уже не думалъ убѣгать изъ семинаріи.

Новгородская семинарія была въ монастырѣ, что Петру нравилось. Но крайняя бѣдность его угнетала. У него не было обуви зимою; пища была такъ скудна, что Петръ никогда не наѣдался какъ слѣдуетъ; помѣщеніе было крайне неудобно.

Въ семинаріи за учениками надзирали сеньоры, старшіе, цензоры, аудиторы. За проступки въ столовой ставили на колѣни или заставляли публично бить поклоны; а за столомъ, по-монашески, всегда читались «божественныя книги».

Классы не топились совсѣмъ, зимою было въ нихъ такъ холодно, «что *устыз* для чтенія уроковъ предъ учителями иногда не можно было отворять». Ученики очень боялись тѣлеснаго наказанія; это, однако-же, не мѣшало имъ цѣлыми нумерами опускать утреннюю молитву, для которой всѣ собирались предъ классами въ церковный притворъ, «несмотря даже на лютыя холоды».

Учителі були монахи і світські, но всі не жєзєтє. Настроєніє семинаріи було ультра-релігїозное. «Тїнь вольнодумства, вольномыслія, поблажка єь неблагонаправію, неблагоговїнію не была терпима». Учителі старались «всїхъ єь духовному званію приурочить». Сравнивая світскіа заведенія съ семинарієй, Фотій восклицаетъ: «О, если бы духовныя особы были главные смотрители, управители университетовъ, институтовъ и прочихъ училищъ!» И разражается противъ «иностранныхъ учителей, вольнодумныхъ начальниковъ», противъ заведеній, «гдѣ нѣтъ ни Христа, ни поста, ни креста», гдѣ «забыто благочестіє».

Семинаріа состояла изъ 8-ми классовъ: I—инфима, II—фара, III—грамматика, IV—синтаксима, V—повѣія, VI—риторика, VII—философія, VIII—богословіє. Языки преподавались: греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій; науки: исторія, географія, гражданская и библейская, медицина, естественная исторія, архитектура, рисованіє, математика. «Учебныя книги были печатныя, для того отъ начальства назначены, а посему никакихъ сѣмянъ зловредныхъ ученій не было и быть не могло». Игры и чтеніє світскихъ книгъ воспрещались.

Посѣщая храмъ св. Антонія, Петръ всегда становился «противъ того камня, на которомъ св. Антоній приплылъ изъ Рима въ два дня и двѣ ночи по водамъ» и гдѣ «прочія вещи, приплывшія за нимъ по Божію смотрѣнію, были»: «образа, съ нимъ въ бочкѣ по водамъ приплывшіє, вверху въ фонарѣ травина негнѣнная морская, черезъ нѣсколько столѣтій, за кою онъ отъ страха ухватився, исторгнулъ изъ моря». «Травина» эта долго была цѣла, а въ двадцатыхъ годахъ была уже «вся ощипана». Затѣмъ Петръ сподобился слышать «гнѣніє пресладкое на воздухѣ», по мнѣнію Фотія, ангельское, должно быть.

Разъ случайно забрелъ онъ въ одну келью, въ сажень величиной, въ куполѣ, гдѣ «полъ былъ весь кирпичный изломанъ» и стоялъ образъ со свѣчей. Когда Петру объяснили, что здѣсь спасался втайнѣ св. Антоній «и вотъ полъ кирпичный во многія лѣта измѣять угодникомъ отъ колѣнопреклоненій его», то у Петра явилась мысль—подражать впоследствии сему примѣру.

Любя уединеніє, нервный, суевѣрный, пугливый Петръ бѣгалъ всякаго знакомства. Монашество стало для него уже идеаломъ, и онъ старался измощать себя, плавать и молиться въ уединеніи, давалъ обѣты, отчего «кажѣ бы обновлялся и менѣе землянъ дѣлался». Сильное впечатлѣніє на него произвелъ жившій въ монастырѣ Патермуфій-молчальникъ, который 30 л. прожилъ молча «и показался ему яко ангелъ Божій во плоти».

Все это настраивало воображеніе юноши и создавало въ немъ ненависть ко всему, что отвлекало отъ благочестія; еувѣрно настроенный, онъ привыкалъ во всемъ видѣть «персть»; всякую болѣзнь, всякую случайность онъ считалъ за знаменіе. Разъ на жатвѣ у него разболѣлась спина, такъ что онъ «падалъ на землю на полость, катался стоная, плача воспоминалъ, говоря: вотъ до чего грѣхъ черезъ праотца довелъ всѣхъ и его»¹⁾. Полевые труды такъ иногда были тяжелы для Петра, что онъ «висящій на себѣ ме(ѣ)дный крѣ(е)сть бралъ въ уста и, тако съ крестомъ во рту жатву продолжая, иногда получалъ облегченіе».

Братъ его былъ другого характера, ропталъ и иногда не слушался. За это однажды «равнивался Петръ весьма на него, билъ его жестоко—такъ, что думалъ ему смертную болѣзнь тѣмъ сотворить, и, бия, приговаривалъ: «слушай родителя, будь покоренъ до крови и смерти ему; бїеніе родительское есть врачеваніе и спасеніе дѣтямъ». Само собою понятно, что при такомъ настроеніи ему нечего было помышлять о семейной жизни; даже прежде соблазнявшая его матица объяснила ему, что онъ «женѣ будетъ въ тягость»; а разные видѣнія и покаянныя слезы, вмѣстѣ съ совѣтами ректора, настроили его въ пользу монашества. Въ такомъ настроеніи засталъ его вызовъ въ петербургскую духовную академію, куда онъ и отправился въ августѣ 1814 года.

Учился Фотій въ семинаріи хорошо. Въ академію обыкновенно посылались лучшіе ученики. Правда, въ выборѣ при этомъ играло важную роль благонравіе и благочестіе; очень можетъ быть, что и Фотій заслужилъ милость начальства своимъ «благоповеденіемъ». Но все же несомнѣнно, что онъ учился усердно и исправно. Но многое ли дала ему семинарія? Изъ приведенныхъ извлеченій видно, что Фотій не обладалъ литературною рѣчью, писалъ какимъ-то полурусскимъ, полуславянскимъ жаргономъ, порою бессвязно и безграмотно. Если такъ онъ писалъ уже по выходѣ изъ академіи, то каковы словесные опыты его были въ семинаріи! Очень можетъ быть, что Фотій прилежалъ изученію богословскихъ наукъ и древнихъ языковъ; но по всему видно, что онъ бралъ все лишь упорнымъ трудомъ. Ни малѣйшаго признака даровитости мы не видимъ въ Фотіѣ. И въ послѣдствіи онъ выигрывалъ много своею грубостію, рѣзкостію и самоувѣренностію въ обращеніи съ людьми; но нигдѣ и ни въ чемъ не обнаружилъ онъ признаковъ дѣйствительно умнаго, развитаго,

¹⁾ Тж., л. 50 и слѣд. Мы уже замѣтили, что почти вся автобіографія Фотія написана имъ въ *третьемъ* лицѣ; но встрѣчаются и обмолвки. Напр. на л. 48: „я имѣлъ награду“, л. 50: „овцы отца моего стригъ“ и др. мѣста.

просвѣщеннаго человѣка. Самый фанатизмъ и крайне одностороннее пониманіе вѣры и православія показываютъ ограниченность Фотія. Ниже мы увидимъ, что и возвышеніемъ своимъ онъ обязанъ былъ вовсе не себѣ; у него даже не достало ума и такта, чтобы удержать себя на той высотѣ, на которую поставили его другіе.

IV.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Спасскій прежде всего явился къ ректору академіи, знаменитому Филарету московскому, который принялъ новаго студента сдержанно; за то Иннокентій, ректоръ петербургской семинаріи, къ которому Фотій явился на поклонъ по совѣту прежняго своего ректора, принялъ Петра весьма любезно ¹⁾.

Экзаменъ для поступленія въ академію Спасскій сдалъ хорошо. Самъ Филаретъ читалъ св. писаніе и замѣтно произвелъ сильное впечатлѣніе на Петра. Вотъ какъ послѣдній характеризуетъ Филарета: «Росту онъ средняго, смугль видомъ, власы средніе, темнорусые, брану долгу имѣлъ, лицемъ всегда свѣтль, веселъ быть казался; у него были глаза острые, проникательныя, видъ постенъ, строгъ и пріятенъ; поступъ его была не скорая, важная; голосъ тихъ, тоновъ, но ясенъ; рѣчь внятная; говорилъ остро, высоко, премудро; но все болѣе къ уму, менѣе же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненія св. писанія: какъ бы все шло изъ устъ его. Привлекалъ учениковъ такъ къ слушанію себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія. Оставлялъ онъ сильныя впечатлѣнія въ умъ отъ ученій своихъ. Всѣмъ казалось истинно пріятно, совершенно его ученіе. Казалось, онъ во время оно ораторъ мудрый, краснорѣчивый, писатель искусный. Все доказывало, что онъ много въ наукахъ занимался. Изъ разныхъ повѣствованій о немъ слышно было, и самому лично извѣстно, что онъ былъ весьма сердоболень, милостивъ, любилъ монашескій санъ, ученыхъ, и желалъ, чтобы до-

¹⁾ Такъ какъ обстоятельства перваго знакомства Фотія съ Иннокентіемъ и Филаретомъ уже были опубликованы въ извлеченіяхъ изъ автобіографіи („Чт. общ. люб. дух. просв.“, 1868 г., кн. 4-я), то мы на нихъ и не останавливаемся. Хотя Фотій и говоритъ, что Филаретъ принялъ его сухо, но изъ разсказа самого же Фотія о встрѣчѣ его съ Филаретомъ у Иннокентія—первый является простодушнымъ. См. у К. Попова въ ст. о Фотіѣ. „Тр. К. Д. Акад.“, 1875 г., июль, стр. 702 и слѣд.

стойные поступали въ монашество». Характеристика эта, пови-
димому, искренна, тѣмъ болѣе, что исходитъ отъ Фотія, который
впослѣдствіи былъ личнымъ врагомъ Филарета. Фотій, сравнивая
Филарета съ Инновентіемъ, говоритъ, что въ первому онъ чув-
ствовалъ удивленіе, а послѣдняго любилъ. Инновентій, какъ уви-
димъ далѣе, тоже страдалъ нетерпимостію; Фотій пишетъ, что ему
правилась въ немъ всего болѣе «ревность и любовь въ Богѣ».
Филаретъ казался Фотію слишкомъ либеральнымъ.

Учился въ академіи Петръ хорошо, но терпѣть не могъ исто-
ріи философіи. Переписка лекцій сильно подорвала его здоровье.
Онъ почти не выходилъ изъ больницы. Товарищи его тоже хво-
рали, и двое умерли. Несмотря на разрѣшеніе Филарета и док-
тора ѣсть больнымъ скоромное въ постѣ, Петръ энергично воз-
ставалъ противъ этого и даже предрекъ будто бы одному това-
рищу смерть.

Въ это же время между студентами появились мистическія
сочиненія Штилинга, которыя тогда всѣхъ увлекали. Петръ съ
нетерпимостію видѣлъ вліяніе на молодые умы «иновѣрца бѣс-
наго», какъ онъ выражается, но былъ одинокъ въ своихъ про-
тестахъ, что еще болѣе его озлобляло.

Особенно сильно озлобилъ и раздразнилъ Фотія случай, когда
одинъ изъ друзей его студентовъ рѣшительно отдался чтенію
Штилинга («Тоска по отчизнѣ») и, несмотря на всѣ убѣжде-
нія Фотія, остался вѣренъ этому чтенію. Фотій осыпаетъ при
этомъ Штилинга и его сочиненія самою грубою бранью: «бредъ
духовъ злобы поднебесной», «негодныя книги», «бредни безум-
наго иновѣрца, отъ своихъ проклятаго», «духъ нечистый», «не-
чистивыя книжицы», «лукавыя бредни», «бѣсовское чтеніе и
ученіе діавола во плоти Штилинга», «книги еретическія», при-
чемъ побуждалъ товарища «проклясть» этого автора, угрожая
огнемъ геены и Божіею казнью. Настойчивая наглость Фотія
заставила Коренева (имя студента) отвернуться отъ него, и когда
Кореневъ умеръ отъ водяной, то Фотій приписывалъ этотъ слу-
чай дѣйствию «богохульныхъ книгъ».

Самъ же Фотій измощдалъ себя до болѣзни. Не желая ѣсть
рыбу въ великій постѣ, онъ цѣлые дни голодалъ; а постоянно
сидячая жизнь разстроила его и безъ того слабое здоровье, такъ
что чрезъ годъ, по совѣту врача, его отпустили домой для изле-
ченія, причемъ Филаретъ оказалъ ему матеріальное содѣйствіе.
Петръ оказался такъ слабъ, что едва добрался домой.

Здѣсь, несмотря на заботы сосѣдняго помѣщика, Петръ долго
не выздоравливалъ. «Въ домѣ родителя, — пишетъ онъ, — нѣкогда

животное, юная свинья, т.-е. перосенокъ, былъ также какъ Петръ въ сухотѣхъ и чахотѣхъ; и жилъ въ домѣ съ нимъ; онъ не пилъ, не ѣлъ. Петръ, смотря на него, сравнивалъ съ собою, что сія свотина свинья и млеа не ясть отъ чахотки и болѣзни внутренней, какъ онъ самъ». Случай помогъ вылечиться и «юной свиньѣ-поросенку», и Фотію. Послѣдній однако былъ такъ слабъ, что просилъ уволить его изъ академіи, что и было удовлетворено, благодаря доброму вниманію Филарета, котораго Петръ тогда еще любилъ «за умъ, глубину, таинственность смысла и знанія».

Учителями онъ былъ доволенъ, но въ товарищахъ видѣлъ великое поврежденіе, которое характеризовалось слѣдующими чертами:

1) Хожденіе въ театръ, «во вражіе собраніе, дабы отъ демоновъ театралныхъ во плоти имѣть пользованіе», что дѣлалось съ вѣдома Филарета.

2) Преподаваніе студентами въ постороннихъ домахъ и посѣщеніе города, причѣмъ «приходящіе ученики изъ города пересказывали разныя рѣчи въ разжиганію плотскихъ страстей».

3) Чтеніе романическихъ и вольномысленныхъ сочиненій, изъ коего студенты почерпали «ядовитое свѣдѣніе мерзостей».

4) Недостатокъ «единого ума, единого ученія и единыхъ вѣры», что усвоилъ Петръ иностраннымъ эзегетамъ и духу академіи.

Однако же относительно Филарета Фотій замѣчаетъ, что ничего и не видѣлъ и не слышалъ отъ него въ это время несогласнаго съ духомъ св. вѣры и церкви. Въ сентябрѣ 1815 года, не пробывъ и года въ академіи, за болѣзнь, студентъ Спаскій былъ уволенъ и опредѣленъ въ учителя училища при лаврѣ. По всему видно, что онъ сумѣлъ уже себя изуродовать не только нравственно, но и физически, еще не вступивъ въ жизнь. Академическая жизнь не разомкнула для Фотія закодированнаго круга бурсацкихъ обычаевъ и воззрѣній. Читая разсказъ объ академической жизни Фотія, точно присутствуешь при погребеніи живого челоуѣка. Сурово и непрекословно молодой еще челоуѣкъ безжалостно въ зародышѣ подавляетъ въ себѣ всѣ самыя невинныя проявленія и требованія природы. Фотій вполне уже усвоилъ восточное воззрѣніе на тѣло, какъ на темницу духа. Къ философіи онъ не былъ расположенъ, отчасти, быть можетъ, по отсутствію наклонности къ серьезному философскому мышленію; но главнымъ образомъ — потому, что философія требуетъ свободы для мышленія и, по взгляду Фотія, «вземлется на разумъ Божій». Съ замѣчательною ненавистью относится онъ къ мистицизму и съ истинно инквизиціонною ревностью теперь уже го-

товъ былъ зажечь костеръ для вольнодумцевъ. Огонь этотъ подогрѣвалъ въ немъ Иннокентій. Въ то же время надломленное здоровье окрашивало весь міръ для Фотія въ мрачный цвѣтъ. Петръ съ-разу вступилъ на путь суроваго аскетства и монашества. Но въ то же время въ немъ нѣтъ главныхъ чертъ истиннаго подвижничества—смиренія и самопожертвованія. Притомъ и послѣ онъ не удалился въ неизвѣстную, хотя бы новгородскую обитель, но остался на виду, въ Петербургѣ, искалъ милости и покровительства у того же Филарета, у котораго онъ и теперь собирается посѣщать лекціи,—пользуется его расположеніемъ, беретъ даже «образъ» у своего ректора, хотя этотъ образъ величавъ и блестящъ и совсѣмъ не по духу Фотію. Во всемъ проглядываетъ въ немъ іезуитизмъ: Фотій слѣдилъ и дознавалъ тайно дѣйствія Филарета, его связи, «ходы и выходы и даже тайныя бесѣды», и умѣлъ вырастать въ довѣріе добраго и довѣрчиваго архипастыря Амвросія. Поступивъ же въ монахи, Фотій не пренебрегъ облачиться въ рясу добрую и подраясникъ бархатный, хотя и съ архіерейскаго плеча; скоро затѣмъ онъ промѣнялъ и скромную службу на видный постъ, очевидно, не ради спасенія душевнаго, причеиъ выказавъ такое самоиѣніе, которое Фотію было совсѣмъ уже не къ лицу.

Всѣ эти черты, противорѣчащія, повидимому, настроенію Фотія, говорятъ, что и самъ онъ стоялъ на распутьи; хотя незадавшаяся жизнь и олюбила его, но онъ не прочь былъ и пожить.

V.

Учительская жизнь Петра Спасскаго при санктпетербургской духовной семинаріи служила практической подготовкой къ той роли, которую онъ на себя принялъ впоследствии, и въ принятію имъ монашества. Не видно, чтобы какой-нибудь интересъ педагогическій или научный занималъ Петра; главная его работа въ учительствѣ, съ первыхъ же поръ, это — *проповѣди*, къ сочиненію которыхъ онъ прилагаетъ все стараніе и которыяближаютъ его съ тогдашними духовными властями. При этомъ особенно сильное вліяніе на Петра оказываетъ Иннокентій, по всему видно, человекъ добрый, но съ фанатической завязкой, которая и привела его къ гибели. Первое «слово» Петра: «О будущемъ единеніи въ Богѣ вѣрныхъ», понравилось Иннокентію, а второе слово: «Въ чемъ состоитъ смерть души нашей?» побудило Инно-

жентія спросить Петра, якія книги авторъ читаєть? Тотъ отвѣчалъ, что никакихъ, «кромѣ Библіи», причеъ сказаль: «терпѣть не могу книгъ мірскихъ»,—и это Иннокентію понравилось. Вмѣсто того, чтобы вывести Петра изъ его враждебной настроенности въ знаніямъ, Иннокентій утвердилъ его въ этомъ направленіи, придавъ ему санкцію своимъ благословеніемъ. Въ какой степени мало Петръ Спасскій интересовался собственно учительскимъ дѣломъ, видно изъ того, что онъ даже не помѣстилъ въ своей автобіографіи указанія, какой предметъ въ училищѣ онъ преподавалъ. Но въ описаніи Юрьевскаго монастыря (въ «Чтеніяхъ въ общ. истор.» 1868 г.) говорится, что онъ обучалъ въ училищѣ латинскому и греческому языкамъ, славянскоіи грамматикѣ, церковному уставу и закону Божію.

Иннокентій старался дать ходъ сперва проповѣдямъ Петра, а потомъ и ихъ автору — въ глазахъ митрополита Амвросія и Филарета, съ которыми тогда былъ дружень. Иннокентій для Спасскаго сталъ идеаломъ. Онъ завелъ у себя неугасимую лампаду, и окончательно никакихъ книгъ, кромѣ Библіи и молитвенника, не бралъ въ руки. Вотъ какъ Фотій описываетъ свое подражаніе Иннокентію: «Замѣчалъ онъ (Фотій) въ Иннокентіѣ всѣ слова его, поступки, видъ, дѣйствія, духъ вѣры, его ученія,—все замѣчалъ, дабы ему для себя составить, собственно въ сердцѣ, образъ житія благочестиваго». Онъ «горѣлъ предъ Иннокентіемъ благоговѣніемъ», «боялся даже мыслить и желать, что ему не угодно», — словомъ, былъ въ полномъ нравственномъ порабоженіи у Иннокентія.

Нетерпимость Петра была такова, что онъ даже не могъ слушать своего зрителя, когда онъ что-либо «лишнее» — свѣтское говорилъ, и при этомъ всегда уходилъ прочь; «терпѣть не могъ», что нѣкоторые учителя выходили въ городъ, а самъ всегда сидѣлъ дома.

Въ это время до Спасскаго дошелъ слухъ, что стали издаваться книги «о судьбѣ будущей церкви» и что-де одна изъ такихъ книгъ есть у Филарета. Это подстрекуло его любопытство, и зритель тайно досталъ ему «Толкованіе на Апокалипсисъ Штиллинга-проклятаго». Чтеніе этой книги привело фанатичнаго Петра въ ужасъ, — онъ ее на-своро пробѣжалъ и поспѣшилъ тайно отдать, «дабы никто не увидѣлъ, что читана». Затѣмъ, на его просьбу — достать ему книгу спасительную, зритель добылъ ему Якова Беа «Путь ко Христу». Вліяніе этой книги на Петра было чрезвычайно сильное. Здѣсь сказалося и невѣжество Спасскаго: онъ не зналъ, кто былъ Беа, о которомъ въ

его время всѣ говорили, и долго разгадывали: «святый ли есть Іаковъ Бемъ, или не святый?» Заглавіе книги его привлекало, но содержаніе книги было для него загадкой и служило предметомъ многихъ душевныхъ тревогъ. Новыя понятія вызывали въ немъ «брань духовную, смущеніе духа», онъ недоумѣвалъ, «видѣлъ потемнѣніе въ разумѣ». Два мѣста, гдѣ говорится о назначеніи твари, гдѣ «Богъ представляется творцомъ необходимаго зла», допущено выраженіе: «Богъ есть тьма и свѣтъ», и высказана мысль, что между ними есть единство природы духа ¹⁾, пробудили въ немъ обычную желчь, причемъ онъ раздражается обычными ругательствами: «сѣтъ вражія, ересь, мракъ невѣрія, блевотина сквернаго заблужденія, бѣсовскаго ученія». Но книга все же еще занимала его, и онъ старался вникнуть въ нее; тогда съ нимъ случился нервный припадокъ. Однажды, «держа книгу въ рукахъ, Фотій, какъ сидѣлъ среди полудня у самаго окна, вдругъ почувствовалъ въ себѣ нѣкое смущеніе внутри, тягость въ головѣ и мракъ во умѣ: свѣтъ разума отъ него взялся и чувствовалъ себя въ нѣкоемъ видѣ изступленія, — внѣ себя въ духѣ тяжкомъ и горькомъ. Взялся отъ него умъ, иначе начиналъ видѣть очами своими все, но мрачно среди дня. Нападаетъ ужасъ на него, страхъ и трепеть. Еще чувствовалъ, что лишился силы ума, и во всемъ внутреннемъ своемъ составѣ потерю получалъ. Вдругъ аки бы кто хочетъ снять его съ тѣла кожу; отъ ужаса тотчасъ вострепетаъ, почувствовавъ съ-ряду, что виною болѣзни и тягости—книга, и то, что вниманіе углублялъ въ нее. Итакъ, *плюнует* на книгу сію Іакова Бема, подѣ названіемъ: «Путь ко Христу», бросилъ ее на полъ; ставъ на молитву, обратился ко Господу, — и опять свѣтъ началъ являться въ умѣ его».

Этотъ фактъ нервозности, изступленія, объясняетъ и дальнѣйшія видѣнія Петра, который безчеловѣчно уродовалъ свой организмъ, совершенно обессиливалъ себя постомъ и фанатизировалъ духъ нетерпимостью. Уже въ это время у него возникла мысль о преслѣдованіи «зловредныхъ» книгъ, и онъ удивлялся бездѣйствию тогдашняго правительства. Въ это же время Иннокентій подливалъ масла въ огонь, и его наставленія «о сѣтяхъ бѣсовскихъ», о «глубинахъ сатанинскихъ» совсѣмъ добивали здорovia и здравый смыслъ фанатическаго Петра.

Но какъ ни давилъ въ себѣ все человѣческое Петръ, природа брала свое, и ему еще приходилось вынести «брань плоти».

¹⁾ Бемъ, „Путь ко Христу“, стр. 178—174.

Дѣло было на каникулахъ, въ домѣ отца его. Пріѣхавъ въ отпускъ домой, молодой Петръ былъ приглашенъ въ сосѣднему помѣщику учить пятерыхъ дѣвицъ. Онъ преподавалъ имъ съ свойственною ему нервозностью и даже доводилъ ихъ до слезъ изображеніемъ геены. Женское ли общество, или что другое повлияло на Петра, но закрался къ нему «блудный помыслъ». Въ домѣ отца его жила одна бѣдная дѣвушка, добрая и честная, — въ ней-то и почувствовалъ влеченіе юноша. Разъ отецъ уѣхалъ на три дня изъ дому и они оба остались дома на-единѣ. День онъ проводилъ на урокахъ, а на ночь возвращался домой и, по обычаю, ложился спать на полу. И вотъ онъ какъ описываетъ свое «искушеніе отъ блуднаго бѣса».

«Сонъ тогда отнимался отъ очей его (Петра); чувствовалъ себя во огнѣ блудныхъ страсти; огонь бѣсовскій отъ головы до ногъ жегъ его; всѣ силы были отъ него вьаты — мыслить, и разсуждать, и сномъ почить: недалече на спящую дѣвицу боримъ былъ бранію плоти. Самъ не понималъ, что ему сдѣлалось; самъ себя удивлялся, откуда въ немъ огонь жестокий явился, расслабившій всю его плоть и жгущій его. Оставленъ былъ отъ силы доселѣ его содержащей: все въ немъ терялось» ¹⁾. Онъ едва могъ сохранить молчаніе, не могъ даже молиться Богу, страсть захватывала его душу; чарующіе, обольстительные призраки наслажденія туманили ему голову. Чѣмъ сильнѣе было желаніе убить эту страсть, тѣмъ сильнѣе, пожаромъ охватывала она его душу. «Лежа въ безмолвіи, яко жертвъ, огнемъ лютымъ сгоралъ». Обращаясь «къ бѣсу», онъ говорилъ въ себя: «ежели ты силенъ безъ воли моея меня насильно совратить во грѣхъ, — дѣлай; но я пособія никакого на то тебѣ не дамъ. Влеки, враже, когда Богъ попустилъ тебя меня бороть, но я себя не повлеку». Страшное томленіе незамѣтно перешло въ сонъ — и Петръ хвалилъ Бога, что побѣдилъ «бѣса». Но на слѣдующую ночь повторилось то же, и еще пламеннѣе, кипучѣе загорѣлась въ немъ страсть, «яко дерево недвижимо онъ лежалъ и сгоралъ», причемъ Петръ особенно боялся, «дабы не восхитилъ въ нему дѣвицу духъ нечистый и ему ее не подожилъ; также опасался, дабы тако не возжегъ огонь во плоти ея для него». Юноша бросился «на горячую печь» и внѣшній жаръ смягчалъ его внутреннюю борьбу. Такъ повторялось до трехъ разъ, пока сложенная, подавленная

¹⁾ Тж. л., 76. Всѣ эти случаи «искушенія отъ блуднаго бѣса» убѣждаютъ, что натура у Фотія была горячая, страстная: сколько же нужно было силы воли, чтобы смирить, задавить ее! Только мысль, что здѣсь дѣйствуетъ сатана, могла поддержать Фотія въ его произвольномъ самоуничтоженіи.

фанатизмомъ натура не уступила изнеможенію тѣла. Борьба была тяжела и сильна. «Се огонь, се пламень, се адъ, се искушеніе вражіе», вызываетъ Фотій даже по окончаніи ея. Но послѣ этой борьбы сердце его опустѣло; убивъ въ себѣ все человѣческое, «грѣхонное», онъ сталъ нравственною муміей. Скоро новый случай—несчастный пожаръ, погубившій все имущество отца и едва не погубившій его самого, окончательно поставили Фотія на путь самоуничтоженія. Въ пожарѣ онъ видѣлъ «персть Божій», уязвляющій ему повинуть все земное. Сюда присоединилась полная нищета отца и личная экономическая необеспеченность Петра. У него едва хватало хлѣба для пропитанія, такъ что даже пищу приносили ему тайно, воровски «изъ общей ученической трапезы». Теперь онъ сталъ совсѣмъ постникомъ, и все чаще стала приходить ему мысль посвятить себя монашеству. Передъ его глазами монашествующіе занимали видныя мѣста, ни въ чемъ не нуждались, пользовались общимъ почетомъ; а между тѣмъ могли ли устранивать Петра обѣты монашескіе, послѣ тѣхъ пытокъ и изнуреній, какія онъ самъ производилъ уже надъ собою? Живой, цѣльный, мыслящій и чувствующій человѣкъ въ немъ умеръ; болѣзни и раздраженіе, бѣдность и неразлучныя съ нею лишенія мучили его. Въ монашествѣ же Петръ не только находилъ успокоеніе, но и будущность. Фотій однако хотѣлъ себя испытать еще разъ.

VI.

Настроенный къ монашеству, Спасскій началъ съ «вольнато искуса» въ подвижничествѣ. Это было рождественскимъ постомъ 1817 г. Въ автобіографіи подробно описывается самоистязаніе фанатизированнаго юноши, удрученіе тѣла постомъ, самоуниженіе, постоянныя «покаянныя слезы», представленіе ада, заминутая жизнь Петра и пр. Когда наступилъ великій постъ, то отъ горѣнія Петръ едва ходилъ, что особенно сблизило его съ Иннокентіемъ. Но въ то же время для Фотія настало время перейти въ болѣе широкую дѣятельность.

Въ это время очистилось мѣсто законоучителя при 1-мъ кад. корпусѣ въ Петербургѣ ¹⁾. Мѣсто это видное и тогда значитель-

¹⁾ Фотій первоначально былъ назначенъ въ 1-й кад. корпусъ, но когда очистилась тогда же вакансія во 2-мъ корпусѣ, то онъ и вступилъ въ послѣдній. Обстоятельство это, неизвѣстное жизнеописателямъ Фотія, вызвало въ нихъ недоразумѣнія. См. Е. П. Карновича ст. о Фотіи въ „Рус. Старинѣ“ за 1875 г., стр. 802.

ное. Такъ какъ Петръ сѣзавъ уже себѣ репутацію чловѣка «ревностнаго по Божѣ», то митрополитъ предназначилъ на эту должность его, поручивъ Инновентію предложить Петру подать просьбу о постриженіи. Петръ принялъ это за «званіе свыше». Такъ какъ ему было всего 24 года, а по уставамъ церкви въ столь раннемъ возрастѣ постригать нельзя, то пришлось пустить въ ходъ поддѣлку въ документѣ. Инновентій велѣлъ написать въ прошеніи, что ему 32 года ¹⁾. Въ февралѣ вышло разрѣшеніе, и Петръ скоро было постриженъ въ монахи, сдѣланъ іеродіакономъ и архимандритомъ. Желая показати полное послушаніе начальству, Петръ Спасскій отказался даже самъ выбрать себѣ имя. Данное ему имя *Фотій* было для него неожиданно, «показалось ему необыкновенно, весьма странно», и смутило его, такъ какъ онъ «не зналъ, что значить (это говорить далеко не въ пользу лингвистическихъ и историческихъ познаній Петра) и кто есть св. Фотій». Однако онъ помирился съ именемъ скоро, видя, что это «воля Божія и начальникова». Фотій подробно описываетъ весь ходъ своего посвященія и свои чувства. Особенно отмѣчаетъ онъ увѣщаніе архіерея на посвященіи въ іеромонахи о борьбѣ за вѣру: «не убойся за вѣру и церковь св. постоати, даже до крови и смерти». Слыша это, Фотій далъ обѣтъ въ душѣ «пострадать». Здѣсь примѣлъ онъ, — говоритъ Фотій о себѣ, — нѣкоторое извѣщеніе, каково будетъ житіе его, какъ возстануть на него врази его, и како Господь дастъ ему побѣдити всю силу вражію, смерти и ада, и искоренити ереси». Фотій не говоритъ, въ какой формѣ ему дано было «извѣщеніе», говоритъ только, что онъ «провидѣлъ» все это, но никому тогда не сказалъ ничего: это, конечно, плодъ позднѣйшей экзальтаціи фанатизированнаго воображенія. — Съ посвященія всѣ отправились въ домъ въ новому архіерею (который тогда же посвящался) Павлу, гдѣ было «угощеніе велие», и новопосвященный Фотій подносилъ всѣмъ «вино пить».

Новый монахъ сталъ еще болѣе истязать себя. На служеніи его настроенность переходила въ экзальтацію, которую авторъ такъ описываетъ: «Служилъ (Фотій) вадъ бы не на землѣ, а на небеси стояи; и что бысть съ нимъ, самъ не вѣдалъ; едино же вѣдалъ, что когда св. таинъ приобщился, увидѣлъ себя въ теплоѣ духа, въ духѣ радости, и яко отъ вина восхищенна, и сказалъ учащему его екслесіарху: «Отче, что сдѣлалось со мною? Видишь ли, яко отъ вина піанъ есмь?» Екслесіархъ объяснилъ ему, что

¹⁾ Тж., II, г. 4, на обор.

это «благодать дѣйствуетъ и исполняетъ». Затѣмъ однако напалъ на Фотія «духъ унынія», его охватила скука, тоска по покинутой жизни, разочарованіе. «Двукратно еще случалось ему подобное *отчаяніе* во иночествѣ самое горькое»; но онъ привыкъ уже ломать себя и скоро въ самозабвеніи находилъ успокоеніе.

Назначеніе Фотія законоучителемъ, вмѣсто перваго, во второй кадетскій корпусъ, измѣнило его жизнь. Работы ему предстояло много. Одинъ дворянскій полкъ составлялъ 4 т. чел., да кавалерійскій эскадронъ около 400 чел.,—всѣхъ надо было обучать и назидать.

Холодно принятый начальствомъ, Фотій велъ жизнь совершенно замкнутую. Теперь онъ избралъ новую форму самоистязанія: кромѣ «власяницы» на тѣлѣ, онъ носилъ еще «вериги по нагому тѣлу»; ходилъ въ легкой одеждѣ зиму и лѣто. Съ этого времени съ Фотіемъ начинаются чаще галлюцинаціи, причемъ дьяволъ уже являлся ему не только въ мечтахъ, но «при случаѣ и ощутительно» и Фотій «сражался съ нимъ». Эта борьба убѣдила его, что бѣсы ходятъ и являются *тѣлесно*. Когда послѣ первой такой борьбы Фотій еще сомнѣвался въ этомъ, то въ августѣ, часу въ 9 вечера, къ нему уже прямо явились 4 бѣса, «человѣкообразно пришедшихъ, безобразныхъ, въ сѣромъ видѣ, не великихъ по виду», и они все собирались его бить, но боялись власяницы. Однако разомъ напавъ съ четырехъ сторонъ, они нанесли ему сильные побои, такъ что онъ бросился на кровать и спрятался подъ одеяло. Когда послѣ этого ему почему-то пришло въ голову желаніе видѣть бѣса въ его настоящемъ видѣ, то бѣсъ не замедлил ему явиться и въ такомъ образѣ. Явленіе это было въ ночь 6 дек. 1817 г. и такъ напугало Фотія, что онъ отъ ужаса долго не могъ придти въ себя.

Въ служебномъ отношеніи, несмотря на свое усердіе, Фотій не особенно успѣвалъ. Изъ его собственнаго заявленія видно, что директоръ корпуса Маркевичъ, «яко неспособнаго къ должности и малоумнаго отрѣшить усиливался и о томъ хотѣлъ представить куда слѣдуетъ»; но Фотія поддержалъ Филаретъ, который на экзаменѣ у него заявилъ, что успѣхи учениковъ его удовлетворительны и похвалилъ его митрополиту. Нерасположеніе къ себѣ Фотій объясняетъ тѣмъ, что-де онъ возставалъ противъ всякихъ злыхъ обычаевъ, мерзостей, особенно же противъ «блуднаго грѣха содомскаго», которымъ, повидимому, особенно тогда страдалъ дворянскій полкъ.

Такимъ образомъ, Фотій выступилъ въ первый разъ въ роли общественнаго дѣятеля. Онъ совсѣмъ забылъ о своемъ намереніи

«удалиться въ неждомыя мѣста», по принятіи монашескаго сана. Вступая въ корпусъ законоучителемъ, Фотій, какъ онъ самъ впоследствии сознавался, смотрѣлъ на мѣсто свое, какъ переходное, — мѣсто же его было видное и съ будущностью, отсюда иные архимандриты призывались въ архіерейство.

Самое же преподаваніе его мало интересовало. Елагинъ замѣчаетъ, что «Фотій дѣйствовалъ на сердца своихъ воспитанниковъ не столько въ качествѣ учителя, сколько въ качествѣ ихъ духовнаго отца». Между тѣмъ его нетерпимость и пренебреженіе учительскими обязанностями ставили его въ корпусѣ въ неудобное, такъ что начальство стало даже принимать мѣры къ его устраненію. Въ числѣ заступниковъ Фотія является Филаретъ, — почему? Быть можетъ, онъ цѣнилъ монашескіе подвиги Фотія, а можетъ быть, что послѣдній умѣлъ заслужить благосклонность Филарета и своею услужливостью, смирениемъ. Какъ бы то ни было, но Филаретъ для него согласился на поддѣлку въ документѣ, гдѣ произвольно было измѣнено показаніе лѣтъ Фотія, дабы обойти законъ церковный, посвятить недостижнаго возраста; и деньгами и вещами Филаретъ также помогать Фотію, наконецъ и теперь онъ спасъ репутацію Фотія своимъ благосклоннымъ отзывомъ. Конечно, Филаретъ не предвидѣлъ, что столь облагодѣтельствованный имъ человѣкъ станетъ въ числѣ враговъ его и обличителей, какъ не предвидѣлъ этого и вн. Голицынъ, также оказывавшій суровому монаху свою помощь и покровительство. Но Фотій шелъ своею дорогою. Направленіе его въ это время совершенно опредѣлилось. Онъ уже кипѣлъ враждою противъ «духа времени» и только ждалъ случая выступить въ открытую борьбу и помѣряться силами. При томъ же онъ еще не имѣлъ опоры и поддержки въ лицѣ такихъ покровителей, какъ графиня Анна и другіе сподвижники Фотія. Пока Фотій закалялся въ подвижничествѣ, обстоятельства постепенно слагались такъ, что озлобленіе Фотія на міръ все ожесточалось.

VII.

Съ 1818 года Фотій вступаетъ въ новую роль; онъ является возбудителемъ борьбы съ «духомъ своего времени», окончившейся наденіемъ министерства Голицына и придавшей Фотію такое значеніе, на которое онъ ни по образованію, ни по дарованіямъ, ни по общественному положенію никакъ не могъ рассчитывать. Сила вещей и обстоятельства выдвинули на арену дѣятельности

человѣка, безъ всякаго значенія и вѣса, съ самымъ скуднымъ образованіемъ и съ ограниченными способностями, но фанатича до послѣдней степени, готоваго идти въ огонь на мученія, за вѣру и церковь, которую, впрочемъ, онъ понималъ узко и ограниченно. Въ автобіографіи мы шагъ-за-шагомъ можемъ слѣдить за всѣми перипетіями этой борьбы, за внутренними процессами въ душѣ самого агитатора и внѣшними условіями его успѣховъ; мы можемъ видѣть, какія силы выдвинули эту личность, поддерживали его дѣло и обезпечили успѣхъ. Фотій жилъ законоучителемъ совершенно изолированно. Тѣмъ не менѣе до него стали доходить слухи о тайныхъ собраніяхъ религіозныхъ обществъ; явились лица, которыя старались вовлечь и его въ эти собранія. Фотій держалъ себя далеко отъ всѣхъ; но онъ старался вывѣдать, въ чемъ дѣло, что было не трудно, такъ какъ распространены были эти собранія повсюду, и участники ихъ встрѣчались на каждомъ шагу; они были даже въ числѣ учениковъ Фотія, его духовныхъ дѣтей. Въ то же время мистическая литература религіознаго характера, привлекавшая тогда общее вниманіе, давала Фотію обильный матеріалъ для борьбы.

Фотій жалуется, что духовное и свѣтское начальство бездѣйствовало, давая просторъ распространенію мистическихъ ученій, которыя онъ называлъ безбожными, еретическими, атеистическими, зловредными.

Готовясь къ «борьбѣ противъ безбожія», Фотій тщательно собиралъ всѣ данныя въ тогдашней литературѣ для обвиненія враговъ вѣры. Въ «Собраніи документовъ» заключается весьма обильный для этой цѣли матеріалъ, который впоследствии былъ доставленъ Фотіемъ государю и распространялся въ обществѣ графини Анны. На первомъ мѣстѣ поставлено «объявленіе о новыхъ и прежде напечатанныхъ книгахъ, продающихся у книгопродавца *Заикина*, и особенно явно и сокровенно революціонныхъ, и злодѣйскихъ, и бѣсовскихъ». Подобное же объявленіе *Глазунова*, гдѣ помѣщено 77 книгъ. Противъ нѣкоторыхъ рукою Фотія помѣчено: *злая, скверная, бѣсовская* и т. д.:

а) *Злая*: 1) «Воспомяніе о Юнгѣ Штиллингѣ»; 2) «Важнѣйшіе іероглифы»; 3) «Духъ Эккертсгаузена»; 4) Жизнь Штиллинга», и 5) «Побѣдная пѣснь».

б) *Бѣсовскія*: 1) «Истина религій»; 2) «Ключъ къ таинствамъ натуръ», Эккертсгаузена; 3) «Мысли на досугъ»; 4) «Мысли о небѣ»; 5) «Мысли», Эккертсгаузена; 6) «Облако надъ Святилищемъ»; 7) «Путь ко Христу», І. Бама; 8) «Приключеніе по

смерти», Штиллинга; 9) «Письма къ другу», и 10) «Тоска по отчизнѣ», Штиллинга.

с) *Скверныя*: 1) «Зеркало внутреннего человека»; 2) «Наставленіе мудраго», Эккертгаузена, и 3) «Ночи», его же.

д) *Еретическія и анти-христіанскія*: 1) «Избранныя сочиненія г-жи Г. Гюль»; 2) «Изъясненія на Евангеліе», ея же; 3) «Изъясненія на Дѣянія», ея же; 4) «Изъясненія на Апокалипсисъ», ея же; 5) «Молитвы, изъ псалмовъ почерпнутыя»; 6) «Письма христіанки»; 7) «Просвѣщенный пастухъ»; 8) «Путешествіе молодого Ностиса»; 9) «Таинство Креста», и 10) «Торжество Евангелія» или «Записки свѣтскаго человека, обратившагося отъ заблужденій новой философіи».

е) *Революціонныя*: 1) «Краткія правоучительныя правила», Штиллинга; 2) «Побѣдная пѣснь» (она же и *злая*), и 3) «Сіонскій Вѣстникъ».

ф) *Масонскія*: 1) «Наука числъ», Эккертгаузена; 2) «Наставленіе ищущимъ премудрости»; 3) «О познаніи самого себя», I. Массона; 4) «Торжество Евангелія».

Далѣе, съ тѣмъ же характеромъ мы находимъ Фотіеву «Записку о каталогѣ русскихъ книгъ», для показанія развращенія литературы духомъ времени. Фотій всѣ книги дѣлитъ на 4 разряда: I. Наполненныя англійскаго матеріализма и французскаго вольнодумства и сверженословія; II. Масонскія и магическія; III. Представляющія съ разными приправами весь ядъ германской философіи Канта, Фихте и Шеллинга, и IV. «Изолагающія ученіе методистовъ и квіетизма, т.-е. того же якобинства и философіи, личною христіанства закрытыя». Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: «Примѣтить надобно, что послѣдняя статья современна новому образованію министерства просвѣщенія и обиліемъ своимъ обязана тому, что книги духовно-нравственныя, вопреки уставу о цензурѣ и Высочайшимъ указамъ, отняты какимъ-то непонятнымъ образомъ у духовной цензуры». Авторъ показываетъ, какъ «духъ времени развращалъ нашу литературу и искалъ помощію ея потрясти во всѣхъ классахъ народа почтеніе къ православной вѣрѣ и отечественному правительству».

I отд. — «Книги французскаго философізма» — заключаетъ 181 №№, между ними есть ни въ чемъ неповинныя, какъ исторія аб. Милога, Правила поэзіи и т. п.

II отд. — масонскій — заключаетъ 117 книгъ, куда попали и оракулы и забавныя гадательныя книжки, сонники и т. п. изданія.

Въ *III отд.* 43 книги, между ними: соч. Песталотци «Аз-

бука очевидности», Спб. 1805; «Книга для матери», пер. Покровскаго, 1806; «Краткое описаніе методы воспитанія», 1806, и «Философія Якоби»; сочиненія статистическія: «Труды Греча», «Ланкастерскія школы» (Спб. 1818) и т. п.

Въ IV отд. 11 №№ книгъ. Сочиненія г-жи Гіонъ, Госнера и Линделя.

Всѣхъ книгъ 332. Если каждую выпускали въ 1,200 экз., то всего 398,400 экз., — «таковъ необъятный былъ разливъ зловѣрія!» Наконецъ, къ позднѣйшему времени относится составленный Фотіемъ и помѣщенный въ «Сборникъ документовъ», «списокъ нѣкоторыхъ книгъ, противныхъ св. вѣрѣ и правительству, изданныхъ въ Россіи со времени учрежденія духовнаго министерства съ 1817 по 1824 г., для реформы и революціи, противу всѣхъ законовъ, правъ и постановленій».

Здѣсь перечислено 42 книги, съ замѣчаніемъ, что «всего зла перечислить невозможно», ибо эти книги издавались тысячами, и по примѣрному исчисленію автора ихъ было не менѣе 52,800 экз. Реестръ имѣетъ молитвенное заключеніе. Такимъ образомъ Фотій объявлялъ войну *всей* современной ему русской литературѣ, признавая ее незаконною, еретическою, безбожною и революціонною.

Особенно вызывалъ въ Фотіѣ ненависть Лабзинъ, извѣстный издатель «Сіонскаго Вѣстника», литераторъ, мірской человѣкъ, державшій «восхищать санъ учителя» и свободно высказывавшій свои воззрѣнія. Когда «Вѣстникъ» запретили издавать, а публика его требовала, то Лабзинъ сталъ выпускать прежніе нумера, которые читались на расхватъ, что крайне возмущало Фотія, тѣмъ болѣе, что Кочубей и кн. Голицынъ сочувствовали и содѣйствовали Лабзину, а митр. Амвросій, представители учености — Филаретъ и Иннокентій — молчали и даже дружили съ нимъ.

Примыкая въ *библейскому обществу*, въ трудахъ котораго Филаретъ принималъ столь живое и дѣятельное участіе, Лабзинъ и Поповъ, «уста лжи, чада влѣтвы и діавола», по мнѣнію Фотія, стремились въ искаженію св. писанія, издавая его въ русскомъ переводѣ. Рядомъ съ библейскимъ обществомъ шла пропаганда мистицизма въ высшихъ слояхъ тогдашняго культурнаго общества. Здѣсь отличалась *Хвостова*, «женщина яко боговдохновенная», писанія которой, «исполненныя бабьихъ мудрованій», чествовались даже учеными; «иностранка, жена безумная, нѣкто *Криднеръ*», «надъ главою которой духа св. парящаго изображали; *Татаринова*, «съ шайкою своихъ бѣснующихъ лже-пророковъ», которой покровительствовали въ Михайловскомъ дворцѣ, и княгиня Го-

мысли. До чего доходило увлеченіе мистицизмомъ, можно видѣть изъ того, что предвѣстникъ Фотія, законоучитель 1-го в. корпуса іер. Теофілъ былъ «витіємъ» въ ложѣ Лавина, которая собиралась у купца Антонова; почти всѣ служащіе во 2-мъ кад. корп. принадлежали въ масонскимъ ложамъ, — только директоръ Марьевичъ былъ противъ ложъ, да и то потому, что ему пришлось-было поплатиться за одного ученика-духовидца.

Къ этому же времени относится «извѣщеніе свыше», которое было-де Фотію въ видѣніи о предстоящей борьбѣ, причемъ онъ въ видѣніи дважды вытолкалъ «въ шею» Лавина изъ алтаря, «схвативъ за оба плеча, повернулъ лицомъ и въ задъ, въ шею вытолкалъ, говори тако»: «не подобаетъ тебѣ, нечестиве, враже, внити во врата св. царскія, мірскому сущу и скверному чловѣку». Если драка и ругательства въ алтарѣ представлялись уже въ воображеніи Фотія законными средствами противъ сектантовъ, то надо полагать, что онъ былъ сильно озлобленъ. Послѣ этого Фотій старался вездѣ распускать дурные слухи про своихъ противниковъ, и если вѣрить автобіографіи, проповѣдывалъ походъ противъ ересей «съ каедръ, въ властахъ, на дорогахъ, гдѣ случай былъ».

Но сила Фотія пока была ничтожна. На сторонѣ его противниковъ были даже «лица первѣйшія духовнаго званія» (намекъ на Филарета), духъ вольномыслія обладалъ императоромъ. Надо было прежде всего заручиться влияніемъ адъе. Путемъ въ цѣли послужилъ «блаженный», какъ его именуетъ Фотій, Иннокентій, издавна враждебно смотрѣвшій на мистицизмъ и теперь давшій Фотію благословеніе на борьбу противъ «новыхъ ученій». Иннокентій имѣлъ сильную поддержку въ князѣ и княгинѣ Мещерскихъ, въ князѣ Шихматовѣ, въ сенаторѣ Штерѣ и, наконецъ, въ Михаилѣ митрополитѣ и Серафимѣ Тверскомъ, впоследствии также митрополитѣ и дѣятельномъ союзникѣ Фотія. Послѣдній безцеремонно называетъ это общество «стадомъ», такъ какъ оно вздыхало и молчало, а дѣлать ничего не дѣлало. Филаретъ, передъ которымъ доселѣ Фотій благоговѣлъ, теперь сталъ ему подозрительнымъ за переводъ Н. Завѣта на русскій языкъ. Дѣло это, по словамъ Фотія, «вѣчное и неизгладимое пятно на него положило». Фотій во всемъ винилъ Филарета, потому что другіе преосвященные, въ семъ участвовавшіе, «не искусны были въ знаніи языковъ», а Филаретъ былъ глубокій ихъ знатокъ. Иннокентій такъ отзывался объ этомъ дѣлѣ: «Плохое дѣло — ново-завѣтный новый переводъ на простое русское нарѣчіе: болѣе вреда принесетъ, нежели пользы». Теперь Фотій уже считаетъ себя въ правѣ отзываться о

Филаретъ, что онъ «къ благочестію и къ истинной пользѣ душе-спасительной ничего не сдѣлалъ, и даже дѣйствующимъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ».

Тѣмъ временемъ Фотію, по его словамъ, были новыя видѣнія «для ободренія въ брани за вѣру». По всему видно, что при усиленномъ постничествѣ, Фотій до того разстроилъ свое воображеніе призраками гоненій и мученій за вѣру, что «видѣнія», «восхищенія», «знаменія» постоянно тревожили его покой, являясь въ болѣе или менѣе сильныхъ формахъ галлюцинацій. На связь подобныхъ явленій съ оскуднѣніемъ физическихъ силъ указываетъ самъ Фотій, когда, описывая подобные случаи, говоритъ, что предъ этимъ сильно постился, измощдалъ плоть, усиливалъ подвиги.

Въ это время въ Петербургѣ произошелъ случай, надѣлавшій много шума, съ законоучителемъ морского корпуса Іовомъ, который, ради непорочной жизни и христіанскаго духа, избранъ былъ Фотіемъ даже въ духовники. Дѣло было въ маѣ 1818 г. Іовъ, исполненный мистической ревности въ духѣ отрпцанія внѣшней обрядности и формальности въ религіи, въ полупомѣшанномъ состояніи, отправился въ корпусную церковь, порѣзалъ ножомъ образа, писанные на холстѣ. Іова схватили, посадили въ особую комнату, но едва удержали отъ попытки выскочить на улицу съ 4-го этажа.

Фотію было поручено разслѣдованіе дѣла и увѣщаніе Іова, который скоро опомнился, во всемъ сознался. Оказалось, что онъ былъ членомъ масонской ложи Лабзина, куда, однако, только-что вступилъ (7 мая 1818 г.), и которая, слѣдовательно, не могла создать въ немъ такого настроенія, какое обнаружилъ онъ въ горячечномъ состояніи въ церкви. Но для Фотія это былъ прекрасный случай поднять «воплъ противу тайныхъ беззаконій и всѣхъ вольнодумовъ».

Іовъ, подъ вліяніемъ совершеннаго имъ нелѣпаго поступка, обстоятельно изъяснилъ, какъ Лабзинъ и К⁰ увлекали его, «въ тайну нечестія и беззаконія масонскаго». Но этимъ онъ себя не спасъ. По ходатайству «масонскихъ» вліятельныхъ лицъ, онъ-было получилъ мѣсто учителя въ Новгородѣ, но скоро угодилъ въ Архангельскъ и былъ разстриженъ. А между тѣмъ Фотій, опираясь на этотъ случай, поднималъ тревогу, «при семъ случаѣ возвысилъ гласъ свой и вопль свой яко трубу, и яко городъ ходилъ всюду», взывая противъ вольнодумства. Равнодушіе духовныхъ властей его еще болѣе раздражало. Фотій на первый разъ сдѣлалъ орудіемъ тревоги своихъ же учениковъ. Добылъ онъ масонскій ватхивизъ, и сдѣлавъ на немъ надпись: «Кати-

хизисъ массоновъ, вѣрующихъ во антихриста, діавола и сатану», далъ кадетамъ, между которыми были дѣти аристократическихъ фамилій, читать; а тѣ разнесли вѣсти объ этомъ по домамъ. Вышелъ скандалъ, такъ какъ масонству принадлежали лица высоко поставленныя. Въ столицѣ стали говорить о Фотіѣ.

А ему это и было нужно. Успѣхъ увеличивалъ его фанатическое настроеніе, и опять пошли ему видѣнія и искушенія. Однажды бѣсъ будто бы убѣждалъ его сотворить чудо на посрамленіе нечестія—по Невѣ, какъ по суху, перейти противъ дворца; но онъ благоразумно не рѣшился на этотъ курьезный опытъ.

Въ другой разъ ему явилось какое-то «милое и сердцу сладкое» видѣніе, но онъ прогналъ его молитвой. Странное его поведеніе повело-было къ большимъ непріятностямъ. Дѣло въ томъ, что на него стали смотрѣть, какъ на сумасшедшаго. Объ этомъ сперва секретно сообщали митрополиту; слухъ разнесся по корпусу, достигъ въ лавру; одни жалѣли его, другіе радовались, всѣ стали оберегаться фанатическаго монаха; другіе дерзали приходить и даже его осматривать. Фотія это бѣсило и волновало до глубины души, и тогда-то окончательно окрѣпла его ненависть къ «новымъ ученіямъ». «Въ тайнѣ сердца его, за такое злое соглашеніе поносное, *палубное родилось дерзновеніе* въ немъ до пролитія крови и самой смерти, пока живъ будетъ на землѣ, бороться со всѣми тайными обществами». Теперь цѣль его опредѣлилась ясно. Митрополитъ и Иннокентій убѣждали его молчать, не поднимать бури, даже задерживали его въ лаврѣ; но онъ остался упоренъ, тѣмъ болѣе, что Иннокентій преподавалъ ему благословеніе и въ митрополичьемъ саду ягодами кормилъ, «перстами своими во уста ему влагая». Любезность эта смутила даже Фотія, до того она была необычна, но въ то же время она ясно свидѣтельствовала о внутреннемъ одобреніи и сочувствіи настроенію Фотія.

Когда надо было ѣхать Фотію изъ лавры, у него ни копѣйки не оказалось, и Иннокентій далъ ему на извозчика. Подѣхавъ къ корпусу, Фотій всталъ съ дрожжей, и молился предъ храмомъ. Входить онъ въ классъ.

«Всѣ вставъ кадеты, какъ любили премного, то заплакали видѣвшіе его отъ жалости. О. Фотій прослезился самъ. Вопросалъ ихъ: «отчего вы, чада возлюбленная, слезно зрите на меня?»—Они ему говорили: «отче, намъ сказали, что уже тебя въ Сибирь сослали». Фотій имъ за любовь поклонился низко и велѣлъ сѣсть. Также они сказали: «слухъ пронесся, что будто,

отче, ты внѣ ума въ темницѣ». Послѣ этого Фотій изъяснилъ имъ по-своему, конечно, свое дѣло.

Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства такъ слагались, что Фотій съ каждымъ днемъ дѣлался раздражительнѣе и нетерпимѣе. Но пока это враждебное его настроеніе и озлобленіе ограничивалось тѣсною средою его служебной дѣятельности и не находило себѣ внѣшней поддержки, оно всего больше вредило самому Фотию, подрывало его здоровье, отравляло ему жизнь. Только съ приобретениемъ внѣшняго вліянія Фотій становится дѣйствительно опаснымъ.

Думаютъ, что знакомство съ Филаретомъ и Иннокентіемъ благотворно вліяло на богословское образованіе Фотія ¹⁾. Конечно, умный и даровитый человѣкъ могъ бы многое заимствовать особенно отъ глубоководнаго Филарета; но Фотій далеко не былъ такимъ; скоро къ Филарету онъ сталъ чувствовать даже нерасположеніе, именно, быть можетъ, вслѣдствіе его учености, которая не ладила съ «смирненнымъ и умышленнымъ убожествомъ» фанатика-монаха. Вліяніе Иннокентія было гораздо сильнѣе и глубже; но оно ограничивалось чисто-моральными, аскетическими воззрѣніями. Ни изъ чего не видно, чтобъ Иннокентій чѣмъ-либо вызвалъ въ Фотиѣ любовь къ наукѣ, на которую и самъ Иннокентій смотрѣлъ подозрительно, отождествляя ее съ вольномысліемъ. Совершенно напротивъ, Иннокентій содѣйствовалъ усиленію нетерпимости въ Фотиѣ даже въ отношеніи научномъ. Если первые опыты Фотія въ проповѣдничествѣ были поощряемы, то все не ради ихъ ораторскаго или ученаго достоинства; могъ ли полуграмотный монахъ, едва годъ пробывшій въ академіи, имѣть подобныя претензіи? — Но ради ревности, горячаго чувства и силы обличенія, тайна которой вскрылась въ нервной, раздражительной натурѣ Фотія. Собственный опытъ Фотія — составленное имъ «Огласительное Богословіе» — въ научномъ отношеніи вещь ничтожная, и она прошла незамѣченной даже въ самую блестящую пору извѣстности Фотія ²⁾. Что касается до того, что въ знакомствѣ съ Иннокентіемъ и Филаретомъ Фотій почерпалъ знакомство съ тогдашнимъ религіознымъ движеніемъ въ русскомъ обществѣ ³⁾, то и здѣсь Фотій немного заимствовалъ отъ сво-

¹⁾ Напр., *К. Поповъ*. См. ст.: Фотій и его дѣятельность. „Труды К. Д. Академіи“. 1875 г., стр. 710.

²⁾ Трудъ этотъ былъ у насъ въ рукописи. Авторъ говорить, что трудъ его трикратно одобренъ на публичномъ экзаменѣ; но это одобреніе значило не болѣе, какъ только то, что въ учебникѣ не было ничего противоположнаго.

³⁾ *К. Поповъ*. Фотій и его дѣятельность. „Труды К. Д. Ак.“, 1875, іюнь, стр. 711.

ихъ образцовъ. По ограниченности своихъ способностей и образованія, Фотій не могъ возвыситься до широкаго, просвѣщеннаго взгляда Филарета, не могъ понять глубокихъ основаній его терпимости; а такъ какъ между Филаретомъ и Иннокентіемъ скоро возникла рознь, то Фотій прямо склонился на сторону послѣдняго, видѣлъ въ Филаретѣ даже измѣнника святому дѣлу и, какъ всѣ злые, тупые и ограниченные люди, сталъ смотрѣть даже съ высока на великаго ученаго, не признавая за нимъ никакихъ заслугъ на пользу вѣры и церкви. Можно сказать, что самоувѣреніе Фотія росло съ его внѣшними успѣхами. Развѣ не улаживался онъ въ послѣдствіи именемъ «Юрьевского Златоуста»? Да и въ эту эпоху Фотій уже съ самонадѣянностью заявляетъ, что-де онъ открылъ глаза Иннокентію и разоблачилъ лжехристіанство Хвостовой, которой учитель его вѣрилъ и которую считалъ «христіанкою примѣрною» ¹⁾. Но для Фотія несомнѣнно было важно быть вблизи Филарета, лица важнаго, высокопоставленнаго, — это выдвигало незамѣтнаго и ничѣмъ не выдававшагося монаха, составляло ему положеніе въ обществѣ, и дѣйствительно сближало его съ центромъ, гдѣ загорѣлась борьба между защитниками церковнаго порядка и мистиками.

VIII.

1819-й годъ былъ бѣденъ фактами дѣятельности въ жизни Фотія, — это былъ годъ *подготовительный*. Главный предметъ автобіографіи въ этомъ году — изложеніе разныхъ новыхъ ученій и сектъ, съ которыми затѣмъ боролся Фотій.

Начало года было печально для Фотія. Его любимый совѣтникъ и поощритель Иннокентій палъ жертвою увлеченія и неосторожности. Дѣло было такъ. Нѣкто Станевичъ сочинилъ книгу: «Бесѣда надъ гробомъ младенца», въ которой онъ обличаетъ современное нечестіе и особенно новыя ученія. Иннокентій былъ цензоромъ. Самъ пропитанный враждебнымъ настроеніемъ къ духу времени, онъ радъ былъ пропустить книгу, гдѣ обличается этотъ духъ. Но за этой тенденціей онъ не досмотрѣлъ, что книга Станевича, въ сущности пустая и поверхностная, заключала въ себѣ ученіе противное символу. Этимъ воспользовались враги Иннокентія. Поднялось дѣло. При участіи кн. Голицына, оно дошло до государя, который былъ крайне этимъ недоволенъ и

¹⁾ Записки Фотія въ „Рус. Арх.“, 1873 г., стр. 1442.

далъ повелѣніе—удалить Иннокентія изъ Петербурга. Для видимости, положено было назначить его епископомъ оренбургскимъ; но по ходатайству кн. Мещерскихъ его назначили въ Пензу. Случай этотъ сильно повліялъ на Фотія, который лишился въ Иннокентіѣ главнаго покровителя, совѣтника, союзника и возбудителя.

Напрасно думаютъ, что здѣсь замѣшались возни Филарета; послѣдній предупреждалъ Иннокентія объ опасности, но Иннокентій даже обидѣлся на указаніе, что сочиненіе Станевича противорѣчитъ символу. «Развѣ я символа вѣры не знаю?»—отвѣтилъ онъ на предупрежденіе ¹⁾. Извѣстно, что высмея Иннокентія кончилась для него дурно. Захворавъ еще въ дорогѣ, онъ и года не прожилъ на паствѣ, сконтавшись 10-го октября 1819 г. Но переходъ Иннокентія въ Пензу имѣлъ въ послѣдствіи громадное вліяніе на судьбу Фотія. Дѣло въ томъ, что когда Иннокентій проѣздомъ черезъ Москву захворалъ, къ нему явились съ услугами первыя лица города и въ числѣ ихъ 35-лѣтняя дѣвица, гр. Анна Орлова-Чесменская, которая затѣмъ играла столь важную роль въ судьбѣ Фотія. Конечно, отъ Иннокентія она узнала объ его другѣ Фотіѣ въ Петербургѣ; если при этомъ Иннокентій выставилъ себя страдающимъ за правду, за церковь, за истину вѣры; то дружба его къ Фотію имѣла значеніе самой сильной рекомендаціи. По крайнемѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить совершенно, повидимому, случайное и непредвидѣнное сближеніе графини Анны съ Фотіемъ.

Жизнь и труды преосв. Иннокентія вообще почти неизвѣстны у насъ. Хотя судьба его по отношенію къ исторіи Фотія имѣетъ эпизодическое значеніе, однако же она имѣетъ несомнѣнную важность и для нашей задачи. Въ числѣ невыясненныхъ вопросовъ о Фотіѣ видное мѣсто занимаетъ вліяніе на Фотія Иннокентія. Выше мы уже коснулись этого вліянія. Всѣмъ извѣстно, что Фотій началъ подвижничество и борьбу съ духомъ вѣка подъ вліяніемъ Иннокентія,—но въ чемъ именно состояло это вліяніе, до сихъ поръ остается не вполне разъясненнымъ, какъ и самый характеръ Иннокентія неизвѣстнымъ. Ключъ къ рѣшенію этого вопроса представляетъ жизнеописаніе Иннокентія, въ которомъ

¹⁾ Тамъ, II, л. 58. Такъ какъ рассказъ объ этомъ предупрежденіи Иннокентія исходить отъ Фотія, то ему можно вѣрить, хотя онъ и уничтожаетъ отзывъ самого Фотія по этому поводу о Филаретѣ. Мнѣніе о соперничествѣ Филарета съ Иннокентіемъ довольно распространено, но оно положительно не вѣрно. Ср. „Чтен. общ. истор. и древн.“, 1868 г., стр. 265.

Фотій не только очерчиваетъ личность своего отца духовнаго и руководителя, свои отношенія къ нему, но и тѣ выгоды, которыя онъ вынесъ изъ этого союза.

Мы сдѣлаемъ лишь краткое извлеченіе изъ этой рукописи, насколько это кажется необходимымъ для характеристики Фотія и его отношеній къ Иннокентію.

«Сказаніе» о житіи Иннокентія бѣдно содержаніемъ, фактами; все оно почти состоитъ изъ разсужденій. Авторъ начинаетъ съ похвалы Иннокентія, котораго онъ называетъ *блаженнымъ*.

Родился Иннокентій въ подмосковномъ селѣ Павловѣ, отъ дьячка, какъ и самъ Фотій. Первое имя Иннокентія было Илларионъ, а за его *смирненіе* въ семинаріи ему дали фамилію *Смирновъ*. Фотій говоритъ, что Илларионъ учился отлично, былъ «остръ разумомъ», простъ сердцемъ, чистъ тѣлесно, въ должности рачителенъ, въ словѣ вѣренъ.

По вступленіи въ монашество, получивъ имя Иннокентія («невиннаго»), онъ жилъ согласно своему имени. Фотій не передаетъ фактовъ постепеннаго возвышенія Иннокентія, но описываетъ его монашескую жизнь самыми свѣтлыми красками. Онъ былъ воздерженъ, бдителенъ, трудолюбивъ, благочестивъ, день и ночь проводилъ въ молитвахъ, чтеніи св. писанія, житій святыхъ, подражая имъ словомъ и жизнью. Несмотря на напыщенно-риторическое, крайне многословное и преувеличенное прославленіе авторомъ Иннокентія, по всему было видно, что это былъ теплый и симпатичный, добрый человекъ. Приводимыя въ «Сказаніи» выдержки изъ его писемъ говорятъ о теплотѣ, задушевности его убѣжденій и искренней религіозности, о чемъ свидѣтельствуютъ и совѣты его Фотію въ ученіи болѣе всего имѣть терпѣливость, миръ, любовь и спокойствіе. Особенно Иннокентій настаивалъ на смирненіи и молитвѣ. Въ кельи у него всегда горѣла неугасимо лампада; воздержаніе доводило его даже до изнеможенія, а для смирненія плоти онъ носилъ еще власницу.

Фотій обстоятельно описываетъ подвиги его—покаянія, пощенія, дѣвство, нищету, милосердіе, непрестанную молитву, проповѣданіе, добрыя дѣла, смирненіе, терпѣніе, страннопримство. Вообще въ Иннокентіѣ Фотій начертываетъ идеалъ монаха, на высотѣ его призванія, хотя и эти изображенія проникнуты у Фотія отчасти духомъ обличенія и полемики съ духомъ времени.

Аскетизмъ Иннокентія привлекалъ къ нему много поклонниковъ изъ аристократіи, и здѣсь-то онъ впадалъ въ тонъ рѣзкаго обличителя, безъ сомнѣнія, не оставшійся безъ вліянія на Фотія.

Въ «Сказаніи» приводится нѣсколько случаевъ, характеризующихъ нестяжательность, незлобіе и простоту Иннокентія.

Однажды Иннокентію кто-то изъ родителей учащихся прислалъ взятку, — тотъ со скорбію и съ негодованіемъ выпроводилъ посланца. Даже простыя пожертвованія и весьма значительныя Иннокентій обыкновенно отклонялъ отъ себя. Такъ, когда во время болѣзни его въ Москвѣ, кѣкто неизвѣстный (вѣроятно гр. Анна) прислалъ ему цѣлый узелъ ассигнацій, то Иннокентій развернулъ его, подивился такому богатству, и велѣлъ съ благодарностью отнести назадъ подарокъ. Въ этомъ отношеніи Фотій далеко не подражалъ своему руководителю и всячески потому обиралъ графиню Анну.

Однажды дьяконъ, въ нетрезвомъ видѣ, потерялъ дорогой крестъ. Виновный ждалъ осужденія, но благодаря заступничеству Иннокентія, былъ прощенъ.

Когда князь Голицынъ за «Бесѣду на гробѣ младенца» настоялъ на удаленіи Иннокентія, Фотій явился рѣзкимъ обличителемъ князя предъ Иннокентіемъ, но послѣдній запретилъ ему осуждать врага, ибо это противно заповѣди любви ¹⁾.

Фотій передаетъ еще такой случай. Одинъ изъ учениковъ семинаріи тяжело трижды провинился въ послушаніи и ему грозила кара. Иннокентій, вмѣсто наказанія, сталъ убѣждать и увѣщивать ученика, и при этомъ такъ растрогался, что самъ заплакалъ и ученика привелъ въ чувство, послѣ чего и отпустилъ его безъ взыскапія. Фотій горячо возсталъ противъ этого, находя, что виновный долженъ понести наказаніе. На это Иннокентій отвѣтилъ, что кротость и любовь вѣрнѣе ведутъ къ цѣли и болѣе согласны съ духомъ воспитанія христіанскаго.

Однако Иннокентій не чуждъ былъ и духа обличенія, при чемъ его рѣчь дѣлалась жестокою и поражала своею силою. Вотъ примѣръ его обличенія современныхъ ему проповѣдниковъ:

«Любодѣй любодѣйствуетъ не ради дѣторожденія, но для насыщенія нечистой своей похоти: такъ и проповѣдникъ слова Божія, когда проповѣдуетъ не ради рожденія духовныхъ чадъ по закону, но чтобы, сказавъ слово, тою движеніемъ рукъ, эхомъ голоса и промываніемъ слухъ за проповѣдника, или почесать сердце свое щекотаніемъ, слухомъ чести, мады и отличія, тоже онъ дѣлетъ, что и любодѣй: сей любодѣйствуетъ тѣлесно, а той духовно. А когда въ проповѣди есть еще примѣсъ неправого ученія, духа, тогда яжеже матеръ убиваетъ во чревѣ своемъ

¹⁾ Исторія объ этомъ передается у Фотія прикровенно (Сказ. 81 л.), но и безъ именъ ясно, о комъ идетъ рѣчь.

ядомъ младенца, тако и проповѣдникъ ядомъ заблужденія паче убиваетъ, нежели воспитываетъ чадъ духовныхъ во утробѣ церкви. Видитъ Богъ, коль во многихъ настоящихъ витіяхъ, проповѣдникахъ бываетъ нечисто, нерадиво, суетно проповѣдническое слово и лепетаніе!»¹⁾ Есть поводъ думать, что въ этомъ обличеніи проповѣдниковъ мѣтилось на Филарета. Рядомъ съ этимъ мы читаемъ и обличительную, горячую его рѣчь противъ азовѣрія, гдѣ говорится «о нечестивцѣ Іак. Бемѣ, о бредняхъ Штилинга, о безумномъ Эккартсгаузенѣ, о прелестномъ Θ. Кемпійскомъ, о безбожномъ Іерусалемѣ, объ адскомъ «внутреннемъ человѣкѣ» Массона, о вольнодумцахъ, лепетунахъ, лжеучителяхъ и лжепророкахъ, суемудрыхъ, гордыхъ, плотскихъ, развращенныхъ, «ни куда и ни къ чему не годныхъ»,—въ этихъ рѣчахъ уже нѣтъ и гѣни терпимости, любви, смиренія. Быть можетъ, Фотій влагаетъ учителю въ уста свои рѣчи; но важно и то уже, что онъ ихъ влагаетъ. Въ такомъ случаѣ, у Фотія представленіе объ учителѣ его соединяло въ себѣ эти двѣ противоположности—любовь и нетерпимость, смиреніе и гордость.

По натурѣ своей Фотій не могъ научиться первому, но второе не только усвоилъ, но и развилъ въ себѣ до послѣднихъ предѣловъ, готовый воздвигнуть остры инквизиціи для inomыслящихъ и подвергнуть ихъ всѣмъ карамъ неба и земли.

Далѣе Фотій передаетъ тотъ фактъ, что Інноцентій не только обличалъ Лабзина, но и посылалъ ему проклятія, осужденіе на муки, преданіе злему духу, что будто бы и сбылось: «нападе на него (Лабзина) духъ лютъ, муча его, повергая долу, бѣя и сотрясая въ свое время, *даже до дне сего*: за не покался и не обратился къ Богу увѣщиваемъ»²⁾. Это дѣйствіе уже совершенно въ Фотіевскомъ духѣ.

Фотій признаетъ Інноцентія *провидцемъ*, усваиваетъ ему даръ предсказывать будущее и считаетъ его святымъ, высшимъ образомъ монаха-аскета. Поэтому провозвѣстіе Інноцентія о лжехристахъ, о тайнѣ беззаконія, о духѣ антихриста, проявляющихся будто бы «въ бесѣдахъ, книгахъ, обществахъ новыхъ временъ», не могли не произвести на впечатлительную натуру Фотія сильнѣйшаго вліянія, не могли не содѣйствовать духу фанатической нетерпимости, которымъ былъ пронизанъ Фотій въ борьбѣ съ духомъ вѣка.

Между тѣмъ Інноцентій въ этомъ именно отношеніи явно

¹⁾ Сказ., 34 и слѣд.

²⁾ Сказаніе 40—42. Имя Лабзина скрыто подъ начальными буквами А. Θ. Л., но здѣсь же говорится о „Сіонскомъ Вѣстникѣ“, издав. какъ извѣстно, Лабзиннымъ.

шелъ вопреки даже своей мягкой, любящей натурѣ, являясь неумолимымъ обличителемъ. Фотій рассказываетъ, что Иннокентій показывалъ ему одну книжицу, гдѣ изложена была «бѣсова философія» новаго времени, гдѣ «мудрованія совершенно сатанинскія, нездравныя, нечистыя, дерзкія, хульныя, вольныя, противу Бога, вѣры Христовой и Духа св., противу властей и всякой истинны», и будто бы эту книжицу предположено было въ училищахъ преподавать, что вызвало желчную, обличительную тираду, совершенно въ духѣ Фотія, причеиъ одинаково осуждаются и всѣ свѣтскія литературныя произведенія: «а о родѣ другаго грѣховнаго ученія, какъ-то: комедій, трагедій, романовъ, басней и т. п., не глѣтъ есть и глаголати, студа ради великаго и явнаго безстрашія». При этомъ «книги новаго духа» прямо называются, «яко гадины ядовитыя», «учебнымъ бѣканьемъ, яко жаба, духовъ злыхъ» и пр. И въ этомъ духѣ бывали даже поученія Иннокентія съ церковной касседры.

Паденіе Иннокентія въ борьбу съ «новымъ духомъ» окончательно должно было сдѣлать изъ Фотія «непримиримаго». Увлеченный желаніемъ обличить духъ времени, Иннокентій-цензоръ неосторожно пропустилъ книгу, гдѣ хотя и обличалось совершенное безвѣріе, но высказывались взгляды неправославныя. Конечно, враги были этому рады. Фотій говоритъ, что «они силились какъ-нибудь удалить съ безчестіемъ Иннокентія изъ Петербурга ¹⁾, и достигли цѣли. Фотій былъ очень близокъ съ Иннокентіемъ, онъ провелъ съ нимъ даже послѣднюю ночь въ Петербургѣ въ молитвѣ и принялъ его завѣтъ борьбы. Фотій окружаетъ смерть Иннокентія ореоломъ святости и величія, и считалъ его мученикомъ за вѣру, самъ беретъ на себя ту же миссію борьбы. Фотій пишетъ, что, рѣшаясь посвятить себя борьбѣ съ зловѣріемъ, онъ просилъ у Бога знаменія, показать ему, спасенъ ли и гдѣ находится умершій Иннокентій, и знаменіе это было дано ему въ 40-й день, въ видѣніи.

Удаленіе Иннокентія такъ поразило Фотія, что онъ приунылъ, въ Петербургѣ ему стало тяжело, и онъ отпросился на богомолье, въ Ковнаецъ. Путешествіе это не представляеть ровню никакого интереса, но носитъ на себѣ явные слѣды скудоумія Фотія. Шелъ Фотій пѣшкомъ; на дорогѣ видѣлъ финновъ «нѣ-

¹⁾ Рѣчь идетъ о кн. Голицынѣ и Филаретѣ. Въ рукописи есть замѣтка Филарета, архіепископа черниговскаго: „NB. О послѣднемъ несправедливо подозрѣніе; по его отзыву, высказанному мнѣ случайно, онъ, напротивъ, предостерегалъ и уговаривалъ бы. Иннокентія не одобрялъ книги, которая дѣйствительно, при своемъ добромъ nambrrenii, написана плохо, не отчетливо, бездоказательно, безсвязно.“ Ф. А. Ч.

мелкаго зловѣрія», имѣющихъ «нечистые обычаи, несвойственные вѣрнымъ», почему онъ не хотѣлъ у нихъ и ѣсть; видѣлъ, что и православные ѣдятъ скоромное по средамъ и курятъ табакъ, что подало поводъ ему излить негодованіе на весь міръ. Въ Коневцѣ его приняли радушно, угостили и одарили. Фотій все въ немъ хвалить, только одного «прельщеннаго старца», который, будучи слѣпъ, помѣшался на томъ, что «бѣсовъ нѣтъ на свѣтѣ, а дьяволы суть люди и что онъ самъ совершенно святъ», — не одобряетъ, тѣмъ болѣе, что старецъ этотъ, не желая слушать Фотіевскихъ увѣщаній, хотѣлъ даже его побить. Отдохнувъ въ Коневцѣ, Фотій возвратился въ Петербургъ и здѣсь разными прописками искалъ случая устроить пагубу новымъ ученьямъ, «остановить потокъ нечестія». Для этой цѣли онъ дѣлаетъ очеркъ «злочестивыхъ собраній тайныхъ обществъ».

Лабзина онъ уличаетъ въ томъ, что имъ распространялась «премудрость земная, бѣсовская», «ученія лжехристовы»; что онъ переводилъ и издавалъ «книги нечестиваго всякаго еретическаго ученія разнаго»; «выдумывалъ чудеса разныя новыя»; «прославлялъ магнитизмъ, — сущее бѣсовское дѣло и упражненіе»; что онъ «самъ сущій апостолъ и пророкъ сатанинъ», совратившій въ свое ученіе Филарета, Теофила, основателя ложи въ одесскомъ лицей, Іова-разстригу, многихъ духовныхъ знатныхъ и свѣтскихъ лицъ, купцовъ богатѣйшихъ, за что министръ кн. Голицынъ «исправлялъ ему похвалы громкія и какъ нѣкоему апостолу, царская рука писала въ рескриптахъ». При этомъ авторъ перечисляетъ зловредныя, изданныя Лабзинымъ книги, указываетъ на его поборниковъ и предшественниковъ, между прочимъ на Новикова, Тургенева и др.

Не менѣе вреднымъ Фотій находилъ Кошелева. «Сей вельможа хитрый, нустосватъ, придворный ласкатель, прибравъ себѣ въ руки мин. дух. дѣлъ, кн. Голицына, болѣе всѣхъ сдѣлалъ вреда церкви», такъ какъ онъ былъ близокъ къ государю, котораго Фотій называетъ «малосвѣдущимъ въ истинныхъ вѣры православной». Кошелеву Фотій усволяетъ мысль о преобразованіи дух. училищъ и даже о переводѣ библіи «безъ нужды на простое нарѣчіе»; онъ-де съ кн. Голицынскимъ, директоромъ канцеляріи Тургеневымъ «нерѣдко низвергали архіереевъ, а иныхъ гнали до гроба».

Библейское общество, по взгляду Фотія, было центромъ тайныхъ обществъ, а между тѣмъ ему благоволеніе оказывала царская фамилія, предсѣдательствовалъ въ немъ кн. Голицынъ, членами его были архіереи, и почти по всѣмъ губ. городамъ открыты

были філіальныя его отдѣленія, собранія, корреспонденціи. Это было, говорить Фотій, «библейской Вавилонъ смѣшенія», гдѣ католичество браталось съ нѣмецкимъ зловѣріемъ, а духовные мѣшались съ мірскими людьми, откуда являлось «общее развращеніе и заблужденіе». О переводѣ св. писанія Фотій пишетъ, что въ немъ участвовали даже студенты академій, и хотя этотъ «дѣтскій переводъ» разсматривался профессорами и исправлялся, но переводъ все же выходилъ «болѣзненный и вредный» ¹⁾, при чемъ больше всего вредили Поповъ (дир. библ. общ.) и Лабзинъ, которые рядомъ съ переводомъ издавали свои на него толкованія, «гдѣ самыя догматы главные съ корня были срублены». Особенно вредно было толкованіе Госнера на евангеліе Матвея.

Затѣмъ шли ереси и лжеученія, секты и расколы, между ними отмѣчались: *иллюминаты*, *масоны*, *квакеры*, особенно *методисты*, «секта *лжепророковъ* и *скопцовъ*», которымъ Фотій усвоилъ и политическую крамолу, квіетисты, представительницей которыхъ служила г-жа Гюонъ. Говоря о *Татариновой*, которая, благодаря вліянію кн. Голицына, хозяйничала въ Михайловскомъ замкѣ, авторъ описываетъ «радѣнія» этой секты и пророчества; какой-то монахъ сообщилъ ему даже пѣсни ихъ, которыя пѣлись «на любовѣйный голосъ» и были «гнусны и безумны».

Что касается *Хвостовой*, «дочери Лабзина безбожнаго», то она увлекала даже Иннокентія, который считалъ ее искреннею христіанкою, противъ чего горячо возсталъ Фотій, указывая, что міръ палъ черезъ Еву, что діаволъ черезъ Хвостову хочетъ и насъ также соблазнить, а мы-де не мудрѣ Адама.

Еще упоминаетъ Фотій о сектѣ, подъ названіемъ «Братья-свиньи», гдѣ были ученые, даже врачи иностранные, и «скверною плотію (?) себя мазали», говорить и объ обществѣ *карбонаріевъ*. Что касается источниковъ своихъ свѣдѣній о сектахъ, то Фотій, не стѣсняясь объясняетъ, что имѣлъ шпионовъ въ библ. обществахъ, выпытывалъ отъ своихъ учениковъ, узнавалъ отъ странниковъ и даже тайно присутствовалъ на радѣніяхъ Татариновой, «гдѣ своими очами видѣлъ бѣснованіе, круженіе, лжесловесіе и проищаніе демонское». Въ числѣ покровителей своихъ онъ называетъ м. Михаила, м. Серафима, еп. Симеона, об.-свящ. Державина, арх. Товію, гг. Ниловыхъ, Барановыхъ и особенно Державину, которая «любовію своею много утѣшала его, яко вдовица».

С. Миропольскій.

¹⁾ «Сила перевода была такова, по отзыву Фотія, что догматы церк. ученія ясно испровергались».

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

Въ гаремѣ брань и плачь;—но входитъ падишахъ—
И одалиска еле дышетъ,
Мутитъ ей душу гнѣвъ, отчаянье и страхъ;
Но развѣ не сверкнетъ восторгъ у ней въ очахъ,
Когда ей ласка грудь всколышетъ!...

Холодный Сѣверъ нашъ печаленъ и суровъ;
Но развѣ онъ весны не приметъ,
Когда владычица въ предѣлѣ его снѣговъ
Внесетъ и ландыши, и трели соловьевъ,
И горячо его обниметъ!

И небо, и земля, и жизнь моя въ цѣпяхъ,
На жизнь я тщетно негодую,
Сжимаетъ душу мнѣ отчаянье и страхъ;
Но развѣ не сквозитъ любовь въ моихъ рѣчахъ
Когда я духъ свободы чую!

* * *

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Спать не даетъ, оттого что мнѣ грезится
Молодость въ душевной тюрьмѣ;
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...

Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не дѣ-полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.

Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатая къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Я. Полонскій.

ПОДАТНАЯ ДЕСЯТИНА

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

I.

Пріемъ изслѣдованія.—Земельное устройство общины.—Распредѣленіе общинной земли между членами.—Основанія распредѣленія.—Земля, какъ одинъ изъ элементовъ въ домохозяйствѣ.—Десятина и осьминникъ, какъ земельныя мѣры.—Хозяйство одинокихъ маломощныхъ, и хозяйство семейныхъ.—Типы домохозяйствъ въ общинѣ и податное ихъ значеніе.—Недоимки и ихъ происхожденіе.—Послѣдствія подесятиннаго и подушнаго обложеній по отношенію къ земству.

Для изслѣдованія условій крестьянскаго быта въ черноземной полосѣ Россіи, мы избрали хорошо извѣстную намъ Аряшенскую сельскую общину, какъ одну изъ мельчайшихъ составныхъ частей населенія саратовской губерніи.

Всестороннее изслѣдованіе этой единицы административнаго организма предпринято нами въ тѣхъ видахъ, чтобы узнать, болѣе или менѣе основательно, какъ живетъ эта община подъ давленіемъ всѣхъ условій, которыми она обставлена въ ея новой государственной, общественной и экономической жизни.

Задавшись, такимъ образомъ, мыслью узнать и опредѣлить числовыя отношенія и взаимную связь между общественными и государственными нуждами и средствами къ ихъ удовлетворенію, мы принуждены разграничить свое изслѣдованіе на два главные отдѣла. Одинъ посвятимъ явленіямъ жизни государственной, другой—жизни общественной.

Подъ государственною жизнью Аряшенскаго сельскаго общества мы разумѣемъ проявленіе дѣятельности его къ доставленію

денежных средств для удовлетворенія государственных потребностей, направленных къ содѣйствию общимъ цѣлямъ.

Денежные платежи, которые вносятся обществомъ для удовлетворенія однихъ государственныхъ надобностей, установлены по действующимъ законамъ, въ разныхъ размѣрахъ, *подушными и поземельными обложениями*.

На этотъ разъ мы ограничимся изслѣдованіемъ *поземельнаго обложенія*, въ его единицѣ—*податной десятины* земли.

Но прежде чѣмъ приступить къ анализу земельного обложенія мы считаемъ нужнымъ предварительно познакомить читателя, въ нѣсколькихъ словахъ, съ обстоятельствами, сопровождавшими вообще земельное устройство всей Аряшенской сельской общины.

Крестьяне-собственники Аряшенской сельской общины, въ составѣ 212 ревизскихъ душъ (по X ревизіи), принадлежать къ разряду бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, занимавшихся обработкою помѣщичьей земли. Вскорѣ за введеніемъ уставной грамоты, они сами выразили желаніе перейти съ издѣльной повинности на денежный оброкъ. Затѣмъ обязательно разверстались съ помѣщикомъ угодьями и также обязательно выкупили, при содѣйствіи правительства, весь свой надѣлъ, по четыре десятины на душу. Обязательность въ земельномъ устройствѣ аряшенскихъ крестьянъ вызвалась не враждебностью сторонъ, — она вытекла изъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ того времени. Подъ впечатлѣніемъ разныхъ слуховъ, распространенныхъ людьми всякаго рода, крестьяне опасались входить въ какія-либо окончательныя соглашенія и, какъ-будто въ силу какой-то особой мысли, представляли свое земельное устройство его естественному ходу; единственно—въ чемъ они были рѣшительны, это—въ готовности получить жертвенную (дарственную) десятину. При всей выгодѣ помѣщика устроить своихъ крестьянъ, по ихъ желанію, не могло быть и мысли о даровомъ надѣлѣ, ибо надѣлнѣмъ тяготѣлъ долгъ опекунскому совѣту, не покрывавшійся и выкупной ссудой. Такимъ образомъ, крестьяне устроились на обязательномъ надѣлѣ, благодаря обязательствамъ, вынудившимъ къ тому ихъ владѣльца.

Стремленіе крестьянъ получить одну лишь дарственную десятину было обыкновеннымъ дѣломъ во многихъ мѣстностяхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, крестьяне не готовили же себя къ тому, чтобы совершенно отказаться отъ хлѣбопашества: они поступали такъ изъ одного чувства осторожности. Крестьяне были увѣрены, что земля ихъ владѣльца не минуетъ ихъ рукъ, что они, *не обязанные*, по ихъ выраженію, ни оброкомъ, ни выкуп-

нымъ платежомъ, будутъ снимать землю по существующей цѣнѣ и не дороже оброка ¹⁾. Но на дѣлѣ вышло иначе, — явилась конкуренція со стороны сосѣднихъ крестьянъ, увеличившихъ цѣнность арендной платы, явились коммерческія хозяйства, многія лица изъ торговаго класса, приобрѣвшія земли, стали смотрѣть на свои имѣнія, какъ на торговое заведеніе, которое должно было давать имъ не 6—7% ²⁾, а 12—20%, обыкновенно получаемыхъ торговцами съ затраченного денежнаго капитала и личнаго труда самого предпринимателя. Естественно, что эти хозяева принуждены были допускать всѣ мѣры, чтобы выжать лишнюю копѣйку, не брезгая штрафомъ за сельскую курицу, забредшую въ огорода торговца.

Чтобы показать, что случайное земельное устройство изслѣдуемаго нами сельскаго общества было не исключительное, мы могли бы привести изъ практики нашей по обязанности миров. посредника и члена губернскаго по крест. дѣламъ присутствія множество примѣровъ самаго разнообразнаго земельного случайнаго устройства крестьянскихъ общинъ, но удерживаемся на этотъ разъ, чтобы не выйти изъ скромной рамки изслѣдованія одной податной единицы.

Переходя къ изслѣдованію самого поземельнаго налога, прежде всего, мы обратимся къ самому способу пользованія землей.

Общинная земля крестьянъ Аряшенскаго сельскаго общества, по особымъ свойствамъ обработки и пользованія, представляетъ двѣ категоріи, а именно: землю, раздѣленную на юда, какъ выражаются крестьяне, и землю, подвергающуюся ежегодному дѣлежу. Къ первой категоріи относятся коноплянники, огороды и небольшая часть полевого надѣла (53 десятины), прилегающая къ селенію, къ самой околицѣ, а ко второй — весь полевой надѣлъ, раздѣленный на три поля: яровое, озимое и паровое. Земля первой категоріи удобряется, а второй — остается въ ея первобытномъ состояніи.

Въ пользованіи Аряшенской сельской общины числятся 846 податныхъ десятинъ казенной мѣры удобной земли; по положенію 19-го февраля 1861 года и по выкупному договору, десятины эти должны были бы распредѣлиться на 212 ревизскихъ душъ мужского пола, числившихся въ обществѣ, такъ что каж-

¹⁾ Это относится до крестьянъ-хлѣбопашцевъ, — нѣкоторыя же общины, какъ дальнѣйшія изслѣдованія намъ покажутъ, или на даръ, потому что не были въ силахъ обработать землю и платить связанныя съ нею повинности.

²⁾ Обыкновенно даваемыхъ нашими помѣщичьими хозяйствами.

дая душа должна была бы получить на свою долю по 4 десятины; при распределеніи же земли между сочленами, общество не принимаетъ въ соображеніе этихъ цифръ.

Мы видимъ также, что общество не обращаетъ должнаго вниманія на ежегодно измѣняющіяся цифры, показывающія наличное число душъ мужского пола, а равно оно не придаетъ значенія и наличному числу рабочихъ силъ. Остается предполагать, что община распредѣлила землю по тончайшимъ составнымъ частямъ своимъ, т.-е. дворамъ, которые она должна была бы принять за единицы.

По собраннымъ свѣдѣніямъ видно, что все населеніе общины состоитъ изъ 87 особыхъ дворовъ, особыхъ хозяйствъ, но оказалось, что и эта цифра не имѣетъ значенія относительно равномернаго распределенія между ними всей земли, нераздѣльно принадлежащей всей общинѣ.

Мы видимъ, что цифры, показывающія распределеніе земли, измѣняются своеобразно и почти ежегодно, и это измѣненіе подчинено извѣстнымъ обществу соображеніямъ. Вся земля общиннаго владѣнія Арапенской сельской общины распредѣляется въ такомъ видѣ.

Если мы возьмемъ свѣдѣнія за одинъ только годъ, въ который предпринято изслѣдованіе, — 1876-й, то они намъ показываютъ, что въ яровомъ полѣ —

Отвѣдно домохозяевамъ:	ЛУЧШЕЙ ЗЕМЛИ	СРЕДНЕЙ ЗЕМЛИ
Евдокиму Фролову	1 осьминникъ ¹⁾	1 осьминникъ
Игнатию Игнатьеву	1½ " "	1½ " "
Михайлѣ Алексѣеву	2 " "	2 " "
Федору Максимову	2½ " "	2½ " "
Николаю Игнатьеву	3 " "	3 " "
Ивану Андрееву Шукину	3½ " "	3½ " "
Тихону Андрееву	4 " "	4 " "
Никитѣ Жидову	5 " "	5 " "
Ивану Ботову	5½ " "	5½ " "

Эти же лица получили пропорціональное количество въ особомъ участкѣ и худшей земли въ дробныхъ частяхъ осьминниками.

Если же мы возьмемъ свѣдѣнія за три года: 1874, 1875 и 1876, то увидимъ, что —

Дворъ Василья Федотова

въ 1874 г. получилъ земли:	4½ осьм. лучшей	и 4½ осьм. средней
" 1875 " " " "	5 " " "	5 " "
" 1876 " " " "	5½ " " "	5½ " "

¹⁾ Осьминникъ равняется 10-ти квадрат. саженамъ въ ширину и 80-ти въ длину.

Общество прибавляло ежегодно по $\frac{1}{2}$ осьминника земли потому, что дворъ этотъ становился сильнѣе своими рабочими силами и былъ потому способнѣе къ перенесенію тягостей по нуждамъ общественнымъ и государственнымъ.

Дворъ Ивана Федотова

въ 1874 г.	получилъ земли:	3 осм.	лучшей	и	3 осм.	средней
" 1875 "	"	"	2 $\frac{1}{2}$	"	"	2 $\frac{1}{2}$
" 1876 "	"	"	2	"	"	2

Общество сбавляло у него по $\frac{1}{2}$ осьминника ежегодно, по причинѣ старости и неспособности его въ перенесенію такихъ тягостей, какія этотъ дворъ былъ способенъ переносить до 1874 года.

Дворъ Василья Васильева въ 1875 году получилъ земли: 3 $\frac{1}{2}$ осьминника лучшей и 3 $\frac{1}{2}$ осьминника средней, а въ 1876 году ему слѣдовало бы получить 2 осьминника лучшей и 2 осьминника средней. Общество сбавило съ него только по $\frac{1}{2}$ осьминника и оставило за нимъ право пользованія въ теченіи одного года по 1-му осьминнику въ лучшемъ участіи и 1-му осьминнику въ среднемъ, въ вознагражденіе за отправленіе должности смотрителя запаснаго магазина, принявъ на себя платежъ соотвѣтственной доли повинностей.

Дворъ Федора Максимова

въ 1874 г.	получилъ земли:	2 $\frac{1}{2}$ осм.	лучшей	и	2 $\frac{1}{2}$ осм.	средней
" 1875 "	"	"	тоже	"	"	тоже
" 1876 "	"	"	тоже	"	"	тоже

Этотъ дворъ состоитъ, впрочемъ, изъ двухъ совершеннолѣтнихъ работниковъ.

По примѣру другихъ дворовъ, ему слѣдовало бы получить четыре осьминника земли лучшей и четыре осьминника средней. Общество же дало ему только по 2 $\frac{1}{2}$ осьминника каждого качества земли, въ томъ соображеніи, что работники эти несручные, не управятся противъ другихъ своихъ сверстниковъ съ большимъ количествомъ земли и не вынесутъ наравнѣ съ ними одинаковой тягости повинностей; во время пашни нужно понуждать лошадей, слѣдить глазами за направленіемъ бороздъ, тогда какъ у работника Федора глаза попорчены болѣзнію, а братъ его Василій говорить слышимъ и едва слышимымъ голосомъ.

Если мы сравнимъ произведенное распредѣленіе земли съ подушнымъ распредѣленіемъ повинностей, то увидимъ, что распредѣленіе земли, вполнѣ, безъ всякаго исключенія, совпало и

въ цифрахъ и приемахъ душевой раскладки повинностей. Единницею податной мѣры была принята $\frac{1}{212}$ доля всѣхъ повинностей безъ различія, подъ названіемъ *душа*, а единицею земельной мѣры принята тоже $\frac{1}{212}$ доля земельного участка въ каждомъ полѣ, подъ названіемъ *осьминника*, т.-е. $\frac{1}{3}$ десят. казенной мѣры. Словомъ—*осьминникъ* соотвѣтствуетъ *душѣ*.

Эти души и осьминники распредѣляются по различнымъ дворамъ, но всегда въ одинаковыхъ числахъ на каждый отдѣльный дворъ; такъ, домохозяева, принявшіе 1 душу повинностей, получили 1 осьминникъ лучшей и 1 осьминникъ средней земли. Домохозяева, принявшіе 2 души повинностей, получили 2 осьм. лучшей земли и 2 осьминника средней земли, и такъ далѣе.

Обращаясь къ причинамъ и соображеніямъ, которыми руководилось общество, при подобномъ распредѣленіи земли по домохозяствамъ, мы узнаемъ слѣдующее: если бы общество было обязано придерживаться въ распредѣленіи земли ревизской сязки, опредѣлившей еще въ 1858 г. число душъ въ каждой семьѣ, тогда Афиногену Матвѣеву, въ семьѣ котораго значилось 3 ревизскихъ души, пришлось бы отвести 12 десятинъ изъ общей суммы земли; онъ самъ первый протестовалъ бы противъ этого и доказалъ бы, что такое количество ему ни къ чему, что онъ не осилитъ такого количества земли, ибо онъ теперь изобращаетъ собою одного наличнаго 17-ти-лѣтняго работника и одну наличную душу; у него нѣтъ ни лошадей для обработки земли, ни жены помощницы, а одна работница при домѣ, престарѣлая мать; тогда какъ семья Тихона Андреева, состоявшая изъ 6-ти ревизскихъ душъ обоого пола, возросла до 14 наличныхъ душъ обоого пола, явились и новые работники и прибавились новые фдоки, требующіе соотвѣтственнаго размѣра запасовъ хлѣба. Для нихъ не хватило бы продуктовъ съ того количества земли, которое указано положеніемъ по расчету ревизской сязки.

Если бы общество, съ устраненіемъ распредѣленія земли по расчету ревизской сязки, приняло въ руководство одно только подворное подраздѣленіе своихъ членовъ, то тогда пришлось бы въ 1866 году раздѣлить земли по числу дворовъ на 70 равныхъ частей, около 12 десятинъ на каждый дворъ, а въ 1876 г. на 87 частей около $9\frac{3}{4}$ десятинъ на каждый дворъ.

При такомъ распредѣленіи, не говоря уже о затруднительной ломкѣ участковъ, уравнительность была бы также крайне несообразна съ общимъ экономическимъ положеніемъ многихъ домохозяйствъ, ибо на этомъ соображеніи семья Афиногена Матвѣева,

состоящая изъ него самого и матери, и семья Тихона Андреева, состоящая изъ 14 лицъ, получили бы для своего существованія поровну. Первая лишена физической возможности обработать причитающееся на нее количество земли, а для послѣдней это количество недостаточно; семья Тихона Андреева обладает такими излишками личнаго труда, которые способны къ наибольшему выполнению обязанностей и удовлетворенію нуждъ общественныхъ и государственныхъ. Словомъ, общественная земля получаетъ экономическое значеніе, по отношенію къ хозяйству, не пропорціонально ея количеству, а въ прямой зависимости отъ физическихъ силъ и другихъ матеріальныхъ средствъ цѣлой семьи, цѣлаго экономического союза, который приметъ на себя ея эксплуатацію.

Крестьяне съ дѣтства ежегодно предпринимаютъ, какъ-бы экономическую войну противъ своихъ осьминожъ земли; вооруженные разными орудіями, они ведутъ особенно ожесточенную борьбу съ почвенными врагами, которые, впрочемъ, при необыкновенной настойчивости и улучшенномъ вооруженіи, могли бы имъ покориться; но въ этой борьбѣ, при разнородныхъ атмосферическихъ условіяхъ, когда они являются союзниками враговъ почвенныхъ, земледѣлецъ безсиленъ; по этому-то поводу въковымъ опытомъ, нужно думать, выработалось народное изреченіе: *не земля насъ кормитъ, а небо*. Удивительно ли послѣ этого, что земледѣлецъ, подъ давленіемъ обязательствъ по удовлетворенію нуждъ общественныхъ и государственныхъ, подобно политическому воину, испытываетъ перѣдко всѣ послѣдствія *разбитія на голоду*, которое въ его войнѣ экономической именуется *голодомъ*.

Такимъ образомъ, осьминникъ земли является предъ домохозяиномъ однимъ лишь изъ экономическихъ элементовъ, обуславливающихъ его существованіе; онъ могъ не имѣть этого элемента; экономическія условія могли измѣниться, но для него неизмѣнны законы его семейнаго экономического союза. Крестьянинъ практически знаетъ, что бывали случаи, какъ земля въ теченіи года только поглощала много силъ и трудовъ, а ничего не дала; крестьяне видятъ также, что энергическая, сильная семья не упала отъ этого духомъ — одинъ членъ кинулся на заработокъ въ лѣсъ и приносилъ ежедневно когда рубль, а когда и полтора рубля, а другой пошелъ на добычку за Волгу и принесъ домой 80 руб.; были случаи, что и бабы приносили 60 рублей и покрывали всѣ нужды общественныя, земскія и государственныя по возложеннымъ на ихъ семьи размѣрамъ.

Обращаясь къ окружающему населенію, крестьянинъ видитъ, что тамъ, гдѣ земляшка плохая, тамъ цѣлое село кормится горшками и подати справляетъ, другое село занимается производствомъ карандашей—и также кормится. Но повсюду, куда бы онъ ни взглянулъ, вездѣ замѣчаетъ одинъ неизмѣнный фактъ, что эти работы только тогда обезпечиваютъ, когда они ведутся цѣлымъ соювомъ семьи и что только сильный дворъ составляетъ надежную силу общества.

Подесятиннаго распредѣленія земли между членами въ обществѣ не существуетъ, да оно, какъ увидимъ ниже, и не могло допустить его; если же и сохранилось между крестьянами названіе *десятина*, то никакъ не въ смыслѣ податномъ: подъ этимъ словомъ община разумѣетъ не объектъ подати или налога, не податную единицу и даже не ту единицу мѣры земли, какъ ее установило законодательство, т.е. 2400 квадратныхъ сажень; оно подъ словомъ *десятина* разумѣетъ всякую земельную мѣру, содержащую 80 саж. длины и 20 или 30 или 40 или 60 или 80 сажень ширины, а потому и употребляетъ названіе большая десятина, малая десятина, казенная десятина и хозяйственная, сороковая десятина и т. д.

Русскій крестьянинъ имѣлъ разумное основаніе принять осьминникъ за единицу мѣры и дать ей такое названіе, по слѣдующему соображенію.

Цифра 8, выражающая число десятковъ (80) сажень въ длину мѣры—неизмѣнна, тогда какъ десятии сажень, выражающіе ширину 10, 20, 30, 40 и 60 сажень измѣняются; при дробности земельныхъ долей, распредѣляемыхъ между дворами, осьминникъ является мѣрою практическою, указанною закономъ самой жизни, а не закономъ гражданскимъ. Если крестьяне и знаютъ десятину, то это десятину *хозяйственную*, сороковую, состоящую изъ четырехъ осьминниковъ, имѣющую 80 сажень въ длину и 40 въ ширину. Эта десятина образовалась также путемъ практическимъ и какъ-бы въ силу законовъ экономическихъ, въ противорѣчіе законамъ гражданскимъ, признающимъ, какъ извѣстно, десятину тридцатую. Оказывается, что хозяйственная—сороковая—десятина обуславливается и расчетомъ времени при ея обработкѣ, и качествомъ пашни: обыкновенно пахарь первоначально воздѣлываетъ землю въ длину участка, а запахиваетъ посѣянное зерно въ ширину участка; такую двойственную пахоту и вдоль и поперекъ улучшается качество пашни уничтоженіемъ сорныхъ травъ и разрыхленіемъ почвы, а уменьшеніемъ переходовъ и поворотовъ съ сохою, по болѣе длинному концу въ 40 сажень, въ

игрывается время, которое нужно было бы потратить при концахъ всего въ 80 саж. или ихъ половинныхъ полудесятинахъ и полуосмынникахъ; такъ какъ многіе домохозяева не имѣютъ возможности вводить въ полѣ большое количество земли, нерѣдко даже и одной десятины, то они всячески стараются, чтобы то пространство, которое имъ подѣ силу, было въ то же время приспособлено къ успѣшности самой обработки.

Вотъ, почему во многихъ хозяйствахъ, гдѣ земля сдается исполу и на дальніе сроки, съемщикъ выговариваетъ, чтобы позволено было раздѣлить землю на сороковыя десятины; тогда снимающему всего $\frac{1}{2}$ десятины придется два осмынника, имѣющихъ въ ширину 20 сажень, а въ длину 80 сажень.—Ему гораздо удобнѣе обработать этотъ клочокъ земли и вдоль и поперекъ, тогда какъ въ полудесятинѣ тридцатки будетъ всего 15 сажень въ ширину—или $1\frac{1}{2}$ осмынника. Это дѣленіе, независимо отъ неудобства въ обработкѣ земли, представило бы много усложненій по исчисленію дробныхъ частей осмынника при ежегодныхъ передѣлахъ.

Крестьянскій участокъ земли, въ его составныхъ частяхъ—осмынникахъ, получаетъ другой экономическій характеръ и значеніе, сравнительно съ участкомъ земли, представляющимъ сумму десятины, такъ что и самые процессы эксплуатаціи этихъ участковъ представляются совершенно различными. Въ доказательство этого довольно привести то, что эксплуатація осмынниковъ можетъ совершаться на началахъ раздѣленія земледѣльческаго труда всей многочисленной семьи, гдѣ, какъ извѣстно, по обработкѣ земли, уборкѣ хлѣба, охранѣ, и т. п., одинаково участвуютъ и десятилетнія дѣти и семидесятилѣтніе старики; каждый изъ нихъ имѣетъ свое назначеніе, существенное въ общемъ ходѣ хозяйства и его организаціи.

Та же десятина земли получаетъ различное значеніе, смотря по различію какъ самыхъ домохозяйствъ (много-семейныхъ, одинокихъ и маломощныхъ), такъ и смотря по ихъ хозяйственному инвентарю, приспособленному къ ихъ физической силѣ, къ ихъ, такъ-сказать, живому двигателю. Пояснимъ это примѣромъ: хозяинъ-одиночка съ одною лошадыю и хозяинъ-одиночка съ двумя лошадьми представляютъ рѣзкое различіе между собой и по отношенію къ ихъ осмынникамъ земли, т.-е. земледѣлію, и по отношенію къ условіямъ другихъ работъ, а именно: а) хозяинъ-одиночка маломощный съ одною лошадыю пашетъ одинъ день, а другой день боронуетъ въ яровомъ полѣ; б) хозяинъ-одиночка съ двумя лошадьми въ одинъ и тотъ же день и пашетъ и боронуетъ, выигрывая и во времени и въ качествѣ пашни, если стоять

сухое время; в) хозяинъ одиночка (маломощный) съ одною лошадию въ *междупарье* (въ свободное время отъ земледѣлія) является въ видѣ *поденщика*, *лошаднаго рабочаго*, а осенью и зимой или въ видѣ рабочаго въ подвозѣхъ лѣса, или участвуя на правахъ члена артели; г) хозяинъ же одиночка съ двумя лошадьми и въ *междупарье* и во всякое другое время, свободное отъ полевыхъ работъ, является въ видѣ *извознаго рабочаго*: всякія работы съ одною лошадию, о которыхъ было упомянуто выше, ему *не рана* и во всякомъ случаѣ или безвыгодны, или совершенно убыточны.

Извѣстно, что десятина земли въ суммѣ 50 десятинъ не рѣдко съ трудомъ прокармливаетъ одного землевладѣльца, но въ то же время видимъ, какъ пять человѣкъ въ родотвенномъ союзѣ прокармливаются на началахъ раздѣленія труда нѣсколькими осыланиками. Мы видимъ, что и Арышевское сельское общество, какъ-бы руководствуясь означенными соображеніями, и *отъ землемольнаго союзу устроить* за основное экономическое начало приняло *дворъ — хозяйство* цѣлой семьи.

На этомъ-то началѣ оно построило все свое экономическое зданіе, на немъ основало всѣ свои расчеты и не затруднилось по возможности равномерно распределить между своими сочленами всѣ земельныя угоды и всѣ тягости, лежащія на немъ по удовлетворенію нуждъ общественныхъ (мірскихъ), провинціальныхъ (земскихъ) и государственныхъ (податныхъ). Приступая къ распределенію земли между дворами, общество увидѣло, что цѣлая семья, живущія отдѣльными дворами, представляютъ, подобно отдѣльнымъ личностямъ, также большое равнообразіе въ своихъ нравственныхъ и физическихъ свойствахъ.

Ему представились слѣдующія категоріи семей:

а) Одинъ оказался совершенно неспособнымъ къ перенесенію какихъ-либо тягостей ни посредствомъ обработки земли, ни какимъ-либо другимъ способомъ; такихъ дворовъ оказалось три. Общественная и государственная способность этихъ дворовъ опредѣлилась равняющеюся нулю, а потому они носятъ названіе *бездельныхъ*. Они живутъ одною экономическою жизнью, имѣя силу для того, чтобы снискивать пропитаніе только себѣ, но у нихъ нѣтъ достаточно силы, чтобы удѣлить что-либо на нужды мірскія, земскія и государственныя. Одна земля ихъ не выручить, имъ при ней нужна какая ни на есть лошаденка и нужны свои физическія силы.

б) Другіе нѣсколько сильнѣе, но не на столько, чтобы нести равныя тягости со всѣми дворами одинаково; хотя ихъ личныя

физическія и нравственныя силы и не уступать многимъ другимъ дворамъ, но они лишились физической силы, ихъ помощницы — доброй лошади, ибо ихъ физическая сила только въ соединеніи съ силою лошади можетъ дать имъ полную экономическую мощь, хотя не большую, но мощь семьи-одиночки, полегаго тягловаго домохозяйства. Они извѣстны въ обществѣ подъ названіемъ *мало-мощныхъ*. Они такъ стали именоваться съ того момента, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что лихой конокрадъ угналъ ихъ лошадей. Такихъ дворовъ оказывается 10; изъ нихъ семь получили по одному осьминнику земли въ участкахъ двухъ разныхъ качествъ и нашли возможнымъ принять участіе въ дѣлѣ мірскомъ, земскомъ и государственномъ лишь въ одной долѣ всѣхъ этихъ тягостей, равняющейся внесенію 12 руб. 30 коп. въ теченіи цѣлаго года ¹⁾; двѣ же семьи, обладающія тонкими плехенькими лошадебными, приняли на себя по $1\frac{1}{2}$ доли, т.-е. уплату 18 р. 45 в. въ теченіи того же времени.

Ограниченіе этихъ семей въ уплатѣ повинностей, въ самомъ маломъ размѣрѣ, ихъ не успокоиваетъ, они охотно участвовали бы въ платежѣ двухъ долей всѣхъ лежащихъ на общинѣ повинностей, наравнѣ съ другими полными тягловыми хозяйствами, но ихъ сила не беретъ, они въ разорѣ разорились, ибо лишились лошадиной силы, которая лѣтомъ могла участвовать съ ними въ полевыхъ, а осень и зиму — въ лѣсныхъ и другихъ работахъ. Принявъ на себя одну долю и полторы доли повинностей и соответственное количество осьминниковъ въ трехъ поляхъ, они надѣются справиться съ обработкою ихъ при помощи родныхъ, которымъ они, въ свою очередь, помогутъ въ другихъ работахъ, молотьбѣ, полотьбѣ травъ, сѣнокосѣ, требующихъ въ одинъ разъ много рабочихъ.

в) Третьи — это такъ-называемые дворы *одиночки*, у которыхъ вся сила заключается въ одномъ рабочемъ домохозяйствѣ и одной или двухъ лошадяхъ. Этотъ типъ самый распространенный, составляющій большую половину всѣхъ дворовъ общины, а именно: 45 дворовъ, а всѣхъ дворовъ, какъ извѣстно, 87. Эти дворы получили по 2 осьминника въ каждомъ участкѣ земли и приняли на себя двѣ доли повинностей.

г) Количество остальныхъ дворовъ по каждому отдѣльному типу представляется въ 1876 году въ слѣдующемъ видѣ:

¹⁾ Эта цифра, какъ видно изъ хранящагося у насъ документа, подтвердилась многими данными, собранными нами при личномъ объясненіи съ домохозяевами.

Домохозяевъ, получившихъ:

по $2\frac{1}{2}$ осьминника въ каждомъ участкѣ всего . . .	1 дворъ
" 3 " " " " " . . .	9 "
" $3\frac{1}{2}$ " " " " " . . .	10 "
" 4 " " " " " . . .	4 "
" 5 " " " " " . . .	3 "
" $5\frac{1}{2}$ " " " " " . . .	3 "

Такимъ образомъ оказывается, что общая цифра бездушныхъ, маломощныхъ и одинокихъ равняется 57 дворамъ, почти $\frac{2}{3}$ всего количества, а среднихъ и сильныхъ 30 дворовъ, т.-е. $\frac{1}{3}$ всего количества.

Изъ числа первыхъ нѣкоторые не въ состояніи обработать болѣе того количества, которое они получили при распредѣленіи всей своей земли. Обращаясь въ цифрамъ, показывающимъ распредѣленіе уплаты повинностей по домохозяйствамъ, мы встрѣтили необыкновенно интересное явленіе.

Большая часть всей суммы повинностей легла не на ббльшую часть домохозяйства, какъ бы слѣдовало ожидать, а на меньшую.

Изъ 212 долей всѣхъ повинностей, равняющихся суммѣ 2,607 руб. 60 к. ¹⁾, на ббльшее количество дворовъ (57), т.-е. $\frac{2}{3}$ ихъ, перешло лишь 100 долей или 1,230 рублей, тогда какъ на долю меньшаго количества дворовъ (30), только на $\frac{1}{3}$ всего ихъ количества, перешло 112 долей или 1,377 руб. 60 коп.

Слѣдовательно, и податныя десятины или осьминники въ рукахъ двухъ третей домохозяевъ не могутъ имѣть столько общеподатной силы и значенія, сколько получили бы они въ рукахъ одной лишь трети населенія, ибо 57 домохозяевъ при 100 десятинахъ въ состояніи заплатить лишь 100 долей всѣхъ повинностей, тогда какъ 30 домохозяевъ при незначительно ббльшемъ количествѣ десятинъ платятъ 112 долей.

Эти цифры вполне убѣждаютъ cadaго, что и десятина или, лучше, осьминникъ, поступившій въ пользованіе двухъ третей домохозяевъ, далеко не имѣетъ того податного начала, какое получила такая же десятина въ рукахъ одной лишь трети домохозяевъ. Изъ чего слѣдуетъ, что и сотни осьминниковъ общинной земли, распредѣленныхъ на множество маломощныхъ дворовъ, далеко не будутъ имѣть того податного значенія сравнительно съ тѣми же самыми сотнями осьминниковъ земли, распредѣленными

¹⁾ Въ эту цифру входятъ: выкупной платежъ 1,523 р. 30 к., госуд. земск. сбора 118 р. 72 к., подушной подати 341 р. 82 к., земскаго сбора 127 р. 89 к., мірскаго сбора 426 р. 87 к.

между значительно меньшимъ числомъ сильныхъ дворовъ. Словомъ, не въ общемъ количествѣ податныхъ осьминниковъ земли, не въ общемъ количествѣ наличныхъ душъ, не въ множествѣ домохозяйствъ заключается значеніе общества въ отношеніяхъ экономическомъ, общественномъ и государственномъ, а въ количествѣ сильныхъ дворовъ; земля, какъ источникъ благосостоянія, у 50 дворовъ *пятидушныхъ*, будетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ у 100 дворовъ *двудушныхъ*. Первые обработаютъ на началахъ раздѣленія земледѣльческаго труда значительное количество земли съ уплатою всѣхъ лежащихъ на ней платежей, а вторые, при всемъ желаніи, не будутъ въ силахъ сдѣлать ни того, ни другого.

20 десятинъ для обработки своей потребуютъ лишь одной семьи, состоящей изъ одного хозяина съ работникомъ братомъ или сыномъ, или вѣтемъ и четырехъ лошадей. Эти цифры можно считать нормальными; онѣ проверены въ разныхъ уѣздахъ и селеніяхъ.

Въ подобномъ экономическомъ союзѣ эти 20 десятинъ получать полное экономическое значеніе, усливая производительность двора, общины и государства; но тѣ же самыя 20 дес. земли, чтобъ сдѣлаться податными, потребуютъ почти четырехъ отдѣльныхъ домохозяйствъ, если только они будутъ состоять изъ одинокихъ, маломощныхъ хозяевъ, и у каждаго по одной только лошади. При одномъ подобномъ домохозяйствѣ три четверти участка (15 д.) останутся непроизводительными, бесплодными, какъ-бы ихъ въ государствѣ не существовало.

Наблюденія наши относительно податного значенія десятины земли въ нашей общинѣ подтверждаются выводами, сдѣланными нѣкоторыми экономистами, которые явились противниками кадастра.

Доходность различныхъ участковъ земли измѣняется подъ вліяніемъ измѣняющихся системъ хозяйства, и такъ какъ уравнительность, достигаемая кадастромъ, сомнительна, то они думаютъ, что со временемъ поземельная подать должна войти въ составъ промысловаго налога, что оцѣнивать должно не *землю отдѣльно*, а каждое хозяйство сообразно его доходности, зависящей отъ взаимнаго дѣйствія *многихъ элементовъ*.

Послѣ этого можно ли удивляться, если нѣкоторые сельскія общества, состоящія преимущественно изъ маломощныхъ и одиночныхъ домохозяйствъ, отказывались отъ земли. Такое дѣйствіе сельскаго общества могло правильно считаться социальнымъ абсурдомъ только въ томъ случаѣ, если бы эта земля давалась ему

даромъ; но вѣдь полный надѣлъ давался на началахъ купли съ обязательствами, для одинокихъ маломощныхъ хозяйствъ не под- сильными, хотя бы даже и на основаніи долгосрочной процент- ной уплаты. Отказы эти во многихъ случаяхъ, нужно предпола- гать, могли быть вынужденными экономическимъ положеніемъ одиночныхъ маломощныхъ домохозяйствъ, двумя третями превы- шавшихъ численность домохозяйствъ всей общины.

Не далѣе, какъ вышшимъ же лѣтомъ, при объѣздѣ губер- нии для повѣрки нѣкоторыхъ данныхъ по занимающему насъ податному дѣлу, мы попали на самый живой слѣдъ только-что совершившагося перехода цѣлой общины саратовскаго уѣзда, въ количествѣ 1,496 душъ, 580 дворовъ, съ полного надѣла на дар- ственный, именующий многими нищенскимъ.

Случись это двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ оно и слу- чалось неоднократно въ нашей практикѣ, по обязанности миро- ваго посредника, — не было бы тутъ ничего удивительнаго, но теперь, въ 1878 году, 17 лѣтъ спустя послѣ обнародованія положенія 19-го февраля 1861 года, подобное явленіе представляется не- вѣроятнымъ, ибо въ дальнѣйшей нашей же практикѣ, по долж- ности члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мы имѣли случай видѣть раскаяніе крестьянъ въ требованія да- рового надѣла. Оказалось, что Сокурская сельская община дѣй- ствительно, по находящимся у насъ теперь подъ руками нис- меннымъ даннымъ, вполне согласнымъ съ свѣдѣніями, собран- ными нами на мѣстахъ лично, состоитъ изъ 570 домохозяйствъ, изъ коихъ, не приблизительно, а ровно цифра въ цифру — $\frac{2}{3}$, т.-е. 380 домохозяйствъ состоятъ изъ маломощныхъ и одинокихъ, платящихъ по мірской раскладкѣ, начиная отъ $\frac{1}{2}$ души, т.-е. $\frac{1}{3}$ доли всѣхъ повинностей, до $2\frac{3}{4}$ душъ. На однихъ этихъ домохозяйствахъ числится недоимка въ 3,340 руб. А на четы- рехъ только домохозяйствахъ, обязанныхъ платить всего по $\frac{1}{2}$ души повинностей, числится недоимка въ 170 р.

Составленная такимъ образомъ община большинствомъ $\frac{2}{3}$ го- лосовъ отвергла полный надѣлъ и нежелала перейти на даръ. Эти $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, изъ коихъ 17 не имѣютъ своихъ дворовъ, оказываются давно уже бросившими свои хозяйства; они живутъ три четверти года за Волгой посторонними заработками, преимуще- ственно плугарями и чернорабочими земледѣльцами, возвра- щаются зимой въ родное село, кое-какъ перебиваясь въ ожиданіи весны. Словомъ, они оказались только числящимися въ об- щинѣ, но въ дѣйствительности ей не принадлежали.

Та же Сокурская община въ своей меньшей части — всего

въ одной трети домохозяевъ — представила намъ не менѣе интересное, но болѣе отрадное явленіе.

Одна треть семейныхъ домохозяевъ, вида, что двѣ трети отказываются отъ полнаго надѣла, заявили, что они желаютъ оставить за собой всю землю съ обязательствомъ платить всѣ повинности, какія только лежали на всей общинѣ; чтобы осуществить это желаніе, были отправлены уполномоченные къ бывшему мировому посреднику, нынѣ непрѣмѣнному члену присутствія, съ ходатайствомъ по этому предмету; но $\frac{1}{3}$ по положенію не имѣла законной правоспособности и поэтому осталась въ государствѣ неустроенной земельно, въ ущербъ интересамъ экономическимъ и государственнымъ. За одну пастьбу коровъ, по паровому полю, эта община, не исключая и одинокихъ, платитъ теперь 600 руб.; многосемейные распродали свой скотъ и уменьшили свое хозяйство.

Изъ этого новаго факта опять видно то, что цѣлыя тысячи десятинъ въ рукахъ 190 хозяевъ получили бы большее податное значеніе, чѣмъ у 380 хозяевъ, которые, какъ мы видѣли, не только не сумѣли удержать этого значенія, но совершенно его утратили. Послѣ этого представляется самъ собой въ разрѣшенію слѣдующій вопросъ: если экономическія силы общины и государства заключаются не въ количествѣ десятинъ земли, не въ количествѣ наличныхъ живыхъ душъ, а въ правильномъ сочетаніи тѣхъ и другихъ, — въ подворныхъ экономическихъ союзахъ, которые только и въ состояніи выдѣлать изъ себя, въ формѣ налога, что-либо на благо общественное и государственное, то могутъ ли быть вообще недоимки по каждому отдѣльному обложенію? Какимъ образомъ получились цифры этихъ недоимокъ, встрѣчаемыхъ въ вѣдомостяхъ и отчетахъ разныхъ учрежденій?

Мы видѣли выше, что домохозяинъ, принявшій на себя уплату одной души, этимъ самымъ получалъ обязательство участвовать въ дѣлѣ мірскомъ, земскомъ и государственномъ лишь въ одной долѣ всѣхъ этихъ нуждъ; доля эта выразилась въ одной цифрѣ 12 руб. 30 к., подлежащихъ внесенію въ теченіи цѣлаго года. Эта цифра является основною въ подворномъ обложеніи или раскладѣ. Она представляетъ единицу обложенія въ слѣдуемой нами общинѣ только на цѣлый годъ. Какъ образовалась эта денежная единица, никогда никому впередъ не могло быть извѣстно: ни учрежденія облагающія, ни лица облагаемые ее опредѣлить не могутъ, несмотря на то, что цифры государственныхъ налоговъ и податей опредѣлены и въ продолжитель-

ное время перемены не подвергаются; чтобы отыскать это неизвестное, нужно имѣть только двѣ цифры: общую цифру всѣхъ обложеній, къмъ бы они ни производились, и цифру ревизскихъ душъ, числящихся на обществѣ, неизмѣняющейся въ теченіи 20 лѣтъ. Общая цифра въ изслѣдуемой нами общинѣ за 1876 г. была 2607 р. 60 к., а цифра ревизскихъ душъ 212. Выше приведенная цифра 12 р. 30 к. есть частное число, полученное отъ дѣленія цифры всѣхъ, повинностей—2607 р. 60 к.—на цифру, показывающую ревизское число душъ (212).

Общая податная цифра составляется обыкновенно волостными правленіями изъ всѣхъ окладныхъ листовъ, присылаемыхъ отъ разныхъ учреждений и приговоровъ волостного и сельскаго сходовъ о сборѣ на мірскія и волостныя нужды.

Въ 1876 году эти составныя цифры были слѣдующія:

а) *Выкупныхъ платежей* 1523 р. 30 к.; б) *государственной земскаго сбора* 118 р. 72 к.; в) *подушной подати* 341 р. 32 к.; г) *земскаго сбора* 127 р. 89 к. и д) *общественнаго сбора* 496 р. 37 к.

Очевидно, что платящій 12 р. 30 к. платить въ этой цифрѣ всѣ платежи повинностей и сборовъ въ 212-й долѣ каждаго отдѣльнаго сбора, подъ названіемъ души, такъ что всѣ сборы десятинные, *поземельные* и мірскіе на первый взглядъ кажутся *душевыми*; а на самомъ же дѣлѣ подъ словомъ душа разумѣется двухсотъ-двѣнадцатая доля всѣхъ повинностей, которая въ свою очередь составляется изъ суммы двухъ-сотъ-двѣнадцатыхъ частицъ каждаго отдѣльнаго обложенія, а именно: 12 р. 30 к. = 7 руб. 18¹/₂ к. выкупн. платежа + 56 к. государственнаго земскаго сбора + 1 р. 61 к. подушной подати + 60¹/₃ к. земскаго сбора + 2 р. 34¹/₄ к. общественнаго сбора ¹⁾).

Многіе несомнѣнно думаютъ, что недоимки, показываемыя подлежащими учрежденіями, изображаютъ дѣйствительно цифру недоимокъ по разнымъ налогамъ, какъ это показывается въ отчетахъ. Но мѣстныя изслѣдованія намъ обнаружили, что не только тамъ, гдѣ практикуется такъ-называемая мірская раскладка, гдѣ ревизскія души перешли въ души окладныя, но и въ тѣхъ рѣдкихъ селеніяхъ, гдѣ раскладка производится по ревизскимъ связкамъ, —ни народъ, съ котораго собираютъ повинности разныхъ рубрикъ

$$\begin{aligned} 1) \frac{2607 \text{ р. } 60 \text{ к.}}{212} &= \frac{1523 \text{ р. } 30 \text{ к.}}{212} + \frac{118 \text{ р. } 72 \text{ к.}}{212} + \frac{341 \text{ р. } 32 \text{ к.}}{212} + \frac{127 \text{ р. } 89 \text{ к.}}{212} \\ &+ \frac{496 \text{ р. } 37 \text{ к.}}{212} = 12 \text{ р. } 30 \text{ к.} \end{aligned}$$

(въ окладныхъ листахъ лишь изображенныхъ), ни сами сборщики, — ни сельскіе писаря, ведущіе счета, списки и податныя тетради, ни волостные писаря и старшины, озабоченные вниманіемъ податей, цифры недоимокъ по каждому обложенію опредѣлить не могутъ, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ самомъ близкомъ, ни въ самомъ далекомъ будущемъ.

Цифры недоимокъ по каждому налогу и сбору образуются и называются лишь въ бюрократическихъ учрежденіяхъ, гдѣ фантазія канцеляріи уѣзднаго казначейства, а еще чаще сельскаго писаря является единственнымъ основаніемъ бумажнаго, канцелярскаго вѣданія о недоимкахъ. Но за то и народъ, и сборщики податей, и сельскіе писаря и волостное правленіе во всякое время отвѣтятъ вамъ, сколько *стоитъ* на каждомъ дворѣ повинностей и сколько *стоитъ* общей недоимки нераздѣльно по всѣмъ повинностямъ, которыя безсознательно народомъ звались въ старину *посошными*, потомъ *тяловыми*, теперь *подушными*, а въ будущемъ могутъ зваться и *помощадными*, если только ревивская лошадь примется за объектъ подати. Мы какъ-то недавно имѣли случай спросить мальчика 12-ти лѣтъ — сколько они платятъ душъ? Мальчикъ безъ запинки отвѣтилъ: 1½ души. — А много должны податей? — Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, недавно кончили счетъ съ сборщикомъ.

Слѣдовательно, Михаилъ Фроловъ при обложеніи міромъ одной душой, равняющейся $\frac{1}{212}$ доли всѣхъ повинностей, т.-е. 12 р. 30 к., платить въ этой цифрѣ и одну душу выкупныхъ платежей, и одну душу подушной подати, и одну душу земскихъ повинностей и одну душу сбора на просвирию, и все это онъ платитъ не раздѣльно. Ясно, что если Михаилъ Фроловъ, обложенный одною душою, т.-е. 12 р. 30 к. въ годъ, отдаетъ сборщику въ первый разъ 3 рубля, во второй разъ 4 рубля, въ третій — 3 рубля, всего 10 рублей и осталось у него въ недоимкѣ 2 р. 30 к., то онъ во всѣ эти разы вносилъ всѣ повинности, и могъ ли онъ или кто либо отдѣлить тѣ самыя копѣйки, какія приходились тогда просвириѣ и тому подобныя сотенныя доли копѣекъ, по разнымъ мелкимъ сборамъ, по цѣлому приходу или по цѣлой волости?

А какъ канцелярскіе чины уѣзднаго казначейства и сельское управленіе записывали у себя, когда имъ приносили отъ Михаила Фролова 3 рубля, въ какія книги расписывали они поступленіе этихъ 3-хъ рублей, въ какія повинности и сборы зачитывали ихъ и по сколько въ уплату каждой повинности — угадать мудрено, и въ какомъ сборѣ будутъ значиться недоимкой недонесенные Михаиломъ Фроловымъ 2 р. 30 коп. — угадать такъ

же мудро, ибо это дѣло всегда всецѣло зависить отъ личнаго усмотрѣнія или канцелярскаго чиновника, пишущаго объявленіе, для явившагося съ деньгами сборщика, или сельскаго писаря, написавшаго подобное объявленіе у себя дома.

А сколько соображеній и трудовъ разбросано по разнымъ учрежденіямъ о недонимкахъ, которые создались на этомъ ложномъ основаніи!

Не здѣсь ли кроется разрѣшеніе задачи, почему мірскіе сборы поступаютъ всегда совершенно бездонимочно, государственные удовлетворительно, а земскіе совершенно плохо; вслѣдствіе чего земскіе ямщики не удовлетворяются деньгами, слѣдующими за содержаніе станцій, а мировые судьи по нѣсколькимъ мѣсяцамъ не удовлетворяются жалованьемъ, если только управа на свой страхъ не сдѣлаетъ позавимствованій у частныхъ лицъ за тяжелые проценты? Не въ этомъ ли самомъ положеніи поступленія разнородныхъ сборовъ по произволу канцелярій уѣздныхъ казначействъ и сельскихъ писарей, вынуждена земская мѣра подъ названіемъ *пени* за несвоевременный взносъ земскихъ повинностей землевладѣльцами? По счастью, эта мѣра не распространена на крестьянскія земли.

Не имѣя въ кассѣ денегъ и приписывая непоступленіе земскихъ сборовъ тому обстоятельству, что землевладѣльцы ихъ не платятъ, нѣкоторые земства придумали штрафовать неправильныхъ плательщиковъ, подъ именемъ *пени*. Земства ввели эту мѣру тогда, когда есть положительный законъ о взысканіяхъ повинностей, когда въ его рукахъ—употребить болѣе настойчивости въ требованіи своихъ сборовъ. Земства эти упускаютъ изъ виду, что отъ его оштрафованій посредствомъ пени невинно страдаютъ массы земель опекунскихъ имѣній, заглавно управляемыхъ часто мѣняющимися управляющими, имѣнія арендуемые изъ процентовъ отъ валового дохода, всѣ земли, находящіяся въ общемъ владѣніи за неуставленіемъ раскладокъ на каждаго владѣльца.

Сборъ въ формѣ пени могъ бы быть еще допущеннымъ въ виду опредѣленной *цифры* тѣхъ *убытковъ*, которые потерпѣло земство отъ несвоевременности поступленія земскихъ сборовъ, напримѣръ—уплату процентовъ на позавимствованныя деньги и т. под. Въ противномъ случаѣ всякій лишній рубль, взысканный въ пеню, долженъ считаться поступленіемъ не смѣннымъ, произвольнымъ.

Пени, допущенныя въ кредитныхъ учрежденіяхъ, имѣютъ со-всѣмъ другое начало; тамъ заемщикъ и кредиторъ, какъ члены одного кредитнаго общественнаго учрежденія, являются въ свою

очередь заемщиками по отношенію въ другому ссужающему ихъ кредитному учрежденію.

Бичевать же своихъ членовъ 12%, вносомъ за каждый просроченный рубль, когда указаны мѣры строгости, врядъ ли достойно для такого общественнаго учрежденія, какъ земство.

Убѣжденіе многихъ, мало знаемыхъ съ дѣломъ народнаго хозяйства, въ томъ, что налоги въ дѣйствительности взимаются и уплачиваются населеніемъ раздѣльно по предметамъ обложенія, а съ другой стороны и самое законодательство, допускающее разнородное обложеніе, разнородные объекты податей, приводитъ къ большимъ несообразностямъ въ интересахъ народнаго благосостоянія. Мы приведемъ здѣсь примѣръ, какъ нѣкоторыя мѣры земства, могущія имѣть весьма важное государственное значеніе, остаются невыполнимыми или выполняются неправильно, только потому, что *подушное* обложеніе существуетъ по нѣкоторымъ *государственнымъ* повинностямъ, а *земскіе* сборы главнымъ образомъ *поземельные*.

Такъ, намъ документально извѣстенъ случай, какъ одно уѣздное земство, озабоченное устройствомъ продовольственной части въ селеніяхъ уѣзда, предположило сдѣлать подушный сборъ или зерномъ для храненія въ запасныхъ магазинахъ, или деньгами съ цѣлью образованія продовольственнаго капитала. Постановленіе земскаго собранія основывалось на желаніи крестьянскихъ обществъ, которыя предварительно заявили о томъ или другомъ способѣ сбора въ своихъ приговорахъ. Естественно, что сборы эти могли быть только *подушными* по названію, а въ дѣйствительности *подворно-похозяйственными*.

Въ виду того, что сборъ этотъ названъ не *поземельнымъ*, т.-е. *подесятиннымъ*, онъ подлежалъ опротестованію, и дѣйствительно въ послѣдствіи былъ опротестованъ подлежащею властью.

Но намъ на это могли бы замѣтить, что если земству извѣстно, что *подесятинное* обложеніе переводится крестьянскими обществами на души, то оно могло бы обложить соотвѣтственнымъ *земскимъ* налогомъ, но только по *десятинному* расчету. Замѣчаніе это съ точки зрѣнія раскладки и цѣли обложенія было совершенно справедливо. Но дѣло въ томъ, что тогда обложеніе должно было быть *всеобщимъ*, т.-е. распространяться и на земли всѣхъ крупныхъ владѣльцевъ, казны и удѣла, ибо на обложеніе однѣхъ земель, принадлежащихъ крестьянскимъ сельскимъ обществамъ, хотя бы даже только въ ихъ общинныхъ интересахъ, *земскимъ* собраніямъ правъ не даровано. Таковы послѣдствія запрещенія земству облагать *подушно* даже зерномъ, т.-е.

такимъ способомъ, на который народъ самъ указываетъ, и который имъ издавна практикуется по всѣмъ обложеніямъ.

II.

Процессъ дѣлежа общинной земли.—Ежегодные передѣлы земли въ губерніи.—Начало круговой поруки.—Взиманіе земельныхъ сборовъ.—Сроки взиманія.—Соображенія защитниковъ и противниковъ подушнаго обложенія.—Заключеніе.

Обратимся теперь къ самому процессу *дѣлежа податныхъ десятинъ* между крестьянами, производившемуся 18-го апрѣля 1877 года.

Общинная земля крестьянъ Аряшенскаго сельскаго общества по особымъ свойствамъ обработки и пользованія, какъ мы уже замѣтили выше, представляетъ двѣ категоріи, а именно: участки, раздѣленные *на юда*, какъ выражаются крестьяне, и землю, подвергающуюся ежегодному дѣлежу.

Къ первой категоріи относятся коноплянники, огороды и небольшая часть полевого надѣла (53 дес.), т.-е. 106 десятинъ или 212 осьминниковъ, прилегающая къ селенію, къ самой околицѣ, а ко второй весь полевой надѣлъ, раздѣленный на три поля: яровое, озимое и паровое. Земли первой категоріи, мы сказали, удобряются, а второй остаются въ ея первобытномъ состояніи. При распредѣленіи земли обѣихъ указанныхъ категорій, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, служатъ два главныхъ начала: *подворно-поземельное* и *обще-податное*.

Мы остановимъ теперь свое вниманіе на полевомъ надѣлѣ—яровомъ его полѣ. Ежегодно повторяющійся процессъ дѣлежа этой земли производится, какъ обнаружено мѣстнымъ ближайшимъ изслѣдованіемъ, слѣдующимъ образомъ: на другой день послѣ устной повѣстки старосты и десятниковъ, выраженной обыкновенно лаконически въ словахъ: *утре дѣлить*, рано до восхода солнца, начинаютъ одинъ за другимъ группироваться у сборной избы представители отъ каждаго домохозяйства по семейному приговору; при этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что женщина является равноправною. Въ такое весеннее собраніе, состоявшееся 1877 года, апрѣля 18-го дня, только одно домохозяйство избрало представителемъ своихъ интересовъ женщину, которая и присутствовала въ дѣлежѣ земли въ числѣ другихъ восьмидесяти трехъ представителей мужчинъ; три двора не прислали своихъ представителей, такъ какъ дворы ихъ признаны сельскимъ сходомъ бездушными, безсильными, т.-е. лишенными возможности обрабо-

тывать землю. Ихъ личный трудъ признанъ дающимъ способъ только къ снисканію себѣ пропитанія, но неспособнымъ удѣлять что-либо на нужды мірскія (общественныя), земскія (провинціальныя) и государственныя (податныя). Освобожденные отъ участія въ удовлетвореніи этихъ нуждъ, они признаны не долженствующими принимать какое-либо участіе въ пользованіи общинною полевою землею, но при этомъ оставлено за ними право пользованія усадебною осядлостію и другими средствами общественныхъ учреждений, обеспечивающихъ ихъ безопасность.

Громко заявленнаго протеста на такое постановленіе схода мы не слышали, но если только подобный протестъ и могъ бы имѣть мѣсто, то мы не теряемъ надежды узнать его содержаніе и мотивы при изслѣдованіи другихъ жизненныхъ общественныхъ явленій, которые могли допустить такое патологическое состояніе, какъ безсиліе и маломощность нѣкоторыхъ членовъ и устраненіе ихъ отъ участія во всѣхъ жизненныхъ процессахъ цѣлаго общаго союза.

Вся земля ярового поля содержитъ въ себѣ три категоріи: лучшую, среднюю и худшую.

Качество первыхъ двухъ сортовъ опредѣляется во время самаго процесса дѣлежа, въ виду каждаго участка, въ порядкѣ ихъ расположенія, и тутъ же производится дѣлежъ участковъ между домохозяевами; качество же земли послѣдней категоріи уже прежде опредѣлено и дѣлится особо, по окончаніи дѣлежа земли первыхъ двухъ качествъ.

Крестьяне, изучившіе свою землю въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, при разныхъ работахъ, не видятъ особыхъ затрудненій въ скоромъ опредѣленіи ея качества по мелкимъ участкамъ. Всѣ вообще рѣшенія схода составляются устно безъ всякой обрядности; если кто-нибудь и сдѣлаетъ какое-либо несообразное съ дѣломъ заявленіе, или начнетъ кричать на сходѣ, то достаточно одному умному и уважаемому крестьянину проговорить про себя слово *зря*, чтобы прекратить всѣ споры и перейти къ дѣлежу стоящихъ на очереди участковъ.

Участки первыхъ двухъ качествъ раздѣлены еще въ предыдущіе годы послѣ окончательнаго съ помѣщикомъ разверстанія угодій, на 212 ¹⁾ душъ или частей, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ два осьминника: 1,600 кв. с., всего 424 осьминника. Участки послѣдней категоріи содержатъ 76 осьминниковъ

¹⁾ Цифры эти опредѣлились ревизскою сказкою, обозначившею еще въ 1858 году число живыхъ душъ въ обществѣ.

и 700 квад. саж. На каждые четыре осьминника первых двух качествъ земли полагаются двѣ ревизскихъ души, т.-е. двѣ общеподатныхъ доли. Худшій сортъ земли дѣлится на пай, такъ что на каждый пай приходится отъ 10—12 душъ или долей, смотря по ея относительно лучшему качеству. Въ основаніи системъ дѣлежа земли положено правило: что на каждую полудушу (полудолю), каждую душу (цѣлую долю) и т. д. должно приходится земли 1-го сорта и 2-го сорта равными частями, послѣднего же — худшаго сорта полагается на каждую $\frac{1}{4}$ души (доли), 300 кв. саж. Всѣ податныя домохозяйства, получающія землю и представляющія, какъ извѣстно, девять различныхъ типовъ по своему экономическому положенію, распадаются въ то же время по отношенію къ долямъ на четыре категоріи, а именно:

а) На платящихъ за четное число окладныхъ душъ и получающихъ четное число осьминниковъ земли.

б) На платящихъ за нечетное число окладныхъ душъ и получающихъ нечетное число осьминниковъ земли.

в) На платящихъ $\frac{1}{2}$ души при четномъ числѣ окладныхъ душъ или получающихъ $\frac{1}{2}$ осьминника при четномъ числѣ осьминниковъ.

г) На платящихъ $\frac{1}{2}$ души при нечетномъ числѣ окладныхъ душъ или получающихъ $\frac{1}{2}$ осьминника при нечетномъ числѣ осьминниковъ.

Первые, получающіе четное число осьминниковъ, опускаютъ по ровному количеству жеребья въ двѣ урны (шапки) лучшей и средней земли; изъ нихъ шапка съ жеребьями лучшей землею называется *первая шапка*, а средней—*вторая шапка*.

Вторые, то-есть получающіе нечетное число осьминниковъ въ участѣхъ разнаго качества, должны одну душу раздѣлить на двѣ половины; каждую половину должны присоединить къ такой же половинѣ другого, чтобы составить полный жребій для лучшей земли и полный для средней, которыя впослѣдствіи уже дѣлятся между соучастниками.

Третьи, получающіе $\frac{1}{2}$ осьминника при четномъ числѣ осьминниковъ, дѣлятъ свои $\frac{1}{2}$ осьминника на четверти; каждую $\frac{1}{4}$ должны присоединить къ 3-мъ такимъ же четвертямъ для полученія лучшей и для полученія средней земли въ признанныхъ таковыми участкахъ.

Наконецъ, *четвертые*, получающіе $\frac{1}{2}$ осьминника при нечетномъ числѣ осьминниковъ, съ своимъ нечетнымъ осьминникомъ поступаютъ такъ, какъ вторые; а съ $\frac{1}{2}$ осьминникомъ какъ третьи.

Для полученія худшей земли, одиночные полуосьминники соединяются для составленія одного жеребья, для котораго нужны два осьминника, каждая двѣ доли кладутъ одинъ жребій и получаютъ 8 вышеупомянутыхъ участковъ въ 300 квадр. сажень каждый.

Процессъ дѣлежа производится слѣдующимъ образомъ.

По количеству общеподатныхъ долей или ревизскихъ душъ было наръзано 212 маленькихъ деревянныхъ жеребьевъ; на возбужденный вопросъ о томъ: съ кого начать раздачу деревашекъ для личныхъ намітокъ, определено разрѣшить это вынудіемъ жеребья. Для этого въ шапку было положено два жеребья: одинъ съ надрѣзомъ, принадлежавшій жителямъ правой стороны деревенскаго порядка; другой,—безъ надрѣза, принадлежащій жителямъ лѣвой стороны деревенскаго порядка. Изъ шапки былъ вынутъ жребій съ надрѣзомъ, а потому раздача жеребьевъ началась съ праваго порядка. По полученіи деревашекъ, каждый вырѣзывалъ на нихъ свой знакъ, свою «мѣту»; въ это же время платящіе за нечетное или дробное число ревизскихъ душъ соединялись между собою для составленія цѣлыхъ и четныхъ чиселъ; платящіе за $\frac{1}{2}$ души, т.-е. получающіе $\frac{1}{2}$ осьминника въ участкѣ, соединяются или между собой, образуя двѣ души подъ одною мѣтою на двухъ жеребьяхъ, или соединяются съ платящими за $1\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$, тоже подъ одной общей мѣтой въ жеребьяхъ. Затѣмъ начался сборъ уже помѣченныхъ деревашекъ: поставлены двѣ шапки, изъ которыхъ одна должна была представить лучшую землю, другая—среднюю, т.-е. первую и вторую шапку, какъ выше было замѣчено. По приглашенію старосты, старики, представители домохозяйствъ, по одному стали подходить къ шапкамъ, подходящіе бросали одну половину всѣхъ жеребьевъ въ первую шапку, а другую половину во вторую.

По окончаніи сбора жеребьевъ въ двѣ шапки, стали провѣрять число жеребьевъ въ каждой: въ одной оказалось 106, а въ другой 107. Появленіе лишняго жеребья объяснялось тѣмъ, что сборщику податей въ прошломъ передѣлѣ не дано земли сполна. Заявлено, что сборщикъ получилъ уже свой пай и свое жалованье; на это староста замѣтилъ, что, прибавляя теперь жеребій сборщика, онъ старается исполнить только постановленіе недавняго схода. Сдѣланы возраженія: что сборщикъ не годовой, что сбавили ему $\frac{1}{2}$ души, что поэтому уже земли не слѣдуетъ давать. Большинствомъ рѣшено однако же дать жалованье землею не только сборщику, но и вахтеру, для чего къ 213 жеребьямъ прибавлено еще два. Кто-то сдѣлалъ заявленіе, что

міръ одну душу напрасно наложилъ на него, что теперь онъ земли не возьметъ, что за эту душу платить не будетъ. Староста убѣдилъ его въ несправедливости его заявленія.

Послѣ этого направились къ участкамъ; первый участокъ предложенъ «трясти» изъ первой шапки.

Участокъ этотъ состоитъ изъ двухъ загоновъ, каждый загонъ изъ двухъ осьминниковъ, такимъ образомъ на одной десятинѣ ¹⁾ приходится по двѣ души или два жеребья изъ одной и той же шапки. Предложеніе «трясти» первый участокъ изъ первой шапки не встрѣтило сопротивленія. Такъ какъ каждый жеребій представляетъ одну душу, а на десятину слѣдуетъ по рѣшенію схода двѣ души, то изъ первой шапки выловили два жеребья; тотъ же процессъ оцѣнки повторяется при каждомъ участкѣ. При десятинкѣ большаго размѣра вылавливались три жеребья.

Различіе въ десятинкахъ происходитъ отъ положенія мѣстности; прилегающій къ нимъ оврагъ, лѣсъ и т. п. не всегда даютъ возможность уравнивать ихъ. Такъ кончили раздѣлъ лучшей и средней земель. При переходѣ къ полямъ худшей земли, такъ-называемаго «студенца», кто-то заявилъ, что у него оказался лишній жеребій. Случай этотъ возбудилъ подозрѣніе стариковъ ²⁾, не употребилъ ли кто во зло жеребьями, при собираніи ихъ. Рѣшено провѣрить при первой возможности. При постепенномъ вылавливаніи жеребьевъ перваго дѣлежа, послѣдніе возвращались къ своимъ владѣльцамъ, которые для полученія худшей земли стали опять складывать «ихъ». Это складываніе состояло въ томъ, что всѣ соединялись между собой такъ, что каждый жеребій представлялъ уже не одну душу, а двѣ. Затѣмъ стали обсуждать, поскольку душъ придется на десятинку; постановлено среднимъ числомъ допустить на каждую десятинку около 10-ти душъ. Собраны были опять всѣ жеребья, сосчитаны, наконецъ пошли шапку трясти и жеребья вылавливать; при каждой десятинкѣ вынималось изъ шапки отъ 10 до 12 жеребьевъ. Получивши десятинку тутъ же дѣлили ее между собой по жеребьямъ. Весь этотъ дѣлежъ продолжается въ теченіи только одного дня. На этихъ же самыхъ основаніяхъ производился въ іюнкѣ мѣсяцѣ того же года дѣлежъ паровой земли и окончился въ теченіи дня до захода солнца.

Считаемъ нужнымъ здѣсь прибавить, что вопросъ о ежегод-

¹⁾ Еще разъ повторяемъ, что, какъ здѣсь, такъ и въ другомъ мѣстѣ, подъ словомъ «десятина» нужно разумѣть вообще участокъ въ 4 осьминника и болѣе, а не казенную десятину, которая выражаетъ мѣру въ 2,400 квадр. сажень.

²⁾ Подъ именемъ «старика» разумѣютъ домохозяина.

ныхъ передѣлахъ крестьянскихъ земель въ послѣднее время былъ неоднократно затрогиваемъ въ саратовской губерніи и въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, и на сельскохозяйственномъ съѣздѣ. Для разрѣшенія его требовались статистическія свѣдѣнія, которыя и доставлены были по 55 волостямъ. Хотя, по неполнотѣ, они не могутъ дать точнаго понятія о положеніи дѣла во всей губерніи, но сами по себѣ представляютъ данныя, не лишеныя интереса.

Изъ 278 сельскихъ обществъ, о которыхъ доставлены свѣдѣнія, земля передѣляется:

Ежегодно	въ 128 обществахъ	
Черезъ 2 года	" 22	"
" 3 "	" 13	"
" 5 лѣтъ	" 21	"
" 6 "	" 20	"
" 8 "	" 2	"
" 10 "	" 11	"

Не передѣляютъ землю отъ ревизіи до ревизіи 38 обществъ.

Не передѣляютъ землю вовсе со времени полученія надѣловъ съ 1862 года—23 общества.

Изъ числа послѣднихъ, четыре общества ¹⁾, Урлейской волости петровскаго уѣзда, предполагаютъ передѣловъ не допускать вовсе. Крестьяне этихъ обществъ землю удобряютъ.

Въ колоніяхъ (свѣдѣнія изъ трехъ волостей) земля передѣляется черезъ 5 или 6 лѣтъ по числу полей; есть одно общество, передѣляющее землю ежегодно. Камышинскаго же уѣзда 10 обществъ камышинской волости передѣляютъ землю черезъ 10 лѣтъ.

Изъ числа обществъ, не передѣляющихъ землю со времени полученія надѣловъ, приходится на аткарскій уѣздъ 12, на хвалынскій 5, на петровскій 4, на камышинскій 1 и на саратовскій 1.

Какъ ни отрывочны имѣющіяся свѣдѣнія, но изъ нихъ можно сдѣлать два вывода:

1) Отъ ежегодныхъ передѣловъ отказываются тѣ общества, которыя надѣлены большимъ количествомъ земли.

2) Общества, отказывающіяся отъ ежегодныхъ передѣловъ, принимаютъ для передѣловъ періоды свыше 5-ти лѣтъ.

Причины, вызывающія ежегодные передѣлы, по объясненію

¹⁾ Общества: Урлейское, 1-е Чернышевское, 2-е Чернышевское и Загоскинское.

волюстных правлений, почти вездѣ одинаковы: желаніе достигнуть болѣе уравнительнаго распредѣленія земли по ея качеству и постоянныя измѣненія въ составѣ семействъ.

Одно лишь волостное правленіе приписываетъ существующій обычай подстрекательству нѣсколькихъ «стариковъ», извлекающихъ выгоду отъ передѣловъ ¹⁾.

При передѣлахъ земли на долгіе сроки и въ тѣхъ случаяхъ, когда передѣловъ вовсе не дѣлается, существуютъ различные способы раздѣленія земли и пользованія ею. Въ большинствѣ случаевъ поля раздѣляются по качеству земли, какъ и при ежегодныхъ передѣлахъ, и хозяева владѣютъ весь срокъ нѣсколькими вагонами. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, получающіе землю худшаго качества вознаграждаются количествомъ.

Всегда земля раздѣляется по-семейно; въ нѣкоторыхъ обществахъ при раздѣлѣ земли оставались запасные участки, изъ которыхъ удовлетворяются прибылыя души; земля отъ убылыхъ душъ поступаетъ въ распоряженіе общества.

Земля отбирается только при несостоятельности въ уплатѣ повинностей; нѣкоторые общества допускаютъ отказъ отъ земли при убыли душъ въ семействѣ.

Этому порядку придерживаются одинаково, какъ жители камышинскаго уѣзда, имѣющіе земли сравнительно больше, особенно колонисты, такъ и нѣкоторые общества петровскаго уѣзда. Впрочемъ, изъ доставленныхъ свѣдѣній можно вывести заключенія такого рода, что крестьяне начали сознавать вредъ ежегодныхъ передѣловъ, но общества, отказывающіяся отъ нихъ, стараются установить большой срокъ для передѣловъ; это доказывается тѣмъ, что изъ числа 150 обществъ, отказавшихся отъ ежегодныхъ передѣловъ, 72 общества, почти 50%, уже приняли наибольшіе періоды для передѣловъ земли.

Опредѣлить, насколько ежегодные передѣлы вліяютъ на урожай хлѣба, по недостаточности свѣдѣній, оказалось невозможнымъ; точно также свѣдѣнія эти не отвѣчаютъ на вопросы, возникающіе при разсмотрѣніи ихъ. Такъ, нѣтъ свѣдѣній, въ какихъ мѣстностяхъ крестьяне удобряютъ землю; нельзя вывести заключенія, почему въ нѣкоторыхъ волостяхъ одни селенія отказались отъ ежегодныхъ передѣловъ, а другія селенія придерживаются системы ежегодныхъ передѣловъ и гдѣ кроются истинныя причины этихъ передѣловъ.

Эти свѣдѣнія, признавая крайне необходимыми для разработки

¹⁾ Обрывки земли отъ передѣловъ остаются въ ихъ пользу.

вопроса вполне, мы, по возможности, надѣемся со временемъ собрать лично, ибо официальный опросъ волостныхъ правленій не общаетъ успѣха.

Съ занимающимъ насъ въ настоящей статьѣ вопросомъ о податной десятинѣ, которое должно открыть намъ разныя стороны существующихъ у насъ условій земельного обложенія, неразрывно связывается вопросъ объ обезпеченіи поступленія поземельнаго налога, который по своей отличительной чертѣ не долженъ бы имѣть ничего общаго съ подушнымъ обложеніемъ.

При подесятинной раскладѣ, кажется, не могло быть и рѣчи о круговой порукѣ, такъ какъ въ этомъ видѣ налога каждая десятина отвѣчаетъ за себя. Мы выше видѣли, что говоритъ практика по этому предмету, мы видѣли, что нѣтъ ни подесятиннаго обложенія, ни подесятинной раскладки, ни подесятиннаго взиманія, слѣдовательно, можетъ ли быть подесятинная отвѣтственность. Земля явилась однимъ лишь элементомъ производительности домохозяйствъ, и раздробленныя мельчайшія доли осьминника распредѣлились между дворами, соразмѣрно ихъ общей экономической податной силѣ, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, независимо отъ сравнительно ничтожнаго земельного клочка, такъ что обезпеченіе въ поступленіи поземельнаго налога основалось на томъ же самомъ началѣ, какъ и обезпеченіе всякаго иного рода сборовъ, подушныхъ и общественныхъ, а именно на началѣ *взаимной отвѣтственности*, только съ тѣмъ различіемъ, что съ нимъ слилось еще новое начало—*взаимнаго общиннаго поземельнаго пользованія*, столь естественнаго тамъ, гдѣ люди соединяются общими экономическими нуждами и общими условіями земельными и другими, для удовлетворенія этихъ нуждъ, въ особый общественный союзъ. Одаренный здравымъ смысломъ, союзъ русскихъ крестьянъ, въ своемъ проявленіи начала общственности и государственности, распредѣлилъ всю свою землю по экономической силѣ своихъ тончайшихъ составныхъ частицъ—домохозяйствъ, каждое изъ нихъ сознательно приняло на себя обработку извѣстной доли земли, которая осталась свободною отъ обработки маломощными семьями; и такъ какъ вся земля дѣлится на множество мельчайшихъ единицъ, распредѣленныхъ по домохозяйствамъ не поровну, а соответственно экономической силѣ cadaго двора—домохозяйства, то обработка небольшого клочка земли становится дѣломъ малотруднымъ; общинная земля является не бременемъ, а средствомъ, которымъ однообщественники пользуются по мѣрѣ силъ и возможности, сообразно со всѣми обстоятельствами, подвергающимися въ теченіи жизни разнообраз-

нымъ измѣненіямъ; на этомъ основаніи, напримѣръ, безлошадный, но старательный 17-лѣтній домохозяинъ Афиногенъ Матвѣевъ, по принятіи имъ на себя одной души повинностей, получилъ только по одному осьминнику въ каждомъ участкѣ земли. Но не пройдетъ, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, какъ тотъ же Афиногенъ Матвѣевъ, когда женится и приобрететъ лошадь, не затруднится взять себѣ по три осьминника въ тѣхъ же участкахъ, а семьи сорокалѣтнихъ домохозяевъ съ подростками рабочими, получившими нынѣ по четыре осьминника въ участкѣ, станутъ тогда получать, или по случаю кражи лошадей, или отдачи сына въ солдаты, и т. п., лишь по два осьминника въ участкѣ.

Такое начало *взаимнаго общиннаго поземельнаго помзванія*, которое, сливаясь съ началомъ *взаимной общественной податной ответственности*, само собою возводится въ принципъ всякаго общиннаго хозяйства, хотя бы даже подъ такимъ устрашающимъ названіемъ, какъ *круговая порука*.

Послѣ этого мы считаемъ нужнымъ ознакомить читателя еще съ немаловажною стороною податного дѣла—съ *порядкомъ взиманія повинностей*, въ томъ числѣ и поземельныхъ.

Порядокъ сбора, счетоводства и храненія собранныхъ суммъ, какъ извѣстно, по ст. 171 общ. положенія 19 февраля 1861 г., опредѣляетъ само общество.

Если сельское общество отмѣнило на практикѣ подушное и подесятинное обложеніе, обративъ его въ подворно-похозяйственное, то естественно, что взиманіе всѣхъ повинностей оно производитъ подворно и одновременно по всякаго рода повинностямъ, не устанавливая особыхъ сроковъ для каждой повинности.

Обращаясь къ исполненію сборщиками своихъ обязанностей, мы видимъ:

а) Какъ въ изслѣдуемомъ нами обществѣ, такъ и почти въ каждомъ сельскомъ обществѣ были случаи растраты и прочетовъ во взысканныхъ суммахъ ¹⁾;

б) за неимѣніемъ надлежащаго безопаснаго мѣста для храненія денегъ, частая утрата ихъ сборщикомъ происходитъ или въ нетрезвомъ видѣ, или во время пожара и т. п. случаяхъ;

в) полную безконтрольность и невозможность установить ее при существующей обстановкѣ крестьянскихъ обществъ;

г) неумѣніе и невозможность вести правильное счетоводство породили то зло, что явилось множество нескончаемыхъ споровъ

¹⁾ Растраты и прочеты нерѣдко сходятся прощаются, такъ что растратенныя и прочтенныя суммы взыскиваются вновь съ общества.

между плательщиками и сборщиками. Годъ спустя послѣ сбора повинностей, нѣтъ никакой возможности, при всемъ желаніи, добиться толку по поступленію повинностей.

д) Повсюду слышатся жалобы крестьянъ на недовѣріе къ сборщикамъ, на несостоятельность ихъ. Крестьяне, внесшіе подати, всегда въ страхѣ и опасности оттого, какъ бы не потребовали въ другой разъ тѣхъ же повинностей; во избѣжаніе этого, многіе благоразумные вносятъ ихъ тогда, когда настоятельно того потребуетъ волостное правленіе или становой приставъ.

Причины этихъ обыкновенныхъ явленій нельзя не видѣть въ слѣдующемъ:

1) Крестьянское общество, гдѣ нѣтъ ни одного грамотнаго, поставлено въ необходимость избирать изъ своей среды на весьма важныя и трудныя обязанности сборщиковъ и старостъ подобныхъ себѣ неопытныхъ и неграмотныхъ однообщественниковъ, которые принуждены провозводить сборъ повинностей при помощи мальчиковъ или съ кругу спившихся сельскихъ писарей.

2) Ненаказуемость растратъ по неумѣнію и невозможности въ средѣ крестьянскаго быта отличить ихъ отъ обыкновенныхъ прочетовъ.

Можно ли обвинить во всемъ этомъ крестьянскія общества, если мы вспомнимъ, что самыя ничтожныя суммы, находящіяся въ завѣдываніи разныхъ учреждений—по поступленію, храненію и расходованію—обставлены строжайшими многосложными правилами и контролемъ, а сборъ, храненіе и сдача въ правительственные учрежденія десятковъ милліоновъ государственныхъ податей и налоговъ, существенныхъ въ жизни государства, поручены завѣдыванію неопытныхъ и безграмотныхъ крестьянъ. Случаи растратъ и прочетовъ правительственныхъ сборщиковъ обезпечены ихъ личною отвѣтственностію, лишающею ихъ, независимо отъ матеріальныхъ взысканій, существенныхъ для нихъ политическихъ и гражданскихъ правъ. Случаи же растратъ и прочетовъ, допущенныхъ крестьянскими обществами въ лицѣ ихъ сборщиковъ или старостъ, отзываются только на матеріальныхъ скудныхъ средствахъ всѣхъ членовъ того же общества.

Въ интересахъ всесторонняго обсужденія вопроса о существующихъ налогахъ, слѣдовало бы здѣсь упомянуть еще о срокахъ взиманія повинностей.

На нашъ взглядъ, вопросъ о срокахъ по своимъ послѣдствіямъ въ отношеніяхъ экономическомъ, общественномъ и государственномъ не менѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ вопросы относительно способа обложенія и порядка сбора повинностей. Какою

бы силою ни отличалась дойная корова и какъ бы способна она ни была къ самымъ большимъ удоямъ, но если нѣсколько разнородныхъ доильщиковъ будутъ настоятельно требовать отъ нея, безъ взаимнаго между собою соглашенія, каждый своей части удоя, по разнообразнымъ системамъ мѣръ, не соображая при этомъ ни питательныхъ средствъ, ни времени образованія питательнаго матеріала, то всякая сильная корова, при всей готовности и способности удовлетворить требованіямъ своихъ доильщиковъ, въ самомъ непродолжительномъ времени должна будетъ превратиться, естественнымъ путемъ, въ тощую, не способную къ выдѣленію излишковъ.

Познакомивъ читателей съ практикой обложенія и раскладки, постараемся теперь, въ виду полученныхъ нами достовѣрныхъ данныхъ, провѣрить всѣ соображенія какъ противниковъ, такъ и защитниковъ подушной подати, которая, какъ мы видѣли, въ практическомъ примѣненіи есть то же, что и поземельный налогъ, несмотря на различіе податныхъ единицъ, *души и десятины*. Въ пользу подушной подати обыкновенно приводятся слѣдующіе доводы:

1) «Удобство исчисленія податныхъ окладовъ. Число ревизскихъ душъ, опредѣленное, однажды по народной переписи, въ каждомъ обществѣ, служитъ основаніемъ для опредѣленія оклада, что, при однообразіи душевого размѣра, достигается очень просто».

Удобство исчисленія податного оклада по подушной системѣ не представляетъ, по нашимъ наблюденіямъ, никакого преимущества передъ удобствомъ исчисленія какаго-либо другого элемента въ крестьянскомъ хозяйствѣ, принятаго за объектъ подати, какъ-то: двора, десятины, лошади, сохи, тягла и т. п. Какъ число ревизскихъ душъ, такъ и число ревизскихъ сохъ, лошадей и т. п., опредѣленное однажды по народной переписи въ каждомъ обществѣ, можетъ служить, по желанію правительства, всегда одинаковымъ для распредѣленія оклада; все это достигается просто не только при однообразіи душевого размѣра, но и при однообразіи другого рода размѣровъ, ибо какъ душа, такъ и всякіе другіе предметы въ домохозяйствѣ, могущіе послужить объектами подати, имѣютъ одинаковое экономическое значеніе. Мы видѣли примѣры, что душа, какъ объектъ, не только приблизительно, но вовсе не указываетъ на податной источникъ, какъ того требуетъ финансовая наука.

2) «Правительство ограждено отъ уменьшенія однажды опредѣленнаго оклада, вслѣдствіе убыли или уклоненія отъ положенія въ окладъ лицъ, подлежащихъ платежу. Сумма податей остается, за немногими исключеніями, неизмѣнною, ибо окладныя

души исключаются изъ оклада въ каждомъ обществѣ не прежде, какъ по удостовѣренію, что подлежащія исключенію души записаны въ окладъ въ другомъ мѣстѣ, или приобрѣли право на освобожденіе отъ подушной подати».

Правительство одинаково ограждено, по нашему мнѣнію, отъ уменьшенія однажды опредѣленнаго оклада, вслѣдствіе убыли или уклоненія отъ положенія въ окладъ лицъ, подлежащихъ платежу, будутъ ли эти лица положены въ окладъ подушно или посошно, потягольно, полошадно и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сумма податей остается также неизмѣнною, за немногими исключеніями, подобно тому, какъ это совершается съ окладными мірскими душами, обыкновенно не отвѣчающими ревизскимъ душамъ.

3) «Правительство, имѣя дѣло съ обществами, а не съ каждымъ плательщикомъ, значительно облегчено во взиманіи подушныхъ вкладовъ».

И при всякомъ другомъ способѣ обложенія — потягольномъ, посошномъ и т. п., правительство будетъ имѣть дѣло съ обществами, а не съ каждымъ плательщикомъ, а потому взиманіе по этого рода окладамъ не представитъ большихъ неудобствъ противъ взиманія *подушныхъ* окладовъ.

4) «Подушные сборы, несмотря на образующіяся въ нихъ недоимки, поступаютъ довольно удовлетворительно, такъ какъ въ средней сложности ежегодный недоборъ не великъ».

Исслѣдованія положительно доказываютъ, что ни подушныхъ специальныхъ сборовъ, слѣдовательно, ни подушныхъ специальныхъ недоимокъ, не существуетъ фактически, а показываются они только въ книгахъ уѣздныхъ казначействъ по усмотрѣнію гг. сельскихъ писарей или казначейской канцеляріи.

Въ каждомъ рублѣ или, лучше, въ каждой копѣйкѣ, внесенной домохозяиномъ сборщику податей, нераздѣльно содержатся всѣ сборы и подати, какъ равно и въ недонесенной копѣйкѣ заключается недоимка всѣхъ податей и сборовъ.

Намъ извѣстно, что удовлетворительнѣе всѣхъ повинностей, даже государственныхъ, поступаютъ мірскіе сборы, ибо волостное и сельское начальства, въ нихъ лично заинтересованные, прежде всего удовлетворяютъ свои нужды изъ общей цифры всѣхъ сборовъ. Служащіе же посредствомъ земства не получаютъ содержанія въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по причинѣ накопленія однихъ лишь недоимокъ.

Если бы канцелярія уѣзднаго казначейства и крестьянское управленіе получали содержаніе отъ земства, то, вѣроятно, бездоимочное поступленіе было бы на сторонѣ земскихъ сборовъ.

5) «Народъ издавна привыкъ къ подушной подати; она вошла въ обычай и нравы плательщиковъ».

Исслѣдованія показали, насколько странно подобное предположеніе защитниковъ подушной подати: народъ, не имѣя никакого представленія о какихъ бы то ни было способахъ обложенія и не входя въ разборъ ни о поводахъ, ни объ основательности тѣхъ или другихъ, народъ привыкъ платить подати и не отвѣщается отъ этой привычки, лишь бы только всѣ вообще повинности были подсилны его домохозяйству и осмысленно взимаемы.

Недостатки подушной системы противники ея видятъ въ слѣдующемъ:

1) «При подушной системѣ невозможно достигнуть уравнительнаго распредѣленія. Предметомъ обложенія является при этой системѣ душа, которая и облагается обыкновенно не рѣдко въ цѣлыхъ уѣздахъ одинаковыми окладами».

Уравнительнаго распредѣленія нельзя достигнуть, какъ показываютъ изслѣдованія, не потому, что душа облагается одинаковымъ размѣромъ не рѣдко въ цѣлыхъ уѣздахъ и еще большихъ частяхъ губерніи; если бы душа облагалась въ каждомъ селеніи различно, то и тогда невозможно было бы достигнуть уравнительнаго распредѣленія подати, ибо подать разлагается по экономической способности домохозяйствъ, которыя могутъ видоизмѣняться по общинамъ разнообразно.

Мы выше видѣли, что не мѣстность, не уѣзды, не земли ихъ даютъ экономическую силу домохозяйству и общинѣ, а число сильныхъ семей: въ какой бы плодородной странѣ ни поселились одинокіе и маломощные, отъ нихъ ни община, ни государство многого не получаютъ. Слѣдовательно, уравнительность достигается знаніемъ посемейнаго состава обществъ.

2) «Подушная подать не имѣетъ вещественнаго основанія. Для взиманія ея оказывается необходимымъ прикрѣпленіе податного населенія на однихъ мѣстахъ съ примѣненіемъ круговой поруки, препятствующей, стѣсненіемъ перехода податного населенія, правильному и наиболѣе производительному распредѣленію сельскохозяйственной и промышленной дѣятельности».

Вещественнаго основанія, какъ показываютъ изслѣдованія, не имѣетъ и подесятинная земельная подать; для взиманія ея необходимо было бы также прикрѣпленіе податного населенія съ примѣненіемъ круговой поруки, ибо земля является такъ же, какъ и живая душа, однимъ изъ элементовъ экономической силы домохозяйства. Вещественнаго основанія, продолжительнаго и проч-

наго, не всегда можетъ имѣть и цѣлое домохозяйство, если только оно ведется одинокимъ, маломощнымъ. Степень экономической силы рабочаго и десятины подвергается измѣненію, то увеличиваясь, то уменьшаясь, подъ давленіемъ семейныхъ экономическихъ союзовъ.

3) «Крестьянъ, водворившихся на мѣстахъ новыхъ поселеній, безъ соблюденія законныхъ формальностей, весьма много; на нихъ въ прежнихъ мѣстахъ ихъ водворенія накапливаются недоимки, и въ мѣстахъ новаго поселенія они не могутъ быть занесены въ окладъ, потому что, по закону, считаются въ составѣ прежнихъ обществъ».

Когда въ основаніе податного обложенія будетъ положено то начало, которое принято въ законодательствѣ Англіи, а именно: обложенію будетъ подлежать все то, что: «*visible, profitable and situated in the parish*» (видимое, доходное и лежащее въ районѣ прихода), тогда пунктъ этотъ самъ собой исчезнетъ. Жители государства будутъ платить подать тамъ, гдѣ они поселились, въ формѣ ли общины или на началахъ частной собственности. Крестьяне водворяются на новыхъ мѣстахъ поселенія, потому что имъ нельзя жить въ старыхъ мѣстахъ. Администрація тѣхъ и другихъ не можетъ не знать о совершившемся обмѣнѣ мѣстожителства.

Удаляются обыкновенно излишки населенія по недостатку способа къ существованію. Отъ добра добра не ищутъ. Остающіеся же, удовлетворенные экономически, не станутъ переселеніемъ избѣгать отъ платежа повинностей государственныхъ.

4) «Самое производство ревизіи представляетъ собою громадную работу, приводящую въ волненіе все податное населеніе; съ переходомъ крестьянъ-собственниковъ въ мѣщане, казна будетъ лишаться подушной подати. Что въ мѣстностяхъ общиннаго владѣнія замѣчается стремленіе къ раздѣламъ общинныхъ земель на подворные участки и къ выкупу отдѣльныхъ участковъ изъ среды общинной земли, то нельзя не предвидѣть многочисленныхъ уклоненій отъ подушной подати посредствомъ приписки въ другія сословія».

Теперь, когда организовались волостныя правленія, уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣздныя земскія управы и статистическіе комитеты, производство ревизіи не можетъ представить той громадной работы, какою она представлялась до этихъ учреждений. Ревизія теперь не приведетъ въ волненіе народъ, подвергавшійся неоднократно въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ перепискамъ посемейнымъ и подворнымъ по разнымъ случаямъ и требованіямъ новѣйшихъ учреждений. Народъ не довѣ-

раетъ перенеси потому, что за нею могутъ слѣдовать несообразности по взысканію лишнихъ налоговъ. Малолѣтнія души у одинокихъ и маломощныхъ, рожденіе послѣ 1858 года въ первое десятилѣтіе — дочерей, а въ послѣднее — мальчиковъ, дѣйствительно увеличатъ цифру ревизскихъ душъ, но эта цифра ничего не скажетъ въ пользу увеличенія народныхъ силъ въ теченіи двадцатилѣтія. Послѣ этого не удивительно, что народъ боится не процесса ревизіи, а ни съ чѣмъ несообразныхъ тяжелыхъ ея послѣдствій.

Никакого стремленія въ раздѣламъ общинныхъ земель на подворные участки мы не замѣчаемъ, да и допустить не можемъ; выкупы же отдѣльныхъ участковъ оказываются исключеніями столь рѣдкими, что не могутъ представить значительнаго уклона отъ подати, ибо подать эту всегда приметъ на себя или выкупившій надѣлъ, или само общество.

Такимъ образомъ, здѣсь представляется оригинальнымъ то, что и соображенія противниковъ подушнаго обложенія и доводы защитниковъ его одинаково разбиваются о практически здравый смыслъ русскаго народа.

Вообще, путаница въ понятіяхъ податного дѣла въ Россіи объясняется отсутствіемъ прочной почвы мѣстныхъ изслѣдованій и обращеніемъ къ примѣрамъ другихъ государствъ или теоріямъ, не получившимъ научныхъ санкцій; когда же дѣло коснется народа, то онъ строитъ свое податное зданіе по указаніямъ самой жизни.

Итакъ, изслѣдованіе примѣрной податной десятины приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію:

1) Арянское крестьянское общество не знаетъ о существованіи подраздѣленія денежныхъ повинностей на подушную подать, на поземельный налогъ государственный и сборъ земскій; подъ употребляемымъ выраженіемъ *подушное* имъ разумѣются всѣ повинности, въ томъ числѣ и поземельныя, а подъ словомъ *душа* — лишь одна ихъ общая доля.

2) Арянское сельское общество не видитъ на практикѣ разумнаго основанія какъ въ подушномъ ревизскомъ, такъ и податномъ земельномъ обложеніи.

3) Рабочій трудъ, земля и лошадь въ отдѣльности, не имѣя податного значенія, суть лишь простые и разнородные элементы экономической силы и только нераздѣльно представляютъ эту силу, и тогда лишь получаютъ податное значеніе. Вотъ почему изслѣдованіе податной десятины не могло открыть намъ: — отъѣчасть ли поземельный налогъ основнымъ началамъ финансовой

науки, а именно: а) насколько поземельный налогъ соответствуетъ народному хозяйству; б) какія тягости и лишенія причиняетъ онъ населенію; в) какъ велика податная способность облагаемыхъ и тѣ части податныхъ источниковъ, т.-е. части имущества, изъ которыхъ могутъ быть взысканы подати, и г) какое различіе существуетъ между источникомъ и объектомъ подати? Ни одного изъ этихъ пунктовъ податною десятиной разрѣшить нельзя.

4) Земля между членами общины распредѣляется по домохозяйствамъ сообразно экономической и податной ихъ способности, а не по подушному расчету, установленному положеніемъ 19-го февраля.

5) Регулирующимъ началомъ по распредѣленію земли служить общая, ежегодно опредѣляемая податная доля въ неизмѣнномъ числѣ ревизскихъ душъ. Доля земли, достающаяся домохозяину, всегда пропорціональна податнымъ долямъ; число долей повинностей, уплачиваемыхъ домохозяйствами, всегда соответствуетъ числу долей земли, получаемыхъ домохозяйствами не только въ разныхъ родахъ полей, но и въ разныхъ видахъ мелкихъ участковъ земли.

6) Десятина земли, какъ и вся общинная земля, лишенная податного значенія, не кадастрируется, представляя собой лишь экономическую частичку въ домохозяйствѣ и одинъ изъ элементовъ цѣлаго податного источника, какъ выше уже было объяснено. Осьминникъ является лишь какъ болѣе практическая земельная мѣра, но такъ же, какъ и десятина, податного значенія имѣть не можетъ.

Намъ извѣстны общины, гдѣ ни десятина, ни осьминникъ, а квадратная сажень принята за единицу земельной мѣры; все зависитъ отъ общаго количества земли, находящейся въ пользованіи общины.

Послѣ этого такіа выраженія, какія нерѣдко приходится слышать: «земель нельзя облагать, они и безъ того уже слишкомъ обременены» — не имѣютъ смысла.

Сюда подошло бы скорѣе выраженіе того государственнаго чловѣка въ Англіи, который говорилъ о налогахъ: такъ какъ невозможно уменьшить тяжести наши, то увеличимъ силы самого животнаго.

Различіе—существенное—въ томъ, что одни видятъ объективность въ налогѣ, а другіе—субъективность.

7) Община, хотя и состоитъ изъ девяти типовъ домохозяйствъ, отличающихся между собою въ мельчайшихъ податныхъ отѣнкахъ, даже въ полудоляхъ, но главнымъ образомъ она пред-

ставляетъ два рѣзко отличающихся экономическихъ типа — это *маломощныхъ-одинокихъ* и *семьяныхъ* (двурабочихъ и болѣе семей).

Условія ихъ рѣзко различны: одни живутъ на началахъ раздѣленія земледѣльческаго труда, — у нихъ, по выраженію крестьянъ, все спорится, а другіе этого начала осуществить не могутъ; а потому такіе экономическіе элементы, какъ лошади, земля и самый рабочий, у первыхъ имѣютъ одно экономическое значеніе, а у послѣднихъ — совершенно другое.

Изображая, такимъ образомъ, различныя экономическія единицы, домохозяйства одинокихъ и семьяныхъ представляютъ различныя податныя источники. Поэтому и безусловное подворное обложеніе теряетъ всякое значеніе: мы видѣли, какъ 57 дворовъ, т.-е. $\frac{2}{3}$ въ цѣлой общинѣ, представили менѣе податной способности, чѣмъ 30 дворовъ — $\frac{1}{3}$ той же общины. Это открываетъ для статистики народонаселенія новое плодотворное поприще, ибо доказываетъ, что экономическія силы Россіи, слѣдовательно и податныя, должны опредѣляться не количествомъ живого, наличнаго, душевого населенія, не массою десятинъ, на которыхъ оно разбросано, а цифрою, показывающей правильное сочетаніе того и другого въ подворныхъ сильныхъ домохозяйствахъ. Только эти небольшіе экономическіе союзы и въ состояніи свободно выдѣлить изъ себя въ формѣ налога что-либо на благо общественное и государственное.

Спросите любого порядочнаго крестьянина, какъ расцѣнить онъ въ податномъ значеніи область въ 400.000 кв. миль съ сто-милліоннымъ населеніемъ маломощныхъ одинокихъ. Этакой области даромъ не надо, — скажетъ онъ, — съ ней одна только склыка, не минуячи разведешь міроѣдовъ, конокрадовъ, да кабалу народную, а вотъ область въ десять разъ поменьше, да всего съ десятью тысячами русскихъ обществъ, съ такими домохозяевами, что по 4—5 душъ теперь платять, можно бы легко отвѣтить за подать въ 500 милліоновъ рублей и это было бы для всѣхъ безобидно, и въ казну она поступила бы бездомочно. Ревизскія сказки хотя и составляются подворно, по нимъ хотя и можно узнать число многодушныхъ семей, но вѣдь многодушныя семьи не всегда сильны экономически, такъ, напр., въ Аряшенскомъ обществѣ семья Щукина и семья Горбунова по ревизскому счету и по наличности имѣютъ по 4 души, а по мірской раскладкѣ одна платитъ $3\frac{1}{2}$ долей, а другая 7 долей повинностей. Не менѣе интересныя свѣдѣнія по этому предмету

мы встрѣтили въ Кулясовскомъ обществѣ государственныхъ крестьянъ. Степанъ Яковлевъ, при 6-ти наличныхъ душахъ, и Семенъ Кудяновъ, при 2-хъ наличныхъ душахъ, платятъ по раскладѣ одинаково 5 душъ.

Только мірская раскладка можетъ уважать на бездушные и маломощные дворы. Какія вѣрные и драгоценныя статистическія данныя можно было бы извлечь изъ мірскихъ раскладокъ для опредѣленія бѣдныхъ крестьянъ въ край. Точныя цифровыя данныя, опредѣляющія относительную типичность каждаго двора по его экономической платежной способности, всегда готовы у населенія. Податныя тетради, имѣющіяся въ каждомъ обществѣ, содержащія въ себѣ свѣдѣнія объ окладныхъ душахъ, представляютъ драгоценный статистическій матеріалъ, который могъ бы живо выяснить податную способность края. Этотъ матеріалъ драгоцененъ потому, что онъ точенъ, готовъ и составляетъ для самихъ общинъ существенную потребность.

Податныя же тетради открываютъ возможность, при помощи владѣнной записи, опредѣлить и подвѣрное распредѣленіе земли, ибо душа, т.-е. доля всѣхъ податей — соответствуетъ земельной единицѣ.

8) Единственная цифра недоимки, которая можетъ существовать въ дѣйствительности и числиться на самомъ обществѣ, это только одна цифра, показывающая недоимку всѣхъ податей, сборовъ, налоговъ и платежей, обложенію которыхъ подлежитъ общество. Цифра эта можетъ состояться лишь отъ недоимокъ каждаго двора, а не разнородныхъ обложеній.

Цифры недоимокъ по спеціальнымъ платежамъ, повинностямъ и налогамъ, если и существуютъ, то онѣ произвольно составляются въ канцеляріяхъ уѣздныхъ казначействъ и сельскихъ управленіяхъ, а потому мѣста имѣть не должны. Составленные изъ нихъ статистическія данныя и основанныя на нихъ финансовыя соображенія, начиная отъ низшихъ уѣздныхъ и кончая самыми высшими государственными учрежденіями, производятся неправильно и безплодно.

9) Круговая порука, какъ оказывается, необходимая и по платежу поземельныхъ налоговъ, въ той формѣ, какъ она представляется многимъ, есть не столько зло по самому ея существу, сколько злоупотребленіе волостныхъ и сельскихъ властей.

Если только круговая порука вытекаетъ сама собой изъ начала взаимной общественной податной ответственности и

взаимнаго общиннаго поземельнаго пользованія, то она может явиться основнымъ принципомъ всякаго общиннаго начала.

10) Несовладаніе сельскаго общества съ порядкомъ сбора, храненія и отчетности суммъ денежныхъ объясняется отсутствіемъ грамотности у народа, хотя это бремя не поделishly иногда и грамотному.

11) Земство, облагавшее населеніе для образованія продовольственнаго капитала и запасовъ хлѣба подушнымъ сборомъ зерна или денегъ, не нарушало закона, ибо всякое подесятинное обложеніе неминуемо было бы подушнымъ, а всякое подушное не могло не быть и поземельнымъ.

Если подушныя и поземельныя основанія по обложенію сельскихъ обществъ оставались бы только въ соображеніяхъ канцелярій, и полученныя по нимъ цифровыя данныя употреблялись лишь для опредѣленія общей цифры государственнаго налога, тогда не произошло бы той несообразности, которую встрѣтило земство въ заботахъ своихъ по обезпеченію народнаго продовольствія.

12) Распредѣленіе 87-ми дворовъ на 10 типовъ и порядокъ дѣлежа земли свидѣтельствуютъ живо, какъ объ идеальномъ проявленіи мудрости народной, не чуждой, повидимому, началъ общественности и государственности.

13) Есть основанія предполагать, что только сильная подворно-похозяйственная община будетъ твердою экономическою общиною, и только такая общинно-сильная Россія будетъ экономически сильнымъ государствомъ.

Мы здѣсь разумѣемъ ту часть населенія, которая устроилась на общинномъ началѣ.

Эти наши выводы построились, конечно, на данныхъ одной сельской крестьянской общины. Все, что только въ ней могло лишь намѣтиться и обозначиться по изслѣдованію податной десятины, можетъ получить болѣе ясныя и точныя очертанія только въ продолжительныхъ наблюденіяхъ надъ всѣми явленіями разнородныхъ общинъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ ихъ составныхъ частей — домохозяйствъ.

Такимъ образомъ, передъ нами, вмѣсто ревизской податной души и казенной податной десятины, возникаетъ по отношенію къ общинѣ естественный дворъ или *податное домохозяйство*, а по отношенію къ государству — *податная община*.

Но это не тотъ простой дворъ, какимъ онъ часто представлялся намъ, какъ наблюдателю, всегда готовому начертить его гадательный

бюджетъ. Желательно, чтобы этотъ дворъ былъ рассмотрѣнъ со всею тщательностію, какъ-бы черезъ посредство микроскопа, который долженъ открыть передъ наблюдателемъ цѣлое домохозяйство, во всей сложности его механизма, и чтобы наблюдатель прослѣдилъ съ полнымъ вниманіемъ за жизнью экономическихъ тѣлъ (кудели, шерсти, тряпья, хлѣбнаго зерна и т. п.), получающихъ въ этомъ домохозяйствѣ свое зарожденіе и, повидимому, отличающихся въ дальнѣйшей своей жизни особою промышленною организаціею.

В. Трироговъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Я тихо брелъ проѣзжею дорогой.
Былъ внойный день, дышалось тяжело.
Передо мной въ красѣ своей убогой
На холмикѣ раскинулось село.
Тамъ праздникъ былъ — и пестрою толпою
Народъ шумѣлъ, какъ пчелъ могучій рой;
Кто пѣсни пѣлъ, кто плакалъ съ перепоею,
Кто спалъ, въ траву уткнувшись головою —
Повсюду брань, веселье, пиръ горой...
А солнца ликъ недвижный и палащій,
Какъ гнѣвный Богъ карающимъ огнемъ,
Жегъ съ высоты весь этотъ людъ гулящій
И жегъ поля, дремавшія кругомъ!

И я прошелъ, въ сторонку, за селенье
На влажный склонъ къ пустынному ручью.
Туда за мной гнались и крикъ, и пѣнье;
Но отъ полей и нивъ, отъ отдаленія
Туманнаго — лаская грудь мою —
Цѣлебный миръ владычицы-природы
Летѣлъ ко мнѣ на встрѣчу, и дышалъ
Привѣтствіемъ покоя и свободы,
И пыльный шумъ селенья заглушалъ.

Какъ шопотъ волнъ, то близкій, то далекій,
Онъ обольщалъ, онъ призывалъ меня,
И мнилось мнѣ—въ немъ слышались упреки
Родной земли:

—«Забыта всѣми я!

Забыта я вездѣ, въ домахъ, палатахъ,
Что на своихъ несу я раменахъ,
Забыта я средь гордыхъ и богатыхъ,
На высоту добромъ моимъ подъятыхъ,
Что дань мою сѣдаютъ на пирахъ;
Забыта я на торжищахъ, гдѣ торы
Моихъ даровъ за деньги продаютъ—
И торгоша разжившагося взоры
На землю-мать съ любовью не падутъ!
Взгляни—и здѣсь въ селѣ я позабыта:
Въ немъ праздникъ, плясъ,—а я въ тиши одна,
Нарядная, хлѣбами вся покрыта,
Шелковою травой вокругъ обвита,
Презрѣнію и скукѣ предана!
Приди, поэтъ: побудь хоть ты со мною!
Спой пѣсню мнѣ...»

И теплою волною

Мнѣ вѣтеръ грудь и голову ласкалъ.
Въ немъ ароматъ цвѣтовъ и травъ струился;
Усталый день ужъ къ вечеру клонился...
Но на призывъ въ смятеніи я молчалъ.
Что могъ я пѣть?... Пѣвалъ я пѣснь привѣта,
Когда внималъ природы вольный шумъ,
Давно, давно — въ дни вешняго расцвѣта
Душевныхъ силъ, надеждъ и смѣлыхъ думъ!
Но смѣлъ ли я тѣ молодые звуки,
Безхитростный, весенній тотъ привѣтъ
Вновь повторить со взоромъ, полнымъ скуки,
И голосомъ надломленнымъ?... О, нѣтъ!

И я вавадъ побрелъ опять дорогой.
Во слѣдъ за мной мужикъ знакомый, Фролъ,
Весь въ рубищѣ, косматый, босонотій,
Шатаясь, съ базара пьяный шелъ.
Онъ звалъ коня пропавшаго и брани
Его неслись въ безмолвные поля,
Какъ боли стонъ, какъ злобы хохотъ дикій,

Какъ страха вопль передъ бѣдой великой —
 На этотъ вопль отвѣтить могъ бы я!
 Тѣ вопль людской, знакомый былъ; онъ грубо
 Мечтанія и грезы разогналъ...
 И, признаюсь, — мнѣ слушать было любо,
 Какъ пьяный Фроль ругался и кричалъ!

с. Шубино.—15 юля, 1878.

II.

О, еслибъ вѣрилъ я, что въ свѣтлыхъ небесахъ
 Могучій, грозный Богъ земные внемлетъ стоны,
 Въ молитвѣ пламенной, въ поклонахъ и слезахъ
 Искалъ бы я отъ думъ мятежныхъ обороны.

Презрѣвъ борьбы земной обманъ и суету
 Вериги я-бъ надѣлъ, облекся-бъ въ власяницу
 И можетъ быть вдали, сѣвозъ ноци темноту
 Прозрѣлъ бы истины желанную денницу!

Но дѣтской вѣры лучъ въ душѣ моей давно
 Угаснулъ, какъ въ глуши костеръ людьми забытый,
 И червь сомнѣнїя холодный, ядовитый —
 Незванный, чуждый гость, гнѣздится смѣло въ ней.

И точить сердце онъ язвительной мечтою,
 Что жизни трудъ и шумъ — бесплодная игра,
 И дразнить бѣдный умъ далекой красотою
 Неплѣнныхъ призраковъ свободы и добра!

Гр. А. Голенищевъ-Бутузовъ.

с. Шубино.—4 сентября, 1878.

КАЛЕНИКЪ

Историческая повѣсть изъ послѣднихъ лѣтъ Запорожья.

I.

Новомосковскъ — нынѣшній уѣздный городъ екатеринославской губерніи — сто лѣтъ тому назадъ, въ послѣднее время Запорожья, назывался на книжномъ языкѣ селомъ Самарчукомъ, мѣстечкомъ Новоселицей и Новоселовкой; въ народѣ же его тогда называли, какъ и теперь — Самаръ — отъ имени рѣки, при которой онъ расположенъ. Въ ту пору мѣстечко Новоселица было центромъ самарской паланки (военнаго округа) и самарскихъ «товщей», т.-е. земель, лѣсовъ, угодій, населеній и обзаведеній по рѣкѣ Самари и ея притокамъ. Въ Новоселицѣ было поэтому и правленіе паланки съ ея старшиной.

Въ шестидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, лѣтъ за десять до уничтоженія Сѣчи, въ одинъ субботній день шелъ въ Новоселицѣ базарный торгъ.

На площади развѣвался флагъ самарской паланки, съ гербомъ ея — коронованнымъ львомъ, который стоялъ на заднихъ лапахъ и держалъ въ передней копьѣ. День стоялъ пасмурный. Флагъ, высоко поднятый на столбѣ, трепеталъ въ воздухѣ, извивался и слегка похлопывалъ подъ свѣжимъ утренникомъ. Продавался сельскій привозъ — мука, масло, сѣно, дрова, барашки и т. п.; въ другомъ мѣстѣ вяленая рыба — тарань, синьга, чебакъ. У паланочныхъ лавченокъ, кое-какъ сколоченныхъ, одни чумаки брали деготь, другіе — «куликалы» въ стѣстномъ ряду, либо покупали бублики; бубликами Новомосковскъ и теперь славится — до самаго Кіева въ одну сторону, и до Харькова — въ

другую. Не то — лакомились рогозомъ (ситникомъ); на него хоть пора ужъ и прошла — онъ былъ старъ, — но его еще продавали небольшими снопами, такъ какъ требованіе на него не прекращалось. Лежали на базарѣ горами кавуны — (арбузы), дыни, цѣлыя куны чесноку, вазы цибули (луковицъ) и разная прина- рочная зелень.

Въ Новоселицѣ тогда еще не было пятиглавой десятиглавой церкви; церковь была старенькая, передѣланная изъ простой хаты, съ выведеннымъ на ней вторымъ верхомъ, на которомъ поставленъ былъ желѣзанный крестъ, и крытая очеретомъ (камышомъ). Запорожцы сѣдлали ее на-скоро, когда воротились изъ-подъ крымскаго хана. Базаръ раздѣляла пополамъ дорожка; она давала проходъ и проѣздъ отъ церкви по базару, въ ту улицу, которая перерѣзывала все тогдашнее мѣстечко пополамъ, и служила большою дорогою къ Половицѣ (нынѣшнему Екстерино-славу).

Со стороны церкви ѣхалъ на базаръ молодой запорожецъ на отличной сѣрой лошади. Онъ щеголялъ чрезвычайно пышнымъ и живописнымъ нарядомъ и такою же сбруею на конѣ. Рондикъ (конскій уборъ) шитъ былъ серебромъ; уздечка — съ байракомъ (мундштукомъ), поводъ — чернаго лакированного ремня. Широкий нагрудный ремень у лошади и ремни пахвей покрыты были серебряными бляшками съ чеканными украшеніями. Сѣдло — татарское; оно состояло изъ небольшого вьюка, крытаго краснымъ сафьяномъ и сукномъ, и обшито бархатомъ того же цвѣта съ серебряными галунами. Съ обѣихъ сторонъ сѣдла шли красныя помы; все это положено было на небольшой чепракъ алаго цвѣта, обшитый также галуномъ. Самъ казакъ одѣтъ былъ не въ форменный запорожскій нарядъ; на немъ былъ вишневый кафтанъ, бѣлыя суконныя шаровары, входившія въ красныя сапьянцы (сафьянные сапоги) съ серебряными подковами и баранья сѣрыхъ крымскихъ смушковъ шапка, съ черной бархатной папужей. Подпоясанъ онъ былъ персидскимъ пестрымъ поясомъ. За поясомъ торчали щегольскіе, въ серебряной оправѣ, пистолеты; на боку, въ черныхъ кожаныхъ ножнахъ, покочивалась кривая сабля. Изъ-подъ шапки у молодого наѣднина висѣла небольшая чуприна, оселедецъ (злѣкъ волосъ, по обычаю Запорожца, какой носилъ нѣкогда и великій князь Святославъ); лицо казака — круглое, загорѣлое, но подернутое живымъ румянцемъ. Въ полныхъ небольшихъ губахъ его было что-то дѣтски-доброе и нѣсколько насмѣшливое. Когда онъ подѣвжалъ къ молочному ряду, всѣ молодіцы хватали свои кувшины и наперерывъ одна передъ

другую ставили ихъ на дорожку подъ ноги лошади казака — и пересбрасывались.

— Ты ставила прошлую субботу, теперь мнѣ, пускай мнѣ!

— Брешишь, чертова сонѣлка, — огрызалась другая, — ты днѣ субботы брала передъ и ставила, — теперь мнѣ, моя черга.

— Да замолчите, всѣмъ достанется, — говорила третья, и тыкала своей горшокъ туда же.

Между тѣмъ, подсадившій молодой запорожецъ, улыбаясь, не молча, топталъ лошадей подставленнымъ коленомъ.

— Мое, мое, казаченью, топчите, — припранивали съ одной стороны.

— Сюда, сюда, паниченью, конякомъ контрайте, — раздавалось съ другой.

— Уважьте бѣдную вдову и моимъ горшечкомъ позабавьтесь, — кричала старуха.

Гарцуя и рѣвывая борзый конь запорожца, къ общему удовольствію окружающихъ, всѣ кувшины опрокидывалъ и растаптывалъ.

— Богъ спасибо, дай вамъ Богъ здоровья! — говорили влезая молочницы...

— Ты еще безчинствуешь, Каленикъ! — закричалъ сзади какой-то голосъ.

— Асаулъ, асаулъ! — раздалось въ народѣ.

Асаулъ въ палантѣ имѣлъ значеніе городничаго и адъютанта у мѣстнаго полковника. Толпа разступилась передъ нимъ, и низенькаго роста широкоплечій казакъ выступилъ передъ Каленикомъ.

— А, здравствуйте, пане Сидоре, — отвѣчалъ бойко Каленикъ, приподнявъ свою синюю шапку: — молочу, коли снопы подкладываютъ — какъ видите!

Они поцеловались — ударили рука въ руку.

— Сорви-голова! — некуда тебѣ грошей дѣвать! благо, не ты ихъ добывалъ — упрекалъ Каленика асаулъ Сидоръ Гавриловичъ Киндѣй. — А продай-ка коня, — сказалъ онъ, поглаживая красивую голову лошади Каленика.

— Конь не продажный, — отвѣчалъ Каленикъ.

Обычные казаки всѣ вообще были страстные любители лошадей, да и промыселъ ихъ былъ такого рода, что каждый изъ нихъ тогда только и считалъ себя настоящимъ запорожцемъ, когда былъ конный. Поэтому «неспособный» на коня, хотя и отправлялся въ походъ пѣшкомъ, но всегда имѣлъ у себя узду за

вазухой, чтобъ при удобномъ случаѣ, волей или неволей, право или не право, а добыть коня.

— Ну, хочешь, помѣнимся, — сказать асауль Каленику.

— И мѣняться не хочу.

— Хочешь, дамъ тебѣ за него своего чалаго, саврасу и горобца; они тожъ чего-нибудь да стоятъ...

— Нѣтъ, батяка, не хочу.

— Ну, хочешь, такъ и быть, дамъ въ придачу тотъ зимовникъ, что на куцей балѣ: помни, тамъ у жени и пасека; гдѣ семьдесятъ двѣ колоды пчелъ, и мельница о трехъ жалахъ (не ставяхъ).

— Нѣтъ, пане Сидоре, не промѣняюсь.

— Дурень ты, право, дурень!

— Не могу.

— Уважь, пріятель, я тебѣ къ пригодѣ (въ бѣдѣ) помогу. Видишь, я горячій охотникъ, другой тебѣ того и десятой доли не дастъ. Далеби!

— Да я и другому никому не откажъ.

— Смотри, — грозилъ уже асауль, — придется ниточка до клубочка.

И отвернувшись. Каленикъ тронулъ коня.

Разставшись съ молочницами, молодой казакъ поворотилъ назадъ и подѣхалъ въ церкви. Передъ церковью на перекладинѣ на воротахъ блестялъ еще неподнятый на колокольню колоколъ; его только-что привезли; отлить онъ былъ «коптомъ» Каленика, и пожертвовать церкви. Каленикъ осмотрѣлъ колоколъ, еще раза три послѣ того проскакалъ по городу взадъ и впередъ и новоротилъ домой.

Была пора около полудня. День разгулялся, сдѣлалось жарко. Жилъ Каленикъ между Вороновкой и Новоселицей, надъ Самарью, въ домѣ крамарьки (мелкой торговли) Штрикиндишки. Когда онъ ѣхалъ мимо забора, который огораживалъ садъ Штрикиндишки, изъ сада бросилъ кто-то на него «крученаго панника» (царскія кудри).

Каленикъ улыбнулся.

— Маня! — закричалъ онъ, — это ты?

Кто-то, удерживая смѣхъ, бросился наутѣкъ.

Ворота Каленику во дворъ отворилъ старикъ запороженецъ, съ закрученными за уши усами. Это былъ его чуря или джуря, въ рыцарскомъ смыслѣ — оруженосецъ, а по духовному значенію сапорожскаго ордена, представлявшаго изъ себя, какъ всѣ вообще рыцарства, братство воиновъ-полумонаховъ — его послушникъ.

— Ну что, батько, проѣздили, скажешь?—спрашивалъ чурка Каленика?

— Да, малюкъ, промаля я таки немало.

Въ Сѣчи, тотъ, кто вступилъ прежде въ Запорожье, имѣлъ преимущество старшинства передъ вступившимъ позже, несмотря иногда на противоположность въ ихъ возрастъ; оттого такіа странныя отношенія существовали и между Каленякомъ и его запорожскимъ денщникомъ Карѣемъ Головою. Старый Голова велѣчалъ молодого Каленика батькомъ и пань-отцомъ, а Каленикъ, чуть не мальчишъ, называлъ Голова-старика малюкомъ, молодикомъ, либо хлопцемъ.

Каленикъ сошелъ съ лошади среди двора. Первымъ дѣломъ его было обернуть ей глаза и потянуть нѣсколько разъ за чолку. Затѣмъ потребовалъ онъ горѣлки и промочилъ коню ноздри водкой. Потомъ далъ ему проглотить, вынуть изъ кармана, засушенный катышокъ изъ ячной муки.

— Ну, хлопче,—сказалъ онъ старому своему чурѣ,—разсѣдай, да выводилъ его хорошенько.

— Добре.

— А выводивши, чтобъ ему сѣна было по колѣно, а сѣнаго поила—по стойло.

— Добре.

Каленикъ отправился въ комору—въ свое лѣтнее помѣщеніе. Комора—та же хата-мазанка, только безъ печей, безъ перегородокъ внутри и безъ оконъ. Лѣтомъ двери ея были постоянно открыты. Это давало непрерывный свѣжій воздухъ и прохладу. Къ коморѣ примыкали кусты бузья (сирени), бузины, акаціи, черемухи, все это или цвѣло, или отцвѣтало, и вѣяло оживляющимъ запахомъ. По глиняному полу въ коморѣ посланы были полосатныя, шерстяныя рядна. Стѣны обиты коврами, а на той стѣнѣ, у которой приютилась изъ желтой юфти постель Каленика, висѣло его оружіе на ярко-красномъ персидскомъ коврѣ.

Каленикъ, войдя въ комору, снялъ съ себя кафтанъ и остался въ бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ изъ полотна домоткану. Но только-что сталъ онъ вѣшать кафтанъ на гвоздь, вдругъ на дворѣ поднялся крикъ.

Каленикъ выглянулъ изъ коморы.

Высокая, стройная молодница, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, ударила въ виду его разъ-другой бѣлосурую дѣвочку лѣтъ тринадцати.

— Зинька! что ты дѣлаешь?—закричалъ Каленикъ.

— А это ей, крученный паничъ, крученный паничъ! пускай не бросается на парубковъ, не выдается сама имъ на шею.

И она еще разъ толкнула дѣвочку.

— Какъ ты смѣешь! перестань! — кричалъ изъ дверей Каленикъ.

— Вотъ же не перестану! еще ей матери скажу; та еще потреплетъ за косы!

— Не твое дѣло!

Каленикъ погрозилъ ей кулакомъ, но Зинька прыгнула въ ворота.

Дѣвочка въ слезахъ убѣжала въ себѣ въ хату. Это была хозяйская дочка.

II.

Каленикъ считался въ запорожской Сѣчи въ числѣ тѣхъ сорока-одного человѣка, которые находились при боку кошевого атамана, такъ сказать, въ гвардіи. Запорожье въ эту пору начинало уже разлагаться. Равенство существовало только по названію; на дѣлѣ же богатою старшиною были паны, а бездомная и безземельная сирота — работала на нихъ, конечно, не въ смыслѣ личнаго труда, а тѣмъ, что доставляла имъ и честь, и власть, и обезпеченное положеніе. Впрочемъ, нѣкоторые были уже и настоящими слугами своихъ разжившихся товарищей въ Сѣчи, на ихъ зимовникахъ, хуторахъ, рыболовняхъ и т. п., и служили имъ по найму. При строгомъ выборномъ началѣ, какое существовало въ запорожской Сѣчи, бывало, прежде кошевого и прочую войсковую власть или гнали вонъ изъ должностей, или, наоборотъ, толкали въ шею, чтобъ принимали эти должности, — теперь же, въ послѣдній періодъ существованія Запорожья, главная войсковая старшина, именно: кошевой, судья и писарь, умѣли устроиться и обойти братчиковъ такъ, что находились въ этихъ должностяхъ бесмынно больше десяти лѣтъ, до самаго уничтоженія Сѣчи.

Кошевой Петръ Ивановичъ Калнышевскій (Калнышъ) старался придать своей особѣ видъ маленькаго царька, оставилъ себя гвардіей изъ сорока-одного человѣка при боку, завелъ булавничихъ, которые носили передъ нимъ булаву его, хорунжихъ, несшихъ передъ нимъ войсковое знамя и т. п. Сами старшины полюбили вышнія отличія, «цацки», какъ называла ихъ сирота, украсились медалями; стали заводить недвижимую собственность. Конечно, многое было необходимою времени и обстоятельствъ, но простому запорожскому товариществу приходилось не по-нутру,

что «батьки» завелись пенью; чтобъ грѣть свою «пана-стару»; дѣло дошло разъ до бунта, такъ что кошевой только въ расѣ чернеца успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Прежде въ Сѣчи соръ изъ избы не выносился. Запорожцы, такъ или иначе, всѣ споры и раздоры оканчивали между собой сами; но въ послѣднее время старшина — чуть не такъ, ввалъ на подмогу войско. Бѣдя ежегодно за жалованьемъ въ столицу, они наговаривали на братчиковъ. По преданію, въ особенности этимъ отличался Антонъ Васильевичъ Головатый — «лукавая висуля», такъ прозванный сиромою по его грамотности, впоследствии герой подъ Березанью, подъ Очаковымъ, потомъ судья и наказунъ смерти своей, даже кошевой составленнаго изъ остатковъ Запорожскаго черноморскаго войска. Посланный по довѣрію Запорожца передъ уничтоженіемъ Сѣчи депутатомъ въ Петербургъ, онъ очень красно доносилъ оттуда, какъ онъ тамъ распинается за Запорожье, какіе несетъ укоры за него, увѣрялъ, будто осмѣлился сказать самому Потемкину, когда тотъ грозилъ ему уничтожить Сѣчь: «да и вы, батьку, пропадете, коли Сѣчь пропадетъ, вѣдь и вы записались тамъ запорожцемъ Грицикомъ Нечосомъ». Но Головатый понималъ хорошо, что Сѣчь не могла существовать долѣе въ прежнихъ формахъ, а потому желалъ преобразования, причемъ заботился, конечно, устроить свои интересы въ будущемъ.

Въ эту-то эпоху разложенія Сѣчи, Каленикъ росъ въ Самарѣ. Отецъ его, отставной запорожецъ, вышедшій за ранами изъ войска, былъ шаповаль (шерстобой), и неребывался кое-какъ своимъ ремесломъ, женившись на новоселицѣ же мѣщанкѣ. У нихъ долго дѣти были не живущіе, чуть родится — и умереть. Такъ умерло у нихъ четверо. Посоветовали имъ, по народному повѣрію, какъ родится ребенокъ, просить въ кумы перваго встрѣчнаго — и вотъ, когда родился Каленикъ, отецъ вышелъ изъ дому — ему попался старецъ-слѣпецъ, онъ и попросилъ его въ крестные отцы, а тутъ къ нимъ въ хату и кievскій чернецъ, свой же когда-то самарскій уроженецъ, вѣхалъ въ Койдакъ по-видѣться съ братомъ, такъ попросился переночевать; звали его отцомъ Василиемъ. Онъ и окрестилъ ребенка. При крещеніи, въ тотъ часъ, который служилъ купелью для Каленика, отецъ вынулъ горсть пороха, чтобъ былъ, дескать, новорожденный добрый казакъ, ссыпала порохомъ загартованный. Каленикъ росъ на полной свободѣ, безвѣчно, непринужденно, бѣгалъ куда хотѣлъ, игралъ какъ зналъ.

Бумажные змѣи, голуби, бабки, сираки (родъ веселы), скачки на лошадяхъ, выкидываніе разныхъ шалостей — это сохранилось

въ немъ надолго. Одно только оставилъ онъ — не лавилъ въ лѣсу по дубамъ, не выдиралъ въ лѣсу орлиныхъ и корнуновыхъ гнѣздъ; за то полюбилъ полетаніе (охоту), а также грець (кулачный бой), въ которомъ онъ стоялъ противъ шведовъ (по мѣстному прозвищу шведовъ-сапожниковъ) за кравцовъ, такъ какъ онъ жаль между портными на пескахъ, а сапожники и кушники (кожемяки, скорняки) жили на подежѣ. Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, случился переломъ въ его жизни. Въ народѣ появилась чума. Умерла у Каленика мать, а за ней и отецъ. Каленикъ продалъ свою хатку со всѣмъ въ немъ сварбомъ врамарьѣ Штрикиндицѣ и поселился у ней какъ нахлѣбникъ. Вырощенный мазунчикомъ, онъ не умѣлъ ни за что приняться, не зналъ никакого ремесла, даже отцовскаго — шерстобойнаго. Еслибъ потребовалось въ одинъ разъ сбить весь монъ бабоекъ ловимыи ударомъ свинчатки, либо попасть выстрѣломъ изъ ружья бумажному змѣю въ воздухъ въ самый его ротъ, это ему удавалось зачастую, не то объѣздить неукля-жеребца, только-что взятаго изъ табуна, и на это онъ былъ мастеръ.

III.

Разъ вечеромъ Каленикъ сидѣлъ въ хатѣ, задумавшись. Никого съ нимъ не было. Хозяйка и хозяйская дочка, Маня, — обѣ куда-то ушли... Было тихо и сумрачно. Передъ образомъ тѣнькая свѣчка горѣла, желтаго воска. За печкой цвираунъ (сверчокъ) кричалъ, по временамъ подавая голосъ... Вдругъ отворилась дверь — и вошелъ вылитый отецъ Каленика. Каленикъ со всѣмъ остоленѣлъ.

— Ну, что-жь, небожь ¹⁾, сидишь сиднемъ, какъ «Дѣдъ-Ненасытець» (главный дѣйпровскій порогъ)? — потоломваемся, обнимемся, поцѣлуемся. Не узналъ, стало быть, дядька?.. Да, правда, гдѣ тебѣ и узнать, — еще маленький, глупашъ былъ, когда я прїѣзжалъ къ вамъ. Ты тогда перѣѣзжалъ верхомъ на моей шѣ черезъ Самарчунъ, какъ мы шли въ монастырь.

Тутъ только Каленикъ какъ во снѣ вспомнилъ брата своего отца. Этотъ братъ, запорожець, пропалъ безъ вѣсти-было. Каленикъ бросился дядѣ на шею.

Одѣтъ былъ дядько по-просту, — по-гайдамацки. Сорочка на

¹⁾ „Небожь“ или „сичовецъ“ — значить пламенный.

немъ вся пропитана была саломъ, шаровары изъ телячьей, а постолы—изъ свиной шкуры; но въ чересѣ на себѣ (въ кожаномъ поясѣ) и въ сѣдельныхъ подушкахъ подѣ собою, на верхнемъ конѣ привезъ онъ пронасть червонцевъ, а на вычнутыхъ лошадахъ и въ палубѣ (въ крытомъ возу) много разнаго добра: золотыхъ и серебряныхъ вещей, ковровъ, шалей, шелковой матеріи, оружія. Съ тѣхъ-то поръ вѣмора Каленика украсилась и зазвенѣли у него деньги безъ перевода.

Послѣ разспросовъ объ отцѣ, о матери, Каленикъ спросилъ дядю:

— Гдѣ-жъ вы сами все это время перебивались, дядюшка?

— Охъ, хлопче, меня морозъ подралъ сейчасъ по шкурѣ, какъ ты спросилъ—гдѣ я былъ, и когда я вспомнилъ—у кого я былъ...

— Въ теперешнюю Петровку, видишь ли,—говорилъ онъ,—исполнится четырнадцать годовъ, какъ на Саксогонѣ косило насъ челоуѣкъ двадцать траву. Тутъ былъ зимовникъ полковника Демиды Кудлая. Дѣло было въ вечеру, вдругъ—откуда ни возьмись, нехристи—гудѣла степь подѣ татарами—подѣ ихъ стопами. Они, знаешь, каждый ѣдетъ въ походѣ на двухъ лошадахъ, а иногда и на трехъ, пересѣдая въ дорогѣ съ одной на другую. Возвращались они съ Польши, вели съ собой и ясырь (плѣнныхъ), кого за шею на арканѣ, кого—въ цѣпяхъ, кого—связавши руки сиріцею (сыроматынымъ ремнемъ). Мы прибавили имъ ясыру. Повязали намъ назадѣ руки, поставили въ рядъ—челоуѣкъ по пяти, проѣхали шесть сквозъ повязанныя руки и погнали ногайками впередъ, держась за веревку, точно маленькіе дѣти, играючи въ коники. Гнали немилосердно,—боялись запорожской погони. Который изъ насъ падалъ—ему не въ мотугу было бѣжать—его тутъ же приканчивали саблей. Кормили дохлой падлюкой, да еще не печеной, не вареной,—сырую дохлую кобылятину жевали. Такъ гнали насъ до Кизикирмена (нынѣшняго Берислава). Здѣсь переѣхали на двѣнадцати дубахъ (заботажныхъ судахъ), которыя поставилъ бей кизикирменскій. Переправу въ Кизикирменѣ татары завели въ подрывѣ запорожскому перевозу въ Никитинѣ (въ Нивополѣ). На татарской сторонѣ потгнали насъ уже легче—по чернымъ, выгорѣвшимъ отъ пала (отъ пожара), степямъ. Доѣхавши до Конки-рѣччи, еѣлали роздыхъ; тутъ у нихъ была камръ-мечеть. При ней они коней пустопашѣ пускали и пасвались полономъ, а подуванившись (подѣлившись), положили намъ каждому на ляжку, какъ кладутъ конямъ, горячее тавро. Вотъ посмотри: и умру—не

сойдетъ, — показала онъ всенародно; а одинъ изъ нашихъ запорожцевъ, Кононъ Рѣвиченко, въ ночную пору какъ-то развѣлся и бѣжалъ, — такъ это, когда поймали, ногайками исполосовали, заклеили тавромъ и лобъ, и щеки. Межъ асыромъ была и бѣлая челоде (женщины), которая — въ зеленомъ уборѣ, которая — въ синѣмъ, иная — въ красномъ, какъ которую захватили, потому что взяли ихъ въ праздникъ; только все это обидялось въ дорогѣ грязью, было въ пыли; червонныя черевички изорвались, бѣлыя панчонки (чулки) протоптались. Горе было! Тутъ не одна бранка (дѣвница) утратила свое дѣвичье вѣно —

Подъ яворомъ зелененькимъ
Съ татаринѣмъ мохонькимъ.

— Были тутъ и дѣти; ихъ брали для турецкаго царя; онъ ихъ турчанъ и бусурманить, а потомъ дѣлалъ янычарами; оттого янычары назывались: «дѣти салтана». Кончивъ дѣлежъ, ноган поворотили на Кинбургъ, а крымчаки — на Перекопъ. Я попалъ въ Крымъ, а въ Крыму — въ городъ Козлюй, по-турецки онъ зовется: «Тысяча-Очей». Въ Козлюй года два молюсь я моему хозяину, сковаанный въ чуланѣ, пшеницу на ручной мельницѣ съ утра до ночи, — не зналъ ни будня, ни праздника, но кормилъ онъ меня все-таки по-людски. Весною, когда стали ѣздить по морю, прѣѣхалъ послѣ того изъ Царя-города турецкій купецъ и сталъ скупать въ городѣ невольниковъ — давалъ хорошую цѣну. Тогда одни изъ насъ проданы были за Червонное море, въ арапскую землю, въ гаранскую (агаранскую) стору, — другіе пошли въ князѣбашамъ...

— Продавъ хозяинъ и меня: взялъ лошака, два «пидстоля» и красный явмонъ (феску) за меня. И вотъ-то насъ, бѣдный асыръ, гнали по сухоходу, а тутъ помчали по водопутью; по сухопутью было скверно, — по водопутью еще хуже. Купецъ нанялъ небольшое судно и хотѣлъ насъ нагрузить въ немъ какъ ни можно больше, — набилъ насъ туда, какъ свай подъ мостъ, такъ что ни пройти, ни лечь: стоя мы и спали. Покудова насъ довели въ турецкую землю, много насъ переколяло и выброшено въ море, но, грѣшно сказать, а мы были рады, коли кто умиралъ изъ насъ — все-таки намъ дѣлалось свободнѣе, прилечь тогда можно было, а шли мы цѣлыхъ два мѣсяца за супротивной флѣй (неблагоприятными вѣтрами и волной). Въ Царь-городъ — по-бусурмански: въ Стамбулъ — когда вывели насъ на базаръ гуськомъ, припелъ баша (наша) и выбралъ меня и еще нѣсколько челоде изъ насъ на свои корабли.

Дядя вздохнул и на минуту приостановился.

— Тутъ я видѣлъ,—продолжалъ онъ вдругъ какимъ-то глухимъ голосомъ,—въ послѣдній разъ Гапку Шкандибѣвну, что вышла за Шатола Хорька; ее тоже въ полонъ взяли.

— «Прощай, дядько»,—говорила Шкандибѣвна, и махнула бѣлыми рученьками, тѣми рученьками, которыя, бывало, въ Переяславѣ—въ холѣ да на волѣ—только и имѣли заботы, только и знали работы, что мягкія подушечки стлали, да пуховую перину перебивали, и которыя всѣ тогда красовались въ серебряныхъ да въ золотыхъ каблучкахъ (кольцахъ). Обобрагъ еще въ Кизилерменѣ эти каблучки проклятый нѣмецъ, щеголявшій въ вывороченномъ тулупѣ, какъ вовкулака; поломалъ онъ ей тогда всѣ пальчики, снимаячи ихъ да отнимаючи.

— Прощай, говорю, Гапочко, сердечная. — И только съ нею и говорилъ! Нашихъ молодицъ и дивчатъ продавалась неистислимая сила на базарахъ въ невѣрь-землѣ. Говорили, у турецкаго царя и теперь одна царица изъ русскихъ браножъ (положнянокъ). А назадъ тому лѣтъ двѣсти будетъ, была, говорили, у султана жена и изъ нашихъ, изъ украинскъ,—такая хорошая и разумная, что всѣмъ его невѣрь-царствомъ заправляла. Турецарь и возжи ей въ руки отдалъ. Ее захватили бусурманы въ полонъ въ Рогатинѣ, въ червошной русской землѣ; была она поповна. Турки звали ее по-своему «радоство» и «русиштъ»...

— Послали меня, купивши, въ Бруглое море (Мраморное) и посадили тамъ на каторгу (на галеру). Каторга — большая лодка, гребная; въ ней, при уключинахъ, сидѣло съ одной стороны двадцать и съ другой двадцать гребцовъ-невольниковъ, прикованныхъ къ ней цѣпами. Съ нихъ были сняты сорочки; они оставались въ однихъ шароварахъ; такъ оставались они до самыхъ заморозковъ, когда кончалось плаванье. Между ними по минутно ходилъ приставъ и чуть замѣчалъ — кто-нибудь изъ гребцовъ ослабѣвалъ въ греблѣ, подгонялъ его бичомъ. А кормилъ: дастъ ячменный хлѣбецъ такой величины, что добрый запорожскій кулакъ его ничуть не меньше, да дастъ оливы (деревяннаго масла) да дохлятины мяса — вотъ и кормъ: хоть ѣшь, хоть не ѣшь. Промучился я здѣсь много лѣтъ, — узналъ, что такое каторга. Тутъ, вѣрно, мнѣ бы и сгинуть, — спустили-бъ меня отсюда только мертваго на дно морское, да выѣхали разъ мы въ Бѣлое море (въ Архипелагъ), на насъ и напади ночью венеційскій капитанъ; онъ турокъ перестрѣлялъ и перерѣзалъ, каторгу, пробивши дно, къ чорту пустялъ, а насъ, которые остались не перебитыми въ свалкѣ, перевелъ къ себѣ на работу, —

матросами на корабль. Капитанъ разбойничалъ по морю, — разбивалъ большіе турокъ да бѣлаго арапа (египтянъ), но, случалось, и христіанскому судну доставалось. Волей-неволей мы должны были дѣлать то, что онъ велитъ, — снастями орудовали, парусами правили, стрѣляли, рѣзали. Разъ мы схватились въ до-сѣткахъ на морѣ съ какимъ-то греческимъ морякомъ; онъ тѣмъ же промышлялъ, что и мы; онъ думалъ съ насъ сорвать, — мы хотѣли у него шерсть постричь; но какъ пошелъ онъ насъ вальтъ изъ пушекъ — маленькія, но такія сибирскія, что онъ въ полчаса — много въ часъ — сдѣлалъ изъ нашего судна чуть не рѣшето; такъ и чешутъ, то вдоль, то поперекъ, — еле-еле дотацились мы до берега. Тутъ былъ городъ, — и большой: много церквей и суда строились на берегу, какъ у насъ въ Запорожьи на Кичкаскѣ; только не въ примѣръ большія! Тутъ зашабашалъ нашъ капитанъ, судно продалъ чуть не на дрова и насъ распустилъ, но далъ, спасибо ему, мнѣ сто талеровъ: я у него и за пуш-каря, и за рулевого служилъ — и одѣжу чинилъ. Пробрался я отсюда съ товарищемъ (тожъ со мной бѣдовалъ, сербинъ) въ Черногорщину, — это родня сербамъ и намъ — народъ какъ кипитокъ «завзятый», славине «лицари», — они одни въ томъ краю не поддались туркамъ, и снать, и видать они нашихъ казаковъ, что, дескать, придутъ къ нимъ — и сообща мы прогонимъ ба-сурмановъ за тридцать земель, въ тридцатое царство, и возьмемъ Царь-городъ. Здѣсь, и послѣ — въ земли у сербиновъ — только заговори да перекрестись — вездѣ почти и хлѣбъ, и соль даровая; у нихъ и вѣра одна съ нами, и говорить они, почти-тай, что по-нашему, — только, будто, на тотъ ладъ и складъ, какъ въ Евангеліи у насъ въ церкви читаютъ. Былъ я у нихъ и въ церквахъ, — и въ церквахъ тоже, какъ и у насъ. Ажъ душа возрадовалась. Стою — точно дома. Народъ, Господи, ка-кой хорошій! да счастья ему Богъ не даетъ, — стонетъ подъ не-вѣрнымъ туркомъ. Чтѣ будешь дѣлать!.. Тѣ гусарины, чтѣ у насъ тамъ живутъ подъ Елизаветомъ (близъ Елизаветграда) и другіе — около Бахмута и по правобережью Донца, которые за-ѣзжаютъ иной разъ въ Новоселицу, изъ того же изъ сербскаго рода. Дальше, изъ сербскихъ палестинъ, черезъ разныя цесарскія земли, съ товарищемъ, который умѣлъ говорить по-тамошнему, пробрались мы въ Мультинщину, а потомъ и въ Бѣсову-Арапію (въ Бессарабію)... Ну, тутъ уже рукой подать и нашъ Ямполь, нашъ Подоль, наша родная Украина.

— Въ Ямполѣ, кажется, дай Боже памяти!.. церковь, кажется, святыхъ безсребренниковъ Козьмы и Демьяна; тамъ встрѣтился я

съ запорожскимъ товарищемъ стеблѣвскаго куреня, Явтухѣ Шкуратѣ. Онъ былъ славный ватажокъ, и что то за важная голова была!.. Мы были разъ на восьмидесяти дубакъ въ Черномъ морѣ, да и наръзались на всю турецкую силу. Какъ начали насъ жарить со всѣхъ вораблей, такъ только щепки летѣли. Разсѣпались мы какъ стадо качекъ (утокъ), подстрѣленныхъ охотниками, во всѣ стороны. А тутъ буря, да ночь, стало и въ небѣ, и въ морѣ темно какъ въ могилѣ. Буря развела громадные валы; мы черпали воду дубами, а они и не слушались руля и рыскали какъ хотѣли. Атаманъ Савка Бѣлобродный станеть править къ Бѣлому камню—ну и прѣдемъ, а отъ бѣлаго камня поѣдемъ, крутимся, крутимся, кажется на тысячу верстъ его оставили,—опять къ нему и прѣдемъ. Не знали за что вѣяться, за что держаться. За тучами не видно ни мѣсяца, ни Вѣса (Большой Мѣсядницы), ни Волосожара (Плеядъ), ни дороги въ Ерусалимъ (млечнаго пути), чтобъ по нимъ править дорогу...

— Дайте, дурни, я поведу передъ, — сказалъ Явтухъ Шкурать:—только всякъ изъ васъ—засъ-знай, не мѣшайся—ни дѣломъ, ни словомъ!—и повелъ—и часа черезъ четыре мы были чуть не дома уже—у острова Тынъ-дерева (у Тендры). А разъ еще — это было въ Смилящинѣ—наскочалъ на насъ неожиданно князь Любомирскій съ своими гусарами да рейтарами—мы шли оборонною рукой. Приперъ онъ насъ къ непроходимому болоту, но нала ночь—было темно такъ, что въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Окружилъ онъ насъ со всѣхъ сторонъ и хотѣлъ завтракать съ нами на другой день при свѣтѣ. Не уйдутъ чубы, думалъ онъ про насъ, не увидѣнуть ни отъ сабли, ни отъ пистли. И точно, намъ оставалось либо топиться сейчасъ же въ болотѣ, либо готовить голову подъ рѣзаню на утро. При этомъ и ватажка нашего Семена Катрона убили. Не знали мы что и дѣлать—утѣшались себя однимъ, говорили только: э, разъ родила мать, разъ и умирати!

— Нѣтъ, дурни,—отозвался Явтухъ,—мы хоть десять разъ соберитесь умирати, да съумѣйте десять разъ и отъ смерти удрать—вотъ такъ будете щирые казаки! Ну, мокрыя тетери, за мной,—скомандовалъ онъ,—раскладывай списы по болоту. Мы разложили пикъ игономъ, концами ровно—такъ, что одна пика приходилась отъ другой на полторы пяди, и перекатились по разложеннымъ пикамъ на другую сторону. Послѣдніе запорожцы и списы перволокли за собой. На утро нашъ и слѣдъ простигъ. Вотъ такой былъ Явтухъ Шкурать.

Вотъ и встрѣтился я съ этимъ Явтухомъ Шнуратомъ, говорю, въ Ямполѣ.

— Пойдемъ, — шепчетъ мнѣ Явтухъ, вуколь съ пшеницы выбирать.

— Какъ это? спрашиваю.

— Драть жинову и польщаконъ.

— За что, говорю, драть?

— За то, что они насъ драли.

— А мы ихъ перестанемъ драть, и они перестанутъ, говорю.

— Пусть же, говорятъ, они наперво перестанутъ, да тогда и отъ насъ того ждуть.

— Ну, этому и конца не будетъ, сказали я.

— А коли не будетъ конца, одинъ тому и конецъ! — отвѣтилъ онъ, махнувъ головой. — Ну же, настаивалъ онъ, не бабься, не суйся въ полежи да въ домонтуры, пойдемъ по Подолію и по Волынѣ Христа славить.

— Ну, тутъ ходивши ватажкомъ, — продолжалъ дядя, — я и добылъ все то, что привезъ теперь съ собою. Рѣзались мы славно съ жоннерами, съ молнатими рейтарами, съ драгунами, выѣзжавшими на краденыхъ кобылахъ, съ гусарскими хорутвами, но, скверное дѣло, пришлось биться иной разъ и съ казаками.

— Какъ такъ, дядюшка?

— А такъ, что по городамъ и при нѣкоторыхъ замкахъ у насъ на службѣ наши казаки; они и защищаютъ ихъ. Вотъ тутъ и видишь, что это рѣзня не съ турками, не съ татаринами за вѣру христіанскую въ Натоліи, либо въ Крыму, что дѣло въ Польнѣ идетъ не на прямоту, не чисто, бьешь-ся въ отместку, которой не вибаешь начала, не видишь конца, путаешься, рѣзаешь своихъ...

— Охъ, надо мнѣ говѣть, говѣть — исповѣдаться и причаститься! — закончилъ дядя свой рассказъ.

Онъ действительно повѣлъ потомъ въ самарскомъ монастырѣ; чернецъ, исповѣдавшій его, наложилъ на него покуту (эпитемію). Онъ дѣлаю недѣлю воду носилъ на пекарню, дрова рубилъ, исправлялъ самую тяжелую работу; внесъ богатый вкладъ въ монастырь.

— Что ты думаешь сдѣлать съ собою? — спросилъ Каленика дядя, вернувшись изъ монастыря.

Но Каленикъ и самъ не зналъ не только что дѣлать, но и что отвѣтить.

— Ге, хлопце! будь честнымъ лицаремъ, иди въ славное мѣсто Запорожье.

— Да я и самъ уже думалъ, — отвѣчалъ Каленикъ.

— Нечего думать да гадать, надо дѣлать, ѣдемъ въ Сѣчь, и ѣдемъ не дальше какъ завтра.

Дядько дѣйствительно, какъ сказалъ, на другой же день увезъ Каленика въ Сѣчь.

IV.

Запорожская Сѣчь стояла тогда на рѣкѣ Подпольной, въ томъ полукругѣ, гдѣ эта рѣчка «луку дала». Подпольная соединялась съ Днѣпромъ небольшою рѣчонкой Сисей.

— Вотъ это видишь, указывалъ дядя племяннику, когда они подъѣзжали въ Сѣчи, Подпольная, какъ мать, кормитъ Сисею Днѣпро-Сливуту. Наши запорожцы ничего не выдумаютъ какъ-нибудь!

Нынче небольшая рѣчка, Подпольная превратилась въ широкую рѣку Орлову. Во время Запорожья между Подпольною и Днѣпромъ красовался широкій лугъ; на лугу разбѣяны были кое-гдѣ запорожскія могилы. Здѣсь росла дикая, высокая, развѣсистая груша; на ней свилъ себѣ гнѣздо большой Орелъ, отчего мѣсто это называлось Орловымъ. Днѣпръ, въ одинъ изъ своихъ большихъ разливовъ, понялъ Орловъ лугъ, соединился съ Подпольной, и родилъ такимъ образомъ съ нею Орлову, которая, вобравши въ себя Подпольную и Сисю, когда Днѣпръ ушелъ назадъ, сдѣлалась большою самобытною рѣвою, впадающей въ него на низовьяхъ. И потекла рѣка Орлова по запорожскимъ могиламъ, и цѣлые запорожскіе гробы въ наше время зачистую вынимаютъ изъ могилъ и уносятъ водою въ даль. Мѣстные потомки запорожцевъ, для которыхъ дѣла ихъ славныхъ дѣдовъ обратились въ легенду и память о нихъ сдѣлалась священной, придаютъ этому символическій смыслъ.

— Не хотать, не хотать, говорятъ они, наши запорожскіе рыцари и по смерти лежать въ той землѣ, которая не стала держаться ихъ обычаевъ: плывутъ они и мертвые, какъ живые, въ Днѣпръ, къ своему казацкому батьку, плывутъ въ своемъ нарядѣ боевомъ, со своими невскѣпными саблями, неговорливые, молчаливые; и несетъ ихъ старшій Днѣпро по-прежнему, старознакомую дорогою, къ бывшему Къзичирменю (Береславу), семибашенному Очакову, замыкавшему двумъ лиманамъ, днѣпровскому и бугскому, ворота въ Черное море, которое наши витязи отпирали своими саблями. И несетъ ихъ Днѣпро-Сливута на сивое море, на Бѣлый камень, тѣмъ же путемъ-дорогою, какими плыли

прежніе ихъ боратыри, завязтые, ничѣмъ не донатые, заваленные, никѣмъ немобѣжденные — Богданю, Сагайдачній, Хмѣльницкій, Сѣрко, когда они ѣздили на выручку христіанъ, въ самое гнѣздо бусурманъ, на своихъ моноскилахъ, на углихъ чайкахъ, разбивали татарскіе города, чинили расправу Кафѣ, торгованней человѣческой неволей, прогуливались по нолуденнымъ берегамъ Черноморья, въ Аватоліи, по Босфору, по Дунаю, окуривали порохомъ Царь-городъ, прижигали крылья Бѣль-городу (Ахкерману), запаливали (закуривали) люльки-буруньки (трубки) Синопомъ, наказывая ихъ за хищничество и безчеловѣчіе.

Приближаясь къ Подпольной, по самарской дорогѣ, открылась Каленнику и его дядѣ вправо цитадель — комендантскій и офицерскіе домики, солдатскія казармы и пороховой погребъ.

Дядя, указывая на цитадель, говоритъ:

— А это, гляди, отороженный чостоколомъ особнякъ — это тутъ живетъ московскій комендантъ съ своей командой.

Показалась издали колокольня и сѣчевая церковь.

Доходя до Подпольной, дорога поворачивала по берегу ея вправо. Они проѣхали гауптвахту, впрочемъ пустую, и очутились въ Запорожской слободѣ; такая же слобода была и въ противоположной сторонѣ; при въѣздѣ съ дороги отъ Минурина-рога и Переволочны тамъ жили разные промышленники, шинкари, крамары и проч. всевозможные мастеровые Сѣчи, числившіеся при куреняхъ; самая Сѣчь лежала межъ этими слободами, углубившись въ луку — въ дугообразный извивъ Подпольной, на лѣвомъ ея берегу. Въ Сѣчи была трехглавая деревянная церковь, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, которая считалась покровительницей запорожскаго рыцарскаго ордена; церковь имѣла чешуйчатую (гонтовую) крышу. На колокольнѣ, которая была вдвое выше церкви, чернѣли пушки. При церкви открывалась площадь, гдѣ запорожцы собирались на свои рады (совѣщанія) для выбора старшинъ, для объявленія непріятелямъ размира (войны), для заключенія мира и въ другихъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Площадь полугругомъ обставляли 40 запорожскихъ куреней, надъ которыми торчали высокія печныя трубы, точно надъ какиминбудь заводами. Весь этотъ поселокъ, т.е. комендантскій и офицерскіе дома съ солдатскими казармами, запорожскія слободы и Сѣчь съ ея куренями и церковью обведены были общимъ землянымъ валомъ, который, дѣлая разные углы и выступы, упирался обоими концами въ Подпольную. Но это походило скорѣй на обыкновенную ограду строеній, чѣмъ на серьезное военное укрѣпленіе, хотя все это носило громкое военно-крѣпостное на-

званіе реграншамента и редутовъ и имѣло кое-гдѣ волчьи ямы. Ни на какія внѣшнія защиты, кромѣ груди своихъ ридарей, запорожская Сѣчь не надѣялась. Но за то противоположный берегъ Подпольной къ татарской сторонѣ, весной понимался водою, дѣлался самъ собою непроходимымъ, по случаю наемныхъ болотъ и вѣчныхъ топей. Вѣдъ вала, по берегу Подпольной, 6-божь съ Мишуринымъ-рогомъ и Переволочанскою дорогою, тянулись запорожскіе хутора.

Такой видъ имѣла запорожская Сѣчь послѣдняго запорожскаго коша.

Къ каждому куреню въ запорожской Сѣчи причислялась тысяча человекъ; но въ Сѣчи жила ихъ, можетъ быть, только десятая часть, а остальные — вѣдъ Сѣчи, — на охотѣ, на рыбной ловлѣ, въ рывовникахъ, въ хуторахъ, въ мѣстечкахъ въ райѣздахъ, на бекетахъ, въ Великомъ-лугу за уходомъ лошадей и т. п.; всѣ они — стоятъ только, бывало, свиснуть, — являлись мгновенно со всѣхъ сторонъ въ Сѣчь, — конные, вооруженные, готовые къ бою. Хлѣбобобы же запорожскіе, промышленники и ремесленники, жившіе по мѣстечкамъ, селамъ и городамъ, и вообще осѣдлый, женатый народъ Запорожья, управлялись паланками, въ которыхъ устроены были для того правленія; такихъ паланокъ въ Сѣчи было тогда восемь; на нихъ, какъ нынче на уѣзды въ губерніяхъ, была подѣлена вся запорожская земля. Управление въ паланки высылалось изъ Сѣчи.

Дядя повезъ Каленика къ Незаймайловскому куреню, къ которому самъ принадлежалъ. Товарищи едва узнали стараго панабрата Сыча. Они думали, что онъ ужъ на томъ свѣтѣ. Попли чоломконя, обниманья, цѣлованья. Разспросамъ про плѣны, про отсутствовавшихъ братчиковъ не было конца. Куренной атаманъ Марко Казанъ съ радостью принялъ Каленика къ себѣ въ курень.

Курень имѣлъ сѣни; изъ сѣней пропущена была большая печь ¹⁾; по срединѣ ихъ — очагъ ²⁾; туль висѣли желѣзные цѣпи съ крючьями, и на крючьяхъ котли ³⁾; въ нихъ приготовлялась пища — гречанная галушки съ чеснокомъ, лепешки съ молокомъ, равныя мясныя, рыбныя кушанья. Въ самомъ куренѣ, внутри, отъ порога во всю его длину до краснаго угла ⁴⁾, уставленнаго иконами, гдѣ висѣло множество лампадъ, горѣвшихъ неугаси-

¹⁾ Груба.

²⁾ Каблиця.

³⁾ Казань.

⁴⁾ Покутъ.

но, на столбахъ намощенн были доски — это: былъ столъ ¹⁾, въ родѣ стола въ монастырскихъ трапезахъ; столъ этотъ, имѣя значительную длину, занималъ своей шириной середину этой обширной казармы. Подъ боковыми ея стѣнами и также на столбахъ, намощенъ былъ накатъ ²⁾ для ночлега казаковъ: ихъ могло помѣститься на немъ до тридцати человѣкъ.

Куренной атаманъ-батько, введя Каленика въ курень и указывая мѣсто на накатѣ, провѣнсь предъ нимъ своего рода шепченто шогі запорожской общины, съ какимъ принимали въ нее почти всѣхъ.

— Ну, сыну, вотъ тебѣ и домовина (и домъ, и гробъ), а какъ померешь, то сдѣлаемъ еще вероча.

Съ этой минуты Каленикъ сдѣлался «сѣченикомъ».

У старика Сича, дяди Каленика, только и хватило силъ, чтобъ съѣздить въ Сичъ да устроить племянника; вернется домой, онъ черезъ двѣ недѣли умеръ.

V.

Каленикъ скоро заставилъ себя уважать тѣмъ, что всего дороже цѣнилось въ Запорожьѣ — храбростію. Еще когда Минихъ велъ войска на Крымъ, онъ тогда настроилъ редутовъ и ретраншментовъ черезъ каждыя семь верстъ, начиная отъ Самарскаго монастыря до устья Самари. После Миниха, они были брошены, но на одномъ изъ нихъ, у рѣчки Соловьевой, при урочищѣ Орлюкъ-Куль, стоялъ и теперь для наблюденія за татарами и козаками пикетъ, дѣлавшій отъ времени до времени развѣды по окрестности. Въ полу-верстѣ отъ него поднималась тѣмъ-называемая *фигура*, сложенная изъ смоляныхъ бочонъ въ видѣ пирамиды. Такихъ фигуръ было много; онѣ шли цѣпью отъ рѣки Конки до Орлика — границы гетманщины, на такихъ разстояніяхъ, чтобъ зажженный огонь на одной изъ нихъ видѣнъ былъ на другой. Въ случаѣ опасности, огни на нихъ вспыхивали, и такимъ образомъ служили для отдаленнымъ жителей предохранительнымъ маяками, которые извѣщали заблаговременно о нападѣ непріятелей. Разъ на такомъ пикетѣ стоялъ Каленикъ, отбывавшій въ то время службу въ остродной партіи по вѣрдоу. Онъ и два другіе молодые казака, играли безсѣчно у самой фигуры въ карты —

¹⁾ Сирѣчь.

²⁾ Пикетъ — смислъ кара.

въ чуринг-омира, потягивая другъ друга за чуринку въ огнелу, за проигрышъ столько разъ, сколько было очковъ въ карты, оставшихся на рукахъ проигравшаго. Остальные двѣстныя снажи въ Орловомъ-Кутѣ.

Заря только-что занималась; вправѣ передъ играющими синѣло озеро, влѣво — небольшая полоса терновъ, таволги и бурашну, а затѣмъ — пески.

Вдругъ Каленикъ увидѣлъ, что къ его товарищу, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, навѣ будто что-то подпоркнуло въ груди, и тотъ молча упалъ на затылокъ. То же повторилось и съ другимъ казакомъ, который что-то рассказывалъ, и рассказъ его сразу обрвался. Еще Каленикъ не понялъ — въ чемъ дѣло — навѣ почувствовалъ слабый ударъ себѣ въ грудь стрѣлою прямо противъ сердца. Каленикъ вскочилъ на ноги, выхватилъ изъ-за пояса пистолеть и далъ сигнальный выстрѣлъ.

Это были татары изъ Буджака; они славились тѣмъ, что могли долго скрываться въ водѣ. Они пробрались, сплывившись, черезъ озеро и, стрѣляя мѣтко, хотѣли безъ тревоги снять сторожевыхъ казаковъ, чтобъ потомъ похозяйничать съ остальными сонными запорожцами на самомъ пикетѣ. Видя, что имъ не удалось дѣло, татары вскочили на лошадей, скрытыхъ въ кустарникѣ, и остановились въ недоумѣніи, такъ какъ ихъ была горсть. Впереди, далеко выскочивъ впередъ, мчался на сѣромъ конѣ молодой татаринъ. На плечи его накинута была очень красиво барсовая кожа. На головѣ былъ пышекъ съ высокимъ перомъ бѣлой цапли. Каленикъ выхватилъ пистолеть и выстрѣлилъ на удачу. Когда голубой дымомъ разсѣлся, Каленикъ видѣлъ, что молодой татаринъ схватился лѣвой рукой за грудь, выпустилъ поводъ изъ правой, и упалъ навзничъ на песокъ съ лошади — головой къ своимъ, а ногами къ пикету. Татары и ногаи, замѣтивъ, навѣ туловище легло при паденіи, бросились въ ужасѣ бѣжать. У нихъ было повѣрье — если при первойшибѣ убитый боевой товарищъ ихъ упадетъ головой къ неприятелю, а ногами къ своимъ — тогда будетъ побѣда; если-же наоборотъ, группъ ляжетъ головой въ сторону къ своимъ — тогда бѣда.

Каленикъ подбѣжалъ къ раненому. Татаринъ былъ очень молодъ. По плечью замѣтно было, что это какое-нибудь крымское «княжато, пашато, панато», т. е. какой-нибудь молодой князь, сынъ пашы, аристократъ. Черные глаза его закатились, грудь волновалась; онъ тяжело дышалъ. Конь его ускорилъ за удалившимся отрядомъ. Каленикъ снялъ съ раненаго барсовую кожу, свер-

нуть ее и сдѣлать ему наголовье. Татарскій витязь съ приподнятой головой сталъ дышать легче и что-то проговаривалъ по-татарски, благодарно взглянувъ. Но все было кончено. Когда Каленикъ растегнулъ у него полосатый шелмовый архакутъ — рана оказалась смертельною. Въ это время въ сотнѣ шаговъ отъ Каленика какой-то старшій татаринъ, оставшійся одинъ изъ отряда, вертѣлся на чаломъ аргамакѣ, но не смѣлъ подѣхать ближе, и только навязавъ на свою лямтарку бѣлый платокъ, махалъ ею. Каленикъ въ отвѣтъ кивнулъ ему головой. Старшій въ мигъ подскакалъ, слѣзъ съ лошади, обнажилъ свою бритую голову, поклонился Каленику и потомъ со слезами бросился цѣловать руки, ноги, лобъ умирающаго. Это былъ его дядька — пѣстунъ. Они о чемъ-то, казалось, спорили межъ собой, потомъ старшій какъ будто покорился, и вскорѣ за тѣмъ юноша умеръ. Дядька прочелъ надъ нимъ молитву и покрылъ лицо его платкомъ. Потомъ сѣвъ на лошадь, сказалъ по-русски, хотя и не слишкомъ твердо въ выговорѣ:

— Конь твой; ты его получишь, — и съ этими словами старшій усакавалъ.

Подѣхавшіе на выстрѣлъ казаки разрыли суходолъ саблями, землю вычерпали шапками и погребли павшаго крымскаго рыцаря. На могилѣ его положили камень для памяти, а своихъ убитыхъ запорожцевъ увезли на пикетъ.

За этотъ-то подвигъ, Каленикъ получилъ названіе *добраго казака*, т. е. храбраго, осторожнаго и распорядительнаго.

Прошелъ съ небольшимъ годъ, между Крымомъ и Запорожьемъ такъ-называемый розмиръ (война) кончился; миновало лихолѣтіе, наступило тихомиріе. У Кизкирмена черезъ Дѣпръ переправлялись на запорожскую сторону три татарина. Вели они за своей арбой чуднаго сѣраго коня арабской породы. Приѣхали они въ Сѣчь — коневому привезли на ралець (въ подарокъ) красныя сапьянцы, вышитыя золотомъ, и три боченна судацкаго вина, судѣ — полную походную постель изъ юфти, а сѣчовому писарю — синоскскихъ яблокъ, разныхъ «фигивъ, жигивъ, солодкихъ орѣховъ», и просили себѣ проводника съ атаманскимъ охранительнымъ перагомъ (булавой) въ Новоселицу. Въ Новоселицѣ, ведя коня, не поѣхали они ни въ сердюку-пешковнику, ни въ асаулу, ни въ паланочному писарю, а поѣхали они, разспросивши, прямо на дворъ къ Каленику.

Каленикъ въ это время игралъ у себя въ скрамли (горочки). Условіемъ игры было: проигравшая сторона должна отвезти выигравшихъ на себѣ къ другому кону. Каленикъ проигралъ, и

въ ту минуту, какъ татары подѣхали къ нему, онъ въ красномъ кармазинномъ кафтанѣ, въ черныхъ бархатныхъ шароварахъ везъ черезъ весь дворъ на своей спинѣ какого-то босоногого мальчишку-оборвыша.

Каленику стало неловко, когда онъ увидѣлъ, что ворота открываются и въѣзжаютъ къ нему неожиданные гости. Онъ сбросилъ съ себя мальчугана и подошелъ къ пріѣхавшимъ, въ числѣ которыхъ узналъ тотчасъ татарина старика.

— Откуда и куда Богъ несетъ?—спросилъ Каленикъ.

На отвѣтъ ихъ онъ поклонился, благодарилъ и просилъ гостей «до господы» (въ домъ).

— Мы привели тебѣ твоего воня, — сказалъ старикъ, — того коня, котораго тебѣ завѣщалъ умершій Ахматъ.

Этотъ и былъ тотъ самый конь, на которомъ послѣ Каленикъ любилъ гарцовать по базару.

— Этотъ конь, — продолжалъ мурзакъ, — зовется Калганъ; онъ — настоящій праправнукъ *колани*, питавшихся пустыннымъ вѣтромъ святой Арабіи.

Каленикъ не зналъ такой породы, старикъ объяснилъ ему:

— Великій нашъ пророкъ Магометъ велъ страшный бой; три дня и три ночи войны его не слѣзали со своихъ коней, ничего не ѣли и не пили; ничего не ѣли и не пили и ихъ лошади. На утро четвертаго дня пророкъ велѣлъ пустить ихъ на волю. Десять тысячъ лошадей бросились къ рѣкѣ пить. Подсказали... Но въ это время вновь раздалась труба, немедленно привывавшая ихъ на бой. Всѣ онѣ слышали звукъ трубы, всѣ онѣ понимали невозможность воротиться въ то же мгновеніе назадъ, но только пять кобылицъ воротились, не омочивъ даже каплей запекшейся, горячей отъ жажды своей морды. Пророкъ благословилъ послушныхъ и окрасилъ ихъ въѣн, какъ это дѣлаютъ себѣ дѣвицы на Востоѣ, краскою *козъ*, отчего онѣ и получили названіе *колани* (вычерненныя). Отъ одной изъ этихъ *козани* произошелъ и благородный скакунъ Калганъ.

— А вотъ и секретъ коня, — досказалъ татаринъ. — Если врагъ тебя будетъ преслѣдовать и ты потеряешь надежду ускользнуть отъ погони, потри только пальцемъ покрѣпче козю за лѣвымъ ухомъ — и никакая итида тебѣ не опередитъ, никакой кѣтеръ не догонитъ.

Уваженіе бывшаго непріятеля еще болѣе возвысило Каленика въ мѣстнѣхъ занорожскихъ старшинъ.

— Добре начинается нашъ малецъ! — сказалъ вошевой, и пере-

вать его къ себѣ, въ свою охранительную и почетную стражу, въ число сорока-одного человѣка.

VI.

На другой день послѣ того какъ Каленикъ тошталъ на базарѣ горшки съ молокомъ, рано утромъ вошла къ нему Зинька.

— Вотъ вамъ на сѣданье (на завтракъ) бублики, — сказала она угрожающе и положила ихъ на столъ, потомъ отошла и стала у дверей.

Это была высокая, стройная молодница съ лицомъ южно-русскаго пошиба, впадавшимъ немного въ азіатскій типъ: оно было круглое, нѣсколько плоское, и въ немъ, хотя слегка, но выдавались скулы; носъ небольшой. На ней былъ темно-зеленый ситцевый халатикъ съ желтыми по немъ цвѣточками, съ пришитымъ назади большимъ круглымъ воротничкомъ, съ частыми вырѣзными зубчиками. Такой халатикъ служилъ постоянной верхней одеждой новосельчанскихъ торговцевъ, и надевался на обыкновенное платье внѣ дома. Голову покрывалъ уточкой платокъ изъ вишневаго и краснаго шелка; при каждомъ движеніи онъ безпрестанно мѣнялся окрасками въ цвѣтъ.

— А ты зачѣмъ вчера обидѣла Маню? — сурово спросилъ Зиновью Каленикъ.

— Крученный паничъ, крученный паничъ! — отвѣтила она.

— Какъ начну я тебя подбивать лежковнымъ жиромъ (т. е. поволоку), такъ будешь знать у меня крученнаго панича, — сказала Каленикъ, приподнимаясь съ постели. Но молодница убѣжала.

Зинька была вдова, казачка, жила со старой матерью и пекла бублики. Лучше ея никто не пекъ ихъ въ Самари. Каленикъ познакомился съ Зинькой случайно. Рѣка Самарь, когда подходить подъ Новоселовскъ, дѣлится на-двое: влѣво, въ монастырю, идетъ коренная Самарь, а направо, къ Новомосковску, ей притокъ—Самарчукъ. Впрочемъ, по нынѣшней Самари нельзя судить о Самари временъ Запорожья: она съ той поры нѣсколько разъ видоизмѣнялась весенними разливами. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка старожилы видѣли въ той долинѣ, которая залѣзаетъ подъ траву и жетѣтъ подъ несконъ между городомъ и монастырскимъ перевозомъ, небольшое озеро; куда, по преданію, шла Самарь, а послѣ того она повела свое русло на четверть версты ниже; и еще въ тридцатыхъ годахъ помнили вправо

отъ того же перевоза на Самари островъ или полуостровъ, покрытый лознякомъ, теперь совершенно исчезнувшій. Самарчукъ, входя въ Новомосковскъ, въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ на правомъ берегу обрывъ и безпрестанно подмываетъ и его, и противоположный берегъ. Зинька жила тогда въ своей хатѣ на этомъ берегу, который много лѣтъ подрывался и просачивался водой. Разъ въ весеннюю ростопель, когда рѣчка рвалась изъ береговъ и была полна плавающими льдинами, Зинька, по обыкновенію, безпечно пекла бублики... Вдругъ ее глиняная хата затрещала и мгновенно переломилась пополамъ; встѣдъ за тѣмъ одна переломленная половина ее вмѣстѣ съ Зинькой очутилась въ рѣкѣ Самарчукѣ. Каленикъ, стоявшій на другомъ берегу, бросился въ воду и схватилъ утопленницу, но выбраться по кручѣ не могъ; къ счастью, скоро прибѣжали сосѣдніе скорники, подали ему помощь, и онъ, и Зинька были спасены.

Зинька послѣ этого прохворала лихорадкой съ-недѣлю, и этимъ отдалась, но Каленикъ схватилъ горячку, и пролежалъ въ безпамятствѣ шесть недѣль. Во все это время Зинька была его сидѣлкой. Когда онъ выздоровѣлъ, она стала носить ему утро и вечеръ горячіе бублики, а къ хозяйкѣ его, Штрикиндицѣ, бѣгать за багачемъ (занимать огня). Каленикъ и Зинька свыжились — и молодая вдовица молода-хлопца волюбила. Прешлое замужство ее было горькое; она была выдана за старика. Оставшись молодой вдовой, Зинька сдѣлалась бойкой бабенкой — первой хоровадницей, первымъ голосомъ на вечерникахъ. Но не одинъ парубокъ почесывалъ свой затылокъ, если слишкомъ приставакъ къ ней. Самъ полковникъ Самарскій за ней приволакивался, но она и его выпроводила изъ хаты кочергой. Полюбила она за то Каленика всею душой. Каленикъ любилъ ее настолько, насколько то совмѣщалось въ немъ съ любовью къ вольной закорюжской жизни, тѣмъ больше, что Зинька и лѣтами была его старше. Оттого на долю Зиньки выпала теперь любовь ревнивая; она слѣдила за каждымъ шагомъ Каленика, и особенно возненавидѣла дочь Штрикиндицки, тринадцатилѣтнюю дѣвочку Машу.

VII.

Наступила новая суббота. На базарѣ, по обыкновенію, шелъ торгъ. Бабы съ маломомъ нетерпѣливо опять поглядывали на ту улицу, изъ-за угла которой онѣ привыкли видѣть Каленика выѣзжающимъ на сѣромъ конѣ. Надѣялись, что онъ опять станетъ

такъ выгодно для нихъ топтать своимъ конемъ ихъ глечикъ. Въ ожиданіи, онѣ перебранивались межъ собой.

— Да прїѣхалъ ли онъ въ Самарь изъ конна? — толковали торговки.

— Я спрашивала Зиньку, — онъ въ Самари...

— Каленикъ! Каленикъ! — рзадалось въ толпѣ.

— Да что это? онъ — цѣнникомъ?

— Да за нимъ казаки со снесами (коньями)!

— Его ведутъ подъ карауломъ — вотъ и асаулъ за нимъ.

И точно, Каленика, къ удивленію всего базара, подъ карауломъ провели къ палангѣ.

Каленику случилось быть на недѣлѣ въ Сѣви. Когда онъ собрался назадъ въ Самарь, кешевой далъ ему повѣрть — отвезти въ самарскій монастырь, къ бывшему священнику лейбъ-кампаніи, Кирилу Николаевичу Тарновскому, который востроилъ послѣ въ самарскомъ монастырѣ каменную церковь св. Николая съ приделомъ «Кирилла и Улиты». Тарновскій имѣлъ много земель на Запорожьѣ и свою собственную плотину черезъ рѣку Самарь. Подъ старость, пошелъ онъ въ самарскіе монахи. Запорожцы прозвали его почему-то «дикимъ пономѣмъ».

Каленикъ понагъ въ монастырь послѣ обѣда, и постучалъ «во имя Отца, и Сына, и Святого духа» въ келью къ дикому пону. На стулѣ вышелъ послушникъ и объявилъ, что батюшка спитъ.

— Ну, хорошо, я обойду монастырь и побываю у панъ-отца вечеромъ, — сказалъ Каленикъ.

Письма онъ не отдалъ: велѣно было отдать самому.

Пустынно-николаевскій самарскій монастырь находится въ двухъ верстахъ отъ Новомосковска, на островѣ, между Самартучкомъ и Самарою. Ему, вѣроятно, больше двухъ-сотъ лѣтъ. Еще князь Голицынъ, когда онъ шелъ при Софїѣ Алексѣевнѣ на Крымъ, былъ въ немъ, и сдѣлалъ ему цѣнные приношенія. По преданію, монастырь возятъ основанъ двумя отшельниками; они избрали здѣшній, тогда дикій и большой, лѣсъ мѣстомъ молитвы и уединеннаго житія. Ихъ напали запорожскіе харцизы, которые построили имъ кельи и вообще имъ покровительствовали. Но отшельники, узнавши про кровавый промыселъ ихъ, хотѣли бѣжать; разбойники, однакожь, зорко ихъ стерегли, полагая, что ихъ заботы о святыхъ людяхъ и молитвы старцевъ за нихъ искупятъ ихъ грѣхи. Наконецъ, разбойники были переловлены по распрямленію запорожской Сѣви; крѣпче открыто было и убогое жилище отшельниковъ. Запорожскій конь предоставилъ мо-

настырю окружающій его лѣсъ, даль земли («власинные грунта») и право на обселеніе ихъ охотными людьми, отчего составилась постепенно монастырская вотчина около тысячи душъ. Монахи устроили витальницы, гостепріимные дома для поклонниковъ, завели въ разныхъ мѣстахъ много мельницъ о трехъ колесахъ (поставкахъ), скотные дворы, хуторы, хлѣбопашество, сѣновосы, рыбныя ловли по Самари и въ озерахъ Лузоватомъ, Глушковомъ и Мазничномъ, пасѣки (верхолазные борты). Кроме того, монастырь имѣлъ не мало добровольныхъ приношеній отъ казаковъ; многіе запорожскіе старшины оканчивали здѣсь и жизнь свою, между прочимъ и кошевой Филиппъ Федоровъ, когда «поблагодарилъ Свѣчъ за панство», т.-е. отказался отъ новаго выбора въ кошевые. При монастырѣ были двѣ ярмарки — на Николая (9 мая), и на Спаса (въ день Преображенія, 6 августа). Здѣсь же началось и первое просвѣщеніе Новороссійскаго края — учрежденіемъ монастырской школы для дѣтей монастырскаго подданства и новосельчанъ. Монастырь существуетъ и въ наше время, подъ именемъ загороднаго дома екатеринославскихъ архіереевъ; онъ служитъ, между прочимъ, также мѣстомъ исправленія и заточенія провинившихся церковнослужителей екатеринославской епархіи. Мѣстоположеніе монастыря, среди прекраснаго дубоваго лѣса — превосходное.

Каленикъ зашелъ въ монастырскую трапезу; ему «уточили» сейчасъ со льду вкуснаго шипучаго мѣду, и онъ отправился въ садъ. Монастырь былъ тогда въ самомъ процвѣтущемъ положеніи; садъ его содержался въ образцовомъ порядкѣ. Рѣшетки, окружавшей садъ, почти не было видно за грезами вѣщагося винограда. Каленикъ, обошедши весь садъ, подошелъ къ дереву и легъ въ его тѣни, на густой травѣ. По монастырскому двору ходилъ и пронзительно кричалъ павлинъ; въ саду жуужали пчелы и оводы; за садомъ, въ лѣсу, на другомъ берегу Самари, клевали надъ гнѣздомъ орлы. Все это нагоняло на молодого запорожца сонъ. Уснувъ онъ крѣпче, какъ спать послѣ усталости и хорошей чары добраго мѣду. Проснувшись, онъ замѣтилъ, что краснаго сафьяннаго гамана (бумажника), который висѣлъ у него на груди и гдѣ были его деньги и конвертъ, полученный для передачи дикому попу, — нѣтъ. Но казаку не столько жаль было денегъ, сколько стыдно и странно за потерю вѣрнѣшаго ему письма вѣлможнаго батька кошевого.

Каленикъ для поисковъ поднялъ на ноги весь монастырь, — все напрасно. Во время этой суматохи выѣзжаетъ въ монастырь асаулъ; онъ возвращался съ охоты.

— Эге, пане брате, такъ я тебя «арештую», — сказалъ онъ, узнавъ въ чемъ дѣло.

— За что? — спросилъ Каленикъ.

— А за то, что не исполнилъ порученія начальства, утерять грамоту войскового главы.

— Да вамъ какое дѣло? я нахожусь при главномъ начальствѣ, ему отвѣтъ буду давать.

— Отвѣтъ ты и дашь начальству, а такъ какъ вина твоя сдѣлалась въ нашей округѣ, то арештую тебя — я.

Каленикъ самъ сознавалъ себя виновнымъ, и молча подчинился своей участи.

— Вотъ, — говорилъ асаулъ, — вамъ бы ты старшихъ больше уважалъ, я бы съ тобой такъ не поступилъ.

— Какихъ старшихъ?

— Да, вотъ хотя бы и меня — вѣдь я тоже — не послѣдняя спица въ колесницѣ на Самари.

— Какъ же я васъ не уважалъ?

— Да такъ же... Ну, уступи-жь коня?

— Конь самому мнѣ нуженъ.

Каленика отвели въ паланочную тюрьму.

Но въ самой Сѣчи Каленику дѣло по потерѣ конверта обошлось безъ особенныхъ послѣдствій. Кошевой освободилъ, попрекнувъ только за безпечность.

— Ты этакъ, пожалуй, и голову проспипшь, да мало — свою, а и тѣхъ, кого дадутъ тебѣ въ команду.

Каленикъ и самъ чувствовалъ, что его казацкая честь пострадала, и его мучило: куда же дѣвался бумажникъ? кому онъ нуженъ? Правда, были въ немъ и небольшія деньги. Дома гаманъ пропасть не могъ — Каленикъ помнилъ хорошо, что положилъ его себѣ за пазуху, помнилъ ясно, что видѣлъ его еще и въ монастырѣ.

— Да, вы бы, Каленикъ, сходили къ ворожѣ, къ Совихѣ, — совѣтовала ему хозяйка Штриквиндича.

— Къ вѣдьмѣ-то?

— Что-жь, много людей ходятъ, отгадываетъ и указываетъ. У Бокана, Описима, была прѣпажа, сходилъ — то, сѣ, разный скарбъ, сказала, ужъ не жди, не вернется, а кони, говорить, привезены у горѣлаго дуба. — Пошелъ, и дѣйствительно коней тамъ взяли. Мельникъ ходилъ въ Совихѣ, тоже была прѣпажа. Правда, деньги такъ и пропали, корову, какъ она сказала, ищи въ плавняхъ — такъ онъ и нашель. Да и другимъ отгадывала и указывала.

Каленикъ соблазнился идти къ ворожѣ.

VIII.

На лѣвомъ берегу Самари, противъ Новомосковска, еще и теперь существуютъ остатки великолѣпнаго дубоваго лѣса. Сто лѣтъ тому назадъ, далеко за монастыремъ, въ глуши была среди лѣса большая поляна, называвшаяся «ракетнымъ полемъ». Черныя высокія сосны сторожили какъ кладъ это мѣсто. Низкій сухой ракетникъ, шелюгъ, верьблосъ, крапива и полынь росли по всему полю. Изрѣдка пробивался на немъ сѣрый песокъ и въ разныхъ мѣстахъ небольшія погорѣлины, которыя выдавались черными пятнами въ сосѣдствѣ изъ-зелена красно-бурой растительности. Одни говорили, будто здѣсь былъ салитренный майзанъ, который завели, по приказанію Петра I, калужскіе промышленники, и что этотъ заводъ разорилъ кошевой Костя Гордѣенко, набунтовавшись и уводя запорожцевъ подъ крымскаго хана; другіе увѣрили, что тутъ выдѣлывался порохъ при Иванѣ Малышевичѣ, при томъ кошевомъ, съ которымъ опять пришли назадъ отъ татаръ запорожцы къ царицѣ Аннѣ Ивановнѣ, и что при выдѣлѣ пороху въ этомъ мѣстѣ вырубилъ много деревь и сплавилъ ихъ по Днѣпру на постройки къ Сѣчи.

А тогда, при Калениѣ, тамъ стояла хатка монастырскаго лѣсника, но и лѣсника давно уже не было въ живыхъ, а жила въ ней его вдова; она-то и была ворожка Совиха.

Каленикъ пошелъ къ ней — еще не звонили къ вечернѣ. Онъ шелъ не обыкновенной тропинкой, которая сюда вела, и потому попалъ въ Ракитовое поле къ самому заходу.

Вся гнилая камышевая крыша убогого жилья ворожен кипѣла черносызыми большими змѣями; онѣ играли, волновались, переплетались межъ собой, свертывались въ клубы и опять развѣртывались. Въ болотныхъ плавняхъ поднѣпровья и присамарья, гдѣ водяныя змѣи выползаютъ на скирды, грѣться на солнцѣ, такая картина была довольно обыкновенна. Надъ хатой знахарки стояла столѣтняя сосна, усыпанная вороньими гнѣздами. Завидя Каленика, вороны закаркали и стали выпаркивать изъ гнѣздъ и кружиться. У самаго порога хаты, служа ему первой ступенью, лежалъ костякъ — большая кобылья голова.

Солнце скрылось, южныя сумерки, усиливаемыя хмуростью лѣса, пали мгновенно на землю — видимо полились по Ракитовому полю потемками. Каленикъ перекрестился и только-что хотѣлъ постучаться въ хатку, вдругъ надъ самой его головой раздался крикъ пугача. Что-то огромное въ видѣ крылатаго чернаго kota,

разводящаго ушами, съ огненными кольцами въ глазахъ, въ которыхъ вставлено было по черному агату, величиной въ крупную горошину, — тяжело поднялось съ дерева и, сердито щелкая клювомъ и шипя, какъ змѣя, полетѣло въ чащу лѣса. Каленикъ вадрогнулъ — дурная примѣта. Онъ постучался въ хату.

Въ хатѣ слышалась возня. Совиха вѣдувала огонекъ. Блеснулъ въ узенькое окно свѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ раздались шаги къ дверямъ. Болдуныя появилась въ старой изорванной свитиѣ съ наверченными на голову темнымъ платкомъ.

— А, это ты, — сказала она, взглянувъ на Каленика, ну, иди.

Старуха отворила дверь на право — и свѣтъ ударилъ ему въ лицо изъ комнаты. Горѣлъ на столѣ каганецъ, но хлѣба и соли, по обыкновенію добрыхъ людей, на столѣ не было. Не было и образа на покути (въ красномъ углу). На поллицахъ подъ потолкомъ разставлены были большіе горшки, завязанные тряпками, заткнутые влощемъ шерсти, и между ними пучки какихъ-то черныхъ травъ, какихъ-то рыжихъ кореньевъ, вязки сухихъ грибовъ. Въ Новоселицѣ рассказывали ужасы про старуху, говорили, что она перекидывалась кошкой, обращивалась совой, стригала привораживающія любви, умѣла и снять — коли нужно, животь, и наоборотъ, надѣляла разными снадобьями, чтобъ завязался плодъ, если ее просили. Настроенному на чудесный ладъ, воображенію Каленика на самомъ дѣлѣ казались чары во всемъ. Сѣрая земля, подъ припечкомъ — вѣрно для привораживанья, взята изъ-подъ человѣческихъ ступней, — дѣлать догадку запорожецъ, а въ стоявшей близъ входа, въ закрытой полотенцемъ кадкѣ, должно быть, она держитъ мѣсяцъ взаперти, который снапала передъ новолуньемъ.

Совиха сѣла на диванъ и стала прѣсть на гребнѣ мочку.

— Ну, что скажешь, казаче? — спрашивала она его, жуя веретенкомъ и вытягивая тонкую нитку.

Каленикъ началъ жаловаться, что у него украденъ гаманъ.

— Знаю, — сказала она.

— Въ гаманѣ была важная бумага, — прибавилъ Каленикъ.

— Знаю, — сказала опять Совиха.

— За пропажу бумаги сидѣлъ я въ тюрьмѣ, — объяснял Каленикъ.

— И то знаю, — добавила она, кося своими сѣдыми бровями.

— Такъ вотъ, бабусю, не знаешь ли ты, — куда дѣлся мой гаманъ? — спрашивалъ Каленикъ.

— Того не знаю, — отвѣчала ворожка.

— А нѣтъ ли въ тебѣ силы, добродѣйно, дознаться—гдѣ онъ?

— Дѣло трудное, но попробуемъ. Ходи ты ко мнѣ на молодую (въ новолунье) по три зари утреннихъ и по три вечернихъ, приноси ты мнѣ по три...

Вдругъ Совиха остановилась. Слово замерло на ея языкѣ, оловянные глаза сверкнули какимъ-то дикимъ огнемъ; лицо ея, до того полусонное, спячющее — искривилось, она вскочила съ дивана, бросила веретено наземь и закричала Каленику, задыхаясь:

— Гдѣ клубокъ?

— Какой клубокъ? — спросилъ Каленикъ, который едва ли и замѣтилъ его,

— Гдѣ клубокъ пряхи, что лежалъ тутъ на столѣ?

— Не знаю, — отвѣчалъ Каленикъ.

— Отдай, аспидъ, клубокъ, ты его взялъ...

Каленикъ божился, что его и не видѣлъ. Она схватила наганецъ, нырнула съ нимъ подъ столъ — не нашла; обѣжала и обшарила всѣ углы—нѣтъ.

— Отдай, отдай, алагема, клубокъ, ты укралъ его, — завопила хрипло вѣдьма.

И она, съ пѣною у рта, схватила его за горло.

Каленикъ оттолкнулъ старуху, такъ, что она головой ударилась объ стѣну.

— Чтобъ тебѣ, ни пути, ни дороги, ни въ засоншемъ полѣхъ креницы, ни въ бою товарища, ни въ любощахъ дѣвчины, — кляла она его, — чтобъ тебѣ, бузубѣръ проклятый, возула бѣду навовала, чтобъ ты пилъ, да навѣкъ захлебнулся, чтобъ ты былъ до смерти, — поперхнулся, чтобъ тебѣ, да бодай тебѣ...

Но Каленикъ безъ оглядки бѣжалъ: колдунья еще, пожалуй, «поробить», сдѣлаетъ вовнулакой — оборотить въ волка. Въ огражденіе себя отъ чары, онъ сталъ читать молитвы. Только уже дома Каленикъ увидѣлъ, что старая вѣдьма была права. Онь, оная-лось, унесъ клубокъ въ карманъ тѣхъ широчайшихъ шароваровъ, которыми любили щеголять запорожцы. Клубокъ скатился со стола и попалъ въ карманъ. Нужно возвратитъ. Каленикъ рано утромъ сѣлъ на коня и пустился монастырскимъ лѣсомъ, чтобъ послѣ, тропинкою, дойти пѣшкомъ.

Подъѣзжая къ монастырскимъ воротамъ, Каленикъ увидѣлъ еще издали двухъ старцевъ съ дубинками, они сторожили что-то завернутое въ рогожу — и толковали между собою.

— Экой грѣхъ, подумаешь — сказалъ привратникъ-чернецъ-казначей.

— Гдѣ же она повѣсилась? — спросилъ тотъ.

— У самой своей хаты, на соснѣ съ вороньими гнѣздами.

Нечего, значить, было ѣздить Каленику въ Рамитовое поле — Совѣтъ пришелъ конецъ.

Что дѣлать съ клубкомъ — думалось Каленику.

Клубокъ смотанъ былъ изъ обыкновенныхъ суровыхъ нитокъ, но казался тяжело обыкновеннаго. Каленикъ началъ сматывать съ него нитки въ другой клубокъ; осталось что-то завернутое въ старшій лоскутъ синей китайки, онъ его развернулъ — и тамъ оказались часы небольшіе, тогдашней формы — луковичы, серьги съ каменными свѣтлыми камнями, и перстень съ камнемъ, величиною въ крупную горошину, цвѣта запекшейся крови. Камни въ серьгахъ были брилліанты, а въ перстнѣ — рубинъ.

«Такъ вотъ отчего такъ встревожилась скупая вѣдьма», — подумалъ Каленикъ — и тотчасъ же рѣшилъ отслужить панихиду по душѣ несчастной, а вещи отдать на церковь.

Каленикъ отправился опять въ монастырь; настоятель принялъ пожертвованіе и тутъ же подвѣсилъ серьги къ образу Божіей Матери, рядомъ съ серебряными ручками, ножками, глазками и т. п., которые обыкновенно жертвовались чашшими испѣленія своихъ недуговъ.

Вслѣдъ за Каленикомъ прибылъ въ монастырь и асаулъ.

— А мы васъ ждали вчера цѣлый день, — сказалъ чернецъ асаулу, — безъ васъ не могли предать несчастную землѣ, а пора — тѣло больно смердить...

— Да надо было захватить на хутерь къ пану Пискачу, знаете, возлѣ Становой слободы, — вознился асаулъ: — тамъ, дали знать, случилась большая покрѣпа. — Циванихъ и слѣдовъ — точно все въ воду кануло.

Асаулъ вмѣстѣ со всею компаніей пошелъ помолиться Божьей Матери. Онъ набовно приложился къ иконѣ — и тутъ съ изумленіемъ замѣтилъ привѣски.

— Скажите, отче — откуда это у васъ?

— А вотъ онъ самъ — усердный добродетель на храмъ Божій, — сказалъ настоятель, указывая на Каленика.

— Ага! — отозвался асаулъ.

— Да это не все — продолжалъ монахъ, и вынулъ изъ ящика въ свѣтломъ сундукѣ перстень и часы.

— Ну, а ты, голубчикъ, гдѣ и какими богоугодными дѣлами добылъ эти вещи? — спросилъ асаулъ, обращаясь къ Каленику насмѣшливо.

Каленикъ взволнованнымъ голосомъ, но безъ утайки, рассказъ ему все какъ было.

— Ну, казакъ, — сказалъ асаулъ, у каждаго тата есть своя сказка про стянутыя утяти — эти вещи украдены у пана Пискача. А гдѣ-жъ деньги и все остальное?

— Я не знаю.

— Ну, мы тебя попытаемъ паланочнымъ спросомъ, а тебя, панебрате, беру подъ стражу... А что, коня не отдашь?

Каленикъ молчалъ, пораженный новою бѣдой, какъ громомъ, среди яснаго неба.

IX.

Бѣднаго казака посадили въ паланочную тюрьму и приковали въ пушкѣ. Это былъ такъ-называемый секвестръ, служившій въ одно время и полевымъ погребомъ для склада оружія и сбруи, и тюрьмой для важныхъ преступниковъ. Ономъ въ тюрьмѣ вовсе не было.

Только на третій день утромъ свѣтъ ударилъ Каленику въ глаза; дверь тюрьмы отворилась и показались въ ней казаки.

— Добри день, батько! — раздался знакомый голосъ.

— А, это ты, Головка, вернулся, здравствуй.

— Сидишь, скажешь? — спрашивалъ Головка.

— Да, сижу, посаженъ.

— Не тебѣ тутъ сидѣть, паноча, а мнѣ.

— За что? — спросилъ съ удивленіемъ Каленикъ.

— А за то, что я старое ледащо. .

— Ужъ не твоя ли работа — дѣло у пана Пискача?

— Эге! — сказалъ онъ, утвердительно кивнувъ головой.

— Стало быть, ты съ Совихой былъ за-одно?

— Угу! — подтвердилъ онъ, мигая глазами.

— Ахъ, ты несчастный! — пожалѣлъ Каленикъ.

Въ виду полного признанія Корнѣя Головка, которое онъ повторилъ и въ паланочномъ правленіи, Каленикъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы.

— Ну, иди, иди, съ Богомъ, нечего дѣлать съ тобою! — сказалъ асаулъ Кондѣй Каленику, выпуская его; — а коня-то не продашь?

— Да я ужъ сказалъ, что не продамъ.

— Такъ промѣняй.

— И того не могу.

— А ну, Каленикъ, попробуемъ моего коня, сказалъ Кондѣй—вчера его купилъ.

На это Каленикъ согласился. И помчались они въ перегонку по дорогѣ въ Половицѣ (нынѣшнему Екатеринославу). По началу шли ровно, Каленикъ видимо сдерживалъ своего Калгана, но поровнявшись съ курганомъ, возлѣ котораго теперь еврейское кладбище, конь Каленика захрапѣлъ, шарахнулся въ сторону, споткнулся, и Каленикъ, всегда отличный ѣздокъ, полетѣлъ коню черезъ голову. Асаулъ очутился далеко впереди, но Каленикъ вмигъ поднялся, подтянулъ подругу, направилъ сѣдло, вскочилъ снова на коня, и какъ тронулъ его гдѣ-то за ухомъ, какъ мурзататаринъ ему сказалъ, конь и помчался какъ вихорь, поровнялся съ асауломъ, въ два-три скачка, потомъ обогналъ его, забралъ сильнѣй, дальше, дальше — и скоро оставилъ буланого асаульскаго коня на цѣлый гонъ (сто двадцать сажень).

— Годя! буде! довольно! что за дьяволъ подъ тобою! — кричалъ асаулъ, съ неудовольствіемъ отдуваясь, и остановилъ своего коня, всего въ пѣнѣ и мылѣ. Каленикъ воротился. Они поѣхали назадъ шагомъ черезъ предмѣстье Новомосковска — Вороновку. Во всю дорогу только и словъ было у асаула, что похвалы лошади Каленика. Онъ смотрѣлъ на Калгана жадными глазами.

Дома ждалъ Каленика обѣдъ. Былъ праздникъ. Мать только что вернулась изъ церкви и ему прислуживала, носила въ комору обѣдъ изъ хаты черезъ дворъ. Подавая, говорила она каждый разъ, глядя какъ-то изъ подлѣбья, но лукаво:

— Вотъ вамъ ложнина съ куркою...

— Вотъ вамъ пампушечки съ олією (постное масло)...

— Вотъ вамъ кашка жареная съ яблоками, лемишка съ могомъ, вареники съ полуницями (съ клубникой)...

Она вся раскраснѣлась. На ней была миткальная бѣлая чуть-чуть подсиненная сорочка съ пышными рукавами, картатая плахта (въ родѣ паневы), подпоясанная червонною окравкою: на шеѣ — кипарисный крестикъ съ цвѣтною фольгою, вдѣланною въ немъ также крестомъ, на черной бархатѣ; на ногахъ — сафьянныя красныя черевички — подарокъ тѣтки.

Каленикъ залюбовался на Мать.

— А тѣмъ, что слаще, не бойсь, не подчуеть? — сказалъ Каленикъ.

— Чѣмъ же это? варяничками? тутъ и варяницы есть.

— Нѣтъ, не варяничками.

— Что-жъ еще? — можетъ — медъ? рожки?

— И не рожки, и не медъ.

— Кавунъ?

Въ отвѣтъ на это онъ схватилъ ее и поцѣловалъ.

Въ садикѣ, въ кустахъ, въ которыхъ принимала вомора, какъ будто что-то зашевелилось. Ни Каленикъ, ни Маня этого не замѣтили. Маня, востыдившись, убѣжала.

Х.

Въ воскресенье новосельцы шли въ церковь, и всѣ съ удивленіемъ смотрѣли, что ворота у Штриккиндички стоятъ отворены настежь, и обѣ половины ихъ совсѣмъ раскрыты во дворъ, почти прижаты къ забору.

Двѣ сосѣдки—одна шла на базаръ, другая съ базару, встрѣтились какъ разъ у воротъ.

— Что это, Лукьяновна, какой праздникъ у крамарьки, что ворота настежь у ней съ утра?

— А такой праздникъ, Артемовна, что онѣ вымазаны ей дѣтjemъ, оттого и завернули ихъ во дворъ, стыда ради, погляди.

— Это ей удружила доченька.

— Да, вѣдь, она у ней еще подростокъ?

— Видно, на павости скоро поспѣваютъ! Не даромъ Каленикъ у нихъ нахлѣбникомъ.

— Ну, Артемовна, его дѣло парубочье, и дичинка, дичинка!

Между тѣмъ въ хатѣ у крамарьки плять и стоить: мать дочку таскала за волосы.

Зинька во весь этотъ день не приходила противъ обыкновенія.

Никто въ домѣ Штриккиндички не высказывалъ, но всѣ про себя думали, что дѣло съ воротами—ея работа.

Утромъ Зинька явилась, а сама принесла Каленику горячихъ кренделей и бубликовъ.

— Ты вымазала ворота?—спросилъ Каленикъ.—Зинька начала отпираться.

Каленикъ взялъ ногойку со стѣны.

— Принавайся, сказалъ онъ—ты?

— Нѣтъ.

— Ну,—сказалъ онъ, сдерживая голосъ,—скажи правду, я тебя прошу, я тебя поцѣлую—ты?

Она замаялась, передвинула плечами и тихо отвѣчала:

— Я.

— Ахъ, ты, змѣя! — разразился Каленикъ.

— Бей меня, только прости.

— Чтoby твоего духу тутъ не было! — отвѣчалъ Каленикъ.

Зинька побѣднѣла и затряслась какъ въ ликорадѣ.

— Взгляни на меня хоть разъ — умоляла она, стараясь заглянуть ему въ глаза.

— Поглядѣлъ! довольно! прощай, Богъ съ тобою, помни, прощай!

И она убѣжала изъ хаты какъ будто съ просонковъ — вотъ, вотъ зацѣпится за какой-нибудь уголъ, вотъ ударится за что-нибудь головой.

Не прошло и часу, на дворѣ раздались дѣтскіе вопли: Каленикъ выбѣжалъ изъ коморы, крамарька изъ хаты. На дворѣ кричала сосѣдняя дѣвочка лѣтъ девяти.

— Ой, бѣда! охъ, несчастье! Зинька утопилась.

— Утопилась? повторили вмѣстѣ и Каленикъ, и крамарька.

— Я гусей гнала. Бѣжала она мимо меня, такая блѣдная, простоволосая. Сняла съ себя это монисто съ докачемъ и сказала: Отдай его Манѣ, да проси, Христомъ Богомъ проси, чтoby простила меня. А сама потомъ и бросилась въ Самарѣ, къ тому мѣсту на рѣкѣ, что называютъ Чернечье пекло.

— Что-жъ ты людямъ не сказала, чтoby удержали? — спросилъ Каленикъ.

— Да не случилось ни одного человѣка. Вижу съ горы — разъ перекрестилась — вошла въ воду, опустилась — и назадъ вернулась; а въ другой разъ — перекрестилась — вошла въ воду, окунулась — и снова вернулась; въ третій разъ уже не перекрестилась, да какъ нырнула въ воду, такъ тамъ и осталась.

Одинъ Каленикъ зналъ, что виною смерти Зиньки былъ онъ. Передъ всѣми она была виновата, только не передъ нимъ. А Маня? кто не знаетъ, какое пятно ложится на честное имя дѣвушки на Украинѣ, если ей вымажутъ ворота дегтемъ. Что-жъ дѣлать? Жениться на Манѣ; но онъ ее не любилъ, какъ когда-то любилъ Зиньку. Да, кромѣ того, въ его возрастѣ «ошканиваться, ошкуриться» (т.е. жениться), какъ говорили съ презрѣніемъ въ Сѣвѣ — значило замѣнить Запорожью, рыцарству, стать лежебокомъ, гречкошникомъ. Могъ онъ, впрочемъ, еще остаться въ Запорожѣ — зимовникомъ, въ которой-нибудь паланкѣ — тогда ужъ начали допускать жить въ зимовникахъ и семейнымъ, но въ такомъ случаѣ казацкая пословица: «терпи казакъ горе, будешь атаманомъ», никогда бы надъ нимъ не сбылась. Сколько бы онъ ни терпѣлъ лиха — атаманомъ бы не былъ; ему никогда же дали

бы отдѣльной команды — это предоставлялось настоящимъ рыцарямъ — монахамъ-воинамъ, безбрачнымъ.

Каленикъ осѣдлалъ своего Калгана и поѣхалъ монастырскимъ лѣсомъ, чтобъ разогнать свои мысли.

Не доѣзжая на два гона до перевоза, на-встрѣчу Каленику выѣхалъ всадникъ; видно было, что это также казакъ.

— А, Каленикъ! — закричалъ казакъ, подъѣзжая.

— Панъ асаулъ! — откликнулся Каленикъ.

Они остановились другъ противъ друга.

— Что-жъ ты; продашь мнѣ коня?

— Э, старая пѣсня, панъ асаулъ!

— Ты продашь мнѣ коня? — повторилъ онъ, не слушая.

Каленикъ промолчалъ.

— Ты продашь мнѣ коня, чортъ бы убилъ твоего батька? — сказалъ асаулъ въ третій разъ.

Тутъ Каленикъ замѣтилъ, что Киндѣй сильно пьянъ, и тронулъ свою лошадь, со словами:

— Ну, ну, завтра еще поговоримъ объ этомъ, пане Сидоре, не лаясь!

— Такъ вотъ же, — пускай ни мнѣ, ни тебѣ! — закричалъ асаулъ и выстрѣлилъ коню прямо въ лобъ.

Ошеломленный паденьемъ коня, не помня себя, Каленикъ выхватилъ изъ-за пояса свой пистолетъ и, въ свою очередь, послалъ пулю асаулу прямо въ грудь. Тотъ три раза вздохнулъ и также повалился на землю, рядомъ съ конемъ Каленика.

Сперва у Каленика мелькнуло въ головѣ — бѣжать.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ громко: — уйдушь только отъ суда людского, — и не тронулся съ мѣста. Въ горькомъ раздумьи легъ онъ на травѣ у двухъ труповъ — человѣка и любимой лошади — и ждалъ своей участи. Въ этомъ состояніи нашли его казаки, прискакавшіе на выстрѣлы, какъ на тревогу.

XI.

Тяжелая казнь ожидала Каленика. По законамъ Запорожья, казакъ, убившій казака, закапывался живой, вмѣстѣ съ гробомъ убитаго, въ могилу. Въ Сѣчи покойный асаулъ Киндѣй имѣлъ много друзей. Стреломаны любили его за попойки, которыми онъ, при его богатствѣ, часто угощалъ ихъ послѣ удачныхъ походовъ на сушѣ и по благополучномъ возвращеніи съ морскихъ прогулокъ по Черному морю. Поэтому, когда въ Сѣчи слышали, что

Каленика хотѣли судить въ паланкѣ, раздался голоса батьковъ, куренныхъ атамановъ и братчиковъ: «судъ смертнаго убійства къ намъ, къ главной командѣ надлежитъ! Сюда, сюда его прислать!» Нѣкоторые вспомнили, что Каленикъ разъ и грамоту потерялъ.

«Это всегда былъ ненадежный казакъ!» говорили про него нѣкоторые сторонники асаула. Но кошевой зналъ лично дядю Каленика — да и къ самому Каленику благоволилъ — и хотѣлъ, сколько можно, смягчить его участь. Онъ настоялъ, чтобы Каленика судили въ Новоселицѣ, въ мѣстности, гдѣ сдѣлано преступленіе и гдѣ кошевой надѣялся повліять, по возможности, на паланочныхъ старшинъ, чтобъ получить болѣе мягкій приговоръ. Однакожъ, какъ ни старался онъ, Свѣчъ зорко смотрѣла на это дѣло. Безбрачная рыцарская община Запорожья, не заключающая въ себѣ чисто-кровнаго родства, не имѣя потомственной преемственности въ своемъ существованіи, составляясь изъ разныхъ народностей, только и держалась религіей да тѣснымъ братствомъ; вотъ почему преступленіе въ отношеніи одного товарища — было преступленіемъ передъ цѣлою общиною. Каленику сдѣлано было одно смягченіе: было рѣшено не зарывать его живьемъ въ землю, а посадить «на гостру палю» (на колъ).

Утро того дня, въ который вели на казнь Каленика, было ясное: чаусъ на базарѣ, стоя у столба подъ паланочнымъ флагомъ, еще наванунѣ прекричалъ народу о предстоящей казни.

Паланочный довибишъ — онъ же и палачъ — ударилъ въ котлы (въ литавры) мелкой дробью.

Вывели, подъ конвоемъ, Каленика изъ секвестра. Онъ былъ бѣдѣнъ, какъ полотно. Чуприна на круглой головѣ, по обычаю, была закручена за правымъ ухомъ; небольшіе усы торчали книзу. На немъ былъ запорожскій нарядъ — зеленая череска съ вѣлетами (съ откидными рукавами), черные шаровары и желтые сапьянцы; шапка кабардинка, на-крестъ обшитая галуномъ, заткнута была за пазуху въ череску, а самъ онъ былъ съ обнаженной головой и держалъ въ рукахъ горящую восковую толстую свѣчу (ставникъ); свѣчка выкрашена была зеленою ярью. Воскъ капалъ ему на руки, жегъ ихъ, но онъ не замѣчалъ боли. При выходѣ изъ тюрьмы, онъ взглянулъ на церковь и перекрестился. Бабы на базарѣ, какъ завидѣли его, такъ и завывли.

Изъ церкви вынесли кресты, хоругви; зазвонили въ колокола похороннымъ звономъ. Священники, во время печальнаго хода, совершая литію, двѣнадцать разъ останавливались, читали каж-

дый разъ по зачалу ¹⁾ тѣхъ двѣнадцати евангелій, которые читаются въ страсти Господни — въ чистый четвергъ. Каленикъ каждый разъ подходилъ и склонялъ голову подъ евангеліе.

Въ полуверстѣ отъ Новоселицы, по дорогѣ въ Половицу и въ Койдакъ (по нынѣшней екатеринославской дорогѣ) есть небольшой курганъ; онъ и теперь носитъ названіе «Калениевой могилы», гдѣ когда-то упалъ Каленикъ съ лошади, бѣжавши «на-выпередки» съ покойнымъ асауломъ. Въ сосѣдствѣ здѣсь-то и была врыта въ землю острая палка, или колъ,—это былъ столбъ въ саженъ съ небольшимъ высоты, съ острымъ желѣзнымъ на немъ шпиклемъ, величиной около двухъ аршинъ.

Священники отпѣли Каленика, благословили и отошли. Тогда ударили снова въ «котлы» и затѣмъ, когда перестали бить, подписарій прочелъ паланочное рѣшеніе, присуждавшее Каленика на казнь.

Каленикъ перекрестился и съ поклономъ на всѣ четыре стороны сказалъ:

— Простите меня, люди добрые,—простите православные!

— Богъ тебя проститъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ въ одинъ голосъ.

Подожелъ вать; онъ снялъ съ Каленика червеску, оставилъ въ одномъ кафтанѣ и связалъ ему назадъ руки.

Явились помощники палача, валили на лѣстницу—и ужасная казнь была совершена. Желѣзный шпикль вышелъ несчастному въ спину. Народъ отчаянно вскрикнулъ и застоналъ.

Трупъ Каленика, подъ охраной сторожевыхъ казаковъ, оставаясь, на страхъ и въ примѣръ другимъ, на новорномъ столбѣ до шести недѣль: внутренности его выгорѣли, тѣло выѣтрилось, высохло до того, что при малѣйшемъ вѣтрѣ поворачивалось на ижилъ. Долго-долго помнили и имя Каленика, и его жестокую казнь на Украйнѣ.

Г. Надхвѣнъ.

¹⁾ Начало евангелія до первой точкы.

ПОССЕССИОННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ФАБРИЧНОГО ТРУДА.

Окончаніе.

III *).

Поссессионные крестьяне на уральскихъ горныхъ заводахъ.—Казенные мастеровые.—Волненіе на нижнетагильскомъ заводѣ.—«Вѣчно-отданные» мастера.—Ихъ тяжелое положеніе и волненіе на невьянскомъ заводѣ.—Крестьяне, купленные къ заводамъ.—Противозаконная покупка, сдѣланная Походяшинымъ.—Рабочая плата,—Дѣтскій трудъ.

Въ составъ населенія уральскихъ горныхъ заводовъ входили тѣ же элементы, какъ и на различныхъ фабрикахъ внутри Россіи; тутъ мы опять находимъ казенныхъ мастеровыхъ, переданныхъ правительствомъ частнымъ владѣльцамъ, «вѣчно-отданныхъ» и, наконецъ, купленныхъ заводчиками.

Нѣкоторые заводы еще при Петрѣ Великомъ были переданы изъ казны частнымъ лицамъ; но гораздо болѣе было продано за ничтожную цѣну разнымъ вельможамъ (П. И. Шувалову, Воронцовымъ и др.) при Елизаветѣ Петровнѣ ¹⁾: Положеніе масте-

*) См. выше: окт., 610 стр.

¹⁾ На заводахъ, отданныхъ изъ казны при Елизаветѣ, мастеровыхъ и ихъ дѣтей было въ 1768 г.—8,877 д. По лѣтой ревизіи на частныхъ заводахъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ екатеринбургскаго горнаго начальства, было всего около шести съ половиною тысячъ казенныхъ мастеровыхъ.

выхъ на этихъ заводахъ, какъ видно изъ ихъ наказовъ депутату въ комиссію для составленія новаго уложенія, значительно ухудшилось.

При передачѣ нѣкоторыхъ изъ заводовъ въ частныя руки, владѣльцы просили добавить имъ мастеровыхъ до того числа, какое положено было имѣть при нихъ по штату. Такъ, напримѣръ, владѣльцу юговскихъ заводовъ, гр. Чернышову, дозволено было набрать недостающее число мастеровыхъ (224 чел.) изъ приписныхъ къ его заводамъ черносошныхъ крестьянъ, но съ тѣмъ, *«чтобы точно имъ при тѣхъ заводахъ не быть, и сколько времени они при тѣхъ заводахъ будутъ, подушныя деньги и прочія подати платить за нихъ изъ заработанныхъ ими денегъ бездомочно, и сверхъ того, стараться ему, графу Чернышову, обучать и употреблять на тѣхъ заводахъ своихъ собственныхныхъ крѣпостныхъ людей»*. Вслѣдствіе этого указа изъ приписныхъ къ юговскимъ заводамъ крестьянъ, которыхъ было въ то время 6,328 чел., было произведено нѣчто въ родѣ рекрутскаго набора и взято въ мастеровые 230 чел. При переселеніи на заводъ они перевели съ собою также женъ и дѣтей.

Такъ какъ эти мастеровые работали теперь все время на заводахъ ¹⁾ и уплачивали за себя подати изъ получаемого ими вознагражденія за свой трудъ, то, разумѣется, остальные приписанные къ юговскимъ заводамъ крестьяне не должны были бы отрабатывать за нихъ подушный окладъ. Однако, это не соблюдалось заводскою конторою, и было строго запрещено только въ 1763 г. кн. Вяземскимъ, причѣмъ было взыскано съ конторы въ пользу крестьянъ вознагражденіе за излишнюю работу, ими прежде выполненную.

Право переселять приписныхъ крестьянъ на свои заводы получилъ также П. И. Шуваловъ; на гороблагодатскихъ заводахъ онъ опредѣлялъ изъ нихъ въ мастеровые 370 чел.

На уральскихъ горныхъ заводахъ точно такъ же, какъ и на фабрикахъ внутри Россіи, заводчики старались низвести казенныхъ мастеровыхъ до одного уровня съ своими крѣпостными. Такъ было, напр., на нижнетагильскомъ заводѣ Н. Демидова.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ въ 1702 г., по именному указу Петра Великаго, казенный невянскій заводъ былъ отданъ во владѣніе тулянину Никитѣ Демидову съ позволеніемъ построить другой на

¹⁾ Юговскіе мастеровые просили кн. Вяземскаго дать имъ возможность завести свои пашни, но онъ отказалъ имъ на томъ основаніи, что они должны заниматься только заводскими работами.

рѣкъ Тагилѣ, къ этимъ заводамъ были приписаны изъ крестьянъ верхотурскаго уѣзда Аятская и Краснополюская слободы и монастырское село Покровское (974 д.). Подати, хлѣбъ и все, что собиралось прежде въ пользу государства и на монастырь, Демидовъ долженъ былъ вносить въ казну желѣзомъ по договорной цѣнѣ, и за то на эту сумму онъ могъ требовать отъ крестьянъ различной работы; если же имъ придется трудиться болѣе, то онъ долженъ былъ платить имъ деньгами «по правому разсмотрѣнію, чтобы обиды и жалобы дѣльной отъ нихъ не было». Въ случаѣ слушанія крестьянъ или дѣлности на работѣ Демидову разрѣшено было наказывать ихъ батогами и плетями и надѣвать оковы. По смерти Никиты Демидова заводы перешли во владѣніе его сына, Акинфія, а послѣ него былъ произведенъ раздѣлъ между его дѣтьми, Прокофіемъ, Григоріемъ и Никитою. Въ 1763 г. невьянскій заводъ принадлежалъ Прокофію Демидову, ревинскій — Александру, Павлу и Петру Григорьевичамъ Демидовымъ, а нижнетагильскій, за которымъ считалось село Покровское, достался Нивитѣ Акинфіевичу Демидову.

Двое крестьянъ села Покровскаго въ іюнѣ 1762 г. купили на невьянскомъ заводѣ копию съ указа сената о произведеніи слѣдствія по жалобамъ приписныхъ къ заводамъ Чернишова и Демидовыхъ. Когда по возвращеніи ихъ домой этотъ документъ былъ прочтенъ на сходѣ, крестьяне немедленно рѣшили, что на основаніи его «можно отбыть отъ заводскихъ работъ». Послали трехъ челобитчиковъ въ верхотурскую канцелярію просить, чтобы имъ быть по врежнему за невьянскимъ богоявленскимъ монастыремъ, которому они принадлежали до отдачи Демидову при Петрѣ Великомъ. Воевода, задобренный взяткой, принявъ просьбу крестьянъ съ обѣщаніемъ представить ее «по командѣ, куда подлечь», но все-таки приказалъ имъ продолжать работать. Услышавъ отъ челобитчиковъ, что «дѣло ихъ отыскивается», крестьяне, несмотря на совѣтъ воеводы, на работу не пошли.

Въ то же время волненіе началось на самомъ нижнетагильскомъ заводѣ среди мастеровыхъ и рабочихъ: они хотѣли, чтобы ихъ сравняли съ приписными крестьянами, чтобы они могли работать только за подушный окладъ и получали бы вознагражденіе наравнѣ съ вольнонаемными.

Заводская контора послала въ село Покровское указы, издаанные вслѣдствіе волненій помѣщичьихъ и другихъ крестьянъ. Прочтя ихъ на сходѣ при мірской избѣ, староста съ сотниками и всѣмъ міромъ отвѣчали, что эти указы относятся только къ крѣпостнымъ крестьянамъ, что они отданы были при Петрѣ Ве-

ликомъ Демидову на время, а не навсегда, и что до полученія рѣшенія на свою просьбу они на работу не пойдутъ. Такими же отказомъ отвѣчали они и на приказъ, присланный въ май 1763 г. изъ канцеляріи главнаго правленія заводоѣ: они написали туда, что не рѣшились ѣхать на заводы, такъ какъ ими подана жалоба на разныя обиды отъ Демидова и его приказниковъ; къ тому же, по ихъ мнѣнію, они и безъ того уже много переработали. Что же касается того, что приписные крестьяне казанской губерніи уже начали работать, то, быть можетъ, замѣтили крестьяне, они оказались виновными по слѣдствію, произведенному кн. Вяземскимъ, «а мы еще до того слѣдствія виновными себя не признаваемъ». Вообще этотъ отвѣтъ былъ написанъ гораздо толковѣе, чѣмъ многія донесенія офицеровъ и чиновниковъ.

Волненіе заводскихъ мастеровыхъ также продолжалось. Выборные, посланные въ іюнѣ 1763 г. мастеровыми нижнетагильскаго и черномосточенскаго заводоѣ къ кн. Вяземскому съ жалобами на приказниковъ, услышали на пути, что будто бы Аятскую и Краснопольскую слободы и село Покровское велѣно было отрѣзать отъ заводоѣ съ тѣмъ, чтобъ крестьяне платили подушный окладъ деньгами. Челобитчики послали объ этомъ письмо «мірскому подъячему», Палитову. Но оно было перехвачено нижнетагильскою заводскою конторою и отправлено къ князю Вяземскому. По приказанію его Палитовъ, а также одинъ изъ челобитчиковъ, Салаутинъ, были арестованы и закованы въ кандалы. Ихъ готовы уже были отправить къ князю Вяземскому, когда среди заводскаго населенія распространился слухъ, что арестованныхъ будутъ зашивать въ сырыя кожи. Большая толпа мастеровыхъ и рабочихъ нижнетагильскаго и выйскаго заводоѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми крестьянами села Покровскаго, собрались въ заводской конторѣ и требовала освобожденія ихъ товарищей. Когда увѣщанія приказниковъ не подействовали, они собрали всѣхъ слугъ и солдатъ и выставили пушки на крыльцѣ заводской конторы. Съ той и другой стороны стали бросать камнями. Побѣда, однако, осталась на сторонѣ мастеровыхъ и крестьянъ. Отбивъ у своихъ противниковъ пушки и ружья, они сдѣлали выстрѣлъ въ контору изъ пушки, заряженной свинцомъ. Окошница разлетѣлась въ дребезги и бумаги полетѣли со стола. На приказниковъ и ихъ воинство напалъ такой страхъ, что они не знали куда спрятаться. Между тѣмъ, толпа все еще не расходилась. Отъ конторы несли раненыхъ людей, рабочіе съ камнями въ рукахъ бѣжали по фабрикамъ и кого-то искали. Всѣ

двери и окна въ конторѣ были заперты; на стѣнахъ и ставняхъ видѣлись слѣды бомбардировки. Пушки, какъ трофеи побѣдителей, были поставлены около мірской избы, куда отвели освобожденныхъ Салаутина и Палитова. Въ это время окончилась обѣдня, и священникъ счелъ своей обязанностью сказать приличное случаю увѣщаніе, которое не произвело, впрочемъ, никакого впечатлѣнія: крестьяне вслѣдъ затѣмъ, схвативъ одного куреннаго надзирателя, привязали ему къ шеѣ поясъ и потащили его къ мірской избѣ. Приказчикамъ удалось, наконецъ, послать гонца къ князю Вяземскому съ донесеніемъ обо всемъ случившемся.

Вяземскій отправилъ туда поручика Хвощинскаго съ приказаніемъ арестовать Салаутина, Палитова и нѣкоторыхъ другихъ и прислать къ нему въ Екатеринбургъ повѣренныхъ о всѣхъ заводскихъ жителяхъ. На этотъ разъ крестьяне не оказали сопротивленія, виновные были привезены въ Екатеринбургъ, и черезъ мѣсяцъ наказаны.

Въ челобитной, поданной князю Вяземскому въ 1763 г., приказчики нижнетагильскаго завода, упомянувъ о волненіи крестьянъ села Покровскаго, писали далѣе: «въ прошломъ же 1762 г. и самыя находящіеся внутри оныхъ заводовъ мастеровые и работные люди, написанные при тѣхъ заводахъ въ подушный окладъ и отданные къ онымъ по высочайшимъ именнымъ изъ правительствующаго сената указамъ и утвержденнымъ яко крѣпостные онаго г. Демидова, крестьяне, не чувствуя того, что они вѣчно узаконенные и тѣми объ нихъ указами повелѣно ихъ въ мастерства и работы употреблять равно какъ крѣпостныхъ купленныхъ своихъ, по чрезвычайной своей дерзости учинились непослушными и стремились въ зловоспріятшіе поступки и упорства». Такимъ образомъ, приказчики приравнивали всѣхъ мастеровыхъ къ крѣпостнымъ, но князь Вяземскій рѣшилъ, что на основаніи сенатскаго указа 30 декабря 1755 г. рабочіе, написанные въ бывшую 1722 г. перепись Сонцева, должны считаться «государственными приписными, а не крѣпостными дворянъ Демидовыхъ, ибо чтобъ по той 1722 г. переписи они къ заводамъ вѣчно отданы въ крѣпостные, онаго въ томъ правительствующаго сената указѣ и въ другихъ ни въ какихъ не упоминается». Онъ предписалъ, чтобъ эти мастеровые зарабатывали только подушный окладъ ¹⁾. Въ рѣшеніи своемъ Вяземскій прямо говорить, что управители и приказчики сами вызвали волненіе, вспыхнувшее на нижнета-

¹⁾ Мастеровыхъ, внесенныхъ въ перепись 1722 г., было въ то время на нижнетагильскомъ, выйскомъ, черномосточенскомъ и висимошайтанскомъ заводахъ 114 д.

гильскомъ заводѣ, такъ какъ они мастеровыхъ и рабочихъ, которые должны были считаться государственными, ставили на одну доску съ крѣпостными, и употребляли наравнѣ съ ними во всякія работы, «не давая противъ государственныхъ крестьянъ никакихъ выгодъ». Написанныхъ же въ перепись 1732 г. и послѣдующія Вяземскій, какъ мы увидимъ ниже, призналъ «равно яко крѣпостными».

Другая часть мастеровыхъ изъ крестьянъ, отданныхъ Петромъ Великимъ Никитѣ Демидову, находилась на невьянскомъ заводѣ. Приѣхавъ туда въ концѣ іюля 1763 г., Вяземскій приказалъ всѣмъ, написаннымъ въ перепись Сонцева, если у нихъ есть жалобы на заводское управленіе, немедленно подать ихъ чрезъ своихъ повѣренныхъ. Въ своей челобитной они указывали прежде всего на то, что управители и прикащики вовсе не отличаютъ ихъ отъ крѣпостныхъ. Плату мастеровые получали слѣдующую: мастера за ковку желѣза по 2 коп., подмастерья по 1¹/₄ коп., работники по ³/₄ коп. съ пуда; поденной платы работники получали по 7 коп. Кромѣ того, они возили уголь съ куреней, осыпали, жгли и выламывали кучи, нагружали желѣзо на барки, наконѣцъ косили сѣно для заводчика. Они просили невьянскую контору о прибавкѣ платы; но просьба ихъ удовлетворена не была. Не производя никакихъ беспорядковъ, они отказались однако работать болѣе чѣмъ за одинъ подушный окладъ. Кн. Вяземскій нашелъ ихъ желаніе совершенно основательнымъ, такъ какъ и здѣсь записанныхъ въ перепись 1722 г., онъ призналъ государственными крестьянами; тогда заводское управленіе исполнило всѣ требованія мастеровыхъ и они заявили Вяземскому о заключенной ими мировой ¹⁾.

Точно также на Ревдинскомъ заводѣ Демидовыхъ, приписанные крестьяне Аятской слободы, кромѣ написанныхъ по позднѣйшимъ переписямъ, были ограждены Вяземскимъ отъ поповленія заводчиковъ къ ихъ закрѣпощенію и объявлены государственными крестьянами.

Переходимъ теперь къ вѣчно-отданнымъ мастеровымъ на горныхъ заводахъ. Говоря выше объ этомъ разрядѣ мастеровыхъ, мы разсмотрѣли правительственныя распоряженія о нихъ, касавшіяся всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Поэтому, не повторяя того, что намъ уже извѣстно, мы остановимся теперь только на указахъ, относящихся исключительно къ горнымъ заводамъ.

¹⁾ На невьянскомъ заводѣ мастеровыхъ и рабочихъ, написанныхъ въ перепись 722 г. съ рожденными послѣ нея было въ то время 487 душъ.

Какъ мы уже знаемъ, въ 1722—23 гг., велѣно было переписать людей, находившихся на заводахъ, но оттуда ихъ не смѣли. При производствѣ полковникомъ Сонцевымъ перенесли на горныхъ заводахъ и соляныхъ варницахъ, тамъ оказались люди, пришедшие изъ разныхъ губерній, которые заявили, что они работаютъ, переходя съ завода на заводъ, домовъ не имѣютъ, «а живутъ по заводскимъ избамъ человекъ по 300 и по 200». Такъ какъ, въ 1722 г., велѣно было такимъ людямъ власть въ подушный окладъ въ тѣхъ селеніяхъ, откуда они были родомъ, то это было сдѣлано и съ найденными Сонцевымъ на уральскихъ заводахъ, которыхъ всего оказалось болѣе пяти тысячъ душъ; сенатъ приказалъ, чтобы заводчики вычитали изъ заработанныхъ ими денегъ подушныя подати и помѣщичьи доходы и отсылали бы въ тѣ провинціи, откуда они пришли; въ противномъ случаѣ заводчики обязаны были отвезти ихъ на родину, тѣхъ же, которые обучились какому-нибудь мастерству, они могли оставить у себя, уплативъ по 50-ти руб. за каждого. Непомнящихъ родства приказано было записать въ подушный окладъ на заводахъ.

Въ 1732 г. велѣно было вновь переписать мастеровыхъ и рабочихъ на сибирскихъ заводахъ Акинфія Демидова, сѣрнѣе при этомъ съ переписью Сонцева, и за все время пребыванія ихъ тамъ взыскать подушныя деньги и рекрутъ. Однако въ слѣдующемъ году, по просьбѣ Демидова, было разрѣшено рекрутъ не брать изъ опасенія, чтобы мастеровые и рабочіе не разбѣжались къ башкирцамъ и калмыкамъ, а подушныя деньги взыскивать по прежнимъ рѣшеніямъ сената. По новой переписи, произведенной полковникомъ Толбузинымъ, всего пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи оказалось 2,604 чел., за которыхъ и было взыскано подушныхъ денегъ съ 1724 по 1733 гг. болѣе 23,000 руб. Послѣ изданія указа 4 января 1736 г., по просьбѣ Акинфія Демидова, императрица привазила синодальныхъ, монастырскихъ и государственныхъ крестьянъ, которые оказались на его заводахъ по новой переписи и научились мастерству, оставить тамъ вѣчно съ тѣмъ, чтобы Демидовъ платилъ за нихъ семи-гривенную подушную подать и четырехгривенный оброчный сборъ. Что касается помѣщичьихъ крестьянъ, то взаменъ ихъ Демидовъ долженъ былъ отдать ихъ владѣльцамъ людей изъ своихъ вотчинъ, а вѣрнопослушныхъ, пришедшихъ позже, слѣдовало непременно возвратитъ помѣщикамъ, впрочемъ безъ уплаты пожилыхъ денегъ. Съ мастеровыхъ, находившихся всегда въ работѣ, рекрутъ велѣно было не брать.

Наплывъ бѣглыхъ на уральскіе и сибирскіе заводы продолжался и послѣ того. Въ 1746 г. сенатъ приказалъ оставить навсегда на пермскихъ и сибирскихъ заводахъ непомнящихъ родства. Именной указъ 1754 г., которымъ было велѣно бѣглыхъ людей и крестьянъ, не прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ никакими правительственными распоряженіями, вывести съ нихъ на прежнія жилища, — возбуждалъ недоумѣніе въ мѣстной администраціи. Канцелярія главнаго правленія заводовъ заявила, что на казенныхъ и частныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводахъ было пришлыхъ послѣ первой ревизіи вмѣстѣ съ непомнящими родства болѣе шести тысячъ душъ и спрашивала, что съ ними дѣлать ¹⁾. Хотя предшествовавшія постановленія были совершенно ясны, однако, для устраненія впредь всякихъ недоразумѣній, сенатъ подтвердилъ, чтобы на всѣхъ «партикулярныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводахъ, какъ непомнящимъ родства и незаконнорожденнымъ, такъ изъ пришлыхъ всякаго званія отданнымъ къ тѣмъ заводамъ, чьи-бъ они ни были, людямъ, которые бывшему послѣднему генеральной ревизіею... въ подушный окладъ при тѣхъ заводахъ написаны, и по окончаніи той ревизіи приписные и отлучные губернскими и воеводскими канцеляріями по силѣ той же инструкціи и указовъ приписаны и въ окладныя книги внесены, онымъ въ силѣ того Е. И. В. мая 13 дня 1754 г. указа быть при тѣхъ заводахъ... вѣчно неотъемлемымъ и при тѣхъ заводахъ ихъ селить и въ заводскія мастерства и работы употреблять равно какъ крѣпостныхъ и купленныхъ своихъ».

Отдача на заводы при Екатеринѣ II-ой послѣ манифеста 1762 г., запретившаго ихъ владѣльцамъ покупать крестьянъ, почти совершенно прекратилась. Говоримъ — почти, такъ какъ были все-таки случаи записки разныхъ гулящихъ людей по ихъ собственному желанію; но, впрочемъ, правительство признавало ихъ государственными, а не «вѣчно-отданными» къ фабрикамъ крестьянами. Такъ, наприм., сенатъ получилъ извѣстіе о нѣкоторыхъ случаяхъ отдачи на вятскіе заводы уже при Екатеринѣ II-ой непомнящихъ родства и незаконнорожденныхъ: къ заводамъ Масалова было приписано 30, а Саввы Яковлева 23 д., по собственнымъ желаніямъ этихъ людей и на основаніи прежнихъ указовъ, которыми это было дозволено. Такъ какъ въ манифестѣ 1762 г. не было точнаго постановленія о томъ, чтобы не приписывать къ заводамъ незаконнорожденныхъ и непомнящихъ

¹⁾ На частныхъ заводахъ оказалось пришлыхъ людей 4,496 д. По вѣдомости, составленной бергъ-коллегіею въ 1768 г., на частныхъ заводахъ было пришлыхъ, непомнящихъ родства и т. п. 12,188 д.

родства, и такъ какъ до 1775 г. не было указовъ, запрещавшихъ записывать вольныхъ людей за кѣмъ-либо въ подушный окладъ, то сенатъ рѣшилъ оставить приписанныхъ къ заводамъ Масалова и Яковлева при нихъ неотъемлемыми, «однакоже не иначе какъ на общемъ положеніи о всѣхъ приписныхъ къ заводамъ государственныхъ крестьянахъ». Въ это время въ вятской губерніи производились и другія подобныя же дѣла о незаконнорожденныхъ, всего 127 душамъ, которыя безъ сомнѣнія были затѣмъ рѣшены такимъ же образомъ.

Что касается уплаты податей, то правительство долго колебалось, взыскивать ли съ вѣчно-отданныхъ одинъ подушный окладъ или также и оброчныя деньги. Въ 1723 г. отданныхъ на фабрики не велѣно было записывать въ подушный окладъ; при отдатѣ по указу 1736 г. разныхъ людей на заводы Ак. Демидова велѣно было ему платить за нихъ семигривенныя подушныя деньги и четырехгривенный оброкъ, но затѣмъ при производствѣ второй ревизіи, мастеровыхъ и рабочихъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ предписано было положить въ одинъ семигривенный окладъ. Однако и послѣ того на заводахъ Никиты Демидова не только записанные по первой ревизіи, но и отданные по переписямъ Толбузина и другихъ числились не въ одномъ семигривенномъ, а и въ четырехгривенномъ окладѣ (только купленные заводчикомъ платили однѣ подушныя деньги); на юговскихъ заводахъ Чернышова въ 60-хъ годахъ мастеровые платили по 1 р. 70 к. съ души. Вопросъ о томъ, какія подати взыскивать съ вѣчно-отданныхъ былъ окончательно разрѣшенъ сенатомъ только въ 1777 г., когда было велѣно собирать съ нихъ одинъ семигривенный подушный окладъ и не требовать оброчнаго сбора. На основаніи правительственныхъ указовъ можно было бы подумать, что подати платилъ за мастеровыхъ заводчикъ, но онъ былъ только отвѣтственнымъ лицомъ за исправное отбываніе ими денежныхъ повинностей; дѣйствительными же плательщиками были они сами, — это видно какъ изъ ихъ наказовъ, такъ и изъ слѣдующаго заявленія мастеровыхъ Демидова.

Въ 1747 г. на имя старостъ невьянскаго, бынговскаго и шуралинскаго заводовъ было получено извѣщеніе, что съ нихъ слѣдуетъ взыскать за прописныхъ, утаенныхъ и неположенныхъ въ подушный окладъ съ 1724 г. подушныхъ, рекрутскихъ и лошаднаго сбора около 9-ти тысячъ руб. Въ теченіи 1747 г. часть этихъ денегъ была внесена мастеровыми, но такъ какъ остальной тысячи рублей, по бѣдности рабочихъ, взыскать было

невозможно, то неплательщики содержались подъ карауломъ по крайней мѣрѣ полъ-года, если не болѣе. Затѣмъ было предписано пополнить всю недоимку въ теченіи трехъ дней. Присланный съ этой цѣлью изъ губернской канцеляріи сибирскій дворянинъ Теофиловъ, по словамъ мастеровыхъ «чинилъ намъ... не малые налоги и обиды и разоренія: держалъ подъ карауломъ старосту и сотниковъ неоднократно не малое число человѣкъ безъ выпуска безвинно и мучилъ тирански въ цѣпяхъ; да иъ насъ же употреблялъ и посылалъ на караулъ для содержанія преднаписанныхъ неплательщиковъ, при тѣхъ же всѣхъ его Демидова заводахъ по многomu числу человѣкъ». Однажды Теофиловъ пришелъ въ домъ, гдѣ содержались подъ карауломъ сотники, и какъ ихъ, такъ и старосту «билъ смертельными побоями плетями, не приѣмля отъ нихъ правдивыхъ представленіевъ... отъ которыхъ... побой лежали нѣсколько времени въ скорбяхъ своихъ». Теофиловъ распоряжался такимъ образомъ, и не показавъ даже крестьянамъ данной ему инструкціи; кромѣ того, онъ бралъ со старосты и сотниковъ «не малые взятки» — «А мы», — продолжали челобитчики, — «въ платежу... за прописныхъ, утаенныхъ во время подушной переписи 1722 г., денегъ не виновны, ибо оныя пришлы на его г. Демидова заводы приниманы и держаны были имъ Демидовымъ, такъ и прикащиками его употреблялись въ разныя заводскія работы... для его Демидова прибытку и пользы... и намъ оныя пришлы никакихъ подѣлокъ и работъ не работали, и никакого способу не чинили... и такъ насъ... разорили напрасно, отчего пришли... въ крайнюю нищету и скудость». Этотъ документъ наводитъ на мысли, что даже тѣ деньги, которыя заводчики должны были внести по указу 1736 г. и уплата которыхъ служила главнымъ основаніемъ ихъ правъ на «вѣчно-отданныхъ» людей, вносились не самими заводчиками, а разлагались на мастеровыхъ.

Крайне тяжелое экономическое положеніе вѣчно-отданныхъ къ заводамъ ясно видно изъ челобитной, поданный кн. Вяземскому мастеровыми невьянскаго завода. Такъ, напр., при рубкѣ куренныхъ дровъ каждому полагалось вырубить 41 сажень; но мастеровые находили это совершенно невозможнымъ, такъ какъ съ дровосѣва ихъ посылали еще на другую работу — ломать кучи, вовать желѣзо на пристань, косить сѣно; поэтому имъ приходилось вмѣсто себя нанимать для рубки дровъ постороннихъ людей и платить имъ не по 24 коп., какъ получали сами, а по 35-ти и 40 коп. Когда наставало время складывать кучи на дровосѣбѣ, то каждому рабочему полагалось снести отъ семи до де-

сити кучъ съ платою по рублю за каждую; мастеровые же, отвлекаемые другими работами, платили за это вольнонаемнымъ по 2 и болѣе руб. за кучу. Осыпщики кучъ заставляли ежегодно исполнять слѣдующую работу: каждому полагалось осыпать по три и по четыре вучи, да выломать полъ-кучи, вывезть на шойтанскую пристань отъ 300 до 400 пудовъ желѣза, привезти на заводъ по 50—80 вербововъ угля. По окончаніи осыпки, ломки и возки угля, а также доставки желѣза на пристань, тѣхъ же рабочихъ отправляли на стругахъ съ чугуномъ и желѣзомъ до пригорода Лашева (казанской губ.), а также они косили сѣно для Демидова. Если и послѣ того оставалось свободное время, ихъ посылали на поденныя заводскія работы. Насколько недостаточна была плата, ими получаемая, видно изъ того, что за осыпку и ломку кучъ имъ давали по 90 коп., а они платили отъ себя наемнымъ по 2 и по 3 р. Стариковъ приращники Демидова посылали безъ всякой платы въ ночные караулы. Попытка мастеровыхъ жаловаться въ канцелярію главнаго заводскаго правленія кончилась только тѣмъ, что челобитчики, захваченные служителями Демидова, просидѣли подъ арестомъ въ кандалахъ шесть недѣль.

Понятно, что когда на другихъ уральскихъ заводахъ начались волненія, то и мастеровые невьянскихъ заводовъ не остались покойными. Въ ноябрѣ 1762 г. они прекратили заводскія работы, устроили у себя мірскую избу, устраивали многочисленные сходки, и заявили, что впредь будутъ зарабатывать только подушный окладъ. Извѣстіе объ этомъ волненіи мало обезпечило Прок. Демидова; зная, какъ нуждаются мастеровые въ деньгахъ, онъ былъ увѣренъ, что нужда скоро заставитъ ихъ приняться за работу. «Пишете, что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ крестьянъ, отъ работъ отказались», настаивалъ онъ своихъ дѣтей изъ Москвы въ январѣ 1763 г.: «о томъ я жалѣю, и хоша они совсѣмъ работать не стануть, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить на нихъ не велѣтъ; а какъ они проживутся, тогда работать охотно стануть. Да отъ всемилостивѣйшей государини для противниковъ посланъ генералъ, и ежели близко прибудетъ, то приращникамъ, а когда случится и вамъ его превосходительства просить, чтобы съ ними, ежели возможно, до разоренія не доводить, развѣ отъ нихъ какія будутъ безчеловѣчности, въ такомъ случаѣ просить защищенія... Токмо главныхъ къ тому заводчиковъ—безо всякой милости учинить съ ними надлежитъ, понеже они столько народу къ разоренію приводятъ. Ежели работные люди стакаются, то отъ нихъ заводчи-

ковъ требовать... а ежели не дадутъ, то что же дѣлать! Въ такомъ случаѣ воля милостивой государыни, какъ изволитъ генералъ, съ тѣмъ онъ отъ Е. В. посланъ, то съ ними и учинить. Правда, намъ остановка и ущербъ въ народѣ быть можетъ,—да знать за грѣхи наши Богъ такъ благословилъ». Вмѣстѣ съ этимъ Демидовъ послалъ рабочимъ письменный приказъ, который велѣлъ отдать имъ въ руки, а копіи съ него прибить на заводѣ въ разныхъ мѣстахъ. Но такъ какъ волненіе все не унималось, то въ іюнѣ 1763 г. заводское управленіе просило Вяземскаго привести въ послушаніе мастеровыхъ и «самовольно учрежденную ихъ земскую для безразсудныхъ ихъ собраній избу, которой до сего никогда не бывало, уничтожить». По усмиреніи ихъ Вяземскій нивого не подвергъ наказанію, такъ какъ имъ не было прежде объявлено, что они навсегда отданы къ заводу, земскую же мірскую избу приказалъ уничтожить.

Жалобы невьянскихъ мастеровыхъ остались безъ всякаго удовлетворенія. На основаніи указа 30 декабря 1755 г., и такъ какъ Демидовъ уже уплатилъ за вѣчно-отданныхъ ему деньги, назначенныя указомъ 7 января 1763 г., болѣе 12 т. руб. (хотя, повидимому, эти деньги были внесены мастеровыми), Вяземскій призналъ, что написанные по переписи Толбузина и слѣдующимъ затѣмъ переписямъ приплыи и незаконнорожденные утверждены при заводѣ «равно яко крѣпостные и купленные и вѣлно быть при тѣхъ заводахъ вѣчно, посему имъ считать себя... крѣпостными и ни въ какія противности, тѣмъ менѣе непослушаніе не входить, въ противномъ случаѣ съ нами всегда поступлено будетъ, какъ о крѣпостныхъ крестьянѣхъ Е. И. В. указы повѣлываютъ неослабно». Мало того, признавъ, что они должны находиться въ одномъ положеніи съ крѣпостными, Вяземскій нашелъ, что не слѣдуетъ даже разсматривать жалобъ, заявленныхъ ими въ челобитной, такъ какъ «отъ крѣпостныхъ крестьянъ на помѣщиковъ по высочайшимъ Е. И. В. законамъ никакихъ прошеній принимать и суда давать не вѣлно». Такое постановленіе было совершенно несправедливо, такъ какъ въ немъ было упущено изъ виду различіе между крѣпостными и посессионными крестьянами, и оно шло въ разрѣзъ съ практикою мануфактуръ-коллегіи, которая всегда принимала жалобы отъ фабричныхъ мастеровыхъ на ихъ хозяевъ.—Такое же рѣшеніе относительно вѣчно-отданныхъ Вяземскій постановилъ на нижнетагильскомъ заводѣ Никиты Демидова и юговскомъ и курашинскомъ заводахъ Осокина.

Иначе рѣшено было относительно вѣчно-отданныхъ на вос-

кресевскомъ заводѣ Твердышева. Въ своей челобитной они заявили, что записаны были прежде въ подушный окладъ въ одной слободѣ оренбургской губерніи, — со второй же ревизіи поселились при воскресенскомъ заводѣ, гдѣ и работали за извѣстную плату. Въ 1758 г. Твердышевъ подалъ прошеніе, чтобы ихъ, какъ обучившихся на его заводѣ всякимъ мастерствамъ, отдать ему въ вѣчное владѣніе съ тѣмъ, что онъ будетъ платить за нихъ подушныя подати. Съ этого времени Твердышевъ сталъ считать ихъ своими крѣпостными и постоянно посылать ихъ на работу, и хотя они и получали за то плату, но считали для себя обременительными непрерывныя заводскія работы. Оказалось, что сенатскимъ указомъ 1758 г. 127 д. изъ непомнящихъ родства было отдано Твердышеву въ вѣчное владѣніе, поэтому Вяземскій призналъ, что они должны всегда числиться при заводѣ, но такъ какъ въ указѣ не было сказано, что ихъ слѣдуетъ считать «равно съ крѣпостными» и не вѣльно было внести за нихъ указную плату, то Вяземскій приказалъ считать ихъ вѣчно-отданными къ заводу, но не крѣпостными. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ, что въ дѣйствіяхъ заводской конторы относительно ихъ не было ничего противозаконнаго: они не были обременены, по его мнѣнію, лишними работами и получали установленную плату, то, слѣдовательно, и послѣ того они должны были постоянно находиться на работѣ, т.-е. быть въ одинаковомъ положеніи съ вѣчно-отданными.

Положеніе крестьянъ, *кулачныхъ* къ горнымъ заводамъ ¹⁾ было также крайне тяжелое; непосильныя работы и всевозможныя встязанія доводили иногда такихъ крестьянъ до самаго отчаяннаго сопротивленія. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно волненіе, бывшее въ 1752 г. въ Ромодановской волости (калужской провинціи), купленной отцомъ Евдокима Демидова, къ тамошнимъ желѣзодѣлательнымъ заводамъ. Не останавливаясь на немъ подробно, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ событіи уже были сообщены въ печати, мы упомянемъ только для сравненія съ уральскими волненіями, что ромодановскіе крестьяне встрѣтили сочувствіе въ окрестныхъ мѣстахъ, такъ что ихъ собралось около 3-хъ тысячъ человекъ ²⁾; у нихъ были пушки и значительное количество ружей. Произошла весьма ожесточенная схватка съ

¹⁾ Ихъ числилось въ 1769 г. — 45,543 души.

²⁾ Передъ этимъ было волненіе крестьянъ, купленныхъ Гончаровымъ къ парусной и бумажной фабрикѣ въ малоярославецкомъ уѣздѣ. Посланную противъ нихъ команду крестьяне встрѣтили вооруженною толпою въ 800 чел., разбили ее и отняли пушки. Только присланные затѣмъ три полка могли ихъ усмирить, благодаря артиллеріи.

высланнымъ для ихъ усмиренія отрядомъ въ 500 чел.; изъ крестьянъ было убито 59, ранено 42 чел.; 9 офицеровъ и 188 рядовыхъ получили легкія раны. Правительственный отрядъ былъ разбитъ и даже предводитель его, полковникъ Олицъ, взятъ въ плѣнъ. Замѣнившій его полковникъ Хомяковъ былъ обвиненъ сенатомъ въ томъ, что недостаточно энергично усмиралъ крестьянъ, и былъ замѣщенъ генералъ-маіоромъ Опочининымъ. Последнему удалось, наконецъ, захватить изъ возмущившихся крестьянъ 674 чел., главные зачинщики были сосланы въ Сибирь на желѣзодѣлательные заводы Демидова, а жалобы на мучительства со стороны заводчика объявлены выдуманными, такъ какъ многіе мастеровые и рабочіе показали противное. Но несомнѣнно, что положеніе крестьянъ должно было быть крайне тяжело, если они, уже послѣ того какъ выдержали кровавый бой съ Олицемъ, кричали при новой стычкѣ съ войсками Хомякова: «мы Е. И. В.—ву не противимся, да смерть себѣ отъ Демидова видимъ и въ руки къ нему не идемъ».

Въ 1762 г. было запрещено покупать крестьянъ къ заводамъ, но, какъ мы уже видѣли, заводчики старались иногда обходить это запрещеніе. Примѣромъ того, какъ дѣйствовали они въ подобномъ случаѣ, можетъ служить слѣдующее дѣло. Въ 1773 г. тайный совѣтникъ Всеволожскій, купивъ у княгини Бѣлосельской Пожевскій доменный и мѣднoplавильный заводъ въ пермской губерніи, просилъ бергъ-коллегію, чтобъ ему было дозволено построить тамъ молотовую фабрику и приписать къ этому заводу изъ собственныхъ его пермскихъ деревень—5,228 душъ. Въ виду запрещенія покупать крестьянъ къ фабрикамъ, бергъ-коллегія должна была отказать Всеволожскому въ его просьбѣ, однако же она изъявила на нее согласіе. Между тѣмъ, вся эта приписка была сдѣлана, какъ видно, только для того, чтобы потомъ перепродать этихъ крестьянъ съ заводомъ другому лицу. Въ слѣдующемъ же году Всеволожскій обратился въ бергъ-коллегію за разрѣшеніемъ продать Походяшину изъ Пожевскаго завода три части съ мастеровыми и рабочими (3,900 душъ). Несмотря на то, что раздроблять заводы и фабрики было не велѣно, бергъ-коллегія опять-таки это дозволила. Такимъ образомъ, Походяшинъ приобрѣлъ совершенно незаконно около 4,000 душъ крестьянъ и вслѣдъ за тѣмъ, подъ предлогомъ, что въ пожевскомъ заводѣ руда плохого качества, просилъ дозволенія перевести вновь приобретенныхъ имъ крестьянъ на его верхотурскіе заводы. Извѣстно, что посессионные крестьяне составляли неотъемлемую принадлежность того завода, при которомъ они числились; но

бергъ-коллегія нарушила этотъ основной законъ, согласившись на переселеніе, о которомъ просилъ Походяшинъ. Однимъ словомъ, она совершила дѣльный рядъ беззаконій, и крестьянамъ оставалось только самимъ постоять за себя. Когда Походяшинъ началъ приводить въ исполненіе задуманное имъ переселеніе, проданные ему крестьяне, жившіе въ соликамскомъ уѣздѣ, послали выборныхъ къ казанскому губернатору, кн. Мещерскому, съ жалобою, что ихъ переселяютъ съ семействами, не давая даже возможности снять посѣянный хлѣбъ и продать скотъ и дома; они просили, по крайней мѣрѣ, дать имъ возможность убрать съ полей хлѣбъ. Губернаторъ отослалъ ихъ домой съ приказаніемъ безусловно повиноваться помѣщику. Однако, тѣ рѣшились бороться, и жители двухъ селъ, числомъ до 500 ч., собрались вооруженные ружьями, луками и рогатинами. На увѣщанія прапорщика Тихонова, посланнаго къ нимъ съ отрядомъ въ 30 человекъ, они отвѣчали, что послушаются только указа, подписаннаго самою государынею. По возвращеніи его губернаторъ отправилъ уже большой отрядъ, и могло бы произойти кровавое столкновеніе, если бы сенатъ, извѣщенный губернаторомъ обо всемъ случившемся, не приказалъ оставить крестьянъ на прежнемъ мѣстѣ до окончательнаго разъясненія этого дѣла. Хотя сенатъ немедленно потребовалъ отъ бергъ-коллегіи объясненія, почему она дозволила продажу крестьянъ отдѣльно отъ завода и ихъ переселеніе, однако дѣло затянулось почему-то на 12 лѣтъ, и только въ 1789 г., когда бергъ-коллегія уже была уничтожена, дѣйствія этого учрежденія были признаны совершенно незаконными. Указомъ 1721 г. велѣно было тѣхъ, кто изъ купленныхъ къ заводамъ крестьянъ отдѣльно отъ нихъ кому-либо продастъ, лишить всего безповоротнo, тѣхъ же, кто будетъ устроить заводы только «для лица», чтобы подъ этимъ предлогомъ купить у кого-нибудь деревни, наказывать по разсмотрѣнію отнятіемъ всего имѣнія. На основаніи этого закона, сказано было въ именномъ указѣ государыни, «Походяшинъ и Всеволожскій подвергали себя лишенію вѣчно первый купленныхъ имъ изъ Пожевскаго завода трехъ частей, а послѣдній—оставшейся за нимъ четвертой части», но такъ какъ при рѣшеніи этого дѣла она желала «соединить судъ праведный съ милостію», то приказала: 1) «учиненные по незаконному позволенію бывшей бергъ-коллегіи приписку Всеволожскимъ въ Пожевскому его заводу трехъ частей и изъ оныхъ переводъ Походяшинымъ на верхотурскіе его заводы людей уничтожить и все сіе дѣло поставить въ первобытное его состояніе; 2) данную отъ Всеволожскаго Похода-

шину купчую, за умертвiемъ сего послѣдняго, отобрать у наслѣдниковъ его, и 3) взятыя по той купчей Всеволожскимъ отъ Походянина деньги, взяскать съ Всеволожскаго... отдать наслѣдникамъ Походянина» ¹⁾).

Было бы весьма интересно опредѣлить, сколько часовъ въ сутки работали горные мастеравые. По адмиралтейскому регламенту полагалось съ 10 марта по 10 сентября работать отъ 12½ до 13½ часовъ въ сутки, а въ остальное время работа должна была начинаться за часъ до восхожденiя солнца, кончатся черезъ часъ, и днемъ отдыха одинъ часъ. Въ регламентѣ, утвержденномъ бергъ-коллегiею, «какъ содержать звонъ при горномъ и плавильномъ дѣлѣ» (1725 г.), предписано было звонить на работу въ четыре часа утра, съ одиннадцати до двѣнадцати полагался отдыхъ, а затѣмъ звонили въ четыре часа пополудни: «тогда будетъ шикта и смѣна людямъ, а особливо въ плавильняхъ». Это постановленiе менѣе опредѣленно; какъ видно, въ нѣкоторыхъ производствахъ, работа продолжалась болѣе, но общимъ правиломъ признается одиннадцатичасовой трудъ. — По субботамъ бергъ-коллегiя предписала отпускать рабочихъ на основанiи уложенiя за три часа до вечера. Соблюдались ли эти правила относительно мастеровыхъ на частныхъ заводахъ, мы сказать не можемъ, но увидимъ ниже, что въ первые годы XIX-го вѣка на поссессионныхъ заводахъ, состоявшихъ въ вѣдѣнiи мануфактуръ-коллегiи, всего чаще рабочiй день равнялся двѣнадцати часамъ.

Что касается размѣровъ рабочей платы, то, сверхъ нѣкоторыхъ уже приведенныхъ данныхъ, намъ извѣстно, что на Ягошихинскомъ и другихъ заводахъ М. Л. Воронцова мастеравые получали въ 1766 — 67 годахъ почти ту же годовую плату, какая была положена по заводскому штату 1737 г.: мастеръ отъ 30 до 40 р., всего чаще по 38 руб. въ годъ, плавильщикъ 27, засыпщикъ отъ 18 до 20 руб., таскальщикъ 16 руб., закомплектные рабочiе обыкновенно 12 руб. въ годъ. Въ концѣ XVIII вѣка на юговскомъ заводѣ Осокина первый мастеръ при плавкѣ мѣди получалъ 60 руб. въ годъ, второй 30 руб., подмастерья по 5 коп. съ пуда выплавляемой мѣди, а работники по 9 коп. въ день.

¹⁾ Въ вятской губ. была попытка продать крестьянъ на заводъ подъ видомъ залогов. Подпоручикъ Веригинъ заложилъ 8 душъ сыну заводчика Масалова, которые и были отданы послѣднимъ на заводъ. Но такъ какъ впослѣдствiи была совершена купчая на продажу этихъ людей поручику Масалову, который по своему чину могъ ими пользоваться, то наистиническое правленiе отписало ихъ отъ заводоу и утвердило въ качествѣ дворовыхъ Масалова.

Относительно того, имѣли ли право мастеровые требовать вознагражденія за то время, когда на заводѣ прекращались работы не по ихъ винѣ, повидимому не существовало опредѣленнаго правила; есть только одна резолюція кабинета 1735 г., касающаяся этого вопроса. Демидовъ просилъ, чтобъ во время остановки завода, а также въ случаѣ болѣзни мастеровыхъ—жалованья имъ не платить, ибо до сего времени, писалъ онъ: «оного платежа не бывало и въ томъ жалобы ни отъ кого не происходило». Въсто того, чтобъ такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ, кабинетъ предоставилъ его взаимному соглашенію мастеровыхъ и заводчиковъ, хотя о свободномъ соглашеніи тутъ не могло быть и рѣчи. «Когда отъ мастеровыхъ людей», объявилъ кабинетъ Татищеву, «о томъ жалобы не происходятъ, то во оное и вступаться не надлежало, но оставить ихъ заводчиковъ волѣ съ оными мастеровыми людьми поступать, какъ они сами съ ними согласятся». А мануфактуръ-коллегія смотрѣла на это иначе и, какъ мы видѣли выше, признавала право фабричныхъ мастеровыхъ на вознагражденіе за прогульные дни по винѣ фабриканта.

Попытка Татищева ввести на заводахъ обязательное обученіе дѣтей мастеровыхъ также окончилась неудачно. Демидовъ просилъ кабинетъ, «чтобы обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать, повележе такого возраста многія заводскія работы исправляютъ, и при добычѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ носить руду на ножеги и въ прочихъ легкихъ работахъ и у мастеровъ въ наукахъ бываютъ». Кабинетъ рѣшилъ, чтобы на частныхъ заводахъ учили дѣтей читать и писать только желающихъ, «а кто изъ нихъ пожелаетъ вступать въ прочія науки, такихъ учить при казенныхъ заводахъ». Такимъ образомъ, на заводахъ Демидова уже въ то время былъ настолько развитъ трудъ дѣтей въ возрастѣ ниже 12-ти лѣтъ, что заводчикъ нашелъ для себя невыгоднымъ ихъ обязательное обученіе.

IV.

Поссессионные крестьяне на суконныхъ фабрикахъ.—Обязательства, связанныя съ владѣніемъ поссессионными суконными фабриками.—Подати и повинности суконниковъ.—Ихъ бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.—Казанскіе суконники и мастеровые «большого суконнаго двора» въ Москвѣ въ послѣдніе годы XVIII столѣтія.—Волненія мастеровыхъ въ 1749 и 1762 году.

Настоятельная потребность въ сукнѣ для обмундированія арміи издавна заставляла правительство заботиться объ увеличеніи числа суконныхъ фабрикъ. Петръ Великій, поступавшій энергически вездѣ,

гдѣ того требовали государственныя нужды, считалъ возможнымъ обратить производство суконъ такъ-сказать въ обязательную повинность для купечества. «Заводъ суконный размножить не въ одномъ мѣстѣ», писалъ онъ въ указѣ 1712 г., «такъ чтобы въ пять лѣтъ (т.-е. черезъ пять лѣтъ) не покупать мундиру заморскаго, а именно чтобъ не въ одномъ мѣстѣ завести, а заведчи, дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, *буде волею не похотятъ, хотя въ неволю*, а за заводъ брать деньги погодно съ легостію, дабы ласково имъ въ томъ дѣлѣ промыслять было». И дѣйствительно, въ 1720 г. государь приказалъ составить торговую компанію, въ которой приняли участіе купцы разныхъ городовъ, и ей былъ переданъ казенный суконный заводъ въ Москвѣ, съ мастерами и ссудою въ 30,000 р. на три года. Разрѣшенія покупать деревни къ фабрикамъ въ то время еще не существовало (оно было дано въ слѣдующемъ году) и для пополненія рабочаго контингента на этой суконной фабрикѣ, компанія было разрѣшено принимать въ ученики только свободныхъ людей, которыхъ не слѣдовало держать на ней болѣе семи лѣтъ. Если же ученикъ до истеченія условеннаго срока сойдетъ на другой заводъ или куда бы то ни было, то такого велѣно было ловить какъ бѣглаго и возвращать компанейщикамъ, а за держаніе такихъ людей взыскивать штрафу по 100 р. Размѣръ денежной платы былъ предоставленъ соглашенію обѣихъ сторонъ.—И въ другихъ случаяхъ Петръ передавалъ казенныя суконныя фабрики въ частное владѣніе. Такъ, напр., казанскую фабрику онъ передалъ въ 1724 г. тамошнему богатому купцу Микляеву ¹⁾. Въ 1726 г., уже по смерти Петра Великаго, тавровская казенная фабрика, воронежской губерніи, была также безденежно отдана въ «вѣчное содержаніе» компаніи изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ дворянъ и купцовъ—съ обязательствомъ увеличить размѣры фабрики съ 20-ти до 50 становъ и поставлять сукна въ военную коллегію.

Но, несмотря на содѣйствіе и поощреніе со стороны правительства, суконная промышленность развивалась сначала довольно туго, и потому въ 1734 г. императрица Анна нашла нужнымъ вновь вызывать особымъ именнымъ указомъ людей «всякаго чина», кромѣ однако крестьянъ, къ устройству суконныхъ фабрикъ компаніями; желающіе завести ихъ приглашались въ сенатъ для предьявленія своихъ условий, и имъ были обѣщаны не только

¹⁾ По смерти его фабрика была передана его вдовѣ и поручена въ управленіе ея брату, Дрابلкову.

денежныя ссуды, но и другія привилегіи. Заботиться о размноженіи суконныхъ фабрикъ должны были и военная коллегія, и кригсъ-коммиссаріатъ, и коммерцъ-коллегія, въ вѣдѣніи которой онѣ тогда состояли; для арміи должны были приниматься сукна мѣстнаго издѣлія предпочтительно передъ иностранными. Не запрещалось, разумѣется, заводить суконныя фабрики и безъ всякаго вспомошествованія отъ казны, но на это едва-ли въ то время находились охотники; всякій не прочь былъ отъ денежной ссуды и разныхъ льготъ, если онѣ такъ охотно предлагались.

Указъ 7 января 1736 г., закрѣпившій за фабриками находившихся на нихъ мастеровыхъ, послужилъ, конечно, къ выгодѣ и суконныхъ фабрикантовъ. Внеся деньги, опредѣленные этимъ указомъ, фабрикантъ имѣлъ право на полученіе владѣнной записи на своихъ мастеровыхъ. Изъ записи, выданной въ 1755 г. владѣльцу казанской суконной фабрики Драблову, видно, какъ разнообразенъ былъ составъ заводскаго населенія: тутъ были и крестьяне государственные, монастырскіе и помѣщичьи, и дѣти церковниковъ, и подъячіе, и иностранцы, и даже изъ купечества; всего же болѣе на фабрикѣ Драблова, болѣе половины всего числа, было солдатскихъ дѣтей. Въ воронежской губерніи фабриканты захотѣли было пополнить число своихъ мастеровыхъ и однодворцами, но такъ какъ послѣдніе должны были нести военную службу и содержать ландмилицію, то правительство этому воспротивилось: въ 1740 году велѣно было переписать всѣхъ работниковъ на фабрикахъ воронежской губерніи, выслать съ нихъ всѣхъ однодворцевъ и впредъ запретить фабрикантамъ принимать ихъ подъ угрозою жестокаго штрафа. Несмотря на то, еще въ 1754 г. оказалось, что въ воронежской губерніи около ста однодворцевъ, опредѣленныхъ прежде мастерами на казенную ливедкую суконную фабрику, находились теперь вмѣстѣ съ нею во владѣніи частныхъ лицъ. Они также были отчислены отъ фабрики, высланы на прежнее мѣсто жительства и надѣлены достаточнымъ количествомъ земли.

Передача казенныхъ фабрикъ во владѣніе частнымъ лицамъ продолжалась и при Елизаветѣ Петровнѣ. Казенная путиловская фабрика была передана московскому купцу Козымъ Матвѣеву «въ вѣчное потомственное владѣніе» съ мастерами и рабочими людьми и «со всѣми принадлежностями: съ селы и деревнями, съ людьми и съ крестьянами, съ землями и со всѣми угодья, съ строеніемъ и мельницами, не исключая ничего, но все то, что нынѣ находится въ вѣдомствѣ при той фабрикѣ вѣчно». Помѣщичьи доходы, которые Матвѣеву предстояло получать съ этихъ

крестьянъ, онъ долженъ былъ вносить въ казну сукномъ и каразеями ¹⁾ по указной цѣнѣ. Онъ обязывался на основаніи заключеннаго съ нимъ контракта расширить производство и обѣщаль поставлять въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по 30,000 и затѣмъ по 50,000 аршинъ въ годъ, разумѣется, за извѣстную плату ²⁾. За несоблюденіе условій, заключенныхъ съ правительствомъ, фабрика отбиралась и передавалась другому. Такъ, напр., липецкая суконная фабрика, находившаяся въ содержаніи иноземца Аріольта, передана была Постовалову вмѣстѣ съ рабочими, причѣмъ ему были еще безденежно переданы мастеровые, отобранные у двухъ фабрикантовъ «за неразмноженіе ихъ суконныхъ фабрикъ»; кромѣ того, дана необходимая для построекъ казенная земля и дозволено купить до 50-ти дворовъ крестьянъ, которые должны были бы употребляться исключительно въ фабричныя работы. За это полагались обычные обязательства: ставить за опредѣленную плату въ первое время не менѣе 30 тысячъ аршинъ сукна, а затѣмъ и болѣе.

Въ концѣ 1790 года императрица Екатерина, чтобы устранить недостатокъ суконъ для войска, приказала подробно разсмотрѣть состояніе суконныхъ фабрикъ. Владѣльцы фабрикъ, заведенныхъ частными людьми на свой собственный счетъ, — говорить Екатерина въ именномъ указѣ сенату, — должны пользоваться полною свободою относительно продажи выдѣлываемыхъ на нихъ суконъ; но есть другія фабрики, на устройство которыхъ даны были деньги или къ нимъ приписаны крестьяне, или которыя, основанныя на казенный счетъ, отданы были въ содержаніе частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы съ нихъ поставлялось сукно на войско; всѣ «таковыя фабрики», — сказано было въ указѣ, — «хотя бы владѣльцы ихъ уже были теперь люди чиновные и пріобрѣли ихъ покупкою или инымъ законнымъ образомъ, но первобытнаго состоянія и обязанности своей перемѣнить не могутъ». Императрица поручила сенату собрать о нихъ свѣдѣнія и позаботиться о томъ, чтобы съ фабрикъ выставлялось количество суконъ, соотвѣтственное числу принадлежащихъ къ нимъ душъ. Если же окажется, что нѣкоторые изъ нихъ запущены, а приписанные къ нимъ люди обращены на

¹⁾ Каразей — рѣдкая и грубая шерстяная ткань... на подкладку подъ сукно". (Словарь Даля).

²⁾ Въ 1759 г. была пожалована князю Юсупову казенная суконная фабрика въ селѣ Рашахѣ, полтавской губерніи, со всѣми мастерскими и приписаннымъ къ ней селомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ для развитія и улучшенія производства выписалъ голландскихъ овецъ и постепенно довелъ поставку суконъ до 80 т. аршинъ въ годъ.

постороннія работы, то необходимо, чтобы хозяева восстановили их, — въ противномъ случаѣ, по истеченіи извѣстнаго срока, онѣ должны быть переданы въ содержаніе другимъ лицамъ.

Администрація того времени, какъ мы уже знаемъ, никакъ не могла взять въ толкъ различія между крѣпостными и посессионными крестьянами, и потому слова только-что изложеннаго нами указа императрицы были поняты начальниками губерній такимъ образомъ, что и владѣльцы тѣхъ фабрикъ, въ которыхъ фабриканты-купцы купили крестьянъ, освобождаются отъ всякихъ ограниченій въ продажѣ своихъ издѣлій. Поэтому сенату пришлось черезъ годъ объяснить, что и они должны поставлять сукно на войско, такъ какъ «владѣть крѣпостными людьми они не иначе имѣютъ право, какъ для фабрикъ, почему и данное имъ на покупку тѣхъ людей позволеніе должно почитаться вспоможеніемъ, отъ казны имъ оказаннымъ».

Въ концѣ 1791 году правительство предписало, чтобы съ тѣхъ фабрикъ, на которыхъ находятся безземельные рабочіе, поставлять въ кригсъ-коммисаріатъ вдвое болѣе сукна по числу душъ сравнительно съ тѣми, гдѣ работники имѣютъ землю, такъ какъ для послѣднихъ необходимо имѣть время на земледѣльческія работы. По раскладкѣ всего нужнаго для казеннаго количества аршинъ между существующими фабриками оказалось, что каждому безземельному работнику приходится выдѣлать въ годъ 105 аршинъ сукна. За несоблюденіе этого условія фабрику слѣдовало отбирать вмѣстѣ съ привлеченными къ ней людьми и отдавать другому содержанию.

Но такъ какъ и послѣ того владѣльцы посессионныхъ суконныхъ фабрикъ оказывались несправными въ исполненіи своихъ обязанностей, то императоръ Павелъ въ 1797 году предписалъ суконныя фабрики, «для устроенія которыхъ и производства на нихъ указами повелѣнныхъ работъ пожалованы посессіи, а владѣльцы ихъ своихъ обязанностей не исполняютъ... описать въ казну». Указъ этотъ скоро пришлось примѣнять къ дѣлу: въ томъ же году была конфискована разанская фабрика поручицы Бузнецовой, которая, получивъ въ посессію 571 душу крестьянъ съ землями, не только не выполнила обычныхъ обязательствъ, но даже съ 1793 года обратила суконную фабрику въ полотняную.

Незнакомившись съ тѣмъ, въ какихъ отношеніяхъ къ правительству находились владѣльцы суконныхъ фабрикъ, посмотримъ теперь, каково было положеніе суконщиковъ.

Мы видѣли, что до царствованія императрицы Елизаветы посессионные мастера, въ противоположность государственнымъ

крестьянамъ, приписаннымъ къ горнымъ заводамъ и платившимъ подушный и оброчный сборъ,— не несли никакихъ податей. Но указами 1742, 1743 и 1747 годовъ суконщики, какъ и другіе мастеровые, были обложены семигривеннымъ подушнымъ окладомъ. Когда въ 1798 году былъ поднятъ вопросъ, въ частности относительно воронежскихъ суконщиковъ, почему они не платятъ трехрублевого оброчного сбора, мануфактуръ-коллегія, указавъ на соотвѣтственныя статьи закона, кромѣ того, по существу дѣлу объяснила, что «положенное указомъ 1791 года на каждую изъ приписныхъ къ суконнымъ, обязаннымъ поставкою въ казну, фабрикамъ ревизскую душу, пропорція, т.-е. на безземельную по 105-ти, а съ землями по 52¹/₂ арш. одного сукна сверхъ расписываемаго нынѣ на нихъ же количества каразей, столь уже велика, что едва ли одинъ работникъ въ состояніи оную выработать, будучи притомъ обязанъ обращать на себя и ту часть выдѣлки, которая, по общему на души расчисленію, упадаетъ на обрѣтающихся между ними престарѣлыхъ, немощныхъ и малолѣтнихъ; изъ чего слѣдуетъ, что означенные мастеровые фабричные люди, занимаясь непрерывно выдѣлываніемъ для казенной поставки суконъ и каразей по узаконенной, а не по производимой вольными фабриками цѣнѣ, должны всегда быть при тѣхъ работахъ безотлучно и не могутъ имѣть времени на выработыванье, сверхъ подушной, еще оброчныя подати, а потому и не сравниваются они положеніемъ своимъ съ государственными крестьянами».

Реврутскую повинность суконщики несли на томъ же основаніи, какъ и мастеровые другихъ фабрикъ; намъ уже извѣстно, что на тѣхъ фабрикахъ, при которыхъ не было приписанныхъ и купленныхъ заводчиками деревень, можно было вносить взаменъ рекрута деньги.

Суконщики, жившіе въ городахъ, несли городскія повинности, которыя исполнялись какъ имѣвшими собственныя дома (напримѣръ, въ Воронежѣ и Казани), такъ и жившими въ наемныхъ квартирахъ (въ Москвѣ). Для этого въ Казани суконщикамъ нерѣдко приходилось отлучаться изъ дому, по свидѣтельству мѣстнаго губернатора, на два, на три дня. Въ Воронежѣ для исполненія полицейской службы мастеровые нанимали одного десятскаго отъ 15-ти дворовъ, а не то исполняли ее и сами.— Не малымъ обремененіемъ для суконщиковъ, имѣвшихъ свои дома, была постоянная повинность. Въ Казани у нихъ располагались солдаты мѣстнаго гарнизоннаго полка, и мастеровымъ приходилось покупать дрова для приготовленія имъ пищи. Въ

Воронежъ въ 1799 году въ 27-ми домахъ суконщиковъ квартировало 35 солдатъ.

Весьма интересныя данныя для характеристики быта суконщиковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка мы находимъ въ суконномъ регламентѣ, составленномъ въ 1741 году. Въслѣдствіе жалобъ войсвогого начальства на дурное качество суконъ, для изслѣдованія причинъ этого была учреждена коммиссія, которая и составила «регламентъ суконнымъ и каразейнымъ фабрикамъ». Оня остался безъ всякаго вліянія на положеніе суконщиковъ; это слѣдуетъ заключить, во-первыхъ, изъ того, что всѣ указы, составленные въ царствованіе Іоанна Антоновича, считались несуществующими при Елизаветѣ Петровнѣ; во-вторыхъ, изъ совершеннаго отсутствія ссылокъ на него во всѣхъ дѣлахъ о суконныхъ фабрикахъ и суконщикахъ, возникавшихъ послѣ его составленія, — и, наконецъ, изъ того, что въ царствованіе Екатерины упоминаются, какъ дѣйствующіе законы, такія постановленія времени, предшествовавшаго составленію суконнаго регламента, которыя были измѣнены послѣдними; такъ, напримѣръ, рабочая плата суконщикамъ на фабрикахъ, обязанныхъ поставкою суконъ, согласуется еще во второй половинѣ 60-хъ годовъ съ правилами указа, даннаго нѣмъ мануфактуръ-коллегіи въ 1723 году, а не съ суконнымъ регламентомъ. Но если постановленія этого регламента и не примѣнялись на дѣлѣ, то все-таки мы можемъ извлечь изъ него не мало интересныхъ данныхъ, рисующихъ положеніе суконщиковъ. Кромѣ прямыхъ указаній въ этомъ отношеніи, мѣры, предлагаемыя коммиссіею, также даютъ понятіе объ ихъ бытѣ въ то время.

При осмотрѣ коммиссіею суконныхъ фабрикъ оказалось, что на большей части изъ нихъ помѣщенія, въ которыхъ производилась работа, были такъ дурно устроены, что «теачи насилу и столько денного свѣта имѣли, дабы теанье свое точно высмотрѣть», другіе же работники прали и чесали шерсть и стригли сукно въ темнотѣ. У нѣкоторыхъ фабрикантовъ строенія такъ плохо чинились, что когда шелъ снѣгъ или дождь, начиналась течь, а въ другое время черезъ щели потолка сыпался песокъ и соръ; полы не были выстланы ни досками, ни кирпичомъ, ни камнемъ, а если и были выстланы когда-то, то доски погнили, а камни выломались. По суконному регламенту, назначено было около 14½ рабочихъ часовъ: съ 1-го марта по 1-е октября рабочіе должны были бы приходить въ четыре часа утра и работать до десятаго часа; затѣмъ до двѣнадцатаго часа давалось время на обѣдъ, а послѣ того работа должна была продолжаться до девятаго часа; въ остальные пять зимнихъ мѣсяцевъ предпо-

лагалось давать отдыхъ одинъ часъ, но за то ограничивать работу въ восемь часовъ, а по субботамъ передъ полуднемъ, въ двѣнадцатомъ часу. Можно думать, что прежде мастеровые работали менѣе времени, такъ какъ въ составителяхъ регламента видно желаніе не ограничить количество работы, а скорѣе увеличить его. Самая цѣль изданія регламента формулируется такимъ образомъ: «работа на фабрикахъ происходитъ медленно для того, что на оныхъ регламентовъ нѣмакихъ, по которымъ рабочимъ людямъ поступать, не имѣется,—напримѣръ, чтобы не по своей волѣ на работу и съ работы ходить...» Для наблюденія за аккуратнымъ приходомъ на работу, на фабрикахъ слѣдовало бы имѣть песочные часы; въ случаѣ опаздыванія, на первый разъ рабочій долженъ былъ подвергнуться выговору, во второй—вычету за одинъ часъ по расчету дневной платы, въ третій—вдвое болѣе, въ четвертый—половины дневной платы. Если рабочій сойти не придетъ на работу безъ всякой законной причины, то за первый разъ у него слѣдовало вычесть плату за прогульные дни, а въ третій разъ—вдвое и, кромѣ того, быть батогами. За непослушаніе, грубыя и дерзкія слова, и тому подобное, мастеровыхъ и рабочихъ слѣдовало наказывать: въ первый разъ—плетью, во второй—батогами, съ вычетомъ платы за три мѣсяца, въ третій—сылкою на годъ въ каторжную работу; если же кто подниметъ руку на фабричныхъ начальниковъ, того быть вытѣмъ исылать въ каторжную работу на нѣсколько лѣтъ или вѣчно. Хотя регламентъ и не имѣлъ впоследствии силы закона, но все-таки видно, какъ велика была власть фабрикантовъ и ихъ приказчиковъ, если за всякое грубое слово имъ дозволялось наказывать рабочихъ плетью и бить батогами.

На суконныхъ фабрикахъ въ то время былъ еще мало развитъ женскій трудъ, тогда какъ на нѣкоторыхъ другихъ онъ былъ уже дѣломъ обычнымъ; это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ суконнаго регламента: «мастеровымъ и рабочимъ людямъ отнюдь не допускать, чтобы жены и дочери ихъ, кои работать въ состояніи: будутъ, дома праздно пребываютъ или гуляли, по паче ихъ, какъ то на шелковыхъ и на парусинныхъ фабрикахъ достокально бываетъ, на фабрикахъ такой работѣ обучать, какую исправлять могутъ», или, по крайней мѣрѣ, чтобы онѣ брали работу на-домъ. Составители регламента ожидали, что мастеровые «такимъ двойнымъ раченіемъ знатно въ лучшее состояніе придутъ и больше домашнего благословенія ожидать имѣютъ». Нечего и говорить, что «домашнее благословеніе» никакъ не могло быть результатомъ поступленія женщинъ на фабрику, но

несомненно, что до того времени этим рабочим жилось незавидно. «Понимать очень странно было видеть, — читаем мы в регламентѣ, — что большее число мастеровыхъ и рабочихъ людей такъ ободрано и плохо одѣты находились, что нѣкоторые изъ нихъ носили и цѣлую рубаху на плечахъ, и шубы». Средство помочь этому горю, предложенное сувооннымъ регламентомъ, куда не годно: чтобы устранить такую «некрасоту народа», фабрикантамъ предписывалось сдѣлать всемъ мастеровымъ одинаковую одежду, стоимость которой они могли вычесть изъ заработной платы. Приведеніе въ исполненіе такой мѣры, разумѣется, подало бы только лишний поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны фабрикантовъ.

Въ сувоонномъ регламентѣ находится еще не мало другихъ предписаній: о томъ, чтобы мастеровые собирались на работу по звону колокола, о выдачѣ платы еженедѣльно по субботамъ; запрещеніе мастеровымъ игры на деньги и пьянство, объ обязанности рабочихъ по очереди сторожить фабрику днемъ и ночью и т. д.

Въ концѣ регламента приложены правила о размѣрѣ денежной платы мастеровымъ, на которыхъ мы не останавливаемся, такъ какъ они не сдѣлались обязательными. Упомянемъ только, что плата на сувоонныхъ фабрикахъ была по преимуществу задынная, но встрѣчается и годовое жалованье; такъ, сновальщики должны были получать по 18 руб. въ годъ, пресемщики по 2 р. въ мѣсяцъ, надзиратели всего чаще по 36 руб. въ годъ, сувоонный мастеръ 50 р., подмастерье 36 р. Упомянется также, что мыть и чистить шерсть могутъ и малолѣтніе, съ платою по 2 коп. въ сутки.

Въ дѣйствительности на казанской сувоонной фабрицѣ, когда она была еще въ казенномъ содержаніи и потому при Мавляевѣ, была такая плата: ткачи (вдвоемъ) получали по 12 коп. съ арш. (по сувоонному регламенту двумъ назначено съ арш. 4 коп.), причемъ предписывалось выткать въ сутки не менѣе 4 аршинъ; прядильщикамъ по 3 к. за фунтъ (по сувоонному регламенту отъ 1³/₈ до 3³/₈ коп.). Драбловъ, владѣвшій фабрикою въ 40-хъ годахъ, сталъ было платити ткачамъ по 5 коп., а прядильщикамъ по 2 коп., но снать въ 1742 г. велѣлъ давать рабочимъ прежнюю плату. Такимъ образомъ уже черезъ мѣсяцъ, мѣсяцевъ по составленіи сувооннаго регламента, снать новое не руководствовался установленными въ немъ правилами. Что при Мавляевѣ казанскимъ сувоонщикамъ жилось лучше, чѣмъ при его преемникѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ и мѣстное преданіе. Рабочіе, говоритъ авторъ статьи, составленной по рассказамъ стариковъ,

«пользовались при Микляевѣ безобидной платой за свой трудъ», количество рабочихъ часовъ не было черезъ-чуръ велико, они имѣли при этомъ нѣкоторыя льготы по семейному и общинному положенію и даже, какъ гласитъ преданіе, удержали за собой право выбирать своихъ старостъ, судей, артельщиковъ и *юсоруновъ*. Люди, избранные въ эти... должности, приводились къ присягѣ на вѣрность и «неукоснительность» служенія интересамъ общины, раздѣлявшейся еще по роду работъ на артели (ткачи, прядильщики, скребальщики, сновальщики и проч.).» Уходя за садами былъ любимымъ занятіемъ суконщиковъ во время, свободное отъ фабричныхъ работъ, что и сдѣлало ихъ впоследствии хорошими садовниками. Два храмовые праздника (Духовъ день и день св. Харлампія, лѣтомъ и зимою) «были временемъ шумныхъ пиршествъ и бражничанья всей суконной слободы. Духовъ день праздновался обыкновенно цѣлую недѣлю» ¹⁾.

Когда преемникъ Микляева сталъ убавлять суконщикамъ плату, сенатъ не только воспрегнулъ ему это, но и приказалъ въ томъ же 1742 г. возвратить рабочимъ болѣе 10,000 руб. удержанныхъ у нихъ денегъ. Тотъ уплатилъ только 1,375 р., а затѣмъ подалъ въ кабинетъ прошеніе съ жалобой, что дѣло будто бы рѣшено неправильно. Мастеровые съ своей стороны послали въ Петербургъ двухъ челобитчиковъ. Дѣло было взято въ кабинетъ, но о немъ совершенно забыли, а между тѣмъ челобитчики все жили въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ какъ ихъ обязали въ мануфактуръ-конторѣ подпискою—не уѣзжать до его рѣшенія. Одинъ изъ нихъ, наконецъ, въ 1755 г. умеръ, другой же все терпѣливо ждалъ, несмотря на то, что, по его словамъ пришелъ «въ крайнее разореніе». Во время второй ревизіи его успѣли выѣсть съ дѣтьми исключить изъ подушнаго оклада при фабрикѣ и записали въ дворцовой царевкокшайской волости, гдѣ крестьяне стали взыскивать съ его жены подушныя деньги за него и за дѣтей. Въ 1763 г., т.-е. черезъ 21 г. послѣ его отправки изъ Казани, онъ обратился въ сенатъ съ просьбою, чтобъ его отослали на родину для опредѣленія на тягло; однако прошло еще семь лѣтъ, а дѣло не подвинулось ни на шагъ; тогда, наконецъ, онъ обратился съ прошеніемъ на имя государыни, а Екатерина приказала опять отослать челобитчиковъ въ сенатъ «съ тѣмъ, чтобъ дѣло по справедливости было рассмотрѣно». Долго ли пришлось ждать справедливости этому несчастному, мы не знаемъ.

¹⁾ Я. Посадскій. Какъ добились воли казанскіе суконщики. „Первый шагъ“. Провинціальный сборникъ, 1876 г., стр. 418—419.

Казанскіе сукошники находились въ печальномъ положеніи и въ концѣ XVIII в., когда фабрика принадлежала уже Осокину. Въ октябрѣ 1796 года, во время обзрѣнія казанской фабрики сенаторомъ Мавринымъ, они подали ему прошеніе, въ которомъ указывали, что со времени заведенія фабрики цѣны на сѣбѣстные припасы возрасли втрое или вчетверо и они совершенно не въ состояніи содержать себя съ женами и дѣтьми на получаемую ими плату; за заносомъ податей ея не хватаетъ на прокормленіе, такъ что старики и дѣти ходятъ по міру, несмотря на то, что ни жены, ни дочери ихъ не освобождаются отъ фабричной работы. Мастеровые просили прибавить имъ плату и уничтожить женскій трудъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Мавринымъ отъ ея управляющаго, лучшій изъ ткачей могъ выработать въ мѣсяцъ не болѣе 5-ти руб., вознагражденіе же за трудъ нѣкоторыхъ мастеровыхъ и рабочихъ падало до 90 коп. въ мѣсяцъ, «каковою платою», справедливо замѣчаетъ Мавринъ, «по нынѣшней на все дороговизнѣ, ни одному мастеровому, а паче имѣющему жену и малолѣтнихъ дѣтей, содержаться не чѣмъ». Поэтому Мавринъ и представилъ поданную ему просьбу на высочайшее усмотрѣніе, приложивъ при ней подробныя свѣдѣнія о заработной платѣ казанскихъ сукошниковъ ¹⁾.

Довесеніе Маврина по приказанію императора Павла было передано въ сенатъ, а оттуда отослано въ мануфактуръ-коллегію съ тѣмъ, чтобы она представила по этому дѣлу свое мнѣніе.

Владѣлецъ фабрики, Осокинъ, чувствуя, что свѣдѣнія, собранныя Мавринымъ относительно положенія его рабочихъ, произведутъ неблагопріятное впечатлѣніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, воспользовавшись походомъ въ мануфактуръ-коллегію объясненіе, въ которомъ утверждалъ, что нѣкоторые изъ этихъ свѣдѣній не совсѣмъ сходны съ истиною и что это будто бы

¹⁾ Мастеровые и рабочіе, разбиравшие и подстригавшіе шерсть, получая первые по 5 к. съ пуда, а вторые по 30 к., зарабатывали въ день (всѣ мастеровые работали по двѣнадцати часовъ) по 8 и 10 к.; скребальщики вычесываньемъ шерсти—7½,—10½ к., такъ что, работая въ мѣсяцъ 26 дней, получали отъ 2—2 р. 75 к.; прядильщики въ день отъ 3 до 8 к., въ мѣсяцъ отъ 90 к. до 2 руб. 8 к.; ткачи получали по 2 р. — 2 р. 10 к. съ половиною суена (въ каждой половинѣ считалось 28 арш.); два работника могли приготовить въ мѣсяцъ отъ 3—5 половинокъ, но изъ получаемой ими платы они еще отдавали бабеньщикамъ, сновальщикамъ и шпульникамъ по 19½ к. съ половинки, да сверхъ того осенью и зимой у нихъ выходило при приготовленіи одной половинки сальныхъ свѣчей на 50 к.; такимъ образомъ ткачи зарабатывали отъ 2 р. 46 к. до 4 р. 71 к. въ мѣсяцъ. Сукошальники зарабатывали въ мѣсяцъ по 4 р. 87 к., ворсальщики, стригащи, прессовщики и красильщики по 3 р. 50 к. до 4 руб.

произошло оттого, что управитель фабрики положился въ этомъ случаѣ на слова мастеровыхъ. Такъ онъ увѣралъ, —хотя это мало напоминаетъ дѣло, что скребальщики могутъ выработать въ день не $10\frac{1}{2}$, а 12 в. ¹⁾. Но что самъ Осокинъ не могъ все-таки отрицать крайнюю недостаточность платы, получаемой рабочими, видно изъ того, что онъ принялъ на себя съ 1797 г. уплату за фабричныхъ подушныхъ податей. Онъ заявилъ, что увеличить заработную плату весьма затруднительно при чрезвычайно низкой цѣнѣ, по которой онъ обязанъ ставить сукно, вследствие чего онъ даже подалъ просьбу на имя государя о приобрѣтеніи у него фабрики въ казну. Если же его желаніе удовлетворено не будетъ, то, какъ это ни тяжело для него, онъ готовъ съ мая 1797 г. увеличить задѣльную плату скребальщикамъ на $7\frac{0}{10}$, кардельщикамъ на $20\frac{0}{10}$, прядильщикамъ основной пряжи на $38\frac{0}{10}$, ткачамъ на $10\frac{0}{10}$ и т. д. При этомъ новомъ размѣрѣ платы, если считать только лучшихъ работниковъ, они получали отъ 2 р. до 5 р. 50 в. въ мѣсяцъ. По словамъ Осокина, уплата имъ подушныхъ и предполагаемая прибавка платы составляетъ ему въ годъ болѣе 5,000 р. лишняго расхода, а такъ какъ въ то время изъ 1,233 ревнскихъ дунъ работало около 913-ти, то это составитъ прибавку на каждого болѣе 5 руб. Но изъ приведенныхъ нами выше цифръ видно, что и при увеличенномъ размѣрѣ плата, получаемая названными субполицейскими, была все-таки весьма мала.

Въ виду всѣхъ этихъ обѣщаній Осокинъ просилъ у мануфактуръ-коллегіи «правосуднѣйшаго разсмотрѣнія, дабы онъ не лишился прибыли, слѣдующей ему по силѣ пожалованной ему на оную фабрику привилегіи». Въ заключеніе своего объясненія онъ говоритъ: «государственная мануфактуръ-коллегія усмотрѣть можетъ, что я весьма далекъ отъ того, чтобы притѣснять людей малыми платами, а, напротивъ, расположенъ, сколько возможно, имъ благодѣтельствовать... Впрочемъ же, —продолжаетъ онъ, —оной коллегіи весьма извѣстно, что собственные люди, каковы суть его фабричные (ибо по указу 1736 г. заплачены за нихъ деньги и дана на нихъ отъ государственной мануфактуръ-коллегіи владѣтельная выпись...) не могутъ имѣть договоровъ съ госнодиномъ своимъ и что малѣйшее къ тому попопзновение можетъ ввести ихъ, по грубости воспитанія, въ нѣкоторый безпорядокъ». Мануфактуръ-коллегія вмѣстѣ съ Мавринимъ признала, что прежніе зара-

¹⁾ Изъ этого объясненія, между прочимъ, видно, что пряденіемъ шерсти занимались по болѣе части несовершеннѣйшіе, „въ томъ числѣ и малыя ребята“.

боты мастеровых крайне недостаточны; но принятие на себя Особинным вноса податей и увеличение платы она сошла «онучивательнымъ для нихъ облегченіемъ», несмотря на то, что и при повышенной платѣ заработокъ большей части рабочихъ не превосходилъ трехъ рублей въ мѣсяцъ. Казанскій губернаторъ Каринскій, къ которому коллеги обратилась съ запросомъ по этому дѣлу, отнесся къ нему гораздо суровѣе и внимательнѣе. Онъ указалъ на то, что мастера не могутъ выработать по 105 аршинъ на каждую ревизскую душу, какъ это положено указомъ 1791 г., во-первыхъ, потому, что взрослымъ приходится работать не только за себя, а также и за стариковъ и малолѣтнихъ, и кромѣ того—потому, что они обременены городскими повинностями; по его словамъ, они «по справедливости имѣютъ причину жаловаться на состояніе свое, и тѣмъ болѣе, когда принужденными находятся означенную, получаемую за труды, маленькую закладку раздѣлять какъ на одежду себѣ и на пропитаніе, такъ и на покупку дровъ для отопляванія своихъ домовъ, а иногда и на поправленіе оныхъ». Для облегченія ихъ положенія онъ находилъ нужнымъ: 1) дома рабочихъ освободить отъ постоянной повинности; 2) ихъ самихъ уволить отъ уплаты податей, исполненія рекрутчины и городскихъ повинностей, такъ какъ взысканіе податей доводитъ ихъ до нищенства, вслѣдствіе рекрутчины фабрика лишается здоровыхъ людей, а городскія повинности отвлекаютъ ихъ отъ работы; 3) на спаливаніе домовъ позволить рубить дрова въ казенныхъ лѣсахъ; 4) обязывать выработкою опредѣленнаго количества аршинъ сукна только годныхъ къ работѣ. Нужно замѣтить впрочемъ, что такъ какъ вносъ податей за мастеровыхъ казанской фабрики принять на себя фабрикантъ, то не было никакой надобности освобождать ихъ отъ этого. Докладъ казанскаго губернатора былъ отправленъ въ 1798 г., черезъ два года мануфактуръ-коллежн. по повелѣю его посланника, что она не считаетъ себя въ правѣ возбуждать вопросъ о сложении податей и повинностей съ казанскихъ суконщиковъ, что же касается количества суконъ, которое былъ обязанъ представлять фабрикантъ по яслу рабочихъ, то съ 1800 года оно было уменьшено.

Мы уже замѣтили, что и послѣ прибавки платы положеніе казанскихъ суконщиковъ должно было мало намѣниться къ лучшему. Это подтверждается тѣмъ, что когда императоръ Павелъ былъ въ Казани въ 1798 г., то суконщики подавали ему челобитную по своему «мировому дѣлу». Не зная, какъ отдѣлаться отъ ненавистной имъ фабрики, 45 мастеровыхъ въ томъ же году

подали было прошеніе въ мануфактуръ-коллегію о причисленіи ихъ въ купеческое и мѣщанское званіе. Но коллегія, указавъ на то, что фабрика Осокина принадлежитъ въ числу обязанныхъ поставкою суконъ, отвѣчала, что повтому увольненіе ихъ было бы совершенно противозаконно, и что имъ нечего было утруждать правительство недѣльнымъ просьбою.

Казанская фабрика находилась прежде во владѣніи казны и была передана при Петрѣ Великомъ въ частныя руки, такова же была судьба и «большого суконнаго двора», или суконной фабрики въ Москвѣ, о переводѣ которой въ 1720 г. во владѣніе компаніи мы уже упоминали. Въ концѣ царствованія Екатерины она принадлежала князю Ю. В. Долгорукову, который въ 1796 г. отдалъ ее въ аренду на пять лѣтъ греку Ардаліонову. Въ слѣдующемъ году мастеровые и рабочіе этой фабрики уже подали на арендатора жалобу въ мануфактуръ-коллегію. Въ началѣ ея они напираютъ на то, что при передачѣ фабрики во владѣніе частной компаніи Петръ Великій дозволилъ принимать на фабрику для работы и обученія мастерству только свободныхъ людей, причемъ они обязывались быть на фабрикѣ не болѣе семи лѣтъ, а затѣмъ, если хотѣли, могли переходить на другія мѣста. «Почему предки наши, — пишутъ въ своей челобитной мастеравые, — равнаго званія люди, собравшись и наполнивъ оной фабрику положенный комплектъ, находились тутъ въ работѣ въ силу указа до назначеннаго времени; но истеченіи же срока, учинясь по прежнему свободными, пожелали они остаться на сей же фабрикѣ. Проходя свою должность, ни мало не были они притѣсняемы... имѣли жительство по квартирамъ, кто гдѣ хотѣлъ» и т. д. Но какъ только содержателемъ фабрики сдѣлался Ардаліоновъ, онъ сталъ понижать плату, а сверхъ того, говорятъ рабочіе, «чего никогда не бывало, — воспрещаетъ жить намъ по квартирамъ, почему не выдаетъ билетовъ, по которымъ бы жены наши и съ дѣтьми свободное могли имѣть жительство по выгоднымъ для насъ мѣстамъ, но въ короткое время, предполагая умножить свои прибытки, всѣми мѣрами домогается и силится онъ всѣхъ насъ съ женами и дѣтьми нашими заключить въ одно мѣсто и, яко нѣкоторыхъ невольниковъ, заперши тамо и никогда никакого не дѣлая намъ облегченія и отдохновенія, безпрерывно должно и ночью держать на работѣ».

Не видя никакого результата своей жалобы, мастеровые черезъ два мѣсяца подали новую челобитную, въ которой прибавили, что если кто изъ нихъ принесетъ какую-нибудь жалобу самому Ардаліонову, то онъ, «не давъ никакой резолюціи, чи-

нить безъ изъятія жесточайшее наказаніе съ угрозами еще, что и сосланы таковыя будутъ въ прикомандованныя къ сей фабрикѣ вотчины».

Президентъ мануфактуръ-коллегіи Юсуповъ извѣстилъ владельца фабрики, кн. Долгорукова, о жалобѣ мастеровыхъ на ея арендатора, тотъ обратился съ просьбою къ смотрителю казенной екатеринославской и кн. Хованскаго суконныхъ фабрикъ, Серебрякову, чтобы онъ, вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ, провѣрилъ жалобу, и затѣмъ полученное имъ допесеніе сообщилъ мануфактуръ-коллегіи. Изъ отчета этихъ лицъ, несмотря на благосклонное отношеніе ихъ къ Ардалионову, видно, что плата за содержимомъ имъ заводѣ была такая же ничтожная, какъ и на казанской фабрикѣ до прибавки платы Осокинымъ. Сравнительно съ платою вольнонаемнымъ на фабрикѣ Хованскаго она была гораздо ниже; такъ, наприм., Ардалионовъ за чесаніе и пряденіе шерсти платилъ по 6½ коп. съ фунта, а у князя Хованскаго — по 10 коп.; такъ что за приготовленіе сорока-аршинной половинки у Ардалионова рабочіе получали 6 р. 56 коп., а у Хованскаго — 8 руб., и въ оправданіе Ардалионова можно было только сказать, что онъ платилъ за своихъ рабочихъ подушныя деньги, но этимъ далеко не покрывается разница въ платѣ. Кромѣ вноса податей за рабочихъ, Ардалионовъ указывалъ также, какъ на свои благодѣянія, во-первыхъ, на то, что онъ содержитъ на фабрикѣ богадѣльню, которая, вмѣстѣ съ выдачею мѣсячины малолѣтнимъ, обходится ему не менѣе 300 р. въ годъ, а во-вторыхъ, что онъ всегда охотно выдаетъ рабочимъ деньги впередъ въ счетъ работы, но послѣднее всего лучше доказываетъ, что они не могли сводить концовъ съ концами. Особенно были недовольны рабочіе требованіемъ Ардалионова, чтобы они жили на фабрикѣ; а по его словамъ, онъ настаивалъ на этомъ потому, что иначе они опаздываютъ на работу, да, наконецъ, и имъ это удобнѣе: помещенія на фабрикѣ достаточно, притомъ же они получаютъ тамъ бесплатно дрова и, наконецъ, не тратятъ времени на проходъ. Но все это нисколько не привлекало рабочихъ, и мы видѣли, съ какимъ негодованіемъ говорятъ они о принужденіи переселиться на фабрику.

Мануфактуръ-коллегія поручила рассмотреть это дѣло своей конторѣ, находившейся въ то время въ Москвѣ. Послѣдняя, сравнивъ плату, выдаваемую Ардалионовымъ, съ тою, которая уплачивалась при кн. Долгоруковѣ, нашла, что она не уменьшена (только должностнымъ лицамъ давалось нѣсколько меньшее жалованье), но что тогда какъ при Долгоруковѣ сукно ткали кусками

въ 39 арш., теперь длина ихъ при той же платѣ увеличена до 44 арш., такъ что 5 лизинихъ аршинъ рабочіе ткутъ даромъ. Вообще же контора признала, что такъ какъ они получаютъ почти ту же самую плату, какая была установлена сумоннымъ регламентомъ 1741 г.¹⁾, то, въ виду сильнаго повышенія съ тѣхъ поръ цѣнъ на жизненные припасы, жалобы рабочихъ на недостаточность получаемой ими платы имѣютъ основаніе и слѣдуетъ сдѣлать прибавку по всемъ мастерствамъ, особенно за чистею козьяго пуха, за что платится съ фунта по одной копейкѣ, а въ сутии болѣе фунта очистить меляки, но контора полагала, что она не имѣетъ права принудить къ этому Ардаіоновъ, такъ какъ, по контракту съ Долгоруковымъ, онъ обязанъ платить ту же плату, что была и при послѣднемъ, такъ что слѣдуетъ заставить его только повысить до прежняго уровня жалованье должностнымъ лицамъ. Протестъ рабочихъ противъ принужденія ихъ жить на фабрикѣ контора признала неосновательнымъ. Одобривъ мнѣніе конторы относительно удовлетворенія рабочихъ и служащихъ недоданною платою, мануфактуръ-коллегія нашла, что шить ковій пухъ рабочіе, опредѣленные къ фабрикѣ для приготовленія суконъ, не обязаны и потому Ардаіоновъ можетъ употреблять для этого мастеровыхъ съ платою, какую получаютъ за это вольнонаемные на другихъ фабрикахъ; а за прежнее время, когда они получали слишкомъ мало, онъ долженъ удовлетворить рабочихъ. Относительно ихъ переселенія на фабрику мануфактуръ-коллегія обратила вниманіе на то, что, вѣроятно, у нѣкоторыхъ фабричныхъ есть въ предмѣстьяхъ свои собственные дома, и поэтому если «дѣйствительно переводъ къ фабрикѣ мастеровыхъ полезенъ и для нихъ неотложителенъ», къ нему слѣдуетъ приступать не иначе, какъ съ согласія ея владѣльца, князя Долгорукова, и притомъ нужно дать имъ достаточно времени, чтобъ продать дома и остальное имущество за выгодную для нихъ цѣну, а иначе на фабрику стѣснять не переводить.

Несмотря на то, что жизнь сумонщиковъ была не врасна, мы знаемъ только три ихъ волненія, и то на одной московской фабрикѣ, той самой, которая была потомъ во владѣніи кн. Долгорукова.

Въ половинѣ іюня 1749 г. содержатели сумонной фабрики въ Москвѣ Болотинъ и Домучаевъ съ товарищами заявили, что

¹⁾ Только при немъ Платѣ начинаютъ упоминаеть объ этомъ регламентѣ въ практическомъ указѣ.

отданные изъ фабрикъ по указу 1736 г. рабочіе, неизвѣстно почему, стали расходиться и работать не хотѣть, такъ что изъ 1000 человѣкъ осталось только 120; фабриканты просили, чтобъ виновныхъ за своевольство и непослушаніе, когда они будутъ пойманы, наказывать, — малолѣтнихъ, вѣсто кнута, плетью, а взрослыхъ десятого кнутомъ. Посланный для розыска фабричныхъ чересъ двѣ недѣли послѣ того донесъ, что изъ найдено только 18 человѣкъ, прислано изъ полицейской канцеляріи 14, добровольно явилось 308. Но, однако, по словамъ фабрикантовъ, всѣ они не хотѣли работать, пока не получатъ указа на челобитную, поданную ими государынѣ. Пятеро мастеровыхъ, несмотря на попытку товарищей освободить ихъ, были наказаны кнутомъ. Въ концѣ мѣсяца 286 мастеровыхъ начали работать, 127 отказывались отъ этого, а 586 все еще не вернулись изъ бѣговъ. Сенатъ приказалъ изъ 127 десятого бить кнутомъ и вѣсто съ плетью прежде наказанными, заковать въ кандалы, сослать въ кагорженую работу на счетъ фабрикантовъ; остальныхъ же, наказавъ плетью, силою принудить работать; а изъ бѣглыхъ тѣмъ, кто, явившись немедленно, примется за работу, отпустить ихъ вину, а кого поймаютъ, то болѣе виновныхъ, бывъ кнутомъ, сослать въ Рогервикъ, а остальныхъ, по наказаніи плетью, опредѣлять на работу ¹⁾.

Черезъ нѣсколько времени Болотинъ, узнавъ, что въ гарнизонныхъ школахъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не мало дѣтей солдатъ и незаконнорожденныхъ, изъ которыхъ много не только къ военной эзерциціи, но и въ словесному ученію непонятливы, а между тѣмъ, жалованье и содержаніе ихъ производится, просилъ около 400 чел. изъ этихъ школъ, начиная съ 12 лѣтъ, которые для службы еще молоды, опредѣлить на его суворовую фабрику съ тѣмъ, чтобы они получали здѣсь задѣльные деньги, а когда достигнутъ 25-ти-лѣтняго возраста, то, буде окажутся годными, опредѣлить ихъ въ военную службу. Вслѣдствіе этого прошенія изъ московской гарнизонной школы, въ которой, кромя штатныхъ 300 человѣкъ, было еще 545 сверхкомплектныхъ, сенатъ приказалъ отдать 400 душъ на фабрику Болотина. Отдали ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы по наступленіи двадцатилѣтняго возраста они были опредѣлены въ военную службу. Однако, жизнь на фабрикѣ была такъ не легка, что черезъ пять лѣтъ многие изъ нихъ стали просить главногъ комиссаріата, чтобъ ихъ лучше отдали въ солдаты, но такъ какъ имъ не было еще 20 лѣтъ, то просьба ихъ была отма-

.. 1) На фабрикѣ этой было невольныхъ и рабовъ, въ 1746 г.

нема. По достиженіи же этого возраста сенатъ приказалъ ихъ на фабрикѣ не задерживать.

Въ началѣ 1762 г. одинъ изъ содержателей этой фабрики донесъ, что мастеровые и рабочіе ихъ мануфактуры, согласясь съ опредѣленными въ нихъ солдатскими дѣтьми, начали волноваться подобно тому, какъ въ 40-хъ годахъ. Суконщикъ Андреевъ сказалъ за собою «важность» (слово и дѣло), вслѣдствіе чего и былъ отосланъ въ мануфактуръ-контору, а въ то же время нѣкоторые изъ солдатскихъ дѣтей пожаловались главному комиссаріату, что имъ не доплачиваютъ заработанныхъ денегъ и для приготовленія суконъ даютъ негодную шерсть. Фабриканты, призванные въ мануфактуръ-коллегію, объяснили, что они вычитали у рабочихъ деньги въ уплату занятыхъ ими, а также и внесенныя въ главный комиссаріатъ деньги за рекрутъ рабочіе, по взаимному соглашенію, разложили между собою, которыя и вносятъ въ фабричную контору чрезъ своихъ выборныхъ сборщиковъ. Фабриканты упрекали рабочихъ въ неблагодарности какъ за ссуду денегъ на рекрутскія надобности, такъ и за другія безпроцентныя ссуды. Они упоминали также, что дочерямъ рабочихъ при выходѣ замужъ выдается изъ конторы безвозвратно по 5 руб., да «во удовольствіе рабочихъ» ежегодно тратится до 100 руб.

Оказалось, что суконщикъ Андреевъ ложно сказалъ за собою слово и дѣло, и потому мануфактуръ-коллегія послала его съ юнкеромъ кн. Мещерскимъ для наказанія на суконномъ дворѣ. Когда Мещерскій хотѣлъ исполнить данное ему порученіе «при обыкновенномъ для такихъ случаевъ всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ людей собраніи», то солдатскія дѣти наказывать его не дали, такъ что Мещерскому пришлось увести Андреева обратно. Послѣ того солдатскія дѣти стали большими партіями уходить съ работы, разглашая, что будто бы рабочіе, сосланные въ 1749 г., возвращены, а одинъ изъ содержателей фабрики арестованъ въ Петербургѣ. Сенатъ велѣлъ немедленно школьничковъ, участвовавшихъ въ дракѣ и своевольно отлучившихся съ фабрики, высѣчь пещадно батогами, а зачинщиковъ наказывать плетью. Вслѣдствіе этого указа первому наказанію подверглись на фабрикѣ 13 школьничковъ и 49 мастеровыхъ, а публично высѣчены плетью пять школьничковъ и семь мастеровыхъ.

Плохо, значитъ, жилось мастеровымъ большой московской суконной фабрики, если они предпочитали солдатчину фабричнымъ работамъ, но сами по себѣ объ эти вспышки слишкомъ ничтожны. Гораздо болѣе серьезнаго волненія можно было ожидать отъ ка-

казанских суконщиковъ, также, какъ мы видѣли, недовольныхъ своимъ положеніемъ, когда имъ представился для этого такой удобный случай, какъ нашествіе Пугачева. Дѣйствительно, крайне странно, что они не только имъ не воспользовались, но и явились энергическими защитниками Казани противъ пугачевцевъ. Объясненіемъ этого факта можетъ служить слѣдующій рассказъ, записанный со словъ одного старожила: «Передъ нашествіемъ Пугачева на Казань обуянное страхомъ фабричное начальство, боясь мести и бунта своихъ мастеровыхъ, задобривало ихъ многими обѣщаніями и даже «волей» ¹⁾, если они останутся спокойны и помогутъ спроводить изъ Казани вора Емельку. Были прекращены всѣ работы на фабрикахъ и производилась отъ владѣльца ея ежедневная даровая выдача вина и калачей... Суконщики поддались на эту удочку и остались спокойными. Молодежь, впрочемъ, дѣлала попытки къ подвѣтѣ «общаго вопроса» и начинала уже свирѣпствовать, но партія старыхъ суконщиковъ, пользовавшаяся здѣсь постояннымъ уваженіемъ молодого поколѣнія, сдерживала всцѣпши, склоняясь болѣе къ легальному образу дѣйствій. Пугачевщина кончилась и суконщики остались съ носомъ» ²⁾.

Упустивъ удобный случай улучшить свое положеніе и закрѣпить новыя отношенія какимъ-нибудь договоромъ въ родѣ заключеннаго между содержателемъ красносельской бумажной фабрики и тамошними рабочими, казанскіе суконщики не разъ добивались потомъ въ XIX в. измѣненія своего быта. Для этого они, между прочимъ, подавали жалобу императору Николаю, и по рѣшенію наряженной вслѣдствіе того комиссіи многіе изъ нихъ подверглись возмутительно жестокимъ наказаніямъ (см. объ этомъ въ статьѣ г. Посадскаго). Но въ концѣ-концовъ имъ все-таки удалось добиться своей цѣли: въ 1849 г. имъ были даны права свободныхъ городскихъ обывателей и трехлѣтняя льгота отъ платежа подушныхъ податей, отбыванія рекрутской, постоянной и другихъ повинностей. А между тѣмъ казанскіе суконщики принадлежали къ числу «вѣчно-отданныхъ» и за нихъ были внесены фабрикантомъ деньги, опредѣленные указомъ 1736 г. Изъ этого видно, что правительство находило иногда возможнымъ разрывать узъ, прикрѣпляющія рабочихъ къ фабрикамъ безъ всякаго вознагражденія за то фабрикантамъ.

¹⁾ Последняго обѣщанія фабрикантъ не могъ бы исполнить, если бы этого и желалъ, такъ какъ рабочіе были неотъемлемою принадлежностью фабрики.

²⁾ „Первый шагъ“. Провинціальный сборникъ. Казань, 1876 г., стр. 421—422.

V.

Положеніе рабочихъ на поссессионныхъ фабрикахъ въ первые годы XIX в. — Общее число рабочихъ. — Количество рабочихъ часовъ и дней. — Рабочая плата. — Женскій и дѣтскій трудъ. — Мастеровые, находившіеся на готовомъ содержаніи. — Различныя пособія рабочимъ со стороны фабрикантовъ. — Сравненіе положенія рабочихъ въ началѣ XIX в. и въ настоящее время.

Въ 1813 г. мануфактуръ-коллегія собрала подробныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ на находившихся въ ея вѣдѣніи поссессионныхъ фабрикахъ ¹⁾. Въ указѣ, разосланномъ по этому случаю всѣмъ владѣвшимъ фабриками на поссессионномъ правѣ, были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) сколько по пятой ревизіи числится при фабрикахъ «приписныхъ и покупныхъ всякаго званія мастеровыхъ и рабочихъ мужескаго пола душъ». 2) Изъ числа ихъ сколько находится въ работѣ и каковой именно, поскольку дней въ году и часовъ въ день работаютъ. 3) На какую сумму мастеровые вырабатываютъ въ годъ тѣхъ или другихъ продуктовъ, какую плату они получаютъ — поштучно, поденно или годовое жалованье, такъ чтобы можно было видѣть, сколько они зарабатываютъ въ годъ. При этомъ слѣдовало сообщать, работаютъ ли на фабрикахъ женщины и если работаютъ, то какъ, добровольно или по назначенію, и сколько каждая можетъ получить въ день. Въ указѣ, посланномъ губернаторамъ, которымъ было поручено присмотрѣть, чтобы свѣдѣнія эти были доставлены немедленно, былъ прибавленъ еще одинъ вопросъ о томъ, какую плату получаютъ вольнонаемные рабочіе.

Разумѣется, вопросы эти въ высшей степени важны и существенны. Данные о размѣрахъ рабочей платы, количества рабочихъ часовъ, женскомъ трудѣ и т. п., имѣютъ громадное значеніе не только для характеристики экономического быта народа въ ту или другую эпоху: при сопоставленіи съ ними современныхъ намъ свѣдѣній по тѣмъ же вопросамъ, онѣ получаютъ животрешущій интересъ, такъ какъ даютъ намъ самый вѣрный критерій для опредѣленія того, улучшается ли въ дѣйствительности положеніе народа (само собою разумѣется, что при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе измѣненіе въ цѣнахъ на жизненныя припасы и другія условія).

Въ то время поссессионныхъ фабрикъ и заводовъ, не считая горныхъ, было около 180; изъ нихъ мы не имѣемъ свѣдѣнія, —

¹⁾ Горные заводы состояли въ заведѣваніи бергъ-коллегіи.

потому ли, что донесенія ихъ владѣльцевъ затерялись, или они вовсе не были присланы, — только о 23-хъ; такъ что у насъ есть отвѣты на приведенные выше вопросы болѣе чѣмъ о ста фабрикахъ. Этого совершенно достаточно, чтобы получить полное понятіе о положеніи прикрѣпленнаго къ нимъ рабочаго люда.

Всего болѣе въ то время было полотняныхъ поссессионныхъ фабрикъ, затѣмъ слѣдовали суконныя, бумажныя, стеклянныя, шелковыя и наконецъ по нѣскольку кожевенныхъ, пошументныхъ, ситцебумажныхъ и т. п. По мѣстности, наибольшее количество ихъ было въ московской губерніи (почти четверть всего числа), затѣмъ въ калужской, владимірской, воронежской, костромской, ярославской и т. д. На всѣхъ фабрикахъ, о которыхъ свѣдѣнія были доставлены въ мануфактуръ-коллегію, было, по пятой ревизіи, 29,665 д.; о 23-хъ фабрикахъ, какъ мы уже сказали, свѣдѣній не было, но можно принять приблизительно, что во время производства пятой ревизіи на поссессионныхъ фабрикахъ, кромѣ горныхъ, было около 32,000 д. ¹⁾

Изъ поссессионныхъ фабрикъ всего болѣе было полотняныхъ; но по количеству прикрѣпленныхъ къ нимъ мастеровыхъ и рабочихъ первое мѣсто принадлежитъ суконнымъ фабрикамъ. Ихъ было всего 26 (всѣ онѣ были обязаны поставкою суконъ); къ нимъ было прикрѣплено болѣе 17,000 крестьянъ, въ томъ числѣ лишь около 1,200 чел. безземельныхъ. Въ отчетахъ фабрикантовъ не вездѣ точно обозначалось, сколько изъ числа мастеровыхъ было купленныхъ и сколько переданныхъ изъ казны или приписанныхъ по указамъ. Упомянемъ только, что на Глушковской фабрикѣ графини Потемкиной было 8,759 «приписанныхъ» крестьянъ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ болѣе половины всего числа мастеровыхъ при суконныхъ фабрикахъ были даны изъ казны. На вопросъ о томъ, сколько изъ этого числа находилось въ работѣ, невозможно дать хотя бы приблизительный отвѣтъ, такъ какъ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи слишкомъ не полны. Поэтому приведемъ лишь два-три примѣра. На фабрикѣ кн. Долгорукаго годныхъ въ работѣ обоего пола было 424, изъ нихъ работало 274; на фабрикѣ Кузнецова въ яванской губерніи изъ 571 д. м. п. считалось годными въ работу 400 и столько же женщинъ; работала половина и тѣхъ и другихъ.

Поссессионныхъ полотняныхъ фабрикъ было 40; при нихъ во время пятой ревизіи числилось болѣе 8000 д. крестьянъ.

¹⁾ По десятой ревизіи при нихъ числилось 23,883 д. *Тройницкій Крѣп. насел. въ Россіи по десятой народной переписи*, стр. 47.

Самыми крупными полотняными фабрикантами были въ то время братья Яковлевы; имъ принадлежали фабрики въ Ярославль, Рыбинскъ и въ селѣ Крапивномъ, шуйскаго уѣзда владимірской губерніи. Къ нимъ было прикрѣплено 2,530 д. мужскаго пола, изъ которыхъ находилось въ работѣ 1613 д., женщинъ посессионныхъ 1760 д., всего же съ вольнонаемными на этихъ фабрикахъ работало 4,379 д. обоюго пола.

Бумажныхъ фабрикъ было 20. Вездѣ, гдѣ мы имѣемъ свѣдѣнія о числѣ находившихся въ работѣ, оказывается, что ихъ было болѣе половины прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ. Шелковыхъ фабрикъ было 10; стеклянныхъ заводовъ 11.

Продолжительность рабочаго дня всего чаще равнялась 12 часамъ; впрочемъ, на семи фабрикахъ рабочій день былъ еще короче, а болѣе 14 рабочихъ часовъ мастеровымъ приходилось трудиться только на шести фабрикахъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что на полотняныхъ и бумажныхъ фабрикахъ количество рабочихъ часовъ на одной и той же фабрикѣ было не одинаково въ различныхъ производствахъ, а также въ разные времена года, такъ что продолжительность рабочаго дня колебалась тамъ между пятью и пятнадцатью часами. На суконной фабрикѣ кн. Барятинскаго былъ такой порядокъ: рабочіе, доносили владѣлецъ фабрики въ мануфактуръ-коллегію, «сколько ихъ къ тому ни принуждали, чтобы выходили какъ можно ранѣе, выходить всегда не прежде восьми часовъ утра». Женщинамъ было позволено являться въ это время, а иногда и позднѣе, чтобы онѣ имѣли время приготовить пищу для своего семейства. Утреннія работы продолжались на фабрикѣ до 12-ти часовъ; потомъ давалось два часа времени на обѣдъ и отдыхъ, а съ двухъ часовъ по-полудни лѣтомъ рабочіе оставались на фабрикѣ до захождения солнца; въ зимнее же время работали со свѣчами не долѣе девятаго часа. Такимъ образомъ зимою работа продолжалась около одиннадцати часовъ. Всего тяжелѣе было положеніе суконщиковъ на фабрикѣ поручика Кузнецова въ рязанской губерніи: зимою они работали отъ перваго часа по-полуночи до шести часовъ по-полудни, а лѣтомъ отъ третьяго часа по-полуночи до десяти часовъ по-полудни; если даже предположить, что тутъ давался двухчасовой отдыхъ, о чемъ, впрочемъ, не упоминается, то все-таки выйдетъ, что зимою они трудились болѣе 15 часовъ, а лѣтомъ болѣе 17-ти. На полотняной фабрикѣ Стригалева въ Костромѣ работали «по мѣрѣ необходимости иногда въ день часовъ утреннихъ отъ 4-го и 5-го и по-полудни не далѣе 10-го»; если и тутъ давался двухчасовой отдыхъ, то получимъ все-таки шест-

надцатичасовой рабочей трудъ. На стеклянныхъ фабрикахъ нѣкоторымъ мастеровымъ приходилось иногда работать въ одинъ приемъ еще болѣе. На одной стеклянной фабрикѣ двое рабочихъ, составлявшихъ стеклянную массу и варившихъ ее, находились въ работѣ по 24 часа и болѣе и дѣлали по три, а иногда и по четыре «передѣла» въ недѣлю, слѣдовательно трудились отъ 72 до 96-ти часовъ въ недѣлю т.-е., если раздѣлить это на шесть дней, отъ 12—16 часовъ въ день. Впрочемъ, это только исключенія; вообще же ночной работы почти нигдѣ не было, а обычною продолжительностью рабочаго дня, какъ мы уже сказали, было 12-ть часовъ.

Рабочихъ дней въ году было въ среднемъ около 260-ти. На нѣкоторыхъ суконныхъ и полотняныхъ фабрикахъ мастеровыхъ отпускали лѣтомъ для полевыхъ работъ на одинъ, на два мѣсяца.

Что касается рабочей платы, то задѣльное вознагражденіе на суконныхъ фабрикахъ рабочихъ немастеровъ равнялось въ среднемъ 40 рублямъ въ годъ, на полотняныхъ 52 р.; на шелковыхъ ткачи зарабатывали отъ 55 до 120 р., на стеклянныхъ годовой заработокъ мастера колебался между 70 и 260 р. При годовой платѣ на суконныхъ фабрикахъ мастеръ получалъ отъ 50 до 150 руб., въ среднемъ 93 руб.; подмастерье отъ 30 до 75 р., въ среднемъ 55 р. На полотняныхъ фабрикахъ при годовой платѣ мастеру давали отъ 60 до 120 руб., въ среднемъ 97 р., а средняя плата подмастерьямъ равнялась 45 руб. На шелковой фабрикѣ Лазарева одинъ рисовальный мастеръ получалъ даже 300 р. въ годъ. На бумажныхъ фабрикахъ мастеру платили въ годъ до 100 руб., остальнымъ рабочимъ въ среднемъ 48 руб.; на стеклянныхъ фабрикахъ мастеръ получалъ 130, подмастерье 80 руб. При мѣсячной платѣ среднее вознагражденіе мастера на различныхъ фабрикахъ равнялось 5 р. 50 коп., подмастерья 4 р. 50 коп.; остальныхъ рабочихъ 3 р. 75 коп. — Среднюю дневную платою можно принять 15 коп. — Въ общемъ выводъ мы можемъ сказать, что мастеръ зарабатывалъ въ годъ около 95 руб., подмастерье около 60, а остальные рабочіе около 55 руб.

Женскій трудъ былъ значительно развитъ на суконныхъ фабрикахъ, еще болѣе на полотняныхъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ фабричная работа была обязательна для женщинъ. Привлеченіе ихъ и дѣтей къ фабричному труду казалось нѣкоторымъ фабрикантамъ не печальною необходимостью, а чуть ли не благодѣяніемъ для рабочаго класса. «Изъ числа женска пола», писалъ владѣлецъ полотняной фабрики въ калужской губерніи, поручикъ

Щепочкинъ, «употребляются наиболѣе безъ наряда» (т.-е. не по принужденію); не имѣя никакихъ другихъ заработковъ, кромѣ фабричныхъ работъ, онѣ «единственно отъ оныхъ получаемою платою дѣлаютъ великое къ содержанию домовъ и семействъ ихъ пособие, почему и работы требуетъ каждая непременно, ибо безъ этого возроптали бы онѣ на содержателя фабрики и лишились бы всякаго пропитанія, а получая готовую всегда работу, всякій большой и малый, мужъ, жена и дѣти, кто и что только можетъ работать, вообще семейству приносить заработныхъ денегъ всякую недѣлю довольно видное число». На многихъ бумажныхъ фабрикахъ также работали женщины, а на шелковыхъ мы вездѣ встрѣчаемъ женскій трудъ; разматываніемъ шелка онѣ очень часто занимались не на фабрикѣ, а дома. На стеклянныхъ фабрикахъ женщины почти нигдѣ не работали. При задѣльной платѣ средней годовой заработокъ работницъ равнялся 25 рублямъ, а по-денно—отъ 6 до 15 коп., но на нѣкоторыхъ фабрикахъ шпуньницы зарабатывали лишь съ небольшимъ по 2 коп. Средняя годовая плата работницъ равнялась 25 руб., мѣсячная — 2 руб., поденная—9 коп.

Дѣтскій трудъ на суконныхъ фабрикахъ былъ развитъ менѣе женскаго: объ немъ упоминается лишь на четырехъ фабрикахъ воронежской губерніи. Напротивъ, на полотняныхъ мануфактурахъ весьма часто работали дѣти. Какъ великъ былъ на нихъ иногда процентъ дѣтей, видно изъ того, что на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ, на которой было всего 528 душъ м. п., при ткачахъ находилось до 90 чел. шпуньниковъ и подавальщиковъ отъ 9 до 12 лѣтъ, да, кромѣ того, еще на дому женщины разматывали пряжу на катушки съ помощью дѣтей. На многихъ бумажныхъ и шелковыхъ фабрикахъ также работали дѣти. Изъ стеклянныхъ же заводовъ только на орловской фабрикѣ Мальцовой мы встрѣчаемъ «хлопцевъ», подававшихъ посуду. Что касается вознагражденія за дѣтскій трудъ, то на суконныхъ фабрикахъ воронежской губерніи малолѣтніе прядильщики (рѣже ирядльщицы) зарабатывали въ день отъ 4 до 12 коп., а въ годъ отъ 15 до 30 руб. На полотняныхъ фабрикахъ при задѣльной платѣ малолѣтніе шпуньники и шпуньницы зарабатывали отъ 4 до 19 руб. въ годъ.¹ Шпуньники и подавальщики отъ 9 до 12 лѣтъ на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ получали отъ 25 до 40 к. въ недѣлю; мальчижи-цевошники на фабрикѣ въ Костромѣ 50 к. въ недѣлю. На фабрикѣ Лугинина въ тульской губерніи заработокъ малолѣтнихъ шпуньниковъ и цевошниковъ падалъ до 18 коп. въ недѣлю или 9 р. въ годъ. Въ день

малолѣтнія цеховницы, получая плату отъ ткачей, зарабатывали отъ 5 до 6 к. въ день. На писчебумажныхъ фабрикахъ дѣти получали въ годъ отъ 10 до 25 руб., подневно отъ 5 до 8 к., но иногда плата падала и до 3 коп.

Нѣкоторые фабриканты, всего чаще имѣвшіе незначительное число крестьянъ, не давали имъ за работу на фабрикѣ никакой денежной платы, а содержали на готовой пищѣ и одеждѣ и платили за нихъ подати. Одинъ изъ владѣльцевъ полотняныхъ заводовъ доказывалъ мануфактуръ-коллегіи, что такое положеніе будто бы гораздо выгоднѣе для рабочихъ, такъ какъ на плату, получаемую вольнонаемными, они не могли бы содержать себя. Но мы видѣли, какимъ стѣсненіемъ считали для себя рабочіе жизнь на самой фабрикѣ ¹⁾.

Впрочемъ, уплату податей фабриканты періодно принимали на себя и за тѣхъ рабочихъ, которые получали опредѣленную плату. На суконныхъ фабрикахъ подати за рабочихъ чаще платилъ фабрикантъ, чѣмъ они сами. Точно также и на полотняныхъ нѣкоторые владѣльцы вносили за своихъ мастеровыхъ не только подати, но и рекрутскія деньги и другіе поборы. Яковлевымъ, которымъ принадлежала большая ярославская мануфактура, это обходилось въ годъ болѣе 20,000 руб.

Кромѣ денежнаго жалованья, на нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе имѣли готовое помѣщеніе. Такъ, напр., на писчебумажной фабрикѣ Попова въ Угличѣ всѣмъ рабочимъ и мастеровымъ были выстроены при фабрикѣ дома, поправленіе которыхъ, отопленіе и освѣщеніе, также какъ и платежи всѣхъ податей и поборовъ принялъ на себя фабрикантъ безъ вычета изъ жалованья. На шелковой фабрикѣ Лазарева, сверхъ денежной платы, на домъ каждаго семейства выдавали по 3 р. въ годъ для покупки дровъ, что составляло для фабриканта ежегодный расходъ въ 600 руб. Довольно разнообразную помощь своимъ мастеровымъ оказывали владѣльцы полотняныхъ фабрикъ Яковлевы. Въ 1802 году на ихъ ярославской мануфактурѣ ржаная мука, приобретенная по 51 коп. за пудъ, отпускалась рабочимъ по 30 коп., а пшеничная вмѣсто 87 — за 50 коп.; такимъ образомъ, на муку въ теченіи года рабочимъ была сдѣлана уступка въ 10,956 р.; кромѣ того, старикамъ, малолѣтнимъ и вдовамъ, 321 чел., было выдано пенсіи деньгами и мукою на сумму 2,672 р. Несмотря на то, тамошніе рабочіе не сводили концовъ съ концами, и нѣтъ

¹⁾ Иногда при готовомъ содержаніи рабочіе получали еще и нѣкоторое денежное вознагражденіе.

приходилось занимать у фабрикантовъ на починку старыхъ домовъ и постройку новыхъ, на празднованіе свадебъ, крестинъ и т. п. до 6,200 р. въ годъ, а всего на рабочихъ накопилось къ 1803 году болѣе 25,000 р. Постройка и ремонтъ жилыхъ помѣщеній производились, слѣдовательно, на этой фабрикѣ на счетъ самихъ рабочихъ; дровъ они также не получали даромъ, а только фабрикантъ, закупаая ихъ въ большомъ количествѣ, уступалъ рабочимъ безъ надбавки и притомъ съ разсрочкой платежа на годъ. Пенсіи старикамъ и малолѣтнимъ сиротамъ, а также и сбавку съ цѣны хлѣба мы встрѣчаемъ и на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ (напр., на шелковой фабрикѣ Лазарева старикамъ и сиротамъ ежемѣсячно выдавалось отъ 50 коп. до 3 р.), но медицинскую помощь рабочимъ мы находимъ только на ярославской мануфактурѣ Яковлевыхъ, гдѣ былъ устроенъ лазаретъ, приглашенъ лекаръ и къ нему опредѣлено три ученика, на жалованье которымъ вмѣстѣ съ лекарствами выходило болѣе 2,000 рублей въ годъ. Объ обученіи грамотѣ дѣтей упоминается только на двухъ фабрикахъ.

Положеніе рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ было самое незавидное. Такъ, напр., на суконной фабрикѣ Кузнецова въ рязанской губерніи къ страшному обремененію фабричною работою (по меньшей мѣрѣ 15—17 часовъ въ день) присоединилось еще безплодіе земли. Понятно, что рабочіе доходили до нищеты и фабриканту приходилось давать бѣднымъ на покупку хлѣба ежегодно отъ 1,000 до 1,500 руб. Встрѣчаемъ, впрочемъ, и примѣры зажиточности среди мастеровыхъ. Такъ, напр., многіе фабричные князя Барятинскаго въ Москвѣ не работали на фабрикѣ сами, а поставляли вмѣсто себя наймитовъ, предпочитая заработки на сторонѣ.

Весьма интересно сравнить полученные нами данныя относительно заработной платы, количества рабочихъ часовъ и т. п. въ первые годы XIX в. съ современными свѣдѣніями по тѣмъ же вопросамъ, чтобы опредѣлить, повысилось ли въ теченіи трехъ четвертей столѣтія вознагражденіе за трудъ. Собственно говоря, сравненіе придется производить тутъ между величинами несоизмѣримыми: съ одной стороны, мы видимъ мастерового, прикрѣпленнаго къ фабрикѣ, принужденнаго подчиняться тѣмъ условіямъ, какія его хозяину угодно будетъ ему продиктовать, съ другой — свободного рабочаго, имѣющаго возможность покинуть фабрику, если его трудъ дурно оплачивается; по самымъ условіямъ задачи, рѣшеніе, повидимому, должно быть неблагоприятно для начала нынѣшняго вѣка. Тѣмъ не менѣе мы все-таки попытаемся сдѣ-

лать подобное сравнение, хотя оно затрудняется нѣкоторыми обстоятельствами. Прежде всего тѣмъ, что въ нашей литературѣ почти нѣтъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ платы, получаемой фабричными рабочими въ настоящее время. Правда, въ различныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ мы находимъ отрывочныя извѣстія по этому предмету, но подробныхъ, обстоятельныхъ свѣдѣній, собранныхъ на многихъ фабрикахъ, почти не существуетъ. Мы помнимъ, что одно изъ отдѣленій съѣзда фабрикантовъ, собиравшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ, постановило ходатайствовать о назначеніи особой коммисіи съ этою цѣлю, однако желаніе это не осуществилось. Приходится довольствоваться тѣмъ, что есть. Намъ извѣстны только двѣ попытки собрать обстоятельныя свѣдѣнія о заработной платѣ, и обѣ онѣ относятся къ московской губерніи. Первая была сдѣлана въ 1868 году центральнымъ статистическимъ комитетомъ—для всей этой губерніи, вторая въ 1876 году—въ одномъ московскомъ уѣздѣ—тамошнимъ уѣзднымъ земствомъ. Результаты перваго изслѣдованія напечатаны вполнѣ ¹⁾, выводы же изъ втораго сгруппированы въ небольшой, но весьма интересной статьѣ г. Исаева ²⁾. Этими свѣдѣніями намъ и придется поневолѣ ограничиться.

Для того, чтобы сравненіе было ближе къ истинѣ, мы должны брать данныя относительно вознагражденія за трудъ на однородныхъ фабрикахъ какъ для начала XIX в., такъ и для настоящаго времени. Выбираемъ съ этою цѣлю суконныя, во-первыхъ потому, что къ нимъ всего болѣе было прикрѣплено крѣстьянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а также и потому, что о положеніи рабочихъ этого рода мы находимъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія и для настоящаго времени. Дѣлая средній выводъ изъ данныхъ «Статистическаго Временника», мы находимъ, что средняя годовая плата работника на суконныхъ фабрикахъ—около 120 р., мѣсячная около 13 р. Но этихъ выводовъ мы не можемъ признавать вполнѣ соответствующими дѣйствительности, такъ какъ въ «Статистическомъ Временникѣ» сплошь и рядомъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о заработкахъ въ различныхъ производствахъ, а указанъ только максимумъ и минимумъ заработка рабочихъ на той или другой фабрикѣ, и, слѣдовательно, наибольшіе заработки, получаемые немногими рабочими, непременно должны повышать среднюю цифру вознагражденія при ея вычисленіи. Поэтому мы предпочитаемъ данныя, полученные при

¹⁾ Статистическій Временникъ Росс. Имп. Серія II, выпускъ 6. Спб 1872 г.

²⁾ „Нѣсколько страницъ въ фабричную хронику“. „Отеч. Зап.“, 1877. № 9.

внимательномъ осмотрѣ фабрикъ одного московскаго уѣзда, сдѣланномъ тамошнимъ земствомъ. Изъ статьи г. Исаева видно, что средній размѣръ мѣсячнаго заработка на суконныхъ фабрикахъ слѣдуетъ принять въ 9 р., что составитъ въ годъ 108 р.; эта цифра довольно близка и къ выводу относительно годовой рабочей платы, полученному нами на основаніи свѣдѣній статистическаго комитета.

На посессіонныхъ суконныхъ фабрикахъ начала XIX в. мы можемъ принять средній годовой заработокъ рабочаго въ 60 р.

Но при сравненіи размѣровъ денежной платы въ различные эпохи нужно брать не абсолютныя, а относительныя величины, т.-е. то количество первыхъ жизненныхъ потребностей, какое рабочий можетъ приобрести на средства, даваемые ему фабричнымъ трудомъ. Такъ какъ пища—самая важная изъ этихъ потребностей, то мы и можемъ для нашей цѣли удовольствоваться сравненіемъ цѣнъ на хлѣбъ и именно на рожь, въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ настоящее время. Къ сожалѣнію, относительно московской губ. мы имѣемъ для первыхъ годовъ XIX в. данныя о цѣнѣ недостаточно опредѣленныя. Намъ извѣстно только, что въ періодъ времени отъ 1797 до 1803 г. стоимость четверти ржи колебалась между 4 р. 90 к. и 7 рублями ¹⁾. Взять изъ этихъ двухъ цифръ среднее пропорціональное, т.-е. принять цѣну ржи за это время въ московской губ. въ 5 р. 95 к., было бы едва ли справедливо. Это подтверждается сопоставленіемъ данныхъ относительно московской губ. съ подробными свѣдѣніями о цѣнахъ хлѣба въ ярославской и тульской губерніяхъ, относительно которыхъ мы имѣемъ въ неизданныхъ источникахъ свѣдѣнія о каждомъ годѣ въ періодъ времени съ 1797 по 1803 г. Средняя цѣнность четверти ржи за это время для тульской губ. равнялась 3 р. 40 к.; но такъ какъ эта мѣстность находится относительно своего продовольствія въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ московская губ., то для насъ гораздо важнѣе свѣдѣнія о губерніи ярославской, мѣстности съ нечерноземною почвою, промышленностію уже весьма развитою въ то время и т. п. Тамъ средняя цѣна четверти ржи за тѣ же годы равнялась 4 р. 50 к. Слѣдовательно, если мы примемъ, что стоимость четверти ржи въ среднемъ была тогда въ московской губ. 5 р. 50 к., то это будетъ скорѣе много, чѣмъ мало.

¹⁾ Замѣчанія къ таблицамъ, показывающимъ цѣны нужнѣйшимъ съѣстнымъ припасамъ въ Москвѣ съ 1782 по 1803 г. См. „Статистическій журналъ“ Германа, 1806 г., т. I, ч. 2, стр. 172.

Что касается цѣнъ на хлѣбъ въ московской губерніи въ настоящее время, то съ 1867 по 1871 г. цѣна четверти ржаной муки при оптовой покупкѣ торговцами колебалась между 6 р. 50 к. и 8 р. 40 к., а средняя стоимость равнялась 7 р. 33 к. Немолотая рожь была нѣсколько дешевле, но за то въ розничной продажѣ стоимость ея значительно повышалась, такъ что мы можемъ принять, что четверть ржи обходилась въ эти годы рабочему въ московской губ., въ среднемъ, въ 7 р. 30 к. Итакъ, въ первые годы XIX в. рабочій на 60 р. въ годъ могъ приобрести 11 четвертей ржи, а въ 1867—1871 годахъ на 108 р. —15 четвертей. Повидимому, вознагражденіе рабочаго увеличилось на четыре четверти въ годъ. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что это повышение чисто фивтвное. Прежде всего нужно замѣтить, что количество рабочихъ часовъ въ теченіи 75 лѣтъ весьма значительно увеличилось. Между тѣмъ какъ въ первые годы XIX в. средній рабочій день равнялся 12 часамъ, въ настоящее время, по свидѣтельству г. Исаева, если даже не считать исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ продолжительность рабочаго дня повышается до 16—17 часовъ, всего чаще фабричные работаютъ 13—14 часовъ. Увеличеніе это обуславливается введеніемъ машиннаго производства. Въ прошломъ столѣтіи и первые годы нынѣшняго, рабочій день сильно сокращался въ осеннее и зимнее время, между прочимъ потому, что, при гораздо меньшей производительности труда въ то время, расходъ на освѣщеніе фабрики въ долгіе зимніе вечера далеко не окупался въ той степени, какъ это бываетъ теперь, когда каждая лишняя минута, проведенная рабочимъ на фабрикѣ, положить не мало лишнихъ рублей въ карманъ ея владѣльца. Лѣтомъ же сукопщики, громадное большинство которыхъ имѣло земли, нерѣдко отпускались съ фабрики на одинъ, на два мѣсяца для ея обработки. Затѣмъ, при сравненіи современной рабочей платы съ заработками фабричныхъ въ прежнія времена, нужно принять во вниманіе увеличеніе интензивности труда въ настоящее время, такъ какъ вольнонаемный рабочій при машинахъ трудится, разумѣется, не такъ, какъ крѣпостной рабочій при ручномъ производствѣ, и слѣд. въ одно и то же время затрачиваетъ сравнительно съ послѣднимъ гораздо большее количество труда. Наконецъ, нужно помнить, что фабрикантъ въ началѣ XIX в. сплошь и рядомъ платилъ подати и другіе сборы за своего рабочаго, оказывалъ ему различныя вспоможенія въ видѣ уступки при продажѣ хлѣба и т. п., отчего современные заводовладѣльцы совершенно избавлены.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, гораздо болѣе благоприятныя для мастероваго начала XIX в., чѣмъ для современнаго рабочаго, мы приходимъ къ выводу, что экономическое положеніе современнаго рабочаго нисколько не лучше того, въ какомъ находился мастеровой, прикормленный къ фабрику, въ началѣ XIX в., что выгоды свободы, которою пользуется первый, оказываются, при давленіи непосильнаго бремени податей и другихъ неблагоприятныхъ условій, чисто фиветивными. Если же мы сравнимъ его заработки съ вознагражденіемъ, которое въ то время получали вольнонаемные рабочіе, трудъ которыхъ сплошь и рядомъ оплачивался лучше обязательнаго, то выводъ будетъ еще неутѣшительнѣе. И вотъ въ это-то время, когда экономическое положеніе нашего рабочаго класса не улучшается, а во многихъ отношеніяхъ даже ухудшается сравнительно съ временами господства обязательнаго труда (для подтвержденія этого, стѣбитъ только упомянуть объ уменьшеніи земельныхъ надѣловъ), въ то время когда всѣ силы общества и правительства должны были бы быть прежде всего направлены на борьбу противъ серьезной опасности народнаго обнищанія, наши политиканствующие публицисты подталкиваютъ насъ къ выполненію иныхъ задачъ, яко бы возложенныхъ на насъ исторіею, или даже храбро трубятъ походъ въ Индію.

ВАСИЛІЙ СЕМЬВСКІЙ.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ

ПОВѢСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

На околицѣ деревни Ступино Ѳеда встрѣтилъ знакомаго мужчину изъ этой деревни.

— Ѳедору Герасимычу!—сказалъ тотъ, приподнимая шапку,— Али къ намъ?.. Сестру провѣдать нечто?..

— Да, побывать...

— Доброе дѣло... Побывай!.. провѣдай!.. Дѣло хорошее... понавѣдайся!..

Тотъ, съ которымъ были сказаны эти слова, показавшись Ѳедору недобрымъ, подозрительнымъ. Онъ приостановился.

— Все ли у нихъ благополучно? Всѣ ли здоровы?.. Давно слуху-то не было отъ нихъ къ намъ... Здоровы ли живутъ?..

— Да, вѣжись, ничего, здоровы... Анну-то я видѣлъ сегодня въ полѣ: допахивала...

— Какъ Анну?.. Сама пахала?—переспросилъ Ѳеда.—Развѣ... Да развѣ у нихъ еще не посѣяно?..

— Да видать, что нѣтъ... Знать допахивала, кончала сегодня... Сама, сама пахала... Самъ видѣлъ...

У Ѳеди замеръ на языкѣ вопросъ: какъ же это—баба мужицкую работу справляла? Чтò же Кирила-то дѣлаетъ?.. Но вмѣсто этого, онъ промолвилъ только:

*) См. примеч. октябрь, 658 стр.

— Заповдали они нонѣ... Заповдали!.. Вездѣ ужъ обѣялись...

— Какъ теперь не обѣяться... Время самое ужъ... отошло... Ты провѣдай, провѣдай сестру-то... Доброе дѣло!..

Опять Федѣ почудилось въ тонѣ мужа что-то неладное и нерадостное, но онъ не хотѣлъ пытаться и спрашивать о своихъ родныхъ у посторонняго человѣка и, попрощавшись, пошелъ было впередъ, но остановился и окликнулъ уходящаго мужа вопросомъ:

— А Федотъ-то Семенычъ дома?

— Не вѣду доподлинно-то, — отвѣчалъ мужикъ. — Мало онъ дома-то водится... Кажись, дома былъ...

— Строится онъ... — закричалъ мужикъ, отойдя уже много шаговъ впередъ и вдругъ снова оборачиваясь.

— Кто? — спросилъ Федя.

— А Федотъ Семенычъ... Какъ же, строится!.. Новы срубы ставить... На огородѣ... Подѣ, увидишь...

«Что за притча такая?» раздумывалъ Федя, невольно прибавляя шагъ. «Что-нибудь у нихъ да неладно...»

Въ извѣстѣ Федоръ засталъ Анну одну. Она очень ему обрадовалась и порывисто бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, батюшка, Федянушка... Откуда тебя Богъ принесъ?.. Ровно съ нѣба свалился, неждано-негаданно... Садись, батюшка, садись, родимый...

— Никого нѣтъ въ извѣстѣ-то, никого... Я одна... одна я!.. — продолжала она, замѣтя, что братъ осматривается и ищетъ глазами: нѣтъ ли кого еще изъ домашнихъ.

— Да гдѣ же всѣ?..

— А матушка-то въ горницѣ: они тамъ теперь живутъ съ батюшкой... Батюшко-то на огородѣ... Тамъ у него плотничаютъ, такъ онъ назираетъ... А Кирила Федотычъ... не знаю, гдѣ онъ... Никуда ушелъ... Не сказался... Я пойду батюшке-то скажу, что ты пришелъ...

— Не надо, погоди... Дай, поговоримъ покамъ одни... Я и дорогой слышала, что строится Федотъ-отъ Семенычъ... Что-то это онъ? Съ чего это вздумалъ?

— А не знаю, Федянушка... Такъ судалось ему: пушай, говорить, у меня своя избушка будетъ, коло пчель... А вы здѣсь хозяйствуйте, какъ знаете...

— Ну, а какъ у нихъ съ Кирилой-то, ничего?.. Никакой ссоры, али неудовольствія?..

— Нѣтъ, кажись, ничего, все слава Богу... — отвѣчала Анна какъ-то нерѣшительно и оглядываясь на входныя двери.

— И у васъ съ нимъ все благополучно? Ничего? Не обижаетъ тебя?..

— Нѣтъ, Оедянушка, ничего... Не пожалуюсь... Все благополучно... Все слава Богу... Да не хощь ли поѣсть съ дорожками-то?.. Вотъ самоварчикъ бы, вѣдь, надо наставить про тебя...

— Нѣтъ, ничего не надо... Вотъ, перво къ Оедоту Семенычу схожу, поздороваюсь... А что это вы запоздали сѣять-то нынче?.. Сказывали, будто ты вчера еще только допахивала...

— Да, запоздали, запоздали нонѣ маленько.

— Какое маленько: въ людяхъ до Успеньева дня засѣялись... Отчего же это такъ вы?..

— Да такъ вотъ все за дѣлами: успѣхъ не взять... То, да другое, такъ и не поспѣли...

— А сама, сказываютъ, допахивала-то...

— Сама, сама, Оедя... Что же?.. Вѣдь, не орать: пахать-то не въ примѣръ проще... За сохой-то ходи да держись только: лошади сама научить...

— А сѣять-то кто-же? Неужто и сѣяла сама?..

— Нѣту, Оедюша, гдѣ самой!.. Не умѣю я, дура, сѣять-то... не умѣю... Сѣять-то самъ Кирила Оедотычъ... Онъ сѣялъ...

— Все самъ сѣялъ?..

— Кое онъ, а то успѣхъ не бралъ: сосѣда просила... Помогъ, спасибо!.. Да, право, Оедянъ, поѣлъ бы чего... Не хощь ли?..

По уклончивости, торопливости отвѣтовъ Анны, по робкому оглядыванью на дверь, Оедя понялъ, что сестра боится сказать что-нибудь не впопадъ, что могли подслушать и услышать за дверями. Очевидно, она тяготилась разспросами Оедора и боялась, чтобы ихъ разговора не подслушала Оедосья Осиповна, которую отдѣляли отъ нихъ только одни узкія сѣни. Оедя всталъ, чтобы идти.

— Куда же ты?—испуганно спросила его Анна.

— А къ Оедоту Семенычу пойду, на огорѣхъ...

— А... Ну да, ступай, ступай батюшка, онъ тамъ... А я ужъ думала... Да ты какъ, нарочно къ намъ, али куда по пути шелъ, да зашелъ?..

— И по пути, и нарочно... Я, вѣдь, отпросился у батюшки вовсе... Въ люди иду, работы искать...

— Ну-у!.. На долго ли же?

— Да какъ проживется... али покамъ домой не потребуютъ: какую работу найду, сколько промышлять буду...—не знаю еще ничего...

— Вотъ ты какъ, Оедюша!.. Уйдешь отъ насъ, батюшка!..

И не увидишь тебя!.. Что же это дома-то тебѣ надокучило?.. Кажись бы у насъ съ тятенькой жить ничего, вальготнѣе... Обиди нѣкакой нѣтъ... Что же ты это, родимый мой?.. Отъ своего родного дома въ чужіи люди надумалъ?.. А?..

— Такъ, хочу счастья поискать въ людяхъ... Дома-то еще наживусь...

— Ну-у... Вотъ ты что надумалъ!.. Не съ кѣмъ будетъ и посовѣтовать и горе огоревать безъ тебя...

Анна разчувствовала-было и щеку подперла рукой, но вдругъ опять точно чего испугалась, спохватилась и пошла впередъ брата отворять ему дверь...

— Такъ погостишь, чай, у насъ сколько-нибудь?..—спросила она, провожая брата, уже въ сѣняхъ.

— Ночку переночую, а утре ужъ пойду... Да вотъ, что еще Ѳедотъ Семенычъ скажетъ...

Свади избы Ѳедота Семеныча узкой полосой танулся его огородъ. Около двора шли гряды съ капустой, огурцами, морковью, а въ другомъ концѣ стояло нѣсколько тычинъ съ хмѣлемъ, росла старая развѣсистая береза и нѣсколько рябинъ, покрытыхъ гроздьями красныхъ ягодъ; тутъ же, по забору, разставлены были и колоды съ пчелами. На луговинѣ, отдѣлявшей гряды отъ пашки, между березой и рябинами, стояла, почти совсѣмъ уже отстроенная и покрытая, маленькая избушка, которой не было прежде. Это новое жилье, которое строилъ Ѳедотъ Семенычъ, казалось совсѣмъ сиротской кельей: съ низенькой дверью, съ двумя маленькими окнами. Внутри избушки слышался стукъ топора.

«Неужели старикъ въ этой лачугѣ жить хочетъ изъ-за своего дома, свѣтлаго, просторнаго?» думалъ Ѳеда.

Онъ отворилъ дверь. Въ избушкѣ, сидя на простомъ чурбанѣ, Ѳедотъ Семенычъ обтесывалъ какую-то плашку. Онъ былъ въ одной рубахѣ, сидѣлъ сторбившись и не имѣлъ того сановитаго вида, которымъ отличался, бывало, не только среди рядовыхъ мужиковъ, но и среди другихъ старшинъ. Ѳедѣ показалось, что онъ за последнее время сильно постарѣлъ и опустился.

При входѣ Ѳеди, онъ поднялъ голову. Лицо его, передъ тѣмъ задумчивое, печальное, оживилось.

— Ахъ, дружище, какими судьбами?—сказалъ старикъ, откладывая въ сторону топоръ.—Вотъ спасибо!.. Радъ я тебѣ!.. Сватушка здоровъ ли?..

— Слава Богу, кланяться приказалъ вамъ, Ѳедотъ Семенычъ. А вы что это, плотничаете сами?..

— Да вотъ, братъ Ѳеда, задумалъ себѣ келью особливую

устроить... Хотѣлъ сначала около церкви, на оградѣ построиться, да раздумалъ: точно ужъ очень на показъ людямъ, что вотъ, молъ, спастись человекъ хочетъ... Ну, да и отъ своихъ далеко... А правду тебѣ сказать, грѣха не потаить: больше того—пчелки пожалѣлись!.. Привыкъ я къ ней, люблю очень, стосковался бы безъ нея, а ужъ на оградѣ ея не заведешь... А здѣсь, смотри-ка, какъ у меня будетъ важно: посмотрѣлъ въ окошечко—вонъ они всѣ у меня на глазахъ: и рой, коли время придетъ, не отлетитъ ужъ у меня отъ рукъ, не уйдетъ... Все въ глазахъ!.. Вотъ къ избушкѣ-то еще закутку придѣлаю теплую, омшанникъ: туда ихъ на зиму прятать... И тутъ всегда на глазахъ будутъ: не далеко ходить-то, за стѣной только будутъ...

— Такъ неужто вы и зиму тутъ будете жить?

— А что же? Чудесно!.. Развѣ плохо? Смотри-ка... Изба-то будетъ теплая, потому не высока, а печь большая: тепла будетъ довольно... Вотъ, полатки сдѣлалъ. Переваживайся съ печи на полати... А очень воспользуешься—вонъ лавки какія широкія... На лавкѣ прокладывайся сколь хочешь!.. Вотъ тутъ иконы поставлю... какъ быть слѣдуетъ.. Неугасимую заведу: пускай горитъ за грѣхи мои!.. Вѣдь то любо: и лавки, и голбець, и полатки, и для образовъ кѣтъ, все почитай самъ сдѣлалъ, своими руками... Только доски мнѣ плотникъ выстрогалъ, а то все самъ... Ты думалъ, я топоромъ-то ужъ вовсе не умѣю, али отвыкъ совсѣмъ?.. Нѣтъ, вотъ смотри: кое-какъ, а все приладилъ какъ быть слѣдуетъ... Правда, пословица-то говорится: старый—что малый... Вотъ, вѣдь, что лавку сколотилъ, али голбець?—пустое, а мнѣ любо, что самъ... своими руками... Такъ-то, другъ!.. Вотъ мнѣ въ старшинахъ сидѣть только до зимы осталось... Какъ выйду, такъ у меня и уголь свой есть: запрусь здѣсь, ровно монахъ, али скитникъ какой, и буду жить одинъ, подальше отъ людей, да отъ грѣха... Да ужъ и пора, давно пора!..

— Да что же вамъ за охота изъ-за своего дома, изъ-за родной семьи, да одному жить?.. Оедосѣя Осиповна, слава Богу, здравствуетъ... Кирила съ Анной при васъ... Все бы, кажется, лучше со всѣми виѣстѣ...

— А ты, Оедюша, со мной не хитри и душой не криви... Ты умный, и всѣ наши домашніе порядки знаешь... Старуха, коли захочетъ со мной жить, такъ и здѣсь будетъ: мѣста станетъ про обонхъ; только она не пойдетъ отъ сына, хошь бы и лучше было, кабы ушла... Ну, а ужъ сыну далъ я волю, какъ хочетъ, все ему сдать, такъ нечего ему и мѣшать...

— А что же, Ѳедотъ Семенычъ, развѣ у васъ съ Кирилой-то опять не лады, али вамъ что не по мысли дѣлается?..

— Нѣту, да вѣдь я ни во что не вхожу и не смотрю... Если спросить что, ну скажу, а до нѣтъ, молчу... Ужъ, вѣдь, самъ ты говорилъ, что если волю, такъ надо полную волю дать и не мѣшать: пускай самъ какъ хочетъ и какъ умѣетъ... Помнишь, говорилъ!.. Ну, вотъ тогда мнѣ твое слово и запахло: не оттого ли, молъ, и все наше горе вышло, что я ему ни въ чемъ спуску не давалъ, все докучалъ?.. Вотъ теперь ужъ ни во что и не вступаюсь: какъ хочетъ!.. Онъ ничего, не грубиянничать со мной, не сдорить, а только что вижу: мѣшаемъ мы другъ другу... То гость къ нему придетъ, мнѣ не по мысли, то погулять ему хочется, а у меня на глазахъ опасится... Ну, и бѣжить изъ дома, жену одну покидаетъ, хозяйство бросаетъ... То и самъ я не утерплю когда, скажу что — вижу ему не по мысли... Перетерпѣть бы, смолчать, что ни видишь, да иной разъ, по старости лѣтъ, что ли, али почему, и не вытерпишь... Такъ ужъ лучше отъ грѣха подальше!.. Вотъ Анну твою жалко!.. Жалко бабу!.. Хорошая она, добрая жена, а тяжеленько ей!.. И не столь черезъ мужа, нѣтъ, а больше черезъ мать... Вижу, баба изъ силъ бьется, угождаетъ старухѣ, а все не можетъ потрафить: въ печкѣ ее не подпускаетъ, а какъ что не спорится, али не дѣлается, по старости ея лѣтъ, та же Анна виновата... Пробовалъ унимать свою-то — хуже только!.. Да, хорошо, кабы мнѣ старуху-то свою отъ нихъ уманить, много бы лучше Аннѣ было!.. Онъ, вѣдь, не злой, Кирила... Нѣтъ!.. Безпутенъ онъ только, разбалованъ!.. Одни-то бы, можетъ, ужились лучше: какъ-нибудь обломались бы другъ объ друга... Ну, да что говорить: теперь это дѣло ихное... Мое дѣло въ сторонку отойти да не мѣшать... Лучше, какъ ничего не видишь и не знаешь!..

Ѳедотъ Семенычъ невольно глубоко вздохнулъ. Видно было, что онъ дѣлалъ надъ собою усиліе: не все высказывалъ, что думалъ, зналъ и чувствовалъ.

— Ну, да, что тутъ толковать: ты самъ уменъ, день проживешь — все увидишь... — промолвилъ Ѳедотъ Семенычъ. — Разскажи-ка мнѣ лучше, какъ выживаете... Что ты объ себѣ-то одумалъ? Невѣсту не высваталъ-ли?..

— Нѣту, Ѳедотъ Семенычъ... Я отпросился у батюшки... Пустилъ меня, спасибо, вовсе: работы на сторонѣ поискать... Вотъ на ровномъ и къ вамъ зашелъ: попрощаться да наставленія твоего попросить...

— Да что ты самъ-то надумалъ? Куда хочешь идти-то?..

— Намѣреніе мое: идти на заводы; около купцовъ работы поискать, по моему ремеслу.

— Это рѣзъ-то рѣзать?..

— Да, и постолярничать что... Всякую бы вещь, выжечь, сдѣлать, только покажи... Вотъ развѣ инструмента только нѣтъ у меня... всякаго... А если бы у меня инструментъ всякій былъ, кажется, ничто бы отъ рукъ не отбилось... Вотъ пинцетъ съ секретомъ знаю дѣлать, только деревъ у меня никакихъ нѣтъ, а безъ деревъ никакъ нельзя... Ну, что одна береза... А купцы нѣбуть состояніе: всякихъ деревъ накупить могутъ... А главная причина, — какъ къ механикѣ у меня пристрастіе большое: къ машинамъ бы какъ попасть желательно... Вотъ около машинъ бы какъ на фабрикѣ пристроиться!..

— Около машинъ!.. Это дѣло!.. Вотъ что... Есть у меня одинъ знакомый купецъ... Поинтаться развѣ къ нему?.. Сегодня ужъ ты переночуй у насъ, а завтра я съѣзжу съ тобой къ нему... По крайности, поговорю про тебя, да попрошу: все, чай, лучше, тѣмъ такъ одинъ, незнаемый, ридиться придется... Самому-то со-бой хвалиться не смодручно... Ну, а я-то ужъ знаю что про тебя сказать... Вотъ, коли хочешь!..

— Ужъ на что этого лучше, Федотъ Семенычъ: не оставьте, не побите... Известно, коли ужъ вы съѣздите, да поговорите, такъ купецъ, особливо, коли знакомый, тотчасъ возьметъ меня...

— Ну, не больно, братъ... Купцы, такой народъ, онъ на слово-то и отцу родному не повѣрить: онъ смотритъ на человѣка-то по дѣлу, а не по словамъ... Взять-то онъ возьметъ всякаго рабочаго, коли только онъ ему надобенъ... Ну, да ужъ и выжметъ изъ него все... Развѣ что этотъ — благопріятель мой большой... Принимаетъ меня за всегда... И самъ человѣкъ добрый, благотвори-тельный человѣкъ!.. Вотъ попытаемся утра... Съѣдимъ!.. Да что мы здѣсь сидимъ — у пустого-то мѣста... Пойдемъ въ домъ... Тебѣ, чай, съ сестрой повидаться хочется, да и поѣсть надо съ дороги?..

— Я съ сестрой ужъ видѣлся, Федотъ Семенычъ...

— Такъ что же она?.. Поди, чай, нѣтъ не угостила, и самоварчика, чай, не наставила... Пойдемъ, пойдемъ!.. Кирила-то, поди, нѣтъ дома, шатайся гдѣ-нибудь, а хозяйствуетъ-то нонѣ мать, Анюха-то, чай, не смѣетъ и самовара-то поставить про тебя... Чудное дѣло: не влюбила, братецъ, тебя моя старуха!.. И за что? сама не знаетъ... Да нѣтъ, не хорошо, не хорошо нонѣ у меня въ дому... Правда, не у меня, у сына!.. Я нонѣ все молчу!.. Ужъ ни во что не вступаюсь, и не говорю ни слова!..

Вотъ только тебя-то увидѣлъ, обрадовался, языкъ у меня ровно развязался, а то я нынче въ молчаливике поступилъ: какъ домой пріѣхалъ, такъ и рѣчей у меня нѣтъ... А только не хорошо.. не хорошо!.. Все не по мысли мнѣ, не по-моему!.. Ну, да ужъ дать волю, такъ какъ хотять, не мое дѣло... А все-таки ты мой гость!.. Я своего гостя угостить могу, какъ слѣдуетъ...

— Да вы не безпокойтесь, Ѳедотъ Семенычъ... Я ничего не хочу...

— Ну, ужъ братъ, нѣтъ... Ты меня не обижай... У меня все свое... Я не поклонюся... Я своимъ тебя угощать стану, не сыновнинымъ... Я, вѣдь, еще не на чужихъ хлѣбахъ живу... Слава Богу, свое имѣю!.. Сами звали меня жить-то въ себя!.. Сами просили, а я могу прожить и одинъ... Ты у меня гость дорогой, я тебя люблю!.. Они должны всячески почитать тебя...

Ѳеда съ грустью прислушивался и смотрѣлъ на Ѳедота Семеныча. Онъ не узнавалъ его: откуда взялась въ немъ старческая болтливость, плохо скрываемая бессильная раздражительность и недовольство, какая-то жалобная и жалкая нота въ тонъ его голоса, откуда это въ старикѣ, полгода назадъ, бодромъ, сильномъ, молчаливомъ и рѣшительномъ?.. Даже по вѣншиности онъ сильно измѣнился, опустился и постарѣлъ: голова не держалась такъ высоко, глаза не смотрѣли такъ прямо, спина согнулась, измѣнилась походка, какъ будто даже ростомъ онъ сталъ ниже прежняго...

II.

— Что же ты это, Анюха, самоваръ-то и не поставила про брата.. А?.. Ахъ, ты, безстыдница экая!..—говорилъ Ѳедотъ Семенычъ, войдя въ избу.

— Да онъ не велѣлъ, батюшка...

— Да что его слушать... Это хозяйское дѣло, а не гостево: хозяйева должны угощать, а гость только угощеніе принимать... Ставь-ка, ставь скорѣй!.. А я пойду велю Ѳедосѣ чай заварить, да насъ напоить... А сама не захочетъ, ты разольешь.. Вотъ я сейчасъ схожу... Мать-то въ горницѣ, чай, сидитъ?

— Да, надо быть, тамъ...—отвѣчала Анна.

— А Кирюшки все нѣтъ?..

— Нѣтъ, еще не бывалъ..

— Ахъ, шатунъ, шатунъ.. Право, шатунъ!.. — проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ, повидимому добродушно, но съ вздохомъ, и вышелъ изъ избы.

— Да что, Кирюха-то, видно, опять сталъ зашибаться? — спросилъ Федя, обращаясь къ Аннѣ, которая хлопотала съ самоваромъ.

— Да, вѣдь, не по всякъ день, Федя, нѣту!.. Срѣдка развѣ когда!.. А то, вѣдь, онъ и работаетъ, и дома сидитъ...

— Да что ты отъ меня скрываешься, правду-то не говоришь, Анна?.. Говори теперь: они тамъ, старики, разговариваютъ промежъ собой, не услышать, говори!..

Анна взглянула на брата, потомъ повернула голову къ двери, какъ-бы прислушалась, затѣмъ быстро бросилась къ нему на шею и проговорила ему на ухо:

— Ахъ, много бы говорить-то нужно, Еединька, разсказать бы тебѣ все, душеньку отвести, да долго говорить-то... да и боюсь!.. А большие на Бога надѣюсь: авось Господь на путь истинный наставитъ... А плохо, Еединька, плохо!.. И зашибаться сталъ, и гуляетъ, и изъ дома тащить на сторону, таскомъ тащить... Нишкени, батюшка, нишкени!.. Идутъ, кажись?..

И Анна опять отскочила отъ Федора къ печкѣ и къ самовару. Въ избу вошелъ Федотъ Семеновъ, неся въ рукахъ чайникъ и чашки. Лицо его было мрачно; онъ былъ видимо взволнованъ; руки его дрожали.

— На-ка, Анна, бери...—проговорилъ онъ отрывисто.—Ужъ до чего дожмъ, Господи, что своя жена слушаться не хочетъ... Старая старуха—и та воли захотѣла!..

Федотъ Семеновъ злобно усмѣхнулся.

— Ужъ пускай бы сама не пила, а то чаю вздумала не давать... Моего-то же чаю, да не даетъ... Чудеса! ей-Богу!.. Рехнулась она у меня... Знаю, говорить, для кого этотъ чай... Живетъ и безъ него!... Дура, право, дура!..

— Отъ превлонности лѣтъ это ихнихъ...—успокоивалъ его Федя.

За чаемъ, который разливала Анна, въ бесѣдѣ о будущемъ Федя, Федотъ Семеновъ развеселился, какъ будто забылъ о всемъ, что его тревожило, и сталъ опять похожъ на прежняго. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что Анна наливала только для нихъ чай, а сама не пила.

— Анна, отчего же ты не пьешь?—спросилъ онъ.

— Ну, батюшка, кушайте сами... Я не хочу...

— Почто врешь: не хочу?! Пей, пей!.. Отчего не пьешь?...

— Да ну, я послѣ... Кушайте перво сами-то... Вотъ останется, и я напьюсь...

— Да врешь... Я знаю, что у тебя въ головѣ: ты свекрови

боясь, что попрекать станетъ... Не бойся: мой чай-то, не ваптъ!.. Я на свои деньги покупалъ... Я потчую!.. Ней же, говорить, сейчасъ, вмѣстѣ съ нами!..

— Не сходить ли мѣ, батюшка, лучше сначала матушку попотчивать?..

— Не надо, не надо, пустяки!.. Я самъ звалъ!.. Не пошла, такъ вакого ей еще зва... И пойдешь, такъ уйдешь ни съ чѣмъ, либо пугнешь, да обругаешь... Что ты думаешь: развѣ я вашихъ дѣловъ не вижу?.. Что молчу-то?.. Не думай, я все вижу, всѣ прижимки ея противъ тебя вижу... Пыталъ и усовѣщевать и бранить ее, дуру... Что съ ней подѣлаешь!..

— Знаю и я, батюшка, что ты мой радѣльщикъ... По тебѣ только и живу...

У Анны навернулись слезы, голосъ задрожалъ; много бы ей хотѣлось сказать, но она опять спохватилась, замолчала и невольно выглянула въ сторону двери. На этотъ разъ это было кстати, потому что дверь открылась и въ ней показался Кирила въ сопровожденіи матери. У Федосы Осиповны выраженіе лица было таково, точно она сейчасъ сказала, или хотѣла сказать сыну:

— Посмотри-ка ты, свѣтъ ты мой ясный, — что они безъ тебя дѣлаютъ, какихъ гостей привѣчаютъ, какіе пиръ сводятъ!.. А мать безъ тебя въ сторонѣ, въ загонѣ!..

Кирила былъ на-веселѣ и въ хорошемъ расположеніи духа: если мать и успѣла ему шепнуть такіа рѣчи, которыя выражали ея глаза и лицо, то онѣ не произвели, повидимому, на сына никакого впечатлѣнія.

— А, гость дорогой, Федоръ Герасимычъ... Сколько лѣтъ, сколько зимъ!.. — проговорилъ онъ, радушно протягивая руку поднявшемуся съ мѣста Федѣ.

— Здравствуйте, Федосы Осиповна, — обратился съ своей стороны Федя, почтительно кланяясь старухѣ, которая что-то про-бормотала въ отвѣтъ и съ явительной гримасой умышленно низко поклонилась ему.

Анна уступала-было свекрови свое мѣсто, но та отворотилась и съ недовольнымъ, обиженнымъ лицомъ усѣлась въ сторону, въ уголокъ, нарочно подальше отъ стола, на которомъ пили чай.

Федотъ Семенычъ молча и исподлобья смотрѣлъ на всю эту сцену.

— Садись, садись, Федоръ Герасимычъ... Дай-ка и мѣ, Анна, чайку-то... — говорилъ между тѣмъ Кирила, избѣгая встрѣтиться со взглядомъ отца. Матушка, а что же ты-то? подитайся: мѣсто про всѣхъ будетъ. . Испей и ты чайку-то съ нами...

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю... Гдѣ ужъ мнѣ чай рас-
пивать... Не привычна я!.. Я и такъ посижу!..

— Анна, да чай-то можешь спили, такъ можно свѣженъаго
заварить...—продолжалъ между тѣмъ Кирила, не слушая словъ
матери.

— Не знаю какъ свазать... Кажись, не больно жидокъ еще...—
робко отвѣчала Анна, въ нерѣшимости стоя около своего мѣста.—
Матушка, вотъ бы сѣла... да разливала бы... Вотъ... пожалуй,
сидись, матушка!..

— Полно-ка, ужъ полно... Не манежничай!.. Хозяйка, такъ
хозяйкой и сиди!.. Сама пей и гостей угаживай!.. А мы и въ
кути просидимъ! Намъ и такъ хорошо, и безъ чаю!.. Вѣдь-отъ
прожили, не больно набалованы чаемъ-то... Это вы привычны чай-
ничать-то, молодые!.. Вы и чайничайте!..

— Полно, матушка... Это напрасный разговоръ... — рѣзко
замѣтилъ Кирила.—Вонъ чай-отъ жидокъ: поди-ка, принеси еще,
да подсыпи!..

Өедось Осиповна нѣсколько мгновений помялась, чтѣ-то про-
бормотала, но не могла послушаться сына: встала и пошла въ
свою свѣтелку за чаемъ. Өедотъ Семенычъ глубоко вдохнулъ
и сердито крякнулъ.

— Ну какъ живешь-поживаешь, Өедя?—спросилъ Кирила.

— Да понемножку...

— Чтѣ больно давно не заглядывалъ къ намъ?.. Ровно и
дорогу забылъ...

— Да все за дѣлами: никакъ нельзя было...

— Да ужъ эти дѣла, братъ, монѣ... Бѣда!.. Замаяли вовсе!..
Лѣто никакое нескладное: дожди отъ работы вовсе отбивали...
Да и мы нынче безъ работника, батюшка не посовѣтовалъ на-
нимать... А однихъ никакъ успѣхъ не брахъ... И до сеновой
поры лровне свои еще въ полѣ...

— Да и овесъ-то не дожать...—замѣтилъ Өедотъ Семенычъ
не безъ язвительности.

— Ну, те что: самая малость... Не стѣбитъ его и жать-то:
совсѣмъ осылся, безъ зерна... Одна солома и ту серпомъ не
ухватишь... А только намъ безъ работника никакъ невозможно!..
Ты какъ хочешь, батюшка, а только я работника найму...

— Что мнѣ... Твое дѣло!.. Я бы въ твои года и не съ эта-
вой работой управлялся, а ты какъ знаешь!.. Я давно сказалъ,
что ни во чтѣ ввязываться не буду... И не ввязываюсь!.. спро-
сишь—посоветую, а тамъ твое разсужденіе...

— Да и прѣжъ того у насъ завсегда батраки бывали...—

вышла Офедосья Осиповна, которая разливала уже чай. Воротясь изъ своей горницы, она подошла молча къ столу, несмотря и точно не замѣчая Анны, плечомъ своимъ оттолкнула ее и заняла передъ самоваромъ ея мѣсто.

— Завсегда батраки у насъ жили...—повторила она... Известно, бабье дѣло я одна управляла, не ходила по сосѣдямъ кланяться да помочи просить, а на мужичью работу всегда батрака нанимали...

— Такъ развѣ та у насъ прежде запашка-то была?..—возразилъ Офедотъ Семенычъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ.—Я, бывало, и пашни, и луговъ наймывалъ, по осьми чередовъ зиму прокармливалъ, а въ пастушню-то и по двѣнадцати сгоняли... По три лошади, бывало, держалъ, да по пяти коровъ въ зиму, окромя овецъ... А нонѣ сколь?.. Одна лошадека да двѣ коровы—вотъ и все!.. А земля-то на одно тягло!.. Такъ въ этому-то работника нанимать, чужого человѣка хлѣбомъ кормить?.. Что же сами-то дѣлать будутъ?.. Эхъ, да... языкъ мой, врагъ мой!..

— Такъ что же, вѣдь, и Кириушъ не заказано земли-то нанять, али скотины-то прибавить, коли съ деньгами сообразно!..

— Это я, батюшка, безпремѣнно...—подтвердилъ увѣренно Кирила.—Что на одномъ тяглѣ сидѣть—не далеко уѣдешь, пожалуй и не прокормишься... Это непремѣнно земли нужно будетъ принанять; и скотины прибавить... А съ одной своей полосы, особливо при нонѣшнемъ урожаѣ, не только хлѣба продать, а, право, не прокормишься...

Кирила взглядывалъ на Офеду, какъ-бы вызывалъ его на поддержку своихъ словъ, но тотъ сидѣлъ опушта глаза въ землю и упорно молчалъ.

— Вдвоемъ не чаешь прокормиться,—отвѣчалъ Офедотъ Семенычъ,—а еще третій ротъ хочешь нанимать—работника... Какъ же люди-то вонъ на одномъ тяглѣ сидятъ, мужъ съ женой да четверо дѣтей, самъ-шесть значить... вонъ хоть Максимка!.. да прокармливается же, по міру не собираетъ... Да вотъ, не далеко ходить—у Герасима Дмитрича: восемь, али девять ртовъ-то къ обѣду-то садятся, тоже. земли на два тягла держитъ, а хлѣба остается своего и овса еще каждый годъ продаетъ рублей на тридцать: самъ сказывалъ...

— Вотъ сравниль,—возразила Офедосья Осиповна:—тамъ, слава Богу, трое работниковъ-то, да четвертый подростокъ... А у насъ одинъ, онъ и у косули, онъ и съ косой!.. А ѣдимъ-то тоже не двое, а четверо... Опять же у насъ, не какъ у рядового мужика, тоже пришлый народъ бываетъ... Безъ угощенья тоже не уходить...

— Ну, пускай насъ съ тобой на зиму не считаютъ, а меня-то ужъ и вовсе... Я вотъ еще недѣлку—другую, да и въ свою хату переберусь: тамъ стану жить...

— Что же, батюшка, я этому не желателенъ...—отозвался Кирила. Даже въ большое огорченіе это принимаю... Я, кажется, ни чѣмъ противъ тебя не согрубилъ, а стараюсь какъ бы угождать, чтобы тебѣ насъ такъ опокинуть, ровно грубияновъ какихъ... Это я даже въ большую обиду долженъ принять себѣ, точно я и вправду хлѣба про васъ, али тепла въ избѣ, что ли, жалѣю... Это вы, батюшка, напрасно только меня обижаете!..

Кирила говорилъ это какъ будто искренно, отъ сердца.

— Знаю, братъ, что ни хлѣба, ни тепла тебѣ не жалко... А только такъ думаю, что намъ обоимъ складнѣе будетъ, что хошь и на одномъ усадѣ, да въ разныхъ избахъ жить будемъ... Такъ полагаю: другъ другу мѣшать меньше будемъ, и тебѣ свободнѣй, и мнѣ покойнѣе... Я вотъ ужъ старъ сталъ, все не по мнѣ, да не по моему, а вы по молодому, можете, лучше сдѣлаете... Вотъ и надо мнѣ отойти, а особливо бы вотъ матери... Куда бы хорошо было для васъ, кабы она оставила васъ въ покою, а жила бы со мной!..

— Развѣ вотъ невѣстка изъ своей избы погонить—отвѣчала Ѳедосья Осиповна, можете, ей я помѣшала, а отъ сына еще, слава Богу, ничего не слыхала, не гонить матери изъ дома... Окромя почтенія, отъ него ничего не вижу...

У Ѳедосьи Осиповны дрожалъ голосъ: она готова была и плакать, и браниться.

— Да я, помилуйте, матушка... батюшка... я не того желаю... а чтобы жили вы съ нами навсегда, а не то гнать... Я и слушать этого не могу!..—говорилъ Кирила.

— Да никто не гонить... Чтѣ пустое говорить...—возражалъ Ѳедотъ Семенычъ.—Это мать твоя такъ только, съ бабьего разума... Не то что гнать, а коли бы даже просили вы, вланились, чтобы остались мы и тутъ нужно уйти... для вашего же покою!.. Ну что промежъ мужемъ съ женой намъ, старивамъ, валаандаться... мутить только васъ?.. Жить будемъ не въ другой деревнѣ, а тутъ же: посоветовать захотите—придете, соскучите по насъ—побываете, мы соскучимся—къ вамъ придемъ... На что бы лучше!.. Поссоритесь когда промежъ себя—одни-то скорѣй и разберетесь, скорѣй и помиритесь: никто не подождетъ, никто ни за котораго не вступится... Хорошо будете жить—слава Богу, порадуемся на васъ, а худо чтѣ сдѣлаете—опять же не кого винить, окромя себя... И мы у васъ не виноватые останемся... Вотъ какъ по-мо-

ему!.. Я-то ужь уйду, а тамъ порѣшишь!.. А и тебѣ бы надо, Федосья, также рассудить, коли бы по матерински, да по ушному-то... Больше бы и добра, и пути для нихъ было, кабы ушла отъ нихъ. Я и слыхалъ, и самъ видалъ, на своемъ вѣку довольно, что жить того хуже какъ мать, мужнина ли, женнина ли, за-всегда между молодыми мужемъ да женой суеточится... Много изъ-за нея и ссоры, и вздору бываетъ... Не къ тебѣ одной это говорится... а только и ты не изъ раду вонъ.

Федосья Осиповна, наконецъ, не выдержала — и разразилась слезами.

— Да что ты и самъ-дѣлѣ!.. — заголосила она. — Мучилъ-мучилъ, командровалъ-командровалъ вѣкъ-отъ вѣченской, — да и на старости лѣтъ, послѣдніе-то, можетъ, дни покою не даешь, — мушкарить меня хочешь!.. Не пойду, покажъ Кирюша самъ въ шею не выгонитъ!.. Одна онъ у меня моя кровь, да я бы ушла отъ него, бросила, — такъ вотъ, ни съ того, ни съ сего, съ бухты-баракты!.. Худа ли я, хороша ли, — а все мать!.. Все я знаю, что никто столь его не пожалѣетъ и не побережетъ, сколь я... Ничего я къ его худу не слѣлаю и другимъ слѣлать не дамъ... Можетъ, и хороша у него жена, да у нея вонъ сродственники есть — и отецъ, и братья, а я у Кирюшинъ одна!.. Я отступлюсь, тамъ кто за него встанетъ?.. Не могъ ты этого и думать: не уйду, покажъ сынъ не выгонитъ, — вотъ тебѣ и весь сказъ!.. Я знаю, кто тебя подбиваетъ на это!.. Ну, а ужь меня не пере-хитрять...

— Дура, право, дура!.. — со вздохомъ проговорилъ Федотъ Семеновичъ.

— Даромъ дура, а ты уменъ... А нѣтъ, ужь не перехитрять меня... Вотъ къ тебѣ приживальщину-отъ пришелъ: вотъ возьми его, живи съ нимъ... — показывала она на Федю. — Онъ радъ будетъ... Можетъ, затѣмъ и пришелъ... А я еще изъ своего дома не пойду, покажъ мнѣ мѣсто есть...

— Я, Федосья Осиповна, въ чужіе люди иду, — на фабрику поступаю... — сказала Федя.

— Ну, родимый, куда хочешь поступай: мнѣ до тебя дѣла нѣтъ... Только отца съ сыномъ не разстраивай... жену противъ мужа не подучай, — вотъ что!..

— Ахъ, глумная, ахъ, глумная!.. — говорилъ Федотъ Семеновичъ, поначивая головой. — Затѣмъ хощь глотку-то, помолчи, образумься маненько... Всегда-то была не умна, а теперь ужь остатки одурѣла.

— Ну, намова есть, а все-жъ-таки скажу!..

— Это точно, магушка, — перебил ее Кирила. — Ну, что пустое говорить, совсем которое несладкое...

— Такъ вотъ ты какъ, Федоръ Герасимичъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Федѣ—на фабрику надумалъ, а я и не зналъ этого... На которую же?

— Да не знаю еще... Вотъ какъ Богъ приведетъ... Вотъ Федотъ Семеновъ хочетъ помощь: общается завтра съѣздить со мной къ знакомому купцу... похлопотать на-счетъ мѣстечка...

— Это къ кому же, батюшка?—поинтересовался Кирила.

— Къ Конюхину хоту... къ Кузьмѣ Ивановичу...

— А-а, что новое заведеніе открылъ... Слыкалъ!.. Что же, давай Богъ!.. Инымъ на фабрикахъ счастливить, особливо коли въ приказники какъ выбиться... даже большія деньги наживаютъ!.. Я бы самъ съ удовольствіемъ къ купцамъ пошелъ бы служить, кабы домъ было на кого ополкнута, а то что здѣсь: что наживешь, окромя горба къ спине?.. Наша жизнь, мужицкая, самая послѣдняя... особливо для насъ, для грамотныхъ, кто мало-мальски понимаетъ... Ну, сѣрый мужикъ, тому нечего больше дѣлать—пускай за косулей ходитъ, да землю деретъ,—а намъ-то!.. Тебѣ вотъ хорошо подошло: не женатъ еще, дома отецъ съ братомъ останутся... вольный казакъ!.. А мнѣ вотъ никакъ нельзя... А пошелъ бы... Что здѣсь? Что что грамотѣ обучить? Куда она? Комарится вѣкъ къ землѣ... Такъ ни за грошъ и пропадешь!.. И чудесная жизнь тамъ, сказываютъ, на фабрикахъ: жалованье платятъ хорошее, все на урокахъ,—отстоялъ свое, а тамъ и гуляй... Нынче много ребятъ и отъ насъ стало ходить... Да я еще вотъ посмотрю: можетъ и я надумаю,—пойду на фабрику...

— И опять не дѣло говоришь, Кирила... У него мастерство въ рукахъ: онъ съ нимъ и идетъ, а ты съ чѣмъ пойдешь?.. Ну, въ приказники еще взяли бы... Ну, туда-сюда... Да развѣ съ-разу возьмутъ? А грамота-то для рядового фабричнаго столь же надобна, что и мужику: у станка ли стоять, миталь ли полоскать, въ красильной ли ворочаться, али дрова подъ машину подкладывать: тутъ твоя грамота не потребуетъ... Да съ твоимъ характеромъ ты отъ фабрики-то не то что нажить, — гроша мѣднаго домой не принесешь: все тамъ останется!..

— Отчего такъ, батюшка?

— А оттого, сыночекъ!.. Самъ знаешь... Сердце у тебя не такое, чтобы денежки наживать, а особливо, гдѣ артель велика... Что говорить-то: самъ знаешь!.. Подемъ, Федюша, въ новую стройку... Полежимъ тамъ повамъ до ужина... Анна натаскаетъ намъ сѣна... Да положи, Анна, нафтамы... Тамъ и почевать бу-

демъ... Такъ-то уснемъ—пречудесно!.. Въ новой-то стройкѣ духъ больно хорошъ... вольный!..

— Пойдемте, Ѳедотъ Семенычъ...

— Завтра съ утра-то мнѣ въ волость нужно... Вмѣстѣ и поѣдемъ. Покамъ я дѣла справлю, ты съ учителемъ поводишься... Онъ про тебя навѣдывался... А тутъ и къ купцу поѣдемъ...

Когда Ѳедотъ Семенычъ съ Ѳедей и Анной вышли изъ избы, Ѳедосья Осиповна вполголоса сказала сыну:

— Вотъ все такъ: свой никуда не годится... Чѣмъ бы родному сыну порадовать и самъ-дѣлѣ около купцовъ-то, — онъ про чужака старается... А слышалъ ты, Кирюша, на-счетъ того, чтобы и я-то отъ тебя ушла?.. Это она... Анна подбиваетъ!.. Уже какъ Богъ святъ!.. Я ее насквозь вижу, зелье!.. Чай, поди, здѣсь, одни-то были, и на тебя, и на меня — и братцу-то, и свекру напѣвала-напѣвала... А ужъ этотъ тихоня, Ѳедька, за-всегда исподтишка... Ровно добра желаетъ, а самъ старика противъ тебя наущаетъ... У-у, варваръ! роза твоя клятая, подкалмья!.. Кажется бы, такъ и изорвала въ клочья своиѣ руками!.. Вишь, сегодня, при немъ, старикъ-отъ совсѣмъ другой: никакой злой, сердитый... видать, что подущентъ!.. Видишь-ты: все онъ хорошъ, а ты, родной сынъ, никуда не годишься... ни къ какому дѣлу!..

Кирила, облокотившись на столъ, подперши голову рукою, смотрѣлъ неопредѣленно куда-то вдаль и разсѣянно слушалъ мать. Наконецъ, онъ быстро поднялъ голову и тряхнулъ кудрями.

— Да вы чтó хотите говорите и думайте про меня... Судачьте на всѣ руки!.. А только что не сжить мнѣ дома рядовымъ мужикомъ... Развѣ это жизнь?—изодня въ день, изъ году въ годъ — все одно и то же... Ломай спину, мозоль руки, подати плати, да думай, какъ бы концы съ концами свести, чтобы съ голоду не помереть!.. А работа-то эта, полевая—дьявольская: солнце тебя печетъ, дождь мочить, руки-ноги извертишь всѣ, изломаешься, спинушка не разгибается!.. А какіе барышни-то?.. Только-что развѣ прокормишься, да подати заплатишь, а тамъ и опять нѣтъ ничего, опять сначала начинай...

— Такъ какъ же быть-то, Кирюша?.. Не ты одинъ, и всѣ такъ живутъ... Еще мы-то, благодарить Бога, получше людей живемъ: у насъ и запасецъ всякій есть... Смотри-ка, сколь одѣжи одной... Вѣдь, все твое, батюшка: отецъ ничего не хочетъ брать...

— Да, велика ваша одѣжа: всю-то продать, такъ ста рублей напросишься...

— Чтó же дѣлать-то, Кирюшенька... Были у отца деньги

своплениы, тысячи съ дѣв было, что больше—да все на міръ извѣтъ... Есть и теперь, знаю, — сконилъ маленью, да вотъ боюсь, что этотъ пройда, Федька, и тѣ выпросить... Ужъ какъ боюсь, а чувтъ мое сердце, что выпросить... А онъ дастъ... нашъ-отъ!.. Своему не дастъ, а чужому отдастъ, только подбейся умѣючи... Охъ, мое горюшко!.. Меня-то нынче не слушаетъ, да вотъ еще особливо жить хочетъ на собину: деньги-то эти про-живать... Чѣмъ бы въ дому съ сыномъ жить, да денежки, кои сберегъ, сыну оставить, одинъ-то будетъ жить—всѣ и прожи-ветъ... Не знаю ужъ, какъ быть-то, Кирюшенька!..

— А такъ и быть, что уйду я отъ васъ... Живите здѣсь, какъ знаете, хозяйствуйте... А я вотъ, какъ отецъ изъ старшинъ выйдетъ, возьму годовой паспортъ да и уйду...

— Чтой-то, Кирюшенька... Какъ же ты уйдешь отъ своего дома, отъ жены, отъ своей?..

— Вотъ еще несчетно-то помянула... Вотъ тоже пожалѣю!.. То-то любушку мнѣ на шею навязали... Экая, подумаешь, враля писаная!.. другой экой, пожалуй, не выищешь... изойди бѣлый-свѣтъ — не выищешь!..

— Ну, что же дѣлать-то, Кирюшенька... Извѣстно не по-хвалишь, а какова бы ни была, все же законная...

— Да, законная!.. Что я выкланивалъ, да вымаливалъ, что ли, у васъ, чтобы вы женили меня на ней?.. Сами женили, меня и не спросили...

— Извѣстно, ужъ это отецъ...

— Такъ то-то и есть!.. А можетъ быть, я бы теперь какую себя прінскалъ самъ-отъ, кабы вы мнѣ этотъ жерновъ на шею не повѣсили... Извѣстно, тогда мальчишка былъ, ничего не по-нималъ: хошь на козѣ бы женили, такъ все равно, только бы волю дали... А теперь, какъ посмотрѣлъ, да посравнилъ, — такъ не то, что, ради ея, дома оставаться, а, кажется бы, отъ нея на край свѣта забѣжалъ... отъ законной-то своей!.. И уйду без-премѣнно: ты такъ и знай, только не моги говорить никому до время, а то все равно: не остановишь, только разсердишь!..

— Да не скажу, батюшка, коли не велишь, только куда же это уйти-то хочешь и почему?..

— Куда покуда и самъ еще не знаю, а пойду счастья да денегъ искать... И на фабрики толкнусь, и по торговой части попробую... Можетъ, до самаго Питера дойду... Авось, Богъ милоставъ, не хуже людей!.. Это батюшка только думаетъ, что я нкуда не гожуся... Землю пахать я точно что не хочу, и не стану... А дай-ка мнѣ дѣло настоящее, оборотистое: небойсь, по-

чище всякаго обмозгуемъ; всякому Федькѣ нось утремъ: даромъ онъ механикъ!.. Я вонъ въ острогѣ сидѣлъ,—ужь какой народъ прожженный округъ меня былъ, а, небойсь, дуракомъ не считали, а ко мнѣ же за совѣтомъ шли... И на письмѣ... даже прокурору прошенія писалъ!.. Ты этого не понимаешь... Меня даже смотритель побавлялся, потому — я и противъ него права узналъ... Коли счастье будетъ, на дѣло попаду,—такъ, небойсь, наживу деньги и безъ отца: пускай онъ съ Федькой возится, а я самъ про себя промыслу, влѣзаться ему не стану...

— Знаю, батюшка, знаю, Кирюшенька, что ты у меня на все горавдь... Да какъ же ты меня-то, сироту, покинешь,—какъ я-то безъ тебя останусь, горемычная?..

— Такъ и останешься: будешь жить съ Анной да хозяйствовать... Я уйду, — и отецъ будетъ съ вами жить... Это онъ только изъ-за меня не хочетъ въ дому жить вмѣстѣ со мной, а безъ меня будетъ...

— Батюшка, да Анна-то безъ тебя меня займъ,—со свѣта сживетъ... Смотри, опять этого позовутъ: что ему тогда у купцовъ жить, онъ на готовый-то хлѣбъ тотчасъ прибѣжитъ... Опять вдвоемъ-то—да не то: вдвоемъ, и всѣмъ втроемъ—старикъ-отъ вѣдь съ ними же заодно... Опять втроемъ примутся надо мной возмандровать... Нѣтъ, Кирюшенька, не жить мнѣ съ ними безъ тебя!.. Ты какъ-нибудь, а возьми и меня къ себѣ: я хоть пострашаю, да помою на тебя... Хоть ты на глазахъ у меня будешь...

— Это, матушка, ты пустое говоришь: и самъ-то я не знаю куда еще попаду, а тебя съ собой брать...

Возвращеніе въ избу Анны прервало разговоръ. Кирила всталъ, надѣлъ шапку и ушелъ. Федосья Осиповна остановила всхлипыванія, вторыя было уже начались, утерла слезы и, не оборачиваясь лицомъ къ Аннѣ, молча вышла изъ избы вслѣдъ за сыномъ.

III.

Анна вопросительно, съ недоумѣніемъ, посмотрѣла на уходящихъ мужа и свекровь, неопредѣленно покачала головой, вздохнула и правилась убирать со стола. Федотъ Семеновъ велѣлъ припасти ужинать и повѣстить какъ будетъ готово, а между тѣмъ мужъ высвѣтилъ изъ избы, какъ только она вошла, слова ей не сказавши, не взглянувши даже на нее; она не успѣла даже и спросить его: будетъ ли ужинать и ждать ли его, или

нѣтъ. Свекровь тоже ушла, видимо отворачиваясь и не желая съ нею говорить. Она не посмѣла даже и рта разинуть передъ нею, чтобы спросить — какия ей будутъ приказанія.

«Неужто ужъ они такъ думаютъ, что Одея-то пришелъ?» думала бѣдная Анна. «Что же мнѣ теперь дѣлать-то? Идти спросить матушку на-счетъ ужина: толякомъ не отвѣтитъ, а изругать, изсрамить ни за-что, ни про-что — это ужъ изругаетъ и изсрамитъ!.. Да еще сама же жаловаться будетъ, что насильно вѣзла къ ней въ горницу, да нагрубилъ. А не спросясь ее припасать къ ужину — опять бѣда: скажеть — самовольничая, въ хозяйки лѣзу мимо ея, отъ печки отбиваю... Да и какъ же спросясь-то?.. Не велитъ она, ни Боже сохрани, въ печку лезть безъ нея: хонь бы и старикъ приказалъ, поди — сважись ей перво... Что за напасть, батюшки!.. Экая моя жизнь пошла горемичная!.. Одея бы надо кормить давно: тоже не блинны пробѣжалъ, съ утра не ѣвши, только на одномъ чаю, а какъ сунешься къ печкѣ безъ нея?»

Разсуждая такимъ образомъ, Анна убрала со стола самоваръ и чайную посуду, медленно встряхнула и разостлала скатерть, поставила солонку, положила хлѣбъ, ножи, ложки, но до печки и горниновъ дотронуться не рѣшилась.

— Нѣтъ, ужъ видно надо поворотиться: идти сказать ей, что батюшка велѣлъ ужину припасать, ужъ пускай выругаетъ — все лучше, ужъ что будетъ... А не пойдетъ къ печкѣ, пойду потову отца: какъ самъ хочетъ.

Рѣзко подошла Анна къ дверямъ свѣтели, и не вдругъ рѣшилась отворить ихъ. Но прислушалась — тамъ было тихо.

— Матушка, а матушка! — окликнула Анна, пріотворяя дверь горницы и не входя въ нее, а только просовывая голову.

Отвѣта не было. Анна опять окликнула старуху, и увидѣла, что она лежитъ на кровати, плачетъ и стонетъ.

«Чтой-то за чудо: ужъ не заведужилось ли ей, старухѣ?» подумала Анна и, забывши даже свой страхъ и опасеніе колостей и брани, вошла въ свѣтелку и подошла къ кровати.

— Чтой-то, матушка, недужится, что ли, тебѣ, родима? — спросила она ее съ участіемъ. — А, матушка?..

Старуха повернула къ ней свое заплаканное лицо: на мгновеніе на немъ показалось обычное при разговорѣ съ Анной нислое, недовольное и враждебное выраженіе, но оно тотчасъ же замѣнилось искренней печалью.

— Дура, ги дура, — протворила она съ упрекомъ, — но безъ злобы: не умѣла мужа прилучить къ себѣ, чтобы любилъ...

— Что же мнѣ дѣлать-то, матушка, я, кажись, всей моею душой къ нему, — отвѣчала Анна, смотря на старуху съ недоумѣніемъ. — Кажется, ужъ какъ мнѣ стараться, служить, да угождать ему, ужъ и не знаю... Чтѣ ни приежеть, чтѣ ни сдумаетъ — все дѣлаю... И сама-то все думаю да желаю, какъ бы ему лучше сдѣлать, угодить да потрафить, — чтѣ ему, чтѣ тебѣ, матушка... Что мнѣ дѣлать-то, чтобы прилучить его къ себѣ? Научи, родима!... я бы сама рада радостью!..

— Веселила бы его, разговаривала бы, привѣчала бы, что ли, хорошенько... Рожу-то бы мыла, волосы мазала, да поцѣвывалась, что ли, хорошенько... Ну гдѣ ужъ мнѣ тебя, старухѣ, научать, коли сама не умѣешь!..

— Да что же, матушка, жалобился онъ, что ли, на меня, говорилъ, что ли, чтѣ тебѣ?..

— Чего тутъ жалобиться... Въ омутъ бы головой сунулся, али забѣгъ бы, говорить, куда глаза глядятъ: такова ты ему сладка!..

— Господи, да за чтѣ такая напасть? Чѣмъ я ему согрѣшила, чтѣ я ему сдѣлала?..

Анна заплакала-было, но вдругъ утерла слезы, глаза ея засверкали гнѣвомъ и она заговорила озлобленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, не я тому причиной... я изъ силъ выбилась, угождаючи ему... Мнѣ больше нечего дѣлать, не виновата я!.. А вотъ тому причина: ко вдовѣ, бабѣ непутной, повадился... Оттого и жена стала не хороша и не нужна!..

— Что ты? что ты? Въ умѣ ли, полно... съ чего еще выдумала?..

— Не выдумала, а ужъ не одинъ разъ эти наметки слышала, да и сама примѣчаю... Ты только, матушка, не видишь ничего, а во всемъ у тебя я виновата... Вотъ отчего онъ и дома-то не живетъ, вотъ куда и несетъ, и везетъ!..

— Полно-ка, дура, всякимъ сплетнямъ вѣрить... просто съ товарищами гуляеть: вотъ и дома не живетъ... Висидѣлъ два-то года, свѣта Божьяго не видалъ: захочется и погулять... А что онъ у тебя и несетъ и везетъ?.. Что ты?

— То-то, матушка... У тебя противъ него и глаза запечатаны... У меня-то ужъ нечего взять: мое-то приданое давно, еще до несчастья его, до пожара, прогулено... Да и зачѣмъ ему теперь мое добро, — своего довольно: у всего самъ хозяинъ... Ты вотъ не примѣчаешь, а я вижу, какъ мѣшину-то съ ромью, да съ житомъ уходятъ... Скажется, на мельницу, насыплеть четыре мѣшка, а муку-то два привезетъ; а гдѣ-то два гдѣ?.. Да и нѣтъ

одежи-то его ужъ много не стало: сѣрой поддевки нѣтъ, что сѣраго сукна была, полушубка крытаго тоже одного нѣтъ... Такъ это вотъ какъ? Да шалевою платокъ видѣли, сказываютъ, на базарѣ покупали: куда же дѣлѣ, кому отнестъ? мнѣ не даривалъ... Вотъ, матушка, онѣ, сплетни-то какія: онѣ себя въ дѣлѣ показываютъ...

— Да какая же вдова-то?.. Что за вдова такая? Кто тебѣ сказывалъ-то?..

— Давно ужъ я это слышу... Вонъ, баушка Палагея проговорилаcь одиново: пуще всего, говорить, дѣвка, береги мужа отъ непутныхъ бабъ—и не то бабъ,—а ото вдовъ... Выпьеть парень, закутить, это на-счетъ водки, все ничего: проспится пьяный, угаръ пройдетъ—и опять за работу примется... А вотъ ужъ какъ со вдовой, непутной бабой, свяжется—нѣтъ того хуже на свѣтѣ!.. Все она изъ него вымотаетъ и отъ жени отворотитъ!.. Такъ эта рѣчь ея меня по сердцу, ровно ножомъ полыхнула!.. А тутъ вотъ, во жнитво, бабы... Вышла-то жать я рано, почтай раньше всѣхъ, да и вечеромъ-то бабы снопы ужъ составили, домой идутъ, а я еще жну, такъ идутъ мимо, окливаютъ: что, чу, Анна, больно стараешься, за шаль-то, что ли, мужу угрожаешь?..—За какую шаль? спрашиваю...—А что на базарѣ-то вонъ покупалъ: про тебя, чай? тебѣ, чай, подарилъ?.. А я ни про какую шаль и не слыхивала... А тутъ Наташка, знашь, Горячиха, и скалитъ зубы: да и выбрать-то слышь, не умѣетъ: шаль-то не дѣвкѣ, не молодой бабѣ носить, а вдовѣ развѣ какой!.. Такъ у меня опять сердце и упало...

— Такъ какая же это вдова-то? откуда? Наша ли здѣшняя которая, али изъ чужой деревни какой?..

— Такъ неужто я стану спрашивать, да допытывать... Я и виду не дала даже, ровно мнѣ и не въ-домекъ что онѣ говорятъ... и слова не сказала...

— Ну, такъ вотъ ты какая... Какъ же теперь?.. И поговорить-то съ нимъ нельзя... если бы такъ попытать, ничего не сказать, только осердится, что всякій вздоръ принимаемъ... хуже только... Да и такъ, что не пустякъ ли это и самъ дѣлѣ?.. Томе нашу сестру послушай!.. То, думаю, пустое, что кабы это было у него, не сталъ бы онъ собираться уйти отселѣ въ годы...

— Какъ въ годы? Куда?..

— Такъ, дурочка!.. Уйти хочеть... Отчего же я и ревѣла-то?.. Не велѣлъ было никому сказывать, да вотъ ужъ проговорилаcь... Въ годы, говорить, уйду отъ васъ, по пачпорту... Куда, говорить,

и самъ не знаю, а мѣстоны буду хорошихъ искать, чтобы на-
житься, да разбогатѣть... Можетъ, до Питера, чу, дойду...

— Чтой-то, батюшки... Что еще ему въ голову попало...

— Уйду, говорить!.. Не мила мнѣ своя сторона, опостылѣлъ
домъ, а жена опротивѣла... Одинъ, говорить, уйду, а вы здѣсь
оставайтесь, хозяйствуйте... Я вотъ-то, даве, и заговорила, чтобы
ты его какъ приманивала къ себѣ, да прилучала... Думаю: онъ
великатный такой, умный, грамотный... Ну, а ты и съ рожи-то
не больно приглядна, да и не нарядно ходишь, больше все объ
работѣ думаешь, ничѣмъ его собой не повеселишь, не позаба-
вишь... Поучу, молъ, ее, дуру, чтобы больше думала, какъ мужа
къ себѣ приворожить...

— А такъ, видно, матушка, приворожить, что заняться
горючими слезами, зарыться во желты пески, да привалиться гро-
бовымъ камнемъ... Вотъ мой, видно, приворотъ-то каковъ!.. Без-
счастливая я на себѣ родилась—вотъ что!.. Сидѣть бы мнѣ лучше
весь вѣкъ въ дѣвкахъ, около батюшки родимаго... Въ тысячу бы
разъ слаще!.. Жила я въ дѣвкахъ—ни попрека, ни ругани, окромя
ласковаго слова, да спасибо не слыхивала... не знала я, каковы
слезы нѣз очей текутъ; а замужъ вышла—послѣдняя стала, ни
сказать, ни сдѣлать, ни потрафить не умѣю, а ужъ слезы-то
узнала: одними слезами умываюся... Вотъ какова моя жизнь при-
ятная!..

Анна тихо, неутѣшно плакала: она высказывала свое горе,
свою обиду, забывши, не думая о томъ, что говорила передъ
главнымъ своимъ врагомъ и гонительницей; она чувствовала
только свое несчастіе и не питала ни малѣйшей злобы противъ
Федосьи Осиповны, не хотѣла сдѣлать ей никакого упрека. Ста-
рухѣ стало и жалко, и какъ будто совѣстно передъ Анной, хотя
съ полной искренностью она не считала себя въ чемъ-либо ви-
новатою передъ нею. Въ крестьянствѣ всякая почти свекровь
считаетъ своимъ правомъ, почти обязанностью, быть взыскательной и
недовольной своею неvěсткой, требовать съ нея сверхъ ея силъ
и считать ее виновницею всякихъ случайныхъ неурядицъ въ
домѣ; внутренне почти каждая свекровь сознаетъ и предвидитъ,
что придетъ неизбежно то время, когда неvěстка сдѣлается боль-
шухой въ домѣ, ототретъ ее отъ печки и отъ хозяйства, займетъ
ея мѣсто и поставитъ, въ свою очередь, старуху въ положеніе без-
словесной, зависимой работницы, или будетъ терпѣть въ домѣ какъ
тяжелое, неприємное бремя. Въ Федосѣ Осиповнѣ всѣ эти полу-
безсознательныя ощущенія патриархальной жизни усиливались
еще ея болѣзненной и ревнивой любовью къ сыну; но она, по

природѣ, была женщина добрая и прямой ненависти и злобы къ Аннѣ никогда не питала.

— Вотъ что, дурочка, вотъ что... Не реви-ка,—сказала она почти ласково. — Больше дѣлать нечего, что надо къ гадалкѣ ѣхать...

— Почто, матушка?

— А для того, что, можетъ, она ту океанную, злодѣйку твою, покажетъ, коли она доподлинно есть у него, а не покажетъ, такъ, можетъ, пособить какъ, либо научить... Можетъ, либо отворожить отъ той, либо приворотецъ для тебя дастъ... Я слыхала про такую... Есть!.. Много помогаетъ и много народа къ ней прибѣгаетъ!.. Вотъ какъ отецъ уйдетъ изъ дома и Кирюша отойдетъ, такъ мы съ тобой вмѣстѣ съѣздимъ, либо ты одна сбѣгай къ ней... Всего-то верстъ пятнадцать отселѣ живешь — въ Пархачевѣ.

— Добре бы, матушка, далъ Богъ...—проговорила Анна съ надеждою въ глазахъ.—Кажется бы, вѣкъ за нее Бога молила, какъ бы это подѣлала... А не чаю пользы...

— Нѣтъ, дѣлаетъ, дѣлаетъ!.. Вѣрно говорю!.. Да вотъ тебѣ, не далеко ходить: Исашку Безпятаго знаешь... Тоже за солдаткой увязался, года три сбѣгалъ, чуть домъ не разорилъ, жену заколотилъ совсѣмъ... Да кто-то, добрый человекъ, и надоумъ ее сходитъ къ этой гадалкѣ... Та ей подѣлала да ничто и дала: подкинь, говорятъ, къ ней, къ подлой-то, подъ застрѣхъ, ночью... Что-жъ ты думаешь?.. На ту воспа напала, всю рожу ей исковырала... Съ того и Исашка отъ нея отсталъ... И теперь живутъ съ женой... Ну хоть не больно ладно, потому онъ безпутной, а все ничего, хорошо!.. Все лучше прежняго, хошь домъ-отъ не зорить... Вотъ, безпремѣнно, надо побывать къ ней...

— Добре бы, матушка...—проговорила Анна, вытирая слезы концомъ платка, которымъ была повязана.—А вотъ что, вѣдь, я за дѣломъ къ тебѣ шла спросить: батюшка велѣлъ ужину приготовить, да его позвать... Такъ ты сама въ печку-то полѣзешь, или мнѣ велишь?.. Придешь, чай, ужинать-то?..

— Приду, приду... Поди, зови... Оедянка-то, чай, твой и впрямъ ѣсть хочетъ.

Оедосыя Осиповна стала подниматься съ постели.

— А Кирила-то Оедотычъ не знаешь гдѣ?

— Не знаю, не сказался... Погляди, не сидитъ ли за воротами...

Но Кирилу не нашли, и за ужинъ семья сѣла безъ него. Оедотъ Семенычъ вслѣдствіе этого былъ очень не въ духѣ, мол-

чалъ и почти ничего не ѣлъ; но въ то же время онъ не безъ удивленія и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Ѳедосья Осиповна и говорила съ Анной, и смотрѣла на нее ласковѣе и снисходительнѣе.

«Неужели съ моихъ словъ почувствовалась старуха? думалъ онъ. Дай-то Господи: совсѣмъ они бабѣнку смали».

Послѣ ужина Анна пошла проводить свекра и брата на ночлегъ и повесла за ними цѣлую охапку одѣжи. Выбравши первую минутку, когда старикъ ушелъ помолиться Богу передъ сномъ, и Ѳедя остался наединѣ съ сестрою, онъ спросилъ ее:

— Что ты мнѣ такое даве заговорила про мужа... Расскажи путемъ: что у васъ тутъ творится...

— Ахъ, Ѳединька, батюшка, не путное творится... Одно тебѣ молваю: связался онъ со вдовой никакой: и бѣгаетъ туда, и изъ дома тащить... Да еще сегодня, слышу, новенькое: и вовсе изъ дому хочетъ уйти... Не мила я ему стала, супротивна... Пржеъ того, хошь пьяный когда ругался, а теперь и тверзый не говорить, не смотреть... Ужъ, убиваюсь, Ѳединька, на работѣ, изъ силъ тнусь... Ни въ чемъ не согрублю, поперекъ слова не скажу, про *эту* и не поминаю, ровно не знаю ничего... Когда будень день прогуляетъ, ночь дома не ночуетъ, ни ему не попрекну, ни батюшкѣ, матушкѣ, слова не скажу, а еще его же покрываю... А ему все не въ удовольствіе: не пріятна я ему!.. Ну, матушка мутить это, мутить, поддерживаешь его... Ну, да ужъ не все же отъ матушки... больше и отъ самого: пржеъ того онъ лучше былъ, до этой самой, до вдовы...

— Да какая же это вдова?

— Не знаю, батюшка, Ѳединька, не знаю... Бабы наши знаютъ, намѣтки мнѣ даютъ... Ну да какъ же мнѣ ихъ спрашивать-то про мужа: самъ ты посуди!.. Да и что нути-то, коли если и узнаешь, только насады больше... А вотъ какъ ты мнѣ посудишь: что мнѣ дѣлать-то... Вонъ, матушка, говоритъ: къ гадалкѣ, говорить, побывать нужно... Она знаетъ такую...

— Ну, это пустяки... Ничего отъ этого не будетъ...

— Нѣтъ, бываетъ, Ѳединька!.. Бываетъ, сказываютъ... И приворотъ, и отворотъ дають...

— Ну, полно, Аннушка, пустое-то говорить... Отравить отравить, испортить челоѣка, пожалуй, околѣчать, а больше ничего отъ этого не будетъ...

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то, Ѳединька?.. Обгорюй ты мое горе, обдумай ты меня, батюшка... Ужъ такъ-то мнѣ горько, такъ-то обидно!.. Отъ своей сестры такъ стыдобушка на людей

смотреть... Вотъ моя жизньъ такая!.. Кажется бы, лучше онъ меня билъ, тиранилъ, нечѣмъ этакъ-то... Скажу что, — усмѣхается, ровно дурь какую молвила, услужу что — не примаетъ, либо ровно не видитъ, а ужъ съ ласковымъ словомъ, чтобы подойти, приласкаться, приголубиться, такъ, кажется, и не посмѣешь... А онъ самъ и не сдумаетъ... Вся душенька моя надсѣлась... терпѣнья моего нѣтъ, измаялась я, Оединька... Какъ тутъ быть, что дѣлать?... Не посудишь ли ты какъ, батюшка?.. Умный ты у насъ уродился, съ разсудкомъ, хошь и молодежь... Посуди-ка мнѣ что ни на есть...

— А вотъ что, по-моему...

— Что, батюшка, что?..

— Подожди, потерпи еще сколь можешь... Поговори съ нимъ, посоветуй, скажи, что, молъ, все знаешь... А не уймется, — взовми да и уйди къ батюшкѣ въ нанему... Онъ тебя приметъ... Живи у него...

— Ай, чтой-то, Оединька?.. Какъ я отъ мужа уйду?.. Гдѣ это видаю?.. Да ему, можетъ, того только и надо, чтобы я ушла-то отъ него... этого-то онъ только и желаетель... Я-то уйду, а онъ ее, подлюку, пожалуй, тотчасъ и въ домъ возьметъ... Послѣ того мнѣ и назадъ-то придти нельзя будетъ... А батюшки, вѣдь, онъ нонче не боится: какъ ему все предоставилъ, такъ и не взираетъ на него ни въ чемъ: не побойтся, возьметъ ее, подлячку... Матушка тоже ни въ чемъ ему не поперечить... Что же изъ того будетъ?.. Нѣтъ, Оединька, ужъ развѣ самъ въ зашей изъ дома прогнать и въ домъ пускать не будетъ... — ну, тогда уйду!.. А до тѣхъ поръ, какъ ни тяжело, а все въ дому жить буду, на свое мѣсто доброй волей никого не пушу... Нѣтъ, мнѣ это твое наученье не въ силу, Оединька: не уйти мнѣ доброй волей отъ своего мужа законнаго...

— Ну такъ живи, да терпи... Что же больше-то...

«Видать, къ гадалкѣ сходить, больше нечего... не пособить ли какъ...» подумала, но не сказала Анна и замолчала. Разговоръ оборвался.

Молчалъ и Оедя. Его мысли были около Параши. Онъ думалъ о ней и о томъ, что предстоящая ему назавтра поѣздка къ купцамъ оттягивается на неопредѣленное время свиданіе съ Параней. Ему сдѣлалось очень грустно и тяжело.

«Что это за вдова такая?..» невольно задавалъ онъ себѣ этотъ вопросъ...

— Да хоть изъ какой деревни-то не знаешь ли?.. — вдругъ спросилъ онъ Анну, неожиданно прерывая молчаніе.

— Кто это, Оединька?

— А вдова-то эта?

— Не знаю, Оединька... только не изъ нашей... Своихъ-то я всѣхъ знаю... Нѣтъ, къ своимъ не ходитъ...

Возвращеніе Оедота Семеныча прекратило бесѣду. Анна ушла. Старики скоро уснули, но Оедя долго ворочался: какая-то мучительная, неясная для него самого тревога заставляла болѣзненно сжиматься его сердце.

IV.

На другой день утромъ Оедотъ Семенычъ, въ сопровожденіи Оеди, подѣхалъ на ямской парѣ къ волостному правленію, безобразному двухъ-этажному зданію. Въ верхнемъ этажѣ его помѣщалось самое правленіе и квартира волостного писаря: въ него вела снаружи крутая, почти перпендикулярная лѣстница; нижній этажъ раздѣлялся темнымъ корридормъ, по одну сторону котораго была отведена изба для училища и квартиры учителя, а съ другой, насупротивъ, помѣщались сборная изба для мужиковъ и *темная*—казематъ для пьяныхъ, буйныхъ, недомысликовъ, присужденныхъ къ аресту волостною властью.

Оедотъ Семенычъ сталъ подниматься вверхъ, по лѣстницѣ, а Оедя пошелъ въ нижній этажъ. Изъ корридора онъ отворилъ дверь въ классную комнату, уставленную длинными столами и лавками. Комната эта была низкая, плохо освѣщалась тремя маленькими окнами, и, какъ видно, плохо отапливалась зимою, такъ какъ даже лѣтніе мѣсяцы не изгнали изъ нея запаха сырости и какой-то затхлости. Полъ и стѣны въ этой школѣ были такъ грязны, что, казалось, ихъ не только никогда не мыли, но даже и не мели. Надо сказать правду, что эта грязь нисколько не удивила и не бросилась въ глаза Оеди: онъ смотрѣлъ на нее совершенно спокойно. Въ школѣ, по лавкамъ и на полу, шумно возилось нѣсколько мальчиковъ: классъ еще не начинался; двѣ-три книжки валялись на столахъ; дѣти ждали учителя, котораго въ классѣ не было. Оедя внимательно посмотрѣлъ на школьниковъ. Одинъ изъ нихъ порывисто, съ крикомъ: ахъ, Оедоръ Герасимычъ!—бросился къ нему. Это былъ Никола, Паранинъ братъ. Сердце Оеди замерло отъ радостной неожиданности.

— Здорово, Никола,—проговорилъ онъ, останавливаясь.

Прочіе школьники тотчасъ же бойко подошли и окружили новаго человѣка, знакомаго одному изъ товарищей, съ любопыт-

ствомъ поглядывая на него. Видно было, что школьная ферула не была строга и не запугала дѣтей: всѣ они смотрѣли смѣло, весело и даже нѣсколько самонадѣнно.

— Совсѣмъ запропалъ, Федоръ Герасимычъ... Ни слуху, ни духу о тебѣ... Паранька-то ужъ совсѣмъ по тебѣ стосковалась... — говорилъ Никола.

— Паранька!.. хх... Паранька стосковалась по ѣмъ... хх... — загоготали дѣти.

Федя вспыхнулъ и смутился.

— Такъ что, черти, чего смѣтаетесь?.. — огрызнулся на товарищей Никола. — Паранька-то не какая... Она сестрѣнка моя... родная!..

Дѣти еще больше зашумѣли.

— Паранька!.. Сестрѣнка его!.. Стосковалась!.. — хохотали они кругомъ.

Федя совсѣмъ растерялся и уже не радъ былъ этой встрѣчѣ.

— Э-э, черти, сволочи!.. Чего гогочутъ, сами не знаютъ... Онъ, вѣдь, чай, не чужой у насъ, онъ у насъ... — объяснялъ Никола.

— Отчего вы не учитесь-то?.. Гдѣ Василій-то Якимычъ?.. — перебилъ его Федя, стараясь остановить и замаять болтовню Никола. Но Василій Якимычъ, услыша знакомый голосъ, давно уже молча наблюдалъ, черезъ полуотворенную дверь, происходящую въ классѣ сцену. Федя стоялъ къ нему бокомъ, и потому онъ видѣлъ его смущеніе, сильную краску, покрывшую его лицо, и съ насмѣшливой улыбкой, не безъ нѣкотораго даже злорадства, смотрѣлъ на Федю.

— Здѣсь, здѣсь я!.. — откликнулся онъ на вопросъ Федей. — Входи сюда. А вы чего гагайняете тутъ... — обратился онъ къ дѣтямъ. — Ступайте на улицу, побѣгайте, покажѣсь не позову... Дайте вотъ только чаю напьемся...

Рѣбятишки съ шумомъ шарахнулись вонъ изъ школы. Федя вошелъ въ квартиру учителя.

Квартира эта была коморка въ одно окно, отгороженная досками изъ той же избы, въ которой помѣщалась и школа. Въ коморкѣ стояла бѣлая деревянная кровать, около нея у окна такой же простой бѣлый столъ; у стола, съ одной стороны, класная скамейка, съ другой — единственный стулъ; по стѣнамъ были вбиты гвозди, на которыхъ висѣлъ скудный гардеробъ учителя; къ задней узкой стѣнѣ придѣлано нѣсколько полоковъ, долженствовавшихъ замѣнять посудный шкафъ; большая печка, отопливавшая всю школу, однимъ своимъ бокомъ выходила въ коморку

и должна была нагрѣвать ее вмѣстѣ со школой. Вотъ и вся учительская квартира со всѣмъ ея убранствомъ. Порядокъ и чистота, какъ видно, не составляли необходимой потребности учителя: полъ въ его комнатѣ былъ такъ же грязенъ, какъ и въ школѣ, на постели валялось платье, столъ былъ заваленъ книгами, тетрадами, табакомъ и папиросными окурками и тутъ же, на свободномъ углу его, стоялъ самоваръ, чайникъ и стаканъ съ чаемъ.

— Помѣшалъ я вамъ, Василій Якимичъ, — смущенно говорилъ Федя, входя.

— Чѣмъ помѣшалъ? Нисколько...

— А вы хотѣли, можетъ быть, ученіе начать...

— О-о, это ничего... Еще успѣемъ: ребятишки цѣлый день здѣсь толкуются около меня, съ утра до вечера... А вотъ я такъ, кажется, помѣшалъ тебѣ дѣйствительно...

Василій Якимичъ саркастически улыбулся.

— Какъ помѣшали?.. Я къ вамъ и шелъ...

— Шелъ-то ты, можетъ, и во мнѣ — правда, давно ужъ не видались, — да на дорогѣ вотъ встрѣтилъ человѣчка по интереснѣе меня, обрадовался, хотѣлъ разспросить, — а я и помѣшалъ... Хочешь, позову Ниволку сюда, одного... Разспроси ужъ его, что тебѣ надо... Переговори хоть на-единѣ... Тоже, чай, не терпится.. Видно и вазнобушку свою давно не видалъ... Позвать, что-ли?..

— Да нѣтъ, Василій Якимичъ... Что вы все смѣтаете надо мной?..

— Какое, братецъ, смѣюсь.. Нисколько!.. Напротивъ, я участіе принимаю, помочь хочу... Вижу: давно не видались.. Тоже мучился, я думаю, терзался!.. Тутъ случай такой прекрасный: разузнать все, какъ и что, въ вождѣлѣнномъ ли здоровьи, думаетъ ли она, любить ли, ждетъ ли?.. Не позабыла ли, не забавляется ли съ другимъ?.. Между вами, вѣдь, почта-то не ходитъ, не переписывается, полагаю... да и предметъ-то, вѣдь, неграмотный... Ну, а мальчишка, по глупости, все расскажетъ, ничего скрыть не сумѣетъ, изъ него все можно выпросить... Право, не пренебрегай случаемъ, давай кликну мальчѣнка.. Наговорись съ нимъ сначала, до-сыта, а со мной-то и постѣ: теперь тебѣ не до моихъ разговоровъ... Вотъ я сейчасъ кликну его..

Учитель всталъ-было съ кровати, на которой сидѣлъ, и пошелъ къ дверямъ; но Федя его остановилъ.

— Да напрасно вы, Василій Якимичъ... Не надо мнѣ... не о чемъ мнѣ его спрашивать... и не хочу я...

— Ну, какъ хочешь... А, по-моему, напрасно: можетъ быть,

что-нибудь новенькое узналъ бы, мѣры какія-нибудь принять... Можетъ, и ваканція-то твоя тамъ ужъ занята: не затѣмъ тебѣ тогда будетъ и хлопотать, и заботиться о ней... Почему знаты!..

Отецъ вдругъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Да вы развѣ слышали что?—спросилъ онъ глухимъ сдавленнымъ голосомъ.

Василій Якимичъ взглянулъ на него и притворно захохоталъ.

— Нѣту, нѣтъ, успокойся: ничего не знаю, ничего не слышалъ... И забылъ даже, признаться, о твоей страсти... А вижу, братъ, теперь, что ты тронулся порядкомъ... Ну, что же, свататься, что ли, идешь, а меня въ дружки, или въ посаженные хочешь звать?.. Затѣмъ и пришелъ?.. А? Что же, пора и въ законный: чай, вѣдь, ужъ двадцать ступенуло, или съ годомъ даже?.. Самое время на вашу братью эту узду надѣвать... Родитель-то, чай, ужъ давно беспокоится, что парень до этихъ лѣтъ дожидъ и не пристроенъ, безъ хомута ходить... Только какъ же ты его уломалъ, чтобы позволилъ тебѣ жениться на дочери такой особы: вы, вѣдь, больно нравственны въ этомъ отношеніи, да и говорю у васъ есть своего рода... Или не хочешь ли самокруткой?.. И то дѣло... Нынче у васъ это, слава Богу, въ моду начало входить... Самокруткой что ли собрался?..

Василій Якимичъ всегда имѣлъ обыкновеніе говорить быстро и много, а когда онъ увлекался какою-нибудь мыслью, то задавалъ вопросы и самъ разрѣшалъ ихъ, не слушая собесѣдника, не выжидая его отвѣтовъ. При этомъ его некрасивое, болѣзненное лицо оживлялось, черные глаза сверкали, онъ не могъ оставаться на мѣстѣ и начиналъ быстро ходить. Отецъ наслушавъ паузу, чтобы вставить свое слово.

— Да нѣтъ, Василій Якимичъ, совсѣмъ я не за тѣмъ къ вамъ... Первое—давно не видался, а второе:—поговорить совсѣмъ по другому дѣлу.

— По какому, по какому дѣлу?—быстро спросилъ учитель, усаживаясь на кровать противъ Отеца.—Да что же чаю-то? Пей чай-то... Вотъ стаканъ... Наливай самъ... Я не хочу больше... Какое дѣло? Рассказывай.

Отецъ рассказывалъ о своемъ намѣреніи идти на фабрику, искать работы.

— На фабрику... Это хорошо...—заговорилъ опять Василій Якимичъ.—На фабрикѣ больше жизни, движенія, больше ума и знанія, чѣмъ по вашимъ норамъ... Тамъ скорѣе не уснешь, тамъ есть люди, можно и научиться, и научить... Только нигдѣ ужъ и гадости такой нѣтъ, какъ на фабрикахъ: всѣ, цѣлыми тысячами

народа, работаютъ на одного человѣка, набиваютъ его карманъ, а сами остаются нищими и голодными, или сытыми настолько, чтобы быть въ силахъ работать... И преподное положеніе, я тебѣ скажу: будешь простымъ рабочимъ, никогда ничего себѣ не наживешь, весь трудъ твой уйдетъ на хозяина, тебя будутъ жать, гнесты, эксплуатировать сколько могутъ; попадешь въ надзиратели, тогда придется стать на сторону хозяина, дѣйствовать въ его интересахъ, слѣдовательно, притѣснять и обижать рабочихъ... Иначе тебя прогонять... Ты по какой же части хочешь идти—въ притѣсняемые или въ притѣснители?

— Никого я не желаю обижать, Василій Якимычъ, и самъ въ обиду не хочу даться... А думается такъ, что на фабрикѣ больше заработаешь, чѣмъ дома... вотъ и хочу счастья поискать... Около машинъ надо постараться какъ-нибудь попасть: въ машинамъ-то у меня, сами знаете, большое пристрастіе... Тотчасъ, кажется, все пойму...

— Да знаю, что поймешь... По твоимъ способностямъ и по твоему дѣлу, тебѣ, можетъ быть, тысячи надо бы платить, а тебя на рубляхъ,—вотъ какъ меня же—будутъ держать, да еще какой-нибудь дуракъ и мошенникъ умничать да ломаться надъ тобой будетъ... Вотъ что обидно...

— Такъ, вѣдь, какъ же быть-то, Василій Якимычъ?.. Знамо обидно, да что подѣлаешь?.. Гдѣ не такъ-то? вездѣ ужъ хозяинъ норовитъ повыжать побольше изъ рабочаго человѣка и поломаться надъ нимъ... Что дѣлать-то? надо терпѣть...

— Вотъ я въ тебѣ этого, Федя, ненавижу... Приучили, что ли, и тебя съ дѣтства, или ужъ таковъ коренной русскій человѣкъ, что у него передо всякимъ зломъ одна мысль: терпѣть надо!.. Русскій человѣкъ только и умѣетъ, только тому и выучился, чтобы страсотерпцемъ быть... Оттого-то у насъ и гадость не переводится, а господствуетъ, оттого-то и хорошія силы пропадаютъ, а мелочь, ничтожество процвѣтаетъ, наслаждается и пользуется всякими льготами и преимуществами... Терпѣть надо!.. Нѣтъ, не терпѣть, а бороться, сопротивляться нужно, чтобы прочистить дорогу и себѣ, и другимъ...

— Да какъ же бороться, какъ же сопротивляться-то, Василій Якимычъ? Чтò одинъ подѣлаешь?.. Да и съ кѣмъ бороться?.. Съ хозяиномъ, у котораго, какъ милости, работы просишь, который платитъ мнѣ за нее, кормитъ меня... Попробуй, заломайся передъ нимъ, онъ тебя и прогонитъ тотчасъ, какъ пить дастъ... Вотъ и войи въ полѣ съ вѣтромъ...

— Глуности говоришь... Совсѣмъ не то... Разумѣется, одинъ

ничего не сдѣлаешь, а ты по-умнѣе другихъ, будешь жить на народѣ, среди несчастныхъ, угнетенныхъ, вотъ и умѣй ихъ привлечь къ себѣ, растолковать, научить... Какъ цѣлая-то орава, тысяча человѣкъ, заорутъ, что платить хозяинъ дешево, что работа не по деньгамъ, да пристращаютъ, что всѣ уйдутъ и дѣло бросать...—небось испугается и хозяинъ, будетъ кланяться, просить, чтобы остались, и жалованья прибавить...

— Либо станového пововетъ, скажетъ—бунтуютъ, да бунтовщиковъ перепорютъ: они и присмирѣютъ... А зачинщиковъ, коли не въ тюрьму, такъ съ фабрики долой, а на мѣсто ихъ охотниковъ сколько угодно... Слыхалъ я про это довольно: купцы не дорожатъ народомъ... Хотя сто человѣкъ сразу сгонять, за мѣсто ихъ вдвое придеть: только, батюшка, возьми да жалованье плати...

— Эхъ, братъ, Федоръ, нѣтъ, не то... Не того я отъ тебя ждалъ!.. И ты такой же, какъ всѣ, не далеко отъ людей ушелъ!.. Житейская практика и тебя заѣдаетъ... Вижу, вижу: и тебѣ рублей захотѣлось... Моложе былъ, возмущался зломъ, спрашивалъ, отчего оно, какъ бы отъ него отдѣлаться, какъ бы устроить, чтобы всѣ люди счастливѣе были... А теперь о себѣ только думаешь, о своемъ мамонѣ, а до людей дѣла нѣтъ... Станového сталъ бояться, богатымъ хочешь сдѣлаться... Ты скажи-ка мнѣ, по совѣсти: что у тебя въ головѣ, для чего ты на фабрику идешь? Вѣдь, чай, думаешь какъ бы поскорѣе въ приказчики вылезти, да денегъ нажить побольше?... Я, молъ, грамотный, умный, толковый, много лучше и ловчѣе другихъ: тотчасъ вперед другихъ выскочу!.. Да и мнѣ что, молъ, до другихъ: своя рубашка ближе къ тѣлу!.. Да вотъ еще зазнобушка теперь завелась: понакоплю, молъ, денеженокъ, женюсь... А тамъ хоть трава не расти!.. Признавайся мнѣ, по совѣсти: такъ, что ли, думалъ? Съ этимъ, что ли на фабрику собрался?..

Федъ было и обидно, и досадно, и стыдно. Онъ чувствовалъ, что въ словахъ учителя есть какая-то правда, какой-то основательный упрекъ, но въ то же время и односторонность, преувеличеніе, словомъ: какая-то фальшь!.. Онъ молчалъ и собирался съ мыслями, что бы отвѣтить ему. Онъ сознавался себѣ, что прежде дѣйствительно онъ иначе относился къ словамъ учителя, что они поднимали въ его сердцѣ иные ощущенія, точно вызвали на какой-то подвигъ, на самопожертвованіе... И иногда онъ дѣйствительно чувствовалъ въ себѣ готовность и мужество вступить въ борьбу съ какой бы ни было злой силой, не думая ни о ея разнѣрахъ, ни о послѣдствіяхъ... Теперь не то: онъ слушалъ его холодно и разсудительно, въ словахъ учителя чув-

ствовалась ему какая-то недодуманность, легкомысліе, онъ относился къ нимъ критически... Въ то же время Василій Якимычъ проницательно заглядывалъ ему въ душу, отгадывалъ его самыя затаенныя мысли и намѣренія. Оеда былъ смущенъ.

— Что, братъ, Оедоръ, молчишь и въ глаза не смотришь? — началъ опять учитель. — Видно, правду сказалъ, видно, понялъ тебя и всю твою внутреннюю обнаружилъ?... Ну, что же дѣлать!.. Не стыдись: есть много хуже тебя... Я думалъ, ты избранникъ, призванъ что-нибудь сдѣлать... Ну, вижу: ошибся... Больше съ тобою о такихъ вещахъ говорить не буду... А, можетъ-быть, ты теперь въ чаду любовномъ, да и молодъ очень, мальчишка еще... Подождемъ, увидимъ!.. Если придешь въ себя, опомнишься, вспомнишь наши старыя рѣчи, приходи — потолкуемъ... Только я понять не могу: зачѣмъ ты теперь ко мнѣ пришелъ? Вотъ ты мнѣ это объясни...

— Какъ, зачѣмъ, Василій Якимычъ? Развѣ я васъ не почитаю? Развѣ вы меня не учили, развѣ я мало отъ васъ свѣта увидѣлъ?... Какъ же бы я не пришелъ повидаться съ вами передъ уходомъ?... Вѣдь, я не знаю еще, куда меня судьба приведетъ и надолго ли я уйду отъ здѣшнихъ мѣстъ... Хоть вы теперь равно-какъ и отказываетесь отъ меня и не больно хорошо обо мнѣ понимаете, и какось, признаюсь: ни о чемъ я теперь такомъ не думалъ, а думалъ только о своемъ... ну, о любви своей — прямо вамъ скажу, не потаюсь!... — но только-что никогда я никому зла не желаю и не сдѣлаю, — будетъ по моей силѣ, завсегда помогу, ни у кого перебивать дороги не стану, и никому своей совѣсти не продамъ... Это вѣрно!... А только-что... смѣйся ты, пожалуй, надо мной, голубчикъ мой, Василій Якимычъ, а правду скажу: одинъ у меня теперь свѣтъ въ очахъ, одна думушка... Ничего мнѣ про себя не надо: ни денегъ, ни корысти какой... Пусть я нищій, голодный, холодный останусь... только бы мнѣ ее получить, своей да счастливой видѣть... Ни до кого, ни до чего, ни до себя самого мнѣ дѣла нѣтъ теперь, только объ ней одной и думаю... Вотъ суди ты меня какъ хочешь, смѣйся, срами, воли люблю, а я всю правду тебѣ сказалъ!.. Никому не говорилъ и не скажу, а вамъ открываюсь... Что будетъ со мной, что буду дѣлать, какъ жить стану — ничего не знаю: добыть мнѣ ее нужно, чтобы была она моей женой... Вотъ и вся моя дума!..

— Ого, братъ, вижу, вижу теперь и все понимаю... Смѣшно-то оно — смѣшно мнѣ, самъ бывалъ въ этомъ угарѣ, знаю... Ну, да, ужъ, Богъ съ тобою, смѣяться не стану за то, что всю правду

говоришь... Только въ чемъ же дѣло-то?... Отецъ, что ли, не позволяетъ?...

— Онъ и не согласится теперь ни за что: объ этомъ и говорить нечего... Да, я бы, пожалуй, и не посмотрѣлъ: и самокруткой, что ты же говоришь, ушелъ бы... А дѣло въ томъ, что и она-то не пойдетъ, и мать ее не отдастъ, покамъ у меня ничего нѣтъ... Она, мать, хоть и извѣстная, и такая бы она ни была, а зря дочь замужъ не выдастъ: хочеть, чтобы она съ мужемъ жила, нужды не видала...

— Ну, братъ, Федоръ, смотри... Жалко мнѣ тебя: обойдутъ онъ тебя вовсе, на всякую гадость подобьются... Да еще, чего добраго, высосутъ изъ тебя все, что можно, да и въ дуракахъ оставить... Долго ждать онъ не стануть, а подвернется кто по-денежнѣе—и не увидишь какъ изъ рукъ уйдетъ!.. Ну, да это ничего: нускай поучать, лучше, скорѣй горячка пройдетъ, опять здоровый будешь...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ... про мать не знаю, а она не такая...

Федя говорилъ эти слова съ увлеченіемъ, повидимому, съ полной вѣрой, но въ то же время сердце у него болѣзненно щемило, онъ самъ не зналъ отчего.

— Да коли это, храни Богъ, случится... — вскричалъ онъ, блѣднѣя... — и вдругъ остановился.

— Такъ что будетъ? — спросилъ учитель съ легкой усмѣшкой.

— Ужъ не знаю что, а только-что... не хорошо что-нибудь будетъ...

И Федя утеръ рукою холодныя капли пота на лбу. Глаза его сдѣлались какіе-то стеклянные, точно бессмысленные.

Василій Якимычъ уже не улыбался, а смотрѣлъ на него серьезно, исподлобья.

— Эхъ, братъ, досадно, что ты тратишь на такой вздоръ свою энергію... — проговорилъ онъ угрюмо. — Силы-то есть въ тебѣ — я вижу, и пропадутъ задаромъ...

Но Федя не слыхалъ его словъ: онъ смотрѣлъ куда-то безцѣльно, вдаль, и молчалъ. У него не было опредѣленныхъ мыслей, но онъ какъ-бы прислушивался къ неясному болѣзненному предчувствію чего-то недобраго, подымавшемуся въ его душѣ.

— Прощайте, Василій Якимычъ, — проговорилъ онъ вдругъ, оживляясь и трянувъ головой, точно желая освободиться отъ докучной тяжести.

— Куда же ты?... Не торопись.

— И то, чай, ужъ надоѣлъ вамъ... Да, и пора... Федотъ

Семенъ, я думаю, ужъ ждетъ... Оставайтесь счастливы, Василій Якимычъ... Не осудите... А того не думайте: подлости я никакой не сдѣлаю, что бы тамъ ни было: наставленія вашего не забуду!..

— Ну, прощай... Будь и ты счастливъ... Знаю я тебя, знаю, что ты самъ по себѣ на подлость не способенъ... Да этого мало: я думалъ, что изъ тебя общественный дѣятель выйдетъ; а теперь боюсь, что эта любовь или тряпкой вовсе тебя сдѣлаетъ, или такъ пропадешь задаромъ... Да и выборъ-то твой мнѣ не по мысли: дѣвка-то, кажется, только красивая, а совсѣмъ пустая, да и испорченная... Ну, да говорить теперь съ тобой нельзя: ты ничему не повѣришь... Вотъ перебѣсишься, тогда другое дѣло... Ну, а нужда будетъ какая, приходи, не забывай меня... Можетъ, не дѣломъ, такъ словомъ, въ чемъ и помогу: пріятели, вѣдь, мы съ тобой были.

— Ахъ, Василій Якимычъ, кабы ты зналъ, какъ мое-то сердце къ тебѣ... ровно къ самому родному... Никому, вѣдь, я не скрываю того, что тебѣ сказалъ, только не думай ты: не такая она... Она хорошая!..

Одедъ, увлекаясь невольнымъ побужденіемъ, обнялъ Василія Якимыча. Тотъ улыбнулся и слегка отстранилъ его рукою.

— Ну, вѣрю, вѣрю!.. Дай Богъ!.. Чего лучше, коли хорошая, а только опять скажу: смотри въ оба, да помни, что на свѣтѣ не одно дѣло: съ бабой возиться, да рубли сволачивать... Есть другое, получше... Не все о себѣ думать, надо и другимъ добро дѣлать... и со зломъ бороться. Съ однимъ терпѣньемъ не далеко уйдешь: на терпѣливую спину всегда лишнюю ношу добрые люди накинута, а смотри-ка: брыкливой да норовистой лошади работа всегда легче... Будешь тамъ, на фабрикѣ,—присматривайся, прислушивайся... Увидимся, Богъ дастъ,—расскажешь... Впередъ знаю: коли самъ не испортишься, порядковъ тамошнихъ хвалить не будешь... Ну, прощай, однако... Много бы я тебѣ сказалъ, да не время... Николку-то позвать, что ли? Можетъ, расспросить нужно про разлапушку?... Чай, вѣдь, не терпится...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Прощайте, Василій Якимычъ.

— Ну, какъ знаешь...

Василій Якимычъ вышелъ на крыльцо вмѣстѣ съ Одедой, чтобы кликнуть школьникова, которые играли на улицѣ вольгѣ самаго правленія.

— Эй, ребята, будетъ ужъ... — вскрикнулъ имъ учитель: — пора за учобу.

Мальчишки весело ринулись всей толпой къ учителю.

— Что васъ мало сегодня?... Вотъ такъ школа: по спискамъ семьдесятъ человѣкъ значится, а на лицо есть ли два десятка... Вотъ тутъ и дѣлай успѣхи... Что васъ мало? Развѣ разбѣжались куда?

— Нѣту-теа, всѣ тутъ... — отозвались дѣти. — Сегодня только мы одни сельскія да кои фатеранты здѣшніе...

— Квартиранты... — поправилъ учитель: — отчего же деревенскихъ нѣтъ?

— Да не пришли... видно, за дѣлами... У коихъ вонъ снопы еще не сложены, а то молотятъ... Опять же грибы пошла: рыжиковъ, сказываютъ, слой вышелъ... Меня тоже дома посылали-было и кузововъ дали, да я забѣгъ въ школу перво: такъ и остался здѣсь, не пошелъ ужъ... робать увидалъ...

— Такъ, такъ... То работа, то грибы, а то и просто не хотца... Родители же тому и рады... Не жди, не погонять въ училище, а еще сами останавливать: сиди, дятято, дома... не ходи въ мужу, въ ѡкую, въ школу!..

— А намъ и муки-то никакой нѣтъ: мы здѣсь рады... въ школъ-то... съ Василь Якимычемъ... — проговорилъ быстроглазый, бѣлокурый мальчишка.

— Въ школъ безпримѣръ лучше, нечѣмъ дома... — подтвердилъ другой. — Веселѣе не въ примѣръ. А дома спрашиваютъ: чай, бьютъ, тиранятъ васъ тамоди?.. А того не знаютъ: какой бьютъ... Веселехонько!... Дома-то скорѣй попадетъ!..

Мальчишъ засмѣялся. Его смѣхъ подхватила и заразительно засмѣялась вся толпа.

— Ну, пойдемте же, пойдемте... — сказалъ Василій Якимычъ. — Я сегодня злой буду, сердитый... И учить-то васъ не хочется, потому все равно — толку изъ васъ не выйдетъ... Пока учитесь, ровно какъ и люди, а изъ школы вонъ, все забудете, что учитель вамъ говорилъ... либо плутовать начнете, либо... Эхъ, терпѣть надо!.. Ну, пойдемте...

Отецъ при послѣднихъ словахъ учителя, смыслъ которыхъ онъ принялъ на свой счетъ, хотѣлъ-было подняться по лѣстницѣ, вверхъ, въ правленіе, но къ нему подбѣжалъ Никола.

— Оедоръ Герасимычъ, что же, пойдешь къ нашимъ-то?..

— Не знаю еще, не знаю, попаду ли...

— Заходи... Поклонись тамъ... Скажи: видѣлъ, молъ, меня... Вотъ въ субботу и я приду... Пра, заходи... И матушка поминала: чтой-то, говорить, съ нимъ подѣлалось... А Паранька, такъ та...

— Хорошо, хорошо, побываю...—проговорилъ Оедя, быстро поднимаясь по лѣстницѣ вверхъ, въ правленіе.

— Кланяйся тамоди...—кричалъ ему вслѣдъ Николка, снизу лѣстницы.—Тамъ еще у насъ дружокъ завелся, хорошій... Каждый день ходитъ... съ гармоніей...

Оедя было-пріостановился, точно ужаленный въ самое сердце, но Николка не договорилъ и, увлеченный толпою шкельниковъ, послѣдовавшихъ за учителемъ, присоединился къ ней. Оедя долженъ былъ остановиться на лѣстницѣ: такъ замерло и забилося его сердце.

— Что еще за новый другъ?.. Ходитъ каждый день... Что это—къ матери, или... неужто къ Паранѣ?

Оедя упрекалъ себя, что не зашелъ прямо къ ней.—Вотъ теперь когда попадешь?.. Дорогою на фабрику онъ удивлялъ Оедота Семеныча своею разсѣянностью и угрюмостью.

— Что притуманился? — спрашивалъ Оедю старикъ.—Али забоялся чужихъ людей, новаго мѣста?.. Ничего, не бойся, привыкнешь... Известно, дома лучше... Ну, да ужъ какъ быть-то: безъ чужихъ-то людей, пожалуй, того и не наживешь, не заработаешь... Она, фабрика, точно, портитъ людей, балуетъ, не люблю я ее... Вонъ, фабричные у насъ—первые недоимщики, первые забіяки, пьяницы, сквернословы... Ну, да вѣдь не всѣ же... Есть вторые и въ люди выходятъ, богатѣютъ... Все отъ себя, отъ своего ума!.. Не являйся только съ пустымъ народомъ, дѣлай свое дѣло, да хозяйну старайся угождать... Вотъ и хорошо будетъ... Вонъ смотри-ка и Старое село видать... Ты не бываешь, вѣдь, тутъ... Смотри что понастроили...

Оедотъ Семенычъ указалъ на виднѣвшіяся вдали каменные постройки.

V.

Старое село была старинная барская усадьба, перешедшая, какъ и множество другихъ, изъ рукъ прожившагося владѣльца въ руки разбогатѣвшаго купца. И съ этой усадьбой повторилась исторія ей подобныхъ, а исторія эта одна и та же.

Вотъ большой, господскій, каменный домъ съ проржавѣвшей дырявой крышей, окруженный множествомъ полуразвалившихся надворныхъ и хозяйственныхъ построекъ, нѣсколько лѣтъ уже стоятъ необитаемый среди стариннаго запущеннаго сада—парка съ заросшими дорожками, и полувысохшими, заилѣвшими прудами. А кру-

гомъ этого дома и этого парка далеко разстилаются унылыя, вовсе запущенныя и заросшія кустарниками, или плохо обработанныя поля и еще болѣе печальныя поруби — остатки прежде бывшихъ лѣсовъ, — гдѣ торчатъ одни только почернѣвшіе пни и стелется коравый можжевельникъ. Въ былое время здѣсь на неогладное пространство козыхалась рожь, кудрявились и зеленѣли овсы, сотни подневольныхъ тружениковъ сбивались сюда сблизу и издалека, сѣялись и сходились взбараживать и засѣвать господскія поля, сжинать господскій хлѣбъ. Тогда эти поля кипѣли жизнью, вѣчная муравьиная работа мужиковъ и бабъ оживляла пейзажъ, который любовались съ террасы господскаго дома... Пейзажъ украшался въ то время непроглядною зеленою стѣною вѣковыхъ лѣсовъ, которые цѣлые вѣка и служили ему несмѣняемою рамою. Въ господскомъ большомъ домѣ, въ службахъ и паркѣ тоже была жизнь и движеніе: слышалась музыка, веселый говоръ, смѣхъ, шумные крики, бряцаніе столовой посуды; въ паркѣ мелькали доконы, соломенные шляпы, оживленные лица, кавалькады всадниковъ и всадницъ; въ службахъ суежилась многочисленная сытая челядь, слышалось ржаніе лошадей, стукъ выѣзжающихъ экипажей, лай псарни, звукъ охотничьихъ роговъ... Иногда вся эта барская жизнь, какъ вихрь, врывалась въ поля, наполненныя тружениками — муравьями, и проносилась мимо ихъ, обдавая комками земли и пылью, поднятою копытами лихихъ скакуновъ, поражая блескомъ наряда, ясностью взора, свѣжестью и румянцомъ веселыхъ, холеныхъ лицъ. Иногда, наоборотъ, вся эта рабочая сила, всѣ эти муравьи, рядились что ни на есть въ лучшіе кафтаны и сарафаны и стогнались уже не въ поле, а на лугъ, передъ господскую террасу, и по господскому приказу пѣли, плясали, веселились, напивались пьяны и съ поклонами, благодарностями, хоть не сытые, за то пьяные, возвращались домой, подъ свои соломенные крыши, къ своему родимому батюшкѣ — черному хлѣбцу.

Долго, долго шло такъ дѣло — и вдругъ все измѣнилось: исчезла многолюдная челядь, исчезла съ нею псарня, затихло ржаніе лихихъ скакуновъ, опустѣли конюшни, скотные дворы, людскія, стали заваливаться крыши, заколачиваться досками выбитыя окна, заростать дорожки въ паркѣ, начали плесневѣть пруды; сначала притихъ, а потомъ и совсѣмъ опустѣлъ господскій домъ, не отворялись въ немъ окна и двери на террасу, по цвѣтникамъ и около стѣнъ поднялись бурьяны и жгучая крапива. Опустѣли и поля... Сначала были заброшены дальніе полевые участки, затѣмъ и изъ ближнихъ засѣвалась только половина,

да и на этой половинѣ сѣлся хлѣбъ и убирался не въ-время, и родиться сталъ все хуже и хуже. Труженниковъ-муравьевъ уже не сгоняли и не сбивали на работу, а кланялись и звали, сманивая рублемъ и полтиной, а они отвѣчали: «не досужно! вотъ когда со своимъ управимся, тоды и къ вамъ пожалуй, коли время позволить!..» А иные стали и такія рѣчи говорить: «лучше бы вамъ это дѣло бросить, да намъ сдать вовсе... Не господской руки это дѣло—пашня... А мы бы по полтинѣ за десятину дали кои получше, понавознѣй: хлѣбца бы два сняли, однако бы и вамъ и намъ—въ обѣ руки... А то чтó такъ-то, одно разоренье!.. Нѣмецъ вонъ, управитель у сосѣдей машинъ навезъ, да что машиной безъ народа сдѣлаешь: стоять въ сараѣ... А хлѣба-то все нѣтъ, а который и уродился, такъ себѣ дороже: вдвое дешевле на базарѣ купишь, нечѣмъ въ полѣ надъ нимъ ломаться... Право, сдайте по полтинѣ кои подходящія—мы возьмемъ, и для васъ гораздо превосходнѣе будетъ...

— Ну, ужъ погодите, такіе-сякіе... Безъ земли-то и вы не проживете: придете, поклонитесь и по три заплатите, а не то что по полтинѣ...

— Намъ кланяться не изъ чего: мы въ землѣ не нуждаемся, вонъ ея сколь, во всѣ стороны, бери—была бы охота, у всѣхъ сусѣдей наваливають... Да брать-то не съ чего... Мы не отъ земли живемъ... Наша земля не такая, не родимая, не хлѣбная... Это которая родимая земля въ низовыхъ мѣстахъ... Ну, може бываетъ и по три рубля платять... А съ нашей землей только плачь: холодная земля!.. Оставайтесь коли инъ съ Богомъ, пашите сами, а намъ не требуется... Нынче вонъ на заводы ступай, на фабрики: не въ примѣръ больше заработаешь, чѣмъ около земли-то ломаться...

И еще убавилась господская запашка,—убавилась до такихъ размѣровъ, чтобы обработать ее даровымъ трудомъ, т.-е. безъ затраты денегъ, а за выгонъ, да прогонъ, да валежничку когда, прутышковъ въ лѣсу набрать...

А заднія полосы уже затянуло молодожникомъ кустарникомъ и всякой сорной порослю, и двигается она все впередъ и впередъ къ господской усадьбѣ. Вовсе опустѣли и затишли поля; вовсе опустѣли и амбары, и господскій карманъ. А баринъ все баринъ. Хоть и уѣхалъ изъ деревни, и въ городѣ живетъ, а денегъ ему всегда много требуется: въ городѣ еще больше, чѣмъ въ деревнѣ... Пишетъ онъ въ опостылую, бездоходную деревню въ приказчику: «что же, когда будетъ доходъ, когда будутъ деньги?.. Прежде я отъ хозяйства доходъ получалъ, а теперь

только и знаю, что въ деревню деньги посылаю: когда же этому будетъ конецъ? Это не хозяйство, а одно разоренье... Лучше ужъ все прикончить, и скотъ перевести весь до конца, и запашку презреть...»

Пишетъ на это и приказчикъ къ барину: «Какъ вашей милости будетъ угодно, а только что такъ сказать, что въ нынѣшнія времена совсѣмъ не изъ чего дохода взять: земля стала не родима, опять же и навоза въ умаленьи по причинѣ скота; а народъ стадъ вовсе негоденъ ни къ чему: пьяницы, сутяжники и только моровить какъ бы тебя въ работѣ прижать и въ конфузъ пронавести передъ помѣщикомъ; заразились всѣ фабриками и пьянствомъ, а также лѣнью, и цѣны подняли несообразныя на работу: никакого расчета не выходитъ по нашимъ землямъ. И такъ что если вашей милости въ угоду, какъ изволите приказывать прератить эту самую запашку, такъ чтобы только для собственнаго продовольствія и на-счетъ скота своего на подстилку и прокормить, а больше точно что выгоды никакой не будетъ... На-счетъ же хозяйственнаго вашего денежнаго дохода, какъ требуются для вашей милости деньги, не прикажете ли похлопотать для продажи лѣса: есть которые желающіе изъ купечества и въ вѣчное владѣніе, али на срубъ, а если можно и дровами поставлять для фабрикъ требуется... Какъ вашей милости угодно, не оставьте, опишите, а мы можемъ постараться всячески, потому нашъ предѣлъ въ томъ положеніи, чтобы служить вѣрно и праведно. Въ томъ и остаюсь вѣрный слуга».

Пишетъ къ барину и кунецъ: «Которая ваша пустошь, называемая Кстово, и ту мы купить согласны въ вѣчность, али на срубъ въ сроки, для насъ все единственно, потому для насъ требуется, если подходитъ будетъ по цѣнѣ. А лѣсъ у васъ попорченъ, морубки большія, и присмотрѣть за дальностію при нынѣшнихъ народѣ никакъ не возможно, потому сильно господскіе лѣса воруютъ и вырубаютъ отъ своего недостатка и пьянства. Для насъ какъ угодно, а какъ по божески и по честности вашему высокородію доложить—черезъ годъ лѣсъ весь изведутъ и въ цѣнѣ выйдетъ для васъ большая разница. А мы покупатели настоящіе, и если вамъ угодно, опишите объ цѣнѣ и на-счетъ условія платы денегъ—все подробно, и какъ прикажете на-счетъ задатка, у насъ денежки завсегда готовы и мы ваши покупатели съ почтеніемъ. И какъ вашему высокородію будетъ угодно, такъ мы согласны, только выразите вашу цѣну безъ обиды, а лѣсокъ средственный и опять же порченъ: цѣны высокой дать никакъ

невозможно. Въ томъ и просимъ вашего высочородія скорѣйшаго и рѣшительнаго вашего отвѣта».

И вотъ вслѣдъ за уничтоженіемъ веселаго оживленнаго пейзажа начинается мало-по-малу разрушаться и его красивая рамка: около унылыхъ полей, падаютъ однѣ за другими вѣковѣчныя сосны, зеленныя ели, бѣлыя плакучія березы, оставляя послѣ себя гнилыя пни, голыя, печальныя, вытаптываемыя скотомъ, порубы. Годъ отъ году ландшафтъ дѣлается пустынный, грустный, и, наконецъ, остается одна ширь и гладь, повинутая людьми пустыня, среди которой, какъ зеленый оазисъ, красуется заброшенный, заглохшій господскій садъ и паркъ, скрывающій за собою грустный видъ полуразвалившейся барской усадьбы. На этотъ садъ и паркъ не поднимется барская рука, несмотря на то, что помѣщикъ никогда не загланетъ въ свою усадьбу, несмотря ни на какіе денежные соблазны, доклады и предложенія приказчика и купцовъ. Господскій садъ и паркъ, какъ бы онъ ни былъ не нуженъ и бесполезенъ, всегда святыня для помѣщика: они даютъ тонъ всей усадьбѣ, они скрашиваютъ ее въ глазахъ мимоидущаго путника и случайнаго посѣтителя, они скрываютъ за собою настоящее безобразіе и разстройство всего хозяйства, напоминаютъ о прежнемъ блескѣ, роскоши и богатствѣ; собственноручно посягнуть на эту святыню не рѣшится ни одинъ родовитый владѣлецъ, какъ бы ни были затруднительны его денежные обстоятельства, собственноручное уничтоженіе этой святыни вызвало бы ропотъ, негодованіе во всѣхъ сосѣдяхъ-помѣщикахъ, обнаружило бы и обрисовало передъ всѣми окончательное и полное безденежье и нужду владѣльца, а этого обнаруженія онъ боится больше, чѣмъ дѣйствительной бѣдности. Все валится и разрушается въ усадьбѣ: обрушивается крыша на домъ, подгниваютъ переклады и проваливается полъ въ комнатахъ, рамы сгнили и стоятъ безъ стеколъ, отъ мебели остался одинъ ломъ и лохмотья, въ амбарахъ и на скотныхъ дворахъ шныряютъ одни голодныя крысы, косяки въ окнахъ и дверяхъ, полы и потолки въ людскихъ и флигеляхъ давно выбраны и разворованы руками крестьянъ-сосѣдей, отъ всей усадьбы остаются одни руины, или потрескавшіяся, пошатнувшіяся стѣны, а садъ и паркъ густою, неприкосновенною стѣною окружаютъ ихъ... Но и они дождутся своей очереди, своего рокового дня, роковой руки. Давно уже разсчетливый купецъ сосчиталъ, сколько кирпича можно выбрать изъ запустѣвшихъ барскихъ хоромъ, сколько бревенъ и сажень дровъ выйдетъ изъ разросшихся на свободѣ деревъ парка и сада, какіе пруды можно дешево расчистить и воду ихъ употребить въ

дѣло, а если есть рѣка или рѣчка, то можно ли воспользоваться ими какъ движущей силой — и все это не уйдетъ изъ его рукъ. Онъ знаетъ: надо выждать, надо воспользоваться минутой, обстоятельствомъ, дожидаться, когда баринъ проживетъ выкупныя свидѣтельства, истратитъ всѣ деньги, полученныя за лѣсъ, когда ему нечѣмъ будетъ платить не только поземельныя повинности, но даже и за городскую квартиру, когда вредить его будетъ ничтоженъ, или вовсе утраченъ... Тогда настанутъ послѣдніе дни — и усадьбы, и нарекъ: они перейдутъ непремѣнно въ руки богатаго купца...

И вотъ объѣзжаетъ новый, не-родовитый, владѣлецъ свою новую покупку: велитъ обрывать канавами поруби и заказываетъ на-строю: не пускать на нихъ скота, чтобы онъ не вытапывалъ и не объѣдалъ молодыхъ побѣговъ, а чтобы молодой лѣсъ росъ и скорѣе поспѣвалъ на дрова; запрещаетъ выгонъ на свои поля и луга сосѣднихъ крестьянскихъ стадъ, или дозволяетъ, но за тройную противъ прежняго цѣну, взимая для удобства крестьянъ плату не деньгами, а работой. Точно также распоряжается и относительно тѣхъ участковъ, которые крестьянами распахивались: онъ знаетъ, что крестьяне передъ нимъ не заупрямятся, а если и заупрямятся, откажутся отъ земли вовсе, онъ выдержитъ и годъ и два, съѣдитъ сотню разъ къ мировому, чтобы выскать за потрапу, а ужъ на своемъ поставитъ: придутъ мужики, поклонятся, онъ проститъ съ удовольствіемъ, но за упрямство цѣну за выгонъ или пашню возвыситъ. Пашню для себя онъ оставитъ такую, какую въ состояніи сильно удобрить отъ своего скота и которую ему обработаютъ крестьяне бесплатно, за выгонъ и пашу. Затѣмъ онъ приступаетъ къ самой усадьбѣ. Эти всѣ рощи, парки, сады, барскія ватѣи, приказываетъ онъ срѣзать на дрова, оставить развѣ небольшой палисадничекъ для своей прохлады, когда лѣтнимъ дѣломъ чайку попить. — «А вотъ эвотъ прудочекъ съ этимъ сообщить вмѣстѣ, чтобы большой былъ прудичекъ: вода изъ него на фабрику пойдетъ, и будетъ въ немъ вода чистая, а съ фабрики которая муть будетъ идти, ту трубами въ рѣчку спускать: рѣчка текучая, она все пронесетъ... Господскія хоромы кои разобрать, кои въ дѣло употребить, главный корпусъ, трехъ-этажный домъ стараго фасона, на сушилку поворотить... А себѣ мы новый домъ выстроимъ въ лучшемъ вкусѣ, по своему фасону!.. Ранжерей эти всѣ долой... Захотимъ — новыхъ понастроимъ со временемъ... Много лучше и по-обширнѣе будутъ!.. Вотъ въ палисадникѣ бесѣдовъ по-чуднѣй безпремѣнно

надо надѣлать и попространнѣе, чтобы съ гостями лѣтнихъ временемъ было гдѣ прохладѣться...»

Совершенно такимъ же порядкомъ перешло во владѣніе богатаго купца фабриканта Кузьмы Ивановича Копатникова господское имѣніе—Старое село, съ тою только разницею, что онъ же, Кузьма Ивановичъ, успѣлъ предварительно скупить за безцѣнность у помѣщика большую часть его лѣсовъ, принадлежащихъ къ имѣнію, и хранилъ ихъ какъ будущій источникъ топлива для фабрики. Оттого кругомъ Старого села выдѣлялись на горизонтѣ темные профили сбереженныхъ, теперь уже не барскихъ, а купеческихъ лѣсовъ.

Черезъ годъ послѣ покупки Копатниковымъ—Старого села нельзя было узнать. Господскій домъ стоялъ прежде на горѣ, по отлогости которой спускался садъ и примыкалъ къ прибрежнымъ лугамъ небольшой рѣчки, извивавшейся прихотливыми изгибами и видимой изъ дома на далекое пространство. Видъ на домъ съ противоположнаго берега рѣки, какъ и видъ изъ дома, былъ равно красивъ и привлекателенъ. Домъ былъ большой, каменный, съ разными затѣями: съ колоннами, балконами, широкими террасами, которыя отъ второго этажа, наклонными плоскостями, спускались до самой земли и вели прямо въ темныя вѣковые аллеи; передъ домомъ на горѣ раскинутъ былъ цвѣтникъ и англійскій садъ изъ низкорастущихъ кустарниковъ, который не заслонялъ вида вдаль и не закрывалъ дома; густыя рощи отъ дома сходили къ рѣкѣ и соединялись съ вѣковымъ лѣсомъ, который окаймлялъ луга, а мѣстами сходилъ къ самому берегу и какъ бы смотрѣлся въ воду рѣки. Изъ дома, съ балконовъ и оконъ верхняго этажа, представлялась широкая картина: въ одну сторону тянулось необозримое зеленое море лѣсовъ, съ другой—разстиалось далеко вдаль слегка холмистое пространство, по которому, какъ голубая змѣя, извивалась рѣчка; множество деревень, какъ-бы нарочно для украшенія картины, были разбросаны въ прихотливомъ разнообразномъ безпорядкѣ; холмы то зеленѣли перелѣсками, то горѣли золотомъ поспѣвающаго хлѣба, а тамъ вдали, на самомъ горизонтѣ, бѣлѣлась колокольня сельской церкви съ сверкающимъ на солнцѣ крестомъ. Домъ былъ въ развалинахъ, когда Кузьма Ивановичъ купилъ его, да и стоялъ, по его имѣнію, на мѣстѣ неудобномъ для жительства: достаточно сказать, что воду къ нему надо было возить бочками, да еще въ высокую гору, тогда какъ подъ носомъ, такъ сказать, цѣлая собственная рѣка воды. И самое расположеніе комнатъ въ домѣ ему не понравилось: вездѣ такія большія залы да гостиныя, что и

пріята не найдешь, а передѣлывать все по-своему — не разсчитливо: дешевле за-ново домъ выстроить. Онъ рѣшилъ его разобратъ на кирпичъ, тѣмъ болѣе, что и жилье приходилось бы далеко отъ фабрики, которую, само собою, предполагалось строить какъ можно поближе къ рѣкѣ. И барскій домъ, можетъ быть — созданіе Растрелли или его учениковъ, былъ сломанъ, а вмѣсто него на берегу рѣки выстроился бѣлый каменный четырехъ-угольный шкафъ, или комодъ домашняго издѣлія, съ ярко-зеленой крышей, съ двумя стеклянными «галдарейками» по бокамъ, съ двумя подъ ними, не нужными, всегда запертыми подъѣздами, такъ какъ ходъ полагался чрезъ примыкавшія въ дому ворота, разрисованныя яркими красками, съ двумя желтыми львами наверху. За то домъ блестѣлъ зеркальными стеклами, массивными мѣдными запорами у рамъ и дверей, галдарейки пестрѣли разноцвѣтными стеклами, а на тяжелыхъ чугунныхъ рѣшеткахъ, украшавшихъ балконы, были насажены такіе раззолоченные бронзовые шары, цацы и вензеля, что все вмѣстѣ выходило очень внушительно и эффектно въ купеческомъ вкусѣ.

Отъ дома внизъ по теченію рѣки тянулся рядъ фабричныхъ зданій — и это расположеніе построекъ было не безъ практическихъ соображеній. Купецъ впередъ зналъ, что фабричныя нечистоты, которыя для удобства будутъ спускаться въ рѣку, испортятъ ея воду и сдѣлаютъ негодною къ употребленію, а потому и поставилъ домъ для жилья выше фабрики по теченію рѣки. О томъ, что живущіе ниже фабрики будутъ имѣть воду испорченную, вонючую, вредную для здоровья — объ этомъ Кузьма Ивановичъ не думалъ, какъ не думаетъ никто изъ фабрикантовъ: народное здоровье, какъ извѣстно, не входитъ въ ихъ коммерческіе расчеты и соображенія.

VI.

Кузьма Ивановичъ Коматиниковъ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мѣстныхъ фабрикантовъ и считался въ нѣсколькихъ милліонахъ. Главная ткацкая фабрика его, или заводъ, какъ привыкли называть мѣстные крестьяне, находилась верстъ за 30 отъ Старого села, въ мѣстности, гдѣ фабричная промышленность существовала уже около полу столѣтія. Фирма Коматиникова возникла тамъ одна изъ первыхъ. Дѣдушка Кузьмы Ивановича занимался выдѣлкой кошачьихъ шкуръ, для чего онъ и покупалъ и воровалъ въ окрестностяхъ кошекъ и кошекъ, и заслужилъ чрезъ это

прозвище «кошатника». Затѣмъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ заниматься раздачаю въ тканье основъ, получаемыхъ съ фабрики изъ сосѣдняго уѣзда, а вскорѣ устроилъ и собственное небольшое ткацкое заведеніе. Какимъ-то чудомъ онъ такъ быстро разбогатѣлъ, что сынъ его выстроилъ уже громадную каменную фабрику, записался въ купцы 1-ой гильдіи и слылъ даже за миллионера, а внучекъ, продолжая и развивая дѣло дѣдушки и отца, не только уже слылъ, но и дѣйствительно сдѣлался чуть не первымъ богачемъ во всемъ околотѣ, и производилъ обороты уже не на десятки и сотни тысячъ, а на миллионы; при этомъ онъ заботливо скупалъ пустопорожнія, преимущественно лѣсные дачи и сдѣлался самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ уѣзда. Слава Кошатникова возрастала, имя его стало извѣстно, и на пятьдесятъ верстъ въ окрестности каждый мужикъ произносилъ имя Кузьмы Ивановича если не съ восторгомъ и благоговѣніемъ, то съ чувствомъ смиренія и раболѣпства. И не мудрено: губернаторъ, во время объѣзда губерніи, никогда не прѣзжалъ мимо Кузьмы Ивановича, дѣлалъ даже лишніе 30 верстъ въ сторону, чтобы заѣхать въ нему въ гости, исправникъ ежегодно нарочно прѣзжалъ поздравлять его съ днемъ ангела и съ большими праздниками, а становой считалъ за особенную честь, если Кузьма Ивановичъ удостоивалъ его подать привѣтливо руку и *кликнуть* выпить водки, или понарядиться чайномъ; помѣщики покрупнѣе всѣ имѣли съ нимъ денежныя дѣла—то по продажѣ земель, то по поставкѣ дровъ на его фабрику, а мелвпомѣстные такъ даже надѣлали, особенно въ послѣднее время, съ предложеніемъ, иногда даже со слезной просьбою—купить пустошки, или отрѣзки отъ крестьянскаго надѣла. Кузьма Ивановичъ сознавалъ свое могущество и силу, но, повидимому, не зазнавался и держалъ себя умѣючи: безъ гордости и безъ раболѣпства, для всѣхъ былъ доступенъ и изъ всякаго умѣлъ извлечь для себя пользу. Онъ выходилъ изъ себя, былъ страшенъ и грозенъ только тогда, когда кто-нибудь посягалъ на его карманъ, или нахально шелъ противъ его воли. Въ такихъ случаяхъ онъ способенъ былъ на все: на ушлеженіе, на насиліе, даже на расточительность, несмотря на то, что жажда наживы никогда въ немъ не проходила.

Кузьма Ивановичъ купилъ. Старое село со специальной цѣлію выстроить въ немъ новую фабрику. Многие соображенія руководили имъ въ этомъ случаѣ: прежде всего имѣніе онъ получалъ крайне дешево, затѣмъ въ немъ была рѣчка, по сосѣдству большія, за-благовременно-скупленные имъ, лѣсныя дачи, слѣдовательно, дешевое топливо; обиліе каменныхъ усадебныхъ построекъ обѣщало

дешевый строительный материал; наконецъ, у мѣстныхъ крестьянъ не было никакихъ выгодныхъ зимнихъ промысловъ, конкуренціи фабрикантовъ тоже нѣтъ, слѣдовательно—можно было имѣть и дешевыя рабочія руки. Неопытность непривычнаго къ фабричному дѣлу народа не пугала его: онъ зналъ по опыту, какъ смышленъ русскій человѣкъ и какъ скоро онъ примѣняется ко всякому новому дѣлу.

Фабрику эту Кузьма Ивановичъ намѣревался въослѣдствіи отдать одному изъ сыновей, въослѣдствіи, а не теперь, хотя сыновья были уже взрослые. Старшій, — женатый сынъ, по предположеніямъ Кузьмы Ивановича, долженъ былъ получить, послѣ его смерти, старую фабрику, которою онъ и теперь уже заведывалъ подъ надзоромъ родителя, а новую фабрику, въ Старомъ селѣ, Кузьма Ивановичъ намѣревался предоставить младшему сыну, парню лѣтъ 23, еще не женатому. Вслѣдствіе такого намѣренія младшему сыну приказано было жить на фабрикѣ, за всѣмъ наблюдать и во всему присматриваться, а пока парень соберется съ умомъ, оспеенится, женится, войдетъ въ дѣло и узнаетъ всѣ порядки, онъ отдастъ былъ подъ надзоръ старшей своей сестры и ея мужа, который былъ назначенъ директоромъ и управляющимъ новой фабрики. Верховный надзоръ и общее распоряженіе всѣмъ дѣломъ Кузьма Ивановичъ оставилъ, разумѣется, въ своихъ рукахъ. Распоряжаясь такимъ образомъ, Кузьма Ивановичъ совмѣщалъ себя великимъ практическимъ мудрецомъ и любовался собою. Онъ рассуждалъ такимъ образомъ: старшій сынъ ужъ совсѣмъ собрался годами, и женатъ, и дѣтенъ, и дѣло знаетъ хорошо; отпусти-на его изъ глазъ, да дай особенное дѣло—какъ разъ вовсе отобьется отъ рукъ, заберетъ волю, послѣ и не сладить... Зятю хоть я и не вѣрю, а все онъ человѣкъ свѣдущій, испытанный, дѣло знаетъ до тонкости: сколько лѣтъ старшимъ приказчикомъ былъ. Если и украдетъ, такъ не въ чужой родъ, за то ужъ изъ-за своей собственной корысти мальчишнѣ-сыну большой вѣли не дастъ, чтобы до всего не дошелъ, ну, и не обидеть также очень—все-таки родной, женинъ братъ, будущій хозяинъ... А главное: всѣ при дѣлѣ, и всѣ равно хозяева, а хозяинъ-то, пока живъ, все-таки я одинъ. Всѣ видятъ и понимаютъ, что ни для кого, какъ для нихъ же хлопочу и устраиваю, югда умру—все итакъ будетъ, а пока живъ—пускай дѣло не дрогнетъ, и въ однихъ рукахъ остается. А то, пожалуй, распусти-на зводя-то: одинъ въ одну сторону, другой въ другую—ничего не останется! Теперь хоть и не по мысли, что полной воли я даю, за то послѣ сдѣлается!..

Подѣвajanъ къ Старому селу Ѳедотъ Семенычъ заботился о томъ: застанеть ли онъ тамъ на фабрикѣ *самого*, т.-е. Кузьму Ивановича, который проводилъ здѣсь, какъ на дачѣ, только лѣтніе мѣсяцы, а въ прочее время года бывалъ только наѣздами. Старикъ познакомился съ нимъ, какъ старшина волости, въ которой находились земли и лѣса Кузьмы Ивановича. Копатниковъ не рѣдко обращался къ Ѳедоту Семенычу съ жалобами на потравы и порубки, производимыя крестьянами его волости. Онъ умѣлъ сообразить, что такой дѣятельный, честный и строгій старшина скорѣе вышлетъ съ нарушителей его правъ собственности и скорѣе предупредить такіа нарушения на будущее время, чѣмъ всякіа жалобы, разбирательства и взысканія, производимыя чрезъ мировой судъ, и не ошибся: всѣ почти поземельныя дѣла въ волости Ѳедота Семеныча кончались мировою, всегда выгодною для Кузьмы Ивановича, и не доходили до суда. Вслѣдствіе этого Копатниковъ обходился съ Ѳедотомъ Семенычемъ не только дружелюбно, но почти какъ съ равнымъ, подавалъ ему руку, сажалъ съ собой, любовно бесѣдовалъ и вообще показывалъ ему особенное расположеніе. Ѳедотъ Семенычъ, несмотря на всю свою житейскую опытность, не могъ не цѣнить такого вниманія къ себѣ; но не этимъ однимъ подкупалъ его въ свою пользу Кузьма Ивановичъ: онъ видѣлъ въ немъ не только купца-милліонера, но добраго, благотворительнаго человѣка. Онъ зналъ, что Кузьма Ивановичъ никогда почти не отказывалъ въ своей помощи погорѣльцамъ и давалъ иногда рублей по десяти на погорѣлый домъ, охотно ссужалъ крестьянъ деньгами, разумѣется, за ручательствомъ волостного правленія, подѣлывалъ сѣнокосомъ или рубкою и возкою дровъ, и вѣдывалъ при этомъ умѣренные проценты тою же работою, которой крестьянинъ въ такихъ случаяхъ не выучился еще оцѣнивать надлежащимъ образомъ. Преслѣдуя крестьянъ за потравы, или порубки, не судомъ, а чрезъ волость, Кузьма Ивановичъ объяснялъ это своимъ состраданіемъ къ крестьянской нуждѣ, и Ѳедотъ Семенычъ вполне вѣрилъ ему и признавался еще большимъ уваженіемъ къ умному, благотѣльному купцу. И могъ ли онъ не вѣрить и не соглашаться, когда въ такихъ случаяхъ Кузьма Ивановичъ говорилъ ему:

— Вѣдь для меня это пустякъ—эта потрава, или порубка а простить нельзя, самъ подумай, Ѳедотъ Семенычъ. Прости ее разъ, онъ подумаетъ, что такъ сойдетъ и вдругорядъ, а простѣе, такъ онъ и совсѣмъ возмещаетъ: мушкетъ, вѣдь, глушъ, станеть смотрѣть на чужую землю, али на чужой лѣсъ, какъ на свой... все выправить и весь лѣсъ перепортить, а ужъ тогда

расчетъ выходить другой. Онъ тогда всѣми своими требованіи со мной не расплатится, придется вовсе разорить его, а все своего не воротить!.. Окромѣ того, это послабленіе мужика только балуетъ, въ развратъ его вводитъ верованный-то воть дровъ, али бревешко онъ норовитъ скорѣе продать, хоть за безцѣнокъ, чтобы концы спрятать, а даровныя-то деньги его въ кабаки тащатъ: какъ не выннть на даровщину?.. А легко ему стало чужимъ добромъ жить, онъ и работать вовсе бросить: какая ему верность спину ломать, если онъ можетъ чужое даромъ взять да продать?.. Воть и развратъ, и въ работѣ домашней упадокъ!.. А теперь на-счетъ судебного взыска... Вѣдь, знаю, что подай только мировому—вдвое, втрое, съ него взыщу, а въ другой, въ третій разъ попадется—и въ тюрьму угодить, пожалуй... Опричь того: потануть его къ мировому-то за двадцать, либо за тридцать верстъ—пройди-ка, да тамъ день продежурь, у мирового-то... Воть два дни у него и прошли! А не перѣшлѣ мировой дѣло, какъ мнѣ надобно, я въ съѣздъ перенесу, тогда ужъ илгисама въ городъ за пятьдесятъ верстъ. Мнѣ-то ничего, мнѣ все равно: у меня для того адвокатъ нанять, гадовой... А ему-то каково, мужику, особливо въ рабочую пору?.. Такъ разлѣ мнѣ это нужно? Развѣ я желаю его разорять?.. Мнѣ Богъ съ нимъ: я желаю его, дурака, только поучить, чтобы онъ права зналъ и за чужое не хватался, а самъ бы промѣнялся, работалъ... За работу нынче вездѣ деньги платятъ, вездѣ добыть можно своимъ трудомъ, и безъ воровства... Воть мнѣ чего только нужно!.. Оттого я и стараюсь все лучше черезъ волостное начальство кончить... Жалко только, не всѣ волостные старшины таковы, какъ ты, не всѣ свою обязанность понимаютъ... Иные думаютъ, что добро мужику дѣлаютъ, что править вино-вазого, да защищаютъ его въ недобромъ дѣлѣ, а того не понимаютъ, что губятъ его... въ разоренье ведутъ... Иной думаетъ, воля-то мужицкая всякаго послабления требуетъ,—жить, она въ строгости состоитъ, чтобы всякой зналъ—что его, что чужое и права свои соблюдать... Воть она въ чемъ вся и воля состоитъ!.. Такъ-то, Федотъ Семеновъ!.. Воть ты, дай Богъ тебѣ здоровья, ты не таковы ты своихъ не распускаешь, не балуешь, содержишь ихъ въ порядкѣ... Тобой и они счастливы... Поди и живуть, чай, исправнее другихъ, и недомки нѣтъ...

— Нѣтъ, какъ не быть, Кузьма Ивановичъ: есть недомки, потому народъ всякой, разный: всему истинно, что негдѣ и до-быть...

— Ну, а все же, знаю, что меньше недомки, чѣмъ въ дру-

гикъ волостяхъ... И господа, значить, довольны твоею волостью, и неприятностейъ меньше... И мужику много покойнѣе... Да ужъ что говорить... Какъ тебѣ можно смѣнить съ другими старинниками!.. Одно нужно сказать: умный, рассудительный, честный человѣкъ... и морадки ведешь, какъ слѣдуетъ!.. Вотъ всегда скажу про тебя...

Въ силу такихъ отношеній Федотъ Семенычъ и надѣялся, что Кузьма Иванычъ не откажется принять Федю, обратитъ на него особенное вниманіе и приметъ подъ свое покровительство. Въ его удовольствію Кузьма Иванычъ былъ въ Старомъ селѣ.

VII.

Федотъ Семенычъ просилъ - было доложить о себѣ хозяину, но его послали прямо въ контору, куда былъ свободенъ доступъ всякому. Федотъ Семенычъ однако пошелъ сначала одинъ, оставя Федю у лошади. Не совсѣмъ смѣло вошелъ онъ въ большую пустынную комнату, съ очень ограниченныиъ количествомъ мебели: два дивныиъ стола, конторна и нѣсколько стульевъ, составляли все ея убранство. За конторкой сидѣлъ бухгалтеръ и щелкалъ счетами; у одного стола, нѣзко наклонясь, строчили что-то двое молодцовъ, а за другимъ, заваленнымъ штукаиъ ситцу, сидѣлъ самъ Кузьма Иванычъ и читалъ какія-то письма. У того же стола, облокотясь на него и видимо скучая, помѣщался молодой человѣкъ, младшій сынъ Кузьмы Иваныча.

Комнатниковъ - отецъ, былъ высокій, атлетическаго тѣлосложенія, плотный мужчина, еще не старѣлъ по виду, хотя считалъ себѣ около 60 лѣтъ. Широко-скулое, плоское, безцвѣтное лице его, съ толстыми губами, съ окладистой бородой, ничего бы не выражало, крокъ животныиъ наклонностей, еслибъ не освѣщалось очень умными, хитрыми, пронаблюдательно смотрящими глазами. Кузьма Иванычъ, несмотря на свою массивную фигуру, ходилъ тихо и не слышно, точно конна, движенія его были медленны и спокойны, говорилъ онъ всегда ровнымъ, тихимъ, вѣрадинымъ голосомъ; разговаривая, всегда клалъ руку на плечо собесѣдника, или гладилъ ею по его плечу и рукамъ и смотрѣлъ уперно, прямо въ глаза, но если также прямо и уперно смотрѣли на него, тотчасъ же съ изиданныиъ неудовольствіемъ опускалъ свои глаза, или безпкойно глядѣлъ по сторонамъ. Носилъ онъ всегда длинный широкой свртушъ и имѣлъ

обыкновеніе зашивать его чуть не до дыръ. На головѣ у него всегда былъ одинъ и тотъ же теплый черный картузь съ ло-
сиящимся, засаленнымъ околышемъ. Этою неряшливостію и не-
брежностію костюма, при своемъ громадномъ состояніи, Кузьма
Иванычъ нѣсколько рисовался. Точно по тому же побужденію онъ
ѣздилъ всегда въ старомъ тарантасѣ, безъ сидѣнья, на сѣнѣ, съ
ситцевною подушкою за спиной, на тройкѣ обыкновенныхъ лоша-
дей, хотя на конюшнѣ у него стояли тысячные рысаки и вели-
колѣбные экипажи для встрѣчи дорогихъ гостей и для катанья
по большимъ праздникамъ. Въ этомъ своемъ обычномъ костюмѣ
Кузьма Иванычъ сидѣлъ и теперь, между тѣмъ какъ сынъ былъ
одѣтъ по-европейски и даже франтовски.

Кузьма Иванычъ былъ давно уже вдовъ, но имѣлъ большую
семью: двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Старшаго сына и
дочерей онъ едва выучилъ грамотѣ, ссылаясь на то, что и самъ
малограмотенъ, а, слава Богу, родительскаго достоинства не про-
жилъ, а еще увеличилъ, дѣла ведетъ не хуже всякаго ученаго,
дуракомъ не слыветъ и ото всѣхъ почтеніемъ пользуется. Капи-
таломъ да умомъ наше купеческое дѣло держится, а не учен-
емъ! говаривалъ онъ нерѣдко. Но относительно младшаго сына
онъ измѣнилъ себѣ и подчинился какому-то новому вѣянію, ко-
торое распространилось одно время въ купечествѣ и заставило
даже самыхъ упорныхъ учить своихъ дѣтей: онъ отдалъ млад-
шаго сына въ коммерческое училище, но послѣ раскаялся и
взялъ его домой, не давши окончить курса: очень ему не по-
нравилось, что мальчикъ сталъ говорить какимъ-то инымъ язы-
комъ, началъ высказывать, хоть и робко, какіе-то новыя, не-
привычныя и непріятныя для него взгляды и понятія. Онъ дер-
жалъ его съ тѣхъ поръ при себѣ, какъ малолѣтка и заботливо
старался, чтобы онъ забылъ все, что приобрѣлъ въ училищѣ.
Отецъ требовалъ, чтобы онъ былъ постоянно на фабрикѣ и въ
конторѣ, всему учился, за всею слѣдилъ и присматривалъ, обо
всѣхъ безсудовѣдахъ и злоупотребленіяхъ, которыя замѣтитъ, до-
кладывалъ родителю, но никакого самостоятельнаго, или отвѣт-
ственного дѣла ему не поручалъ. Книжки для чтенія въ домѣ
Кузьмы Иваныча не налагалось, да и чтеніе ихъ считалось
звѣднѣмъ бездѣльемъ; допускались однѣ только «Московскія Вѣ-
домости». Вслѣдствіе этого юноша очень тяготился жизнью въ ро-
дительскомъ домѣ и страшно случалъ.

Кузьма Иванычъ поднялъ голову и увидѣлъ Федота Семеновича.

— А-а, старый пріятель... Какими судьбами?... Здравствуй...

Онъ протянулъ руку къ Федоту Семенову. Тотъ поспѣшилъ подойти.

— Садись-ка, милости просимъ... По дѣльцу, что ли, какому, али такъ, на заведеніе мое новое посмотрѣть?.. Кажись, ты бывалъ, вѣдь, у меня здѣсь?..

— Бывалъ, Кузьма Ивановичъ, только давненько: еще въ томъ году... И не узнаешь: сколько съ того времени понастроили... Горюхъ цѣлый!..

— Что, братъ, дѣлать: жалься... Вотъ для нихъ стараюсь...

Кузьма Ивановичъ указалъ на сына.

— Пора бы ужъ на оддыхъ, да вотъ семья не позволяетъ: трудись, говорить... Да ты знаешь ли этого сына-то у меня?..

— Нѣтъ, нивогда не приводилось...—отвѣчалъ Федотъ Семеновичъ, приставая и кланясь молодому человѣку.

— Какъ же... Вотъ это младшій, Александра... Для него вотъ стараюсь, устриваю... Александра, — обратился онъ къ сыну, — вотъ тебѣ надо знать старика-то... Онъ почтенный старикъ... Первый старшина на весь уѣздъ!.. У него въ волости нашихъ земель и лѣсовъ достаточно... Вотъ познавемся... Когда что, какое дѣло, мало ли бываетъ: не все мнѣ самому... Вотъ и будешь знать... Да, познавемся...

Федотъ Семеновичъ опять всталъ. Александръ Кузьмичъ молча, лѣнливо подаль ему руку.

— А Дмитрія-то Тимошенча знаешь... зятя-то моего?..

— Знать—знаю... Видалъ... А такъ—что дѣломъ къ нимъ не было... Не доводилось говорить...

— Какъ же, надо тебя и съ нимъ познакомить... Онъ у меня здѣсь дилектуромъ... Какъ же, нужно безпремѣнно васъ познакомить: хоть заведеніе и не въ твоей волости, а все-таки... Отъ васъ рабочій народъ ходитъ сюда наниматься... Мало ли какіе случаи бываютъ... Такъ какъ же по дѣльцу, что ли, по какому?.. Ты, вѣдь, безъ дѣла-то не пойдешь... я знаю...

— По дѣльцу, Кузьма Ивановичъ... По собственному, своему... пріѣхалъ попросить.

— По-своему?—переспросилъ Кошатиныхъ не безъ удивленія и не съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Хотя оно не собственное меня касающееся, а примите такъ, что все равно какъ будто для меня самого сдѣлаете...

— Что такое за дѣло?—переспросилъ Кузьма Ивановичъ. — Боля возможно, такъ ачего же...

— Паренѣхъ гутъ есть у меня... Правда, что въ родствѣ

онъ со мной, только что ужъ такой парень, — изъ рѣдкости: и не по родству похвалить можно...

— Такъ! — подтвердилъ Кузьма Ивановичъ.

— Грамотный, умный, непьющій, ровно дѣвка красная — тихой да смиренный...

— Такъ! — опять согласился Комшатиновъ.

— А главная причина, Кузьма Ивановичъ, очень ужъ срученъ ко всему, на-счетъ всякаго надѣла... И самъ выдумаетъ, и сдѣлаетъ, что тебѣ угодно... Кажется, до всякой машины дойдеть, и самъ машины выдумываетъ...

— Такъ, такъ!.. Это хорошо!.. На что этого лучше... Это, значить, ужъ отъ Бога ему дано!..

— Именно, что отъ Бога!.. Такъ вотъ я и хотѣлъ попросить васъ, Кузьма Ивановичъ, такъ какъ вы добрый и благотворительный человѣкъ, — нельзя ли его на фабрику принять... на работу?..

— Отчего не принять... Съ полнымъ удовольствіемъ!.. Мы всякой народъ принимаемъ, — и не станикъ... А такого особенно, коли еще смиренный и непьющій... Ничего, прислай, возьми...

— Да онъ здѣсь, Кузьма Ивановичъ... Я его съ собой привезъ... Посмотрите на него сами и поразспросите его...

— Такъ что же?.. Давай его сюда... Сейчас разсмотримъ его: къ какому дѣлу годится, туда и опредѣлимъ...

— Желаніе бы его къ машинамъ... Онъ бы тамъ все сейчасъ понялъ...

— Ну, къ машинамъ, такъ къ машинамъ... Коли по слесарной части знаетъ, такъ можно и къ машинамъ... Известно, не въ механики же вѣдь его сажать... А пускай перво подъ рукой у машиниста побудеть, непріягладится... Ну, а тутъ и машинистомъ можно сдѣлать... Гдѣ онъ?.. Давай его сюда...

— Я его сейчасъ повову...

— Повови... Да постой-ка... Эй, молодецъ! пооди-ка добѣги: Дмитрія Тимофеевича покличь сюда, ко мнѣ... да тѣмъ часомъ вотъ и его парня приведи сюда...

Писецъ вскочилъ и побѣжалъ.

— Надо же твоего парня и дилектуру показать... Еще есть ли мѣста-то у насъ при машинахъ... Александра, ты не знаешь: всѣ мѣста-то заняты у насъ при машинахъ?..

— Само-собой, заняты: развѣ можно машины безъ людей оставить... Сколько нужно — всегда есть, только смѣнить можно котораго, если этотъ сручнѣе будетъ...

— Смиѣнить! Съ чего ты человѣка безъ вины обвинишь? Надо вины дожидаться... А, значить, ужъ надо будетъ для старика взять его парня хошъ такъ понамъ... а тамъ видать будетъ, куда его опредѣлять...

— Онъ и по столярной части знаетъ, и рѣзъ всякую можетъ произвести... — говорилъ Федотъ Семеновъ. — Опять же и писать хорошо... Его куда хочешь тени: на всякое дѣло...

— Ну, да ужъ не обижу для тебя, старика, — возьмемъ парня... А тамъ по заслугамъ... и жалованье положимъ...

— Если онъ точно такой способный на все, такъ мало ли у насъ на фабрикѣ дѣла, — выѣшался Александръ Кузьмичъ... — Безъ дѣла не просидить... Можно настоящее жалованье положить...

На лицѣ Кузьмы Ивановича мелькнуло неудовольствіе. Глаза его забѣгали.

— А я что же?.. Я и говорю: по заслугамъ... Какъ себя покажетъ, таково и жалованье положимъ... Вы, молодые, больно прытки: такъ бы вдругъ все и взялъ... А ты поемному... Надо во всякомъ дѣлѣ съ осторожкой, да съ оглядкой...

— Ужъ на-счетъ услуги не безпокойтесь, Кузьма Ивановичъ... Ужъ знаю, что услужить...

— Да ужъ сказалъ: для тебя сдѣлаю... Не оставимъ парня... Дай вотъ взглянуть только: какая въ немъ сила?..

Въ контору вошелъ зять Кошатинова и директоръ фабрики, Дмитрій Тимоѣенчъ Звѣрбоевъ, человѣкъ лѣтъ 45-ти, высокій, худощавый, съ блѣднымъ, до сихъ поръ красивымъ еще лицомъ. Онъ былъ человѣкъ очень молчаливый и замкнутый, держалъ себя всегда скромно и въ такой повѣ, точно прислушивался къ отдаваемому приказанію; голова его почти всегда была наклонена нѣсколько на бокъ и полу-закрытые глаза смотрѣли въ землю; но когда онъ изрѣдка — а особенно въ минуты досады и раздраженія — поднималъ ихъ, взглядъ его былъ сухъ и холоденъ, какъ желѣзо, и производилъ непріятное впечатлѣніе. Лѣтъ 15-тъ назадъ, его женитьба на старшей дочери Кузьмы Ивановича надѣлала большой переполохъ въ купеческомъ мірѣ.

Дмитрій Тимоѣенчъ въ то время былъ не больше какъ простой, ничтожный приказчикъ на фабрикѣ Кузьмы Ивановича — правда, умный, услужливый, расторопный, но, повидимому, очень тихій и скромный, — умѣлъ заслужить особенное довѣріе и расположеніе хозяина, но тому и въ голову никогда не приходило, чтобы онъ могъ когда-нибудь породниться съ нимъ. Какимъ образомъ, гдѣ и когда онъ успѣлъ сблизиться съ дочерью Кузьмы Ивановича, дѣвицей лѣтъ 25-ти, — это осталось тайной для всѣхъ;

но однажды она явилась въ родителю, пала ему въ ноги, во всемъ призналась и просила прикрыть грѣхъ свой святымъ вѣнцомъ. Кузьма Ивановичъ чуть не сошелъ съ ума отъ ярости, приколотилъ дочь такъ, что она слегла въ постель, позвалъ потомъ будущаго зятя, далъ и ему хорошую таску, и велѣлъ убраться прочь съ глазъ своихъ и вонъ изъ дома. Рассказываютъ, что Дмитрій Тимоѣенчъ со стоическимъ хладнокровіемъ перенесъ это законное возмездіе со стороны оскорбленнаго родителя, но не только не ушелъ изъ дома, но тутъ же, сейчасъ, споймано изъяснилъ будущему тестю: «Напрасно изволите беспокоиться, тятенька. Лизавета Кузьминична овромя меня ни за кого не пойдутъ, и все равно—не теперь, такъ послѣ—убѣгомъ уйдутъ, а повѣнчаются со мной... А между прочимъ, если въ дѣвицахъ ихъ долго продержите,—одинъ конфузъ можете на всю фамилію пустить отъ этого самаго нашего несчастія... А я человѣкъ бѣдный, чувствительный: какъ былъ вашъ вѣрный слуга, такъ и останусь, а по родству,—такъ навѣче служить буду изъ всѣхъ силъ!.. И на счетъ приданаго, по бѣдности своей, всѣмъ останусь доволенъ, что ни пожелаете... Не какъ другой, стоящій человѣкъ: не стану прижимать, да капитала требовать, а чѣмъ охотливите, тѣмъ и буду доволенъ!.. Ужъ лучше благословите, тятенька, по доброй волѣ, тихимъ родительскимъ сердцемъ, не чѣмъ...» — «Такъ ты, еще ничего не вида, ужъ и тятенькой меня звать... и объ награжденіи... ахъ, ты!..—заголосилъ Кузьма Ивановичъ, съ пѣнкой у рта, снова накидываясь на будущаго зятя. — Я тебѣ дамъ—тятенька!.. Вотъ тебѣ тятенька!.. Вотъ тебѣ награжденіе!.. Вотъ я васъ урезоню обоихъ...» И этотъ натискъ Дмитрій Тимоѣенчъ перенесъ такъ же хладнокровно: вытолкнутый подватыльниками за дверь, — привелъ въ порядокъ прическу, лицо и платье, но уходить изъ дома не думалъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свое обычное дѣло.

Кузьма Ивановичъ пошумѣлъ, побѣсновался, но потомъ самъ рассудилъ: «все равно,—лучше же чѣмъ срамъ да огласу пускать на всю фамилію... не одна она,—другія дочери есть... Пускай!.. Однако же кошъ капитала трогать не надо... Онъ же парень умный, расторопный, а по родству—правда, что еще больше будетъ стараться... Пускай!.. Все лучше какъ самъ-то, чѣмъ убѣгомъ... Развѣ ее усторожишь и самъ-дѣлѣ... А только плутъ, большой руки плутъ!.. Съ нимъ держи ухо востро...»

И желаніе Дмитрія Тимоѣенча исполнилось: родитель благословилъ ихъ бракъ по доброй волѣ, тихимъ родительскимъ сердцемъ... Сдѣлавшись зятемъ Кузьмы Ивановича, членомъ его семьи,

поселившись вѣстѣ съ нимъ, онъ не измѣнилъ своего обращенія съ хозяиномъ: по-прежнему исправлялъ то дѣло, которое ему было поручено, — по-прежнему спрашивалъ приказаній, давалъ отчеты, всказывалъ на ноти, когда тестъ съ нимъ заговаривалъ, и садился въ его присутствіи не иначе, какъ съ его дозволенія. Кузьмѣ Ивановичу нравилось, что зять оказывалъ ему такое подобострастное уваженіе, не забывался и помнилъ, что онъ ничего больше, какъ ничтожный приказчикъ, взысканный только его особенными милостями. Онъ не вѣрилъ въ зятя, никогда не расставался съ мыслью, что это большой, тонкій плутъ, но, самъ того не чувствуя и не замѣчая, поддавался его вліянію. Увеличивая жалованье Дмитрія Тимошенча, расширяя предѣлы данной ему довѣренности, назначая его старшимъ приказчикомъ, поручая его управленію фабрику, Кузьма Ивановичъ увѣрялъ самого себя, что дѣлаетъ все это только ради дочери и невольнаго родства съ нимъ. Въ глубинѣ души онъ даже любилъ зятя за его выдержку, настойчивость, ловкость и умѣнье вести дѣла: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы онъ самъ, даже безъ просьбы, объявилъ зятю и дочери, что выдѣлилъ на ея часть извѣстный капиталъ, который будетъ оставаться пока въ общемъ дѣлѣ, и такимъ образомъ сдѣлалъ Дмитрія Тимошенча какъ-бы пайщикомъ въ своихъ коммерческихъ оборотахъ. Съ годами, когда забылась скандальная исторія женитьбы, когда у Лизаветы Кузьминихи народилось много дѣтей, когда Дмитрій Тимошенчъ записался въ гильдію и — какъ рассказывали — имѣлъ уже личный порядочный, хотя и скрытый пока капиталъ, — отношенія между тестемъ и зятемъ нѣсколько измѣнились: Дмитрій Тимошенчъ сдѣлался спокойнѣе и увѣреннѣе въ себѣ, не такъ работопустовалъ, какъ прежде, позволялъ себѣ даже возражать тестю, или молча дѣлать по-своему, хотя наружно сохранялъ должное почтеніе къ хозяину-милліонеру; а Кузьма Ивановичъ, продолжая разыгрывать роль повелителя, во многихъ дѣлахъ ничего не предпринималъ безъ совѣта зятя и даже нерѣдко уступалъ ему, хотя въ то же время безъ церемоній бранился съ нимъ и выказывалъ оскорбительную подозрительность. И въ образѣ своей жизни, въ своей домашней обстановкѣ Дмитрій Тимошенчъ уже не подчинялся слѣпо вкусамъ и взглядамъ тестя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поселился на новой фабрикѣ. Онъ старался подражать коммерсантамъ новѣйшаго фасона, а не купцамъ стараго закала: считалъ нужнымъ вести жизнь общественную, а не замкнутую, старался показаться человѣкомъ цивилизованнымъ, и не только училъ дѣтей, но даже нанялъ къ нимъ гувернантеу, какъ только они

начали подрастать. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, много повліялъ Александръ Кузьмичъ, вкусившій, хотя и немного, отъ столичной жизни и плодовъ образованія: вліяніе это нило, разумеется, болѣе черезъ жену — Лизавету Кузьминичну.

— Что вы, тятеньда, изволили требовать меня? — спросилъ Дмитрій Тимошенъ, — входя въ контору.

— А вотъ что, милостивый государь... Вотъ познакомься: благопріятель мой, старшина, хорошій человекъ, проситъ, чтобы его родственника, молодого парня... расхваливаетъ очень его, говоритъ — по всякимъ художествамъ мастеръ... чтобы взять его на фабрику... Этого, что ли, парень-то твой? — спросилъ Кузьма Ивановичъ, указывая пальцемъ на только-что вошедшаго Оеда.

— Онъ самый... — отвѣчалъ Оедотъ Семеновъ.

— Ну-ка, подойди сюда, молодецъ, поближе... — приказалъ Кузьма Ивановичъ.

Оедя подошелъ.

— Сказывай правду: водку пьешь?..

— Не пиваю отъ роду... — бойко отвѣчалъ Оедя.

— Ну, научишься...

— Нѣтъ, не научусь... — смѣло настаивалъ Оедя.

— Ну, а табачище куришь?

— Нѣтъ, не курю.

— И въ карты не играешь?

— Не умѣю...

— Ну, молодецъ!.. Ровно красная дѣвка... не пьетъ, не куритъ и въ карты не играетъ!.. Если долго такъ продержишься, пожалуй, деньги наживешь... Вотъ старикъ-отъ твой проситъ, чтобы на фабрику тебя взять...

— Не оставьте. Примите, Кузьма Ивановичъ...

— Ну, а въ какое же ты дѣло желаешь поступить?.. Что ты умѣешь-то?..

— Да куда опредѣлите... И топоромъ могу, и по столярной части... и рѣзбу если угодно... Самъ рисунки дѣлаю...

— На словахъ-то ты боекъ, захватистъ... А все надо посмотреть: каковъ на дѣлѣ... Намъ на фабрику ткачи больше требуются... Умѣешь ли?..

— Да, вѣдь, у васъ машинная точка... Слыхалъ я отъ людей: тутъ умѣнье не большое нужно... Привычка только нужна, шноровка... Да нѣтъ, въ ткачи-то бы мнѣ не желательно... А вотъ къ машинамъ, кабы ваша милость была...

— Около машинъ топоромъ нечего дѣлать... — замѣтилъ Дмит-

рій Тимошенчъ... Тутъ нужно, чтобы слесарь былъ, слесарную часть зналъ...

— Были бы инструменты, а то слесарная часть не мудреная: все сдѣлать можно... Я потому въ машинахъ прошусь, что у меня пристрастіе въ этому... Я самъ кое-что выдумывалъ, самъ и модели дѣлалъ... Я какую угодно машину соображу: и разберу, и соберу опять... Часы у Федота Семеныча, въ волости стояли... я и тѣ разобралъ, починилъ и опять собралъ... Идутъ теперь...

— Это правда, точно... — подтвердилъ Федотъ Семенычъ.

— Какія же ты машины выдумывалъ? — спросилъ Александръ Кузьмичъ.

— Разныя... На счетъ мельницъ, маслобоекъ и другія...

— Да ты ужъ не въ механики ли просишься? — спросилъ Дмитрій Тимошенчъ... — Такъ, вѣдь, для этого, братъ, надо экзаменъ выдержать... Паровая машина, вѣдь, не то, что часы... Тутъ надо чертежъ понять, чтобы ею распоряжаться... А ты видалъ ли когда и паровики-то?..

— Хоть я, правда, что не видалъ, а чертежъ я понимаю... По физикѣ знаю, хоть сейчасъ все расскажу и нарисую: какъ что дѣйствуетъ...

— Какъ по физикѣ? — переспросилъ Александръ Кузьмичъ. — Развѣ ты физику знаешь? учился?..

— Учиться не учился... А физику я всю читалъ и понималъ...

— Гдѣ же ты взялъ?

— Тутъ, у нашего учителя... Только-что я — не подумайте — я не въ главные механики прошусь... А такъ бы желательно въ машинахъ поступить: въ подручные въ механику, или какъ ужъ вамъ заблагоразсудится...

— Механикомъ у насъ называется кто всѣми машинами на фабрикѣ заправляетъ, а тѣ, что за машинами наблюдаютъ, починиваютъ если нужно, смазываютъ, въ порядкѣ содержатъ — то машинисты... — объяснилъ Александръ Кузьмичъ.

— Вотъ меня хотъ бы въ такіе-то сначала...

— Есть ли у насъ мѣста-то? — спросилъ Кузьма Ивановичъ.

— Машинистовъ комплектъ полный: мѣстовъ нѣтъ... Да, вѣдь, надо же и посмотрѣть на него сначала... Коли угодно взять, такъ рабочимъ его простымъ въ машинахъ... Пускай сначала присмотрится и себя покажетъ... А тамъ увидимъ, какой въ немъ толкъ... У насъ вонъ и по столярной части — говорить, умѣетъ — дѣла довольно, найдется и для него...

— Ну, да ужъ это твоё дѣло: къ какому тамъ дѣлу его приставишь...

— Ну, такъ ладно,—обратился онъ къ Оедѣ: прику тебя, парень...—Смотри, работай честно и вѣрно, вотъ что ужъ тебя дилектура заставитъ... Къ чему приставитъ, то и дѣлай, старайся... не лѣнись...

— Ужъ я стараться буду, Кузьма Ивановичъ... И во всѣхъ силъ буду стараться... Какое же положеніе-то мнѣ будетъ?.. Жалованье-то какое положите?..

— О, братъ!.. Ты я вижу изъ горячихъ, да изъ бойкихъ!.. Ничего не видя, ужъ спрашиваетъ хозяина: какое ему будетъ положеніе?.. Еще работы-то своей не показалъ, а ужъ объ жалованьи хозяина допрашиваетъ... Кабы не для старика, такъ я бы съ тобой и разговаривать-то не сталъ... Ты не думаешь ли и самъ-дѣлѣ, что нуженъ болѣе съ хизикой-то своей?.. А воли принимаютъ, такъ и будь доволенъ... Бога благодарить!.. А жалованье какое положить, то и получай... Слышалъ?.. Ну, то-то, впередъ знай какъ съ хозяиномъ разговаривать!.. хизикой-то ты читалъ, а этого не вычиталъ: какъ съ хозяиномъ разговаривать надо, такъ хошь бы людей поспрошалъ...

— Извините его, Кузьма Ивановичъ,—вступился Оедотъ Семеновъ.—Молодъ еще, неопытенъ!.. Покорно благодарю, что принимаете: вы не обидите...

— Вотъ еще!.. Эку дрянъ мнѣ очень обижать нужно... А знамо молодъ: оттого и внушаю... Вижу, свѣта не видалъ, людей не понимаетъ... Какъ быть деревня... Ну, Богъ съ тобой, ступай!.. Научись, вошь людей разбирать: къ кому съ чѣмъ подойти и какъ разговаривать... Вотъ теперь къ г. дилектуру обращайся... Ступай...

Оедѣ былъ сконфуженъ и смущенъ: онъ видѣлъ, что Кузьма Ивановичъ разсердился, что онъ что-то такое сказалъ или сдѣлалъ неладное, но что именно — не могъ сразу уяснить себѣ, и онечаженный пошелъ къ дверямъ.

Оедотъ Семеновъ тоже былъ смущенъ и нѣсколько даже обиженъ и стоялъ передъ Кузьмой Ивановичемъ опустя глаза въ землю. Тотъ замѣтилъ это.

— Нельзя на нихъ безъ острастки,—обратился онъ къ Оедоту Семенову, когда дверь за Оедѣй затворилась.—Я знаю ихъ, зазнаются, молокососы, особенно вотъ этикіе, которыхъ Богъ умомъ да талантомъ награждаетъ: мечтаютъ о себѣ и не вѣсть что... И чортъ ему не братъ... А вотъ огорочили его — онъ и пойметъ, притихнетъ!..

— Онъ смирный паренъ, Кузьма Ивановичъ... Никогда поперекъ слова не скажетъ... Такъ это онъ молвилъ, проста...

— Ну, впередъ наука... Ты его возьми тамъ, Дмитрій Тимоѣенчъ, пристрой какъ знаешь... А жалованье положи на первое время рублей двѣнадцать въ мѣсяцъ... Вонъ для старика... А тамъ увидимъ...

— А на-счетъ харчей какъ?..

— Харчи, знамо, его... Гдѣ же намъ возиться...

— Слушаю, тятенька...

На Александра Кузьмича послѣдняя сцена и послѣднія распоряженія отца, видимо, произвели непріятное впечатлѣніе, но онъ ничего не сказалъ, и вышелъ вслѣдъ за зятемъ.

— Ну, прощай, старикъ... Вотъ привелось и мнѣ для тебя сдѣлать...—говорилъ Кузьма Ивановичъ, разставаясь съ Ѳедотомъ Семенычемъ.—Ужъ не кланяйся, не проси... Не оставлю, не оставлю парня твоего, только бы старался, да не избаловался здѣсь... На фабрикѣ народъ всякой... Наставляй его хорошенько...

Ѳедотъ Семенычъ кланялся и благодарилъ, но вышелъ изъ конторы не вполне довольный.

VIII.

Ѳедя остановился у крыльца конторы, въ ожиданіи Ѳедота Семеныча. Невеселыя думы толпились у него въ головѣ. Онъ невольно вспоминалъ и соображалъ все, что прежде слышалъ о купцахъ и ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ.

— Это еще хваленый... Кузьма Ивановичъ!.. Еще и пришелъ я къ нему съ дружкомъ, съ Ѳедотомъ Семенычемъ... Ну, за что обидѣлъ, за что облаялъ?.. Неужто нельзя ужъ и объ жалованьи спросить?.. Какъ же рабочему человеку не знать впередъ, сколько онъ заработать можетъ?.. Вѣдь, я же къ нему не Христа ради прошусь... Я на него работать буду... Ну, коли не съ нимъ радиться надо было такъ бы и сказать просто... Зачѣмъ же кричать да лаяться-то?.. Иной разъ, пожалуй, и не стерпишь, коли ни въ чемъ не виновать, а онъ кричать ставеть да ругаться.

Мимо его прошелъ Дмитрій Тимоѣенчъ, пылливо, пристально взглянулъ на него исподлобья, но, прежде чѣмъ Ѳедя такъ же прямо на него смотрѣвшій, успѣлъ сообразить, что, можетъ быть, нужно снять шапку и поклониться, директоръ фабрики быстро повернулся и пошелъ прочь, ни слова ему не сказавши. Ѳедя вопросительно смотрѣлъ ему вслѣдъ и видѣлъ, какъ снова-

ние по фабричному двору работники, встречаясь съ директоромъ, проворно снимали свои шапки и подобострастно ему кланялись. Вдругъ его кто-то окликнулъ, не назвавши по имени. Онъ оглянулся. На крыльцѣ стоялъ Александръ Кузьмичъ.

— Ты какъ будешь по имени?—спросилъ онъ его.

— Федоръ.

— А прозвище, фамилья есть у тебя какая?

— Нѣтъ, фамилин нѣтъ никакой...

— Надо тебѣ прозванье взять какое-нибудь... У насъ, на фабрикѣ, Федоровъ много... Ты изъ какой деревни?

— Изъ Чернушекъ.

— Ну, такъ вотъ и презывайся: Чернушенинъ.

— А вы кто же будете?—спросилъ въ свою очередь Федя.

— Я хозяйскій сынъ, Александра Кузьмичъ... Татенька говорить, что эта и фабрика и имѣние будутъ мои, что онъ мнѣ ихъ послѣ себя предоставитъ...

— Стало быть, вы теперь заправляете ей, когда безъ татеньки...

— И заправляю, и нѣтъ... Присматриваю за всѣмъ, а директоромъ-то вотъ зять нашъ, Дмитрій Тимоѣенчъ... Вотъ что прошель... У насъ татенька не любитъ никому воли давать: до всего самъ доходить... Что же ты пропустилъ Дмитрія-то Тимоѣенча, не подошелъ къ нему, какъ онъ проходилъ мимо?.. Вѣдь, татенька, велѣлъ тебѣ къ нему идти...

— Да не знаю какъ... Не сдогадался вдругъ-то... Думалъ: не время...

— Пойдемъ со мной на фабрику: я тебя къ нему сведу...

— Покорно благодарю, Александра Кузьмичъ... Пойдемъ...

Они пошли.

— Татенька велѣлъ тебѣ двѣнадцать рублей положить на первое время, на твоихъ харчахъ... Ну, немного это, да ничего: потеряши... Покажешь себя, да коли надобенъ будешь—прибавятъ скоро...

— Маленько это... Правда, что маленько... Тоже прохарчишь сколько...

— Да ничего, шустунай... Прибавятъ... Уже говорю тебѣ, что прибавятъ.. Они и все такъ: воли видятъ, что человѣкъ нужный, всегда норовятъ сначала нажать...

Федя съ удивленіемъ, вопросительно взглянулъ на хозяйскаго сына.

— Ты чего смотришь, удивляешься, что я такъ-то говорю?.. Я, братъ, люблю прямо, открыто... не какъ они...

— А за что же тятенька вашъ разсердился на меня, когда я про жалованье спросилъ?.. Неужто ужъ у васъ рабочему чelовѣку и ридиться нельзя, а получай что дадутъ?..

— У насъ съ рабочими впередъ никогда не ридятся, а платятъ всѣмъ равно, смотря по работѣ: мѣсячнымъ—по-мѣсячно, а штучнымъ—отъ штуки, сколько кто выткалъ... Плата назначается по цѣнѣ товару: коли упадетъ цѣна, ну, и плату убавятъ, а коли бойко товаръ съ рукъ идетъ и по хорошей цѣнѣ, тогда немножко и плату повысятъ... А тятенька разсердился на тебя и за то, что ты о жалованьи впередъ спросилъ, а еще больше за то, что съ нимъ сталъ объ этомъ разговаривать: на это у насъ контора, приказчики, да директоръ есть... Онъ коли съ рабочимъ самъ да еще съ шуткой и ласково заговорилъ, такъ за великое счастье считать надо: стоять, молчать да кланяться, либо отвѣчать только, о чемъ спросить... Онъ, вѣдь, у насъ большой командиръ на фабрикѣ, что твой губернаторъ въ губерніи...

Александръ Кузьмичъ улыбнулся и продолжалъ:

— Онъ тебѣ такое благодѣяніе дѣлаетъ: до себя тебя допустилъ, самъ съ тобой разговариваетъ, спрашиваетъ, обѣщаетъ на фабрику принять, а ты еще вздумалъ о жалованьи его спрашивать, торговаться... Вотъ онъ и отпѣвался... Да еще счастливъ, что вовсе не прогналъ, велѣлъ принять... Видно, еще старика твоего уважилъ: другого бы прогналъ...

— А про него, про родителя вашего, слава идетъ, что милостивый, ласковый...

— Да онъ и милостивъ, и ласковъ, когда ему надобно, или когда самъ захочетъ и пова не разсердить... Онъ тебя не обидитъ, только ужъ смотри ему въ глаза, да угождай... чего онъ хочетъ—угадывай!.. Ну, да что объ этомъ толковать... Ты вотъ мнѣ лучше что скажи: неужто ты и вправду одинъ всю физику прошелъ?..

— Ужъ не знаю, всю-ли... Наука, говорятъ, эта большая... А книжку, которую учитель давалъ, всю прочиталъ...

— И все понялъ?..

— Насчетъ вотъ машинъ все понялъ: тутъ чертежи приложены и все объяснено... А что ужъ очень мудро, неонятно,—учителя спрашивалъ: онъ, спасибо, толковалъ... Онъ и по механикѣ мнѣ много объяснялъ...

— Да какъ же ты?.. Тутъ, вѣдь, нужно сначала арифметику, алгебру пройти, а ты, вѣдь, ихъ не знаешь, не учишься...

— Четыре-то правила онъ мнѣ въ одинъ вечеръ объяснилъ: я сразу понялъ, а тутъ самъ по книжкѣ добирался... И арие-

метрику знаю... Вотъ алгебры не знаю... Говорилъ мнѣ и объ ней Василій Якимичъ, и показывалъ немножко... только немножко же... А такъ чтобы всю... нѣтъ, ей не проходилъ, не знаю... А надо непременно бы и объ ней книжку достать да прочитать!.. Да все времени нѣтъ... А точно что надо бы ее узнать!.. Вотъ и въ физикѣ, и въ механикѣ я все больше на догадку брать, а такъ, чтобы доподлинно дойти и все растолковать и доказать, я не могу... Понимать-то я все понимаю, и сдѣлать сдѣлаю, иное и начерчу и объясню: какъ и почему; а вотъ иное только въ головѣ держу и самъ для себя ровно какъ понимаю, а рассказать не могу... Вотъ я по механической части... когда что придумаю... машину такъ какую, али что... такъ какое колесо пустить, или шестерню, или рычагъ, или передачу: вижу что хорошо будетъ и въ пользу пойдетъ... сдѣлаю и выходить, а почему такъ, чтобы впередъ все, по математикѣ, обдумать и рассчитать—этого не могу... Известно, какъ бы съизмалства въ ученѣе отдали въ училище, да все бы по порядку пройти... много бы лучше было...

— Отчего же тебя не отдали?

— Известно отчего мужицкиѣ дѣтей въ училище не отдаютъ: то отъ глупости, отъ невѣжества, а больше отъ нужды... Денегъ нѣтъ, учить не на что...

— Да вотъ, кто отъ нужды не учится, оттого, что денегъ нѣтъ, а мнѣ не дали учиться оттого, что денегъ много...

— Какъ, развѣ вы не учены?..

— Учился съ грѣхомъ пополамъ, а доучиться-то тоже не дали... Дома будто бы нулевы... дѣло дѣлать!.. А на дѣло ходи только да смотри... а въ руки не даютъ... Тоска смертная!.. А что это за учитель таковой, про котораго ты говоришь?..

Бѣда рассказать про Василя Якимича подробно и съ взаимомъ.

— Вотъ бы его сюда... Школу бы при фабрикѣ открыть да жалованье хорошее дать... Жилъ бы человекъ и самъ хорошо, и для людей бы пользу дѣлать!.. А то срамъ сказать: у насъ теперь двѣ фабрики... На обѣихъ-то около тысячи человекъ однихъ дѣтей работаетъ, а ни на одной школы нѣтъ...

— Что же вы не устроите?..

— Да какъ я устрою?.. Разъ я занемучился-было тятенькѣ написать школы-то, такъ послѣ и самъ не радъ былъ... Недѣли двѣ не говорилъ и не смотрѣлъ на меня... Кажется, черезъ это, да еще черезъ другія мои слова и изъ училища-то взяли меня...

— Да что же такъ? Отчего?

— А оттого: говорить, ученье только портить людей, разнаго вздора имъ въ головы набивается, гордыми ихъ дѣлаетъ, либо пустовоками, а отъ настоящаго дѣла, которое хлѣбъ даетъ — отбивается... А для простонародья грамота, говорить, совсѣмъ не годится и вовсе нигде не надобна, потому, будто, въ школахъ мальчишки только балуются, разлѣниваются, изъ грамотныхъ всѣ пьяницы, бездѣльники и мошенники выходятъ... Одинъ, говорить, развѣ на сто человѣкъ путный выйдетъ, такъ изъ-за одного не стоить школы заводить, да такой захочетъ и безъ школы читать-то да писать выучится... у перваго дьячка... Вотъ онъ что говорить!.. А къ тому еще и денегъ ему жалко на это изводить. Со школы-то въ карманъ себѣ ничего не выручишь, а только на нее же изъ кармана вынимай...

— Ну ужъ велики ли это и деньги для васъ, Александра Кузьмичъ...

— Да кабы я-то былъ хозяинъ, я давно бы ужъ открылъ школу... Сдаль бы онъ фабрику мнѣ, я бы многое по другому повелъ... У меня бы и рабочему народу много лучше было.... Да что дѣлать? воля-то не моя... Меня не спросятъ да и скажу — не послушаютъ!.. Дмитрій Тимоѣичъ тоже самъ подначальный человѣкъ, по тятенькиному долженъ дѣлать, да врядъ-ли бы онъ и самъ по себѣ сталъ по другому дѣлать... У него тоже одно въ головѣ: какъ бы подешевле, да посходитѣ что сдѣлать и побольше барыша выгадать, а о другихъ, стороннихъ людяхъ заботы мало... Эхъ, кабы тятенька сдаль мнѣ совсѣмъ теперь эту фабрику, я бы зналъ что дѣлать!..

— Подождите, Александра Кузьмичъ, придетъ и ваше время, будете и вы хозяиномъ... Тогда ужъ... видать по всему, что вы рѣдкостный человѣкъ и душа у васъ золотая... Съ ванинъ напеталомъ да съ вашими мыслями вы много добра народу сдѣлаете....

— Не знаю, сдѣлаю-ли... Точно, что я добрый и открытый... Вотъ понравился ты мнѣ, самъ не знаю почему, я тебѣ тотчасъ всю свою душу выложилъ... И мнѣ у меня точно хорошия, хоть и правду сказать, не самъ я ихъ выдумалъ, а были въ Питерѣ промежъ насъ люди: было чего послушать, чему поучиться.... Вотъ такіе же, какъ твой учитель, только, пожалуй, еще поучебѣ его... Много я отъ нихъ хорошаго наслушался!.. И правду сказать: болить у меня сердце смотрѣть на все, что у насъ дѣлается и какъ мы живемъ... А все тоже думаю, что ничего мнѣ хорошаго сдѣлать не удастся...

— Отчего же?..

— А первое: оттого, что людей нѣтъ, никто не поддержитъ, не поможетъ, а одинъ въ нелѣ не воинъ... А второе: нѣту у меня характера, смѣлости нѣтъ... Запутать, что-ли, я съ малолѣтства—не знаю, а только вотъ я до сихъ поръ, за двадцать слѣшкомъ лѣтъ, тятеньки боюсь... И ничего мнѣ одному не затѣять: за людьми, на доброе, кажись, всюду пойду, а чтобы другихъ за собой вести, или одному идти противъ всѣхъ, на-проломъ—нѣтъ, не знаю... не сумѣю!.. А, вѣдь, и въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ,—иди за-одно со всѣми,—со своимъ братомъ фабрикантомъ, то-есть, а то бѣда: такой шумъ, гвалтъ поднять, разорать, со свѣта сживутъ!.. У насъ всѣ одинъ по одному... всѣ за-одно и одинакихъ порядковъ держатся... Это бываетъ, что одинъ у другого хорошихъ мастеровъ сманиваетъ... А ужъ насчетъ рядового рабочаго у всѣхъ за-одно и жалованье, и штрафы, и взысканья, и всѣ другіе порядки, все на одномъ держится: какъ бы поменьше заплатить, да подешевле работа обошлась... Всѣ другъ за другомъ слѣдятъ, всѣ одинъ про другого все знаютъ... И Боже сохрани, если бы кто выискался, да новыя порядки сталъ заводить, отъ которыхъ рабочимъ лучше, а хозяину хуже—всѣ встанутъ противъ него!.. Что хочешь дѣлай: пей, жогай, разорайся какъ хочешь, никто не помѣшаетъ... А если бы кто плату поднять или рабочихъ часовъ убавить, или другое что въ пользу рабочихъ выдумалъ... ну, ужъ этого не простятъ!.. Правда, что эта наша фабрика въ сторонѣ, по близости другихъ нѣтъ: здѣсь бы еще легче что хорошенькое завести... Да нѣтъ, не удастся!..

Александръ Кузьмичъ махнулъ рукой и печально понурилъ голову.

— Полноте, Александра Кузьмичъ, не прошла бы только ваша добрая воля, да охота... Мысли эти крѣпче въ себѣ держите... А придетъ ваше время—все сдѣлаете...

— То-то, не прошла бы охота... А она пройдетъ!.. Знаю, что пройдетъ!.. Я здѣсь со своими мыслями одинъ-одинехонекъ точно въ глѣсу, даромъ-что тысяча человѣкъ народу кругомъ... Вотъ скоро два года, какъ меня изъ училища взяли... И самъ чувствую, что я много ужъ перемѣнился и мысли эти все рѣже да рѣже въ голову приходятъ... Да и съ кѣмъ здѣсь поговоришь, посоветуешься?.. Объ тятенькѣ и старшемъ братѣ и говорить нечего... Знать съ сестрой въ другую сторону тоже смотреть... Приказчики всѣ прощальны: тятенькѣ да затю потрафить порокать, да объ карманѣ своемъ думаютъ... И народъ кругомъ дикой, грубой, либо мазура пражская... Къ тычкамъ, да ругательствамъ всѣ приучены... да время своего дѣла и знать ничего не хотятъ,

и не поймутъ ничего... Есть, правда, одна баринья, дѣтей у зятя — племянниковъ — учить, съ ней еще можно душу отвесити, поговорить... Ученая, начитанная... и знаетъ, и читала много!.. А все-таки женщина!.. Да и говорить-то съ ней надо съ оглядкой, чтобы не подумали чего, а то какъ разъ и ес-то изъ дома прогнать ни за что, ни про что... Вотъ такъ одинъ-одинешенекъ и живешь... не живешь, а киснешь!.. Такъ и чувствуешь, что день за днемъ все тебя постигъетъ, и все хорошее въ тебѣ опустасается, пропадаетъ... Да вотъ еще того и жду, что женить на какой-нибудь толстухѣ богатой, а тутъ новая родня на тебя насадетъ... Вотъ и всѣ твои замыслы хорошіе къ чорту!..

— Какъ женить, Александра Кузьмичъ?.. У васъ, чай, не какъ въ мужицкомъ роду, да нынче и у насъ ужъ рѣдко неволять жениться-то, а у васъ, чай, и подавно: не захотите, такъ кто васъ женитъ?..

— Да еще какъ женить-то!.. Велитъ татенька, а то скажутъ: всякаго наслѣдства лишу, коли не послушаешься... Вотъ и женишься, хоть и невѣста не больно по мысли будетъ!.. У васъ татенька воли ужъ что задумалъ да захотѣлъ, такъ сдѣлаетъ по-своему, какъ ему надо... Никого не пожалѣтъ!..

— Да доведись до меня, такъ я лучше бы ото всего отказался, чѣмъ далъ себя женить по неволѣ... Чтой-то, Александръ Кузьмичъ!.. Нынче вонъ и дѣвонь-то, такъ не всякую по неволѣ замужъ выдаютъ: и тѣ стали свои права узнавать да упираться...

— Тебѣ хорошо говорить: ото всего бы отказался!.. Ты и получилъ-то бы не много, да и самъ на себя надѣнешься: своими руками заработаешь, можетъ быть, еще больше... А тутъ какихъ капиталовъ лишишься, да и на себя-то понадеяться нельзя: что я безъ денегъ подѣлаю? Ни къ чему я не приученъ, ничего не умѣю, ничего не знаю!.. Не въ приказчики же мнѣ идти, да никто и не возьметъ, а и возьмутъ, такъ равнѣ только на-смѣхъ да на показъ, что вотъ, молъ, у меня Коташникова сынъ въ приказчикахъ служить... А тутъ все-таки думается, что какъ деньги въ рукахъ будутъ, и воли свои, такъ и людямъ добро какое-нибудь сдѣлаешь... Нѣтъ, въ нашемъ положеніи безъ денегъ никакъ нельзя: въ деньгахъ родился, въ деньгахъ и жить нужно, а безъ денегъ хуже послѣдняго человѣка сдѣлаешься... Мы сами и людьми ourselves и для людей что-нибудь дѣлаемъ, такъ не сами собой, а только черезъ свои деньги!.. Женить, бракъ, женить!.. Найдеть татенька невѣсту подходящую и женить!.. Да я и упираться не буду, потому по крайней мѣрѣ послѣ того ужъ какое-нибудь сдѣланное дѣло дастъ, а можетъ быть и всю фабрику

препоручить: у насъ женатому человѣку всегда больше вѣры дается, да и женыны родные будутъ поддерживать, требовать, чтобы не все изъ отцовской руки зять смотрѣлъ, а и свое имѣлъ, собственное...

— Чудеса это вы мнѣ рассказываете!... — раздумчиво проговорилъ Оедя.

— Нѣтъ, не то чудеса, а вотъ чудо: встрѣтилъ я тебя въ первый разъ и точно меня что къ тебѣ потянуло, сразу всю свою душу тебѣ открылъ... Даже самому удивительно!.. Не знаю, вѣдь, я тебя совсѣмъ, а точно съ давнишнимъ пріателемъ разговариваю...

— На томъ благодарю васъ, Александра Кузьмичъ... У меня у самого къ вамъ сразу сердце легло...

— Нѣтъ, ты мнѣ давеча понравился, что бойко, безъ униженія и поклоновъ ты съ тятенькой разговаривалъ... Признаться тебѣ сказать: любо мнѣ было и то, что онъ, вижу, сердится... ужъ я знаю его!.. а ты точно и вниманія не обращаешь, говоришь свое да прямо въ глаза ему смотришь... Онъ этого на смерть не любитъ!.. Я самъ его боюсь, а люблю какъ онъ натыкается на людей, что его не боятся!.. Да и это вотъ еще меня больше потянуло къ тебѣ, что ты до всего самоучкой дошелъ: и машины выдумываешь, и физикеую всю самъ прошелъ, безъ училища... И старикъ-отъ этотъ твой славный и какъ тебя расхваливалъ!.. А слушай, Оедоръ, я тебѣ скажу по секрету: у насъ механикъ плохой, чухна какой-то, наши давно толкуютъ, что нужно механика перемѣнить, и коли ты все хорошенько поймешь и съ машиной управляться выучишься... увидать они это: тебя навѣрно сдѣлаютъ механикомъ... Только ты молчи, ничего не говори и виду не показывай, что я тебѣ сказалъ... Я видѣлъ, что и отецъ и зять рады тебѣ, а жалованьемъ нажать на первое время все-таки хотять: вотъ мнѣ досадно и стало... Я и пошелъ за тобой, чтобы тебя поддержать... Да вотъ какъ разговорились!..

Вся эта бесѣда между молодыми людьми, начавшаяся дорогой по фабричному двору къ главному корпусу, гдѣ находилась особенная контора, или кабинетъ директора, продолжалась въ этомъ кабинетѣ, гдѣ они сидѣли въ ожиданіи прихода Дмитрія Тимоенча, занятаго на фабрикѣ. Эта небольшая комнатка, въ которую, кромѣ директора, имѣлъ право входа только Александръ Кузьмичъ, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, окна ея выходили на фабричный дворъ и были открыты. При послѣднихъ словахъ молодого Кошатинова снаружи у одного изъ оконъ послышался женскій голосъ, звавшій Дмитрія Тимоенча. Александръ Кузьмичъ быстро подбѣжалъ къ окну.

— Я пошла гулять съ дѣтьми... Лизавета Кузьминична велѣла зайти сказать Дмитрію Тимофеевичу... Это нѣтъ, что ли, тутъ?..—спрашивалъ женскій голосъ.

— Нѣтъ... А вамъ что же велѣно сказать?.. Да заходите сюда: онъ сейчасъ придетъ.

— Да вы думаете важное, что ли, что?.. Это и вы можете передать ему, оно и васъ касается: что обѣдать будутъ сегодня пораньше получасомъ, такъ чтобы не опаздывали—приходили...

— Почему же такъ?..

— Ну, ужъ этого я не знаю... Кажется, дѣло въ воздушномъ пирогѣ, опасаются, чтобы не сѣлъ, или не перешелъ... А впрочемъ—досконально не знаю...

— Да все равно, вы заходите сюда...

— Зачѣмъ?

— Потолкуемъ... Я вамъ покажу, познавочю съ однимъ человѣчкомъ.

— Съ какимъ?..

— Ужъ съ хорошимъ... Заходите...

— Я съ дѣтьми...

— Тѣмъ лучше...

— Да!.. На случай подозрѣній и слѣдствій: не было ли предварительной стачки... на рандеву... и какъ оно состоялось?.. Хорошо, зайду...

Послышался бойкій женскій смѣхъ. Александръ Кузьмичъ отошелъ отъ окна къ Федѣ.

— Это та самая барышня, про которую я говорилъ тебѣ... Она гувернантка, учительница у дѣтей Дмитрія Тимофеевича, у моихъ племянниковъ. Я хочу тебѣ ее показать, познакомить васъ... Она говоритъ, что ужасно простой народъ любить и старается сближаться съ нимъ и изучать его...

Федя ни слова не сказалъ и конфузливо одернулъ на себѣ поддевку.

Въ комнату быстро вошла дѣвушка лѣтъ за 20, высокая, худая, некрасивая, но съ очень добрыми, смѣло смотрящими глазами, съ бойкими, нѣсколько рѣзкими движеніями.

— Ну, здравствуйте...—говорила она, входя. Я свидѣтелей оставила у подъезда: что съ ними таскаться, свучно!.. Да я и сама на минутку... Ну, что же?.. Съ кѣмъ вы хотѣли меня познакомиться?..

Она оглянула комнату и остановила глаза на Федѣ.

— А вотъ съ нимъ...—отвѣчалъ Александръ Кузьмичъ, указывая на Федора.—Самоучка механикъ, машины выдумываетъ...

Физикѣ изучилъ самъ, безъ учителя... Поступаетъ къ намъ на фабрику...

Одѣ покраснѣлъ и неловко, конфузясь повлонился.

— Здравствуйте... — проговорила барышня, и порывистымъ движеніемъ, по-мужски, протянула ему руку.

Одѣ нерѣшительно, робко подаль свою.

— Будьте знакомы... Вы, пожалуйста, не стѣняйтесь меня... — говорила гувернантка, не выпуская руку Одѣ и крѣпко сжимая ее. — Не думайте, что я барышня... Я такая же работница, какъ и вы, такъ же своими мозгами, своимъ трудомъ промышляю себѣ хлѣбъ насущный... Мы съ вами не то, что вотъ эти господа... — Она указала на Александра Кузьмича и продолжала:

— Они, вѣдь, паразиты, чужадыне, живутъ чужимъ трудомъ... У нихъ хоть и туго набиты мѣшки, хоть они и задыхаются отъ жира, а все-таки сила въ насъ, въ пролетаріяхъ, а не въ нихъ... Вы знаете, что значить пролетарій, пролетаріатъ?..

— Слыхалъ...

— Ну, такъ вы согласны, что сила не въ деньгахъ, а въ рабочихъ рукахъ, не въ капиталѣ, а въ трудѣ?.. Къ сожалѣнію, эта мысль до сихъ поръ еще не проникла въ массу, и потому деньги и капиталъ до сихъ поръ господствуютъ и управляютъ; но для насъ-то съ вами, для передовыхъ людей изъ рабочихъ, она должна быть понятна и должна поддерживать и ободрять насъ... Вы согласны со мной?..

— Объ этомъ надо говорить много и обстоятельно... — уклончиво отвѣтилъ Одѣ.

Гувернантка усмѣхнулась.

— О, сейчасъ по отвѣту видно холодную, методическую, математическую голову!.. Я васъ сразу опредѣлила себѣ... Но это, конечно, не значитъ, что вы со мной не согласны... А говорить обстоятельно я, конечно, очень желаю и когда-нибудь найдемъ время, только не теперь... Я знаю, что вотъ даже Александръ Кузьмичъ, который по общественному положенію долженъ бы стоять въ оппозиціи къ намъ, держится моего мнѣнія... За это ему честь и слава!.. А все-таки мы съ вами можемъ быть больше товарищи, чѣмъ съ нимъ, потому-что мы труженики, а онъ — паразитъ, бѣлоручка!.. И онъ тогда только сравняется съ нами, когда начнетъ свою службу народу, намъ, труженикамъ-рабочимъ, о которой онъ пока только мечтаетъ... Однако мнѣ пора, господа... Вы здѣсь будете жить на фабрикѣ?

— Да, здѣсь...

— А какъ же васъ зовутъ?

— Оедоръ Чернушинъ, — отвѣтилъ за него Александръ Кузьмичъ, — а ихъ — Алёна Николавна.

— Да, именно: Алёна, а не Елена... Елена — барышня, а Алёна — работница; я не хочу быть барышней!.. Ну, однако, пока до свиданія!.. Если вамъ нужны будутъ книги, обращайтесь ко мнѣ... У меня есть и Милль, и Бокль, и Дарвинъ... Все, что хотите... А если читаете на иностранныхъ языкахъ, такъ есть Ренанъ, Марксъ, Лассаль, Контъ... Есть и изъ новѣйшихъ... по секрету!.. Дамъ и ихъ, только надо очень осторожно!.. Александръ Кузьмичъ, что бы сказалъ вашъ *тятенька*, если бы узналъ и понялъ: какіе горючіе матеріалы, какіе ужасы хранятся у него въ домѣ... какія идеи въ головѣ воспитательницы его внучать!..

Алёна Николавна громко засмѣялась. Кошатиновъ улыбался.

— Ну, однако, прощайте, господа... Меня мои претенцы ждутъ... Еще, надѣюсь, найдемъ время сойтись и потолковать... А толковать, я вижу, намъ много еще придется!.. Хоть Александръ Кузьмичъ и рекомендуетъ васъ, — обратилась она къ Оедѣ, — подавая ему руку, — но вѣдь онъ еще юноша, способный къ увлеченію: мнѣ нужно самой васъ покондировать и, можетъ быть, во многомъ поспорить и наставить на путь истинный...

— Онъ рассказывалъ, — замѣтилъ Кошатиновъ, — что у него пріятель — учитель въ ихнемъ селѣ, который развивалъ и вліялъ на него... касался всѣхъ вопросовъ... Какъ видно, тоже изъ передовыхъ...

— Какъ зовутъ?.. — спросила гувернантка.

— Василій Якимичъ...

— Нѣтъ, фамилія...

— Проскуровъ...

— Не слыхала... Изъ семинаристовъ, или изъ университетскихъ?..

— Онъ былъ въ разныхъ училищахъ... — отвѣчалъ Оедя. — И въ университетѣ былъ, и въ доктора хотѣлъ идти... И еще въ институтѣ... И простымъ рабочимъ былъ: куле таскалъ...

— А-а... Это интересно!.. Надѣ бы съ нимъ сойтись...

— Вотъ послѣдствіи, черевъ него... — сказалъ Александръ Кузьмичъ, указывая на Оедю.

— Непремѣнно, непремѣнно... Чѣмъ больше людей, тѣмъ лучше!.. Мы здѣсь съ Александромъ Кузьмичемъ точно въ звѣринцѣ заперты... Вотъ я полгода уже живу здѣсь, а еще только перваго настоящаго человѣка онъ мнѣ показываетъ — васъ!.. А то все или звѣри, или несчастные, полу-люди, которымъ не впол-

кренъ никакой человѣческой идеи... А нужно, нужно дѣйствовать, втолковывать... для ихъ же блага... Людей, людей нужно больше!.. Одна, да еще подъ такимъ надзоромъ, при такой обстановкѣ, какъ моя, ничего не сдѣлаешь, а дайте мнѣ товарищей, настоящихъ людей... о, тогда много можно сдѣлать пользы!.. можно и этихъ несчастныхъ превратить въ людей!.. Трудно, тяжело—я это знаю, но возможно!.. Вотъ гдѣ нужна и мудрость змѣи, и кротость голуба!.. Служить народу, жить, работать для его блага, для его счастья — такая задача можетъ быть выше этой?.. И, со своей стороны, я готова на эту службу: это цѣль моей жизни, мое призваніе!.. Вы знаете, Александръ Кузьмичъ!.. Спасибо вамъ, что показали новаго товарища... Давайте, давайте сюда и вашего учителя... Однако, прощайте... Если нужно будетъ какихъ книгъ, вотъ скажите Александру Кузьмичу, я черезъ него перешлю къ вамъ...

При послѣднихъ словахъ отворилась дверь и въ ней появился Дмитрій Тимоѣенчъ. Онъ не могъ скрыть изумленія и неудовольствія при встрѣчѣ съ гувернанткой, и даже невольно приостановился у дверей. Алѣна Николаевна нисколько не смущалась и, оборвавши свою рѣчь, быстро пошла къ нему на встрѣчу.

— Я пришла сюда по порученію Лизаветы Кузьминичны. Она просила сказать вамъ, чтобы пораньше приходили обѣдать...

— Развѣ ей некого было, кромѣ васъ, послать съ этимъ?.. — спросилъ Дмитрій Тимоѣенчъ, искоса поглядывая на зятя и Оеда.

— Я шла гулять съ дѣтьми, она и просила зайти по дороге!..

— Хорошо-съ... А гдѣ же дѣти?..

— Я ихъ оставила у крыльца... Я забывала только на одну секунду... Я сейчасъ иду къ нимъ...

— Да-съ, пожалуйста... Дѣтей не слѣдуетъ оставлять однихъ: къ тому вы приставлены... за ними назирать!..

— Да, вѣдь, Лиза же ихъ просила зайти... — выѣхался Александръ Кузьмичъ.

— Слышу-съ я это... Очень хорошо-съ, придемъ.. Я только на-счетъ дѣтей... Спать могутъ какъ неблагоугодно безъ васъ: я только къ тому...

— Такъ, вѣдь, я же и иду къ нимъ... Странно, право!.. — проговорила Алѣна Николаевна съ недовольнымъ видомъ и вышла.

— Тебѣ что надо здѣсь? — круто оборотился Дмитрій Тимо-

очень къ Оедѣ, проводивъ гувернантку глазами. — Занѣмъ ты сюда зайдешь?..

— Это я его привелъ, чтобы подождать тебя, братецъ... — отвѣчалъ за Оедю Александръ Кузьмичъ. — Тятенька велѣлъ ему къ тебѣ идти... Надо же ему сказать: куда ему вставать на работу и когда?..

— Что же такъ очень скоро нужно?.. Могъ бы, кажется, и подождать...

— Да онъ и ждать...

— Что адѣсь, братецъ, за мѣсто ему ждать... На лѣстницѣ бы могъ подождать, али тамъ у крыльца, у конторы...

— Ну, ужъ это я виноватъ: влинулъ его сюда... Заболѣлось поговорить съ нимъ, разспросить его обо всемъ... Къ чему же ты его, братецъ, приставишь теперь?..

— Къ машинѣ тятенька говорилъ, и онъ просился... Да тамъ теперь народъ въ полномъ комплектѣ... Нечего ему дѣлать будетъ: не зря же ему шататься... А покамъ мѣсто откроется, онъ по столярной части хвалился, что знаетъ, такъ пускай рамы пригоняетъ въ новую стройку... А тамъ видать будетъ.. Столяръ же записалъ у насъ... Пускай поработаетъ покамъ за него... Вотъ!..

— Миѣ куда прикажете: все одно!.. — проговорилъ Оедя.

— Значить, въ мастерской ему и жить можно?..

— Пускай живетъ: мѣста не жалко, только чтобы харчи свои...

— А вѣдь столяръ-то у насъ, кажется, по-штучно работаетъ?..

— Такъ что же, братецъ... Съ тѣмъ такая рада... А этотъ мѣсячнымъ поступилъ, пускай по-мѣсячно и работаетъ... Мы со-вѣсть его посмотримъ: сколько онъ сдѣлаетъ для хозяина-то...

— Буду стараться, Дмитрій Тимоенчъ, сколь можно... Не прогуляю!..

— Ну, ужъ ладно... Слыхали мы это довольно... Ступай въ конторѣ, жди тамъ меня... Когда зайду, распоряженіе сдѣлаю на счетъ тебя... А съ завтрава на работу встанешь... Ступай.

Оедя поклонился и вышелъ на фабричный дворъ, совершенно отуманенный разнообразными впечатлѣніями дня: окривѣвшимъ милостиваго и благотворительнаго Кузьмы Ивановича, видимое, ничѣмъ не заслуженное нерасположеніе директора фабрики, неожиданная пріязнь, откровенность и покровительство хозяйскаго сына, знакомство и странныя рѣчи барышни-гувернантки, несбывшіеся расчеты на немедленный хорошій заработокъ и большія надежды въ будущемъ, не оставлявшая его ни на минуту тоска о Паранѣ и желаніе поскорѣе ее видѣть, — и въ то же время сознаніе не-

обстоянностях сложить это свиданіе до ближайшаго праздника — все это дѣйствовало на душу юноши точно тяжелый вошмаръ, подъ тяжестью котораго онъ какъ будто потерялъ и волю, и свободу, и полное сознаніе. Онъ чувствовалъ, что сразу попалъ въ какую-то новую волею жизни, что какъ будто у него разорвалась связь со всѣмъ прошедшимъ, дорогимъ и милымъ, а будущее, которое уже неизвѣстно захватило его, казалось такимъ неяснымъ, и туманнымъ, и страшнымъ... Онъ былъ въ такомъ состояніи, что хотѣлъ бы убѣжать безъ оглядки съ этой фабрики, куда такъ манили его радужныя надежды, но чувствовалъ, что не можетъ уже уйти, что онъ какъ-бы прикованъ къ ней какими-то невидимыми цѣпями... Страшная тоска и смущеніе напали на него, когда онъ шелъ по фабричному двору къ конторѣ, а непривычныя для его слуха и глазъ шумъ, гамъ, суетня и движеніе фабричной жизни еще усиливали это смущеніе... Недалеко отъ конторы онъ встрѣтилъ Федота Семеныча, который поджидалъ его.

— Чтой-то съ тобой?.. Обидѣли, что ли, тебя, али вовсе отказали? — спросилъ его старикъ, участливо взглядывая въ него.

— Нѣту, никто не обидѣлъ... Велѣли оставаться: принимаютъ...

— А что же?

— Да, какъ что?.. На тебѣ лица нѣтъ: ровно сомлѣлъ ты...

— Такъ это, съ непривычки видно: больно здѣсь людно и шумно, и хлопотно...

— Да, ужъ, братъ, не какъ у насъ въ деревнѣ... Здѣсь что твой городъ!.. Да вонъ мнѣ и самому больно не по мысли что показалось... Покамъ ждалъ, такъ ходилъ я, поспатривалъ: новая фабрика, а ужъ около нея три кабака, да два трактира... Поговорилъ: жалуются рабочіе, что заработки малы, плохо хозяева платятъ, а въ кабаки то и дѣло народъ шныряетъ, въ трактирахъ пѣсни горланять, на гармоніи играютъ... Что-жъ онъ изъ этихъ заработковъ малыхъ послѣ этихъ трактировъ домой-то принесетъ!... Не поспать ли, Федя, другого мѣста?... Не погодить ли? Не подумай ли?

— Нѣтъ ужъ, Федотъ Семенычъ, что же, надо попытать перваго счастья!... Что ходить да искать... Спасибо, дай Богъ вамъ здоровья, и за эти хлопоты: безъ васъ бы и того не было!..

— Да нѣтъ, братъ, я не того ждалъ... Не по мысли мнѣ, не показались мнѣ сегодня Кузьма Иванычъ...

— За то смюхъ у него... душевный, золотой парень!..

И Федя разсказалъ о своей бесѣдѣ съ Александромъ Кузьмичемъ, о его ласкѣхъ, добротѣ и общаніяхъ. Федотъ Семенычъ

очень этимъ заинтересовался и просилъ подробно рассказать обо всемъ, что и какъ говорили они съ ховайскимъ сыномъ. Оеда исполнилъ его желаніе, но почему-то вовсе умолчалъ о встрѣчѣ и знакомствѣ своемъ съ ховайской гувернанткой.

— Ну, такъ оставайся нить, Оеда... Богъ милостивъ!... Правда, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей!.. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, твоя судьба и твое счастье здѣсь показаны... Ну, прощай, сердечный... Посылай поклонны... Да на, вотъ, возьми на первое обзаведенье: денегъ-то, чай, въ умаленьи у тебя...

— Полно, Оедотъ Семенычъ, мнѣ ужъ и совѣстно брать-то, право...—говорилъ Оеда, отстраняя рукою красненькую бумажку, которую подавалъ ему Оедотъ Семенычъ.

— Ничего, ничего, возьми... ты не пропьешь, не прогуляешь, знаю, а припрядешь: на нужду когда и будетъ... Можетъ, будешь и много получать, а все вспомнишь, что въ первой нуждѣ твоей моя копѣйка выручила, а мнѣ-то и любо, больше ничего и не нужно... Твоя послуга не того бы стоила, да знаю, большого не возьмешь, такъ хошь этимъ утѣшишь—не откажись, возьми...

Оеда благодарилъ старика и въ то же время думалъ о Паранѣ и радовался, что онъ придетъ въ ней не съ пустыми руками.

Съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ провожалъ Оеда Оедота Семеныча и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, въ ту сторону, гдѣ жила и, можетъ быть, ждала его Параня...

— Ъхать бы давеча вмѣстѣ съ нимъ... Выдумать предлогъ какой, отпроситься бы дня на два, и зайти бы... зайти въ Ону-чино... Хоть бы взглянуть, хоть бы узнать!..

Но Оедотъ Семенычъ давно скрылся. Оеда вздохнулъ и оглядѣлся кругомъ. На встрѣчу ему шелъ въ контору Дмитрій Тимошенъ и, подходя, искоса и не дружелюбно смотрѣлъ на Оеду. Тотъ въ свою очередь вопросительно смотрѣлъ на него.

— Все васъ поджидалъ... — сказалъ Оеда, когда директоръ поравнялся съ нимъ.

— А ты, дуралей, знай, что когда съ директоромъ встрѣчаешься, такъ шапку-то загодя снимай, да не смѣй безъ дѣла заговаривать... А коли ты это съ важности, да съ зазнайства шапки-то не ломишь, такъ убирайся въ чорту!.. Много такой дряни здѣсь у насъ и безъ тебя!.. Намъ смиренныхъ нужно, да уважительныхъ... Слышалъ?...

Дмитрій Тимошенъ оглянулся и сурово носмотрѣлъ на Оеду.

— Извините... Я не зналъ... — бормоталъ сконфуженный юноша, берясь за шапку.

— То-то, не зналъ!... Такъ знай!... Давеча прошелъ — онъ точно и не видитъ... И теперь — встрѣтился носъ къ носу — шапочки не ломить, да еще заговариваетъ, точно со своимъ братомъ... Ужъ, кажется, даве далъ окликъ Кузьма Ивановичъ: надо бы понять... А онъ ровно и ни по чемъ... Смотри, парень: намъ такихъ не надо!.. Будь смиренъ и почтителенъ!.. Стой тутъ, жди какъ кликнутъ.

Дмитрій Тимофеевичъ скрылся за дверью конторы, Федя остановился у крыльца. Въ душѣ его кипѣла горькая обида и досада... Онъ сдѣлать-было даже движеніе уйти совсѣмъ, но.... вспомнилъ Параню, — и остался.

АЛЕКСѢЙ ПОТВЪХИНЪ.

ВЪ БОЛГАРІИ

Изъ замѣтокъ и воспоминаній.

I.

Чѣмъ дальше я удалялся, въ августѣ прошлаго года, отъ театра военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, тѣмъ болѣе вездѣ, во всемъ и во всѣхъ приходилось мнѣ встрѣчаться съ закравшимся въ умы духомъ сомнѣнія. Тревожное чувство — вотъ господствовавшая черта; оно свирѣпствовало, какъ злая эпидемія. Зараза была точно въ воздухѣ.

«Кампанія проиграна! дѣло нужно начинать сызнова!» — вотъ что можно было слышать на каждомъ шагѣ, съ кѣмъ бы вы ни заговорили. Обвиненія сыпались на-право и на-лѣво, — обвиненія въ отсутствіи всякаго плана кампаніи, въ бездарности того или другого начальствующаго лица, въ плохой организаціи военнаго дѣла; раздавались, наконецъ, обвиненія въ продажности, въ воровствѣ, въ дорого заплаченномъ потворствѣ всяческому злоупотребленіямъ и мошенничествамъ.

«Нѣтъ, куда намъ воевать!» — съ неизъяснимою горечью произносили люди, у которыхъ наболѣла душа отъ тяжелыхъ разочарованій перваго періода войны. Въ этомъ духѣ самобичеванія чувствовалась спасительная реакція противъ той безграничной самонадѣянности, съ которою мы бросились въ войну, — и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ тылу арміи опасенія, овлобленіе и негодованіе выражались болѣе ярко, чѣмъ на самомъ театрѣ войны. Отсутствие точныхъ свѣдѣній, неизвѣстность того, что случилось или могло случиться вчера или сегодня, увеличивали тревожное состояніе, вызывавшее самыя мрачныя предположенія.

Постоянно живящиеся транспорты раненныхъ еще болѣе поддерживали мрачное настроеніе. Госпитали всюду стали переполняться. Въ Зиминѣ стоялъ стонъ, во Фратештахъ — стонъ, на всемъ пути до самаго Бухареста только и попадались, что молады съ раненными, увозяшіе на родину тысячи жертвъ злополучныхъ сраженій.

«Подумайте, сколько пролито уже крови, — а чего мы достигли!» — повторялось на всемъ пути, точно всѣ сговорились произносить одни и тѣ же слова.

Уныніе господствовало не только среди насъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нами его раздѣляли и румыны. Они не радовались нашимъ неудачамъ, — они скорбѣли точно такъ же, какъ и мы, только въ ихъ скорби примѣшательное чувство какого-то недоумѣнія и удивленія. Они, такъ сильно вѣровавшіе въ могущество Россіи, не могли омониться отъ нашихъ неудачъ. Ихъ недоумѣніе намъ не нравилось, мы снѣшили въ немъ видѣть чувство злорадства, котораго въ то время въ дѣйствительности не существовало. Румынамъ было не до злорадства: они могли опасаться — и опасались уже — вторженія турокъ въ ихъ территорию, и не разъ по Бухаресту пробѣгалъ тревожный слухъ: «турки высадились на румынскій берегъ!» Слухъ такой, разумеется, быстро опровергался, но появленіе его доказывало, какъ сильно была уже поколеблена вѣра въ наше неминуемое торжество. Бухарестъ, — все населеніе было точно пришиблено; въ гостиницахъ, въ кафѣ, на улицахъ, казалось, даже говорили тише, — исчезло точно оживленіе; слѣды волненія, озабоченности видны были во всемъ. Городе каждый часъ наполнялся самыми противорѣчивыми извѣстіями: то русскіе одержали, наконецъ, блистательную побѣду, — то турки прорвали нашу цѣпь и угрожаютъ отрѣзать отъ переправы; то сдался Рущукъ, — то турки истребили рущукскій отрядъ; то Гассанъ-паша высадился въ Кюстенджи, — то генералъ Цинзерманъ двинулся на Свиштривъ. Но никакіе слухи не вызвали такого тремета, какъ слухи о начавшихся атакахъ на насъ. Двадцать разъ приходилось переживать тяжелыя минуты, когда разносилась вѣсть о томъ, что мы покинули ещеъ болгарскій проходъ. Общее состояніе было въ высшей степени удрученное. Ничего вѣрнаго, — ничего опредѣленнаго; близко, кажется, отъ театра войны, а между тѣмъ все приходится ходить окопью, — все потемки.

— Да, скажите, правда ли, что въ Добруджѣ что-то творится? — правда ли, что турки перешли въ наступленіе?

— Генералъ — да; впрочемъ, не знаю.

И ни отъ кого нельзя было добиться вѣрныхъ свѣдѣній. Никто не зналъ, что творится съ тридцати-тысячною армією, такъ упорно бездѣйствовавшею въ Добруджѣ. Знали, впрочемъ, одно, что лихорадка не падить нашихъ солдатъ. Поѣзда въ Добруджу не представляла ни малѣйшихъ затрудненій. До Браилова — по желѣзной дорогѣ, а изъ Браилова въ Черноводы два-три раза въ недѣлю ходили военные пароходы.

Въ Браиловѣ тишина и спокойствіе. Только присутствіе довольно значительнаго числа военныхъ, по-преимуществу — флотскихъ, напоминаетъ, что неподалеку происходитъ обильное истребленіе человѣческихъ жизней. Здѣсь военные не только не подвергаются никакимъ линеніямъ, но живутъ даже привольно, если не весело. Дѣла почти никакого, — по-неволѣ приходится ныскивать средства, какъ бы пріятнѣе убить время. И время убивается. Каждый вечеръ въ одной изъ большихъ залъ обширной гостиницы собирается множество народа — и тутъ начинаются живые разговоры, споры. Румыны устроили въ залѣ родъ кафешантанъ, и заурядныя пѣвицы стараются развлекать общество. Одна черта поразила меня здѣсь — и мнѣ хочется ее описать. Въ Браиловѣ тѣ же русскіе люди, — тѣ же военные, а между тѣмъ духъ, настроеніе нѣсколько иное, чѣмъ въ Петербургѣ, Москвѣ или любомъ русскомъ городѣ. Я не забуду, съ какою восторгомъ чуть не каждый вечеръ привѣтствовалась пѣніе «Марсельезы», какъ заставляли повторять этотъ республиканскій гимнъ, какъ рукоплескали каждому куплету. Я только смотрѣлъ, слушалъ и дивился. Изъ тѣхъ, кто восторгался и рукоплескалъ, слушая звуки «Марсельезы», никто, конечно, и не подозревалъ, что онъ совершаетъ нѣчто предосудительное.

— Да что же вамъ кажется тутъ удивительнаго? — спросилъ меня одинъ изъ военныхъ, когда я заговорилъ съ нимъ по этому поводу.

— Да вы развѣ не знаете, что гимнъ этотъ строго воспрещенъ у насъ, въ Россіи? — развѣ вы рѣшились бы аллоцировать ему, если бы кто-либо дерзнулъ публично пропѣть его хоть въ Петербургѣ?

— А почему же нѣтъ?

— Да потому, что васъ сейчасъ же заподозрили бы въ томъ, что вы заражены злокредными идеями.

— Богъ съ вами, — отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ: — да развѣ слушаніе «Марсельезы» помѣшаетъ кому-либо изъ насъ, когда нужно, умереть за свою родину, взорвать себя на врага, — словомъ, исполнить свой долгъ? Конечно, нѣтъ!

Онъ былъ совершенно правъ, и доказательство его правоты было на-лице. Изъ тѣхъ, кто рукоплескала «Марсельсѣ», многіе были украшены уже Владиміромъ съ мечами и Георгіемъ. Но какъ бы то ни было, впечатлѣніе, которое производила эта зала, наполненная военными, рукоплещущими «Марсельсѣ», было не совсѣмъ обычное. Конечно, придавать какое-либо особое значеніе этому факту было бы наивно, но онъ выражалъ собою все-таки, что здѣсь, на чужбинѣ, люди какъ-то вольгѣе дышать, свободнѣе чувствуютъ. Люди старались весело проводить время, и никого изъ нихъ, повидимому, не смущала мысль, что можетъ быть завтра родина потребуетъ, чтобы они отдали ей свою жизнь.

— На войнѣ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ флотскихъ офицеровъ, — нужно жить, пока живется, и на смерть смотрѣть какъ на пустой случай! Придетъ — хорошо, нѣтъ — еще лучше, а если вѣчно думать о томъ, что будетъ завтра, такъ лучше не жить!

И это не была фраза: онъ имѣлъ право такъ говорить, потому что ему пришлось уже лицомъ къ лицу встрѣтиться съ смертью! Но судьба пожелала, чтобы онъ остался живъ.

Всѣ почти одинаково относились къ своимъ обязанностямъ, и потому не мудрено, что здѣсь, въ Бранловѣ, люди томились отъ бездѣйствія. Знать, что вблизи постоянно дерутся, а самимъ сидѣть и выжидать у моря погоды, куда какъ тяжело.

— Если вы думаете, что мы очень веселимся, то вы глубоко заблуждаетесь. Каждый изъ насъ съ восторгомъ полетѣлъ бы туда, гдѣ есть что дѣлать, лишь бы вырваться отсюда. Мы собираемся, смѣемся, аплодируемъ пѣвицамъ, стараемся вслѣдствіе развлекаться, чтобы только не оставаться съ самими собою. И то ужъ жутко, а когда придетъ какая-нибудь депеша, такъ всю внутренность перевернуть. Думать ни о чемъ не хочется, вотъ и идешь сюда, а на душѣ у каждаго кошки скребутъ. А со стороны посмотришь, такъ подумаешь: вотъ веселье-то! Богъ съ нимъ, съ такимъ весельемъ!

Подобныя разсужденія вы слышали бы отъ каждаго почти военного, невольно призванного въ горячее время къ такому пункту, какъ Бранловъ или Черноводы, гдѣ можно было почти забыть, что находишься на войнѣ.

Моряки съ удовольствіемъ вспоминали то время, когда въ Мачинскомъ рукавѣ стояли турецкіе мониторы, на которые можно было предпринимать охоту, и, при счастіи, врываться на воздухъ. Одинъ изъ потопленныхъ мониторовъ, именно тотъ, который первымъ пошелъ ко дну, привлекалъ теперь къ себѣ вниманіе. Вода въ

Дунай спала, изъ глубины показался турецкій мониторъ. Кормовая часть совсѣмъ вышла наружу, въ то время какъ носовая была еще погружена въ водѣ. Прогулка въ Мачинскій рукавъ въ турецкому монитору составляла одно изъ размеченій Бранкова, и я охотно воспользовался предложеніемъ взглянуть на этого утопленника-коLOSSа, тѣмъ болѣе охотно, что въ Бранковѣ пришлось провести двое сутокъ, въ ожиданіи парохода въ Черноводы. Испросивъ разрѣшеніе осмотрѣть турецкій мониторъ, мы отправились туда на лодкѣ въ небольшой компаніи, въ сопровожденіи одного или двухъ матросовъ, участвовавшихъ въ взрывѣ второго турецкаго монитора. Одинъ изъ нихъ, по фамилии, если не ошибаюсь, Рыжепа, представлялъ изъ себя превосходный типъ русскаго матроса. Онъ былъ, при взрывѣ монитора, на катерѣ Шестакова и Петрова. Его разсказъ, этого простаго матроса, если бы записать его цѣлкомъ, былъ несравненно живѣе всего того, что писалось по этому поводу, и несравненно картиннѣе передавалъ этотъ по-истинѣ удивительный по смѣлости подвигъ. Ни гордости, ни тѣмъ менѣе хвастовства не было и тѣни въ разсказѣ Рыжены.

— Отчего же тебѣ не дали Георгія?—спрашиваю я его.

— Какъ не дали? я Георгія получилъ!

— Да, отчего же ты его не носишь?

— А чего его таскать! я его спряталъ.

Рыжена не хвастаетъ своимъ Георгіемъ, полученнымъ за дѣйствительную заслугу.

— Что же, страшно было, когда подходили къ монитору?—спросилъ я его.

— Ужъ не могу сказать, не знаю, страшно было или не страшно,—отвѣчалъ онъ,—какъ стали стрѣлять, я дѣломъ своимъ занялся, и не помню, а какъ близко стали подходить, такъ страшно стало!

Онъ и не подумалъ о томъ, чтобы порисоваться и выставить себя человѣкомъ, не знающимъ страха.

— Какъ же не страшно!—продолжалъ онъ; вѣдь что пулъ они въ насъ пустили. Долго ли тутъ до грѣха!

Мы вошли въ Мачинскій рукавъ, гдѣ теперь все было такъ мирно, и только кости, лохмотья отъ турецкихъ мундировъ, да попадавшіеся черепа напоминали, что еще недавно въ этой мѣстности смерть забирала свои жертвы. Скоро показался и отделившаяся часть монитора. На берегу, противъ утопленника, стояли часовые, наблюдавшіе, чтобы никто, не имѣющій разрѣшенія, не

подходилъ къ нему слишкомъ близко. Охотниковъ до поисковъ въ турецкомъ мониторѣ разныхъ вещественныхъ «воспоминаній» было довольно. Мы также были въ ихъ числѣ. Нужно ли говорить, что мониторъ, два мѣсяца пробывшій подъ водою, представлялъ собою страшную картину разрушенія. Мы изобразились на кормовую часть, гдѣ было разбросано безчисленное количество промокшихъ насквозь листовъ бумаги, полустгнившихъ, разодранныхъ турецкія куртки, всевозможные флаги, осколки посуды, какой-то утвари. Изъ каюты, наполненной грязною, мутною водою, шель сирадный запахъ. Мы всё не прочь были заняться легкимъ мародерствомъ, но у одного офицера въ особенности было страстное желаніе во что бы то ни стало раздобыть себѣ на память турецкое ружье.

— Не можетъ быть, — говорилъ онъ, — чтобы тутъ не сыскалось ружья, куда же они всё могли дѣваться?

Но на палубѣ не было не только ружья, но ничего такого, чтобы можно было взять себѣ «на память».

— Ваше благородіе, позвольте мнѣ раздѣться, я пошарю въ каютѣ, — проговорилъ тотъ же Рыженя.

— Да куда ты пойдешь, гдѣ тамъ гнили сколько, однихъ турокъ сколько!

— Не страшны они, и съ живыми справлялись, а ужъ съ этими-то...

И пойдъ онъ въ эту гнилую воду и сталъ шарить. Черезъ нѣсколько минутъ отыскалъ-таки ружье, но онъ этимъ не довольствовался.

— Ваше благородіе, — закричалъ онъ изъ-подъ воды: — турки лежатъ!

— Ну, вылезай!

— Да еще ящикъ какой-то стоитъ!

И сталъ онъ вытаскивать ящикъ. Это былъ дѣлный чемоданъ. Открыли его и увидѣли дѣлую коллекцію всевозможныхъ видовъ, фотографій и совсѣмъ новый мундиръ, шитый золотомъ, украшенный звѣздами и медалями.

Нужно покаяться. Мы сняли эти ордена и медали и по-братски раздѣлили между собою. Массу вещей находили на мониторѣ, всевозможныя книги, кораны, оружіе, но Рыженя не могъ успокоиться. Ему хотѣлось отыскать «лиры». Съ кормовой части мы перешли на башню, но едва могли тамъ пробить нѣсколько секундъ. Подъ жестяною рѣшеткою торчали восемь или десять труповъ, находившихся въ состояніи самаго полного разложенія. Когда

одинъ изъ матросовъ копнулъ багровъ одинъ изъ этихъ труповъ, нослышался таковой сирадъ, что какъ шальные все бросились въ лодку и старались какъ можно скорѣе отплыть отъ монитора. Война укрѣпляетъ нервы и приучаетъ къ самымъ оригинальнымъ ощущеніямъ. Чего хуже какъ рыться среди мертвыхъ, въ концѣ стгнившихъ труповъ, добывать ихъ вещи; въ обыкновенное время при одной мысли о томъ морозъ пробираетъ бы по кожѣ, а на войнѣ чувствительность притупляется, эти мертвецы почему-то не вызываютъ жалости, и смотришь на такое дѣло какъ вполне естественное.

— Цѣлое кладбище! — проговорилъ одинъ изъ насъ, когда мы отъѣхали нѣсколько шаговъ, и страшное зловоніе перестало душить.

И правда, этотъ мониторъ былъ кладбищемъ болѣе чѣмъ сотни людей...

Бранловъ представлялъ и другой интересъ. Здѣсь расположены были нѣсколько отдѣленій военныхъ госпиталей, пріемный баракъ «Краснаго Креста», устроенный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега Дуная, и осмотръ ихъ занялъ и потребовалъ довольно много времени, но объ этихъ учрежденіяхъ рѣчь еще впереди. Теперь я только замѣчу, что баракъ «Краснаго Креста» никогда не оставался безъ дѣла, — напротивъ, онъ всегда былъ переполненъ, но не жертвами турецкихъ пуль, а жертвами различныхъ болѣзней и по преимуществу лихорадки, которыми такъ богата Добруджа. Для перевозки больныхъ и ходилъ каждыя два дня пароходъ изъ Бранлова въ Черноводы, гдѣ онъ забиралъ заболѣвавшихъ и привозилъ въ Бранловъ. На такомъ именно пароходѣ я и отправился на другой день въ Добруджу, и воспоминаніе объ этой поѣздкѣ въ Черноводы останется для меня однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній во все злополучное время войны. Я успѣлъ уже привыкнуть къ радушію и привѣтливому отношенію нашихъ офицеровъ, но едва ли гдѣ это радушіе достигало такихъ размѣровъ, какъ среди нашихъ моряковъ; довольно было двухъ, трехъ дней, чтобы привязаться и полюбить ихъ, до такой степени они располагали своею простотою и искренностью. Я ѣхалъ въ Черноводы на пароходѣ «Stephan cel Mare», командиромъ котораго былъ лейтенантъ Петровъ, оставившій по себѣ память въ исторіи послѣдней войны.

Путь отъ Бранлова до Черноводъ мы совершили въ четырнадцать часовъ, но я и не замѣтилъ какъ время пробѣжало. Мнѣ пришлось выслушать много интересныхъ разсказовъ, которые я не стану передавать, въ надеждѣ, что эти разсказы сдѣлаются

наѣхали черезъ самихъ очевидцевъ, или, вѣрнѣе, участниковъ интереснѣхъ эпизодовъ въ исторіи послѣдняго года. Пройдя мимо жѣлago ряда минныхъ загражденій, вдоль довольно красивыхъ береговъ Дуная, поздно вечеромъ мы пришли въ Черноводы.

— Объясните пожалуйста, — приходилось мнѣ спрашивать, — откуда распространился этотъ ужасный слухъ, что турки перешли здѣсь въ наступленіе, вышли изъ Варны, что Гассанъ-паша чуть не высадился въ Кюстенджи, было ли хоть что-либо похожее на такую исторію?

— Ни гдѣни подобія! Турки сидятъ совершенно спокойно, мы не беспокоимъ ихъ, они не беспокоятъ насъ. Повидимому, мы живемъ въ мирѣ другъ съ другомъ. Никакимъ слухамъ о движеніи нашего корпуса вы никогда не вѣрите. Турки не имѣютъ достаточно силъ, чтобы бросить противъ насъ армію, мы же въ свою очередь обречены на бездѣйствіе, и это самое обидное. Тутъ слышномъ много войска, чтобы ничего не дѣлать, и слышномъ мало, чтобы можно было предпринять что-либо рѣшительное.

Жалобы на вынужденное бездѣйствіе корпуса, расположеннаго въ Добруджѣ, были всеобщія. На бездѣйствіе жаловались низшіе офицеры, рвавшіеся въ бой, на него же жаловались начальствующіе въ Добруджѣ лица, игравшія чисто пассивную роль.

— Я рѣшительно не понимаю плана настоящей кампаніи, — говорилъ мнѣ одинъ изъ опытныхъ генераловъ, и порой даже сомнѣвался, — думали ли когда-нибудь о немъ. Всѣ движенія, расположеніе корпусовъ, все это, повидимому, совершается по наитію Святого Духа. Къ чему мы здѣсь стоимъ, конечно, — никто не сумѣетъ объяснить. Тамъ, подъ Плевной, подъ Рунцукомъ, вездѣ жалуются на недостатокъ войскъ, все требуютъ новыхъ подкрѣпленій, а здѣсь оставляютъ въ полномъ бездѣйствіи болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, которые тамъ, конечно, пригодились бы! Разбросались по всей странѣ безъ всякаго кроха, вотъ и приходится требовать все новыхъ и новыхъ войскъ. Я при самомъ началѣ кампаніи, когда мы еще не переходили Дуная, утверждалъ, что армія въ Добруджѣ будетъ обречена на бездѣйствіе, что Силистрію обождать мы безсильны, слишкомъ малочисленны, а другого дѣла предпринимать не можемъ. Вотъ и ждемъ у моря погоды, прибѣгая для развлеченія къ мелкимъ спичкамъ...

Всѣ эти рассужденія сопровождались обычнымъ уже принѣзаніемъ: хорошо, что мы ведемъ съ турками, а то такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу не прошло бы даромъ!

Я не берусь, разумеется, судить, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ, насколько основательна была эта критика напунктъ военныхъ дѣйствій, но думаю, что подобныя отзывы, если они исходятъ отъ людей, занимающихъ высшее положеніе въ военной іерархіи, слѣдуетъ приводить, хотя бы для того только, чтобы вызвать возраженіе, если отзывы эти несправедливы. Читатель не упрекнетъ меня, безъ сомнѣнія, что я не называю фамилій тѣхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Я знаю только одно, что наше легкомысліе и не обходилось намъ даромъ. Я съ избыткомъ могъ въ томъ убѣдиться 30-го августа, — день, о которомъ всѣ серьезно любящіе свою родину должны вспоминать гораздо чаще, чѣмъ о дняхъ послѣдующихъ побѣдъ надъ демарализованнымъ уже и сравнительно малочисленнымъ непріятелемъ...

Въ Черноводѣхъ нечего было дѣлать. Жизнь тутъ шла изо дня въ день, вяло, скучно, всѣ томились бездѣйствіемъ и проваливали свою судьбу. Какъ только кто-нибудь забвѣвалъ въ эту забытую армію, всѣ набрасывались съ вопросомъ: что нового? что дѣлается на театрѣ войны? — точно тутъ они были за тридевять земель отъ театра военныхъ дѣйствій. Я говорю: — всѣ, не дѣлая даже исключенія для корпуснаго командира, который только по слухамъ, да по старымъ газетамъ узнавалъ, что происходитъ востругъ Плевны, подъ Тырновомъ или подъ Русукомъ. Официальныхъ извѣстій сюда никто не сообщалъ. Неудивительно, что всѣ, отъ старшаго до младшаго, тяготились своимъ положеніемъ. Одинъ только интересъ и былъ — сколько болятъ, увеличивается или уменьшается лихорадка! Жизнь текла мирно до озлобленія, и мнѣ кажется, всѣ бы какъ маннѣ небесной обрадовались, если бы узнали, что турки перешли въ наступленіе. Но турки бездѣйствовали тутъ точно такъ же, какъ и мы.

— Что же однако подало поводъ въ слуху, что турки съ моря хотѣтъ захватить Кюстенджи? — спрашивалъ я.

— Никакого повода не было, да въ Кюстенджи и подойти имъ нельзя, у насъ вездѣ минныя загражденія: пусть только попробуютъ.

Отъ Черноводы до Кюстенджи шла желѣзная дорога, по которой было совершенно правильное сообщеніе. Какъ только мы заняли Черноводы, тотчасъ явились англичане, управляющіе этою дорогою, и объявили, что желѣзная дорога находится съ этой минуты въ нашемъ распоряженіи, что мы ея полныя хозяева, словомъ, обошлись крайне почтительно. Рассказывали, что турки желали испортить весь путь, но англичане не дозволили имъ этого сдѣлать.

Убѣдившись, что въ Добруджѣ спокойствіе самое невозмутимое, я отправился обратно въ Браиловъ. Пароходъ забралъ съ собою человекъ до ста-двадцати больныхъ, которыхъ сложили на палубѣ, ни мало, само собою разумѣется, не приспособленной для перевозки больныхъ и раненыхъ, которыхъ доставляли отъ времени до времени происходившія авантюристныя стычки и разбѣды. Къ счастью, погода была превосходная, жара доходила до 40°, такъ что вызывалъ даже у больныхъ солнечные удары. Но можно ли было думать о защитѣ людей отъ зноя, когда ничего не было сдѣлано для защиты ихъ отъ холода и дождей? Въ томъ же мѣломъ, задумчивомъ обществѣ нашихъ моряковъ я возвратился въ Браиловъ, и въ ту же ночь отправился обратно въ Бухарестъ. Увѣренность въ близости большого, рѣшительнаго сраженія подъ Плевной сдѣлалась теперь всеобщей. На каждомъ шагу, на улицѣ, въ кафѣ, въ отагѣ вездѣ можно было услышать слова: «на-дняхъ будетъ сраженіе!» на чемъ это основывалось — никому не было извѣстно, но всѣ до такой степени чувствовали какую-то тяжесть, у всѣхъ было такое напряженное состояніе духа, что всѣ охотно вѣрили въ близость рѣшительнаго и, главное, несомнѣнно счастливаго боя.

— Да отчего вы думаете, что будетъ сраженіе?

— Будетъ навѣрное, такъ тануться не можетъ, новыя войска уже подошли.

На войнѣ необыкновенно легко поддаешься всякимъ слухамъ, жонглемъ и знаменъ, что болѣею частью они бываютъ неосновательны. Знаешь, что не такъ, а все-таки вѣришь.

Подъ впечатлѣніемъ такого слуха, который на этотъ разъ оказался справедливымъ, я порѣшилъ покинуть Бухарестъ и возвратиться въ Горный-Студень.

Опять дорога отъ Бухареста до Журжева, испытываемаго еще нѣсколько бомбардировокъ, опять оживленный путь вдоль берега Дуная, отъ Журжева до Зимницы, теперь еще болѣе переполненной, болѣе грязной, опять переправа черезъ Дунай, только черезъ второй новый мостъ, опять Систово и мои добродушные хозяева болгары, принявшіе меня еще болѣе дружески и уступившіе мнѣ теперь свою лучшую комнату.

Въ Систовѣ никто уже не могъ сомнѣваться въ томъ, что мы готовимся дать рѣшительное сраженіе и, какихъ бы то ни стало жертвъ, овладѣть, наконецъ, Плевною. Всюду были замѣтны слѣды притоговленія къ новому бою; каждый день изъ Систова лавались обозы, военные госпитали старались освободить у себя мѣсто, «Красный Крестъ» также суетился, уполномоченные разъ-

ѣзжали взадъ и впередъ, въ складѣ всѣ были въ хлопотахъ, вездѣ, куда вы ни придете, былъ только одинъ разговоръ о предстоящемъ сраженіи.

— Ну, что-то Богъ дастъ, неужели и въ этотъ разъ не будетъ побѣды!

— Какъ можно, что вы! теперь все готово, Плевна будетъ взята, это навѣрно!

— Но, позвольте, отчего вы думаете, что мы рѣшимся еще разъ атаковать Плевну, кто это сказалъ?

— Да объ этомъ и рѣчи быть не можетъ! Въ главной квартирѣ никто этого не скрываетъ!

Единственно о чемъ еще спорили, это о днѣ рѣшительнаго сраженія. Одни утверждали, что оно рѣшено на 26-е августа, другіе говорили, что Плевна будетъ взята только 30-го августа. Событія оправдали, какъ извѣстно, и тѣхъ и другихъ, такъ какъ 26-го августа съ разсвѣтомъ былъ открытъ артиллерійскій огонь, а 30-го августа была произведена генеральная атака.

Одно мнѣ казалось удивительнымъ, это—необычайная откровенность, съ которою говорилось о предстоящемъ сраженіи. Будучи профаномъ въ военномъ дѣлѣ, я полагалъ, что такіа дѣла, какъ рѣшеніе атаки, назначеніе на тотъ или другой день сраженія, должны храниться въ величайшей тайнѣ, а не быть извѣстными всѣмъ и каждому чуть не за двѣ недѣли, такъ какъ извѣстіе несомнѣнно дойдетъ до непріятеля и онъ будетъ имѣть возможность приготовиться къ энергическому сопротивленію. По видимому, я совершенно заблуждался, тайны изъ предстоящаго сраженія никто не дѣлалъ: должно быть—увѣренность въ побѣдѣ была велика. Нужно было спѣшить—и я направился къ Горному-Студеню. Эта деревня, по волѣ капризной судьбы получившая историческую извѣстность, значительно повеселѣла въ тѣ двѣ недѣли, что я ее покинулъ. Вездѣ происходили сборы, всѣ приготавлились къ выступленію, всюду чувствовалась здѣсь какая-то увѣренность въ успѣхѣ. Можно было думать, что побѣда уже одержана, а не то, чтобы ее предстояло еще одержать.

— Отчего вы такъ увѣрены въ побѣдѣ?—приходилось спрашивать.

— Еще бы не быть увѣреннымъ, у насъ теперь сосредоточены подъ Плевной огромныя силы! Если 18-го іюля мы чуть-было ея не взяли, то теперь нельзя и сомнѣваться въ успѣхѣ.

Вѣра въ успѣхъ заразительна, особенно когда этого успѣха такъ желаешь, и потому трудно было устоять противъ соблазна розовыхъ надеждъ. Да, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ, казалось,

пора уже было счастьемъ улизнуть и въ нашу сторону. Вотъ отъего сборище подъ Плевну были такъ веселы. Мы отправлялись на торжество. Предназначенія были счастливыя. Часть арміи Османа-паши, желавшая перейти въ наступленіе, была отгнана нашими войсками. Этотъ успѣхъ долженъ былъ вселить еще большую бодрость. Два, три дня спустя новая побѣда — турки были выбиты изъ Ловчи послѣ упорнаго боя. Увѣренность въ побѣдѣ, во вѣсти Плевны проникла даже къ тѣмъ, кто относился скептически къ предстоящей борьбѣ на томъ самомъ полѣ, гдѣ 8-го и 18-го іюля сложила свои кости не одна тысяча русскихъ солдатъ и офицеровъ.

Съ большого поля, гдѣ расположенъ былъ лагерь, многія палатки уже были сняты, всѣ были точно на чепу, ожидая одного слова: выступать! Кого ни спросишь: вы куда? одинъ отвѣтъ: подъ Плевну! Направлялись туда даже такіа лица, которыя вовсе не должны были тамъ присутствовать, но нѣкто не желалъ упустить случая быть свидѣтелемъ торжества изъ торжествъ. Я помню, какъ горько жаловался одинъ изъ уполномоченныхъ «Краснаго Креста», лежавшій больнымъ въ Горномъ-Студенѣ.

— Это ужасно! — говорилъ онъ: — сдѣлать всю кампанію, быть свидѣтелемъ всѣхъ тяжелыхъ событій, а теперь, когда наступилъ самый интересный моментъ, оставаться одному въ этой отвратительной ямѣ! Какъ я вамъ завидую, что вы будете тамъ!

И зависть эта въ то время казалась вполне понятна! Кто могъ ожидать, что придется завидовать тѣмъ, кто не былъ свидѣтелемъ невыразимо тяжелыхъ дней, танувшихся цѣлую вѣчность отъ 26-го августа по 1-ое сентября.

Примкнувъ къ небольшому отряду «Краснаго Креста», состоявшему изъ 15-ти, 16-ти студентовъ, 9-ти или 8-ми сестеръ милосердія, одного доктора, профессора московскаго университета, да еще трехъ, четырехъ человекъ, я оставилъ Горный-Студень, направляясь къ плевненскимъ позиціямъ. Воспоминаніе объ этомъ трехъ-четырёхдневномъ переходѣ навсегда останется для меня однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ среди столькихъ другихъ тяжелыхъ и мрачныхъ! Благодаря этому переходу, я имѣлъ случай ближе приглядѣться къ той русской молодежи, а также къ тѣмъ русскимъ женщинамъ, которыя, исключительно воодушевленные любовью къ своей родинѣ, не думая о тяжеломъ, часто непосильномъ трудѣ, не помня о опасности сдѣлаться жертвами тифа и другихъ заразительныхъ болѣзней, явились сюда съ одною цѣлю — облегчить безмѣрные страданія нашихъ солдатъ и офицеровъ. Говорить о томъ, что дѣятельность ихъ была плодотворна, что всѣ

они, безъ исключенія, были полны самоотверженія, было бы почти бесполезно. Ктѣ этого не знаетъ, едва-ли, это не единственная сторона пережитой войны, относительно которой не существуетъ двухъ мнѣній. Всѣ въ одинъ голосъ признають, что сестры милосердія, студенты и студентки вели себя все время вполне безукоризненно.

Зная нѣсколько, какъ относятся у насъ дома въ молодежи, студентамъ, студенткамъ, фельдшерицамъ и т. д. и слушая на Дунаѣ восторженныя похвалы, мнѣ невольно приходило не одинъ разъ въ голову вопросъ: что же, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ это быстрое превращеніе?—сюда ли явились другіе люди, адѣсь ли они быстро измѣнились, или все это одни и тѣ же люди, но только дома мы не желаемъ нисходить до нихъ, и принимаемъ на вѣру всѣ тѣ клеветы, которыя распространяются на нихъ съчѣтъ людьми, любящими ловить рыбу въ мутной водѣ, а адѣсь, столкувшись съ ними ближе, мы волей-неволей почувствовали уваженіе въ самоотверженности, въ саможертвованію и другимъ свойствамъ, дома вызывающимъ одно только немилосердное бытованіе. Вопросъ этотъ заслуживалъ вниманія, и я радовался представившемуся случаю поближе познакомиться съ тѣмъ элементомъ, который, наравнѣ съ нашимъ солдатомъ и сиромнымъ офицеромъ, вызвалъ въ себѣ и любовь и уваженіе цѣлой Россіи.

Всѣ тѣ сестры милосердія, вся та молодежь, студенты и студентки, молодые врачи и фельдшерицы, которыхъ я видѣлъ и раньше и послѣ, въ госпиталѣ, и на перевязочномъ пунктѣ, убѣдили меня, что среди этого элемента не существовало почти исключеній, а если они и были, то такъ ничтожны, что о нихъ не стоить и говорить.

Всѣ, конечно, работали съ неутомимою энергіею, любовью, самоотверженіемъ, но все-таки на долю женщинъ выпало самое тяжелое дѣло. Женщина была душою госпиталя, она была и у кровати больного, она прислуживала во время ампутаціи, она перевязывала раненаго, она смотрѣла за чистотою, она наблюдала, чтобы больной получалъ пищу, заглядывала въ котлы, заботясь, чтобы раненаго не отравили гнилью, всюду чувствовалось ея присутствіе, но за то она и не знала покоя ни днемъ, ни ночью.

Нельзя себѣ представить ту громадную разницу, которая существовала между госпиталемъ съ сестрами милосердія и госпиталемъ, гдѣ ихъ не было. Стояло только войти въ любую палату, чтобы, не спрашивая, уже знать—есть тутъ сестры или нѣтъ. Тамъ, гдѣ были сестры милосердія, тамъ и воздухъ лучше, и въ ком-

иатѣ чисто, и постельное бѣлье опрятно, тамъ, кажется—даже больные и раненные менѣе страдаютъ. Нѣтъ сестеръ,—все въ безпорядкѣ, все грязно, все производитъ отталкивающее впечатлѣніе, тамъ больные и раненные представляютъ несравненно болѣе жалкій видъ. Во время войны въ госпиталяхъ и баракахъ можно было вдоволь убѣдиться, что въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ ничто не способно замѣнить женской руки. Мнѣ приходилось, само собою разумѣется, наблюдать дѣятельность сестры милосердія и въ сравнительно спокойное время, т.-е. въ тѣ дни, когда ни откуда не доносился мучительный гулъ орудій, въ госпиталяхъ, не ожидавшихъ съ минуты на минуту подвоза новаго транспорта больныхъ и раненныхъ;—случалось видѣть ее и въ тревожные дни, наканунѣ сраженій;—наконецъ, она прошла передъ моими глазами въ страшныя ночи, слѣдующія за битвой, когда десятки тысячъ раненныхъ превращаютъ перевязочные пункты въ невообразимый адъ. И вездѣ, во всѣхъ случаяхъ сестра милосердія всегда оставалась вѣрна себѣ.

Войдите въ любой госпиталь, гдѣ есть только сестра милосердія, и вы всегда найдете ее на своемъ посту. По-истинѣ, она не знаетъ никакого покоя. Пробудьте въ госпиталѣ цѣлый день, и вы увидите, что сестра милосердія не знаетъ спокойной минуты. Раненный попроситъ пить, она подходитъ къ нему и напиваетъ; раненому неловко, нужно поправить подушку, переложить на другой бокъ,—она исполняетъ это по первому слову; часто требуется для этого не-женская сила, она находитъ ее въ себѣ; нужно перевязать рану, одинъ видъ которой обдаетъ васъ холодомъ, она перевязываетъ ему, и никогда ни словомъ, ни взглядомъ не покажетъ, чтобы ей было то тяжело или неприятно. Сестра милосердія не выходитъ изъ палаты, она цѣлый день то кормитъ больныхъ и раненныхъ, то помогаетъ врачу, когда тотъ промываетъ рану, то, наконецъ, присутствуетъ при тяжелыхъ операціяхъ, подавая воду, губку, обтирая кровь. Въ другое время, у себя дома, одинъ видъ ампутаціи заставилъ бы убѣжать женщину или дѣвушку,—здѣсь же сила воли, сознаніе великаго долга заставляетъ молчать ея нервы. А это вовсе не легко. Иной мужчина, во время операціи, не выдержать и отойдетъ въ сторону, чтобы не видѣть только ужасной картины, а сестра милосердія стоитъ спокойно, и если вы станете судить по наружности, то вы скажете, что у нея не дрогнетъ ни одинъ мускулъ. Но это вѣйшее спокойствіе стоитъ ей тяжелыхъ внутреннихъ страданій.

— Какъ вы можете присутствовать при этомъ,—пришлось разъ спросить сестру милосердія, съ невозмутимымъ спокойствіемъ

стоявшую около одного тяжело раненаго, которому только-что ампутировали всю руку по плечу.

— Что же дѣлать, я должна! — отвѣчала она.

— Но вы спокойно переносите эти стоны, видъ крови, инструмента, врѣзывающагося въ человѣческое тѣло?

— Не могу похвастаться: до сихъ поръ не могу привыкнуть, каждый разъ кажется, что вотъ-вотъ не выдержу, но нельзя: взявшись за гузъ, не говори, что не дюжъ.

— Но какъ же вы дѣлаете, чтобы казаться только спокойною!

— Да вѣдь я знаю, что я тутъ нужна, ну, и крѣплюсь!

И этой сестрѣ не было, можетъ быть, и двадцати лѣтъ, и до войны она была просто «барышня». Ничто не развиваетъ такъ характера, энергіи, силы воли, какъ сознаніе своего долга служить своему обществу, быть полезнымъ людямъ, но, увы! — на пути къ этому долгу встрѣчается такъ много и такъ часто, у насъ въ особенности, всяческихъ постороннихъ препятствій. Война устранила ихъ для дѣятельности сестры милосердія, и множество русскихъ съ радостію откликнулись на зовъ — отдать всѣ свои силы, пожертвовать даже жизнію ради облегченія страданій своего ближняго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самымъ главнымъ двигателемъ всѣхъ тѣхъ, которыя спѣшили на помощь къ русскому солдату и офицеру, было чувство человѣколюбія, но былъ также и другой двигатель, который зовется жаждою дѣятельности. Множество русскихъ женщинъ скучаютъ, тяготеютъ своимъ сплось и рядомъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, такъ какъ на какой бы путь серьезнаго труда онѣ ни пожелали вступить, всюду и вездѣ онѣ встрѣчаютъ разставленные имъ преграды. Женщина жаждетъ работать, быть дѣятельнымъ членомъ общества, съ отвращеніемъ отворачивается отъ той пустоты, которая такъ многихъ бросаетъ въ утонченный свѣтскій «приличный» и прикрытый вуалью развратъ; но лишь только женщина принимается за работу, ее встрѣчаютъ какимъ-то недовѣріемъ и спѣшатъ дать пошлую кличку: нигилистка! — а съ этимъ словомъ неизбежно связана самая недвусмысленная подозрительность, такъ часто стоющая дѣвушекъ или женщинъ лишенія своей свободы. Вотъ почему только самыя сильныя натуры рѣшаются на борьбу съ этими преградами, а большинство скучаетъ, гибнетъ отъ пустоты, не сознавая въ себѣ силы и энергіи относиться равнодушно къ преслѣдующей ихъ клеветѣ. Война вдругъ устранила преграды на одномъ изъ путей женской дѣятельности, и громадное число дѣвушекъ и женщинъ бросаются въ госпитали, не спрашивая даже себя, обладаютъ ли

онѣ достаточными физическими силами для такого часто непосильнаго труда. Многія нашли въ дѣятельности сестры милосердія для себя выходъ изъ тяжелаго положенія, и о всемъ остальномъ уже больше не помышляли. И нужно было видѣть, съ какимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ исполняли онѣ принятую на себя обязанность, съ какимъ инстинктивнымъ тактомъ сумѣли онѣ поставить себя во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ.

Отношеніе сестеръ милосердія къ солдатамъ и офицерамъ было по-истинѣ безукоризненное. Онѣ не знали никакого различія въ положеніяхъ, для нихъ существовало только одно — больной, раненый. Какъ за простымъ солдатомъ, такъ и за любимымъ офицеромъ онѣ ухаживали съ одинаковою любовью, безропотно перенося капризы, дурное расположеніе духа, подъ-часъ даже раздражительность, доходившую до грубости. Опасеніе быть или казаться болѣе внимательною къ офицеру, чѣмъ къ солдату, заставляло даже иныхъ посвящать себя исключительно уходу за солдатами, что, конечно, составляло уже отступленіе отъ строгаго правила сестры милосердія — не видѣть ничего, кромѣ страданія, требующаго помощи. Мнѣ пришло въ встрѣтить одну сестру милосердія, принадлежащую къ кругу свѣтскихъ женщинъ, и она мнѣ говорила:

— Я ухаживаю только за солдатами, въ мою палату я не пускаю офицеровъ!

— Да развѣ для васъ не все равно, за кѣмъ вы ухаживаете: за солдатомъ или за офицеромъ, вы вѣдь знаете только раненаго, страдающаго человѣка!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала она: — офицерамъ всегда лучше, солдаты болѣе нуждаются въ уходѣ!

И дѣйствительно, все время, которое она оставалась сестрой милосердія, она исключительно посвящала свои силы солдатамъ. Строго говоря, въ этомъ исключительномъ служеніи солдатамъ было, разумѣется, такое же отступленіе отъ обязанностей сестры милосердія, которая не должна дѣлать никакого различія между нуждающимися въ помощи, какъ и въ томъ, если бы какая-нибудь сестра милосердія отказалась ухаживать за солдатами и посвятила себя исключительно уходу за офицерами, но я говорю это вовсе не для укора. Въ этомъ предпочтеніи солдатъ передъ офицерами, одинаково свято исполнявшими свой долгъ, можно видѣть только утрированное желаніе не допустить себѣ ни малѣйшаго различія въ обращеніи между солдатами и офицерами.

Но если сестры милосердія не щадили своихъ силъ въ исполненіи ихъ тяжелой обязанности, то онѣ за то находили себѣ

вознагражденіе въ томъ, какъ относились къ нимъ всѣ больные и раненые отъ нижняго чина до высшаго. Мнѣ нѣтъ надобности приводить слишкомъ хорошо извѣстныхъ примѣровъ той теплоты, сердечности, благодарности, которая выражалась въ словахъ, взглядахъ, во всемъ обращеніи раненыхъ съ сестрами. Такія чувства можно было наблюдать въ любомъ госпиталѣ, гдѣ были только сестры милосердія. Достаточно было слышать, какъ солдаты произносили слово «сестрица», чтобы понять, какую горячую любовь съ-разу завоевали себѣ сестры милосердія среди русской арміи. Весьма многія изъ сестеръ милосердія, по преимуществу изъ студентокъ, помимо мягкости, гуманности, безпредѣльной преданности своему святому дѣлу, обнаруживали такія знанія, опытность, что являлись весьма серьезными помощниками часто недостаточнаго мужского врачебнаго персонала. Казалось бы, что опытъ послѣдней войны въ дѣлѣ женской медицинской дѣятельности, такъ блистательно доказавшій, какія важныя услуги могутъ оказывать женщины въ этомъ направленіи, навсегда долженъ былъ бы устранить всякія попятныя шаги къ стѣсненію женской дѣятельности, стѣсненію, обязанному своимъ существованіемъ недоувѣрію и подозрительности начальства въ благонамѣренности учащихся и работающихъ женщинъ, но на дѣлѣ оказывается, что подозрительность эта нисколько не измѣнила своего характера, и не успѣла окончиться война, какъ появляются опять на сцену различныя мѣропріятія, направленныя къ стѣсненію женской дѣятельности. А между тѣмъ стояло бы лишь разузнать поближе, какъ вели себя всѣ тѣ молодыя дѣвушки и женщины, которыя явились на театръ войны, какъ вели онѣ себя въ смыслѣ «направленія», чтобы отказаться разъ навсегда отъ различныхъ стѣснительныхъ распоряженій. Если бы было произведено такое изслѣдованіе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно дало бы самые великолѣпные результаты въ пользу поведенія и всей дѣятельности сестеръ милосердія. Не разъ, конечно, заходила о нихъ бесѣда, и всегда и вездѣ приходилось выслушивать одинаково хвалебные отзывы.

— Я каюсь, — говорилъ мнѣ одинъ изъ уполномоченныхъ «Краснаго Креста», — я былъ до этой войны заклятымъ врагомъ всѣхъ этихъ женскихъ курсовъ, всѣхъ женскихъ университетовъ; мнѣ казалось, что все это стремленіе къ высшему образованію прикрываетъ собою только стремленіе къ синимъ очкамъ, да къ стриженнымъ волосамъ, и что всѣ подобныя учрежденія являются только рассадниками нигилизма, распущенности нравовъ, словомъ — порождаютъ самое прискорбное направленіе! Но теперь, когда я

увидѣлъ на дѣлѣ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, этихъ студентовъ, я совершенно измѣнилъ свой взглядъ и отношусь къ нимъ съ самымъ полнымъ уваженіемъ. И замѣтите, я нисколько не заблуждаюсь относительно ихъ воззрѣній, убѣжденій, но что мнѣ за дѣло, что у нихъ такія убѣжденія, а у меня другія, я знаю теперь, что они горячо любятъ Россію, потому что, не любя, они не могли бы работать такъ, какъ они работаютъ, а все остальное—дѣло второстепенное, кто тамъ правъ, кто виноватъ—я не знаю!

Я привелъ этотъ отзывъ, такъ какъ онъ хорошо характеризуетъ то отношеніе, которое установилось къ молодежи во время войны почти у всѣхъ, начиная отъ сильныхъ міра до скромнаго уполномоченнаго, взамѣнъ того повального предубѣжденія, съ которымъ у насъ носились такъ долго, предубѣжденія, готоваго всегда видѣть въ каждой молодой дѣвушкѣ, въ каждомъ молодомъ человѣкѣ, думающемъ не по указанному образцу, чуть не врага отечества. Къ сожалѣнію, не успѣла война омончиться, какъ старое предубѣжденіе снова стало выползати наружу, вытѣсняя болѣе справедливое отношеніе, вызванное на время энергическою дѣятельностью молодежи на благо Россіи. И много ли было нужно, чтобы совершилось это превращеніе, и чтобы старая истрепанная декорация была вновь установлена на сценѣ внутренней жизни русскаго общества.

Достойное поведение сестеръ милосердія сдѣлало то, что всѣ, кто имѣлъ только съ ними дѣло, относились къ нимъ съ самымъ полнымъ уваженіемъ. Не было слышно жалобъ, нареканій на тотъ многочисленный мужской персоналъ, который былъ поставленъ общимъ дѣломъ въ неизбѣжную близость къ сестрамъ милосердія. Врачи, санитары, студенты, уполномоченные «Краснаго Креста», вели себя по отношенію къ сестрамъ такъ, какъ того требовала серьезность дѣла, которому они вмѣстѣ служили. Если въ послѣднее время и возбуждены были толки о томъ посягательствѣ на женскую честь, которое дозволили себѣ нѣсколько человѣкъ по отношенію къ одной изъ сестеръ милосердія, то, во-первыхъ, вся исторія представляется довольно темною и многое остается недосказаннымъ, а во-вторыхъ, если бы оно и было справедливо, то единичность обнаружившагося факта говорить уже за то, что сестры милосердія, всѣ дѣвушки и женщины были окружены такимъ уваженіемъ, которое защищало ихъ отъ какихъ-либо нечистыхъ помысловъ.

Такимъ образомъ, русскія женщины явились во время войны дѣятельными участницами въ общественномъ дѣлѣ и обнаружили необыкновенную энергію, готовность жертвовать даже своею жи-

дня въ день по 10—14, а иногда и больше часовъ среди смрада, милліоновъ паразитовъ и стонровъ, раздражающихъ душу... Сталъ я приглядываться и по возможности узнавать мотивы, бросившіе эту массу женщинъ на неприглядную дѣятельность сестры милосердія. Выводы мои весьма грустные. Женщины эти пришли сюда потому, что знали, какъ тутъ много страданій. Почти каждая изъ нихъ уже по личному опыту знаетъ, что такое несчастье и страданіе,—и вотъ имъ захотѣлось непременно принести свои силы, чтобы по возможности смягчить муки, терпимыя больными и ранеными. Спрашиваешь: а что вы дѣлали дома, въ Россіи?—за рѣдкими исключеніями, оказывается—ничего не дѣлали. Не потому не дѣлали, чтобы не знали, что и тамъ есть не меньше страданій и горестей,—нѣтъ, это онѣ знаютъ. Но дѣло все въ томъ, что адѣсь обстановка работы очень удобная. Во-первыхъ, ѣхать сестрой милосердія не только разрѣшается, но и поощряется; во-вторыхъ, все это устроено, организовано; о своемъ существованіи и положеніи заботиться не надо—остается только отказаться отъ всякихъ наслажденій, жить среди заразы, паразитовъ и мужественно, молча умирать. Кромѣ того, не мало, конечно, содѣйствовала нѣкоторая фантастичность (если такъ можно выразиться о человѣческой бойнѣ); неизвѣстная страна, громъ орудій, походная обстановка—и т. д. и т. д. Тамъ же, дома, нужно *добиваться*, т.-е. дѣлать то, чего дѣйствительно мы не умѣемъ и не можемъ. Тамъ нужно не только умирать, но и бороться со всѣми окружающими физическими и въ особенности нравственными препятствіями—а на это не хватаетъ. Я видѣлъ много крайне симпатичныхъ и весьма неглупыхъ натуръ между адѣшскими сестрами милосердія,—но не встрѣтилъ ни одной, которая бы серьезно-критически продумала—приносятъ ли онѣ дѣйствительно пользу, и зачѣмъ онѣ тратятъ свои силы тутъ, а не въ иномъ мѣстѣ, гдѣ бы эта трата силъ принесла можетъ быть болѣе прочные плоды,—такъ что въ концѣ-концовъ и выходитъ: много добрыхъ чувствъ и никакой инициативы и сознательной задачи жизни. Но у этого люда, т.-е. сестеръ милосердія, фельдшерницъ, нѣкоторыхъ студентовъ и врачей, осталось внутреннее сознаніе, что они приносили и приносятъ доброе дѣло...»

Если упрекъ въ отсутствіи инициативы и сознательной задачи жизни и представляется, повидимому, слишкомъ суровымъ, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что онѣ тотчасъ теряетъ свой острый характеръ, какъ только мы припомнимъ, что отсутствіе инициативы не есть вовсе черта, исключительно прису-

шая русскимъ женщинамъ, а такъ-сказать національная черта нашего характера, объясняемая всѣмъ историческимъ ходомъ развитія нашего народа. На инициативу никогда не было запроса на рынкѣ нашей общественной жизни, и потому не мудрено, что способность къ инициативѣ какъ-бы выродилась и превратилась въ нѣчто пассивное, въ ту покорность судьбѣ, которою мы такъ богаты. Всякое проявленіе инициативы въ теченіи весьма продолжительнаго періода нашей исторіи стояло подъ угрозою чуть не уголовной кары; люди отвыкли отъ нея и даже стали смотрѣть на нее какъ на нѣчто преступное, не было для нея простора, силой приходится ей врывать въ общество, и потому неудивительно, что проявленіе инициативы въ общественныхъ дѣлахъ сопровождается подчасъ нѣкоторою рѣзкостью.

Но лишь только этой инициативѣ предоставляется извѣстный просторъ, такъ рѣзкость тотчасъ исчезаетъ, и тѣ самые люди, на которыхъ мы вчера еще готовы были смотрѣть чуть не какъ на нарушителей общественного спокойствія, сегодня являются самыми полезными и ревностными слугами своей родины. Мнѣ часто приходилось объ этомъ думать, сталкиваясь съ дѣятельностью русской молодежи на театрѣ войны. Война дала нѣкоторый выходъ накопившейся жадѣ дѣятельности, стремленію принять непосредственное участіе въ общественномъ дѣлѣ, внѣ предѣловъ обычной рутинны и казенщины, гдѣ требуется только безпрекословное исполненіе воли начальства, и тотчасъ множество молодыхъ людей, студентовъ-медиковъ, окончившихъ курсъ, студентовъ университета, превратившихся въ санитаровъ, почувствовали возможность принять самостоятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, бросились въ Дунай и за Дунай и все время несли тяжелую службу обществу. Среди этой молодежи мнѣ приходилось встрѣчать такихъ, которые въ предшествовавшій годъ успѣли уже побывать въ Сербіи, въ Черногоріи, въ то время, когда эти горсти славянъ начали снова борьбу съ оружіемъ въ рукахъ за свою независимость и свободу. Но это были уже не Рудины, безотчетно мыкавшіе и искавшиіе по свѣту «гдѣ лучше» и, не находя этого «лучше» въ родной странѣ, съ отчаянія шли умирать на парижскихъ баррикадахъ. Эти люди свѣшили въ Сербію и Черногорію не ради охватившаго ихъ отчаянія, — нѣтъ, этого чувства не знали они; напротивъ, они бросались туда съ увѣренностью, съ убѣжденіемъ, можетъ быть, даже излишне оптимистическимъ, что независимость и свобода горсти славянъ сдѣлается удѣломъ всего славянскаго племени. Но что же, спрашивается, это за молодежь, изъ какихъ элементовъ состояла она? Да все изъ тѣхъ,

приходится отвѣчать,—на которые изданія московскаго пошиба признають обыкновенно громы и молніи, обсыпая ихъ всяческими клеветами. Ихъ воззрѣнія, не совсѣмъ сходныя съ воззрѣніями «охранителей» на московскій ладъ, нисколько, однако, не мѣшали имъ съ горячею любовью и самоотверженіемъ работать на благо Россіи, стараясь, не жалея своихъ силъ, облегчать страданія русскаго люда, гибнущаго, какъ въ то время принято было говорить, за полное освобожденіе родственныхъ намъ народовъ. Ну, а что случилось съ этимъ полнымъ освобожденіемъ, о томъ каждому предоставляется имѣть свое мнѣніе, наперекоръ даже безсмертному Грибоѣдову.

Нельзя было достаточно налюбоваться на дѣятельность этой молодежи. Она работала безъ усталы, не зная отдыха, никогда ни на что не жаловась, исполняя безъ малѣйшаго ропота все, что только имъ поручали, и ихъ обращеніе со всѣми, кто только вмѣлъ съ ними соприкосновеніе, было такъ полно такта, что я не знаю почти человѣка, который не отзывался бы съ величайшею похвалою объ ихъ дѣятельности и поведеніи.

— Что мнѣ толковали о нашихъ студентахъ,—приходилось слышать не разъ, Богъ вѣсть, что рассказывали,—можно было подумать, что и въ самомъ дѣлѣ въ нихъ главное зло Россіи, что нѣтъ въ нихъ ни любви къ народу, ни желанія добра своей родинѣ,—все это оказывается вздоръ, нутяки! Какъ присмотришься къ нимъ, такъ и видишь, что любятъ они народъ такъ, какъ, дай Богъ, чтобы всѣ любили!

Удивительно, думалось мнѣ, какъ во время войны люди начинаютъ снисходительно относиться къ тому, что на языкѣ нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ «охранителей» именуется, по словамъ Щедрина, «потрясеніемъ основъ». Что бы тамъ про войну ни говорили, а и у нея есть выгодныя стороны.

Итакъ, съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ сестеръ милосердія да пятнадцати или двадцати студентовъ, находившихся въ распоряженіи двухъ хирурговъ профессоровъ, я отправлялся изъ Горнаго-Студена къ плевненскимъ позиціямъ. Нашъ переходъ, длившійся цѣлыхъ три дня, оставилъ во мнѣ самое свѣтлое и отрадное впечатлѣніе. Всѣ были преисполнены бодрости, энергіи, всѣ были веселы, впередъ увѣренные, что грядущее обдуманное сраженіе и атака Плевны увѣчаются полнымъ успѣхомъ, и точно изъ земли выросшія грозныя укрѣпленія падутъ передъ дружнымъ натискомъ русской арміи. Впередъ всѣ живокали побѣду, точно забывавъ о той цѣнѣ, которою она будетъ куплена. Радостное настроеніе поддерживалось тѣмъ дружескимъ

согласіемъ, которое ни разу не нарушалось въ нашемъ отрядѣ, а веселость молодости заражала собою невольно и тѣхъ. кто не такъ радужно смотрѣлъ на будущее. Рѣдко, я думаю, большая болгарская дорога оглашалась такимъ неистощимымъ смѣхомъ и русскими народными пѣснями. Лишений въ это время мы не терпѣли, и хотя у насъ не было съ собою запасовъ, но вездѣ, гдѣ мы останавливались, мы находили у болгаръ все, что нужно въ военное время для того, чтобы не роптать на свою судьбу. И болгары на всемъ пути относились крайне привѣтливо къ нашему небольшому отряду. Въ первый же день къ вечеру, мы должны были достигнуть мѣстечка Булгарени, но ночь застигла насъ въ то время, когда оставалось еще сдѣлать съ добрыхъ десять верстъ. Волей-неволей пришлось свернуть въ сторону отъ большой дороги и сдѣлать на ночь привалъ въ ближайшей болгарской деревушки Хаджи-Муса. Вытанулись въ шеренгу наши нѣсколько санитарныхъ линейекъ «Краснаго Креста», и мы цѣлой гурьбой отправились разыскивать себѣ пристанище. Скоро нашли небольшую хату, и болгаринъ предложилъ намъ все, что только у него было, для утоленія голода. Ночь была темная, теплая, въ комнатахъ душно, и всѣ мы, сколько насъ было, тѣсно размѣстились на большомъ балконѣ. Сестры стали хлопотать, чтобы напоить насъ всѣхъ чаемъ, а молодежь усѣлась въ кружокъ и далеко стали разноситься русскія хоровыя пѣсни. Въ эти минуты забывалась война, стоны умирающихъ, кровь раненныхъ, и чувствовалось такъ привольно и свободно.

Долго за полночь танулись эти беззаботныя пѣсни, возвращавшія каждого изъ насъ—туда далеко: одного на берега Невы, другого на Волгу, третьяго на берега Днѣпра, пока усталость не одолѣла, и глаза не стали смыкаться. Послѣ трехъ-четырехъ часовъ отдыха мы двинулись далѣе и скоро достигли Булгарени. Тутъ уже видны были слѣды приготовленія къ рѣшительному бою. Невдалекѣ отъ Булгарени, въ какой-нибудь верстѣ, начинается раскидываться госпиталь № 63, игравшій такую важную роль послѣ 30-го августа. Сюда направлялись десятки тысячъ людей, здѣсь должны были сортировать раненныхъ, перевязывать, направлять дальше. Здѣсь нѣсколько дней спустя происходилъ такой адъ, о которомъ тѣ, которые тутъ работали, не могутъ и вспомнить безъ ужаса. Работы по устройству госпиталя шли дѣятельно, старались поскорѣй какъ-нибудь устроить, опасаясь, что раненные начнутъ прибывать прежде, чѣмъ все будетъ готово къ ихъ приему. Госпиталь № 63 былъ для меня уже старый знакомый, такъ какъ до Плевны онъ размѣщался въ Систово.

— Что же вы сдѣлали съ вашими ранеными, — эвакуировали ихъ?

— Какой, — мы сдали ихъ госпиталю № 50.

— Да вѣдь онъ былъ не только полонъ, но въ немъ помѣщалось на триста человекъ больше противъ положенія?

— Знаю, знаю: тамъ больше тысячи, — да что станете дѣлать? — такъ было приказано. Сказано — сдать, мы и сдали.

Впрочемъ, это были обычные порядки, и о нихъ рѣчь впереди. Погода не благопріятствовала намъ въ Булгарени. Полилъ проливной дождь; дворъ, на которомъ мы пріютились, покрылся сплошною слякотью, настроеніе духа быстро измѣнилось, и сколько разъ ни затигивали пѣсню, — все-таки пѣніе не ладилося. Оживленіе упало, и всѣ стали отыскивать себѣ — кто въ хатѣ, кто подъ навѣсомъ — сухой уголокъ. Мѣста достаточно не было, — мы стали разиѣщаться въ линейкахъ. Лежать нельзя: узко, жестко, сырость пронизываетъ насквозь; всѣмъ стало какъ-то не по-себѣ, и мы были рады, когда на разсвѣтъ, въ пятомъ часу, мы выступили изъ Булгарени по направленію къ Порадиму. Вдоль дороги тянулись безконечныя, точно цыганскіе таборы, группы бѣжавшаго болгарскаго населенія. Всѣ поля были уставлены всевозможными повозками, кибитками — одни пустыя, другіе набитые всякимъ скарбомъ — тутъ же пасся скотъ, лошади, вола и рядомъ разномѣрная толпа: женщины, дѣти, мужчины, пристроившіеся около своего спасеннаго добра. И должно быть, не первый день проводили они на одномъ и томъ же мѣстѣ: казалось, точно они обжились на этихъ поляхъ, и у всей этой толпы былъ одинъ общій кровъ — безконечный сводъ небесный. Стали попадаться чаще и чаще передвигавшіеся артиллерійскіе парки, длинныя вереницы возовъ съ гранатами и другимъ одвороннымъ снарядомъ, — наконецъ, то тутъ, то тамъ обгоняли насъ кавалерійскіе полки, — все устремлялось къ одному пункту: къ плевненскимъ позиціямъ. Вся мѣстность представляла теперь полную живую картину и, среди всеобщаго оживленія, мы почти незамѣтно сдѣлали этотъ переходъ отъ Булгарени до Порадима. Тутъ уже дѣятельность влиѣла. Въ Порадимѣ находился штабъ и Карла румынскаго, и генерала Зотова, которому вѣрено было главное начальство надъ русскою арміею, номинально находившейся подъ предводительствомъ князя румынскаго. Все стекалось къ Порадиму: номинутно вездѣ и впередъ скакали курьеры, войска то-и-дѣло, что подходили, лазаретныя фургоны, линейки «Краснаго Креста» — все стягивалось сюда, въ ожиданіи приказанія, куда двигаться далѣе: на правый или на лѣвый

флангъ расположенія нашихъ войскъ. Въ Порадкѣ же съѣхались всѣ иностранные военные агенты, иностранные корреспонденты, съ которыми мнѣ тотчасъ же пришлось встрѣтиться.

На положеніи иностранныхъ корреспондентовъ, по сравненію съ положеніемъ русскихъ корреспондентовъ, можно было видѣть всю ту громадную разницу, которая существуетъ между литературой и прессой въ западной Европѣ — и литературой и прессой у насъ, въ Россіи. Завидное положеніе, въ какое поставлена западно-европейская печать, объявляетъ тамошнюю прессу: каждый журналъ, каждая газета должны держаться такого или другого направленія, и имъ нѣтъ никакой надобности сегодня унижаться, воспѣвая сладость получаемыхъ назиданій и прося и впредь не забывать ихъ, а завтра пыжиться и принимать видъ «недовольныхъ», — смѣшной видъ, потому что на слѣдующій день они опять найдутъ необходимымъ быть всѣмъ довольными и за все благодарными. Тамъ каждый органъ служитъ известной партіи и продолжаетъ ей служить какъ тогда, когда эта партія торжествуетъ, такъ и тогда, когда ея торжество смѣняется торжествомъ другой партіи. Тамъ, поэтому, если существуетъ, то добровольная лакейская печать. Тамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ силу тѣхъ же причинъ, печать имѣетъ широкое развитіе: газета, журналъ служатъ тамъ не ради только забавы, развлеченія, моды, — тамъ каждый человекъ, интересующійся дѣлами своей родины, долженъ читать тотъ или другой органъ, если только онъ желаетъ слѣдить за всѣмъ, что совершается въ его государствѣ. И дѣйствительно, тамъ печать отражаетъ всю жизнь, со всѣми ея вопросами — политическими, экономическими, нравственными. Тамъ человекъ не можетъ разсуждать такимъ образомъ: «зачѣмъ я стану тратить время на чтеніе отечественной газеты? Что я изъ нея вынесу, — что узнаю? О томъ, что въ данную минуту по-преимуществу интересуется, — я или ничего не прочту, или прочту пошлыми разглагольствованія, написанныя не по убѣжденію!» Ни одинъ здравомыслящій человекъ на Западѣ разсуждать такъ не можетъ. Вотъ почему тамъ сплошь и рядомъ газета имѣетъ 50, 70 и даже 100 тысячъ подписчиковъ, а под-часть и больше. Очевидно, что газета или журналъ, поставленные такимъ образомъ, раскола-гаютъ громадными матеріальными средствами, и если газета желаетъ имѣть постоянный успѣхъ, то она обязана давать о всѣмъ занимающемъ важномъ вопросѣ самыя полныя и точныя свѣдѣнія и должна, поэтому, выбирать людей дѣйствительно талантливыхъ и знающихъ.

Читатель, можетъ быть, спросить, къ чему я заговорилъ о положеніи печати, — повидимому, ни въ селу, ни въ городу! Въ томъ-то и дѣло, что оно только повидимому, а въ дѣйствительности — и въ селу, и въ городу. Во все время войны на нашихъ корреспондентовъ слышались постоянныя жалобы: и своевременно-то они ни о чемъ не сообщаютъ, и пишутъ-то всякій вздоръ, не говорятъ о томъ, что составляетъ или, вѣрнѣе, составляло внутреннюю «злобу дня» каждого русскаго и т. п. Спора нѣтъ, всѣ эти нареканія были довольно основательны, — корреспонденты были неудовлетворительны, но вопросъ въ томъ: ихъ ли была въ томъ вина? — и на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Пусть тѣ, кто нападалъ на нихъ, спросятъ себя: имѣлъ ли возможность корреспондентъ о всѣхъ нашихъ военныхъ и не-военныхъ порядкахъ, обнаружившихся во всемъ блескѣ во время войны, разсуждать, совершенно не стѣсняясь? Отвѣтъ ясенъ: нѣтъ, не имѣлъ. Въ то время какъ русскій корреспондентъ корпѣлъ часто надъ вопросомъ: какъ бы это мнѣ умудриться такъ, чтобы вотъ это мѣсто проскользнуло и не нанесло ущерба издателю, иностранный корреспондентъ пользовался привычною свободою обсужденія, и потому корреспонденція его имѣла несомнѣнно большое значеніе. Далѣе, въ такія ли матеріальныя условія былъ поставленъ русскій корреспондентъ, какъ иностранный корреспондентъ? И тутъ отвѣтъ не затруднителенъ: нѣтъ, не въ такія. Встрѣтившись съ иностранными корреспондентами въ Порадимѣ, я былъ пораженъ тѣмъ комфортомъ, съ которымъ они совершали военный походъ. У нихъ было по двѣ и даже по три верховыхъ лошади, свои фургоны, наполненные провіантомъ и приспособленные для писанія и для спанья, — у нихъ были люди, которыхъ они могли посылать съ депешами, съ корреспонденціями, вмѣсто того, чтобы дожидаться okazji, когда-то можно будетъ отправить или депешу, или корреспонденцію. То ли было у нашихъ корреспондентовъ? Совсѣмъ не то. Обзавелся каждый изъ нихъ лошадею, купленною за нѣсколько золотыхъ, — вотъ и все, что у нихъ было. Часто негдѣ пристроиться, чтобы написать корреспонденцію, отправить депешу или письмо ужъ рѣшительно не съ кѣмъ, — вотъ и доставляй быстро извѣстія съ театра войны. Обыкновенно корреспондентъ игралъ самъ же роль и посыльнаго. Опишетъ что-нибудь — и скачетъ на своей лошадеи въ Систово или въ иной пунктъ, чтобы бросить на почту свое произведеніе. Словомъ, самое жалкое матеріальное положеніе, какое можно только себѣ представить. Скажутъ, конечно: «виноваты издатели, — они слыш-

номъ скупились!» Положимъ, издатели отчасти и были виноваты, но и они однаво заслуживаютъ, какъ говорятъ наши присяжные заседатели, «полнаго» снисхожденія. Во-первыхъ, вслѣдствіе того, что наша печать не можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества, — газеты у насъ не имѣютъ такого обширнаго круга читателей, и потому средства ихъ болѣе скудны, чѣмъ средства иностранныхъ газетъ; во-вторыхъ, хотя нѣкоторыя газеты и обладаютъ достаточнымъ количествомъ подписчиковъ и могли бы держать своихъ корреспондентовъ не въ столь черномъ тѣлѣ, но, неувѣренные въ завтрашнемъ днѣ, издатели этихъ газетъ, естественно, ѣжась и часто размышляютъ о «черномъ днѣ», — и этой мысли вполне достаточно, чтобы соблюдать экономію. Такая мысль, очевидно, никогда даже не родится у западнаго издателя газеты или журнала — и потому онъ дѣйствуетъ несравненно шире, съ болѣею щедростію, не только не страшась лишней затраты, но съ увѣренностію, что эта затрата воздастся ему сторицею. Вотъ вслѣдствіе этихъ-то именно причинъ, въ то время, какъ иностранныя корреспонденціи часто облетали весь міръ, вызывая всюду восхваленія и даже восторгъ, русскія корреспонденціи даже въ своемъ отечествѣ не пользовались особенною благосклонностію читающей публики. При этомъ нельзя не обратить вниманія также и на то, что корреспонденты, выставленные западною Европою, были уже заранѣе извѣстны, какъ талантливые писатели, между тѣмъ какъ русскіе корреспонденты были по-преимуществу случайные, которые прежде, можетъ быть, рѣдко и брались-то за перо. Да и положеніе иностраннаго корреспондента было многимъ лучше: онъ могъ и держать себя, и писать съ несравненно болѣшимъ достоинствомъ. Онъ самъ себя господинъ, — чтó ему сдѣлаешь? Пиши, чтó угодно. Естественно, иностранный корреспондентъ внушалъ болѣшій страхъ, а болѣшему страху соответствуетъ и болѣе, по крайней мѣрѣ, наружное уваженіе. Ну, а русскій корреспондентъ — свой человекъ: онъ долженъ опасаться, а его опасаться нечего.

Всѣ эти корреспонденты спѣшили къ Плевнѣ, но не торопясь, впередъ увѣренные, что дѣло обойдется не такъ-то ужъ скоро. Нашъ же небольшой отрядъ «Краснаго Креста», не теряя времени, приближался къ позиціямъ. Послѣ сутокъ въ Порадимѣ мы выступили въ Сгалевицы, ближайшій пунктъ отъ Плевны, и рѣшились ожидать тамъ до полученія приказанія стать уже на то мѣсто, которое выбрано было для перевязочнаго пункта. Мы прошли черезъ то поле, или, вѣрнѣе, тѣ поля, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, русскія войска дрались съ турецкими, и когда

натискъ изъ Плевны Османа-паши былъ дружно отбитъ. Сраженіе происходило 19-го августа, и потому естественно, что 23-го, т.-е. четыре дня спустя, все поле носило на себѣ еще горячіе слѣды битвы. Земля была взрыта гранатами, осколки которыхъ попадались на каждомъ шагѣ, вездѣ валялись патроны, не убраны еще были убитыя лошади, даже трупы не всѣ были еще преданы землѣ. Но на такую картину, въ ожиданіи другой болѣе грозной и страшной, никто, конечно, и не обращалъ даже вниманія.

Въ Сгалевицахъ находился штабъ 9-го корпуса, при которомъ я и оставался въ теченіи всей третьей Плевны, благодаря любезному разрѣшенію командира 9-го корпуса барона Крюднера. Когда долженъ былъ выступить штабъ уже на самыя позиціи, мнѣ не было въ точности извѣстно, и потому цѣлыя двое сутокъ я оставался еще съ нашимъ маленькимъ отрядомъ. Сестры милосердія, студенты не бездѣйствовали въ это время. Они также готовились усиленно къ большому, рѣшительному сраженію, и съ утра до вечера были заняты нарѣзываніемъ бинтовъ, сверткой ихъ, гипсованіемъ. Веселое настроеніе совсѣмъ исчезло, рѣшительный день былъ близокъ, и потому всѣ сдѣлались сосредоточены, угрюмы, всѣ находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Какъ ни велика была увѣренность въ побѣдѣ, а все же отъ времени до времени, то у одного, то у другого вырывалось изъ груди скорѣе восклицаніе, чѣмъ вопросъ:

— Что-то будетъ!.. а вдругъ...

Договаривать не было нужды, всѣ отлично понимали значеніе слова: «а вдругъ».

Хотя всѣ въ сущности знали, что дѣло не начнется ранѣе 26-го августа, но, тѣмъ не менѣе, напряженіе было такъ велико, нервное возбужденіе такъ сильно, что подъ-часъ въ нѣкоторыхъ оно просто вызывало галлюцинаціи слуха.

— Слышите, стрѣляютъ! дѣло, значить, началось!

— Ничего ровню не слышу, нигдѣ не стрѣляютъ!

— Какъ же не слышите, совсѣмъ явственно!

Въ дѣйствительности, разумѣется, нигдѣ не стрѣляли.

Наступилъ вечеръ 25-го августа. Около семи часовъ весь штабъ 9-го корпуса проѣхалъ мимо насъ. Мы не знали, совсѣмъ ли онъ покинулъ Сгалевицы, чтобы стать уже на позиціи, или выѣхалъ только, чтобы осмотрѣть еще разъ мѣстность и затѣмъ снова вернуться. Вслѣдъ за штабомъ тронулись и тѣ два кавалерійскіе полка, которые расположены были на одномъ полѣ съ нами.

— Штабъ уѣхалъ совсѣмъ, больше сюда не вернется!

— Когда же мы? зачѣмъ мы здѣсь стоимъ?

— Нѣтъ, вернется, они поѣхали только объѣзжать позиціи.

Но штабъ больше не возвращался. Мы пребывали въ невѣдѣніи, и потому нервное возбужденіе еще болѣе усиливалось во всѣхъ. Въ эту ночь никто почти не могъ уснуть. Все прислушивалось, не раздадутся ли выстрѣлы со стороны Плевны. Въ томительномъ ожиданіи протянулась вся ночь, до 5-ти часовъ утра.

Около этого времени мы услышали отдаленный ударъ: одинъ, два, пальба началась.

— Господа, усаживайтесь скорѣе, мы трогаемся на позиціи.

Не у одного человѣка ёкнуло сердце. Казалось, рѣшительная минута наступила, хотя до нея должно было пройти еще нѣсколько дней. Всѣ собрались въ одинъ мигъ, и мы тронулись къ позиціямъ. Пять, шесть верстъ отдѣляли насъ теперь отъ той мѣстности, гдѣ завязался бой, и по мѣрѣ приближенія громъ орудій становился все оглушительнѣе. Скоро мы увидѣли уже на возвышеніи нашу батарею, грохотъ орудій раздавался уже въ ушахъ.

Линейки остановились, дальше было подвигаться нельзя. Отряду «Краснаго Креста» указано было мѣсто перевозочнаго пункта.

«Вотъ оно! сраженіе!».. въ одинъ голосъ произнесли нѣсколько человѣкъ, хотя до сраженія было далеко. Простившись съ моими спутниками, я поѣхалъ впередъ разыскивать мѣсторасположеніе штаба 9-го корпуса. Кому никогда не приводилось быть свидѣтелемъ большого военного дѣла, тому трудно представить себѣ тотъ водоворотъ впечатлѣній, въ который попадаетъ человѣкъ не-военный, никогда ясно не отдававшій себѣ отчета, какъ происходитъ сраженіе, битва, атака. Тутъ я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе и оговориться передъ читателемъ для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и нареканій. Напрасно кто-либо вздумалъ бы искать въ моихъ воспоминаніяхъ подробнаго описанія «третьей» Плевны. Военныя реляціи не входятъ совершенно въ мой планъ. Не будучи военнымъ, я вовсе не намѣренъ разсказывать о томъ, какъ производилась атака Зеленыхъ горъ, какъ былъ взятъ Гривицкій редутъ, какъ двигалась такая колонна, изъ какихъ полковъ состояла другая и т. д. Все это отчасти описано, но главнымъ образомъ будетъ описано въ военной исторіи послѣдней войны. Я зналъ только одно, что дралась русская армія, что лилась кровь русскаго солдата, русскаго офицера, а какого корпуса, дивизіи, бригады, полка, мнѣ мало было до этого дѣла; мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ,

кровавыхъ эпизодовъ, во-очію увидѣть то, что зовется «ужасомъ» войны; въ теченіи нѣсколькихъ дней пришлось выносить самыя тяжелыя впечатлѣнія, и вотъ эти-то сцены, эти впечатлѣнія мнѣ только и хочется передать читателю. Я видѣлъ, вѣроятно, только небольшой уголокъ той несчастной картины, которая развертывалась передъ Плевной съ 26-го августа по 1-е сентября, и только объ этомъ уголкѣ я и буду говорить. Словомъ, мнѣ хотѣлось бы поставить читателя въ то положеніе, въ которомъ я находился, т.-е. въ положеніе профана въ военномъ дѣлѣ, случайно сдѣлавшагося зрителемъ рѣшительной битвы со всѣми ея трагическими послѣдствіями. Въ моихъ сужденіяхъ о военномъ дѣлѣ, военныхъ, такъ-сказать, вопросахъ, быть можетъ, будетъ много ошибочнаго, невѣрнаго, но я впередъ слагаю съ себя всякую отвѣтственность; въ этомъ случаѣ я буду только, какъ эхо, передавать то, что составляло предметъ оживленныхъ толковъ и споровъ среди военныхъ людей, а передавать я буду потому, что даже въ ошибочныхъ мнѣніяхъ попадаются крупныя истины, а мы вообще слишкомъ долго пренебрегали истиною, такъ что теперь, наученные опытомъ, не должны пренебрегать и ея крупными.

Первое мое впечатлѣніе, какъ только я оставилъ моихъ спутниковъ и приблизился къ большой батарее, расположенной на большой высотѣ, было впечатлѣніе необычнаго хаоса, въ который я внезапно попалъ. Я долженъ показаться, что то, что я себѣ представлялъ заранѣе, было совершенно не похоже на дѣйствительность. Я представлялъ себѣ, что я встрѣчу компактную массу войска, расположенную въ порядкѣ, что полки стоятъ цѣлыми группами въ ожиданіи того момента, когда они должны будутъ вступить въ бой. Въмѣсто этой компактной массы, я увидѣлъ по скатамъ горъ разбросанныя кучки солдатъ батальонами и ротами. Въ одномъ мѣстѣ кучка солдатъ, лежащихъ на травѣ; пройдяшаешь нѣсколько шаговъ дальше — другая кучка, и такъ далѣе, безъ конца. Словомъ, никакой картины, никакой «импозантности».

— Да гдѣ же расположено войско? — спрашиваешь вначалѣ.

— Какъ гдѣ! вотъ тутъ, тамъ, дальше, развѣ вы не видите этихъ группъ.

— А я ожидалъ совсѣмъ другого.

Я увѣренъ, что не одинъ изъ моихъ читателей, непрічастныхъ, разумѣется, военному дѣлу, рисовалъ въ своемъ воображеніи картину сраженія точно такъ же, какъ и я грѣшный. Дѣйствительность нѣсколько разочаровываетъ и разочаровывала бы

еще больше, если бы ваше вниманіе не отвлекалось каждую минуту свистомъ летящихъ гранатъ. И каждый разъ, что раздается этотъ свистъ, вамъ кажется, что она летитъ такъ близко, что вотъ-вотъ должна упасть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. А между тѣмъ эта граната падаетъ чуть не за версту. Тѣмъ не менѣе свистъ этихъ гранатъ, покуда къ нимъ не привыкнешь, производитъ какое-то раздражающее впечатлѣніе. Является секундная остановка, ну вотъ, кажется, конецъ,—нѣтъ, черезъ секунду опять свистъ, свистъ и свистъ безъ конца. Гранаты не даютъ отдыха; но ваши нервы мало-по-малу начинаютъ привыкать къ ихъ шипѣнію, и скоро вы уже разбираетесь въ охватившемъ васъ въ первую минуту хаосѣ. Что производитъ самое успокоивающее дѣйствіе, это—то, что вездѣ вы видите людей, на каждомъ шагу вамъ встрѣчаются летящіе въ-скачь офицеры.

Но куда же дѣваться, гдѣ остановиться, куда пристать,—рыскать цѣлый день невозможно, даже во время битвы нужна какая-нибудь осѣдлость. Я сталъ отыскивать, гдѣ расположился штабъ 9-го корпуса.

— Ступайте на-право, поднимитесь на высоту, тамъ спросите, увидите флагъ, знамя—объяснилъ какой-то офицеръ на лету, крича послѣднія слова.

Возбравшись на гору, я замѣтилъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ группу людей. Это и былъ штабъ 9-го корпуса. Подѣхавъ еще ближе, я увидѣлъ человѣкъ двадцать, если не больше, тѣснившихся въ кучѣ. Тутъ были офицеры генеральнаго штаба, ординарцы корпуснаго командира, одинъ или два военныхъ агента, да два-три нѣмецкихъ корреспондента. Среди этихъ людей шелъ живой, но отрывистый, общій разговоръ; то вдругъ раздаются восклицанія, всѣ высказываютъ почти заразъ свои мнѣнія, то точно притаятъ дыханіе, будто выжидая чего-то. Вниманіе всѣхъ было приковано къ грозному турецкому укрѣпленію—Гривницкому редуту, расположенному какъ разъ противъ той высоты, которую штабъ выбралъ для своего мѣстопробыванія. Редутъ этотъ былъ ясно видѣнъ отсюда, и даже простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Наши батареи обстрѣливали его изъ всѣхъ силъ. Редутъ не оставался въ долгу, и то-и-дѣло посылалъ намъ одну гранату за другой. Всѣ почти держали въ своихъ рукахъ большіе бинокли и жадно слѣдили за направленіемъ нашихъ выстрѣловъ.

— Эхъ! перелетѣла граната! скверно!

— Силенки не хватило, не долетѣла!

— Вотъ такъ славно!—раздается за-разъ нѣсколько голосовъ,
— прямо къ рѣдуть.

— Охъ, какъ легко! Смотрите, смотрите, что-то взорвало!

— Пороховой щипки!

— Нѣтъ, тамъ загорѣлось что-то, видите, огонь, огонь показался!

— Вотъ отлично, такъ отлично!

— Должно быть тамъ жарко стало, турки довольны!

И всѣ радуются, всѣ становятся какъ-то веселы.

Вотъ образчикъ того разговора, который длился цѣлые часы; и если читатель подумаетъ, что разговоръ этотъ былъ скученъ, то онъ жестоко ошибется. Война, огонь увлекаютъ, кровавадыне инстинкты быстро выходятъ наружу, и человѣкъ самый невоинственный испытываетъ какое-то пріятное чувство при мысли, что вотъ эта граната, за почетомъ которой слѣдишь въ извѣстную минуту, уложить нѣсколькихъ человѣкъ. Вы скажете: дикость нравовъ! спорить не стану, я только констатирую фактъ.

Мнѣ уже случалось упоминать, какъ быстро дѣлается на войнѣ знакомство; общее дѣло, общность интересовъ соединяетъ всѣхъ почти въ одну дружную семью. Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ знакомъ со всѣми, и мнѣ даже казалось, что я ихъ всѣхъ давно и хорошо зналъ. Безъ сомнѣнія, вся честь въ этомъ отношеніи принадлежала военнымъ, которые такъ дружески и радушно принимали въ свою среду нашего брата, посторонняго человѣка. Благодаря этому радушію съ-разу пропадала всякая стѣсненность, уступавшая свое мѣсто простымъ, непринужденнымъ отношеніямъ, допускавшимъ полную откровенность и искренность. Каждый говорилъ то, что онъ думалъ и что лежало у него на душѣ, и мало кому, вѣроятно, замѣчалась въ ту пору обычная мысль: не промолчать ли лучше; чего добраго, это можетъ мнѣ повредить по службѣ! Нѣтъ, теперь всѣ говорили, разсуждали, критиковали, порицали! Да и какъ въ такіа минуты не быть искреннимъ! Сегодня живъ, завтра зарыть въ могилу, изъ-за чего же еще лицемерить! Вотъ почему присутствіе посторонняго человѣка никого, разумѣется, не стѣсняло, и всѣ продолжали говорить такъ, какъ будто давно были знакомы между собою. Разговоръ о полетѣ гранаты прекратился, всѣ пресѣлись этимъ зрѣлищемъ и перешли къ другимъ предметамъ, близкимъ, конечно, тому, что занимало всѣхъ въ эту минуту.

— А вѣдь сегодня день знаменательный, — замѣтилъ кто-то,
— годовщина Бородинской битвы.

Въ самомъ дѣлѣ, начало плевненскаго боя пришлось, вслѣд-

стве особыхъ соображеній, совершенно чуждыхъ годовщинѣ Бородинской битвы, въ тотъ же самый день, т.е. 26-го августа.

— Посмотримъ, что будетъ! Вѣдь какъ тогда стояла на картѣ честь Россіи, такъ стоитъ она и теперь, тогда она осталась неприкосновенною, — посмотримъ, что Богъ дастъ!

— Да, ставка большая! можетъ быть, слѣдовало бы играть осторожнѣе.

И начались расчеты нашихъ силъ и вычисленія численности турецкой арміи.

— А все-таки учены мы мало: вѣдь дѣло-то начинаемъ опять съ шансами противъ насъ, вѣдь у насъ силъ-то меньше, чѣмъ у непріятеля!

— Какъ, помилуйте! вѣдь сколько же корпусовъ у насъ участвуютъ сегодня въ дѣлѣ!

— Да что въ этихъ корпусахъ, на бумагѣ-то расчетъ выходитъ прекрасный, а на дѣлѣ посчитайте. Вѣдь въ каждомъ корпусѣ мало-мало должно быть до 30 тысячъ, а спросите-ка у генерала, какъ велика численность 9-го корпуса.

— Однако?

— Да такъ, что меньше 15-ти тысячъ.

— А развѣ въ четвертомъ корпусѣ не то же — тысячъ 16, 18, — и то дай Богъ.

— Да, но за то теперь мы не сунаемся больше въ воду, не спросимъ броду, теперь атака будетъ подготовлена отлично артиллерійскимъ огнемъ; смотрите, какъ дѣйствуютъ осадныя орудія, просто прелесть.

— Еще спасибо туману, что ихъ можно было установить, а то турки не оставили бы насъ въ покоѣ.

— Разумѣется, дѣло начинается теперь при другихъ условіяхъ, да притомъ развѣ возможно допустить, чтобы въ главной квартирѣ рѣшились на третью атаку, если бы всѣ шансы на успѣхъ не были впередъ рассчитаны; вѣдь опытъ, да еще горькій, чему-нибудь да учитъ!

Такъ какъ тутъ собрались люди, почти всѣ участвовавшіе въ сраженіи 18-го іюля, и такъ какъ мы стояли противъ тѣхъ самыхъ укрѣпленій, объ которыхъ мы такъ страшно разбились, потерявъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, то естественно, что теперь вспоминали это несчастное второе плененное дѣло, начатое безъ предварительной достаточной артиллерійской подготовки. За то теперь, казалось, осадныя 24-хъ-фунтовыя и 9-ти-фунтовыя орудія съ достаточною силою мстили за 18-е іюля.

Кто былъ правъ, кто виноватъ въ томъ несчастномъ дѣлѣ,

до сихъ поръ, посмотри на то, что уже много воды утекло, остается неразгаданною тайною. Въ то время, да и послѣ, всѣ обвиненія обрушивались на генерала Крюднера, но былъ ли онъ въ дѣйствительности виноватъ, это большей еще вопросъ. Повидимому, главная его вина заключалась въ двухъ словахъ: *vaie victis!* По крайней мѣрѣ, а съ увѣренностью не быть опровергнутымъ, могу сказать, что генералъ Крюднеръ доносилъ о невозможности атаки, онъ представлялъ на усмотрѣніе кого слѣдуетъ, что шансовъ на успѣхъ не только мало, но ихъ вовсе нѣтъ, и что наша армія должна будетъ потерпѣть неудачу. На всѣ его представленія онъ получалъ одинъ отвѣтъ: атаковать. Ну, и атаковалъ! Отвѣтственность легла на него, потому что онъ былъ главное лицо въ отрядѣ, другіе же высшія начальствующія лица въ арміи оставались въ Тырновѣ, съ трепетомъ ожидая исхода начатаго по ихъ инициативѣ дѣла. Быть можетъ, генералъ Крюднеръ и былъ виноватъ, что, предвидя неуспѣхъ, онъ не сложилъ съ себя званіе корпуснаго командира, но имѣлъ ли онъ право это сдѣлать въ рѣшительную минуту, это вопросъ военной дисциплины, въ которомъ компетентными могутъ быть только военные люди.

18-е іюля было болѣющимъ мѣстомъ у всего 9-го корпуса, такъ что каждый разъ воспоминаніе о немъ вызывало самыя горячіе споры, множество разсказовъ, приводилъ которые я не считаю себя въ правѣ, опасаясь злоупотребить оказаннымъ мнѣ довѣріемъ.

— Знаете, скучно вѣдь сидѣть, пойдемъ осматривать батареи, — предложилъ мнѣ одинъ гвардейскій полковникъ, финляндецъ по происхожденію, который, къ несчастью всѣхъ близко его знавшихъ, погибъ въ одномъ изъ слѣдующихъ сраженій.

Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе.

— Вѣдь всего не переслушаешь, — добавилъ онъ: — да мнѣ всегда и досадно вспоминать объ этомъ днѣ.

Нужно прибавить, что этотъ полковникъ весь день 18-го іюля, въ качествѣ посторонняго человѣка, находился въ постоянномъ огнѣ: онъ опередилъ свой полкъ и поджидалъ его.

Мы стали спускаться прямо съ высоты, на которой стояли съ штабомъ, приближаясь къ 8-ми-орудійной осадной батарее. Турки не жалѣли гранатъ и обсыпали наши батареи точно градомъ. Шипѣніе гранатъ не умолало, казалось, ни на секунду.

— Только идешь съ условіемъ, — обратился онъ ко мнѣ: — смотрите, не впаляйтесь гранатами, скажите себѣ, что въ томъ загерѣ у васъ нѣтъ знаменныя, и дѣло съ концомъ. Во-первыхъ, мы должны знать, что это ни къ чему не поведетъ; если намъ

суждено быть убитымъ, — убиты будете, а во-вторыхъ, поклонитесь раю, всегда будете кланяться; ну, а среди военныхъ это не годится: будутъ насмѣхаться, а это совсѣмъ не къ чему.

Подбѣжавъ къ батарее, мы услышали отсюда крикъ: слѣзьте съ лошадей! Турки, я уже сказалъ, гранатъ не жалѣли и направляли выстрѣлы даже въ двухъ-трехъ конныхъ. Не успѣли мы подойти къ батарее, оставалось сдѣлать четыре-пять шаговъ, какъ на турецкомъ редутѣ показался бѣлый дымокъ.

— Намъ отвѣчаютъ, это намъ!

Граната была пущена именно въ эту батарею, и въ ту же секунду надъ нашими головами промесса пронзительный не то свистъ, не то шипѣніе; еще мгновение — и раздается какой-то странный звукъ, точно лопнули всѣ струны контрбаса, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, шагахъ въ десяти или пятнадцати, разорвалась граната, перелетѣвшая черезъ батарею. Всѣ были цѣлы; она никого не задѣла.

Ощущеніе не было пріятно. Не то, чтобы на насъ дѣйствовало чувство страха, нѣтъ, это быть не можетъ, такъ какъ сознаніе опасности является уже тогда, когда всякая опасность миновала, но состояніе духа дѣлается какимъ-то острымъ, напряженнымъ, и въ насъ появляется какое-то необычайное чувство овладѣнія.

Мы пробыли еще нѣсколько минутъ на этой батарее, но турки не послали въ нее больше ни одной гранаты. Мы поѣхали дальше, по направленію къ Гривицѣ; но едва мы вступили въ лошину, какъ на разстояніи трехъ-четырехъ сажень снова упали одна за другою двѣ гранаты. Но такъ какъ человѣкъ во всему привыкаетъ, даже къ самымъ непріятнымъ ощущеніямъ, то эти всѣ гранаты, какъ и послѣдующія, производили уже весьма слабое впечатлѣніе.

Вездѣ, гдѣ только мы ни проѣзжали, вездѣ одна и та же картина, вездѣ видѣются небольшія группы, кучки людей, солдаты лежать во рвахъ, на склонахъ высотъ, какъ-будто дѣло до нихъ вовсе не касается. Старое фантастическое представленіе о битвѣ не даетъ покоя, и все никакъ не можешь освоиться съ новымъ, уже дѣйствительнымъ представленіемъ. Тамъ и здесь каждую минуту — вотъ покажутся стройныя массы, готовы въ бою.

Мы доѣхали до крайняго праваго фланга, гдѣ расположены были румынскія батареи и румынская армія. Румынскіе офицеры встрѣтили моего спутника съ величайшею любезностью. Они показали намъ свою батарею, свои стальные дальнобойныя орудія, которыхъ не было у насъ, и безъ всякой кавальности, о которой

у насъ такъ много писалось, говорили о своемъ участіи въ общемъ дѣлѣ. Солдаты ихъ имѣли чрезвычайно бодрый видъ; они были стройны, чисто одѣты, и точно такъ же, какъ и наши, кучками были разбросаны на скатахъ высотъ. Неподалеку отъ одной изъ кучекъ въ это время упала граната; солдаты, по командѣ офицера, встали, не суетясь, и перешли въ другое мѣсто, шаговъ на тридцать дальше.

— Вотъ вамъ ничего, а меня эти румыны бѣсятъ, — обратился ко мнѣ мой спутникъ, когда мы отъѣхали отъ батареи.

— Отчего же, чѣмъ они васъ прогнѣвили?

— Вы видѣли ихъ орудія? Ну, что же, у насъ есть такія? Нѣтъ, а между тѣмъ давно ли они изъ яйца вылупились! На какую часть ни посмотришь, оказывается, что все у нихъ лучше, а вѣдь они карлики по сравненію съ нами.

— Такъ вы бы досадовали на насъ самихъ, а за что же на нихъ.

— Да, вѣдь, какъ хотите, обидно, чувствуешь себя униженнымъ!

— Но отчего же, скажите, у нихъ есть то, чего у насъ нѣтъ, вѣдь мы кажется и богаче...

— Ну, возмите, они богаче, только богаче не деньгами, а умомъ, честностью... воруютъ меньше.

Румынскія батареи, нужно сказать правду, дѣйствовали отлично; умно расположенныя, онѣ прекрасно обстрѣливали турецкія укрѣпленія, хотя турки и не оставались у нихъ въ долгу.

— Изъ нихъ выйдутъ отличные солдаты, — говорилъ полковникъ: — не нужно забывать, что, вѣдь, они въ первый разъ нюхаютъ огонь, а смотрите, какъ они спокойно относятся къ падающимъ гранатамъ. И офицеры народъ толковый; нѣтъ, изъ нихъ будетъ прокъ, это не то, что «братушки».

Мой спутникъ не любилъ болгаръ.

Черезъ кустарники, съ большимъ затрудненіемъ пробрались мы отъ румынъ къ батареямъ 31-й дивизіи. Батарея была расположена на высокой горѣ, и, казалось, чрезвычайно мѣтко обстрѣливала турецкій редутъ. Каждныя пять минутъ раздавался грозный выстрѣлъ, и пушка съ шумомъ отскакивала съ своего мѣста на два, на три шага. Артиллеристы, занятые дѣломъ, тѣмъ не менѣе продолжали бесѣдовать съ нами и подъ шипящіе звуки артиллерійскаго огня весьма спокойно подпивали чай, совершенно довольные, что въ теченіи всего дня ни одна турецкая граната не упала на самую батарею. Пробывъ съ часъ времени на этой батарее, мы стали направляться обратно къ штабу 9-го корпуса,

и когда мы доѣхали, то выстрѣлы раздавались уже рѣже. Наступалъ темный вечеръ. Первый день былъ благопріятный; у насъ отъ дѣйствія артиллерійскаго огня погибло всего нѣсколько чело-вѣкъ, а между тѣмъ, какъ казалось, турецкія укрѣпленія, и въ особенности гривницкій редутъ, пострадали-таки достаточно.

— Еще нѣсколько дней будемъ подбивать мы гранатами, такъ поразрушимъ ихъ укрѣпленія, и атаковать будетъ не то, что 18-го іюля.

Всѣ были довольны результатомъ перваго дня артиллерійскаго боя; надежда на успѣхъ становилась какъ-то осязательнѣе; на душѣ сдѣлалось легче. Ночь была тихая, теплая, только мракъ, зги не видать. Для насъ добыли свѣжей соломѣ, и, конечно, никогда никакой мягкой, пружинный тюфякъ не былъ такъ пріятенъ, какъ эта постель на свѣжемъ воздухѣ послѣ длиннаго дня, утомившаго насъ и физически, и еще болѣе нравственно. Отъ времени до времени въ теченіи всей ночи раздавались пушечные выстрѣлы, но я не думаю, чтобы кто-нибудь ихъ уже слышалъ. Всѣ спали здоровымъ, крѣпкимъ сномъ, успокоивавшимъ напряженные не въ мѣру нервы.

Около пяти часовъ утра на слѣдующій день мы были разбужены вновь начавшеюся музыкою перебрасываемыхъ гранатъ, и первыя минуты пробужденія не дали ничего пріятнаго. Мы взглянули на гривницкій редутъ и съ покоробившимъ насъ изумленіемъ увидѣли, что вчера нанесеннаго ему ущерба точно и не существовало. За ночь турки задѣлали всѣ поврежденія, и онъ опять стоялъ передъ нами въ своемъ прежнемъ грозномъ видѣ, готовый переносить желѣзные удары всѣхъ нашихъ орудій.

Опять началась та же трескотня, опять всѣ слѣдили за полетомъ нашихъ гранатъ: не долетѣла, перелетѣла, понала, — и въ этомъ занятіи проходили цѣлыя часы. Однообразіе утомляло; монотонный свистъ надоедалъ; скука начинала одолевать; единственное развлеченіе — снова ѣхать на батареи. Я сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ молодого полковника, и мы на этотъ разъ отправились на лѣвый флангъ взглянуть, что тамъ дѣлалось. Тамъ дѣлалось то же, что и у насъ. Батареи обстрѣливали редуты, самый городъ, который съ одной изъ батарей можно было прекрасно видѣть. Издали каждый турецкій городъ кажется красивый — высокіе, стройные минареты всегда придаютъ красивый обликъ. Плевна манила къ себѣ. Въ эти дни, кажется, общему любимому мечтою было поскорѣй имѣть возможность пройти по грязнымъ улицамъ этого городишка. Монотонность артиллерійскаго боя нарушалась, впрочемъ, иногда трагическими случаями.

Одинъ изъ этихъ случаевъ, хотя и весьма обыкновенный, почему-то вѣзался въ мою память и особенно живо возстаетъ передо мною. Мы прѣехали на одну изъ батарей и застали всѣхъ людей, и офицеръ, и солдатъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ пораженного ихъ удара. Трое артиллеристовъ, все офицеры, преспокойно вели между собою бесѣду, какъ граната ворвалась въ батарею, разорвалась, и въ одинъ мигъ сорвала половину черепа у одного, у другого оторвала ногу, а третьяго осколкомъ только легко ранила. Одинъ изъ погибшихъ былъ совсѣмъ юный офицеръ, тѣшившійся только-что за десять минутъ передъ тѣмъ полученнымъ крестомъ и мечтавшій о томъ днѣ, когда онъ понадеетъ въ Петербургъ и съ гордостью покажетъ свой крестъ, полученный за храбрость. Мечтъ его не суждено было сбыться; ее унесла турецкая граната. Но отбить ли останавливаться на такихъ случаяхъ, когда ихъ потомъ можно было насчитывать сотнями.

Пробывъ нѣсколько часовъ, мы возвратились къ штабу, гдѣ все было по-прежнему однообразно. Офицеры разбрелись въ различныя стороны, по группамъ въ два-три человека, на полетъ гранатъ никто больше не обращалъ вниманія. Одни вели между собою бесѣду о совершенно постороннихъ войнѣ предметахъ; другіе, растянувшись на травѣ, отдыхали; третьи строили планы о заключеніи мира и возвращеніи домой. Можно было подумать, что артиллерійскій бой, жужжавшій въ ушахъ, нивого не касался, такъ мало обращалось на него вниманія. Только отъ времени до времени слышались слова:

— Хоть бы конецъ поскорѣй! аттана—и шабашъ!

Въ то время, когда мы меньше всего помышляли о какой-нибудь неожиданности, вдругъ совершенно явственно послышалась безостановочная трескотня. Въ этой трескотнѣ бывалые люди тотчасъ, признали учащенную ружейную пальбу. Отдѣльных звуковъ нельзя было разобрать, это былъ одинъ сплошной продолжающійся звукъ пронзительной трещотки.

Въ одну секунду всѣ столпились въ вучку и у всѣхъ вырвался одинъ вопросъ: это что? гдѣ началась стрѣльба? Какое-то волненіе охватило всѣхъ присутствовавшихъ; всѣ наострили уши и стали прислушиваться, откуда, съ какой стороны раздается ружейная пальба, гдѣ завязалось внезапно дѣло. Вниманіе тѣмъ болѣе было напряжено, что никто не ожидалъ ничего подобнаго; всѣ знали, что артиллерійскій бой долженъ продолжаться еще нѣсколько дней, пока орудійный огонь не подготовитъ какъ слѣдуетъ атаку, т.е. до известной степени не разрушить мастер-

скихъ земляныхъ укрѣпленій, созданныхъ искусствомъ Осман-пашы. Опредѣлить съ-разу, гдѣ завязался бой, было довольно мудро, такъ какъ линія нашего расположенія была страшно вытянута, захватывая болѣе нежели пятнадцати-верстное пространство.

— Турки перешли въ атаку!— вотъ первая мысль, которая блеснула у многихъ.

— Дѣло завязалось на лѣвомъ флангѣ, ружейная пальба слышится въ томъ направленіи!— рѣшили компетентные люди.

— Должно быть, что Скобелеву не терпится, онъ вѣрно впутался!

Тотчасъ же корпусный командиръ сѣлъ на лошадь, и весь штабъ, въ сопровожденіи полсотни казаковъ, поскакалъ по направленію въ лѣвому флангу. Мы спустились съ высоты, на которой стояли и, сдѣлавъ три-четыре версты, остановились на небольшой полянѣ, откуда удобнѣе было наблюдать за тѣмъ, что будетъ происходить далѣе. Турки лишь только замѣтили довольно густую группу, тотчасъ салютовали насъ нѣсколькими гранатами. Всѣ онѣ упали, не причинивъ никакого вреда, ни одна изъ нихъ не разорвалась. Но теперь на эти гранаты никто не обращалъ вниманія; всѣ заняты были одною мыслию, что дѣлается тамъ, на лѣвомъ флангѣ: завяжется ли серьезное дѣло или вся тревога ограничится непродолжительною перестрѣлкою. Мы стояли на мѣстѣ уже болѣе получаса, а ружейный огонь не только не умолкалъ, но становился, казалось, все злѣе. Генералъ Брюднеръ тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ узнать въ чемъ дѣло; мы прождали довольно долго, прежде чѣмъ кто-нибудь вернулся съ отвѣтомъ. Наконецъ, прискакалъ казакъ, посланный ординарцемъ, съ клочкомъ бумаги, въ которомъ тотъ сообщалъ, что онъ встрѣтилъ какого-то офицера съ лѣваго фланга, передававшего ему, что Скобелевъ съ развернутыми знаменами идетъ на Плевну.

— Что за вздоръ, быть не можетъ!— раздалось почти вдругъ, и дѣйствительно такому извѣстію никто не могъ довѣрять ни одной минуты.

Мыслимо-ли и въ самомъ дѣлѣ, что подобное что-либо могло произойти, и корпусный командиръ не былъ бы о томъ предувѣдомленъ.

Учащенная пальба между тѣмъ все продолжалась, и мы по прежнему въ нерѣшимости, въ неувѣстности стояли на полянѣ. Наконецъ, ружейный огонь сталъ стихать и совсѣмъ пре-

кратился. Мы простояли еще нѣсколько минутъ и поѣхали обратно, стараясь отгадать, что тамъ произошло.

— Скажите пожалуйста, — спрашивалъ я по своей наивности, — неужели это всегда такъ бываетъ, что корпусный командиръ, лицо, слѣдовательно, весьма важное въ арміи, остается въ неувѣдѣнности, гдѣ что происходитъ? Развѣ ему не должны были немедленно дать знать, что въ такомъ-то пунктѣ завязалось дѣло?

— Вѣроятно, и пошлютъ сказать; можетъ завтра, а не то послѣ-завтра и узнаемъ.

— Правда, я ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ, но мнѣ кажется какъ-то странно, чтобы корпусный командиръ не былъ немедленно увѣдомленъ о всякомъ происходящемъ дѣйствіи! Вѣдь согласитесь, что изъ этого можетъ выйти такая неурядица, которая дурно отзовется на ходѣ дѣла.

— Совершенно согласенъ, что этого не должно было бы быть, но что вы прикажете; у насъ все вѣдь такъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова.

— Да развѣ это такъ трудно сдѣлать.

— И не легко. Какъ же вы хотите! завязалась перестрѣлка на одномъ флангѣ, о другомъ никто не помышляетъ; ну, потомъ вспомнить и прилѣпить когонибудь сказать, что вотъ произошло такъ и такъ, да и то если заблагодарасудится.

— Да развѣ вся левія нашихъ войскъ не соединена телеграфомъ?

— Какъ видите, нѣтъ!

— Почему же?

— Да, вѣроятно, полагаютъ, что лишнее, авось и безъ телеграфной проволоки обойдемся. Столбиковъ и проволокъ много, конечно, такъ какъ денегъ на нихъ отпускается вдоволь, но, вѣроятно, они гдѣнибудь сложены въ кучу; куда еще хлопотать, разставлять; а впрочемъ кто знаетъ, можетъ быть, нѣтъ ни столбиковъ, ни проволокъ, а деньги, отпускаемые на нихъ, сложены въ чемъ-нибудь барманѣ.

— Полноте, какъ это возможно!

— Да вы поприглядитесь поближе, тамъ увидите, что и не то еще у насъ возможно.

Основателенъ или неоснователенъ былъ такой песенникъ, я не берусь рѣшать; для меня асны были только два факта; первый тотъ, что разстанутая на десятки верстъ армія не была соединена телеграфной проволокой, и второй тотъ, что никто не считалъ себя обязаннымъ увѣдомлять такую крупную единицу

въ арміи какъ корпуснаго командира, стоящаго на правомъ флангѣ, о томъ, что совершается на разстояніи нѣсколькихъ верстъ на лѣвомъ.

Только что мы возвратились на мѣсто и улеглись спать, не прошло и часа, какъ въ томъ же направленіи послышалась опять та же учащенная ружейная пальба, возобновившаяся, повидимому, съ новою силою. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ мы снова были уже на лошадяхъ. Тѣмъ была кромѣшная, лошади пугались на каждомъ шагѣ, и мы медленно стали спускаться съ высоты, но не успѣли выѣхать на дорогу, какъ трескотня прекратилась и все замолкло.

— Ну, должно быть всю ночь насъ не оставить въ покоѣ, — замѣтилъ кто-то. Но предсказаніе не исполнилось, и мы до разсвѣта повоились на нашемъ первобытномъ мѣстѣ.

На другой день только мы узнали, что причиною двухъ вспышекъ, смутившихъ нашъ покой, было желаніе нѣсколько выдвинуться впередъ на лѣвомъ флангѣ, но это желаніе пришлось не по праву туркамъ, и они каждый разъ открывали сильный ружейный огонь. Третій день артиллерійскаго боя прошелъ для насъ безъ всякихъ сюрпризовъ, вездѣ, повидимому, было спокойно и тихо. Но это спокойствіе какъ-бы усиливало нетерпѣніе, и каждый въ это время носился только съ одною думою: скорѣй, скорѣй бы окончился этотъ кошмаръ-Плевна! Незвѣстность будущаго, сомнѣніе въ успѣхѣ начинало все болѣе и болѣе тревожить. Всѣмъ какъ-то прискучили методичные орудійные выстрѣлы, артиллерійскій бой утомлялъ, монотонность ожиданія разнообразились только, тѣмъ, что то съ одной, то съ другой батареи приносили печальныя извѣстія о смерти то того, то другого офицера.

И что замѣчательно — чѣмъ дальнѣе длился артиллерійскій бой, тѣмъ болѣе спадала первоначальная увѣренность въ несомнѣнномъ успѣхѣ. Отчего же это происходило? Оттого ли, что мы ясно видѣли, что наши орудія не причиняютъ почти никакого ущерба туркамъ, что все то, что мы разрушали за-день, за-ночь ими приводилось въ порядокъ. Три дня мы обстрѣливали турецкія укрѣпленія и почти безъ всякаго результата.

— Мы тратимъ только напрасно шрапнели и гранаты, успѣха никакого, — вырывалось у болѣе нетерпѣливыхъ, — такъ, очевидно, мы ничего не добьемся, наши батареи дурно расположены, артиллерійскій огонь не достигаетъ цѣли!

— Подождите, — говорили другіе, — ва-обумъ атаковать нельзя; если начать артиллерійскій бой, то онъ долженъ быть до-

ведетъ до конца, т.-е. до тѣхъ поръ, пока явится, наконецъ, возможность повести атаку съ увѣренностью въ успѣхъ.

— А если нужно будетъ для этого десять дней!

— Ну, что-жь, пусть лучше десять дней! только бы прокъ былъ, а то, пожалуй, еще разъ повторится 18-е июля; у насъ вѣдь все на авось!

— Теперь-то ужъ кажется не на-авось; вотъ три дня обстрѣливаемъ ихъ, а результатъ гдѣ?

Во всѣхъ подобныхъ разговорахъ выражалось только одно — опасеніе пораженія и неувѣренность въ собственныхъ силахъ.

Быть можетъ, существовала и другая причина упадка увѣренности, кромѣ отсутствія видимыхъ результатовъ трехдневнаго артиллерійскаго боя; причина эта заключалась въ томъ, что нигдѣ и ни въ чемъ не чувствовалось руки, которая бы управляла всѣмъ дѣломъ, такъ что невольно каждый задавался вопросомъ: да кто же, наконецъ, командуетъ въ эту минуту, когда вся Россія съ трепетомъ ожидаетъ извѣстія объ исходѣ начатаго боя? и врядъ ли можно было сыскать человека, который далъ бы отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не князь же румынскій въ самомъ дѣлѣ, котораго никто, какъ говорится, можетъ быть и совсѣмъ напрасно, не бралъ au sérieux. Недовольство главнымъ штабомъ было всеобщее. Я не возьму, конечно, на себя утверждать справедливость того, что высказывалось громко и единогласно, но высказывались серьезныя обвиненія. Главный штабъ упрекали въ бездѣтельности, въ небрежности, въ необдуманности плана, котораго никто не понималъ. Еще разъ повторяю, было ли это справедливо или нѣтъ, не знаю; быть можетъ, въ этомъ рѣзкомъ осужденіи играла значительную роль естественная раздражительность, вызванная рядомъ неудачъ, но лично для меня, не посвященнаго въ тайны военнаго дѣла, было совершенно ясно то, что среди арміи, окружавшей Плевну и готовившейся къ атакѣ, господствовала дѣйствительно какая-то неурядица. Не было, что называется, головы дѣла, каждый — самъ по себѣ. Постоянно въ теченіи нѣсколькихъ дней находясь при штабѣ 9-го корпуса, я былъ пораженъ тѣмъ положеніемъ, въ какое былъ поставленъ корпусный командиръ. Никто ему ничего не говорилъ, его ни о чемъ не спрашивали, ни разу его не приглашали въ эти дни на какой-нибудь военный совѣтъ, онъ ничего не знаетъ, что дѣлается кругомъ, ему никто не сообщаетъ о томъ, что творится въ другихъ мѣстахъ расположенія войскъ, о тѣхъ перемѣнахъ, которыя могли и дѣйствительно происходили въ другихъ частяхъ.

Мы издали подъ-часъ видѣли, что происходитъ какое-то пере-

движеніе войскъ, но объ этихъ передвиженіяхъ нѣкоторыхъ частей, бригадъ или полковъ корпусный командиръ зналъ не больше, чѣмъ и всѣ мы, простые смертные. Ему, какъ и всѣмъ остальнымъ, предоставлялось догадываться, что тамъ на лѣвомъ флангѣ мы выдвинулись впередъ, или турки оттѣснили насъ, но никто не считалъ себя обязаннымъ увѣдомлять его о каждомъ происходящемъ движеніи, дѣйствіи или распоряженіи. Если одинъ корпусный командиръ находился въ такомъ положеніи, то не было основанія предполагать, чтобы и другіе были въ лучшемъ. Отъ этого или отъ чего другого, но вездѣ замѣчалась какая-то вялость, апатія; отсутствовала та энергія, которая всѣхъ возбуждаетъ, воодушевляетъ и заставляетъ вѣрить въ успѣхъ. А безъ такой вѣры половина дѣла проиграна уже напередъ.

При такихъ условіяхъ наступилъ и четвертый день рѣшительной борьбы. По-прежнему наши батареи обстрѣливали турецкія укрѣпленія, по-прежнему же турки на каждую нашу гранату посылали свою отвѣтную. Замѣтимъ мы, что съ какого-нибудь турецкаго редута перестали отвѣчать, мы торопимся радоваться.

— Вонъ тотъ редутъ больше не отвѣчаетъ: должно быть, мы подбили у нихъ всѣ орудія.

Но проходитъ часъ или еще меньше, и изъ подбитыхъ, казалось, орудій снова летятъ къ намъ гранаты. И быстро радость смѣняется уныніемъ.

— Только даромъ время да гранаты тратимъ, — слышится голосъ, — а солдаты такъ совсѣмъ замучились!

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней быть постоянно, что называется, на чеку, ожидать каждую минуту услышать: аттака! иными словами, въ продолженіи нѣсколькихъ дней ожидать приказа идти на смерть и быть готовыми къ ней — не каждому по плечу! И нельзя было не удивляться и не чувствовать уваженія къ русскому солдату, относившемуся съ невозмутимымъ спокойствіемъ къ своему положенію, ни мало не роптавшему на свою судьбу и продолжавшему, несмотря на всѣ неудачи, съ гордостью, увѣренностью смотрѣть на будущее. Одни солдаты только и вѣрили, кажется, въ свою собственную несокрушимую силу. Изрѣдка только то у одного, то у другого вырывались слова: эхъ, поскорѣй бы въ дѣло!

До «дѣла» было уже недалеко.

Въ этотъ день мы покинули ту высоту, на которой провели трое сутокъ. Командиру 9-го корпуса было отдано приказаніе

перенести свой штабъ и нѣкоторыя части находившагося въ его распоряженіи войска ближе къ лѣвому флангу.

«Къ чему, зачѣмъ дѣлается это передвиженіе, — говорили между собою офицеры — вѣдь никакого измѣненія не произошло?»

И отсюда слѣдовалъ прямой выводъ: значить, первоначально не было строго-обдуманнаго плана, какъ дѣйствовать, — значить, существуетъ колебаніе. А возможность подобныхъ выводовъ, я не могъ въ этомъ не убѣдиться, дѣйствуетъ крайне-деморализующимъ образомъ. Строгая обдуманность плана, рѣшительность и энергія — вотъ существенныя условія успѣха. Но, увы! ни одного изъ этихъ условий не существовало въ тѣ печальные дни.

Около трехъ часовъ мы тронулись съ первоначальной позиціи. Погода становилась пасмурная, — небо хмурилось, набѣжавшія тучи грозили дождемъ, который къ вечеру и разразился съ невѣроятною силою. Холодный ливень усилилъ всеобщее дурное расположеніе духа. Укрыться отъ него было нѣлуда, — волей-неволей пришлось смириться и безпощадно мокнуть. Северная погода вообще не располагаетъ людей къ веселью, но северная погода, холодный падающій дождь, когда люди стоятъ на позиціяхъ, приводитъ просто въ негодованіе. Палатокъ въ то время ни у кого не было, — оставалось закутаться во что только нацѣлось у каждаго и постараться уснуть на промокшей травѣ. Въ этотъ день улеглись всѣ чуть только наступилъ вечеръ. Мы узнали, что на-завтра, т.е. 30-го августа, назначена была общая атака.

— Ну, что? — я говорилъ вамъ, что сраженіе будетъ дано 30-го, — кто же правъ?

— Правы-то вы, а все-таки я повторяю, что это не ладно, отвѣчать другой. Какой же, спрашивается, былъ смыслъ въ артиллерійскомъ боѣ, если они рѣшаются атаковать, ничего, въ сущности, не подготовивъ орудійнымъ огнемъ?

— Ну, ужъ и это не нашего ума дѣло: про то начальство знаетъ, а я какъ говорилъ, что дѣло будетъ тридцатаго, — такъ по-моему и вышло.

И нужно сказать при этомъ, что громадное большинство въ арміи было увѣрено точно также, что атака произойдетъ 30-го, — вѣроятно, и турки увѣрены были въ томъ не меньше.

Вечеромъ 29-го, въ штабъ была получена диспозиція на слѣдующій день. Съ ранняго утра должна начаться усиленная канонада, отъ одиннадцати часовъ до часа, если не ошибаюсь, затѣишь, съ часа до трехъ опять усиленная канонада — и, наконецъ, въ три часа общая атака по всей линіи. Съ трепетомъ

читали всё эту диспозицію, дума о застрашномъ днѣ никому не давала покоя — и рѣдко, я думаю, у кого такъ билось сердце, какъ у тѣхъ, которые стояли теперь противъ Шлевны въ ожиданіи рѣшительной минуты.

Невеселую ночь провели мы съ 29-го на 30-е августа. Холодно, дождь продолжаетъ лить, образуя на соломѣ, травѣ, гдѣ мы приютились, цѣлыя лужи. Вода пробирается до самаго тѣла, сапоги разбухаютъ, — боишься помочелиться, а природа все-таки беретъ свое, и васъ клонить ко сну. Около четырехъ часовъ утра всё, холодные, мокрые, были уже на ногахъ. Разговоръ не клеился, каждый сползалъ изъ стороны въ сторону, нервное напряженіе достигло, повидимому, своего крайняго предѣла. Съ минуты на минуту мы ждали услышать трескъ усиленной канонады, — назначенный для нея часъ уже наступилъ, но усиленная канонада не начиналась.

— Немножко запаздали, — вотъ сейчасъ начнется!

Но проходить полчаса, часъ, а усиленной канонады все нѣтъ. Раздаются время отъ времени орудійные выстрѣлы, но они раздаются не только не чаще, но, пожалуй, рѣже, чѣмъ въ предшествующіе дни.

— Что это значить? — ужъ не переимѣнена ли диспозиція?

Но нѣтъ, — корпусный командиръ ни о какой переимѣнѣ не былъ извѣщенъ. Нетерпѣніе возрастаетъ, — ожиданіе становится тревожно: за каждымъ пушечнымъ выстрѣломъ ждешь немедленно другого, третьяго, — надѣешься услышать, наконецъ, грозный гулъ всѣхъ орудій, но время идетъ, а желаннаго теперь гула все нѣтъ, и, по-прежнему, только слышится сравнительно рѣдкое шипѣніе вылетающихъ гранатъ.

Наконецъ, выстрѣлы совсѣмъ какъ-бы прекратились, и наступило затишье. Усиленной канонады такъ и не было. Среди тишины вдругъ мы услышали неистовый, съ каждой секундой все усиливавшійся ружейный огонь. Сомнѣнія не могло быть никакого. Дѣло завязалось на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Снова всеобщее смущеніе.

— Что же это, наконецъ? — вѣдь атака назначена въ три часа, а теперь еще нѣтъ одиннадцати! Что они дѣлаютъ?

Но до разсужденій ли было въ эту минуту.

— Вѣдь нужно однако знать, — можетъ быть, мы должны будемъ тотчасъ втѣнуться въ дѣло!

Люди терялись, не зная, что предпринять. Одинъ изъ ординарцевъ поскакалъ къ генералу Зотову. Ожидать, въ неизвестности, что совершается въ эту минуту, было болѣе, чѣмъ жутко.

Дѣло завязалось въ отрядѣ князя Имеретинскаго, но кто атаковалъ: турки ли перешли въ наступленіе, или наши вынуждены были ринуться въ бой,—никто, конечно, не зналъ въ эту минуту.

— Поѣдемъ на лѣвый флангъ, что здѣсь ждать, — сказалъ мнѣ мой неизмѣнный въ эти дни спутникъ—и мы въ ту же секунду скакали въ сторону, откуда доносилась раздражающая музыка ружейнаго огня.

По дорогѣ мы встрѣтили штабъ генерала Зотова, командовавшаго въ этотъ день всѣми боевыми силами. Генералъ Зотовъ стоялъ съ своимъ штабомъ на возвышенномъ мѣстѣ, но отсюда, какимъ бы совершеннымъ биноклемъ или трубой ни былъ вооруженъ человекъ, ничего нельзя было видѣть. Туманъ, перемишавшійся съ дымомъ застилалъ все кругомъ. Мы остановились, чтобы разузнать въ чемъ дѣло, но и здѣсь никто ничего положительнаго не могъ намъ сказать. Одинъ говорилъ, начали турки; другой утверждалъ, начали наши; видимо было, что въ штабѣ генерала Зотова не было еще точныхъ извѣстій.

— Боюсь я, что добра не будетъ.

— Почему?

— Да вы развѣ не видите, — договорилъ полковникъ, — что всѣ они растерялись, точно въ воду опущенные.

Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, производилъ штабъ генерала Зотова. Трудно, разумѣется, передать, въ чемъ выражалась эта растерянность, но она колола глаза. Во всемъ чувствовалась какая-то робость и вялость. Можетъ быть, впрочемъ, я и ошибаюсь, но такое именно впечатлѣніе испытывалъ какъ я, такъ и почти всѣ тѣ, съ которыми случилось тогда говорить.

Въ штабѣ генерала Зотова я встрѣтилъ случайно одного полковника генеральнаго штаба.

— Что это, полковникъ, — обратился я къ нему, — диспозиція-то совсѣмъ не выполняется.

— А въ чемъ?

— Да какъ же? въ диспозиціи было сказано до 11 часовъ утра усиленная канонада, а въ дѣйствительности ее не было.

— Да мы съ кѣмъ воюемъ? — прервалъ онъ меня неожиданнымъ вопросомъ.

Турецкія гранаты отбѣчали за меня.

— Ошибиться трудно.

— А вотъ въ томъ-то и дѣло, что ошибаетесь, мы не съ турками воюемъ, а съ артиллерійскимъ управленіемъ: у насъ не хватаетъ снарядовъ!

Богъ я не распространялъ, для меня сдѣлалось совершенно

ясно, отчего диспозиція не была выполнена и не слышалась усиленная канонада.

И это была не шутка, а горькая дѣйствительность: снаряды не были подвезены въ достаточномъ количествѣ, и ихъ не хватало.

— Куда намъ воевать!—со злобою произнесъ мой спутникъ, слышавшій этотъ разговоръ.

— Если мы разобьемъ турокъ, то развѣ только грудью нашего солдата,—добавилъ одинъ офицеръ, стоявшій воякъ насъ.

Мнѣ нечего говорить, въ какомъ настроеніи мы отѣхали отъ штаба генерала Зотова, продолжая нашъ путь. По красивѣйшей дорогѣ, по горамъ, ложбинамъ, ущельямъ, проѣхали мы на крайній лѣвый флангъ, но далеко еще не доѣзжая до мѣста сраженія, намъ стали попадаться на встрѣчу плетущіеся раненные. Одинъ изъ нихъ шелъ съ окровавленнымъ лицомъ, и вся одежда его, пропитавшись кровью, получила багровый цвѣтъ. Другой плелся еле-еле, таща свою прострѣленную ногу, и каждый шагъ, который онъ дѣлалъ, сопровождался мучительнымъ стономъ. Третій едва слышно произнесъ въ ту минуту, когда мы проѣзжали: гдѣ лазаретъ? и опустился на землю, истекая кровью... И потянулась затѣмъ длинная вереница раненныхъ, разбредшихся въ разные стороны, отыскивая перевязочный пунктъ.

Это была первая тяжелая минута близъ поля сраженія, и этой минуты не забыть тому, кто разъ ее пережилъ. И сколько было подобныхъ минутъ! Вотъ еще раненные, еще и еще! и скоро вы теряете счетъ и стараетесь не смотрѣть на эти страдальческія лица и не слышать этихъ мучительныхъ стоновъ!

Но все это было ничто въ сравненіи съ тою картиною, которая представилась намъ черезъ четверть часа, когда мы ближе подъѣзжали къ мѣсту сраженія. Картина эта была картиною смерти! Иначе нельзя ее назвать. Выѣхавъ изъ оврага, за которымъ отрывалось уже поле сраженія, я увидѣлъ нѣсколько линеекъ «Краснаго Креста», около которыхъ толпились народъ съ носилками. Къ этимъ линейкамъ и фургонамъ тянулись или, вѣрнѣе, ползли раненные. Одинъ двигается, и изъ груди у него вырываются потрясающіе васъ стоны, другой ползетъ, лежа почти на животѣ, третьяго съ поднятою ногою поддерживаютъ двое солдатъ, причѣмъ у одного изъ нихъ течетъ кровь изъ руки. Но эти еще болѣе счастливые, они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ еще возможность двигаться. А вотъ носилки, и окровавленные, и на нихъ лежитъ какая-то масса, въ которой трудно признать человѣческое существо. Рядомъ другія носилки, но вы видите только голову съ открытыми,

но закатывающимися глазами, на лицахъ нѣтъ кровинки, на тѣло наброшенъ кусокъ холста. Не слышно звука, не видно движенія. На пути онъ успѣлъ ужъ скончаться. Санитары тащутъ мертвеца. Вся дорога усыпана ранеными, множество валяется на дорогѣ; они вытѣкали сами изъ огня, но силы измѣнили имъ, и они повалились какъ пласты. Солдаты и санитары суетятся, бѣгаютъ, но подобрать всѣхъ не въ силахъ, раненыхъ прибавляется все больше и больше, и вы не можете сдѣлать шага, чтобы не слышать страдальческихъ стонovahъ. А тутъ еще дождь льетъ какъ изъ ведра, по дорогѣ образовались лужи; сыро, холодно, и въ этой грязи, слезы примѣшивается кровь раненыхъ, на многія лица которыхъ смерть близкая, неминуемая, наложила уже свое грозное клеймо. Среди этой полумертвой, полуживой толпы скачутъ офицеры, адъютанты, ординарцы, все и всѣ въ пѣнахъ, тащутъ артиллерійскіе ящики, двигаются впередъ посланные батальоны... въ глазахъ рябитъ невообразимый, но устрашающій хаосъ, сопровождаемый аккомпаниментомъ терзающихъ звуковъ ружейнаго огня. Больше раздражающаго нервы, чѣмъ этотъ ружейный огонь, кажется, ничего не существуетъ на свѣтѣ. Онъ не даетъ вамъ ни одной секунды отдыха, онъ пронизываетъ все ваше существо; вамъ кажется, что вы были бы счастливы, если бы онъ хоть на минуту пріостановился; но онъ не даетъ пощады, и вамъ нудъ конецъ чудится, что эта трескотня, безъ малѣйшей паузы, происходитъ въ вашемъ собственномъ организмѣ.

Вы идете дальше, картина все та же, но вы начинаете уже относиться къ ней какъ-то бессознательно. Вы смотрите и не видите. Убитая лошадь, валяющаяся по дорогѣ, разбитый артиллерійскій ящикъ, истекшій кровью солдатъ — все это перенутывается въ вѣстѣ. Нервы ваши начинаютъ мѣртва.

И среди этого хаоса въ вашихъ ушахъ раздаются отдѣльные фразы, брошенные на-лету.

— Наши потери громадны, идетъ третья тысяча! двѣ атаки отбиты!

— Онъ убитъ! бѣдняга, только-что подѣхалъ къ цѣпи.

— А что дѣлается тамъ, на правомъ флангѣ?

— Охъ! помогите! не могу! — раздается рядомъ стонъ смертельно раненаго, на котораго никто не обращаетъ вниманія.

И все это точно также переплетается между собою, вы вспоминаете слова, но не понимаете смысла. Голова кружится, сердце бьется болѣзненно скоро, во рту пересыхаетъ, горло сдавливается! И внутри васъ опять раздаются слова.

— Поѣдемъ въ цѣль, право нестрашно! смотрите: пули пробили досыренъ, меня не тронула.

— Посторожитесь! не толкните!

Опять носильщики, опять влетутся раненные, опять стогны, еще и еще вровы!

— Да когда же конецъ! Война! проклятіе тебѣ! — невольно вырывается изъ груди.

Смерть торжествуетъ кругомъ, но живые требуютъ своего, и среди этого моря крови и хора стонѣвъ вы видите групу изъ нѣсколькихъ человѣкъ, которая жадно набросилась на кусокъ захваченнаго кѣмъ-то съ собою сыра.

— Хотите сыру?

— Хочу.

Смерть, кровь, стогны окружаютъ васъ, а жизнь продолжаетъ идти своимъ чередомъ.

Уйти отсюда, убѣжать, чтобы ничего не видѣть и ничего не слышать, говорить самому себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ таять остаться, таять дальше, поближе къ тѣмъ, которые падаютъ подъ градомъ вражескихъ пуль.

А впереди ничего не было видно, точно опущена была тяжелая, густая, дымовая завѣса, за которою слышалось только адское жужжаніе пуль. За эту завѣсу уходили люди здоровые, сильные, бодрые, и черезъ нѣсколько минутъ возвращались окровавленные, истерзанные, несчастные. А многіе, цѣлые тысячи выпали на страшную арену и никогда болѣе не возвращались оттуда!

Нѣтъ художника, который былъ бы въ силахъ воспроизвести эту картину, нѣтъ пера, которое способно было бы дать хотя приблизительное понятіе объ этомъ праздникѣ, объ этой вакханаліи смерти.

Былъ уже четвертый часъ дня, атака должна была идти во всей линіи.

— Поѣдемъ назадъ, посмотримъ, что дѣлается у насъ!

— У насъ — это былъ правый флангъ, 9-й корпусъ.

При нашемъ возвращеніи, картина, представившаяся глазамъ, была, если возможно, еще страшнѣе, еще ужаснѣе. Тамъ, гдѣ были десятки раненныхъ, теперь были сотни, гдѣ были сотни, теперь тысячи. Я не могу передать читателю той массы потрясающихъ подробностей, которыя дѣлаютъ общее впечатлѣніе еще болѣе жуткимъ, еще болѣе ошеломляющимъ. Дорога несвободна, лошадь идетъ шагомъ, и что ни минута, то остановка. То ванъ путь загораживаетъ какой-нибудь фургоны, и тутъ же, немного

въ сторонѣ, лежить убитый офицеръ, прикрытый чѣмъ-то чернымъ. Друзья вынесли его съ поля сраженія. То насъ останавливаетъ линейка «Краснаго Креста»; около нея чего-то суетится медицинскій студентъ, все платье его забрызгано кровью, и на немъ самомъ лица нѣтъ, видимо онъ такъ замученъ, что ничего ужъ не разбираетъ. Внутри линейки ничего не видно, она закрыта, но отсюда доносятся еле-слышныя вздохи, стоны, крики. Куда ни обернешься, всюсюду жизнь убѣгаетъ и подступаетъ смерть.

Дорога была длинная, замученныя лошади едва двигались, и когда мы подѣхали къ правому флангу, уже совсѣмъ стемнѣло. По пути попадаетъ знакомый ординарецъ командира 9-го корпуса.

— Что у насъ неваго?

— Плохо, аттана отбита!

Немного дальше летитъ въ карьеръ другой офицеръ и на-лету бросаетъ крикъ:

— Привидѣй редутъ взять!

Кому вѣрить—не знаешь, но ничто уже болѣе насъ не волнуетъ, точно находить на насъ какой-то столбнякъ. «Взять», «не взять», въ головѣ все путается и какъ-то все кругомъ становится безразлично. Умъ больше не работаетъ, а чувство притупѣло.

На правомъ флангѣ было затишье. Но что оно означало, доброе или дурное, въ ту минуту въ этомъ нельзя было отдать себѣ отчета. Да и было ли еще затишье? Въ этотъ пасмурный, дождливый и холодный день ночь наступила быстро. Мы спустились съ высоты, свернули на большую дорогу и направились къ дивизионному лазарету. Если что-либо могло на время заставить забыть прошедшую передъ глазами картину, если что-либо способно было вывести изъ нравственнаго оцѣпенѣнія, нагнаннаго на насъ видомъ поля сраженія, то, вѣроятно, то, еще болѣе потрясающее, зрѣлище, которое представилось намъ на перевязочномъ пунктѣ.

Выѣхавъ на большую дорогу и привыкнувъ къ мраку, я сталъ различать медленно двигающіяся человѣческія фигуры, и, если бы дорога даже не оглашалась стономъ, то сердце показало бы, кто были тѣ измученные, измученные, истекающіе кровью люди, которые двигались по дорогѣ къ перевязочному пункту. На каждомъ шагѣ попадались фургоны. Не нужно было спрашивать, кого или что везутъ? Слабые крики говорили громко за себя. Лошадь моя нѣсколько разъ спотыкалась, встрѣчая на землѣ лежащихъ солдатъ, которые не могли двигаться далѣе. Почти такъ

нужно было употребить, чтобы сдѣлать полторы или двѣ версты и достигнуть, наконецъ, перевязочнаго пункта, но лучше, кажется, было бы и не достигать его.

Ошибиться, что тутъ именно перевязочный пунктъ, не было возможности. Масса людей, гулъ, стоны, крики: сюда, вносите, идите далѣе, тутъ нѣтъ мѣста! наполняли собою воздухъ. Тѣмъ крошечная! пробѣжать какая-то фигура съ фонаремъ и на секунду освѣтить всю эту толпу людей, эти носилки, эти фургоны съ ранеными, которые подвозили одинъ за другимъ. Я слѣлъ за лошадю и направился въ палатку. Я не стану и стараться передать то впечатлѣніе, которое испытываетъ человѣкъ, опускаясь въ эту преисподнюю. Всякая передача будетъ блѣдна и ничтожна. Небо въ этотъ разъ, кажется, сговорилось съ людьми, чтобы сдѣлать эту картину, и безъ того страшную, еще болѣе ужасающею. Грязь, слякоть, дождь, холодъ, ноги то вязнуть, то скользить и падаешь, не видя ни единой звѣзды; и среди этой-то грязи, слякоти, стужи, масса раненыхъ окружаютъ палатку, толкуются, падаютъ, вскрикиваютъ отъ невыносимой боли. Мучительный стонъ наполняетъ собою воздухъ. Вѣтеръ волышетъ полотняныя стѣны палатокъ, дождь смачиваетъ ихъ. Холодная струя воздуха врывается со всѣхъ сторонъ. Раненые густою толпою стоятъ у входа въ палатку, стараются протиснуться туда, закрываютъ раны, наступаютъ на окровавленныя ноги, хватаются за прострѣленные руки.

— Бога побойтесь! пособите! — стонетъ одинъ.

— Ваше благородіе! нельзя ли перевязать, всѣ восты разбиты! — кричитъ другой.

— Приберите хоть его-то! — проситъ одинъ раненый, указывая на товарища, лежащаго въ грязи, подъ дождемъ, съ открытою грудью, изъ которой течетъ кровь.

Этотъ уже ничего не говоритъ, онъ полулежитъ, полусидитъ безъ движенія. Еще нѣсколько минутъ, и страданія его прекратятся.

И такъ не одинъ, не два, не десятки людей. Кругомъ всѣхъ палатокъ подъ дождемъ, на холоду валяются сотни истекающихъ кровью. Внутри палатки картина еще страшнѣе, волосы становятся дыбомъ. Вся она биткомъ набита народомъ, прохода нѣтъ, нужно тискаться, и тискаться среди раненыхъ, наступаая на пораненныя ноги, толкая въ руки, у которыхъ восты раздроблены. Каждую секунду раздаются невыносимые крики. Доктора навладываютъ повязки, среди толкотни производятъ операціи. Воего не хватаетъ. Медики, сестры, студенты, выбились изъ силъ. На

носилахъ, на полу валяются раненные, всѣ члены ихъ окоченѣли, многіе въ забытіи, и только когда наступитъ кто-нибудь на рану, слышится бессознательное оханіе.

— Пропустите! дайте дорогу!—кричатъ двое студентовъ, которые несутъ на рукахъ раненаго солдата, но пропустить нельзя: давка, всѣ толкаютъ другъ друга и крики, мучительные крики раздаются во всѣхъ углахъ.

— Гдѣ санитары?—зоветъ докторъ,—унесите его, онъ умеръ.

Вы проходите мимо, зачѣмъ-нибудь васъ послали, васъ оставиваютъ на пути.

— Подержите эту ногу.

Вы берете окровавленную ногу, раненый кричитъ, а хирургъ что-то ворочаетъ въ ранѣ, стараясь вытащить пулю.

— Ваше благородіе! нельзя ли пропустить въ операционную, полковникъ, тяжело раненый.

Втискиваютъ носилки. Вы присматриваетесь и узнаете человека, котораго нѣсколько часовъ назадъ видѣли здоровымъ, полнымъ силъ.

— Это Шлитеръ, командиръ архангелогородскаго полка!

Профессоръ осматриваетъ рану, прикладываетъ компрессъ.

— Унесите, рана смертельная.

Но выносить некому. Онъ не умеръ еще, раздается хрипѣніе.

Подойдетъ кто-нибудь, вы берете вдвоемъ носилки, выносите, но силъ не хватаетъ, ноги скользятъ по слякоти, вы спотыкаетесь, носилки выпадаютъ.

— Отнесите полковника въ офицерскую палатку.

Является помощь, и вы несете его въ офицерскую, но и тамъ все полно: вы втискиваете носилки съ умирающимъ человекомъ между двухъ другихъ носилокъ, на которыхъ лежатъ два молодыхъ офицера, раненныхъ, повидимому, сравнительно легко, и оставляете. Тѣла ихъ соприкасаются, съ минуты на минуту онъ долженъ скончаться. Живые лежатъ рядомъ съ трупомъ.

Вы становитесь безчувственными. Вы ходите, толкаете раненныхъ, слышите стоны, кровь кругомъ васъ, но вамъ уже все равно; вы не испытываете больше никакихъ ощущеній, для васъ не существуетъ больше людей, страданія не трогаютъ, вы окаменѣли, превратились въ машину, готовую исполнять только то, что вамъ скажутъ.

А тутъ же, рядомъ съ этою палаткою, раскинута другая; сюда собрались нѣсколько человекъ, пьютъ, ѣдятъ, громко спорятъ.

— Да вѣдь взяты Зеленныя горы!

— Мы не въ силахъ ихъ удержать.

— На Гривидкомъ редутѣ погибла тысяча человѣкъ!

Но вамъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, ни до Гривид-
каго редута, ни до Зеленыхъ горъ. Васъ преслѣдуетъ кошмаръ,
кошмаръ на яву, кошмаръ во снѣ; передъ вашими глазами про-
ходить окровавленная вереница раненыхъ, мертвыхъ, и вы какъ
автоматъ твердите одно лишь слово: «война! проклятіе тебѣ!»

Не одну тысячу смерть унесла въ тотъ день! и, увы! о тѣхъ
несчастныхъ, которые сдѣлались жертвами «третьей» Плевны,
нельзя даже сказать вмѣстѣ съ Фаустомъ:

О, счастливъ тотъ, кому въ побѣдномъ гулѣ
Она вѣнокъ кровавый соплететь...

Смерть соплепа имъ вѣнокъ, но не въ побѣдномъ гулѣ, а
среди гула пораженія.

Евг. Утинъ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ

VI *).

СЛАВЯНОФИЛЫ. — СЛАВЯНОКІИ КОМИТЕТЫ. — СЪѢЗДЪ 1867 ГОДА.

Когда въ европейской печати сороковыхъ годовъ пошли толки о панславизмѣ, въ этихъ толкахъ было множество разнаго рода преувеличеній, недоразумѣній, ошибокъ: одни преувеличивали силы Россіи, черезъ мѣру боялись «азіатскаго нашествія»; другіе преувеличивали силу славянскаго движенія; третьи возлагали слишкомъ большія надежды на Польшу, какъ на возможный «оплотъ» противъ Россіи и центръ для западнаго славянства и т. п.;—но, какъ ни мало знали тогда славянскій міръ, въ этихъ разсужденіяхъ довольно вѣрно подмѣчались главныя черты предмета. Такъ, не было лишено вѣрности наблюденіе, что панславизмъ (рѣчь идетъ о сороковыхъ годахъ) имѣетъ два главныхъ теченія, которыя и обозначали тогда — одно какъ русское, другое какъ западно-славянское. Они считались враждебными другъ другу, и на этомъ основаніи панславизмъ западно-славянскій внушалъ даже извѣстные сочувствія, такъ какъ въ немъ опять думали найти «оплотъ», котораго въ то время очень заботливо искали. Страннымъ можетъ показаться, что изъ западнаго славянства хотѣли сдѣлать враговъ Россіи, но мысль объ ихъ противоположности не была лишена основанія въ томъ смыслѣ, что между идеалами патриотовъ за-

*) См. ниже: фр., стр. 726.

падно-славянскихъ и русско-славянскихъ была въ самомъ дѣлѣ значительная разница.

Правда, еще съ начала столѣтій, и особливо съ тридцатыхъ годовъ слышались восторженные заявленія національнаго славянскаго братства, надежды на будущее восстановление племенной цѣльности, привывы къ союзу и единству, даже угрозы врагамъ, — но это были только проявленія впервые возникавшаго національнаго чувства, инстинктивныя ожиданія, еще лишеныя реального значенія; но когда чувство стало выясняться и выступали на сцену дѣйствительныя интересы, въ стремленіяхъ славянства оказались разнорѣчія, — которыя въ ту пору мудрено было примирить, и которыя донныѣ еще не примирены.

Какъ для противниковъ Россіи или славянства «панславизмъ» былъ *предполагаемая* опасность, такъ для самого славянства это былъ только туманный идеаль. Первое заявленіе его, сильно по-дѣйствовавшее на умы и слухъ о которомъ дошелъ въ Европу, была поэма («Дочь Славы», Коллара). Но построеніе идеала тѣсно привязано къ дѣйствительности; идеаль ищетъ лучшаго, стремится отъ тяжелаго, неудовлетворяющаго, непріятнаго пастоящаго къ болѣе совершенному будущему, но строить будущее по тѣмъ даннымъ, понятіямъ, формамъ, какія есть въ настоящей дѣйствительности. Какъ скоро идеалы стали опредѣляться, у каждаго племени на первомъ планѣ становилась своя собственная, частная національность, и первоначальный, такъ-сказать поэтический панславизмъ отступалъ на второй планъ: онъ остается отвлеченной почвой, но главной реальной цѣлью у каждаго племени является его ближайшій интересъ.

Такимъ образомъ, во второмъ фазисѣ развитія «славянской» національной «идеи», дѣло опять возвращается какъ будто къ прежнему разъединенію. Задачи, которыя ставилъ себѣ панславизмъ русскій и западно-славянскій, оказывались несходны. И донныѣ еще не нашлось формулы, которая могла бы считаться рѣшающей вопросъ даже въ средѣ лучшихъ и доброжелательныхъ умовъ славянства, и въ самыхъ крупныхъ вопросахъ между-славянскихъ отношеній факты еще «обливаютъ холодной водой» идеалистовъ.

Погодинъ въ своихъ планахъ основывался на общемъ, неясномъ (а для иныхъ, очень сомнительномъ по существу) представленіи о томъ, что славянству пришло время играть руководящую роль во всемірной цивилизаціи; на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ славянскихъ земель, гдѣ онъ видѣлъ всякое стѣсненіе славянскаго

элементъ и слышалъ желанія и надежды, что Россія поможетъ славянству, и, наконецъ, на мысли о безграничномъ могуществѣ Россіи. Первое было — книжное соображеніе; второе — жизненное впечатлѣніе, очень вѣрное, но ни мало не объяснявшее какимъ образомъ могла быть подана ожидаемая помощь; третье свидѣтельствовало объ его патриотизмѣ, но не вполне отвѣчало фактамъ. Изъ всего вмѣстѣ слѣдовало, что Россія должна стать во главѣ славянства, и что съ этимъ соединеніемъ славянства въ новый политическій міръ Россія предстоить еще новое расширеніе ея могущества и величія. Идеаль Погодина сложился по существовавшему на лицо образцу, и для восстановленія славянства нечего было много думать о новыхъ политическихъ формахъ: для Погодина одно было ясно — Австрія должна развалиться при первомъ прикосновеніи. Онъ тогда и не предвидѣлъ, что когда Австрія вскорѣ дѣйствительно стала-было разваливаться, въ 1848, то ее поддерживали не только Россія, но и сами славяне.

Славянофилы были согласны съ Погодинымъ въ своихъ сочувствіяхъ къ славянству, въ своихъ пожеланіяхъ ему; Россія и въ ихъ глазахъ была естественный высшій авторитетъ и власть въ славянскомъ мірѣ — но они гораздо шире ставили свои теоретическія основанія. Мы останавливались въ другомъ мѣстѣ на ученіяхъ этой школы, и здѣсь довольно общаго указанія. Въ духѣ тогдашнихъ «философій исторіи», славянофилы строили цѣлую теорію о противоположности востока и запада, Европы и Россіи, міра романо-германскаго и греко-славянскаго. Главное основаніе теоріи положено было Иваномъ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ; потомъ развивали и примѣняли ее К. Аксаковъ, Елагинъ, г. Новиковъ (нынѣ русскій посланникъ при австро-венгерскомъ дворѣ), Гильфердингъ, Ив. Аксаковъ, г. Ламанскій. Различіе двухъ міровъ сосредоточено было въ вопросѣ исповѣдномъ, въ противоположности православія и католицизма (протестанство не принималось въ расчетъ, такъ какъ полагалось, что оно въ сущности дѣлаетъ логическую ошибку католицизма). Католицизмъ (и протестанство) нашли своихъ представителей въ западномъ романо-германскомъ мірѣ; православіе — въ греко-славянскомъ. Последнему принадлежатъ истина, заключенная въ православіи; поэтому и высшее духовное развитіе возможно только для міра греко-славянскаго; и такъ какъ изъ всего этого міра-сильное государство (нашъ орудіе для осуществленія исторической идеи) есть одна Россія, то слѣд. въ Россіи, въ русскомъ народѣ лежитъ залогъ будущей высшей цивилизаціи, и вмѣстѣ рѣшеніе о судьбѣ славянства.

При этомъ, ставилось впередъ положеніе, что православіе есть именно настоящая, обязательная религія славянскаго міра. Поздѣе, этотъ выводъ, сдѣланный почти а priori, былъ подкрѣпленъ археологическими доказательствами, что христіанство впервые пришло въ славянству южному, западному и восточному изъ греческаго источника, главнымъ образомъ черезъ проповѣдь Кирилла и Меѳодія (въ то время, впрочемъ, когда еще не было раздѣленія церквей),—подкрѣпленъ историческими соображеніями, что крупнѣйшій фактъ западно-славянскаго церковной жизни, реформа Гуса, совершился именно потому, что былъ отголоскомъ существовавшаго нѣкогда у чеховъ православія. Такимъ образомъ, когда славянство искало своего возрожденія въ политическомъ освобожденіи, въ поднятій образованности, пробужденіи національнаго сознанія и солидарности племенъ, славянофилы предлагали рѣшеніе въ формѣ теологическаго положенія; теорія не хотѣла знать, что славянскіе народы, не принимающіе этого положенія, имѣютъ позади себя тысячу лѣтъ католичества, не хотѣла знать, что вопросъ страшно усложненъ этой тысячелѣтней исторіей. Странно было при этомъ, что люди, знавшіе истину, такъ мало сдѣлали для ея объясненія. Въ прежнее время люди подобныхъ идей шли ихъ проповѣдовать или распространять книгами и ученіемъ. Славянофилы показывали вообще большую нетерпимость, но не сдѣлали ничего прямого, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, поставить западные славянскіе народы въ извѣстность о томъ, гдѣ имъ надо искать національнаго и другого спасенія.

Этого мало. Славянство такъ или иначе знало Россію, возлагало на нее свои надежды. Но по славянофильской теоріи оказывалось, что видимая Россія—не настоящая, что Россія настоящая кончилась съ реформой Петра, послѣ чего наступилъ «петербургскій періодъ», представляющій нарушеніе истинно-русскихъ началъ, имѣну имъ, — такъ что настоящую Россію надо еще ждать.

Такимъ образомъ, славянофильская теорія очень мало заботилась объ исторіи и русской и славянской. Россіи надо было возвращаться къ XVII вѣку, а католическому славянству—во времена Кирилла и Меѳодія. Какъ же сдѣлалъ это? Въ русскіхъ дѣлахъ славянофилы, по крайней-мѣрѣ, давали разныя объясненія своихъ взглядовъ, но славянство оставлено было въ неопредѣленности или въ большомъ недоумѣніи относительно того, что ему нужно дѣлать въ опасностяхъ столь настоятельныхъ и серьезныхъ. Если бы славянство искало изложенія системы, оно могло найти очень немного: по самой теоріи, на которой все строилось,

оно нашло бы, напр., богословскія сочиненія Хомякова, но они въ первый разъ вышли даже не на русскомъ языкѣ, и теперь, явившись въ заграничномъ изданіи Самарина, даже не пользуются въ самой Россіи правомъ гражданства. Что же могло это означать? Бываетъ, разумѣется, что писатели съ очень передовыми, радикальными мнѣніями не поощряются правительствами, а гдѣ есть цензура, подвергаются стѣсненіямъ и запрещеніямъ; но славянофилы въ существенномъ совершенно консервативны и благонамѣренны; въ церковномъ отношеніи, они — вовсе не сектанты, а самые ревностные православные и, несмотря на нѣкоторое разногласіе съ виѣшней существующей церковностью, съ величайшимъ убѣжденіемъ настаиваютъ на великомъ значеніи православія. Если, тѣмъ не менѣе, у славянофильскихъ идей, церковныхъ и политическихъ, отнималось не разъ право гражданства, что же означаетъ этотъ фактъ? Для славянства, которое желало бы изучать идеи славянофиловъ, они никогда не были выяснены.

Насколько намъ встрѣчались въ славянской печати отзывы объ этой школѣ, западно-славянскіе писатели дѣйствительно не умѣли хорошенько понять отношенія славянофильства къ обществу и правительству. Не зная обыкновенно нашей внутренней жизни, они представляли себѣ дѣло по-своему, воображая, что славянофилы — единственные въ Россіи защитники народныхъ интересовъ, и что противная партія (которую они научились называть «западнической») совершенно равнодушна къ этимъ интересамъ и занимается только тѣмъ, что поклоняется и подражаетъ «западу». Схвативши кое-что изъ толковъ о «петербургскомъ періодѣ», о «нѣмцахъ», западно-славянскіе политики думали, что славянофилы дѣйствительно борются въ русскомъ государствѣ съ нѣмцами и что, вообще, «нѣмцы» — наша главная бѣда. Это казалось тѣмъ достовѣрнѣе, что нѣкоторые лица въ русскихъ правительственныхъ кругахъ носили нѣмецкія фамиліи — они не знали, что хоть есть у насъ дурные и вредящіе намъ нѣмцы, но бывало еще въ двадцать разъ больше такихъ русскихъ. Казалось это достовѣрнымъ и потому, что славянофилы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ одни въ литературѣ говорили о славянствѣ; — но западные славянскіе писатели опять не знали, въ какихъ обстоятельствахъ вообще существовала (и существуетъ) русская литература, и какія были причины, что такъ-называемые «западники» не вдавались въ тѣ годы въ славянскій вопросъ. А причина была простая: «западники» слишкомъ чувствовали недостатки нашей внутренней жизни и думали, что прежде, чѣмъ пускаться въ отдаленные вопросы, надо подумать о ближайшихъ

нуждахъ русскаго общества, или что славянскій вопросъ не рѣшается одной догматикой или ненавистью къ нѣмцамъ. И дѣйствительно, было немного странно (какъ и теперь бывало иногда странно) братья за вопросъ «освобожденія», когда у себя дома царило крѣпостное право, литература была стѣснена до послѣдней степени, свободная мысль была невозможна, общество не могло имѣть никакой самостоятельной дѣятельности. — Какая изъ двухъ сторонъ тогдашней литературы сдѣлала больше для того, чтобы подготовить общество къ славянскимъ интересамъ, это дѣло еще не рѣшенное; и, по нашему мнѣнью, не можетъ быть рѣшено исключительно въ пользу славянофильства (какъ обыкновенно думаютъ), — быть можетъ, напротивъ. Было уже давно замѣчено, что чистое славянофильство, въ томъ духѣ, какъ было оно въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, не размножилось, даже теперь, и этотъ фактъ имѣетъ свой смыслъ.

Западно-славянскіе политики не замѣчали и того обстоятельства, что славянофильство есть направленіе по преимуществу московское. Тамъ оно начиналось и устроилось, и этому совершенно отвѣчаетъ нелюбовь къ «петербургскому періоду» и, немного наивная, нелюбовь къ самому Петербургу. Или, если они и видѣли этотъ московскій характеръ славянофильства, они не видѣли, что это вовсе не составляетъ его выгодной черты.

Славянофильская теорія, возставая противъ петровской реформы, какъ противъ нарушенія русской народности, видѣла эту послѣднюю именно въ старой Москвѣ. Историческая теорія сливалась съ мѣстнымъ патріотизмомъ, котораго въ славянофильствѣ невозможно не видѣть. Мы не думаемъ упрекать ихъ за это; напротивъ, мѣстный патріотизмъ — вещь прекрасная; онъ можетъ давать глубокую, живую, характерную основу для любви къ своему народу; онъ особенно понятенъ въ Москвѣ, нѣкогда единомъ центрѣ русскаго народа, свидѣлѣ громаднхъ событій, памятникѣ старой исторіи; — но мѣстный патріотизмъ есть крайность и ошибка, когда онъ превращается въ мѣстное самоувѣреніе и часть ставить на мѣсто цѣлаго, — а это несомнѣнно случилось у славянофиловъ. Они отвергаютъ Петербургъ и «петербургскій періодъ», — но этого періода не вычеркнешь изъ русской исторіи, тѣмъ болѣе, что это есть и настоящій ея періодъ. Москва дѣйствительно «собрала» русскую землю, но не всю; если Москва была центромъ для до-Петровской Россіи, то не была имъ для послѣ-Петровской, а именно въ петербургскій періодъ присоединены были цѣлыя русскія области, какъ юго-западная Украина съ Запорожьемъ, сѣверо-западный край, самая Польша, и на-

конецъ, обширная масса иноплеменныхъ населеній на Балтійскомъ и Черномъ морѣ, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Азій. Замѣтимъ, что эти русскія земли, присоединенныя «петербургскимъ періодомъ», никогда не были связаны съ Москвою, такъ что здѣсь она вовсе не имѣетъ за себя и національнаго преданія. Худо ли, хорошо ли, но эти земли были «собранны» именно Петербургомъ. Въ тотъ же «петербургскій періодъ» создано политическое могущество, о какомъ Россія едва ли могла думать при старыхъ московскихъ порядкахъ: оно есть все-таки выигрышъ, и оно въ первый разъ дало Россіи возможность вмѣшательства въ судьбы западнаго славянскаго міра. Московское преданіе сохранило гораздо больше національной нетерпимости. Когда въ послѣдніа десятилѣтія стали обнаруживаться индивидуальныя черты другихъ мѣстныхъ народностей, москвичи всего громче вставали противъ нихъ; тѣ дѣятели, которые послѣ усмиренія польскаго восстанія принялись подправлять русскую народность въ западномъ краѣ, тѣ «полонофаги», какъ называлъ ихъ однажды г. Безсоновъ, воспитались особенно въ московскихъ школахъ; въ Москвѣ же всего сильнѣе кричали объ украинскомъ «сепаратизмѣ» и помогли расплодить вражду, которой могло бы и не быть.

Могутъ сказать, что негѣпости дѣлались не самой школой, а людьми, за которыхъ она отвѣчать не можетъ. Дѣйствительно, сами славянофилы во многихъ случаяхъ высказывали много такта, терпимости и признанія чужихъ интересовъ,—но не всегда; въ послѣднихъ славянофильскихъ изданіяхъ слышались и ноты, свойственныя больше «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя и сами заняли въ послѣднее время полуславянофильское положеніе, но мѣшая при этомъ освободительныя тенденціи съ полицейскими; крайняя нетерпимость въ малообразованномъ обществѣ (къ такому разряду приходится, къ сожалѣнію, причислить многихъ «дѣятелей», каковы, напр., бывали полонофаги, украинофаги и т. п.) производила самыя непривлекательныя и, для славянства, отталкивающіе результаты.

Съ такими сложными свойствами выступало славянофильство и, безъ сомнѣнія, его вліяніямъ и отголоскамъ (вмѣстѣ съ отголосками «Московскихъ Вѣдомостей») надо приписать многія изъ странностей, какія проявлялись въ новѣйшихъ славянскихъ интересахъ русскаго общества. Смѣсь освободительныхъ намѣреній съ крайней нетерпимостью, притязанія на господство и «обрушеніе» даже раньше, чѣмъ представлялась бы къ этому возможность, неумѣнье понять связь славянскаго вопроса съ нашими внутренними дѣлами, и отсюда рядъ всякихъ противорѣчій, которыхъ

столько оказывалось въ послѣдніе годы въ толкахъ и *дѣйствіяхъ* по славянскому вопросу, — все это въ большой степени находило свой источникъ въ московской постановкѣ вопроса.

Западно-славянскіе патриоты мало знали истинный характеръ славянофильства; они по старой памяти думали, что славянофилы — главнѣйшіе представители славянскихъ сочувствій въ русскомъ обществѣ и первый опора, и основаніи. Дѣло нѣсколько объяснилось для западнаго славянства на московской этнографической выставкѣ 1867 года, какъ увидимъ далѣе.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникалъ у насъ первый интересъ къ западному славянскому возрожденію, взгляды любителей славянства перешли нѣсколько оттѣнковъ. Въ первое время, когда еще только познакомились съ «братъями», сочувствіе къ нимъ было простое и неухищренное; равно желали успѣха ихъ литературамъ самымъ мелкимъ, равно желали имъ свободы, завязывали съ ними сношенія, какъ Погодинъ (котораго не отдѣляли отъ славянофиловъ), доставляли иногда пособія, и т. д. Но затѣмъ развивается славянофильская теорія, и отношеніе къ славянству перестаетъ быть простымъ: чувство стало подчиняться системѣ, сочувствія отдавались съ выборомъ. Наконецъ, выяснились основныя требованія школы: первенство Россіи, принатіе славянствомъ русскаго литературнаго языка, православіе. Отношеніе къ славянскимъ литературамъ бывало наконецъ, какъ будто просто недружелюбное. Эти литературы заслуживаютъ сочувствія только условно, — говорилось теперь. Онѣ такъ малы, что не могутъ имѣть будущаго; ихъ ограниченныя средства не могутъ дать почвы для сильныхъ талантовъ и для сильнаго дѣйствія; оставаясь слабы, онѣ не могутъ служить главной національной потребности — обезпеченію національности отъ подавляющихъ чужихъ вліяній. Для западнаго и южнаго славянства въ этомъ отношеніи нѣтъ другой дороги какъ принять, по-крайней-мѣрѣ для произведеній общаго славянскаго интереса, одинъ общій литературный языкъ, какимъ можетъ быть только русскій. А, главное, западному славянству не избавиться отъ своей розни, и потому слабости, до тѣхъ поръ пока оно не избавится отъ другого бѣдствія, подавляющаго въ немъ общеславянское чувство, — отъ католицизма: для этого — одинъ путь, принатіе православія.

Нѣтъ спора, что введеніе общаго литературнаго языка было бы для славянства дѣломъ величайшей важности, потому что многоязычіе раздробляетъ образовательныя силы и затрудняетъ

междуплеменные отношенія. Нѣтъ спора также, что католицизмъ съ разныхъ сторонъ вредитъ національнымъ успѣхамъ славянства: онъ эксплуатируетъ народы для политическихъ цѣлей, ультрамонтанскихъ и деспотическихъ, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей; съ другой стороны, какъ теологическая схоластика, враждебенъ свободному развитію науки. Итакъ, можно находить оба обстоятельства вредными для будущности славянства и ставить себѣ цѣлью литературное объединеніе и борьбу съ католицизмомъ; но должно строго обдумать способы дѣйствія и, прежде всего, съ величайшей осторожностью обращаться съ народнымъ чувствомъ. Но этого послѣдняго часто и не бывало у славянофиловъ. Порѣшивъ дѣло въ книжной теоріи, они безъ дальнихъ околичностей требовали исполненія своихъ приговоровъ, и это, какъ есть тому факты, производило въ самомъ славянствѣ непріязненное чувство. Большая часть славянскихъ литературъ мелки, это правда; но онѣ дороги своему племени такъ же, какъ намъ дорога наша литература и нашъ языкъ; невозможно, чтобы племена легко отказались отъ нихъ для другого языка и литературы. Водвореніе русскаго языка (хотя бы рядомъ съ мѣстнымъ) возможно лишь на одномъ условіи, когда русская литература приметъ такіе размѣры, что знаніе ея сдѣлается для славянства добровольно признаваемой потребностью и необходимостью, а не исполненіемъ чьего-нибудь приказа. Вопросъ религіозный еще мудренѣе. Сколько бы мы ни считали католицизмъ гибельнымъ для славянскихъ народовъ, здѣсь не поможетъ одна публицистическая нетерпимость. Одно изъ двухъ: или само политическое развитіе придетъ къ тому, что религіозный споръ устранится полной свободой исповѣданій; или же, если бы оказался нужнымъ свой Kulturkampf, его нельзя вести такъ дешево, какъ у насъ, кажется, полагають. — Наша внутренняя жизнь не имѣетъ для этого той свободы, безъ которой подобная борьба немыслима; наша церковь вовсе не имѣетъ такого характера, чтобы можно было ожидать ея вмѣшательства, а безъ этого трудно представить дѣло.

Въ другомъ мѣстѣ мы указывали, въ какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ возникала славянофильская школа. Эти обстоятельства объясняютъ многое въ ея характерѣ. Планы, придуманные славянофильствомъ съ той теоретической широтой, какая свойственна кабинетнымъ теоріямъ, принимались съ большимъ сочувствіемъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей — какими были основатели и послѣдователи ученія. Теорія, поощряемая дружескими сочувствіями, превращалась въ идеалъ и своего рода поэзію: передъ друзьями рисовалась картина будущности, когда русскій народъ, во главѣ

славянства, явится въ міръ носителемъ высшей истины, смиреннымъ, но и величественнымъ, и начнется новая эпоха цивилизации... Теорія рождалась въ такую пору, когда общественная дѣятельность была до невозможности стѣснена и вся работа идей была загнана въ тѣсныя кружки; подъ тупымъ бюрократическимъ и инымъ гнетомъ, мысль, оттолкнутая отъ дѣйствительной жизни, развивала безграничный идеализмъ, устроивавшій жизнь на будущія времена. Споры съ противниками, въ сороковыхъ годахъ и послѣ, только увеличивали упорство славянофильской школы. Ея идеализмъ заражалъ и самихъ противниковъ: одинъ изъ передовыхъ людей того времени, въ первое время своей эмиграціи, мечталъ о русской общинѣ, какъ обновляющемъ началѣ для Европы!

Съ другой стороны, славянофилы были поставлены въ общественномъ отношеніи такъ, что могли держаться въ сторонѣ наблюдателями, не особенно тревожась практическими неудобствами тогдашняго общественного быта (которые, впрочемъ, иногда падали и на нихъ); они могли имѣть спокойный досугъ и ихъ теоріи тѣмъ больше могли приобрѣтать идеалистической отвлеченности.

Славянофилы, разумеется, были увѣрены въ справедливости своихъ мнѣній и стали даже высокомерны не только въ ихъ зачитѣ дома, но и въ отношеніяхъ въ самому славянству. Они не затруднялись самыми строгими приговорами и считали себя въ правѣ поучать. Таковы, напр., отзывы Гильфердинга о школѣ Вука и самомъ Вукѣ, о Копитарѣ (въ брошюрѣ *les Slaves Occidentaux*, 1858); но въ особенности таково знаменитое «Посланіе въ сербамъ изъ Москвы» (1860), писанное Хомяковымъ и сѣрбленое всѣми главными членами кружка. Посланіе произвело одинаково непріятное впечатлѣніе и въ русской литературѣ, и въ сербской.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ крымской войны и парижскаго мира, возникла въ Москвѣ мысль объ основаніи «славянскаго благотворительнаго комитета», который и былъ открытъ въ 1858. Членами его были не одни славянофилы, но и люди другихъ круговъ, цѣль общества заключалась въ благотвореніи—доставленіи средствъ славянамъ, искувшимъ образованія въ Россіи, посылѣ книгъ для западныхъ и южныхъ славянскихъ школъ и т. п. Въ послѣдствіи открылись отдѣленія комитета въ Петербургъ и Кіевъ. Дѣло было, конечно, прекрасное; нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, какъ балканскія, какъ венгер-

ско-русинское, были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что помощь имъ была давно необходима, и комитеты въ этомъ отношеніи оказали заслугу, которую мы и признаемъ вполне. Комитеты иногда ошибались въ предметахъ филантропіи, но ошибки были очень возможны при новостяхъ дѣла и недостаткѣ свѣдѣній. Въ сожалѣнію, въ постановкѣ дѣла (мы имѣемъ въ виду особенно комитетъ петербургскій, дѣйствія котораго бывали больше извѣстны), сказались другіе болѣе существенные недостатки.

Дѣятельность комитетовъ, очевидно, вызывалась чувствомъ славянской солидарности и должна была ей способствовать. Въ ней, конечно, не могли не отразиться тѣ понятія о славянствѣ, съ какими приходили въ комитеты ихъ члены. И, въ самомъ дѣлѣ, комитеты получили свой особенный стиль и характеръ. Нужно было имѣть все безпристрастіе, чтобы образовалась первая нравственная почва обличенія и примиренія; относительно русскаго общества надо было позаботиться о томъ, чтобы познать общество съ той, хотя и очень близкой, но незнакомой областью, какою былъ для большинства славянскій міръ. Случилось иначе. Съ самаго начала, вѣроятно, подъ вліяніемъ первыхъ предсѣдателей, въ нихъ образовалась особая тенденціозность, въ которой нельзя было не видѣть отраженій славянофильства; да и съ этимъ можно было бы примириться, если бы можно было предположить, что тенденція искренна и серьезна. Петербургскій комитетъ придавъ своимъ дѣламъ, такъ сказать, клерикальный характеръ: ежегодно повторялось празднованіе дня Кирилла и Меодія, памяти Гуса. Дѣло прекрасное, но если комитетъ разъ выходилъ изъ своей спеціально-филантропической роли и хотѣлъ заявить принципы (что было очевидно), то можно было желать, чтобы онъ, кромѣ древности, вспоминалъ и о настоящемъ и высказалъ что-нибудь определенное о славянскихъ отношеніяхъ; вѣзвѣтъ того, шла одна фразеологія, тѣмъ болѣе непривлекательная, что, какъ тогда же было замѣчено, напр., «въ овадіяхъ памяти Гуса встрѣчались имена такихъ людей, которые, несомнѣнно, подали бы голосъ за сожженіе его, если бы присутствовали на констанцскомъ соборѣ». Въ самомъ принципѣ комитетъ засѣдалъ дѣлатель, заявившій своими писаніями вражду къ болгарскому народному дѣлу. Въ рѣчахъ, которые говорились на праздникахъ 11-го мая и гдѣ поминалось имя великаго чешскаго человѣка, встрѣчались вещи прямо обскурантныя ¹⁾.

¹⁾ Въ печати не одинъ разъ дѣлался упрекъ не-славянофиламъ, затѣмъ они не шли въ славянскіе комитеты, чтобы работать для славянства, которому все-таки со-

Петербургскій комитетъ задумалъ, и отчасти исполнилъ, другое дѣло, которое заслуживаетъ сочувствія, именно изданіе книгъ о славянствѣ. Это была въ самомъ дѣлѣ первостепенная необходимость. Комитетъ издалъ хорошую этнографическую карту славянскихъ племенъ. Но редакціонная сторона изданій не была вполнѣ удовлетворительна. Цѣль изданій (если только комитетъ вознамѣрился ихъ дѣлать) могла быть одна: сообщеніе русскому читателю, интересующемуся славянствомъ, во-первыхъ, важнѣйшихъ фактическихъ свѣдѣній о славянской этнографіи и исторіи, во-вторыхъ—безпристрастнаго объясненія современнаго политическаго положенія славянства. Въ «Славянскихъ Сборникахъ», изданныхъ петербургскимъ комитетомъ, эта цѣль достигалась очень мало: были болѣе или менѣе полныя историко-этнографическія данныя о нѣкоторыхъ племенахъ, но никакого цѣльнаго обзора ¹⁾, а вмѣстѣ нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій, которыя, при всемъ ихъ достоинствѣ, вовсе не подходили къ цѣлямъ изданія ²⁾. Если бы комитетъ сталъ на высотѣ вопроса и понялъ, какъ слѣдуетъ, потребность общества, онъ долженъ былъ бы разъяснить читателямъ объемъ славянскаго вопроса, указать основныя черты въ современномъ политическомъ положеніи племенъ и наше желательное къ нему отношеніе; но на эту тѣму давались только общія заявленія братскихъ чувствъ съ повтореніемъ славянофильскихъ тѣмъ и съ нѣкоторыми странностями, совсѣмъ неумѣстными и неприличными, напримѣръ, на этнографической картѣ и объясненіяхъ, изданныхъ комитетомъ, опущеніе въ ряду славянскихъ нарѣчій—малорусскаго, какъ-бы не существующаго (хотя отнѣнены и верхніе и нижніе лужичане, и словаки отдѣльно отъ чехо-мораванъ). Хотъ бы комитетъ подумалъ: какъ покажется такое обращеніе съ этнографіей нашимъ «братямъ».

Не мудрено, поэтому, что несмотря на почти двадцатилѣтнее существованіе славянскихъ комитетовъ—русское общество и самѣя изъ образованныхъ людей, кто явились дѣйствующими лицами въ войнѣ сербо-турецкой и русско-турецкой, оказались вообще чрезвычайно мало приготовлены къ тому, чтобы понять характеръ единоплеменниковъ, за свободу которыхъ они однако или

пуротвовали; но при указанномъ характерѣ комитетовъ, не-славянофиламъ пришлось бы скоро изъ нихъ выйти,—поэтому они и не входили.

¹⁾ Кромѣ двухъ статей г. Будиловича, которыя, однако, не рѣшаютъ вопросовъ, а развѣ только ставятъ ихъ.

²⁾ Нѣкоторые члены комитета, какъ говорятъ, считали нужнымъ издавать, вмѣсто «сборниковъ», популярныя книжки о славянствѣ; онѣ дѣйствительно были бы не лишніи, но ограничиться ими было бы слишкомъ мелко.

на боевыя жертвы, и опредѣлить свое отношеніе къ нимъ¹⁾; Недоразумѣнія, при этомъ происходившія, указываютъ ясно, что взаимнаго пониманія, солидарности еще нѣтъ. Объ этомъ свидѣтельствуесть, впрочемъ, вся дипломатическая судьба славянскихъ дѣлъ въ 1875—78 годахъ.

Въ 1867 г. происходила въ Москвѣ извѣстная этнографическая выставка и съѣздъ славянскихъ гостей. Объ этомъ фактѣ судили очень разно: какъ говорить, у западныхъ славянъ, особенно чеховъ, этотъ съѣздъ былъ употребленъ какъ политическая демонстрація, которая должна была внушить нѣкоторый страхъ австрійскимъ нѣмцамъ. У насъ онъ едва ли могъ имѣть какое-нибудь подобное значеніе. Наше общество не имѣетъ такихъ правъ, чтобы устраивать демонстраціи чужому государству, съ которыми наше правительство находится въ дружественныхъ отношеніяхъ: такая демонстрація была бы немыслима, и еслибъ существовалъ у частнаго общества подобный планъ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы тотчасъ же истребленъ полиціей. Остается принять (какъ въ дѣйствительности и было), что съѣздъ былъ не что иное, какъ платоническое заявленіе пламенныхъ сочувствій къ славянству. Но и въ этомъ смыслѣ дѣло все-таки было ново и не было лишено важности, какъ опытъ нагляднаго обученія славянскому вопросу. Славянскіе оптимисты желали видѣть въ съѣздѣ фактъ великой важности для славянскаго самосознанія; но въ самомъ съѣздѣ обнаружались однако большіе недостатки этого самосознанія; не случайные, но тѣ самыя, которые составляютъ вмѣстѣ одну изъ глубокихъ причинъ политическаго разлада и слабости славянскаго міра. Когда представители западнаго славянства собрались въ Москвѣ и встрѣтились съ тѣми, кто явились представителями русскаго общества, между ними оказался недостатокъ взаимнаго пониманія, весьма характерный. На съѣздѣ отсутствовали поляки. Въ большомъ собраніи, пировавшемъ съ славянскими гостями 21-го мая, въ Сокольникахъ, о нихъ вспомнили (Погодинъ, Ригеръ, вн. Черкасскій) — съ разныхъ точекъ зрѣнія. Ригеръ говорилъ о примиреніи, для котораго уже должна бы прийти пора;

¹⁾ Говорятъ о заслугахъ комитетовъ съ начала герцеговинскаго востанія. Комитеты, конечно, много въ это время работали за сборомъ пожертвованій, за отправленіемъ добровольцевъ. Но принисывать имъ самый интересъ къ славянству, обнаружившійся въ это время, довольно странно: дѣло было таково, что говорило само за себя, и заслуга комитетовъ та, что они потрудились войти въ общественныя отношенія. Но двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, они очень умѣренно трудились надъ объясненіемъ славянскаго вопроса русскому обществу, — и если бы трудились иначе, то пониманіе дѣла обществомъ было бы, вѣроятно, все-таки лучше.

о неполнотѣ «братскаго союза», гдѣ недостаетъ одного изъ главныхъ славянскихъ народовъ. Рѣчь Ригера ¹⁾ была очень умѣренная — какъ и требовалось мѣстомъ и временемъ, — московскіе слушатели не вынесли и этого умѣреннаго тона, и отпѣтъ князя Черкасскаго, суровый, желчный и укоряющій, уже не далъ мѣста продолженію примирительныхъ рѣчей. Описаніе сѣзда не говорить, какое впечатлѣніе оставилъ этотъ эпизодъ на славянскихъ гостей; — галичане были довольны, но большинство, какъ намъ случалось лично слышать, вынесло изъ него тяжелое впечатлѣніе.

Въ рѣчахъ сѣзда, со стороны западнаго славянства, можно было вообще замѣтить — мягко, но ясно выраженную антипатію къ нивелирующей гегемоніи одного племени (т.-е. русскаго) надъ другими, къ нарушенію племенныхъ индивидуальностей.

Нѣсколько выдержекъ изъ другой рѣчи Ригера (сказанной раньше рѣчей о Польшѣ, на обѣдѣ московскаго университета) дадутъ понятіе объ этомъ взглядѣ. Ригеръ говорилъ о судьбахъ славянскаго просвѣщенія, но его слова легко можно было примѣнить и къ отношеніямъ политическимъ.

«Нынѣ предстоить намъ вопросъ, — говорилъ Ригеръ: — какимъ образомъ достигнуть успѣховъ славянскаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи намъ подлежатъ два пути; мы должны набрать или *единоство* или *разнообразие изъ гармоніи*. Для насъ вѣкъ, господа, этотъ вопросъ имѣетъ особенную важность; мы должны его подвергнуть вѣрному обсужденію. Его разрѣшеніемъ рѣшится судьба *цѣлаго славянства*. При этомъ вопросѣ, я припоминаю всегда примѣръ грековъ, которые, при всемъ различіи своихъ нарѣчій, возрастили, однако, прекрасный цвѣтъ просвѣщенія. Эти цвѣты цивилизаціи древне-греческой развились во всемъ ихъ разнообразіи. Они періодически сходились къ играмъ олимпийскимъ, на которыя каждое племя греческое представляло лучшихъ своихъ промаведеніи изъ области науки, искусства и поэзіи. Здѣсь они и приносили другъ другу дань удивленія, и другъ друга возбуждали, и взаимно соотвѣщались. Это, господа, и есть тотъ путь, которымъ должно пойти теперь славянство. Многіе бы, можетъ быть, предпочли слѣтѣ въ *единое цѣлое* и тѣломъ и душой, но тысячелѣтняя исторія не можетъ безслѣдно исчезнуть...

¹⁾ См. книгу: «Всероссійская этнографическая выставка и славянскій сѣздъ въ мѣѣ 1867 года». М. 1867; рѣчь о Польшѣ, стр. 340 и слѣд. Говорили тогда, что Ригеръ обманъ польской эмиграціи въ Парижѣ сказать слово за Польшу; онъ сказалъ это такъ искренно, что польскія газеты осмѣляли его брадью (въ погнѣднѣхъ собираніяхъ Ригера не признали правды и колчанъ), но дальнѣе мы увидимъ, что идея была давнишняя.

«Я держусь того мнѣнія, что разнообразіе частей не исключаетъ единства; единства должно искать въ гармоніи этихъ частей. *Нерасчлененное единство* можетъ привести къ односторонности и безжизненности, равно какъ одно раздробленіе безъ руководящаго духа ведетъ къ слабости и гибели. Если бы вы слили всѣ колокола ваши въ одинъ великій, огромный колоколъ, большій нежели самъ Иванъ Великій, то, конечно, звукъ этого богатыря-колокола былъ бы силенъ, но впечатлѣніе этого звука не было бы тою пріятною гармоніей колокольных звуковъ, которая возвышаетъ васъ Воспріятіемъ Христова! А какова красота въ этомъ гармоническомъ ладѣ московскихъ колоколовъ! Этотъ гармоническій ладъ и есть единство. Два момента замѣчаются какъ въ человѣкѣ, такъ и во всякомъ дѣлѣ его, въ жизни политической, въ наукѣ и въ мірѣ явленій матеріальныхъ. Эти два момента суть сила и красота. Сила достигается главнымъ образомъ единствомъ, красота же гармоніей частей. Соразмѣрность и согласіе въ дѣятельности всѣхъ членовъ извѣстнаго тѣла есть его красота. Липа славянская не выиграла бы въ красотѣ, если бы вы, отобравъ ея вѣтви, оставили ея стволъ. Каждый корень долженъ держаться своей почвы; стволъ липы долженъ быть и единый, и цѣлый; но вѣтви принадлежать его вѣтви. Въ нихъ и жизнь, и цвѣтъ, и красота дерева!

«Человѣка мало образованнаго всего болѣе поражаютъ сила и огромные размѣры. Народы, которые хотятъ дѣйствовать въ исторіи силой военною, стремятся къ единству и къ сосредоточенію. (Ригеръ привелъ въ примѣръ вѣйцевъ, которые стремятся теперь къ военной славѣ, но у которыхъ, сомнительно, сохранится ли прежнее развитіе ихъ науки и искусства)... Человѣкъ мало образованный, утверждаю, легко вдохновляется огромностью массы; человѣкъ, болѣе просвѣщенный, обращаетъ вниманіе на подробности, на части. Онъ хочетъ одушевить массу и приносить дань своего удивленія лишь той красотѣ, которая состоитъ въ соразмѣрности и согласіи. Пирамиды и колессы, египетскія скульптуры суть также произведенія искусства... Однако, это, прежде всего, произведенія силы, возбуждающія удивленіе своею огромностью; но, спрашиваю васъ, что лучше въ глазахъ вашихъ — египетская пирамида или Аполлонъ Бельведерскій? Вотъ тѣ мысли, которыя возникли во мнѣ въ этомъ собраніи ученыхъ славянъ, въ отношеніи къ задачамъ нашихъ цивилизованныхъ стремленій»...

Сказавъ о томъ, что нужно бы устроить постоянные періо-

дическіє съѣзды славянскихъ ученыхъ, историковъ, экономистовъ и пр., онъ продолжалъ:

«Одна мысль должна руководить нами въ каждомъ начинаніи нашемъ, мысль о томъ, что мы призваны сообща работать для одной цѣли, для нравственного возвышенія всего славянства, что мы согласіємъ всѣхъ отдѣльныхъ племенъ славянскихъ должны выработать красоту одного духовнаго кѣлаго, посредствомъ свободнаго, но согласнаго соревнованія»¹⁾.

Очевидно, здѣсь говорили партизанъ славянскаго федеративнаго союза, съ свободою частей, съ полнымъ просторомъ для отдѣльныхъ племенныхъ элементовъ. Рѣчь Ригера въ свое время вызвала возраженія въ нашей печати; въ ней были, пожалуй, неточности выраженія; но она была понята. Надо полагать, что съ ея смысломъ соглашалось большинство представителей западнаго славянства.

Однимъ словомъ, славянскій съѣздъ 1867 года имѣлъ свое большое значеніе какъ второй (послѣ пражскаго съѣзда 1848, гдѣ собралось почти только одно австрійское славянство и гдѣ не было русскихъ, кромѣ Бакунина) опытъ личнаго сближенія славянскихъ дѣятелей; но онъ далъ мало или никакихъ результатовъ для взаимнаго разъясненія вопросовъ славянской политической жизни: эти вопросы не были, да въ нашихъ условіяхъ и не могли быть въ программѣ съѣзда. Въ западномъ славянствѣ былъ, однако, тотъ результатъ, что тамъ больше прежняго стали интересоваться Россіей и русскимъ языкомъ... Это было все-таки приобрѣтеніе.

VII.

Политическое броженіе въ Австріи передъ 1848 г. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ. — Мнѣнія Штурма.

Сороковые года были въ Австріи періодомъ особеннаго національнаго броженія, которое обнаруживалось въ разныхъ краяхъ этого государства, гдѣ смѣшеніе національностей подавало слишкомъ много случаевъ къ раздору и раздраженію. Время все больше и больше расшатывало деспотическо-полицейскую систему Меттерниха, — все больше выростали политическій либерализмъ и національная оппозиція. Выше упомянуто, какимъ образомъ національная идея пробуждалась въ австрійскомъ славянствѣ

¹⁾ См. въ той же книгѣ, стр. 299—303.

подъ вліяніемъ возрожденія литературнаго и политическаго столкновеній. Литературное возрожденіе въ особенности было сильно у чеховъ, гдѣ оно, начавшись съ индифферентной археологіи, перешло въ сознательное историческое изученіе и реставрировало національные идеалы, которые уже вскорѣ дали мысль о возстановленіи стараго историческаго права «чешской вороны». У хорватовъ, политически соединенныхъ съ Венгріей, національное движеніе явилось, главнымъ образомъ, какъ оппозиція притязаніямъ національности мадьярской. Въ томъ же, какъ хорваты, или еще худшемъ отношеніи къ венграмъ были словаки, изъ среды которыхъ явились два могущественные дѣятели восславнаго возрожденія — Колларъ и Шафарикъ.

Славянское возрожденіе вообще шло, главнымъ образомъ, путемъ литературы и отчасти школы; средствами его были національные изученія — исторія, археологія, этнографія, филологія; но предводители движенія понимали, что дѣло можетъ и должно рѣшиться только на политической почвѣ. Изданія теперь біографій и переписки этихъ филологовъ и археологовъ, какъ Юнгманнъ, Шафарикъ, Челяновскій и др., показываютъ, что это было ясно для нихъ почти съ самаго начала. Но средствъ для политической борьбы еще не было; австрійское правительство временъ Меттерниха само чувствовало, что дѣло не совсѣмъ ладно, и — какъ свойственно правительству испорченному или посредственному¹⁾ — думало удержатъ ходъ исторіи полиціей; но это не остановило политическаго броженія, причины котораго лежали въ реальныхъ общественныхъ фактахъ. Въ сороковыхъ годахъ уже развивалась значительная литература политической полемики, памфлетовъ, а у иностранцевъ — толки о панславизмѣ. Было бы слишкомъ долго входить въ подробности этой литературы. Она стала распространяться особенно послѣ польскаго восстанія, которое дало сѣбѣ поводъ говорить о между-славянскихъ отношеніяхъ, русскихъ завоевательныхъ планахъ, о средствахъ противодѣйствовать нашествію «Али». Но тогда же изъ среды польскихъ революціонеровъ, въ особенности развивавшихъ въ эмиграціи эту тему, вышелъ проповѣдникъ совершенно противоположной идеи: это былъ извѣстный въ свое время графъ Гуровскій (умеръ въ 60-хъ годахъ въ Америкѣ). Участникъ польскаго восстанія, онъ, послѣ несчастнаго конца его, разочаровался и отчаялся въ польскомъ дѣлѣ и сталъ самымъ ревностнымъ партизаномъ того, что называли тогда «русскимъ панславизмомъ», — такимъ партизаномъ, каковаго

¹⁾ Ср. Соловьевъ: „Ник. Александръ I“, стр. 197—199.

не бывало тогда и въ самой русской литературѣ и обществѣ (мы остановимся больше на этомъ писателѣ при другомъ случаѣ). У австрійскаго славянства были свои интересы: въ Вѣнѣ, Пештѣ и особенно Лейпцигѣ постоянно выходили брошюры и вѣстники, гдѣ славянскіе патріоты вели защиту своихъ національных интересовъ (брошюры графа Туна, Йордана, писавшихъ безименно археолога Воцеля, Годжи, Штура и т. д.). У хорватовъ отношенія съ венграми еще задолго до 1848 года принимали острый характеръ. Навонецъ, славянскія литературы этой поры возрожденія, какъ ни были стѣснены полицейскимъ надзоромъ, наполнены были идеальными стремленіями къ возвышенію народностей, къ единству и солидарности ихъ нравственныхъ интересовъ. Словомъ, умы уже были значительно возбуждены, когда, наконецъ, нѣсколько неожиданно, революція пришла и въ Австрію. Въ Вѣнѣ совершались революціонныя событія; хорваты были съ венграми на ногахъ и звали на помощь сербовъ; словаки, ближайшіе единоземники чехо-мораванъ, искали средствъ для борьбы противъ венгерскихъ насилій; австрійскіе нѣмцы послали депутатовъ въ обще-германскій революціонный парламентъ во Франкфуртъ и желали объединенія нѣмецко-австрійскихъ земель съ Германіей, считая въ числѣ этихъ земель и Богемію, — чехи встали противъ этого всѣми силами... Австрійское правительство растерялось, и одно время народы были предоставлены самимъ себѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ возникла мысль устроить въ Прагѣ славянскій съѣздъ, гдѣ бы представители славянскихъ племенъ Австріи собрались для обсужденія своихъ дѣлъ, для отвращенія грозившихъ опасностей. Намъ нѣтъ надобности пересказывать исторію этого съѣзда. Довольно сказать, что результаты его совѣщаній (хотя и не оконченныхъ, вслѣдствіе завершенія съѣзда) показали, что австрійское славянство еще не въ силахъ было взять дѣло самостоятельно въ свои руки. Австрія, — которая по убѣжденію Погодина (передававшаго и чаянія самихъ западныхъ славянъ) должна была развалиться при первомъ толчокѣ, — получила этотъ толчокъ, но не развалилась, потому что ее поддерживали сами славяне, — на свою бѣду, какъ показали послѣдствія. «Если бы не было Австріи, ее надо было бы создать» — таковъ былъ послѣдній выводъ, сдѣланный главнѣйшими авторитетами австрійскаго славянства (Палацкій, банъ Янчичъ), — и надо признать, что они въ тогдашнихъ обстоятельствахъ сказали бы правду, если бы могли разсчитывать на политическую честность, — а ея-то именно и не было у людей, на которыхъ надѣялось несчастное

славянство. Оно было поставлено между двухъ огней, революціонными нѣмцами и венграми—которые были и вратами правительства—и рѣшило, что надо применить къ правительству: въ самомъ славянствѣ — какъ ни любили славянскіе патріоты считать миллионы его населеній — не оказалось столько силы и единства, чтобы самостоятельно устроить свои дѣла.

Но не должно думать, чтобы выводъ, къ которому пришли славянскіе патріоты, былъ только принужденъ необходимостью. Они и безъ того не были расположены къ тому павлавизму, о какомъ мечталъ Гуровскій, Погодинъ и потомъ наши славянофилы. Въ постановленіяхъ и манифестахъ пражскаго съѣзда господствуетъ иная формула. Съѣздъ настаивалъ на національной равноправности съ другими племенами, на полномъ правѣ каждой народности развивать свой языкъ и всѣ особенности своего племенного историческаго характера. Непосредственные задачи съѣзда ограничивались славянскими народами Австріи и въ своемъ предпологавшемся адресѣ австрійскому императору, въ своихъ дебатахъ съѣздъ держался плана федеративной имперіи съ національной свободой каждаго племени. Не было никакой рѣчи о союзѣ съ Россіей, о надеждахъ на помощь западно-славянскому дѣлу съ ея стороны,—не было не по дипломатической осторожности, а потому, что чувствовали себя съ тогдашней Россіей чуждыми. Приводимъ общія мнѣнія съѣзда о между-славянскихъ отношеніяхъ, какъ они понимались тогда, тридцать лѣтъ тому назадъ. Мы увидимъ, что позднѣйшія рѣчи Ригера на съѣздѣ московскомъ 1867 повторяли давно выработанную чешскую таму.

«Въ политическомъ отношеніи, — говоритъ документъ пражскаго съѣзда, — мы можемъ только высказать горячее сочувствіе ко всѣмъ нашимъ единоплеменникамъ.

«Если бы наше слово было оцѣнено и въ Австріи ¹⁾, мы бы высказались за примиреніе русско-польскихъ споровъ и за освобожденіе славянъ изъ-подъ турецкаго ига. Между русскими и поляками дѣло идетъ главнымъ образомъ объ уравненіи правъ обѣихъ народностей.

«Если это уравненіе состоится, изъ этого само собой произойдетъ ближайшее соглашеніе между этими обѣими сильными народами. Пусть свѣтъ свободы, который свѣтитъ намъ, австрійскимъ славянамъ, на пути соглашенія, приведетъ также русскія и польскія къ мирной пристани.

¹⁾ Т.е. въ Россіи.

«Когда бы въ особенности русскій народъ въ своемъ отечествѣ скорѣе увидѣлъ свѣтъ свободы.

«Славянамъ въ Турціи скоро пробьетъ часъ освобожденія, потому что благородный народъ сербскій все выше поднимаетъ хоругвь свободы. Войско, ведомое такими героями, какъ сербы, идетъ только по дорогѣ къ побѣдѣ.

«Когда они завоеуютъ себѣ независимость, тогда обниметъ и ихъ союзъ славянскаго федеративнаго государства.

«Надѣмся, что просвѣщенное правительство савсонское не уничтожитъ небольшой, для него безвредный народъ, за то, что онъ еще помнитъ свое славянское происхожденіе.

«Съ той же надеждой ожидаемъ отъ Пруссіи, что она оставитъ систематическое отмѣченіе славянскихъ краевъ въ Силезіи, Лужицахъ, въ западной и восточной Пруссіи.

«А каковы наши желанія о развитіи славянскихъ наукъ и искусствъ?

«На этомъ полѣ до сихъ поръ мы могли дѣйствовать свободнѣе, и ученые всѣхъ славянскихъ племенъ многократно становили на мысли о литературной взаимности. Если мы обозначаемъ наше желаніе въ этомъ отношеніи только вератцѣ, это дѣлается не потому, чтобы мы не отмѣивали достаточно духовную общественную жизнь славянъ, а потому, что простого указанія достаточно для всеобщаго признанія этого дѣла.

«Пусть во всѣхъ славянскихъ земляхъ обученіе всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ во всѣхъ высшихъ школахъ станетъ въ числѣ главныхъ предметовъ преподаванія.

«Пусть славянскіе ученые, по примѣру итальянскихъ и нѣмецкихъ, ежегодно собираются для совѣщаній и взаимнаго общенія мыслей.

«Пусть учрежденія для наукъ и искусствъ въ славянскихъ земляхъ ставятъ себѣ цѣлью прежде всего облагороженіе славянскихъ задачъ; и на этомъ пути допускаютъ свободную конкуренцію всѣхъ славянъ, безъ различія исповѣданій. По крайней мѣрѣ мы сами не должны бы были стѣснять себя на этомъ поприщѣ»...

Въ то время такъ много говорилось о панславизмѣ, что сѣбѣ нашелъ нужнымъ упомянуть о немъ.

«Врагамъ нашей народности, — говорилъ манифестъ славянскаго сѣзда къ народамъ Европы, — удалось настрашать Европу пугаломъ политическаго панславизма, который будто бы грозитъ гибелью всему, что гдѣ приобрѣтено для свободы, просвѣщенія и челоувѣчности. Но мы знаемъ то волшебное слово, котораго одного довольно чтобы заклять это пугало, и для пользы сво-

боды, просвѣщенія и челоуѣчности мы не хотимъ скрывать этого слова передъ народами, которыхъ притомъ беспокоить и угроженія собственной совѣсти: это слово есть *справедливость*, справедливость и къ славянскому народу вообще и къ угнетеннымъ его отраслямъ въ особенности. Нѣмецъ хвалится, что онъ больше другихъ народовъ способенъ и склоненъ уважать и цѣнить всѣ особенные инонародные характеры; желаемъ, чтобы, говоря о славяннѣхъ, онъ не могъ быть уличенъ во лжи. Мы энергически возвышаемъ свои голоса за несчастныхъ братьевъ нашихъ поляковъ, которые обманомъ и насиліемъ лишены своей самостоятельности; вызывая правительства исправить, наконецъ, этотъ старый грѣхъ, это проклятіе, наслѣдственно тяготящее на политикѣ ихъ кабинетовъ, мы опираемся въ этомъ на сочувствіе всей Европы... Они поднимали голосъ за угнетаемыхъ сербовъ, хорватовъ, словавовъ, русиновъ, славянъ балканскихъ и т. д.

Пражскій съѣздъ такимъ образомъ, кромѣ ближайшихъ желаній австрійскаго славянства объ устройствѣ его дѣлъ, высказывалъ общія мысли о цѣломъ славянствѣ,—и въ этомъ послѣднемъ основными идеями съѣзда была общественно-политическая равноправность и свобода, религіозная терпимость и историческое право,—и все это съ знаменательными умолчаніями о Россіи, для которой пожелали только «свѣта свободы» и справедливости къ Польшѣ. Это были политическіе идеалы, очень несхожіе съ московскимъ славнофильствомъ, которое строило широкіе планы, но неясно говорило о свободѣ, умалчивало о равноправности, вмѣсто религіозной терпимости ставило исключительность, и которое, кажется, десетѣ не выяснило себѣ, какимъ образомъ желаемая свобода славянскихъ народовъ можетъ быть примирена съ главенствомъ Москвы, которое понимается имъ съ такой исключительностью. Аргументы пражскаго съѣзда, конечно, замѣшествовались прежде всего изъ соображеній *pro domo sua*,—ихъ и утѣряли послѣ за узкую взгляда, но это были, но крайней мѣрѣ, аргументы изъ дѣйствительной жизни, а не заоблачныя фантазіи. Ошибка была въ преувеличеніи силы духа времени: подъ впечатлѣніемъ событій, потрясавшихъ тогда всю среднюю Европу, съѣзду казалось, что прежняя форма государственности уже невозможна; другой ошибкой были довѣрчивыя надежды на Австрію; но справедливо переданы были стремленія племенъ къ обезпеченію своихъ національностей и тѣ требованія политической свободы, соблюденіе которыхъ было бы необходимо для возможности славянскаго союза.

Эти мысли, которымъ поучало фактическое положеніе австрійскихъ славянъ, созрѣвали у нихъ давно, и надо полагать, что

отсюда, изъ бесѣдъ съ славянскими патріотами, Погодинъ заимствовалъ свои разсужденія о Польшѣ, очень замѣчательныя для того времени. Но, повидимому, совсѣмъ независимо, изъ одного общаго смысла національнаго возрожденія, вышли представленія г. Костомарова и его друзей во времена «Кирилла-Месодіевскаго братства».

Изъ западно-славянскихъ публицистовъ едва ли не одинъ Штуръ имѣлъ о славянскомъ вопросѣ понятія, очень близкія къ понятіямъ нашихъ славянофиловъ; онъ даже полѣе и яснѣе, чѣмъ они, высказалъ свои планы славянскаго объединенія. Людовитъ Штуръ, родомъ словакъ, какъ Колларъ и Шафарикъ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей славянскаго возрожденія. Сочиненіе его, о которомъ мы говоримъ, подъ названіемъ «Славянство и міръ будущаго», написанное по-нѣмецки въ первыхъ 1850-хъ годахъ, уже долго послѣ его смерти (онъ умеръ въ 1856) издано было въ русскомъ переводѣ г. Ламанскимъ въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей, 1867. Въ сочиненіи вполне выразился характеръ этого пламеннаго славянскаго патріота; русскій издатель и переводчикъ справедливо замѣчаетъ, что «даже читатель, и несогласный съ направлениемъ Штура, признастъ въ сочинителѣ рѣдкія дарованія, высокій умъ, честное, ненавидящее неправду сердце, горячую любовь къ свободѣ, славянству и человечеству; — каждый мыслящій человѣкъ прочтетъ это блестящее произведеніе новѣйшаго панславизма съ самымъ живымъ любопытствомъ». Книга Штура есть цѣлый историческій и политическій трактатъ о прошедшихъ судьбахъ славянства, его настоящемъ положеніи и о томъ пути, какой ему слѣдуетъ принять для своего возстановленія. Онъ начинается сѣтованіями о жалкомъ настоящемъ славянскаго міра, и ищетъ въ прошедшемъ причинъ его упадка, проводитъ историческія параллели съ міромъ западнымъ, и указываетъ спасеніе въ союзѣ съ Россіей. Причинъ упадка главныхъ двѣ. Славяне были народъ патріархальный и не позаботились о развитіи сильнаго государства въ то время, когда нужно было объ этомъ подумать, когда имъ грозили сильные и воинственные сосѣди. Другая причина — католицизмъ, который привязалъ ихъ къ чужому центру и религіозному, и политическому. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ одно русское сумѣло создать могущественное государство, и къ нему-то должно примкнуть славянскій міръ, чтобы обезпечить себѣ новую жизнь. Міръ западно-европейскій, по мнѣнію Штура, не имѣлъ зародышей для будущаго развитія въ божіе свѣтѣ направ-

леніи; онъ представлялъ только старыя формы и новѣйшія извращенія, какъ социализмъ и коммунизмъ, какъ религіозный разбродъ сестъ, какъ нападенія на христіанство, какъ фальшивыя конституціи и т. д. Напротивъ, элементы здороваго развитія Штуръ видитъ въ русскомъ народѣ и государствѣ, и для славянства это — единственное прибіжище и спасеніе. Штуръ въ самыхъ восторженныхъ словахъ говорить о Россіи, глубоко убѣжденъ въ великомъ будущемъ русскаго народа. Славянство должно довернуться Россіи: оно найдетъ политическую опору во внѣшнемъ ея могуществѣ и обновится связями съ русскимъ народомъ; оно должно возвратиться къ старой обще-славянской церкви; оно должно принять русскій литературный языкъ, потому что мелкія литературы отдѣльныхъ племенъ не могутъ имѣть данныхъ для широкаго развитія.

Сходство съ славянофильствомъ очевидное, но, по всей вѣроятности, Штуръ самостоятельно развивать свои мысли: весь трактатъ отличается большой цѣльностью; энтузіазмъ автора къ Россіи такъ великъ и искрененъ и съ нимъ такъ связана вся его теорія, что совпаденіе становится тѣмъ замѣчательнѣе. Понятно, что при этой точкѣ зрѣнія Штуръ не могъ сойтись съ чешскими политиками, и дѣйствительно онъ — настоящій панславистъ, тогда какъ чешскіе и вообще западно-славянскіе политики держались панславизма съ большими оговорками, даже совсѣмъ отъ него отрекались; и притомъ онъ — панславистъ съ русской точки зрѣнія.

Только наши славянофилы такъ прямо и категорически становились противъ Европы, какъ это дѣлаетъ Штуръ. Кромѣ теоретическихъ заключеній объ ея настоящемъ состояніи, онъ имѣлъ и историческія основанія относиться къ ней не очень дружелюбно: Европа всегда была враждебна славянству, смотрѣла на него какъ на служебное племя, и союзъ съ нею для славянства невозможенъ. Самая вражда происходила отъ того, что славяне вообще повсюду всѣхъ приступали къ европейской цивилизаціи и потому оказывались въ зависимомъ положеніи, какъ чужіе и низшіе, — и вмѣстѣ отъ того, что самыя принципы жизни славянской и европейской были различны.

Что же нужно для возрожденія славянства?

«Для возрожденія нашего, — отвѣчаетъ Штуръ на этотъ вопросъ, — для занятія нами мѣста во всемірной исторіи, согласно съ нашими силами и дарованіями, мы должны разъ навсегда освободиться отъ невыносимаго чужого ига и приобрести себѣ государственную самостоятельность: ибо у народа, состоящаго въ рабствѣ, связаны руки; духъ его подавленъ, и онъ всегда под-

вергается опасности рано или поздно погибнуть. Сверхъ того, каждый народъ, съ утратою своей политической самостоятельности, теряетъ почетъ, и тотъ, кто всегда служитъ другимъ, безпомощенъ и безсиленъ страхнуть съ себя что, нисколько не уважается другими народоправными личностями. Только самостоятельные народы, какъ и независимые люди, могутъ рассчитывать на общественное признание и уваженіе; а такъ какъ самостоятельность прежде всего нужна большинству славянскихъ племенъ, то для насъ она—вопросъ національный, дѣло первой, рѣшительной важности. Нечего намъ говорить, какого о насъ мнѣнія были другіе народы, видя насъ во всѣхъ краяхъ въ служебномъ отношеніи къ иностранцамъ: нѣмцамъ, мадьярамъ, туркамъ и итальянцамъ, не замѣчая въ насъ никакого стремленія покончить съ такимъ положеніемъ. Иначе должно стать и станетъ въ ближайшемъ будущемъ. Но какимъ образомъ завоевать намъ себѣ самостоятельность и какъ потомъ намъ сложится? По современному положенію нашему, для достиженія этого есть *тройкая* возможность, и господствующія объ этомъ мнѣнія у славянъ слѣдуютъ тремъ различнымъ направленіямъ, въ пользу: 1) образованія соединенныхъ федеративныхъ государствъ; 2) образованія изъ Австрій средоточія для всѣхъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ, такъ чтобы славянскій элементъ, какъ самый сильный въ ней, поднятый до высшаго государственнаго значенія, существенно измѣнилъ это государство, или, наконецъ, 3) присоединенія въ Россію.

Первое онѣ считалъ совсѣмъ невозможнымъ. Прежде всего, говоря о федеративныхъ государствахъ, — возможныхъ только въ видѣ республикъ, — надо оставить въ сторонѣ Россію и тѣ племена, которыя къ ней принадлежатъ или отъ нея зависятъ. О республикѣ въ самой Россіи, конечно, безумно думать—останутся слѣдовательно только австрійско-славянскія земли. Но онѣ еще должны завоевать свое положеніе, а это не легко. Всѣ онѣ внутри раздѣлены равноплеменностью населеній, города заняты инородцами, особливо нѣмцами; населенія дѣлятся различіемъ исповѣднымъ, наконецъ, степенью политическаго развитія. Къ ихъ общему и успѣшному дѣйствію предстоятъ непреодолимые препятствія — по разнообразію самихъ племенъ, по ихъ географическому положенію, внѣшнымъ отношеніямъ.

Говоря объ этомъ разнообразіи славянства, Штуръ дѣлаетъ, наперекоръ обыкновеннымъ мнѣніямъ, любопытное замѣчаніе, что это разнообразіе, завѣщанное прошлымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже необходимо поддерживать въ серьезномъ обще-славянскомъ интересѣ. «Нѣкоторые ученые, — говоритъ онъ, — пытались всѣ

славянскія нарѣчія (для сокращенія ихъ дробленія на слишкомъ мелкія и потому бессмысленныя единицы), за исключеніемъ русскаго, привести къ тремъ, но это средство не уменьшаетъ вѣдъ даже временно, пренебрегаетъ развитіемъ отдѣльныхъ племенъ и прокладываетъ путь новому, еще большому со временемъ, несчастію, такъ какъ современное положеніе этихъ племенъ можетъ быть только дѣленіемъ переходящимъ, а между тѣмъ, разъ соединившись въ большія громады, племена тѣмъ потѣмъ упорнѣе держались бы своей розни (партикуляризма), и только бы еще упорнѣе противились сліянію въ одно цѣлое. Ясный примѣръ тому поляки, послѣ русскихъ самое сильное славянское племя, имѣющее самую богатую, за исключеніемъ русской, литературу и исторію,—они поэтому наиболѣе и противятся великому славянскому единству и тяготеютъ къ западу. Священниѣный долгъ каждаго славяннина состоитъ въ томъ, чтобы всегда имѣть въ виду не частное, а общее, и вставать противъ частнаго, когда оно старается распространиться на счетъ цѣлаго, ибо лишь съ цѣлымъ оживится нѣкогда все частное и достигнетъ болѣе счастливаго, уже надна и горячо желаннаго, будущаго. Естественно, что между 8 славянскими племенами и 8 словесностями не можетъ быть востановлено тѣсное согласіе, и, такимъ образомъ, нисколько не удивительно, что, несмотря на всѣ похвальные усилія, «славянская взаимность» не особенно успѣваетъ, и при этомъ порядѣ вещей никогда не утвердится такъ, какъ бы было желательно. Она тѣмъ менѣе успѣваетъ, чѣмъ болѣе историческіе примѣры и современное развитіе будутъ подстрекать отдѣльныя племена къ жизни обособленной и къ совершенному со временемъ отдѣленію отъ цѣлаго; ибо другія, болѣе по-славянски настроенныя или слабѣйшія племена будутъ постоянно и съ полнымъ правомъ противодействовать подобнымъ стремленіямъ. Такого рода противодействіемъ представляется намъ сопротивленіе сербовъ хорватамъ или собственно, такъ называемымъ, илирамъ, малоруссовъ полякамъ и словаковъ, въ языкѣ и литературѣ, чехамъ. По полученнымъ изъ жизни опытамъ, рѣшаюсь осуждать первое отщепенническое (сепаратистическое) стремленіе ¹⁾ и напротивъ того хвалить это сопротивленіе».

Самъ Штуръ дѣйствовалъ именно въ этомъ смыслѣ въ словацкой литературѣ. Словацкое нарѣчіе очень близко къ чешскому,

¹⁾ Т.-е. стремленіе образовать три или четыре крупныя, но уже совсѣмъ отдѣльныя славянскія массы,—при чемъ мелкія доли народностей были бы ими поглощены, а объединеніе обще-славянское (съ русскимъ языкомъ въ литературѣ) еще болѣе затруднено, или даже стало бы невозможнымъ. Стр. 140—141.

гораздо ближе, чѣмъ, напр., малорусское къ русскому, и однако, въ эпоху славянскаго возрожденія, у словянъ также возникло стремленіе устроить себѣ особую литературу на своемъ мѣстномъ нарѣчій. Чехи возстали противъ этого, издали цѣлую хрестоматію голосовъ въ пользу чехо-словацкаго литературнаго единства, но словаки не убѣждались, и Штуръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ противниковъ этого единства и защитниковъ особой словацкой литературы. Мотивы своихъ дѣйствій онъ и означаетъ въ приведенномъ разсужденіи.

И въ другомъ пунктѣ своихъ разсужденій Штуръ опять расходится съ большинствомъ западно-славянскихъ мнѣній. Дѣятели западнаго славянства, же говоря о полякахъ, особенно чешскіе, всегда были склонны преувеличивать свои національныя силы. Часто овладѣвать ими страхъ за свое существованіе; они видѣли необходимость чужой помощи, искали ея,—но въ то же время не хотѣли сознаться въ томъ, до какой степени чужая опора имъ необходима. Штуръ говоритъ совершенно открыто объ этой безпомощности западнаго славянства, которая и является однимъ изъ основныхъ аргументовъ въ пользу того, что славянству неизбѣжно надо применить въ Россіи.

«Но если вы хотите сокрушить наше рабство,—говоритъ онъ славянамъ,—и образовать государство, то гдѣ же на то твердая, непреклонная воля, гдѣ творческая сила, гдѣ среда дѣйствія, гдѣ всякаго рода капиталы, нужныя для основанія и поддержанія государства, гдѣ, наконецъ, ожидать несокрушимаго единства общей воли? Говоримъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, но говоримъ откровенно: *наши силы сломаны чужеземнымъ господствомъ, индоевропейцы нитаются и живутъ нашимъ попомъ и вровью, скупо подаютъ намъ средства на наше самообразованіе, или совершенно насъ отъ него удерживаютъ. Наши племена только обложки одной народности. Ихъ можетъ возродить и соединить въ одно цѣлое только однородная, доброжелательная, мощная сила. Правда, мы можемъ еще уничтожить кое-какую гниль, но *безсилны* возродиться и поддерживать себя *собственными средствами*. Долой такимъ образомъ со всѣми утопіями, и примемся за работу съ вѣрнымъ взглядомъ на наши обстоятельства, на ходъ исторіи. Задача нашихъ племенъ состоитъ не въ основаніи государствъ, а въ безостановочной, непрерывной, *примотопительной работѣ* къ великому подвигу, къ оживленію и подготовкѣ нашихъ народностей къ тому, чтобы, какъ только наступитъ великій славянскій день, онѣ были достаточно вразумлены и одушевлены на подвиги, необходимыя для нашего возжелѣннаго*

спасенія. Поэтому-то, ты, славянинъ и дитя этихъ племенъ, не пропускай ни одного дня безъ работы для своего племени, блюди его права, образуй и поучай его и не будь никогда тѣмъ продажнымъ рабомъ у повелителей твоего племени, который давно томится въ неволѣ и влечетъ, водъ ихъ же пролѣтіями, триумфальную ихъ колесницу!»

Разсуждая о второмъ предположеніи—образованіи изъ Австріи средоточія для южныхъ и западныхъ славянскихъ земель,—Штуръ снова высказываетъ мысли, прямо противоположныя рѣшеніямъ пражскаго съѣзда. Эта теорія кажется ему еще величѣе и несбыточнѣе первой. Она дурна тѣмъ, что собирается строить на шаткомъ и гниломъ основаніи; племена окончательно истощать себя, рѣшая эту невозможную задачу. Австрія есть старая нѣмецкая украинна, предназначенная для онемеченія юго-западнаго славянства, и безъ нѣмѣны самой себя она не перестанетъ быть нѣмецкой: она погибнетъ, если рѣшится это сдѣлать. Она и не сдѣлаетъ этого, потому что съ успѣхомъ и доселѣ обращаетъ славянъ въ нѣмцевъ, спокойно забывая всѣ только-что данныя обѣщанія національной равноправности. «О горе вамъ, славянамъ, горе тебѣ, *славянская Австрія!* Кто же изъ васъ столь безуменъ и ослѣпленъ, что, забывши всю прежнюю австрійскую исторію, послѣ такихъ ужасныхъ разочарованій, еще можетъ вѣрить въ славянскую или равноправную Австрію». Нѣкогда существованіе Австріи имѣло смыслъ. Она должна была собрать разрозненные племена, оторвавшіеся отъ своихъ корней, составить изъ нихъ государство, чтобы противостать турецкимъ нашествіямъ. Теперь Турція уже нигде не бьется; въ племенахъ, составляющихъ Австрію, пробудился духъ національности; они стремятся приобрести самостоятельность, и бѣгутъ изъ нея. Она такъ ослабла, что не въ силахъ была сама усмирить возмущившихся подданныхъ и должна была просить чужой помощи. Штуръ ожидаетъ, что славяне уже не сдѣлаютъ больше той глупости, какую сдѣлали въ 1848—1849 годахъ. «Повидимому, славянскія племена уже болѣе не будутъ помогать Австріи, даже, вѣроятно, станутъ дѣйствовать совершенно въ противоположномъ смыслѣ; ибо, помогая Австріи, они принуждены будутъ работать на свою голову, сами собственноручно ковать цѣпи для своего еще большаго порабощенія, добровольно трудиться въ пользу своего онемеченія и угона въ нѣмецкую изгородь, защищать погибшее дѣло и, въ награду за всѣ эти услуги, навлекать на себя справедливую ненависть всѣхъ народовъ. Въ этомъ также заключается и опасность, и что-то превратительное для славянскихъ племенъ съ оказываемою

ими помощью Австріи». Штуръ думаетъ, что на будущее время и Россія едва ли окажетъ Австріи помощь, какъ въ венгерскую войну, потому что не захочетъ брать на себя великую отвѣтственность передъ своимъ народомъ.

Наконецъ, Штуръ говоритъ о самомъ заявленіи теоріи славянской Австріи на пражскомъ съѣздѣ.

«Мысль образованія изъ Австріи точки опоры для славянскихъ племенъ въ средней Европѣ вышла изъ головъ чешскихъ, есть сочиненіе чешскаго исторіографа Палацкаго, правда, ученаго и положительнаго, но недалёковиднаго и безъ идей. Палацкій, впрочемъ, въ этомъ случаѣ взялъ на буесмырь чешскою, приверженною къ Австріи, аристократію. Такимъ образомъ чехамъ открывались виды на верховенство надъ славянскими племенами Австріи, даже на ея преобразованіе въ ихъ смыслѣ; притомъ ея власть необходимо досталась бы въ ихъ руки. Они съ жаромъ ухватились за эту мысль, потому что они, благодаря своему католицизму, тяготѣли къ Австріи. Они употребили всѣ возможные усилія, чтобы провести эту мысль у другихъ славянъ, и имъ удалось привлечь къ ней и такъ-называемое широкство».

Это и были планы, проводившіеся на пражскомъ съѣздѣ. Штуръ указываетъ затѣмъ, какъ жестоко должны были разочароваться партизаны славянской федеративной Австріи, когда, по усмиреніи революціи и венгерскаго возстанія, на славянъ же, спасавшихъ Австрію, обрушились новыя угнетенія. «Мы убѣждены, что сами поборники славянской Австріи между чехами, Палацкій, Гавличекъ и пр., теперь раскаялись въ своемъ австрийскомъ усердіи и, быть можетъ, уже держатся другого образа мыслей... Съ федераціею Палацкаго Австрія быстро подвергнется совершенному разложенію, и Меттернихъ хорошо знаетъ, что онъ дѣлаетъ, держа въ еловыхъ рукавицахъ всѣ народности Австріи, и давалъ имъ всѣмъ, за исключеніемъ мадьярской, которую не успѣлъ овладѣть, пользоваться небольшою призрачною жизнью. Славянскую Австрію представьте нѣкоторымъ чешскимъ аристократамъ, нѣсколькимъ католическимъ епископамъ и ихъ продажнымъ рабамъ!.. У чеховъ всего меньше причинъ служить австрийцамъ какими-то щитоносцами»...

Но если славянству невозможно ни устроить федеративныхъ государствъ, ни развиваться въ Австріи, ему остается единственный путь — *соединеніе востокъ славянъ съ Россіей*. «Не Россія ли до сихъ поръ служила для западнаго и южнаго славянства единственной помощью и надеждой? — спрашиваетъ онъ. — Признаемся откровенно: развѣ всѣ наши національныя стремленія имѣли бы

какой-нибудь смыслъ, значеніе и будущее безъ Россіи, при немѣрной ненависти къ намъ чужеземцевъ, которымъ мы уже покорились и которые хотѣтъ теперь дѣлаться господствомъ надъ нами? Не будь Россіи... турки, вѣмцы, въ союзѣ съ мадьярами и итальянцами, не кинулись ли бы на насъ и, при своемъ численномъ превосходствѣ и разныхъ другихъ преимуществахъ, не задавили бы насъ и не увеличили бы нашего рабства до медленной нашей смерти? Гдѣ Россія и не выступала положительно за славянство, она все же оказывала и продолжаетъ ему оказывать самыя важныя жизненныя услуги. Если такимъ образомъ наше пробужденіе нашло себѣ въ Россіи точку опоры, если она прежде была и теперь намъ всѣмъ полезна, то понятно, что все дальнейшее наше существованіе, весь нашъ жизненный вопросъ связаны съ нею. Къ чему идти противъ Россіи, къ чему въ близорукости, пристрастіи, безуміи или злобѣ, словомъ и дѣломъ, трудиться противъ Россіи?»..

Какъ пражскій съѣздъ вступался за поляковъ, такъ Штуръ осуждаетъ ихъ — съ той же точки зрѣнія, какъ иногда дѣлалось у насъ: поляки — единственные славяне, которые ненавидятъ Россію; ради этой ненависти они постоянно искали помощи у иностранныхъ государствъ, и эти ихъ постоянно обманывали; своими легкомысленными восстаніями и всегда имъ вредившими союзами съ иноплемениками, поляки потеряли довѣріе и расположеніе своихъ единоплеменниковъ. «Вся ихъ исторія очевидно доказываетъ, что они не въ состояніи держать верховенство надъ славянскими народами». Если бы въ борьбѣ поляковъ съ русскими, первые одержали верхъ, то была бы рѣшена участь всѣхъ славянъ, далеко вдвинувшихся въ Европу, — они погибли бы. Россія своей побѣдой доказала свое славянское предназначеніе.

Въ заключеніе, Штуръ пишетъ восторженный трактатъ о могуществѣ Россіи, о тѣхъ великихъ задаткахъ, какіе она имѣетъ для будущаго, объ ея значеніи какъ единственной славянской державы, въ которой престо изъ чувства самосохраненія должны присоединиться славяне. Это — та тема величія Россіи, которую мы указывали въ запискѣ Погодина 1838 года, но развитая съ гораздо большимъ умомъ и, вѣроятно, большей искренностью. Штуръ не пропускаетъ возраженій, какія дѣлались противъ изображаемаго имъ характера Россіи, и горячо защищаетъ ее; онъ признаетъ, что въ ея настоящемъ положеніи есть недостатки, но онъ надѣется, что время ихъ исправитъ. Какъ только Россія переимѣнитъ свою прежнюю политику, ея власть въ славянскомъ мірѣ обезпечена. Внутреннія условія дѣлаютъ Россію естествен-

нымъ предводителемъ славянства; въ условіяхъ вѣдѣнныхъ, ея со-
сѣди — государства, съ угнетаемыми славянскими подданными,
«гнилая Австрія и турецкій трупъ». «Они распадутся сами со-
бою, и русскіе должны будутъ, въ выгодахъ собственной безопа-
сности, вмѣшаться въ ихъ дѣла».

Штуръ съ сожалѣніемъ говорить объ иностранныхъ союзахъ
Россіи, которые дѣлали ее исполнительницей чужихъ дѣлъ и от-
даляли ее отъ собственныхъ національных задачъ. «Опирайтесь
на все славянство — вотъ единственно природная и сообразная
Россіи политика. Славянскія племена, нынѣ находящіеся въ пре-
дѣлахъ русскаго государства, однажды соединившись съ Россіею
въ одно цѣлое, слишкомъ достаточно замѣнятъ ей иностранные
союзы. И такъ, терпѣше, славяне!»

«Только въ русскомъ государствѣ имѣетъ славянская жизнь
основаніе и опору для своего дальнѣйшаго развитія, только твор-
ческая и охранительная русская сила можетъ возродить обломки
нашей народности, и характеръ русскаго народа составляетъ
единственную могучую силу тяготѣнія для нашихъ племенъ, еще
не совершенно невѣрныхъ своей природѣ... Такому предводителю
славянскія племена могутъ довѣриться безъ опасенія...

«Громадная русская сила напираетъ впередъ, она не можетъ
успокоиться, она постоянно должна искать новыхъ театровъ своей
дѣятельности. Славянское сознаніе сильно пробуждается въ Россіи
и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ее охватываетъ, а оно
не можетъ долго оставлять въ рабствѣ и нуждѣ родственныя
русскимъ племена... Но пора, въ высшей степени пора, Рос-
сіи сознать свое призваніе и приняться за славянскую идею; ибо
долгое *промедленіе* можетъ, по нашему мнѣнію, имѣть дурныя
послѣдствія.

«Но для того, чтобы Россія увеличилась присоединеніемъ къ
ней славянъ, чтобы славянство развѣ навсегда приобрѣло жизнь
и дѣйствительность, она должна такъ *устроиться внутри*, какъ
того требуютъ духъ славянства, истинная современная образован-
ность и ея міровое положеніе».

Это послѣднее, внутреннее устройство, Штуръ считаетъ перво-
степенной необходимостью. Славянство исвони отличалось своимъ
патріархально-демократическимъ складомъ, развитіемъ общинно-
сти, областного самоуправленія, но никогда не умѣло сдѣлать
вѣрнаго шага отъ этого послѣдняго къ государственности, къ
цѣльному единству. Отсюда его дѣленіе, слабость, наконецъ,
чужое иго. Но такая государственность есть въ Россіи: но —
«пусть только придетъ она въ согласіе съ указанными *народо-*

правными, нашему народному духу сообразными учреждениями, чѣмъ вообще будетъ удовлетворена потребность дальнѣйшаго государственнаго развитія и отнять поводъ къ несомнѣемымъ переворотамъ».

«Облеченное такою властью правительство никогда не можетъ стоять внѣ своего народа и колебаться на воздухѣ, но должно, сообразно нашему народному духу и его предназначенію, идти съ народомъ рука объ руку, согласно его правамъ и потребностямъ...» Иначе, рано или поздно явится отчужденіе, и возможны станутъ «неизмѣримыя несчастія». Въ случаяхъ важныхъ и трудныхъ власть отбираетъ мнѣнія отъ областныхъ народоправныхъ учреждений — «или, что еще лучше и болѣе по-славянски, — заключаетъ Штуръ, — оно совмѣщаетъ земскій соборъ» ¹⁾.

Развивая далѣе свои мысли объ этомъ предметѣ, Штуръ продолжаетъ:

«Между правительствомъ, поставленнымъ въ такія отношенія къ народу, и самымъ народомъ да нѣконимъ образомъ не пробивается тайная полиція, — это иностранное порожденіе, отравляющее взаимное довѣріе и питающее только недоовѣріе въ правительствѣ и въ народѣ, искусственно вызывающее разрывъ и развращающее народъ» ²⁾.

Во внѣшней политикѣ слѣдуетъ, по мнѣнію Штура, отказаться отъ политическихъ союзовъ, заключаемыхъ единственно въ видахъ сохраненія падающихъ или безпомощныхъ династій и престоловъ (политика священнаго союза, помощь австрійской династии, охрана Турціи и т. д.). «Черезъ это славянское правительство, почіющее совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ другія иностранныя державы, отождествляется съ несостоятельными, изъ вѣры вышедшими, падающими правительствами, навлекаетъ на себя ненависть народовъ, — безъ всякаго, быть можетъ, основанія ³⁾, — само теряетъ уваженіе у своего народа, ибо пренебрегаетъ своимъ дѣломъ, и лишается довѣрія другихъ славянскихъ племенъ. Дѣйствіе этихъ союзовъ достаточно бы было, по нашему мнѣнію, восполнено для русскаго правительства *союзами съ славянскими племенами, живущими внѣ Россіи*, если она, созвавъ свое высокое всемірно-историческое призваніе, возьметъ

¹⁾ „Славянство и миръ будущаго“, стр. 181.

²⁾ Тамъ же, стр. 182.

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ Штуръ объясняетъ, что это дѣлалось Россіей, чтобъ заложить успѣхи революціи. Онъ самъ не очень сочувствовалъ новѣйшимъ европейскимъ идеаламъ, но внимательство Россіи въ эти дѣла все-таки ему не нравится (Ор. стр. 174).

славянскую идею за свою путеводную звѣзду и обокрется на славянство. Ибо *только тогда* эти племена будутъ готовы примкнуть къ Россіи».

Наконецъ, онъ говорить о необходимости возвращенія древней славянской церкви и принятіи славянствомъ русскаго литературнаго языка. Этимъ объединеніе было бы завершено.

Мы подробно остановились на сочиненіи Штура, потому что оно есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ фактовъ въ литературѣ панславизма, и все-таки очень мало извѣстно даже у насъ, не говоря о западномъ славянствѣ. Въ своемъ родѣ, это — единственное произведеніе, гдѣ западный славянинъ, горячій патріотъ въ своей народности, является вмѣстѣ самымъ ревностнымъ партизаномъ такъ-называемаго «русскаго панславизма» и съ глубокимъ убѣжденіемъ призываетъ своихъ единоплеменниковъ въ русскій союзъ. Въ его взглядѣ на Россію есть идеализація, есть незнаніе частностей, фактическія ошибки; но это не помѣшало ему сдѣлать и существенно вѣрные замѣчанія о русской внѣшней и внутренней политикѣ — и указать, что въ ней должно быть измѣнено, чтобы славянство могло доврѣться русскому союзу. Тѣмъ нашимъ шовинистамъ, которые въ послѣдніе годы считали «расколаживаніемъ» всякое напоминаніе о нашихъ внутреннихъ нуждахъ и недостаткахъ, было бы очень полезно вникнуть въ приведенныя сейчасъ слова Штура объ этихъ предметахъ: они увидѣли бы, что для разумныхъ славянъ, даже съ величайшей привязанностью къ Россіи, эти предметы составляютъ пунктъ величайшей важности, — таковой, что безъ измѣненія въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ самый союзъ съ Россіей, столь крайне необходимый для славянства, казался имъ невозможнымъ. Такимъ образомъ, вся тяжесть славянскаго вопроса лежала въ положеніи нашего вопроса внутренняго. Хотя бы это прямое свидѣтельство научило чему-нибудь нашихъ новѣйшихъ славянолюбцевъ.

Отъ нихъ станется (если напомнить имъ о Штурѣ, — второго, можетъ быть, впрочемъ, они и совсѣмъ не знали), что они найдутъ у Штура одни только панегирики русскому первенству въ славянствѣ, — станется, что его идеалистическая и вмѣстѣ глубокая привязанность къ Россіи можетъ послужить только лишнимъ поводомъ къ національному самохвалству, и что они не поймутъ всего серьезнаго смысла его словъ о внутреннемъ русскомъ бытѣ. — Сочиненіе Штура писано, какъ мы видѣли, въ

началѣ 1850-хъ годовъ, но нечего доказывать, что и въ нынѣшнемъ состояніи нашего быта, несмотря на всѣ утѣшающія насъ реформы, его замѣчанія остаются справедливы и примѣнимы. — Мы думаемъ, напротивъ, что теплыя надежды этого замѣчательнаго западнаго славянина на русскій народъ и государство, тѣмъ болѣе обязываютъ насъ къ правдивому отвѣту, — чтобы своими умолчаніями не вводить въ заблужденіе людей, которые уже слишкомъ много вынесли и выносятъ національнаго бѣдствія, и которые ждутъ отъ насъ освобожденія.

А. Пыпинъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ЗНАЧЕНИИ

СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

О к о н ч а н і е ¹⁾.

V. Дивъ и волванъ тмотораканскій. Дивъ, какъ извѣстно (отъ корня *diw*—свѣтить, лат. *Deus*, литов. *Dewas*, санскр. *Dewa*), первоначально божество свѣтлое, но уже въ первобытныя времена, вслѣдствіе религіозной реформы, у зендскаго племени низведенъ былъ на степень существа злого и демоническаго (*Diw*—злой духъ).

Любопытно, что у семитовъ для выраженія хищнаго полета птицъ употреблялось слово того же корня — *DaJa* (Втор. 28, 49; Іер. 48, 40, 49, 22); равно какъ тѣмъ же словомъ выражалось и движеніе божества: полетѣ на крылу вѣтрению (Псал. 18, 11). Существовало даже названіе того же корня для какой-то неизвѣстной хищной птицы (Втор. 14, 13).

Отсюда видно, что съ аріискимъ понятіемъ „днѣа“, перешедшаго даже къ семитамъ, въ глубокую древность соединялось, между прочимъ, и „представленіе быстрого летанія“

На русской почвѣ Дивъ получилъ значеніе существа враждебнаго и представляется въ образѣ „миоенческой птицы“.

Такъ, напр., описываютъ его въ Олонецкой губерніи:

Дивъ—птица-укальница, сѣрая какъ баранъ, шерсть на ней какъ войлокъ, глаза, какъ у кошки, ноги мохнатя, какъ у звѣря; птица она вѣщая—сѣла на шелома—ожидай бѣду. Сидитъ она на сукомъ

¹⁾ См. выше: октябрь, 767 стр.

дерева и влечь, свисать она по змѣнному; критить она по звѣрному; съ носа искры падаютъ; изъ ушей дымъ валить.

Это народное описаніе „Дива“ вполне подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ „Словѣ о полку Игоря“—Дива, сроднаго съ дивами персидскими“.

Дивъ „Слова“ существо, повидимому, именно „крылатое“, такъ какъ сидѣлъ „вверху древа“. Существо огромнаго размѣра, тяжелое и грузное, что видно изъ выраженія „вержеса на землю“: такъ нельзя говорить о птицѣ „обыкновенной и легковрылой“.

Но главное и отличительное качество, которымъ Дивъ характеризуется въ „Словѣ“, это его богатырскій неустойный „кликъ“, обращенный къ Волгѣ, Поморію и Посулію и Суражу и Корсуню и къ Тмутораканскому болвану.

Половцы для него также земля невѣдома, но онъ подаетъ туда вѣсть, лишь бы только накликалъ бѣду. Нельзя не согласиться съ А. Н. Веселовскимъ, что въ этомъ очертаніи олицетворенъ мнѣнческій образъ „злой судьбины“.

Въ такомъ очертаніи является Дивъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Богатырскій его образъ весьма мало походитъ на „женственныхъ и слабыя натуры дивовъ“ и самодивовъ южныхъ славянъ, которые скорѣе смакиваютъ на наши „вѣдьмы-удѣльницы“.

На русской землѣ не мало преданій о дивахъ и всѣ они безъ сомнѣнія были ближе къ „грознаму и страшному Диву“ „Слова“.

На эти преданія прямо указываютъ многочисленныя имена селеній, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Каковы, напр.: Дивіевъ-усадъ (нижег. губ. лухьян. уѣзда); Дивѣво (тамъ же, арзам. уѣзда); Дивная гора (арсл. губ. угл. уѣзда); Дивногорская пустынь (тамъ же); Дивинецъ (твер. губ. вышн. уѣзда); Дивиха, Дивисы, Дивасы и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что со многими изъ этихъ названій и теперь еще связаны въ сознаніи народа разныя преданія о дивахъ. Собраніе этихъ преданій гораздо лучше уяснило бы для насъ богатырскій образъ „Дива“ нашего „Слова“, чѣмъ южно-славянскіе рассказы о самодивахъ. Намъ остается только выразить желаніе, чтобы мѣстные исследователи обратили вниманіе на эти преданія и записали ихъ въ возможной точности и буквальной пересказѣ.

Теперь спрашивается: кто этотъ Тмутораканскій болванъ, къ которому, между прочимъ, вликомъ своимъ устремлялся „Дивъ“, „сидѣвшій вверху древа“?

Въ одномъ изъ засѣданій московскаго археологическаго общества Д. И. Иловаевскій предложилъ оригинальное объясненіе этого Тмутораканскаго болвана. Онъ нашелъ, что въ польскомъ языкѣ *wołan* значить волну и приближаетъ это значеніе съ словомъ „болванъ“. Подѣ

Тмутораканскимъ болваномъ, но его догадки, разумеется пропавъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ. Обращаясь „кликомъ своимъ“ къ Волгѣ, Визѣ, Поморью и Посулью, Диву естественно было воззвать и къ этому проливу, по берегамъ котораго гнѣздились навоицы. Но какъ бы ни казалось правдоподобнымъ это своеобразное предположеніе, принять его невозможно въ виду того факта, что болванъ въ письменности XII вѣка имѣетъ всегда опредѣленное и точное значеніе истукана, кумира, идола (сѣлѣ, ѣдѣланъ) ¹⁾. Въ виду того, что степь въ нашихъ былинахъ олицетворена въ образѣ „поганого идолица“, ближе допустить, что и Тмутораканъ въ „Словѣ о полку Игоря“ олицетворена въ видѣ подобнаго же идола, которому подаетъ вѣсть злой рокъ въ образѣ Дива о движеніи въ Дону полковъ Игоря. Нѣтъ основанія отвергать, что дѣйствительно стоялъ въ Тмуторакани какой-нибудь истуканъ, представлявшій божество половцевъ.

VI. Дѣва-обида. Обида, какъ мы видѣли, означаетъ оскорбленіе и униженіе и, на дружинномъ языкѣ, „пораженіе и гибель“. Говоря, что „въ силахъ Дажь-божьего внука встала обида“, авторъ „Слова“ живописуетъ предъ нами эту обиду, олицетворяя ее въ „образѣ Дѣвы“ и описывая, какого рода времена пробудила она своимъ явленіемъ.

Сообразно внутреннему понятію обиды, и эта Дѣва является, съ одной стороны, Дѣвой раздора, а съ другой—пораженія и гибели.

Не такъ подробно описываетъ авторъ образъ явленія этой дѣвы, но за то весьма картинно и съ глубокимъ чувствомъ изображаетъ оныя губительныя и тяжкія послѣдствія ея появленія.

О ней самой мы узнаемъ только, что, соотвѣтственно обидѣ, вставшей въ силахъ Дажь-божьего внука, она также вступаетъ на землю Трояню... Самое мѣсто и обстановка ея появленія, такъ сказать, даютъ знать, что эта Дѣва выступаетъ здѣсь въ силу дружинныхъ преданій и сама принадлежитъ къ числу дѣвъ, являющихся на поляхъ брани.

Далѣе, это—„Дѣва съ лебедиными крыльями“. Мало того, что авторъ обиду облачаетъ въ ливъ дѣвы,—образъ, повидимому, не соотвѣтствуетъ своей идее,—но онъ еще украшаетъ эту Дѣву лебедиными крыльями. Красная дѣвица, лебедь бѣлая, является олицетвореніемъ нравственнаго приниженія и пагубы. Чтобы понять художественное значеніе этого образа, нужно только взглянуть на него съ точки зрѣнія эпической поэзіи, а никакъ не современнаго художества. Злая сила, олицетворяемая эпосомъ, часто, какъ-бы для обмана людей, носитъ обольстительный ливъ, и чѣмъ губительнѣе ихъ дѣйствія, тѣмъ скорѣе принимаютъ на себя обаятельные виды. Поэтому-то

¹⁾ См. рус. свѣд. № 114, пергам. конца XII в. или начала XIII в.

даже такая страшная и омерзительная сила, какъ смерть, въ народной поэзіи не рѣдко олицетворяется также въ „образѣ красной дѣвушки“.

Послѣдній призваніе этой Дѣвы-обида тотъ, что она своими лебедиными крыльями плещется „на синемъ морѣ у Дома“. Даже дошедшій возволнованіе воды на рѣкѣ или озерѣ, безъ видимой причины, считается въ народѣ дурнымъ предзнаменованіемъ и приписывается „хлобыстанію какой-то зловѣщей рыбы“ или даже просто нечистой силы. Вотъ все, что сказано въ „Словѣ“ о самой Дѣвѣ-обидѣ. Но за то—какими трогательными чертами описаны здѣсь пагубныя послѣдствія явленія этой Дѣвы. Убудила она жирны времена, т. е. настали для ней раздольные годы или, говоря нашимъ языкомъ, и на ея улицѣ сталъ разгульный веселый праздникъ. Братъ сталъ говорить брату: се мое, а то мое же... князья стали крамолу ковать, а неганы со всѣхъ сторонъ рысать на землю русскую... Застоналъ отъ тучи Кіевъ, а Черниговъ отъ напасти: потекла скорбь по землѣ русской и т. п.

Всѣ княжескіе раздоры, гибель дружины и всей русской земли являются въ „Словѣ“, какъ живое и осязательное свидѣтельство того, какія жирныя времена пробудила эта Дѣва-обида своимъ плесканіемъ на синемъ морѣ.

Имѣя все это въ виду, не трудно, кажется, понять, что „Дѣва“ „Слова о полку Игоревѣ“ не имѣетъ ничего общаго съ „болгарскими дивами и самодивами“¹⁾, которыя, бывъ одержимы страстію къ земнымъ вѣсакамъ, враждуютъ съ ними изъ-за земныхъ красавицъ: онѣ больше смахиваютъ на нашихъ вѣдьмъ, живущихъ, подобно имъ, на деревьяхъ, и на нашихъ русалокъ, живущихъ въ водахъ, чѣмъ на Дѣву-обиду нашего „Слова“. Эта Дѣва побѣдоносна, пагубныя дѣйствія ея неотразимы; болгарскія же дивы и самодивы—не болѣе, какъ классическія легіи (λέγις), слабыя, таинственнымъ созданія, побуждаемыя страстію и похотію.

Точно также и образъ Діаны²⁾ и образъ „дѣвы суда Любуши“³⁾ никакъ не подходятъ подъ картину нашей „Дѣвы-обида“. Если и не вполне справедливо, то, по крайней мѣрѣ, умістнѣе и ближе къ дѣлу сравненіе Максимовича нашей „Дѣвы-обида“ съ литовской Дѣвой-чумой,—которая огненнымъ платомъ навѣваетъ смерть и сразу на землю.

Есть и еще оригинальное мнѣніе объ этой Дѣвѣ-обидѣ: князь

¹⁾ Взглядъ на „Слово о полку Игор.“ Всев. Миллера, стр. 93—98.

²⁾ Мнѣніе Шанюкова.

³⁾ По мнѣнію Дубянского.

П. П. Вяземскій разумѣетъ подъ нею прекрасную Елену, изъ-за которой греки были подѣ Троей; онъ утверждаетъ, что Елена также называлась лебедо-крылатой (190 ст.), что она также олицетворяла распри, насилія, обиду (192), что поклоненіе ей на Черномъ и Азовскомъ моряхъ не подлежитъ сомнѣнію (стр. 14, 99, 201—203).

Но такъ какъ всѣ эти мнѣнія въ изслѣдованіи почтеннаго автора связаны съ исторіею классическаго міеа вообще, то подробное разсмотрѣніе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Здѣсь мы замѣтимъ только, что если бы авторъ „Слова“, изображая Дѣву-обиду, нахотился дѣйствительно подѣ воздействиемъ именно образа Елены и вообще классическаго міеа, то Гомеровы черты этой Елены, по нашему мнѣнію, сказались бы ярче, характернѣе — и образъ былъ бы полнѣе, осязательнѣе и, если можно, такъ-сказать индивидуальнѣе.

Наша Дѣва-обида, какъ мѣтко указалъ А. Н. Веселовскій, по своему характеру и не довольно опредѣленному облику, переходитъ на образъ „Судьбы“, какъ именуется она въ „Причитаніяхъ Сѣвернаго края“:

Судинушка по берегу ходила,
Странно ужасно голосомъ водила;
Во длани Судинушка плескала
И до суженныхъ головъ да добиралась.

Но почему Дѣва-обида является въ „Словѣ“ „крылатою“?

Г-нъ Веселовскій объясняетъ это творчествомъ автора „Слова“, говоря, что представленіе Дѣвы лебедью, по общему закону развитія міеа, естественно вызвало его воображеніе и къ украшенію ея „крыльями“. Однако знаменательно, что въ народной поэзіи красная дѣвушка всего чаще рисуется въ образѣ бѣлой лебедушки, но нѣтъ примѣра, чтобы сама Дѣва, оставаясь таковою, изображалась съ лебедиными крыльями.

Едва ли не вѣрнѣе думать, что образъ крылатой Дѣвы, вступившей на землю Трояню, взятъ изъ круга міеологическихъ преданій дружиннаго цикла. Въ одномъ старо-русскомъ поученіи, въ рукописи XVI вѣка, мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: „Дѣца есть „крылѣ имущи“ златѣ, бѣло имущи лице, „крылата есть“ и легка. Оу прѣтола стоиши цѣрьска внигда соумсѣ внигапѣ прѣзстоитѣ и вѣлѣсѣ“. Не можемъ также опустить здѣсь изъ виду русскихъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ Дѣвы; таковы, напримѣръ: „Дѣвичьи-горы“ (нижегородской губерніи, лукояновскаго уѣзда), „Дѣвичье городище“ (курской губерніи, путивльскаго уѣзда) и мн. др.

Извѣстно, что въ спискѣ книгъ Константина-Порфиророднаго, который долженъ имѣть императоръ въ своей бібліотекѣ, значится, между прочимъ, „Встрѣчникъ“, т.-е. указатель разныхъ воинскихъ

новѣрѣй и принѣтъ относительно удачѣ и неудачѣ похода. Имя въ виду строй и характеръ кievской дружины Руса и связь ея съ Византiей, не странно допустить, что и среди ея могъ обращаться подобнаго же рода „указатель удачѣ и неудачѣ походовъ“. Изъ круга этихъ-то дружинныхъ преданiй, хотя бы даже классическаго характера, и могла явиться въ „Словѣ“ „Дѣва-обида съ лебедиными крыльями“. Подобно тому, какъ въ классической поэзи выступаетъ богиня *Ἔρως* — богиня вражды и распри, которую Зевсъ посылалъ для возбужденiя усобицы между людьми, наша „Дѣва-обида“ тамъ, гдѣ рѣшается рѣшѣть крамольнаго похода Игоря, также является какъ разжигательница княжескихъ страстей и усобицъ.

VII. Троянѣ. Одно изъ самыхъ неопредѣленныхъ именеческихъ именъ „Слова“ — это, безъ сомнѣнiя, есть имя Трояна. Имя это, какъ извѣстно, встрѣчается въ „Словѣ“ четыре раза; здѣсь упоминаются „дѣва Троянова“ и „седьмой вѣкъ Трояновъ“, „трона Троянова“ и „земля Троянова“.

Имя Трояна — есть имя обычное у южныхъ славянъ. У сербовъ и болгаръ донынѣ сохранились преданiя о какомъ-то именеческомъ существѣ Троянѣ или Тромѣ, связанномъ съ мѣстными урочищами, извѣстными подъ именемъ „Трояновыхъ“. По сербскимъ преданiямъ, Троянъ боится солнечнаго свѣта и выходитъ изъ дома только по ночамъ — и, наконецъ, погибаетъ, растенившись отъ солнечнаго жара: иногда онъ представляется съ козлиными ушами, иногда съ тремя головами и восковыми крыльями, которыя тоже отъ солнца разставиваютъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ воспѣвается языческiй городъ Троянъ или Тромъ, жители котораго поклонялись золоту и серебру.

Едва ли не такое господство Трояна у южныхъ славянъ и было главнымъ поводомъ къ построенiю разсмотрѣнной нами гипотезы о византiйско-болгарскомъ прототипѣ „Слова“. Но въ данномъ случаѣ не мѣшало бы имѣть въ виду и то, какъ широко употреблялось имя Трояна и на русской землѣ.

Извѣстны „Трояновы валы“ въ южной Россiи. Киевскiе Трояновы валы берутъ начало ниже Кieва, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ рѣка Росъ вливается въ него свои воды, и въ разныхъ направленiяхъ идутъ на сѣверо-западъ чрезъ уѣзды: богуславскiй и васильковскiй, свирскiй и кievскiй; изъ него входятъ въ радомыслскiй, упираясь тутъ въ рѣку Збужъ, по другимъ — въ Припѣть, впадающую въ Днѣпръ. Такимъ образомъ, Трояновы валы опоясываютъ Кieвъ. Не мало извѣстно на Руси и въ другихъ мѣстахъ географическiхъ названiй, связанныхъ съ именемъ Трояна. Есть, напримѣръ, Троянъ въ таврической губернiи и Троянъ же въ бессарабской области. Есть Трояны, Троянка, Трояново въ херсонской губернiи. Есть Троя

и Трояновка въ полтавской губерніи. Есть Трояновка въ волынской губерніи. Есть Трояново въ орловской губерніи — и есть, наконецъ, Троянкова въ калужской губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что со всѣми подобными географическими названіями связаны въ народѣ какія-нибудь мѣстныя преданія. Въ ожиданіи о томъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ исследователей, мы, съ своей стороны, можемъ лишь только замѣтить, что не даромъ же, конечно, и одинъ изъ кіевскихъ Трояновыхъ валовъ называется „Зминымъ“.

Всѣ эти данныя должны сдержать порывы увлеченія болгарскими и сербскими именами Трояна и должны остановить вниманіе исследователя прежде всего на значеніи этого имени на русской землѣ.

Между собственными именами въ древнѣйшую эпоху дружинной кіевской Руси встрѣчаются также имена—если не тождественныя, то весьма подобныя имени Трояна. Такъ, въ договорѣ Олега съ греками мы находимъ имена: „Труанъ“, „Труане“, „Тріянь“ и т. п. Какъ собственное имя, Троянь даже попадаетъ и между служилыми людьми московской Руси. Эта извѣстность имени Трояна на Руси достаточно показывается, въ какой мѣрѣ научно предположеніе, будто это имя принадлежитъ только южнымъ славянамъ и будто авторомъ „Слова“ взято оно напрокатъ изъ болгарскихъ книжекъ.

Различны мнѣнія исследователей объ этомъ Трагійѣ. Одни разумѣютъ подъ нимъ римскаго императора Траяна (Карамзинъ, Максимовичъ и другіе), но такія выраженія, какъ „вѣка“ Трояна, „седьмой вѣкъ“ Трояна никакъ не могутъ быть объяснены лицомъ историческаго Траяна, какъ бы ни славна была его дѣятельность и какъ бы ни было грандіозно значеніе его въ славянской исторіи. Не бывало народа, который вѣкъ бы свое лѣтосчисленіе отъ враждебнаго себѣ лица, отъ завоевателя и угнетателя.

Другіе (кн. П. П. Вяземскій) узнаютъ здѣсь въ имени Трояна преданія о тѣхъ троянахъ, противъ которыхъ греки сражались подъ Троей. Сближенія кн. Вяземскаго сами-по-себѣ любопытны и много помогаютъ къ разъясненію смысла и всемірной распространенности древне-классическаго мифа; но выраженія „Слова“, о „вѣкахъ“, „землѣ“ и „тропѣ Трояновыхъ“ такъ кратки и неопредѣленны, что едва ли могли явиться здѣсь и быть вызваны въ сознаніи его непосредственно преданіями Гомерова эпоса. Если бы дѣйствительно была такая генетическая связь выраженій „Слова“ съ этими преданіями, то она непременно, по нашему мнѣнію, отразилась бы здѣсь не въ такихъ туманныхъ намекахъ на Гомеровъ эпосъ, но въ болѣе полныхъ и грандіозныхъ, а главное—въ болѣе осязательныхъ и ясныхъ его слѣдахъ.

Не отрицая въ разбираемыхъ выраженіяхъ „Слова“ указанія на такъ-называемыя троянскія событія въ обширномъ смыслѣ, А. Н. Веселовскій предлагаетъ новое и болѣе, такъ-сказать, мѣстное ихъ объясненіе. Онъ останавливается свое вниманіе на томъ фактѣ, что Фредегаръ и неизвѣстный авторъ сочиненія: „Gesta Francorum“, приурочившіе, какъ извѣстно, къ франкамъ культурныя преданія Рима, восходившія къ Энею и Троѣ, находятъ еще троянцевъ-турковъ: первый — на берегахъ Дуная, а другой, анонимный авторъ заставляетъ пребывать ихъ нѣкоторое время у устьевъ Дона. Авторъ „Слова“, по мнѣнію г-на Веселовскаго, знавшій объ азовскихъ готахъ, зналъ и объ азовскихъ туркахъ, остаткахъ разбросанной здѣсь нѣкогда значительной хозаро-болгарской дунайской орды. „Надо предположить, — говоритъ онъ, — что автору „Слова“ была извѣстна какая-нибудь историческая сказка, въ родѣ той, какую приурочили къ франкамъ Фредегаръ и „Gesta Francorum“, и тогда понятно будетъ, почему земля турковъ на Донѣ явилась у него землею Троянскою и откуда взялось у него общее мѣсто о вѣкахъ Трояновыхъ“.

Какъ ни правдоподобно это предположеніе г-на Веселовскаго, мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что выраженія въ „Словѣ“ — „Троянѣ“, во-первыхъ, не представляютъ только одно общее мѣсто, но художественнымъ образомъ Трояна выражается извѣстное и опредѣленное качество, которое само-собою давалось непосредственному разумѣнію той братіи, къ которой обращено „Слово“; во-вторыхъ, вѣка Трояна, по связи мыслей, относятся къ старинной, до-Ярославовой „эпохѣ русской земли“, а не къ донской землѣ Торхота, — и, въ-третьихъ, наконецъ, если бы эти мѣста о Троянѣ были взяты изъ какого-нибудь предполагаемаго средне-вѣкового сказанія въ указанномъ родѣ, то трудно представить, чтобы это заимствованіе сказалося такъ неопредѣленно. Эта краткость выраженій указываетъ, напротивъ, что для автора „Слова“, какъ и всей его братіи, образъ Трояна — какъ и другіе подобные образы — вырваны изъ живого преданія и непосредственно давали себя понимать каждому живописной своей чертой и выражаемымъ ею качествомъ.

Гораздо ближе къ истинѣ, по нашимъ соображеніямъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ „Троянѣ“ „Слова“ видятъ „древнее божество славянъ“. Представителемъ этого мнѣнія въ литературѣ „Слова“ является Ѳ. И. Буслаевъ. Если оно и кажется нѣсколько искусственнымъ, то лишь потому, что недостаточно выяснено то качество, которое дается образомъ этого божества. „Троянѣ“ представляется лишь только существомъ мнѣческимъ, стихійнымъ, наравнѣ съ вилами, русалками и т. д.

Въ послѣднее время, однимъ изъ нашихъ почтенныхъ историковъ,

Ив. Е. Забѣлинымъ, высказаны весьма оригинальныя соображенія о характерѣ и бытовомъ значеніи этого божества. Въ немъ видятъ онъ верховнаго „представителя трехбратняго рода“, отъ котораго собственно и расплодилось русское славянство. Мнѣ о Троянѣ рожденъ именно народнымъ представленіемъ дѣлности и полноты рода въ 3-хъ сыновьяхъ и служить корнемъ развитія прочнаго народного быта ¹⁾.

Мнѣніе это далеко не такъ фантастично, чтобы на него не стоило обращать вниманія, какъ выразился о томъ В. О. Миллеръ ²⁾.

Чтобы понять, какое именно качество соединялось съ именемъ Трояна въ кievской дружинной Руси, нужно лучше всего обратиться къ волохамъ, о которыхъ то-и-дѣло упоминаетъ „Кievская Лѣтопись“. Донныѣ этотъ Троянъ нигдѣ такъ не властвуетъ надъ умами, какъ въ Молдавіи, Малой Валахіи и Трансильваніи. Румыны, — говоритъ Убичини ³⁾, — не могутъ ни на небо смотрѣть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть, безъ того, чтобы не представить при этомъ Трояна.

Нѣтъ сомнѣнія, что такою живостию представленій Трояна Румыніи обязана историческому имени императора Траяна, завоевателя Дакии, обратившаго ее въ римскую провинцію. Если его историческій образъ разукрашенъ чертами мифическаго гиганта, исполина ⁴⁾, то, съ другой стороны, уцѣлѣвшіе слѣды дѣятельности этого императора, предпринятые имъ для развитія и огражденія отъ степи этой провинціи (валъ Траяновъ, дорога Траянова, мостъ Траяновъ), въ свою очередь должны были поддерживать преданія о мифическомъ значеніи Трояна.

Млечный путь (астрономическій) до сихъ поръ у румынъ называется „путемъ Трояна“ (Callia lui Trajan).

Сугробы снѣга — донныѣ называются здѣсь „снѣгами Трояна“ (Trajan de zădă). Зимой часто говорятъ здѣсь: не могу туда-то ѣхать потому, что Трояны (громадины снѣга) велики (die Trajanes sind zu gross).

Широкое, необъятное поле называется „полемъ Трояна“ (Cămpu

¹⁾ „Исторія русской жизни“, т. I, стр. 521—522.

²⁾ Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“, стр. 109.

³⁾ Ballades et chants populaires de la Roumanie, recueillis et traduits avec une introduction, par M. A. Ubicini. 1868. Paris.

⁴⁾ Здѣсь, вѣроятно, родилось преданіе, которое дошло и до насъ въ одной изъ рукописей XVII в., подъ заглавіемъ „повѣсть Трояна Кесаря римскаго“, будто Троянъ происходилъ отъ угровъ изъ Трансильваніи. — Какъ принялъ Хоттея 300,000 на нево, пали въ его государства и его самого загнали въ великую болоту; тутъ онъ скопчилъ своимъ конемъ и потонулъ съ конемъ совсѣмъ и ни ево, ни коня его не нашли.

lui Trajan). Курганы и высокіе холмы называются „могилами Трояна“ (Trajan de rament).

Итакъ, для потомковъ волоховъ Троянъ видѣнъ донынѣ и въ Млечномъ пути на небѣ, и въ широкомъ безводномъ полѣ, и въ высокихъ холмахъ, курганахъ и могилахъ. Величіе этого божества сказывается въ грандіозныхъ и поразительныхъ явленіяхъ природы, служащихъ по большей части преградами для силъ человѣческихъ.

Если мы представимъ при этомъ, что Кіевъ тяготѣлъ къ придунайской землѣ, какъ къ своей родинѣ, что Святославъ Храбрый говорилъ даже: „хочу жить въ Переславлѣ на Дунаѣ, то бо есть среда земли моея“, то для насъ совершенно будетъ понятно, какъ эти преданія о Троянѣ,—до нашихъ дней уцѣлѣвшія въ Молдавіи,—были близки представленіямъ кіевской Руси. Изъ апокрифа хожденія Богородицы по мукамъ, списки котораго восходятъ къ XII в., видно, что даже самый истуканъ Трояна былъ каменный... То они все боги прозваша, сънце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады... „отъ камня ту устроя Трояна“ (Памят. старор. лит. 111, 119).

Припомнимъ теперь выраженія „Слова“ о Троянѣ. Намѣреваясь воспѣть геройское движеніе къ Дону полка Игорева, авторъ „Слова“ говоритъ: „Рица въ тропу Трояну чрезъ поля на горы,—пѣти было пѣснь Игореву того внуку“.

Безполезно разсуждать о томъ, что называется „тропой“: смыслъ этого слова понятенъ всякому русскому крестьянину; какъ „тропать“ значитъ оставлять слѣдъ, такъ „тропа“ означаетъ дорожку, „проторенную слѣдомъ скота или человѣка“.

Авторъ „Слова“ самъ объясняетъ, почему называется онъ путь къ Дону—тропою Трояна... Тропа эта слѣдовала „чрезъ поле“... а поле это, какъ говоритъ Ярославна, было безводно (самри Трајанус). Далѣе тропа слѣдовала „чрезъ горы“... Мысль о переходѣ чрезъ эти горы заставила автора воскликнуть: „о! русская земля! Уже за шелемъ еси!“ (Trajan de rament).

Отсюда понятно, что значить въ „Словѣ“ „рица въ тропу Трояну чрезъ поля на горы“...

Воображенію поэта—путь, который предлежалъ полку Игоря, по безводности полей, по грандіозности холмовъ казался путемъ, гдѣ такъ сказывалась мощь Трояна: пройти этотъ путь—значило совершить необычайные подвиги, значило пройти поле Трояна (самри Трајанус) и „горы Трояна“ (Trajan de rament).

Земля у Дона, земля приморская, своими вѣковыми валунами не иное впечатлѣніе могла производить на эпическаго человѣка, какъ и трудная дорога къ ней „чрезъ поля на горы“. Здѣсь онъ долженъ былъ видѣть то же владычество Трояна, ту же мощь, какъ

и въ горахъ, которыя вели къ ней. Дѣва-обида спустилась на землю Троянову, т.-е. на „берегъ граней холмовъ вѣшовыхъ“ и сплескалась лебединымъ крыльемъ на синемъ морѣ...

Но что значить „вѣка Трояна?“

Выше мы замѣтили, что мнѣніе о Троянѣ, какъ представителя трехбратнаго рода, не такъ фантастично, какъ думаютъ другіе: въ Молдавіи донынѣ старшій братъ называется Трояномъ (badea Trajan): точно также и братъ особенно дорогой („badica Trajan“).

Но если въ патриархальную эпоху Троянъ и былъ мнѣстескимъ представителемъ славянскаго рода, то въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ — съ „вѣками Трояна“ соединено, по нашему мнѣнію, нѣсколько иное представленіе.

Для лучшаго уясненія, передадимъ это мѣсто въ общей связи мыслей. Связывая рать Игореву съ старымъ временемъ Ярослава и Олега, авторъ سعی нужнымъ связать и это время съ болѣе древней вѣковой русской исторіей:

Были, говоритъ онъ, вѣка Троянови,
 Минули годи Ярославови,
 Были походы Олегови.

.....

То было въ ты рати и въ ты полки, но сицей рати не слышано.

Съ вечера до рѣсвѣта
 Летать стрѣлы каленны,
 Гремятъ сабли о шеломи и т. п.

Нельзя не видѣть, что общій признакъ всѣхъ этихъ эпохъ — „брань и рать“ — и всѣ онѣ ставятся въ относительное положеніе одна къ другой.

Допуская, что въ патриархальную эпоху Троянъ былъ представителемъ славянскаго рода, мы полагаемъ, что съ развитіемъ родовъ онъ сталъ не столько божествомъ рода, сколько представителемъ „родовыхъ ратей и браней“, такъ какъ всякій родъ стремился „честь свою налезти“.

По крайней мѣрѣ, — для дружинной кievской среды онъ, какъ видно, былъ „Богомъ ратей и браней“.

Затѣмъ, какъ извѣстно, слѣдуетъ описаніе самой брани.

Что касается VII-го вѣка, въ который выступилъ Всеславъ на до-бываніе Кіева, то всего вѣроятнѣе, что это число имѣетъ мнѣстическое значеніе и связано съ „хронологіей Трояна“. Впрочемъ, такъ какъ вѣками Трояна авторъ „Слова“ обозначаетъ дѣйствительную древнѣйшую эпоху русскаго славянства, то VII-й вѣкъ можно считать отъ начала выступленія славянъ на всемірное историческое поприще.

Первое вторженіе болгаръ во Фракію и Мидію было, какъ извѣстно, въ 500 г. по Р. Х. Вѣка, прошедшіе съ этого времени до времени Всеслава—равняются дѣйствительно болѣе, чѣмъ шести вѣкамъ. Въ теченіи всѣхъ этихъ вѣковъ—много было браней, и потому они могутъ быть названы вѣками Трояна.

Мы старались, по возможности, выяснитъ тѣ качества, которыя даются намъ именами боговъ, какъ художественными образами „Слова“, по связи ихъ съ его мыслями; какъ ни скудны эти данныя, но все же проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ до-исторической русской космогоніи и драгоцѣнны уже потому, что являются единственнымъ указателемъ не только божескихъ именъ, но и нѣкоторыхъ ихъ атрибутовъ, и единственнымъ не только въ русской письменности, но и во всемъ славянскомъ мірѣ.

Но что особенно важно, эти божескія имена, какъ художественные образы, не стоятъ внѣ, такъ-сказать, общаго взгляда и направленія „Слова“; напротивъ, авторъ до того находился подъ воздѣйствіемъ старыхъ словесъ Бояна, что все свое произведеніе построилъ на „эпической основѣ“. Чтобы вполне оцѣнить художественность „Слова“, для этого нужно изучать его не въ отдѣльныхъ только фразахъ и оборотахъ, но и въ цѣлой его картинѣ и въ свѣтовыхъ отливахъ этой картины.

Авторъ „Слова“ не излагаетъ въ немъ цѣлой системы мнѣній,—но лишь касается ихъ настолько, насколько они служили ему для освѣщенія и эпического объясненія факта. Мнѣе проникаетъ въ „Слово“, какъ прагматическій элементъ въ историческое изложеніе событій.

Какъ ни прекрасны были Бояновы пѣсни, но дѣйствительность была такова, что трезвое отношеніе къ ней не позволяло давать слишкомъ много мѣста „Боянову замышленію“.

Рядомъ съ развитіемъ въ „Словѣ“ идеи единства земли русской, развивается идея, что обычное теченіе вещей находится подъ воздѣйствіемъ верховныхъ силъ, правящихъ міромъ. На событія похода Игоря и на весь порядокъ дѣлъ кievской Руси накинута, такъ-сказать, верховный порядокъ судебъ Вожинокъ: изъ этого-то религіознаго освященія и вытекаетъ эпическій характеръ „Слова“—и здѣсь получаютъ всю свою важность историческія событія и здѣсь же таится объясненіе высокаго поэтическаго значенія „Слова“.

Событія открываются предъ нами вѣщимъ предзнаменованіемъ солнца. И если въ „Лѣтописи“ описывается это предзнаменованіе, какъ естественное явленіе природы: „и видѣ Игорь солнце, стоящее яко мѣсяцъ“, то въ „Словѣ“ солнце дѣйствуетъ какъ будто живое

существо и загораживается предъ нимъ дорогу: „солнце мракомъ ему нуть заступало“.

Какое властное и могучее дѣйствіе произвело это явленіе на дружину, объ этомъ говорить намъ лѣтописецъ: „и видѣша вси мужи и поникоша главами и рекоша: „княже, се есть не на добро знаменіе се“. Но, замѣчаетъ „Слово“, страсть спалила умъ у князя и гнетущій порывъ напиться шелокомъ изъ Дона затмилъ предъ нимъ знаменіе неба. Игорь идетъ вопреки знаменію солнца, но судьба непреклонна: вѣщее предзнаменованіе должно оправдаться: его ждетъ неизбежная гибель.

Наступаетъ грозная ночь, которая приводитъ въ страшный переполохъ и птицъ, и звѣрей.

Выступаетъ на сцену какое-то страшилище, какой-то Дивъ поднимается на вершину дерева и сзываетъ поганую силу: кликъ его раздается на Волгѣ и Поморьѣ, на Сулѣ и Суражѣ и доносится, наконецъ, до Тмутораканскаго болвана.

Стрѣлы, ожидавшія Игоря, были губительны и смертоносны: ихъ навѣвали вѣтры, Стрибоговы внуки. Кромѣ Дива, созвавшаго поганую силу, на поле брани выступаетъ Стрибогъ, вѣя на Игоря смертоносныя стрѣлы.

Бывали же брани и усобицы при Олегѣ и Ярославѣ; прошли и цѣлые вѣка браннаго Трояна, родоначальника рода и усобицъ, но такой брани, какъ брань Игоря, не слыхано.

Какъ ни славно было геройство его и его дружины, однако, Игорь и чрезъ него вся русская земля должны были испить всю чашу бѣдствій отъ начатаго имъ похода вопреки вѣщему знаменію солнца.

Бились день, бились другой,
А на третій къ полудню
Стаги Игоревы пали!

Но откуда возникли эти княжескія крамолы. Гдѣ источникъ этихъ раздоровъ и связанныхъ съ ними всѣхъ бѣдствій русской земли?

Историкъ-прагматикъ сталъ бы отыскивать причинъ этого явленія въ ряду разныхъ историческихъ условій и фактовъ, но авторъ „Слова“ не могъ ихъ иначе объяснить, какъ эпически.

Встала обида въ силахъ Дажь-божьего внука,
Вступила Дѣвою на землю Трояноу,
Воплескала лебедиными крылами на синемъ морѣ
У Дона плещущись,
Убудила жирны времена.

Братъ сталъ говорить брату: се мое, а то—мое же, и про малое князья стали говорить: се великое.

Межь собой стали они крामолу ковать,
А поганые со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
Приходили на землю русскую.

Таково прекрасное эпическое объясненіе всѣхъ княжескихъ усобицъ и раздоровъ, губившихъ русскую землю! Источникъ ихъ указывался въ порядкѣ высшихъ силъ, правящихъ міромъ.

Подобно тому, какъ въ классической поэзіи выступаетъ богиня Ёриц, богиня вражды и распрей, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми, и въ нашемъ драгоцѣнномъ „Словѣ“—на полѣ брани, гдѣ рѣшается рокъ крामольнаго похода Игоря—выступаетъ Дѣва-обида, разжигательница человѣческихъ страстей и бравей и, спустившись на гранитныя скалы великана Трояна лебединымъ крыльемъ плещетъ на синемъ морѣ. Она—эта Дѣва—пробудила въ князьяхъ усобицы и брани. Она навела всѣ бѣдствія на русскую землю: самъ Игорь съ полкомъ своимъ только несчастная жертва плесканья этой крामольной и губительной Дѣвы-обиды. О! далеко зашелъ ты, соколъ, птицъ бѣя къ морю.

Но не воскресить уже полку Игоря!

Самый слухъ о несчастіи Игоря „Слово“ изображаетъ намъ въ образѣ сна Святослава. Сонъ этотъ имѣетъ внутреннюю связь съ вѣщимъ солнечнымъ предзнаменованіемъ, предостерегавшимъ Игоря отъ его крामольной затѣи. Онъ самъ не что иное, какъ такое же вѣщее откровеніе объ исполненіи этого предзнаменованія.

Сдѣлавъ Святослава средоточіемъ идеи единства земли русской, авторъ „Слова“ дѣлаетъ и душу его органомъ для таинственнаго голоса, вѣщающаго о судьбѣ крामольнаго похода Игорева.

Въ самомъ толкованіи этого сна выражается, на какой поэтической высотѣ стоитъ авторъ „Слова“ и какимъ свѣтомъ освѣщаетъ онъ историческіе факты.

Сила темная возобладала надъ силами свѣта. Князь Дива, собравшій полчища поганыхъ, увѣнчался успѣхомъ: онъ кончилъ свое дѣло и съ вершины дерева повергся на землю. Игорь побѣжденъ, и половцы ликуютъ свою побѣду. Таковъ смыслъ вѣщаго сна Святослава.

Въ подобномъ же внутреннемъ отношеніи къ вѣщему предзнаменованію солнца стоитъ и прекрасный плачъ Ярославны. Онъ есть не что иное, какъ заклинательная мольба къ богамъ о спасеніи любимаго и дорогого существа. Авторъ не просто рассказываетъ здѣсь, какъ лѣтописецъ, о бѣгствѣ Игоря, но самую удачу этого бѣгства изображаетъ слѣдствіемъ этой борьбы и путемъ спасенія, устроеннымъ самимъ Богомъ.

Такъ всякій историческій фактъ авторъ „Слова“ ставитъ подъ

воздѣйствіе высшихъ, невидимыхъ силъ и причинъ. Идея судьбы, суда Божія, не разъ высказывается имъ прямо и относительно отдѣльныхъ князей. Такъ, говоря о Борисѣ Вячеславичѣ, павшемъ на Нематиной нивѣ, онъ замѣчаетъ, что „слава его на судъ привела и на нивѣ зеленой погребальный покровъ постлала“. Изображая волшебнаго Всеслава, онъ также прибавляетъ: „тому первое припѣвку смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божья не минути“.

Это-то эпическое міросозерцаніе, проникающее „Слово“, какъ внутренняя его стихія, какъ душа историческихъ фактовъ, и служить, безъ сомнѣнія, основой его высоко-художественнаго значенія. Многіе образы прекрасны не сами только по себѣ, но въ ихъ соотношеніи къ этому эпическому міровоззрѣнію. Живописныя черты ихъ получаютъ особенную свою выразительность не въ силу только соответствія своему понятію, но въ силу верховнаго порядка, накинутаго на обычное теченіе человѣческихъ дѣлъ. При кликахъ Дива, при вѣяніяхъ стрѣлами Стрибога, при Дѣвъ-обидѣ, получаютъ особенное, поэтическое значеніе и карканіе вороновъ, и клекотъ орловъ, и завываніе звѣрей. Отсюда же, безъ сомнѣнія, вытекаетъ теплота и жизненныхъ образовъ, выхваченныхъ изъ явленій природы, таковы, напр., „никнетъ право отъ жалости, идутъ сморцы мглами; земля стучитъ; рѣки текутъ мутно; пыль поля покрываетъ“. Подъ воздѣйствіемъ эпическаго міровоззрѣнія, вся природа является здѣсь какъ-бы одушевленнымъ лицомъ. Она полна сочувствія къ человѣку. Она угрожаетъ предвѣстіемъ—и она же отклоняется на радость. Всѣ явленія природы—здѣсь чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла. Только авторъ, находившійся подъ воздѣйствіемъ словесъ Бояна, могъ такъ живо и цѣльно понимать природу. Проглядываютъ здѣсь иногда картины природы сѣверной: таковы, напр., унылый образъ дерева, отъ туги къ землѣ наклонившагося: эта туга—едва ли не тяжесть снѣга, нагибающая къ землѣ древесныя вѣтви и дающая ему плакучій видъ. Но еще замѣтнѣе здѣсь картины природы южной. Онѣ схвачены и собраны воедино Максимовичемъ, обладавшимъ особеннымъ чутьемъ къ степной природѣ. „Стада вороновъ, галокъ, лебедей; орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и сороки проносятся въ „Словѣ“,—говоритъ онъ,—какъ по степямъ южнымъ. Трава зашумѣла, когда двинулись шатры полковъ—не степная ли это трава? Земля тутнетъ, кликну-стукну земля,—не созданы ли эти выраженія поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзыву на всякое движеніе? Телѣги скрипятъ въ полночи, какъ лебеди распуганныя, эта краска не снята ли со степей малорусскихъ, гдѣ и теперь еще скри-

цать обозы чумаковъ и этотъ скрипъ ярче отдается въ ночной тишинѣ ровнаго поля? Всѣ отголоски ярки въ этомъ „Словѣ“, какъ въ степи: облуръ свиснулъ за рѣкою и черезъ свистъ переговаривается съ княземъ. „Слово“ такъ же богато растительностію, какъ и живая природа: рѣки стелютъ зеленую траву на серебрянныя, т. е. бѣлопесчанныя берегахъ своихъ и теплые туманы поднимаются отъ волнъ ихъ; текутъ они своенравно и струи оставляютъ на кустахъ“.

До такой осязательности русская природа отражается въ „Словѣ“. Она, какъ и кievская Русь, всецѣло прикрѣпляетъ его къ національной русской литературѣ.

И если „Слово“ въ такой полнотѣ изображаетъ предъ нами дружино-кievскую Русь, какъ мы видѣли; если языкъ его воплощаетъ въ себѣ даже всѣ картины русской природы, то не наивно ли думать, что авторъ „Слова“ лишь нѣсколько мнѣшескихъ выраженій взялъ изъ болгарской книжки, чтобы приврѣзнуть ихъ къ своимъ прекраснымъ картинамъ, не понимая ихъ значенія, и не изучивъ этого мiра по русскимъ даннымъ, для его объясненія предлагать византизмo-болгарскій прототипъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ?

III.

Есть и еще наконецъ живой свидѣтель всецѣло-національнаго происхожденія „Слова“,—это великорусская былина.

Уже одно наше намѣреніе сблизить „Слово“ съ былинною становится въ разладъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ. „Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, говорятъ, нѣтъ уже и тѣни чего-либо богатырскаго, мало даже и чисто эпическаго ¹⁾, и потому, казалось бы, не слѣдовало и дѣлать попытки подобныхъ сближеній. Но какъ ни различны эти памятники по идеѣ, складу и языку, они на нашъ взглядъ все-таки имѣютъ много общихъ сторонъ, и, исходя отъ разныхъ національных слоевъ, рисуютъ предъ нами болѣе или менѣе одну и ту же общественную среду.

Мы уже имѣемъ богатую литературу о великорусской былинѣ, но она далеко не исчерпываетъ всѣхъ существенныхъ сторонъ ея историческаго и литературнаго значенія.

Первый вопросъ, который представляется при ея изученіи, состоитъ въ томъ, какая самая существенная сторона въ былинѣ,—фактъ или мифъ. Является ли здѣсь чудесное только прикрасою

¹⁾ „Илья Мур. и Кiev. богаты“, О. Миллера, стр. XII.

историческаго факта, служа лишь обычнымъ отраженіемъ народной эпической мысли, особенно когда она касается предметовъ возвышенныхъ и чрезвычайныхъ, или же этотъ фактъ былъ только формою выраженія космогоническаго мифа и надъ былинными очертами носится ясное и опредѣленное религиозное вѣрованіе.

Представителемъ перваго мѣнія является Л. Н. Майковъ. За мифомъ же въ былинѣ выступили Ѳ. И. Буслаевъ и О. Ѳ. Миллеръ. Для послѣднихъ въ былинѣ является эпосъ героическій; первый видитъ въ ней лишь только эпосъ историческій.

Исслѣдованія г. Майкова весьма замѣчательны въ своемъ родѣ. Историческія данныя собраны у него съ большою обстоятельностью, сгруппированы съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ и даютъ слишкомъ осязательно чувствовать въ былинѣ присутствіе историческаго факта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго.

Но если еще и въ этомъ направленіи работы надъ былинной нельзя считать законченными, то исслѣдованія г. Майкова о стихіи чудеснаго въ былинѣ еще болѣе требуютъ новыхъ изысканій.

Положимъ, что чудесныя представленія былинъ служатъ здѣсь къ тому, чтобы придать болѣе идеальный характеръ богатырямъ и лишь только дополняютъ содержаніе, взятое изъ дѣйствительнаго быта, но откуда, спрашивается, взялось это чудесное въ народномъ сознаніи?

Нѣкоторые образы возможно еще истолковывать, какъ гиперболическія созданія фантазіи, но за то многіе изъ нихъ таковы, что не даются прямо дѣйствительностію и совершенно несообразны ни съ видимою природою, ни съ природою человѣка. Подобнаго рода образы такъ обхватываютъ въ былинѣ фактъ, что представляютъ въ ней цѣлый слой иного порядка вещей и явленій.

Сама былина иногда прямо указываетъ на эту присущую ей стихію народныхъ вѣрованій и представленій. Таково, напр., указаніе на мифъ, связанный съ образомъ орла.

Мѣнія Ѳ. И. Буслаева о мифѣ въ былинахъ гораздо умѣреннѣе и сдержаннѣе, чѣмъ выводы О. Ѳ. Миллера.

Исслѣдованія перваго въ этой области основываются на почвѣ общеарійскихъ преданій и направлены къ сближенію данныхъ русскаго эпоса съ эпосомъ различныхъ народовъ арійскаго корня—въ особенности германцевъ.

„Важнымъ недостаткомъ у Буслаева, — говоритъ О. Миллеръ, — является то, что у него съ недостаточною ясностію обособляются черты, роднящія насъ съ славянами, отъ чертъ, роднящихъ насъ съ арійцами вообще. Первые должны быть слиты въ кругъ обще-славянскій, вторыя въ кругъ обще-арійскій. Отъ относительно позднѣй-

наго осадка обще-славянскаго долженъ быть со всею яркостію отдѣленъ, съ другой стороны, и собственно русскій былевой слой, а равнымъ образомъ внимательно прослѣжены въ этомъ послѣднемъ всѣ обозначившіеся слои частные, осадившіеся отъ различныхъ періодовъ русской исторіи" ¹⁾).

Такъ опредѣлилъ и разграничилъ О. Θ. Миллеръ задачу—,сравнительно-критическихъ наблюдений надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса". „Только при этомъ,—говоритъ онъ,—могутъ обозначиться какъ эпические черты нашего родства съ другими, такъ и эпическое впечатлѣніе нашей народной личности" ²⁾).

Но эта самая сложная задача представляетъ и почти неодолимые трудности. Читая былины, нельзя не видѣть, что космогоническій мифъ прямо и непосредственно не выступаетъ здѣсь въ своей яркости и характерной опредѣленности, что онъ сказывается здѣсь только въ отрывочныхъ, эпическихъ картинахъ и нѣкоторыхъ отдѣльных образахъ и что онъ связанъ здѣсь съ живыми историческими лицами, которыхъ народъ какъ будто видитъ и знаетъ сегодня и съ такими иногда мѣтко подчеркнутыми историческими чертами, которыя прямо указываютъ на преобладаніе факта въ народномъ сознаніи. При такого рода построеніи и укладѣ дошедшей до насъ былины, изслѣдователю предстоитъ большая опасность увлечься ея неопредѣленнымъ мифическимъ содержаніемъ и, благодаря отдѣльнымъ ея образамъ и картинамъ, хотя бы то на основаніи сравнительнаго метода всецѣло наложить космогоническій мифъ на типъ, совершенно историческій.

Увлекаясь сравнительнымъ методомъ и богатствомъ обще-арійскаго мифологическаго матеріала, О. Θ. Миллеръ поспѣшилъ всецѣло прикрѣпить къ этому богатству и смыслъ нашей былевой поэзіи. Но дѣло въ томъ, что былевые образы и картины сами по себѣ непосредственно не возводятъ сознанія къ обще-арійскому преданію: они представляютъ прежде всего смыслъ болѣе прямой и обыкновенный; отъ этихъ былевыхъ образовъ въ его „Кіевскомъ богатырствѣ" не перекинуто моста, по которому сознаніе переносилось бы отъ земли на небо, отъ горъ и холмовъ—къ облакамъ и тучамъ, отъ сошки къ молніи и т. п. Связывая былинну съ обще-арійскимъ преданіемъ, изслѣдователь недостаточно связалъ ее съ русской землей и слѣдами живыхъ народныхъ вѣрованій. А между тѣмъ такіа народныя преданія, какъ преданіе о „золотой сошкѣ", такіа мифологическія пѣсни, какъ пѣсня донинѣ распѣваемая „при верченіи

¹⁾ „Илья Мур. и Кіевск. был.", IX—X.

²⁾ Тамъ же, X.

бороды Волоса", рассказы о „мѣстныхъ богатыряхъ“, представляютъ ближайшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ, на основаніи котораго прежде всего должна быть изучаема наша былина. Только подобнаго рода данныя могутъ указывать въ ней нѣкоторые слѣды дѣйствительнаго міаа.

Такія явленія природы, какъ гроза, какъ борьба страшныхъ тучъ съ молніей, даютъ себя знать слишкомъ ощутительно; явленія эти слишкомъ торжественны и величественны, чтобы сказываться въ народномъ сознаніи лишь въ образѣ тѣсныхъ похожденій Ильи Муромца—отъ Муромъ до Чернигова и отъ Чернигова до Кіева. Замыкать народныя представленія о такихъ величественныхъ явленіяхъ въ кругъ подобныхъ похожденій по такимъ знакомымъ и недалекимъ мѣстамъ и укладывать борьбу небесныхъ грозовыхъ силъ въ картину борьбы Ильи Муромца съ поганымъ идолищемъ и съ разбойниками, это значило бы слишкомъ суживать творчество фантазіи народа русскаго, который и донинѣ нѣмѣетъ предъ этими грозными явленіями природы и благоговѣнно созерцаетъ Громовержца, ублажалъ его христіанскими словами: „Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваоѣ, исполнь небо и земля славы твоея!“ Нѣтъ, въ богатырскихъ образахъ скрываютъ лишь слабые проблески космогоническаго міаа, которые скорѣе даютъ намъ знать, что дѣйствительно существовать нѣкогда русскій героическій эпосъ, болѣе соотвѣтственный и явленіямъ природы, и будущему донинѣ ключомъ народному творчеству.

Есть еще одна гипотеза тюрко-монгольскаго происхожденія великорусской былинны. Вмѣсто впечатлѣнія въ ней народной русской личности, г. Стасовъ увидѣлъ въ ней лишь отпечатокъ тюрко-монгольскихъ сказокъ. Не вдаваясь въ критику этой гипотезы, которая и безъ насъ достаточно оцѣнена и взвѣшена, съ своей стороны ограничимся замѣчаніемъ, что теорія г. Стасова была бы крайне сверхъ-обычнымъ и неожиданнымъ явленіемъ русской мысли, если бы она не была вызвана другими крайними мнѣніями.

Мы, съ своей стороны, придаемъ лишь отрицательное значеніе теоріи г. Стасова: она, какъ и всякая новая и смѣлая мысль, выступающая въ свѣтъ во всеоружіи, если и невѣрна сама въ себѣ, то вызываетъ критическую повѣрку данныхъ и наводитъ на болѣе широкую потребность изысканій о міаахъ вообще, коренныхъ законахъ ихъ развитія, и т. п. ¹⁾

На древность нашихъ былинъ отчасти указываютъ многія названія, связанныя съ разными селеніями и урочищами русской земли.

¹⁾ Попытка въ этомъ родѣ уже сдѣлана въ „Труд. К. Ак.“ 1871 г., апрѣль, мартъ, іюнь и іюль.

Тажовы, напр., Былина (томской губерніи и округа), Былины (тамъ же), Богатырь (мариупольской гр. и округа), Богатыри (вятской губерніи, слоб. уѣзда) и мн. др.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ этими и подобными названіями были связаны въ народѣ какія-нибудь преданія, и намъ остается лишь пожелать, чтобы мѣстными изслѣдователями было обращено на нихъ болѣе серьезное вниманіе. Эти преданія могутъ помочь разъясненію нашихъ былинъ гораздо больше, чѣмъ турко-монгольскія сказки.

При изслѣдованіи былинъ прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду фактъ богатырства и его историческое значеніе.

Главный и существенный мотивъ въ былинахъ Владимірова цикла, это—борьба русской земли со степью. Рѣшать бой, выдвигая силачей, было въ обычаяхъ степи; русская земля должна была противопоставить степнымъ „богатырямъ“ своихъ собственныхъ героев:

Просить Батыга отъ Кіева,
Просить Батыга супротивника,
Просить Батыга поединщика.

Что дѣйствительно были такого рода „поединщики“, выходившіе на брань съ „супротивникомъ“, въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться. Вспомнимъ, что были Янъ Усмошвецъ ¹⁾, поборовшій печенѣжскаго богатыря-великана (1001 г.), Рагдай-Удалой ²⁾, наѣзжавшій на 300 воиновъ, Мстиславъ Храбрый, зарѣзавшій Редюю предъ полками Косожскими (1036 г.). Былъ Александръ Поповичъ, котораго лѣтописи упоминаютъ даже въ разныхъ эпохахъ—такъ живуче было имя его въ народной памяти (Ник., подъ 1216 и подъ 1224 и подъ 1001 г.). Но вотъ и другіе богатыри, упоминаемые въ лѣтописяхъ: Демьянъ Куденевичъ съ слугою своимъ Тарасомъ (Ник. л., подъ 1148 г.), слывшій за „человѣка Божьяго“ ³⁾, Нефедій Дикунъ при Константиѣ Ростовскомъ (Ник. л., подъ 1216 г.), Добрыня „златой поясъ“ (1224 г., Ник. л.), Могуша (Ник. 1, 112) Гаврило Олексичъ, Буслай Якуновичъ, Яковъ Полочанинъ, Миша Новгородецъ, отрокъ княжій Савва, слуга князь Ротмищъ (Новг., т. 3, стр. 5, 178).

Всѣ эти имена, занесенныя съ лѣтописи, указываютъ на то, что въ борьбѣ со степью выдѣлялись герои, которыхъ имена страшны были для враговъ и популярны на русской землѣ. Не всѣмъ, конечно, приходилось вступать въ единоборство съ степными богатырями, но всѣ они стяжали себѣ „славу на бою“, геройскими доблестями,

¹⁾ П. С. Л., т. IX, стр. 68.

²⁾ Ник. Лѣт. IX, стр. 68.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IX, 177—178.

необычайною силою, храбростію, безстрашіемъ и твердостію. Иначе въ лѣтописи попасть они не могли.

Много, конечно, было въ теченіи борьбы со степью подобныхъ героевъ, но именъ ихъ не донесла до насъ лѣтопись и не сохранила народная память. На одной Калкѣ, по сказанію лѣтописи, погибло 70 богатырей. Были также и при Мстиславѣ Удаломъ мужи храбры зѣло и богатыри велики, яко львы и яко медвѣди, не слышавшіе на себѣ ранъ.

При такихъ свидѣтельствахъ едва-ли возможно, говорить, сомнѣваться въ томъ, что борьба со степью создала цѣлый разрядъ героевъ, составлявшихъ особую славу князей, честь дружины, и мощь и величіе русской земли.

Есть данныя, второна указываютъ, что богатыри бывали въ разныхъ областяхъ земли русской, но нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ средоточіемъ богатырства былъ Кіевъ съ его заставами, оберегавшими Свято русь землю отъ поганой степи. Чѣмъ страшнѣе была эта поганая степь для русской земли, тѣмъ опустошительнѣе были набѣги ея на русскія „поселицы“, тѣмъ сильнѣе и глубже должны были производить на народъ впечатлѣніе подвиги служилаго богатырства. Въ глазахъ народа эти герои должны были представляться дѣйствительно „божними человѣками“, какъ прекрасно называетъ лѣтопись одного изъ нихъ.

Имѣя въ виду этотъ фактъ, не трудно понять и то, какъ зародилась былина.

Въ одной рукописи Соловецкаго монастыря XVI в. сохранилась любопытная записъ, имѣющая для насъ особенную цѣну въ данномъ случаѣ. „Переяславль русскій по противъ Кіева за Днѣпромъ по лѣвой рущѣ Олтополя, а на Олтополѣ церковь стоитъ мурована велика, на крови св. Бориса, а вокругъ его роща березова, а отъ русскаго Переяславля до Кіева 60 верстъ, „а тутъ богатыри владутся русскіе“, а кругъ городища того по кладищу тому каменія много великаго по всполю, а кругъ городища того озера трупешъ, изъ него же течетъ рѣка Мцица, и пала въ Днѣпръ“. Вотъ здѣсь въ селѣ, на могилахъ, которыя помнили и знали еще въ XVI в., по нашему мнѣнію, зародилась русская былина, воспѣвающая этихъ „божнихъ человѣковъ“, мощію своею отстоявшихъ Святую русь землю отъ поганой степи. Эти могилы во-очію напоминали народу преданія о существованіи этихъ могучевъ, этихъ „божнихъ человѣковъ“.

Борьба со степью началась при князѣ Владимірѣ — и преданіе всѣхъ послѣдующихъ богатырей одного за другимъ причисляло къ его времени. Благоговѣніе къ нимъ, какъ къ „божнимъ человѣкамъ“ было первымъ возбудителемъ народнаго творчества, создавашаго въ

честь нѣтъ былевыхъ пѣснѣ. Пѣсни эти явились, безъ сомнѣнія, по готовой уже сотканной основѣ и съ теченіемъ времени всѣхъ богатырей воспроизвели въ опредѣленныхъ типахъ. Чѣмъ скуднѣе своимъ содержаніемъ были преданія о дѣйствительныхъ богатыряхъ, тѣмъ больше должны привоить сюда готовые народныя стихи божескихъ существъ и качествъ.

Имѣя въ виду такое происхожденіе былины, не трудно понять и то, почему она даетъ очень ограниченную и недѣятельную роль князю Владимиру и его дружинѣ.

Воспѣвая богатырей, какъ поединщиковъ — противъ супротивниковъ, она справедливо заставляетъ князя лишь отыскивать вездѣ такихъ героевъ, жаловать, угощать пирами и отправлять на бой; если отсутствіе богатырей наводило трусость на князя и его дружину, то это весьма понятно съ народной точки зрѣнія на богатырей, какъ божіихъ человѣковъ; эти болре въ сравненіи съ ними могли казаться, „не болѣе иногда, какъ воробьи“. Притомъ же, по смыслу былинь, и въ княжеской грядѣ образъ богатыря властвовалъ надъ сознаніемъ такъ же, какъ и въ крестьянской хижинѣ.

Богатырство, какъ „явленіе божіихъ человѣковъ“, не знало сословій; богатыремъ могъ быть всякій; имъ могъ быть такъ же князь, какъ и простой мужикъ; такъ же боярскій сынъ, какъ и поповичъ.

Изъ такого воззрѣнія на происхожденіе былины объясняется само собою и то отношеніе, въ какомъ стоитъ былина къ главному предмету нашего изслѣдованія — „Слову о полку Игоря“. „Слово“ есть произведеніе чисто дружинное. Былина же есть произведеніе народное и рисуетъ богатырскіе образы князя и дружинниковъ, какъ избранныхъ героевъ, какъ божіихъ человѣковъ. То изображаетъ одинъ изъ походовъ и съ нимъ бѣдствія русской земли отъ поганой степи, эта воспѣваетъ въ лицѣ богатырей ея непрерывную побѣду надъ этою степью. То рисуетъ предъ нами дружинно-кѣвскую Русь въ цѣлой ея картинѣ; эта развиваетъ отдѣльные типы служилой дружины съ тѣми или другими ея доблестями. Тамъ изображается фактъ внѣшній, здѣсь — фактъ внутренній русской исторіи. Отсюда и различіе въ самой формѣ изложенія: то написано по приемамъ искусственнаго витѣйства, съ предисловіями, вводными повѣствованіями, съ лирическими разсужденіями и заключеніями, былина же свободна въ своихъ очертаніяхъ, какъ свободенъ богатырь въ своихъ дѣйствіяхъ: пошпѣвъ очертаній ея размашистый; мысль развивается здѣсь въ дробномъ разсказѣ, съ эпическими повтореніями, однозначущими стихами, не говоря уже о тѣхъ сверхъестественныхъ чертахъ, коими по преимуществу и характеризуются укладъ и составъ былины.

Но при всемъ своемъ существенномъ различіи, уже потому, что

богатыри вводятся въ гридню князя Владиміра и числятся на его службѣ,—уже потому, что „Слово“ и былина своимъ содержаніемъ относятся къ одной и той же кievской дружинной Руси,—они непременно должны имѣть и общія черты.

Въ этомъ смыслѣ одна извѣстная намъ былина, записанная еще въ XVII вѣкѣ какъ будто въ соотвѣтствіе „Слову о полку Игоря“, прекрасно названа „богатырскимъ словомъ“.

Идея единства земли русской, такъ блистательно проведенная въ „Словѣ“, не чужда былинѣ; такое понятіе, какъ „Святорусь земля“ какъ „земля Святорусская“, столь присущее былинѣ, глубокими корнями связываютъ ее съ „Словомъ“.

Изъ „Слова“ видно, что время князя Владиміра было идеаломъ времени, которое не повторится: „нельзя бѣ того стараго Владиміра пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ“; уже въ XII в. имя Владиміра связывалось съ идеею русской земли; на горахъ Кіевскихъ и въ это время видѣлся еще Владиміръ съ знаменемъ „единой земли русской“.

То же понятіе связывается съ именемъ Владиміра и въ народной былинѣ: онъ и здѣсь то же, что единое „красное солнышко“ для земли святорусской. Къ нему стекаются богатыри изъ разныхъ областей: сюда таетъ богатырскій острожекъ Ростовскаго поповича; сюда пробирается крестьянинъ Илья Тимофеевичъ изъ Муромъ; сюда тануть и Волинь и Галичъ.

Говорить Дюкъ да таково слово:
Во всѣхъ градахъ у меня побывано
А всѣхъ князей да перевидано
.....
Въ одномъ Кіевѣ не бывано
Кіевского князя-то не видано

Былинный образъ этого представителя земли русской вполне отвѣчаетъ его историческому облику. Вполнѣ согласно съ исторіей пированіе его съ дружиной; извѣстно, что вслѣдствіе ропота дружины, не хотѣвшей ѣсть деревянными ложками, онъ вынужденъ былъ сдѣлать ей серебряныя ложки ¹⁾. Но либобытны слова его при этомъ: что дѣлать; серебромъ и золотомъ я не достану дружины, а съ дружиной добуду золото и серебро, какъ дѣдъ мой и отецъ мой доискивались дружиной золота и серебра.

Точно также и другая его былевая черта оправдывается исторіей: то бояре, то епископы руководятъ имъ въ дѣлахъ государственныхъ; походъ на болгаръ остановилъ Добрыня; бояре и старцы—даютъ ему совѣты въ дѣлахъ вѣрнъ; епископы заставляютъ его измѣнять нака-

¹⁾ Лавр. Л., подъ 996 г.

заніе убійцавъ. Зависимость князя отъ дружины, невозможность выдержать безъ богатырей борьбу со степью таже, какъ мы видѣли, имѣли свое основаніе въ древне-русской жизни.

Такимъ образомъ, былина, отражая въ себѣ эти историческія черты, лишь можетъ указывать на то, какъ вѣрно отразилась въ народѣ эта личность—князя Владиміра. Сдѣлавъ его представителемъ единой земли святиорусской, приурочивая къ его имени повзвѣйшее богатырство, былина сохраняетъ и свѣжесть впечатлѣній, оставленныхъ имъ въ исторіи.

Странно, что г. Забѣлинъ, на основаніи этихъ чертъ, находитъ противорѣчіе въ понятіи „былиннаго князя князю историческому“: князь—по исторіи, говоритъ онъ, долженъ быть предводителемъ войска, долженъ быть самъ героемъ, самъ начинать и оканчивать бой.

Но если бы былина дѣйствительно имѣла своей задачей изобразить укладъ дружинно-киевской Руси, если бы она сосредоточивалась на ея историческомъ значеніи, тогда мы въ правѣ были бы искать въ ней воинскихъ чертъ князя и его дружины. Но это значило бы понимать былинну такъ же, какъ и лѣтопись, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“. Былина воспѣваетъ лишь только „набранныхъ героевъ дружинныхъ“, лишь только онѣ для ней дороги, лишь только въ нихъ слава князя, честь дружинная и мощь земли святиорусской: она рисуетъ ихъ предъ нами „какъ божіихъ человековъ“, стоящихъ выше князя и его дружины, властвовавшихъ въ грѣдѣ Владиміра, какъ и въ книгѣ народной своими необычайными доблестями, своею мощію, своею храбростію, своею ловкостію, своею твердостію. При этой существенной задачѣ изображать лишь только „типы святиорусскаго богатырства“—было бы даже не естественно привносить сюда боевой характеръ „князя и его дружины“. Очень можетъ быть, что историческая роль Владиміра здѣсь совпала еще и съ той эпической основой, на которой ткалась историческая былинная канва, о которой мы упоминали выше и о которой будемъ еще говорить ниже.

Еще страннѣе, что г. Забѣлинъ въ лицѣ киевскаго стольнаго князя Владиміра видитъ на томъ же основаніи лишь олицетвореніе города, общественнаго и нравственнаго его быта. Князь дѣйствительно имѣлъ связь съ городомъ, но далеко не такую, какую предполагаетъ г. Забѣлинъ. Дошедшіе до насъ „договоры города съ княземъ“ указываютъ на то, что князь посягалъ „на земли и смердовъ“ города: между нимъ и городомъ шла борьба изъ-за смерда. Но если въ народномъ творчествѣ прежде всего отражаются явленія высокаго нравственнаго свойства, то народъ долженъ былъ олицетворить не городъ съ его пирами и роскошью—„не купечество и боярскій торговый слой“,—выжимавшій соки изъ своей земли и смердовъ, а скорѣе

всего князя съ его дружиной, какъ живыхъ представителей охранной силы—какъ людей-героевъ, покулавшихъ себѣ довольство цѣною крови. Въ борьбѣ князя съ городомъ изъ-за смерда, этотъ самый смердъ скорѣе могъ становиться своимъ сочувствіемъ на сторонѣ князя, точно такъ, какъ въ послѣдствіи народъ всегда искалъ въ своемъ царѣ защиты отъ барства и властей; по всей вѣроятности, это самое сочувствіе смерда выстѣ съ стеной силой и помогло князю одержать побѣду надъ городомъ.

Былинному образу князя Владиміра въ „Словѣ о полку Игоревѣ“—соотвѣтствуетъ Святославъ кіевскій, стоявшій вѣтъ войны, когда достаточно было увидѣть безпокойный сонъ, чтобы собрать бояръ, потолковать съ ними объ его значеніи; точно также соотвѣтствуетъ въ „Словѣ“ былинному княжескому пированію замѣчаніе, неволью вырвавшееся изъ устъ бояръ предъ Святославомъ: „а мы дружина жадни веселія“.

Но, изображая представителя единой земли сѣвѣрусской—не среди воинственнаго блеска, а среди мирныхъ заботъ и веселаго пированья, былина не выдаетъ этотъ образъ за исключительный идеалъ князя. Богатырство, какъ мы уже сказали, не знало сословій. Богатырство, какъ говоритъ сама былина, „братія наборная“ (Кар. 1 отд., IV, № I, IV, № 2); и если были, какъ видно даже изъ „Слова“, такіе князья, которые сами на бой не выходили, но посылали только воеводу, за то бывали и настоящіе „герои“: „божій человекъ“ выходили изъ княжеской грядни такъ же, какъ и изъ боярскихъ теремовъ и изъ крестьянскихъ хижинъ. Мы вполне раздѣляемъ то убѣжденіе ученыхъ, что въ былинѣ о Волгѣ и Волхѣ Всеславичѣхъ—воспѣтъ не кто иной, какъ „вѣщій князь Олегъ“ съ наслоеніями, быть можетъ, преданій о другомъ—„вѣщемъ князѣ Всеславѣ“. Подъ воздѣйствіемъ былиннаго уклада, въ „Словѣ о полку Игоря“ начертанъ образъ буй-тура Всеволода: авторъ не изобразилъ предъ нами подробностей сраженія войска Игоря на другой день на р. Каялѣ, о которомъ подробно рассказываетъ лѣтописецъ: онъ ограничился при описаніи этого сраженія лишь картиной борьбы одного князя Всеволода: богатырскій его бой даетъ понять лучше всего картину сраженія цѣлаго войска.

Какъ въ былинѣ, такъ и въ „Словѣ“, князь, предводитель дружины, одинаково вдохновляетъ войско своими рѣчами. Подобно тому, какъ Игорь говоритъ: „Братья и дружино... а всядемъ на свои борзны кони, да позримъ синяго Дона“,—и богатырь Волхъ Всеславичъ вызываетъ:

Ай же сила моя дружина хоробрая,
Сѣдлайте, уздайте добрыхъ коней
Туго натуго и крѣпко на крѣпко.

Но особенно ясно и наглядно дается намъ въ былинѣ то же понятіе о дружинѣ, какое и въ „Словѣ“. Задача жизни богатыря изображена въ былинѣ буквально тѣми же словами, какъ она изображается въ лѣтописи и „Словѣ“.

Богатырь величается здѣсь стоятелемъ, оберегателемъ этой земли сѣвоторусской. Подобно тому, какъ въ „Словѣ“—куране были подъ трубами понаты и подъ шеломами вздолѣяны, и въ былинахъ богатырь Волхъ говоритъ своей матери:

А не пеленая во пелену черчату
А не пласъ въ полсе шелковое
Пеленая меня, матушка, въ крѣпкіе лати булатны
А на буйную голову млади златъ шеломи.

(Риб. о Волхѣ).

Подобно тому, какъ въ „Словѣ“—дружина рыщетъ, яко турцы, и ищетъ князю славы, а себѣ чести—и въ былинахъ богатыри движутся тѣми же нравственными мотивомъ.

При обзорѣ историческаго значенія „Слова“, мы уже видѣли, какъ дорожила дружинная кѣвская Русь своею славою въ иностранныхъ земляхъ. Указаніе на то читаемъ и въ былинахъ.

Когда Дунай сватаетъ дочь ляховинскаго короля за князя Владимира, король говоритъ: „за Владимира можно дѣву отдать, хорошій женихъ—во славу и похвасту (кн. III, 55).

Изъ иностранныхъ земель былина знаетъ латинскую, землю ляховецкую, по „Слову“—лядскую. Она помнитъ даже землю веденецкую (И. Д. I), что напоминаетъ „венедицевъ“ „Слова“.

Илья Богатырь, отпуская разбойниковъ-подорожниковъ изъ-подъ Чернигова, заказываетъ подавать всюду вѣсть.

Что сѣвѣ Русь не пуста стоять—
Много въ ней славныхъ могучихъ богатырей.

Распаденіе къ героическому подвигу здѣсь такъ же картинно, какъ въ лѣтописи и въ „Словѣ“:

Богатырское сердце разговорчиво и не уемчиво:
Пуще огня огнишка сердце разыграется.

Подобно тому, какъ Святославъ III говоритъ въ „Словѣ“: „чи диво стареку помолодѣти“, Илья Муромецъ выражается: „размотать развѣ старость богатырскую“ (Г. 1158).

Понятіе былинны о степи также тождественно понятію „Слова“.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь, это „сила поганая великая“—и если въ „Словѣ“ представителемъ степи является какой-то „Дивъ“ и „болванъ Тмугоракаанскій“, то въ былинѣ, въ силу непосредственной

эпической стихіи, степь представляется въ видѣ разныхъ пограничныхъ чудищъ, то въ образѣ лютой „Горынь-Змиѣ“, или Змиѣ Горыныча или Тугарина Змиѣвича, то въ образѣ „Поганаго-идолища“ или одолища, то въ лицѣ „разбойниковъ“ или въ образѣ „Коща безсмертнаго“. Отъ поганаго духу татарскаго не можетъ прещенный жизнью быть. Но рядомъ съ такимъ представленіемъ, какъ и въ „Словѣ“, является и какое-то необыкновенное благодушіе и даже побратимство:

Вотъ Илья убиваетъ Соловья-разбойника, но не позволяетъ князю Владимиру воспользоваться его имѣніемъ, а отдаетъ его „Соловьинымъ дѣтускамъ“.

Какой-то черниговскій князь хотѣлъ выдать свою дочь за степного хана, хотя и удалось ей выдти за русскаго богатыря.

Былина помнитъ даже землю половецкую (Кир. III, 116—124), она знаетъ тельги ордынскія ¹⁾ (К. Д. 222). Ей извѣстна знаменитая половецкая фамилія Шаруканей и имя Салтъка, вѣроятно, Солтана.

Всѣ бытовые черты дружинной кievской Руси, передаваемыя „Словомъ“, сохраняются и въ былинѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ также „терема златоверхіе“ ²⁾ и даже съ матицей (К. Д. 159—160) или княземъ — черта, которой напрасно стали бы искать въ восточной архитектурѣ. Изъ покоевъ часто упоминается и гридня столовая, въ какой, по „Слову“, преклонился Кобыкъ предъ грознымъ Святославомъ. Встрѣчаемъ здѣсь и тесовую кровать, которая въ „Словѣ“ называется „тисовой“. Даже сонъ Святославовъ отчасти можемъ читать въ былинѣ.

Охота, которой занимался Игорь, по „Слову“, часто упоминается въ былинѣ: „Ѣздитъ богатырь по тихимъ по заводямъ и стрѣляетъ гусей, лебедей и пернатыхъ утокъ“ (Г. 1104).

Выти завтрака и обѣда также встрѣчаются въ былинѣ (Рыб., 1, 112).

Семейныя отношенія отзываются здѣсь, какъ и въ „Словѣ“, мотивами ближайшихъ родственныхъ привязанностей; кто старъ, тотъ отецъ („Пск. Лѣт.“, изд. Погод., 16). Старики и старухи въ былинахъ — батюшка и матушка. Въ „Словѣ“ Святославъ, какъ извѣстно, Игоря и Всеволода также называетъ „сыновцами“.

Плачи женъ въ былинахъ встрѣчаются не рѣдко и даже съ характеромъ дружиннымъ: оставленная семья иногда какъ будто въ отчаяніи:

¹⁾ Въ Лѣтоп. о тельгахъ и обозахъ татарскихъ, т. II, 144.

²⁾ Теремъ въ „Лѣт. Кіев.“, т. I, 23, 35.

Сидиши свѣровушка да невѣсточка въ одно мѣсто,
Плещи, обливаются,
Да молода Добрыню изъ чиста поля дожидается,
Прѣдучись не начнутся.

Срокъ дружиннаго возмужанія, опредѣляемый былинами въ 15 лѣтъ, вполнѣ совпадаетъ съ годами Владиміра Игоревича, который былъ въ походѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ.

Мощеніе мостовъ по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ во время похода, которое въ „Словѣ“ встрѣчается какъ поэтическій образъ, не рѣдко упоминается въ былинѣ:

Шла же эта сила въ Киевъ градъ,
Мостили мосточки калиновыя.

Изъ культурныхъ предметовъ, привозимыхъ изъ-за границы, здѣсь упоминаются „оксамиты“, о которыхъ говорится также въ „Словѣ“.

Воинскіе доспѣхи и оружіе здѣсь тѣ же самыя, что и въ „Словѣ“: мечи, сабли, копья, луки, стрѣлы, колчаны, кони съ сѣдлами и сѣдла со стременами; стрѣлы какъ тамъ, такъ и здѣсь называются *каленными* (Рыб., 1, 6, стр. 113), сабли называются *вострыми* (въ „Словѣ“ *изюстрены*); *пращи* у сѣдла красна золота (въ „Словѣ“ *златъ стремянь*). „Засапожникамъ“ въ былинѣ, кажется, соответствуютъ „ножища-кандалища“.

Мы уже упоминали о томъ, что „кметство“ развивалось искусствомъ и существовали даже воинскія состязательныя игры.

Для характеристики „свѣдомаго кметства“ считаемъ не излишнимъ указать на соперничество въ былинѣ богатырей въ конскомъ ристаніи, стрѣльбѣ въ цѣль и въ борьбѣ (Рыб. 1 и 11. 4 Майкова, стр. 54).

Если богатырь Дунай, и притомъ еще не въ трезвомъ видѣ, вызвалъ на подобное состязаніе свою жену, то напрасно г. Стасову подобный вызовъ дамы на поединокъ показался крайнею нелѣпостію. Вѣдь въ крестьянствѣ это обычное явленіе жизни: тамъ и нынѣ не рѣдкость, если мужъ и жена соперничаютъ въ томъ, кто кого переборетъ и кто кого перетянетъ и т. п. А вотъ и пѣсня, которая указываетъ на подобныя явленія:

Вдоль по травѣ,
Вдоль по муравѣ
Тамъ ходилъ-гулялъ молодецъ.
Молодецъ удалый
Кличетъ выкликаетъ
Красную дѣву:
Выйди, выйди, дѣвица,
Со мной парнемъ побореться!
А дѣвица къ молодцу,

Парню выходила,
А дѣвица молодцу
Парню говорила:
Не хвалися, молодецъ,
Самъ ты соборъ,
Самъ ты соборъ
Сыгую свою!
А дѣвица молодца
Парня поборола.

Что касается политическаго уклада древней Руси, то былина въ какомъ-нибудь Заонежьѣ не только знаетъ города областей приднѣпровской Руси, но и еще помнитъ, что было самаго характеристичнаго въ каждой изъ этихъ областей; она знаетъ, что „наилучшіе богатыри были въ Кіевѣ“ на заставахъ отъ поганой степи, а „золота казна въ Черниговѣ“—мы указывали уже на эту историческую черту его. „А хлѣбные запасы въ Смоленскѣ городѣ,—средоточіа хлѣбной торговли между югомъ и сѣверо-востокомъ. Точность поразительная для народнаго эпоса.

Мы указывали также на тотъ упрекъ, съ какимъ Святославъ кіевскій обращается въ своемъ золотомъ словѣ къ князю Всеволоду, который, занявшись сѣверо-восточными дѣлами, мало обращалъ вниманія на югъ:

Не подумаешь ты, говоритъ онъ, побережъ золотого престола отцаваго?! Видно, что Кіевъ смотрѣлъ на сѣверъ свысока. Черта эта замѣтна и въ былинахъ: залѣвскій владимірскій край на богатую и боярскую кіевскую Русь производилъ впечатлѣніе края демократическаго, мужицкаго. Мужики отсюда называются въ былинѣ „залѣвчане“ (Рѣб., 1, § 13) и трактуются „зѣваками“.

Мужики залѣвчане,—бѣда дремать,
Продремлютъ богатыря въ чистомъ полѣ.

Какъ „Слово“, такъ и былина менѣе всего касаются народа, его быта и отношеній. Но если уже въ „Словѣ“ рѣзко разграничивается боярство отъ „пахара“ или, какъ въ лѣтописяхъ, отъ смерда, то еще осязательнѣе сказывается это въ былинѣ:

Князь Владиміръ говоритъ Ильѣ:
Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхаешься,
Во глазахъ, мужикъ, ты надрыгаешься (Рѣб., 1, 10).

Богатырь Микула Селяниновичъ—представитель крестьянства—и тотъ, по былинѣ, очень невыгодно трактуетъ мужика.

Или вотъ что говорить, напр., Чесова жена:

Мы есть роду богатаго именитаго,
Именитаго роду, княжескаго,
Вы есте роду нищетаго, кошельчатаго.

Боярскіе роды хвастливые, замѣчаетъ одна былина (К., IV, 8).

Это понятіе дружинно-боярской Руси о своей родовитости нельзя считать повиднѣйшимъ привнесеніемъ въ былинку. Оно есть всеобщее явленіе и присущее всѣмъ передовымъ людямъ, стоящимъ во главѣ народовъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторіи.

Даже дочери Соловья-разбойника и тѣ не иначе говорятъ въ

былиннѣхъ о мужикѣ, какъ крайне презрительно; онѣ называютъ его „мукишникомъ-деревенщиной“; впрочемъ, много, конечно, отъ стени и ждать нельзя.

Сдѣланныя нами сближенія „Слова“ съ былинной показываютъ, насколько оно проникнуто народной стихіей. Чтобы еще болѣе видѣть сходство въ этомъ отношеніи мы сравнимъ ихъ по языку.

Оказывается, что здѣсь встрѣчаются не только одни и тѣ же отдѣльные образы, во и цѣлыя картины.

Для объясненія выраженія „бусинъ“, въ былинѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: бусить, значить здѣсь—чертить.

Котора была мѣдъ аравитская,
Никогда она не бусила, не ржагала.

Раны называются кровавыми.

Былина знаетъ также пардусовъ, какъ и „Слово“ (въ числѣ звѣрей Волкъ убиваетъ пардусовъ) (въ „Словѣ“ пардуже гнѣздо).

Шелома встрѣчается также въ былинѣ, и называется окатистымъ (К., III, 46).

Но вотъ и цѣлыя картины почти такія же, какъ и въ „Словѣ“.

Измѣненіе проѣханнаго пространства церковною службою, для обозначенія быстроты ѣзды, употребленное въ „Словѣ“ (тому въ Полотскѣ позвониша къ заутренѣ, а онъ къ Кіеву звонъ слыша) являются въ былинахъ постоянною эпическою формою:

Стоять-то я заутреню во Муромѣ,
Песнѣвалъ-то въ обидѣхъ въ стольный Кіевъ градъ.

Какъ Игорь, возвратившись изъ полона, разговаривалъ съ рѣкою Донцемъ, подобный же разговоръ ведетъ и богатырь Сухманъ съ Нѣпрою рѣкой.

Въ „Словѣ“: „И рече Гзакъ Кончакови: аще его опутаеви красною дѣвицею, ни наша будетъ сокольца, ни наша красной дѣвицѣ“.

Въ томъ же смыслѣ старый казакъ Илья Муромецъ говоритъ кн. Владимиру на счетъ Даниила Ловчина и его жены, которую хотѣлъ себѣ присвоить Владиміръ:

Изведешь ты яснаго сокола
Не пимать тебѣ бѣлой лебеди.

Въ „Словѣ“:

Солнце на небеси,
Игорь князь въ русской землѣ.

Въ былинѣ:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ
Одинъ казакъ на св. Руси,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановъ.

Впрочемъ, главнѣйшія особенности языка былины связаны съ другой, присущей имъ стихіей, именно съ стихіей мифической, которая здѣсь существеннымъ образомъ связана и перемѣшана съ бытовымъ фактомъ.

Всѣ былины Владимірова цикла, какъ мы уже сказали, выражаютъ собственно одинъ историческій фактъ, „борьбу русской земли со степью“. Но кромѣ этого оберегательнаго, такъ-сказать, періода, былъ еще періодъ наступательный борьбы на Византію.

Выше мы говорили, что дружинныя словеса объ этомъ періодѣ связывать на первыхъ страницахъ „Кіевской Лѣтописи“. Здѣсь мы позволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что этотъ наступательный періодъ не прошелъ безслѣдно и для народнаго творчества, — рядомъ съ дружинными словесами шла и народная былина. Даже дошедшая до насъ былина вспоминаетъ объ отношеніи Руси къ Царьграду: она знаетъ не только цареградскіе сыгриши (Кир., IV, 67), но и камку-хитрость Царьграда (Кир. IV, 101), и шляпу земли греческой (Кир. II, 50); она знаетъ, что тамъ четье-пѣнье церковное и звонъ колокольный (Кир., IV, 22), что черезъ Царьградъ русскіе калѣки переходящіе ходятъ въ Іерусалимъ ко гробу Господню (В. Д., 227); былина знаетъ наконецъ, что тамъ былъ царь „Константинъ“ Боголюбовичъ, что Царь-градъ обступила невѣрная сила и потому заставляетъ отправляться туда Илью Муромца и защищать его отъ враговъ, какъ защищаетъ онъ въ Кіевѣ князя Владиміра.

Принадлежащая намъ рукописная былина, о которой мы упоминали выше, прямо развиваетъ ту мысль, какъ ходили кіевскіе богатыри на богатырей цареградскихъ и учинили себѣ честь; на просьбу князя Владиміра побережъ Кіевъ, они отвѣчаютъ, что они сторожами не повадилосъ и не придется имъ сторожами слѣть. Наступательный характеръ составляетъ сущность этой былины и въ этомъ отношеніи ставитъ ее внѣ былины Владимірова цикла. Имена русскихъ богатырей тѣ же, что и въ дошедшихъ до насъ былинахъ; но побѣда надъ цареградскими богатырями, приводъ одного изъ нихъ къ Кіеву и затѣмъ отпускъ его въ Царьградъ: словомъ, начало и конецъ, связанные съ Царьградомъ и выраженные въ цѣлой особой былинѣ, указываютъ здѣсь подкладку болѣе древнюю, чѣмъ имена богатырей позднѣйшей эпохи.

Къ циклу былины этого наступательнаго періода на Византію мы относимъ и дошедшую до насъ былинку о Вольгѣ или Волхѣ Все-славичѣ, вполне раздѣляя мнѣніе другихъ изслѣдователей, что въ ней воспѣтъ Олегъ вѣщій.

Такимъ образомъ, если „Слово о полку Игоревѣ“ лишь только

упоминать о грекахъ, говоря, что они пѣли Святославу, былина тѣмъ же къ Византіи болѣе глубокими корнями.

Не что такое чудесное въ былинахъ и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ мистикѣ „Слова“?

Былина обязана своимъ происхожденіемъ, по нашему мнѣнію, историческому факту богатырства: нравственные подвиги дружинниковъ, подвиги на землѣ русскую отъ поганой степи, должны были производить на народъ глубокое впечатлѣніе и оставлять въ его душѣ столь же глубокіе слѣды. Богатырскія могилы, о которыхъ гласятъ рукописи и географическія имена бугровъ, должны были поддерживать и оживлять преданія объ этихъ необыкновенныхъ божіихъ людяхъ. Былина, по нашему мнѣнію, слагалась такъ же, какъ носѣ складывались житія святыхъ, о которыхъ преданіе мало сохранило біографическихкихъ подробностей.

За отсутствіемъ подобныхъ историческихкихъ данныхъ, біографы приурочивали жизнь святого къ определенной, уже установившейся рамѣ житія и обставляли его извѣстными эпическо-біографическими чертами, въ родѣ того, что „у родителей долго не была дѣтей и святой былъ сыномъ молитвы, что уже груднымъ ребенкомъ по средамъ и пятницамъ отказывался отъ груди матери, что въ 7 лѣтъ онъ являлъ уже особенную премудрость“ и т. п.

Подобнымъ же образомъ создавалась и былина.

Прежде всего преданіе о богатыряхъ должно было прикрѣпиться къ готовому уже основу народнаго эпоса: иначе сказать, оно должно было принимать форму народнаго эпического сказанія. Однообразие и монотонность всѣхъ дошедшихъ до насъ былинъ Владимірова цѣла прямо указываютъ на этотъ основъ.

Въ моемъ рукописномъ собраніи есть, между прочимъ, одно сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ съ особенностями малороссійскаго письма и говора, о которомъ я заявилъ на III кievскомъ археологическомъ сѣздѣ, поддерживая свое желаніе, чтобы кievскіе ученые поискали подобныхъ рукописей въ своемъ краѣ и назависывали уцѣлѣвшія тамъ преданія объ этой средоточной личности кievскаго богатырства. Сказаніе, о которомъ мы говоримъ, носитъ въ нашей рукописи такое „заглавіе:“ *Исторія о славномъ и о храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о соловѣ разбойникѣ*. Въ данномъ случаѣ для насъ чрезвычайно важно то, что здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ „кievскимъ княземъ“, во всемъ сказаніи „имени Владиміра“ нѣтъ и помину. Отсутствие этого имени въ сказаніи, занесенномъ притомъ на югъ Россіи, чрезвычайно важно: оно именно указываетъ на тотъ основъ, къ которому приросла былина въ главѣ съ княземъ Владиміромъ.

Далѣе, при отсутствіи біографическихкихъ подробностей, которыми,

конечно, не богато было преданіе и историкъ не могла восполнить богатырская могила, былина должна была брать содержаніе для нихъ изъ готоваго запаса представленій „божійхъ человѣковъ“. Такимъ образомъ мертвый эпическій остовъ облекся въ историческую плоть и дружинники-герои получили въ народномъ сознаніи образъ „человѣкомъ божіихъ“.

По мѣрѣ того, какъ пораная стена возставала въ душѣ народа въ образахъ—„лютой змѣи и хоботастихъ драконовъ“, и богатырство земли русской должно было принимать въ народномъ сознаніи опредѣленные очертанія и выражаться въ типическихъ обликахъ.

Итакъ, русскій народный эпосъ въ былинѣ является лишь формой отраженія историческаго факта: самъ онъ уцѣлѣлъ въ ней лишь только, какъ курганный костякъ. Но какъ по могильнымъ костямъ трудно воспроизвестъ живого историческаго человѣка, такъ и по мненческимъ обломкамъ, сохранившимся въ былинѣ, трудно воссоздать полный космическій міръ, видимо не наводя на нее искусственныхъ аналогій.

Время князя Владимира было не эпохой развитія міеа, а его упадка.

Въ исторіи развитія міеа выдаются три главные послѣдовательныя ступени: 1) царство неба или „Сварога“, греческ. Урана; 2) царство Сварожича — солнца и небеснаго огня; 3) царство громовержца и тученосителя „Перуна“, греческ. Зевса. Каждая послѣдующая ступень представляетъ большее количество боговъ, — а, слѣдовательно, и большее дробленіе божественныхъ силъ, болѣе развитый антропоморфизмъ въ представленіяхъ о богахъ, болѣе выработанный культъ и лучше организованную жрецескую іерархію.

Чередованіе царства боговъ обуславливалось чередованіемъ формъ гражданственности у народовъ. Божеству неба поклоняются народы звѣроловныя и номады въ древнѣйшую пору: надъ кочевыми народами царитъ божество солнца съ своимъ братомъ — небеснымъ огнемъ; оно же, естественно, господствуетъ въ странахъ, мало орошаемыхъ дождемъ; культъ громовержца и тученосителя встрѣчается во всѣхъ умѣренныхъ странахъ въ эпоху земледѣльческаго и государственнаго быта. Причина такого чередованія понятна. Вступая на новую ступень гражданственности, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣняетъ свое отношеніе къ важнѣйшимъ дѣтелямъ природы. Диварю мало дѣла до силы солнца, сожигающей и промораживающей злаки; средства его пропитанія мало выигрываютъ или страдаютъ; не много нужды и до грозовыхъ явленій, которыя притомъ въ иныхъ странахъ и не грозы. Вся жизнь кочевника въ стадахъ, а жизнь стада въ обиліи сочныхъ травъ на степяхъ, всегда

сухихъ и подверженныхъ дѣйствию солнца; поналі засуха степи, иссуши источники, стада погибають, гибнуть и люди. Урожай хлѣба и благосостояніе хлѣбопашца наиболѣе зависать отъ благопріятнаго распредѣленія, во временахъ года, дождя—небеснаго сѣмени. Человѣкъ же въ окружающемъ его мірѣ наиболѣе любитъ то, что ему полезно и боится того, что для него вредносно. Съ измѣненіемъ отношеній человека въ природѣ, измѣнялись въ его глазахъ способности, мѣсто и свойство проявленій „божества“ и его дѣятельности. Оно, въ понятіяхъ дикаря помогающее въ небѣ, кочевникамъ представлялось дѣйствующимъ въ проворающей силѣ солнца и въ борьбѣ съ Зимой и холодомъ, а земледѣльцамъ являлось въ грозныхъ явленіяхъ. Иного совпаденія формъ религіозныхъ и формъ гражданственности исторія человечества не представляетъ.

Раздѣляя всѣ эти мысли г. Розова, мы однако же не можемъ согласиться съ нимъ о героическомъ значеніи нашей былинны.

Время Владиміра не могло быть той эпохой, въ которую бы мифъ переносился на героевъ людей—въ силу народнаго стремленія, придать ему болѣе естественности и жизненности. Это была эпоха рѣшительнаго потрясенія культа Перуна-громовержца; онъ былъ, наконецъ, замѣненъ христіанствомъ.

Положимъ, что масса народа могла оставаться во многомъ вѣрна этому культу и раздѣлять старыя вѣрованія, но, съ другой стороны, и политическое значеніе новой вѣры и церкви съ ея правами и широкимъ воздѣйствіемъ на общественныя и семейныя отношенія, — менѣе всего могли благопріятствовать развитію героическаго эпоса. Степь также, съ своей стороны, имѣла слишкомъ отвращающее дѣйствіе. Эти политическіе перевороты въ самомъ народѣ скоро и сильно должны были омончательно поколебать въ народномъ сознаніи силу и власть громовержца.

Мифическія преданія явились въ народномъ сознаніи лишь на подмогу для образнаго и живого представленія историческаго факта и дѣйствительныхъ — необыкновенныхъ героевъ въ борьбѣ съ поганю степью—какъ „божикъ человѣковъ“.

Не усматривая прямого мифа въ дошедшей до насъ былинѣ, мы, однакожъ, замѣчаемъ здѣсь слѣды его настолько, что допускаемъ впередъ ея существованіе цѣльнаго героическаго періода русскаго эпоса.

Прежде всего замѣтимъ, что въ былинѣ встрѣчаются такія черты, которыя уназываютъ на обычныя приемы гиперболическаго изображенія и встрѣчаются наравнѣ съ былинной и въ бытовой поэзіи. Быть можетъ, черты эти и вытекали когда-нибудь изъ мифическаго преданія, но въ настоящее время эта связь такъ отдаленна, что дѣ-

латъ какіе-либо выводы изъ подобныхъ выраженій насчетъ космогоническаго міа было бы крайне опасно.

Другія черты богатырства несомнѣнно отзываются міомъ, но въ былинахъ болѣею частію стоятъ отрывочно, лишь только какъ гиперболическія черты историческаго факта, а потому развѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возможно угадывать въ томъ или другомъ богатырѣ то или другое космогоническое божество.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, вошедшихъ въ былинну изъ народнаго эническаго міросозерцанія, для изображенія богатырей, какъ людей необыкновенныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, какъ „божінхъ человѣковъ“.

Таковы напр.:

1) Сверхъестественное рожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ;
2) Чудодѣйственный напитокъ, который даетъ исполнскую силу. „Что чувствуешь въ себѣ, Илья?“—спрашиваютъ его калѣки переконжіе, поднеся ему чарочку питья медвянаго;

3) Чудодѣйственные кони, какъ конь Василья Вуслаева;

Подобные кони вѣщаютъ и человѣческимъ голосомъ.

4) Киданіе палии подъ облака: палиа у богатыря въ 80 пуд., а иногда и въ 50: „налиа свинцу чебурацкаго“, и металлъ онъ ту палиу подъ облака (Г., 1199).

5) Враги подобные же гиганты, и притомъ чудища: Соловей-разбойникъ—получеловѣкъ и полуптица (К. IV, 3). Пеганое идолище въ долину 5 сажень, межъ плечами—косая сажень.

6) Чудесныя звѣри.

7) Чудесныя птицы: мы уже выше привели примѣръ, въ которомъ сама былина замѣчаетъ, что она касается не того орла, который по полямъ летаетъ, а того орла, который дѣтей выводитъ на синемъ-морѣ, на бѣломъ латыри на камени (Г., 1104).

8) Чудесная смерть богатырей: отъ крови Дуная потекла рѣка Дунай (Р., 1, 185, 186, 194, 197, 11, 51), отъ крови жены его Настасьи Королевишны — также потекла рѣка; Илья-Муромецъ каменяетъ въ то время, когда строить церковъ пещерскую (К. IV, 52).

Всѣ эти черты таковы, что подъ ними теряются человѣческіе образы и предъ нами выступаютъ уже „божінъ человѣки“. Этихъ чертъ нельзя считать произвольными созданіями фантазій: онѣ явились въ былинахъ на помощь ей для отображенія историческаго факта изъ запаса надмірныхъ образовъ, такъ какъ они могли быть воззваны въ духѣ только величественными явленіями космоса, а не обычной исторіей человѣческихъ дѣлъ. Изъ космогоническаго міросозерцанія взяты онѣ — и лишь служатъ въ былинѣ къ характеристикѣ борьбы русской земли со степью.

На космическое ихъ значеніе наводитъ часто и сама былина своими сравненіями:

Не двѣ грозы тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались,
Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ. (К., IV, 80—82).

Встрѣчаются въ былинѣ черты, которыя совершенно не мирятся съ образомъ богатырей, какъ „божійхъ человѣковъ“ и отзываются чисто стихійнымъ характеромъ и дикаго до-историческаго быта: появленіе ихъ въ былинѣ указываетъ на то, что на помощь народной фантазіи для изображенія факта безразлично представлялись и космическіе образы божествъ, болѣе человѣчно-мотивированные, и вмѣстѣ съ тѣмъ образы болѣе отдаленнѣйшей эпохи — эпохи дикаго быта и первобытнаго мифическаго олицетворенія.

Къ такимъ стихійнымъ олицетвореніямъ относятся всѣ превращенія. Къ такимъ же чертамъ мы относимъ способность ихъ пить сразу — полтора, полтретья, или полпята ведра; далѣе, наклонность ихъ къ самымъ грубымъ и дикимъ шуткамъ.

Сюда же относится подобная расправа богатыря съ врагами:

Ухватилъ татарина онъ за ногу,
Да и началъ татаринѣмъ помахиывать:
Онъ гдѣ вѣдъ махнетъ — тутъ и улица,
А назадъ отмахнется — переулочекъ. (Г. II, 297).

Или же другой богатырь кидаетъ враговъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго.

Гораздо цѣльнѣе и нагляднѣе космическій мифъ дошелъ до насъ въ сказкахъ, чѣмъ въ былинахъ. Эти послѣднія, по нашему мнѣнію, никакъ не должны быть изучаемы отдѣльно отъ сказокъ.

Всѣ отмѣченныя нами черты, вошедшія въ былинку для отображенія историческаго богатырства, существеннымъ образомъ совмѣщаются въ сказкахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и страшныхъ силачей, исполиновъ и „вѣщихъ коней“ (Ае., I, 74, 11, 74, 84), и воду, дающую силу (I, 31), и живую и мертвую воду (I, 125), и окаменѣніе людей и змѣевъ о двѣнадцати хоботахъ, и „превращенія“, и чудесныхъ животныхъ, — шутки отрыванія рукъ и ногъ и т. п.

Такимъ образомъ, сказочный эпосъ не только можетъ помочь разъясненію мифической стихіи былинъ, но и послужить указаніемъ для представленія русскаго эпоса, котораго въ былинахъ видѣны лишь только остовъ, да кое-какія кости космическихъ божествъ.

Нагляднѣе всего обнаруживается связь былинны съ сказочнымъ

эпосомъ въ одной сказкѣ — и именно въ той, которая больше всего имѣетъ значенія для теоріи тюрко-монгольскаго происхожденія былинны, а именно въ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ ¹⁾.

Важнѣе всего для насъ въ этой сказкѣ то, что она явилась къ намъ на Русь не отъ тюрковъ и монголовъ. Въ нашемъ спискѣ есть неотразимыя на то указанія. Здѣсь встрѣчаемъ мы собственные имена, несомнѣнно греческія; таковы, напримѣръ: царь-змѣй Θεοδουλъ (Θεοδουλος — января 19, марта 2, апрѣля 29, мая 18, іюня 7, іюля 4, сентября 2, — 154, 7); царь Вахрамѣй (Βαρβολομεος — іюня 11, 30, августа 25); мать Еруслана называется здѣсь Епистимія (Επιστήμη — ноября 5); дочь Вахрамѣя царевна Настасія (Αναστασία — марта 10, апрѣля 15, октября 20, 30, декабря 22); воетельницы или поленицы носятъ названія: „Продора“ (πρόδωρα — впрѣдь бѣгущая-вѣстница); „Мандора“ (μανδρα — толпа дѣвицъ); „Легія“ (Λεγία-γυναίκες — слабыя, невоинственные женщины). Если о первыхъ двухъ именахъ и могутъ еще возникать недоразумѣнія, то послѣднее стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія — по самому значенію этой „поленицы“ въ разсказѣ.

Въ виду такого преобладанія греческихъ именъ, мы склонны думать, что и конь Аращей есть не что иное, какъ конь браннаго Арія (αρηϊβόος — быстрый какъ Арій, или просто αραϊος — бывшій предметомъ мольбы, желанный). Самъ Картаусъ угрожаетъ, такимъ образомъ, обратиться въ гомерическое державецъ — κρατος, или κρατος (отъ κραταιω — владычеству, повелѣваю). Русскія сказки, дѣйствительно, всегда завязываются нарицательнымъ именемъ царя: „въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ былъ царь“ — безъ указанія собственнаго его имени.

Но отъ кого бы ни пришла къ намъ эта сказка, — она въ русскомъ народномъ сознаніи нашла себѣ сродныя стихіи, прикрѣпилась къ общимъ съ нею эпическимъ представленіямъ, — получила форму, соотвѣтствующую народному характеру и быту, и такимъ образомъ — вмѣстѣ съ нашей былиной — она можетъ разъяснять не только общій миѣическій костякъ, замѣтный какъ у насъ, такъ и въ преданіяхъ Византіи, но и служить еще указателемъ русскаго мотивированія космическаго міа.

Теперь обратимся къ самому существенному вопросу для нашего изслѣдованія, — именно къ вопросу о томъ, „въ какомъ отношеніи миѣическія черты былинъ стоятъ къ миѣологіи „Слова“?

¹⁾ Эта сказка въ нашемъ спискѣ носитъ такое заглавіе: „Сказаніе храбраго и отважнаго Еруслана Лазаревича, русскаго богатыря“. Рукопись въ 4-ю долю листа, скор. 1753 г. Писалъ Михай Чаромскій, — село Чаромское, въ череповецкомъ уѣздѣ, новгородской губерніи. Рукопись подарена мнѣ преподавателемъ олонеккой духовной семинаріи — Ф. И. Любецкимъ.

Существенный выводъ въ данномъ случаѣ тотъ, что Соловей-разбойникъ, Поганое-идолище и Лютая-змѣя разныхъ видовъ, въ былинѣ означаютъ поганую степь и, стало-быть, вполнѣ отвѣчаютъ Диву и Тмудораканскому болвану, которые въ „Словѣ“ являются представителями степи. Посредствующимъ и сближающимъ всѣ эти образы звеномъ служатъ „Дивнѣще“, сохранившееся доселѣ на фрескахъ кіево-софійскаго собора, въ борьбѣ его съ какимъ-то богатыремъ. Это Дивнѣще представлено здѣсь въ видѣ „человѣка съ птичьей головой“ — и оно уцѣлѣло, какъ-будто для того, чтобы видѣть намъ, какъ сходятся въ немъ былинный Соловей-разбойникъ — полу-человѣкъ и полу-птица — и Дивъ „Слова“, сидящій на деревѣ, кличущій степи — и затѣмъ повергающійся на землю.

Представленіе степной силы — въ образѣ Дивнѣща — крѣпко было даже и въ московскій періодъ. Вотъ какъ, напр., описывалось вступленіе въ бой Улуха Махмета съ войскомъ Василія Васильевича Темнаго: „Онъ же царь змій, видѣвъ войско московское, уже близъ къ нему грядуще... и всѣдъ на конь свой и взя оружіе свое въ руку и поскрежета зубы, аки дивій звѣрь, грозно посвиста, аки страшный звѣрь, и ожесточился сердцемъ на брань, яко левъ ревный, огнемъ дыша; противу многихъ воевъ великаго князя съ немногими вои напустися“.

Въ подобномъ же образѣ представляется затѣмъ самозванецъ: „и какъ малъ починутъ люди московскаго государства — и звѣрь воста горпій нервыхъ“ ¹⁾. Затѣмъ всецѣло этотъ образъ усвоенъ былъ расколомъ въ его воззрѣніяхъ на представителей церкви и государства.

Микула Селяниновичъ является преемникомъ Велеса: въ этомъ случаѣ соединяющимъ звеномъ былины съ „Словомъ“ служитъ приведенная нами мѣстическая пѣсня, которая и нынѣ еще бытуеетъ среди народа. Ворода при обрядѣ заворачивается въ честь „Велеса“, — а въ пѣсни, которая при этомъ поется, воспоминается имя „Микулы“. Связь Микулы съ Велесомъ видна изъ того, что ни одинъ святой не пользуется въ крестьянствѣ такимъ почетомъ и любовью, какъ Николай Чудотворецъ и имя его поминается въ каждой малѣйшей крестьянской нуждѣ. Очевидно, въ живомъ народномъ сознаніи въ образѣ Николая — живетъ тотъ, кому вертится борода на полѣ, кто считается обладателемъ земной тяги, или же тотъ, кто говоритъ о себѣ въ былинѣ:

¹⁾ Рук. Чертк. библ. 1²/₄₆ л. 17. 18.

А я ржи понаму
 Да во скирды слошу,
 Во скирды складу—домой выволочу;
 Драни надеру, да и пива наварю
 Пива наварю, да мужичковъ напою,
 И стануть мужички меня покликивати:
 Молодой Микულашка Селяниновичъ (Рѣб., 1, 21—22.

Николинъ день — дѣйствительно — дивной праздниѣ по преимуществу,—по крайней мѣрѣ, въ новгородской губерніи.

Есть въ былинѣ мифическія черты, которыя близко подходятъ къ образу Хорса, упоминаемаго въ „Словѣ“:

Была у Ильи заповѣдь великая
 Стоять-то у заутрени въ Черниговѣ
 Посаѣтъ къ обѣдни въ Кіевъ градь,
 Перескоку ровно 300 верстъ. (Рѣб., 111, 24).

Богатырь, ѣдущій на конѣ, изъ рта котораго пышетъ пламя, голова котораго подъ облаками, а хвостъ по землѣ разстилается, дѣйствительно соответствуетъ Хорсу, съ которымъ въ „Словѣ“ соперничаетъ въ бѣгѣ рыщущій Всеславъ: „ему же позвонили въ Полоцкѣ къ заутренѣ, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ“.

Этотъ мотивъ, изображающій бѣгъ богатыря, аналогичный бѣгу великана Хорса, проникъ, какъ извѣстно, въ биографическую письменность и выраженъ въ поѣздкѣ Іоанна, архіепископа новгородскаго XII вѣка, изъ Новгорода въ Іерусалимъ между ранней и поздней обѣдней.

Если Игорь въ „Словѣ“ называется „внукомъ Дажь-бога“, по его жизни, по изобилію и богатству его земныхъ благъ, то съ этой стороны—судя по пирамъ и избытку въ хлѣбосольствѣ князя Владиміра—онъ по преимуществу является внукомъ этого божества.

Наконецъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаются слѣды оборотничества и стихійныхъ превращеній, которыя такъ часто являются въ былинахъ. Всеславъ князь, скакавшій лютымъ звѣремъ, ночью висѣвшій на мглѣ, а утромъ превратившійся въ ураганъ — по всей справедливости, можетъ быть сопоставленъ съ вѣщимъ Вольгой или съ Волхомъ Всеславичемъ, котораго вѣщая натура такъ прекрасно изображена въ былинѣ. Не даромъ, конечно, Волхъ называется здѣсь Всеславичемъ и даже, какъ въ нашей рукописной былинѣ, — самъ Владиміръ величается также Всеславичемъ.

Мотивъ превращеній имѣетъ широкое значеніе въ сказкахъ и, конечно, имѣетъ связь съ космическимъ мифомъ.

Таковы наши выводы изъ сравненій „Слова“ съ былиной. Въ Лѣтописи и „Словѣ“—точно такъ же, какъ и въ былинѣ, изображается одна и та же дружинно-княжеская кievская Русь. Лѣтопись рисуетъ намъ эту Русь—въ ея историческихъ походахъ и дѣлахъ,—„Слово“ рисуетъ эту Русь—въ ея политическихъ идеалахъ, думахъ и ощущеніяхъ, которымъ не отвѣчала горькая дѣйствительность. Былина же изображаетъ ее такъ, какъ отразилась она въ народномъ сознаниіи и въ лицѣ необычайныхъ ея героев,—и въ идеальныхъ типахъ историческаго богатырства рисуетъ намъ ту же борьбу русской земли съ поганою стенью.

Итакъ, въ этихъ литературныхъ памятникахъ, мы видимъ дружинно - кievскую Русь, какъ описалъ ее монахъ, какъ очертилъ ее бояринъ, и какъ воспѣлъ мужикъ.

Е. Барсовъ.

Москва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1878.

Наши наличныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проекты гг. Бунге и Кауфмана, и мнѣніе г. А. Кошелева. — Новые налоги. — Слухи о табачной монополіи. Акцизъ съ табака. — Казенная монополія во Франціи и Австріи.

Никогда еще наша ежедневная печать не занималась такъ усердно финансовыми вопросами, какъ въ теченіи прошлаго мѣсяца, — и это было естественно. Приближается время сведенія баланса по бюджету 1879 года, и для всѣхъ ясно, что этотъ бюджетъ будетъ значительно отличаться отъ предшествовавшихъ. Въ графѣ расходовъ онъ представитъ около 37 милл. р. новаго расхода по одной системѣ государственнаго кредита, сравнительно съ бюджетомъ 1877 года, вслѣдствіе заключенія съ тѣхъ поръ займовъ на сумму 700 м. р. Сверхъ того, цифра обычныхъ бюджетныхъ расходовъ должна быть въ немъ значительно возвышена противъ цифры бюджета на 1878 годъ, то-есть возвышена не только въ размѣрѣ ежегоднаго возростанія, но еще въ размѣрѣ, обусловленномъ необходимостью возстановить военные запасы. Наконецъ, при составленіи новаго бюджета должны имѣться въ виду расходы чрезвычайныя: на окончаніе счетовъ по поставкамъ во время войны, передвиженію войскъ, устройству вновь прибрѣтенныхъ областей и содержанію оккупационной арміи, остающейся въ Болгаріи. Эти чрезвычайныя расходы, конечно, не войдутъ въ роспись, но ихъ надо имѣть въ виду при обсужденіи размѣра новыхъ обращеній къ кредиту.

Ближайшія средства для ихъ удовлетворенія прибрѣтены послѣдними внутренними займомъ въ 300 м. р. Этотъ заемъ даетъ возможность обойтись на нѣкоторое время безъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ; при помощи его, ихъ извлечено изъ обращенія на около 270 м. р., и это-то количество можетъ быть выпущено обратно, безъ

возвышенія нѣмѣнной цифры безпроцентнаго долга. Но едва ли этихъ 270 м. р. чрезвычайныхъ ресурсовъ окажется достаточно для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ на весь 1879 годъ. Взявъ въ совокушности эти расходы, помѣнованные выше, можно безъ преувеличенія сказать, что въ теченіи будущаго года потребность въ выпускахъ бумажныхъ денегъ будетъ ощущаться въ томъ же размѣрѣ, какъ будто война еще продолжается. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь собственно на веденіе войны въ теченіи года потребовалось около 650 м. р., т.-е. примѣрно 300 м. р. добытыхъ процентными займами въ до-бавокъ къ 382 м. р., добытымъ въ теченіи года (съ апрѣля 1877 по апрѣль 1878 г.) посредствомъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ на эту сумму. Если предположить, что въ будущемъ году не будутъ обращаться къ новымъ процентнымъ займамъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, то и тогда есть полное основаніе полагать, что потребность во второмъ средствѣ для удовлетворенія ихъ—выпускѣ бумажныхъ денегъ—останется въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ она ощущалась во время войны. Но въ такомъ случаѣ, для удовлетворенія ея, повторяемъ, едва ли окажутся достаточными въ теченіи года недавно извлеченные изъ обращенія внутреннимъ займомъ 270 м. р. бумажныхъ денегъ.

Сдѣлаемъ расчетъ, сколько въ дѣйствительности было вновь выпущено бумажныхъ денегъ (независимо отъ займовъ) съ начала войны (въ апрѣлѣ 1877 г.) по истекшій октябрь. Цифра кредитныхъ билетовъ временно выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ по счетамъ государственнаго банка къ 9-му октября составляла почти 500 м. р. ($499\frac{1}{4}$ м. р.). Но слѣдуетъ вычесть изъ нея двѣ слѣдующія цифры: во-первыхъ, въ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ, уже къ апрѣлю 1877 г. стояло около 45 м. р.; во-вторыхъ, цифра, показываемая нинѣ въ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе (до 723 м. р.) на около 10 м. р., меньше сравнительно съ соотвѣтствовавшей ей при началѣ войны. Итакъ, чтобы получить сумму кредитныхъ рублей, вновь выпущенныхъ въ обращеніе за послѣдніе 18 мѣсяцевъ, мы должны изъ 499 м. р. вычесть сперва 45 м. р., потомъ еще 10 м. р.—и тогда получимъ 444 м. р. Разсчитывая на 18 мѣсяцевъ, мы получимъ по $23\frac{2}{3}$ м. р. въ мѣсяцъ новыхъ выпусковъ; такова дѣйствительно и была ихъ средняя пропорція по отчетамъ банка съ мѣсяца на мѣсяцъ. Но вѣдь добытыхъ недавно 270 м. р., которые въ будущемъ году должны замѣнить намъ новые выпуски бумажныхъ денегъ, по этому расчету не хватитъ и на 11 мѣсяцевъ. А между тѣмъ, едва ли вся эта сумма останется неизрасходованною до начала 1879 г., едва ли она осталась неизрасходованною и до сихъ поръ.

Стало-быть, необходимо имѣть въ виду, что въ будущемъ году для покрѣтія чрезвычайныхъ расходовъ потребуется, коть въ нѣкоторой мѣрѣ, или обращеніе въ дальнѣйшему займу, или въ возобновленію выпусковъ бумажныхъ денегъ, по истощеніи прибрѣтеннаго запаса ихъ на 270 м. р.

И дѣйствительно, слухи по предстоящему заключенію вѣннскаго займа уже распространились, вслѣдствіе поѣздки министра финансовъ за границу. Заключение этого займа приводили въ связь съ установленіемъ табачной монополіи. „Agence russe“ опровергло эти слухи, но опровергло ихъ огуломъ, сказавъ, что слухи о данномъ г. министру порученіи—завязать переговоры о займѣ на основаніи учрежденія казенной монополіи табачнаго дѣла (régie)—лишены всякаго основанія. Такое огульное опроверженіе не исключаетъ, однако, возможности принятія и той, и другой мѣры безъ связи между ними. Объ учрежденіи табачной монополіи мы будемъ говорить съ нѣкоторой подробностью въ другой половинѣ обзорѣ, а теперь только сошлемся на приведенныя выше соображенія, изъ которыхъ истекаетъ, что едва ли казначейство обойдется въ 1879 году безъ вѣннскаго займа, если не захотятъ прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Это послѣднее средство, разумѣется, хуже всякихъ иныхъ, и его слѣдовало бы избѣгнуть во что бы то ни стало.

Въ слышимыхъ теперь въ обществѣ и даже въ появляющихся въ печати сужденіяхъ о нашихъ финансовыхъ дѣлахъ замѣчается нѣкоторая сбивчивость. Говорятъ и объ установленіи новыхъ налоговъ для уравновѣшенія бюджета, и о необходимости новаго займа по малой надежности новыхъ налоговъ, и вмѣстѣ предназначаютъ займу совершенно особую цѣль—выкупъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ теченіи войны, консолидацію безпроцентнаго долга, возстановленіе металлическаго обращенія и поднятіе цѣнности кредитнаго рубля. Но сбивчивость во всѣхъ этихъ толкахъ есть въ сущности только отсутствіе систематичности: одинъ вопросъ—добытіе наличныхъ средствъ, другой вопросъ—уравновѣшеніе бюджета, третій—возстановленіе разнѣна. Въ дѣйствительности же ежедневная печать совершенно права, поднимая всѣ эти вопросы разомъ. Да въ томъ-то и затруднительность вѣннскаго финансоваго положенія, что всѣ эти вопросы слѣдуетъ рѣшить такъ или иначе теперь же, или по крайней мѣрѣ остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи каждаго изъ нихъ—для того, чтобы въ будущемъ поступать съ систематичностью. Дѣйствительно, каждый изъ упомянутыхъ вопросовъ затрудняетъ рѣшеніе остальныхъ. Очень трудно въ одно время рѣшать такіе вопросы, какъ ослабленіе или инерція прежнихъ податныхъ поступле-

ній, возрастаніе бюджетныхъ расходовъ, потребность въ средствахъ чрезвычайныхъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, отказъ отъ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и поднятіе цѣнности кредитнаго рубля, девальвація или консолидація безпроцентнаго долга, обезцѣненіе бюджетныхъ поступленій и официальное признавіе паденія нарицательнаго достоинства кредитныхъ билетовъ. Но положеніе дѣлъ таково, что оно именно возлагаетъ на финансовое управленіе обязанность остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи каждаго изъ этихъ вопросовъ, на выборѣ теперь же средствъ для устраненія опасности и приведенія этихъ средствъ въ правильный планъ, исполненіе котораго и должно представить исторію русскихъ финансовъ въ ближайшемъ десятиѣ лѣтъ.

Итакъ, говорятъ, что первый внѣшній заемъ будетъ заключенъ съ спеціальной цѣлью консолидаціи нашего неотвержденнаго долга. Если сообразить, что этотъ долгъ представляетъ 943¹/₂ м. р. (за вычетомъ изъ общей суммы бумажнаго обращенія наличности металическаго фонда 179¹/₂ м. р. къ 9 октября) кредитныхъ рублей, сверхъ 216 м. р. въ серіяхъ и 153³/₄ м. р. въ непрерывно-доходныхъ билетахъ, то-есть бумагахъ, имѣющихъ значеніе денегъ, то консолидація этого долга сама по себѣ составляетъ столь громадную задачу и требуетъ такого напряженія государственнаго кредита въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, что трудно представить себѣ совершеніе ея при такомъ положеніи бюджета, которое требуетъ безпрерывнаго обращенія къ кредиту собственно на покрытіе текущихъ расходовъ. Но печатъ все-таки правъ, требуя одновременно и уравниженія бюджета, и добытія наличныхъ средствъ, и ликвидаціи безпроцентнаго долга. Печатъ высказываетъ при этомъ не свою прихоть, а дѣйствительную потребность общества. Больному, который жалуется на боль во всѣхъ членахъ, нельзя сказать, что боль въ его ногахъ нельзя унять потому, что у него болятъ также и руки, и спина. Необходимо дѣйствовать на весь организмъ, и излеченіе его возможно, впрочемъ, при соблюденіи одного условія—правильной гігіены, которая не вызывала бы усложненія болѣзни. Правильная гігіена въ данномъ случаѣ, это — уравниженіе бюджета посредствомъ сокращенія расходовъ и преобразованія податной системы въ смыслѣ уравнительности и болѣе производительности. Правильный годичный бюджетъ, или иначе, сведеніе концовъ съ концами — есть единственное, надежное основаніе для выхода изъ всякаго запутаннаго положенія. Излеченіе при соблюденіи этого условія вполнѣ возможно. Но, спрашивается, можно ли имѣть увѣренность въ силѣ финансоваго управленія соблюдать эту правильную гігіену—условіе всякаго излеченія? Откровенно признаемся

—мы этой увѣренности не имѣемъ, а потому все, что мы говоримъ о мѣрахъ къ выходу изъ нынѣшняго крайне-сложнаго финансоваго положенія, должно разумѣться въ такомъ смыслѣ, что все это говорится подъ условіемъ наличности такого средства, которое могло бы ручаться за правильность веденія обыкновеннаго хозяйства. Безъ него, то-есть безъ подобнаго средства, никакія комбинаціи не устранить финансоваго кризиса, элементы котораго уже обозначились. „Faites-moi de bonne politique et je vous ferai de bonnes finances“! — сказалъ одинъ извѣстный министръ финансовъ во Франціи.

Вопросъ о преобразованіи нашего кредитнаго обращенія привлекалъ къ себѣ въ продолженіи послѣднихъ 17 лѣтъ вниманіе нашихъ экономистовъ. Изложенію и критикѣ заявленныхъ по этому вопросу проектовъ посвящена, вышедшая недавно въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, книга г-на И. Кауфмана ¹⁾. Здѣсь изложены проекты: Е. И. Ламанскаго (1861 г.), г-на Гольдмана (1866 г.), проф. Вагнера (1868 г.), самого г-на Кауфмана (1874 г.), проектъ г-на Н. Х. Бунге (1878), — наконецъ, современныя соображенія автора. Изъ числа ихъ остановимся на двухъ, современныхъ — г-на Бунге и г-на Кауфмана, въ ихъ примѣненіи къ нынѣшнимъ цифрамъ.

По мнѣнію г-на Бунге, современное финансовое состояніе Россіи „довольно трудное“, но „не безвыходное“. Послѣдняя война, по его отзыву, представила доказательство, что русское правительство располагаетъ ресурсами достаточными для возвращенія народному хозяйству постоянной денежной единицы. Условія для такой реформы нужно подготовить *снизу*, а именно—необходимо, прежде всего, дать возможность монетѣ появиться во внутреннемъ обращеніи: признать лажъ, какъ то сдѣлалъ Сперанскій въ 1812 году. Какъ скоро лажъ будетъ явленіемъ узаконеннымъ, то-есть дозволено будетъ заключать сдѣлки на металлическую валюту, въ странѣ будетъ созданъ металлическій рынокъ, и затѣмъ усилія правительства для восстановленія металлическаго обращенія уже не будутъ требовать разорительныхъ займовъ. Правительство можетъ тогда узаконить биржевую цѣну кредитныхъ билетовъ, что установить твердую денежную единицу. Принимая общую цифру кредитныхъ билетовъ въ 1,074 милл. руб. (цифра, бывшая въ то время, когда онъ писалъ), г-нъ Бунге предлагаетъ 700 милл. руб. изъять изъ обращенія консолидацію ихъ внутренними займами; изъ остальныхъ 374 милл. руб. — 180 милл. будутъ уравниваться разнѣннымъ фондомъ, а 194 милл. руб. пред-

¹⁾ „Обзоръ проектовъ, вышедшихъ въ 1861—1878 годахъ, по вопросу о преобразованіи кредитной денежной системы Россіи“. Д-ра Ил. Кауфмана. Спб., августъ, 1878

ставить такую часть безпроцентного долга казначейства за кредитные билеты, которая может быть оставлена безъ опасности. Замѣтивъ, что проекты гг. Ламанского и Вагнера также сроднились къ тому, чтобы оставить сходную цифру безпроцентного долга (200 милл. руб.). Вмѣсто тѣхъ 700 милл. руб., которые полагалъ изъять изъ обращенія г-нъ Бунге, теперь уже имѣются, какъ мы выше видѣли, 749½ милл. руб. (за исключеніемъ 194 милл. руб., безопасныхъ и оставляемыхъ авторомъ проекта изъ общей суммы 943½ милл. руб.), но это не измѣняетъ сущности проекта.

Для изыятія этихъ 700 милл. руб. изъ обращенія, г-нъ Бунге собѣтуетъ употребить внутренніе займы металлическіе, принимая бумажки въ уплату за металлическія облигаціи по текущему биржевому курсу. Такой пріемъ бумажекъ за облигаціи по курсу г-нъ Бунге оправдываетъ соображеніемъ, что при дѣйствительномъ нынѣшнемъ курсѣ кредитныхъ денегъ было бы безуміемъ принимать ихъ наравнѣ съ монетою при подпискѣ на займы металлическіе. Такимъ образомъ, для изыятія изъ обращенія кредитныхъ рублей, на 700 милл. руб. достаточно было бы внутреннихъ металлическихъ займовъ на сумму около 450 милл. руб. Между тѣмъ, послѣдствіемъ такой мѣры должно быть, по мнѣнію г-на Бунге, то, что остальные 374 милл. кредитныхъ рублей, частью обезпечиваемые разнѣнными фондами, частью признанные безопасными безъ обезпеченія, поднялись бы до своей нарицательной цѣнности, — и это должно оправдывать провозглашаемый г-нъ Бунге принципъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду не девальвацію, но поднятіе цѣнности кредитнаго рубля.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ изложить здѣсь блестящую критику исторической части этого проекта г-нъ Кауфманомъ, — критику, замѣчательную по знаніямъ и по аналитической силѣ мысли. Остановившись собственно на оцѣнкѣ имъ практической стороны проекта. Г-нъ Кауфманъ замѣчаетъ, что „подготовленію реформы снизу“ въ видѣ узаконенія биржевой цѣны кредитныхъ билетовъ, вмѣсто нарицательной, вовсе не создастъ твердой денежной единицы; что шаткость происходитъ не отъ узаконенія нарицательной цѣны бумажныхъ денегъ, но отъ установленія закономъ обязательности ихъ пріема частными лицами при взаимныхъ платежахъ. Г-нъ Кауфманъ доказываетъ, что пока въ странѣ продолжаютъ обращаться обезцѣненные бумажные деньги, какъ законное платежное средство, онѣ дѣлаютъ всякую денежную единицу непостоянною. Звонкая монета можетъ представлять неизмѣнную единицу только тогда, когда она обращается или одна, или вмѣстѣ съ бумагою разнѣнною. Если бы и допустить монету, какъ валюту договоровъ, — она, при обращеніи перемѣнливой бумаги, все-таки осталась бы товаромъ съ измѣня-

щейся цѣной; только возобновленіе размѣна можетъ сдѣлать монету прочной денежной единицей. Вслѣдствіе того, г-нъ Кауфманъ полагаетъ, что правительство не должно отиѣнять принудительнаго курса бумажныхъ денегъ, не должно лишать нарицательную ихъ цѣну всякаго значенія, а владѣльцевъ ихъ — всякой надежды и расчета на возможность возвышенія ихъ цѣны до нормы нарицательнаго ихъ достоинства. По взгляду г-на Кауфмана, правительство должно предоставить себѣ одни договоры на металлическую валюту разрѣшать (какъ дѣлалось до сихъ поръ: напримѣръ, металлическія облигации обществъ желѣзныхъ дорогъ), а другія воспрещать (напримѣръ, опредѣленіе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ на звонкую монету, заключеніе землевладѣльцами арендныхъ договоровъ съ крестьянами на звонкую монету). Что касается появленія въ странѣ металлическихъ денегъ, вслѣдствіе разрѣшенія договоровъ на металлическую валюту, то г-нъ Кауфманъ утверждаетъ, что оно не облегчитъ казначейству его задачи; его долгъ останется долгомъ, металлическая монета не направится къ подпискѣ на правительственные займы, и хотя бы у кредиторовъ казны — обществъ — металлическихъ денегъ стало больше, это не рѣшитъ задачи, такъ какъ требуется, чтобы ихъ стало больше у должника, т. е. у правительства.

„Преобразование кредитнаго денежнаго обращенія, — говоритъ г-нъ Кауфманъ, — существуетъ только какъ реформа *сверху*. Реформы *снизу* въ дѣлѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ еще никогда не было и никогда не будетъ. Причина та, что реформировать снизу — нѣчего. Вся задача *только* въ томъ и заключается, чтобы правительство преобразовало *свои* отношенія къ кредитному обращенію“. — „Внизу, въ народѣ, въ населеніи страны, деньги всегда дѣлаются изъ труда, капитала и земли, — все равно какія бы ни были деньги, хорошія или дурныя. Только сверху исходить причина, по которой трудъ, капиталъ и земля даютъ странѣ дурныя деньги“. Причину эту авторъ указываетъ въ томъ, что сверхъ денегъ, которыя дѣлаются народомъ изъ труда, земли и капитала, еще правительство дѣлаетъ деньги — и дѣлаетъ ихъ „изъ бумаги и своей законодательной власти“. — „Поэтому, только сверху можетъ и должно исходить преобразование: правительство должно перестать препятствовать странѣ дѣлать изъ труда, капитала и земли *хорошія* деньги, — и для этого-то оно, путемъ консолидаціи, должно удалить неразмѣнныя бумажныя деньги“.

Обратимся теперь къ способамъ, предлагаемымъ г. Кауфманомъ для достиженія этой цѣли. Примѣняя основныя положенія своего проекта 1874 года къ нынѣшнимъ цифрамъ, онъ предполагаетъ оставить 130 м. р. кредитныхъ безъ консолидаціи, какъ безопасную часть бумажнаго обращенія; далѣе, 170 м. р. консолидировать безъ всякой

изъержки для казны, превращеніемъ ихъ въ билеты, вынужденные подъ обозначеніе особаго портфеля государственнаго банка; затѣмъ, изъ общей суммы нынѣшняго кредитнаго обращенія (940 м. р. сверхъ 180 м. р., обеспеченныхъ разнѣнными фондами) осталось бы изъять изъ обращенія и уничтожить 640 м. р. ~~излишнихъ~~ кредитныхъ билетовъ.

Авторъ предлагаетъ заключить, въ четыре приема, ежегодно по два займа на 100 м. р. каждый, одинъ внутренній и одинъ внѣшній, а въ нѣтъ годъ только одинъ внутренній, на 116 м. р. Допуская реализацію внѣшнихъ займовъ перваго по 80 за 100, втораго по 83, третьяго и четвертаго по 85, и пяти внутреннихъ займовъ по 90 за 100, авторъ приходитъ къ цифрамъ — 346 м. р. бумажныхъ денегъ, погашенныхъ при помощи внѣшнихъ займовъ, и 464 м. р., погашенныхъ займами внутренними; всего 810 м. р. Но въ этой цифрѣ заключаются и тѣ 170 м. р., которые предполагается затѣмъ выпустить подъ обезпеченіе особаго портфеля государственнаго банка.

Такимъ образомъ, въ проектѣ г. Кауфмана вовсе нѣтъ девальвации безпроцентнаго долга, ни открытой, ни скрытой (какая является въ проектѣ г. Бунге въ видѣ продажи металлическихъ займовъ по курсу для извлеченія кредитной бумаги). Стоимость же своей операціи г. Кауфманъ опредѣляетъ въ 39 м. р. ежегоднаго расхода, вмѣсто 40½, предполагаемыхъ г. Бунге, причемъ не обеспеченными остались бы по проекту г. Кауфмана только 130, а не 200 м. кред. рублей. Но, сверхъ того, г. Кауфманъ предполагаетъ еще ежегодный расходъ въ 3 м. р. для консолидированія остальныхъ неотвержденныхъ долговъ (серій, непрерывно-доходныхъ билетовъ и окладныхъ свидѣтельствъ); итого—общаго расхода, по рѣшеніи задачи въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ полагалъ г. Бунге—42 м. р.

Способу г. Кауфмана мы не можемъ не отдать предпочтенія передъ способомъ г. Бунге. Этотъ послѣдній содержитъ въ себѣ на наши глаза ту опасность, что представляетъ остроумное ухищреніе, которое могло бы повести къ мѣрамъ весьма отяготительнымъ, только не носящимъ настоящихъ, приличествующихъ имъ названій. Мы уже показали, со словъ г. Кауфмана, въ проектѣ г. Бунге скрытую девальвацию, то-есть простое отреченіе отъ части нарицательнаго долга, подъ именемъ возвышенія цѣнности кредитнаго рубля. Г-нъ Бунге говоритъ, что было бы безумно принимать обезцѣненную бумагу наравнѣ съ монетою въ уплату за облигаціи *металлическія*. Но почему же внутренніе займы, дѣлаемые для погашенія ассигнацій, непременно должны быть металлическіе, для какой цѣли г. Бунге хочетъ, чтобы они были металлическіе? Для того именно, чтобы принимать въ уплату

за нихъ ассигнаціи по биржевому курсу. Стало-быть, онъ прямо предлагаетъ, чтобы казна *отреклась* отъ трехъ-восьмныхъ (по курсу 250 сант., вмѣсто 400) нарицательной суммы двухъ-третей своихъ обязательствъ (820 м. р.) для того, чтобы возстановить полную цѣнность остальной трети ихъ (200 м. р., остающихся не консолидированными, и 180 м. р. обеспеченныхъ разнѣнными фондомъ).

Но при осуществленіи этого проекта является еще слѣдующая опасность. Допустимъ, что, вслѣдствіе узаконенія лажа, въ странѣ со-здался металлическій рынокъ, т.-е., что звонкая монета стала ходить по курсу, рядомъ съ кредитной бумагой. Это означало бы, какъ выразился г. Кауфманъ, что звонкія деньги явились бы у кредиторовъ правительства, но еще не у самого должника. Но не возникла ли бы тогда неизбежно мысль (которая уже и теперь мелькаетъ въ умѣ нѣкоторыхъ финансистовъ) о взиманіи государственныхъ податей кредитными билетами по курсу? А, вѣдь, это означало бы возвышеніе податей на $\frac{2}{3}$ нынѣшней ихъ тяжести, т.-е. мѣру, опасную во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ почему мы положительно отвергаемъ всякую такую дальнѣйшую мѣру (послѣ установленія золотой пошлины), которая отрицала бы нарицательную цѣну кредитнаго рубля; въ этомъ смыслѣ мы всегда были противниками операціи закупки металла государственнымъ банкомъ на выпускъ бумажныхъ денегъ и ходатайства обществъ жалѣемыхъ дорогъ объ установленіи тарифа на металлической валютѣ.

Но что смущаетъ насъ въ проектѣ г. Кауфмана, какъ и во всякомъ проектѣ консолидаціи бумажныхъ денегъ, это—требуемое имъ громадное обращеніе къ кредиту въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Не то, чтобы мы безусловно не довѣряли возможности для правительства заключить займы по 200 м. р. въ годъ, въ теченіи 4 лѣтъ, съ прибавкой займа въ 116 м. р. на пятый годъ; но мы имѣемъ всѣ причины опасаться, что въ теченіи этого періода потребуется еще половинная этой суммы на покрытіе текущихъ дефицитовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на уплату по заключеннымъ въ послѣдніе два года займамъ уже требуется 37 м. р.; на операцію, предлагаемую г. Кауфманомъ, потребуется дополнительно 42 м. р.; на возвышеніе въ бюджетныхъ расходахъ въ нынѣшнемъ же году потребуется по меньшей мѣрѣ 21 м. р. Это уже составляетъ 100 м. р. новаго расхода, въ сравненіи съ 1876 годомъ. Объ окончаніи расчетовъ по войнѣ, возобновленію запасовъ, устройству Бессарабіи, Арменіи, Батума, мы уже не говоримъ; на это мы отнесли тѣ 300 м. р., которые добыты послѣднимъ внутреннимъ займомъ; напомнимъ только, что при прекращеніи

дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, и этой суммы, по приведенному выше разсчету, не хватитъ до 1 января 1880.

Откуда же намъ взять эти 100 лишнихъ милліоновъ въ годъ? До сихъ поръ придуманы только двѣ мѣры — поразрядный налогъ и возвышеніе табачнаго налога, посредствомъ усиленія контроля въ той или другой формѣ. Но, вѣдь, если не вдаваться въ область несбыточныхъ мечтаній, то оба эти налога въ совокупности могутъ дать всего лишнихъ милліоновъ 20—25. Гдѣ же средства для покрытія остальныхъ 80-ти? Но это не все. Нельзя упускать изъ виду необходимости нѣкоторыхъ производительныхъ пожертвованій со стороны казны. Таковыми представляются: на ряду съ поразряднымъ налогомъ — нѣкоторое уменьшеніе бремени подушныхъ сборовъ, а на ряду съ расширеніемъ табачнаго налога — уменьшеніе и даже отмена другого акцизнаго сбора — солянаго. Въ виду нынѣшняго экономическаго положенія значительной части крестьянства, эти пожертвованія столь же необходимы даже въ видахъ охраненія главныхъ источниковъ государственнаго дохода, какъ бываетъ необходимымъ и производитель ремонтъ частнаго дома для предупрежденія упадка въ общей его доходности. Стало-быть, едва ли даже можно разсчитывать и на тѣ 20—25 м. р. лишняго дохода, о которыхъ упомянуто выше.

Впрочемъ, о введеніи поразряднаго налога вдругъ какъ-то перестали говорить, и даже есть слухи, что мысль о немъ оставлена. Зато теперь говорятъ объ установленіи налога на движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, а также о возвышеніи гербоваго сбора. Но всего болѣе, по видимому, ожидаютъ отъ преобразованія акциза на табакъ. Этими послѣднимъ предположеніемъ мы сейчасъ займемся отдѣльно. Что касается поразряднаго налога, то мы должны сказать, что было бы крайне жаль, если бы основная мысль, въ немъ лежащая — привлеченіе къ прямому налогу классовъ достаточныхъ — была отложена въ сторону изъ-за опасенія стѣснить богатыхъ людей платежомъ нѣсколькихъ сотъ рублей въ годъ. А отказъ отъ этой мысли имѣлъ бы именно такое значеніе. Поразрядный налогъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ опредѣленъ въ проектѣ податной комиссіи, дѣйствительно, представлялъ важныя несовершенства. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что самая мысль о привлеченіи достаточныхъ классовъ къ несенію прямого налога можетъ быть оставлена. Подушныя подати и поразрядный налогъ должны быть преобразованы и слиты въ одну общую категорію личнаго налога, взимаемаго по разрядамъ, причемъ слѣдовало бы только исправить опредѣленіе разрядовъ по вышнимъ признакамъ, какъ оно было проектировано комиссіею. Если же предположеніе о введеніи поразряднаго налога въ настоящее время бу-

дѣтъ отложено, въ такомъ случаѣ, основная мысль ея должна была бы осуществиться въ нѣсколькихъ специальныхъ налогахъ, рассчитанныхъ на движимый капиталъ и на роскошь. Сюда принадлежали бы: налогъ на купоны акцій и облигацій и вообще такихъ цѣнныхъ бумагъ, которыя при самомъ своемъ выпускѣ не были впередъ изъяты отъ возможности обложенія ихъ, налогъ на частные банки по суммѣ оборотовъ и на кассы ссудъ по мѣстностямъ, въ которыхъ онѣ находятся; затѣмъ, слѣдовали бы налоги: на квартиры въ городахъ, выше извѣстной нормы, опредѣленной по числу душъ въ семействѣ нанIMATEЛЯ, налогъ на экипажи и лошадей, не служащихъ для промысла, на право держать мужскую прислугу, на ливреи, на откупъ земли для охоты, на охотничье оружіе и собакъ, кромѣ служащихъ для промысла, и т. п.

Возвращаясь къ возвышенію цѣнности кредитнаго рубля путемъ консолидаціи, совершаемой при помощи ряда займовъ внутреннихъ и вѣнскихъ на около 800 мил. руб., мы должны сказать, что глубоко убѣждены въ необходимости такой мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣваемся, удастся ли ее исполнить. Это сомнѣніе является въ насъ не вслѣдствіе недовѣрія къ комбинаціи, предлагаемой, напр., г. Кауфманомъ. Не вина финансиста, конечно, что ему приходится предлагать займы на такую громадную сумму. Результатъ былъ бы, конечно, блестящій, если бы вслѣдствіе осуществленія этой комбинаціи, у насъ, вмѣсто 1.200 милліоновъ обезцѣненныхъ на три-восьмья кредитныхъ рублей, явилось 40 мил. новаго ежегоднаго расхода, но за то осталось бы въ обращеніи всего 446 милліоновъ бумажныхъ денегъ, вполнѣ обезпеченныхъ и ходящихъ по нарицательной цѣнѣ. Сомнѣніе въ насъ является собственно оттого, что при неуравновѣшенномъ бюджетѣ, при отсутствіи всякой гарантіи противъ нарастанія сверхсмѣтныхъ расходовъ, рядомъ съ осуществленіемъ предложенной комбинаціи неизбѣжно явилось бы или обращеніе къ займамъ съ цѣлью покрытія годичныхъ дефицитовъ—что затруднило бы займы для погашенія ассигнацій, или обращеніе къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ—что уничтожало бы въ корнѣ всю операцію по сокращенію нынѣшней ихъ суммы. Мало того, мы позволимъ себѣ сказать даже, что если бы эта операція уже удалась, если бы, наконецъ, возстановленъ былъ развѣсъ, и тогда едва ли металлическія деньги прочно водворились бы въ странѣ потому именно, что и тогда не было бы никакой серьезной увѣренности, что, при первой надобности, выпуски бумажныхъ денегъ не возобновились бы, а за ними и новая вѣроятность прекращенія развѣса.

По этому поводу мы должны упомянуть еще въ двухъ словахъ о

статьи г. А. Кошелева „о мѣрахъ къ восстановленію цѣнности рубля“. Г-нъ Кошелевъ въ техническо-финансовомъ отношеніи не предлагаетъ ничего новаго; онъ одобряетъ проектъ проф. Вунге. Но при этомъ онъ требуетъ, чтобы заведываніе дѣломъ бумажнаго денежнаго обращенія было возложено на особое учрежденіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, изъ 8 или 12 членовъ, по два или по три изъ людей земскихъ, торговыхъ и ученыхъ и изъ служащихъ по финансовому вѣдомству; назначеніе такихъ лицъ совершалось бы обыкновеннымъ порядкомъ опредѣленія на службу. Цѣль предполагаемаго учрежденія — внушить „необходимое довѣріе какъ внутри страны, такъ и внѣ нашего государства; а безъ этого довѣрія, — замѣчаетъ авторъ, — успѣхъ восстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ — онъ невозможенъ“.

Эта мысль — въ томъ размѣрѣ, какъ она предлагается нынѣ г. Кошелевымъ — не нова. Ее предлагалъ еще 17 лѣтъ тому назадъ не кто иной, какъ самъ нынѣ управляющій государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскій. Въ его проектѣ преобразованія кредитнаго обращенія высказано было предположеніе, чтобы государственный банкъ, на который было возложено исполненіе этого преобразованія, былъ взятъ изъ вѣдомства министерства финансовъ и подчиненъ исключительно и непосредственному вѣдѣнію одного совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, а составъ этого послѣдняго учрежденія былъ бы усиленъ со стороны правительства, дворянства и купечества. Г-нъ Ламанскій предлагалъ, чтобы правительство отказалось навсегда отъ выпуска кредитныхъ билетовъ и вообще бумагъ, имѣющихъ значеніе денежныхъ знаковъ, и чтобы право ихъ выпуска перешло къ банку; въ составъ правленія банка онъ также предлагалъ назначить по два члена отъ правительства, дворянства и купечества. Замѣните слово „дворянство“ — словами „земскіе люди“, а слово „купечество“ — словами „торговые люди“, — и передъ вами буквально нынѣшнее предложеніе г. Кошелева.

Но со времени заявленія этой мысли Е. И. Ламанскимъ прошло ровно 17 лѣтъ (проектъ его составленъ въ ноябрѣ 1861 г.), а тогдашняя сумма кредитныхъ билетовъ — 700 мил. руб. — превратилась въ нынѣшнюю — 1.200 мил. руб. Да если бы мысль г. Ламанскаго и осуществилась 17 лѣтъ тому назадъ, едва ли бы вышло что-либо иное, при томъ же теченіи событій. Не только два члена изъ дворянства и два изъ купечества, назначенные правительствомъ въ правленіе банка или хотя бы въ совѣтъ кредитныхъ установленій, не могли бы обезпечить полной самостоятельности этихъ учреждений и внушить прочное довѣріе къ бумажному обращенію, но они одни не могли бы этого достигнуть даже и тогда, если бы избирались дворянствомъ и

купечествомъ. Они не устояли бы противъ государственной необходимости; государственная необходимость неопредѣленнаго умноженія бумажныхъ денегъ возникаетъ изъ положенія *бюджета*, условий его обсужденія и контроля за его исполненіемъ. Частными мѣрами тутъ поспособить нельзя.

Особенно осторожно слѣдуетъ относиться къ проектамъ такихъ мѣръ, которыя, для доставленія казны чрезвычайныхъ ресурсовъ въ настоящемъ, создавали бы условія, могущія стѣснить въ будущемъ и возможность преобразованій податной системы, и самую производительность страны. Сюда слѣдуетъ прямо отнести предположенія объ отдахѣ въ откупъ какой-либо государственной регалии или акцизной статьи. Въ прошломъ мѣсяцѣ въ печати распространился слухъ о намѣреніи финансовой администраціи заключить внѣшній заемъ подъ обезпеченіе табачной монополіи, которая была бы предоставлена иностраннымъ капиталистамъ. Предположеніе это слишкомъ невѣроятно, чтобы стоило долго на немъ останавливаться. Достаточно замѣтить, что для погашенія займа требуются десятки лѣтъ, въ продолженіи которыхъ мы должны были бы безусловно мириться съ существованіемъ откупа, такъ какъ не имѣли бы права его отмѣнить. Предположеніе это не только невѣроятно, но даже неприлично. Неужели же Россія дошла до такого финансового положенія, что уже не можетъ заключить внѣшнихъ займовъ иначе, какъ подъ спеціальнымъ обезпеченіемъ тою или другою отраслью государственныхъ доходовъ? Вѣдь это было бы началомъ весьма дурного финансового хозяйства: одинъ заемъ подъ обезпеченіе данн съ Египта, другой подъ залогъ податей съ Кандін и т. д. И это послѣ того, какъ всего три года тому назадъ мы заключили внѣшній заемъ, безъ всякаго спеціальнаго обезпеченія, и притомъ всего по 4½ процента!

Итакъ, догадку о заключеніи займа подъ обезпеченіе табачной монополіи слѣдуетъ прямо устранить. Но затѣмъ остается вопросъ объ установленіи табачнаго откупа для усиленія нормальныхъ, годовыхъ средствъ государства, или о дополненіи нынѣшнихъ табачно-акцизныхъ правилъ въ видахъ усиленія контроля, особенно за самымъ производствомъ табака и за развозомъ его. Усиленіе дохода съ табака, какъ можно было судить по статьямъ газетъ, многими имѣется въ виду въ числѣ главныхъ средствъ для покрытія тѣхъ десятковъ милліоновъ рублей расхода, которые потребуются вновь по системѣ государственнаго кредита, особенно если предположить обращеніе около полумилліарда кредитныхъ рублей въ процентный долгъ. Итакъ, мы будемъ говорить объ установленіи табачной монополіи, о возвышеніи акциза съ табачныхъ издѣлій и объ усложненіи

табачно-акцизнаго контроля собственно какъ о мѣрахъ для уравновѣшенія годичнаго бюджета.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ справиться съ цифрами, чтобы не предаваться ожиданіямъ преувеличеннымъ. По отчету государственнаго контроля, акцизъ съ табаку доставилъ въ 1871 году 8½ милл. рублей; въ послѣдующемъ году его сумма возросла до 10¼ милл. рубл., и съ тѣхъ поръ по 1875 г. включительно, поднялась всего до 10¾ милл. рубл. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ 1875 году, доходъ этотъ далъ около 120 т. р. меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Затѣмъ въ 1876 г. цифра этого дохода еще нѣсколько упала, и именно до 10½ милл. рубл., вслѣдствіе сокращенія числа розничныхъ заведеній, обязанныхъ брать свидѣтельства на раскурочную продажу табака. Въ росписи на 1877 годъ, сумма дохода съ табака была предположена въ 10,626 милл. рубл., а въ росписи на 1878 годъ—уже въ 13.022,500 рубл., вслѣдствіе введенія съ 1 января новаго тарифа бандеролей.

Цифры эти—весьма скромныя. Изъ нихъ видно, что доходъ отъ табака въ отдѣльности не можетъ служить основой для покрытія новыхъ расходовъ по системѣ кредита, которыя, предполагая консолидацію 500 м. р. кредитныхъ билетовъ, превысили бы сумму въ 70 м. р. Конечно, возвышеніе поступленій акциза съ табака должно быть цѣлью финансоваго управленія, какъ и вообще возвышеніе поступленій всѣхъ налоговъ. Но при нормальномъ положеніи дѣлъ, нѣтъ никакихъ основаній ожидать, что доходъ, дававшій доселѣ около 10½ м. р. въ годъ, можетъ быть вдругъ доведенъ до какихъ-то необычайныхъ размѣровъ, которые дозволили бы избрать именно его осью для обширныхъ финансовыхъ плановъ.

Правда, у насъ обыкновенно любятъ придавать преувеличенное значеніе какому-нибудь вновь придуманному средству возвышенія дохода. Такое средство въ настоящее время представлялось въ учрежденіи табачной монополіи и отдачи ея на откупъ промышленной компаніи. Ссылаются на примѣры странъ, въ которыхъ существуетъ табачная монополія, на намѣреніе князя Бисмарка ввести ее въ Пруссіи, и сулятъ золотыя горы съ табака, отъ одного измѣненія способа взиманія налога. Между тѣмъ, въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ налогѣ на потребленіе, важнѣйшимъ элементомъ, основаніемъ всего дѣла, представляется самое потребленіе, т.-е. его размѣры; затѣмъ идетъ размѣръ налога, и уже затѣмъ представляется способъ взиманія. Такъ, напримѣръ, условія нашего контроля за поступленіемъ нитеино-акцизнаго сбора съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усложняются, то-есть контроль усиливается, а между тѣмъ сумма поступленій не только перестала возрастать, но начала падать. Ни-

какой способъ взиманія, будь то акцизъ, казенное управленіе, или откупъ, не заключаетъ самъ въ себѣ мистической силы, которая могла бы создать многое изъ немногаго. Въ Россіи въ 1875 году было 93,260 табачныхъ плантацій съ общимъ пространствомъ въ 46,445 десятинъ, и съ нихъ снято 2 м. 30.599 пудовъ табаку ¹⁾. Если мы допустимъ, что съ каждаго пуда казна могла бы получить 10 р., то и въ такомъ случаѣ, крайнимъ предѣломъ дохода, соотвѣтственно существующему производству (котораго размѣры опредѣляются потребленіемъ), была бы цифра 20 ¹/₂ милл. рублей. Но вѣдь взимать 10 р. съ пуда сырого табаку невозможно; сборъ у насъ производится съ выдѣланнаго табака въ такомъ размѣрѣ, что съ низшихъ сортовъ акцизъ составляетъ всего около 3 р. съ пуда. А 10 рублей взимаются съ пуда высшего сорта табаку приготовленнаго. Итакъ, если положить казенный доходъ съ пуда сырого табаку въ среднемъ размѣрѣ въ 5 руб. съ небольшимъ, то съ 2 м. 30 ¹/₂ т. пудовъ и составитъ примѣрно 10 ¹/₂ м. р., получавшаяся доселѣ въ дѣйствительности сумма дохода отъ табака. На самомъ дѣлѣ сборъ съ пуда сырого табаку гораздо ниже, но приведенная цифра дохода достигается взиманіемъ акциза съ издѣлій изъ табаку привознаго.

Конечно, противъ этого можно возразить гадательнымъ предположеніемъ, что оффиціальная цифра сбора табака съ плантацій гораздо ниже дѣйствительной, что она далеко не представляетъ всего потребленія туземнаго табака, и что именно поэтому полезно было бы введеніе табачной монополіи для болѣе дѣйствительнаго контроля за самымъ разведеніемъ и сборомъ табака на плантаціяхъ. Что усиленіе контроля за плантаціями, дѣйствительно, предполагается—объ этомъ можно судить изъ разосланной министерствомъ финансовъ въ послѣднее время акцизнымъ управленіемъ программы вопросовъ по табаководству. Вопросы этихъ числомъ—тридцать, и они обнимаютъ мельчайшія подробности табачной производтельности. Но мы замѣтимъ, все-таки, что самое предположеніе, будто дѣйствительный сборъ съ плантацій (и потребленіе внутренняго табака) юраздо выше оффиціальной цифры есть предположеніе чисто-гадательное. При полномъ отсутствіи статистики потребленія въ Россіи, на чемъ оно могло бы основываться? На сопоставленіи голыхъ цифръ ежегоднаго сбора табака въ Россіи въ 2 милл. пуд. и числа населенія—въ 60 милл., и на кажущемся несоотвѣтствіи этихъ цифръ? Едва ли, потому что самое это несоотвѣтствіе еще требовалось бы доказать. При сборѣ 2 съ небольшимъ милл. пудовъ табаку, пришлось бы въ Россіи по 1 фунту въ годъ на душу. Но есть ли основаніе утверждать, что

¹⁾ Annuaire des finances russes, par A. Vesselowsky, 1877

дѣйствительное потребленіе табака въ Россіи *гораздо выше* этого размѣра?

Во Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ казенная монополія табачной фабрикаціи и продажи табака, статистика показываетъ средний размѣръ потребленія табака въ 748 граммовъ ¹⁾, т. е. приблизительно въ $1^{82}/_{100}$ фунта. Но если мы сравнимъ экономическое положеніе массы французскаго населенія съ бытомъ большинства нашихъ 80-ти милліоновъ, въ составъ которыхъ входятъ и такіе милліоны, которые нуждаются въ самомъ хлѣбѣ, и такіе, которые проживаютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ табакъ по своей цѣнѣ является недоступнымъ, то едва ли мы рѣшимся утверждать, что табакъ въ Россіи потребляется непременно въ томъ же размѣрѣ, какъ во Франціи. У насъ есть, напр., милліоны людей, которые воздерживаются отъ табака по религіозному убѣжденію, кромѣ главной причины, о которой только что упомянуто—сравнительной бѣдности русскаго народа. Если принять взрослое мужское населеніе въ одну четверть всего числа душъ въ государствѣ, то на француза окажется $7\frac{1}{4}$ фунтовъ табаку въ годъ, а на русскаго 4 фунта, и въ этомъ сопоставленіи мы не видимъ ничего безусловно несогласнаго съ дѣйствительностью. Почему, если во Франціи на душу населенія приходится $1^{82}/_{100}$ фунта табаку, можно бы утверждать, что размѣръ одного фунта на душу въ Россіи долженъ быть непременно ниже дѣйствительности, что, стало быть, официальная цифра сбора на нашихъ плантаціяхъ много ниже дѣйствительной гораздо, и что вслѣдствіе того, необходимо усилить контроль за табаководствомъ, хотя бы для этого пришлось учредить табачную монополію? А что, если въ результатъ ея введенія оказалось бы, что потребленіе было, дѣйствительно, довольно близко къ нынѣшней официальной цифрѣ сбора, но что съ установленіемъ монополіи большинство плантацій закрылось вслѣдствіе крайняго стѣсненія, и самое потребленіе уменьшилось, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ?

Подобныхъ мѣръ нельзя импровизировать. Въдѣ 93 тысячи нашихъ плантацій представляютъ нѣсколько сотъ тысячъ семействъ, которыя живутъ этимъ дѣломъ при нынѣшнемъ его устройствѣ. Ихъ интересъ тоже чего-нибудь стоитъ. Уже изъ самыхъ вопросовъ, включенныхъ въ программу, разосланную министерствомъ финансовъ, видно, что всякое усиленіе контроля за табаководствомъ поведетъ къ значительному уменьшенію числа плантацій. Въ среднемъ размѣрѣ наши плантаціи обширны; если раздѣлить общее ихъ пространство на ихъ число, то на одну плантацію придется приблизительно 1,200 кв.

¹⁾ Das Tabak-Monopol in Oestreich u. Frankreich, von Dr. J. Krükl, Wien, 1878.

саженъ. Но въдѣ большинство плантацій, конечно, гораздо меньше. Положимъ, сравнительно съ такими обязательными максимумами, какъ 485 $\frac{1}{2}$ кв. саж. во Франціи, или 140 кв. саж. въ царствѣ польскомъ, наши плантаціи все-таки велики. Но въдѣ въ числѣ предлагаемыхъ финансовою администраціею вопросовъ находится и такой: „для установленія правительственнаго надзора за разведеніемъ табака не слѣдовало ли бы установить... наименьшій размѣръ пространства въ уѣздѣ или волости, какой должны имѣть всѣ плантаціи въ совокупности?“ Это уже означаетъ прямо намѣреніе искусственно сгруппировать, „согнать“ плантаціи въ возможно меньшее число округовъ,— для чего? Для того, чтобы акцизнымъ чиновникамъ легче было присматривать за ними! Вотъ уже и начало того пути, на которомъ естественное распредѣленіе производства, смотря по выгодности самаго дѣла, приносится въ жертву удобству контроля. Это-то и ведетъ къ тому, что самое дѣло ставится, наконецъ, въ условія невозможныя. Такъ, слѣдуя по этому пути въ питейно-акцизномъ дѣлѣ, дошли до того, что мелкіе, хозяйственные заводы всѣ закрылись, и самое веденіе дѣла стало въ условія совершенно анти-экономическія, такъ что барышъ заводчиковъ зависитъ не отъ улучшенія производства, а отъ чисто формальныхъ условій, создаваемыхъ крайней регламентаціею.

Въ настоящемъ случаѣ, программа, разосланная акцизнымъ управленіемъ, упоминаетъ даже о слѣдующихъ мѣрахъ: установить, чтобы плантаціи имѣли болѣе или менѣе правильную форму четырехугольную; чтобы табакъ садился рядами по прямой линіи, не смѣшивая онаго съ другими растеніями; чтобы разстоянія между кустами, а также между рядами кустовъ были равныя, чтобы въ рядахъ было равное число кустовъ, и, наконецъ, чтобы на всѣхъ растеніяхъ каждой плантаціи ко времени сбора было оставлено одинаковое число листьевъ! Конечно, если акцизный контроль будетъ доведенъ до такой убійственной требовательности, тогда уже проще всего откинуть мнимую свободу промисла, и прямо ввести монополію, которая превращаетъ плантаторовъ въ простыхъ подрядчиковъ казны или монополиста, сѣющихъ и собирающихъ по приказаніямъ чиновниковъ или приказчиковъ, обязанныхъ разводить не больше и не меньше, чѣмъ имъ приказано, и вносить весь свой сборъ въ казенный или монополичный магазинъ.

Выше мы сказали, что подобныя мѣры не импровизируются. На нихъ нельзя строить никакихъ плановъ объ уравниваніи будущаго бюджета или о громадной операціи выкупа подумилліарда кредитныхъ рублей. Ни откупъ, ни казенная фабрикація не дадутъ болѣе того, что способно дать въ настоящее время *потребленіе*. А что, если

вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, неизбежнаго при усиленіи регламентации и извращенія экономическихъ условій дѣла, потребление еще уменьшится? Тогда компанія, взявшая дѣло въ откупъ, обанкротится, а государство останется съ разоренными плантаціями и фабриками. Или если бы была введена казенная фабрикація, то уже самая огромная издержка на устройство складовъ, фабрикъ и на содержаніе многочисленнаго личнаго состава уменьшить доходъ съ табака, если потребление его не равняется. Доходность налоговъ на потребление прежде всего зависитъ отъ размѣровъ потребления. Это слишкомъ очевидно. Вотъ почему, прежде всего надо бы имѣть положительныя данныя о томъ, что въ настоящее время владѣльцы плантацій въ Россіи производятъ *тераздо* больше табаку, чѣмъ показываютъ, и что тайная, неоплаченная акцизомъ или недостаточно (по цѣнѣ) оплаченная фабрикація производится въ Россіи въ болѣешихъ размѣрахъ. Иначе не слѣдовало бы и браться за установленіе новаго способа взиманія. Самый способъ взиманія, чѣмъ стѣснительнѣе онъ будетъ для производителей, тѣмъ вѣрнѣе можетъ только понизить потребление. А развитіе потребления зависитъ прежде всего отъ улучшенія общаго экономического быта народа. Факты, обнаруживаемые взиманіемъ прямыхъ податей, показываютъ, что быть его въ настоящее время ухудшается, а не улучшается. Стало быть, возрастанія потребления теперь ожидать нельзя и наименѣе вѣрнымъ для поднятія его средствомъ, конечно, служило бы вадорожаніе самого продукта, о потребленіи котораго мы ведемъ рѣчь. Допустимъ, напр., что при новомъ способѣ взиманія (обложеніе акцизомъ самаго сбора табака, учрежденіе казенной фабрикаціи и продажи или отдача ихъ въ откупъ), мы рассчитывали бы на возможность поднять цифру табачнаго дохода на 25%; это составило бы 13 милл. вмѣсто 10 1/2, или 16 милл. вмѣсто 13 м. Но если при этомъ (какъ то неизбежно) поднимется цѣна на продуктъ, то потребление такого предмета, какъ табакъ, легко можетъ сократиться въ соответствующемъ размѣрѣ. Но и при улачѣ все-таки результатъ не могъ бы оправдать тѣхъ почти баснословныхъ ожиданій, какія возлагаются иными на усиленіе табачнаго дохода въ смыслѣ главнаго средства для поправленія финансовъ.

Не слѣдуетъ думать, что контроль въ табачно-акцизномъ дѣлѣ у насъ въ настоящее время слабъ. Для убѣжденія читателя въ противномъ, мы изложимъ вкратцѣ нынѣшнюю организацію этого дѣла въ Россіи. Затѣмъ, для ознакомленія ихъ съ тѣмъ, что такое табачная монополія, мы остановимся на устройствѣ, существующемъ во Франціи и въ Австріи.

Акцизъ взимается у насъ только съ приготовленнаго табака внутренней выдѣлки, и взимается посредствомъ бандеролей; табакъ при-

возный подлежит таможенной пошлинѣ, а бандероли наклеиваются на приготовленный привозный табакъ не по цѣнѣ его, а только для удостовѣренія оплаты пошлинѣ, въ видѣ пломбы, съ равномерною платою за каждый бандероль по три копѣйки. Воздѣлываніе табака на плантаціяхъ дозволяется всѣмъ, и разводители могутъ продавать свой табакъ—только не менѣе пуда вѣсомъ. Итакъ, воздѣлываніе и продажа сырого табака у насъ совершенно свободны. Приготовление табака, то-есть выдѣлка курительнаго и нюхательнаго табака, сигаръ и папирсъ изъ листьевъ и стебельковъ, дозволяется только на табачныхъ фабрикахъ. Фабрика можетъ быть открыта только съ вѣдома акцизнаго управленія и непременно въ городѣ. На каждую табачную фабрику назначается по одному или по нѣскольку казенныхъ контролеровъ; фабрикантъ обязанъ имѣть особую кладовую для храненія запасовъ сырого табака, и эта кладовая должна быть запечатана контролеромъ; каждый разъ, когда требуется взять какое-либо количество табаку изъ кладовой на фабрику, требуется присутствіе контролера, и отпускъ матеріала изъ кладовой на фабрику производится по вѣсу. Для храненія крошеного и толченого табака требуется отдѣльное помѣщеніе на фабрикѣ, и контроль отпускамъ его производится при тѣхъ же контрольных формальностяхъ, которыя только что приведены. Для храненія и оптовой продажи издѣлій фабрики, уже оклеенныхъ бандеролью, фабрикантъ обязанъ имѣть при фабрикѣ еще особую кладовую, притомъ такую, которая не имѣетъ съ фабрикою внутренняго сообщенія. Табачная фабрика должна занимать отдѣльное строеніе, съ особымъ дворомъ. Въ этомъ строеніи и на дворѣ не должно быть никакихъ не принадлежащихъ къ фабрикѣ лавокъ или заведеній, и жить въ немъ могутъ только хозяинъ фабрики съ семействомъ, мастера и рабочіе. Фабрика можетъ имѣть только одинъ выходъ на улицу и надъ нимъ вывѣску, и она въ подвальномъ и нижнемъ этажѣ должны быть снабжены проволочными сѣтками. Ежедневно, по окончаніи работъ, тѣ помѣщенія фабрики, гдѣ есть табакъ и необандероленные издѣлія, опечатываются контролеромъ, и послѣ этого самъ фабрикантъ не имѣетъ права входить на фабрику иначе, какъ въ сопровожденіи контролера. Фабриканту и управляющему предписано наблюдать, чтобы рабочіе и служители не уносили съ фабрики табака и необандероленныхъ издѣлій, причемъ акцизному надзору предоставлено требовать, чтобы, при выходѣ рабочихъ съ фабрики, они были обыскиваемы, въ присутствіи контролера.

Независимо отъ этихъ внѣшнихъ условій охраненія, которыя обращаютъ табачную фабрику въ нѣчто похожее на средневѣковой замокъ, которому недостаетъ только рва съ подъемнымъ мостомъ, за печатью контролера, существуетъ сложная отчетность, удостовѣрющая конт-

ролеромъ и всегда доступная акцизному надзору: ежемѣсячно представляется въ управленіе выписка изъ книгъ, а учетъ фабрикъ и кладовыхъ производится по сравненію количества табаку принятаго въ кладовыя съ количествомъ отпущеннаго на фабрику, а затѣмъ— количество выбранныхъ фабрикантомъ бандеролей съ количествомъ выпущенныхъ въ продажу обандероленныхъ издѣлій. Учетъ табака, употребленнаго на сигары и папирсы, производится по вычисленію, сколько идетъ табаку на тысячу штукъ каждаго сорта по представленнымъ акцизному надзору образцамъ. Вслѣдствіе того, фабрикантъ не имѣетъ права выпускать новый сортъ папирсы или сигаръ безъ сношенія съ акцизнымъ надзоромъ.

Взимается акцизъ въ двоякомъ видѣ: по акцизнымъ свидѣтельствамъ, которыя должны быть взяты фабриками, складами, оптовыми и мелочными лавками, и затѣмъ—продажею фабрикантамъ бандеролей. Никакое количество приготовленнаго табаку не можетъ быть отпущаемо съ фабрики иначе, какъ въ цѣлыхъ помѣщеніяхъ, съ означеніемъ фабрики, сорта, цѣны, вѣса или числа штукъ, и съ оклейкою этихъ помѣщеній бандеролями разныхъ цѣнъ, смотря по сорту. Понятно, что въ интересы акцизнаго надзора вовсе не входитъ существованіе мелкихъ табачныхъ фабрикъ или мастерскихъ; при крайне-сложномъ контролѣ, онѣ требовали бы слишкомъ большихъ издержекъ взиманія и затрудняли бы надзоръ. Поэтому взиманіе бандерольнаго сбора производится такимъ способомъ, который прямо устраняетъ возможность существованія мелкихъ табачныхъ фабрикъ или мастерскихъ. Владѣльцы фабрикъ обязаны ежегодно выбирать изъ казны для каждой фабрики: въ столицахъ, Ригѣ, Одессѣ и всѣхъ городахъ царства польскаго, бандеролей на сумму не менѣе 10 т. рублей, а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ—не менѣе 6 т. рублей. Это годовое количество бандеролей приобрѣтается въ двойной срокъ, за каждое полугодіе; какъ только въ теченіи какого-либо полугодія установленная пропорція бандеролей не выбрана, фабрика немедленно закрывается. Бандероли дозволяется приобрѣтать и въ кредитъ, но въ такомъ случаѣ платежъ по нимъ денегъ долженъ быть обезпеченъ залогомъ процентныхъ бумагъ, принимаемыхъ по утвержденнымъ министерствомъ на каждое полугодіе цѣнамъ. Единственная поштучная продажа сигаръ и папирсы, допускаемая правилами, производится въ трактирныхъ и питейныхъ заведеніяхъ, взявшихъ на то особое акцизное свидѣтельство, но за то въ этихъ заведеніяхъ не дозволяется продажа табачныхъ издѣлій на выносъ. Развозъ табака, какъ приготовленнаго, такъ и сырого производится по провознымъ свидѣтельствамъ, въ которыхъ означено мѣсто назначенія транспорта; въ случаѣ перемѣны мѣста назначенія, требуется отпѣтка акцизнаго над-

вора на свидѣтельствѣ. Всѣ эти постановленія сопровождаются соответствующими уголовными опредѣленіями, въ которыхъ назначаются штрафы, могущіе доходить до очень значительныхъ суммъ, такъ какъ въ извѣстныхъ случаяхъ полагается конфискація, уплата въ тройномъ размѣрѣ за невзятое свидѣтельство или ненаклеенныя бандероли. Высшая мѣра — лишеніе на срокъ или навсегда права содержать табачную фабрику или торговать табакомъ.

Для полноты упомянемъ о размѣрахъ акцизнаго сбора: годовое акцизное свидѣтельство на табачную фабрику, оптовый складъ и мелочную торговлю табакомъ въ лавкахъ стоить, смотря по мѣстности и роду заведенія, отъ 300 до 5 рублей. Цѣна бандеролей до 1878 г. опредѣлялась по сорту табака или табачныхъ издѣлій и составляла примѣрно треть продажной цѣны, кромѣ высшаго (перваго) сорта табака, сигаръ и папирсъ, такъ какъ для этого сорта не было назначено предѣльной цѣны, а опредѣлена только цѣна, отъ которой начинается первый сортъ. Поэтому на первомъ сортѣ бандероль составляетъ обыкновенно менѣе трети цѣны, а на самыхъ дорогихъ издѣліяхъ внутреннего приготавленія всего 10% и даже менѣе. Закономъ 6 іюня 1877 года введена съ 1 января 1878 г. общая бандероль для всѣхъ сортовъ табака (кромѣ низшаго) въ 24 к. съ фунта, для папирсъ 37½ коп. со 100 штукъ, и для сигаръ 60 коп. со ста штукъ. При этомъ за основаніе общей цѣны бандеролей была принята цѣна бандеролей, установленная прежде для табака IV сорта, для папирсъ же новая цѣна опредѣлена выше существовавшей прежде для I-го сорта, а для сигаръ прежняя цѣна для II-го сорта. Для фунта низшаго табака (махорки) удержана прежняя цѣна бандероли — 4 к. Такимъ образомъ, введеніе новой бандероли въ общемъ размѣрѣ представило возвышеніе ея цѣны.

Едва ли кто рѣшится утверждать, что установленный у насъ надзоръ за фабрикаціею табака недостаточенъ и что размѣръ обложенія его слишкомъ малъ. Далѣе нельзя идти, не взявъ фабрикацію и продажу табака прямо въ руки казны. Итакъ, ожидать возростанія табачнаго дохода отъ усиленія контроля за фабрикаціею и продажей табака и возвышенія акциза невозможно. Обложеніе едва ли можетъ идти далѣе нынѣшняго, и новое возвышеніе цѣны на высшіе сорта очевидно уменьшило бы потребленіе высшихъ сортовъ. Притомъ, оно и не могло бы значительно поднять доходъ, который, какъ увидимъ ниже, даже въ такихъ странахъ, какъ Австрія и Франція, собирается главнымъ образомъ съ сортовъ низшихъ. Въ Россіи же, по незначительному численному отношенію достаточнаго класса къ массѣ населенія, явленіе это должно быть еще болѣе преобладающимъ, такъ что доходъ казны главнымъ образомъ собирается, конечно, съ

низшаго (матого) сорта табака. Возвышеніе цѣнъ на этотъ сортъ имѣло бы послѣдствіемъ сокращеніе потребленія, которое и безъ того мало развито, и, сверхъ того, такое возвышеніе цѣны означало бы усиленіе одного изъ налоговъ, падающихъ на рабочую массу, которой быть представляется именно теперь весьма неудовлетворительнымъ. Наконецъ, надо имѣть въ виду и то, что послѣднее возвышеніе цѣны бандеролей послѣдовало всего 11 мѣсяцевъ тому назадъ.

Итакъ, при сохраненіи акцизной системы и оставалось бы дѣйствительно только одно возможное мѣропріятіе: учетъ жатвы на плантаціяхъ и обложеніе акцизомъ самаго разведенія табака и его сбора. Но это, во-первыхъ, прямо противорѣчило бы всѣмъ прилагавшимся доселѣ поощреніямъ о развитіи табаководства въ Россіи; во-вторыхъ, стѣснило бы это дѣло страшною регламентаціею и извратило бы его экономическія условія. При такихъ условіяхъ, повторемъ, логичнѣе было бы разводителей табака открыто превратить въ подрядчиковъ казенной или частной монополіи. Стало быть, съ какой стороны ни подойти къ вопросу объ усиленіи контроля и возвышеніи обложенія въ дѣлѣ разведенія, фабрикаціи и продажи табака, представляется выводъ, что въ настоящее время ни то, ни другое не могло бы быть сдѣлано въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ. Остается рассмотреть вопросъ о коренномъ измѣненіи существующей акцизной системы, то-есть о замѣнѣ ея введеніемъ казенной или откупной табачной монополіи.

Не будемъ повторять того, что сказано выше объ осторожности, необходимой при подобныхъ переиѣнахъ, устанавливающихъ новый порядокъ взиманія по одной отрасли дохода на долгое время, что исключаетъ возможность общаго преобразованія податной системы. Напомнимъ только то, что сказано выше о необходимости рѣшить, предварительно обращенія къ подобной мѣрѣ, вопросъ: дѣйствительно ли въ Россіи производится *гораздо больше* табаку, чѣмъ сколько показывается въ цифрахъ надзора и оплачивается акцизомъ съ фабрикаціи и продажи? Относительно фабрикъ, едва ли можно допустить вѣроятность такой утайки. Приведеннымъ выше обзоромъ устава объ акцизѣ съ табака мы показали читателю, что надзоръ за фабрикаціею табака и теперь строгъ и сложенъ до крайности; казенный контролеръ, можно сказать — второй хозяинъ на фабрикѣ. Конечно, если допустить возможность послабленія со стороны самихъ контролеровъ, то дѣло представится иначе. Но вѣдь если допускать это, то именно въ такомъ случаѣ наименѣе логично будетъ склоняться въ пользу передачи фабрикаціи въ руки казеннаго управленія или частной монополіи. Если предположить, что акцизные чиновники не въ состоя-

ни быть вѣрными контролерами, то какъ же отдавать въ ихъ руки непосредственное веденіе казеннаго промышленнаго предпріятія или ставить ихъ лицомъ къ лицу не съ сотнями различныхъ фабрикантовъ, но съ монополистомъ, который имѣлъ бы такія связи, противъ которыхъ и вполнѣ добросовѣстнымъ надзирателямъ не легко было бы дѣйствовать?

Затѣмъ, что касается разводителей табака, то не знаемъ, почему именно теперь, когда промышленность ихъ свободна, можно было бы сомнѣваться въ цифрахъ сбора табака, ими показываемыхъ? Вѣдь они освобождены отъ акциза и не имѣютъ интереса скрывать своихъ оборотовъ. Вотъ, если бы ихъ обложить акцизомъ по суммѣ производства (въ видѣ акцизныхъ свидѣтельствъ разныхъ цѣвъ по мѣстности и поверхности плантацій), тогда было бы совсѣмъ иное дѣло.

Итакъ, мы вообще не видимъ основаній предполагать, что табакъ у насъ производится гораздо болѣе, чѣмъ извѣстно акцизному управленію, и потребляется будто гораздо болѣе того количества, которое оплачивается въ настоящее время акцизомъ. Разводители табака, будучи свободны отъ налога, не имѣютъ причинъ скрывать цифры сбора табака. Но если бы и ввести „дѣйствительный учетъ“ его сбора на плантаціяхъ, то это само по себѣ не повело бы къ полученію увѣренности, что все количество собраннаго въ Россіи табаку поступаетъ на фабрики. Для того, чтобы получить такую увѣренность, пришлось бы, сверхъ установленія стѣснительной регламентаціи по учету плантацій, отнѣмать для разводителей табака право продавать собственный сырой табакъ на плантаціяхъ, армаркахъ и тергахъ, и право содержать лавки для его продажи, со взятіемъ акцизныхъ свидѣтельствъ. А это значило бы совершенно измѣнить нынѣшнюю систему и приблизиться къ системѣ монополіи, которая въ томъ прежде всего и состоитъ, что разводители табака имѣютъ право разводить его только для фабрикъ монополіи, въ указанномъ ею количествѣ, и весь сборъ обязаны поставлять прямо въ магазины, принадлежащіе монополіи.

До сихъ поръ мы старались доказать, во-первыхъ, что всякое значительное усиленіе надзора, сверхъ нынѣ существующихъ его условій, логически ведетъ къ установленію монополіи; во-вторыхъ — что нѣтъ данныхъ, которыя бы показывали необходимость усиленія контроля, ведущаго къ установленію монополіи. Но теперь мы должны еще рассмотреть характеръ самой монополіи, если допустить, что она все-таки была бы признана необходимою.

Изъ двухъ видовъ монополіи — казеннаго управленія регалиемъ, или сдачи ея на откупъ, мы во всякомъ случаѣ предпочли бы пер-

ный. Странно было бы видѣть, что, послѣ того, какъ прежнее управленіе финансовъ начало свою дѣятельность съ откупны одного откупа, нынѣшнее управленіе начало бы съ установленія другого откупа. Частная монополія для производителей табака была бы гораздо стѣснительнѣе казенной, а для потребителей невыгоднѣе. Казенная монополія, конечно, возвысила бы цѣну табака и табачныхъ издѣлій, но могла бы все-таки охранить качество продукта. Частная же монополія непременно сдѣлала бы табакъ и дорогимъ, и дурнымъ. Такъ, во Франціи и въ Австріи, при сравнительно высокихъ цѣнахъ, можно все-таки получать хорошій табакъ и сигары; даже цѣны сигаръ въ этихъ странахъ, при равномъ достоинствѣ, ниже цѣны, существующихъ въ Англіи, гдѣ монополіи нѣтъ. Но въ Италіи, гдѣ существуетъ частная монополія, табачныя издѣлія отличаются дурнымъ качествомъ. Сверхъ того, откупъ самъ по себѣ сопровождается такими беззастѣнчивыми особенностями, въ силу которыхъ потребители теряютъ гораздо болѣе, чѣмъ выигрываетъ казна. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ откупщикъ, сверхъ возвращенія откупной суммы, рассчитываетъ еще на большой барышъ.

Мы сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ данныхъ, представляемыхъ казенной табачной монополіей, какъ она существуетъ во Франціи и въ Австріи. Валовой доходъ ея представляется во Франціи за 1858—1872 (включительно) годы слѣдующими цифрами въ милліонахъ франковъ: 105, 163, 197, 218. Въ Австріи за тѣ же годы, въ гульденахъ: 10, 12, 24, 33, 37 ¹⁾). Воздѣлываніе табака въ обѣихъ странахъ производится только подъ условіемъ представленія всего сбора въ казенныя магазины; ввозъ табака дозволенъ только монополіи, для переработки его въ издѣлія; въ частной торговлѣ привозный табакъ допускается подъ особыми условіями. Казенное управленіе заключаетъ съ разводителями табака контракты, на ежегодную поставку сырого табаку въ размѣрѣ, нужномъ для управленія, причемъ опредѣляетъ всѣ условія воздѣлыванія, величину и распредѣленіе плантацій, способы воздѣлыванія, и выдаетъ само сѣмена (во Франціи и въ Галиціи). Такимъ образомъ, табакоразводители являются только подрядчиками казеннаго управленія, которые за извѣстную сумму берутся обработать извѣстную поверхность подъ табакъ. Производится осмотръ плантацій и опредѣляется число растений; это—первый инвентарь; затѣмъ, вторымъ инвентаремъ опредѣляется число листьевъ; на основаніи этихъ инвентарей исчисляется обязательная для разводителя норма жатвы. Ему предоставляется требовать по-

¹⁾ Das Tabak-Monopol, etc. Krökl, 1878.

вѣрки и ходатайствовать о обавѣ обязательнаго размѣра поставки. Иначе, если при приѣмѣ поставки окажется менѣе вѣса, то разводитель уплачиваетъ деньгами разницу. Разведеніе табака дозволено во Франціи въ 21 департаментѣ. Въ Австріи оно производится въ Галиціи, Тиролѣ и Буковинѣ.

Для приѣма этихъ поставокъ существуютъ магазины. Приготовленіе табака и издѣлій изъ него производится на казенныхъ фабрикахъ, изъ которыхъ фабрикаты поступаютъ въ склады (Entrepôts, Verschleisse). Изъ этихъ складовъ табакъ отпускается оптомъ въ лавки розничной продажи. Въ Австріи и оптовые склады, и склады для розничной продажи содержатся агентами, во Франціи—только послѣдніе — bureaux de tabac, которые раздаются правительствомъ разнымъ лицамъ въ видѣ пособія или награды за службу. Разность въ цѣнахъ розничной продажи съ цѣнами правительственныхъ складовъ и составляетъ выгоду продавцовъ, а правительства въ обоихъ странахъ получаютъ только оптовые цѣны.

Для насъ всего важнѣе указать на расходы, которые вызываются казеннымъ управленіемъ и должны быть вычитаемы изъ валового сбора. Валовой сборъ составлялъ въ 1872 г. въ Австріи 58.536,277 гульденовъ, а расходы 24.242,984 гульд.; чистый доходъ составлялъ 34.293,293 гульд.; сверхъ того, образовывалось еще увеличеніе инвентаря, которое за годъ составляло 2.869,098 гульд. Весь барышъ такимъ образомъ представлялъ 37.162,391 гульд. Во Франціи за тотъ же годъ оказались слѣдующія цифры: валовой сборъ 107.853,428 гульденовъ¹⁾, расходы — 20.043,833; чистый доходъ 87.809,595 гульд., но инвентарь уменьшился на 321,461 гульд. Итакъ, весь барышъ составлялъ 87.488,134 гульден. На одну душу населенія этотъ чистый барышъ составлялъ въ Австріи 1 гульд. 80 крейцеровъ, во Франціи 2 гульд. 44 крейцера. Большая доходность во Франціи зависитъ отъ высокихъ цѣнъ, то-есть отъ высокаго обложенія табака. Вслѣдствіе того, хотя потребление табака во Франціи на душу населенія гораздо меньше, чѣмъ въ Австріи, но доходъ съ души населенія во Франціи выше, чѣмъ въ Австріи.

Итакъ, мы видимъ, что доходъ казны съ табака, при всей тяжести валога, зависящей отъ высокихъ цѣнъ монопольной фабрикаціи и продажи, составляетъ нѣсколько болѣе 53 милл. рублей во Франціи и 22 м. рублей въ Австріи. Но такъ какъ монополія именно и рассчитана на высоту цѣнъ, то именно потому она у насъ и не пригодна. Взимать съ души населенія 2 гульд. 44 крейцера или хотя бы 1 гульд. 80 крейцеровъ, а въ среднемъ размѣрѣ 2 гульдена од-

¹⁾ Гульденъ=61 коп.

ного налога на табакъ—въ Россіи, очевидно, невозможно. Это значило бы взимать съ каждаго взрослого мужчины до 5-ти рублей одного налога съ табака, а съ дѣйствительно курящихъ—по числу ихъ въ Россіи—еще больше.

Въ Россіи такой размѣръ обложенія повелѣ бы непремѣнно къ упадку потребленія. То же послѣдствіе имѣло бы обложеніе акцизомъ самаго разведенія табака: такъ какъ казенный доходъ у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо зависитъ отъ потребленія массы, то-есть отъ продажи низшаго сорта табака, табака въ листьяхъ, то обложеніе акцизомъ табакводства сильнѣе всего отразилось бы именно на этомъ разрядѣ потребленія, и увеличеніе казеннаго дохода отъ такого расширенія акциза могло бы уравниваться сокращеніемъ того разряда потребленія, отъ котораго главнымъ образомъ и зависитъ доходъ казны.

Итакъ, едва ли можно возлагать на увеличеніе дохода съ табака такія надежды, какъ будто оно могло бы послужить главной осью всего нашего финансоваго преобразованія или хотя бы консолидаціи бумажныхъ денегъ, какъ полагали нѣкоторыя газеты. Такою осью преобразованія можетъ служить только правильное хозяйство, при благоразумномъ обращеніи къ кредиту, который означаетъ прежде всего—довѣріе. А условія, необходимыя для довѣрія, выходятъ изъ сферы чисто-финансовыхъ соображеній—*faites-moi de bonne politique, et je vous ferai de bonnes finances!* — можетъ сказать намъ каждый министръ финансовъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Пренія чрезвычайной сессіи германскаго сейма.

Чрезвычайная сессія германскаго сейма закрыта 19 октября кнземъ Бисмаркомъ; прочтя императорское посланіе, канцлеръ прибавилъ, что союзный совѣтъ дастъ свое согласіе на принятый сеймомъ законъ противъ социальныхъ демократовъ, но въ послѣдствіи правительство, быть можетъ, внесетъ еще проекты нѣкоторыхъ дополненій къ этому закону. Наслѣдный принцъ, отъ имени императора, утвердилъ этотъ законъ 21-го числа; 22-го законъ былъ опубликованъ.

Проектъ этого закона, въ томъ видѣ, какъ составило его прусское правительство, былъ уже подробно изложенъ нами. Главное измѣненіе, сдѣланное въ послѣдствіи союзнымъ совѣтомъ, заключаюся въ отнѣніи спеціальнаго „управленія по дѣламъ союзовъ и печати“, въ которомъ предполагались члены изъ судебного сословія. Союзный совѣтъ положилъ подчинить эти дѣла вѣдѣнію состоящаго при немъ отдѣленія. Но при обсужденіи закона на сеймѣ, первоначальное предположеніе было восстановлено въ томъ смыслѣ, что въ комиссію для разбора жалобъ по примѣненію этого закона союзный совѣтъ назначаетъ четырехъ членовъ изъ своей среды и пятерыхъ изъ числа членовъ высшихъ судебныхъ мѣстъ имперіи или отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Изъ другихъ измѣненій, которымъ подвергся первоначальный проектъ при обсужденіи его на сеймѣ, достаточно будетъ привести два существеннѣйшія: „при опредѣленіи тѣхъ союзовъ, собраній и печатныхъ произведеній, которые могутъ быть запрещаемы, вмѣсто слова „подкапываніе (Untergrabung)“ существующаго порядка, поставлено слово „ниспроверженіе (Umsturz)“; далѣе—дѣйствію закона, который хотя и предполагался въ качествѣ временнаго, но издаваемого на неопредѣленное время, положенъ срокъ: законъ сохраняетъ силу до 31 марта 1881 года. Объ остальныхъ измѣненіяхъ можно только замѣтить вообще, что они послѣдовали всѣ въ духѣ „либеральномъ“, т. е. въ смыслѣ ограниченія весьма строгихъ постановленій закона оговорками; однако по поводу ихъ одинъ изъ главныхъ противниковъ исключительныхъ законовъ, Либкнехтъ, выразился такъ: „законъ этотъ провозглашаетъ полицейскій произволъ, и всѣ оговорки (Clauseln) лишены значенія; онѣ все-

денъ въ законъ только для того, чтобы успокоить чувства либераловъ". Оговорки, дѣйствительно, такъ мало существенны, что въ такомъ отзывѣ противниковъ нельзя было не признать нѣкоторой доли правды.

Законъ былъ принятъ окончательно въ засѣданіи 19 октября, 221 голосами противъ 149, т.-е. большинствомъ 72 голосовъ. Большинство состояло изъ обѣихъ консервативныхъ партій, національных либераловъ, группы Лева и разныхъ депутатовъ, не принадлежащихъ къ партіямъ; противъ принятія закона вотировали: прогрессисты, центръ, социальные демократы, польскіе и эльзасско-лотарингскіе депутаты, также съ нѣсколькими членами, въ партіямъ не принадлежащими.

Представимъ краткій очеркъ закона въ томъ видѣ, какъ онъ окончательно состоялся, и затѣмъ перейдемъ къ обзору тѣхъ отношеній, въ какія становились къ этому вопросу, какъ имперское правительство, такъ и главныя партіи.

Союзы (общества), направленные къ неспроверженію, посредствомъ социальна-демократическихъ, социалистскихъ или коммунистскихъ стремленій, существующаго государственнаго или общественнаго порядка, должны быть воспрещаемы. То же относится къ такимъ союзамъ, въ которыхъ упомянутыя стремленія проявляются угрожающимъ общественному миру, а въ особенности—согласію разныхъ классовъ населенія. Всякія общества или соединенія приравниваются къ союзамъ; запрещаются и собранія и произведенія печати, въ которыхъ проявятся тѣ же стремленія. Периодическія изданія могутъ быть прекращаемы по запрещенію одного номера. Запрещеніе какъ обществъ и собраній, такъ и произведеній печати, зависитъ отъ полицейской власти. Но на всѣ такія распоряженія полиціи можно приносить однако жалобы въ состоящую при союзномъ совѣтѣ комиссію. Комиссія состоитъ изъ 4 членовъ, избранныхъ совѣтомъ изъ его состава и 5 избранныхъ ими членовъ высшихъ судовъ, подъ председательствомъ лица, назначаемаго императоромъ; запрещаются всякіе денежные сборы для дѣлей социальна-демократическихъ, социалистическихъ, коммунистскихъ, клонящихся къ неспроверженію существующаго порядка, какъ государственнаго, такъ и общественнаго. Кто приметъ участіе въ запрещенномъ союзѣ, тотъ наказывается штрафомъ до 500 марокъ или тюрьмой до одного года. За распространеніе запрещеннаго печатнаго произведенія кара полагается до 1000 марокъ или заключеніе до полугода. Независимо отъ лишенія свободы вслѣдствіе такихъ судебныхъ приговоровъ, лицамъ, однажды имъ подвергнутымъ, полиція можетъ воспрещать пребываніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и даже въ мѣстѣ ихъ осѣдности (высылка), но это по-

слѣднее только въ томъ случаѣ, если высланный проживаетъ тамъ менѣе полугода. Въ законѣ сдѣланы нѣкоторыя исключенія, рассчитанныя въ пользу Шульце-Деличевскихъ и имъ подобныхъ товариществъ. Замѣчательно, что большинство признало нужнымъ сдѣлать эти исключенія въ пользу такихъ союзовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ стремленіями, направленными къ „ниспроверженію“. Изъ самаго этого исключенія слѣдуетъ, что большинство убѣждено было въ ненадежности полицейскаго различенія между наличностью запрещенныхъ стремленій и отсутствіемъ ихъ. Иными словами, само большинство выказало этимъ признаніе, что законъ этотъ даетъ полиціи самыя обширныя права, которыми она можетъ пользоваться безъ особаго разбора.

Такова сущность закона, подъ дѣйствіемъ котораго будетъ находиться Германія въ продолженіи 2 1/2 лѣтъ. По своей сущности, онъ напоминаетъ французскіе lois de sûreté général, дѣйствовавшіе при второй имперіи. Но есть и различіе: всѣ партіи, даже тѣ, которыя вотировали законъ, открыто признали его „исключительнымъ“ (Ausnahmsgesetz)“. Притомъ, въ германскомъ законѣ установлена инстанція, назначенная для ограниченія полнаго административнаго произвола. Такой инстанціи въ французскомъ законѣ установлено не было. Во Франціи подвергавшіеся исключительнымъ мѣрамъ имѣли одно право—приносить жалобы императору или министру внутреннихъ дѣлъ. Конечно, въ Германіи инстанція, созданная нинѣ для разсмотрѣнія подобныхъ жалобъ, имѣетъ не чисто-административный составъ; въ ней есть лица изъ судебнаго вѣдомства. Но это мало измѣняетъ чисто-административный характеръ самого учрежденія, такъ какъ судебные члены комиссіи избраны совѣстнымъ же совѣтомъ, то-есть административнымъ учрежденіемъ. Судьи въ должности чиновниковъ будутъ опять чиновниками.

Покажемъ теперь, въ краткихъ чертахъ, какъ отнеслись къ этому закону разныя партіи и правительство при преніяхъ, происходившихъ на сеймѣ.

Радикалъ Зоннеманъ, редакторъ „Франкфуртской газеты“, высказалъ тѣ возраженія противъ проекта закона, которыя предъявлялись противъ него либеральной печатью всѣхъ странъ, не исключая самыхъ умѣренныхъ органовъ, въ родѣ „Daily News“ или „Indépendance Belge“. Онъ говорилъ, что законъ этотъ не согласенъ съ общимъ принципомъ права, а содержитъ въ себѣ оскверненіе полицейскаго произвола. Сверхъ того, законъ этотъ не нуженъ и не достигнетъ предположенной цѣли. Запрещеніе соціально-демократическихъ заявленій въ печати туземной паводетъ къ тому, что въ странѣ станутъ распространяться гораздо болѣе опасныя произведенія, привозимыя изъ-

за границы. Онъ опровергалъ увѣреніе, будто въ обществѣ существуетъ общее расположеніе въ пользу этого закона. Насколько расположеніе это есть, — оно создано, искусственнымъ образомъ, опубликованными свѣдѣніями о признакахъ Нобилинга. Между тѣмъ Нобилингъ, по отзыву оратора, въ дѣйствительности былъ національный либераль. Зоннеманъ упоминалъ далѣе, что всѣ значительные органы иностранной печати осудили этотъ законъ, и утверждали, что онъ будетъ вреденъ въ эконоическомъ отношеніи, нанесетъ огромный ущербъ свободѣ печати. Не можетъ быть болѣе сильнаго возбужденія къ взаимной ненависти однихъ сословій противъ другихъ, какъ такой законъ, который дѣлаетъ безправными 400—500 тысячъ избирателей. Если національно-либеральная партія подастъ свои голоса за этотъ законъ, то она тѣмъ самымъ отречется отъ всего своего прошлаго. Положеніе, занятое ею нынѣ по отношенію къ этому закону, представляетъ интересное явленіе: не далѣе какъ въ маѣ она была противъ подобнаго закона; между тѣмъ невозможно же основывать его на покушеніи Нобилинга. Настоящій поводъ къ нынѣшнему образу дѣйствій либераловъ указанъ Ласкеромъ въ его словахъ, произнесенныхъ въ комиссіи, что „не слѣдуетъ колебать политическихъ отношеній (die politischen Verhältnisse trüben)“. Эти слова въ переводѣ означали, что національные либералы, на-ряду съ консерваторами, занскиваютъ милости у канцлера, который угрожаетъ своимъ выходомъ въ отставку или новымъ распущеніемъ сейма. Главная бѣда, по отзыву оратора, въ томъ, что человѣкъ, стоящій во главѣ имперіи (Бисмаркъ), хотя, можетъ быть, и знаетъ Европу, но не знаетъ Германію. Рѣчь свою Зоннеманъ заключилъ напоминаніемъ, что уголовными законами нельзя рѣшать сложныхъ вопросовъ.

Рѣчь, произнесенная княземъ Бисмаркомъ 9-го октября, заключала въ себѣ всѣ рельефныя особенности характера его какъ оратора и какъ политическаго мыслителя. Она такъ типична, что къ ней стоить присмотрѣться поближе. Бисмаркъ — ораторъ энергическій, но рѣзкій и лишенный вкуса; какъ политическій мыслитель, Бисмаркъ — прусскій консерваторъ, но умъ его многостороненъ и манера разсуждать о вещахъ широка, такъ что онъ нерѣдко вставляетъ такіа многостороннія замѣчанія, которыя кажутся слишкомъ радикальными не только прусскимъ консерваторамъ (т.-е. партіи „иньеровъ“ и „гехеймъ-ратовъ“), но и національнымъ либераламъ, — даже прогрессистамъ. Самыя логическія и остроумныя рѣчи германскаго канцлера бывають обыкновенно тѣ, въ которыхъ онъ относителъ критически къ практической программѣ либеральныхъ партій, то-есть прогрессистовъ и національных либераловъ. Но на этотъ

разъ онъ не имѣлъ случая вѣдаться въ эту область, и только слегка задѣлъ прогрессистовъ.

Прежде всего онъ напалъ на Зоннемана, и въ этихъ нападкахъ обнаружилъ всѣ вышеупомянутыя свойства своего краснорѣчія. Онъ показавъ видъ, будто имѣетъ свѣдѣнія, что Зоннеманъ состоитъ въ тѣсныхъ связяхъ съ французскимъ правительствомъ и даже едва ли не находится у него тайно на службѣ. Но если и предположить, что нынѣшнее французское правительство держитъ въ Германіи тайныхъ агентовъ, то уже, во всякомъ случаѣ, не держитъ ихъ для того, чтобы они писали въ пользу Франціи въ нѣмецкихъ газетахъ, которыя не только для Франціи ничего не могутъ сдѣлать, но и для самой Германіи не въ состояніи сдѣлать что-либо существенное. Свои намеки ораторъ прикрылъ формою иносказанія, которое, конечно, должно было выражать тонкую иронию. Но на дѣлѣ не было никакой ироніи, а вышло косвенное обвиненіе. „Я по временамъ довольно внимательно перечитывалъ газету предшествующаго оратора, — говоритъ князь Бисмаркъ, — и нашелъ, что сужденія ея и занимаемое ею положеніе (Haltung) всегда съ точностью совпадали съ сужденіями и положеніемъ французской офиціозной печати“.

Когда же, вслѣдствіе этихъ словъ, послышался протестъ съ лѣвой стороны, то Бисмаркъ продолжалъ: „вѣдь я рассказываю вамъ, господа, только то, что самъ нашелъ; вы сами можете проверить это, если знакомы съ французской печатью. Но есть нѣчто такое, что вы сами проверить не въ состояніи, но что можетъ быть извѣстно мнѣ; дѣло въ томъ, что мнѣ случалось читать и узнавать въ газетѣ предшествующаго оратора такія вещи, которыя мнѣ потомъ, на другой или на третій день, подтверждались сообщеніями посольства или заявленіями французскаго правительства. Итакъ, я приписываю предшествовавшему оратору интимныя отношенія къ французскому правительству; въ которыхъ, конечно, можетъ находиться главный редакторъ большой газеты и которыя, натурально, основаны не на иномъ интересѣ, какъ на благосклонности, каковую ему внушаетъ такое правительство какъ французское“. Но эту ироническую оговорку канцлеръ самъ тотчасъ же уничтожилъ замѣчаніемъ, что всѣ слова Зоннемана клонились къ ослабленію имперіи и дискредитированію стоящихъ во главѣ ея людей; что иначе не могъ бы говорить приверженецъ французскаго „реванша“, еслибъ онъ появился на германской трибунѣ. Затѣмъ Бисмаркъ пошелъ еще далѣе, рассказывая, что онъ знавалъ такихъ республиканцевъ, которые поддерживали все, что было враждебно правительству, и стояли въ связяхъ со всѣми, что могло ослабить правительство. Эти слова канцлера относились въ область тѣхъ неудачныхъ импровизацій его, которыя

возбуждали всѣхъ, рѣшительно никого не убѣждая. Въ настоящемъ случаѣ, никто, конечно, не повѣрилъ серьезно, что Зоннеманъ—агентъ французскаго правительства. Между тѣмъ, слова эти создали канцлеру дипломатическія хлопоты, такъ какъ ему пришлось потомъ давать успокоительныя завѣренія французскому правительству. Странно было читать потомъ въ „Кёльнской газетѣ“, что эти успокоительныя завѣренія доказывали, „какъ дорожить германское правительство сохраненіемъ добрыхъ отношеній съ Франціею“.

Далѣе, канцлеръ опровергалъ вѣрность французскаго примѣра, указаннаго Зоннеманомъ, и напомнилъ, что во Франціи коммунаровъ разстрѣливали на мѣстѣ, такъ что гренелльская долина была покрыта кровью въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Конечно, при этомъ слѣдовало бы прибавить, что такое кровавое возмездіе явилось вслѣдъ за взятіемъ съ боя столицы, въ которой коммунары убивали заложниковъ и жгли дворцы; между тѣмъ какъ „исключительный законъ“ въ Германіи явился вслѣдствіе такихъ событій, въ которыхъ осталось недоказаннымъ соучастіе партій, подвергаемой этимъ исключительнымъ мѣрамъ.

Что касается исходной точки социальнаго-демократическаго движенія, а именно—стремленія улучшить положеніе рабочихъ и дать имъ большее участіе въ барышахъ производства, то князь Бисмаркъ еще въ сентябрѣ, при первомъ чтеніи нынѣшняго проекта закона, выразилъ свое сочувствіе практической цѣли этого стремленія. Тогда же онъ рассказывалъ о своихъ разговорахъ съ Лассалемъ и представлялъ его какъ сочувственнаго и пріятнаго собесѣдника, что вызвало нѣкоторое негодованіе въ либеральныхъ партіяхъ. Теперь онъ сослался на ту рѣчь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „уже при первомъ чтеніи мною было высказано, что я сталъ бы содѣйствовать (fördern) всякому такому стремленію, которое направлялось бы положительнымъ образомъ къ улучшенію быта рабочихъ, а также и союзу, который поставилъ бы себѣ общей цѣлью улучшить бытъ рабочихъ, доставить имъ долю въ барышахъ промышленнаго производства и уменьшить, по возможности, число рабочихъ часовъ, насколько все это могло бы осуществиться при условіяхъ конкуренціи и сбыта“. Бисмаркъ напоминалъ, что борьба подмастерьевъ и рабочихъ съ мастерами—явленіе не новое въ Германіи, что уже сначала XIV столѣтія въ большихъ городахъ бывали такъ называемые нынѣ „страйки“ рабочихъ, и что борьба эта велась съ перемѣннымъ счастьемъ: иногда мастера уступали, иногда ихъ выгоняли изъ города, и подмастерья завладѣвали ремесломъ. Но всегда при этомъ имѣлись въ виду исключительно практическія, положительныя цѣли, совершенно опредѣленныя требованія, и никому не приходила въ голову мысль о ниспро-

верженіи собственности, вѣры въ Бога и монархіи. „Если я долженъ указать на перегородку (Scheidewand), которая отдѣляетъ то, противъ чего союзныя правительства—но крайней мѣрѣ, при моемъ участіи—не намѣрены бороться, отъ того, съ чѣмъ они борются, то я проведу черту между стремленіями положительными и стремленіями отрицательными. Какъ только намъ было бы заявлено со стороны социальнихъ демократовъ какое-либо положительное предложеніе о томъ, какъ они полагаютъ, сколько-нибудь благоразумнымъ образомъ, устроить будущность и улучшить положеніе рабочихъ, то я, по крайней мѣрѣ, не уклонился бы отъ благосклоннаго и внимательнаго разсмотрѣнія и даже не испугался бы при мысли объ оказаніи помощи со стороны государства, не въ видѣ инициативы со стороны его, но такъ, чтобы оказать помощь людямъ, которые сами хотятъ себѣ помочь“. Но, какъ доказывалъ канцлеръ далѣе, социалисты не выказали доселѣ ни малѣйшей тѣни подобныхъ положительныхъ плановъ, упорно молчать о нихъ и молчать потому, что сами ничего не придумали, не открыли философскаго камня. Вмѣсто того, они только проповѣдуютъ разрушительныя понятія, которыми колеблуть въ умахъ малообразованныхъ людей вѣру въ Бога, въ патриотизмъ, въ семейныя связи, въ собственность, въ наслѣдство, такъ что неразвитому уму остается только воскликнуть съ Фаустомъ: „проклатіе надеждъ! проклатіе вѣрѣ! и прежде всего—проклатіе терпѣнію!“ „Я, господа,—прибавилъ Бисмаркъ,—живу въ довольствіи, среди богатой дѣятельности, но все это не заставило бы меня желать прожить одинъ лишній день, если бы я не имѣлъ того, что, по выраженію поэта, значитъ: „вѣрить въ Бога и лучшій міръ“.

Особенно любопытно было то мѣсто рѣчи канцлера, гдѣ онъ объяснилъ, почему социалистическое ученіе такъ успѣшно распространилось именно въ Германіи. О безвыходности ея политическихъ стремленій, онъ, конечно, не упомянулъ, объ экономическихъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ „врахомъ“, сказалъ только мимоходомъ, но зато много распространился о нѣмецкомъ національномъ характерѣ, представилъ нѣсколько легкое объясненіе того явленія, которое хотѣлъ обсудить. „Страна съ такими добродушными судьями („ого!“—возразили слѣва)... Развѣ судьи наши не добродушны?... Страна, въ которой такъ слабо уваженіе къ государственнымъ учрежденіямъ, гдѣ приверженность къ правительству тотчасъ вмѣняется въ сервилизмъ, гдѣ большіе города были такъ хорошо обработаны прогрессистскою воздѣлкой подъ посявъ социализма, такая страна должна была представляться особенно привлекательной для социально-демократической агитаціи. Къ этому присоединялось свойственное нѣмцу, вообще,

недовольство. Во Франціи я знавалъ людей во всѣхъ профессіяхъ, которые были совершенно довольны своимъ положеніемъ. Французъ,—средній торговецъ, думаетъ только о томъ, какъ бы ему до 55 лѣтъ отъ роду скончить себѣ столько, чтобы оставить дѣла и отдыхать остальную часть жизни. И тогда онъ совершенно счастливъ. У насъ же булочникъ, напр., только, что начинающій торговлю, еще не думаетъ удовольствоваться тѣмъ, что сдѣлается самымъ богатымъ булочникомъ въ своемъ мѣстѣ. Нѣтъ, онъ хочетъ еще сдѣлаться домовладельцемъ и милліонеромъ. Это недовольство имѣетъ и хорошія и дурныя стороны. Къ сожалѣнію, оно разрушаетъ довольство, между прочимъ, и въ средѣ низшаго чиновничества. Поэтому большая часть низшихъ чиновниковъ склоняется къ социальной демократіи*.

Успѣхи социалистской пропаганды ораторъ приписывалъ далѣе такимъ либеральнымъ реформамъ, какъ отмѣна всякихъ стѣснительныхъ мѣръ по переселенію и отправленію ремесла въ любой мѣстности и отмѣна требованія залоговъ отъ издателей газетъ. Онъ доказывалъ, что настоящій законъ необходимъ, главнымъ образомъ, для „побѣды“ надъ агитаторами, которые занимаются своимъ дѣломъ какъ легкою и выгодною профессію. Онъ жаловался, что правительство имѣетъ противъ себя въ сеймѣ цѣлыхъ $\frac{2}{3}$ его состава, составляющихъ такую оппозицію, которая отрицаетъ самыя основы нынѣшняго политическаго устройства Германіи, такъ что правительство принуждено искать поддержки только со стороны національных либераловъ и обѣихъ консервативныхъ партій. Онъ увѣрялъ, что при распущеніи сейма вовсе не имѣлъ въ виду осуществить реакцію, а хотѣлъ только, чтобы, вслѣдъ за измѣнившимся положеніемъ дѣлъ, депутаты, войдя вновь въ сношенія съ своими избирателями, возвратились укрѣпленные прикосновеніемъ къ родной землѣ. Это послѣднее увѣреніе вызвало на національно-либеральныхъ скамьяхъ нѣкоторую веселость. Канцлеръ, конечно, говорилъ бы совсѣмъ иначе, если бы избиратели не прислали вновь, въ большинствѣ, тѣхъ же представителей. Князь Бисмаркъ заключилъ свою рѣчь, выразивъ надежду, „что изъ трехъ названныхъ партій въ союзъ съ правительствомъ образуется такая коалиція, которая будетъ довольно сильна, чтобы выдержать всѣ бури, какимъ имперія можетъ подвергнуться“.

Со стороны социальныхъ демократовъ канцлеру отвѣчалъ бывшій лассаллянецъ, нынѣ подчинившійся Либкнехту, Гасселльманъ. Онъ доказывалъ, что практическія предложенія отъ его партіи заявлялись при обсужденіи ремесленнаго устава. Это былъ, впрочемъ, единственный фактическій аргументъ оратора. Остальное сводилось къ той „широкой области краснорѣчія“, въ которую, впрочемъ, вдался и самъ канцлеръ. Такъ, Гасселльманъ напомнилъ, что первый, кто низ-

вергалъ съ престола германскихъ государей, былъ Бисмаркъ. Онъ заключилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что социалисты желаютъ мира, но живутъ въ обществѣ „бандитовъ“ и, наконецъ, пригласилъ канцлера помнить о 18 мартѣ 1848 года. Рѣчи вождей національных либераловъ, Беннингсена и Ласкера, никакъ не могли опровергнуть того самопротиворѣчія, въ какое нынѣ стала эта партія, защищая исключительныя мѣры противъ социалистовъ, которыя сама отвергла въ маѣ, послѣ покушенія Гёделя. Ласкеръ даже открыто призналъ, что „то, что случилось послѣ мая (покушеніе Нобилинга), вовсе не было продуктомъ социальной демократіи“. А между тѣмъ, національные либералы принимаютъ законъ все-таки вслѣдствіе того, что случилось это покушеніе. Ласкеръ объяснилъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ общественное мнѣніе именно вслѣдствіе покушенія требуетъ принятія такихъ мѣръ. На это Бебель возразилъ, что, вѣдь, самое это требованіе общественнаго мнѣнія именно и возникло потому, что его возбудили офиціозными разъясненіями о мнимой связи покушенія Нобилинга съ видами социальныхъ демократовъ. Либкнехтъ находилъ неестественнымъ законъ, который ставитъ внѣ права 500 тысячъ политическихъ избирателей и миллионъ германскихъ гражданъ, и издается противъ нихъ именно на томъ основаніи, что они приравняются къ убійцамъ или соучастникамъ убійства. Онъ спрашивалъ, неужели надо быть непременно національнымъ либераломъ или консерваторомъ, чтобы осуждать такое дѣйствіе, какъ выстрѣлъ въ 80-лѣтняго старца?! Вотированіе настоящаго закона національно-либеральной партіей онъ назвалъ самоубійствомъ съ ея стороны. „Гг. Ласкеръ и Беннингсенъ, прежніе носители парламентарнаго принципа въ Германіи—являются его могильщиками“. Виндгорстъ со стороны центра заявилъ, что эта партія отвергаетъ нынѣшній законъ потому, что она — партія консервативная, но не реакціонерная, не полагающая, какъ многіе консерваторы прусскаго закала, что консерватизмъ заключается въ усиленіи полицейскаго простора власти. Наконецъ, главный ораторъ прогрессистовъ, Рихтеръ, упрекалъ Бисмарка въ томъ, что въ то самое время, когда Лассаль преслѣдовался судомъ отъ имени короля, его принималъ высшій совѣтникъ короны, нынѣшній канцлеръ, и велъ съ нимъ тѣ интимныя, основанныя на взаимномъ уваженіи, бесѣды, о которыхъ самъ повѣствуетъ теперь. Это должно было ободрить Лассалья, и дѣлалось это именно потому, что въ Лассаль представилось средство для борьбы противъ либеральныхъ партій. Социалисты стали проникать въ собранія рабочихъ, устроенныя прогрессистами въ Берлинѣ, и силою разсѣвали эти собранія, что и послужило сѣменемъ для того плода насилія, которое они похищаютъ въ нынѣшнемъ законѣ.

Примѣненіе закона, какъ только онъ состоялся, не заставило ждать себя. Тотчасъ послѣдовало закрытіе множества обществъ и запрещенія газетъ. Насколько эти мѣры принимались бы на точномъ основаніи закона, о нихъ нечего было бы и говорить. Но въ томъ-то и дѣло, что „точное“ примѣненіе такого закона, который по самой своей сущности исключаетъ всякую точность, невозможно. Это легко было предвидѣть, и это было доказано опытомъ на первыхъ же порахъ. Многіе социальнo-демократическіе органы, не дожидаясь полицейскихъ мѣръ, сами прекратились или преобразовались. Одинъ изъ главныхъ среди нихъ — „Berliner Freie Presse“, преобразился въ „Tagespost“. Не издавъ единственнаго вышедшаго нумера этой новой газеты, мы должны положиться на отзывъ о ней, который находимъ въ прогрессистской „Volkszeitung“, нисколько не сочувствующей социализму. Вотъ что сказала „Volkszeitung“: при обсужденіи закона о социалистахъ было прямо выражено, что социалистскимъ органамъ дозволено будетъ существовать и впредь, если они измѣнятъ свое нынѣшнее положеніе, несообразное съ постановленіями новаго закона. Но чѣмъ же такое намѣреніе можетъ яснѣе удостовѣриться, какъ не переменю заглавія газеты, переменю редакторовъ, обращеніемъ въ нѣкому издателю, какъ то сдѣлали владѣльцы „Berliner Freie Presse“. И однакоже „Berliner Tagespost“ была запрещена немедленно по своемъ появленіи. „Неужели въ самомъ дѣлѣ хотятъ уничтожить послѣдній остатокъ довѣрія къ добросовѣстности нашихъ парламентскихъ ораторовъ?“ спрашиваетъ „Volkszeitung“. Дѣло въ томъ, что именно Ласкеръ въ своей рѣчи объяснялъ, что новый законъ преслѣдуетъ только заявленія, направленныя къ ниспроверженію, но вовсе не имѣетъ цѣлю разорвать владѣльцевъ социалистскихъ газетъ. Но въ дѣйствительности, законъ таковъ, что въ силу его можно бы запретить и „Volkszeitung“, и „Nationalzeitung“ и даже официальные органы, гдѣ сдѣлано было заявленіе князя Бисмарка о личномъ его сочувствіи къ Лассалю, что можетъ быть также истолковано въ смыслѣ возбужденія къ ниспроверженію общественнаго порядка.

Законъ, нынѣ одобренный германскимъ парламентомъ, представляетъ еще одно явленіе, совершенно исключительное въ имперіи конституціонныхъ государствъ. Бывали общія ограниченія правъ печати и публичныхъ собраній. Но чтобы ограничить эти права специально для одной партіи, чтобы направить законодательныя мѣры противъ одного мнѣнія, въ то время, когда всѣмъ другимъ партіямъ и мнѣніямъ предполагается оставить прежній просторъ — этому до сихъ поръ не представлялось примѣровъ нигдѣ, и потому трудно теперь предвидѣть, какъ новый законъ будетъ исполняться на

дѣлѣ, касаясь однихъ и оставляя неприкосновенными другихъ. Замѣтимъ еще, что социальна-демократическая партія—а не результаты послѣднихъ выборовъ оказалось, что это не горсть людей, а цѣлыхъ полмилліона избирателей,—будетъ во время выборовъ лишена всѣхъ даже и законныхъ путей заявленія, программъ, совѣщаній, избирательной агитаціи,—а все это составляетъ необходимую принадлежность конституціонныхъ государствъ. Такого оригинальнаго положенія вещей мы еще не встрѣчали въ исторіи другихъ странъ, прибѣгавшихъ къ мѣрамъ репрессивнымъ, но въ то же время распространявшихъ эти мѣры на всѣхъ. Очень можетъ быть, что ближайшее будущее Германіи разрѣшитъ эту политическую квадратуру круга самымъ простымъ образомъ, и кн. Бисмаркъ, по способу Колумба, умудрится легко поставить на тарелкѣ яйцо на его остромъ концѣ, крѣпко придавивъ все яйцо къ тарелкѣ. Но, говоря строго, съ той минуты яйцо перестанетъ уже быть яйцомъ, какимъ оно было; судьба этого историческаго яйца ожидаетъ и Германію, и національные либералы должны будутъ скоро убѣдиться собственнымъ опытомъ въ невозможности ограничивать другихъ такъ, чтобы потомъ не почувствовать самимъ результатовъ такого ограниченія. Не трудно было бы управлять міромъ, еслибъ было такъ просто придавливать зло, не стѣсняя тѣмъ добра: стоило бы только зло воспретить, а добру предоставить свободу, и мы очутились бы мгновенно въ лучшемъ изъ міровъ; но исторія не дѣлается такимъ образомъ: въ природѣ человѣка только то добро есть дѣйствительное добро, на которое онъ рѣшился при полной свободѣ выбора между зломъ и добромъ. Мы еще никогда не видѣли въ исторической судьбѣ человѣка, чтобы нарушеніе этого закона проходило безнаказанно для него; такое уже фатумъ нравственной природы человѣка, а потому можно сказать, что человѣкъ фатальнымъ образомъ осужденъ быть свободнымъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 октября, 1878.

Исторія съ Афганистаномъ.

Кто-то сказалъ про восточный вопросъ, что онъ похожъ на змѣю съ двумя головами на двухъ оконечностяхъ, обращенныхъ къ Европѣ и къ Азіи. Но его скорѣе можно сравнить съ классическимъ пресмыкающимся, которое кусаетъ себя за хвостъ и, наконецъ, проглатываетъ самого себя — эмблема безконечнаго и вѣчности: во всякомъ случаѣ, если у него и было начало, за то, кажется, конца ему не предвидится. Последнее письмо мое походило немного на дневрамбъ, какъ мнѣ теперь кажется, и въ этомъ отношеніи оно вѣрно отражало общественное мнѣніе въ ту радостную и истинно-восторженную минуту, которая наступила вслѣдъ за подписаніемъ берлинскаго трактата и триумфальнымъ возвращеніемъ англійскихъ уполномоченныхъ.

Не то, чтобы я былъ членомъ „конгресса мира“, — сознаюсь даже, что къ стыду моему, я никогда не могъ ни на одну минуту раздѣлить иллюзій этихъ добрыхъ людей, воображающихъ, что они могутъ хоть сколько-нибудь повліять на правительство путемъ ихъ невинной пропаганды. Европейскіе Соединенные Штаты! — это, безъ сомнѣнія, прекрасная мечта, — но и только. И прежде всего уподобленіе это совершенно невѣрно, такъ какъ великая американская республика представляетъ вполнѣ однородное государство, что касается господствующей и правительственной расы; я не говорю про Сіу или про эскимосовъ Аляски и другихъ алеутовъ, которыхъ нельзя принимать въ расчетъ, если говоришь серьезно. Национальности можно сравнить съ водами, долго сдерживаемыми и стремящимися излиться черезъ всевозможные пути; до тѣхъ поръ, пока онѣ не достигнутъ своего уровня, нельзя надѣяться на то, чтобы онѣ перестали бурлить.

Но если нѣтъ мѣста для вѣчнаго мира, о которомъ мечталъ Бернарденъ-де-Сентъ-Пьерръ, то, казалось мнѣ, могли бы быть мирные промежутки. Послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ возстаній и сумятицы, послѣ великой и кровопролитной войны, можно было надѣяться на временное замиреніе между крестомъ и полумѣсяцемъ, между Ираномъ и Тураномъ. Конечно, берлинскій трактатъ отнюдь не носилъ законченнаго характера, и оккупация Австріей Босніи и Герцеговины въ особенности представлялась чѣмъ-то довольно неопредѣленнымъ и, слѣдовательно, не особенно успокоительнымъ. Однако, нельзя было предвидѣть, что тѣ самыя провинціи, конхъ продолжительное возста-

ніе *противъ* Турціи ускорило событія, создадутъ опасность такого же рода, возставъ за Турцію, не говоря уже про афганское усложненіе, разразившееся, какъ бомба, и завершившее всеобщую смуту.

Такъ разлетѣлись одна за другой весьма законныя надежды, явившіяся-было на миръ. „Ни мира, ни перемирія!“ какъ говорятъ французы: вотъ отнынѣ девизъ Европы. Разореніе торговли и промышленности, разореніе тружениковъ всѣхъ разрядовъ и—что еще печальнѣе—застой въ наукѣ, застой въ человѣчествѣ—вотъ что рисуется все яснѣе и яснѣе въ ближайшемъ будущемъ.

Но, наконецъ, человѣкъ предполагаетъ, а событія располагаютъ имъ, и—въ качествѣ хроникера и историка—я вынужденъ снова обратиться къ пересказу того, о чемъ уже было столько говорено. Когда 2-го августа текущаго года замолкли послѣднія слова ораторовъ, обсуждавшихъ англо-турецкую конвенцію, я вздохнулъ съ облегченіемъ, подумавъ, что теперь конецъ всѣмъ этимъ дебатамъ, вѣчно однимъ и тѣмъ же, вѣчно съ трескомъ возбуждаемымъ оппозиціей и съ такимъ же трескомъ приводящимъ къ ея политѣйшему поражению. Увы! то былъ, кажется, только конецъ перваго акта. Какъ бы то ни было, вотъ какъ было дѣло.

Огонь былъ открытъ уже 7 (19) іюля въ палатѣ лордовъ, куда лордъ Биконсфильдъ внесъ протоколы берлинскаго конгресса. Онъ былъ ясенъ, краснорѣчивъ по обыкновенію, неизмѣнно насмѣшливъ, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ намекалъ на предложеніе о раздѣлѣ Турціи, причемъ воскликнулъ: — „насъ перенесли на высокую гору и показали намъ всѣ царства земныя: и намъ сказали: — все это будетъ ваше, если вы согласитесь поклониться раздѣлу“. Намекъ на извѣстный текстъ, вызвавшій рукоплесканія, пополамъ со смѣхомъ, —чего и желалъ ораторъ, хотя тутъ далеко еще не видно высокаго краснорѣчія, какъ это усматривалъ „Journal des Débats“, отъ 24-го іюля. Самой важной частью его рѣчи была та, гдѣ онъ говорилъ про англо-турецкую конвенцію. Такъ какъ Малая Азія должна сдѣлаться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ жертвой анархіи или Россіи—если не принять противъ этого мѣры—то министръ, чтобы предотвратить эту возможность, заключилъ конвенцію. „Наше мнѣніе,—сказалъ онъ,—таково, что мы этимъ положимъ конецъ бѣдствіямъ, угнетающимъ Малую Азію и богатія смежныя съ нею страны. Мы видимъ, что Порта все болѣе и болѣе утрачиваетъ всякое вліяніе на своихъ подданныхъ; связь между ними съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ; мы очень хорошо предвидимъ окончательный результатъ и не можемъ осуждать Россію за то, что она старается воспользоваться такимъ порядкомъ вещей. Но, *уступая Россіи то, что она получила, мы ей говоримъ: только—досадъ, и ни шагу далѣе* (руко-

массами). Азія достаточно обширна для насъ обоихъ, и нѣтъ резону вѣчно опасаться войны между Россіей и Англіей.... Да! мѣста достаточно въ Азіи и для той, и для другой. Но то мѣсто, которое мы предназначаемъ себѣ, мы должны гарантировать. Вотъ почему мы заключили союзъ, союзъ оборонительный съ Турціей, чтобы защищать ее отъ всякаго дальнѣйшаго нападенія со стороны Россіи".

Вы видите, что мы держимся тона новой дипломатической школы, столь развязно основанной Бисмаркомъ. Долой всякіе покровы, всякія прикрасы: другъ другу говорятъ въ глаза то, что думаютъ, и непріятныя истины взаимно высказываются съ такой беззащитностью, что самъ Мольеровскій Альцестъ могъ бы позавидовать. Глава оппозиціи, графъ Гренвилль, возражалъ вяло, какъ человѣкъ, выполняющій возложенную на него роль. Лордъ Дѣрби, напротивъ того, остался вѣрнѣйшій самому себѣ и снова далъ промахъ. Этотъ теплый государственный человѣкъ не могъ, очевидно, перенести торжества и овацій, дѣлаемыхъ кабинету, изъ котораго онъ почелъ нужнымъ удалиться. Ему показалось вѣстать сдѣлать новыя разоблаченія на счетъ того, что происходило въ министерствѣ, прошлаго мая, въ тотъ моментъ, какъ онъ подалъ въ отставку. Тогда шла рѣчь о томъ, — сказалъ онъ, — чтобы призвать остъ-индскія войска и съ помощью ихъ завладѣть островомъ Кипромъ и однимъ пунктомъ на Сирійскомъ берегу, съ согласія султана или безъ него. На что маркизъ Солсбери отвѣтилъ самымъ категорическимъ образомъ: — „это неправда“ (*it is not true*). Само собой разумѣется, благородный лордъ протестовалъ, и графъ Гренвилль поддержалъ его и добился, что слова „это неправда“ замѣнены были словами „это не точно“ (*it is not correct*). Лордъ Дѣрби настаивалъ на точности своего показанія, и міръ сталъ свидѣтелемъ поучительнаго зрѣлища, какъ два совершенные джентльмена обзываютъ другъ друга лжецами, несмотря на парламентскія смягченія и извиненія, которыя никому не могутъ отвести глаза.

Уснѣхъ — временный, если хотите, но во всякомъ случаѣ очень большой — государственныхъ людей, стоящихъ во главѣ управленія, долженъ былъ вызвать эти взрывы горечи и непріязни со стороны вождей оппозиціи. Такъ какъ пренія палаты лордовъ не могли дать практическаго результата, то не производилось даже и голосованія, но удовольствовались единодушнымъ заявленіемъ. Это могло только сильнѣе раздражить оскорбленные самолюбія, и Гладстонъ въ особенности никакъ не упустилъ случая излить свое презрѣніе и осыпать насмѣшками политику своего счастливаго соперника.

Лорда Биконсфильда это, наконецъ, задѣло за живое и на одномъ банкетѣ, заданномъ ему сливками „High Life“ политическаго міра и

спеціально консерваторами, онъ произнесъ слѣдующія слова, немедленно дошедшія по назначенію: „Конвенцію 4 іюня (англо-турецкую) называли безумной. Это невозможно рѣзкій эпитетъ: что до меня касается, то я не хвалюсь тѣмъ, что я таковъ же компетентный судья въ дѣлѣ безумія, какъ мой почтенный противникъ. Я не стану кричать ему: „naviget antysecan“; я желаю бы только предложить слѣдующій вопросъ англійскому жири: кого считаете вы скорѣе способнымъ подписать безумную конвенцію: собраніе джентльменовъ, почтенныхъ довѣріемъ ихъ государини и уваженіемъ ихъ соотечественниковъ, джентльменовъ уже пать лѣтъ съ осмотрительностью и не безъ успѣха, надѣюсь, руководящихъ дѣлами страны, или же риторъ софиста, упоеннаго собственной необузданной говорливостью и одареннаго воображеніемъ, способнымъ придумывать во всякое время несмѣнчаемый рядъ безтолковыхъ аргументовъ, съ тѣмъ, чтобы унизить своего противника и возвеличить самого себя“.

То былъ въ полномъ смыслѣ слова аргументъ „ad hominem“. Вслѣдствіе этого берцы обмѣнялись кислосладкими письмами, и каждый изъ нихъ снискалъ рукоплесканія со стороны своихъ приверженцевъ. Положимъ, что Гладстонъ потратилъ не мало желчи на брань, которою онъ преслѣдуетъ теперешній кабинетъ, въ особенности въ послѣдніе два года; но нельзя „угодить всѣмъ и своему отцу“, и, можетъ быть, лордъ Виллсфилдъ поступилъ бы благоразумнѣе, если бы сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ярости своего побѣжденнаго противника.

Во время великихъ и послѣднихъ прерій въ палатѣ общинъ, по поводу берлинскаго трактата, оппозиція, несмотря на рѣчь, длившуюся болѣе трехъ часовъ и произнесенную Гладстономъ, осталась побѣжденной. Маркизъ Гартингтонъ предложилъ слѣдующую резолюцію, которая довольно хорошо резюмируетъ сдѣланныя либеральной партіей возраженія въ прессѣ и въ парламентѣ:

„Хотя палата съ удовольствіемъ узнала, что волненія, обнаружившіяся на востокѣ Европы, окончились берлинскимъ трактатомъ, безъ обращенія къ оружію и хотя она радуется расширенію свободы и самоуправленію, дарованными многими народностямъ Турціи — она сожалеетъ о томъ, что не дало болѣе удовлетворительнаго отвѣта на требованія Греціи и греческаго населенія Турціи.“

„Палата сожалеетъ, что, взявъ на себя гарантію цѣлости территорій, какія остались во владѣніи Порты въ Азіи, необходимо приходится бесполезно увеличивать военныя обязательства страны.“

„Принимая неопредѣленные обязательства на счетъ лучшаго управленія этихъ провинцій, правительство ея величества наложило

тяжкую отвѣтственность на государство, потому что не были приняты нужныя мѣры для обезпеченія ихъ исполненія.

„Навонецъ, палата сожалѣетъ, что такія обязательства приняты, и навлечена такая отвѣтственность безъ предварительнаго о томъ увѣдомленія парламента“.

Въ моментъ голосованія эта формула перехода къ очереднымъ дѣламъ была отвергнута большинствомъ 338 голосовъ противъ 195 и палата приняла затѣмъ поправку Плонкетта, высказывающую полное одобреніе политикѣ правительства и долженствующую показать „Европѣ и всему міру единодушіе Англіи по вопросу о вѣнскихъ дѣлахъ“ (21 іюля, 2 августа). Два дня спустя, Виконсфилдъ въ сопровожденіи своей неотступной тѣни, лорда Сольсбери, принималъ чествованіе города Лондона черезъ посредство лорда-мера. Уже награжденные королевой орденомъ Подвязки, оба дипломата наслаждались новой народной оваціей, оказываемой тѣмъ, которые, по выраженію перваго министра, привезли съ собой изъ Берлина „peace with honour“—достаточно почетный миръ.

Но лорду Виконсфилду не долго пришлось отдыхать на своихъ лаврахъ. Кромѣ того, что результаты берлинскаго трактата начинали скандалиться въ Европѣ самымъ безпорядочнымъ образомъ, новыя усложненія возникли на крайнемъ востокѣ. Уже съ сентября мѣсяца общественное вниманіе было привлечено къ Афганистану. Всѣ знали, что остъ-индское правительство рѣшило послать миссію въ Кабуль. „Мы желаемъ оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ Афганистаномъ и его начальниками“, говорилъ „Times“ (29 августа) 10 сентября, „но мы не можемъ допустить, чтобы эта страна стала очагомъ русскихъ интригъ или бы послужила базисомъ для русскихъ военныхъ операцій. Посольство, отправляемое нами въ Кабуль, имѣетъ двойную цѣль. Надо установить и подтвердить существованія дружескихъ сношеній между остъ-индскимъ и афганскимъ правительствами и устранить такимъ образомъ опасность, угрожающую намъ со стороны усиливающагося вліянія Россіи на Афганистанъ. Тамъ политика бездѣйствія уже больше неумѣстна. Успѣхи Россіи въ Средней-Азій съ каждымъ днемъ приближаютъ ее къ нашей сѣверо-восточной границѣ: тысячи миль, раздѣлявшія насъ прежде, сократились въ настоящее время до нѣсколькихъ сотенъ. Мы должны приготовиться къ тому моменту, когда граници обѣихъ имперій соприкоснутся, и слѣдуетъ уже теперь знать, на какомъ пунктѣ намъ всего выгоднѣе установить нашу линію обороны“.

Съ этою-то цѣлью правительство лорда Литтона, вице-короля Индіи, собрало на сѣверо-восточной границѣ одно изъ самыхъ внушительныхъ посольствъ, когда-либо существовавшихъ, такъ какъ оно

насчитывало до тысячи человекъ. Во главѣ ихъ находился генералъ-лейтенантъ сэръ Невилль Чемберлейнъ, одинъ изъ самыхъ достойныхъ офицеровъ остъ-индской арміи, старшій воевода въ войнѣ съ Пенджабомъ, и во время мятежа сипаевъ, получившій, какъ это заявляли неоднократно, столько же ранъ, сколько и крестовъ.

Къ несчастію, эмиръ кабульскій не оцѣнилъ, должно быть, чести, оказанной ему, и 11 (23) сентября пришла громовая вѣсть: глава Афганистана не желаетъ принять посольство, иначе какъ съ ружейными выстрѣлами.

Афганы, безъ сомнѣнія, народъ странный. По словамъ ихъ хроникёровъ, они еврейскаго племени и происходятъ отъ царя Саула, родившаго Іеремію, который родилъ Афгана и пр. и пр., и это благопріятствуетъ мнѣнію тѣхъ лицъ, которые считаютъ ихъ остатками затерявшихся десяти колѣнъ. Правда, что то же самое говорили и про краснокожихъ Америки, и одинъ англичанинъ написалъ даже болѣе или менѣе остроумную книгу, чтобы установить право своихъ соотечественниковъ считать себя отпрысками этой вѣтви Израиля. Но что бы ни думали про ихъ генеалогію, опирающуюся на весьма шаткомъ основаніи, и принимая во вниманіе правильность ихъ чертъ, напоминающихъ до нѣкоторой степени еврейскій типъ, надо признать, что языкъ сближаетъ ихъ съ аріицами. *Пушту*, нарѣчіе *Патановъ*, или афгановъ,—языкъ иранскій.

И въ сущности, весь современный Афганистанъ, включая сюда и афганскій Туркестанъ, не что иное, какъ персидская область, т.-е. той персидской имперіи, какая просуществовала до половины прошлаго столѣтія. Въ эту эпоху Акметъ-Ханъ положилъ начало современной афганской монархіи. Первые непріятныя сношенія Англіи съ этой страной завязались въ 1837 г. по случаю осады Герата. Казалось бы, что интересы англійскаго правительства, которое уже въ тѣ поры со страхомъ глядѣло на поступательное движеніе русскихъ, должны были побудить его какъ можно тѣснѣе сблизиться съ Достъ-Мохамедомъ, тогдашнимъ эмиромъ. Но этотъ послѣдній заявлялъ притязанія на Пенджабъ, который еще не принадлежалъ Англіи; англичане не только не оказали поощренія этимъ притязаніямъ, но, напротивъ того, заявили о своемъ дружескомъ расположеніи къ сейсамъ. Достъ-Мохамедъ тоже не скрылъ въ этомъ случаѣ свое предпочтеніе къ русскимъ, и послѣ этого остъ-индское правительство съ необъяснимымъ легкомысліемъ рѣшило погубить его. Его конкуррентъ Шуджа-уль-Мулькъ былъ коронованъ въ Кандагарѣ, и вѣкоръ англійская армія распорядилась въ Афганистанѣ.

Но, совершивъ завоеваніе, вообразили, что теперь дѣла пойдутъ сами-собою,—и англичане выказали безпечность, мало свойственную

англійскимъ военнымъ людямъ. Когда генералъ Эльфинстонъ — зловѣщей памяти — явился въ апрѣлѣ 1841 года принять командованіе надъ войсками, онъ нашелъ армію совершенно изолированной, т.-е. отдѣленной отъ своего операціоннаго базиса горами и ущельями, доступъ куда легко могъ быть закрытъ.

Извѣстно, какъ дѣлится населеніе Афганистана. Кромѣ того, что оно распадается на афганъ и не-афганъ — болѣею частью, монгольскаго происхожденія — оно подраздѣляется еще на кланы или колѣна одной и той же расы: словомъ, въ этой странѣ существуетъ такой порядокъ вещей, который имѣетъ болѣе сродство съ порядкомъ, существовавшимъ въ Ирландіи VI-го или VII-го вѣка, нежели со всякимъ другимъ. Начальники большихъ клановъ зовутся сердарами, но не пользуются, впрочемъ, безусловной властью. Достъ-Мохамедъ принадлежалъ къ племени барукци, — и сынъ его, Мохамедъ-Аббаръ-ханъ, въ то время, какъ англичане удерживали отца въ плѣну, организовалъ возстаніе этого племени.

При генералѣ Эльфинстонѣ находились три человека: сэръ Уильямъ Макъ-Нафтенъ, сэръ Александръ Борнестъ и майоръ Польшингеръ. Всѣ трое отлично знали азіатскіе нравы — и однако не оказали никакой помощи въ данномъ случаѣ. Въ началѣ октября появился слухъ, что возстаніе афгановъ распространяется по всему краю и что сообщеніе у арміи отрѣзано. Съ этой минуты всѣ потеряли головы, не исключая и несчастнаго генерала Эльфинстона, который не сумѣлъ придти ни къ какому рѣшенію. Сэръ Уильямъ Макъ-Нафтенъ вступилъ въ переговоры съ Мохамедомъ-Аббаръ-ханомъ, надѣясь провести его. Но случилось обратное. Афганскій предводитель разставилъ западню для англичанина, въ которую тотъ и попался: Мохамедъ соглашался заключить сдѣлку, въ силу которой обязывался измѣнить отцу и пристать къ Шуджа-уль-Мулькѣ, но подъ тѣмъ условіемъ, что будетъ назначенъ его великимъ визиремъ.

Сэръ Уильямъ Макъ-Нафтенъ прибылъ на условленное свиданіе въ сопровожденіи капитановъ—Тревера и Маккензи. Мохамедъ спросилъ у него: готовъ ли онъ исполнить всѣ ихъ условія. Въ то время какъ англичане отвѣчали утвердительно, они замѣтили, что вокругъ нихъ образовался кружокъ вооруженныхъ съ головы до ногъ афганъ. Вдругъ Мохамедъ подалъ знакъ: „Я обернулся, — говоритъ капитанъ Маккензи, — и увидѣлъ, что сердаръ схватилъ за лѣвую руку посла (сэра Уильяма) съ выраженіемъ дьявольской свирѣпости на лицѣ; султанъ Джанъ завладѣлъ правой рукой. Они увлекли его, и единственное слово, которое я услышалъ отъ несчастнаго сэра Уильяма, было: „ради самого неба!“ — и увидѣлъ, что на лицѣ его выразился ужасъ и удивленіе“. Почти въ тотъ же моментъ сердаръ выстрѣлилъ

ему въ грудь изъ пистолета. Тѣло его немедленно разрубили на куски: голову возили по городу и съ триумфомъ показывали находившемуся тамъ плѣнному англійскому офицеру, а разрубленное на куски тѣло выставили на главномъ рынкѣ Кабула ¹⁾).

Но что всего удивительнѣе и что показываетъ, какая деморализація овладѣла войскомъ, это—поведеніе солдатъ и начальниковъ въ этомъ случаѣ. „Ни одного выстрѣла изъ ружья не было сдѣлано!—воскликаетъ очевидецъ, у котораго я заимствую эти подробности:—ни одинъ солдатъ не тронулся съ мѣста. Убіиство англійскаго посла совершилось передъ лицомъ англійской арміи и на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нея — и это ужасное дѣло не только не встрѣтило возмездія, но тѣло его было оставлено, какъ трофей, въ рукахъ фанатической черни, и его допустили выставить на рынокъ“.

Но это было только предпудіей. 6-го января 1842 года англійская армія начала свое отступленіе: 13-го числа, отъ 17,000 человекъ, женщинъ и дѣтей остались одни мертвые тѣла и нѣсколько плѣнныхъ, чтобы разсказать про пораженіе. Шествуя въ глубинѣ неприступныхъ почти ущелій, по твердому снѣгу, среди жестокой стужи, леденившей самое дыханіе ихъ, и влача за собой толпу женщинъ, неизбѣжную свиту всякой индійской арміи, эти несчастные вскорѣ подверглись нападенію съ фланговъ и съ тыла многочисленныхъ афганъ, которые принялись избивать остальныхъ. Прибавьте, что многія женщины были беременны, а другія съ новорожденными грудными младенцами.

Дошли до ущелій Курдъ-Кабула: холодъ еще усилился, уныніе доканчивало остальное. 8-го января тысячи людей улеглись на снѣгъ съ тѣмъ, чтобы больше не вставать. „Мысль о томъ, чтобы углубиться въ страшное ущелье, лежавшее передъ нами,—говорить м-ръ Эйръ,—съ этой беспорядочной толпой и подъ выстрѣлами варваровъ, жаждущихъ мести, была по-истинѣ ужасна. Зрѣлище, представляемое этимъ потокомъ живыхъ существъ, долженствовавшихъ черезъ нѣсколько часовъ усыпать путь своими трупами, не можетъ быть позабыто тѣми, кто его видѣлъ. Ущелье имѣетъ около 5-ти миль въ длину и съ обѣихъ сторонъ оно окружено рядомъ скалъ съ пиками, между которыми солнце въ эту пору года пропускаетъ лишь мимолетные лучи. По немъ протекаетъ потокъ, бѣшенныя воды коего не замерзаютъ и который намъ пришлось перейти, по крайней мѣрѣ, 28 разъ. По мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ, проходъ становился все уже, и мы могли видѣть варваровъ, собиравшихся на высотахъ въ значительномъ числѣ. Вскорѣ они открыли сильный огонь

¹⁾ См. „Journal of an Afghanistan prisoner“, by Vincent Eyre. 1843.

по нашему авангарду. Тамъ находились и женщины: видя, что единственный шансъ спасенія для нихъ заключается въ томъ, чтобы не оставаться назади, онѣ пустили лошадей въ галопъ—и, среди пуга, сотнями свистѣвшихъ вокругъ ихъ головъ, храбро проѣхали черезъ ущелье. Онѣ всѣ ускользнули отъ опасности. Я долженъ однако сказать, что многіе изъ людей Мохамеда-Акбара, опередившіе другихъ, употребляли самыя энергическія усилія, чтобы прекратить огонь, но безъ успѣха. Слѣдовавшая толпа бросилась въ самый огонь, и рѣзня произошла ужасающая. Паника быстро охватила всѣхъ, и тысячи людей искали спасенія въ бѣгствѣ, побросавъ багажъ, боевые снаряды, женщинъ и дѣтей, и помышляя только о томъ, какъ бы спасти свою жизнь“.

Мохамедъ-Акбаръ — замѣтите это — былъ тутъ, слѣдовать за арміей, какъ начальникъ конвоя, долженствовавшего охранять отступление! Частыя совѣщанія происходили между нимъ и англійскими офицерами, и онъ постоянно ссылался на свое безсиліе сдерживать племена, не находящіяся подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Вскорѣ, начиная уже съ 10-го января, одни только европейскіе солдаты оставались на ногахъ: у индусовъ были отморожены руки и ноги. Авангардъ вступилъ въ узкое ущелье; афганы, стоявшіе на высотахъ, подпустили его на разстояніе ружейнаго выстрѣла и затѣмъ открыли по немъ жестокой огонь. Каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль — и мертвые и умирающіе до такой степени загрознили проходъ, что остальные не могли слѣдовать далѣе. Тогда афганы спустились съ саблями въ рукахъ и произошла всеобщая рѣзня.

Два дня спустя, небольшой отрядъ, оставшійся въ живыхъ, былъ атакованъ при такихъ же точно условіяхъ — и перерѣзанъ до послѣдняго. Это совсѣмъ не метафора, потому что въ дѣйствительности *только одинъ человекъ*, докторъ Брайдонъ, успѣлъ спастись, и съ великимъ трудомъ, еле-живой, добрался до Джеллабада.

Таковъ былъ конецъ кабульской арміи. Эти горы, эти варвары, эта рѣзня—все это напоминаетъ „Анабазисъ“ и проходъ десяти-тысячъ среди кардуковъ. Но на этомъ кончается сравненіе: здѣсь тщетно было бы искать Ксенофонта, и смерть генерала Эльфинстона представляется недостаточнымъ искупленіемъ за слабость, нерѣшительность, инерцію, въ какихъ его можно упрекнуть въ этомъ случаѣ. Можно жалѣть этихъ несчастныхъ, но нельзя ими восхищаться, и сравненіемъ, наиболее подходящимъ въ настоящемъ случаѣ, будетъ сравненіе съ знаменитымъ отступленіемъ отъ Москвы. Непредусмотрительность, легкомысліе одинаковы какъ тамъ, такъ и тутъ, и хотя бли-

жайшія послѣдствія не были особенно ужасны, но отступленіе изъ Кабула потрясло-таки владычество англичанъ въ Индіи.

Около сорока лѣтъ пронеслось надъ этими событіями; Афганистанъ былъ опустошенъ; убійства отомстили за рѣзню; Сіудъ (1843), Пенджабъ были присоединены, а между тѣмъ несомнѣнно, что воспоминаніе объ этомъ восточномъ Ронсевалѣ создало теперешнія затрудненія. Прибавимъ, что политика англійская не была удачнѣе и въ послѣдствіи. Въ то время, какъ Достъ-Мохамедъ находился въ плѣну въ Калькуттѣ, въ ужасный 1841 г., генералъ-губернаторъ лордъ Элленборо спросилъ у него, какого онъ мнѣнія о британской имперіи въ Индіи:— „Я пораженъ удивленіемъ при видѣ такого могущества,—отвѣчалъ эмиръ. — Какъ можетъ горная крыса бороться со львомъ? Но что же заставляетъ васъ, владѣющихъ такой громадной имперіей, перебираться черезъ Индъ, чтобы вторгнуться въ мою жалкую страну?“ Несмотря на эту восточную риторику, низложенный эмиръ гораздо лучше понималъ сущность дѣла, нежели хотѣлъ то показать: уже въ ту эпоху Россія и Англія оспаривали другъ у друга вліяніе на Афганистанъ, и надо сознаться, что Россія дѣйствовала гораздо искуснѣе.

Большой ошибкой было, во-первыхъ, колебаться въ 1863 г. признать Ширъ-Али преемникомъ Достъ-Мохамеда. Лордъ Майо употребилъ всѣ усилія, чтобы загладить это воспоминаніе, и на свиданіи въ Омбаллѣ 1869 г. произошло, повидимому, серьезное примиреніе между эмиромъ и остъ-индскимъ правительствомъ. Но триумфальное шествіе русскихъ по Туркестану опять все поставило вверхъ дномъ. Ташкентъ, Самаркандъ, Хива — всѣ эти удары, быстро шествовавшіе одинъ за другимъ, болѣзненно отзывались въ Калькуттѣ.

Тѣмъ временемъ англійское правительство дѣлало одну ошибку за другой и поставило себя въ самое ложное положеніе съ своимъ нейтральнымъ поясомъ, предложеннымъ въ 1869 г. лордомъ Кларендономъ.

Въ 1871 г. князь Горчаковъ принялъ предложеніе сенъ-джемскаго кабинета: онъ согласился, чтобы провинціи Бадахшанъ и Ваханъ принадлежали Афганистану, и чтобы Англія гарантировала его нейтралитетъ. Странная удача для кабинета м-ра Гладстона. Онъ самъ себя связалъ руки, преградивъ всякое движеніе впередъ дальше Кветты и предоставивъ свободный путь для русскихъ армій черезъ ханства вплоть до владѣній англійскаго союзника, Кабульскаго эмира. Трудъ разграниченія едва былъ оконченъ, какъ хивинская экспедиція произвела перерывъ въ переговорахъ.

9 мая 1874 г., лордъ Неширъ и Этрикъ, бывшій когда-то послан-

никемъ въ Петербургѣ, адѣлавъ запросъ въ палатѣ лордовъ о томъ, станетъ ли правительство ея величества поддерживать афганскаго эмира въ случаѣ нападенія, ничѣмъ съ его стороны невызваннаго. На это лордъ Дербі отвѣчалъ, съ одобренія лорда Гренвилля, что внимательство въ такомъ случаѣ будетъ „highly probable“. Въ настоящее время дѣло повернулось совсѣмъ иначе, и уже теперь можно сдѣлать запросъ правительству въ Россіи и спросить его: поддержитъ ли оно эмира въ нападеніи, которое ему серьезно угрожаетъ?

Политика, преслѣдуемая лордомъ Литтономъ со времени его прибытія въ Индію въ 1876 г., нѣсколько отличалась отъ политики его ближайшаго предшественника. Должно быть, онъ напуганъ, что подарки и ласковыя рѣчи неумѣстны съ главой Афганистана, и заключилъ съ ханомъ Келата новый договоръ; въ силу его городъ Кветта и былъ занятъ англійскими войсками. Эта оккупация возбудила сильный гнѣвъ въ Ширъ-Али, котораго онъ, впрочемъ, и не старался скрывать. Когда въ августѣ 1877 г. одно изъ неугомонныхъ горныхъ племенъ, живущихъ на сѣверо-западной границѣ, начало свои нападенія на сосѣднихъ англо-индійцевъ, то Ширъ-Али обвинили въ ихъ подстрекательствѣ.

Между тѣмъ русско-турецкая война шла съ переѣннымъ счастьемъ, хотя окончательный результатъ не трудно было предвидѣть, если Англія не приметъ открытаго участія въ борьбѣ. Въ виду такой возможности, простая осторожность должна была внушить Россіи мысль, оградить себя отъ всякихъ случайностей, и съ той минуты Афганистанъ сталъ предметомъ вниманія—или, какъ здѣсь говорятъ, предметомъ интригъ петербургскаго правительства. Дѣло было такъ просто, что, пока война длилась, никто и не считалъ себя въ правѣ обижаться, и это признавалъ самъ „Times“.

Но не то заговорили послѣ того, какъ миръ уже былъ подписанъ, и въ особенности пріемъ, сдѣланный Ширъ-Али послѣднему русскому посольству, задѣлъ за живое членовъ калькутскаго правительства, главнѣйшій образомъ самого лорда Литтона, молодого и блестящаго протежѣ лорда Виконсфильда. Тотчасъ же пробудилась тревога насчетъ того впечатлѣнія, какое произведетъ такое событіе на народы Индіи. Всѣмъ мерещилось уже, что базары волнуется: „такіе слухи колеблать города востока, какъ вихрь колеблетъ бамбуковыя рои“, восклицала одна газета, поспѣшавшая заговорить въ тонъ минуты.

Какъ бы то ни было, подѣ этимъ впечатлѣніемъ задумано было вышеупомянутое посольство. Въ субботу 9 (21) сентября оно тронулось въ путь и оставило Пешаверь и направилось въ Джумрудъ, послѣднюю станцію британской территоріи. Майоръ Кавальери,

одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ посольства, уѣхавъ впередъ. Вскорѣ онъ прибылъ въ Али-Мусидъ, находящійся уже на афганской территоріи при входѣ въ Хайберское ущелье, и потребовалъ безопаснаго пропуска отъ подчиненнаго эмира. Онъ получилъ вмѣсто всякаго отвѣта категорическій отказъ. Тщетно майоръ представлялъ афганскому офицеру, какъ велика отвѣтственность и опасности, кажимъ онъ подвергаетъ своего повелителя: делегатъ Ширъ-Али нисколько не тронулся его доводами, и, вѣроятно, затѣмъ, чтобы положить конецъ препирательству, увѣнчалъ висоты своими солдатами. Англійскій посланецъ удалился, и посольство вернулось въ Пеншаверь, „чтобы ожидать тамъ приказаній вице-короля“.

„Миссія отвергнута, — объявилъ „Journal des Débats“, — но англичане съ честностью, какая имъ отличаетъ, не колеблись, высказали, что имъ нанесено оскорбленіе“. Не видно, однако, водъ какимъ предложеньемъ они стали бы колебаться: будь они во сто разъ менѣе честны, то и тогда не было бы никакой возможности отвести глаза у публики отъ пощечины, столь публично данной.

Люди хитроумные увѣряютъ, что такой оборотъ дѣла предвидѣлся заранѣе остъ-индскимъ правительствомъ и что оно искало лишь предлога начать войну. Впрочемъ, прибавляютъ они, этого можно было бы избѣжать, послать лишь нѣсколько лицъ, какъ это обыкновенно водится, а не армию въ миниатюрѣ.

Этимъ господамъ легко такъ говорить, въ особенности легко такъ разсуждать континентальнымъ газетамъ, не имѣющимъ понятія, съ какою развязностью убиваютъ посланниковъ, не сопровождаемыхъ многочисленной свитой, при небольшихъ дворахъ Средней-Азіи. Что касается вопроса о преднамѣренности, то она весьма сомнительна. Самая настойчивость англійскаго делегата доказываетъ, что правительству желательно было, чтобы его предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы посольство было допущено, — что отнюдь не представлялось невѣроятнымъ, — то остъ-индское правительство добилось бы того, чего хотѣло, и вице-король, какъ и его знаменитый патронъ, одержалъ бы побѣду не сражавшись. Съ другой стороны, онъ могъ, конечно, имѣть въ виду и возможность отказа и принять на этотъ случай свои мѣры. Пуще же всего онъ желалъ устранить status quo.

„Times“, отъ 13 (25) сентября, высказалъ по этому поведенью мнѣніе громаднаго большинства здѣшной страны и въ то же время и мнѣніе правительства: — „мы сдѣлали сегодня то, чего бы не желали сдѣлать годъ тому назадъ; мы вызвали со стороны кабульскаго эмира признаніе во враждебныхъ чувствахъ, относительно которыхъ мы могли до сихъ поръ создавать себѣ различныя иллюзіи. Наша

политика относительно Афганистана въ сущности не измѣнялась: цѣль оставалась одна и та же, а перемѣны въ подробностяхъ совершались единственно лишь подъ давленіемъ событій. Что Россія, въ виду войны съ здѣшней страной, употребила всѣ усилія, чтобы установить свое вліяніе при кабульскомъ дворѣ—это фактъ вродѣ естественный: но что она упорствуетъ въ этихъ попыткахъ въ настоящее время, когда всякая опасность миновала, то это совсѣмъ иное дѣло. Она взяла на себя обязательство не вмѣшиваться въ афганскія дѣла, и нарушеніе этого обязательства подвинуло насъ на такой путь, на какой мы безъ этого не вступили бы... Одно дѣло—предоставить властителя Афганистана самому себѣ, иное дѣло предоставить его Россіи. Дѣло идетъ не о завоеваніи Индіи, но объ опасности менѣе серьезной, которая, однако, можетъ стать грозной, если мы не предотвратимъ ея. Мы не владѣемъ пограничной линіей, достаточно обезпеченной, и не можемъ, слѣдовательно, дозволить непріятелю основаться по ту сторону ея. Россія можетъ расширять свои владѣнія во всѣхъ направленіяхъ, но пусть оставитъ въ покоѣ Афганистанъ“.

Печать была почти единодушна: въ этомъ не усомнятся, когда мы скажемъ, что сама „Daily-News“ настойчиво порицала поведеніе эмира и требовала блистательнаго и немедленнаго удовлетворенія.

За то *національные* органы Дублина заѣли совсѣмъ фальшиво въ этомъ согласномъ хорѣ. „Дай Богъ много лѣтъ здравствовать Ширъ-Али, эмиру афганскому!“—воскликнула „Nation“. „Да будутъ его намѣренія мудры, его планы совершенны, руки его могучи, а сабля остро наточена, чтобы онъ могъ сопротивляться всякому несправедливому нападенію! Онъ отвергъ, какъ и слѣдовало, незаконную атаку, и вѣтъ человѣка въ мірѣ, у котораго бы сердце не забилось отъ восторга при видѣ такого патріотизма и такого мужества“.

„Британскій левъ, должно быть, очень боленъ, замѣчаетъ „Irishman“, что такое маленькое государство, какъ Афганистанъ, осмѣливается бросить ему вызовъ прямо въ лицо.“ „Наполеонъ-то,—восклицаетъ „Flag of Ireland“,—наступилъ день, когда, по несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, народъ-убійца будетъ призванъ къ отчету! Неужели чаша преступленій Англіи переполнилась и неужели человечество будетъ отомщено за всю пролитую кровь во имя несправедливости?“ и пр. и пр. Можно было бы привести пропасть восклицаній этого рода, которые уже навлекли на эту часть ирландской прессы наименованіе: „дублинскіе афганы“. Равнодушіе, съ какими правительство отнеслось къ этимъ демонстраціямъ, которыя въ другихъ странахъ могли бы быть сочтены за возмутительныя, можетъ

служить мѣриломъ того вліянія, какое Ирландія вообще оказываетъ на политику Соединеннаго Королевства.

Что же касается Афганистана, то меня извинять за то, что я не стану входить въ дальнѣйшія подробности, не имѣя притязаній конкурировать съ трактатами географіи и военной тактики. Впрочемъ, я напрасно сталъ бы настаивать на этомъ предметѣ, когда самыя подробныя и несомнѣнныя свѣдѣнія на этотъ счетъ получены нами какъ разъ изъ Россіи — черезъ посредство берлинскаго корреспондента „Times“, — который сообщил своей газетѣ любопытный отрывокъ изъ добытыхъ имъ документовъ. Этотъ отчетъ, весьма интересный, былъ перепечатанъ въ парижской „Revue Scientifique“ и обошелъ континентальную прессу. Глава Афганистана можетъ выставить армію слишкомъ въ 150,000 человекъ, хорошо организованную и хорошо вооруженную карабинами Энфилда и другими, подаренными Англіей въ менѣ бурныя времена.

Теперь спрашивается: какъ будетъ дѣйствовать англійская армія? — потому что шансы на соглашеніе, повидимому, очень слабы и врядъ ли даже существуютъ. Пойдетъ ли она черезъ хайберскія ущелья или черезъ холанскій проходъ? Она господствуетъ частію надъ послѣднимъ, благодаря оккупациі Кветты и пока войска сосредоточиваются въ этомъ городѣ, равно какъ и въ Пешаверѣ по сосѣдству съ хайберскимъ проходомъ. Но время, кажется, слишкомъ позднее, чтобы начинать походъ. Быть можетъ, въ ожиданіи весны удовольствуются тѣмъ, что утвердятся въ странѣ, занявъ Кандагаръ.

А пока чтó, петербургское правительство какъ будто получило нѣкоторое возмездіе за Кипръ. Теперь по крайней мѣрѣ доказано, что сипаямъ много дѣла у себя дома и незачѣмъ посылать ихъ на край свѣта; съ другой стороны, въ послѣднее время большой шумъ производитъ въ Лондонѣ то, чтó мистеръ Арчибалдъ Форбесъ назвалъ кипрскимъ *fiasco*: островъ, говорятъ, нездоровый и совсѣмъ не годится для предполагаемой цѣли. И дѣйствительно, лихорадка свирѣпствовала въ рядахъ оккупационной арміи. Но кажется, что тутъ надѣлали „много шума изъ ничего“. Это болотныя лихорадки, которыя можно всегда ослабить, если не совсѣмъ уничтожить, осушеніемъ почвы. Французы и не того потерпѣли въ Алжирѣ: а это не помѣшало имъ сохранить владѣнія, въ полезности которыхъ можно усомниться.

Ничто также не рѣшено окончательно, что касается управления Малой - Азіей, и, вопреки преувеличеніямъ, кажется, несомнѣнно, что по этому поводу возникло нѣкоторое напряженное отношеніе между Портой и англійскимъ правительствомъ, не представляющее, впрочемъ, ничего серьезнаго.

Точно то же можно сказать и про отношенія сенъ-джемекаго кабинета съ Франціей по поводу Египта. Обѣ страны, очевидно, рвутъ хлѣба и его жалкіе финансы изъ рукъ другъ у друга: каждая хочетъ захватить самую большую долю. Тутъ было больше удачи, чѣмъ съ Афганистаномъ: пришли къ соглашенію путемъ смѣшаннаго министерства, гдѣ г. де-Виньеръ представляетъ интересы Франціи въ качествѣ министра общественныхъ работъ. Но Уильсонъ, специальный представитель Англии, удержалъ однако подъ своимъ непосредственнымъ управленіемъ Александрійскій портъ. Я кончу съ политической хроникой протекшихъ трехъ мѣсяцевъ, когда скажу, что палаты вотировали необходимое приданое для женитьбы молодого герцога Конноутъ съ прусской принцессой, и что маркизъ де-Лорнъ, зять королевы, назначенъ губернаторомъ Канады на мѣсто лорда Доффрейна, что непременно будетъ сочтено за особую милость счастливыми обитателями страны бобровъ.

Въ концѣ-концовъ положеніе дѣлъ далеко не такое блистательное, какъ было три мѣсяца тому назадъ: и даже въ послѣднюю минуту нѣкоторые государственные люди встревожились, а лордъ Лоуренсъ, напимѣръ, бывший нѣкогда вице-королемъ Индіи, написалъ, недавно письмо въ „Times“, совѣтуя держаться относительно кабульскаго эмира примирительной и выжидательной политики, какой держался онъ. Несмотря на то и вопреки его авторитету, общественное мнѣніе противится и продолжаетъ быть на сторонѣ войны.

Но это вызываетъ нѣкоторое тревожное состояніе—несмотря на великую рѣшимость—еще усилившееся отъ банкротства гласговскаго банка. Основанный въ 1839 г., этотъ банкъ имѣлъ капиталъ въ 1.000,000 фунт. стерл. и резервный фондъ въ 450,000 фунт. стерл. Въ послѣдніе годы онъ платилъ 12% дивиденда своимъ 1200 акціонерамъ. Паника была тѣмъ сильнѣе, что этотъ банкъ, подобно многимъ другимъ шотландскимъ банкамъ, выпускалъ билеты, обращавшіеся въ публикѣ; къ счастью, остальные шотландскіе банки объявили, что они будутъ принимать билеты, выпущенные гласговскимъ банкомъ. Но переполохъ тѣмъ не менѣе очень великъ, и общественные фонды въ Лондонѣ очень упали.

Многія замѣчательныя личности сошли со сцены въ этотъ промежутокъ времени, и въ числѣ ихъ прежде всего слѣдуетъ назвать человѣка, игравшаго видную роль въ исторіи современной Ирландіи: судью Уильяма Ко (Keogh), члена ирландскаго суда „Common Pleas“. Онъ умеръ въ Бингенѣ на Рейнѣ, 30 сентября. Родился онъ въ Дублинѣ въ 1817 г. и былъ сначала адвокатомъ, затѣмъ вступилъ въ парламентъ въ 1830 г. въ сообществѣ одного банкира, по имени Задлейра. Въ парламентѣ онъ скорѣ сталъ замѣтенъ, вмѣстѣ съ

вышеупомянутымъ банироуъ, своимъ католическимъ рвеніемъ, и оба они стали вожаками знаменитой „Irish brigade“, которую протестанты обозвали „The Pope's Brass Band“. Однажды на митингъ, увлекшись своимъ католическимъ и ирландскимъ усердіемъ, онъ съ такой силой ударилъ кулакомъ по загородкѣ трибуны, что полетѣлъ бы въ пространство, если бы одинъ репортеръ не удержалъ его за край сюртука.

17 декабря 1832 г., министерство Дэрби было свергнуто большинствомъ 18 голосовъ, благодаря ирландскому контингенту. Радостный трепетъ пробѣжалъ по странѣ, — какъ и всегда, — которая возмала на своего уполномоченнаго преувеличенныя надежды. Всюду затѣмъ узнали, что „Brass Band“ продалась лорду Эбердину. Банкиръ Джонъ Задлейръ былъ сдѣланъ „Lord of the Treasury“, Уильямъ Ко генеральнымъ соллициторомъ Ирландіи, и такъ далѣе.

Легко понять ярость ирландцевъ. Она дошла до высшей степени, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ судья Ко изрекъ свой знаменитый приговоръ въ дѣлѣ капитана Нолана и кассировалъ избраніе этого члена парламента за Гальве — вслѣдствіе интригъ и залугиванія избирателей, пущенныхъ въ ходъ католическимъ духовенствомъ. Въ сущности, онъ не былъ не правъ: но могъ ли онъ сохранить свой авторитетъ среди своихъ гражданъ, знававшихъ его изступленнымъ католикомъ и видѣвшихъ, что онъ промѣнялъ свой патріотизмъ и религиозное рвеніе на выгодное мѣсто, предложенное Англіей. Хотя этотъ фактъ, къ несчастію, весьма обыкновененъ въ лѣтописяхъ Ирландіи, онъ все же весьма неслестенъ для его героевъ, и нельзя отрицать, что люди, съ такимъ безстыдствомъ торгующіе своими мнѣніями и своимъ талантомъ, теряютъ право на уваженіе ближнихъ.

Поэтому ирландскія газеты — которыя вообще не церемонятся, какъ мы выше видѣли — дали волю своему вдохновенію, когда въ августѣ мѣсяцѣ узнали, что злополучный судья подвергся припадкамъ страшной мозговой болѣзни. Общая радость проявилась еще шумнѣе, когда узнали, что онъ умеръ, въ чемъ увидѣли явную волю Провидѣнія за измѣну Ирландіи.

Среда англійскихъ художниковъ понесла двѣ утраты. Прежде всего назовемъ старика Джоржа Cruikshank, извѣстнаго карриатуриста, прославившагося своими иллюстраціями къ Диккенсу, Фильдингу и др. Онъ умеръ 86 лѣтъ отъ роду. Его сравнивали съ Гогартомъ: по правдѣ сказать, а не вижу ничего общаго между этими гениальнымъ человекомъ въ своемъ родѣ и рисовальщикомъ старческихъ, сморщенныхъ фізіономій, дѣлающихъ гримасы, котораго слѣкомъ прославляли подъ именемъ Круикшенка.

Другой покойникъ — бывшій президентъ королевской академіи ис-

куство, сэръ Френсисъ Грантъ, извѣстный главнымъ образомъ какъ портретистъ. Съ точки зрѣнiя таланта и оригинальности, разстоянiе между нимъ и Круикшенкомъ еще больше, нежели между этимъ послѣднимъ и Гогартомъ.

Въ сущности, въ виду весьма незначительныхъ заслугъ этихъ трехъ людей, впечатлѣнiе, произведенное ихъ смертiю, не могло пере-силить ужаснаго впечатлѣнiя, произведеннаго катастрофой на Темзѣ. 21 августа (3 сентября), пароходъ „Princess Alice“, возвращаясь съ увеселительной экскурси въ устьямъ Темзы, съ тысячею пассажи-ровъ, пошелъ ко дну не далеко отъ Вульвича, отъ столкновенiя съ тяжелымъ и громаднымъ судномъ, которое его буквально перерѣзало на-двое. Слишкомъ 600 человекъ утонуло такимъ образомъ въ виду Лондонской башни. Волненiе еще не улеглось, и общественная благо-творительность занимается семьями жертвъ съ такою щедростiю, которая дѣлаетъ честь добрымъ чувствамъ лондонскихъ жителей.

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 октября, 1878.

XLII.

СОВРЕМЕННЫЯ ЖЕНСКІЯ ТИПЫ ВО ФРАНЦІИ.

Мнѣ уже случалось не разъ говорить о нашей молодежи, о нашемъ духовенствѣ, нашей арміи, нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Я всегда жалалъ при этомъ, чтобы мои письма, въ своихъ скромныхъ рамкахъ, дали вамъ общую, но живую картину современнаго общества, изу-ченнаго мною съ единственною заботой: изобразить все, какъ оно есть, и сказанное подтвердить фактами. На этотъ разъ, для пополне-нiя прежнихъ моихъ очерковъ, я намѣренъ посвятить настоящее письмо характеристикѣ современной французской женщины. Справедливо го-ворили, что женщина—ось, вокругъ которой вращается цивилизація. Я беру ее во всѣхъ классахъ, въ самыхъ различныхъ положенiяхъ отъ рожденiя и до смерти. Если мнѣ и не удастся дать полной характеристикѣ, то по-крайней-мѣрѣ я представлю рядъ очерковъ, которые достаточно обрисуютъ французскую женщину второй поло-

вины девятнадцатаго столѣтія. На мой взглядъ, жѣтъ предмета интереснѣе этого.

I.

Наша крестьянка осталась близка къ природѣ, ее окружающей, а потому она труднѣе всего поддается классификаціи. Крестьянка у насъ чрезвычайно разнообразна, и трудно подвести ее подъ одинъ общій типъ, такъ какъ въ каждой провинціи есть—свой. Конечно, въ настоящую минуту не существуетъ націи, болѣе однородной, чѣмъ французская; административная централизація мало-по-малу сплотила въ одну компактную массу различные элементы, народности, наслоенныя нашей исторіей; но это единство остается по преимуществу политическимъ, потому что нравы, обычаи и характеры и до-сихъ-вѣрѣ отличаются своеобразностью, присущей древнимъ провинціямъ. Вверху, я хочу сказать—у буржуазіи, типическое разнообразіе сгладилось; фізіономіи получили фамиліальное сходство. Парижъ сталъ общимъ мѣриломъ, въ особенности въ послѣднія тридцать лѣтъ существованія желѣзныхъ дорогъ. Внизу же, я хочу сказать—у сельскаго населенія, дѣло объединенія шло гораздо медленнѣе. Каждая провинція продолжаетъ удерживать племенные черты, ее отличающія. Такъ, крестьянка не одна и та же въ Провансѣ и въ Нормандіи; фізіономія ея измѣняется, роль тоже. Потребовалось бы столько же очерковъ, сколько и провинцій, если бы захотѣть быть и точнымъ, и обстоятельнымъ.

Но можно, однако, вывести среднія черты и набросать портретъ, удовлетворительный для большинства. Затѣмъ, достаточно будетъ указать на исключенія.

Крестьянка рождается не на перинѣ. Приводятъ примѣры женщинъ, рожающихъ на полѣ и принимающихся за работу, часъ спустя послѣ родовъ. Это совсѣмъ не похоже на роды въ нашей буржуазіи, окружаемые самымъ тщательнымъ и заботливымъ уходомъ: два или три дня безусловнаго безмолвія и затѣмъ три недѣли лежать на кушеткѣ, не шевелясь. Если не всѣ деревенскія женщины рожаютъ на волюномъ воздухѣ, у изгороди, или у стога съ сѣномъ, то все же далеко не пользуются такимъ уходомъ; имъ достаточно сутокъ для того, чтобы оправиться и приняться за обыденное дѣло. Всѣ кормятъ своихъ дѣтей. Ребенокъ только лишнее бремя, хотя и легкое, и онѣ носятъ его всюду за собой—на солнцѣ, и на дождѣ. Даже въ первые мѣсяцы его рожденія онѣ почти не обращаютъ вниманія на погоду.

Итакъ, вотъ наша маленькая крестьянка еще у груди матери. Она отправляется въ поле вмѣстѣ съ матерью, прежде чѣмъ научится

сознавать что-либо и говорить. Если ее оставляют сонную дома, то поручают старшей сестрѣ или сосѣдкѣ надзирать за ней и не давать кричать, когда она проснется. Впрочемъ, маленькая крестьянка молчаливѣе городскихъ дѣтей; она способна цѣлый часъ пролежать съ открытыми глазами, не плача и какъ-будто размышляя о томъ, что видитъ; это начало той серьезности, какую сообщаетъ человеку его общеніе съ природой. Позднѣе, когда ей уже года полтора или два, но она еще недостаточно сильна, чтобы бѣгать одной, — мать сажаетъ ее въ ноги около того мѣста, гдѣ работаетъ; и дѣвочка, сидя на какой-нибудь старой тряпкѣ, подъ защитой стѣны, если дуетъ вѣтеръ, — или куста, если печетъ солнце, проводитъ цѣлые дни въ одиоушнѣиш, производимомъ свѣжимъ воздухомъ; она неловко играетъ, засовывая маленькія ручонки въ траву; чаще всего она не двигается съ мѣста, уставивъ въ пространство удивленные глаза и окруженная цѣлымъ роемъ жужжащихъ мухъ. Это первый ростъ, прозаваніе растенія, вполнѣ поглощеннаго впитываніемъ соковъ матери-земли.

Затѣмъ наступаетъ буйная пора. Проѣзжая по нашимъ деревнямъ, видишь цѣлыя ватаги ребятишекъ, барахтающихся въ лужахъ и въ оврагахъ. Мать не уводитъ больше дѣвочки съ собой; она находитъ, что та достаточно велика, чтобы обойтись безъ надзора; она пускаетъ ее бѣгать съ деревенскими ребятишками. Всѣ дни проходятъ въ томъ, что они катаются въ пыли большихъ дорогъ, плещутся съ утками, цѣпляются за проѣзжающіе экипажи. Я замѣтилъ въ свои послѣднія пѣздки, что эти дѣти нынче становятся далеко не такими дикарями. Въ былое время, когда показывался чужой человѣкъ, всѣ убѣгали и прятались; я говорю про дальнія селенія. Но въ настоящее время жизнь забирается въ самые глухіе уголки, дѣти привываютъ къ чужимъ людямъ и глядятъ на прохожихъ, примолкнувъ и раскрывъ большіе, любовитные глаза. То же самое надо сказать и про ихъ неопытность, вошедшую въ пословицу, — она значительно уменьшилась. Всегда будутъ существовать даже въ городахъ матери, которыя не любятъ держать дѣтей опрятно. Но это становится исключеніемъ, въ особенности въ богатыхъ мѣстностяхъ, въ пригородныхъ селахъ. Тутъ встрѣчаются уже великолѣпныя дѣти, чистыя и хорошо одѣтыя; видно, что удобство путей сообщенія заноситъ туда правильныя идеи о гигиенѣ и благосостояніи. Маленькія дѣвочки содержатся очень чисто на сѣверѣ и въ центрѣ Франціи. Бретань одна изъ послѣднихъ провинцій, упорно держащихся своей грязи и паразитовъ.

Но вотъ, наконецъ, наступаетъ пора для крестьянки ходить въ школу. Родители спозаранку посылаютъ ее туда, чтобы набавиться отъ нея на время утреннихъ и вечернихъ классовъ. Къ несчастію,

у насъ еще нѣтъ школъ въ каждой деревнѣ; зачастую дѣтямъ приходится пройти цѣлую милю до школы сосѣднаго селенія; зачастую даже по близости совсѣмъ не бываетъ школы, и ученіе недоступно. Совсѣмъ тѣмъ, несмотря на медленность, съ какою организуется у насъ всеобщее первоначальное обученіе, значительный успѣхъ замѣтенъ въ эти послѣдніе годы и въ этомъ отношеніи. Среди большихъ двадцати, двадцати-пяти-лѣтнихъ дѣвушекъ еще попадаетса довольно такихъ, которыя не умѣютъ читать и писать, но между двѣнадцатилѣтними такихъ почти не встрѣчается. Всѣ онѣ грамотныя; умѣютъ читать и ведутъ домашнее счетоводство. Поэтому можно надѣяться, что полный переворотъ совершится въ нашихъ селахъ въ непродолжительномъ времени. Образованіе проникнетъ всюду, и послѣдствіи этого будутъ рѣшительны съ точки зрѣнія цивилизаціи.

Главное зло не въ томъ, что крестьяне неохотно посылаютъ дѣтей въ школу, а въ томъ, что они слишкомъ рано берутъ ихъ отсюда,—десяти или двѣнадцати лѣтъ. Пока дѣти имъ мѣшаютъ, они даже рады отъ нихъ избавиться часа на четыре, на пять въ день; но какъ скоро они могутъ помогать въ полевыхъ работахъ, обстоятельства переменяются; они желаютъ извлечь всю возможную пользу отъ ихъ слабыхъ рукъ, и никакими разсужденіями въ мірѣ не убѣдишь ихъ, что дѣтямъ еще полезно посѣщать школу. Единственный интересъ, трогающій ихъ, это интересъ минуты, дневной заработокъ.

Напримѣръ, я жилъ въ прошломъ году на берегу моря, и учитель говорилъ мнѣ, что зимою школа его всегда биткомъ набита, но пустѣетъ съ первыми весенними днями, потому что рыбаки увозятъ съ собой дѣтей на рыбную ловлю, въ качествѣ юнгъ. Результатъ этого самый плачевный. Дѣти, возвращаясь на слѣдующій годъ въ школу, ничего не помнятъ изъ того, чему учились, и приходится начинать сначала и съ такимъ же результатомъ. Въ этомъ, повторяю, заключается величайшее затрудненіе. Если когда-нибудь декретируютъ обязательность первоначальнаго обученія, то не легко будетъ добиться отъ поселянъ не того, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школу, но того, чтобы они оставляли ихъ въ ней столько времени, сколько нужно для приобрѣтенія мало-мальски солиднаго образованія.

Итакъ, дѣвочка въ школѣ. Ее учатъ читать, писать, немного считать, не говоря про катехизисъ. Въ большихъ селахъ дѣвочки отдѣлены отъ мальчиковъ; въ другихъ оба пола учатся вмѣстѣ. Было бы слишкомъ дорого нанимать двухъ учителей. Къ тому же, нравственность нисколько не страдаетъ отъ этого сближенія. Не въ школѣ, не въѣ ея, на свободѣ, въ поляхъ, — вотъ гдѣ дѣвочки и мальчики портятся. Съ другой стороны, какъ я уже сказалъ, ихъ

слишкомъ рано берутъ изъ школы для того, чтобы они успѣли испортить нравственно другъ друга. Въ школѣ свобода полная; они бѣгаютъ, гдѣ хотятъ, вмѣстѣ ходятъ красть овощи и плоды, позволяютъ себѣ самая безцеремонныя шутки. Тутъ уже жизнь дѣйствительная вступаетъ въ свои права.

Но обратимся къ тому времени, когда родители берутъ маленькую дѣвочку изъ школы, чтобы она помогала имъ во время жатвы или сбора винограда. Она едва-едва читаетъ, пишетъ очень худо, а арифметическія ея познанія чаще всего ограничиваются сложениемъ и вычитаніемъ. Кромѣ того, мать научила ее шить, шпатель и вязать. Что касается ея остальнаго домашнего воспитанія, то оно не сложно: стирать бѣлье, стряпать самое первобытное кушанье — похлебку ежедневно, да изрѣдка приготовить кусокъ говядины плавающий въ соусѣ, — вотъ и все. Если прибавить къ этому полевныя работы, среди которыхъ она выросла, то исчерпашь всю ея науку. Поэтому умственный уровень очень низокъ у большинства нашихъ крестьянокъ. Онѣ руководятся одними только инстинктами. Чтобы нѣсколько образоваться, онѣ должны уѣхать изъ села и поступить въ услуженіе въ городѣ. Оставаясь въ своемъ углу, онѣ все болѣе и болѣе тупѣютъ и къ старости переходятъ въ животное состояніе, изъ котораго вышли въ дѣтствѣ.

Сначала маленькая крестьянка пасетъ гусей. Позднѣ ей поручаютъ коровъ. Ихъ посылаютъ также жать траву. Такимъ образомъ, онѣ проводятъ отроческіе годы на открытомъ воздухѣ, правдивыя, съвѣдая на все, что совершается передъ ихъ глазами. Минутъ ей пятнадцать лѣтъ. Это критическій возрастъ.

Возвращаясь къ нравственности. Въ нашихъ селахъ это вопросъ среды. Есть мѣстности честныя, но есть и нечестныя. Должнѣ прибавить, что послѣднія гораздо многочисленнѣе. Жизнь слишкомъ вольная, все время почти на воздухѣ, — и понятно, что мальчики и дѣвочки не стѣсняются. Они ведутъ между собой самая безцеремонныя рѣчи; цѣломудріе и стыдливость имъ незнакомы; это — буржуазныя добродѣтели, выросшія въ городахъ. Животныя давно научили ихъ всему; ихъ останавливаютъ только вопросы практической жизни. Во многихъ деревняхъ, какъ я замѣтилъ, браки заключаются для дѣвушки слишкомъ поздно: почти вошло въ обычай, что отецъ умирающаго ребенка женится на матери. Сначала сходится, тамъ-сказать, для испытанія. Пока нѣтъ дѣтей, — дѣло не въ силѣ; можно и растаться. Какъ только ночь сгустится, — вездѣ въ переулкахъ, за кустами, въ хлѣбахъ видѣются влюбленные парочки. Въ особенности велика свобода нравовъ, по моимъ наблюденіямъ, на сѣверѣ. На югѣ ревнивыя оберегаютъ женщинъ; тамъ ихъ держатъ заперти,

какъ на Востоѣ; да и вообще на югѣ въ нравахъ замѣтно гораздо меньше добродушія и безвѣчности.

Итакъ, у молодой крестьянки есть поклонникъ. Она танцуетъ съ нимъ, гуляетъ съ нимъ по вечерамъ. Родители съ той и съ другой стороны смотрятъ болѣе или менѣе сквозь пальцы. Когда влюбленные поссорятся, то возникаетъ иногда шумная исторія. Но молодая дѣвушка отдѣлывается тѣмъ, что находитъ себѣ неваго жениха. Рѣдко бываетъ, чтобы бракъ не состоялся, если она беременна. Зачастую также она хорошо ведетъ себя, въ особенности если она выгодная невеста. Въ деревняхъ браки заключаются и по расчету, и по любви; крестьянинъ желаетъ удовлетворить своему чувству и заключить выгодную сдѣлку; надо однако прибавить, что выгодная сдѣлка идетъ впереди всего. Я рѣдко наткнулся на наемліи въ поляхъ; только въ романахъ писателей извѣстной школы мы видимъ сыновей богатыхъ фермеровъ, которые женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ, собирающихъ колоса, остающіеся отъ жатвы, и нищенкахъ съ ангельскими личиками, бѣгающихъ по большимъ дорогамъ; такъ же рѣдко бываетъ, чтобы крестьянки съ богатымъ приданымъ выходили замужъ за батраковъ своихъ отцовъ. Чаще всего парень и дѣвушка равнаго состоянія сближаются между собой — и тогда бракъ является естественнымъ послѣдствіемъ этого сближенія. Сердце и интересъ идутъ рука объ руку.

Разъ замужемъ, — крестьянка, болѣею частью, хорошо ведетъ себя. Нарушенія супружеской вѣрности очень рѣдки въ селахъ; я исключая нѣкоторые темпераменты, нѣкоторые частные случаи. Всѣ слишкомъ коротко знаютъ другъ друга, — да и некогда баловаться; распутство требуетъ досуга, а когда приходишь домой, едва передвигая ноги отъ усталости, то завалишься спать, и ничто другое и на умъ не пойдетъ. Такимъ образомъ, если дѣвушки и гуляютъ, то замужнія женщины спокойно сидятъ дома; бракъ ведетъ за собою честность. Впрочемъ, есть обычай, объясняемый средой. Поступки имѣютъ всегда то значеніе, какое имъ придаютъ.

Выйдя замужъ, крестьянка ведетъ очень тяжелую жизнь. Она рождаетъ дѣтей среди самыхъ утомительныхъ работъ. Многія бываютъ очень плодородны; дѣти растутъ какъ грибы; это зависитъ отъ климата и отъ темперамента. Но, какъ я уже сказалъ, беременность не мѣшаетъ обычному труду, мѣняющемуся сообразно времени года. Если ей выскажутъ удивленіе, что она работаетъ, она отвѣтитъ, что надо же, чтобы дѣло было сдѣлано, — и этимъ все сказано: необходимость не допускаетъ возраженій. Въ сорокъ лѣтъ крестьянка является шестидесятилѣтней.

Впрочемъ, вопросъ о женскомъ трудѣ въ селахъ весьма сло-

женъ. Трудъ ихъ неодинаковъ во всей Франціи. Отъ юга ѣдешь, смотря по провинціи. Вообще онѣ ведутъ мѣтѣ суровую жизнь по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ югу. Такимъ образомъ, я никогда не видѣлъ, чтобы женщины копали землю въ Провансѣ, что можно встрѣтить въ Бретани и въ другихъ бѣдныхъ мѣстностяхъ. Онѣ собираютъ оливки и листья тутоваго дерева, собираютъ виноградъ, и это почти все ихъ дѣло; ихъ даже довольно рѣдко видишь въ поляхъ на соличѣ. Пастбищъ не хватаетъ, крестьянинъ дожидается дождя, который не приходитъ, и бросаетъ землю, — живетъ лѣнивымъ бѣднякомъ. На сѣверѣ положеніе дѣлъ измѣняется: рукъ всей семьи едва хватаетъ, чтобы получить отъ почвы все, что она можетъ дать. Отъ этого женщина и ребенокъ завалены тамъ работой. Среди каждаго поля видишь согбенныхъ женщинъ, упорно работающихъ подъ дождемъ и подъ палящими лучами солнца, — работающихъ безъ отдыха и перерыва, не поднимая головы. Онѣ ползатъ гряды, ходятъ за овощами; нерѣдко берутъ въ руки вилы. Это — рабочіе воны.

Понятно, что онѣ утомляются и рано старѣются. Подумайте, что у этой женщины восемь или десять человѣкъ дѣтей, и что съ самой молодости она живетъ подъ открытымъ небомъ и работаетъ безъ устали. Не удивительно, что женщина въ ней умерла съ ея нѣжнымъ цвѣтомъ лица, ея граціей и округленными формами; она высыхаетъ и деревенеетъ; руки у ней мускулисты, лицо все въ морщинахъ и кирпичнаго цвѣта. А хуже всего то, что тяжкій трудъ не только физически исказилъ ее, но онъ отражается и на умственныхъ способностяхъ: вращаясь все въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругѣ понятій, она тупѣетъ и возвращается къ животной жизни. Разспросите старухъ-крестьянокъ, когда повстрѣчаете ихъ на дорогахъ, — онѣ пристально глядятъ на васъ, борются какія-то слова; у нихъ видъ и угасшій умъ — маниаковъ, рассказывающихъ по двору въ домѣ умалишенныхъ.

Конечно, я не желалъ бы власть слишкомъ черныя краски на мою картину. Со времени ужасающаго портрета, который снялъ Лабрюйеръ съ нашихъ крестьянъ при Людовикѣ XIV, участь ихъ значительно улучшилась. Это уже больше не зѣбри, скученные въ мазаникахъ, живущіе въ грязи и голодѣ. Въ настоящее время почти всѣ они собственники; они ѣдятъ хлѣбъ — и тѣло ихъ прикрыто одеждой. Но надо сказать правду, что если въ центрѣ наводятся хорошенкія селенія, то я видѣлъ очень печальныя и грязныя въ отдаленныхъ провинціяхъ. Къ тому же, вѣчный, изнурительный трудъ не можетъ не отражаться на человѣческомъ существѣ: въ концѣ-концовъ, приходишь къ идиотизму. На женщинъ это существованіе

сказывается еще ощутительнѣе. Сравните какую-нибудь изъ нашихъ городскихъ женщинъ въ салонѣ—свѣжую, улыбающуюся, остроумную—съ крестьянкой того же возраста, съ огрубѣлой кожей, тупымъ лицомъ, руками жесткими и шероховатыми какъ древесная кора,—и вы увидите цивилизацію рядомъ съ природой,—женщину, такъ-сказать, усовершенствованную нами, и ту, которая естественно вырастаетъ при условіяхъ труда. Ева должна была скорѣе походить на эту крестьянку; поэты и живописцы, изображающіе ее красивой, идеальной блондинкой, съ тонкой, золотистой кожей, сочиняютъ самымъ безбожнымъ образомъ. Для того, чтобы цивилизація коснулась сель,—для того, чтобы люди тамъ получали ту утонченность, которая дѣлаетъ изъ человѣка художественное произведеніе, надо, во-первыхъ, чтобы просвѣщеніе распространилось и проникло въ самыя глухія деревушки; но надо также, чтобы и наука пришла на помощь, и чтобы машины замѣнили человѣческія руки. До тѣхъ поръ, пока крестьянка будетъ работать, какъ лошадь, она не будетъ женщиной.

Я бывалъ на деревенскихъ свадьбахъ. Молодая зачастую бываетъ хорошенькой, несмотря на загаръ, придающій жаркій колоритъ ея лицу. Два или три года спустя, когда мы случалось ихъ увидѣть, онѣ были чуть не старухами. Онѣ быстро удаются, лицо становится гримасой. Вскорѣ у нихъ уже нѣтъ больше возраста.

Крестьянка, болѣею частью, умственно ниже крестьянина. Она покорна ему; на югѣ она трепещетъ мужа, повинуется ему, какъ господину. На сѣверѣ иногда попадаются бой-бабы. Въ сущности, она играетъ въ семьѣ роль служанки, болѣе или менѣе эмансипированной. Мужъ всѣмъ заправляетъ, и если онъ иногда выставляетъ жену впередъ, то лишь затѣмъ, чтобы успѣть собраться съ мыслями. Онъ приказываетъ,—онъ глаза и руки. Женщина зачастую для него только лишняя корова въ хлѣву.

Смерть приходитъ, какъ избавленіе. Она рѣско врывается къ крестьянкѣ, и та допускаетъ унести себя, не призывая врача. Такъ какъ наступилъ ея чередъ, то лучше отправиться, не тратя денегъ на лекарства. На другой день похоронъ вся семья снова работаетъ въ полѣ; земля не ждетъ. И единственная мысль у отца и дѣтей, это то, что теперь у нихъ стало двумя рабочими руками меньше. Въ нашихъ селахъ роль женщины все еще ограничивается рожденіемъ дѣтей и трудомъ. У ней нѣтъ другого дѣла. Суевѣрно набожная, она слѣдуетъ узкимъ обрядамъ религіи и не можетъ способствовать смягченію нравовъ своихъ близкихъ. Если крестьяне развиваются такъ медленно, то это потому, что ихъ женщины не въ состояніи играть своей цивилизующей роли.

II.

Перехожу къ городской работницѣ. Тутъ все измѣняется. Мы все еще имѣемъ дѣло съ безграмотнымъ сословіемъ. Но уже видимъ первое проявленіе всемогущества женщины.

Работница рождается отъ брака или отъ случайной связи. Въ коловратномъ мірѣ парижскихъ рабочихъ—масса незаконнорожденныхъ дочерей. Впрочемъ, обвиняны ли отецъ и мать, или они просто живутъ подъ одной крышей, участь маленькой дѣвочки одна и та же. Можно по пальцамъ перечестъ честныя семьи, хорошо воспитывающія своихъ дочерей. Почти всегда дѣвочка растетъ безъ призора. И это объясняется самыми условіями жизни рабочихъ. Отецъ уходитъ на работу; мать, съ своей стороны, работаетъ или смотритъ за своимъ хозяйствомъ; въ это время маленькая дѣвочка предоставлена своимъ инстинктамъ. Надо знать густо заселенные кварталы, съ ихъ большущими домами, гдѣ проживаетъ двѣсти, триста семей. Кварталы тѣсныя, грязныя, зловонныя. Тамъ живутъ на-распашку, отдѣленные отъ сосѣдей такой тонкой перегородкой, что слышенъ малѣйшій шорохъ.

Зачастую въ многочисленныхъ семьяхъ мальчики и дѣвочки ситы вмѣстѣ. Поэтому, понятно, какую счастливую натуру или какую силу воли надобно работницѣ, чтобы выдти чистой изъ этой среды. Младенцемъ ей приходится по цѣлымъ часамъ кричать въ колыбели въ то время, какъ мать уходитъ по дѣламъ. Ее колотятъ, чтобы заставить молчать. Дурной воздухъ, вдыхаемый ею, дѣлаетъ ее зачастую слабосильной, блѣдной, какъ растеніе, выросшее въ тѣни. Какъ только она можетъ ползать, ее встрѣчаютъ всюду, на площадкѣ лѣстницы, на самой лѣстницѣ, во дворѣ. Ей еще нѣтъ и двухъ лѣтъ отъ роду, какъ ужъ улица притягиваетъ ее. Для нея блаженство почкаться въ лужахъ. Она становится пострѣломъ и участвуетъ въ шалостяхъ уличныхъ мальчишекъ. Правда, родители награждаютъ ее колотушками, чтобы приучить къ скромности. Но часъ спустя сама мать посылаетъ ее на улицу съ какимъ-нибудь порученіемъ. Надо же, чтобы она была на что-нибудь полезна. Всякій разъ, какъ мать забудетъ купить соли, масла, табуку,—за этимъ посылаютъ маленькую дѣвочку. Она разъ пятнадцать, двадцать на дню выбѣжитъ на улицу, и эта бѣготня очень нравится ей, она ѣздитъ на троттуарахъ. Понятно поэтому, какое прекрасное воспитаніе получаетъ она на улицѣ. Школа продолжаетъ это воспитаніе; тамъ она встрѣчаетъ другихъ дѣвчонокъ, старше ея, и онѣ научаютъ ее тому, чего она не знаетъ. Это такая зараза, что всѣ выходятъ зачумленные. Затѣмъ наступаетъ

мастерская, и отнынѣ она созрѣла для порока, если темпераментъ ея мало-мальски тому способствуетъ. Мастерская еще хуже школы. Когда вздумаютъ заняться нравственностью народа, то необходимо будетъ обратить вниманіе на обученіе въ мастерскихъ, которое губить столько молодыхъ работницъ. Можно сказать, что все ихъ толкаетъ на худую дорогу: худой примѣръ въ семьѣ, свобода, въ которой онѣ вырастаютъ, безусловное отсутствіе всякихъ принциповъ, жажда роскоши, которая обдастъ ихъ грязью, дурныя знакомства въ школѣ и въ мастерской. Надо считать чудомъ, если онѣ не свихнутся съ прямого пути, такъ какъ это было бы логическимъ послѣдствіемъ дивнаго воспитанія, получаемого ими.

Со всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя вступаютъ въ бракъ немспорченными, но такихъ очень мало. Другія отдаются первому попавшемуся мужчине, когда наступаетъ пора. Я долженъ сказать, что чаще всего этотъ человѣкъ самъ изъ работниковъ; работница чувствуетъ себя привольнѣе съ человѣкомъ ея сословія; напротивъ того, второй ея любовникъ почти всегда бываетъ человѣкомъ изъ высшаго класса. Затѣмъ любовники чередуются, смотря по волѣ случая. Я говорю здѣсь не про дѣвушекъ, промышляющихъ распутствомъ, но про настоящихъ работницъ, которыя трудятся. Многія изъ нихъ предпочитаютъ оставаться свободными, и берутъ любовниковъ, которые имъ помогаютъ. Иныя по цѣлымъ годамъ живутъ съ мужчиной, вовсе не помышляя выходить за него замужъ. Другія, наконецъ, выходятъ замужъ за любовника или не иначе отдаются влюбленному въ нихъ человѣку, какъ послѣ вѣнца.

Браки эти очень разнообразны. Случается, что работница, утомившаяся беспорядочнымъ образомъ жизни, боясь состарѣться, выходитъ замужъ за работника. Порою она выходитъ замужъ за мелкаго чиновника или за торговца. Съ парижскими работницами все возможно. Нѣтъ натуры болѣе гибкой, болѣе способной къ развитію. Справедливо сказано, что въ каждой модисткѣ скрывается въ зародкѣ герцогиня. Онѣ способны играть всякую роль; черезъ двѣ недѣли онѣ чувствуютъ себя привольно въ какомъ угодно положеніи. По этому новоду можно сдѣлать слѣдующее характеристическое замѣчаніе: если часто случается, что работница выходитъ замужъ за торговца или чиновника, за то никогда не бываетъ, чтобы ихъ дочери вышли замужъ за работника.

Женщина по природѣ способна къ утонченности. Для этого достаточно, чтобы она выросла въ тепличной атмосферѣ большого города. И это рѣзко отличаетъ нашу работницу отъ крестьянки, потому что эта послѣдняя, будучи даже богатой, будучи даже счастливой, остается неотесанной. Ее надо съ самой ранней моло-

дости послать въ городъ, провести ее черезъ пороки, чтобы въ ней развилась всесильная прелесть женщины.

Я наймусь сначала молодой и честной работницей, которая выходитъ замужъ за работника. Я говорю про непорочную молодую дѣвушку, воспитанную у родителей, не заразившуюся порокомъ въ школѣ или въ мастерской. Это рѣдкій случай, повторяю, потому что въ фобургахъ работница, у которой былъ только одинъ любовникъ, и которая не „кутить“ на-пропалую, считается „добропорядочнаго поведения“. Тутъ честность относительная. Итакъ, вотъ названная молодая дѣвушка; само собою разумѣется, что она невинна только тѣлесно, потому что если успѣла предохранить себя отъ наденія, то не могла вѣчно заткнуть уши. Вокругъ ея не стѣснались; и даже если дома она не слыхала ничего непристойнаго, то улица не могла не просвѣтить ее. Она знаетъ жизнь, и если сберегла себя, то по доброй волѣ или по темпераменту. Это всего болѣе зависитъ отъ семьи, въ которой она выросла. Я знаю вполне почтенныя семьи работниковъ; въ несчастію, онѣ не составляютъ большинства въ нашихъ фобургахъ; но онѣ служатъ поучительнымъ примѣромъ. Мать надзираетъ за своими малютками и работаетъ въ свободные часы; отецъ не пьетъ, ходитъ аккуратно на работу; приноситъ семьѣ весь заработокъ спокоя. Сыновья, если они взрослые, тоже помогаютъ семейству; что касается дѣвушки, то она приучена къ труду и порядку. Примѣръ—вотъ великій урокъ. Эта среда образуетъ человѣка. Когда встрѣчаешь честную работницу, то изъ десяти разъ девять можно быть увѣреннымъ, что у ней отецъ не пьяница, а мать не лѣнтяйка. Вообще же честность у простой дѣвушки тѣмъ почтеннѣе, что опасности, которымъ она подвергается, многочисленнѣе и сильнѣе; она живетъ свободнѣе, больше рискуетъ натолкнуться на соблазнъ, чѣмъ барышня; сравните оба міра, поглядите, какое различное воспитаніе получаютъ обѣ. Обыкновенно работница рано выходитъ замужъ; она спѣшитъ облегчить семью. Очень часто она выходитъ замужъ за товарища своихъ братьевъ, молодого работника, хорошее поведеніе котораго извѣстно родителямъ. Молодой четѣ нужны деньги на обзаведеніе. Обыкновенно у работницы не бываетъ ни гроша приданаго. Отецъ съ великимъ трудомъ соберетъ франковъ сто или двѣсти. Этого только-что, только-что хватитъ на то, чтобы купить немного бѣлья и самой необходимой кухонной утвари. Нужно, чтобы работникъ доставилъ необходимую мебель. На это нужно по крайней мѣрѣ четыреста или пятьсотъ франковъ. Когда у него нѣтъ этой суммы, онъ ее занимаетъ; беретъ въ долгъ мебель у продавцовъ съ тѣмъ, чтобы уплачивать имъ за нее по-мѣсячно. Итакъ, вотъ молодая чета обзавелась. На другой день послѣ свадьбы въ домѣ нѣтъ

зачастую и двадцати франковъ. Тогда мужъ и жена принимаютъ ретиво за работу и вскорѣ пользуются достаткомъ, если ведутъ себя хорошо. Дѣлятся дѣти; они ихъ воспитываютъ—и вотъ новая честная рабочая семья вырастаетъ на навозѣ нашихъ фобурговъ.

Такова лицевая сторона медали. Но несчастно, я долженъ показать ugly нищеты и позора, если не захочу лгать. Молодая работница, сбившаяся съ пути и выходящая замужъ, все же можетъ еще сдѣлаться хорошей хозяйкой, если попадетъ на работнича-труженика. Она ретиво принимается за свое хозяйство; никто ее не упрекаетъ за прошлое; престолярды очень снисходительно на этотъ счетъ. Лишь бы женщина вела себя хорошо, разъ она замужемъ, лишь бы она заботилась о мужѣ и о дѣтихъ, этого довольно; ее уважаютъ въ кварталѣ. Нищета и позоръ обрушиваются на семью тогда, когда въ нее забирается порокъ; часто мужъ бываетъ виноватъ; иногда виновата жена. Но это все равно впрочемъ, результатъ одинаковій. Мужчина пьянствуетъ, женщина кутитъ, оба катятся въ грязь, подталкивая другъ друга. Это чаще всего встрѣчается. Иногда одинъ кто-нибудь находитъ въ себѣ силу удержаться на краю гибели; но тогда онъ страдаетъ и существованіе его все-равно разбито.

Эта печальная развязка худыхъ рабочихъ семей зависитъ, быть можетъ, еще болѣе отъ жены, нежели отъ мужа. Вотъ почему она почти неизбежна, если работница дурно вела себя до брака. Это часто случается. Доживя лѣтъ до тридцати или тридцати-пяти, работница, мѣнявшая любовника каждый мѣсяцъ, снова связывается съ какимъ-нибудь рабочникомъ. Она больше не хороша собой; на нее находитъ раздумье, и она заставляетъ своего сожителя жениться на ней, чтобы приобрести положеніе. Но на другой же день брака начинаются ссоры. Мужъ грубо упрекаетъ жену за прошлую жизнь; онъ осипаетъ ее ругательными словами, попрекаетъ тѣмъ, что она продолжаетъ прежнее ремесло. Само собой разумѣется, женщина раздражается, начинаетъ бѣгать изъ дому, водиться съ другими мужчинами. И зачастую рѣдятся ребенокъ, дѣвочка, и дѣлается свидѣтельница этихъ грязныхъ ссоръ;—вотъ какимъ образомъ проливаютъ сѣмена проституціи.

Задача проста. Если хотите имѣть честныхъ рабочихъ, насадите честныхъ рабочихъ семьи. Этого опять-таки можно достигнуть лишь путемъ просвѣщенія и увѣличеніемъ благосостоянія. Одной школы недостаточно; надо заняться заработками. Рабочникъ слишкомъ сѣверно живетъ и слишкомъ сѣверно нитается. Эти большіе, разстѣпанные дома, въ которыхъ тѣснится народъ, настоящіе бочки, гдѣ бродятъ все пороки. Очистите фобурги, если не хотите, чтобы они заражали

городъ. Выпустите, главное, воздуха въ тѣсныя квартиры. Когда жизнь легка и пріятна людямъ — не трудно быть честнымъ.

Между тѣмъ, работница старѣется. Та, которая не вышла замужъ, улавливаетъ въ жизни-нибудь монотоннымъ трудомъ. Долгіе годы она зарабатывала сорокъ су, много пятьдесятъ въ день, т.-е. ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду. Никакія сбереженія немислимы; она кончаетъ жизнь въ больницѣ, если судьба не пошлетъ ей откуда-нибудь небольшого наслѣдства. Нѣкоторымъ удается обзавестись домомъ, нанять казую-нибудь торговлю, позволяющую сконить небольшие денежки имѣть черезъ тридцать неустаннаго труда. Всѣмъ признано, что женскій заработокъ въ Парижѣ недостаточенъ для ея существованія; ей остается только два выбора: или проституція, или медленная, голодная смерть. Во всякомъ случаѣ, когда она состарится, у ней остается только этотъ послѣдній исходъ.

Старость замужней работницы зависитъ отъ того счастья, какимъ она сумѣла окружить свою семью. Если она дурно воспитала своихъ дѣтей, то должна рассчитывать на то, что они будутъ ее ругать и даже бить. На такой позоръ чаще всего натыкаешься въ парижскихъ вертепахъ. Когда негодующая мать вздумаетъ протестовать, дочери грубо заявляютъ ей, что дѣлаютъ только то, что она сама дѣлала; что не слѣдовало ей подавать такого примѣра. Напротивъ того, если мать оказывается достойной уваженія, ее уважаютъ, и она старѣется среди заботливой любви близкихъ. Долженъ сознаться однако, что старость работницы всегда бываетъ печальна. Если она не сумѣла сконить денегъ, что бываетъ всего чаще, то, когда мужъ ея умретъ, она остается на рукахъ дѣтей, и вся долгая трудовая и честная жизнь идетъ не въ счетъ; беспощадный фактъ беретъ верхъ надъ всѣмъ: она не можетъ больше трудиться, она, слѣдовательно, безполезна. У простонародья — это преступленіе. Надо трудиться, чтобы ѣсть, такъ какъ трудъ едва можетъ доставлять ежедневное пропитаніе. Бесполезный ротъ въ семьѣ, какъ бы она ни была дружна и добра, немедленно становится предметомъ тревоги и ссоръ. А старуха-мать — бесполезный ротъ. Я часто наблюдалъ этотъ фактъ въ фобургахъ: мать осталась на попеченіи дѣтей, безусловно честныхъ и добрыхъ людей; тѣмъ не менѣе они желаютъ смерти старухи. Она прожила свой вѣкъ, пусть очиститъ мѣсто другимъ.

Жестокое послѣдствіе громаднхъ потребностей и недостаточнаго заработка! Въ этой борьбѣ за существованіе эгоизмъ выдвѣрется въ сердца лучшихъ людей. Кто не зарабатываетъ своего хлѣба, тотъ долженъ немедленно исчезнуть съ лица земли; если онъ упорствуетъ жить, его порекаютъ, зачѣмъ не накопилъ себѣ рентъ. У работницы нѣтъ убѣжища въ старости; какъ скоро орудіе труда выскользаетъ

изъ ея рукъ, она должна умереть. Тѣ, которые скатились въ грязь, умирають въ грязи. Тѣ, которые были честными и добрыми женами, умирають чаще всего отъ гора въ темномъ и душномъ чуланѣ, куда дѣти изъ состраданія кинуть ей тюфякъ. Всѣ зовутъ смерть и видятъ въ ней избавительницу.

А между тѣмъ среди нашего парижскаго населенія женщина—представительница интеллигенціи. Я уже говорилъ, она гораздо способнѣе къ развитію, нежели мужчина. Въ молодости она отличается очаровательной гибкостью и граціей. Позднѣе она быстро увядаетъ среди домашнихъ хлопотъ. Но въ ней просыпается практическій умъ, она болѣею частію ведетъ домъ. Мужъ, если хочетъ жить счастливо, обыкновенно предоставляетъ ей хозяйничать. У ней являются идеи, и она зачастую приводитъ ихъ въ исполненіе. Она голова, а мужъ только руки. Кромѣ того, она очень хитра; лучшая, самая откровенная прибѣгаетъ ко всяческимъ уловкамъ, чтобы увеличить благосостояніе семьи; она припрятаетъ деньги, солжетъ мужу, заставитъ его противъ воли принять какое-нибудь счастливое рѣшеніе, отъ котораго онъ упрямо отмахивается. Зачастую она обращается съ нимъ, какъ съ ребенкомъ. Она терпѣлива и сильна. Она исправитъ его отъ недостатка, если его можно исправить. Словомъ, она гораздо выше его, гораздо умнѣе, гораздо способнѣе къ развитію. Общественная роль женщины у народа могла бы быть весьма значительна у насъ въ качествѣ цивилизующаго начала. Я двадцать разъ наблюдалъ въ нашихъ фобургахъ факты, на какіе здѣсь указываю. Я почти всегда видѣлъ, что женщина образованнѣе и даже воспитаннѣе, чѣмъ мужчина. Она все понимаетъ, все знаетъ, у нея локти руки, какъ у волшебницы; она опускается и тупѣетъ только тогда, когда жизнь слишкомъ тяжелымъ бременемъ ложится на нее.

III.

Въ среднемъ классѣ, я хочу сказать—среди розничныхъ торговцевъ, въ мірѣ мелкихъ чиновниковъ и мелкихъ рантие—женщину труднѣе анализировать, до того типы многочисленны и различны. Я возьму самыя общія черты, попытаюсь набросать общій портретъ, отбѣивъ нѣкоторыя частности въ физиономіяхъ.

Дѣвочку, родится ли она въ лавкѣ или въ тѣсной квартирѣ цѣной отъ четырехсотъ до пятисотъ франковъ, всегда встрѣчаютъ съ нѣкоторой тревогой. Родители предпочли бы мальчика. Дочь всегда является бременемъ и заботой для маленькаго хозяйства, очень часто еле-еле перебивающагося со дня на день. Надо воспитывать ее,

надзирать за нею, выдавать замужъ; потребуется по крайней мѣрѣ восемнадцать лѣтъ всяческихъ заботъ и хлопотъ. Но дѣлать нечего, приходится мириться съ обузой. Когда мать довольно здорова, она сама кормитъ малютку. Доказано, что больше половины парижанекъ неспособны къ кормленію дѣтей; живны въ четырехъ стѣнахъ дѣлаютъ ихъ слабосильными, и анемія—самая распространенная болѣзнь среди женщинъ средняго сословія. Если мать слишкомъ слаба, то ребенка отдають на выкормленіе какъ можно ближе отъ Парижа,—взять кормилицу въ себѣ въ домъ было бы не по карману! Смертность дѣтей, отдаваемыхъ на выкормленіе, очень велика; но если малютка останется въ живыхъ, то возвращается обыкновенно толстый и здоровый. Когда мать сама кормитъ, это ужасно неудобно. Слишкомъ годъ она стѣснена во всѣхъ движеніяхъ, не можетъ шагу ступить и должна быть рабой ребенка. Хуже всего то, что въ тѣсной квартирѣ негдѣ повернуться. Въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, незамѣтно, какое огромное мѣсто занимаетъ ребенокъ. Въ Парижѣ, когда всего-на-все у людей одна комната, въ ней не знаешь какъ повернуться. Ребенокъ всю ночь не даетъ спать семьѣ; потомъ надо его купать, одѣвать, занимать, перемѣнять ему бѣлье двадцать разъ на дню, и все это на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ метровъ. Вскорѣ квартира превращается въ логовище; нѣтъ никакой возможности содержать ее въ чистотѣ. Дѣвочка растетъ въ этой тюрьмѣ. Когда ей минетъ три года, она меньше грязнитъ, но занимаетъ столько же мѣста; она прыгаетъ по полу, обрываетъ занавѣсы, страшно шумитъ. Все гулянье ограничивается тѣмъ, что въ хорошую погоду мать поведетъ ее въ сосѣдній скверъ; но въ худую погоду она по цѣлымъ недѣлямъ сидитъ взаперти и начинаетъ чахнуть въ своей тѣсной кѣткѣ. Вотъ одинъ изъ самыхъ типическихъ угловъ скрытой нищеты въ Парижѣ.

Замѣйте, что я беру семью, пользующуюся нѣкоторымъ довольствомъ. У мужа есть должность, жена ведетъ маленькую торговлю. Мы уже больше не въ рабочемъ классѣ. Тутъ не боятся прогуловъ, живутъ скромной жизнью, чуждой всякихъ перемѣнъ. При рожденіи ребенка составленъ бюджетъ его содержанія. Кусокъ хлѣба ему обезпеченъ. Единственное пагубное условіе это—тѣснота, въ которой онъ растетъ.

Но вотъ дѣвочкѣ исполнилось пять лѣтъ. Она ведетъ себя смириѣе, начинаетъ корчить большую. Мать всего болѣе наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы она не бѣгала по улицамъ; только дрянныя дѣвчонки, дочери рабочихъ, шляютъ такимъ образомъ. Но дѣвочка постоянно мечтаетъ о томъ, чтобы вырваться изъ дома; улица притягиваетъ ее, и если она не убѣгаетъ, то только потому, что послушна. Иногда ей позволяютъ донгратъ на площадкѣ лѣстницы; квартирка такъ тѣсна, что

мать можетъ вздохнуть свободно только тогда, когда дѣвочка не вернется вокругъ нея. Какъ только ее можно послать въ школу; ее туда посылають. Она ходитъ не въ общую бесплатную школу, но въ какую-нибудь такую по сосѣдству, гдѣ взимается небольшая плата. Порою, когда семья честолюбива, то она приноситъ чрезмѣрные жертвы, чтобы помѣстить ее въ какой-нибудь большой пансіонъ. Но я беру самый обыкновенный случай. Служанка каждое утро водить ее въ школу и приводитъ оттуда по вечерамъ. Дѣти уносятъ съ собой завтракъ въ небольшой корзинкѣ. Ихъ учатъ всему понемножку, сначала читать и писать, потомъ ариметикѣ, исторіи, географіи; кромѣ того, шить, вышивать по канвѣ. Учительницы, впрочемъ, не особенно стараются подвинуть ихъ впередъ; часто онѣ продержатъ дѣвочку въ школѣ лѣтъ восемь или десять, ничему не научивъ ее основательно. Выходя изъ школы, молодыя дѣвушки бывають очень невѣжественны; счастливы тѣ, что умѣють правильно писать. Но нѣкоторые научаються, однако, очень искусно вышивать.

Итакъ, вотъ дѣвочка вышла изъ школы и вернулась въ родители. Ей лѣтъ пятнадцать. Это неблагодарный возрастъ. Она долго-вѣза и худа, неловка, болѣею частію дурна собой. Мать доканчиваетъ ея воспитаніе, беря ея съ собой всюду, куда сама идетъ. Въ домѣ есть служанка, которая должна дѣлать всю черную работу, но барыня и барышня почти всегда сопровождаютъ ее на рынокъ, часто сами закупають провизію и не пренебрегають стряпней. Такимъ образомъ дѣвушка учится хозяйничать; остальное время она вышиваетъ; очень рѣдко ей разрѣшають роскошь имѣть фортепіано. Ее ведутъ съ большою строгостію; никогда она не выходитъ одна; въ театрѣ ее возятъ только тогда, когда дають нравственную пьесу. Все воспитаніе молодой французской дѣвушки въ этомъ: въ непрерывномъ надзорѣ, въ тѣсномъ заключеніи, прекращающемся только съ замужествомъ. Конечно, молодая дѣвушка вовсе не такъ неопытна какъ бы должна быть. Въ пансіонѣ ей повѣряли различныя тайны, и она узнала многое изъ того, что большія передають другъ другу только шопотомъ. Но она все это тщательно скрываетъ; она умѣетъ сдерживать свое любопытство и нетерпѣніе. Ее ежедневно учатъ притворству хорошо воспитанныхъ дѣвицъ. Дѣвицы не должны ничего знать, держать себя скромно, и она прикидывается, что ничего не знаетъ и держитъ себя скромно. Она знаетъ, что только такимъ путемъ выйдетъ замужъ. Какъ только ей исполнится семнадцать лѣтъ, такъ всѣ ея мысли вертятся вокругъ этого желаннаго брака, который долженъ сдѣлать ее свободною.

Великое дѣло для маленькаго хозяйства хорошо пристроить дѣвушку. Ищутъ самаго выгоднаго жениха среди знакомыхъ; желаютъ

женитъ съ дѣньгами или не вѣрней ширѣ съ обезпеченнымъ положеніемъ. Часто любовь замѣняется въ дѣло. Молодая дѣвушка замѣтила молодого человѣка, и оказывается, что этотъ молодой человѣкъ представляетъ требуемыя гарантіи. Въ другой разъ бракъ заключается чисто по разсудку. Дѣвушки средняго класса у насъ рѣдко бываютъ романтическими; онѣ наглядываютъ въ своей семьѣ на хозяйственныя хлопоты; онѣ знаютъ, что ихъ ожидаетъ впереди, поэтому онѣ очень практичны. Сыны лапотника, которому предстоитъ наследовать отцу, молодой чиновникъ съ будущностью — вотъ герои, которыхъ онѣ даютъ предпочтеніе. Въ двухъ случаяхъ изъ трехъ онѣ не приносятъ съ собой приданого, кромѣ туалета и какой-нибудь тысячи-другой франковъ; такимъ дѣвушкамъ приходится самимъ хлопотать о замужествѣ, если онѣ не хотятъ остаться старыми дѣвами. Если же приданое ихъ превышаетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, то отъ жениховъ нѣтъ отбоя, и выборъ у нихъ большой. Нельзя представить себѣ, съ какими искусствомъ бѣдныя отказываютъ мужей по своему вкусу. Онѣ совсѣмъ зрѣлыя женщины, не смотря на ихъ скромный видъ; онѣ все знаютъ, отлично рассчитываютъ и устраиваютъ свою будущую жизнь. Зачастую дивяшися ихъ выбору; но позднѣе поймешь его; онѣ угадали будущую удачу какого-нибудь приказчика и нашли для себя подходящаго мужа.

Итакъ, вотъ молодая женщина замужемъ. Хозяйство ея будетъ повтореніемъ хозяйства матери. За мѣсяцъ до свадьбы она сама найметъ квартиру, меблируетъ ее, принметъ служанку. Мужъ сбился бы съ ногъ, бѣгая, у него голова пошла бы кругомъ, и все же бы онъ не сдѣлалъ половины того, что она сдѣлаетъ. Пропускаю церемонію бракосочетанія, на которую издержали больше денегъ, чѣмъ слѣдовало, изъ тщеславія. Въ среднемъ классѣ въ большомъ ходу поговорка: лучше внушать зависть, нежели состраданіе. Впрочемъ, въ мірѣ мелочныхъ торговцевъ церемонію совершаютъ на-скорую руку; малые торговцы не заражены тщеславіемъ чиновниковъ. Если мужъ чиновникъ, онъ беретъ двухнедѣльный отпускъ; это медовой мѣсяцъ молодыхъ, который они проводятъ въ удовольствіяхъ и визитахъ. Если мужъ торговецъ, онъ на другой же день идетъ въ лавку. И начинается обыденная жизнь.

Тогда молодая женщина ведетъ самостоятельно ту самую жизнь, какую вела у своихъ родителей. Никакого переворота не происходитъ; то же убогое существованіе. Дни идутъ за днями. Въ свою очередь она становится матерью; у ней дочь, отъ которой тѣсно въ маленькой квартиркѣ; она воспитываетъ ее и выдаетъ со временемъ замужъ. Совсѣмъ тѣмъ, каждому изъ этихъ маленькихъ хозяйствъ улыбается какая-нибудь надежда; безъ этой надежды жизнь была бы

слишкомъ плоской; порой то бываетъ надежда на наслѣдство; порой на возможность разбогатѣть, благодаря какой-нибудь спекуляціи; порой манить впередъ выгодное мѣсто, которое можно получить мужъ по службѣ. Не чтó необходимо подчеркнуть—это то, что женщина удивительна въ этомъ классѣ буржуазіи. Она творитъ чудеса. Зачастую она себя одѣваетъ; и если не шьетъ сама своиѣ платьевъ, то беретъ на домъ швею, и ухитряется щеголять, пуская въ ходъ всякую тряпку, которую другая женщина бросила бы. У ней есть даръ экономіи и граціи. Во всѣхъ хозяйственныхъ подробностяхъ опущается ея неистощимая изобрѣтательность. Она сумѣетъ накормить обѣдомъ десять человѣкъ, израсходовавъ сравнительно весьма ничтожную сумму. Она олицетворяетъ расчетливость, но безъ всякой скупости; торжество ея заключается въ томъ, чтобы всѣмъ казалось, что она тратитъ очень много денегъ, а самой между тѣмъ дѣлать сбереженія. Il faut paraître — это ея выраженіе; но она сумѣетъ не выйти изъ бюджета.

Я говорилъ о женѣ чиновника. Жена коммерсанта, быть можетъ, еще удивительнѣе. Поглядите на нашихъ лавочницъ, какія онѣ умныя и дѣятельныя. Ими держится весь домъ; мужъ занимается виѣ, бѣгаетъ по дѣламъ, дѣлаетъ покупки; она же по цѣлымъ годамъ не выходитъ изъ лавки, поспѣваетъ угодить всѣмъ покупателямъ, совершаетъ чудеса, чтобы расширить продажу. И при этомъ всегда улыбается, всегда въ духѣ, терпѣлива какъ ангелъ съ не-сносными покупателями. Ни въ какомъ другомъ городѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ продавщицъ, которыя могли бы сравниться съ нашими, которыя бы умѣли такъ держать себя и пользоваться бы такимъ вліяніемъ на покупателей. Другія дѣлаются приказчицами своихъ мужей; цѣлые часы проводятъ онѣ, согнувшись, надъ торговыми книгами; заткнувъ перо за ухо онѣ ведутъ самую сложную бухгалтерію, руководятъ обширными промышленными предпріятіями. Въ нашихъ предмѣстьяхъ и за городской чертой можно найти женщинъ, управляющихъ обширными заводами; у нихъ въ головѣ цѣлый міръ аферъ; онѣ командуютъ сотнями рабочихъ, сами изобрѣтаютъ и руководятъ торговыми домами. Я знаю вдовъ, которыя, по смерти своихъ мужей, не захотѣли взять управляющаго и ограничились тѣмъ, что разослали циркуляры своимъ клиентамъ. Впрочемъ, эти женскія усилія, пожалуй, еще трогательнѣе въ маленькихъ хозяйствахъ. Со времени открытія выставки, я часто интересовался зрѣлищемъ, которое можно цѣлый день наблюдать на бульварахъ. Какой-нибудь субъектъ нѣмѣтъ или началъ престерженный экипажъ, какую-нибудь обую фуру, въ которой онъ устроилъ спятейки; самъ онъ превратился въ кучера и править лошадыи, сиди на козлахъ, между тѣмъ какъ жена его,

стоя на подножьи, зазывает прохожих, чтобы отвезти их на Марсово поле и играет роль кондуктора omnibus. У ней надѣта черезъ плечо сумка, она собираетъ деньги, влѣзаетъ и слѣзаетъ съ подножки день-деньской, и какъ-будто и не помышляетъ объ усталости. Развѣ это не трогательно? Вотъ чета, сообща напугавшая всѣ силы ума и воли. Онѣ вознамѣрился воспользоваться случаемъ. Безъ сомнѣнія, дѣти въ школы; или же за ними надзираетъ какой-нибудь сосѣдка. Когда выставка закроется, чета отложить въ сторону нѣсколько тысячъ франковъ.

Въ нашихъ провинціяхъ женщина не отличается такой блестящей инициативой. Она ведетъ болѣе замкнутую жизнь, боится сплетенъ. Въ маленькомъ городѣ женщина не можетъ играть роль мужчины, не возбуждая общаго любопытства. Въ Парижѣ никто не заботится о томъ, что дѣлаетъ его сосѣдъ; тѣмъ лучше для него, если у него мужественная жена, облегчающая ему трудность существованія. Въ провинціи же женщину сейчасъ обвинять въ эксцентричности, а это самое крупное обвиненіе. На нее стануть показывать пальцами, распускать про нея двусмысленныя исторіи. Поэтому провинціальная женщина очень рѣдко отступаетъ отъ обыкновенныхъ женскихъ занятій. Она пассивна и вся предана дѣтямъ, служанкѣ, стиркѣ и варенью. Она царитъ дома, въ четырехъ стѣнахъ. Самое большое, если время отъ времени увидишь ее блѣлое лицо за окномъ, если какой-нибудь шумъ на улицѣ привлечетъ ее, и она приподниметъ уголокъ занавѣски кончикомъ пальцевъ. Ее встрѣчаешь въ церкви, изрѣдка на гуляньѣ, ведущей дѣтей, точно стадо. На югѣ рѣдко увидишь женъ съ ихъ мужьями внѣ дома; онѣ живутъ сами по себѣ, навѣщаютъ другъ дружку, выѣзды; мужчины сидятъ въ кофейнѣ или гуляютъ сами по себѣ. Если случайно мужъ и жена пройдутся по улицѣ, то не идутъ подъ руку, а идутъ рядомъ и нажуются очень спесифуженными. Тутъ мы видимъ какъ-бы уже преддверіе Востока: женщина живетъ заперти, а мужчина старается скрыть ее отъ постороннихъ глазъ. Разъединеніе такъ велико, что жена почти всегда ничего не знаетъ про дѣла мужа. Всегда рѣдко увидишь, чтобы они работали, дѣйствовали: сообща, какъ это такъ часто встрѣчаешь въ Парижѣ. Провинція мертва, безцвѣтна, полна предрасудковъ. Поэтому надежда умираетъ. Чиновникъ знаетъ, что останется всю жизнь чиновникомъ; лавочникъ можетъ съ точностью рассчитать, черезъ сколько лѣтъ ему можно будетъ удалиться отъ дѣла, наконивъ скудныхъ сбереженій. Это отсутствіе всего неожиданнаго окончательно усыпляетъ соню. Стоять ли хлопотать, двигаться, изобрѣтать, когда дѣло отъ этого нисколько не подвигнется впередъ? Жена сваливаетъ съ себя всякую отвѣтственность;

она ограничивается ролью хозяйки или же, если нервы не дадут ей покоя, ударится въ набожность и смиряетъ волненіе въ храмъ на холодныхъ плитахъ церквей.

Я показалъ, какъ умна женщина въ Парижѣ, принадлежащая къ среднему сословію. Она, во меньшей мѣрѣ, равна по уму мужчине. Часто она даже умнѣе его. Иныя сбиваются съ пути истиннаго, — берутъ любовниковъ. Это неизбежно, если онѣ кокетки или сладострастны. Тогда мужья не могутъ ихъ удовлетворить ни въ отношеніи любви, ни въ отношеніи денегъ. Они слишкомъ заняты для того, чтобы смѣять вѣчно оного жены, и не зарабатываютъ достаточно денегъ, чтобы окружить ихъ той роскошью, о которой онѣ мечтаютъ. Въ результатѣ оказывается безпутная жизнь, скрываемая зачастую съ большимъ искусствомъ. Онѣ ничѣмъ не выдаютъ себя, и можно заподозрѣть въ чемъ дѣло только потому, что онѣ слишкомъ богато одѣваются. Впрочемъ, нѣмѣна супружеской вѣрности составляетъ исключеніе и, быть можетъ, въ среднемъ классѣ всего больше нравственности.

Жену чиновника или лавочника ждетъ не такая ужасная старость, какъ работницу. Она до конца сохраняетъ большой авторитетъ въ семьѣ. Зачастую ей обязана семья своимъ состояніемъ или, по крайней мѣрѣ, она сильно ему способствовала. Поэтому дѣти оказываются почтительными. Надо сказать, что общественное лицемеріе начинается съ средняго сословія. У рабочаго слово выражаетъ мысль и во всей ея первобытной прямотѣ; отсюда жестокость, приводящая въ удивленіе и въ негодованіе: рабочій видитъ, что мать остается у него на рукахъ, и открыто желаетъ ей смерти. У некакаго рантѣ, у бюрократа, торговца, людей полу-образованныхъ, животный инстинктъ уже не такъ рѣзокъ; они подумаютъ про себя, что мать имъ въ тягость и что имъ было бы облегченіе, если бы она умерла; но они въ этомъ не признаются вслухъ и даже будутъ съ ней почтительны. Я говорю про мать, которая ничего не сумѣла приконить для себя. Ту же, у которой есть деньги, носить на рукахъ. Всѣ утомлены, всѣ вели трудовую жизнь и ложатся въ постель, какъ на отдыхъ, послѣ долгаго трудового дня.

IV.

Перехожу къ высшей буржуазіи, женѣ чиновника судебнаго вѣдомства, штабъ-офицера, важнаго администратора, крупнаго промышленника — всѣхъ тѣхъ, у кого большое состояніе и высокое положеніе въ обществѣ.

Здѣсь женщина рождается въ пружинахъ и окружается самыми важными заботами. За недѣлю до родовъ мать не выходитъ изъ дому, а когда наступаютъ роды, даетъ себя усыпить, чтобы не чувствовать боли. Кормилица приготовлена заранее. Какъ только дѣвочка появится на свѣтъ божій, къ ей услугамъ явится цѣлый штатъ слугъ: Она сидитъ на атласѣ; врачъ слѣдитъ за ея малѣйшимъ нездоровьемъ. Между тѣмъ, мать лежитъ недвижимо цѣлыми днями недѣли. Можно подумать, что она разобьется какъ стекло, если пошевелитъ маленькимъ пальцемъ. Затѣмъ ей позволяютъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ и лежать по цѣлымъ часамъ на кушеткѣ. Она заказала себѣ специальный туалетъ, какой-нибудь великолѣпный пенюаръ и принимаетъ въ немъ визиты; всѣ пріятельницы перебиваютъ у нея одна за другой. Ребенкомъ тутъ же, на рукахъ у кормилицы, завернутый въ парскія пеленки. Ему улыбаются; его цѣлуютъ среди самой одушевленной болтовни. Для свѣтской женщины материнство является предложеньемъ для щерошества росеюшью, точно обдѣлать или балъ.

Итакъ, маленькая дѣвочка съ самаго рожденія окружена вниманіемъ и богатствомъ. Родители, быть можетъ, предпочли бы мальчика; но это мимолетная досада, имъ не приходится хлопотать о приданомъ или бояться улицы. Квартира просторная. У ребенка отдѣльная комната. Если онъ расплчется ночью, мать даже не уснышитъ: кормилица успокоитъ его. Днемъ ему предоставляютъ другую комнату, полную игрушекъ, посылаютъ гулять съ кормилицей въ какой-нибудь общественный садъ, въ Тюльери или въ Люксамбуръ; куда мать заѣзжаетъ за нимъ въ каретѣ, возвращаясь изъ Булонскаго-лѣса. Такимъ образомъ, жизнь распредѣлена съ такимъ комфортомъ, что мать даже не замѣчаетъ, что у нея есть ребенокъ. Она немного похворала въ первые дни, пока молоко не пропало, но затѣмъ возобновила обычный образъ жизни, дѣлаетъ визиты, ѣдитъ въ театръ, обѣдаетъ въ гостяхъ, проводитъ ночи на балѣ, и не остается лишней минуты дома для дочери.

Эта послѣдняя растетъ какъ прелестная куколка. Она растетъ среди роскоши, на коврахъ. Ее переодѣваютъ два или три раза въ день въ фантастическіе и изящные костюмы. Когда обѣдаютъ гости, то ее приводятъ въ гостиную, гдѣ всѣ цѣлуютъ ее и восхищаются ею, прежде чѣмъ сѣсть за столъ. Послѣ того она обѣдаетъ въ своей комнатѣ. Въ остальные дни она обѣдаетъ за столомъ родителей и учится хорошимъ манерамъ. Вскорѣ во всемъ она передразниваетъ мамашу. Это опять-таки воспитаніе путемъ пріимѣра. Дѣвочка естественно приспособляется къ теплицѣ, гдѣ обречена жить. Она ѣдитъ уже въ Булонскій-лѣсъ; лѣтомъ ее возятъ на морскія купанья, чтобы

уверѣнтіе ея маленькое тѣльце, и тамъ она набирается рѣзкихъ хватокъ, отъ которыхъ потомъ ее приходится отучать, зимою ее окружаетъ все та же роскошь, и вечеромъ она засыпаетъ подъ звукъ фортепьяно, когда у матери гости. Кромѣ того, у ней есть маленькія подружки, которыхъ она приглашаетъ къ себѣ на завтраки, сервированные великолѣпно, какъ обѣды большихъ. Случается даже, что она задаетъ балъ. Ей нѣтъ еще и шести лѣтъ, а она уже появляется въ свѣтѣ, среди дамъ, которыя шепчутся, сидя въ большихъ креслахъ салона ея матери, среди молодыхъ людей, съ которыми она уже кокетничаетъ и которые улыбаются, находя ее очаровательной.

Наступаетъ пора учиться. Часто мать претендуетъ на то, чтобы самой выучить ее азбукѣ. Но это ей скоро надоѣдаетъ, и ее замѣняетъ горничная. Теперь во Франціи такая мода: въ богатыхъ семьяхъ къ дѣтямъ приставляютъ нянекъ англичанокъ или нѣмокъ. Такимъ образомъ, дѣти привыкаютъ къ этимъ языкамъ, и къ тому времени, какъ имъ приходится изучать эти языки съ учителями, они уже практически къ нимъ подготовлены. Со времени нашихъ поражений въ 1870 г., семьи преимущественно выбираютъ нянекъ нѣмокъ; приходится намъ знакомиться съ Германіей. Считается бонтономъ приглашать учителей на домъ. Однако, въ большинствѣ семей высшей буржуазіи дочерей отдають въ знаменитые пансіоны, гдѣ платятъ очень дорого. Обученіе на-дому предоставляется аристократіи.

Я скажу нѣсколько словъ про знаменитые пансіоны; по моему мнѣнію, образованіе, получаемое въ нихъ, нелѣпо и неполно; не думаю, чтобы въ какой-нибудь другой странѣ молодыхъ дѣвушекъ воспитывали по такой нелѣпой программѣ. Во-первыхъ, ихъ оставляютъ въ полномъ невѣдѣніи всѣхъ практическихъ сторонъ жизни; онѣ научаются писать приблизительно правильно, имъ сообщаютъ кое-какіе факты изъ географіи и исторіи, знакомятъ слегка съ литературой; но этимъ и ограничиваются всѣ ихъ познанія; онѣ неспособны сшить себѣ платье, сварить супъ, проверить мѣсячный счетъ кухарки. Скажутъ, что онѣ не предназначены къ этимъ грубымъ занатіямъ. Безъ сомнѣнія. Но дѣло въ томъ, что онѣ избѣжали бы многихъ непріятностей въслѣдствіи, если бы ихъ учили хозяйству. Впрочемъ, это еще не большая бѣда; когда богатая молодая женщина захочетъ ознакомиться съ хозяйствомъ, то всегда съумѣетъ этого достигнуть, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ игрушкой своихъ слугъ. Но что гораздо важнѣе, это духъ, направленіе пансіона-монастыря; это тотъ особый вѣздухъ, каинимъ тамъ дышать и который часто портитъ на всю жизнь. Ее воспитываютъ для свѣта; ей вселяютъ всѣ бонтоныя предразсудки, ее превращаютъ въ модную куклу. Вотъ какъ надо

кланяться, а вотъ какъ думать. Есть рецензенты для хорошихъ камеръ, равно какъ и для того, какъ вести себя во всѣхъ случаяхъ жизни. Ничего не можетъ быть плачевнѣе: естественная грація, оригинальность, все, что должно обуславливать личность, искажается, передѣливается, отливается въ одну общую форму. Повинуются обычаю, *comme-il-faut* является непреложнымъ закономъ. Такимъ образомъ получаются эти куклы, населяющія салоны, эти легкомысленныя дурны, у которыхъ нѣтъ ничего оригинальнаго. Онѣ очень милы, только совсѣмъ пусты. Точно манекены, для примѣриванія модныхъ платьевъ. Я убѣжденъ, что нравственная и умственная несостоятельность нашихъ женщинъ, ихъ птичье щебетанье, отсутствіе великой солидности въ характерѣ происходятъ единственно отъ тѣхъ лѣтъ, которыя онѣ теряютъ въ модныхъ пансіонахъ, славящихся своимъ бонтономъ.

Бонтонъ—вотъ что губитъ все во Франціи. Мы слышимъ бонтоны. Въ нашихъ дѣвушкахъ развиваютъ только салонныя таланты. Нѣтъ дочери у портѣе, которая бы не мечтала объ урокахъ на фортепьяно. Въ наше время дѣтей сажаютъ за фортепьяно, какъ въ Спартѣ ихъ посылали въ гимназіи. Фортепьяно краугольный камень нашей цивилизаціи. Затѣмъ слѣдуютъ танцы, рисованіе, вышиваніе. Все это само-по-себѣ недурно. Но что нелѣпо, такъ это то, что на этомъ останавливается все обученіе; что въ нашихъ женщинахъ не воспитываютъ мужественнаго сердца и солиднаго ума.

Молодая дѣвушка выходитъ изъ монастыря. Поглядите на нее. Она ничего не знаетъ; мужу придется ее перевоспитывать, если онъ захочетъ столковаться съ нею. Образованіе и воспитаніе молодой дѣвушки основаны на слѣдующихъ принципахъ: мужу слѣдуетъ передать молодую дѣвушку вполне невинною, вполне неопытною; это товаръ, который ему вручаютъ съ полной гарантіей; послѣ этого мать умываетъ руки; роль ея окончена; отнынѣ отиѣтственнымъ лицомъ является одинъ мужъ. Изъ этого вытекаетъ преподаваніе и духъ большихъ пансіоновъ. Безусловное невѣдѣніе природы, общества, человѣка. Надо, чтобы молодая дѣвушка ничего не знала до замужства, надо держать ее подъ колпачкомъ; пусть она остается ребенкомъ умственно и тѣлесно. Позднѣе она всему научится, если мужъ позволитъ, и она всему научается внезапно, въ одну недѣлю, въ одну ночь. Приходится пожалѣть мужа; потому что, вѣсто разумнаго существа ему зачастую преподносятъ своеиразную куклу. За невѣдѣніемъ слѣдуетъ часто лъзвольская наука. Женщина, незнакомая съ жизнью, безсильна передъ опасностью. Эта же метода объясняетъ фальшивое положеніе дѣвицъ, поздно выходящихъ замужъ. Имъ стукнетъ тридцать лѣтъ, а онѣ все еще разыгрываютъ ма-

дѣвочки. Мужья хотѣть, чтобы онѣ прикидывались неглупыми, и онѣ воображаютъ изъ себя наивныхъ созданій и бываютъ крайне смѣшны.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что дѣвушки изъ высшей буржуазіи, выходящія изъ монастыря шестнадцати-семнадцати лѣтъ, отличаются абсолютнымъ невѣдѣніемъ, идеаломъ хорошаго воспитанія? Съ своей стороны я этому не вѣрю. Человѣческой природа вездѣ одна и та же; только форма мѣняется, смотря по средѣ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что безнравственность проявляется въ болѣе грубой формѣ въ простонародной школѣ, посѣщаемой дочерьми рабочихъ и лапотниковъ, чѣмъ въ аристократическомъ пансіонѣ, гдѣ воспитываются богатыя дѣвушки. Но тѣмъ не менѣе порокъ гнѣздится и въ этомъ послѣднемъ; онъ только лицемѣрно, хитро—вотъ и все. Вѣчныя шептала, вѣчныя секреты, смутное пробужденіе всѣхъ женскихъ инстинктовъ. Вернувшись въ семью, дѣвушка сгораетъ отъ любопытства, но скрываетъ это, хитритъ. Кто скажетъ, что происходитъ въ душѣ одной изъ тѣхъ пансіонерокъ, у которыхъ такой глупый и смущенный видъ, которыя краснѣютъ, опускаютъ глаза, конфузятся и отзываютъ впрямь и вкось?

Теперь остается видать ее замужъ. Ее продержатъ дома нѣкоторое время, прежде чѣмъ вывести въ свѣтъ. Ее нужно отесать сперва. Мать продолжаетъ держать ее въ полномъ невѣдѣніи жизни, но одѣваетъ ее у того же портного, у котораго одѣвается сама, возить ее съ собой дѣлать визиты, наконецъ зоветь на балъ. Начинается свѣтское воспитаніе, салонная наука съ ея сдержанностью и безусловной невинностью тѣла и души. Невинность души, какъ это легко понять, чисто условная, въ особенности если молодая дѣвушка не выйдетъ замужъ въ теченіи нѣсколькихъ зимъ. Браки заключаются исключительно между равными по состоянію. Нерѣдко бываютъ взрвы отращи. Тогда происходитъ романъ. Но что до меня касается, то объявляю, что рѣдко видалъ, чтобы молодые дѣвушки съ миллионнымъ приданымъ выходили за мужъ за красивыхъ молодыхъ людей, не имѣвшихъ состоянія и стоящихъ ниже по своему положенію въ обществѣ, чѣмъ онѣ. Чтобы встрѣтить такія приключенія надо читать романы Жоржъ-Санда и ея школы. Чаше случается, что богатые молодые люди женятся на дѣвушкахъ съ сомнительнымъ приданымъ. Это не такъ оскорбляетъ логику нашихъ нравовъ; у насъ всегда нѣсколько косятся на человѣка, который женится на миллионѣ, не имѣя за душой ничего, кромѣ платья, которое на немъ надѣто.

Молодая женщина замужемъ. Начинается совсѣмъ новая жизнь. Она свободна. Послѣ медоваго мѣсяца, проводимаго въ Италіи или

на берегахъ Рейна, мужъ возобновляетъ обычную жизнь; у него свое занятіе, свои честолюбивыя планы, занимающіе его; онъ ѣздитъ въ клубъ, водится со множествомъ людей, съ которыми его жена никогда не познакомится. Она, съ своей стороны, должна устроить себѣ жизнь. Тутъ будетъ ее руководить примѣръ матери. Она будетъ дѣлать то, чему была свидѣтельницей: будетъ ѣздить съ визитами, гулять, назначать пріемный день у себя, будетъ заниматься туалетомъ и домомъ, возится съ прислугой, которая ее обкрадываетъ, будетъ давать каждую зиму нѣсколько обѣдовъ и нѣсколько баловъ. Существованіе богатыхъ женщинъ разнѣрено, при всей кажущейся распущенности. Зимы слѣдуютъ одна за другой, и всѣ похожи между собой; каждая приноситъ одинъ и тѣ же развлечения. Лѣто она будетъ проводить или на берегахъ моря, или въ деревнѣ. Хуже всего то, что молодая женщина страшно утомляется. Нельзя представить себѣ, до какой степени бываетъ много хлопотъ для хозяйки дома въ Парижѣ, желающей принимать у себя гостей. Надо, во-первыхъ, самой ѣздить на вечера и обѣды и давать вечера и обѣды, постоянно поддерживать сношенія съ цѣлой толпой людей. Впрочемъ, она бы очень скучала, если бы у ней не было этихъ хлопотъ. Утромъ дѣти займутъ ее на минуту; но вѣдѣтъ она довольствуется надзоромъ за няньками, которымъ ихъ поручаетъ. Если хозяйство ея хорошо налажено, то ей остается только думать о себѣ, о той роли, какую она должна играть въ свѣтѣ.

Мужъ занимается дѣлами, дѣлаетъ карьеру или увеличиваетъ свое состояніе. Женѣ предоставляется вести домъ, и она старается одѣлать его какъ можно болѣе пріятнымъ и богатымъ. Вся ея наука заключается въ томъ, чтобы быть достойной женой своего мужа, устроить ему подходящую обстановку.

Парижанки отличаются этимъ искусствомъ. Нѣкоторыя любятъ шумъ и необузданную роскошь, но большинство отлично знаютъ, какія рамки приличны для ихъ хозяйства. Онѣ вполне входятъ въ свою роль. Онѣ обязаны своему свѣтскому воспитанію хотѣ этимъ. Нѣкоторыя даже царятъ въ свѣтѣ, благодаря своему салону. Я займусь салономъ вообще, когда буду анализировать женщину-аристократку.

Въ провинціи, само-собой разумѣется, условія мѣняются. Во-первыхъ, молодую дѣвушку держатъ еще строже и невѣдѣніе ея становится абсолютнымъ. Выхода изъ монастыря, она не получаетъ свѣтскаго воспитанія, которое должно ее отесать. Поэтому она остается неховной, чопорной, исполненной предразсудковъ. Она выходитъ замужъ и замираетъ въ четырехъ стѣнахъ. Балы, обѣды и даже простые пріемы очень рѣдки въ провинціи. Мало туалетовъ, праздная

жизнь, роковымъ образомъ приводящая къ ханжеству. Домашняя жизнь неинтересна. Женщина натянуто-вѣжлива; если она лице-мѣрка, то доводитъ свое лицемеріе до послѣдней степени. Въ сущности, подъ маской ригоризма и за исключеніемъ воспитанія дѣтей, за которыми она наблюдаетъ очень строго, роль ея весьма ничтожна. Она живетъ бѣдной затворницей въ безмолвномъ домѣ, и, правда, всемогуща въ хозяйствѣ, но почти никогда не помогаетъ нужу своей граціей и свѣтской ловкостью.

Вопросъ о нравственности здѣсь особенно щекотливъ. Безъ сомнѣнія, женщина, предоставленная самой себѣ, праздная, особенно доступна соблазну. Но надо сказать, что утонченность воспитанія, матеріальное благосостояніе и комфортъ обстановки держатъ ихъ на уздѣ. За границей французскія женщины считаются легкомысленными. Онѣ, въ самомъ дѣлѣ, вѣтренны, но если сравнить ихъ съ женщинами сосѣднихъ странъ, то онѣ окажутся менѣе развратными. У нихъ есть воля, которая ихъ спасаетъ. Вдобавокъ, онѣ не страстного темперамента и довольствуются головными увлеченіями. Онѣ далеко заходятъ въ шалости, но останавливаются передъ глупостью, которая бы ихъ могла скомпрометтировать. Весьма немногія соглашались стать пассивнымъ орудіемъ. Я говорю, разумѣется, про женщинъ высшаго класса. Когда одна изъ нихъ рѣшится измѣнить супружеской вѣрности, то почти всегда въ этомъ виноваты мужъ, или же существуютъ особыя причины, которыя все объясняютъ.

Женщина изъ высшей буржуазіи старится и умираетъ окруженная всякимъ почетомъ. У ней есть свое собственное состояніе, иногда очень значительное. Пристроивъ дѣтей, она сохраняетъ обширный кругъ знакомства, даже и тогда, когда овдовѣетъ. Я знавала многіхъ старыхъ, салоны которыхъ всегда бывали биткомъ набиты. Лѣта или житейскій опытъ исправляетъ недостатки воспитанія. Женщина становится превосходной, снисходительной; она все знаетъ, обо всемъ говоритъ съ улыбкой и отреклась отъ всякихъ претензій. И она умираетъ такою, какою я желаю бы, чтобы она была, когда ее выдаютъ замужъ.

V.

Закончу мои очерки женщиной-аристократкой.

При этомъ я буду говорить не объ однихъ только титулованныхъ женщинахъ. Я присоединю къ этой группѣ женщинъ, играющихъ крупную роль, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ или рѣдкому уму.

Французское дворянство отличается простотой, неизвестной въ буржуазии. Эта послѣдняя никакъ не можетъ отдѣлаться отъ нѣкоторой чопорности; въ ней замѣтна слѣсь богатства, нажитаго собственными трудами. Ничего подобнаго не бываетъ въ дворянской семьѣ. Изящество въ немъ передается изъ поколѣнн въ поколѣнн. Впрочемъ, надо условиться на-счетъ слова изящество; я знавала маркизовъ, которые походили на масликовъ. Но всѣ, красивые и некрасивые, амагантые и дубоватые, отличаются непринужденной развязностью въ обращенн, привычкой быть или ставить себя выше другихъ.

Такъ, одинъ мой прятель живописецъ, приглашенный въ замокъ одной изъ нанихъ старинныхъ дворянскихъ фамилй, дивился простотѣ ихъ домашней жизни: мужчины приходятъ завтракать въ курткахъ и въ туфляхъ, женщины въ простыхъ неньбарахъ; всѣ непринужденно и слегка даже вольно разговариваютъ. „Точно артисты“,—повторялъ мой живописецъ.

Замѣчане его мило и глубоко. Можно было бы многое сказать объ этой добродушной агенн нашего дворянства: но я изучаю теперь только женщину.

Когда въ дворянской семьѣ родится дочь, то все происходитъ почти такъ, какъ и въ буржуазной семьѣ; но только парада меньше. Если еще нѣтъ мальчика, который долженъ служить представителемъ имени, то дѣвочку встрѣчаютъ съ затаеннымъ горемъ. Въ былое время дѣвочекъ ждало заточенне въ монастырь, въ особенности если состоянне не позволяло дать за ними большого приданаго. Въ настоящее время дворянской слѣси нанесены тяжкые удары, и дворяне выдаютъ своихъ дочерей за разночинцевъ, и весьма немногя поступаютъ въ монастырь.

Но вотъ приглашается кормилица. У дѣвочки есть свои отдѣльные апартаменты и своя собственная прислуга. Описывая дальнѣйшее, мнѣ пришлось бы повторяться, такъ какъ буржуазныя семьи переразвиваютъ дворня. Разница замѣчается только тогда, когда дѣвочкѣ приходитъ пора учиться. Немногя дворянскя семьи отдаютъ своихъ дочерей въ пансионъ. Обыкновенно приглашаютъ учителей на-домъ; сначала берутъ гувернантку для первоначальнаго обученн; поздѣе нанимаютъ учителя исторйи, учителя арифметики, учителя иностранныхъ языковъ, не считая учителей музыки, танцевъ и рисованн. Но результаты ученн одинаковы, и при домашнемъ обученн и при обученн въ пансионѣ—образование дается самое поверхностное; можно по пальцамъ перечестъ женщинъ, которыхъ нельзя назвать невѣждами, съ обрывками кое-какихъ познанй. Воспитанне представляетъ еще одну любопытную особенность. Новѣйшее добродушнѣ,

современная фамиллярность заразили самыя старинныя фамиліи. Въ былое время дѣтей воспитывали въ страхъ и почтеніи родительскомъ. Они относились къ нимъ какъ къ всемогущимъ господамъ, никогда не были съ ними на „ты“, обѣдали съ ними лишь тогда, когда приходили въ возрастъ и наблюдали относительно ихъ строжайшій этикетъ. Здороваться и прощаться было настоящей церемоніей. Въ настоящее время, эти строгія отношенія сохранились лишь въ немногихъ семьяхъ; чаще всего, если мать и дочь не говорятъ другъ другу *ты*, то все же живутъ на дружеской, равной ногѣ. Революція преобразила нравы и ввела нѣкотораго рода товарищескія отношенія между дѣтьми и родителями. Въ настоящее время переворотъ почти совершился, общество готово пересоздаться сообразно этому новому типу семейныхъ отношеній. Ученіе Руссо и нивелирующія идеи 89 г. отразились и тутъ. Въ настоящее время встрѣтишь гораздо больше церемонной чопорности у буржуазіи, чѣмъ у аристократіи.

Молодая дѣвушка, дворянскаго происхожденія, воспитанная дама, оберегается отъ всякихъ столкновеній. Она сохраняетъ идеальную невинность. Къ тому же, фамиллярная гордость служитъ охраной. Прямѣры дочерей графовъ или маркизовъ, сбивающихся съ пути, весьма рѣдки; надо попасть на больную. Все ихъ охраняетъ. И советъ тѣмъ въ высшихъ именно классахъ бракъ всего грубѣе.

Изъ трехъ разъ, два—будущіе супруги не знаютъ другъ друга. Родные порѣшили женить ихъ; состоянія у нихъ равны; положеніе также, ихъ представляютъ другъ другу въ какомъ-нибудь салонѣ, и послѣ заведенныхъ проволокъ молодую дѣвушку внезапно толкаютъ въ объятія молодого человѣка. Тутъ не то, что у простонародья, гдѣ молодая почти всегда искушена опытомъ; не то даже, что у буржуазіи, гдѣ молодые знакомы между собой и знаютъ, что дѣлаютъ. Тутъ происходитъ настоящее насиліе. По-моему, это возмутительно.

И поглядите, какой результатъ всего этого. Я убѣжденъ, что если въ высшихъ классахъ мужъ и жена живутъ болѣею частью обособленною жизнью, то причину этому слѣдуетъ искать въ отвращеніи и негодованіи, возбуждаемыхъ такимъ насильственнымъ бракомъ. Ихъ соединили невзначай—что же удивительнаго, что опытъ не удастся,—и является глухое недовольство, затѣмъ холодность, наконецъ, полный разрывъ. У мужа съ женой нѣтъ ничего общаго. Тѣ, которые не разсѣются, вполне равнодушны другъ къ другу. Жена ведетъ самостоятельную жизнь; у ней свой кругъ знакомыхъ, свои удовольствія, свои горести, свое состояніе. Кажущееся оближеніе происходитъ только въ пріемныя дни или въ торжественные случаи. Опять-таки я говорю про большинство, не останавливаясь на исключеніяхъ.

Религія натурально играетъ большую роль въ жизни богатой жен-

жины, среднего класса или титулованной. Многія ходятъ въ церковь по привычкѣ. Ихъ съ дѣтства приучали ходить въ церковь въ извѣстныхъ случаяхъ; онѣ вочли бы неблаговоспитанностью, если бы нарушили эту привычку послѣ брака. Я не хочу этимъ сказать, что онѣ лицемерки; напротивъ того, онѣ вполне вѣрятъ въ свои религіозныя обязанности; онѣ считаютъ, что особы ихъ круга должны любить Бога и доказывать свою набожность публично. Другія ищутъ въ религіи удовлетворенія страсти, которой нѣтъ иного исхода. Развѣданныя съ мужьями, не желая имѣвать супружеской вѣрности, онѣ прибѣгаютъ къ Богу и ищутъ условія въ божественной любви. Эти послѣднія зачастую бываютъ самоправны; ихъ набожность имѣетъ принадлежный характеръ; пройдетъ припадокъ — и набожность ослабѣваетъ. Наконецъ, бываютъ ханжи изъ любви въ искусству. Это особый типъ. Онѣ твердо вѣрятъ, и всю жизнь полагаютъ въ этомъ. Во Франціи, гдѣ невѣріе такъ распространено, гдѣ равнодушіе къ религіи составляетъ общее правило, женщины остаются самымъ мощнымъ орудіемъ духовенства. Если оно еще царитъ, если оно пользуется нѣкоторымъ могуществомъ, то благодаря имъ. Женщины парижскаго простонародья имѣли духовенству. Но провинціальныя женщины и женщины высшихъ классовъ въ ихъ рукахъ. Впрочемъ, вліяніе женщины въ этомъ случаѣ отражается больше на нравѣ, нежели на вѣрованіяхъ. Не замѣтно, чтобы онѣ обращали Францію къ католицизму, несмотря на глухую кампанію натеревъ; но общественная роль ихъ очень замѣтна.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи французская женщина царила и оказывала большое вліяніе на современное общество. Она обязана была своимъ могуществомъ той сферѣ, гдѣ она была царицей; я говорю про салоны. Салоны дали ей оружіе въ руны и обезпечили ей торжество. Она была въ нихъ безусловной госпожой, и у ногъ ея толпились всѣ мужчины; она управляла ими, благодаря своему уму и граціи. Она умѣла вести бесѣду, занималась литературой, политикой у своего камина; толкала мужчинъ туда, куда хотѣла. Ея царство было историческимъ послѣдствіемъ; нѣволью поколѣній работало не то, чтобы создать это великое движеніе во французскомъ обществѣ. Весь умъ націи работалъ въ этомъ направленіи, женщины вдохновляли это умственное движеніе, должествовавшее предшествовать революціи. Въ нашу эпоху, времена перемѣнились. Революція роковымъ образомъ унесла старинные салоны, гдѣ разговаривали такъ остроумно, и гдѣ философскія морисны возбуждали такое страстное любопытство. Женщины сходятъ со сцены, когда мужчины дерутся. При имперіи пытались возобновить салоны; правительства слѣдовали одно за другимъ: имперія, реставрація, іюльская монархія, но

не могли воскресить прежнихъ правотъ. Женщины утратили свое могущество въ новомъ обществѣ, черезъ-чуръ дѣятельномъ и торопливомъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, чтобы увлекаться прелестью вечера, проведеннаго среди умныхъ людей, подъ любезной ферулой хозяйки дома.

Тѣмъ не менѣе, женщина не совсѣмъ отрекалась отъ престола, и вотъ къ этому-то я и веду свою рѣчь. Салоны все еще существуютъ, не такіе шумные, менѣе вліятельные, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать ихъ дѣйствія. Я не говорю про литературные салоны; эти послѣдніе, по-моему, совсѣмъ заглохли. Писатели продолжаютъ собираться у какого-нибудь „сильнаго чулка“ или дамы двусмысленнаго положенія въ обществѣ, но это водится только у заблудыгъ, у оборванныхъ поштовъ, которые рады ужину и восторгамъ матеріи. Единственные серьезные салоны, гдѣ разсуждаютъ о литературѣ—это салоны академическіе, живущіе сожалѣніями о прошломъ и не имѣющіе никакого вліянія на современное литературное движеніе; да и въ нихъ вторгается политика, и литература является лишь орудіемъ партій. Въ настоящую минуту литературная анархія слишкомъ велика, для того, чтобы порядочная женщина могла принимать писателей. Если она допуститъ одну какую-нибудь группу, выйдетъ очень замкнутый кружокъ; если она пуститъ всѣхъ—выйдетъ толкучій рынокъ. Мы слишкомъ отчаянно сражаемся, чтобы находить наслажденіе по вечерамъ въ поверхностной и скептической болтовнѣ. Итакъ, единственные существующіе салоны—это салоны политическіе, и о нихъ можно было бы написать весьма любопытный очеркъ. Я могу лишь вскользь коснуться ихъ. Всѣмъ извѣстно, что въ эти послѣднія семь лѣтъ женщины играли роль во всѣхъ кризисахъ, происходившихъ въ Версалѣ. 24-го мая (16-го мая) заговоры консерваторовъ долго врѣли въ нѣкоторыхъ салонахъ, прежде чѣмъ выйти на свѣтъ Божій. Эти салоны—салоны аристократическіе, мало извѣстныя публикѣ, потому что окружаютъ себя надменной неприступностью; женщины съ весьма проницательнымъ умомъ руководятъ ими; онѣ скрываются за извѣстными политическими дѣятелями, вдохновляютъ, направляютъ ихъ, зачастую вызываютъ такіа усложненія, отъ которыхъ Франція страдаетъ въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ. Я всегда мечталъ о томъ, чтобы какой-нибудь романистъ написалъ исторію переменъ министерства, изучилъ всѣ личности, дѣйствующія въ ней, и показавъ закулисное вліяніе женщины на мужчину. Впрочемъ, есть также и республиканскіе салоны. Нѣкоторые очень извѣстны. Во главѣ ихъ стоятъ очень умныя женщины, которыя понимаютъ, какія услуги онѣ могутъ оказать, устроить приемы зимой, гдѣ могли бы встрѣчаться

люди, которыхъ раздѣляютъ какіе-нибудь отгѣны въ мнѣніяхъ и которые могутъ враждовать другъ съ другомъ, если не будутъ имѣть случая видѣться и столковаться. Одинъ изъ такихъ салоновъ имѣлъ большое вліяніе на послѣднія событія; въ немъ устранены были многія затрудненія, казавшіяся непреодолимыми; въ немъ изобрѣли политику уступокъ, благодаря которой избѣгли до сихъ поръ опасныхъ столкновений.

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается высокая роль женщины, принадлежащей къ высшей буржуазіи или къ аристократіи. Она вмѣшивается въ общественную жизнь, благодаря своему вліянію на окружающихъ ее мужчинъ. Во Франціи эта роль всегда имѣла капитальное значеніе. Правда, что она выпадаетъ на долю лишь немногихъ, привилегированныхъ женщинъ. Но, спускаясь ниже, мы не перестаемъ замѣчать слѣды вліянія женщины; оно чувствуется во всемъ, въ мелкихъ вещахъ, какъ и въ крупныхъ—это происходитъ оттого, что у насъ женщина, несмотря на недостаточность своего образованія и на дурное воспитаніе, отъ природы очень умна, дѣятельна и привлекательна. Привлекательность обезпечиваетъ ея могущество, умъ и дѣятельность заставляютъ совершать очень хорошія и очень худыя дѣла. Начиная чуть не отъ женщины простонародья и кончая важной дамой — всѣ вліятельны, всѣ играютъ роль могучихъ общественныхъ агентовъ въ тотъ моментъ, когда какое-нибудь историческое движеніе выдвинетъ ихъ на сцену.

Эмиль Зола.

ИЗВѢСТІЯ

Извлеченіе изъ полугодоваго отчета Кишиневскаго Общества пособія нуждающимся въ образованіи. 11 декабря 1877 г.—1 іюля 1878 г.

Кишиневское Общество пособія нуждающимся въ образованіи открыло свои дѣйствія 11 декабря 1877 года. Въ настоящее время Общество пособія состоитъ: изъ 5 членовъ, сдѣлавшихъ единовременный членскій взносъ по 100 руб., и изъ 286 членовъ съ ежегодными членскими взносами отъ 5 до 100 р.

Въ составъ Правленія вошли 12 членовъ, избранныхъ Общимъ Собраніемъ, а они избрали изъ среды себя предсѣвателемъ О. Н. Катаржи, казначеемъ К. А. Шмидта и секретаремъ Х. С. Кирова.

Главная задача, которую преслѣдовало Правленіе въ первое полугодіе, это—привлеченіе возможно большихъ средствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно большее матеріальное обезпеченіе Общества, а также правильная раздача пособій. Для этой цѣли оно устроило балъ и концертъ на усиленіе средствъ Общества, обратилось за пособіемъ къ еврейскому обществу, Александро-Невскому Братству и предсѣдателямъ уѣздныхъ управъ, и старалось привлечь возможно большее число членовъ Общества. Результатъ дѣятельности Правленія въ этомъ направленіи можно усмотрѣть изъ денежнаго отчета его. Для большаго же обезпеченія Общества, Правленіе предположило обращать всѣ единовременные взносы въ запасный капиталъ, о чемъ и представляется отдѣльный докладъ Общему Собранію.

Средства Общества въ первомъ полугодіи состояли изъ: а) членскихъ взносовъ 1878 года; б) членскихъ взносовъ 1878 и 1879 гг.; в) сбора съ бала и концерта; г) пожертвованій и д) другихъ случайныхъ доходовъ.

Въ теченіи полугодія Правленіемъ были разсмотрѣны 154 просьбы о пособіи, изъ нихъ разрѣшены пособія 114 лицамъ, изъ коихъ 107 получили и получаютъ уже пособіе, а 7 лицъ еще не явились за полученіемъ; отказано же въ пособіи по разнымъ причинамъ 40 лицамъ.

Приступивъ къ выдачѣ пособій, Правленіе предварительно разрѣшило слѣдующіе вопросы: 1) какому роду пособій отдать въ началѣ преимущество, и 2) израсходовать ли всѣ средства Общества, по мѣрѣ поступленія заявленій о пособіи, или же распределять всѣ капиталы Общества на двѣ части, изъ коихъ первую расходовать въ первомъ полугодіи 1878 года, а послѣднюю—во 2-мъ.

Имѣя въ виду значительное количество недостаточныхъ воспитан-

никовъ всѣхъ кишиневскихъ учебныхъ заведеній, а равно то обстоятельство, что, съ открытіемъ Общества пособія, средства учебныхъ заведеній, поддерживаемыя балами и спектаклями, иссякнуть, Правленіе нашло нужнымъ прежде всего разсмотрѣть просьбы объ уплатѣ недостаточныхъ воспитанниковъ за право ученія и затѣмъ уже приступить къ выдачѣ пособій другого рода.

Для этой цѣли было предложено начальникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній представить Правленію списки лицъ, не уплатившихъ за право ученія и не освобожденныхъ отъ нея учебными заведеніями, разсмотрѣвъ которые, совмѣстно съ начальниками означенныхъ заведеній, Правленіе остановилось на самыхъ неимущихъ и уплатило за нихъ за ученіе. Что же касается второго вопроса, то, имѣя въ виду, что воспитанники учебныхъ заведеній болѣе всего нуждаются зимой, т.-е. во второй половинѣ года, такъ какъ тогда приходится приобретать книги и теплую одежду, Правленіе нашло нужнымъ не израсходовать всѣ наличныя свои средства въ первой половинѣ года, такъ какъ неизвѣстно, какими средствами можетъ располагать Общество во второй, а распредѣливъ всѣ наличныя и имѣющіе поступать капиталы на двѣ части, израсходовать въ первой половинѣ года только половину всѣхъ наличныхъ капиталовъ, остальную же половину расходовать во второмъ полугодіи.

Всѣ пособія, выданныя Правленіемъ въ первомъ полугодіи, можно раздѣлить на 6 категорій: 1) уплата за ученіе недостаточныхъ воспитанниковъ кишиневскихъ учебныхъ заведеній; 2) наемъ квартиръ; 3) снабженіе платьемъ и обувью; 4) наемъ репетиторовъ; 5) единовременныя пособія, и 6) содержаніе воспитанниковъ въ техническихъ заведеніяхъ.

Несмотря на сочувствіе, оказанное мѣстнымъ обществомъ Обществу пособія нуждающимся въ образованіи, выразившееся въ значительныхъ суммахъ, поступившихъ въ кассу Общества, наличныя средства Общества не въ состояніи удовлетворить всѣ нужды лицъ, обращающихся за пособіемъ, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, Правленію приходится ограничивать до минимума размѣръ пособія. Въ виду этого, желательно было бы, чтобы всѣ члены Общества приняли на себя заботу объ увеличеніи средствъ Общества.

Состояніе кассы на 1-е іюля 1878 года.

I. Поступило: 1) Членскихъ взносовъ 1878 года:

а) единовременныхъ	500 р. — к.
б) ежегодныхъ	1643 » — »
2) членскихъ взносовъ за 1879 и 1880 годы	20 » — »
3) Сбора съ бала и концерта, данныхъ въ пользу Общества	1151 » 30 »
4) Пожертвовано разными лицами	513 » 30 »
5) Поступило % на капиталъ, обращавшійся въ Банкъ въ 1877 году	— » 77 »
6) Отъ продажи Уставовъ	13 » 95 »

А всего . . 3842 р. 82 к.

II. Выдано: а) На канцелярскія надобности	16 р. 25 к.
б) Пособій на покупку бѣла	108 » — »
в) На наемъ квартиръ	247 » — »
г) Единовременныхъ пособій	413 » — »
д) На уплату за ученіе	864 » — »
е) На наемъ репетиторовъ	35 » — »
и) На содержаніе стипендіата въ рисовальномъ училищѣ въ Одессѣ	45 » — »
і) Въ ссуду одному лицу	50 » — »

А всего израсходовано . 1778 р. 25 к.

Осталось къ 1 іюля неизрасходованными . 2064 р. 7 к.

Примечаніе. Зачислено въ запасной капиталъ, на основаніи § 16 устава, 193 р. 16 к. Эта сумма числится въ суммѣ наличнаго остатка на 1 іюля 1878 г.

М. Стасюлевичъ.

А: 11

515481

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ ~~1878~~ ГЪ ГОДУ.

11-12

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1879-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ

Въ Россіи: За границу:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою. 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычнымъ уступкою

На оборотѣ:

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

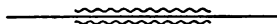

Редакція отвѣчаетъ исполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторѣ журнала и въ ея Московскомъ Отдѣленіи можно получать полные экземпляры «Вѣстника Европы» за 1878 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІИ М. ОТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

НОВАЯ КНИГА:

КУРСЪ

ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОНОМИИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СТАТИСТИКОЙ РОССИИ И ГЛАВНѢЙШИХЪ
ГОСУДАРСТВЪ МИРА.

Одобрено Ученнымъ Комитетомъ Минист. народн. просвѣщ. для реальныхъ училищъ.

А. П. Субботинъ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 328. Цѣна 2 рубля.

КАТАКОМЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгеніи Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

Восьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“:

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатиры, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Спб. 1878. Стр. 488 и VIII.—Цѣна 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубль.

Печатается Томъ IX: Гр. Л. Н. Толстой.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученіи Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, специальною Комиссіею.

Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

СЕМЬ СКАЗОКЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Барвары Софроновны, съ иллюстраціями, работы Елис. Бемъ.

Спб. 1878. Стр. 112. Ц. 1 руб.; въ пер. 1 руб. 25 коп.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВЪ.

Соч. Ю. Э. Янсона. Т. I: Территорія и населеніе. Спб. 1878. Стр. 372. Цѣна 2 руб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТИЯ.

Сочиненіе Сергія Соловьева, въ двухъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 560. Цѣна 2 р. съ пер.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонкуръ. — Додъ. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. — Ремпеа. — Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пынина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за последнее время, и новымъ рядомъ писемъ Бѣлинскаго, доселѣ вѣзданныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Памятніи пятидесятихъ годовъ. — II. Н. В. Гоголь въ Римѣ. — III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г. — IV. Е. П. Ковалевскій. — Спб. 1877. Стр. 848. Ц. 1 р. 50 коп.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнотипажными рисунками. Составилъ А. Н.—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп., вѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

КАКЪ

П О Э Т Ъ

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ исполнится годъ со смерти Некрасова, а полная оцѣнка его поэзіи — этой страницы изъ русской жизни, все еще остается почти столько же преждевременною, какою она была въ самый день смерти поэта. Источники, откуда его поэзія черпала свои вдохновенія, еще не изсякли; вопросы, которыхъ она касалась, еще не разрѣшены, да и не близки къ разрѣшенію. Какъ поэзія общественной, а не индивидуальной, внутренней жизни, она вызываетъ горячее сочувствіе — съ одной стороны, горячій протестъ — съ другой, и для спокойно-критическаго въ ней отношенія остается, между двумя противоположными стремленіями, немного мѣста. Кромѣ того, и теперь мы не имѣемъ сколько-нибудь полной біографіи Некрасова; свѣдѣнія, до-сихъ-поръ сообщенныя объ его жизни, крайне отрывочны и скудны — впрочемъ, это и понятно, такъ какъ біографія Некрасова есть вмѣстѣ съ тѣмъ не только біографія ближайшихъ его друзей и сотрудниковъ, изъ которыхъ многіе еще живы, но и исторія цѣлаго періода русской журналистики, еще не совсѣмъ законченнаго. Для пишущаго эти строки недостаточность общедоступныхъ данныхъ не восполняется личнымъ знакомствомъ съ Некрасовымъ, котораго онъ зналъ весьма мало. Предлагаемый очеркъ — не характеристика умершаго поэта, а просто сумма впечатлѣній и мыслей, вынесенныхъ изъ многолѣтняго чтенія и изученія его произведеній...

Былъ ли Некрасовъ истиннымъ поэтомъ, или только публицистомъ, перелавшимъ въ болѣе или менѣе удачныя стихи иногда свои, болѣею частью—чужія мысли? Въ виду восторженнаго одобренія, столько разъ привѣтствовавшаго лучшія произведенія Некрасова и переходившаго по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, въ виду глубокой грусти, съ которою была принята вѣсть объ его смерти, — этотъ вопросъ представляется съ перваго взгляда по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Минутный успѣхъ, короткое увлеченіе выпадаютъ и на долю посредственности — стоить только вспомнить судьбу стихотвореній Бенедиктова, — но удержаться на однажды достигнутой высотѣ цѣлую четверть вѣка, при самыхъ различныхъ условіяхъ, можетъ только дарованіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, и притомъ нашедшее свой настоящій путь, естественную форму для своего выраженія. Тѣмъ не менѣе, указанный нами вопросъ ставится довольно настойчиво и въ разговорахъ, и въ литературѣ. Въ пользу отрицательнаго разрѣшенія его приводятся два главные аргумента: Некрасовъ не владѣлъ стихомъ, Некрасовъ былъ писателемъ *тенденціознымъ*, заменутымъ въ *спеціальномъ чуланчикѣ* ¹⁾ узкой литературной котерин, слишкомъ часто работавшимъ по ея заказу.

«Даръ стихотворной рѣчи, — говоритъ одинъ изъ критиковъ Некрасова, — есть особенный, рѣдко кому свойственный, талантъ выражать свои мысли и образы въ болѣе сжатой, болѣе яркой и музыкальной формѣ, тѣмъ обыкновенная рѣчь; слѣдовательно, браться за эту форму въ правѣ только тѣ писатели, которые дѣйствительно могутъ достигнуть этихъ преимуществъ стиха надъ прозою. Стихъ поэта долженъ быть выкованъ какъ сталь, долженъ носить въ себѣ столько же упругости, силы и звонкости. Если, забывъ этого, стихи являются только нарубленными кусками прозы и носятъ на себѣ не слѣды внутреннего вулкана, выбросившаго ихъ наружу, а слѣды долговременной холодной работы, искалчившей естественное теченіе рѣчи, то преимущество откровенной прозы надъ такими фальшивыми стихами будетъ несомнѣнно». Теперь, когда біографіи поэтовъ, ихъ переписка и черновыя рукописи познакомили насъ съ внѣшнимъ процессомъ поэтическаго творчества, довольно странно слышать повтореніе старыхъ фразъ о какихъ-то вулканахъ, выпящихъ въ груди поэта и выбрасывающихъ наружу готовые поэтическія произведенія.

¹⁾ Мы подчеркиваемъ здѣсь и будемъ подчеркивать тѣ выраженія, которыя заимствуемъ буквально изъ критическихъ статей о Некрасовѣ.

Поэтическое вдохновеніе нисколько не исключаетъ *современной* и даже *холодной работы* надъ стихомъ, надъ его отдѣлкой и полировкой; нельзя же предполагать, чтобы Пушкинъ, напримеръ—мы нарочно беремъ одного изъ величайшихъ мастеровъ поэтического слова—находился въ поэтическомъ экстазѣ, когда думалъ о томъ, сказать ли: «на битву двинулъ онъ поля» или «на русскихъ двинулъ онъ поля», когда дѣлалъ вообще одну изъ безчисленныхъ поправокъ, пестрящихъ первоначальные наброски его поэмъ. Искусство поэта заключается не въ томъ, чтобы избѣгать такой работы, а въ томъ, чтобы по возможности сгладить слѣды ея. Не въ этомъ искусствѣ, однако, настоящее мѣрило для оцѣнки поэтического таланта, даже со стороны формы. Оно встрѣчается иногда у писателей ничѣмъ не выдающихся (напр., у Платена) и не встрѣчается у поэтовъ первостепенныхъ (напр., у В. Гюго). Пускай стихъ носитъ на себѣ отпечатокъ труда, котораго онъ стѣбитъ автору, лишь бы только онъ усиливалъ, а не ослаблялъ впечатлѣніе, производимое выраженной въ немъ мыслью, лишь бы только онъ сообщалъ ей то неотразимое обаяніе, котораго такъ рѣдко можетъ достигнуть обыкновенная прозаическая рѣчь. Для этого вовсе не необходимо, чтобы онъ былъ *выкованъ какъ сталь* и обладалъ ея звонкостью; необходимо только одно: возможно большее соотвѣтствіе между содержаніемъ и художественной формой. Если энергическому порыву естественно выразиться въ звучныхъ, сжатыхъ, бьющихъ какъ молотъ стихахъ, то мягкое, нѣжное чувство, смутная, неопредѣленная мечта столь же естественно укладываются въ другую рамку—мягче рѣзкихъ и строгихъ очертаній.

Полная гармонія мысли и образа и великимъ поэтамъ дается далеко не всегда; это одна изъ причинъ, почему немногія, сравнительно, изъ ихъ произведеній—въ особенности лирическихъ—надолго сохраняютъ притягательную силу; но за то въ этихъ немногихъ произведеніяхъ—если идея, въ нихъ вложенная, чувство, ихъ вызвавшее, имѣютъ общее, непреходящее значеніе—вся мощь поэта, всѣ права его на прочную славу. Много ли найдется мелкихъ стихотвореній Гёте и Шиллера, которыя до сихъ поръ читались бы и перечитывались самыми горячими поклонниками этихъ поэтовъ? Но за то эти стихотворенія—истинные перлы нѣмецкой, или, лучше сказать, общеевропейской поэзіи. Еще меньше, по всей вѣроятности, уцѣлѣетъ изъ лирическихъ стихотвореній В. Гюго, несмотря на всю ихъ многочисленность. Альфредъ Мюссе—несомнѣнно одинъ изъ первыхъ французскихъ поэтовъ; но если бы рассмотреть

мѣръ, но примѣръ поразительный. Въ одномъ изъ самыхъ замѣтныхъ стихотвореній Некрасова: «Газетная», осмѣивается нерасположеніе нашихъ доморощенныхъ сибаритовъ въ русской прессѣ, отравляющей ихъ досугъ напоминаніемъ о народныхъ немощахъ, которыя они знаютъ, но о которыхъ не любятъ думать? «Эта пѣсня давно уже слышится», — восклицаетъ по этому поводу поэтъ, — «но она не ведетъ ни къ чему; коли намъ такъ писалось и пишется, значить, есть и причина тому!» —

Не заказано вѣтру свободному
Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны въ лѣсахъ;
Спокойнѣ вѣку дождемъ разливаются
Надъ родной стороною небеса,
Гнутся, стонутъ, подъ бурей ломаются
Спокойнѣ вѣку родные лѣса,
Спокойнѣ вѣку работа народная
Подъ унылую пѣсню кинуть,
Вторить ей наша муза свободная,
Вторить ей — или честно молчить.

Много ли можно указать въ нашей литературѣ страницъ, равныхъ этой по образности и поэтичности выраженія, соединеннымъ съ внутренней силой? Нельзя не пожалѣть, что случай занесъ ее въ поэмѣ, рѣдко обращающую на себя вниманіе, да и не заслуживающую его; но съ нашей точки зрѣнія весьма знаменательна, именно, возможность появленія *такой* страницы въ *такой* поэмѣ. Не трудно указать и цѣлыя пьесы, высокохудожественныя съ начала до конца, — пьесы, въ которыхъ безусловно непримѣнимо ходячее мнѣніе о неуклюжести стиха Некрасова. Назовемъ для примѣра, изъ разныхъ эпохъ и родовъ дѣятельности его: «Ты всегда хороша несравненно»; «Памяти пріятели»; «Внимая ужасамъ войны»; «Я посѣтилъ твое кладбище»; «Рыцарь на часъ»; «Зеленый шумъ»; «Памяти — ва»; «Умру я скоро» (Неизвѣстному другу). Въ этихъ пьесахъ, да и во многихъ другихъ есть мѣста, по формѣ нисколько не уступающія лучшимъ стихотвореніямъ Пушкина:

Недолгая насть буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навѣки поселитъ
Въ душѣ привычки робкой тишины.
(„Умру я скоро“).

Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уносить —

Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ просить.
(„Въ вольницѣ“).

Такіе стихи невольно врѣзываются въ память, наравнѣ съ тѣми изреченіями Шиллера, Гёте, Байрона, которыя можно называть сокровищами поэтической мудрости ¹⁾. Въ мѣткихъ, картинныхъ сравненіяхъ и образахъ у Некрасова также нѣтъ недостатка; припомнимъ хотя бы конецъ стихотворенія «Внимая ужасамъ войны»:

Имъ (матерямъ) не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей вѣвъ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Или еще:

Кипимъ сильнѣй, послѣдней жажды полны,
Но въ сердца тайный холодъ и тоска...
Такъ осенью бурливше рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны...
(„Я не люблю ироніи твоей“).

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, раскачалась:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!..
(„Кому на Руси жить хорошо“).

Мы остановились такъ долго на формальной, внѣшней сторонѣ дарованія Некрасова, потому что придаемъ ей большую важность. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые требуютъ отъ поэта только извѣстнаго настроенія, только служенія извѣстной идеѣ, не обращая вниманія на то, въ какой формѣ она выражается ²⁾. Признавать произведенія Некрасова цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказывать ему въ даръ стихотворной рѣчи—это, въ нашихъ глазахъ, явное противорѣчіе; отрицать, вмѣстѣ съ поэтическимъ талантомъ, и общественное значеніе Некрасова—несправедливость, граничащая съ нелѣпостью. Этимъ двумя взглядамъ, одинаково невѣрнымъ,

¹⁾ Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы яснѣе выразить нашу мысль: „Es irrt der Mensch, so lang' er strebt“.—„Es bildet ein Talent sich in der Stille, doch ein Charakter in dem Strom der Welt“.—„Es wächst der Mensch mit seinen höh'eren Zwecken“.—„The tree of knowledge is not that of life“.—Если они и не всегда заключаютъ въ себѣ безусловную истину, то бросаютъ, по крайней мѣрѣ, яркій свѣтъ на цѣлую группу счастливо обобщенныхъ фактовъ.

²⁾ Какъ недостаточно въ поэзіи одного добраго намѣренія—объ этомъ можно составить себѣ понятіе по пьесѣ Некрасова: „Школьникъ“.

самъ собою противопоставляется третій, признающій въ Некрасовѣ поэта въ полномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, поэта сильнаго не только мыслью, но и формой. Повторяемъ еще разъ — совершенства формы Некрасовъ достигаетъ далеко не всегда; болѣе чѣмъ у кого-либо другого, оно зависитъ у него отъ предмета, о которомъ онъ говоритъ, отъ чувства, которое его воодушевляетъ. Уже одно это совпаденіе говоритъ въ пользу искренности Некрасова, противъ предположенія о *заказномъ* характерѣ его работы, противъ обвиненія въ тенденціозности, о которомъ мы уже упоминали.

Посмотримъ поближе, въ чемъ суть этого обвиненія. «Въ публикѣ, — говоритъ цитированный нами критикъ, — *нерѣдко смѣшиваютъ тенденцію съ идеей*. Но это далеко не одно и то же. Тенденціей нужно назвать тотъ замыселъ автора, который является у него путемъ логическихъ соображеній, невызываемый прямо живымъ наблюденіемъ, живымъ сочувствіемъ. Такой замыселъ обыкновенно развивается дедуктивно, изъ одного основного положенія, въ головѣ автора, и является изъ нея почти готовымъ. Все, чѣмъ сильна отвлеченная мысль, можетъ заключаться въ такомъ произведеніи; но оно будетъ всегда лишено условія *жизненности*, того священнаго огня, который способно вдохнуть въ произведеніе искусства только страстное вниманіе художника въ увлекающій его живой міръ, наполненіе этимъ міромъ всего существа его... Тенденція — это сухой и внѣшній замыселъ ума, который насильственно подгоняетъ явленія жизни къ своему субъективному представленію о нихъ; идея — это гораздо болѣе объективный и реальный, основанный на живомъ и страдномъ проникновеніи въ дѣйствительныя явленія жизни, общій выводъ изъ нихъ». Если публика дѣйствительно смѣшиваетъ тенденцію съ идеей, то выписанная нами тирада — плохое средство предупредить такое смѣшеніе. Опредѣленіе тенденціи, предлагаемое въ ней, совершенно произвольно и не соответствуетъ общепринятому значенію этого слова. Тенденція — это не что иное, какъ сознательное намѣреніе автора возбудить въ читателяхъ извѣстную мысль, извѣстное чувство, и такимъ образомъ способствовать достиженію извѣстной цѣли; идея — при существованіи тенденціи — есть именно тотъ предметъ, который вдохновляетъ автора, та мысль, которую онъ проводитъ, часть того идеала, объ осуществленіи котораго онъ мечтаетъ. Идея можетъ быть и въ произведеніи нетенденціозномъ (Фаустъ, Манфредъ), — но это еще не значитъ, чтобы ея не могло быть въ произведеніи тенденціозномъ. Понятія о тенденціи и объ

идей не исключаютъ другъ друга; противопоставлять ихъ одно другому и возвышать одно надъ другимъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Поэтъ—человѣкъ своей эпохи и своего народа, раздѣляющій вѣрованія, страсти, стремленія, среди которыхъ онъ живетъ, или борющійся противъ нихъ, но во всякомъ случаѣ волнуемый, затрогиваемый ими. Чѣмъ больше онъ испытываетъ на себѣ ихъ вліянія и чѣмъ больше отзывается на нихъ,—тѣмъ неизбежнѣе для него, особенно въ наше время, выборъ между различными теченіями, сталкивающимися одно съ другимъ и мало оставляющими простора для индифферентизма и нейтралитета. Разъ что онъ принялъ ту или другую сторону, можетъ ли онъ оставаться постоянно въ области нетенденціознаго поэтического творчества? Обладая могучимъ орудіемъ поэтической рѣчи, можетъ ли онъ не употреблять его, хоть иногда, на пользу дѣла, которому онъ активно служить или, по крайней мѣрѣ, горячо сочувствуетъ? Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые считаютъ тенденціозность обязательною для поэта; мы высоко цѣнимъ поэзію и тогда, когда она воспѣваетъ природу, любовь, материнское чувство; но не всѣмъ же поэтамъ дана способность отрѣшиться отъ злобы дня—а прикосновеніе къ ней неизбежно влечетъ за собою тенденціозность. Бѣды въ этомъ никакой нѣтъ, потому что съ тенденціозностью вполне совмѣстимо вдохновеніе. Если ораторъ, произнося свою рѣчь съ заранѣе обдуманною, ясно сознанною цѣлью, можетъ увлекаться и увлекать другихъ, можетъ облекать свою мысль въ высоко-художественную форму, то почему же такой результатъ долженъ быть признаваемъ недоступнымъ для поэта? Почему субъективный взглядъ на явленія жизни менѣе благопріятенъ для поэзіи, чѣмъ объективное представленіе о нихъ? Что можетъ быть субъективнѣе и вѣстѣ съ тѣмъ тенденціознѣе ямбовъ Барбье, «Châtiments» В. Гюго, первыхъ трагедій Шиллера, многихъ романовъ Диккенса, — а кто же откажетъ имъ въ священномъ огнѣ, кто упрекнетъ ихъ въ холодности или сухости? Замыселъ ихъ, безъ сомнѣнія, *«развился съ юности автора дедуктивно, изъ одного основнаго положенія»*, но поэтическое достоинство ихъ отъ того нисколько не пострадало, или, лучше сказать, обусловливаемые тенденціей недостатки вполне уравниваются или перевѣшиваются неразрывно связанными съ нею красотою. Поднимаясь все выше и выше въ области поэзіи, мы найдемъ тенденціозность даже въ такихъ зрѣлыхъ произведеніяхъ, какъ «Вильгельмъ Телль» Шиллера, какъ «Wahlverwandschaften» Гёте—и намъ придется или признать за тенденціозностью право на существованіе въ искусствѣ,

или насильственно съузить его границы и исключить изъ него массу произведений, которыми оно гордилось и гордится. Выборъ не труденъ, — и обвиненіе Некрасова въ тенденціозности перестаетъ быть обвиненіемъ.

Но тенденціозность тенденціозности разны; узкой, близорукой, мелкой тенденціи, дѣйствительно, нѣтъ мѣста въ поэзи. Необходимо посмотрѣть, слѣдовательно, въ чемъ именно заключалась тенденція Некрасова. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ дальнѣйшее содержаніе нашей статьи; оно же должно выяснитъ — насколько это возможно съ помощью однихъ произведений Некрасова — правильность или неправильность того взгляда, по которому будто бы заказная точка зрѣнія держала Некрасова въ тискахъ и тушила поэтическій жаръ его.

Стихотворенія Некрасова заключаютъ въ себѣ много данныхъ для исторіи его внутренней жизни. Мы видимъ его ребенкомъ въ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ жизнь отцовъ его, «безплодна и пуста», —

Текла среди пировъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житію послѣднихъ барскихъ псовъ...
Гдѣ вторилъ звуку чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

(„Родина“).

Запуганный, блѣдный мальчикъ глядитъ «травленнымъ волченокъ», ищетъ убѣжища у няни; но главная его отрада — мать, мученица несчастныхъ семейныхъ отношеній. Кругомъ него обычный сѣверный русскій пейзажъ, вблизи — Волга; ея бурлаки — одно изъ первыхъ его впечатлѣній. Тамъ научается онъ «терпѣть и ненавидѣть»; тамъ «отъ души его рано отлеетъ покой благословенный». Почти мальчикомъ онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, но судьба его не скоро измѣняется къ лучшему:

Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство,
И молодость въ мучительной борьбѣ...
На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ;
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина, печальный твой поэтъ!

Какимъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ,
 Съ своей угрюмой музой на пути!
 („Умру я скоро“).

Начало поэтической дѣятельности Некрасова совпадаетъ съ одною изъ лучшихъ эпохъ нашей литературы; онъ вступаетъ въ кружокъ Бѣлинскаго, участвуетъ въ обновленіи литературнаго міра, совершившемся около половины сороковыхъ годовъ, когда, почти одновременно, выступили на сцену Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Искандеръ. Память объ этомъ времени, особенно о Бѣлинскомъ, еще двадцать лѣтъ спустя внушаетъ Некрасову превосходныя, всѣмъ знакомыя страницы «Медвѣжьей охоты»:

Я лучшій перлъ со дна души досталъ,
 Чистѣйшее мое воспоминанье...
 Молясь твоей многострадальной тѣни,
 Учитель! передъ именемъ твоимъ
 Позволь смиренно преклонить колѣни!
 Въ тѣ дни, какъ все косило на Руси,
 Дремля и рабоблѣствуя покорно,
 Твой умъ кипѣлъ — и новыя стези
 Прокладывалъ, работая упорно...
 Ты напроломъ
 Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!
 Не даромъ ты, мужая по часамъ,
 На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ...
 Ты насъ гуманно мыслить научилъ;
 Едва-ль не первый вспоминалъ о народѣ.

Но литература была единственной свѣтлой точкой въ тѣ времена, «когда въ отвѣтъ стenanіямъ народа, мысль русская стонала въ полу-тонѣ» — и эта свѣтлая точка скоро померкла подъ тяжестью удвоеннаго гнета. Уже давно вѣтеръ напѣвалъ поэту: «не такіа еще поощренія встрѣтишь ты на пути роковымъ»; эту пѣсенку ему теперь «пояснили»:

Получивъ роковую повѣстку,
 Сбрилъ усы и пошелъ я туда...
 Генералъ прочиталъ мнѣ бумагу...
 Завираетесь вы, господа!
 За опасное дѣло беретесь,
 Бросьте, бросьте!.. — Ну, Богъ васъ прости!
 Только знайте: еще попадетесь —
 Я не въ силахъ васъ буду спасти.
 („Недавнее время“).

Проходитъ нѣсколько лѣтъ; обстоятельства слагаются болѣе благопріятно, — вмѣстѣ съ новымъ періодомъ русской жизни, на-

ступаетъ новая, блестящая эпоха журнальной дѣятельности Некрасова. Какими затрудненіями она была обставлена — это покажетъ исторія литературы 1856—1862 г.; одно можно сказать утвердительно и теперь — что положеніе редактора «Современника» никогда не было легкимъ. Скоро опять надвигаются черныя тучи, — опять «грозить неумолимый рокъ»; поэтъ становится все болѣе и болѣе одинокимъ.

Въ началѣ шелъ я съ дружною семьей,
Но гдѣ они, друзья мои теперь?..
Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ...
(„Умиру я скоро“).

Узы дружбы, союзовъ сердечныхъ —
Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
Посылала враговъ долговѣчныхъ,
А друзей уносила борьба.
Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣны
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотреть со стѣны.
(„Послѣднія пѣсни“).

Если прибавить ко всѣмъ этимъ испытаніямъ физическій недугъ, рано начавшій преслѣдовать поэта и часто навѣвавшій ему мысль о близкой смерти, то не трудно понять болѣзненно-печальную ноту, такъ часто звучащую въ стихотвореніяхъ Некрасова:

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
Такъ усталъ отъ мучительныхъ думъ...
.....
Что недугъ, мое сердце гнетущій,
Какъ-то горько меня веселить —
Въ-стрѣчу смерти, грозящей, идущей
Самъ пошелъ бы, — но сонъ освѣжить...
И мучительно жить захочу.
А недугъ, сокрушающій силы,
Будетъ такъ же и завтра томить,
И о близости темной могилы
Такъ же внятно душѣ говорить! ¹⁾.

Въ разговорѣ «Поэтъ и гражданинъ», относящемся къ 1856 г., Некрасовъ говоритъ про себя, что онъ «хандритъ и еле дышетъ»,

¹⁾ Хронологическая послѣдовательность стихотвореній Некрасова не выяснена вполне, и, какъ говорятъ, будетъ положена въ основаніе новаго изданія его стихотвореній; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что эта пьеса относится къ пятидесяти годамъ, точно такъ же, какъ и однородная съ нею: „Послѣднія элегія“, „Замолкли, муза мести и печали“.

что онъ «стоитъ у двери гроба, угрюмъ и полонъ ослобленья». Одно изъ стихотвореній 1861 г. начинается словами: «что ни годъ — уменьшаются силы, что ни годъ — каменѣю душой». «Умру я скоро; жалкое наслѣдство, о, родина, оставлю я тебѣ!» восклицаетъ Некрасовъ въ 1867 г. Послѣднія его пѣсни — пѣсни мучительной, безконечной агоніи. Но еще сильнѣе, тѣмъ ожиданіе смерти, издавна тяготѣетъ надъ поэтомъ чувство недовольства самимъ собою:

Я за то глубоко презираю себя,
 Что живу—день за днемъ бесполезно губя;
 Что я, силъ своей не пытавъ ни на чемъ,
 Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ...
 Я за то глубоко презираю себя,
 Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,
 Что любить я хочу, что люблю я весь міръ,
 А брожу дикаремъ—безпріютенъ и сиръ,
 И что злоба во мнѣ и сильна и дика
 А до дѣла дойдемъ—замираетъ рука! ¹⁾

Или:

Клянусь, я честно ненавидѣлъ!
 Клянусь, я искренно любилъ!
 И что-жъ?.. мои слышавъ язвуки,
 Сочли ихъ черной клеветой;
 Пришлось сложить смиренно руки
 Иль поплатиться головой...
 Душа пугливо отступила...
 Я горькой правды не скрываю
 И робко голову склоняю
 При словѣ: честный гражданинъ...
 („Поэтъ и гражданинъ“).

Онъ говоритъ тамъ же про свою музу:

Угрюмой, блѣднѣя, придетъ,
 И шепчетъ пламенныя рѣчи,
 И пѣсни гордыя поетъ.
 Зоветъ то въ города, то въ степи,
 Завѣтнимъ умысломъ полна,
 Но загремятъ внезапно цѣпи —
 И мигомъ скроется она.
 Не вовсе я ея чуждался,
 Но какъ боялся! какъ боялся!

¹⁾ Стихотвореніе это, относящееся, по всей вѣроятности, къ сороковымъ годамъ, озаглавлено: „Изъ Ларри“; но извѣстно, что оно — какъ и нѣкоторые другіе пѣсни подъ тѣмъ же заглавіемъ — принадлежитъ самому Некрасову (см. „Вѣсти. Европа“, 1878, май, стр. 194).

Въ «Рыцарѣ на часѣ» (1863 г.) Некрасовъ обращается къ тѣни матери съ мольбой, чтобы «кроткія ея очи смыли жаркой слезою страданія всѣ позорныя его пятна», —

Чтобъ ту силу свободную, гордую,
 Что въ мою заложила ты грудь,
 Укрѣпила ты волею твердою
 И на правый поставила путь...
 Увлекаешь безславною битвою,
 Сколько разъ я надъ бездною стоялъ,
 Поднимаюсь твоею молитвою,
 Снова падаю... и вовеce упалъ!
 Выводи на дорогу тернистую!
 Разучился ходить я по ней.

Но «насмѣшливый внутренній голосъ» отвѣчаетъ на эту мольбу:

Покорись, о, ничтожное племя,
 Невзбѣжной и горькой судьбѣ.
 Захватило вась трудное время
 Неготовыми къ трудной борьбѣ.
 Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
 Но для дѣла вы мертвы давно,
 Суждены вамъ благіе порывы,
 Но свершить ничего не дано...

Пять лѣтъ спустя, въ задушевной исповѣди, поэтъ обвиняетъ себя въ томъ, что, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ прикованный привычкою и средой, онъ къ цѣли шель колеблющимся шагомъ, и для нея не жертвовалъ собой («Умру я скоро»). За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ говоритъ, обращаясь къ поэту, т.-е. къ самому себѣ:

Любовь и трудъ — подъ горами развалины!
 Куда ни глянь — предательство, вражда,
 А ты молчишь — бездѣйственъ и печаленъ,
 И медленно сгораешь со стыда.
 И небу плешь укоръ за даръ счастливый,
 Зачѣмъ тебя кнѣзюшко имъ оно,
 Когда душѣ мечтательно-пугливой
 Рѣшимости бороться не дано?..

(„Последнія пѣсни“, февраль, 1877 г.)

Вполнѣ согласенъ съ этимъ настроеніемъ часто высказываемый Некрасовымъ пессимистическій взглядъ на свою поэтическую дѣятельность, на будущую судьбу своихъ произведеній. Еще молодой и полный силы, онъ уже не льститъ себя надеждою, что-

бы изъ его стиховъ уцѣлѣло что-нибудь въ народной памяти («Праздникъ жизни, молодости годы»):

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя—во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья,
Я звалъ тебя—теперь уже не зову!....
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

(„Замолкни, муза мести и печали“).

«Небу было не угодно,» — говорить онъ нѣсколько позже про свѣточъ своей поэзіи —

Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно;
Дрожащей искрою въ потьмахъ
Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался.
Моли, чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ!

(„Поэтъ и гражданинъ“).

И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла,
И до народа не дошла она,
Одна любовь связаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона!

(„Умру я скоро“).

Я на столько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ...
Я умру — моя померкнетъ слава,
Не дивись и не тужи о ней!
Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ;
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдастъ
На борьбу за брата-человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

(„Последняя пѣснь“).

Иногда только, въ рѣдкія минуты душевнаго спокойствія и сознанія своей силы, Некрасовъ вѣрить, что жизнь его прожита не даромъ, что хоть послѣ его смерти «какъ много сдѣлалъ онъ — поймутъ, и какъ любилъ онъ — ненавида». «Не тужи», утѣшаетъ онъ себя въ другомъ позднѣйшемъ стихотвореніи: «какъ умремъ, кто-нибудь и объ насъ проболтается добрымъ словомъ» Невадолго до смерти онъ говорить, обращаясь къ матери:

.... Ужъ ты ушла изъ міра,
 Но будешь жить ты въ памяти людской,
 Пока въ ней жить моя способна лира.

И голосъ матери шепчетъ ему въ отвѣтъ:

Не бойся горькаго забвенья:
 Ужъ я держу въ рукѣ моей
 Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
 Даръ крѣпкой родины твоей...
 Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
 Услышишь пѣсенку свою
 Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камою...

Въ картинѣ, сложенной нами изъ словъ самого поэта, насъ поражаютъ прежде всего знакомыя черты, — черты, свойственныя тому типу, который извѣстенъ въ нашей литературѣ подъ именемъ «человѣка сороковыхъ годовъ». Та же надломанность, то же стремленіе къ борьбѣ, къ дѣятельности, остающееся только стремленіемъ, тѣ же горькіе упреки самому себѣ, то же сознаніе своего безсилія, разлада между словомъ и дѣломъ. Некрасовъ рисуетъ самого себя какъ бы Рудиннымъ или героемъ «Оаши», который «по свѣту рыщетъ и дѣла себѣ исполнскаго ищетъ, благо идти по дорогѣ избитой лѣнь помѣшала, да разумъ развитый».

Но не такъ должна отнестись къ Некрасову критика. Оставляя въ сторонѣ — по объясненнымъ уже нами причинамъ — частную его жизнь и не касаясь вопроса о томъ, примѣнимы ли къ ней, и въ какой мѣрѣ, его самообвиненія, слѣдуетъ признать, что приведенная нами картина — невѣрное или во всякомъ случаѣ неполное отраженіе поэзіи Некрасова. Недовольство Некрасова самимъ собою было, говоря его собственными словами (сказанными о Бѣлинскомъ) —

То недовольство, при которомъ нѣтъ
 Ни самообольщенья, ни застоя,
 Съ которымъ и на склонахъ нашихъ лѣтъ
 Постыдно ми не убожимъ изъ строя,
 То недовольство, что душѣ живой
 Не дастъ возстать противу новой силы.

Тяжелыя времена, которыя пережилъ Некрасовъ, не могли, конечно, пройти для него безслѣдно; но впечатлѣнія, оставленныя ими, не были исключительно подавляющими, «гнетущими», — или, лучше сказать, изъ подавляющихъ впечатлѣній рождались другія, противоположнаго свойства. Подобно тому, какъ «роковой гаетъ», тяготѣвшій надъ дѣтствомъ Некрасова, возбудилъ

въ немъ первыя искры чувства, въ которомъ онъ долженъ былъ найти главную свою силу,—всѣ послѣдующія невзгоды, личныя и общія, укрѣпляли и углубляли это чувство, становясь источникомъ лучшихъ вдохновеній поэта. Отъ большинства людей сороковыхъ годовъ Некрасова отличаетъ именно то, что въ его жизни рано явилось руководящее начало, которому онъ всегда оставался вѣренъ. «Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья», среди сомнѣній и разочарованій, усталости и ошибокъ, оно поддерживало его, восстанавливало его энергію и налагало на его дѣятельность печать внутреннего единства, внутренней гармоніи, столь рѣдкой между людьми его поколѣнія, да и между преемниками ихъ. Ему не зачѣмъ было призывать «волшебный лучъ любви и возрожденія»; этотъ лучъ всегда свѣтилъ ему, хотя и не съ одинаковою яркостью, когда онъ касался излюбленнаго предмета. Самая быстрота, съ которою созрѣло дарованіе Некрасова, съ которою за «Мечтами и Звуками» послѣдовали такіа стихотворенія, какъ «Въ дорогѣ», «Родина», доказываетъ силу идеи, и силу соответствующей ей тенденціи, рано овладѣвшей поэтомъ. Эта идея—страждущій русскій народъ, ожидающій, среди суровой природы и еще болѣе суровой житейской обстановки, облегченія своихъ страданій; эта тенденція—стремленіе возбудить активное сочувствіе къ народу.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ, когда Некрасовъ начиналъ сознавать свое призваніе и слѣдовать ему, сочувствіе къ народу носилось въ воздухѣ и принимало особенно опредѣленные очертанія въ томъ литературномъ кружкѣ, къ которому тогда принадлежалъ Некрасовъ ¹⁾. «Записки Охотника» Тургенева, первыя повѣсти Григоровича и Писемскаго проникнуты тѣмъ же духомъ, преслѣдуютъ тѣ же цѣли, какъ и первыя (не считая неудачныхъ юношескихъ попытокъ) стихотворенія Некрасова ²⁾. Но изъ всѣхъ писателей этого времени, одинъ Некрасовъ остался на посту, съ самаго начала имъ избранномъ. Черезъ всю, слишкомъ тридцатилѣтнюю, поэтическую дѣятельность его проходитъ,

¹⁾ Замѣчательно, что Лермонтовъ, вообще чуждый народной жизни, одинъ разъ подошелъ къ ней весьма близко именно съ той стороны, съ какой на нее стали смотрѣть въ сороковыхъ годахъ; мы говоримъ о стихотвореніи его: «Родина» (по времени однимъ изъ позднѣйшихъ). Оно показываетъ, чего можно было ожидать отъ гениальнаго юноши и какъ далеко могъ расширяться, со временемъ, его поэтический кругозоръ.

²⁾ Интересно сходство между тѣми разсказами Тургенева «Ермолай и мельничиха» (второго, по времени, изъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ «Записокъ Охотника») и стихотворенія Некрасова «Въ дорогѣ».

какъ соединительная нить, одно и то же вдохновляющее чувство. Прежде всего оно заставило его стать въ ряды враговъ крѣпостничества, — и это вполне понятно, потому что крѣпостное право было безъ сравненія самымъ тяжелымъ и ненавистнымъ изъ всѣхъ зломъ, тяготѣвшихъ надъ народомъ. Борьбѣ противъ него посвященъ цѣлый рядъ стихотвореній сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ: «Въ дорогѣ», «Родина», «На родинѣ», «Самодовольныхъ болтуновъ», «Забятая деревня», «Псовая охота», «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго», и многія мѣста въ другихъ шесцахъ этого періода. Но и тогда уже Некрасову были доступны и близки всѣ другія стороны народной жизни, народного горя. Многія изъ его раннихъ стихотвореній именно потому дѣйствуютъ и теперь такъ же сильно, какъ въ тотъ моментъ, когда они были написаны; достаточно назвать отрывокъ: «Ночь; успѣли мы всѣмъ насладиться», и первую главу «Тишины»:

Пожалаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпѣть, во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣжныя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки...
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

.....
Храмъ воздыханій, храмъ печали —
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ —
И облегченный уходилъ!

Въ «Тройкѣ», «Проводахъ», «Винѣ», «Въ деревнѣ», «Несжатой полосѣ», «Думѣ», «На Волгѣ», мы видимъ и безотрадную долю русской крестьянки, и тяжелый трудъ бурлака, и безработицу, и болѣзнь, и смерть, какъ они отражаются въ крестьянскомъ быту, — и всѣ эти картины, вмѣстѣ взятые, составляютъ одно поразительное цѣлое. Напрасно было бы искать перелома въ дѣятельности Некрасова, который бы совпадалъ со второй половиной пятидесятихъ годовъ, т.-е. съ тѣмъ временемъ, когда сложилась вокругъ Некрасова новая литературная партія, обрисовалось направленіе «Современника». Если бы въ мнѣніи кри-

тиковъ, возлагающу на эту партію отвѣтственность за узкую тенденціозность Некрасова, приписывающихъ ей роль заказчика, а ему роль послушнаго исполнителя ея велѣній, была хоть малѣйшая доля правды, 1857-ой годъ былъ бы рубежомъ, рѣзко отдѣляющимъ позднѣйшія стихотворенія Некрасова отъ прежнихъ; но ничего подобнаго мы на самомъ дѣлѣ не видимъ. Некрасову ставить въ вину, что онъ отсталъ отъ вѣка, что онъ продолжалъ воспѣвать страданія, уже прекратившіяся, что онъ прогладѣлъ отиѣну крѣпостнаго права. Да, Некрасовъ по прежнему остался пѣвцомъ народнаго горя; но именно въ этомъ — его главная заслуга, и если влияние кружка способствовало такой стойкости поэта, то нельзя не признать его крайне благотворнымъ. Мы не видимъ, впрочемъ, никакой надобности объяснять чужимъ влияніемъ послѣдовательность Некрасовской поэзіи; кто съ самаго начала такъ широко понималъ свою задачу, тотъ не рисковалъ принять часть за цѣлое, первый шагъ, хотя бы и громадный — за окончательное достиженіе цѣли. Великая реформа 19-го февраля была оцѣнена Некрасовымъ по достоинству; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить многія мѣста изъ «Дѣдушки», всего «Послѣдыша» — этотъ шутовскій финалъ страшной трагедіи, и наконецъ «Свободу», гдѣ прямо высказано отрадное впечатлѣніе, произведенное на поэта освобожденіемъ крестьянъ. Но развѣ онъ не былъ правъ, говоря именно въ этомъ стихотвореніи: «на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ, люди придумали много иныхъ?» «Безъ наслажденія онъ живетъ, безъ сожалѣнія умираетъ», — сказалъ Некрасовъ про русскаго крестьянина въ 1855 или 1856 г.; къ тому же времени относится обращеніе его къ бурлаку:

Все ту же пѣсню ты поешь,
 Все ту же ямку ты несешь,
 Въ чертахъ усталаго лица
 Все та-же покорность безъ конца...
 Прочна суровая среда,
 Гдѣ покоившія людей
 Живутъ безсмысленный зѣбры
 И мрутъ безъ всякаго слѣда...

Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ «Медвѣжьей охотѣ», положеніе русскаго крестьянина обрисовывается въ слѣдующихъ словахъ:

А здѣсь одинъ суровый черный хлѣбъ,
 Да изъ него же гибельный напитокъ!..
 Здѣсь мужику, что вышелъ за ворота,
 Кровавый трудъ, кровавая борьба:

За крошку хлѣба казла поа —
Вотъ въ двухъ словахъ его судьба!..

Такъ ли велика разниа между обѣими картинами, между прошедшимъ и настоящимъ, чтобы можно было удивляться неизмѣнно грустному тону поэзіи Некрасова? А что въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ «Медвѣжьей охоты» много печальной правды — этого, по странной непоследовательности, не отрицаютъ и критики, упрекающіе Некрасова въ гореваніи заднимъ числомъ, въ намѣренной слѣпотѣ къ совершающимся вокругъ него перемѣнамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни смотрѣть на вѣрность Некрасова однажды усвоенному направленію — какъ на близорукое упрямство, или какъ на правильное пониманіе своей задачи, — одно эта вѣрность доказываетъ несомнѣнно: полную несостоятельность толковъ о заказномъ характерѣ работы Некрасова, о зависимости его отъ постороннихъ внушеній. Онъ самъ проложилъ себѣ дорогу — конечно, подчиняясь, какъ и всякій другой, вліянію времени и обстоятельствъ, — и, выступивъ на нее, никогда не колебался въ выборѣ цѣли.

Возвращаемся къ концу пятидесятихъ годовъ. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, къ которымъ теперь начинаютъ присоединяться и болѣе обширныя поэмы, Некрасовъ продолжаетъ начатое имъ дѣло. Пѣсня странника въ «Коробейникахъ», «Размышленія у параднаго подъѣзда», «Морозъ Красный-носъ», «Орина, мать солдатская», «Калистратъ», «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская», «Что ни годъ — уменьшаются силы», «Желѣзная дорога» — все это листки изъ одной скорбной пѣсни, отъ которой только по временамъ отрывался нашъ поэтъ, чтобы снова къ ней возвратиться. Ея мотивъ выраженъ съ потрясающей силой въ послѣднихъ стихахъ «Параднаго подъѣзда»:

... Родная земля!

Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видаю,
Гдѣ бы сѣтель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи...
Видъ на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется:
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,

Какъ великою скорбью народной
 Переполнилась наша земля —
 Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Охъ, сердечный!
 Что же значить твой стонъ безконечный?
 Ты проснешься, исполненный силъ,
 Иль, судебъ повинувшись закону,
 Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
 Создавъ гнѣсну подобную стону
 И духовно на вѣки почилъ?...

Мы знаемъ уже изъ примѣра «Газетной», что даже въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ совершенно другимъ предметамъ, Некрасовъ обращается иногда къ своей старой, но вѣчно животрепещущей тѣмѣ, и, какъ Антей въ соприкосновеніи съ землею, находить въ ней новыя силы. Припомнимъ еще превосходную картину обоза, развозящаго по деревнямъ «незамѣтную, роковую владь» — крестьянское горе, картину, которою такъ неожиданно сѣбѣняется въ «Балетѣ» рядъ очерковъ, не возвышающихся надъ уровнемъ посредственной карикатуры:

Какъ отъ выстрѣла дымъ расплывается
 На зарѣ по росистымъ травамъ,
 Это горе идетъ — подвигается
 Къ тихимъ селамъ, къ глухимъ деревнямъ.

Завершеніемъ той стороны дѣятельности Некрасова, о которой мы теперь говоримъ, служить широко задуманная эпопея народнаго или, лучше сказать, всероссійскаго горя: «Кому на Руси жить хорошо». Она осталась неоконченною, но мысль поэта успѣла высказаться въ ней довольно ясно. вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ «послѣднихъ пѣсней» («Сѣятель», «Молебентъ» «Приговоръ», «Баюшки-баю»), она составляетъ заключительный аккордъ, вполне гармонирующий съ далекими звуками вступленія.

Но жизнь русскаго народа, какъ она ни тяжела, не вся же соткана изъ страданія и печали, изъ стона и плача. Воспѣвать только ея горе да горе, не значить ли проливать на нее фальшивый свѣтъ, не значить ли закрывать глаза на дѣйствительность, замыкаться въ намѣренную ожесточенность систематическаго пессимизма? Подобныя упреки были дѣлаемы и дѣлаются до сихъ поръ Некрасову; лучшее опроверженіе ихъ мы найдемъ опять-таки въ его произведеніяхъ. Если господствующая черта русской жизни сдѣлалась господствующею чертою его поэзіи, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не отзывался на другія, болѣе свѣтлыя стороны народнаго быта. Мы не поставили бы ему въ вину даже совершенное игнорированіе ихъ, потому что односто-

реальность, склонность къ преувеличеніямъ — обычные спутники сильнаго увлеченія; но Некрасовъ не принесть этой дани своей руководящей идее. Въ «Крестьянскихъ дѣтахъ», въ «Деревенскихъ новостяхъ», въ «Коробейникахъ», въ «Стихотвореніяхъ», посвященныхъ русскимъ дѣтамъ, во многихъ мѣстахъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — передъ нами выступаютъ въ полномъ блескѣ и русскій народный юморъ, и русское размашистое веселье, и русская широкая, добрая душа. Некрасовскій крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ — не мрачный, суровый пасынокъ общественнаго строя, а терпѣливый, мягкій, слегка насмѣшливый, подчасъ веселый труженикъ, рѣдко идеализированный, почти всегда взятый прямо изъ жизни. Видоизмѣненія главнаго типа точно такъ же вѣрны дѣйствительности. Встрѣчаются, конечно, и сочиненныя или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ кричащими красками нарисованныя фигуры (напр. Савелій въ послѣднемъ отрывкѣ «Кому на Руси жить хорошо»); но и здѣсь утрировка допущена не въ томъ, въ чемъ можно было бы ожидать ея, судя по основной нотѣ Некрасовской поэмы — она заключается скорѣе въ избыткѣ силы, чѣмъ въ избыткѣ придавленности или озабоченія. Даже въ стихотвореніяхъ, специально посвященныхъ тяжелымъ сторонамъ народной жизни, надъ уныніемъ часто преобладаетъ доброе, молодецкое чувство. Въ «Думѣ», наприимѣръ, чего просить томлѣющейся безработицей крестьяннинъ? —

Повели ты въ лѣто жаркое
Мнѣ пахать песокъ сыпучіе,
Повели ты въ зиму лютую
Вырубать лѣса дремучіе,—
Только трескъ стоялъ бы до неба,
Какъ деревья бы валелися:
Вѣсто шанки бѣлымъ инеемъ
Волоса бы серебрилися!

Какая пѣсня слышится «въ лѣсу, въ лугу» крестьянину, обманутому женою? —

Люби, покуда любитъся,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Богъ тебѣ судья!

(„Зыбный шумъ“).

При такомъ широкомъ взглядѣ на русскаго человѣка, окончательные выводы Некрасова не могли быть запечатлѣны безъ надежностью, скептицизмомъ. Минуты сомнѣнія, подобныя той, которая такъ поэтически отразилась въ послѣднихъ стихахъ «Па-

раднaго подѣла», конечно, были ему знакомы; но долго на нихъ его мысль не останавливалась. «Лишь Богъ помочь бы русской груди», говоритъ онъ въ одномъ изъ раннихъ, сравнительно, своихъ стихотвореній («Несчастные») —

Вдохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не пройди до сердцевины
Ея порока. Въ ея груди
Блужитъ потокъ, живой и чистый,
Еще тѣмныхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корою Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ...

И тою же вѣрой въ будущее звучать слова одной изъ его послѣднихъ пѣсней («Баюшки-баю»):

Уступить свѣту мракъ упрямый...
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...

Любовь къ народу неразрывно связана въ Некрасовѣ съ любовью къ сѣверной русской природѣ, къ той бѣдной, однообразной рамкѣ, въ которую заменута жизнь столькихъ миллионныхъ русскихъ людей. И здѣсь поэтъ остается вѣренъ самому себѣ; онъ рисуетъ не однѣ только мрачныя, угрюмыя стороны этой природы, но и ея своеобразную прелесть, столь дорогую тому, кто однажды понялъ и полюбилъ ее.

Словно какъ мать надъ синовней могилей,
Стонетъ кулигъ надъ равниной унылой,
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ —
Долгая пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

(„Саша“).

Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенний шумъ!..
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ, новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣдно-листая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косою!

Шумить тростинка малая,
Шумить высокій кленъ...
Шумять они по новому,
По новому, весеннему...

(„Звѣняй шумъ“).

Такіе контрасты встрѣчаются у Некрасова на каждомъ шагѣ («Передъ дождемъ», «Несжатая полоса», «Возвращеніе», «Надрывается сердце отъ муки», многія мѣста «Тихины», «Несчастныхъ», «Морозъ Красный-носъ», «Рыцарь на часъ», «Кому на Руси жить хорошо»). Иногда Некрасову достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы передать съ неотразимою силой одно изъ разнообразныхъ впечатлѣній, производимыхъ русскимъ пейзажемъ:

Въ столицахъ шумъ, гремѣть вѣтѣмъ,
Кипитъ словесная война, —
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ нѣвъ,
И выгибаются дугою,
Цѣпляясь съ матерью-землею,
Колосыя безконечныхъ нивъ...

Прибавимъ къ этому картины деревенскаго быта, сельскаго труда (напр., рубка лѣса въ «Сашѣ», работа крестьянской дѣвушки въ «Коробейникахъ») — и мы увидимъ у Некрасова широкую панораму родного края, безъ прикрасъ, въ его будничной, обыденной одеждѣ, и все-таки въ такомъ поэтическомъ освѣщеніи, въ какомъ могъ его представить только глубоко и искренно любившій его художникъ.

Но всему сказанному нами до сихъ поръ нужно ли прибавлять еще что-нибудь въ опроверженіе тѣхъ, кто видитъ въ Некрасовѣ представителя небольшой литературной кoterii или, пожалуй, небольшой политической партіи, замкнутого въ *спеціальной чуланчикѣ*, попавшаго *изъ тиски* извнѣ навѣяннаго, узко-тенденціознаго направленія? Само собою разумѣется, что къ Некрасову не могутъ одинаково относиться люди противоположнаго образа мыслей, что въ сочувствіи къ его поэзіи не могутъ сойтись — какъ, напримѣръ, въ сочувствіи къ Пушкину — закоренѣлый консерваторъ, оплакивающій отмѣну крѣпостнаго права, и крайній отрицатель существующаго общественнаго строя ¹⁾. Единоду-

¹⁾ Мы говорили о сочувствіи крайняго отрицателя къ Пушкину какъ о чемъ-то возможномъ, потому что не думаемъ, чтобы крайнія мнѣнія безусловно исключали способность восхищаться художественною красотою, чуждою тенденціи.

шіе возможно лишь въ оцѣнѣ такого поэта, который не принималъ участія въ борьбѣ за идею, не вносилъ въ свои произведенія никакой общественной тенденціи. Но если тенденція поэта была широка и глубока, если она не была приурочена къ доктринерски, разъ навсегда установленной программѣ, если она не терялась въ подробностяхъ, а сосредоточивалась на одной главной цѣли, если она не оттапливала несогласныхъ съ нею только въ отгѣнкахъ, если любовь совмѣщалась въ ней съ ненавистью, то поэзія, проникнутая ею, дѣлается достоинствомъ цѣлаго общества, за исключеніемъ немногихъ только слоевъ его. *Спеціальный чуланчикъ* Некрасовской мысли — это безграничная область вѣры въ народъ, любви къ народу; среда, въ которой будетъ жить память о Некрасовѣ — это масса русскихъ людей, соединенныхъ, несмотря на всѣ частныя разногласія, однимъ общимъ чувствомъ. Исследуя каждый стихъ Некрасова сквозь увеличительное стекло предвзятой мысли, можно, правда, найти нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ какъ будто сказалась исключительность, крайность ¹⁾; но они теряются въ цѣломъ, свободномъ отъ такой рѣзкой окраски, да и замѣтными они становятся лишь вслѣдствіе невольнаго сопоставленія ихъ съ позднѣйшимъ теченіемъ нашей общественной жизни. Съ извѣстной точки зрѣнія, непринадлежность Некрасова, *какъ поэта*, ни въ какому замкнутому кружкѣ можетъ быть разсматриваема какъ недостатокъ, и самое существованіе этого недостатка можетъ быть оспариваемо именно для большаго прославленія Некрасова; но въ нашихъ глазахъ она составляетъ его главную силу, главный источникъ прочнаго и широкаго вліянія его поэзіи. Задача поэта достигнута, когда онъ наглядно выразилъ идею, передалъ другимъ воодушевляющее его чувство; *какъ* осуществить идею, въ чемъ найти удовлетвореніе чувству — это онъ можетъ высказать лишь въ общихъ чертахъ, если не хочетъ впасть въ противохудожественный дидактизмъ. Некрасовъ «волновалъ сердца», предоставляя другимъ распространять убѣжденія.

Такимъ же сильнымъ, вдохновляющимъ мотивомъ, какъ и любовь къ народу, является въ поэзіи Некрасова любовь къ матери — и это вполне понятно, потому что оба чувства возникли въ немъ почти въ одно время, подъ вліяніемъ однородныхъ условій. Между страданіями матери Некрасова и страданіями русскаго народа было не только сходство — была реальная, внутренняя связь, рано подмѣченная поэтомъ. Крѣпостная обста-

¹⁾ См., напр., кое-что въ рѣчи Якова Нагого („Кому на Руси жить хорошо“).

новля воспитывала и поддерживала не только тиранію барина, но и тиранію отца семейства. Угнетенная сама, мать Некрасова была другомъ угнетенныхъ и завѣдала эту дружбу своему сыну:

И если я легко стряхнулъ съ ногами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнялъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носить пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокия черты —
О, мать моя, подвигнуть я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Все посвященное Некрасовымъ памяти матери или вообще материнскому чувству принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній. «Внимая ужасамъ войны» и «Рыцарь на часъ» одни были бы достаточны для неувядаемой славы поэта. Среди «Послѣднихъ пѣсень», носящихъ на себѣ ясныя слѣды утомленія и упадка силъ, всего ярче выдаются отрывки изъ поэмы «Мать»:

Душа твоя — она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ,
Въ величьи дѣлѣ, неуловимыхъ глазами...
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободѣ дать рабу.
Но лишь одинъ разъ не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабамъ, —
Но лишь одинъ разъ изъ трепета и праха
Онъ поднималъ взоръ бодрѣ къ небесамъ...

Угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ можно найти не только въ средѣ народа; ихъ много и въ другихъ слояхъ русскаго общества. Некрасову было знакомо и родственно страданіе, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось; онъ не былъ пѣвцомъ одного только крестьянскаго горя, — но только оно одно внушало ему тѣ пѣсни, которыя обезсмертили его имя ¹⁾. Въ такихъ

¹⁾ До какой степени Некрасовъ оставался вѣренъ средѣ, имъ специально изученной и горячо любимой, это видно, между прочимъ, изъ того, что городского нашего пролетаріата онъ коснулся только въ двухъ стихотвореніяхъ: „Плачъ дѣтей“ и „Наборщики“. Въ нашихъ глазахъ — это новое доказательство искренности Некрасова. Если бы онъ писалъ по заказу, сочинялъ исключительно по *литическимъ* соображеніямъ, то, конечно, включилъ бы въ кругъ своего сочинительства такую благодарную тему, какъ положеніе фабричныхъ рабочихъ.

стихотвореніяхъ, какъ «Пьяница», «Воръ», «Бѣду ли ночью по улицѣ темной», «Убогая и нарядная», «Маша», «Свадьба», «Въ больницѣ», «Несчастные», «Филантропъ», «О погодѣ» (часть первая)¹⁾, много чувства, есть превосходныя мѣста, но въ цѣломъ ни одно изъ нихъ не составляетъ истинно-поэтическаго произведенія. Еще менѣе замѣчательны три поэмы, посвященныя памяти декабристовъ. Некрасовъ, очевидно, вышелъ здѣсь изъ предѣловъ своего дарованія, и нѣсколько удачныхъ мѣстъ (особенно въ «Дѣдушкѣ») не выкупаютъ явной натянутости, дѣланности и прозаичности цѣлаго.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ произведеніямъ Некрасова, въ которыхъ выразилось критическое отношеніе его къ теченію нашей общественной жизни. На первомъ планѣ между ними стоятъ двѣ поэмы въ разговорной формѣ: «Поэтъ и гражданинъ» и «Медвѣжья охота». Орывки изъ той и другой были уже нѣсколько разъ цитированы нами; но онѣ стоятъ того, чтобы остановиться на общемъ ихъ значеніи. Каждая изъ нихъ знаменуетъ собою важный моментъ въ исторіи послѣдняго двадцатипятилѣтія. «Поэтъ и гражданинъ» (1856) стоитъ на рубежѣ между тѣмъ временемъ, «когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо», — и новою, лучшей эпохой. Здѣсь русскій поэтъ заговорилъ языкомъ гражданина, — почти неслыханнымъ съ тѣхъ поръ, какъ умолкъ Рылѣевъ, — пробуждая давно забытыми звуками заснувшее общество, призывая къ общему дѣлу всѣхъ тѣхъ, «кто преданъ поклоненію единой личности своей».

«Поэтомъ можешь ты не быть», говоритъ онъ самому себѣ, «но гражданиномъ быть обязанъ» —

Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,
Не будетъ гражданинъ достойный
Къ отчизнѣ холоденъ душой...
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? откликнись? Нѣтъ отвѣта,
И даже чуждъ души поэта
Его могучій идеалъ!
Но если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!..

Настоящее мрачно, но за то сколько вѣры въ будущее!

¹⁾ Сюда же можно отнести эпизодъ съ священникомъ въ „Кому на Руси жить хорошо“. Волкѣ поймать, какъ легко было здѣсь поэту впасть въ шаржъ, въ каррикатурированность, а между тѣмъ, онъ рисуетъ фигуру, внушающую намъ симпатію и уваженіе. Какъ совмѣстить это съ узкою тенденціозностью Некрасова?

Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди:
 Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
 И вопль изъ вѣрующей груди
 Всегда доступенъ будетъ ей!..
 И если ты богатъ дарами,
 Ихъ выставять не хлопочи:
 Въ твоёмъ трудѣ заблещутъ сами
 Ихъ животворные лучи.
 Взгляни: въ осколки твердый камень
 Убогій труженникъ дробить,
 А изъ-подъ молота летитъ
 И брызжатъ самъ собою пламены!

Несмотря на уныніе, которымъ исполненъ отвѣтъ поэта гражданину, общее впечатлѣніе, даже теперь производимое поэмой,—ободряющее, освѣжающее; двадцать-два года тому назадъ дѣйствіе ея было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе были воспоминанія о недавнемъ прошедшемъ, чѣмъ шире и тверже надежды на будущее. «Поэтъ и гражданинъ» — пѣсня молодости, надорванной тяжелымъ гнѣтомъ, но сохранившей настолько силы, чтобы встрепенуться при первыхъ признакахъ освобожденія и вновь почувствовать любовь и призваніе къ жизни; «Медвѣжья охота» — тяжелый вздохъ и саркастическая улыбка старѣющагося человека, пережившаго крушеніе своихъ надеждъ и потерявшаго вѣру въ близость новой переменъ къ лучшему. Обѣ поэмы настолько различны между собою, насколько 1867-й годъ не похожъ на 1856-й. И по зрѣлости мысли, и по силѣ стиха «Медвѣжья охота» стоитъ еще выше, чѣмъ «Поэтъ и гражданинъ». Поэту приходится здѣсь имѣть дѣло не съ наивнымъ эгоизмомъ, не съ апатичной рутинной, а съ другими, болѣе опасными вырожденіями болѣе сложной общественной жизни. Въ борьбѣ противъ нихъ жгучее слово Некрасова достигаетъ иногда такой силы, которая напоминаетъ ямбы Барбье или сатиры Ювенала. Кому неизвѣстна превосходная филиппика противъ русскаго общественнаго мѣнія? Сколько сжатыхъ, мѣткихъ приговоровъ надъ безотрадными явленіями нашей общественной жизни разсыпано въ монологахъ Пальцова! —

Прогрессъ?.. его мы не хотимъ, —
 Намъ дай новинку, дай потѣху!
 И вотъ, новинкѣ всякій радъ
 День, два; всѣ полны грѣзъ и вѣри.
 А завтра съ радостью гладятъ
 Какъ „рановременна“ мѣри
 Теряютъ должные размѣры
 И съ трескомъ пьются назадъ!..

А эпитафія современнаго администратора?—

Систему полумѣръ принявъ за идеалъ,
 Ни прогрессистъ, ни консерваторъ,
 Добро ты портилъ, зла не улучшалъ,
 Но честный былъ администраторъ!..

Разговоръ кн. Воехотскаго съ барономъ фонъ-дёръ-Гребеномъ, занимающій только двѣ страницы—самое злое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, краснорѣчивое опроверженіе любимыхъ аргументовъ реакціи противъ развитія и просвѣщенія народа. Въ словахъ барона:

Когда природа отвѣчать не можетъ
 Потребностямъ, которыя родитъ
 Развитие — оно бѣды умножитъ
 И только даромъ страсти распалитъ —

даже съ внѣшней, звуковой стороны слышится деревянная безсердечность узкой теорійки, спокойно и сухо полагающей на свою непогрѣшимость. Въ уста кн. Воехотскаго вложены слова, которыя естественнѣе было бы услышать отъ Цальцова (тотъ очеркъ положенія русскаго крестьянина, который приведенъ нами раньше); но положительной ошибкой этого назвать нельзя, потому что въ констатированіи факта могутъ иногда сойтись люди противоположныхъ направленій — различны будутъ только выводы, которые они извлекутъ изъ него. Рядомъ съ фѣдой сагирой, въ «Медвѣжьей охотѣ» встрѣчаются и такіе превосходныя лирическія страницы, какъ характеристика Бѣлинскаго, о которой мы уже говорили ¹⁾, характеристика Грановскаго, характеристика либерала-идеалиста сороковыхъ годовъ.

Да! были личности!.. Не пропадетъ народъ,
 Обрѣтши ихъ во времена крутыя!
 Мудренными путями Богъ ведетъ
 Тебя, многострадальная Россія!
 Попробуй, усомнишься въ твоихъ богатыряхъ
 До-историческаго вѣка —
 Когда и въ наши дни выносить на плечахъ
 Все поколѣнья два-три человѣка!

Чисто-сатирическія стихотворенія Некрасова — болѣею частью

¹⁾ Воспоминаніемъ о Бѣлинскомъ было вызвано еще гораздо раньше стихотвореніе Некрасова: „Памяти пріятеля“. Рядомъ съ нимъ, по глубинѣ чувства, могутъ быть поставлены стихотворенія, посвященные другимъ рано умершимъ друзьямъ Некрасова—Добролюбову и Писареву („20 ноября 1861“, „Памяти — ва, „Не рыдай такъ безумно надъ нимъ“).

порожденія минуты, проходящія вмѣстѣ съ нею. По глубинѣ мысли, по силѣ пропіи они стоятъ несравненно ниже Щедринской сатиры; форма ихъ рѣдко свободна отъ тѣхъ недостатковъ, которые неразборчивая критика спѣшитъ провозгласить неотъемлемою принадлежностью поэзіи Некрасова. Наиболее удачнымъ изъ нихъ кажется намъ небольшое стихотвореніе, относящееся къ первому періоду дѣятельности Некрасова: «Нравственный человѣкъ», въ которомъ немногими мѣткими чертами заклѣмлено цѣлое міросозерцаніе фарисейской морали, приспособленной къ требованіямъ крѣпостничества. Группу стихотвореній, вызванныхъ закономъ 6-го апрѣля 1865 г., мы не станемъ упрекать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, въ проиическомъ отношеніи къ вновь дарованной свободѣ печати. Изъ каждаго явленія общественной жизни, даже отраднаго, сатирикъ имѣетъ полное право выхватить сторону, вызывающую его удары, лишь бы только онъ не смѣшивалъ ея съ другими, не заслуживающими нападенія. Такъ и поступилъ Некрасовъ въ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ»; слабость ихъ заключается не въ выборѣ предмета, а въ бѣдности содержанія, рѣдко идущаго дальше обыкновенной шутки. Если смотрѣть на нихъ именно какъ на шутку, то нѣкоторые изъ нихъ («Осторожность», «Литераторы») могутъ быть названы довольно удачными. То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣсно связанной съ ними юмористической поэмѣ: «Судъ». Въ «Балетѣ», въ «Газетной», помимо указанныхъ уже нами удивительныхъ мѣстъ, есть нѣсколько мѣткихъ ударовъ, но сила ихъ ослабляется безсодержательною болтовней и явными преувеличеніями, которыми наполнены обѣ эти сатиры. Въ «Недавнемъ времени» можно отмѣтить развѣ остроумную характеристику «салоннаго якобинца». Въ послѣднихъ сатирахъ Некрасова, соединенныхъ въ одно цѣлое подъ названіемъ «Современники», много намековъ на событія и лица, пикантныхъ въ моментъ ихъ появленія, непонятныхъ и неинтересныхъ нѣсколько лѣтъ спустя,—но мало, очень мало мѣстъ, сколько-нибудь поэтическихъ; даже эффектная картина горя и раскаянія Зацѣпы не вполне удалась автору. Сатирическія произведенія Некрасова—богатая добыча для его противниковъ, складъ матеріаловъ для нападеній на его стихъ, на его манеру, на его тенденціозность; но при установленіи того, что есть могучаго, непреходящаго въ поэзіи Некрасова, они почти совсѣмъ могутъ быть скинуты со счетовъ.

Намъ остается только бросить взглядъ на ту группу стихотвореній Некрасова, которая рѣже другихъ обращаетъ на себя вниманіе критики, хотя и занимаетъ между ними не послѣднее

мѣсто: это стихотворенія, внушенные любовью. Конечно, не въ нихъ заключается сила и оригинальность Некрасова; въ нихъ часто звучитъ что-то заимствованное, то Гейневское («Гдѣ твое личико смуглое»), то Пушкинское («Пускай мечтатели осмѣяны давно»), то Лермонтовское («Я не люблю ироніи твоей»); красивый стихъ кажется намъ чѣмъ-то знакомымъ, и не производитъ, поэтому, большого впечатлѣнія. Есть однако и между ними нѣсьи своеобразнаго, Некрасовскаго пошиба — напр.: «Когда изъ мрака заблужденія», дышащая тѣмъ гуманнымъ, всепрощающимъ чувствомъ, съ которыми мы уже встрѣчались въ «Зеленомъ шумѣ»; — «Я посѣтилъ твое кладбище», гдѣ такъ поэтично звучитъ меланхолическая струна, свойственная Некрасову; — «Ты всегда хороша несравненно», гдѣ сквозъ ту же меланхолію проглядываетъ многолетняя улыбка. Между всѣми пѣснями любви, которыми довольно богатъ первый періодъ литературной жизни Некрасова, нѣтъ ни одной положительно неудачной. «Если мучимый страстью мятежной», «Мы съ тобой безтолековые люди», «Прости», «Такъ это шутка, милая моя», «Какъ ты вротка, какъ ты послушна», «Давно отвергнутый тобою», «О, письма женщины намъ милой» — все это прелестныя пѣсни, съ достаточною ясностью свидѣтельствующія о томъ, что Некрасовъ не былъ лишенъ дара *стихотворной рѣчи*. У другого писателя эти пѣсни были бы гораздо затѣнѣе, чѣмъ у Некрасова, а въ его поэзіи онѣ — только небольшой уголокъ, затѣмъваемый блескомъ его *тенденціозныхъ* произведеній.

Если великое значеніе Некрасова коренится въ тѣхъ произведеніяхъ его, которые посвящены народу, въ особенности народному горю, и если онъ, рано остановившись на этомъ предметѣ, никогда не измѣнялъ ему, то въ чемъ заключается развитіе Некрасова, движеніе его внутренней жизни, его творческой дѣятельности? Можно ли различить въ этой дѣятельности какіе-либо фазисы, вытекающіе одинъ изъ другого и знаменующіе сначала ея прогрессъ, потомъ ея упадокъ? Намъ кажется, что рѣзко обозначенныхъ періодовъ поэтической дѣятельности Некрасова — если исключить изъ нея «Мечты и Звуки» — не представляетъ. Въ ней нѣтъ такихъ крупныхъ переворотовъ, какіе испыталъ, примѣръ, В. Гюгô, нѣтъ даже того постепеннаго перехода отъ юношескаго броженія въ зрѣлому спокойствію, какой мы видимъ у Шиллера, у Гёте, у нашего Пушкина. Всѣ звуки, изъ которыхъ слагается полный аккордъ поэзіи Некрасова, слышатся уже въ стихотвореніяхъ его, относящихся къ концу сороковыхъ и началу пятидесятихъ годовъ, — и слышатся притомъ именно съ тѣмъ отгнѣномъ, которымъ отмѣчено все творчество Некрасова.

Съ элементомъ лирическимъ, какъ мы уже видѣли, и здѣсь переплетается сатирическій, съ искреннимъ сочувствіемъ къ страданіямъ народа — отголосокъ личной боли, мучительнаго недовольства самимъ собою. Отсюда не слѣдуетъ однако, чтобы отличительной чертой внутренней исторіи Некрасова была неподвижность. Нѣтъ, его поэзія растетъ въ ширину и глубину, захватываетъ все больше и больше сторонъ своего предмета, постоянно оставаясь только въ одномъ и томъ же кругу, дѣйствуя въ одномъ и томъ же направленіи. Чѣмъ больше она проникается однимъ чувствомъ, тѣмъ могучѣе вдохновенія, которыя она изъ него извлекаетъ. Некрасова можно сравнить въ этомъ отношеніи съ человекомъ, рано утромъ двинувшимся въ путь въ смутно-намѣченной цѣли. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ, очертанія этой цѣли становятся для него все яснѣе и яснѣе, съ сознаниемъ важности ея, съ страстнымъ желаніемъ ея достигнуть, растеть и пониманіе преградъ, стоящихъ на пути къ ней. Надъ путникомъ давно уже нависли тучи, но въ пылу перваго увлеченія онъ не замѣчалъ ихъ; теперь онѣ раздражаются грозой, затоняющею дорогу. Онъ смущается, колеблется — но первый лучъ солнца возвращаетъ ему если не прежнюю надежду, то прежнюю рѣшимость. Онъ продолжаетъ свой путь, и мало-помалу приходитъ къ убѣжденію, что не только ему, но и другимъ, болѣе счастливымъ путникамъ не удастся до вечера даже приблизиться къ обѣтованному краю. И все-таки, усталый отъ дороги, измученный, упрекающій себя за каждую потерянную минуту, за каждый шагъ въ сторону, онъ больше чѣмъ когда-либо проницаетъ любовью къ начатому дѣлу, къ растущей и вмѣстѣ съ тѣмъ удаляющейся отъ него цѣли. Онъ идетъ, пока хватаетъ силы, слабѣетъ, падаетъ — но падаетъ на той же дорогѣ, на которую вступилъ съ самаго начала.

Эпохой наибольшаго напряженія страсти и таланта Некрасова было, приблизительно, то десятилѣтіе (1856—1867), на рубежахъ котораго стоятъ поэмы: «Поэтъ и гражданинъ» и «Медвѣжья охота». Въ этому времени относятся самыя сильныя и глубоко прочувствованныя его произведенія — кромѣ названныхъ нами поэмъ, «Парадный подъѣздъ», «Морозъ Красный-носъ», «Рыцарь на часъ», «Умру я скоро». Но, повторяемъ еще разъ, яркаго, качественного различія между указанной нами эпохой и предшествующей ей не существуетъ. Если припомнить, съ одной стороны, что до 1856 г. Некрасовъ создалъ такіа пьесы, какъ «Родина», «Забытая деревня», «Внимая ужасамъ войны», «Тишина», «Блаженъ нелюбивый поэтъ», «Памяти пріятеля», «Замолени, муза мести и печали», а съ

другой стороны, что между 1856 и 1867 г. имъ написано много слабыхъ сатирическихъ произведеній, то придется признать, что символъ развитія таланта Некрасова — накрившая кривая линия, точно такъ же, какъ символъ направленія его дѣятельности — неуклонно правильная прямая. Послѣ 1867 г. дарованіе Некрасова замѣтно слабѣетъ. Первая часть «Кому на Руси жить хорошо», въ которой столько предестинныхъ эпизодовъ, хотя и напечатана послѣ 1867 г., но написана въ 1865-мъ; затѣмъ на долю послѣдняго десятилѣтія жизни Некрасова остаются только три поэмы о декабристахъ, «Недавнее время», два отрывка изъ послѣдующихъ частей «Кому на Руси жить хорошо»: — «Послѣдышъ» и «Крестьянка», и «Послѣднія пѣсни». И здѣсь, конечно, есть страницы, достойныя Некрасова (напр., конецъ «Крестьянки» — превосходная картина исканія ключей отъ женскаго счастья, — отрывки изъ поэмы: «Мать»); но слѣды утомленія встрѣчаются на каждомъ шагу, искусственные эффекты часто замѣняютъ недостающую глубину чувства, самый стихъ становится прозаическимъ и вялымъ. Но кто поставитъ въ вину путнику усталость послѣ такой трудной и длинной дороги, какъ та, которую прошелъ Некрасовъ?

Говоря о писателѣ, трудно избѣжать сравненія его съ другими, дѣйствовавшими или дѣйствующими на одномъ съ нимъ поприщѣ; но этимъ способомъ характеристики слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью. Сравненіе можетъ содѣйствовать выясненію особенностей, свойственныхъ писателю, отношеній, въ которыхъ онъ стоитъ къ своимъ предшественникамъ и преемникамъ, стремленій, которымъ онъ подчинялся и которыя въ свою очередь вызывалъ; но если искать въ сравненіи данныхъ для опредѣленія мѣста, занимаемаго писателемъ въ ряду другихъ, въ литературной іерархіи, то въ большинствѣ случаевъ оно приводитъ лишь къ ошибкамъ, или по меньшей мѣрѣ оказывается совершенно безплоднымъ. Такимъ образомъ можно сравнивать только величины однородныя, только писателей, близкихъ между собою какъ по избранному ими литературному жанру, такъ и по свойству дарованія, по взгляду на задачи искусства, по условіямъ, руководившимъ ихъ дѣятельностью; можно, напримѣръ, сравнивать Корнеля съ Расиномъ (и то лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ), но отнюдь не Корнеля и Расина съ Шекспиромъ или Шиллеромъ. Чѣмъ самобытнѣе, оригинальнѣе писатель, чѣмъ рѣже разрабатывалась та область, которую онъ завоевалъ себѣ, тѣмъ труднѣе, конечно, онъ поддается сравненію въ томъ смыслѣ, о которомъ мы только-что говорили. Критики Некрасова

слишкомъ часто упускаютъ изъ виду эти простыя и, какъ намъ кажется, безспорныя положенія. Одинъ изъ нихъ сравниваетъ поэзію Некрасова съ одной стороны съ поэзіей народной, съ другой—съ поэзіей Андре Шенье и В. Гюго. Трудно себѣ представить что-либо болѣе ошибочное, чѣмъ такой критическій приѣмъ. Народная поэзія вообще и русская въ особенности—произведеніе простого, непосредственнаго, цѣльнаго чувства, съ примѣсью той житейской, опытной мудрости, которая находитъ себѣ выраженіе въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ. Понятно, что эта поэзія не можетъ имѣть ничего общаго съ сознательнымъ, тѣмъ болѣе—тенденціознымъ творчествомъ поэта, принадлежащаго къ цивилизованной средѣ, привыкшаго относиться критически ко всѣмъ явленіямъ жизни, отчасти надломаннаго ею или, какъ говорилось у насъ одно время, «заѣденнаго рефлексіей». Народная поэзія ограничивается изображеніемъ факта и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, его ближайшей причины; для сознательнаго творчества тотъ же самый фактъ—отраженіе цѣлой системы, возбуждающее длинный рядъ сложныхъ чувствъ и представленій. У народнаго поэта угнетенное положеніе молодой женщины въ крестьянской семьѣ выражается въ простодушныхъ, трогательныхъ сѣтованіяхъ ея на горькую судьбину; для поэта тенденціознаго оно можетъ послужить поводомъ къ такому же широкому обобщенію, какое сдѣлалъ Добролюбовъ въ знаменитыхъ статьяхъ своихъ о «Темномъ царствѣ». Воспроизвести строй и духъ народной пѣсни поэтъ, выросшій при чуждыхъ ей условіяхъ, можетъ только искусственно, и подражаніе непремѣнно будетъ шире оригинала. Всего меньше можно ожидать и требовать близости къ народной поэзіи именно отъ Некрасова, какъ представителя той эпохи, когда наша интеллигенція стала сознавать свои обязанности передъ народомъ. Вопиющее противорѣчіе между этими обязанностями и крѣпостническою дѣйствительностью должно было отзываться въ поэмѣ такимъ тяжелымъ чувствомъ, при которомъ не могло быть и рѣчи о спокойномъ настроеніи, объективномъ міросозерцавіи народной пѣсни. Примѣръ Кольцова, укоризненно приводимый критикомъ, говоритъ прямо противъ поддерживаемой имъ тѣмы. Да, пѣсня Кольцова родственна народной пѣснѣ—но именно потому, что Кольцовъ родился и воспитался въ другой средѣ, чѣмъ Некрасовъ, въ средѣ, едва отдѣляющейся отъ народа, и только поздно и слегка испыталъ на себѣ дѣйствіе ихъ вліяній, въ которыхъ мы ни на минуту не можемъ представить себѣ Некрасова. И у Кольцова, впрочемъ—безъ сомнѣнія вслѣдствіе этихъ самыхъ вліяній—стали, подъ концомъ жизни, появляться

черты, которыхъ напрасно было бы искать въ народной поэзіи (напр., «Путь», «Въ непогоду вѣтеръ», «Разсчитъ съ жизнью»).

Сравненіе Некрасова съ А. Шенъе и В. Гюго имѣетъ цѣлью доказать, что излишнее преобладаніе у Некрасова отрицательнаго элемента не оправдывается общимъ направленіемъ его творчества, что истинная поэзія возможна и въ сатирѣ. При такой постановкѣ вопроса, незачѣмъ долго останавливаться на параллели между Некрасовымъ и Андрѣ Шенъе, который вовсе не былъ ни сатирикомъ, ни отрицателемъ, а пѣвцомъ нѣги и любви, только подъ давленіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ промѣнявшимъ свой пластическій, антично-спокойный стихъ на «железный стихъ, облитый горечью и злобою» ¹⁾. Съ В. Гюго у Некрасова больше точекъ соприкосновенія; они сходятся въ сочувствіи и состраданіи къ несчастнымъ, слабымъ, угнетеннымъ — но и съ этой точки зрѣнія, сравненіе между ними довольно затруднительно, потому что тѣмы, общія до извѣстной степени съ Некрасовскими, разрабатываются В. Гюго больше въ романахъ, письмахъ, рѣчахъ, чѣмъ въ лирическихъ произведеніяхъ. И между послѣдними можно, конечно, найти матеріалъ для параллели («Rencontre» въ «Rayons et Ombres», «les Pauvres gens» въ первой, «Question sociale» во второй части «Légende des siècles»), но большого интереса она представлять не будетъ, — такъ различны приемы, достоинства и недостатки обоихъ поэтовъ. Идти дальше, сравнивать поэзію Некрасова съ философскими стихотвореніями В. Гюго, съ его политическими сатирами (напр., съ «Châtiments»), значить заниматься совершенно празднымъ сопоставленіемъ разнородныхъ, несоизмѣримыхъ величинъ. Между мотивами, вдохновлявшими Некрасова, было ли когда-нибудь что-либо похожее съ одной стороны на 2-е декабря, съ другой — на подвиги великой наполеоновской арміи, на отпоръ, данный Франціей коалиціи 1792 и 1793 г.? Можно ли воспѣвать тихое горе голодающаго крестьянина тѣмъ же тономъ, какъ сраженіе при Эйлау или отступленіе 1812 г.? Искать и не находить у Некрасова тѣхъ эффектовъ, какіе извлекаетъ Гюго изъ подобныхъ воспоминаній, не зна-

¹⁾ Отыскивая и въ этихъ немногихъ стихахъ примирительное чувство, критикъ, конечно, по ошибкѣ, приписываетъ самому поэту слова, вложенныя имъ въ уста юной узницы («la jeune captive»): «je pleure et j'espère... S'il est des jours amers, il en est de si doux... D'une prison sur moi les murs pressent en vain, j'ai les ailes de l'espérance!» Говоря о террорѣ и террористахъ отъ своего лица (въ амблахъ, въ «Charlotte Corday»), Шенъе ни разу не проговаривается словомъ прощенья или примиренья — и это понятно, потому что въ суровой феллиниадѣ оно было бы только диссонансомъ.

читать ли вѣнчать Некрасову въ вину, что онъ родился не во Франціи, а въ Россіи? Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ на политическія тѣмы, В. Гюго остается публицистомъ-ораторомъ, привыкшимъ громить врага и прославлять свою идею; гдѣ же школа, въ которой Некрасовъ могъ научиться тому и другому? Оставьте за каждымъ поэтомъ родственную ему сферу, не требуйте отъ всѣхъ того, что могутъ дать лишь нѣкоторые; иначе ваша критика будетъ только отраженіемъ вашихъ личныхъ вкусовъ, капризнымъ превознесеніемъ одного поэта на счетъ другого.

Возставая противъ сравненія Некрасова съ Шенъе и Гюго, мы не беремся замѣнить эти имена другими, болѣе соответствующими цѣли. Скорѣе всего можно было бы сопоставить Некрасова съ Бернсомъ и Томасомъ Гудомъ, отчасти, пожалуй, съ Беранже; но и для такой параллели слишкомъ мало твердыхъ точекъ опоры. Бернсъ, какъ и Некрасовъ, стоялъ за униженныхъ и бѣдныхъ, боролся противъ общественнаго неравенства, противъ фарисейской морали; но онъ вносилъ въ эту борьбу гораздо больше пырливости, больше чувственнаго жара, больше политической страсти, чѣмъ Некрасовъ. Самая форма его стихотвореній, близкая къ народной пѣснѣ, рѣзко отличаетъ ихъ отъ поэзіи Некрасова. Въ «Пѣсни о рубашкѣ», въ «Пѣсни работника» Томаса Гуда звучитъ мотивъ, хорошо намъ знакомый по произведеніямъ нашего поэта; но дѣятельность Гуда въ этомъ направленіи была прервана въ самомъ ея началѣ ¹⁾. У Беранже можно найти два, три стихотворенія, въ которыхъ слышится та же нота («Jacques», «le Vieux vagabond», «le Vieux sarogal»); но они тонутъ въ массѣ пѣсенокъ, не имѣющихъ ничего общаго съ Некрасовской поэзіей, какъ не было ничего общаго между натурами Некрасова и Беранже. Между нашими, русскими поэтами Некрасовъ также стоитъ совершенно особнякомъ. Сравненіе его съ Пушкиннымъ и Лермонтовымъ имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда оно ограничивается указаніемъ причинъ, давшихъ различное направленіе, различную окраску творчеству каждого изъ этихъ трехъ поэтовъ ²⁾. У Огарева развѣ съ трудомъ можно найти нѣсколько пѣсней, издавна напоминающихъ Некрасова («Кабакъ», «Дорога»). Тютчевъ однажды вдохновился мыслію о народномъ горѣ — но въ немногихъ строкахъ, написанныхъ

¹⁾ Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что «Плачъ дѣтей» Некрасова — подражаніе «Пѣсни о рубашкѣ» Томаса Гуда.

²⁾ Удачный опытъ такого сравненія сдѣланъ въ небольшой статьѣ: «Некрасовъ и его критика», помѣщенной въ № 53 «Сѣвернаго Вѣстника» за 1878 г.

нмъ на эту тѣму, слышится фальшивая нота, которой ни разу не бралъ Некрасовъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа,
Край родной долготерпѣный,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не оценитъ
Гордый взоръ иноплемennyй,
Что сквозитъ и тайно светитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

Прелестное начало и прелестный конецъ испорчены славянофильскою фразой о гордости Запада, о русскомъ смиреніи, о чемъ-то непонятномъ, таящемся въ прошедшемъ и настоящемъ русскаго народа. Прочитавъ это стихотвореніе, еще лучше сознаешь, еще больше цѣнишь правдивость, простоту отношенія Некрасова къ народной жизни.

Что часто упускалось изъ виду современниками поэта, чего не умѣли или не хотѣли понять нѣкоторые изъ его критиковъ, то угадала общественная мысль—или, лучше сказать, общественное чувство—при вѣсти о смерти Некрасова. Почти во всѣхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ его памяти ¹⁾, онъ воспѣвается именно какъ радѣлецъ бѣднаго народа, какъ печальникъ народнаго горя, какъ пѣвецъ народныхъ страданій. Да, именно любовь къ народу—красугольный камень всего творчества Некрасова. Глубоко заблуждаются тѣ, которые видятъ въ немъ отрицателя по преимуществу—все равно, ставятъ ли они ему это въ вину или въ заслугу ²⁾. Если онъ сказалъ про себя: «то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть», то въ этомъ отразилось только настроеніе тяжелой минуты; гораздо ближе къ истинѣ другое восклицаніе поэта: «Одна любовь сказаться въ ней (т.-е. въ его пѣснѣ) успѣла къ тебѣ, моя родная сторона». Некрасовъ проповѣдывалъ любовь не однимъ только «враждебнымъ словомъ отрицанья»; гораздо сильнѣе онъ возбуждалъ ее сердечнымъ словомъ состраданія, сочувствія, вѣры—вѣры въ народъ и въ человѣка. Его муза была не столько «музой мести», сколько «музой печали»,—не той печали,

¹⁾ Всѣ эти стихотворенія собраны въ изданной г. Голубевымъ книгѣ: „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“.

²⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только сравнить Некрасова съ настоящими отрицателями—Байрономъ, Аккерманъ, отчасти Гейне.

которая оплакивается, сложивъ руки, неотвратимое и невоснаградимое горе, а той, которая служитъ первымъ шагомъ къ его исцѣленію. Его сомнѣнія никогда не переходили въ отчаяніе, ненависть—эта обратная сторона любви—никогда не обращалась у него въ злобу. Въ призывѣ къ борьбѣ у него не звучитъ призывъ къ насилию. Вездѣ, гдѣ онъ остается самъ собою, въ немъ сказывается та «добрая крестьянская душа», о которой говоритъ одинъ изъ его героевъ (Якимъ Нагой въ poemѣ «Кому на Руси жить хорошо»).

Но этого еще недостаточно, чтобы объяснить себѣ вполне самобытность Некрасова и затруднительность параллели между нимъ и другими поэтами, изъ которыхъ многіе, какъ и Некрасовъ, были друзьями и защитниками народа. Оригинальность Некрасова обуславливается тѣмъ, что онъ любилъ русскій народъ не какъ отвлеченную идею, не какъ воплощеніе извѣстнаго — положимъ, демократическаго — начала, а какъ совокупность реальныхъ лицъ, какъ родного по крови или по духу человѣка. Чувство свое къ тѣмъ крестьянамъ, съ которыми его рано сблизила жизнь, онъ перенесъ на все русское крестьянство — и съ такимъ обобщеніемъ чувства шло рука объ руку его углубленіе. Отсюда, съ одной стороны, необыкновенная теплота и искренность всего того, что Некрасовъ говоритъ о народѣ, съ другой — наглядность и вѣрность картинъ, матеріалъ для которыхъ взятъ имъ изъ народнаго быта. Въ этихъ картинахъ человѣкъ и природа сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое, именно потому, что такимъ цѣлымъ, живымъ, конкретнымъ, — они постоянно представлялись умственному взору поэта. Читая, напримѣръ, В. Гюго, чувствуешь, что онъ никогда не жилъ съ народомъ, что источникъ симпатій его къ народу — въ головѣ, а не въ сердцѣ; чтеніе Некрасова производитъ совершенно противоположное впечатлѣніе. Отчасти, вслѣдствіе этого, Некрасовъ едва ли когда-либо приобрететъ общеевропейское значеніе; конечно, многія стороны его творчества могутъ быть оценены по достоинству и иностранцами; но за то на русскихъ, сколько-нибудь способныхъ отозваться на одушевляющее его чувство, онъ дѣйствуетъ — и по всей вѣроятности долго еще будетъ дѣйствовать — съ неотразимой силой. По справедливому замѣчанію одного изъ критиковъ Некрасова, чтобы понять Некрасова, простолюдину достаточно сдѣлаться грамотнымъ, между тѣмъ какъ понять и оценить, напримѣръ, Пушкина онъ можетъ только выйдя изъ народа и вступивъ въ интеллигенцію.

На долю Некрасова выпала завидная участь принадлежать сначала къ числу тѣхъ, которые возбудили въ русской жизни

вопросъ о народѣ, потому къ числу тѣхъ, которые ставили его все шире и шире, поддерживали однажды возникшій интересъ къ нему, оживляли и углубляли однажды проснувшееся чувство. Много сдѣлано, много дѣлается и теперь на этомъ пути; но въ сумму усилий, направленныхъ къ достиженію общей цѣли, одинъ Некрасовъ внесъ могучій двигатель, ни съ чѣмъ несравнимый свѣтъ истинной поэзіи.

О, долголѣтны вы, пѣсни, помѣи
Муки народныя, по сердцу бьющія!
Пѣснь твоей, о, страданій пѣвецъ,
Будетъ не скоро желанный конецъ:
Тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается,
Тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается...

(„На смерть Некрасова“, От. Зап., 1878, № 1).

Z. Z.

ИШПОЛИТЬ ТЭНЪ

КАКЪ

ИСТОРИКЪ ФРАНЦІИ

О к о н ч а н і е.

ХІІІ *).

Selon la coutume des novateurs, il pousse la vérité jusqu'à l'erreur. Exagérer est la loi et le malheur de l'esprit de l'homme; il faut dépasser le but pour l'atteindre.

Taine. Essai sur Titu-Live, p. 102.

Въ прошлой статьѣ мы имѣли преимущественно въ виду ту часть новой книги Тэна, гдѣ изображено движеніе народныхъ массъ Франціи передъ революціей и въ первые ея мѣсяцы. Натуралистическій методъ Тэна, его стремленіе отыскивать въ политическихъ событіяхъ вліяніе естественныхъ потребностей и грубыхъ инстинктовъ человѣческой толпы, его способность схватить событіе съ внѣшней реальной стороны, съ точки зрѣнія трезваго практическаго наблюдателя, — всё эти, уже знакомыя намъ, особенности Тэна имѣли возможность проявиться здѣсь со всѣми своими достоинствами. Однако уже и здѣсь обнаружился главный недостатокъ Тэна — отсутствіе историческаго интереса и, вслѣдствіе этого, нерасположеніе вникать въ историческое значеніе.

*) См. выше: сент., 284 стран.

ченіе описываемыхъ событій. Такъ, напримѣръ, Тэнъ видитъ въ повсемѣстныхъ бунтахъ и буйствахъ народа въ 1789 году только послѣдствія голода и эгоистическихъ страстей толпы, воспользовавшейся слабостью власти и разложениемъ государственнаго порядка, и забываетъ, что «самопроизвольная анархія» 1789 года была, по существу своему, насильственной отміной феодальнаго строя, правильное и законное устраненіе котораго со стороны правительства запоздало на нѣсколько вѣковъ. Но чѣмъ выше поднимается Тэнъ, переходя отъ анализа инстинктовъ и влеченій къ изученію политическихъ идей и учреждений, чѣмъ болѣе на первый планъ его разсказа, вмѣсто народной массы и случайной толпы, выдвигается революціонное правительство и законодательство, тѣмъ несостоятельнѣе становится методъ нашего историка. Конечно, и вторая книга Тэна, въ которой онъ критикуетъ дѣятельность національнаго собранія, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ подробностей и мѣткихъ замѣчаній, но и то преимущественно въ первой главѣ этой книги, гдѣ Тэнъ разсматриваетъ національное собраніе, какъ массу, — гдѣ онъ рисуетъ обстановку, среди которой приходилось дѣйствовать этому собранію, изучаетъ его дѣятельность съ внѣшней, театральной и съ психологической стороны. Очень искусно подготавливаетъ Тэнъ читателя къ тому выводу, который составляетъ цѣль его критики, — что законодательная дѣятельность національнаго собранія представляетъ собой не что иное, какъ громадную политическую ошибку. Для достиженія этой цѣли, Тэнъ ведетъ читателя въ залу засѣданій, на галерею, отведенную для публики, дѣлаетъ его непосредственнымъ зрителемъ — и доказываетъ ему во-очію, что національное собраніе не обладало ни однимъ изъ условій, необходимыхъ для законодателей, которымъ поручена полная реорганизация страны, что собранію недоставало ни безопасности и независимости извнѣ, ни порядка и хладнокровія внутри, ни здраваго практическаго смысла, ни политической дисциплины, ни признанныхъ и компетентныхъ руководителей.

Зала засѣданій слишкомъ обширна, — она своей громадностью заставляетъ оратора возвышать голосъ и невольно впадать въ паеозъ (*porte à la déclamation*). Число депутатовъ слишкомъ велико — ихъ больше 1,000 — чтобы президентъ былъ въ состояніи поддерживать среди нихъ тишину и порядокъ. Нерѣдко до 200 человекъ говорятъ за одинъ разъ. Публика на галереяхъ принимаетъ живое участіе въ засѣданіяхъ, и этимъ еще болѣе содѣйствуетъ возбужденію ораторовъ, которые, подобно актерамъ, увлекаются увлеченіемъ публики и оттого впадаютъ въ постоянное преувели-

ченіе въ выраженіяхъ и мысляхъ. Въ этомъ новомъ, неопытномъ собраніи никто еще не привыкъ жертвовать своимъ самолюбіемъ для общаго дѣла; каждый говоритъ и дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Во время обсужденія, напримѣръ, важнаго проекта о національномъ банкѣ, одинъ депутатъ вдругъ предлагаетъ, чтобы каждый пожертвовалъ на алтарь отечества серебряную пряжку, которую тогда носили на башмакахъ. Сказать свою рѣчь, этотъ депутатъ торжественно кладетъ свою пряжку на столъ передъ президентомъ — и его предложеніе единогласно принимается собраніемъ. Такими неожиданными эпизодами постоянно прерывались самые серьезныя доклады. Оттого депутаты утромъ не знаютъ, что они будутъ дѣлать вечеромъ (*et sont à la merci de toutes les surprises*). Не даромъ американецъ Моррисъ сравниваетъ засѣданіе съ шальной стрѣльбой, когда изъ 1,000 выстрѣловъ развѣ только одинъ направленъ не въ пустое пространство. Тэнь, впрочемъ, даже въ знаменитомъ засѣданіи въ ночь на 5-е августа, когда были отмѣнены огучно всѣ средне-вѣковыя привилегіи сословій, городовъ и провинцій, видитъ не что иное, какъ неожиданную интермедію, во время которой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми до головокруженія. Этому внѣшнему отсутствію дисциплины соответствуетъ, по заключенію Тэня, внутренняя причина постоянного безпорядка. Депутаты воспитаны въ понятіяхъ и преданіяхъ салонной жизни XVIII вѣка; они всѣ слишкомъ чувствительны и слишкомъ привыкли къ разговорнымъ формамъ и манерамъ, доведеннымъ до крайней вѣжливости. Попавши на политическую арену среди оскорбительныхъ преній и безцеремонныхъ противорѣчій, сдѣлавшись жертвой ненавистныхъ инсинуаций, непрерывныхъ клеветъ и открытыхъ нападкѣй, они тотчасъ выходятъ изъ себя. Они не только сами экзальтированы, но пронзены потребностью постоянного новаго воодушевленія. Имъ мало оглушительныхъ рѣчей, которыя произносятся на ихъ трибунѣ, и они заставляютъ повторять въ залѣ собранія трогательныя рѣчи, которыя были произнесены Неккеромъ или другими въ городской ратушѣ. Засѣданія всегда начинаются съ чтенія поздравительныхъ адресовъ или угрожающихъ доносовъ, и нерѣдко прерываются депутаціями и процессіями, которыя съ музыкой являются въ залу національнаго собранія. Оттого эти засѣданія такъ часто представляютъ зрѣлище патріотической оперы, и этой страстью французскихъ законодателей къ театральности пользуются постороннія лица не только для личныхъ цѣлей и рекламъ, но и для политическихъ интригъ. По своему обычаю, Тэнь выражаетъ свою мысль, — что національное собраніе все бо-

лѣе и болѣе поддавалась увлеченію подъ вліяніемъ возбужденныхъ и политически неразвитыхъ народныхъ массъ, — между прочимъ, въ слѣдующей смѣлой и рельефной метафорѣ, неподдающейся переводу: «Dans ce grand banquet national que l'Assemblée croyait conduire, et auquel, portes ouvertes, elle appelait toute la France, elle s'est d'abord enivrée d'un vin noble; mais elle a trinqué avec la populace, et, par degrés sous la pression de ses convives, elle est descendue jusqu'aux boissons frelatées et brûlantes, jusqu'à l'ivresse malsaine et grotesque, d'autant plus grotesque et malsaine qu'elle persiste à se prendre pour la raison».

«Но даже въ тревожны минуты, — говорятъ Тэнъ, — собраніе не можетъ руководиться указаніемъ разума, потому что ни въ какомъ французскомъ законодательномъ собраніи, за исключеніемъ двухъ слѣдующихъ, не было такъ мало политическихъ головъ». Анализируя составъ національнаго собранія, Тэнъ указываетъ на то, что почти всѣ практическіе и дѣловые люди, которыхъ можно было найти въ тогдашней Франціи, преимущественно среди администраціи, въ парламентахъ и въ провинціальныхъ собраніяхъ, были исключены изъ національнаго собранія. Изъ 577 депутатовъ *третьяго сословія* только 10 занимали важныя должности.

Любопытно однако обратить вниманіе на то, какъ смотрѣли на дѣло въ началѣ революціи люди, на которыхъ Тэнъ возлагаетъ такія большія надежды. Мы возьмемъ для примѣра одного изъ этихъ 10-ти — Малуэ, который былъ интендантомъ въ морскомъ министерствѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ нѣсколькихъ министровъ. Тэнъ, какъ мы видѣли, считаетъ Малуэ однимъ изъ трехъ лучшихъ умовъ тогдашняго времени, и въ этомъ съ нимъ нужно согласиться; онъ нерѣдко руководится въ своихъ сужденіяхъ мнѣніями Малуэ и даже заимствовалъ у него основную идею своего сочиненія о революціи: «ce n'est pas une révolution, mais une dissolution qui s'opère au profit de quelques hommes pervers» (Mém. de Mal. II, p. 186). И что же оказывается? Что интенданты, администраторы стараго порядка — если они были не на сторонѣ реакціи — раздѣляли тѣ принципы, которые были осуществлены революціей и даже предлагали тѣ самыя практическія мѣры, которыя, по мнѣнію Тэна, вызвали «успокоенную анархію». Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ рѣчи, произнесенной Малуэ передъ своими избирателями: «La volonté générale est la véritable souveraine puissance devant laquelle tous les obstacles disparaissent» (I, p. 228), а въ прощальнѣйшей инструкціи, составленной Малуэ и принятой избирателями, сказано: «Ce sont vos pouvoirs que vous allez exercer et il n'en

est aucun qui n'émane du peuple... Que l'intérêt de tous, qui sera la seule limite de vos pouvoirs, soit aussi la règle invariable de votre conduite. Accablés depuis longtemps par le pouvoir absolu, mais éclairés maintenant sur nos véritables intérêts, nous avons à réparer les fautes et les malheurs de plusieurs siècles» (232). Что же касается до практических мѣръ, то въ этомъ же проектѣ высказываются требованія, чтобы въ національному собранію перешелъ не только контроль надъ финансами, но и участіе въ законодательной власти: «que l'Assemblée des Etats Généraux soit reconnue solennellement la seule puissance compétente pour consentir et sanctionner les lois et les impôts»; требуется полное уничтоженіе бюрократіи и централизаци и передача администраціи въ руки выборныхъ властей: «que les intendants soient supprimés, leur administration pouvant être utilement exercée par les états provinciaux et leurs commissaires»; требуется даже, чтобы полиція была предоставлена городскимъ властямъ, свободно избраннымъ населеніемъ. Конечно, Малуэ воставалъ, какъ и Мирабб, не противъ монархіи, а противъ произвола и деспотизма министровъ и сознвалъ «que le peuple a besoin d'être gouverné», что народъ неспособенъ быть правительствомъ; но дѣло въ томъ, что вышеизложенные принципы были несовмѣстны съ монархіей Людовика XVI и предложенныя выше реформы должны были перенести центръ тяжести государственной власти въ толпѣ избирателей, — а именно въ этому стремилась и масса депутатовъ, политику которыхъ осуждаетъ Тонъ.

Это большинство національнаго собранія состояло изъ не-известныхъ адвокатовъ и мелкихъ чиновниковъ, съ юности вращавшихся въ узкомъ кругу канцелярской рутинѣ, прерываемой только философическими прогулками въ фантастическія пространства подъ руководствомъ Руссо и Реймалі. Къ этимъ депутатамъ примыкало около 100 другихъ, подобныхъ имъ по своему развитію, и 208 священниковъ, раздѣлявшихъ ихъ точку зрѣнія. Такимъ образомъ, составилось большинство въ 650, къ которымъ присоединялось около 50 всереннихъ теоретиковъ (de nobles philosophes), не считая слабыхъ, которые слѣдуютъ теченію, и честолюбивыхъ, которые пристають туда, гдѣ ожидаютъ успѣха. Всего хуже то, что юные политики, непригодные для возложеннаго на нихъ дѣла, считаютъ себя ко всему способными и что ихъ неопытность равняется ихъ самообольщенію. Для нихъ не существуетъ сомнѣнія — и они всегда проникнуты убѣжденіемъ въ своей непогрѣшимости. Они считаютъ себя слишкомъ просвѣщен-

ними, чтобы руководиться фактами, когда наступилъ вѣкъ разума. Поэтому они, сообразно съ манерой Руссо, дѣйствуютъ дедуктивно, выводя все изъ отвлеченныхъ понятій о правѣ и государствѣ. При такомъ настроеніи пренія этого политическаго собранія похожи на засѣданія общества старыхъ литераторовъ, гдѣ одинъ членъ за другимъ читаетъ свою рѣчь безъ отношенія къ предшествовавшей и послѣдующей. Въ то время, когда горѣли замки и подвергались разграбленію городскія ратуши, подвозъ хлѣба былъ пріостановленъ и все общество распадалось, — 54 оратора записались на пренія о правахъ чловека — и «это скучное и усыпительное пустословіе», «эта метафизическая галиматья» продолжалась цѣлыя недѣли, подобно тому, какъ схоластическіе богословы спорили о свѣтѣ на горѣ Фаворской въ ту минуту, когда Магометъ громилъ изъ пушекъ стѣны Константинополя. При такомъ положеніи дѣлъ руководителями какъ націи, такъ и національнаго собранія сдѣлались головорѣзы (*les casse-cou*). Они имѣли на своей сторонѣ два преимущества, и эти преимущества были такъ значительны, что обеспечивали за ними навсегда преобладаніе. Во-первыхъ, на ихъ сторонѣ была господствовавшая теорія и они одни готовы были довести ея осуществленіе до конца. Ихъ влияние въ этомъ отношеніи было тѣмъ сильнѣе, что не только большинство депутатовъ, но и самые умѣренные — и даже члены оппозиціи — исходили изъ той же теоріи, самые упорные изъ привилегированныхъ въ своихъ инструкціяхъ отстаивали права чловека, и Мунье, главный противникъ демагоговъ, руководилъ депутатами третьяго сословія, когда они провозгласили себя національнымъ собраніемъ. Но если бы даже большинство, наконецъ, отказалось идти за своими вождями, — оно было бы насильно принуждено къ этому возмущившимся народомъ, который собраніе постоянно само поощряло и публикой на галереяхъ, которой собраніе предоставило непосредственное влияние на пренія и голосованіе. Въ этой публикѣ главную роль играла шайка изъ 750 чловекъ, правильно организованная и состоявшая на жалованьи. Тѣмъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ организаціи этой закулисной силы и о непосредственномъ участіи ея въ драмѣ, которая тогда разыгрывалась. Всѣ насилія со стороны толпы, овладѣвшей галереями, остаются не только безнаказанными, но и встрѣчаются съ одобреніемъ; депутаты, которые жалуются на такое насиліе, пріемлются къ порядку, и внимательство зрителей — ихъ крики, ихъ брань и угрозы рассматриваются какъ необходимая принадлежность законодательной дѣятельности

собрания — «sont introduites comme un rouage régulier dans l'opération législative».

Насилія не ограничиваются, впрочемъ, перерывами и угрозами въ заѣзъ засѣданія; при выходѣ изъ нея на улицѣ депутаты преслѣдуются, подвергаются личнымъ оскорбленіямъ и опасности; многіе изъ нихъ принуждены защищаться оружіемъ. И народная ярость направлена не только противъ депутатовъ, отставляющихъ привилегіи, но даже противъ тѣхъ, которые высказались въ чисто практическихъ вопросахъ несогласно съ господствующимъ взглядомъ; такъ, напримѣръ, экономистъ Дюпонъ, который пронависелъ рѣчь противъ ассигнацій, былъ встрѣченъ на улицѣ съ ругательствами и увлеченъ въ Тюльерійскому бассейну, и только патруль спасъ его отъ утопленія.

Національное собраніе ухудшило свое положеніе и состояніе страны своимъ постановленіемъ, чтобы никто изъ депутатовъ не могъ занять министерскаго поста, — оно такимъ образомъ отказалось окончательно захватить власть въ свои руки и взять на себя всю отвѣтственность за управленіе. Если бы вожди большинства были министрами, они не только сами набрались бы многихъ практическихъ свѣдѣній, которыхъ имъ не доставало, увидали бы многое въ иномъ свѣтѣ, но и собраніе посредствомъ ихъ познакомило бы съ практикой и выступило бы изъ своей академической роли. Съ другой стороны, этимъ средствомъ національное собраніе избавило бы себя отъ постоянной подозрительности и страха подкоповъ и заговоровъ со стороны двора. Учрежденный собраніемъ «Розыскной комитетъ» для изслѣдованія преступленій противъ націи, возобновлявшійся каждый мѣсяцъ и состоявшій изъ неопытныхъ и легковѣрныхъ дѣателей, своими допросами, обысками и мнимыми заговорами только волновалъ общественное мнѣніе и приводилъ въ трепетъ самое собраніе, ибо въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, собраніе не отличалось ничѣмъ отъ народа. Такимъ образомъ, заключаетъ Тэнь, національное собраніе руководилось при разрушеніи стараго зданія и при постройкѣ новаго двумя одинаково вредными побужденіями — страхомъ и теоріей.

Нельзя не признать, что въ живой, пластической характеристикѣ національнаго собранія, которую мы могли намѣтить здѣсь только въ общихъ чертахъ, Тэнь обнаружилъ свою обычную наблюдательность и что многіе изъ его упрековъ совершенно справедливы; но общее впечатлѣніе, которое производитъ національное собраніе въ книгѣ Тэна, значительно измѣнилось бы, если бы авторъ примѣнилъ въ послѣднемъ историческую мѣрку.

Национальное собраніе было же только первымъ демократическимъ правительствомъ во Франціи, но и вообще представляется собой первую политическую арену, на которой демократія могла свободно развернуть свои силы, испробовать свои теоріи и осуществить свои идеалы. Отъ этой юной демократіи, которая въ своемъ наивномъ энтузіазмѣ полагала, что вмѣстѣ съ новыми лучшими принципами переродились и самые люди, — нельзя было требовать той внутренней дисциплины и того самообладанія, которыя вырабатываются только борьбой, нельзя было требовать убѣжденія, добываемаго только опытомъ, что политическая жизнь складывается изъ равновѣсія различныхъ силъ и что политическій прогрессъ достигается путемъ сдѣловъ. Конечно, если мы будемъ сравнивать депутатовъ 1789 г. съ римскими сенаторами, которые греческому послу показались сонмомъ царей и которые говорили только, когда доходила до нихъ очередь и консулъ обращался къ нимъ лично съ вопросомъ, — то они могутъ намъ показаться жалкими въ своей законодательной роли; въ римскомъ сенатѣ царилъ духъ чинныхъ патриціевъ, уважавшихъ существующее какъ порядокъ, установленный богами, и этотъ сенатъ былъ составленъ исключительно изъ лицъ, привыкшихъ къ военной дисциплинѣ.

Национальное же собраніе состояло изъ людей, жаждавшихъ высказать то, что такъ долго у всѣхъ таилось на сердцахъ и въ рившихъ, какъ гуманисты въ вѣкѣ ренессанса, что теперь наступила весна человечества, что теперь только и стоить жить и дѣйствовать. Поэтому на демократическихъ законодателей 1789 г. нужно смотрѣть не съ римскаго Капитолія и не изъ Вестминстерскаго аббатства, а справедливѣе было бы сравнивать ихъ съ преемниками, наприм., съ законодательнымъ собраніемъ современной французской республики; тогда бы оказалось, какъ много выиграла французская демократія въ зрѣлости, самообладаніи и политической опытности; а съ другой стороны многое, что представляется страннымъ и ненормальнымъ въ 1789 г., пришлось бы признать только естественнымъ послѣдствіемъ тогдашняго положенія французской демократіи: какъ, напр., недостатокъ дисциплины въ засѣданіяхъ собранія, отсутствіе въ немъ политическихъ вождей (leader), которымъ предоставляется парламентская тактика и распредѣленіе ролей, наконецъ, высказанное и общее увлеченіе подъ вліяніемъ истины сказанной и патетической рѣчи. Тому слѣдовало бы также замѣтить, что анархическія свойства собранія восполнялись единодушнымъ настроеніемъ большинства и согласіемъ между депутатами относительно общихъ вопросовъ. Этихъ

объясняется то, что самыя важныя постановленія принимались иногда по предложенію мало извѣстныхъ депутатовъ, имена которыхъ сохранились въ исторіи только благодаря этому поводу. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ, которыя можно объяснить тогдашнимъ воспитаніемъ или національнымъ характеромъ Франціи, не что иное, какъ свойство всякаго чисто-демократическаго общества. Тэнъ приводитъ, напримѣръ, замѣчаніе современника революціи, — женеваца Дюмона, что если бы набрать на улицахъ Лондона и на улицахъ Парижа случайную толпу людей въ 100 и предложить имъ взять на себя управленіе страной, то въ Парижѣ на это согласились бы 99 изъ 100, а въ Лондонѣ 99 изъ 100 отказались бы. Дюмонъ прибавляетъ, что французы считаютъ себя способными побѣдить всѣ препятствія съ помощью нѣкотораго ума (*avec un peu d'esprit*). Это очень вѣрно, но стоитъ только немного всмотрѣться въ исторіи разныхъ демократій, чтобы убѣдиться, что во всякой крайней демократіи всякій ремесленникъ считаетъ себя способнымъ быть министромъ и генераломъ и всякій грамотей — способнымъ трактовать о всѣхъ безъ исключенія ученыхъ или специальныхъ предметахъ. Если 99 изъ 100 англичанъ отказались бы отъ управленія страной, то это было бы не столько слѣдствіемъ ихъ національнаго здраваго смысла и самообладанія, сколько ихъ политической трезвости, приобретенной подъ аристократическимъ управленіемъ; тѣ же 99 англичанъ послѣдовали бы примѣру французовъ, если бы ихъ набрать не на улицахъ Лондона, а на улицахъ Нью-Йорка или Бостона.

Еще болѣе обнаруживается отсутствіе исторической точности у Тэна, когда онъ критикуетъ составъ національнаго собранія и указываетъ на вредъ, который имѣло преобладаніе адвокатовъ и бюрократическаго элемента. Для Тэна это преобладаніе — печальный фактъ, который повлечъ за собой нѣкоторыя опредѣленныя имъ послѣдствія. Но опять-таки наши сужденія измѣнятся, если мы примемъ въ соображеніе тѣ историческія причины, которыми объясняется этотъ фактъ.

Когда *третье сословіе* выбирало депутатовъ, оно имѣло въ виду борьбу съ привилегированными классами и съ абсолютизмомъ, и потому естественно, что оно брало своихъ вождей не изъ числа интендантовъ, военныхъ командировъ и членовъ парламентской магистратуры, которые въ большинствѣ были заинтересованы въ сохраненіи стараго порядка, — а напротивъ, изъ той среды, которая наиболѣе сочувствовала новымъ демократическимъ стремленіямъ. Кромѣ того, Тэнъ, жалуясь на преобладаніе, какъ

мы бы сказали, канцелярскаго элемента предъ землевладѣльческимъ, долженъ былъ бы обратить вниманіе на то, что это предпочтеніе адвокатовъ и чиновниковъ объясняется не одними политическими тенденціями. Малюэ, сужденіямъ котораго онъ такъ довѣряетъ, сознается, что во время выборовъ онъ былъ изумленъ скудостью въ тогдашней Франціи независимыхъ землевладѣльцевъ, и на этомъ основаніи онъ считалъ невозможнымъ для Франціи конституціонный образъ правленія. Если при этомъ принять во вниманіе, что громадное большинство этихъ независимыхъ по своему положенію людей принадлежало къ дворянству, имѣвшему свое особое представительство, то становится яснымъ, почему въ 1789 г. выборъ въ депутаты отъ *третьяго сословія* палъ преимущественно на людей наиболѣе пропитанныхъ демократическими идеями. А при такомъ положеніи дѣла руководителями общественнаго движенія естественно сдѣлались адвокаты, которые благодаря своей профессіи, приучающей ихъ прислушиваться къ настроенію своей аудиторіи и угождать ей, должны выдаваться и пользоваться популярностію во всякомъ демократическомъ обществѣ ¹⁾. Мы позволимъ себѣ по этому поводу дополнить изложеніе Тона очень интереснымъ замѣчаніемъ Бальи о роли, которую пришлось тогда играть адвокатамъ и литераторамъ. «Я долженъ замѣтить,—говоритъ Бальи въ своихъ мемуарахъ ²⁾,—о собраніи парижскихъ избирателей,—а это примѣнимо и вообще къ тогдашней Франціи,—что «литераторы» ³⁾ пользовались въ немъ большимъ нерасположеніемъ. Между тѣмъ они (*les gens de lettres*)—самые просвѣщенные люди, если не относительно каждаго частнаго предмета, то, по крайней мѣрѣ, относительно общихъ вопросовъ, и это оттого, что имъ приходилось болѣе другихъ упражнять свой умъ, и они лучше знаютъ, какимъ образомъ его примѣнить къ дѣлу». Бальи объясняетъ неуспѣхъ литераторовъ на выборахъ тѣмъ, что ихъ было не много; «въ

¹⁾ Мы находимъ въ мемуарахъ Ривароля (стр. 14) слѣдующую характеристику политической роли адвокатовъ во время французской революціи: „On peut dire pour disculper les avocats qu'ils sont par état des êtres verbeux, forcés de cacher la disette des idées sous l'abondance des mots, d'exagérer les petites choses et d'atténuer les grandes, d'écrire même et de penser à la grosse comme ils le disent eux-mêmes.

²⁾ I, 64, изд. 1804 г.

³⁾ Мы принуждены оговориться и обратить вниманіе на то, какъ далеко уклонилось значеніе русскаго слова *литераторы* отъ французскаго *gens de lettres*. Бальи разумѣетъ подъ послѣдними преимущественно французскихъ академиковъ; у него литераторы отождествляются съ *учеными* и *философами*; у насъ понятія литератора и ученаго стали, къ сожалѣнію, существенно расходиться.

собрании было два господствовавшихъ класса — купцы и адвокаты; — купцы мало знаютъ литераторовъ, а что касается до адвокатовъ, которые были въ состояніи ихъ оцѣнить, то между ними всегда существуетъ соперничество». Но затѣмъ Бальз приводитъ еще другую, болѣе существенную причину: «философъ, — говоритъ онъ, — любить свободу, онъ знаетъ достоинство человѣка, но онъ требуетъ всего болѣе, чтобы миръ не былъ нарушенъ вокругъ него; онъ хочетъ, чтобы свѣтъ распространялся, чтобы человѣкъ вступилъ въ свои права, но постепенно и безъ усилій; онъ опасается толчковъ и насильственныхъ революцій. Причина этого очень проста: онъ сравниваетъ то, что хотятъ купить, съ той цѣной, которую за это даютъ. Когда великій народъ захочетъ свободы, ничто не можетъ помѣшать ему достигнуть ея. Мудрецъ думаетъ, что этотъ естественный срокъ не слѣдуетъ насильственно сокращать; въ своихъ расчетахъ онъ принимаетъ въ соображеніе и *плюс*, и *минус*, и полагаетъ, что извѣстный *минус* предпочтительнѣе *плюса*, купленнаго общественными бѣдствіями и кровью нашихъ братьевъ».

Все, что составляетъ причину неуспѣха *философовъ* въ сильно возбужденномъ обществѣ и въ минуту взрыва демократическихъ страстей — доставляло, напротивъ, популярность людямъ, привыкшимъ апеллировать къ страстямъ, сообразоваться съ настроеніемъ общества и подниматься на этой волнѣ — людямъ, не разборчивымъ въ средства, лишь бы достигнуть извѣстнаго эффекта, ихъ ближайшей цѣли. Понятно, что такимъ образомъ адвокаты были не только естественными, то-есть неизбежными, но и лучшими вождями для того общества, которое желало демократическаго переворота во что бы то ни стало, и Бёркъ былъ такъ же правъ, когда онъ поставилъ въ вину адвокатамъ неистовства революціи, какъ и первый президентъ національнаго собранія, знаменитый ученый Бальз (*l'homme juste*, какъ онъ названъ въ протоколѣ парижскихъ избирателей), приписавшій имъ съ полной признательностію успѣхъ революціи.

Но, кромѣ того, опредѣляя вліяніе адвокатовъ на революцію, не слѣдуетъ забывать, что они были обязаны этимъ вліяніемъ не только своему профессиональному характеру, своей наклонности увлекаться господствующими мнѣніями и опережать ихъ, но что причина ихъ преобладанія имѣетъ болѣе глубокіе историческіе корни. Адвокаты были не только естественными вождями воинствующей демократіи, но, можно сказать, ораторами многочисленнаго и могущественнаго класса, значеніе котораго восходитъ до самой ранней эпохи французской монархіи и который оста-

виль глубокіе слѣды въ судьбахъ французскаго народа. Это тотъ классъ, изъ котораго выходили средневѣковые *легисты* и къ которому во время французской революціи принадлежало почти все чиновничество. Замѣчательно, что во Франціи этотъ классъ всегда имѣлъ много точекъ соприкосновенія и много общаго въ умственномъ складѣ съ низшимъ духовенствомъ. Какъ въ средніе вѣка классъ чиновниковъ—*клерки*—въ значительной степени набирался изъ духовенства и изъ духовныхъ швобъ, такъ и во время революціи почти всѣ *civiles* оказались на сторонѣ адвокатовъ (*leurs pareils*). И въ средніе вѣка этотъ классъ *клерковъ*, *легистовъ* и адвокатовъ противопоставлялъ исторически сложившимся «кутюмамъ» сухую догму, выведенную изъ римскаго права, былъ главнымъ врагомъ феодальныхъ притязаній и церковной автономіи, и съ неумолимой логикой теоретиковъ проводилъ въ жизнь отвлеченную идею государственнаго единства и государственнаго интереса. Но такъ какъ въ средніе вѣка отвлеченное государство слагалось изъ конкретныхъ феодальныхъ формъ подъ знаменемъ монархіи, то эти клерки и легисты были самыми вѣрными слугами монархіи, и не одинъ изъ нихъ заплатилъ своей жизнью за слишкомъ ревностныя услуги, оказанныя королю противъ феодальнаго строя. Но уже тогда эти защитники государства были очень склонны къ демократическимъ тенденціямъ и охотно сводили, слѣдуя римскимъ юристамъ, власть короля на народную волю. Въ 1789 же г., когда можно было окончательно побѣдить феодализмъ только на основаніи принципа народовластія и когда самая монархія оказалась на сторонѣ «старога порядка», этотъ классъ естественно предался безъ всякихъ сдержекъ своимъ демократическимъ инстинктамъ и своей наклонности преобразовать существующее во имя отвлеченной политической теоріи, и сдѣлался такимъ же ревностнымъ слугою царственной демократіи, какъ прежде монархіи.

Отъ Пьерра Дюбуа, извѣстнаго адвоката XIII в. ¹⁾, до адвокатовъ революціи и ихъ союзника, аббата Сіеса, тянется непрерывная цѣпь, и тѣ же самые архитекторы, которые создали французскую монархію, работали въ 1789 году надъ устройствомъ

¹⁾ Историкъ Вутарикъ въ своей книгѣ о жизни и сочиненіяхъ Дюбуа, этого вліятельнаго помощника Филиппа Красиваго въ его борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII, справедливо замѣчаетъ, что трактатъ этого легиста о независимости государственной власти сдѣлался манифестомъ французскихъ королей. А между тѣмъ уже этотъ ранній защитникъ государственнаго абсолютизма грозитъ правительству, что если оно не исполнитъ своей задачи—борьбы съ папствомъ, то для исполненія ея возстанетъ народъ.

французской республики; но работали на этот раз на полном просторѣ, не какъ слуги, а какъ господа Франціи, не соображаясь съ обстоятельствами и чужими требованіями, а исключительно руководясь начерченнымъ ими отвлеченнымъ планомъ. Конечно, философъ, о которомъ говоритъ Бальз, сталъ бы строить иначе. Но, чтобы судить объ этой работѣ и о достоинствѣ плана, нужно принять въ соображеніе роль, которую издавна играли эти архитекторы въ исторіи Франціи, и тѣ обстоятельства, которые ихъ вдругъ внезапно сдѣлали полновластными распорядителями судебъ Франціи. Иностранцы, особенно англичане и американцы, которые на своей родинѣ не знали бюрократическаго элемента и ничѣмъ ему не были обязаны—изумлялись тому, что происходило на ихъ глазахъ и по-своему это объясняли.

Слѣдуя указаніямъ тогдашняго американскаго посла въ Парижѣ, умнаго и безпристрастнаго Морриса, Тэнь распредѣляетъ депутатовъ національнаго собранія на три партіи: 1) партію аристократовъ, въ которой Моррисъ причисляетъ прелатовъ, парламентскую магистратуру и ту часть дворянъ, которые желали по-прежнему составлять особый штатъ въ государствѣ; 2) среднюю или умѣренную, состоявшую изъ людей *честныхъ* (*ayant des intentions droites*), искренно желавшихъ хорошаго правительства, но слишкомъ увлеченныхъ внижными теоріями; и, наконецъ, 3) партію *блженныхъ* (*enragés*), самую многочисленную, состоявшую по Моррису изъ разряда лицъ, которыхъ въ Америкѣ называютъ кляузниками (*gens de chicane*), изъ толпы священниковъ и тѣхъ людей, которые при всякомъ переворотѣ стоятъ за перемену, потому что недовольны своимъ положеніемъ». Это дѣленіе Морриса имѣетъ слишкомъ субъективный характеръ, слишкомъ исключительно беретъ въ расчетъ внутреннія побужденія лицъ—честность убѣжденій или интересъ, заставляющіе ихъ дѣйствовать. Но люди, какъ общественные дѣятели, всегда могутъ быть раздѣлены на такихъ, которые болѣе или менѣе руководятся честными убѣжденіями или же личнымъ интересомъ, а послѣдній, въ свою очередь, можетъ заставить ихъ отстаивать старину или, напротивъ, стремиться къ перевороту. Такимъ образомъ, Моррисъ вездѣ напелъ бы, какъ и въ національномъ собраніи, свои три категоріи; но болѣе существенно для дѣла и болѣе согласно съ исторической точкой зрѣнія было бы иное распредѣленіе депутатовъ. Одни считали правымъ только прошедшее,—а это прошлое заключалось въ феодальномъ строѣ, и потому его сторонниковъ можно назвать феодальной партіей или легитимистами, которые не желали дѣлать никакихъ существенныхъ уступокъ.

Другіе одинаково взвѣшивали и права прошедшаго и права будущаго, освященный вѣками фактъ и новую теорію, и при установленіи равновѣсія между ними преимущественно принимали въ соображеніе интересъ настоящаго. Это—партія реформы,—партія, которая понимала, что французское государство имѣетъ монархическій строй, и потому хотѣла по-прежнему помѣстить центр тяжести въ монархическомъ правительствѣ, но желала преобразовать его согласно съ требованіями политической свободы и равенства. Наконецъ, третья партія состояла изъ людей, которые исключительно дѣйствовали въ виду будущаго, въ интересахъ новаго порядка вещей, ими создаваемого, и приносили ему въ жертву какъ права прошедшаго, такъ и интересы настоящаго. Эта партія увлекалась отвлеченными книжными теоріями и нисколько не смущалась тѣмъ, что полного осуществленія ея теорій хотѣли очень немногіе и что оно было возможно только посредствомъ насилія. Это партія революціи,—партія, желавшая вновь перестроить общество и государство на чисто демократическомъ принципѣ. Оцѣнка этихъ различныхъ партій и ихъ политики, и сужденіе о національномъ собраніи вообще, конечно, находятся въ зависимости отъ общаго взгляда историка на дѣло, въ которой стремилось это собраніе и на результаты, которыхъ оно достигло,—и потому, не останавливаясь долѣе на этомъ, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію взглядовъ Тэна на «дѣло Національнаго или Учредительнаго собранія».

XIV.

Въ обсужденіи историческихъ фактовъ люди нерѣдко руководятся, такъ же какъ и при оцѣнкѣ событій современныхъ, прежде всего страстью, или исключительнымъ предпочтеніемъ какой-нибудь предвзятой политической теоріи. Такимъ образомъ, не разъ изображали или искажали ходъ французской революціи съ точки зрѣнія легитимизма, клерикализма или социализма. Но если писатель не ослѣпленъ страстью, если его произведеніе не предназначено къ тому, чтобы служить орудіемъ пропаганды въ пользу извѣстной партіи, онъ можетъ руководиться при обсужденіи прошедшаго двумя существенно различными точками зрѣнія или интересами. Онъ можетъ задаваться чисто научнымъ интересомъ или интересомъ практическимъ; цѣлью его изслѣдованія можетъ быть *истина* или непосредственная практическая *польза*. Въ первомъ случаѣ онъ, обращаясь къ исторіи французской революціи, по-

пытается объяснить характеръ и ходъ ея изъ предшествовавшихъ и современныхъ ей событій, повлиявшихъ на нее и понять ея общее значеніе въ исторіи Франціи и Европы; во второмъ случаѣ онъ будетъ критиковать ее съ точки зрѣнія практическаго политика. Первый способъ изслѣдованія приведетъ къ историческому взгляду, и въ области историческихъ вопросовъ этотъ взглядъ долженъ быть признанъ единственно научнымъ; второй способъ изслѣдованія можно назвать *утилитарнымъ*.

Мы уже знаемъ, что методъ Тэна, какъ историка, именно заключается въ приложеніи къ французской революціи утилитарнаго взгляда. Съ такой точки зрѣнія революція уже напередъ осуждена: она утрачиваетъ свой смыслъ, теряетъ то, что такъ хорошо передается французскимъ выраженіемъ — *raison d'être*; ибо всякій насильственный переворотъ приносить съ собой вредъ; онъ вырываетъ много того, что еще могло жить, создаетъ незрѣлыя учрежденія и ненормальныя отношенія, и налагаетъ на частныя лица и цѣлыя классы несоразмѣрныя жертвы. Въ виду этихъ несомнѣнныхъ положеній можно сказать: конечно, Франція въ 1789 году нуждалась въ существенныхъ перемѣнахъ; но зачѣмъ же было покупать улучшение такой дорогой цѣной — ниспроверженіемъ всего существующаго порядка, однимъ словомъ, зачѣмъ же переворотъ 1789 года принять характеръ революціи вмѣсто того, чтобы быть реформой.

Реформа именно и есть то основное понятіе, изъ котораго исходитъ Тэнь въ своей критикѣ какъ самаго хода революціи, такъ и ея результатовъ. Критикуя революцію съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлесообразныхъ реформъ, которыя она не допустила или устранила, Тэнь подкрѣпляетъ свой взглядъ двумя разрядами доводовъ — фактическими и теоретическими. Фактическими аргументами противъ революціи служатъ ему сужденія и отзывы современниковъ, которые наблюдали надъ ходомъ событій, сочувствовали реформамъ, но предостерегали отъ увлеченій и вѣрно предсказывали ихъ вредныя послѣдствія. Аргументами второго рода служатъ Тэну общія разсужденія о государствѣ и обществѣ.

Что касается до критики, заимствованной Тэномъ у современниковъ революціи, то онъ сумѣлъ очень искусно воспользоваться ею. Нельзя не сознаться, что сгруппированные у Тэна отзывы многихъ замѣчательныхъ людей, сочувствовавшихъ сначала перевороту 1789 г., но затѣмъ, когда дѣло зашло слишкомъ далеко, осуждавшихъ его, производятъ сильное впечатлѣніе, особенно сужденія иностранцевъ, не прямо заинтересованныхъ во французскихъ событіяхъ.

Дѣйствительно, самую основательную и въ то же время самую рѣзкую и вѣдую критику дѣятельности тогдашней революціонной партіи и самую вѣрную оцѣнку послѣдствій революціи можно найти въ отзывахъ современныхъ государственныхъ людей Англіи и Америки, приведенныхъ Тэномъ. Уже въ 1789 г. Питтъ заявилъ, что французы «перешли линію свободы» (*ont traversé la liberté*, какъ приведены слова Питта у Тэна), а нѣсколько мѣсяцевъ спустя Бёркъ предсказывалъ въ своей книгѣ о революціи, что исходомъ ея будетъ военная диктатура и «самый, абсолютный деспотизмъ, который когда-либо существовалъ подъ небесами».

Но еще болѣе вѣски въ этомъ случаѣ отзывы американскихъ государственныхъ людей, которые имѣли столько основанія сочувствовать тому, что совершалось во Франціи. Они съ самаго начала, можно сказать—до начала революціи—стали опасаться ея крайностей и дѣлали всевозможныя усилія, чтобы удержать своихъ друзей на почвѣ умѣренности и практической политики. За два мѣсяца до собранія генеральныхъ штатовъ Моррисъ пишетъ Вашингтону: «Я, республиканецъ, бывший, такъ сказать, вчера еще членомъ того собранія, которое начертало одну изъ самыхъ республиканскихъ между всѣми республиканскими конституціями—я не перестану проповѣдывать уваженіе къ государю, вниманіе къ правамъ дворянства и умѣренность не только относительно цѣли, но и относительно средствъ къ ея осуществленію». А Джефферсонъ, представитель радикальной демократіи въ Америкѣ, уговаривалъ Лафайета и другихъ патріотовъ въ ту критическую минуту, когда національное собраніе во имя народовластія отказалось подчиниться королю: «войти съ королемъ въ соглашеніе, обезпечить свободу печати, свободу совѣсти, судъ посредствомъ присяжныхъ, свободу личности (*habeas corpus*) и законодательство посредствомъ выборныхъ изъ народа,—*требованія, которыя натурно были бы исполнены*,—и затѣмъ разойтись и дать новымъ учрежденіямъ возможность оказать свое дѣйствіе на народъ и сдѣлать его способнымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ, причемъ они могутъ быть увѣрены, что имъ всегда будутъ представляться удобные случаи потребовать и большаго». За двѣ недѣли до взятія Бастиліи Моррисъ писалъ: «они хотятъ американскую конституцію съ королемъ вмѣсто президента, не думая о томъ, что у нихъ нѣтъ американскихъ гражданъ; чтобы вынести на плечахъ такую конституцію. Если у нихъ окажется настолько здраваго смысла, чтобы предоставить дворянамъ, въ качествѣ дворянъ, извѣстную долю народной власти, эта либеральная консти-

тудя, вѣроятно, упрочится. Но въ противномъ случаѣ Франція превратится (dégénégera) въ чистую монархію или въ обширную республику-демократію. А эта можетъ ли упрочиться? Я не думаю; я даже увѣренъ въ противномъ, развѣ только при условіи, что вся нація преобразится».

И не успѣли еще вполнѣ обнаружиться въ жизни Франціи послѣдствія самоуправства и тиранніи парижской демократіи,— какъ другъ Вашингтона уже совершенно ясно созналъ безсиліе національнаго собранія и приближеніе террора, и въ минуту всеобщаго энтузіазма произнесъ надъ революціей слѣдующій роковой приговоръ: «это похоже на полетъ испуганныхъ птицъ; трудно сказать, куда они сядутъ, до того они летятъ въ-разсыпную. Эта несчастная страна, заблудившаяся въ погонѣ за метафизическими химерами, представляетъ собою умственному взору лишь громадную развалину: члены собранія въ одно и то же время повелители и рабы, взбалмошные въ теоріи и неопытные (novices) на практикѣ; захвативъ всѣ правительственныя обязанности (fonctions) и не будучи въ состояніи исполнить ни одной изъ нихъ— они сняли съ этого одичавшаго и свирѣпаго народа всякую узду, налагаемую религіей и авторитетомъ. Такое положеніе дѣла не можетъ продлиться. Достославный случай упущенъ, и на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, революція не удалась».

Революція была дѣломъ неудавшимся!—это тяжелый упрекъ, и особенно тяжелъ онъ въ устахъ представителя демократической республики, которая счумѣла съ такимъ успѣхомъ отстоять свою независимость и устроить свою конституцію.

Къ этимъ обличеніямъ революціонной партіи со стороны современниковъ ея Тэнъ присоединяетъ упреки, которые онъ ей дѣлаетъ съ практической точки зрѣнія; все, что возможно возразить противъ революціонныхъ стремленій во имя справедливости, гуманности и политическаго благоразумія, то сказано у Тэна, и этотъ отдѣлъ его очень поучителенъ для людей, привыкшихъ руководиться въ общественныхъ вопросахъ воображеніемъ, страстью или поверхностной рутинной догматикой. Радикальнымъ доктринамъ Тэнъ внушаетъ, что государственное устройство должно сообразоваться съ политическими условіями страны. «Смотря по народу, эпохѣ и степени цивилизаціи, смотря по вѣшнему и внутреннему положенію, всякое равенство или неравенство, гражданское или политическое, можетъ быть или перестать быть полезнымъ или вреднымъ, и поэтому заслуживать, чтобы законодатель его сохранилъ или уничтожилъ» (стр. 188).

Послѣдователямъ Руссо и «Общественнаго Договора» Тэнъ

доказываетъ, «что члены государства со всѣми своими предками составляютъ одно національное тѣло и, только благодаря существованію этого организма, они получили возможность жить, размножаться, работать, приобрѣтать, просвѣщаться и умножать унаслѣдываемый запасъ благоденствія и знанія, которымъ теперь сами пользуются. Потому, не только главный интересъ, но и первый долгъ каждаго гражданина долженъ быть направленъ къ сохраненію и благоденствію этого организма; и потому законъ не долженъ имѣть въ виду выгоду ни меньшинства, ни большинства, а всего общества. Этого основного положенія никто не долженъ нарушать, ни большинство, ни меньшинство, ни собраніе представителей, выбранныхъ народомъ, ни самый народъ, даже если бы онъ былъ единодушенъ». «Народъ не имѣетъ права произвольно распоряжаться общимъ достояніемъ (*res publica*), рисковать имъ по своей фантазіи, жертвовать имъ ради приложенія извѣстной теоріи или интереса одного класса, даже если бы этотъ классъ былъ самымъ многочисленнымъ, ибо государство принадлежитъ не одному поколѣнію, а составляетъ общее достояніе, какъ современныхъ, такъ и всѣхъ прошлыхъ и всѣхъ грядущихъ поколѣній». Каждое поколѣніе есть только временный распорядитель и отвѣтственный хранитель драгоценнаго и славнаго наслѣдія, полученнаго отъ предшествовавшаго съ обязанностью передать его въ цѣлости слѣдующему поколѣнію.

Всѣ эти соображенія, высказанныя Тэномъ, нужно признать вполне справедливыми и чрезвычайно полезными, какъ начала, которыми мы должны руководиться при обсужденіи современныхъ намъ событій, относительно которыхъ мы можемъ быть зрителями или участниками. Но примѣнимость этихъ началъ къ прошедшимъ фактамъ, къ событіямъ историческимъ, подвержена большому сомнѣнію. Практическая польза ихъ въ значительной степени устраняется тѣмъ, что фактъ совершился, что провозглашенныя начала не измѣняютъ того, что произошло, и могутъ породить только безплодное сожалѣніе. Конечно, извѣстная доля практической пользы остается за этими соображеніями. Исторію еще древніе называли руководительницею жизни, т.-е. преимущественно политической жизни, и ея уроки не должны пропадать для насъ даромъ. Но историкъ все-таки не долженъ ограничиться ролью морализующаго критика, который выступаетъ защитникомъ права противъ политическихъ страстей и отстаиваетъ живые интересы дѣйствительности противъ увлеченія крайней теоріей. Историкъ имѣетъ передъ собой прежде всего научную задачу, — его обязанность прежде всего заключается въ томъ, чтобы объ-

яснить, вслѣдствіе чего и какимъ образомъ совершился извѣстный фактъ. Конечно, можно себя представить, что Франція, напимѣръ, могла бы быть въ наше время могущественной и цвѣтущей державой и подъ управленіемъ потомковъ Людовика XIV; что ея населеніе могло бы пользоваться благоденствіемъ и просвѣщеніемъ подобно Англіи, подъ руководствомъ наслѣдственной аристократіи; но фактъ тотъ, что она сдѣлалась вслѣдствіе революціи 1879 г. демократическою республикой, и задача историка заключается въ томъ, чтобы объяснить причины и способъ развитія французской демократіи.

Къ этому нужно прибавить, что практическія начала и соображенія, высказанныя Тэномъ, имѣютъ слишкомъ общій характеръ и, по своей отвлеченности, не дозволяютъ принимать достаточно въ расчетъ индивидуальныя черты и условія историческихъ фактовъ. Тэнь, прилагая утилитарную теорію къ исторіи революціи, впадаетъ именно въ ту самую крайность, за которую онъ такъ рѣзко осуждаетъ писателей и общество XVIII в. Если французскіе литераторы и политики прошлаго вѣка принимали за норму отвлеченныя понятія о человѣкѣ и съ точки зрѣнія этой нормы критиковали и отвергали современныя имъ учрежденія у всѣхъ народовъ, то утилитаризмъ создаетъ во имя практической пользы такую же отвлеченную мѣрку и съ нею одинаково подходитъ ко всѣмъ историческимъ событіямъ. Этотъ послѣдній методъ, подобно первому, приноситъ живую и разнообразную дѣйствительность въ жертву отвлеченному положенію. Конечно, государство есть организмъ и всѣ перемѣны въ немъ должны имѣть органическій характеръ, то-есть не нарушать живленности организма; но есть политическіе организмы, неспособные къ жизни, и другіе, способные сохранить живучесть только подъ условіемъ коренного переворота, какъ, напимѣръ, феодальная Франція. Эти индивидуальныя черты и конкретныя условія Тэнь постоянно упускаетъ изъ виду. Онъ, напимѣръ, очень хорошо разсуждаетъ о политическомъ значеніи и пользѣ аристократіи; но все дѣло въ данномъ случаѣ въ томъ, способна ли была французская аристократія въ 1789 году къ этой возлагаемой на нее политической теоріей роли и представляла ли въ то время дѣйствительность нужная для этого условія?

Что же касается до другого рода аргументовъ Тэна въ пользу его взгляда — отзывовъ современныхъ революціи англійскихъ и американскихъ политиковъ, то они очень интересны для историка, но онъ не долженъ на нихъ останавливаться потому, что имѣетъ передъ нами три важныхъ преимущества. Онъ, во-первыхъ, въ

состоитъ лучше понять предшествовавшую исторію Франціи и ея вліяніе на событія 1789 года, чѣмъ Моррисъ и Джефферсонъ; онъ имѣетъ возможность собрать болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о состояніи Франціи въ самый моментъ революціи и яснѣе понимать причины событій и, наконецъ, онъ имѣетъ громадное преимущество судить о переворотѣ 1789 года не по первымъ его проявленіямъ, а по окончательнымъ результатамъ, насколько они обнаружались по прошествіи почти цѣлаго столѣтія.

Отъ всѣхъ этихъ преимуществъ и, нужно сказать, отъ всѣхъ, вытекающихъ отсюда обязанностей, добровольно оторвался Тэнъ въ угоду усвоеннаго имъ утилитарнаго взгляда. Онъ не принимаетъ достаточно въ расчетъ ни прошедшаго, то-есть исторіи Франціи до 1789 года, ни современныхъ революціи условий и событій и, наконецъ, онъ совершенно игнорируетъ будущее, то-есть дальнѣйшій ходъ того историческаго процесса, начало котораго онъ обсуждаетъ. Обратимся, на примѣръ, къ прошедшему. Тэнъ написалъ цѣлый томъ, чтобы объяснить происхожденіе революціи, но онъ не извлекъ изъ исторіи Франціи до 1789 г. главнаго ея урока, а именно, того положенія, что эта исторія сдѣлала неизбежнымъ торжество демократіи. У Тэна демократія 1789 года слишкомъ имѣетъ характеръ силы—искусственно и, слѣдовательно, произвольно созданной. Историкъ относится къ ней, по выраженію одного римскаго трибуна у Ливія о патриціяхъ, «точно она съ неба свалилась», и не имѣетъ корней въ прошедшемъ, то-есть въ дѣйствительныхъ фактахъ. Она какъ будто создана утопической и отвлеченной теоріей XVIII в. Но эта теорія никогда бы не имѣла такой силы, если бы не выражала собой до известной степени дѣйствительности, подготовленной исторіей. *Contrat social* не сдѣлался бы враномъ французской демократіи, если бы не соответствовалъ ея практическимъ потребностямъ. Французская демократія руководилась теоретическою логикой, но потому, что этой логикѣ соответствовали инстинкты ея страстей.

Если при опредѣленіи характера и стремленій французской демократіи Тэнъ не принялъ достаточно въ расчетъ всей прошлой исторіи Франціи, то въ обсужденіи политики этой демократіи онъ слишкомъ часто забываетъ о современныхъ событіяхъ и отношеніяхъ, которыми часто обуславливалась эта политика. Демократія въ 1789 году совершила узурпацію, захватила власть насильственнымъ образомъ, вытѣснивши законное правительство; въ этомъ нѣтъ сомнѣній, и сочиненіе Тэна бросаетъ яркій свѣтъ на этотъ фактъ. Но за то онъ нигдѣ не касается чрезвычайно важной стороны дѣла, а именно, невозможности для Франціи при

старомъ порядкѣ осуществить необходимыя реформы. Это не только явствуетъ изъ всего положенія дѣлъ, но въ этомъ сознаются даже приверженцы королевской власти и строгіе критики революціи, какъ, напримѣръ, графъ Ривароль, который замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что король даже при помощи дѣльныхъ (bons) министровъ былъ недостаточно могущественъ, чтобы произвести хотя одну изъ великихъ реформъ, которыхъ мы сдѣлались свидѣтелями»¹⁾.

Далѣе, Тэнъ упускаетъ изъ вида собственное отреченіе отъ власти со стороны самой монархіи, которое, конечно, обусловливалось признаніемъ этой своей немощи и невозможности предупредить или устранить революцію коренною реформой. И этотъ фактъ опять засвидѣтельствованъ приверженцами монархіи, писателями, сужденіемъ которыхъ Тэнъ въ другихъ вопросахъ такъ часто руководился. Какъ, напримѣръ, рельефно изображена въ мемуарахъ Малуэ эта немощь монархіи: «Правительство,—говоритъ онъ,—въ 1789 году обращалось къ цѣлой Франціи и потомъ къ генеральнымъ штатамъ съ вопросомъ: что же нужно дѣлать? что я могу сдѣлать? чего хотѣть меня лишитъ, и что мнѣ оставить²⁾; «que veut-on retrancher de mon autorité, que m'en laissera-t-on?» Ту же самую мысль выражаетъ Ривароль, когда говоритъ, что съ призваніемъ генеральныхъ штатовъ государственная власть была какъ-бы на время устранена (comme supprimé). Наступило какое-то междуцарствіе, хотя король этого не замѣчалъ (Riv., p. 220).

Разсматривая образъ дѣйствія національнаго собранія, Тэнъ, какъ мы видѣли, упрекаетъ его въ томъ, что оно слишкомъ руководилось страхомъ. Мы не станемъ здѣсь обсуждать вопроса, насколько можно было въ дѣйствительности опасаться, что Людовикъ XVI послѣдуетъ примѣру Карла I и возьмется за оружіе, и другого вопроса, насколько такая попытка имѣла бы успѣхъ, ибо это значило бы вдаваться въ область предположений. Но необходимо имѣть въ виду фактъ, что демократія 1789 года и національное собраніе не могли не бояться реакціи и что побѣжденная партія своимъ безтактнымъ поведеніемъ дѣлала все возможное, чтобы усилить этотъ страхъ³⁾. За доказательствомъ мы опять обратимся къ Малуэ, который, напримѣръ, говоритъ, что послѣ 5-го октября огромное число членовъ большинства, не

¹⁾ Mém. de Rivarol, 121.

²⁾ Mém. de Malouet, I, 249.

³⁾ Mém. de Malouet, II, 8. Les ressentiments de l'aristocratie étaient aussi indiscrets, aussi menaçants qu'ils furent impuissants.

сочувствовавшихъ обороту, который приняли дѣла, не рѣшились, однако, противодействовать ему въ виду раздраженія аристократической партіи; они напротивъ полагали, вопреки своему желанію, что ихъ безопасность обусловлена торжествомъ демократической партіи, къ какимъ бы средствамъ она ни прибѣгала.

Вообще, сила событій рѣдко играла такую роль, какъ во время французской революціи и дѣйствовала такимъ ошеломляющимъ образомъ на всѣ партіи, и эта сила событій имѣла, конечно, не меньше вліянія на характеръ революціи, чѣмъ отвлеченная теорія, которой руководилась демократическая партія. Такое наблюденіе было сдѣлано еще современниками революціи; Малуэ, на примѣръ, востаетъ противъ заблужденія тѣхъ, которые считали Францію увлеченною революціей и большинство національнаго собранія мятежниками и утверждаетъ, что прогрессивный ходъ событій вызвалъ и развилъ общее настроеніе ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Малуэ обращаетъ вниманіе на то, что притязанія національнаго собранія развивались (*faisaient des progrès*) постепенно и что, на примѣръ, временное ограниченіе королевской власти до окончанія конституціи было новой доктриной, которую многіе депутаты начали считать приложимою къ дѣлу (*admissible*), хотя бы отвергли ее за два мѣсяца передъ тѣмъ.

Но если нельзя не упрекнуть Тэна въ томъ, что онъ въ своемъ утилитарномъ взглядѣ на революцію не обращалъ достаточно вниманія на прошедшее Франціи и на современныя революціи событія, то еще менѣе извинительно съ его стороны то, что онъ вовсе не принялъ въ расчетъ третій элементъ исторіи — будущее, тѣмъ болѣе, что его практическое отношеніе къ событіямъ не только не исключало возможности этого, но, напротивъ, налагало на него обязанность сообразоваться въ своихъ сужденіяхъ о революціи съ ея окончательными результатами, обнаружившимися до нашего времени. Въ этомъ случаѣ особенно проявляется преимущество, которое имѣетъ писатель, живущій цѣлымъ вѣкомъ спустя послѣ событій передъ современными наблюдателями, даже если послѣдніе обладали проницательностью Морриса или Берна.

Въ двухъ отношеніяхъ должно было бы видоизмѣниться сужденіе Тэна о революціи, если бы онъ воспользовался опытомъ послѣднихъ 90 лѣтъ: онъ не долженъ былъ бы, во-первыхъ, такъ настаивать на отвлеченномъ, чисто теоретическомъ характерѣ принциповъ, которыми руководилась революціонная партія въ

¹⁾ Ibid., II, p. 10.

1789 году. Эти принципы дѣйствительно представляли собою теорію сравнительно съ существовавшими тогда порядками, но они перестали быть теоріей въ наше время. Конечно, Малуэ, Мирабо и Моррисъ были совершенно правы съ своей практической точки зрѣнія, когда утверждали, что государство въ 26 милліоновъ немыслимо безъ монархическаго правительства и неминуемо распадется на федерацію общинъ, но въ наше время существованіе 36-милліонной, централизованной республики уже не принадлежитъ болѣе къ области фантазіи. Теорія и практика въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, помѣнялись ролями; это не должно помѣшать историка указывать на ошибки, вытекавшія изъ теоретической политики 1789 года и на ложность многихъ тогдашнихъ теорій; но въ окончательномъ сужденіи онъ не долженъ скрывать ни отъ себя, ни отъ своихъ читателей, что стремленія 1789 года не были въ своей сущности безнадежной утопией. Другой пунктъ касается отрицательной стороны революціи—ея насильственности при ломкѣ стараго, ея неуступчивости и фанатизма, однимъ словомъ—сводится къ упреку, почему революція не хотѣла быть реформой? Такой упрекъ былъ совершенно естественъ въ устахъ тѣхъ, которые все утратили въ переворотѣ 1789 года и даже надежду на лучшее будущее. Но въ наше время можно вѣрнѣе судить о характерѣ и свойствахъ этого переворота. Мы знаемъ, что хотя въ немъ играли видную роль грубые инстинкты и страсти, хотя во главѣ движенія нерѣдко стояли люди мало достойные, самый переворотъ имѣлъ всемірно-историческій смыслъ и былъ неизбеженъ. Революція была внезапнымъ пробужденіемъ и воцареніемъ демократіи среди феодальнаго общества и государства, —проявленіемъ новаго политическаго *credo* или *толка*, который приходится человѣчеству пережить какъ неминуемую ступень своего развитія. Какъ всякій новый толкъ стремится къ отрицанію стараго и къ исключительному господству, такъ и революція была неспособна на сдѣлки, и имѣла въ виду поработеніе общества и государства новому политическому началу. Отрицая всѣ другіе принципы, господствовавшіе въ обществѣ, или подчиняя ихъ себѣ, демократія совершила узурпацію, но подобная узурпація совершалась каждый разъ, когда въ исторіи проявлялось какое-нибудь новое религиозное или политическое начало. Каждый разъ можно было сказать этому новому началу,—приириись съ старымъ, пойдѣ съ нимъ на сдѣлку; но чѣмъ болѣе *противоположно* было новое начало старому, тѣмъ менѣе осуществимъ былъ такой совѣтъ. Обратимся, напримѣръ, къ эпохѣ реформаціи;

и тогда было сдѣлано не мало попытокъ, чтобы предотвратить разрывъ и борьбу и направить религиозное движеніе къ реформѣ католицизма; — но въ томъ-то и заключалась сущность протестантизма, что его принципъ не укладывался въ рамки католицизма и что реформаторы, сначала сами того не сознавая, провозгласили начало новой церкви. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы вожди революціи имѣли право на такое же оправданіе своей дѣятельности, какъ и реформаторы. Въ области религіи человѣкъ руководится исключительно своей совѣстью, и чѣмъ искреннѣе и чище его религиозное чувство, тѣмъ менѣе оно способно подчиняться практическимъ соображеніямъ и идти на сдѣлку. Жизнь же политическая, напротивъ, основана на самыхъ сложныхъ сдѣлкахъ, ея регуляторъ — не вѣра, а здравый смыслъ, ея цѣль — не духовное спасеніе посредствомъ извѣстнаго догмата, а благоденствіе извѣстнаго общества. Но если въ наше время болѣе понятны, чѣмъ въ эпоху Питта и Бёрка, универсальность и неизбежность проявленія демократическаго принципа и особенно его противоположность феодальному строю старой Франціи и непримиримость съ нимъ — то практическіе содѣйствія и сѣтованія Тэна, составляющіе главное содержаніе его критики, въ значительной степени утрачиваютъ свою цѣну и должны быть признаны неумѣстными.

Сдѣланныя нами два возраженія противъ критики Тэна касаются ея практической стороны; но есть еще другая сторона, относительно которой долженъ былъ бы видоизмѣниться взглядъ Тэна, если бы онъ принялъ въ расчетъ время, протекавшее послѣ революціи — это сторона *права*. Въ 1789 году можно было приводить въ пользу сдѣлки съ старыми учрежденіями не только аргументъ цѣлесообразности, но и права этихъ учреждений на дальнѣйшее существованіе; — это право давности, право легитимизма, созданное исторіей. Въ виду историческаго права, освящающаго феодальную монархію, феодальную аристократію и феодальный католицизмъ, юная демократія могла опереться только на право, извлеченное изъ теоріи и нисколько не соответствовавшее дѣйствительности. Но это отношеніе теперь измѣнилось. Исторія, создающая легитимизмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи разрушаетъ его, ибо освящаетъ, легитимируетъ и противоположное начало. Въ наше время французская демократія уже имѣетъ за собой право давности, историческое право; роли измѣнились и здѣсь, и настоящими легитимистами являются теперь не тѣ, кто носилъ это имя, а ихъ противники, опирающіеся на *традицію* 1789 года.

Вотъ тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ при-
мѣненія утилитарнаго метода къ исторіи революціи. Они сво-
дятся къ тому, что чисто практическая польза, которую имѣетъ
въ виду этотъ методъ, въ значительной степени уравнивает-
ся вредомъ отъ неправильнаго и ненаучнаго освѣщенія со-
бытій, ибо утилитаризмъ мѣшаетъ историку вѣрно взвѣсить силу
прошедшаго, правильно изобразить вліяніе обстоятельствъ и усло-
вій и, наконецъ, принять въ расчетъ оправданіе, лежащее въ
дальнѣйшемъ ходѣ событій.

XV.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ приступить къ
изученію взгляда, высказаннаго Тэнномъ на дѣло національнаго
собранія. Это изложеніе естественнымъ образомъ распадается на
дѣй части—разсмотрѣніе того, что разрушено, устранено или
видоизмѣнено національнымъ собраніемъ, и того, что вновь со-
здано демократическими законодателями.

При изученіи того, какъ отнеслось національное собраніе
къ старому порядку, особеннаго вниманія заслуживаетъ судьба
трехъ привилегированныхъ при феодальномъ порядкѣ учрежде-
ній—монархіи, аристократіи и церкви.

На первомъ планѣ, конечно, стоитъ образъ дѣйствія націо-
нальнаго собранія относительно монархіи. Тэнъ исходитъ въ
своей критикѣ изъ убѣжденія, что, при тогдашнемъ положеніи
дѣлъ, Франція нуждалась только въ двухъ существенныхъ ре-
формахъ, въ двухъ уступкахъ со стороны короля. Нужно было
облегчить невыносимое бремя, лежавшее на большинствѣ насе-
ленія вслѣдствіе существованія привилегій, и нужно было подчи-
нить распоряженіе общественнымъ достояніемъ со стороны пра-
вительства дѣйствительному и правильному контролю, такъ какъ
прежнее правительство смотрѣло на это общее достояніе какъ
на свою частную собственность и распоряжалось имъ произ-
вольно и расточительно. Большаго пова было не нужно, и такъ
какъ король охотно соглашался на эти реформы, то вся рево-
люція могла бы совершиться, по выраженію Артура Юнга, по-
средствомъ простой подачи голосовъ въ національномъ собраніи
(d'un tour de scrutin).

Въ доказательство своей мысли Тэнъ приводитъ извѣстную
«декларацию отъ 23 іюня», посредствомъ которой правительство
Людовика XVI хотѣло положить конецъ притязаніямъ депута-

товъ третьяго сословія, заявившихъ свое право говорить отъ имени всей націи и намѣревавшихся завладѣть дѣломъ реформы. По мѣтнію Тѣна, предложенныя въ королевской деклараціи реформы должны были вполне удовлетворить депутатовъ. Но съ этимъ нельзя согласиться, какъ во вниманіи къ тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ была заявлена королевская декларація, такъ и къ самому содержанию ея.

Обратимся сначала къ исторической обстановкѣ, среди которой появилась декларація 23 іюня. Разсужденіе Тѣна объ этомъ документѣ представляетъ интересный случай для оцѣнки утилитарнаго метода, котораго онъ держится, и для сравненія этого метода съ чисто историческимъ, который мы ему противопоставляемъ. Тѣнъ разсматриваетъ королевскую декларацію отвлеченно, безъ всякаго отношенія къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, анализируетъ ее и приходитъ къ заключенію, что она могла бы быть полезной для Франціи. Но какой же толкъ въ этой пользѣ, если осуществленіе деклараціи было невозможно при тогдашнихъ условіяхъ, и потому вопросъ объ ея значеніи прежде всего долженъ быть разрѣшенъ на основаніи разбора историческихъ фактовъ.

Дѣло въ томъ, что всѣ тогдашнія партіи видѣли въ деклараціи 23 іюня начало реакціи и побѣду феодальной придворной партіи надъ либеральнымъ министерствомъ вслѣдствіе того, что Неккеръ отсутствовалъ въ торжественномъ засѣданіи, гдѣ Людовикъ XVI обнародовалъ свою декларацію. Уже одного этого факта, что въ минуту всеобщаго томительнаго ожиданія существенныхъ реформъ, королевскій манифестъ явился не залогомъ прогрессивныхъ стремленій правительства, а признакомъ его наклонности къ реакціи,—уже этого факта было достаточно, чтобы внушить всеобщее недовѣріе къ нему. Не только поклонники новаго демократическаго принципа, но и приверженцы либеральной монархіи и даже умѣренные сторонники стараго порядка, какъ маркизъ де-Феррьеръ, осуждали декларацію и оправдывали образъ дѣйствія національнаго собранія, которое не обратило вниманія на нее. Они находили, что декларація запоздала, что обнародованіе ея было произведено безтактно и при оскорбительной обстановкѣ и что она была пагубна по своимъ послѣдствіямъ. Всѣ эти упреки легко подтвердить отзывами, заимствованными изъ записокъ современниковъ, стоявшихъ на сторонѣ короля противъ революціи.

Относительно того, наприм., что декларація опоздала, графъ Ривароль совершенно согласенъ съ Бальи, защитникомъ націо-

нальнаго собранія и демократіи.—Балли сообщаетъ свой разговоръ съ однимъ изъ министровъ, который его спросилъ нѣсколько дней спустя послѣ 23 іюня: «Почему же національное собраніе не довольно? Если бы король издалъ 10 лѣтъ тому назадъ подобную декларацію, развѣ она не была бы принята съ восторгомъ?» — «Да, конечно, — возразилъ Балли, — 10 лѣтъ тому назадъ». Такой же вопросъ ставитъ себѣ въ своихъ мемуарахъ Ривароль и объясняетъ плохой успѣхъ деклараціи прежде всего тѣмъ, что она появилась слишкомъ поздно: «для дѣйствій людскихъ существуетъ такая же пора, какъ и для дѣйствій природы: шестью мѣсяцами раньше эта декларація была бы принята какъ величайшее благодѣяніе, когда-либо оказанное государемъ своему народу». На внѣшнюю обстановку засѣданія жалуется маркизъ де-Феррьеръ, сравнивая его съ ненавистными для французовъ мѣрами, которыми старая королевская власть устраняла оппозицію парламентовъ (*la séance royale offrit l'odieux appareil d'un lit de justice*). Но оскорбительны были не только внѣшніе приемы: опѣиленіе зданія генеральныхъ штатовъ войсками, предпочтеніе, оказанное привилегированнымъ депутатамъ, которыхъ впустили въ залу, тогда какъ депутаты третьяго сословія должны были долгое время ожидать у дверей подъ дождемъ; — болѣе оскорбительный вызовъ заключался въ самой мысли покончить все дѣло о преобразованіи государства однимъ королевскимъ манифестомъ послѣ того, какъ правительство заявило о своей несостоятельности, обратилось за совѣтами и указаніями ко всему французскому народу и собрало вокругъ себя его представителей. Эту мысль проводить между прочимъ Ривароль: «Другая причина неуспѣха деклараціи, — говоритъ онъ, — заключалась въ томъ, что король, собравши генеральные штаты и явившись среди нихъ, чтобы самому покончить ихъ дѣло, не могъ нанести болѣе чувствительнаго оскорбленія (*affront*) столькимъ лицамъ, выславшимъ со всѣхъ концовъ государства, чтобы дать намъ хорошіе законы. Этотъ поступокъ короля раздражалъ самолюбіе, обличалъ тщетность столькихъ засѣданій, до тѣхъ поръ происходившихъ, и сводилъ собраніе къ совершенному ничтожеству въ глазахъ націи».

Это соображеніе заставило и Малуэ, самаго разсудительнаго изъ членовъ національнаго собранія, не только отвергнуть королевскую декларацію, но и публично заявить о необходимости революціоннаго образа дѣйствія въ письмѣ къ своимъ избирателямъ. «Я не одобрялъ ни королевскаго засѣданія, ни его цѣли (*objet*), ни его повелительной формы; въ моихъ глазахъ этимъ былъ нанесенъ ущербъ какъ правамъ народа, такъ и королев-

скому авторитету, и я былъ того мѣнія, что не слѣдуетъ принимать декларацію».

Послѣ королевскаго засѣданія, — говоритъ Малуэ дагѣ, — депутатамъ третьяго сословія не было другого выбора, какъ настаивать на постановленіи 17 іюня, то-есть не расходиться до осуществленія конституціи: «Въ подобную великую минуту нечего было колебаться изъ-за соображенія, присоединятся-ли къ намъ депутаты другихъ сословій или нѣтъ; нашимъ долгомъ было дать Франціи конституцію» ¹⁾.

Неумѣстность и практическая бесплодность деклараціи 23 іюня еще болѣе обнаруживаются въ малодушіи и близорукости королевскаго правительства во время и послѣ задуманнаго имъ переворота. Если это правительство рѣшилось предупредить конституцію, которая исходила бы отъ національнаго собранія, и *октроировать* Франціи конституцію, то прежде всего необходимо было приготовить планъ дѣйствія и средства для его осуществленія; нужно было имѣть въ виду, какимъ способомъ сломить сопротивление тѣхъ, которые открыто отвергнуть декларацію и снискать довѣріе тѣхъ, которые желали реформъ, а не революціи. Но у двора не было ни плана, ни средствъ къ энергическому образу дѣйствій. Когда Людовику XVI пришло сказать, что депутаты третьяго сословія не разошлись, какъ имъ было приказано, изъ залы засѣданій, онъ отвѣтилъ съ видомъ человѣка, которому все это надоело и который желаетъ только, чтобы его оставили въ покоѣ: «ну, и пусть они тамъ сидятъ», а когда вечеромъ въ тотъ же день населеніе Версаля стало волноваться и толпиться по улицамъ, сторонники монархическаго переворота забыли о войскахъ, которымъ они оцѣнили депутатовъ, и не придумали ничего лучшаго, какъ броситься въ Неккеру и упротить его примириться съ дворомъ, а это значило — принести въ жертву королевскую декларацію.

Такимъ образомъ, декларація 23 іюня была обречена на гибель не одними противниками ея, но и самими ея виновниками. Мало того, послѣдніе этимъ окончательно погубили то дѣло, которое они велись защищать. Они вызвали открытый разрывъ между національнымъ собраніемъ и королевскимъ авторитетомъ, поставили въ полный антагонизмъ принципы народо-властія и монархіи, связали судьбу послѣдней съ участіемъ привилегированныхъ сословій и почти насильно заставили національное собраніе узурпировать власть и усилить свои притязанія. Это

¹⁾ Mém. de Malouet, II, p. 70.

одинаково ясно было сознано даже сторонниками демократической узурпаціи, такъ и противниками ея. «Вотъ что выиграло министерство, — восклицаетъ Бальи, этой странной сценой. — Оно лишь заставило націю еще разъ осуществить на дѣлѣ свою верховную власть (*un nouvel acte de souveraineté*) и разрѣшило торжественнымъ способомъ столкновение властей въ пользу народа». А Ривароль заканчиваетъ свои размышленія о грустномъ исходѣ столкновенья между привилегированными штатами и третьимъ сословіемъ латинскимъ стихомъ: *Arma tenenti omnia dat, qui iusta negat*.

Изъ всего этого видно, что разсмотрѣніе историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ была дана декларация 23 іюня, придаетъ вопросу о практическомъ значеніи ея, которому Тэнъ посвятилъ исключительно свое вниманіе, чисто теоретическій характеръ. Но для ббольшей полноты критики мы послѣдуемъ за Тэномъ въ разсмотрѣніи вопроса: дѣйствительно ли удовлетворяла эта декларация всѣмъ законнымъ потребностямъ французскаго общества въ 1789 году, и дѣлала ли она, такимъ образомъ, революцію совершенно измѣнившей?

Если мы для этого обратимся къ содержанію декларации, то увидимъ, что король ставилъ обложеніе народа податями и заключеніе новыхъ займовъ въ зависимость отъ согласія постоянныхъ генеральныхъ штатовъ, отказывался отъ многихъ злоупотребленій стараго порядка, — напримѣръ, отъ административныхъ наказаній, и выражалъ желаніе, чтобы всѣ податныя привилегіи были отиѣнены. Эта сторона декларации была, конечно, способна въ свое время вполне удовлетворить французское общество. Если бы такія реформы были провозглашены Людовикомъ XV, или даже Людовикомъ XVI въ началѣ его царствованія, то онѣ превзошли бы всѣ ожиданія населенія и сдѣлали бы надолго Францію образцомъ политическаго прогресса для всѣхъ державъ европейскаго материка. Но въ 1789 году рѣчь шла не только о политическихъ реформахъ, а объ отиѣнѣ феодальнаго строя въ государствахъ, и именно этотъ феодальный строй королевская декларация желала сохранить, признавая его существеннымъ основаніемъ государственнаго порядка.¹⁾ Контроль надъ финансами долженъ былъ принадлежать не представителямъ націи, а по прежнему и въ равной степени депутатамъ трехъ сословныхъ корпорацій или штатовъ: — *народа, церкви и дворянства*. Такой

¹⁾ Первый параграфъ декларации гласитъ (Buches et Roux, II, 18): *Le roi veut que l'ancienne distinction des trois ordres de l'Etat soit conservée en son entier comme essentiellement liée à la constitution de son royaume.*

порядокъ вещей нельзя сравнивать, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, съ англійской конституціей, гдѣ наследственная аристократія составляетъ особую палату и представляетъ одинъ изъ трехъ факторовъ законодательной власти,—тѣмъ болѣе, что въ Англіи палатѣ пэровъ не предоставлено никакого вліянія на утвержденіе податей, и финансовое управленіе находится исключительно въ рукахъ представителей народа. Но этого мало—во Франціи представители народа предоставлялись только одинъ голосъ противъ двухъ, которые должны были принадлежать двумъ самостоятельнымъ корпораціямъ—церкви и дворянству. Такимъ образомъ, дворянство участвовало бы въ управленіи страной не посредствомъ аристократическаго наследственнаго сената, какъ въ Англіи, или не какъ интегрирующая и самая выдающаяся своимъ положеніемъ часть народа,—какъ въ современной Франціи, а въ феодальномъ смыслѣ, въ качествѣ шляхетскаго, обособленнаго сословія, которое могло произвольно противопоставить свое «не позволяемъ» и волѣ монарха и требованіямъ націи. Дѣло ухудшалось особенно тѣмъ, что король своей деклараціей предоставилъ въ исключительное вѣдѣніе привилегированныхъ штатовъ вопросъ объ отмигнѣ или преобразованіи ихъ политическихъ и гражданскихъ привилегій ¹⁾. Однимъ словомъ, 23 іюня вопросъ шелъ о томъ, оставаться ли Франціи феодальной монархіей, или превратиться въ государство въ современномъ смыслѣ этого слова, и, конечно, интересъ къ этому вопросу долженъ былъ вытѣснить всѣ второстепенныя соображенія о пользѣ предложенныхъ королемъ реформъ. Итакъ, существенный недостатокъ деклараціи 23 іюня и главная причина ея практической непригодности заключаются въ томъ, что она хотѣла сохранить въ устройствѣ государственной власти феодальный характеръ. Но есть еще другая сторона въ этой деклараціи, которая затрогиваетъ вопросъ не столь легко разрѣшимый. Министръ, разговоръ котораго съ Бальи мы выше привели, услышавъ отъ своего собесѣдника, что Франція была бы довольна королевской деклараціей, если бы она появилась 10 лѣтъ тому назадъ,—спросилъ его далѣе: чего же хочетъ національное собраніе?—и получилъ въ отвѣтъ характеристическія слова: «Elle veut faire et non pas que vous fassiez».

¹⁾ Seront nommément exceptées des affaires, qui pourront étre traitées en commun (то-есть въ общемъ собраніи всѣхъ представителей, гдѣ голоса подавались поголовно, а не по штатамъ) celles qui regardent les droits antiques et constitutionnels des trois ordres, la forme de constitution à donner aux prochains Etats Généraux, les propriétés féodales et seigneuriales, les droits utiles et les prérogatives honorifiques des deux premiers ordres.

Дѣйствительно, въ самой глубинѣ недоразумѣнія между національнымъ собраніемъ и правительствомъ, между французскимъ народомъ и его королемъ, — недоразумѣнія, существованіе котораго только постепенно раскрылось, лежалъ вопросъ, чья воля будетъ закономъ, воля монарха или воля народа; и большинство національнаго собранія уже потому считало невозможнымъ принять декларацію ¹⁾, что возвыщенныя въ ней реформы исходили изъ стараго принципа «le bon plaisir du roi», а не изъ новаго принципа, который признало само правительство, когда, создавши генеральныя штаты, оно предоставило имъ установленіе новаго порядка вещей.

Могло ли и должно ли было національное собраніе довольствоваться тѣми ограниченіями королевской прерогативы, которыя заключались въ деклараціи 23 іюня, той долей участія въ управленіи страной, которую правительство Людовика XVI, повидимому, добровольно уступало? Тэнъ, конечно, разсматриваетъ и этотъ вопросъ съ чисто утилитарной точки зрѣнія, и рѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Онъ говоритъ, что по тому положенію дѣла, которое было создано деклараціей 23 іюня, — «преобладаніе перешло бы къ депутатамъ третьяго сословія, и они были бы въ состояніи законнымъ способомъ безъ потрясеній выполнить, умножить и привести къ окончанію, съ согласія государя и черезъ него (par ses mains), всѣ полезныя реформы». Нужно, конечно, признать, что къ этому вопросу практическая точка зрѣнія наиболѣе приложима, и что потрясеніе, которое испытала Франція во время революціи, всего болѣе было вызвано крайностями и увлеченіями національнаго собранія относительно монархіи. Франція была въ 1789 году страной монархической по своимъ преданіямъ и по всему своему государственному строю: послѣднее въ то время мало понимали и еще впоследствии долго упускали изъ вида. А національное собраніе, устанавливавшее своими мѣрами и реформами полное равенство и единообразіе, этимъ еще умножило тѣ условія, которыя благоприятствовали самостоятельной и сильной королевской власти. Поэтому-то самыя свѣтлыя головы въ національномъ собраніи, тѣ, которыя были не просто умными теоретиками, въ родѣ Бальи, а политиками, то-есть людьми, способными понимать потребности государства, какъ, напримѣръ,

¹⁾ Изъ мемуаровъ Бальи видно, какъ задѣты были многіе депутаты фразой въ королевской рѣчи, которая нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ всѣмъ бы казалась совершенно естественной: „les bienfaits que le roi accorde à ses peuples“. On fut étonné qu'en parlant à la nation assemblée on ait fait dire au roi, „le roi veut, le roi entend“.

Мирабо, — такъ сильно отстаивали независимость монархій. Можно сказать, что какъ первымъ, такъ и послѣднимъ словомъ Мирабо въ его политической дѣятельности былъ протестъ во имя монархій. Въ самомъ началѣ революціи Мирабо рискнулъ своей популярностью и всей своей политической будущностью, когда возсталъ противъ предложеннаго Сіесомъ провозглашенія палаты третьяго сословія *національнымъ собраніемъ*, и видѣлъ въ этомъ узурпацію на счетъ монархій, — и еще незадолго передъ своей смертію онъ заявлялъ, что эта узурпація была причиною всего зла (*l'origine du mal*) и что ошибка депутатовъ состояла въ томъ, что они захотѣли управлять королемъ, вмѣсто того, чтобы управлять посредствомъ его (*gouverner le roi au lieu de gouverner par lui*). Но какъ ни важна была въ 1789 году съ точки зрѣнія практической политики извѣстная самостоятельность и независимость королевскаго авторитета, — историку трудно рѣшить вопросъ, насколько Франція избѣгла бы потрясеній, если бы національное собраніе предоставило монархіи большую независимость, и какое употребленіе сдѣлалъ бы Людовикъ XVI изъ предоставленной ему власти: другими словами, способна ли была легальная монархія во Франціи добровольно отрѣшиться отъ своего историческаго феодальнаго характера и переродиться.

Для того, чтобы категорически рѣшать подобные вопросы, историку нужно было бы обладать даромъ пророчества относительно прошедшаго, то-есть способностью угадывать, что случилось бы при извѣстныхъ условіяхъ и комбинаціяхъ, и потому Тэнъ можно упрекнуть за то, что онъ придаетъ въ этомъ вопросѣ практической точкѣ зрѣнія слишкомъ исключительное значеніе и вовсе не видитъ исторической тяжбы, происходившей между демократіей и монархіей во Франціи, — тяжбы, въ которой событія 1789 года составляли только одинъ, хотя и существенный, эпизодъ.

Мы постарались въ другомъ мѣстѣ прослѣдить ходъ этой великой тяжбы и объяснить съ помощію исторіи ея исходъ ¹⁾. Въ этомъ окончательномъ исходѣ и заключается отчасти оправданіе тѣхъ теоретиковъ, которые уступали въ политическихъ способностяхъ гениальному Мирабо; историкъ долженъ сказать въ ихъ пользу, что ими, кромѣ теорій, руководилъ и извѣстный инстинктъ, и очень вѣрно выразилъ этотъ инстинктъ тотъ, кто былъ президентомъ національнаго собранія въ достопамятные дни 17 и 23 іюня: «мы могли погибнуть, но наше дѣло пережило бы насъ и послужило бы въ будущемъ основаніемъ государ-

¹⁾ Сбор. Госуд. Знаній, т. III: „Республика или монархія установится во Франціи“.

ственного устройства, которое неминуемо учредили бы пожелания просвѣщенные и болѣе могущественныя» ¹⁾.

Одностороннее преобладаніе утилитарной точки зрѣнія передъ исторической еще болѣе выступаетъ въ возраженіяхъ, которыя дѣлаетъ Тонъ противъ образа дѣйствій національнаго собранія по отношенію къ аристократіи. Мы должны, впрочемъ, различать въ этой критикѣ двѣ части. Та, которая относится къ отрицанію гражданскихъ послѣдствій феодализма, вполне удачна; здѣсь критикъ имѣлъ полное право становиться на утилитарную точку зрѣнія, ибо польза въ этомъ случаѣ совпадала съ справедливостью. Развязывая феодальныя отношенія между сеньеромъ и вассаломъ, помѣщикомъ и крестьяниномъ, землевладѣльцемъ и арендаторомъ, національное собраніе послѣшило разорубить гордіевъ узелъ; — оно произвело не реформу, а революцію, принесло въ жертву отвлеченному принципу частный интересъ, собственность и справедливость. Оно не поступило, какъ «Савоя въ 1771, какъ Англія въ 1845, какъ Россія въ 1861 году, не пришло на помощь бѣднымъ, не разоряя богатыхъ», оно не осуществило свободы безъ насилій надъ собственностью, не примирило интересы и классы. Оно ничего не сдѣлало, чтобы облегчить соглашеніе между сторонами и уплату долга, созданнаго феодализмомъ, «не установило ни специальныхъ посредниковъ, ни кредитныхъ банковъ, ни системы срочнаго выкупа». Послѣдствія этой оплошности также очень вѣрно представлены: большинство провинціальнаго дворянства разорено окончательно и даже лишилось насущнаго хлѣба; ибо главный его доходъ состоялъ въ сеньеріальныхъ оброкахъ, которые оно получало за землю, сданную въ вѣчное пользованіе. 123 милліона франковъ ежегоднаго дохода, то-есть два съ половиною милліарда капитала, или 5 милліардовъ франковъ по нынѣшней ихъ стоимости, перешли такимъ способомъ изъ рукъ собственниковъ въ руки должниковъ, частью какъ подарокъ, сдѣланный имъ національнымъ собраніемъ, частью пеней этого собранія, которое равнодушно смотрѣло на неплатежъ признанныхъ имъ обязательствъ.

Но не такъ легко согласиться съ Тонемъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о политическомъ положеніи французскаго дворянства, созданномъ декретами 1789 года. И здѣсь встрѣчаются удачныя мѣста, напримѣръ, то, гдѣ Тонъ говоритъ о значеніи, которое можетъ имѣть въ политической жизни аристократія, благодаря

¹⁾ Bailly, 1, p. 277.

независимости своего положенія, и о пользѣ, которую она можетъ принести народу, даже при демократическомъ строѣ государства.

Аристократія, — восклицаетъ Тэнъ, — подчиненная общему праву, — великое благо, когда она занята и особенно когда ею пользуется государство сообразно съ ея способностями; въ доказательство этой мысли онъ удачно сравниваетъ общественную и политическую дѣятельность англійской аристократіи съ паразитами абсолютной демократіи, такъ-называемыми *politicians* Соединенныхъ Штатовъ, и въ виду этого называетъ аристократію самымъ драгоценнымъ разсадникомъ, изъ котораго нація можетъ набирать своихъ государственныхъ дѣятелей (*hommes d'Etat*) ¹⁾.

Безпристрастнымъ наблюдателемъ является Тэнъ и тогда, когда онъ рисуетъ трудное, униженное положеніе родовой аристократіи при господствѣ крайней демократіи. «Если знатность, родовое богатство, достоинство въ характерѣ и внѣшнихъ приемахъ вызываютъ лишь недоброжелательство со стороны народа, если для того, чтобы получить его голосъ, надо жить за панебрата съ избирательными маклерами слишкомъ грязнаго свойства, если наглое шарлатанство, вульгарное разглагольствованіе и подлая лесть — единственные средства, чтобы набрать голоса — въ такомъ случаѣ, какъ нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ или, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, аристократія удаляется въ частную жизнь и скоро впадаетъ въ праздность». И такимъ образомъ пропадаетъ даромъ одна изъ самыхъ великихъ силъ въ государствѣ; «самый лучший и богатый результатъ прошлаго, самый обширный складъ матеріальнаго и нравственнаго капитала остается непроеводительнымъ». Но читатель Тэна будетъ въ большомъ недоумѣніи, когда захочетъ сдѣлать изъ всего этого практическій выводъ по отношенію къ событіямъ 1789 года. Неужели самое благоприятное разрѣшеніе вопроса о французской аристократіи заключалось, какъ, повидимому, полагаетъ Тэнъ, въ королевской деклараціи 23 іюня, сохранявшей за дворянствомъ положеніе шляхетскаго сословія съ особеннымъ правомъ *veto* въ государствѣ? Правда, національное собраніе отвергло не только это предложеніе, но и прочія, болѣе либеральныя, комбинаціи, имѣвшія въ виду создать во Франціи наследственное перство или верхнюю палату; но,

¹⁾ Впрочемъ, увлекался своею страстью къ натурализму и вычурнымъ сравненіямъ, Тэнъ искажаетъ свою собственную мысль, прибавляя еще другую крайне реалистическую метафору: „Tel est le service auquel la haute classe est appropriée; il n'y a que ce haras spécial pour fournir une recrue régulière de chevaux de course et, de temps en temps, le coureur admirable qui dans la lice européenne gagnera le prix sur tous ses rivaux“. II, p. 191.

спрашивается, гедилась ли бы французская аристократія въ 1789 году для той роли, которую имѣетъ для нея въ виду Тянь? Овъ въ этомъ не сомнѣвается и приводитъ въ доказательство, что философія XVIII вѣка распространялась именно посредствомъ высшего класса, что никогда не было болѣе либеральной, болѣе гуманной, болѣе склонной къ полезнымъ реформамъ аристократіи. Что же касается до провинціальныхъ дворянъ, то Тянь ссылается на слова маркиза де-Феррьера, что, недовольные дворомъ и министрами, они были болѣею частью демократами ¹⁾.

Но либерализмъ и даже демократизмъ извѣстнаго дворянства вовсе еще не служатъ ручательствомъ, чтобы оно было способно представить собою *политическую* аристократію. Напротивъ, эти свойства служили въ тогдашней Франціи помѣхою послѣдовательной аристократической политики со стороны привилегированнаго класса. Либеральное меньшинство среди высшего и среднего дворянства видѣло свое призваніе только въ защитѣ господствовавшей въ то время теоріи народовластія, неблагоприятной для особой политической роли аристократіи въ государствахъ. Большинство же дворянъ отстаивало только феодальную старину и привилегіи; оно было въ оппозиціи къ королевскому правительству, пока опасалось нарушенія своихъ привилегій со стороны монархіи, — но, конечно, находилось въ полнѣйшемъ принципиальномъ антагонизмѣ съ новымъ революціоннымъ правительствомъ. Извѣстно, что феодальная партія въ національномъ собраніи была до такой степени враждебна всякой сдѣлкѣ, что подавала голоса вмѣстѣ съ радикалами противъ приверженцевъ реформъ, и когда въ 1791 году зашла рѣчь о пересмотрѣ конституціи въ болѣе умѣренномъ духѣ, эта попытка оказалась не состоятельною по винѣ феодальной партіи. Затѣмъ, для того, чтобы сдѣлаться политической аристократіей, французское дворянство должно было бы прежде всего перестать быть *дворянствомъ*, въ смыслѣ *маллетства*; но еще въ 1789 году господствовало убѣжденіе, что аристократическое положеніе въ государствахъ и обществахъ достаточно обуславливается однимъ дворянскимъ происхожденіемъ, или что на такое политическое преимущество можетъ претендовать дворянство въ цѣломъ своемъ составѣ въ качествѣ особаго сословія, и потому, напр., французскіе дворяне, привнесши

¹⁾ Феррьеръ, впрочемъ, прибавляетъ къ словамъ, которыя приведены у Тяня, что это названіе не точно, ибо провинціальныя дворяне вовсе не желали передать правленіе въ руки народа, а только извлечь его изъ рукъ министерской олигархіи. Мѣм., I, р. 2.

въ жертву свои денежныя привилегіи, считали, однако, необходимымъ сохранить за собой различныя почетныя привилегіи.

Между тѣмъ, вопреки этому шляхетному преданію между придворною аристократіею и среднимъ провинціальнымъ дворянствомъ не было не только никакой политической солидарности, но господствовала полная рознь интересовъ и даже вражда. «Французское дворянство, — говоритъ, напр., графъ Ривароль, — было разъединено; придворная и столичная аристократія (celle de Paris), давно уже ненавистная вслѣдствіе денежнаго ажіотажа и монополіи королевской мелости, была покинута провинціальнымъ дворянствомъ». Поэтому упрекъ, который дѣлаетъ Тэнъ революціи, что она не отвела должнаго мѣста аристократіи, не сумѣла утилизировать французское дворянство, одностороненъ. Причину этого явленія нужно было искать не въ однихъ крайностяхъ демократической теоріи, но и въ историческихъ условіяхъ, въ неподготовленности и неспособности французской аристократіи въ той роли, которую ей навязываетъ Тэнъ. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этого замѣчанія служить дальнѣйшее поведеніе большей части французской аристократіи. Французское дворянство въ общей массѣ оставалось вѣрнымъ феодальному рыцарскому преданію не только въ эпоху перваго рѣзкаго столкновенія съ новымъ противоположнымъ началомъ, но и послѣ революціи; оно возвело въ принципъ отреченіе отъ всякой практической сдѣлки и обрело себя на бесплодную роль въ исторіи своего народа своимъ союзомъ съ клерикализмомъ, сдѣлавшись орудіемъ чуждаго государству интереса, — орудіемъ ультрамонтанской церкви.

Всего же болѣе обнаруживается односторонность Тэна, неправильное преобладаніе утилитарной точки зрѣнія надъ исторической въ главѣ, гдѣ онъ разбираетъ мѣры національнаго собранія по отношенію къ католицизму. Онъ рассматриваетъ католическую церковь исключительно какъ религіозную и благотворительную корпорацію и приводитъ въ защиту неиривосновенности ея политическаго и гражданскаго строя всѣ тѣ аргументы, съ помощью которыхъ онъ отстаиваетъ пользу независимыхъ корпорацій въ государствахъ вообще. Въ послѣднемъ отношеніи у Тэна высказано очень много вѣрныхъ мыслей, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ, сравнивая духовныя корпораціи прежней Франціи съ университетскими корпораціями Англіи и Германіи, говоритъ: «ихъ ограда служитъ оплотомъ противъ уравнивающего дѣйствія абсолютной монархіи или чистой демократіи. Здѣсь чловѣкъ можетъ развиваться, сохраняя независимость и не напавшая на себя ливрею придворнаго льстеца или демагога; онъ мо-

желѣ пріобрѣсти достатокъ, уваженіе, авторитетъ, не будучи ничѣмъ обязанъ капризамъ королевской или народной милости, онъ можетъ твердо устоять передъ установленной властью или господствующимъ мнѣніемъ, опираясь на цѣлое учрежденіе, скрѣпленное корпоративнымъ духомъ (*esprit de corps*). Согласно съ этимъ, Тѣнь исполнѣ справедливо осуждаетъ національное собраніе за то, что оно слѣдуетъ доктринамъ Руссо, по которымъ демократія не должна допускать никакой связи между гражданами помимо государственной и поэтому не должна терпѣть среди себя никакихъ партій, общинъ и корпорацій.

Увлечаясь этой индивидуалистической или, точнѣе, атомистической теоріей, національное собраніе начало, какъ говоритъ Тѣнь, превращать французскій народъ въ массу разрозненныхъ пыльниковъ (*une roisazière d'individus désagrégés*). Послѣдовательно идя по этому пути, законодательное собраніе нанесло рѣшительный ударъ французской сельской общинѣ: «четыре дня спустя послѣ паденія короля, законодательное собраніе дало немущимъ возможность примѣнить аграрный законъ къ общиннымъ землямъ». Раздѣляя этихъ земель между обитателями общины поголовно и поровну дозволялся, какъ скоро этого требовала одна треть населенія обоего пола—служанки, поденщики, пастухи, батраны и даже нищіе, жившіе милостыней. Операция эта успѣшно примѣнялась потому, что «она чрезвычайно нравилась наименѣе важнымъ крестьянамъ». Вслѣдствіе этого община перестаетъ быть независимымъ собственникомъ, у нея болѣе нѣтъ никакого запаса. Въ случаѣ нужды, пусть она обременяетъ себя сборами и добавочными налогами. «Доходъ, который она могла бы имѣть въ будущемъ, сидеть теперь въ крѣпко застегнутомъ карманѣ новыхъ собственниковъ». Въ то же время, законодательное собраніе, «принимая во вниманіе, что государство дѣйствительно свободное не должно терпѣть среди себя никакихъ корпорацій», даже таковыхъ, которыя, «посвящая себя народному просвѣщенію, оказали услугу отечеству», даже и таковыхъ, которыя «исключительно предназначены службѣ въ госпиталяхъ и уходу за больными—управднло всѣ конгрегаціи, братства, общества, мужскія и женскія, духовныя и свѣтскія, всякія религіозныя, благотворительныя, воспитательныя, миссіонерскія учрежденія, семинаріи, коллегіи, Сорбонну» и пр.

Наконецъ, манія государственной централизаціи дошла до того, что конвентъ уничтожилъ всѣ литературныя общества и всякаго рода академіи, конфисковалъ ихъ имущества, библіотеки, музеи, ботаническіе сады, и захватилъ всѣ, еще не раздѣ-

ленныя, владѣнія сельскихъ общинъ, а также имущества госпиталей и другихъ благотворительныхъ учреждений.

Нельзя не согласиться съ Тэнэ въ осужденіи такой политики, но вопросъ о судьбѣ католической церкви во время революціи не можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи тѣхъ практическихъ и юридическихъ соображеній, которыми можно защищать пользу общинныхъ земель и лѣсовъ и автономію ембриджскаго университета или гарвардской коллегии. Правда, и въ своемъ осужденіи церковной политики національнаго собранія Тэнэ нерѣдко совершенно правъ въ частностяхъ; его упреки при этомъ то относятся къ отдѣльнымъ мѣрамъ, непрактичность и вредъ которыхъ онъ выставляетъ на видъ, то къ общему духу, руководившему національнымъ собраніемъ. Тэнэ, напримѣръ, совершенно справедливо порицаетъ безусловную отміну церковной десятины, вслѣдствіе которой національное собраніе, произвольно и въ ущербъ государству, увеличило доходъ землевладѣльцевъ, платившихъ десятину, не только мелкихъ, но и крупныхъ, на 14⁰/₀, т.-е. сдѣлало имъ подарокъ, равнявшійся седьмой части стоимости всего ихъ имущества. При этомъ бывали случаи, что отміна десятины, лежавшей на имѣніи, прибавляла къ ежегодному доходу землевладѣльца 30,000 франковъ.

Совершенно справедливо также, что поспѣшная и хаотическая распродажа церковныхъ имуществъ была не только убыточна для государства, не только повлекла за собой совершенно ненужное разореніе громаднаго количества богослужебныхъ предметовъ и художественныхъ произведеній, не только повергла въ нищету большое число лицъ, но и лишила множество госпиталей, школъ и вообще благотворительныхъ учреждений средствъ къ дальнѣйшему существованію.

Совершенно справедливо и то, что нѣкоторыя мѣры, касавшіяся новаго устройства церкви, не только противорѣчили духу католицизма, но и здравому смыслу; напримѣръ, предоставленіе права избирать священниковъ тѣмъ же избирателямъ, которые въ извѣстной общинѣ избирали и мэра, судью и депутата—вслѣдствіе чего во многихъ мѣстностяхъ въ избраніи всенга могли участвовать протестанты и евреи.

Наконецъ, совершенно справедливо, что требованіе присяги въ вѣрности новой конституціи, заключавшей въ себѣ и новыя церковныя постановленія, было мѣрою ненужною, которая, между тѣмъ, тотчасъ заставила двѣ трети всего духовенства открыто признать себя противниками всей революціонной конституціи, внесла смуту въ каждую общину и разожгла религіозный и пол-

тическій фанатизмъ. Осуждая эту мѣру, Тень, кромѣ того, утверждаетъ, что сущность современнаго католицизма болѣе заключается въ его внѣшнемъ строѣ, чѣмъ въ его религіозномъ ученіи — и что онъ поэтому не можетъ допустить никакого внимательства въ этотъ внѣшній строй, никакого отступленія отъ принципа, что духовная власть принадлежитъ исключительно папѣ и поставленнымъ папою епископамъ. Этого не хотѣли понять версальскіе законодатели, которые даже утверждали, что въ ихъ власти измѣнить самую религію (*pour romptions changer la religion*), и что они поступаютъ очень умѣренно, если не касаются ни догматовъ, ни богослуженія, а только берутъ на себя переустроить внѣшнюю организацію церкви, безъ соглашенія съ духовною властью.

Но къ церковной политикѣ національнаго собранія нельзя правильно отнестись, не принявъ во вниманіе того, чѣмъ была католическая церковь въ 1789 году и какъ привыкло относиться къ ней французское государство.

Несмотря на свое космополитическое значеніе и свою зависимость отъ папы, на которой такъ настаиваетъ Тень, католическая церковь имѣла во Франціи до революціи чисто феодальный характеръ: духовенству, какъ первому штату, принадлежала доля въ верховной власти, церковь владѣла на феодальномъ правѣ $\frac{1}{5}$ всей поземельной собственности и имѣла непосредственное вліяніе надъ большимъ числомъ французскихъ гражданъ. Множество церковныхъ должностей были въ силу патроната частною собственностью или короля, или прелатовъ и сеньйоровъ. Церковные доходы распределялись между духовными лицами на основаніи сословныхъ привилегій и случайной милости двора. При такомъ положеніи дѣлъ, столкновение между церковью и революціею должно было быть особенно ошутительно, но эта борьба между національнымъ собраніемъ и французскою церковью была только продолженіемъ вѣковаго историческаго процесса и національное собраніе въ своей церковной политикѣ только продолжало дѣло французскихъ королей. Издавна власть этихъ королей была одинаково направлена къ ограниченію вліянія церкви въ ея двоякомъ значеніи, феодальнаго и космополитическаго учрежденія. Короли боролись противъ независимости прелатовъ въ ихъ качествѣ французскихъ сеньйоровъ и противъ авторитѣта папы, какъ главы церкви, и въ этой борьбѣ не рѣдко употребляли одного противника какъ союзника противъ другого: то созывали соборъ галликанскаго духовенства для ограниченія папскихъ притязаній, — то заключали конкордаты съ папами и дѣлали

съ ними общую добычу, т.-е. церковные доходы и правоту бенефиций; но всегда при этомъ они имѣли въ виду подчиненіе церкви интересамъ государства. Никто не выразилъ такъ опредѣленно преобладанія этого чисто государственнаго интереса въ церковныхъ дѣлахъ, какъ великій политикъ, котораго сама церковь дала французскому государству — кардиналъ Ришелье, когда онъ обложилъ податью въ пользу государства церковныя имѣнія: «потребности государства — реальны; потребности церкви — химеричны и произвольны».

Въ этой борьбѣ съ церковью французскіе короли никогда не задумывались переходить границу, проведенную Тэноромъ; они не только касались дисциплинарныхъ правилъ церкви, но и выходили въ область религіи. Уже въ XIII вѣкѣ легисты (Дюбуа), руководившіе королевскою политикою противъ римской курии, требовали, чтобы имущества церковныя были переданы мірянамъ, а духовенство вознаграждено «ежегоднымъ жалованьемъ». Тотъ же Пьерръ Дюбуа настаивалъ на необходимости отъѣзды celibата. Въ XV вѣкѣ французское правительство открыто примкнуло къ партіи реформы, которая хотѣла заставить католическую церковь вернуться къ старинѣ, къ соборному правленію, сдѣлать выборы епископовъ свободными, то-есть независимыми отъ папы. А на Тридентинскомъ соборѣ послы французскаго короля поддерживали представителя французскаго духовенства, кардинала Лотарингскаго, который потребовалъ брака священниковъ, причащенія подъ обоими видами и молитвы на народномъ языкѣ. Парижскій парламентъ не призналъ постановленій Тридентинскаго собора, а французская церковь признала только то, что относилось къ догматамъ; все же, что относилось къ вѣншему устройству, считалось изъятимъ изъ-подъ «вѣдомой власти». А при Людовикѣ XIV епископъ турнейскій, которому вмѣстѣ съ Боссюетомъ было поручено составить знаменитую декларацию галликанскаго духовенства, — утверждалъ, что папы сами могутъ впадать въ ересь.

Французская демократія, захватившая въ лицѣ національнаго собранія государственную власть, задумала съ-разу привести въ исполненіе, какъ въ государственной области, такъ и въ церковной, вѣковыя традиціи прежняго французскаго правительства и завершить дѣло, которое послѣднему было не по силамъ. Какъ въ области политической, національное собраніе устраненіемъ всѣхъ привилегій и мѣстныхъ преградъ, окончательно объединило народъ и централизовало государство, такъ въ области церковной оно задумало окончательно превратить церковь въ то, чѣмъ она въ

сущности всегда была въ глазахъ французскаго правительства — въ орудіе власти — un instrument de règne. При монархическомъ режимѣ самымъ удобнымъ средствомъ для этого считался королевскій патронатъ, т.-е. назначеніе на церковныя должности главою государства, королемъ. Теперь, при воярженіи демократіи патронатъ короля, конечно, долженъ былъ быть замѣненъ патронатомъ новаго государя, — народной массы, и назначеніе свыше должно было уступить мѣсто непосредственному выбору снизу.

Полагая народный выборъ въ основаніе духовныхъ должностей, національное собраніе становилось на ту же точку зрѣнія, на которой стояло въ XV вѣкѣ правительство Карла VII, узаконившее свободное независимое отъ папы избраніе епископовъ. Національное собраніе только поступило радикальнѣе, ибо если партія реформы въ XV вѣкѣ хотѣла возстановить соборное правленіе и вернуть церковь въ эпоху аристократическаго строя, — то революція XVIII вѣка задумала вернуться къ еще болѣе ранней эпохѣ въ исторіи церкви, когда въ ней преобладали демократическія формы и народный выборъ.

Впрочемъ, для этой цѣли національному собранію вовсе не нужно было исходить отъ представленій о церковномъ устройствѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Демократическія формы и вліяніе мірянъ на церковь сохранились во Франціи въ гораздо болѣе степени, чѣмъ это вообще извѣстно, и особенно въ сельскихъ общинахъ мы встрѣчаемъ вплоть до самой революціи не только непосредственное участіе народа въ распоряженіи церковными имуществами, но и постоянное внимательство въ такіе вопросы, которые теперь предоставлены исключительно вѣдѣнію духовенства.

Церковныя недвижимыя имущества, накопившіяся въ феодальную эпоху, болѣею частію принадлежали монастырямъ и прелатамъ, и только въ незначительной степени употреблялись на нужды церквей и духовенства въ селахъ и городахъ. Для послѣдней цѣли понадобились, поэтому, новыя средства, которыя и были доставлены благочестіемъ частныхъ лицъ, или обязательными взносами общинъ. Но эти средства уже не считались собственностію духовенства (*clergé*), а были подъ названіемъ *fabrique* собственностію прихода и управлялись особыми лицами (*maîtril-liegs*), избиравшимися въ селахъ міромъ, то-есть собраніемъ всѣхъ членовъ общины по предложенію священника. Эти приходскія собранія, тождественныя по своему составу съ общинными собраніями, не только просматривали и утверждали годовые отчеты старостъ, разрѣшали расходы изъ церковныхъ суммъ, превен-

шавшіе 10 ливровъ, необходимыя отчужденіи церковныхъ имуществъ, принятіе имуществъ, отказанныхъ по завѣщанію, покупку церковной утвари и украшеній, но и опредѣляли тарифъ на мѣста въ церкви, дѣлали постановленія относительно погребенія, опредѣляли часы церковной службы и выбирали иногда чрезъ старостъ проповѣдниковъ, приглашаемыхъ на время поста. Бывали случаи даже еще и въ XVII вѣкѣ, что общинный совѣтъ какого-нибудь городка обращался официально къ епископу съ просьбой о разрѣшеніи употреблять въ пищу яйца во время поста. Вліяніе народа, то-есть общины, въ области церковной вообще было такъ сильно до революціи, что возбуждаетъ неудовольствіе современныхъ церковныхъ писателей, привыкшихъ къ другимъ порядкамъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, Аббатъ Жиро говоритъ, что всѣ эти права, предоставленныя общинѣ, или ея представителямъ, низводили священника на положеніе простого приказчика по духовнымъ дѣламъ. «Къ счастью, все это теперь измѣнилось». Il n'en est plus ainsi heureusement ¹⁾.

Конечно, національное собраніе, осуществляя въ своей церковной политикѣ заботы исторіи, руководилось собственно не указанными выше историческими, а чисто-практическими соображеніями, которыя также упустилъ изъ вида Тэнъ. Лишивъ короля абсолютной власти, — возстановивъ противъ себя и папу и высшее духовенство отиѣною ихъ привилегій и доходовъ, — кому же могло національное собраніе поручить назначеніе духовныхъ лицъ, какъ не тому самому народу, на который опиралась его власть? Нельзя же было предоставить завѣдываніе церковью, — этого страшнаго орудія господства, исполнительной власти, съ которой національное собраніе было въ то время въ полномъ антагонизмѣ; нельзя было также предоставить объединенную, усиленную, оторванную отъ земли и отъ мѣстныхъ связей французскую церковь въ распоряженіе чужой власти, то-есть папы.

Итакъ, вообще нужно имѣть въ виду, что церковныя мѣры національнаго собранія, которыя такъ легко критиковать въ наше время, вытекали гораздо болѣе изъ прежнихъ отношеній между церковью и государствомъ во Франціи и изъ тогдашнихъ обстоятельствъ, чѣмъ изъ отвлеченныхъ теорій и произвольныхъ комбинацій революціонеровъ, какъ это доказываетъ Тэнъ; а что касается до вредныхъ послѣдствій этихъ мѣръ, то разрывъ между

¹⁾ См. Babeau, Le Village sous l'Ancien Régime, p. 118, sq. Въ этомъ сочиненіи находится много интересныхъ свѣдѣній о томъ, что можно назвать вліяніемъ демократическаго режима въ старой французской церкви, введеніе котораго приписывается національному собранію.

церковью и революціею былъ во всякомъ случаѣ неизбеженъ, и даже роковая ошибка національнаго собранія—установленіе конституціонной присяги—не играла тутъ такой роли, какъ кажется. Еще за-долго до нея, то-есть тотчасъ послѣ дѣвreta о конфискаціи церковныхъ имуществъ—епископы въ своихъ посланіяхъ оплакивали гибель религіи, бросали громы противъ нечестивой узурпаціи національнаго собранія и призывали народъ къ возстанію ¹⁾, а священники, эти союзники адвокатовъ въ дни отмены привилегій, дѣлали имъ въ лицѣ одного изъ сугубъ наивный упрекъ: итакъ, когда вы пришли въ нашу палату, чтобы умолять насъ именемъ Господа-миролюбца соединиться съ нами,—это было только для того, чтобы насъ погубить (*écorger*) ²⁾.

XVI.

Побочивъ съ анализомъ политики національнаго собранія по отношенію къ старому порядку и главнымъ его основамъ—монархіи, аристократіи и церкви, Тэнь переходитъ во второй половинѣ своей задачи и подвергаетъ такой же критикѣ другую сторону законодательной дѣятельности національнаго собранія, направленную къ установленію новаго государственнаго строя. И здѣсь, по мнѣнію Тэна, національное собраніе преимущественно руководилось теоріей и идеологіей; и здѣсь, должны мы сказать, критика Тэна исходить слишкомъ исключительно изъ точки зрѣнія пользы и цѣлесообразности. Государство въ его глазахъ не что иное какъ машина, все достоинство которой въ томъ, чтобы она исправно и быстро дѣйствовала; обязанность законодателя отождествляется съ обязанностью машиниста, который долженъ заботиться о томъ, чтобы локомотивъ не остановился по недостатку угля или не соскочилъ съ рельсовъ. Потому и эта часть критики Тэна заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній, но его огульное порицаніе національнаго собранія можно признать справедливымъ лишь въ томъ случаѣ, если допустить его основную точку зрѣнія, что политика тождественна съ механикой, и что высшее мѣрило всѣхъ историческихъ учрежденій есть польза.

Главный упрекъ, который дѣлаетъ Тэнь новымъ учрежденіямъ, созданнымъ національнымъ собраніемъ, совершенно справедливо сводится къ тому, что собраніе, желая уничтожить деспо-

¹⁾ *Mémoires de Férrières*, p. 370.

²⁾ *Mém. de Férr.*, p. 359.

реть за шиворотъ бунтовщика и охранять жизнь и собственность, однимъ словомъ—превращаетъ въ дѣйствіе обѣщанія и угрозы закона». Распоряжаясь кошелькомъ и мечомъ, муниципалитеты властвуютъ въ странѣ, и они сознаютъ свою силу. По ихъ распоряженію, разграбляются арсеналы, занимаются гарнизоны крѣпости, останавливаются обозы и курьеры, перехватываются письма; своеволие муниципалитетовъ все растетъ и становится систематической инсубординаціей; ихъ захваты не знаютъ ни мѣры, ни границъ; ихъ самоуправство проявляется не только въ предѣлахъ ихъ общины, но не рѣдко простирается и на сосѣднія. И такимъ образомъ королевство вскорѣ раздробляется на 40,000 самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ (соггс souverains).

Тотъ подробно описываетъ многочисленныя и сложныя обязанности «муниципальныхъ царей» и выставляетъ на видъ рѣзкій контрастъ между задачей, возложенной на новыхъ администраторовъ, и ихъ некомпетентностью. «Въ 20,000 муниципій члены общиннаго управленія не умѣютъ ни читать, ни писать». Крестьяне-правители часто не знаютъ даже французскаго языка, и тѣмъ менѣе въ состояніи понять философскій жаргонъ, на которомъ написаны декреты національнаго собранія. Они приходятъ въ городъ, заставляютъ себя истолковать законъ, дѣлаютъ видъ, что поняли, но чрезъ недѣлю возвращаются, ничего не понявши. Однако дѣло идетъ еще хуже, когда они убѣждаются, что уразумѣли смыслъ закона и принимаются прилагать его къ дѣлу. Къ этому невѣжеству ихъ присоединяется осторожный расчетъ, они не хотятъ нажить себя враговъ, и, напримѣръ, болѣе чѣмъ годъ спустя послѣ декрета о «патріотической подати» изъ 40,000 общинъ только 2,500 представили податные списки и приступили къ сбору денегъ. Въ городахъ дѣло идетъ лучше: тамъ въ первые два года революціи заведеніе дѣлами переходитъ въ руки самой просвѣщенной и либеральной части буржуазіи. Но это та же философствующая буржуазія, которая засѣдаетъ въ національномъ собраніи, и она такъ же мало способна, какъ и это собраніе, управлять разсыпавшейся націей (nation dissoute). Имъ не достаетъ чутья «общественной опасности» (danger social), которымъ отличается истинный правитель, умѣющій подчинять ощущенія нервной чувствительности общественному долгу.

Къ этому присоединяется другое затрудненіе. Власть, представленная муниципалитетами для поддержанія общественнаго порядка, дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если національная гвардія исполняетъ ихъ приказанія. Но эти выборныя власти не всегда могутъ рассчитывать на покорность своихъ вооружен-

ныхъ избирателей. Нерѣдко, особенно въ селахъ, національная гвардія является съ барабаннымъ боемъ за своимъ мѣромъ, и заставляеть его, подъ угрозой штыковъ, своимъ присутствіемъ или даже своимъ приговоромъ узаконять насилія, которыя онъ долженъ былъ бы предотвратить; самая, однако, главная опасность, которая грозитъ новому порядку, заключается въ томъ, что онъ налагаетъ на гражданъ слишкомъ тяжелое бремя. Каждый гражданинъ несетъ двойную службу,—службу жандарма въ національной гвардіи и службу избирателя на всѣ административныя, судебныя, духовныя и политическія должности. Не проходитъ почти мѣсяца, чтобы избиратели не были созваны, а выборы иногда продолжаются, вмѣсто трехъ дней, три недѣли. Тѣмъ разсчитывается, что при національномъ собраніи, общественная служба поглощала два дня въ недѣлю, то-есть одну треть времени гражданъ, призванныхъ къ политической дѣятельности.

Такъ какъ эта тяжелая служба падаетъ на людей занятыхъ и трудящихся, то она имъ скоро надоѣдаетъ. Въ первые 6 мѣсяцевъ, они несутъ новую службу охотно, — но затѣмъ хотятъ жить для себя: они полагаютъ, что вытаскили на своихъ плечахъ завязнувшую въ грязи колесницу—и что этого достаточно; они не намѣрены навсегда запереться въ нее. Число гражданъ, являющихся на выборы, становится все рѣже и рѣже. Но при такомъ отреченіи большинства, верховная власть переходитъ къ меньшинству. Въ обществѣ, гдѣ всѣ должности выборныя, политика становится карьерой для тѣхъ, кто жертвуетъ ей собственнымъ интересомъ, или же ищетъ въ ней личной выгоды—такихъ политиковъ человекъ 5—6 въ каждой деревнѣ, нѣсколько сотъ въ городахъ, нѣсколько тысячъ въ Парижѣ. Это настоящіе активные граждане (*citoyens actifs*). За свои хлопоты они пользуются властью, они руководятъ выборами, или избираются сами. Число должностей громадно,—однѣхъ административныхъ около 1.200,000; добыча обильная для людей честолюбивыхъ и для нуждающихся. Такова судьба чистой демократіи;—политика становится спеціальнымъ занятіемъ, и общественныя должности становятся, какъ въ Америкѣ, вознагражденіемъ за этотъ спеціальнѣй политическій трудъ.

Господствующее меньшинство набирается изъ двухъ классовъ.—изъ экзальтированныхъ и изъ людей не имѣющихъ промысла. Во второй половинѣ 1790 года эти лица вездѣ группируются въ особня общества, подобно парижскимъ якобинцамъ. Во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ, возникаетъ клубъ патріотовъ, которые собираются каждый вечеръ, или нѣсколько разъ въ не-

дѣлю, чтобы содѣйствовать общему благу (coopérer au salut de la chose publique). Это новый, самопроизвольный и паразитный органъ, который развивается въ общественномъ тѣлѣ, рядомъ съ законными органами, незамѣтно разрастается на ихъ счетъ и наконецъ ихъ совершенно устраняетъ.

Нельзя не отдать справедливости Тэну въ томъ, что онъ съ большою рельефностью выставилъ на видъ недостатки той политической системы, которою руководилось національное собраніе, и — что еще важнѣе — такъ-сказать, *осязательно* объяснилъ причины и доказалъ необходимость торжества крайней революціонной партіи, или якобинцевъ. Но политическій урокъ, который даетъ Тэнъ своимъ читателямъ, былъ бы еще полезнѣе, если бы онъ не слишкомъ настаивалъ, съ одной стороны, на теоретичности принциповъ національнаго собранія, а съ другой — на утопическомъ характерѣ совершеннаго имъ дѣла. Тэнъ забываетъ, что чистая демократія не есть абстракція, выведенная только изъ отвлеченныхъ понятій, — не есть теорія, произвольно изобрѣтенная Руссо, а представляетъ собой политическую форму, опирающуюся на извѣстное толкованіе идеи права, на безотчетные инстинкты справедливости, врожденной человеку. Тэнъ забываетъ также, что несостоятельность этой политической формы нельзя доказывать злоупотребленіями, къ которымъ она можетъ повести, ибо при всякой политической формѣ возможны извѣстнаго рода злоупотребленія; съ другой стороны, чистую демократію нельзя въ наше время называть утопій, и значеніе тѣхъ практическихъ возраженій, которыя дѣлаетъ Тэнъ демократіи 1789 года, очень умалается тѣми успѣхами, какіе сдѣлало въ наши дни приложеніе на практикѣ крайней демократической теоріи. Такъ, напримѣръ, новая швейцарская конституція предоставляетъ массѣ швейцарскихъ гражданъ самое непосредственное вмѣшательство въ законодательную дѣятельность ихъ правительства. Согласно съ этой конституціей, должны быть предложены швейцарскому народу, для утвержденія или для отгѣны, всякій законъ (Bundesgesetz) и всякое не безотлагательное постановленіе союзнаго правительства (Bundesbeschluss), какъ скоро этого потребуютъ 30,000 гражданъ. Этимъ путемъ швейцарскій народъ привалъ законъ о гражданскомъ бракѣ и отвергъ законъ о банкахъ. Подобнымъ образомъ, какъ скоро 50,000 гражданъ потребуютъ ревизіи союзнай конституціи, то вопросъ объ этомъ долженъ быть предложенъ на усмотрѣніе всего народа.

Затѣмъ, критикуя политическое устройство, созданное національнымъ собраніемъ, Тэнъ, по усвоенному имъ методу, не при-

няли во вниманіе теоретическихъ и практическихъ затрудненій, съ которыми пришлось бороться собранію. Самый трудный вопросъ, который представляется на разрѣшеніе всякой демократіи, заключается въ установленіи отношеній между органами законодательной власти и исполнительной, а также въ опредѣленіи доли самостоятельности и независимости, которая можетъ быть предоставлена главѣ центральной администраціи. Трудность эта тѣмъ болѣе значительна, что въ этомъ вопросѣ не можетъ помочь никакая формула, выработанная чужимъ опытомъ; разрѣшеніе его зависитъ не только отъ множества историческихъ и мѣстныхъ условій, но даже не можетъ быть на-долго установлено, ибо правительственный центръ тяжести постоянно колеблется между собраніемъ народныхъ представителей и органомъ административной власти. Въ 1789 году это затрудненіе еще особенно усложнялось тѣмъ, что административная власть находилась въ рукахъ наслѣдственнаго короля, который еще недавно былъ хотя и не *de jure* и не всегда *de facto*, но, по правительственной теоріи, неограниченнымъ государемъ. Узурпировавши верховную власть, французская демократія не могла предоставить примѣненіе ея развѣнчанному потомку Людовика XIV—и этимъ было вызвано то ненормальное положеніе, которое было отведено королю въ конституціи 1789 года. Демократія 1789 года хотѣла не только царствовать, но и управлять, а съ этими притязаніями было несовмѣстно продолженіе монархіи, и потому съ тѣхъ поръ законная монархія была въ сущности подорвана во Франціи. Но вожди демократіи, избранные еще при господствѣ монархіи, снабженные инструкціями, въ которыхъ монархическое правленіе признавалось основнымъ политическимъ принципомъ, заявившіе своими первыми и главными декретами свою солидарность съ королемъ, не могли и не хотѣли—ни устранить монархію, ни оставить оружіе въ ея рукахъ во время борьбы съ нею.

Другой принципиальный или теоретическій вопросъ, который пришлось разрѣшить національному собранію и который представляется на разрѣшеніе всякой демократіи, былъ не менѣе затруднителенъ.

Принципъ народнаго верховенства (*souveraineté nationale*) былъ провозглашенъ, но, спрашивалось, кому предоставить самую власть—народу или его представителямъ? кто собственно долженъ былъ быть государемъ во Франціи—національное собраніе или сами избиратели? А если верховная власть должна быть подѣлена между ними, то на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ? Вся исторія современной демократіи заключается въ разрѣшеніи

этого вопроса, — въ распредѣленіи верховной власти между народомъ и его представительными органами, и здѣсь также центр тяжести часто колеблется, хотя, судя по исторіи швейцарской и американской демократіи, онъ имѣетъ, повидимому, естественную наклонность приближаться къ основанію или базѣ.

Национальное собраніе разрѣшило этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: оно предоставило народнымъ представителямъ вседѣло и исключительно законодательство; народной же массѣ, косвеннымъ образомъ, — судъ и администрацію, посредствомъ избранія должностныхъ лицъ. Национальное собраніе руководилось при этомъ, конечно, господствовавшими въ то время понятіями о раздѣленіи властей, но мы полагаемъ, что такая политика не мѣше того обуславливалась силою вещей и историческими причинами.

Депутатамъ третьяго сословія удалось осуществить свою узурпацію на-счетъ феодальной аристократіи и монархіи, только благодаря помощи народныхъ массъ. Естественно было подѣлиться добычей съ союзникомъ и предоставить народу широкую долю въ верховной власти, тѣмъ болѣе, что національное собраніе, оставивши короля во главѣ исполнительной власти, нуждалось и впередъ въ своемъ союзникѣ, ибо вся сила собранія заключалась только въ поддержкѣ народныхъ массъ, и съ его стороны было бы очень неравсчитливо подчинить эти массы такой же административной опекѣ, отъ которой оно ихъ только-что освободило.

Но, помимо всякаго расчета, національное собраніе было просто бессильно по отношенію къ народной массѣ и было фактически не въ состояніи подчинить ее своему управленію и присвоить себѣ, напримѣръ, право назначать отъ себя мэровъ и начальниковъ департаментовъ надъ самодержавнымъ народомъ, во имя котораго оно только-что само свергло королевскую администрацію. Вообще нужно имѣть въ виду, что на ходѣ французской революціи и на организаціи, которую получила Франція въ 1789 году, гераздо болѣе отразилось непосредственное вліяніе народныхъ массъ, чѣмъ склоненъ думать тотъ, кто слишкомъ исключительно сосредоточиваетъ свое вниманіе на теоріяхъ XVIII вѣка и преніяхъ въ національномъ собраніи. Демократическій переворотъ 1789 года былъ обязанъ своимъ успѣхомъ тому, что въ немъ приняли участіе такіе слои народа, которые обыкновенно остаются чужды чисто-политическимъ движеніямъ. Узурпація демократіи надъ монархіей удалась потому, что ее поддержали и ею воспользовались милліоны сельскихъ жителей, которые имѣли только въ виду избавить себя отъ феодальныхъ порядковъ. На-

сельственная отиѣна феодализма связала интересы сельскихъ массъ съ интересами правительственной демократіи; но стремительность поднявшихся массъ была слишкомъ сильна, чтобы онѣ дозволили себѣ сдержать и направить по усмотрѣнію версальскихъ депутатовъ. Это наблюденіе, что настоящая сила была на сторонѣ массы и что она увлекала собой національное собраніе, было сдѣлано въ свое время реалистическими писателями: «Помните, — восклицаетъ Ривароль, — представители французскаго народа, что когда поднимаешь народъ, ему всегда придаешь больше энергіи, чѣмъ нужно, чтобы достигнуть предполагаемой цѣли, и что этотъ излишекъ силы увлекаетъ его скоро за всякіе предѣлы!»¹⁾. Но историкъ можетъ, вромѣ того, сдѣлать еще другое наблюденіе. Вліяніе массъ обнаруживается не только въ силѣ революціоннаго движенія, но и въ его направленіи. Та политическая форма, которую приняла въ 1789 году Франція, превратившаяся въ агрегатъ 40,000 почти самостоятельныхъ общинъ, — не что иное, какъ естественный результатъ преобладанія массъ надъ государственнымъ правительствомъ. Естественный элементъ государства — община (*la commune*), та форма общественнаго союза, которая наиболее близка и понятна массѣ, не только вступаетъ, съ паденіемъ королевскаго авторитета, въ свои права, забытыя государствомъ, но и выѣстъ съ воцареніемъ массъ преступаетъ эти права и стремится разрушить государство.

Община, съ своимъ демократическимъ типомъ — собраніемъ всѣхъ своихъ членовъ, для рѣшенія общихъ дѣлъ, и съ выборными должностными лицами, — составляла во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, зерно государственной жизни. Этотъ типъ, конечно, потерпѣлъ значительное видоизмѣненіе и кое-гдѣ даже вовсе утратился, подъ вліяніемъ феодальнаго быта, церковнаго управленія и особенно вслѣдствіе развитія бюрократическаго государства. Но административный гнетъ ложился, главнымъ образомъ, на города — и тамъ, дѣйствительно, успѣлъ уничтожить съ конца царствованія Людовика XIV формы общиннаго самоуправленія; въ деревняхъ же типъ демократической общины съ своими скромными, мало замѣтными формами сохранилъ свою живучесть и эластичность²⁾ и готовъ былъ воспрянуть, какъ только

¹⁾ *Mém. de Rivarol*, 64. И Малюэ говоритъ съ своей точки зрѣнія не разъ о силѣ даннаго толчка. *L'anarchie est sortie toute armée du cerveau de la multitude. Un seul mot, l'égalité, a bouleversé les têtes* и пр. *L'impulsion des masses est terrible* и т. д. стр. 128.

²⁾ Попытка указать на историческое значеніе сельской общины во Франціи и прослѣдить ея судьбу составляетъ предметъ изслѣдованія и заслугу упомянутого нами новаго сочиненія Babeau, *Le Village sous l'ancien regime*.

былъ избавленъ отъ давленія государственной опеки. Между общиной и государствомъ существовало такое же отношеніе, такой же антагонизмъ, какъ между законодательною и исполнительною властью, и національное собраніе, ослабивъ послѣднюю, поневолѣ доставило преобладаніе общиннымъ формамъ и интересамъ передъ государственными.

Конечно, ослабляя государственное управленіе и поддаваясь влиянію массъ, стремившихся въ автономіи общинъ, національное собраніе дѣлало двойную ошибку. Оно забывало, что по низложеніи монархіи оно само представляетъ собой правительство и, слѣдовательно, наноситъ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Оно не понимало, что сдѣлается безсильнымъ по отношенію къ народной массѣ и эманципированнымъ общинамъ, если не будетъ распоряжаться администраціей, и что оно готовитъ Франціи анархію и междоусобную войну. Оно упускало изъ вида, что вслѣдствіе совершенной имъ узурпаціи Франція находилась какъ-бы на военномъ положеніи, а что воинствующая демократія не можетъ себя обставить учрежденіями, которыя годятся только для мирнаго общества; что всякая власть можетъ поддерживаться только тѣми средствами, которыми она добыта, и что вслѣдствіе всего этого новому демократическому правительству не слѣдовало бы выпускать изъ рукъ силу, способную поддержать миръ и порядокъ.

Но, кромѣ того, національное собраніе, а вмѣстѣ съ нимъ и французская демократія въ 1789 году не понимали историческаго характера французскаго государства, не сознавали завѣта, возложеннаго на нихъ исторіей Франціи. Такая политическая система, при которой всѣ мѣстные административные органы избираются мѣстнымъ населеніемъ, пригодна для федеративной республики, но не для такой централизованной страны, какою была уже въ то время Франція. Мало того, національное собраніе, уничтоживъ всѣ прежнія преграды королевской власти и окончательно завершивъ систему централизаціи, сдѣлало для Франціи еще болѣе необходимымъ сильное и центральное правительство. Въ такой странѣ душа государственнаго тѣла заключается не въ законодательномъ органѣ верховной власти, а въ правительствующемъ. Самымъ роковымъ промакомъ въ этомъ отношеніи со стороны національнаго собранія Тэнъ считаетъ постановленіе, воспрещавшее депутатамъ занимать должность министра, — чѣмъ большинство національнаго собранія лишило себя возможности взять въ руки управленіе страной. Что касается до причинъ таковаго постановленія, то идеологія или теорія тутъ, ко-

нечно, играли известную роль; опредѣленіе министровъ, хотя и косвенно, большинствомъ національнаго собранія казалось смѣшеніемъ законодательной и исполнительной властей, а такое смѣшеніе противорѣчило господствовавшей, благодаря Монтескьё, теоріи. Но въ сущности вопросъ былъ рѣшенъ не на основаніи теоріи, а подъ вліяніемъ демократическихъ страстей. Въ этой молодой, необузданной демократіи чувства зависти, равенства и инсубординация были слишкомъ сильны между депутатами, чтобы они согласились подчиниться руководству товарищей, взятыхъ изъ ихъ среды. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что назначеніе министрами вождей большинства вовсе бы не имѣло на практикѣ тѣхъ благотворительныхъ послѣдствій, которые имѣетъ въ виду Тэнъ. При тогдашней административной системѣ, основанной на избраніи всѣхъ должностныхъ лицъ мѣстнымъ населеніемъ — министерскій портфель былъ довольно бесполезенъ, — а едва ли бы національное собраніе рѣшилось и было въ состояніи отменить эту систему, хотя бы въ угоду министрамъ, взятымъ изъ его среды.

Для того чтобы рѣшиться на такой важный шагъ — восстановить централизацию въ администраціи и сдѣлать министровъ опять правителями — тогдашней Франціи нужно было одержать двѣ побѣды: одну теоретическую, другую — фактическую. Нужно было сознать, что во Франціи сущность власти заключается не въ законодательной функціи, а въ управленіи, и нужно было вырвать изъ рукъ народа оружіе, съ помощью котораго онъ совершилъ революцію, и снова подчинить его дисциплинѣ.

Эти два результата были достигнуты дальнѣйшимъ ходомъ французской революціи. Но уже при національномъ собраніи мы замѣчаемъ попытки въ этомъ направленіи. Уже національное собраніе начало устанавливать многочисленные комитеты, служившіе ему въ качествѣ министровъ, и забирать посредствомъ ихъ въ свои руки различныя отрасли управленія. При слѣдующемъ собраніи роль этихъ комитетовъ все болѣе возрастаетъ и усложняется. При конвентѣ, наконецъ, снова появляются прежніе интенданты въ видѣ чрезвычайныхъ комиссаровъ, и затѣмъ префектъ дѣлается такимъ же неотъемлемымъ органомъ всякаго французскаго правительства, какъ иногда интендантъ при феодальной монархіи.

Итакъ, французская демократія въ самомъ началѣ дѣйствительно сдѣлала большую ошибку: отвергнувши рада власти всякую сдѣлку съ монархіей, она не сумѣла сама организовать эту власть и отказалась отъ нея въ пользу анархической массы или охлократіи. Она мечтала при этомъ, тотчасъ по совершеніи

своей узурпаціи, осуществить и свободу и равенство, и самоуправленіе и народное самодержавіе; но затѣмъ оказалось, что французской демократіи пришлось идти въ своей цѣли — достиженію политической свободы — длиннымъ, окольнымъ путемъ, а именно сначала долгимъ, мучительнымъ историческимъ процессомъ обезпечить за собою ту власть, которую она схватила на-лету, а потомъ еще болѣе трудной внутренней борьбой съ страстями и увлеченіемъ нравственно оправдать свой захватъ, и доказать свое право на власть.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что эта главная ошибка національнаго собранія была отчасти невольная, т.-е. обуславливалась узурпаціей, совершенною надъ королевской властью и слабостію собранія передъ разнуздавшеюся массою, — отчасти же національное собраніе дѣйствовало при этомъ совершенно сознательно и руководилось побужденіями, имѣющими глубокой культурный смыслъ. Умственное движеніе XVIII вѣка, приведшее къ революціи, заключаетъ въ себѣ двѣ различныя струи: — одна была направлена къ установленію индивидуальной и политической свободы, другая — къ установленію равенства. Исторія революціи имѣла, правда, своимъ конечнымъ результатомъ преобладаніе послѣдней струи надъ первой; но въ первые годы, въ лучшую эпоху революціи, приверженцы ея стремились къ обѣимъ цѣлямъ, считали возможнымъ достиженіе полной свободы и полного равенства.

Мы полагаемъ, что нужно относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ тѣмъ мѣрамъ національнаго собранія, въ которыхъ проявилась попытка удовлетворить потребностямъ индивидуальной и политической свободы; тѣмъ болѣе, что этому собранію такъ мало удалось обезпечить эти интересы. А именно одной изъ главныхъ мѣръ, имѣвшихъ въ виду индивидуальную и особенно мѣстную свободу, была административная система, о которой идетъ рѣчь. Подобно тому, какъ эманципація общинъ казалась лучшей гарантіей политической свободы, такъ избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ народомъ, массою, казалось лучшимъ обезпеченіемъ личной и гражданской свободы. Самый ощутительный гнетъ, противъ котораго особенно роптало французское общество въ XVIII вѣкѣ, заключался въ деспотизмѣ, точнѣе — въ произволѣ административныхъ лицъ, особенно интендантовъ. Даже королевское правительство нашлось, наконецъ, вынужденнымъ дать обществу особые административные органы съ коллегіальнымъ характеромъ — *провинціальныя собранія*, которыя дѣйствовали рядомъ съ интендантами. Естественно было, что съ паденіемъ монархіи пали и

интенданты, и мѣстная администрація перешла въ руки коллегій, вышедшихъ изъ народнаго избранія.

Тѣну нужно поставить въ заслугу то, что онъ ясно и рельефно выставилъ на видъ, какъ мало были достигнуты политическіе идеалы XVIII вѣка административною системою, введенною революціей, но его чисто-утилитарная критика обнаруживаетъ, какъ мы старались показать, недостатокъ какъ историческаго, такъ и философскаго пониманія разсматриваемыхъ явленій. Историческое непониманіе проявляется въ томъ, что Тѣнъ обвиняетъ во всемъ исключительно теорію XVIII вѣка и догматизмъ революціонеровъ, не принимая во вниманіе ни современныхъ обстоятельствъ и практическихъ соображеній, которыя заставляли національное собраніе дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, ни историческаго характера французскаго государства и условій, созданныхъ исторіей и опредѣлявшихъ помимо воли законодателей ихъ дѣятельность. Философское же непониманіе мѣшаетъ Тѣну сознать, что политическая теорія XVIII вѣка, при всей своей односторонности и крайности и внутреннихъ противорѣчій, заключала въ себѣ элементы вѣчной и абсолютной истины—вѣрныя представленія объ идеалахъ и задачахъ, поставленныхъ исторіей человѣчеству, и что французская демократія, стремясь осуществить эти идеалы, руководилась не только рациональною теоріей, но и вѣрнымъ культурнымъ инстинктомъ. Узкій реализмъ по отношенію къ философіи и идеальному содержанію революціи особенно проявляется у Тѣна на тѣхъ страницахъ, которыя посвящены анализу пресловутой—*декларации правъ человека*.

Высокій интересъ французской революціи и ея назидательное значеніе преимущественно обусловливаются трагическимъ положеніемъ, въ которомъ находилась лучшая часть французскаго общества, воспитаннаго на идеяхъ XVIII вѣка, когда это общество вздумало провозгласить свои идеалы вѣчными руководящими принципами и реализовать ихъ, не въирая на практическія препятствія. Идеалистамъ XVIII вѣка было суждено пережить такое же тяжелое разочарованіе и такъ же дорого поплатиться за свой идеализмъ, какъ и многимъ другимъ религіознымъ и политическимъ мечтателямъ. Но революція утратитъ для потомковъ свой историческій смыслъ и свое назидательное значеніе, если историкъ, указывая на противорѣчія между идеаломъ и дѣятельностью и на печальныя послѣдствія увлеченій, будетъ видѣть, подобно Тѣну, только ошибки и забывать о достоинствѣ и значеніи мотивовъ и цѣлей. Контрастъ между идеалами, которые носились предъ національнымъ собраніемъ и порядками, которые

оно создавало, нигдѣ не обнаружился такъ наглядно и поучительно, какъ въ знаменитой «декларациі правъ человѣка». Критика этого законодательнаго акта у Тэна очень искусно примыкаетъ къ описанію той анархіи, которая водворилась во Франціи послѣ введенія новаго народнаго самоуправленія. Онъ представляетъ, какими образомъ пользовалось декларацией для своихъ цѣлей то меньшинство «политиковъ по фанатизму или по расчету», которое проникло въ муниципалитеты, или забрало въ свои руки ихъ власть и авторитетъ посредствомъ вліянія клубовъ. Такимъ образомъ, мрачная картина подготовлявшагося зюбинскаго террора, освѣщенная крайнимъ радикализмомъ, заключавшимся въ декларациі правъ человѣка, становится еще зловѣще, а съ другой стороны, этотъ темный фонъ реальнаго міра, на которомъ у Тэна рельефно отражаются отдѣльные параграфы декларации, нагляднѣе изобличаетъ ея нецѣлесообразность и практическій вредъ, чѣмъ самая безвощадная логическая критика.

Всѣ параграфы декларации въ глазахъ Тэна не что иное, какъ «кинжалы, направленные противъ человѣческаго общества; достаточно толкнуть рукоятку, чтобы вонзить въ тѣло леавее. Само національное собраніе, постановившее, чтобы декларация была всегда на умѣ у всѣхъ членовъ общественнаго тѣла (*constamment présente*) и пожелавшее, чтобы всѣ дѣйствія какъ законодательной власти, такъ и власти исполнительной всегда прокрѣплялись съ помощію декларации и соразмѣривались съ цѣлью всякаго политическаго учрежденія, — само національное собраніе дало всѣмъ желающимъ право прилагать немедленно къ практикѣ любой изъ параграфовъ декларации. Къ чему же это должно было привести? Между «естественными и неотъемлемыми правами человѣка законодатель помѣстилъ право сопротивленія противъ всякаго гнета и отсюда является практическій выводъ: «мы угнетаемы, будемъ сопротивляться и возьмемся за оружіе». Законодательная власть постановила, что общество имѣетъ право требовать отчета отъ всякаго должностнаго лица. — «Пойдемте въ разгушу, проверимъ дѣйствія нашихъ гласныхъ, посмотримъ преслѣдуютъ ли они попомъ, разоружаютъ ли аристократовъ!» Законодатель заявилъ, что всѣ люди рождаются и остаются свободны и равноправны. Отсюда слѣдуетъ, что никто не долженъ быть лишентъ избирательнаго права, никто не долженъ быть исключенъ изъ національной гвардіи; всѣмъ, даже самымъ бѣднымъ, нужно дать въ руки оружіе — ружье или пистолетъ, чтобы защищать свою свободу. Согласно съ декларацией, не должны быть допускаемы ни продажность, ни наслѣдственность никакой общественной долж-

ности. Слѣдовательно, наследственность королевской власти незаконна; «пойдемте въ Тюльери и свергнемте престолъ». Декларация гласитъ: «законъ есть выраженіе общей воли.—«Слышите ли вы этотъ шумъ на площади? Это раздастся общая воля, которая есть живой законъ и отменяетъ законъ писанный». Въ силу этой воли вожди парижскихъ клубовъ отрѣзать короля, подвергнуть насилію законодательное собраніе и предадутъ казни членовъ конвента. Однимъ словомъ, шумное и интригующее меньшинство замѣнить собой самодержавный народъ, «ибо конституція снабдила это меньшинство реальной властью, а декларация правъ, служащая введеніемъ въ конституцію, облекла его дѣйствіи мнимую законность».

Декларация правъ не разъ уже подвергалась самой обстоятельной критикѣ, какъ съ точки зрѣнія логики и права, такъ и цѣлесообразности и практическаго смысла. Хотя декларация была составлена депутатами самой просвѣщенной изъ европейскихъ націй, этотъ документъ всегда представлялъ и будетъ представлять самое удобное поприще для всякаго остряка. Еще можно сказать, не высохли чернила, которыми была написана декларация, какъ уже извѣстный въ свое время насмѣшникъ, графъ Ривароль, не только очень удачно, но и совершенно справедливо слѣдующимъ образомъ изобличилъ слабую сторону того законодательнаго памятника, который онъ называлъ кодексомъ дѣкихъ (*le code des sauvages*). «Провозгласить, что всѣ люди рождаются и остаются свободными—это въ сущности то же, какъ заявить, что они *рождаются и остаются голыми*. Но вѣдь люди хотя и рождаются голыми, однако живутъ одѣтыми, подобно тому, какъ они рождаются свободными, но живутъ подъ властью законовъ» ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что декларация правъ человека, какъ практическое руководство, была еще менѣе пригодна для тогдашней Франціи, чѣмъ конституція, начерченная національнымъ собраніемъ. Относительно послѣдней національное собраніе имѣетъ въ своей практической близорукости одно важное оправданіе—тогдашнія политическія обстоятельства, которыя заставляли его опираться на народную массу и непосредственно довѣрить ей представительную власть. Но при составленіи декларации, національное собраніе не дѣйствовало подъ вліяніемъ неизбежнаго рока; адѣсь оно безъ принужденія дало волю своему идеалистическому настроенію, сознательно увлеклось своимъ стремленіемъ

¹⁾ Mém. de Riv., p. 103.

въ идеалу. Но въ этомъ и заключается сущность дѣла, въ этомъ именно и состоитъ не только оправданіе, но и великая заслуга національнаго собранія. Это собраніе было первымъ правительствомъ, которое торжественно и всенародно заявило, что цѣль общественныхъ и политическихъ союзовъ—идеальная, и что правительство должно руководиться этими идеальными цѣлями. Правда, и до 1789 года народы и правительства иногда руководились идеалами. Такой, напримѣръ, идеальной цѣлью были внушены крестовые походы. Но новое время нуждается въ новыхъ идеалахъ. Эти идеалы были выработаны философіею XVIII вѣка, и декларация правъ обозначила ихъ довольно ясно. Существенный смыслъ ея вератцѣ заключается въ томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ отъ природы, то-есть въ качествѣ человѣка, одинаковое со всѣми право на то, чтобы общество и правительство относились къ нему какъ къ человѣку и содѣйствовали, насколько возможно при данныхъ условіяхъ, тому, чтобы онъ достигъ того человѣческаго развитія, къ которому его сдѣлала способнымъ природа. Вотъ въ чемъ заключается новое основное право современныхъ европейскихъ обществъ, новый идеалъ, которымъ они должны руководиться. Практическія примѣненія этого основнаго принципа весьма различны и измѣняются по условіямъ времени и мѣста; но величайшій успѣхъ былъ достигнутъ въ исторіи цивилизаціи самымъ провозглашеніемъ этого принципа и значеніе 1789 года въ исторіи Европы заключается не въ томъ, что на ея Западѣ водворилось новое демократическое правительство, а въ томъ, что это правительство открыло новую эру внутренней политики.

Провозгласивъ этотъ принципъ и взявъ на себя обязанность провести его въ жизнь, французская демократія не только фактически выиграла процессъ противъ монархіи и привязала къ себѣ французскій народъ, но стала неизмѣримо выше всѣхъ прежнихъ демократій, и афинской, и флорентинской,—и оказала великую услугу всему человѣчеству.

Какъ электрическій ударъ, пронеслась декларация правъ по всей Европѣ, и вездѣ въ ней озарила новымъ свѣтомъ западныхъ аристократіи и монархіи. Параграфы деклараціи не могли послужить здѣсь поводомъ къ авархіи и предлогомъ для демагоговъ,—но были плодородными сѣменами гражданскаго и человѣческаго прогресса. Такъ, напримѣръ, восемь лѣтъ спустя по обнародованіи деклараціи, виртембергскіе штаты—эти закорючливыя средневѣковныя корпораціи,—обратились къ своему правительству съ просьбой объ отиѣвѣ крѣпостной зависимости крестьянъ, и въ своемъ

прошеніи заявили, что «родители и прародители не имѣли права отчуждать прирожденные человѣческія права своихъ потомковъ и наложить на нихъ, еще прежде чѣмъ они родились, обязательство нести извѣстныя личныя повинности (Dienste) не въ пользу государства, а въ пользу частнаго лица».

Мы должны ограничиться однимъ этимъ примѣромъ для указанія на тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя имѣли принципы, провозглашенные деклараціей правъ въ жизни европейскихъ народовъ, и спѣшимъ перейти къ разсмотрѣнію третьей и послѣдней части сочиненія Тэна.

XVII.

Значеніе этого сочиненія, какъ было видно изъ предшествовавшаго анализа, заключается не столько въ критикѣ, которой Тэнъ подвергаетъ идеи и политику національнаго собранія съ точки зрѣнія пользы и житейской правды, сколько въ описаніи внутренняго состоянія Франціи въ первые годы революціи. Вотъ почему заслуживаетъ особеннаго вниманія читателя третья часть разсматриваемаго нами тома, несмотря на однообразіе и утомительность ея содержанія. Въ этой части Тэнъ старался изобразить непосредственныя послѣдствія, которыя имѣла для Франціи конституція, созданная національнымъ собраніемъ. Эта книга не только изобилуетъ богатымъ и интереснымъ матеріаломъ, которымъ будутъ съ благодарностію пользоваться безпристрастные историки, но, кромѣ того, здѣсь болѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ умѣстенъ утилитарный взглядъ Тэна: его манера оцѣнивать идеи и факты не въ исторической связи и въ общемъ значеніи ихъ, а съ точки зрѣнія современныхъ и частныхъ интересовъ,—здѣсь оправдывается тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ картина общественныхъ и частныхъ бѣдствій, обрушившихся на Францію во время революціи.

Тэнъ при этомъ постоянно противопоставляетъ—болѣе искусно, чѣмъ справедливо,—общественныя смуты и буйства толпъ философскимъ теоріямъ, которыми руководилось національное собраніе, какъ будто вся бѣда произошла отъ философіи и раціонализма. «Образецъ (chef d'oeuvre) спекулятивнаго разума и практической нецѣпости (déraison) былъ оконченъ», говоритъ онъ о конституціи 1791 года: «въ силу этой конституціи самопроизвольная анархія превратилась въ легальную анархію». Плодомъ чувствительности и философствованія XVIII вѣка,—за-

мѣчаетъ Тень въ другомъ мѣстѣ, — быть веселый карнавалъ, который продолжался только одинъ день и послѣ котораго наступило деспотическое царство грубыхъ истинистовъ. Нельзя безнаказанно убрать людей, что для нихъ наступилъ миллениумъ; — они тотчасъ хотятъ имъ насладиться и не выносятъ разочарованія въ своихъ ожиданіяхъ. Вслѣдствіе этого Франція представляла странное зрѣлище въ теченіи трехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за взятіемъ Бастиліи. Всѣ рѣчи были преисполнены филантропіей и всѣ законы отиѣчены симметрией; всѣ же дѣйствія отличались насиліемъ и произволомъ, и въ жизни господствовала полная безурядица; издали Францію можно было принять за царство философіи, — вблизи же она представляла анархію (*dilocation*) карловинтской эпохи. Тень забываетъ, что не одни философскія идеи XVIII вѣка произвели переворотъ 1789 года; онъ упускаетъ изъ виду, что этому перевороту предшествовало финансовое и нравственное банкротство феодальной монархіи, что только это дало возможность демократіи захватить правительственную власть, и что этой смѣной властей воспользовалась масса французскаго народа для того, чтобы страхнуть съ себя феодальныя порядки. Демократія, господствовавшая въ національномъ собраніи, была всецѣльна противъ короля и привилегированныхъ сословій, пока она давала себя нести народной волѣ; но сила, приобретенная національнымъ собраніемъ, была непрочная, она была основана на сочувствіи общественнаго мнѣнія и народныхъ массъ; дѣйствительная же власть была въ рукахъ толпы. Это безсиліе національнаго собранія ясно сознавалось еще въ то время: «что такое въ сущности демократія для массы народа (*pour le fond de la nation*)», — восклицаетъ графъ Ривароль, еще задолго до окончанія конституціи 1791 года, — «какъ не возможность кормиться, не работая и не платя податей. Пусть національное собраніе завтра попытается установить порядокъ, заставить уважать законы, наказать злодѣевъ, потребовать податей сообразно нуждамъ — и оно будетъ побито каменьями!»¹⁾.

Вся третья книга Тена не что иное, какъ обширный комментарий къ этимъ словамъ. 94-ре толстыхъ связки въ національномъ архивѣ Франціи, наполненныя рассказами о буйствахъ и беспорядкахъ въ провинціяхъ, исчерпаны имъ для этой цѣли и послужили ему матеріаломъ для психологическихъ наблюденій надъ народной массой и надъ умственнымъ состояніемъ французскихъ крестьянъ въ эпоху революціи. «Великій опытъ, — по-

¹⁾ *Mém. de Riv.*, p. 206.

выраженію Тѣла, — производился въ то время надъ челоѳеческимъ обществомъ; вслѣдствіе ослабленія тѣхъ обычныхъ связей, которыя его сдерживаютъ, можно было имѣть силу познанныхъ инстинктовъ, подрывающихъ его. Они всегда присущи массѣ, эти инстинкты, даже въ спокойное время, но мы ихъ не замѣчаемъ, потому что они подавлены. Какъ скоро давленіе прекращается, ихъ вредъ обнаруживается подобно водѣ, несущей баржу и проникающей въ нее, какъ только окажется щель для того, чтобы все потопить».

«Челоѳеческая воля, — говоритъ Тѣтъ въ другомъ мѣстѣ, — состоитъ изъ двухъ слоевъ: — одинъ слой на поверхности, и люди его сознаютъ; другой находится на глубинѣ, до которой не достигаетъ сознание; первый слой тонокъ и неустойчивъ, какъ сыпучій песокъ, второй — твердъ и проченъ, какъ скала, и на него не имѣютъ вліянія фантазіи и волненія людей... Въ 1789 году этотъ верхній слой состоялъ изъ идей и чувствъ, навѣянныхъ культурой XVIII вѣка; изъ стремленій въ свободѣ и братству, изъ намѣренія осуществить справедливость и счастье на землѣ. Нижній же слой состоялъ изъ приращенныхъ животныхъ инстинктовъ, изъ привычекъ и предрасудковъ, выработанныхъ въ теченіи четырнадцати вѣковъ административнымъ гнетомъ. Крестьяне остаются при прежнемъ невѣжествѣ, прежнемъ недовѣріи и сохраняютъ старинную злобу. Они люди — и ихъ желудокъ требуетъ ежедневной пищи; у нихъ есть воображеніе — и когда хлѣбъ становится рѣдокъ, они боятся голода. Они предпочитаютъ сохранить свои деньги, чѣмъ выдавать ихъ; а потому они встаютъ противъ самыхъ законныхъ требованій государства и частныхъ лицъ; они охотно завладѣваютъ общественнымъ достояніемъ, когда оно плохо защищено; наконецъ, они расположены думать, что жандармы и собственники вредны, тѣмъ болѣе, что имъ это твердятъ каждый день въ теченіи цѣлаго года.

Тѣтъ указываетъ съ помощью фактовъ, какъ плохо понимало населеніе въ деревняхъ и городскихъ предмѣстьяхъ совершавшіяся въ то время реформы — и какъ мало даже знало о нихъ. Оно жило только слухами, а слухи легко превращались при разпоряченномъ воображеніи въ самыя страшныя легенды. Непосредственное дѣйствіе такихъ легендъ было страшно, ибо у такихъ людей увѣренность въ чемъ-нибудь тотчасъ переходитъ въ дѣло и въ насильственный кровавый поступокъ. Только сознательное хладнокровіе, размысленіе и образованіе ставятъ между пожеланіемъ и дѣйствіемъ заботу объ общественномъ интересѣ, соблюденіе формъ и уваженіе къ закону. Всѣхъ этихъ

сдержанъ недоваляетъ новому повелителю, онъ не умѣетъ остановиться и не терпитъ, чтобы его останавливали. Въ чему столько проволочекъ, когда опасность настоятельна? Занять соблюденіе формъ, когда дѣло идетъ о спасеніи народа? Что можетъ быть справедливѣе, чѣмъ тутъ же, сейчасъ на мѣстѣ добиться справедливости, и такимъ образомъ убійство (l'assassinat) становится одной изъ формъ презаблѣнія патриотизма. Въ обыкновенное время въ перфектныхъ умахъ общественныя и политическія идеи дремлютъ въ видѣ неопредѣленныхъ инстинктовъ, сдержанныхъ стремленій, нисколько не желаній, — теперь онѣ пробуждаются и проявляются энергично и настойчиво, деспотически и необузданно; всякое разномысліе считается вѣрнымъ признакомъ измѣны. Вотъ общій характеръ, которымъ изображены у Тена нравственное настроеніе и политическія понятія массы французскаго народа во время управленія національнаго собранія. Самыя послѣдствія перехода во Франціи отъ крайняго административнаго деспотизма къ крайнему самоуправству представлены у Тена въ яркихъ и наглядныхъ чертахъ. Администраціи и правительственной власти, можно сказать, вовсе не было во Франціи съ 1789 года. Новыя департаментскія власти не пользовались никакимъ авторитетомъ, а какъ ничтоженъ былъ авторитетъ самого національнаго собранія, можно судить по тому, что когда однажды комиссары этого собранія прибыли въ Ланъ, чтобы усмирить возставшихъ крестьянъ, то имъ пришлось три часа напрасно провозносить рѣчи передъ толпой: а когда они замолчали, толпа стала изъ нихъ присутствіи совѣщаться о томъ, повѣсить ли ихъ, или утопить, или разорвать на клочки и вонзить ихъ головы въ воротахъ сосѣдняго аббатства. При такомъ положеніи дѣла муниципалитеты были полновластны, и своеволие ихъ не знало предѣловъ. Города, какъ самостоятельныя республики, сносились или воевали между собой, производили вооруженной силой фуражиры во деревнямъ, и покоряли себѣ окрестности. Особенно любезитѣльнъ приуготовляетъ мѣстечко Исси-Левель, священникъ котораго разыгрывалъ роль провинціального Солона и Гракса. 6-го октября 1789 года онъ созвалъ на сходку своихъ согражданъ и заставилъ ихъ принять сочиненный имъ полный уставъ, заключавшій въ 60 параграфѣхъ всякаго рода политическія, судебныя и военныя постановленія, необходимыя для новой республики. Не ограничиваясь этимъ, онъ издалъ аграрный законъ, причемъ не забылъ и себя, и, отиравшійся въ сопровожденіи барабанщика и нотариуса въ окрестныя поля, приступилъ публично къ новому распредѣленію ихъ.

Но всеобщее разложение государственности не оставилось на произволу общины. Тѣ же причины, которыя вызываютъ неповиновеніе центральной власти со стороны муниципалитетовъ, побуждаютъ частныя лица воставать противъ мѣстныхъ властей. Отдѣльные граждане также считаютъ себя въ опасности, и въ силу конституціи и обстоятельствъ признають себя обязанными спасать себя и отечество. И они также приписываютъ себѣ право рѣшать все собственною властью и исполнять собственноручно свое рѣшеніе. Главными стимулами, помимо релігіознаго фанатизма, пробуждающагося, несмотря на всеобщее братаніе, въ областяхъ, гдѣ живутъ смѣшанно католики и протестанты, — является забота о настоящемъ хлѣбѣ и корысть. Подъ этими рубриками помещено у Тэна множество самыхъ любопытныхъ фактовъ, характеризующихъ тогдашнее состояніе Франціи. Особенно интересны тѣ факты, гдѣ толпа въ деревняхъ, или городахъ, опасаясь, что у нея не хватитъ хлѣба на зиму, становилась администраторомъ и законодателемъ, декретировала подрѣзные тарифы не только на сѣбные припасы, но и на товары, на произведенія ремесленниковъ, на трудъ рабочихъ и должностныхъ лицъ; и такія распоряженія сдѣлываются постановленіями, чтобы не было торговцевъ хлѣбомъ, чтобы священники служили обѣдню и вечерню въ такомъ-то часу, вѣнчали и хоронили даромъ, выходили изъ дому только для того, чтобы читать брвѳіарій, были обязаны держать у себя благоумныхъ (*sages*) служанокъ не моложе 50 лѣтъ, и не посѣщали рынковъ и ярмарокъ.

Страхъ остаться безъ хлѣба, — говоритъ Тэнъ, — представляетъ только острую форму другой, болѣе общей страсти — жажды приобрѣтенія или рѣшимости не отступаться отъ своего имущественнаго. Отъ этихъ стремленій прежде всего страдаетъ государство. Толпа требуетъ отмены прежнихъ податей, и національное собраніе, наконецъ, принуждено уступить напору и отменить акцизы и несвѣнные подати. Вслѣдствіе этого все бремя падаетъ на прямой налогъ, но онъ не ступаетъ въ тавитъ малыхъ разбѣрахъ, что въ первый годъ управленія національнаго собранія казна вмѣсто 189 милліоновъ получила только 34, а вмѣстѣ съ патристическимъ налогомъ и патристическимъ даромъ — 43 милл., причемъ, по мнѣнію Тэна, двѣ трети этой суммы были уплачены привилегированными классами ¹⁾. Это несомнѣнно платитъ сопровожда-

1) Эта часть изслѣдованія Тэна имѣетъ особенное значеніе въ виду оптимизма и сампообольщенія демократическихъ историковъ революціи, напримеръ, Michelet, который еще въ послѣднемъ изданіи своей исторіи революціи восклицаетъ (I, 415): Un

лось расхождением въ гражданскъ разбѣрахъ общинной и государственной собственности. Если тонна отнеслась такъ къ тому, что могла считать народнымъ достояніемъ, то, конечно, она распорядилась еще безцеремоннѣе собственностью частныхъ лицъ, особенно тѣхъ, которые принадлежали къ бывшимъ привилегированнымъ классамъ, и Тонъ резюмируетъ свое описаніе непрерывной *jasquerie*, которой подвергалась Франція въ теченіи трехъ лѣтъ, восклицаніемъ: «такъ, какими бы великими словами свободы, равенства, братства ни украшала себя революція, она была по существу своему не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ собственности въ этомъ заключались ея внутреннія опоры, ея постоянная сила, ея главный двигатель и ея историческій смыслъ. До сихъ поръ, когда въ государствахъ поднимались нѣзлые сломы—это совершалось всегда или противъ чужеземнаго господства, или противъ притѣсненія соотеч. Но нѣсто религіознаго или патріотическаго рвенія выступила потребность благосостоянія ¹⁾, и этотъ новый мотивъ такъ же силенъ, какъ прежніе, ибо въ новомъ промишленномъ, демократическомъ, утилитарномъ обществѣ одно это побужденіе руководить жизнью почти всѣхъ людей и только оно одно вызываетъ почти всѣ усилія (*efforts*)».

Этой мрачной картиной разнуздавшагося эгоизма, который отъ захвата чужого имущества переходитъ къ преслѣдованію владельцевъ, отъ грабежа—къ проскрипціямъ, Тонъ противопоставляетъ описаніе смиреннаго и благороднаго поведенія привилегированныхъ классовъ, которые сдѣлались жертвой революціи, и нужно отдать справедливость таланту историка и признать, что это описаніе не можетъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на самого ревностнаго приверженца демократическаго переворота 1789 года, если въ немъ доктрина не забыла человѣческаго чувства. Въ обширной главѣ Тонъ старается провести мысль и обосновать ее соотвѣствующими фактами, что никакая аристократія не переносила съ такимъ терпѣніемъ своей экспроприаціи, какъ французская, и не прибѣгала такъ мало къ силѣ для защиты своихъ преимуществъ и даже своей собственности. Дворяне хлопотали только объ одномъ, чтобы не быть убитыми и ограбленными; почти въ теченіи трехъ лѣтъ они не поднимаютъ никакого

signe de cette foi forte, c'est que dans la détresse universelle parmi plus d'une émeute contre les impôts indirects, l'impôt direct fut régulièrement, religieusement payé.

¹⁾ Эта мысль высказана почти тѣми же словами у Ривароля: „Jadis l'honneur, le fanatisme et l'attachement à un parti décidèrent d'une révolution; mais de nos jours tout est allé qu'aux vices et calcul“ (p. 205).

политическаго знамени; несмотря на постоянныя угрозы, грабежи и оскорбленія, дворяне, оставшіеся во Франціи, не совершаютъ ни одного враждебнаго поступка противъ правительства, которое ихъ преслѣдуетъ. Мало того, они оптимисты и даже охотно примирились бы съ новыми порядками, тѣмъ болѣе, что меншее и среднее дворянство не было избаловано и прежнимъ министерскимъ произволомъ. Но главная бѣда въ подозрительности крестьянъ, которая становится совершенной маніей; въ каждомъ замкѣ они видятъ Бастилію, въ каждомъ дворянинѣ вѣчнаго кредитора — бывшаго, настоящаго и будущаго, то-есть вѣчнаго и ненавистнѣйшаго врага. Крестьянинъ опасается за тѣ выгоды, которыя ему доставила революція, и за тѣ приобретенія, которыя онъ незаконнымъ образомъ себѣ присвоилъ. Народное изображеніе заражено, и каково бы ни было поведеніе дворянъ, они не безопасны въ своихъ помѣстьяхъ; они спасаются въ города, но и тамъ подвергаются преслѣдованіямъ фанатиковъ и чернъ, и имъ остается одно — эмиграція.

Рассказъ Тэна представляетъ назидательное и, можно прибавить, необходимое дополненіе къ повѣствованію тѣхъ историковъ, которые, подобно Мишле, видятъ въ эмиграціи дворянъ истинную, и, выставляя ее главной причиной всѣхъ увлеченій народа и всѣхъ ужасовъ террора, характеризуютъ дворянъ исключительно на основаніи поведенія придворной аристократіи, интриговавшей въ Туринѣ и Кобленцѣ. Между доказательствами, приводимыми Тэномъ въ пользу своего мнѣнія, что французское дворянство было вынуждено эмигрировать, заслуживаетъ особеннаго вниманія тотъ фактъ, что, при первомъ извѣстіи объ обнародованіи новой конституціи, эмигранты начали возвращаться такими толпами, что, напримѣръ, въ Труа въ теченіи нѣсколькихъ дней не хватало почтовыхъ лошадей для прибывавшихъ изъ-за границы. Но усилившаяся при законодательномъ собраніи анархія вызвала новую эмиграцію.

Такимъ образомъ, по словамъ Тэна, самодержавная демократія поступила съ дворянствомъ, какъ Людовикъ XV дѣйствовалъ относительно протестантовъ. Въ обоихъ случаяхъ притѣсненныя представляли собой лучшую часть общества (*une élite*). Въ обоихъ случаяхъ ихъ принудили покинуть отечество и карали ихъ за эмиграцію. Въ обоихъ случаяхъ кончили тѣмъ, что конфисковали ихъ имущество и казнили всѣхъ, кто давалъ имъ пристанище. Въ обоихъ случаяхъ ихъ довела систематическимъ преслѣдованіемъ до мятежа, и новый демократическій фанатизмъ не уступалъ прежнему. Когда въ первые мѣсяцы законодательнаго

собрании усиливается эмиграция — одинъ депутатъ поочинилъ ридосно: «Тѣмъ лучше, Франція очищается».

Такой образъ, подобно тому, какъ нравственная аристократія была почти истреблена во имя единообразія, такъ во время революціи общественная аристократія была стонена во имя равенства и въ другой разъ абсолютный принципъ возмилъ свое леее въ лучшее общество.

Для параллель между демократическимъ и монархическимъ абсолютизмомъ совершенно крива; и нужно согласиться съ Тэнъ, что эмиграція въ значительной степени была вызвана безвѣднмъ коломнентъ, въ которое было поставлено французское дворянство во время революціи. Но при этой параллели не слѣдуетъ забывать, что эмигранты боролись не за духовное благо, каковы была свобода совѣданія, въ за которой гибли гугеноты. Поэтому и было такъ разннчно дальнѣйшее поведеніе тѣхъ и другихъ. Французскіе *réfugiés* и оставшіе гугеноты совершенно искренно примирялись съ своимъ отечествомъ, даже только получали религіозную свободу. Французское же дворянство, по крайней мѣрѣ значительная его часть до сихъ поръ не примирялась съ современною Франціей; до сихъ поръ живетъ иллюзіями и безплоднымъ самалннентъ о прошедшемъ, и представляетъ Европѣ печальный примѣръ аристократіи (*élite*), ретроградной въ своихъ стремленіяхъ и мало полезной для своего народа.

Въ еще большее преувеличеніе впалъ Тэнъ относительно другого класса, сдѣлавшагося жертвой революціи. Тэнъ старается провести относительно духовенства ту же мысль, какъ и относительно дворянъ, что національное собраніе само сдѣлало то пренатствіе, которое не дозволяло большинству духовенства, желавшему сохранить вѣрность своей церкви, стать на сторону новаго порядка; что тѣмъ не менѣе это большинство перенесло свое каждое положеніе съ заискушеніемъ и смиреніемъ; и что не оппозиція духовенства, а деспотизмъ и произволъ новыхъ демократическихъ властей, — а съ другой стороны — фанатизмъ, горнь и подозрительность народной массы, вызвали такое гоненіе противъ духовенства, которое напоминало времена христіанскаго мученичества. Интересно при этомъ замечаніе у Тэна, тѣмъ внутренннхъ противорѣчій, которыя въ то время переживали французскіе крестьяне и которые относились ко въ причинѣ смутъ и рошннхъ противъ священниковъ. Крестьяне, уснѣли въ теченіи 1791 года доуунтъ церковныхъ имущества на 1,346 милліоновъ франковъ, и тѣмъ помогли при этомъ оторочн платажей, доуунннннхъ національнымъ собраніемъ, и поннженіе ассннанцій.

Но когда произошла схизма въ средѣ духовенства и тысячи священниковъ, не хотѣвшихъ присягнуть новой конституціи, жили своихъ мѣстъ, — религиозная совѣсть крестьянъ взволновалась. Крестьянинъ не хотѣлъ обратиться къ новому присягнувшему священнику, который введенъ жандармомъ во владѣніе приходомъ. Кредитъ этихъ признанныхъ закономъ священниковъ ежедневно падаетъ подобно ассигнаціямъ, и вотъ причина народныхъ волненій во многихъ департаментахъ и глухой вражды противъ новыхъ порядковъ, вражды, которую господствующая партія приписываетъ интригамъ духовенства. Но схизма приводитъ къ скупамъ и другимъ путемъ. Крестьянинъ вѣруетъ, что дѣйствительно только тѣ требы, которыя совершены его прежнимъ священникомъ; онъ, а еще болѣе его семья, привыкли причащаться къ пастырю — эту расплату съ совѣстью нельзя отсрочить подобно денежной расплатѣ — и вотъ крестьянинъ отыскиваетъ своего прежняго священника, и когда тотъ отказывается ему изъ послушанія закону, крестьянинъ старается силой вынудить отпущеніе своихъ грѣховъ, какъ онъ вынудилъ у сеньера вытанцѣ по своимъ денежнымъ обязательствамъ.

Тѣмъ правъ, что фанатизмъ самого населенія, какъ той части, которая была недовольна новыми церковными порядками, такъ и той, которая желала насильственнымъ образомъ положить конецъ расколу, — былъ причиной глубокаго потрясенія во французскомъ обществѣ и содѣйствовалъ разладу между церковью и революціей. Правда и то, что множество духовныхъ лицъ, сдѣлавшись жертвой народной ярости, подозрительности, или просто корысти, умѣли жить и умереть совершенно достойно своего сана и ученія своей церкви и не заслужили обвиненія въ томъ, что попыткой произвести контръ-революцію вызвали терроръ. Но Тэнъ забываетъ, что католическая церковь была еще менѣе способна, чѣмъ французское дворянство, примириться съ революціей, тѣ посланія (mandements) епископовъ и проповѣди священниковъ, направленные противъ новыхъ порядковъ, начались задолго до установленія конституціонной присяги, и что католицизмъ, какъ доказываетъ поведение современныхъ клерикаловъ, — можетъ ужиться и съ демократіей и съ социализмомъ, но только подъ условіемъ господства надъ ними.

Тэнъ оканчиваетъ свое сочиненіе слѣдующей метафорой, которой онъ хотѣлъ изобразить историческій ходъ революціи и характеризовать ея двѣ эпохи: — эпоху увѣщанія, описанную въ рассмотрѣнномъ нами томѣ, и эпоху террора, въ описаніи которой Тэнъ подготавливаетъ читателя: «Есть одна странная бо-

жизнь, встраивающаяся исключительно въ бѣднѣхъ квартиркахъ. Какой-нибудь рабочий, надорванный грудью, и плохо питаемый, начинаетъ пить; всякій день онъ напивается сильнѣе и болѣе крѣпкими напитками. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся эта мерзкая система, уже ослабленная престои и чредѣйро возбужденная, приходитъ въ совершенное расстройство. Наступаетъ, наконецъ, часъ, когда моль, пораженный внезапнымъ ударомъ, не въ состояніи болѣе приводить въ движеніе механизмъ: тихоно поворачиваетъ онъ, — его не слушаютъ; каждый членъ, каждый суставъ, каждый мускулъ, действуя отдѣльно и за себя, конвульсивно сокращается бесвязанными толчками. Между тѣмъ, члѣнъ въ себя считаетъ себя неизмѣннѣе, владыкой, онъ воображаетъ себя всѣмъ любимымъ и почитаемымъ; онъ не чувствуетъ того, что, нѣтъ причиняетъ себѣ, не понимаетъ событій, которые ему даются, онъ отвергаетъ предлагаемыя лекарства, онъ кричитъ и поетъ кѣсье дни, а главное — пьетъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Ночь конченъ лицо его омрачается, глаза наливаются кровью. Синоида видѣнья уступили мѣсто чудовищнымъ и чернымъ призракамъ; онъ видитъ кругомъ себя лишь упрямѣющіе лица, темнѣнныи, которые прячутся, чтобъ неожиданно наброситься на него, убійца, поднимавшихъ руку, чтобъ его зарѣзать; палачей, которые готовы для него разныя пытки, и ему чудится, что онъ ходитъ въ лужѣ крови. Тогда онъ бросается на другихъ, и чтобъ не быть убитымъ, онъ самъ убиваетъ. Нѣтъ члѣнъа отшатнувшись отъ, потому что самый бредъ его поддерживать; его сила неимѣрна, его движенія неослабны, и онъ выводитъ, не чувствуя того, такіе лишніе и повреждающіе, отъ которыхъ бы повѣсь здоровый члѣнъ. Тѣмъ и Франція, кинуренная голодомъ при монархіи, ослѣпленная дурными хлѣбемъ — *общественною дошора* — и множествомъ другихъ горячительныхъ и поддѣльныхъ напитковъ, внезапно пораженная параличемъ новга... Переживши періодъ радостнаго бреда, она теперь вступаетъ въ періодъ бреда мрачнаго. И вѣтъ она готова на все рѣшиться, все перенести, совершить неслыханные подвиги и отвратительныя варварства, какъ скоро ей руководители, заблуждающіеся мѣстѣ съ ней, укажутъ ей врага или претрду ея ярости.

Такимъ образомъ, историческій смыслъ революціи, по опредѣленію Тона, заключается въ *перенесеніи собственности* отъ одного класса на другой; а историческій ходъ ея сравнивается имъ съ пазалогическимъ процессомъ, съ болѣе горячей, причиненной зашомъ.

Далѣе, конечно, нельзя простираетъ натурализмъ въ объясненіи

историческіе событія, и если что-нибудь можно постичи въ твержденіи того урока въ чисто-матеріалистическомъ пониманіи, который Тэнъ дѣлаетъ нашему вѣку, такъ это все собственнй матеріализмъ, которымъ обуславливается его пониманіе революціи. Писатель, который видитъ въ психической жизни челоѣка только игру физиологическихъ процессовъ, а въ государствѣ только равновѣсіе силъ, устанавливаемое и поддерживаемое механическимъ способомъ, не могъ угадать историческаго смысла революціи и ея идеальной спорности.

Революція была прежде всего насильственной отигой оживленнаго феодальнаго строя въ обществѣ, въ царствѣ и въ государствахъ. Насильственности переворота обуславливалась главнымъ образомъ неспособностью феодальной аристократіи, феодальной церкви и феодальной монархіи провести въ жизнь необходимыя перемены и преобразованія согласно съ идеями и потребностями новаго времени, — немоцью прежней власти, неѣмѣвшей ей взять въ свои руки дѣло реформы. Преобразование общества, завершеніе исторической задачи, лежавшей на французской монархіи, — объединеніе народа и государства, — достались воиѣдствіе этого въ руки новой силы, демократіи, воспареніе которой во Франціи было подготовлено долгимъ и многосложнымъ внутреннимъ процессомъ. Гнилость и ветхость стараго порядка, полная неудача всѣхъ частныхъ реформъ, за которыя стала приниматься въ послѣднее время старая власть, были причиной того, что демократія явилась въ жизни Франціи неплотворнымъ ферментомъ, а бурнымъ потокомъ, который свѣсъ всѣ преграды. Революціонный характеръ французской демократіи обуславливается тѣмъ, что ей пришлось осуществлять тѣ мирныя анатомическія и гражданскія реформы, которыя лежали на обязанности прежняго правительства, и въ то же время бороться за правительственную власть, то есть подрывать ту самую силу, которая одна могла обезопасить мирный исходъ накопленныхъ жизнью задачъ и реформъ.

Но французская демократія задалась не одной отигой феодальнаго и не одной борьбой за власть. Она была воспитана на философіи XVIII вѣка; это воспитаніе дало ей культурное значеніе и идеальное содержаніе, поставило ее выше воиѣтъ предшествовавшихъ демократій и сдѣлало ее дѣломъ общевропейскимъ интересомъ.

Такъ совершенно напрасно приписывать всѣ бѣды революціи и всѣ ошибки національнаго собранія идеямъ, внушеннымъ раціонализмомъ XVIII вѣка. Напротивъ, безъ этихъ идей переворотъ 1789 года сдѣлался бы мало бы отиленнымъ отъ случав-

ились и прежде: восстаній народныхъ массъ, жедовольныхъ своимъ положеніемъ, и торжество демократіи во Франціи было бы тяжело торжествовать грубой матеріальной силой. Но французская демократія идеализировала свои стремленія тѣмъ, что опиралась на идею справедливости ¹⁾, прирожденную человеку, и на идею человечности, то-есть солидарности людей, во имя человѣческаго достоинства.

А еще въ большую заслугу слѣдуетъ считать этой демократіи то, что она этими идеями не ограничилась, но заимствовала у философіи XVIII вѣка и другіе общечеловѣческіе идеалы, не столь легко приложимые къ демократическимъ формамъ, т.-е. что она стремилась вмѣстѣ съ тѣмъ обеспечить и свободу въ государствѣ и права отдельной личности.

Правда, французская демократія мало успѣла въ достиженіи этой задачи и въ обеспеченіи всѣхъ этихъ благъ. Чѣмъ больше затрудненій она встрѣчала, тѣмъ болѣе она утрачивала свой идеальный характеръ, тѣмъ болѣе она приносила въ жертву демократической власти свободу и уваженіе къ личности, — тѣмъ болѣе новались въ ея рукахъ самые идеалы справедливости и братства, и уступали мѣсто грубому захвату и дикотинному радикальной партіи, руководившей массами. На историкѣ лежитъ обязанность объяснить эти неудачи, безпристрастно разграничить ту роль, которую играли теоретическія ошибки и то вліяніе, которое имѣли историческія обстоятельства. Но Тэнъ, какъ мы старались доказать, мало принималъ во вниманіе историческую обстановку революціи. Онъ не хотѣлъ видѣть, что національное собраніе не было въ состояніи въ одно и то же время освободить народъ отъ прежняго строя и устанавливать надъ нимъ новую власть, обеспечить въ обществѣ и государствѣ заранѣе демократическаго принципа и пріискать гарантіи противъ абсолютности этого принципа.

Но почему бы ни была односторонности прісмота Тэна, она не даетъ права обществу быть въ немъ несправедливымъ и забивать ту цель, которую оно можетъ извлечь изъ это нѣтъ. Показъ эта двоякая. Книга, несмотря на, изобилуетъ интересными фактами и мѣткими замѣчаніями, и представляется въ известномъ

¹⁾ Малая, но приподнятая дѣсь, глубокая связь, сказавшихъ Малга въ національномъ собраніи объ аббатѣ Рейналь, которая можно съ большимъ правомъ приписать къ философіи XVIII вѣка вообще: — „Dans cette diversité bizarre de préjugés, de vices et de vertus il offrait à tous un point de ralliement dans la raison universelle, dans cette justice éternelle qui précède toutes nos institutions et qui les anime.“ — Монт, II, р. 120.

отношеніяхъ болѣе кѣрное и полное изображеніе внутренняго состоянія Франціи въ первые годы революціи, чѣмъ апологетическія исторіи этого событія. Время того, эта богатая и назидательная картина наглядно вводитъ зрителя на одну истину, составляющую важный для исторической науки результатъ. Долгое время французскіе историки поддерживали мысль, что терроръ былъ вызванъ опасностями, которыя грозили Франціи со стороны европейской коалиціи. Напрасно Зиберъ старался доказать ошибочность этого объясненія: своимъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о тогдашней политикѣ Пруссіи и Австріи. Послѣ книги Тома не можетъ быть на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Терроръ и деспотизмъ якобинцевъ были порождены внутренними причинами; это было только крайнее проявленіе демократической анархіи и въ то же время вызваннаго этой анархіей демократическаго деспотизма. Вѣковое стремленіе Франціи къ централизаціи и усиленію государственнаго абсолютизма было на время прервано въ угоду демократической свободѣ, но проявилось съ новой силой и на новыхъ началахъ — въ якобинцахъ, вслѣдствіе того употребленія, которое сдѣлала французская демократія изъ предоставленнаго ей въ 1789 году простора.

Но еще важнѣе въ нашихъ глазахъ другая полезная сторона книги Тома. Одну изъ самыхъ серьезныхъ современныхъ проблемъ представляеть, конечно, вопросъ о демократіи. Демократическія тенденціи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе овладѣваютъ различными европейскими народами, и демократія вседѣ расширяеть свои притязанія. Но демократія есть форма, которая такъ же, какъ и всякая другая политическая форма, можетъ заключать въ себѣ различное содержаніе. Для многихъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, весь вопросъ ограничивается именно одной формой: они полагаютъ, что весь прогрессъ, который предстоитъ человѣчеству, заключается въ преобладаніи демократическихъ формъ. Но демократія, т. е. владѣтельство массы, не должна быть сама по себѣ цѣлью, а можетъ быть оправдана только тѣми результатами, которые выйдутъ изъ нея въ виду. Для выясненія этихъ результатовъ необходимо серьезное и трезвое изученіе демократіи, ее средствъ и ее зачатъ, а однимъ изъ самыхъ важныхъ пособій въ этомъ случаѣ можетъ послужить исторія, особенно же исторія французской демократіи, имѣвшей наиболѣе вліянія и своими идеями и своей судьбой ¹⁾. Но для по-

¹⁾ Это значеніе французской демократіи особенно характерно выражено въ слѣдующемъ замѣчаніи одного англійскаго критика, въ его превосходной книгѣ о де-

нижнихъ исторіи французской демократіи. истинно идеалистическаго изображенія ея, какое мы, напримѣръ, находимъ у Мишле. Этотъ идеалистическій способъ представленія сдѣлалъ свое дѣло и долженъ уступить мѣсто строго-научному изученію. Въ этомъ отношеніи книга Тэна можетъ послужить новороссійскому пунктомъ. Но этого мало. Тэнъ въ значительной степени облегчилъ задачу будущимъ историкамъ французской демократіи, собравъ для нихъ богатый матеріалъ и намѣтивъ существенныя стороны ихъ задачи, которыя дѣлаютъ особенно назидательною исторію французской революціи. Никогда еще не былъ обнаруженъ съ такой рельефностью и убѣдительностью, какъ въ книгѣ Тэна, разладъ между теоріями, которыми руководилось литературно-образованное общество, и инстинктами, привычками, понятіями и интересами, однимъ словомъ — культурой массъ. Читатель книгъ Тэна какъ-бы переживаетъ вмѣстѣ съ современниками революціи то глубокое разочарованіе, которое вынесли чистые и идеальные приверженцы возникшихъ принциповъ, когда эти принципы стали прилагаться къ дѣлу такимъ для нихъ неожиданнымъ способомъ. Никогда, можно сказать, въ исторіи чужеземства идеализмъ, благородная кѣра въ политическіе и социальныя идеалы не подвергалась такому униженію, такому безпощадному опроверженію со стороны грубой дѣйствительности, какъ въ эпоху революціи. Это испытаніе не должно пропадать даромъ, оно должно служить неотъемлемымъ доказательствомъ того, что политическіе и социальныя теоріи и идеалы слѣдуетъ измѣрять не по ихъ внутреннему логическому или нравственному достоинству, а съ точки зрѣнія приложимости къ той средѣ, для которой они предназначаются. Итакъ, эта среда, — изученіе нравственнаго быта и культуры народа, изученіе психическаго состоянія массъ, должна быть предметомъ особеннаго вниманія со стороны политиковъ и историковъ новыхъ демократій. Въ этомъ отношеніи книга Тэна представляетъ собою важный шагъ впередъ. Его попытка психологическаго анализа народной массы въ эпоху революціи ставитъ его трудъ высоко надъ многочисленными памфлетами клерикальнаго и консервативнаго направленія, нападавшими на революцію. Къ сожалѣнію, Тэнъ, при исполненіи своей задачи, сошелъ съ научной почвы. Главная причина этого заключается, какъ мы видѣли, въ его натурализмѣ и въ отсутствіи

вомъ сочиненіи Эрскина Маа: „Нѣтъ страны, которая сдѣлала бы такъ много, какъ Франція, въ доказательство того, что если гдѣ гласъ народа не есть vox Dei, то онъ легко становится — vox diaboli“. Westminster Review, 1878.

историческаго метода. Реализмъ, то-есть вѣрный изображеніе дѣйствительности, сливается у Тэна съ матеріалистическимъ отношеніемъ къ человеку, къ государству и къ политическимъ теоріямъ; а недостатокъ историческаго такта привелъ его къ совершенному непониманію рационализма и къ неправильной оцѣнкѣ событій и людей революціи. Но нужно признать, что крайности, въ которыя впалъ Тэнь, содѣйствовали силѣ впечатлѣнія, произведеннаго его книгой, и ясно доказали необходимость не только трезвости, но и вѣдѣній научнаго историческаго изученія французской демократіи.

Для демократіи же вообще болѣе важно, чѣмъ для какой-либо другой партіи, познать себя и свои слабыя стороны. И если многіе органы демократической печати во Франціи съ такою запальчивостью напали на книгу Тэна, усматривая въ его исторической критикѣ только наую-то «археологическую щепетильность» (*sensiblerie archéologique*), — то въ этомъ нельзя не видѣть признака недостаточной политической зрѣлости такихъ органовъ печати. Чѣмъ яснѣе французская демократія будетъ сознавать тѣ ошибки, которыя она сдѣлала въ прошломъ, и тѣ опасности, которыя ей грозятъ въ будущемъ, — тѣмъ лучше она будетъ въ состояніи осуществить тѣ идеалы, которые ей зазвучали восторженное и благородное въ своемъ увлеченіи поколѣніе 1789 года.

В. ГЕРЬЕ.

ПѢСНИ.

I.

Въ теплой тучкѣ звѣздочка свѣтила,
Сквозь дымокъ—на божій міръ глядѣла
И, мигая, сердцу говорила:
«Не тоскуй, жди лучшаго удѣла».

Безполезны, звѣздочка, намеки!
Въ сизой тучкѣ скоро ты утонешь.
Небеса при жизни мнѣ далеки,
А въ могилу свѣта не заронишь.

II.

Меня зоветъ осенній шумъ дубовъ
Въ родной пріютъ уединенья,
Гдѣ подъ шатромъ бестрепетныхъ листьевъ
Я зналъ минуты наслажденья.

Тотъ легкій кровъ развѣянъ и снесенъ
Давно умолившими вѣтрами,
Но слѣдъ одинъ прошедшаго спасенъ,
Щадимый быстрыми годами.

Два слова есть на изнеженной корѣ
Березы скрытой въ отдаленъ:
Ихъ слѣдъ окрѣпъ на мягкомъ серебрѣ
Стволы, заглохшаго въ забвенъ.

Я въ тѣнь иду безъ ропота, безъ словъ,—
 Не тороплюсь, гонимый страстью:
 Меня зоветъ осенній шумъ дубовъ
 Отдать привѣтъ былому счастью.

III.

Не повторяй, что радости превратны
 И кратковременны мечты:
 Безпечнымъ дѣтямъ суеты
 Слова печали непонятны.
 Насъ тѣшить міръ
 Какъ шумный паръ,
 Гдѣ ярко свѣтитъ газъ и женщины смѣются,
 И звуки вальса раздаются...
 Пускай нѣмая ночь, за мраморной стѣной,
 Черна, какъ трауръ погребальный,—
 Не заразится воздухъ балный
 Ея безжизненною тьмой.
 Глади—тяжелый штофъ, и тюль, и кружева
 На окнахъ складками повисли:
 Мы гонимъ сумрачныя мысли,
 Въ насъ жажда счастья жива!
 Иди съ своей тоской, задумчивый пророкъ,
 Въ лѣсныя дебри и въ пустыни,
 Гдѣ въ созерцаніи святыни
 Ты будешь нѣмно одинокъ:
 Тамъ рѣчи дальники звѣздъ отпавшимъ понятны,
 Тамъ тихо падаютъ листья,
 Тамъ будешь повторять, что радости превратны
 И кратковременны мечты...

IV.

Любимой подружкѣ утрата
 Разбила мнѣ милое сердце,
 И думаю, я: нѣтъ мнѣ возврата
 На прежній безгорестный путь;

Я землю теперь ненавижу,
На солнце не стану смотреть;
Чье сердце я къ сердцу приближу—
Съ кѣмъ душу могу отогрѣть?

И страстно твердилъ я, ридая:
«На сердце больного слѣда—
Клянусь я, клянусь, дорогая,
Не смоетъ ничто никогда!»

Но мѣсяцы или вереницей,
Смѣнялись дожди и морозъ —
И я предъ твоею гробницею
Ужъ могъ преклоняться безъ слезъ.

А позже молился я Богу:
Зачѣмъ зеленѣютъ луга?
Зачѣмъ эта жизнь понемногу
Мнѣ сдѣлалась вновь дорога?

И въ дни панихиды годичной,
Послушавъ бряцанье кадилъ,
Я къ ропоту жизни обычной
Спѣшу отъ печальныхъ могилъ.

V.

Я вспомнилъ дѣтскіе годъ...
Понять ихъ сердце не сумѣло
И все, что прежде въ немъ горѣло,
Въ немъ не оставило слѣда!

Я вспомнилъ дѣтскія черты...
Куда ты, время, ихъ дѣвало?
Какъ сномъ навѣянной мечты,
Улыбки ласковой не стало.

Во мнѣ частицы ни одной
Твоей, дитя, не уцѣлѣло;
Увы! Мы чуждые съ тобой:
Ты — отдѣлилось... улетѣло!

Желалъ бы, о тебѣ горюя,
Пойти оплакивать твой слѣдъ —
Остатковъ милыхъ не найду я:
Тебя нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ!

Что сгубить смерть — надъ тѣмъ могила
Отраду горести даетъ;
Что море жизни унесетъ,
То будто вовсе и не жило...

С. Андреевскій.

ФОТІЙ СПАССКІЙ ЮРЬЕВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

IX *).

Говоря объ удаленіи Иннокентія и его болѣзни на дорогѣ въ Москву, мы упоминали, что этотъ случай познакомилъ гр. Анну Алексѣвну Орлову-Чесменскую съ Иннокентіемъ, а черезъ него открылся путь для сближенія съ графиней — и Фотію. Сближеніе это произошло такимъ образомъ. Частію вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ экономическихъ условій, неудачъ, а вслѣдствіе того и нервной раздражительности, презмѣрнаго самовнушенія, Фотій великимъ постомъ 1820 года сильно захворалъ и пролежалъ до пасхи. Къ болѣзни присоединился недостатокъ средствъ и отсутствіе помощи. Въ это время получаетъ онъ наветъ отъ незнакомца со вложеніемъ 235 р. Разумѣется, Фотій принимаетъ это за «даръ свыше», за «знаменіе» для борьбы за вѣру, почему изливаетъ въ автобіографіи вопль на невѣріе и изрекаетъ новый обѣтъ борьбы съ нечестіемъ. Скоро обнаружилось, откуда шла милостыня, благодаря проповѣди Фотія въ казанскомъ соборѣ.

Больной, раздраженный, оалобленный, проницнутый духомъ

*) См. выше: ноябрь, 8 стр.

нетерпимости, Фотій написалъ рѣзкое «слово противу духа времени и развращенія». Экцентричность ли Фотія и слухи о его странныхъ дѣйствіяхъ, или ожиданіе какого-нибудь скандала, въ родѣ публичной анафемы масонству, собрали въ соборъ на проповѣдь не мало слушателей, между которыми были лица и сочувствующія Фотію, особенно дамы. Въ числѣ послѣднихъ была и гр. Анна Орлова-Чесменская, на которую, сколько можно судить по результатамъ, проповѣдь фанатическаго монаха, еще молодого, не истомленнаго, болѣзненнаго, а по связи съ Иннокентіемъ — страдалца за вѣру, произвела неострашимо сильное впечатлѣніе. Когда Фотій возвратился изъ церкви домой, то напелъ въ квартирѣ «дары многи, книги и писанія» отъ гр. Анны. Фотій говоритъ, что онъ давно «хотѣлъ видѣть лице пресвѣтлыя сего дѣвицы», но не было случая, а теперь случай самъ явился. «Дѣвица же Анна, любимая отъ царя Александра и матери его царицы Маріи и отъ всего двора почитаемая», обладавшая громаднымъ богатствомъ, сильными связями, вліяніемъ, была для фанатика-монаха чистый кладъ. Фотій самъ придаетъ этому сближенію такое значеніе, что отмѣчаетъ день и часъ его («апр. 21 въ 6 ч. по пол.»). Дальнѣйшія отношенія Фотія къ «пресвѣтлой дѣвицѣ» по автобіографіи не вполне ясны, но несомнѣнно одно, что она безусловно отдалась Фотію и стала въ рукахъ его покорнымъ орудіемъ фанатизма и разныхъ происковъ.

Первое личное свиданіе Фотія съ гр. Анной было 2 мая 1820 г. Рассказъ объ этомъ свиданіи переполненъ характеристическими мелочами и изложенъ напыщенно-торжественнымъ тономъ. Описывая «ангелоподобное пріятіе» его графиней, Фотій говоритъ, что она цѣловала ему руки «не яко обычай есть мірскихъ людей, но яко невѣста небеснаго жениха», что «ангелъ вливалъ ей любовь, слово и все внушеніе, что говоритъ и дѣлать въ бесѣдѣ съ Фотіемъ», который «въ словахъ ея видѣлъ невинность дѣвства», и убѣдился, что «она есть раба Господня смиренная и сосудъ благодати Христовой».

Всѣгда имѣла такое курьезное начало: «Старецъ, отецъ Фотій (этому «старцу» было тогда всего (1792—1820) 28 лѣтъ, а графинѣ Аннѣ «около 35 л.»), о часѣ 12-мъ дня пришелъ, сѣлъ и по обычаю иноческому, не зрѣлъ дѣвицѣ въ лице, дѣвица такъ же не могла зрѣть ему въ лице: но рядомъ сидѣли обоимъ на единомъ диванѣ». Сначала шла рѣчь «о помыслахъ невѣрія». «Потомъ дѣвица Анна сказала: отче, рцы мнѣ слово, какъ духовное дѣство блюсти?» Фотій на это замѣтилъ, что нечего о томъ спрашивать, что ей еще «невѣдомо», и повернуть рѣчь на

«тѣлесное дѣяство», ближнему которое такъ энергично настаивала, какъ будто Анна угрожала опасности потерять «дѣяство тѣлеснаго». «Когда дѣвица во плоти потеряетъ дѣяство, — говорилъ Фотій, — то не можешь себя увѣрить, что она его не потеряла и имѣетъ оное: когда же сохранила во плоти дѣяство, то не можешь врагъ ее смутить, что потеряла». Затѣмъ они вмѣстѣ отирались въ дѣвическую «молитвенную комнату», гдѣ стоялъ и «одѣ» дѣвницы, который и былъ Фотию благословенъ. Затѣмъ, развернувъ молитвенникъ на удачу (за чтѣ Фотій такъ осуждаетъ методистовъ), какъ-бы гадаю, попалъ на мѣсто, гдѣ, разумѣется, изображалось духовное посланничество Фотія, послѣ чего «дѣвица исполнилась Духа Господня».

Въ слѣдующее свиданіе, черезъ недѣлю, Фотій убѣдился, что «дѣвица изъ нему прильпнлась». Вмѣсто благаго, она встрѣтила его уже въ черномъ платьѣ, по комнатамъ развѣшала «во всѣхъ углахъ» иконы, какъ указалъ Фотій; встрѣчать его выбѣжала «какъ на крыліяхъ». Фотій сейчасъ «слыше» былъ увѣдомленъ, что дѣвица «всѣмъ ему предается» и «будетъ оружіе крѣпкое во браніи противу діавола». Хозяйка угощала его «кнѣземъ и аспіемъ», но такъ какъ, по разстроенному желудку, ѣлось Фотию плохо, то онъ не много закусилъ и увѣщивалъ ее блинами жосты. Разстались они «послѣ сладостной бесѣды» дружественно и любезно. Такъ какъ Фотій былъ нездоровъ, то гр. Анна заботливо за нимъ ухаживала, посылая все нужное больному. Вообще въ благодѣтеляхъ въ это время Фотій не нуждался: богатая дама, по его словамъ, несла ему кто молоко, кто кисель, кто хлѣбъ-соль и одѣжду.

Между тѣмъ рѣзкое обличительное «слово» Фотія, сблизившее его съ гр. Анной, не прошло даромъ. Слово это было въ Петербургѣ для Фотія послѣднимъ. Желая избавиться отъ раздражительнаго и фанатически настроеннаго монаха, очевидно, подъ стороннимъ вліяніемъ, не благоприятнымъ для Фотія, митр. Михаилъ предложилъ ему настоящее мѣсто въ Деревянницкомъ монастырѣ, въ Новгородѣ.

Фотія это озадачило, ибо съ его мѣста, какъ онъ замѣчаетъ, «всѣ почти законоучители прямо въ архіереи производились»; теперь же его удаляли изъ столицы въ разоренный провинціальный монастырь. Дѣваться однако было некуда, надо было ѣхать. На послѣдней литургіи въ лаврѣ онъ рыдалъ: «слезы лились у него ручьемъ изъ очей». Михаилъ радъ былъ освободиться отъ Фотія и расстался съ нимъ довольно холодно, на чтѣ жалуется Фотій. Не мало затрудняла его бѣдность. Не на чемъ ему было

ѣхавъ; кромѣ того, Фотію хотѣлось жить въ обители не съ пустыми руками, накупить даровъ, а не на что. Но ему помогли разные благотворители, приславшіе ему на дорогу пожертвованія довольно значительныя¹⁾. Фотій по этому поводу замѣчаетъ, что «хоти отъ человекѣ сіе прислалось, но Фотій вѣровалъ, что сіе свыше дадїе, а не отъ человекѣ», старался видѣть въ этомъ чуде, а въ своемъ новомъ назначеніи — «перстѣ».

Но безкорыстіе и преданность «персту» со стороны Фотія и въ данномъ случаѣ были вынужденными. По крайней мѣрѣ, пріѣхавъ въ Деревяницкии и увидѣвъ бѣдность монастыря, онъ «за-ридалъ, глаголя: «Увы! въ какое мѣсто я удаленъ! Гдѣ я нынѣ! Въ корпусѣ я былъ на всемъ готовомъ, ни объ чемъ заботы не имѣлъ, 1,200 р. жалованья получалъ и все готово было: а здѣсь только 200 р., и вотъ все, чѣмъ я долженъ жить и довольствоваться!» Дѣйствительно, не будь теперь у Фотія графини Анны, онъ былъ бы забытъ въ неизвестности, въ глуши, въ бѣдной и разоренной Деревяницкой обители. Но у Фотія есть уже не только заступники, но и сильныя заступницы, со связями, богатя; такимъ образомъ, будущность Фотія была обезпечена. Тѣмъ не менѣе ѣхать въ глушь Фотію крайне не хотѣлось, и онъ считалъ свое назначеніе «сылною»²⁾.

X.

Деревяницкій монастырь оказался въ совершенномъ разореніи: зданія обветшали, стѣны попортились, въ кельяхъ въ нѣкихъ ни стѣномъ, ни дверей, такъ что въ одной изъ келій жилъ послушникъ зимою въ коннѣ сѣна; куда онъ забирался, дабы согрѣться отъ холода; замковъ на дверяхъ не было. Но гр. Анна не забывала Фотія. То деньгами, то провизіей она снабжала постоянно обитель, и дала Фотію возможность привести ее въ порядокъ. Прежній игумень, бывшій фангель Фотія, чинившій

¹⁾ Дамъ, II, 105 и слѣд.: отъ одного старца сше и триста р., отъ неимѣнной особы (не гр. лн. Анна?) тысячу, отъ благотворителя двести р., но записано шесту, отъ нѣк. корпуса триста. По тому времени это были деньги не малыя и не для Фотія, который жилъ до сего нищенски.

²⁾ Что удаленіе Фотія въ Деревяницкій монастырь было для Фотія подневольное, это было извѣстно; но обстоятельства и побужденія этого переезда доселѣ еще не были изслѣданы. Ср. „Р. Свѣт.“ Карамзина, ст. о Фотіѣ, 1875 г. стр. 395.

безпечний, такъ все запустивъ, що хлопотъ было много ¹⁾. По графини разъ прислала транспорть хлѣба и крупы, въ другой разъ три тысячи денегами; потомъ еще прислала цѣлый обозъ съ хлѣбомъ и разными запасами, олей и ладонъ, а, наконецъ, десять и пять тысячъ.

Разумѣется, каждое приношеніе Фотій относить къ провидѣнію и постоянно повторять, что дѣлялся всѣмъ съ братією, деньгами, впрочемъ, едва ли онъ дѣлялся, хотя несомнѣнно употреблялъ ихъ на устройство монастыря. Изліянія чувствъ не поводу такихъ подарковъ бываетъ болѣе чѣмъ странно. Такъ, получивъ три тысячи, Фотій пишетъ: «Бога хочу обрѣсти и Ему отдаю золото и серебро и все, да Богъ мнѣ Себя Самого всего подастъ». И ниже: «*He остави мя, Боже Іисусе Христе, и азъ Тебя не оставляю*». Условіе отношеній къ Богу странное, особенно въ устахъ такого фанатика-хазана, какимъ былъ Фотій.

Къ этому времени относится тяжкая болѣзнь Фотія. У него образовался нарывъ въ груди, и онъ съ замѣчательнымъ стоицизмомъ (если вѣрить автобіографію) трижды выдерживалъ трудную и опасную операцію. Вообще у Фотія не было недостатка силы воли въ самовоззваніяхъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ себя такъ изображаетъ. Въ самыхъ описаніяхъ подобнаго рода слышится будто даже какое-то нечеловѣческое самоуслажденіе физическими страданіями. Не смотря на постоянную почти болѣзнь, онъ скоро такъ обстроилъ Деревянницкую обитель, что ее и узмать было трудно, благодаря щедрости гр. Анны.

XI.

Постоянныя хлопоты по устройству монастыря и удаленіе отъ Петербурга знаменательно отвлекли Фотія отъ его борьбы съ «духомъ времени». Въ 1821 годъ провелъ онъ почти безучастно къ этому дѣлу. Только при полученіи поданій отъ гр. Анны, когда начиналъ онъ изливать свои чувства, перою замѣчалось желаніе стать на врага и все вынести за вѣру къ борьбѣ съ злоученіями. Но такъ какъ матеріала для борьбы на лица не было, подстрекателей тоже въ Деревянницѣ не оказалось, то

¹⁾ *Домъ*, II, 111. Несчастный этотъ игуменъ Іеронимъ, жившій не далеко отъ Деревянницъ, замерзъ въ полѣ, въ непогоду. Фотій, сперва будто снисходившій къ слабостямъ учителя, здѣсь отзывался о немъ весьма ехидно, говорить, что, идя въ монастырь за „мандіей“ къ Фотію, онъ „шелъ въ оное время и на *трѣхъ палестѣхъ*“; и заглава жестоко перетягивалъ его унціями же упрямленію обители. *Домъ*, II, 117.

эти заявления имѣли теоретическій характеръ. Но съ 1822 г. начинается движеніе его въ направленіи активнаго противодѣйствія духу времени. Въ предыдущемъ году митрополиту въ Петербургѣ замѣлъ Серафимъ, вполнѣдетнаго поперное срудіе Фотія въ козняхъ противъ кн. Голицына. Назначеніе это для Фотія имѣло большую важность. Съ перваго же свиданія Фотій обратилъ на себя вниманіе Серафима, и тотъ скоро сдѣлалъ его архимандритомъ и перевелъ въ Сквородскій монастырь въ Новгородѣ же. Но здѣсь Фотій жилъ мало. Ходъ событій сложился такъ.

Фотія пріѣхала провѣдать гр. Анна. Послѣ продолжительныхъ и многократныхъ бесѣдъ, она уѣхала въ Петербургъ, а Фотій вслѣдъ же затѣмъ вызвалъ митрополита, какъ ревнителя вѣры. Въ Петербургѣ между Фотіемъ и гр. Анной устанавливаются самыя тѣсныя отношенія, такъ что Фотій только номинально жилъ въ лаврѣ, а большую часть времени проводилъ у гр. Анны, гдѣ собиралось отборное высшее общество и гдѣ Фотій игралъ уже роль пророка-обличителя. Отношенія его въ это время къ гр. Аннѣ представляли полное порабоженіе послѣдней, а довольно двусмысленныя отношенія Фотія къ кн. Голицыну и митрополиту носятъ іезуитскій характеръ, — Фотій омонзательно вступилъ на путь, гдѣ «дѣлъ оправдываетъ средства». Въ сущности эти отношенія были глубоко не искренни и эгоистичны. Но Фотію надо было выждать. При участіи сильной тогда при дворѣ гр. Анны, у него впередъ видѣлось свиданіе съ императоромъ, ставилось ставка: или полный выигрышъ, или гибель. Въ ожиданіи исхода, Фотій занимался эквилибристикой. Замѣчательно то, что кн. Голицынъ самъ и настойчиво желалъ представить, и представилъ случай Фотію видѣть государя: тамъ умѣлъ Фотій обойти князя въ своихъ бесѣдахъ у гр. Анны. Свиданіе съ императоромъ совершенно развязываетъ Фотію руки и придаетъ ему силу, съ которою уже приходится мѣряться и кн. Голицыну. Борьба разгорается и вступаетъ въ новый фазисъ. Таковъ общій ходъ событій; подробности только придаютъ ему живость и живыя черты.

Фотію не хотѣлось покидать напущенное уже гнѣздо, и устройство котораго онъ столько потратилъ силъ и средствъ въ Сквородскомъ монастырѣ ему опять пришлось возстроить заново, да и мѣстоположеніе монастыря — сырое — было вредно для его здоровья. Однако надо было вѣхать.

Въ это время очень скоро, на одной лошади, пріѣхала провѣдать Фотія гр. Анна, проѣздомъ ко двору; «дѣвица, раба Господня, голубица чистая, прилетѣла яко на крыльяхъ» — къ князю аснота; бесѣды нѣтъ продолжались до поздняго вечера и

даже проводить онъ за собою въ Петербургъ ночью, приче-
мъ на колесныхъ свѣжъ возесть носило, дабы было ей видѣть можно,
куда ѣдетъ».

На этихъ свиданіяхъ Фотій получилъ самыя обожительныя
свѣдѣнія о томъ, какіе успѣхи дѣлали новыя ученія въ столицѣ
за цѣлый годъ отсутствія изъ нея Фотія. Назначеніе митрополи-
томъ Серафима, хорошаго и близкаго знакомаго гр. Аннѣ, да-
вало много надеждъ и гр. Аннѣ, и Фотію. Очевидно, гр. Анна
теперь привала всѣ доступныя ей средства въ движеніе, чтобы
извать Фотія въ столицу опять, и — достигла цѣли.

По отъѣздѣ гр. Анны, Фотій уже не занимается монастыремъ:
его не интересуетъ его обстановка, устройство; въ немъ нѣтъ
энергіи на это дѣло, душа его занята тѣми свѣдѣніями, которыя
онъ услышалъ отъ гр. Анны и которыми онъ посвящается въ
автобіографіи болѣе 10 листовъ. Судя по тому, что здѣсь играютъ
значительную роль женщины (Кридеръ и Тазаринова), можно
думать, что гр. Анна дѣйствовала отчасти изъ чувства ели-
заветности, то недовольства тѣмъ, что личности эти выдвинулись
впередъ и отъсѣлили ее, любимицу государыни и двора, — на вто-
рой планъ. Впрочемъ, это только предположеніе; Фотій все объяс-
няетъ ревностью по вѣрѣ и во всемъ видитъ «персть».

Новости, сообщенныя графиней Анной, были довольно любо-
пытны, хотя отчасти походили на слухи, порою довольно граз-
ную. Прежде всего здѣсь играетъ роль «слухъ, что самъ царь
благоволилъ къ французъ-масонамъ», и что вся духовная и свѣт-
ская интеллигенція на ихъ сторонѣ. Существо и задачи этихъ
«свѣрхныхъ и несчастныхъ» учений и общества Фотій указываетъ
въ проповѣди «свободы, любви, брательства» между ихъ членами
и послѣдователями, причеъ правится невозможнымъ «самое
несчастье на землѣ», потому что всѣ соединены любовью и у-
вѣкъ все общее, и что особенно глубоко возмущало Фотія, это
пропорцѣнность женщинъ, явившихся главными орудіями уче-
ній и приващавшихъ къ себѣ общее вниманіе, «Женну здравіа
дѣла кришарскаго». Кридеръ, какъ «новое чудо», складывъ ви-
дѣть и слышать изъ Петербурга: «Жанна сіа, въ растеряни-
ности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемая, не говоря никому
ничего, противнаго пометамъ плоти, обычаямъ міра и дѣламъ
вражійимъ, такъ правится умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная
съ первыхъ столбовыхъ бояръ, жены, мужи, дѣвцы спѣшили,
какъ оракула нѣкого дивнаго, послушать».

Къ Тазариновой, къ Михайловскому дворцѣ, блестяція со-
бранія приващала всю свать; Фотій увѣряетъ, что эти собранія

были скопическія ¹⁾, а между тѣмъ «свершая Татаринова, позвѣстно отъ него, окаянная блудница, отрезавъ и родила истодіе!» Ученики-де «въ слѣпотѣ молву проносили», что она имѣла родить нѣчто великое. Младенца крестили и миромъ помазали и былъ-де восприемникомъ самъ государь ²⁾. Фотій говоритъ, что изъ своего заточенія писалъ графинѣ Аниѣ и княгинѣ Софіѣ Мещерской, нѣблизкихъ на государя вліяніе, прося раскрыть глаза при дворѣ на ереси; но учителя послѣднихъ были сильны еще. Особенно Татаринова и Крідверы: «сіе жабы, клеветавшія во время оно», вызывали обличенія, и графиня Анна добилась того, что императрица стала смотрѣть съ нерасположеніемъ и на князя Голицына, и на всѣхъ проповѣдниковъ новыхъ ученій; Крідверъ даже выслали изъ столицы. Въ то же время во городѣ распространились слухи, что князь Голицынъ невинно изгнанъ Иннокентіемъ, и будто отъ его происковъ и гонимій пораженный— скончался митрополитъ Михаилъ. За князя Голицына еще стояли Іоаннъ, архіепископъ тверской, Филаретъ московскій, Дмитрій ишівскій; но митрополитъ Серафимъ сталъ противъ него—и партія противниковъ, видяко, росла и усиливалась, подъ вліяніемъ придворныхъ интригъ.

Въ это самое время членъ комиссіи духовныхъ училищъ, Ястребцовъ, издалъ переводъ вниги: «Воззваніе къ челоувѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Книга была одобрена и разослана во всѣ училища—духовныя и свѣтскія. Но враги князя Голицына выпустили въ свѣтъ противъ книги этой обличеніе, гдѣ доказывалось, что это «нечестивѣйшая, революціонная внижица,—воззваніе въ бунту, дерзкое, лукавое воззваніе противу православной церкви, противу правительства и гражданскаго порядка», причемъ ссылались на то, что-де «книга сія въ Парижѣ издана была за два года до революціи, около 1790 года, отчего ясно-де можно было видѣть, что втайнѣ готовилось и въ Россіи злодѣйство». Въ числѣ поборниковъ еретическихъ ученій и книгъ, Фотій теперь называетъ Іоанна, «виссезоумнаго и неблагословѣннаго ректора академіи»; Филарета, издаващаго «Записки въ книгу Битіи» и «Библейскую исторію» ³⁾;

¹⁾ «Татаринова,—говоритъ Фотій,—узнала воздерживать свою плоть и сноты, вѣрившая, тайно уди мужамъ; даже бѣсъ ее научилъ покусоту женскій колъ, внижъ жентъ и дѣвцъ скоплатъ. И сіе бѣсовское діло совершалось около грехъ гдѣ-то». *Асм.* II, г. 183.

²⁾ *Асм.* II, г. 184.

³⁾ Фотій изложилъ, что «Библейская исторія» Филарета не заслуживала этого имени, такъ какъ, по его словамъ, «Филаретъ назвалъ евангеліемъ (книгу свою) бѣ-

Герасима Павскаго, съ которымъ Фотій имѣлъ, будто бы, безъдн, пренія, и котораго онъ, будто бы, побивалъ. Хотя Павскій «былъ трезвъ и въ обращеніи пріятель, много ученъ», но Серафимъ отвергалъ въ немъ даже совѣтъ, а по мнѣнію Фотія, «сатана самъ глагола его устами». Затѣмъ и Мамарій, «изъ смоленскихъ, но отъ духа вражія», считался Фотіемъ зловреднымъ; и онъ вронически говорить о его «шатааніи въ странахъ Сибири», съ цѣлю миссіонерства.

Силы съ обѣихъ сторонъ собирались. Митрополитъ Серафимъ самъ былъ слабъ и нуждался въ помощникѣ. Конечно, графиня Анна, которая была его постоянной посѣтительницей, сообщила ему многое про Фотія, — и вотъ митрополитъ дѣлаетъ вызовъ его въ Петербургъ, даетъ ему въ лаврѣ помѣщеніе, обставляетъ его жизнь удобствами, причеъ Фотій не преминулъ отмѣтить, что викарный архіерей Владиміръ, съ которымъ митрополитъ свѣдывался о вызовѣ Фотія, пророчествовалъ о немъ: «тогда сбудется сіе: и потрясется весь градъ св. Петра отъ него» (Фотія); значить, митрополитъ Серафимъ, «слагая все это на сердцѣ своемъ», видѣлъ въ Фотіѣ уже орудіе Провидѣнія и потому его вызвалъ. Тутъ же послѣдовало и «чудо» — спасеніе Фотія отъ потопленія, хотя изъ самаго описанія спасенія — чуда никакого не видно. Но Фотій, смотря на себя, какъ на Божіа посланника, всякую мелочь старался всегда истолковывать въ смыслѣ «чуда» и «перста».

Не успѣлъ Фотій явиться въ Петербургъ, какъ его пригласила графиня Анна къ себѣ «въ великобѣнной волесницѣ». Началась дѣятельная и энергичная работа противъ «враговъ вѣры». У князя Голицына и митрополита Серафима уже возникли недоразумѣнія, — отношенія ихъ были натянуты. Теперь между ними втерся Фотій. Случайно увидалъ Фотія въ церкви и зная о немъ, по слухамъ, какъ о человѣкѣ-ревителѣ, князь Голицынъ не только обошелся съ нимъ вѣжливо, но добродушно пригласилъ его къ себѣ, а затѣмъ, постоянно встрѣчая его у графини Анны, онъ выражалъ къ Фотію искренно свое расположеніе. Фотій говоритъ, что онъ старался помирить митрополита съ княземъ Голицынымъ, но этому плохо вѣрится, особенно судя по дальнѣйшей исторіи ихъ отношеній.

Въ жизни Фотія теперь настала новая эпоха. Къ этому же времени принадлежит и нѣкоторое измѣненіе отношеній Фотія

къ графинѣ Аннѣ, которая и прежде была рабою Фотія, а теперь стала считать его «окономъ», служила и поклонялась ему, какъ фетишу. Фотій обстоятельно описываетъ всю эту исторію. Графинѣ Аннѣ было теперь 37 лѣтъ отъ роду. При родевитости, умѣ, богатствѣ, она могла еще рассчитывать на бракъ — и, дѣйствительно, въ это время ей представлялась выгодная партія, — кто именно, Фотій не говоритъ, но замѣчаетъ, что были женихи и «царской крови», такъ какъ графиня Анна была любимцею императрицы. Когда, по этому поводу, графиня обратилась къ Фотію за совѣтомъ, то отвѣтъ его можно было предвидѣть заранее. Въ графинѣ Аннѣ была вся будущность Фотія. Потерять такой лакомый кусокъ для него значило — потерять все. Понятно, что Фотій, на запросъ дѣвицы о замужествѣ, рѣшительно сказалъ ей, чтобы оставила самыя мысли имѣть о бракѣ. Разумѣется, по этому поводу идетъ данное разсужденіе о дѣвствѣ, о самоотверженіи и пр. Между прочимъ, Фотій объясняетъ, что-де «ты уже, дѣвица, яко не млада и, по природѣ, красоты не имѣешь плотской, то тебя богатства ради, чести и рода плотскіе люди захотятъ взять, а не любви ради: ты же сама-по-себѣ плотскому супругу не въ состояніи будешь угождать» и т. д. Однимъ словомъ, вся рѣчь клонилась къ тому, что графинѣ Аннѣ надлежитъ предать себя «бесплотному» Фотію. Для характеристики убѣжденій Фотія, приведемъ небольшой отрывокъ изъ ихъ бесѣды: «Когда ты хочешь душу спасти, — говоритъ Фотій «дѣвицѣ» Аннѣ, — и другимъ быть въ пользу, соедини бракомъ съ тѣмъ, съ кѣмъ я тебѣ совѣтъ дамъ, и когда ты, рассмотрѣвъ вѣчески и сравнивъ все, что онъ можетъ и захочетъ тебя любить, достоинъ будетъ твоея любви, и ты непремѣнно улагодимся съ любовію, будешь его любить выше всего, какъ жемчуга и муса твоего, будешь прилѣплена ему, не будешь замышлять сама собою нѣчего оладѣть, а онъ будетъ законно и праведно съ тобою поступать.

«И сказала, умчавшись и обрадовавшись, дѣвица: «Очень рада послушать, отецъ, твоего совѣта мудраго и святаго; да кто же теперь (послѣ извѣщенія Фотія, что она покраснѣла и стара, а только богата и знатна) меня возьметъ таковой женихъ? И гдѣ нынѣ можно обрѣсти такого жениха, по всему какъ сердце для Бога желаетъ?»

«Тогда сказалъ Фотій дѣвицѣ: «Не можетъ быть, чтобы не было жениха тебѣ достойнаго на землѣ, лишь бы ты захотѣла сама обрѣсти. О, дѣвице! Богомудрая Анна! Сладки мнѣ, отъ сердца ли ты ищешь или желаешь жениха себѣ достойнаго, яко

дѣвица достойная прекраснаго жениха? Господь! самъ — се женихъ градесть въ тебѣ всегда, и въ полуночи придетъ и соединится съ тобою!»

Послѣ этой бесѣды-увѣщанія, графиня Анна «дала слово до смерти, Бога ради, служить Фотію во всѣхъ дѣлахъ православія и благочестія, хотя бы его поносили, въ заточеніе послили, не оставлять». Въ знавъ же того, что она «хочетъ быть ему вѣрная раба до конца», она приняла имя «дщеря» его и исповѣдалась ему. «Содѣлавшись дщерію, дѣвица Анна всѣмъ сердцемъ, всею душою, всею мыслию предала себя аввѣ Фотію», — чего тотъ и добивался. Теперь онъ сталъ полнымъ хозяиномъ не только въ душѣ, но и въ домѣ «дѣвицы». Въ то же время, сбудуя примѣру графини Анны, вдовица благочестивая Державина также «дщерію Фотія učinилась». Теперь для Фотія открылись салоны всѣхъ аристократическихъ домовъ и его слушали съ благоговѣніемъ. У графини Анны собранія были почти ежедневно. Серафимъ митрополитъ, въ виду усилій Фотія, сталъ еще болѣе благоволить къ нему. Принятый же у князя Голицына, Фотій старался держать нейтралитетъ, для чего старался каждому говорить одно только *пріятное*. «Когда Фотій слышалъ, что князь *поносилъ* митрополита, то, являясь къ митрополиту, говорилъ, что князь весьма любитъ тебя, владыко святой; а когда митрополитъ *поносилъ* князя, то, видѣвъ князя, говорилъ ему: «о! какъ Серафимъ любитъ тебя», и пересказывалъ все едино благое». Фотій говорилъ, что содружество его и митрополита съ графиней Анной, «сильною при дворѣ», внушало Филарету заботу и опасенія, но тотъ велъ себя сдержанно, а князь Голицынъ еще не догадывался, какого врага имѣлъ у себя подъ рукою въ лицѣ Фотія. Насколько Фотій умѣлъ вкрасѣ въ довѣріе князя Голицына, видно изъ того, что тотъ убѣждалъ его пождать пріѣзда государя, обѣщая выхлопотать Фотію аудіенцію. Въ это время, когда Фотій колебался, будто бы, ѣхать ли ему въ свой монастырь, или остаться въ Петербургѣ до пріѣзда государя, ему было видѣніе, весьма курьезно описанное въ автобіографіи, гдѣ Фотію повелѣно было свыше — ждать. Послѣ этого, онъ еще видѣлъ во снѣ св. Георгія, также, будто бы, указывавшаго ему грядущее.

Пріѣхавъ государь. Назначено было явиться Фотію во дворецъ. Митрополитъ и князь Голицынъ учили его — каждый, конечно, видя въ Фотіѣ своего поборника — но Фотій подумывается надъ обонинъ, имѣя свое на умѣ. У него уже сложились нѣкоторыя дѣйствія. Передъ отъѣдомъ во дворецъ заѣхалъ онъ въ Казань

скій соборъ — помолиться. Во дворцѣ, «идя по дѣйствицамъ общимъ, знаменая насъ себя, такъ и во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тамъ здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силы вражьи, то елики оныя, видя крестное знаменію, отбѣгутъ изъ дворца на сей часть прихода, Господь предъ лицомъ царя дастъ ему благодать».

Рассказъ о первомъ посѣщеніи государя Фотіемъ такъ любопытенъ и характеристиченъ, вмѣстѣ негдѣтъ, что мы приведемъ это мѣсто цѣликомъ.

«Отверзаются двери, — пишетъ Фотій, — я окими вхожу въ комнату, гдѣ былъ царь: вижу, что тотчасъ царь грядетъ принять благословеніе; я же, *не обращая на него вниманія*, смотрю, гдѣ св. образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, — поклониться, прежде царя великаго, образу царя небеснаго. Не видя противу себя очами, обыскавъ въ двухъ углахъ и трехъ стѣнахъ, и близъ себя, почти на задѣ, усмотрѣвъ съ лѣвой стороны у прага образъ въ углу, обратился я, трижды знаменаясь, поклонясь, предсталъ предъ царемъ. Царь, видя меня, хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступалъ въ сторону на то малое время, и послѣ пакы съ страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, — приимлетъ благословеніе, цѣлуетъ усердно десницу мою: я же тотчасъ непримѣтно открылъ ликъ Спаса (на иконѣ, которую захватилъ съ собою для дара), далъ ему приложиться и ему вручаю оный образъ. Царь принявъ и правѣтствовалъ сими словами: «я давно желаю тебя, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе».

На что я сказалъ царю: «яко же ты хочешь принять благословеніе Божіе отъ меня, служителя св. алтаря, то благословляю тебя, глаголю: «миръ тебѣ, царю, спасися, радуйся! Господь съ тобою буди!»

«Царь по сихъ словахъ, взявъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стулъ, самъ сѣлъ противу меня, лицомъ въ лице прямо вря. Возсѣлъ же близъ, весьма близко меня, яко же возможно, все тихо глаголя, слышать; я же, на мѣсто желая сѣсть, знаменіемъ креста знаменалъ себя, десницею своею мѣсто, возсѣлъ, и царя перекрестилъ. Началъ царь вопрошать о мѣстѣ моея службы въ корпусѣ, когда былъ я законоучителемъ и въ монастырѣ; я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о св. церкви, вѣрѣ и спасеніи души; зри въ лице царю прямо, часто я знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возводя очи свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу, и долже все слово въ сладость принималъ царь, азъ же серд-

чемъ чувствовалъ, только я крестился, а царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принимать желая, просилъ, дабы я его перекрестилъ; я же о силѣ креста и знаменія старался внушить; вижу, что царь всѣмъ сердцемъ прильнулся ко усминовенію слова отъ устъ моихъ, я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ сказать царю слово въ пользу церкви и вѣры».

Затѣмъ, похваляющъ Серафима, Фотій говорилъ о зловѣрціи, о соблазнахъ, о потокахъ нечестія. Бесѣда длилась полтора часа. «Наконецъ Фотій сказалъ: «противу тайныхъ враговъ, тайно и печально дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать. Все нужное къ дѣлу вѣры внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, царь также самъ крестился и приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою св. креста; многократно онъ цѣловалъ руку, благословляющую его, благодаря за бесѣду; возставъ же, когда я готовился идти отъ царя, примѣтилъ, что царю уже время со мною бесѣду кончить; царь палъ на колѣни предъ Богомъ, обратясь лицомъ ко мнѣ и сказалъ: возложи, отче, руки твои на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, прости и разрѣши мя».

Фотій отъ государя пріѣхалъ прямо къ «дѣвницѣ», а потомъ къ митрополиту, которымъ сообщить все. «Когда же видѣлъ по семъ князя, не повѣдалъ ему *ничто* же, что съ царемъ тайное было говорено». Итакъ, кн. Голицынъ ввелъ къ государю своего врага, далъ ему ходъ, ничего не подозревая.

Митрополитъ представлялъ тогда же Фотія къ награждѣ (золотому кресту), а князь Голицынъ доставилъ ему аудіенцію у имп. Маріи Федоровны, которая при рескриптѣ прислала ему подарокъ (золотые часы). Познакомившись и съ кн. Ливенкомъ, Фотій «хитро дѣйствовалъ во вредъ своихъ противниковъ, поддерживая въ императрицѣ вражду къ нимъ и нерасположеніе» (рѣчь шла о кн. Голицынѣ, Поповѣ, Тургеневѣ, Руничѣ, Кошелевѣ).

Значеніе Фотія быстро поднялось. Не прослуживъ и полугодомъ настоятелемъ Свояродскаго монастыря, причемъ около 4 мѣсяцевъ Фотій пробылъ въ Петербургѣ, онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Юрьева-новгородскаго монастыря. Фотій описываетъ видѣніе, въ которомъ будто бы св. Георгій вручилъ ему монастырь; но эти видѣнія у Фотія были такъ часты, что ихъ нечего и описывать.

Скоро митрополитъ опять его вызвалъ въ Петербургъ для борьбы противъ кн. Голицына. Что усилія ихъ не были безуспѣшны, объ этомъ говоритъ вышедшее тогда же повелѣніе о закрытіи масонскихъ ложъ и тайныхъ собраній по всей Россіи

(1 авг. 1822 г.). Фотій пишетъ, что когда онъ получилъ драгоцѣнный крестъ, то государь присылалъ ему отъ себя поощреніе: это говорить объ особенномъ къ Фотію вниманіи. Въ то же время Фотій увѣряетъ, что будто бы было даже покушеніе на его жизнь отравой, но что сила Божія его сохранила, почему сталъ онъ жить не въ лаврѣ, а въ домѣ «дщери-дѣвцы».

4-го сентября былъ торжественный въѣздъ Фотія въ юрьевскій монастырь, что описано имъ высокопарно; при этомъ случилось съ нимъ тоже «знаменіе»: съ одной ноги у него, при выходѣ изъ экипажа, соскочилъ сапогъ, что вызвало у Фотія воспоминаніе о Моисей, которому при горшечей купнѣ было велѣно изъять сапоги. Фотій, впрочемъ, не разулси, а потерпѣлся надѣнуть сапогъ поскорѣе, такъ какъ это было въ виду брагій ¹⁾. Въ этотъ день у Фотія было для гостей угощеніе, а послѣ стола, вмѣсто десерта, «въ веселіи» пѣли всѣ канонъ «Волною морскою» и «улаждались духовно и тѣлесно».

Однако, въ Юрьевѣ монастырь Фотію опять пришлось вытѣснѣ на устройство и починку всего. Монастырь былъ бѣденъ и крайне запущенъ, «какъ бы послѣ непріятеля». Да и составъ его былъ плохъ: монахи ссылались сюда въ наказаніе. Средствъ не было. Но Фотій не унывалъ: у него былъ неизсякаемый источникъ средствъ въ промадныхъ средствахъ «дщери-дѣвцы», съ которою онъ теперь непрерывно велъ переписку, «какъ для утвержденія ея въ дѣвическомъ состояніи», такъ и въ видахъ продолженія начатыхъ подвиговъ подъ кн. Голицына. Въ ноябрѣ гр. Анна сама пріѣхала въ гости къ Фотію, гдѣ они имѣли обычныя свиданія и бесѣды «о дѣвическомъ состояніи» и о прочемъ; однако Фотій самъ новялъ неудобство этихъ свиданій, и во избѣжаніе худой молвы, которая и безъ того уже шла о Фотіѣ давно, просилъ «дщерь-дѣвицу» черезъ нѣсколько дней уѣхать въ Москву, гдѣ у нея былъ домъ.

Къ этому времени Фотій однако успѣлъ уже «на обновленіе обители» собрать около 60 тысячъ; планы Фотія были широки, — ему хотѣлось заново все перестроить. Но куда было дѣлать старыя зданія?—Случай помогъ ему: пожаръ въ началѣ 1823 г. истребилъ все негодное и, такъ-сказать, расчистилъ мѣсто для постройки. Фотій самъ говоритъ, что тогда многіе полагали (въ томъ числѣ Филаретъ московск.), «что Фотій съ намѣреніемъ

¹⁾ Смыслъ этого «знаменія» Фотій такъ изъясняетъ: „Тако сотворила сила Господня, что Фотій сталъ на землѣ св. обители безъ сапога, да видѣть въ нее сокровища всякой свѣрны, и не видѣть изъ нея, а въ ней яко сапогъ, да почистъ бранный его тѣло отъ трудовъ“. *Дам. II, 171.*

самъ сдѣлать пожаръ, дабы имѣть черезъ то случай весь монастырь снова обновить». Предположеніе это кажется правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ самый день пожара въ монастырь отъ «дщери» прибыло на 40 тысячъ р. строительныхъ матеріаловъ. Конечно, и этому событію предшествовало «видѣніе». Между тѣмъ пожертвованія шли отовсюду, и средства у Фотія оказались богатыя.

ХІІ.

1823-й годъ прошель для Фотія въ хлопотахъ по устройству юрьевского монастыря и около «дщери-дѣвицы», у которой Фотій гостилъ въ Москвѣ.

Неустройство монастыря требовало энергичныхъ мѣръ и значительныхъ средствъ. Гр. Анна давно уже звала Фотія къ себѣ въ Москву въ гости; теперь выпала нужда, понадобились деньги и деньги большія, и Фотій отправился къ «дщери-дѣвицѣ» въ Москву, гдѣ и поселился прямо у гр. Анны; имъ предоставлена была полная свобода отношеній. Самъ Фотій пишетъ, что они «во дни и въ нощи» проводили время вмѣстѣ въ благочестивыхъ бесѣдахъ.

«Дщерь-дѣвица» жила богато, по-царски; домъ ея походилъ на дворецъ, и она имѣла обширное аристократическое знакомство, представлявшее Фотию прекрасный случай порисоваться въ роли проповѣдника и борца за вѣру. Хозяйка ухаживала за Фотиемъ, «не знала, что отъ радости ему сотворить», «со сладостию всякое слово говорила, прелюбезно на него взирала, всякое слово требованія со вниманіемъ принимала», «угождала, доставляла ему всѣ удобства». Фотій такой чести всю жизнь не чаялъ видѣть.

«Многіе приходили послушать его бесѣды, князья, бояре, графы, жены ихъ, дѣти ихъ, духовные и мірскіе, благоговѣйніи люди, купцы и богатые.

«Во истину яко церковь Божія бысть домъ дѣвицы-дщери. По вечеру, въ нощи, по утру, во дни, на трапезѣ, сидя и ходя, Фотій старался слово назиданія простирать». Фотій цѣли достигъ. Не только «сердце и душа ея были едино съ нимъ», но и *«вся ея бланая (а имѣніе у графини было громадное) быша яко общее съ нимъ»*.

Именно къ этому времени относится курьёзный эпизодъ «о потаенной дѣвѣ», — эпизодъ, занесенный въ автобіографію; онъ

характеризуетъ весь цинизмъ «аввы Фотія» и безцеремонность его отношеній къ «дщери-дѣвицѣ». Дѣло происходило такъ. Сидѣли Фотій съ дѣвой «на-единѣ, въ тайной кѣлтѣ свѣтлой»; вдругъ докладываютъ имъ, что приползъ безногій нищій, просить милостыни. Фотію пришла мысль, чтобы втащили его въ «кѣлтѣ». Принесли «человѣка въ лукошкѣ». Когда они остались на-единѣ съ нищимъ, Фотій «примѣтилъ, что не мужъ есть человѣкъ, а во образѣ мужскомъ женскую пола человѣкъ». Оказалась дѣвица, 30 лѣтъ, безногая. «Она открыла во свидѣтельство сосцы свои, показала, что вовсе ногъ не было у ней, ниже мѣста, гдѣ быть онимъ: вся же тѣломъ была здрава»; Фотій прибавляетъ, что она «вся заливалась слезами», «краснѣла отъ дѣвическія своей стыдливости». Безногая объявила, что выдаетъ себя за мужчину, «дабы кто не похитилъ дѣвства ея».

Живя въ Москвѣ, Фотій обозрѣвалъ церкви, монастыри, Кремль и находилъ не вездѣ хорошій приѣмъ, а «подвижниковъ совершенное оскудѣніе». Затѣмъ искалъ онъ «ревнителей», и во всей Москвѣ ихъ оказалось всего два — Михаилъ, свящ. рязь-положенской церкви, да чиновникъ Смирновъ, писавшій «книги противъ зловѣрія», лишившійся мѣста на службѣ и питавшійся отъ щедротъ гр. Анны. Что же касается представителей «зловѣрія», то во главѣ ея, по отзыву Фотія, стоялъ самъ Филаретъ, о которомъ Фотій передаетъ самые нелѣпые слухи. «Ересеначальниками» въ Москвѣ, по Фотію были: «безбожники Н. Дяковъ, д-ръ Мудровъ и нѣкій мистикомъ зараженный поплъ, къ коему, какъ къ наставнику, ходили по приверженности многіе вельможи, богоотступники нечестивые». Имени *попа* Фотій не приводитъ.

Фотій училъ въ Москвѣ «яко власть имый». Между прочимъ, онъ распорядился, чтобы «дѣвица-дщерь» уничтожила всѣ статуи и произведенія искусства въ ея домѣ, такъ какъ онѣ служатъ «похоти очесъ», причемъ завистливый взглядъ фанатика-монаха не погнушался драгоценностями, какія прежде будто бы служили для «похоти очесъ», а потомъ всѣ попали въ юресь монастырь, — одинъ брилліантъ, стоящій 12 т., жемчужина — «богѣ вершка» и т. под.

Вообще Фотій отъ «дщери-дѣвицы» поѣхалъ не съ пустыми руками: кромѣ разныхъ драгоценностей, онъ взялъ деньгами 30 т., затѣмъ гр. Анна сама прислала ему драгоценную митру, которую Фотій цѣнить болѣе чѣмъ во сто тысячъ руб., «съ надписью на золотой дщицѣ: за ревность и одолѣніе въ 1822 лѣто масонскихъ скопищъ нечестивыхъ»; затѣмъ Фотій же гово-

рять, что все устройство обители ему обошлось около *двухсотъ тысячъ*.

Вскорѣ по отъѣздѣ Фотія, гр. Анна (на день рожд. Фотія) сама пріѣхала въ гости къ нему, привезла массу драгоценностей, дорогія иконы. Фотій въ честь гр. Анны освятилъ прѣдѣль во имя св. Анны. Вообще Фотію повезло на деньги: кн. Голицынъ выхлопоталъ тогда же казенную субсидію на монастырь по четыре тыс. ежегодно.

Изъ поѣздки Фотія въ Москву интересенъ, для характеристики его фанатической нетерпимости, высказанный имъ взглядъ на театры «одному вельможѣ, покровителю театровъ». «Это, — по мнѣнію Фотія, — бѣсовская служенія, работа мамонѣ, мудрованіе плоти, языческихъ мерзкихъ службъ останки, капища сатаны, заведенія злобы многопрелестныя, виды прелести діавольскія, училище нечестія, службъ вражія, сѣть князя тмы, земный адъ насмѣшливый: кратко сказать — многообразная мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. И пѣнія, и пѣснь, и комедіи, и трагедіи, и всякаго рода представленія и явленія суть виды единой мерзости». Въ Москвѣ, за исключеніемъ великосвѣтскаго кружка гр. Анны, Фотій не имѣлъ успѣха; а въ сферѣ духовныхъ представителей, кромѣ нѣзкаго безыменнаго *пома*, Фотій встрѣтилъ явное нерасположеніе. Предпринимая посѣщеніе московскихъ монастырей и церквей, Фотій, считавшій себя ревнителемъ и спасителемъ православія, ожидалъ, что его примутъ съ почетомъ и торжествомъ; но обманулся. Онъ былъ принятъ холодно, равнодушно, недобѣрчиво. Филаретъ отвернулся отъ фанатика; потому очень понятно то раздраженіе и озлобленіе, какое Фотій высказываетъ въ отзывавъ о Филаретѣ въ это время.

Начало 1824-го года ознаменовалось для Фотія «видѣніемъ» и «откровеніемъ», — во снѣ онъ видѣлъ царя, которому на ухо объяснилъ, «гдѣ, како, отъ кого и koliko вѣра и церковь обидна есть», и царь обѣщалъ исправить все нужное. Замѣчательно, что кн. Голицынъ теперь самъ постарался вызвать Фотія въ Петербургъ: такъ умѣлъ обойти его Фотій. Серафимъ назначилъ ему помѣщеніе въ лаврѣ, но Фотій говоритъ, что «его селеніе всадивное было подъ кровомъ дщери-дѣвицы Анны».

Фотій съ особенной завистью и недоброжелательствомъ смотрѣлъ на «богоотступника Госнера», и когда кн. Голицынъ выхлопоталъ ему у государя 18 т. субсидій на покупку дома для проповѣданія, негодованіе Фотія не знало предѣловъ. Фотій обратился уже явно съ обвиненіемъ къ кн. Голицыну, а митрополита всячески убѣждалъ доложить о вредѣ Госнера-еретика государю.

Конечно, Голицынъ не внялъ обличеніямъ. Фотій еще энергичнѣе сталъ обличать ереси покровительствуемыхъ кн. Голицынымъ Татариновой, Кошелева, Попова, Тургенева, Ястребцова, Сѣрова и особенно Госнера. Для болѣе убѣдительности, Фотій составилъ «выписку» вловредныхъ мыслей изъ разныхъ книгъ того времени, которую впоследствии представилъ Александру I-му; она повліяла на послѣдняго, но кн. Голицынъ оставался непоколебимъ; по его докладу, многіе переводчики и составители этихъ сочиненій получили даже награды отъ государя.

Но Фотій продолжалъ во что бы то ни стало возбуждать правительство противъ того, что казалось ему зловѣріемъ; теоретическая религіозная почва мнѣній мало представляла Фотию надеждъ, такъ какъ при дворѣ еще господствовало убѣжденіе о законности свободы мнѣній; а потому Фотій перешелъ на почву политическихъ инсинуацій и проповѣдывалъ, что книги еретическія представляютъ «воззваніе, дабы мечи взять и всѣхъ заколотъ нечаянно». Фотій понималъ, что подобныя обвиненія также и наиболѣе опасны, и нимало не стѣснялся, при разборѣ книгъ, отыскивать между строками и навязывать авторамъ такія мысли, которые подрывали будто бы правительство и власть.

Въ то же время Фотій желчно и съ негодованіемъ отзывался объ индифферентизмѣ духовенства въ зловѣрію, о терпимости ихъ и даже безучастіи. Члены синода, представители высшаго духовенства, архіереи безмолвовали. Михаилъ «мало нѣчто думалъ противиться, но тайно»; Серафимъ, слабѣе всѣхъ здравіемъ, менѣе славенъ въ ученіи, отчасти поднялъ борьбу, но не самъ по себѣ, а подъ вліяніемъ другихъ. Іона же, Дмитрій, Филаретъ стояли за кн. Голицына. Въ академіяхъ-де занимались наукой, а о *отрѣ* забыли; въ семинаріи выписывали вловредныя книги. «Діаволъ духовныхъ и мірскихъ искусилъ чрезъ ученіе свое и явилъ слабость вѣры и хладность любви въ нихъ къ Богу». Недовольствуясь своими еретиками, — жаловался Фотій — правительство стало вызывать ихъ изъ-за границы. Такъ, еще Сперанскій выписалъ проф. *Феслера*, который, «какъ новый Манесъ, Лютеръ и Кальвинъ», есть «ангелъ тмы во плоти». На югѣ подвизался въ зловѣрїи нѣмецъ *Линдемъ*; въ Петербургѣ проповѣдывалъ «новообразованную библейскую религію», въ угоду Голицыну и Брискорну, «католицкій разстрига *Госнеръ*, которому при дворѣ благоволили, а въ обществѣ поклонялись, и который, говорятъ, имѣлъ до 40 т. послѣдователей».

Началось дѣло съ Госнера. Онъ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ книгу, которую генералъ Брискорнъ перевелъ, а Поповъ

(дир. деп. мин. нар. пр.) исправлялъ въ стигѣ; книга была напечатана (не вся) подъ заглавіемъ: «Духъ жизни и ученія І. Христова въ Н. Завѣтѣ», ч. 1. Толкованіе на ев. Маттея. 1824 г. (Издано было 25 главъ, да и тѣ послѣ были отобраны и сожжены.) Фотій добылъ эту книгу секретно черезъ гр. Орлова, и написалъ противъ нея обличеніе. «Госнерово сочиненіе, пишетъ Фотій, въ видѣ поясненія на ев. отъ Маттея, есть одна публикація нечестія, невѣрія, возмущенія, и знакъ, что Госнеръ есть не простъ человѣкъ, а во плоти *diabolus*, челоуѣкомъ представляющійся». «Оно все заключаетъ въ себѣ внушеніе и дѣйство явно и тайно противу истини евангельской, противу престола царскаго, лично противу царя Александра І-го, противу ученія церкви, всякаго гражданскаго порядка», и самъ Госнеръ есть «предшественникъ антихристовъ, діаволъ и сатана-человѣкъ, сильный бунтовщикъ». Эти выраженія могутъ служить отчасти опредѣленіемъ той степени злобы, раздраженія, съ какими относился въ Госнеру Фотій, а отчасти характеристикой вообще тона его полемики. Этотъ тонъ отразился и на Серафимѣ. Когда въ синодѣ зашла рѣчь о Госнерѣ, то Серафимъ такъ горячо и полемически разовалъ противъ Госнера, что кн. Голицынъ ушелъ изъ засѣданія.

Озабоченный Серафимъ, подчиняясь Фотію, повелъ теперь тайныя козни противъ кн. Голицына, къ которому Фотій успѣлъ опять втереться въ милость, служа для Серафима тайнымъ агентомъ, для вывѣдыванія намѣреній князя. Центръ заговора былъ у гр. Анны, а орудіями передачи тайно бумагъ и документовъ государю служили оберъ-полиціймейстеръ Гладковъ и начальникъ гвардіи Уваровъ, который жилъ во дворцѣ и былъ довѣреннымъ лицомъ государя.

Сначала обличеніе на Госнера Серафимъ поручилъ составить епархію своему Григорію, но тотъ, по совѣту Филарета, бросилъ это дѣло; тогда «апологию» изготавилъ самъ Серафимъ. Фотій же написалъ «обличительную апологию» на книгу «Воззваніе къ христіанамъ» и книгоупомянутую выписку изъ зловредныхъ книгъ, — все это было доставлено секретно государю, при двухъ посланіяхъ, въ глубочайшей тайнѣ, чтобы не потерпѣть на случай неудачи.

Въ собраніи документовъ и въ автобіографіи любезный этотъ докладъ приведенъ вполне, подъ заглавіемъ: *Царю тайнымъ обещаніемъ*, или тайные замыслы въ книгѣ «Воззваніе челоуѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Фотій казнилъ эту книгу со всею свойственною ему желчью — и политическими

Франціи было 1792 года, потому и говоритъ авторъ, за 2 года еще до революціи, предвидя революцію: «религія вступаетъ въ новый періодъ (т. е. новая вся составляетъ). И какъ подобное сдѣлалось движеніе безпокойства, прамѣчаемое въ Европѣ, 1820 г., то карбонаріи и воспѣлиши издать сіе новое изданіе въ Россіи, и для Россіи, дабы приуготовить къ такимъ безпокойствамъ и революціи; но не удалось! Подъ именемъ Израиля надо разумѣть бунтующій народъ карбонаріевъ».

«Кратко сказать, — заключаетъ Фотій, — книга «Воззваніе» есть вѣсть въ отступленію отъ вѣры Христовой и въ перемѣнѣ гражданскаго порядка по всѣмъ частямъ.

«И все, что въ ней заключается, то скрытно и обоудно, то загадочно и превратно, почему она и говоритъ къ своимъ, вызывая такъ: «Се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая». Сіе значить: скрываете все до времени: молчите: знайте про себя и дѣлайте дѣла свои, а посему, заставляя понимать умыселъ сей, вѣщаетъ: «кто позналъ сію истину, позналъ существенность ея, единое на потребу (т. е. религію, основанную на истиннѣхъ) и о прочемъ не заботится. — Вотъ пароль въ книгѣ «Воззваніе о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова»: вывопять алтари, разрушить престолы. — На Те, Господи, уповаемъ! Аще Ты, Боже нашъ, за насъ, кто противу насъ?

„Съ нами Богъ!
„Господь силъ съ нами!

«О, Господи! спаси же! О, Господи! Послѣднии же! Не намъ, не намъ, Господи, славу даждь, а имени Твоему св. во вѣки!»

«Рабъ Бога и Господа І. Христа, о Духъ Святъ ревнителя православія, вѣрно-вѣроподданный царю, служитель церкви, послѣднѣйшій, но правовѣрный, *Арх. Фотій*» (обыкновенная его подпись).

Государю этотъ «Пароль» былъ доставленъ секретно 12 апр. 1824 года.

При этомъ докладѣ, равно какъ и при другихъ подобныхъ случаяхъ, Фотій предлагалъ еще обыкновенно посланія. Представимъ нѣкоторые изъ нихъ въ извлеченіи.

Первое посланіе отъ 12 апрѣля 1824 г. довольно длинно. Авторъ говоритъ о своемъ призваніи, ученіи, ревности, о борьбѣ съ тайными обществами и еретиками, карбонаріями; доклады вѣсть, что другомъ царя стоитъ покровительствовать нечестія. Сказавъ далѣе о Господнѣ, Фотій излагаетъ «видѣніе»: «Бысть во время драканія предста мнѣ олице Божіе, раскуль книгу мнѣ въ

рукахъ, держащихъ предо мною: и былъ гласъ съ вышнихъ: «и не разумѣй!!» Въ сей книгѣ ни гдѣ, ни сверху, ни снизу ничего не было написано, а по срединѣ токмо по обѣимъ страницамъ въ едину черту были среди тѣмъ по темнымъ листамъ, а не белымъ, сіи слова: «Сія книга составлена для революціи и теперь наѣбрание ея революція»... Оказалась извѣстная книга «Воззваніе къ человѣкамъ», противъ которой зло и ядовито Фотій ратовалъ. Здѣсь же пишется, что «Аракчеевъ вѣрнѣе, объ немъ тако открыто»; затѣмъ, пугая близостью революціи, Фотій побуждаетъ двухъ человѣкъ отдалить: одного отъ себя, другого отъ службъ. Сказавъ затѣмъ, что Богъ ему все открываетъ, Фотій заключилъ: «Если что услышишь отъ кого на меня худое, какъ-то клеветы и прайдныхъ людей пустия слова, не вѣруй, — это отъ діавола». Все завершается благословеніемъ.

Второе посланіе секретно передано было государю того же 12 апрѣля 1824 года, слѣдовательно одновременно съ первымъ. Здѣсь говорится о «новой религіи», о тысячелѣтнемъ царствѣ, причемъ приводятся слова св. Ипполита, Ефрема Сирина; далѣе, идетъ раскрытіе *нелюбой* идеи о соединеніи церквей, то-есть смирненія-де истины съ зловѣріемъ. Въ новой религіи авторъ причисляетъ ученія библейскаго общества, Юнга, Шттингера, Экартсгаузена, Гюль, Бама, Лабина, а также методистовъ, квакеровъ, Госнера, Феслера, павліанъ, духоборцевъ, молоканъ и др., причемъ честить эту религію такими эпитетами: «нова, лукава, лъстива, худа, нечестива, беззаконна, буйна, безумна, безбожна, хульна; это «суцая революція», «прелесть врагій», проповѣдуемая ложными пророками, апостолами, искаженными вѣрми. Все ведется къ необходимости строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ для истребленія безбожія.

Третье посланіе преподаетъ мѣры, «какъ пособить дѣлу остановить революцію?» Фотій говоритъ, что онъ молился объ этомъ и *Богъ открылъ* ему, что надо немедленно:

а) «Министерство дух. дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы.

б) «Библ. общество уничтожить, подѣлить предположенъ, что уже много напечатано библій, и онѣ теперь не нужны.

в) «Синоду быть по прежнему, и духовенству назирать при случаѣ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ.

г) «Копелова отдалить, Госнера выгнать, Феслера изгнать, методистовъ выслать, хотя главныхъ».

Возвѣщая все это именемъ божіимъ, Фотій напоминаетъ Ала-

исавдру 12-й годъ, и, высчитывая, что съ тѣхъ поръ прошло ровно 12 лѣтъ, говорить, что настало время изгнать духовнаго Наполеона, котораго царь «можетъ побѣдить въ три минуты чертою nera». Посланіе это было секретно передано государю 29 апрѣля, и своимъ пророческимъ тономъ, таинственнымъ сближеніемъ цифръ могло оказать вліяніе.

Четвертое посланіе тоже ведетъ рѣчь о страшной тайнѣ беззаконія, къ истребленію которой Фотій призываетъ государя именемъ божіимъ. При этомъ посланіи была приложена «Апология» съ изложеніемъ тайны зловѣрія. Государю представлено это посланіе 7 мая 1824 года.

Пятое посланіе подписано 14 іюня 1824 г. и было доставлено при «извѣстїи революціи». Фотій умоляетъ не медлить, ради Бога и чести царей. «Ужаси ты за слово и дѣло Божіе не вступилъ? восклицаетъ онъ. — Въ дѣлѣ вѣры и малѣйшая пылкость подозрѣнія, лежащая на тебѣ въ очахъ вѣропопдавшихъ, правовѣрныхъ, покажется за великій камень преткновенія; а время все отиростъ и возрѣститъ, что нынѣ въ тайнѣ дѣется».

Вскорѣ было получено Фотіемъ «тайное извѣщеніе о дѣйствіи апеллегій и посланій, съ выпискою, на сердце государя». Свѣдѣнія эти были таковы, что «Фотій веселіе имѣлъ съ Серафимомъ» и посланія ихъ «нѣкто» называлъ: «побѣдная воля Христова».

Немедленно обнаружались и результаты подкоповъ Фотія и Серафима. Государь молчалъ. Но въ день пасхи онъ не принялъ съ обычнымъ поздравленіемъ Копелева, съ отказомъ впредъ явиться. Благодаря молчанію государя, кн. Голицынъ по прежнему и не подозрѣвалъ, откуда идетъ опасность. Однако послѣ сцени въ синодѣ по поводу Госнера съ Серафимомъ, князь понялъ, что не слѣдуетъ допускать митрополита до свиданія съ государемъ. Надо замѣтить, что безъ согласія и доклада министра, тогда не было принято являться духовнымъ лицамъ къ государю. Князь поднялся на хитрость. Пріѣхавъ на второй день пасхи поздравить митрополита, онъ сказалъ ему, что государь уѣхалъ въ Царское Село — и пріема не будетъ. Митрополита это озадачило. Но случай измѣнилъ князю. Скоро послѣ его отъѣзда къ митрополиту явилась гр. Анна; услышавъ, что будто царь уѣхалъ, она сказала, — это не правда: сейчасъ она видѣла его на смолу, на Царицыномъ лугу, и если надо поздравить, то безъ всякихъ докладовъ прямо можно явиться къ государю. Настроенный опытною графиней, митрополитъ тотчасъ отправился къ государю; послѣдній, бивъ уведомленъ, что митрополитъ ѣдетъ во дворецъ, оставилъ смолу и встрѣтилъ его очень любезно.

Оказалось, что государь действительно собирался уехать, только къ вечеру. Свиданіе было коротко; но государь горячо благодарилъ митрополита за предупрежденіе и раскрытіе заа, выслаушалъ новыя жалобы его и обѣщалъ дать ему особую аудіенцію. Это свиданіе, о которомъ и не предполагалъ князь Голицынъ, ободрило враговъ его.

Желая что-нибудь выведать объ этомъ свиданіи отъ Фотія, Голицынъ заѣхалъ къ нему запросто; но темеръ Фотій, почувавъ силу свою, измѣнилъ тонъ; онъ встрѣтилъ князя рѣзкими обличеніями, которыя окончились пророчествами объ его гибели. Сначала это возмутило, озадачило Голицына, а потомъ, если вѣрить Фотію, привело его къ уничиженію. «Пріобыинши вѣру имѣю словамъ Фотія», князь будто бы сказалъ: «ежели ты, отче Фотіе, меня оставишь, и съ ними будешь, то они меня одолѣютъ, а иначе никто не одолѣетъ меня». «Князь же не спдалъ, — нишетъ Фотій, — ето противу него и съ кѣмъ именно брань са дѣло вѣри имѣетъ: послѣ же князь, смиряясь отъ страха, палъ до земли, поклонился Фотію въ ноги, дабы онъ его не оставилъ». Рассказывая все это, Фотій какъ-бы не сознаетъ даже гнусности своей двусмысленной роли у князя, — роли иніона, мнимаго друга и ожесточеннаго, охиднаго, тайнаго врага.

Важность тайно сообщенныхъ государю обвиненій побудила его назначить свиданіе митрополиту, который 17-го апр. и былъ приглашенъ явиться во дворецъ. Свиданіе это было рѣшительнымъ; митрополитъ хорошо сознавалъ это, но «отъ многомисли и необыкновеннаго представленія дѣйсвія передъ лицомъ цара, находила на него нерѣшительность, а посему онъ то шелъ въ комнату, то возвращался въ оныя». Нерѣшительность старика была до того сильна, что Фотій почти силою свелъ подъ руку митрополита, усадилъ его въ карету, зашлопнулъ дверцы и приказалъ вучеру прямо ѣхать во дворецъ, несмотря на желаніе митрополита еще остановиться и поговорить.

Жребій былъ брошенъ, Фотій это хорошо понималъ, и, откравивъ митрополита, самъ остался выжидать его пріѣзда: давалось генеральное сраженіе. Онъ живо описываетъ свою тревогу. Сначала онъ молился. Потомъ шли часы за часами, а митрополитъ не ѣдетъ. Проходитъ 8-й, 9-й, 10-й часъ, Фотій ждет съ нетерпѣніемъ, но никто не ѣдетъ. «Наступаетъ 11-й часъ. Фотій съ секретаремъ, видя на оныѣ при ночномъ мракѣ, смотритъ, прислушивается къ каждому ступу, желая узнать, не ѣдетъ ли митрополитъ», но его нѣтъ. Проходитъ и полночь въ томительномъ и напряженномъ ожиданіи. «Фотій удивлялся, что ето зна-

читать, что такъ давно его нѣтъ. отъ царя: «не никогда не бывало ни съ кѣмъ, чтобы въ полночь митрополитъ когда-либо какой-либо бывалъ у императора и по такимъ дѣламъ, каковы начались». Секретарь высказалъ догадку, не засадили ли отца митрополита за усердіе куда-нибудь; а Фотій боялся, чтобы тотъ со страху не захворалъ. «Первый часъ по полуночи приходитъ, и при тихомъ сумракѣ ночномъ, тихо Серафимъ митрополита вѣдетъ: выжидали всѣ его орѣтаты; входя, онъ весьма былъ тихъ, миренъ, но такъ молчаливъ, что ни слова не говорилъ: *весь отъ насъ до нощи мнорозъ, отъ мнороза съ нощи нощи*: таковъ былъ нощъ у него отъ сильного душевнаго и тѣлеснаго дѣйствія предъ царемъ, что какъ бы изъ водонаоса весь былъ облитъ. Входя митрополитъ въ залу свое, вдохнувъ, сказалъ тихо: «все, слава Богу, хорошо. Слава Тебѣ, Господи!» — Переимчивъ бѣлье, онъ передаетъ своей дамѣ разговоръ съ царемъ. Рисованное предпріятіе дало полный успѣхъ, — сраженіе было выиграно. Фотій по пунктамъ передаетъ содержаніе этой продолжительной бесѣды у государя, конечно, заранее выработанной и подготовленной. Это былъ дѣлмй громаднй дѣлосъ. Вотъ что извѣщалъ митрополитъ государю въ секретной бесѣдѣ.

Первая опасность, которая будто бы угрожала царю и государству, это тайныя общества и собранія. Мѣры погребны адѣлосъ лѣтлосныя и скорныя.

Библейское общество, «со всѣми заведеніями самое противозавѣщенное сборище»; начальство его «въ еретическомъ платьѣ, мірской челядѣ»; направлено оно къ уничтоженію православія; ослѣпленное «въ всѣхъ сектъ», оно служитъ и къ разсадникоу и распространяетъ «новую всемірную библейскую религію», «къ всеобщей нагубѣ и возмущенію». Оно опасно и въ политическомъ отношеніи и «служитъ приуготовленію къ всеобщей революціи».

Переводъ св. писанія на престонародное русское нарѣчіе ведетъ къ повсебачію вѣрѣ. Толкованія же св. перевода (Гослера) направлены «противу догматовъ церковныхъ вѣхъ, противу Христа, Св. Троицы, противу таинствъ церковныхъ, службъ духовенства, правительства, всѣхъ званій и состояній гражданскихъ, противу власти царской, противу всего правопорядка». А всаду тѣмъ: министръ саму покровительствуетъ и книги еретическія повсюду распространяетъ, и никто не протѣвнѣтъ, «помышляя, что все это дѣйствуется не безъ воли высочайшей».

Сочиненія, издаваемые отъ библейскаго общества, суть самыя злоурядныя и еретическія.

Во главѣ всего ала стоитъ князь Голицынъ. «Онъ разрушилъ явно церковную іерархію, ибо вездѣ первое мѣсто занимаетъ словомъ и дѣломъ»... «Управляя въ трехъ мѣстахъ, онъ дѣйствуетъ не къ единой цѣли, не на пользу вѣры и благочестія, а ко вреду ихъ. Съ воли его переводятся и издаются книги явно богопротивныя и возмутительныя. Все переводится, сочиняется, печатается и вводится, что токмо можетъ быть новое противу св. церкви православной, правительства, благочестія, порядка, блага народнаго»... «Дѣйствуя во вредъ церкви, кн. Голицынъ всѣхъ противниковъ сгубилъ, ослабъ ихъ въ мѣста отдаленныя»... «Кн. Голицынъ есть покровитель всѣхъ ересіарховъ и враговъ вѣры: Кошелева, Феслера, Гюнера, Липиделя, Криденеръ, Татариновой, Лабзина и всѣхъ еретиковъ», предоставляя имъ полный просторъ.

Дѣйствуя во вредъ вѣры, кн. Голицынъ вредно вліяетъ и на все просвѣщеніе, нѣльзя вездѣ «развратъ и революцію».

Дѣйствуя ко вреду іерархіи, кн. Голицынъ принимаетъ доносы на архіереевъ и «выдумалъ еще такой соблазнъ учинить», что печатаются разныя новѣстія о томъ, «что гдѣ дѣлаютъ священники, діаконны, гдѣ случились какіе соблазны, къ показанію, что таково-то дуканство российское есть развратное, а что новое библейское собраніе есть лучшее».

Сила кн. Голицына такова, что даже митрополита стѣснятъ въ дѣлахъ епаркіи.

Къ уничтоженію синода и усиленію своей власти, выдумалъ Голицынъ, кромѣ членовъ, вызывать въ засѣданія синода архіереевъ для присутствія, и ревнителей удалалъ, а своихъ и Кошелева пріятелей выписывалъ.

Такова была многосодержательная бесѣда Серафима съ государемъ, въ ночь на 17 апр. 1824 г.

Черезъ три дня была назначена аудіенція и Фотію у государя, причемъ сдѣлано было распоряженіе явиться «съ секретнаго входа и тайною лѣстницею въ нему въ кабинетъ, дабы сіе не было всѣмъ пласно». Фотій выѣхалъ изъ дома гр. Анны въ каретѣ и тайно былъ проведенъ въ государю. Бесѣда его длилась три часа. Доносъ Фотія этотъ разъ былъ бѣднѣе содержаніемъ, но богаче ядомъ, — Фотій говорилъ съ двойственнымъ ему духомъ нетерпимости, обличенія и угрозы, придавая всему политическій характеръ. Содержаніе бесѣды также изложено Фотіемъ въ пунктахъ, и мы передадимъ кратко содержаніе ихъ.

- 1) По всему царству «тайна великая беззаконія дѣется».
- 2) «Изготавливается всемірная монархія отъ нечестивыхъ, и

для того новая вѣра распространится подъ именемъ единовѣрія повсюду».

3) «Тайныя общества стремятся ниспровергнуть существующіи державы и для сего ослабить основы ихъ, и прежде всего религію».

4) Такъ какъ въ Россіи не нашлось «зловѣра на пагубу отечества», то враги вѣры и церкви выписали иностранца «бунтовщика, провлатаго пастора Гостера», коего поддерживаютъ власти.

5) Для поколебанія вѣры и правительства, «подъ вліяніемъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія» печатались безбожныя толкованія и книги.

6) Надаваемые зловредныя книги имѣютъ цѣлю скорѣе «приготовить нужныхъ участниковъ нечестія и готовить особый классъ людей къ революціи».

7) Многіе вельможи сему содѣйствуютъ.

8) «Все дѣлается въ тайнѣ; годъ и самое время, когда общее потрясеніе вдругъ надо произвести, извѣстны токмо членамъ тайныхъ обществъ».

9) Англійскіе методисты имѣютъ тайный заговоръ произвести въ Россіи переворотъ, пожаръ и революцію, «теперь уже дрова подкладены, и огонь поджигается».

10) Зло сильно, а правительство бездѣйствуетъ, духовенство молчать, частію по страху, частію по лѣнности.

11) Если скорѣе не принять мѣры, то «вообще потрясеніе необходимо будетъ».

12) Мѣры надо принять «тихо, тайно, но вдругъ»; «надобно начинать не съ низа, а сверху; не съ послѣднихъ, а поразить самыя главы первыя, яко главныя орудія всего злаго дѣла: когда глава у кого отнята бываетъ, то все тѣло остается яко трупъ не дѣйствительно».

Итакъ, все вліяніе Фотія на государя было, очевидно, разсчитано на устрашеніе его опасностями политическаго характера. Серафимъ стоялъ «за вѣру, православіе, церковь, іерархію»; Фотій главною основой доноса дѣлаетъ—политическіе заговоры, приготовленіе государственнаго переворота.

Донось Фотія произвелъ, если вѣрить его же словамъ, сильное впечатлѣніе: государю казалось, что самъ Богъ послалъ ему спасеніе отъ страшной опасности. «Господи! воля ты милосердъ ко мнѣ,—сказалъ онъ, молясь,—Ты мнѣ какъ прямо съ небесъ послалъ ангела своего святого (Фотія) возвѣститъ всякую правду и истину». Напуганный зловѣщими предсказаніями, государь, «не зналъ, что и какъ начать, а посему сказалъ Фотію, чтобы онъ

написалъ для совершенія намѣренія *въ дѣло плещъ о всенѣ-*
 Этого-то и нужно было Фотію. Теперь нити дѣла были въ его
 рукахъ. Государь же, если вѣрить Фотію, совершенно упалъ ду-
 хомъ, просилъ прочитать надъ нимъ молитву, просилъ благосло-
 вить и разрѣшить его, кланялся ему въ ноги, «яко кающійся
 человѣку, Богу въ лицѣ человѣка поклонившійся», и далъ обѣ-
 щаніе зло все исправить.

Когда Фотій пріѣхалъ отъ государя, конечно, прямо въ дѣ-
 вицѣ-дщери, то «онъ отъ главы до ногъ былъ, какъ водою, *по-*
томъ смоченъ, и не простъ потъ, а *яко кровью* все одѣяніе его
 нижнее облилъ». Переменявъ у гр. Анны свое «нижнее одѣ-
 ніе» и надѣвъ чистое бѣлье, какъ говорится въ разсказѣ Фотія,
 отправился онъ къ митрополиту, «гдѣ еще внизу срътаемъ былъ
 отъ его вѣрныхъ и искреннихъ», и когда онъ сообщилъ «о
 внутренней келліи» ходъ дѣла и результаты его, то радость не-
 сказанная ихъ объяла обоихъ.

Да и какъ было не радоваться: дѣло близилось къ концу.
 Однако, несмотря на сильное впечатлѣніе этихъ двухъ бесѣдъ, госу-
 дарь, какъ оказалось, вовсе не хотѣлъ предпринимать крутыхъ мѣръ
 и, надѣясь еще какъ-нибудь уладить дѣло, послалъ своего довѣ-
 реннаго, любимца гр. Аракчеева, переговорить съ митрополитомъ
 о дѣлѣ обстоятельнѣе, въ присутствіи Фотія. Можно сказать, что
 присутствіе послѣдняго спасло начатое дѣло. Сначала митропо-
 литъ стоялъ на своемъ, но потомъ ослабѣлъ въ доводахъ. «Тог-
 да,—пишется въ разсказѣ объ этомъ свиданіи,—митрополитъ
 смотрѣлъ Фотію въ лицо, и не зналъ, что дѣлать и сказать еще
 ему». Фотій даже всталъ, говоря свою обличительную, желчную
 и проникнутую фанатизмомъ рѣчь. Она возбудительно подѣйстви-
 вала и на митрополита, который на приглашеніе Фотія лучше
 идти въ заточеніе, чѣмъ помириться съ врагомъ, снялъ свой бѣ-
 лый клобукъ и просилъ передать государю: онъ скорѣе отка-
 жется отъ сана, чѣмъ помирится съ кн. Голицынымъ, каки
 бы тотъ ни сдѣлалъ уступки. Въ сущности Аракчеевъ и самъ
 былъ не противъ крутыхъ мѣръ, но государь, тридцать лѣтъ со-
 хранявшій любовь къ кн. Голицыну, хотѣлъ пощадить его ¹⁾.
 Свиданіе и бесѣда гр. Аракчеева съ митрополитомъ, при участіи
 Фотія, рѣшили исходъ дѣла.

Вскорѣ послѣ этого свиданія государь передалъ военному

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (1778—1844 г.), былъ съ дѣтства со-
 товарищемъ дѣтскихъ игръ имп. Александра Павловича. Отсюда расположеніе къ нему
 императора, который сдѣлалъ Голицына оберъ-прокуроромъ синода, главно-управ-
 ляющимъ почтовымъ департаментомъ и министромъ народнаго просвѣщенія.

губернатору, гр. Милорадовичу, доносъ Фотія о зловредности книги Госнера, для разсмотрѣнія въ комитетѣ министровъ. Послѣдній призналъ доносъ справедливымъ, почему указомъ 25 апр. Госнеръ тогда же былъ высланъ за границу.

Въ то же время случилось у кн. Голицына съ Фотіемъ скандальное происшествіе, надѣлавшее много шума въ столицѣ и ускорившее паденіе министра.

Съ каждымъ признакомъ новаго успѣха Фотій дѣлался нетерпимѣе и нахальнѣе. Кн. Голицынъ, до сихъ поръ не считая его своимъ врагомъ, въ виду событій при дворѣ, желая что-нибудь узнать о дѣлѣ, являлся къ Фотію два раза—23 и 25 апр. Въ оба эти свиданія Фотій обошелся съ княземъ грубо ¹⁾.

Все это, конечно, крайне раздражало князя, недавно всемогущаго, да и теперь еще увѣреннаго въ себя. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ Госнера за границу, по тайному докладу Фотія государю, показало кн. Голицыну, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и кто его непримиримый врагъ. Случилось, что въ это время кн. Голицынъ встрѣтился съ Фотіемъ у гр. Анны, гдѣ Фотій былъ полнымъ хозяиномъ. Хозяйки не было дома. У двухъ враговъ завязался крупный разговоръ. Голицынъ отставивалъ Госнера. Фотій, выходя изъ себя, отвѣчалъ проклятіями. «Падешь ты, — говорилъ онъ князю, — и вси съ тобою падутъ: видѣлъ сатану, яко молнію спадша съ небесе. Уста моя глаголють тебѣ: но сіа уста, яко Господня, ты вѣрний: когда азъ тебѣ глаголаю есмь, есть тебѣ Господь во мнѣ малолый». «Гордѣйся еще болѣе о силѣ адской челоуѣкъ, князь, малъ предъ Богомъ, возъярился яростію и закричалъ: «что ты глаголешь? Не хочу слушать твоихъ словесъ: лжу ты, Фотій, глаголешь. Я истину знаю самъ и глаголю». На это Фотій, совершенно выйдя изъ себя, отвѣчалъ *ангеломъ князю*, и высказавъ ему зловѣріе его, воскликнулъ: «да не будетъ тебѣ бѣды на землѣ, то азъ простираю руку мою къ небу: и се, судъ Божій на тебя изрекаю единъ, когда тебя вси ублажаютъ за нечестіе: много ли васъ? Тьмы ли темъ безъ

¹⁾ Изложеніе обоихъ этихъ свиданій было сдѣлано Фотіемъ для государя, въ свое оправданіе, и было представлено ему 25 апр. Здѣсь говорится, будто въ отвѣтъ на обвиненія Фотія князь сказалъ: „что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія сформированы уже для революцій“, причемъ будто бы ссылался на волю государя, который „будучи одного съ нимъ духа, самъ того желалъ“, а теперь-де поздно. Фотій же-де за упорство Голицына грозилъ ему судомъ Божиимъ (*Дет.*, III, 73 на обор.). Изложеніе это мало заслуживаетъ довѣрія. Свиданія эти были на-единѣ и, конечно, Фотій писалъ о нихъ что хотѣлъ, такъ какъ кн. Голицынъ вовсе не зналъ объ этихъ запискахъ.

численныя? Но поразить васъ Господь Богъ всѣхъ и потребить вскорѣ! *Анаеми!* Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!..» «Услышавъ гласъ сей, князь, вознестовствовавъ, побѣждалъ вонъ во гнѣвъ и ярости, яко лишень ума; азъ же во слѣдъ ему возгласилъ: «ежели ты не покаешися и вси со тобою не обратятся, *анаеми встѣ!* Ты же яко вождь нечестія, не узришь Бога, не виидеши въ царствіе Христово, а сидеши во адѣ и вси съ тобою погибнуть во вѣки! *Аминь*».

Когда послѣ этой сцены пріѣхала дочь-дѣвица и услышала, что у нея въ домѣ произошло, она пришла въ ужасъ. «Фотій же, по его словамъ, *скача и радуясь, воспѣвалъ пѣснь сію: Съ нами Богъ!*»

Случай этотъ еще могъ бы остаться не замѣченнымъ, такъ какъ онъ происходилъ съ глазу на глазъ; но, съ одной стороны, самъ Фотій всачески старался придать ему извѣстность ¹⁾, съ другой — кн. Голицынъ, въ раздраженіи, неблагоуразумно самъ далъ ему ходъ, подавъ на Фотія просьбу государю. Когда разнеслось по всей столицѣ, что министръ духовныхъ дѣлъ преданъ *анаемъ* за вѣру, то и для государя было уже неудобнымъ удерживать его на этомъ постѣ. «Государь, читая жалобу князя, смутился, оскорбился»; а въ это время друзья Фотія — Гладковъ оберъ-полиціймейстеръ и «любимецъ-вельможа» Уваровъ останавливали его и настраивали государя въ устраненію кн. Голицына, выставивъ на видъ всеобщую извѣстность происшедшаго скандала. Серафимъ, разумѣется, прислалъ благословеніе за анаему Фотию. «Что сдѣлано, — сказали онъ, — переделывать нельзя, а *добро* будетъ отъ сего: ежели правды ради царь въ тайнѣ не хотѣлъ любящаго своего отвергнуть, то теперъ стыда ради, *какъ проклятаго*, долженъ отъ себя удалить» ²⁾.

Молва по городу росла, вызывала самыя разнородныя пред-

¹⁾ Фотій подробно описываетъ, какъ по Петербургу распространялся слухъ объ анаемѣ его. Сперва пришла къ гр. Аннѣ какая-то „болярина Параскева мудрая“, которая, услышавъ о скандалѣ, поторопилась уйти, „думая, что скоро вѣстникъ отъ царя придетъ и ятъ будетъ Фотій въ заточеніе“. Потомъ приходятъ „нѣкій ревнитель соучастникъ (?) въ дѣлѣ семъ боляринъ“. Послѣ бесѣды съ Фотиемъ „бѣжалъ сей мужъ боляринъ по граду и *прошесть слухъ*, что Фотій князя Голицына *проклятію* предалъ“. „Шумъ велий сотворися по всему царствующему граду тотчасъ. Ангели Господни, по злобѣ содѣянной, слухъ Господень большій внушили: и весь градъ молилъ: паде, паде, паде сатана-человѣкъ и ангели его, діаволъ-человѣкъ съ нимъ падоша“. *Акт.*, III, 79—80.

²⁾ Фотій имѣлъ наглость объяснять 80-лѣтнюю привязанность государя къ кн. Голицыну тѣмъ, что-де „князь былъ государя любимецъ и соучастникъ въ однихъ (?) тайныхъ дѣлахъ, о нихъ же не глѣть есть и глаголати“. *Акт.*, III, л. 79 на обор.

положенія и объясненія, всё въ напруженіи ожидали, чѣмъ окончится дѣло и кому придется расклеивать заваренную кашу. Въ это время Фотій показалъ находчивость и энергію въ своемъ дѣлѣ. Помни пословицу: «куй желѣзо, пока горячо», онъ, дѣйствуя по горячимъ слѣдамъ и не жалея, чтобы прошло созданное вредившемущими бездѣлами настроеніе государя (29 апр. 1824 г.) изготовилъ къ нему посланіе, въ которомъ оглашаетъ уже совершенно прямо имена лицъ, яко бы враждебныхъ самому государю и вѣру ересьмольниковъ, излагаетъ ихъ «планъ разоренія Россіи» и свой «планъ и способъ, какъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо»; оба эти плана и посланіе съ приложеніемъ книги о масонскихъ ложахъ и объ умыслѣ, открытожъ въ Англіи, «какъ въ Россіи революцію уничтожить», все передалъ тайно государю. Замѣчательно, что «все это Фотій творилъ теперь тайно даже отъ митрополита Серафима, ибо онъ часто робѣя въ настоящей истинѣ, Фотію препиналъ и духъ его смущалъ», и, узнавъ о посланіи, говорилъ Фотію: «Я бы тебѣ не далъ благословенія писать: ни силъ, ни вѣрности тако во мнѣ не достало бы дѣйствовать».

Но Фотій не остановился на этомъ. Къ 7-му мая изготовилъ онъ новое посланіе царю «сильное» и составилъ «апологию», то-есть, «раскрытіе плана революціи, обнаруживаемой, или тайны беззаконія дѣемой и показанной въ книгѣ «Побѣдная повѣсть», тайными обществами». И это посланіе, какъ предыдущія, секретно было передано государю черезъ Уварова.

Въ посланіяхъ этихъ Фотій обнаружилъ тонкій дипломатическій тактъ. Дѣло въ томъ, что Александръ I-й сначала дѣйствительно сочувственно относился къ тому, что теперь преслѣдовалось, а поэтому обличенія надо было писать осторожно, выдѣляя изъ нихъ участие самого государя. Такъ именно и поступалъ Фотій. «Нужно было царю, — говоритъ онъ, — не дѣлая обличенія, *отъ постороннихъ видѣть*, ясно и просто изложить главные догматы антихристіанскіе, дабы онъ, читая, самъ себя какъ въ зеркалѣ увидѣлъ, увѣрился въ истинѣ и заблужденіи»; Фотій говорилъ, что въ апологій «покривалъ царя», и потому весьма надѣялся, что «падетъ столбъ злобы».

Ожиданія сбылись. На Вознесеніе, 15 мая 1824 г., государь лично явился митрополиту свое повелѣніе, которымъ не только увольнялся князь Голицынъ отъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, но и самое министерство духовныхъ дѣлъ закрывалось. Фотій поэтому наполняетъ нѣсколько страницъ автобіографіи изложеніемъ своихъ чувствъ и торжества.

Побѣда была одержана. Однако нельзя сказать, чтобы она дешево досталась побѣдителю и была окончательною. Еще много предстояло труда вперед, еще много грозило опасностей въ будущемъ; да и настоящее заключало въ себѣ еще много сомнительнаго. Врагъ низвергнутъ; но неизвѣстно, какъ государь смотритъ на побѣдителей, въ виду необычно-рѣзкихъ формъ отелановенія Фотія съ бывшимъ любимцемъ государя, которому онъ вѣрилъ 30 лѣтъ.

«Отъ усилій, истощеній, оскорбленій и тѣлесныхъ немощей, — говорится въ автобиографіи, — Фотій весьма ослабѣлъ, такъ что безъ двухъ теплыхъ шубъ въ маѣ мѣсяцѣ не могъ въ каретѣ ѣхать по Петербургу; не смѣлъ уже писать императору о себѣ, дабы уволить хотя на нѣсколько дней выѣхать въ Новгородъ».

Не мало безпокойствъ причиняла Фотию мысль объ отношеніи Филарета московскаго къ падшему министру, которому Филаретъ многимъ былъ обязанъ и къ которому онъ и по паденіи остался въ привязанныхъ отношеніяхъ. По этому случаю Фотій высказываетъ самыя грязныя и нечестивыя обвиненія на Филарета до «хулы на пресв. Богородицу», усвоивъ ему даже политическія разрушительныя цѣли. Въ то же время слухъ прошелъ, что государь и дѣйствительно крайне недоволенъ Фотіемъ, замышляющимъ не дѣло церкви, а мотивирующъ интригою за свои личные неудовольствія, и находилъ поступокъ Фотія несогласнымъ съ духомъ любви евангельской. Фотій все это приписывалъ Филарету, а внимательность усиливала его болѣзнь.

Между тѣмъ, даже было знато, что государь лично желаетъ выслушать оправданіе Фотія, почему онъ долженъ былъ безвыѣздно болѣе жить въ Петербургѣ; но дни за днями уходили, а о Фотіѣ точно забыли во дворцѣ.

Конечно, прежде всѣхъ на помощь Фотию явилась «дворянка». Она писала о Фотіѣ писмо къ государю, который въ отвѣтъ почтилъ ее своимъ посѣщеніемъ.

Фотій воспользовался этимъ, и предъ его приходомъ къ гр. Аннѣ, добылъ гдѣ-то французскую книгу, гдѣ говорилось, что «миръ съ Франціей не надолго; революція, бывшая въ ней, есть токмо образчикъ всеобщей революціи въ государствахъ, и что она скоро въ Россіи будетъ». Эту книгу Фотій велѣлъ положить на видное мѣсто, и когда государь будетъ, какъ-бы случайно показывать ему ту страницу. Расчетъ Фотія былъ простъ, и онъ достигъ цѣли. Дѣйствительно, когда гр. Анна въ разговорѣ подложила ему эту книгу и государь прочелъ отиѣченное Фотіемъ мѣсто, то — пишетъ Фотій — «на него такое политическое дѣй-

стві і умниженні. Більше ніжло впливів, ніж самі благоприхили всієї». Олександр усвоював графіню за Фотія і даже замітив, що безъ его твердості Серафимъ самъ не въ состоянні былъ бы вести его тяжелее і неприємне діло. По цьому случаю Фотій изъясняєть, що онъ всегда себя скривавъ, а все усвоєвъ митрополиту і «всѣмъ говоривъ, что онъ (Фотій) «ничеже есть»: «онъ есть послѣдняя *букариничка* (подчеркнуто въ подлинникѣ), і человекъ яко глухой, глѣбный, болыной, что можетъ омыслить? Его ли діло? На то есть митрополитъ» і пр. Фотій увѣраєть, что будто бы разныя еретики *миліоны* общали тому, кто его извѣдетъ; но Промыслъ-де хранилъ его. Поддержанный мыслію, что внѣшняя холодность государя къ нему есть только декорумъ, а въ сущности ему большаго нечего, Фотій прилагаєть всѣ усилія, чтобы «дѣйствіе на императора противу сонмища злобѣрныхъ было *различное і непрестанное*», і по этому случаю дѣлаєть характеристики своихъ сотрудниковъ, которыми онъ постоянно располагалъ. Такимъ образомъ оказывается, что, кромѣ простодушнаго *Серафима*, органами впливія Фотія у государя были: военный генералъ-губернаторъ *Милорадовичъ*, оберъ-полицеймейстеръ *Гладковъ*, начальникъ гвардіи *Уваровъ*, новый мин. просв. адмиралъ *Шинковъ*, директоръ вн. *Ширинскій-Шимановъ*, служившій при синодѣ нѣкто *Павловъ*, извѣстный *Маминскій*, всемогущій *Аракчеевъ* і больше всѣхъ такъ же сильная при дворѣ гр. *Анна Орлова-Чесменская*. Въ средѣ духовенства Фотій положительно не находилъ себѣ сочувствія, і отъ діла его, какъ очень грязнаго і дѣмутаго, по собственному свѣдѣтельству Фотія ¹⁾, споронились почти всѣ. Фотій упоминаєть только объ единственномъ протопресвитерѣ, который составлялъ «апологію на книгу *Воззвѣніе*», но самъ же говоритъ—есть слухъ, что этотъ іерей «неправдою собралъ себѣ богатство і упованіе свое возложилъ на него, а не на Бога жива». За то і достается же духовенству отъ Фотія въ его автобіографіи!

Характеристики Фотія его сотрудниковъ представляютъ малоинтереснаго, — онѣ не глубоки, даже очень поверхностны і состоятъ болѣе изъ общихъ фразъ, безъ фактовъ.

О «Шинковѣ-старцѣ» Фотій говоритъ, что это «вельможа, не простой человекъ, сначала образовался въ военномъ искусствѣ»; «прозорливъ», «вѣренъ», «преданъ», «ревнителъ», «краснорѣчивъ і благочестивъ», «знатокъ наукъ безъ примѣси алогіи», «учень і благонамѣренъ» — вотъ канцеля, его характеризующія. Шин-

¹⁾ Автоб., т. 114.

ковъ имѣлъ сильное вліаніе на м. Серафима, а на государя вліялъ черезъ Аракчеева, съ которымъ былъ друженъ. Кн. Ширинскій-Шихматовъ, по Фотію, такъ же былъ «ревнитель православія», «еротокъ, тихъ, правдивъ, честенъ», «отличныхъ дарований», «многосвѣдущъ», «смирень, пріятень, сладокъ въ рѣчахъ, добродѣтеленъ, проворливъ, благогласень, правовѣренъ, благочестивъ», «къ служителямъ церкви почитителень», «свѣдущъ въ писаніи» и пр.; «Шипшову-старцу отъ Бога былъ данъ, яко правое ухо, правое око, правая рука, они были оба едино, а не два всегда». Уваровъ — «мало разумѣлъ по учености земной»; «по природѣ былъ скромень и скрытень». Онъ служилъ только для передачи всѣхъ доносовъ и тайныхъ бумагъ Фотію государю.

Милорадовичъ и Гладковъ свѣдѣнія получали отъ Фотія и ему свои сообщали. Гладковъ «доносилъ обо всѣхъ возняхъ злобѣри и враговъ общихъ: иныхъ же орудіемъ силы своей постигалъ совершенно»...

Павловъ, служа при синодѣ, былъ тайнымъ агентомъ Фотія и сообщалъ ему свѣдѣнія секретно о библейскомъ обществѣ; затѣмъ онъ же «за Госнеромъ не опустительно назиралъ», въ роли полицейскаго сыщика, «къ чему имѣлъ способность».

Относительно Аракчеева въ «Собраніи документовъ»¹⁾ находитъ любопытная «Записка Фотія, поданная государю о графѣ Аракчеевѣ». Это — аттестатъ благонадежности, выданный царскому любимцу отъ фанатика-монаха, который, самъ служа цѣлямъ Аракчеева, въ то же время пользовался случайнымъ человѣкомъ и для собственныхъ цѣлей. Фотій награждаетъ Аракчеева массой эпитетовъ: «вѣренъ, правдивъ, преданъ, мудръ, разуменъ; любимый народомъ, онъ есть правое око царя, столпъ отечества, и таковыя люди вѣками рождаются»; «кромѣ добра въ немъ ничего нѣтъ»; «ему можно все повѣрить и съ помощію Божіею онъ все можетъ дѣлать».

Изъ противниковъ Фотія болѣе другихъ достается митрополиту Филарету и пр. Павскому. О послѣднемъ Фотій говоритъ, что онъ «чуждъ благодати и истины; сей человѣкъ есть суемудръ, живетъ, дѣйствуетъ и учитъ по мудрованію плоти». Главная вина обоихъ — переводъ св. писанія и сочувствіе библейскому обществу.

Фотію однако не сидѣлось безъ дѣла. Къ 14-му іюня 1824 г. онъ изготавилъ къ государю новое посланіе, при которомъ проводилъ сообщеніе «о ункѣ заѣриномъ» (666) и «Обозрѣніе плана революціи, или тайны беззаконія, дѣемой кнѣ въ Россіи»

¹⁾ Листъ 142, на оборотѣ.

и всѣхъ». Въ первой запискѣ, Фотій изъясняетъ каббалистическое изчисленіе, по которому 1836 годъ считался аномалистическимъ годомъ. Цифра 1836 состоитъ изъ двухъ чиселъ 18 и 36. Но 18 есть сумма числа аѳѣрина ($6+6+6$); а «36 есть число аѳѣрино 6, трикратно составляющее и на себя самого помноженное» ¹⁾. Въ этомъ и все изъясненіе, а затѣмъ слѣдуютъ обычные воззванія къ реакціи.

О томъ же предметѣ передана была Фотіемъ тайно государю еще записка 6 авг. 1824. Здѣсь, кромѣ приведеннаго изъясненія, раскрываются «ковни» англичанъ черезъ библейское общество, говорится объ ожидаемомъ «самозванцѣ лже-мессіи», улаживается на участіе въ семь дѣлъ жидовъ и колонистовъ и пр.; въ концѣ выводъ: «изъ Англіи адъ весь плыветъ черезъ проливъ библейскаго общества» ²⁾.

О томъ же раскрывается и въ посланіи: «О революціи подъ именемъ тысячелѣтняго Христова царствія, готовимой къ 1836 г. въ Россіи чрезъ вліяніе тайныхъ обществъ и англичанъ-методистовъ».

Здѣсь говорится о *симптоматизмѣ*, о чувственномъ характерѣ ихъ царства, о Кромвелѣ, о мятежникахъ, карбонаріяхъ, еретикахъ, вольнодумцахъ и т. д. Въ заключеніе Фотій славитъ Бога, что главная опасность удалена и теперь «отдастся, угаснетъ и болѣе не будетъ, если и еще мѣры малыя возмутся».

Объ вышеупомянутыхъ работы были обычно тайнымъ путемъ доставлены государю, который однако все еще не вызывалъ къ себѣ Фотія, не показывалъ признаковъ, что извиняетъ его дерзость въ отношеніи Голицына. Это ли обстоятельство, или другія соображенія вызвали Фотія представить черты своего времени въ видѣ общей картины, выражающей упадокъ религіозности современнаго ему общества. Въ картинѣ этой есть нѣкоторыя довольно любопытныя подробности, хотя обличительно-полемиическій тонъ остается тотъ же самый.

Прежде всего Фотій останавливается на манерѣ въ то время всѣхъ въ *иностранизмѣ*. Дворъ былъ переполненъ нѣмцами; воспитаніе было избрано иностранцамъ почти у всѣхъ; въ учебныхъ заведеніяхъ первые образователи французы, иногда ссыльные; гувернеры-иностранцы. «Многимъ знатымъ казалась родина не здорова, вредна, несносна», и вотъ, шатались по разнымъ землямъ, они проживали въ состояніи и здоровье «на теплыхъ водахъ».

¹⁾ *Дом.*, III, 120.

²⁾ *Тамъ.*, III, 147.

А въ то же время «торгаше англичане, сребролюбивѣе педутующе, жида и нѣмцы, грабили русскія богатства у насъ дома». «Петербургъ представлялъ общее смѣшеніе: почти не можно было узнать, каковъ въ немъ вѣра, каковъ языкъ, каковъ народъ». Какъ признакъ разврата, Фотій отмѣчаетъ заведеніе институтовъ и пансіоновъ.

Вотъ и другіе пункты обвиненія:

Проповѣдь потеряла всякое значеніе: «во дворѣ се совсѣмъ вывели».

Вмѣсто древняго столповаго заведе *театроподобное* явленіе и ввели соблазнительныя пѣсни, а нѣмчикъ одѣли «въ еретическія одежды польскія и нѣмецкія».

Проповѣдь сказывали и *святскіе* люди, въ стихаряхъ, но стриженые и бритые, или «имѣющіе власы свои на подобіе свѣтскихъ щеголей хитро устроившіе», во смѣху и соблазну народа.

Службы всячески сокращались, нѣны молитвы выбрасывались.

Обители постепенно сокращались и вступленіе въ монашество затруднено условіями извѣстныхъ лѣтъ и разрѣшенія синода. Монастыри лишены права пріобрѣтати угоды безъ высшаго разрѣшенія.

«Въ случаѣ преступленія, хотя бы монахъ былъ, заведе обычай отдавать въ воинскую службу или въ ссылку сослать, съ правомъ жену себѣ тамо избрать».

Настоятелей и архіереевъ, ради повинненія, съ мѣста на мѣсто переводятъ, и многіе «съ мѣста на мѣсто, какъ птицы, перелетаютъ, отъ низу на высоту, по классамъ и степенямъ», отчего «нигдѣ, по краткости своего пребыванія, гнѣзда себѣ свить не могутъ и добра сдѣлать». — «Многіе архіереи живутъ и о томъ одномъ мнятъ, чтобы съ одной епаркіи скорѣе на высшую, обильнѣйшую и лучшую перейти, или въ члены синода монашь». Отъ этого «противнаго духу шатанія главнаго пастырскаго», многіе архіереи «живутъ не какъ пастыри добрые деревни, архіереи Божіи; нѣны безстрашно ядятъ мяса, едятъ мірскіе, во св. даже постъ не хотятъ безъ рыбы жить самой вкусной и хорошей; безъ вина никогда не садятся за столъ; отъ сего ж вина никто ни колиже не думаетъ воздерживатися».

Вмѣсто отреченія отъ міра, монахамъ даютъ разныя должности въ консисторіяхъ, въ правленіяхъ и даже въ свѣтскихъ мѣстахъ, «вовсе противу общаго и цѣли монашества».

Мірскіе люди живутъ какъ язычники: пьютъ, ѣдятъ, въ храмъ не ходятъ, посты не хранятъ, «свободно чады свои въ злостріе отдаютъ: театры, комедіи, маскарары, парады, комскія риста-

нѣя, собачьи охоты, забавы птичьимъ, кнѣжи вольнодумныя, сказки, романы, земныя бредни, карты, бостоны, гусли, музыки, парки, балы, собраніе ворюги, лжочинство, воспитаніе на нѣмцевъ, на французски, плоское и діавольское дѣло и обученіе есть упражненіе многихъ знатныхъ людей во всю ихъ жизнь».

Не довольствуясь религіозно-политическими соображеніями, Фотій вмѣшивался и въ финансовыя вопросы. Въ «Собраніи документовъ» помѣщена «копія съ записки о ввозѣ и приѣзѣ золотой монетою суммъ въ Россію и о выгодахъ и удобствахъ банковъ иностранныхъ обществъ выдавать ссуды подъ залогъ нѣкѣихъ знаменитыхъ русскіихъ бояръ (1826 г.), съ опровержительною замѣскою Фотія» ¹⁾.

Въ этихъ двухъ документахъ дѣло идетъ о проектѣ международнаго банка съ цѣлію открыть громадныя (одному лицу не менѣе милліона р.) кредиты крупнѣйшимъ изъ нашихъ землевладѣльцевъ. Агентомъ предполагаемаго учрежденія былъ нѣкто Фузи—итальянецъ («не жидъ ли?»—спрашиваетъ Фотій), у котораго «черезъ подсылнаго» получена обстоятельная записка о банкѣ. Фондъ банка предполагался въ 300 милліоновъ.

Авторъ записки, т.-е. Фотій, видѣлъ много зла въ этой операціи. Во-первыхъ, имѣнія нашихъ аристократовъ перейдутъ въ руки иностранцевъ, и они станутъ нашими всемогущими арендаторами, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилятся наплывъ безвѣрія.

Озъ иноземцами нахлынуть «жиды», какъ было то при Мономахъ, «когда оныя жиды и жидовскую вѣру завели на Русь». Озъ жидовъ разореніе, озъ долги озъ обдѣленіе и будетъ государству нищета и общее разореніе. Иноземцы явятся господами у насъ и миссіонерами зловѣрія.

Дѣйствіе тайныхъ обществъ усилится и обратится въ неудержимый разрушительный потокъ. Особенно энергически возстаетъ Фотій противъ евреевъ: «Если въ обществѣ, устрояющемъ новый банкъ, есть и жиды, и будутъ (они) содѣлатели конторы и управители, то безъ тѣла господъ и помѣщиковъ жиды и прочіе сдѣлаются навсегда господами и помѣщиками,—и лишь бы начало сдѣлать теперь, а то все можно сдѣлать со временемъ тайно и явно деньгами. Ничто такъ въ убежденіе государство привести не можетъ, какъ жителство аристоубійцевъ-жидовъ въ государствѣ».

Среди всѣхъ этихъ размышленій и уединеній, Фотій получилъ, наконецъ, желанное и вмѣстѣ опасное приглашеніе — секретно

¹⁾ Собр., I, 48—52.

явиться во дворецъ. Съ обычнымъ приготовленіемъ и златою отпавился Фотій къ государю. — Царь встрѣтилъ Фотія холодно и сурово началъ говорить ему «отъ писанія, что онъ не имѣлъ права поступить такъ съ кн. Голицынскимъ, предавая его анасемъ». Едва Фотій раскрывалъ ротъ для оправданія, государь заставлялъ его молчать, и около получаса горячо раскрывалъ нехристіанскій образъ его поведенія. Фотій испытывалъ глубокія страданія. Лицо государя было гнѣвно, слово было грозно, повелительно. Фотій старался на него не смотрѣть. Рѣчь свою государь прерывалъ лишь неоднократно вопросомъ: «понимаетъ ли Фотій, что говоритъ ему царь». Фотій смиренно молчалъ и ожидалъ. — Высказавшись, облегчивъ душу, царь ожидалъ оправданія. Фотій былъ готовъ. Сказать о своей ревности, онъ перешелъ къ обычной темѣ о злобѣ и политическихъ опасностяхъ государства. При этомъ Фотій сослался на св. Николая, который-де «ударилъ Арію въ лицо за дерзкую ложь, за что, нарочно прибавилъ онъ, отцы судили лишить ревнителя сана»... «Видишь, простодушно перебилъ царь, что съ Николаемъ сдѣлали!» Но Фотій заранѣе рассчитывалъ на такое замѣчаніе, и имѣлъ на-готовѣ ловкій отвѣтъ: «отцы судили; а Богъ прославилъ его». Царь удивился. Тогда Фотій похвѣлъ за *голеннище*, вытащилъ заранѣе заготовленный объ этомъ случаѣ листъ, вырванный изъ житія св. Николая, и далъ царю прочесть. Царь, прочитавъ, «устыдился», — немыслимо чего. Но Фотій сталъ на ноги. У него было еще много запасено эффектовъ подобнаго рода. Говоря о злобѣ и заговорахъ, Фотій то-и-дѣло представлялъ разные выписки и листки въ доказательство, вынимая ихъ изъ-за *голеннища*, изъ *обонъ* *рукавъ* и даже изъ-за *пазухи*. Тутъ былъ свой расчетъ. Впрочемъ, пусть лучше самъ Фотій расскажетъ, чѣмъ онъ сумѣлъ поразить «царя кроткаго, премудраго, благочестиваго»: «Многоя словеса глаголю съ дерзновеніемъ царю, вынималъ Фотій хартіи печатныя для доказательства всего, то изъ-за *рукава* *праваго*, то *лѣваго*, то изъ-за *сапоговъ*, гдѣ были на случай разные листы, выданные изъ книгъ, сокрыты непримѣтно: царь сему удивился. Между тѣмъ какъ пошелъ Фотій и въ *пазуху* доставать еще прилучившуюся подобную хартію, царь, внимательно все примѣняя, замѣтилъ нѣчто необыкновенное, и, движимъ любопытствомъ, бросился, раскрывъ грудь Фотія, осмотрѣть, и устрѣлъ, что Фотій во *власнаицѣ*, *желѣзникѣ* *вертегѣ*; и ври пазу грудь его, увидѣлъ язву глубокую на ней по *средѣ*». Эффектъ вышелъ полный, на что, очевидно, и рассчитывалъ проникательный фанатикъ: «царь былъ пораженъ, тронуть, и яко отъ огня велиаго,

восторгѣлся отъ стыдѣнія» и проч. Словомъ, Фотій сыгралъ свою роль такъ мастерски, что царь по прежнему становился будто предъ нимъ на колѣни, молилъ о разрѣшеніи, кланялся въ ноги и пр., разумеется, если можно только вѣрить рассказу такого историка, какъ Фотій.

Отъ государя торжествующій Фотій отправился къ «дщери-дѣвицѣ», описъ «весь въ великомъ потѣ, яко бы весь былъ съ кровію смѣшанъ; таковъ потъ произвелъ отъ тѣлесной слабости и отъ успія въ подвигѣ противу царя и отъ того, что стрѣлы отъ словъ царскихъ глубоко пронзали сердце его, и онъ былъ готовъ на всякъ часъ въ заточеніе». Серафимъ подивился Фотию, благословилъ его; но удерживать не сталъ. На другой день, предъ отъѣздомъ въ Новгородъ, зашелъ онъ къ митрополиту и, «подслушавъ его молитву», убѣдился, «что поминаетъ онъ въ молитвахъ своихъ многихъ мірскихъ, а Фотія не поминаетъ, между тѣмъ какъ ему говорилъ, увѣряя, что онъ молится о немъ всегда; Фотій же въ молитвахъ его нуждался».

Передавъ порученіе государя о вызовѣ митрополита Евгенія въ синодъ, Фотій отправился на покой въ свой Юрьевъ монастырь, достроивать храмъ Спасу, въ честь побѣды надъ врагами.

Но по всему было видно, что пѣсня Фотія была сыграна. Правда, онъ еще разъ былъ у государя, и черезъ гр. Аракчеева получилъ даже разрѣшеніе всегда являться по желанію своему въ Петербургъ; разрѣшеніе это выхлопотано было гр. Аракчеевымъ, вѣроятно, въслѣдствіе жалобъ Фотія на то, что митрополитъ очень неохотно и медленно даетъ ему разрѣшеніе на ѣзды въ столицу. Не даромъ Фотія вводили въ государю всегда секретно, по темнымъ лѣстницамъ («днемъ съ огнемъ»),—дѣло его было темное и темными средствами и путями велось. Быть можетъ, стыдился его и митрополитъ Серафимъ, котораго Фотій увлекъ на путь нетерпимости и тайныхъ подвиговъ противъ врага. По удаленіи ин. Голицина, въ виду примирительнаго настроенія государя, не было ни нужды, ни возможности продолжать ожесточенную борьбу даѣе. Ее вели другіе.

Что самъ государь, несмотря на всѣ уловки, эффекты, махинаціи Фотія, мало вѣрилъ въ чистоту его побужденій, а поступокъ его съ ин. Голицинимъ усматривалъ личному раздраженію, это заявляетъ и Фотій, который по этому поводу, для своего оправданія, писалъ особую записку, гдѣ показывалъ, что и ранѣе, еще въ 1817 г., онъ уже дѣйствовалъ противъ зловѣрія, не касаясь ин. Голицина. Записка эта подъ названіемъ: «Дѣла убогато Фотія съ 1817 по 1824. годъ противу тайныхъ обществъ»,

была доставлена государю 17-го июня, значить, через 4 дня послѣ свиданія съ государемъ, гдѣ Фотій такъ эффектно выставилъ свое подданничество.

Послѣ этой записки Фотій былъ приглашенъ гр. Аракчеевымъ въ Грузино, гдѣ и получилъ увѣреніе, что ему болѣе не должно опасаться неудовольствій за явленію на кн. Голицына.

Но Фотию не жалось спокоевно въ Юрьевѣ монастырѣ. Ему не давала покоя мысль, что библейское общество живетъ и дѣйствуетъ, несмотря на всѣ махинаціи враговъ его. Зная, по опыту, что политическія инсинуаціи самыя дѣйствительныя, онъ прежде всего старался увѣрить всѣхъ, что общество служитъ заветнымъ цѣлямъ англичанъ, желающихъ произвести въ Россіи революцію и истребить вмѣстѣ съ монархіей и православіе. Онъ писалъ въ этомъ духѣ митрополиту, министру Шиникову, гр. Аракчееву, вельможамъ, и, явля бесчисліе посланій, составилъ записку «о дѣйствіи тайныхъ обществъ на Россію черезъ библейское общество», которую и передалъ государю. Въ это-то время Аракчеевъ и выхлопоталъ у государя Фотию право всегда являться въ Петербургъ, такъ какъ у Фотія были вездѣ шпіоны и онъ могъ многое сообщить графу, которому государь поручилъ дѣла о библейскомъ и другихъ обществахъ, между тѣмъ митрополитъ «опасался» отлучать Фотія. Но постоянно теперь Фотій жилъ въ Юрьевѣ «и тамъ же была дочь его», гр. Анна.

Когда 6-го авг. Фотій былъ приглашенъ, отъ имени государя, явиться во дворецъ, «Серафимъ митрополитъ не безъ страха былъ», и даже на столицу это произвело тяжелое впечатлѣніе, что Фотій отмѣчаетъ, какъ свое торжество, заявляя, «что былъ всегда скрытанъ», и поэтому пріѣздъ его вызывалъ многіе толки. Но свиданіе съ государемъ на этотъ разъ было краткое и касалось душевнонаслѣдныхъ предметовъ: говорилось «о душевной пользѣ, много о спасеніи души»; Фотій однако успѣлъ вручить и на этотъ разъ государю «записку о тысячелѣтнемъ чувственномъ Христовомъ царствѣ на землѣ», въ виду-де того, что «самъ царь поврежденъ былъ въ познаніяхъ истиннаго вѣри». Въ запискѣ вновь раскрывалось ученіе о числѣ вѣтриномъ (666), о предполагаемой будто бы революціи въ 1836 г. Затѣмъ еще писалъ онъ «о тысячелѣтнемъ царствѣ», гдѣ обличались «мнѣшій сумасбродъ, несчастивецъ Штидлингъ и безумная баба Гюнгъ, новоявленныя».

Однако инсинуаціи Фотія, видимо, теряли силу. Повторялось одно и то же, онъ думывалъ въ себѣ нерасположеніе государя своимъ рѣзкимъ полемическимъ тономъ и нетерпимостью.

Видя, что дѣло затягивается, Фотій наготовилъ «небудителъ»

ную записку» для государя, принять мѣры немедленно. Замисля эта нодъ саглаіемъ: «записки настоятелямъ, дабы взять рѣшительныя мѣры къ прекращенію революціи, готовимой въ тайнѣ», была доставлена государю 7 авг. 1824 г.

Въ этой запискѣ авторъ настаиваетъ на необходимости нѣкоторыхъ «выслать изъ столицы навсегда» и держаться прежде поданнаго имъ государю плана дѣйствій. Фотій говоритъ, что «партизаны» вовсе не разсаялись и только ищутъ случая снова вторгнуться въ милость государя; они а) «домогаются занять снова свои позикѣ»; б) «грозятъ смертію и лѣтя», они «будутъ сатанинскіе способы изобрѣтать, дабы истребить преданныхъ престолу и церкви, или ихъ перессорить». Аргументація Фотія для защиты предлагаемыхъ имъ мѣръ слѣдующая: хотя сердце царю въ руцѣ Божіей, но царь дѣйствовалъ иногда не такъ сверо, какъ надобно было, отчего и необходимо принять «внушеніе Фотіева». Какъ два глаза, двѣ руки, двѣ ноги близки между собою, и весьма соединены, такъ въ государствѣ соединены церковь и гражданство, а посему теперь нѣчто рѣшительно начатое надо додѣлать «скрытно», дабы предотвратитъ собраніе «партизановъ» и политическую опасность.

Что дѣло Фотія не вызывало сочувствія въ обществѣ и даже духовенствѣ, и что онъ теперь одиноко стоялъ и держался, только благодаря силѣ придворной арапчьевской партіи, это высказывается и Фотій. «Жатва открылась въ сіе время, — унимо говоритъ онъ, — но жателей было мало; поприще преславное Богъ открылъ всѣмъ на ономъ подвизаться, но изъ всѣхъ почти никого не обрѣтаюсь избранныхъ». «Отъ архіереевъ, ректоровъ и всѣхъ духовныхъ учителей нѣмто устъ своихъ не отверзая противу алу дѣйствовать въ своихъ мѣстахъ». Фотій говоритъ только о «старцѣ Герасимѣ» въ Москвѣ, ревновавшемъ противу нечестія, но прибавляетъ, что этотъ архимандритъ «не въ числѣ ученыхъ, не простецъ», затѣмъ какой-то попъ Михаилъ; а «изъ мірянъ» — сенаторъ Бикинъ и попечитель казанскаго учеб. округа Малиницкій въ это время только и «орудовали». Малиницкій 24-го мая прислалъ митрополиту торжественное отреченіе отъ библейскаго общества, съ выраженіемъ неблагонадежности послѣдняго. Предсѣдателемъ этого общества былъ теперь Серафимъ митрополитъ. На имя его 23 авг. 1824 г. было получено любезное поощрительное писмо отъ президента англійскаго общества, съ выраженіемъ единства въ стремленіяхъ на пользу религіи; Фотій ядовито и подозрительно смотрѣлъ на это «лестное писаніе» и старался найти здѣсь указаніе на политическій заговоръ; не этому

случаю онъ жегано оспивается обь архіереехъ, участникахъ въ этомъ обществѣ. «Самые ученые архіереи, — говоритъ онъ, — сдѣлались послушными рабами иновѣрцевъ, и навывнувъ разнымъ толкамъ, водимы отъ духа вражя, усердно согласились истинное слово Божіе на славянскомъ церковномъ нарѣчій св. церковію принятое перочить и новое свое сдѣлать, когда сѣли въ собраніи для перевода св. писанія на простой площадной русскій языкъ». Реплика Фотія теперь главнымъ образомъ направлена была противъ Павскаго и Филарета; о послѣднемъ Фотій говоритъ, что «предъ Богомъ и св. церковію онъ никакого обвиненія не заслуживаетъ. Въ подписание на начертанію исалтыри на рускомъ языкѣ, или согласии съ цѣлями общества противу церкви и государства русскаго, или по невѣжеству и малоувѣрью, или по челоуѣоугодію, или страха ради, дабы не лишиться чести и отличій». Другихъ мотивовъ Фотій не допускалъ. Далѣе онъ говоритъ, что «и Гавгорій архіерей много также въ переводѣ священныхъ писаній виновенъ: *кто имѣетъ разумъ, тотъ ясно усмотрѣтъ испорченность новаго завѣта въ самихъ важныхъ словахъ, на коихъ догматы церкви стоятъ*».

Но въ этой послѣдней борьбѣ Фотію уже было тяжело, да и нечего было дѣлать въ Петербургѣ; онъ удалился въ Юрьевъ монастырь, гдѣ 22 октября и освятить храмъ Спасу «о пяти главахъ», въ знаменіе «необбды и одолбнія на враговъ видимыхъ и невидимыхъ».

Отнынѣ прекращается общественная дѣятельность и сила Фотія, какъ агитатора и ратоборца. Онъ ясно видѣлъ, что теперь сталъ всѣмъ въ тягость, что не только враги, но и приспѣшники стали чуждаться его, когда онъ сталъ имъ не нуженъ. Правда, не скоро еще Фотій уходилъ, но звѣзда его меркла и ему оставалось проводить дни свои въ обществѣ «дщери-дѣвочки», которая перебралась изъ Петербурга въ Юрьеву монастырю, гдѣ купила домъ и имѣніе. Самъ Фотій сознавалъ, что его дѣятельность и вліяніе на общество кончились; но крайней мѣрѣ, на этой знохѣ прерывается его существованіе о самомъ себѣ.

KV.

Объ непрерывномъ автобіографіи Фотія, свѣдѣніи объ его жизни и дѣятельности дѣлаются не такъ подробны. Кромѣ упомянутой нами рукописи келіарка Фотія, мы будемъ теперь руководиться и печатными матеріалами; вторыхъ довольно полный сводъ сдѣ-

дать въ статьѣ Е. П. Барновска о Фотіѣ. Что касается достоверности «Сказанія» велиарха, то мы уже имѣли случай замѣтить, что оно имѣетъ апологетическую задачу и въ этомъ отношеніи стоитъ на одномъ уровнѣ съ сочиненіемъ Елагина о гр. Аннѣ, отличающаеся, впрочемъ, болѣею искренностью. Елагинъ сочинялъ по заказу, а велиархъ писалъ въ свое собственное назиданіе и на память. Впрочемъ, всякій можетъ легко оцѣнить достоверность тѣхъ или другихъ данныхъ, соображая ихъ уже съ опредѣлившимся характеромъ Фотія.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Николая Павловича Арачевъ потерялъ свою силу, а въ лицѣ его и Фотій лишился могущественнаго покровителя. Хотя въ первое время государь еще терпѣлъ Фотія, даже подтвердилъ разрѣшеніе являться въ Петербургъ и прямо писать своему государю ¹⁾, но заѣзда Фотія закатилась. Крѣпкая воля императора не нуждалась въ содѣйствіи монаха; государь вообще не любилъ «потайныхъ» путей, которыми шелъ Фотій. Фотія забыли, и даже при посѣщеніи государемъ Юрьева монастыря онъ лишь удостоился одобренія «за отличное устройство и чистоту», безъ особыхъ наградъ; а между тѣмъ, по повелѣнію государя, около того же времени, Фотій былъ высланъ въ синаду «для обученія прелитію». Дѣло, какъ извѣстно, произошло тамъ. Государь посѣтилъ монастырь. Фотій замедлилъ встрѣчею и явился въ богатой расѣ; благословляя государя, Фотій протянулъ ему руку для поцѣлуя. Императоръ тогда же признавалъ за такую дерзость изгнать Фотія въ Петербургъ, гдѣ въ теченіи двухъ недѣль надлежало обучать его смиренію. Только заступничество гр. Анны спасло Фотія отъ позорности.

Удаленный изъ Петербурга, утративъ значеніе въ глазахъ духовнаго начальства и вліяніе при дворѣ, Фотій сдался своему монастырю и осуществленію своего идеала. Какъ натура недюжинная, онъ однако же не вылаживался въ рамки обиходной монашеской жизни, но часто выходилъ изъ нея, порою «чуждаясь», порою возмущался до самоотверженнаго аскетизма, порою вдавался въ противоположную крайность. Можно думать, что сильное вліяніе на его жизнь въ эту эпоху особенно оказывало его слабое здорѣе. Окруженный войми удобствами, даже роскошью, благодаря тѣмной заботливости графини Анны, которая теперь уже неразумно жила при монастырѣ, онъ излѣчалъ, на другія не могъ пользоваться. Правда, онъ ходилъ въ шелковыхъ и бо-

1) Разрѣшеніе было дано 6 февраля, а лѣтисъ 18 марта 1826 г.

бросили раскаты, отняли деньги; но ему приходилось сидеть за роскошным столом и не иметь возможности употребить нищи, благодаря хроническому катарру желудка. Нить сомнения, что фанатический аскетизм усиливал его болезни; но так же несомненно, что морень самого аскетизма лежала въ болезненной натурѣ Фотія. Одно обуславливало и усиливало другое, немаловажно, надломленный и изможденный организм не отказался служить природу нельзя оскорблять безнаказанно.

Но, съ другой стороны, могла ли быть дорога для Фотія эта жизнь, гдѣ онъ, развѣнчанный, забытый, служилъ причею врагамъ своимъ? Фотій пережилъ себя нравственно: и онъ не задумывался умерить себя физически. По крайней мѣрѣ на эту мысль наводитъ простой и искренній рассказъ его довѣреннаго каліарка, безкритично передаваемаго его жизнь въ послѣднюю эпоху.

Въ монастырской жизни Фотій былъ суровъ и причудливъ. Монахи были невѣжественны и распущены, — помню, что Фотию не мало было труда привести ихъ «къ благочинію». Фотию приходилось наставлять и давать наставленія монахамъ о такихъ вещахъ, которыя говорятъ о крайнемъ неблагодѣіи въ монастырѣ. Такъ, Фотій составлялъ даже письменное внушеніе «о постыдномъ дѣлѣхъ нищи», причемъ замѣчается, что «несытость исполненныя утробы готовы все пожрать, дабы моментъ своей небыти, а потомъ спать отъ лѣности; они хватаются и сидѣть не только то, что должно, но и дѣлать за двухъ за трехъ». Вообще Фотій, понимавшій благочестіе всегда съ внѣшней стороны обряда и формы, ревностно заботился объ изгнаніи изъ монастыря «чревобѣсія» и писалъ обширныя наставленія о пищѣ, «о зельяхъ сыѣдныхъ». Иногда онъ наказывалъ лишеніемъ пищи монаховъ за увлеченіе етъ богослуженія и призывалъ: «не топить кухни, не поджигать огня и не варить ничего, потому что всѣ крылосные не были въ церкви у утрени». Тамъ дѣлавалось въ старыхъ бурсахъ, и Фотій перенесъ эти порядки въ монастырь. На хлѣбъ и на водѣ «въ смиренной» содерживалъ монаховъ по мѣсцу и болѣе. Но сама же гр. Анна дѣлами обозами присылала сыѣстные припасы въ монастырь, такъ что не только монахи могли предаваться «чревобѣсію», но и «построникъхъ ѣдомовъ ушнѣвали яко снѣжей, не знающикъ тому», противъ чего Фотій такъ же повстаѣлъ, тѣмъ болѣе, что бѣдный народъ въ монастырѣ не только на мѣстѣ наѣдался до ошала, но «кушамъ и котомкамъ» уносилъ хлѣбъ и домой. «Развѣ у насъ хлѣбъ мякина, — пишетъ Фотій, — что его столько даютъ и имъ не дорожатъ!» При монастырѣ были устроены «страшницы»

для мужчинъ и женщинъ. Въ этихъ «странницахъ» происходили великіе беспорядки и неблагообразія дѣла, на что жалуются и самъ Фотій, говоря, что прожизваніе женщинъ при монастырѣ мужскомъ «и Богу негодно, и моленіе имъ не на пользу».

Больницы при монастырѣ не было, но было устроено помѣщеніе для больныхъ женщинъ. Въри въ свое призваніе, Фотій вѣрилъ и въ свою силу изгонять бѣсовъ. Но и бѣснѣе не мало принесли хлопотъ Фотію. Вотъ какой эпизодъ приводитъ г. Карновичъ въ своей статьѣ о Фотіѣ. «Въ устроенную Фотіемъ больницу для бѣсныхъ явилась однажды молодая дѣвушка, бывшая фигуранткой на петербургскомъ театрѣ. Она объявила, что одержима нечистыми духомъ. Фотій принялся отчитывать ее, поручивъ ближайшій за нею надзоръ молодому своему вельчанину, который доносилъ ему, что Фотина Павловна (такъ звали дѣвушку) проводить все время въ молитвѣ, а самъ между тѣмъ сошелся съ нею и такимъ образомъ обманывалъ Фотія. Орлова была сильно раздражена пребываніемъ Фотины въ Юрьевомъ монастырѣ, и, какъ рассказываютъ, хотѣла дать ей половину своего состоянія, съ тѣмъ однако, чтобъ она ушла изъ монастыря и не дѣлала бѣдъ Фотію. Между тѣмъ Фотина стала собирать около себя окрестныхъ дѣвушекъ, которыя во множествѣ сходились въ монастырь, одѣтыя въ ктоны. Молва объ этомъ дошла до губернатора, который, при содѣйствіи архіерея, положилъ конецъ такимъ собраніямъ, причеиъ Фотина, щедро надѣленная отъ Фотія деньгами, была отправлена въ переславскій женскій монастырь. Однако Фотій и неглѣзъ щедро надѣлялъ ее деньгами. По смерти Фотія Фотина вышла замужъ за своего кучера, отъ котораго она и умерла вскорѣ.

Живя въ монастырѣ, Фотій располагалъ значительными матеріальными средствами, благодаря щедрости гр. Анны. Колліархъ ¹⁾ его говоритъ, что столъ у Фотія всегда отличался изысканною роскошью, и «за нимъ всегда довольно было кушанья изъ самыхъ лучшихъ рыбъ, каковыми можно только было отыскать въ тамошнихъ мѣстахъ». Но, угасая другихъ, Фотій, на ужинѣ по крайней мѣрѣ, приготавливалъ себѣ своеобразное кушанье. Онъ крошилъ хлѣбъ въ хрустальную кружку, наливалъ туда крѣпу, и «наливая кружку водою и несоливши, ѣлъ, припивая хрѣвкою водою, не ложкою, а просто рукою вынималъ кусочки и ѣлъ». Здѣсь, очевидно, подразумѣваются еще домашніе навики Петра Спаскаго, когда онъ то питался травою, то ѣлъ «дубовые орѣхи» —

¹⁾ См. стр. 3.

жолуди, печеные и сырые, а хрѣномъ лечился. Въ то же время онъ отказывался пить чай и кофе, «называя оный либо сатанинъ, либо прѣлымъ», а вмѣсто того выпивалъ стаканъ горячей воды; подобнымъ же образомъ отказывался онъ и отъ вина, называя нѣтъ то «невыстоявшимся, то окислымъ» и развѣ нарѣдка выпивалъ рюмку, но гостей и братію всегда угощалъ «въ удовольствіе».

Одѣвался Фотій роскошно, «въ шелкахъ и бобрахъ ходилъ», какъ и прилично настоятелю, имѣющему монастырскій источникъ средствъ.

Въ домашней жизни Фотій былъ простъ и дѣтственъ; онъ повсюду ходилъ по монастырю, за всѣмъ наблюдалъ самъ; во время утрени самъ осматривалъ келіи монаховъ; при постройкахъ поднимался по лѣсамъ и во все входилъ лично. Лѣтомъ работалъ въ саду, ковалъ съ братіей землю, скапывалъ и сажалъ деревья, «отрѣзывалъ «неприличные» сучки», чистилъ дорожки. Любя опрятность, онъ строго выноскивалъ съ братіи за нечистоту. Келіархъ считаетъ Фотія проводцемъ и говоритъ, что онъ зналъ всѣ тайны и явные грѣхи монаховъ и всегда «накрывалъ ихъ», что называется, внезапно. Трудовая жизнь Фотія вносилъ согласна съ навыками его первоначальнаго дѣтства и домашней жизни.

Но что при внѣшней простотѣ жизни Фотій вовсе не былъ простакомъ, объ этомъ говоритъ и келіархъ его. «При частомъ моемъ съ арх. Фотіемъ обращеніи, — пишетъ онъ, никогда не могъ я угадать *настоящее* его характера, — ибо всегда оный прикрывалъ онъ разными образами и видами». Одна черта выдѣлается у него — это вспыльчивость, вслѣдствіе чего онъ иногда не только обругаетъ провинившагося, но и побьетъ его, — юная черта съ дѣтства известная Фотію, который еще въ семинаріи чуть не до смерти прибилъ своего брата за противорѣчіе.

Въ то же время Фотій иногда, что называется, «чудилъ», творя разные «неудобности». Независимое положеніе Фотія давало ему полную для этого возможность. Такъ, онъ обругаетъ человека, а потомъ начинаетъ его хвалить и даже посылать ему деньги. Келіархъ рассказываетъ, что съ нимъ бывали подобные случаи.

«Въ бытность мою уставникомъ по клирезу, — пишетъ онъ своею обычно-несвязною рѣчью, — какъ церковь отдѣляется одною стѣною отъ келій настоятелей, въ конѣ были и отеканнныя двери, а по-сему очень слышно было настоятелю чтеніе и пѣніе; то иногда, по мнѣнію моему, пѣніе было очень хорошее и пріятное, но, вмѣсто благодарности, настоятель, принимая къ себѣ, дѣлалъ мнѣ довольно строгіе выговоры и даже случалось, что, ударяя меня сверхъ камлаванъ, *сбивалъ оную съ плечъ на полъ, каковое*

это строгое обращеніе заставляло меня ожидать еще худшихъ наказаній, но, вмѣсто того, онъ, самъ поднимая камиллаву, надевалъ на мою голову, говоря: «ну, пожалуйста не подавай на меня просьбы, что я приблѣлъ тебя и убирайся съ глазъ долой». Такимъ образомъ выходилъ я отъ него въ сильной скорби и, такъ сказать, ни живъ, ни мертвъ; но, вмѣсто наказанія, пришедши въ свою келію, при снятіи мною камиллавы, выпадали изъ оной деньги, иногда рубл. 100, иногда 50, а иногда 200 ассигн.» Подобныя исторіи повторялись не разъ. Когда послѣ подобной операціи, находились битые, которые приходили благодарить настоятеля «за оказанную милость», то онъ ругалъ ихъ и обзывалъ клеветниками, — «я-де ничего не знаю».

1832-й годъ келіархъ Фотія отмѣчаетъ какъ особенный, совершившій поворотъ въ жизни аскета, который теперь, совершенно отрекаясь отъ міра, роздалъ «всѣ имѣвшіяся у него вина, чай и кофе, конхъ часть даже въ рѣку вбросилъ, а посуду всю отдалъ въ братскую кладовую, а равно одѣянія и прочія вещи, излишне его украшавшія, роздалъ братіи, а вмѣсто оныхъ украсилъ свою келію иконами, и предъ оными лампадами, въ конхъ возжегъ неугасимые свѣтильники съ елеемъ». Келіархъ не объясняетъ причинъ этого поворота въ жизни Фотія, но «правило», назначенное Фотіемъ для себя съ этого времени, говоритъ, что мотивъ былъ силенъ и глубокъ. Вотъ что наложилъ на себя Фотій и «выполнялъ до кончины своей жизни неопустительно».

Начиная съ 11 ч. ночи онъ читалъ полунощницу, до 1-го часа; по 1-му часу читалъ на распѣвъ часть 1-й, а по окончаніи онаго пѣлъ тропарь «Богородице Дѣво»... 12 разъ, и по каждомъ тропарѣ полагалъ по столько же поклоновъ; по семъ пѣлъ «Ублажаемъ ты»... до конца, и, сотворивъ поклонъ, прикладывался къ образамъ. Въ 2 ч. по-полудни читалъ 3-й часъ, въ 5 ч. пѣлъ шестой часъ; въ 8 ч. читалъ девятый часъ, «конъ всѣ часы и полунощницу отправлялъ съ тропарями и поклонами».

При этомъ Фотій не имѣлъ будто бы даже и особой постели у себя, а ложился на диванъ и притомъ «не разуываясь и не раздѣваясь, въ той одеждѣ, въ какой ходилъ днемъ». Литургисалъ ежедневно, и когда куда-либо отправлялся, бралъ съ собою запасные дары, и ежедневно причащался. Послѣ обѣдни обыкновенно выпивалъ онъ чашку горячей воды съ сахаромъ, въ прикуску, иногда съ вареньемъ. Послѣ этого читалъ псаломъ: «Благословлю имя Твое»... до конца, по чину о панагії, и садился за обѣдъ.

За обѣдомъ подавались: щи, хлѣбъ, квась, кашница изъ какихъ-нибудь крупъ, сваренная въ одной водѣ, безъ всякихъ при-

правъ; по праздникамъ *три* кусочка сельди, иногда—овсяный кисель,—«въ кои купанья вливалъ онъ по малу елея изъ горячей лампы предъ Богоматерью».

Послѣ обѣда садился писать или читать божественныя книги до «правила». Вообще письмо и чтеніе составляло теперь главное занятіе Фотія въ свободное время. Въ это-то досужное время, можетъ быть, онъ написалъ и свою автобіографію.

Еще болѣе суровый аскетизмъ проявлялся съ наступленіемъ поста. Въ это время Фотій выполнялъ строго обѣтъ безмолвія: въ первую и послѣднюю седмицу великаго поста, если вѣрять келіарху, Фотій не произносилъ ни одного слова и приказанія и распоряженія дѣлалъ письменно; всю недѣлю проводилъ онъ въ церкви: «въ оную еще до начатія утрени войдя прежде всѣхъ, не исходилъ изъ оной всю первую седмицу, кромѣ тѣлесной нужды, читалъ всегда шестопсалмія и поученія, также и неусыпнаго моленія держалъ чреду, какъ и прочіе іеромонахи, по особому положенію устава монастырскаго»; все время проводилъ почти безъ пищи.

Благодаря продолжительности богослуженія, строгости правилъ, подвижничеству Фотія, въ монастырь шли толпами богомольцы, и слава о немъ росла и распространялась.

Аскетизмъ не мѣшалъ, однако, Фотию по прежнему по временамъ громить въ своихъ проповѣдяхъ «духъ времени», обличать знатныхъ людей въ уклоненіи отъ вѣры и обрядовъ церкви. При массахъ богомольцевъ слухъ объ обличеніяхъ Фотія достигъ до Петербурга, гдѣ вліятельные люди просили митрополита ограничить и умѣрить обличительную ревность аскета. Дѣло дошло и до государя. Когда Фотию было предложено ослабить обличительный пылъ проповѣдей, онъ совсѣмъ отказался писать ихъ, и съ тѣхъ поръ, какъ увѣряетъ келіархъ, Фотій произносилъ только печатныя проповѣди, «приличныя случаю».

Значительный приливъ богомольцевъ, особенно женскаго пола, проживавшихъ недѣли и мѣсяцы при монастырѣ, не могъ не породить нѣкоторыхъ недоумѣній. Кто-то доложилъ м. Серафиму, что богомолки, къ общему соблазну, живутъ здѣсь мѣсяцами, что весь вѣншній декорумъ святости, аскетизма, обрядности есть только приманка для народа, который «не ревности ради и пользы душевной стекается въ Юрьевскую обитель, а подавнія ради, даваемого арх. Фотиємъ и графинею для прославленія симъ народнымъ стеченіемъ», и что «на клиросахъ уже поютъ дѣвицы» ¹⁾.

¹⁾ Сказан., стр. 10.

Митрополитъ сдѣлалъ распоряженіе («повѣря влечетникамъ», пишетъ келліархъ,—но слухи были правдоподобны), чтобы Фотій «изъ собственныхъ рукъ отнюдь никого изъ богомольцевъ самъ не приобщалъ, но очередной служащій іеромонахъ, а частныхъ посѣтителей и часто причащающихся богомольцевъ немедленно высылать изъ обители, и въ гостинницѣ, внѣ монастыря для богомольцевъ выстроенной, не позволять ночевать никому болѣе одной ночи».

Предписаніе это до глубины души поразило и встревожило Фотія. Келліархъ говоритъ, что съ этого времени онъ началъ больше хворать, и болѣзнь его съ каждымъ днемъ усиливалась.

Келліархъ всѣ упомянутые слухи приписываетъ вражьимъ наветамъ.

Изъ домашней жизни Фотія онъ передаетъ нѣсколько случаевъ тайнаго благотворенія монастырямъ. Какъ благочинный окружающихъ монастырей (Деревянницкаго, Кирилловскаго, Антоніева и др.), Фотій, конечно, зналъ ихъ бѣдность и нужды; по своимъ соображеніямъ онъ предпочиталъ форму тайныхъ подацій. Для этого онъ обыкновенно приказывалъ келліарху, какъ близкому и довѣренному лицу, переодѣться въ крестьянскій костюмъ, и затѣмъ, нанявъ извозчиковъ, отвезти хлѣбъ отъ чужого имени въ монастырь, по назначенію Фотія. Подобнымъ же образомъ отъ имени неизвѣстнаго посылались иногда и деньги.

Слабое и безъ того здоровье Фотія, обезсиливаемое аскетизмомъ суровой жизни, подорванное душевными непріятностями, видимо угасало. Въ февралѣ 1838 г. Фотію такъ сдѣлалось плохо, что онъ съ трудомъ могъ служить. Масляницу еще кое-какъ онъ служилъ; но съ началомъ великаго поста, лишившись совершенно силъ, онъ уже не выходилъ изъ келіи. Вотъ какъ описываетъ келліархъ послѣднія минуты Фотія предъ смертью.

«При наступленіи первой седмицы великаго поста, Фотій хотя и чрезвычайно страдалъ отъ внутренней болѣзни, обнаруживавшейся частымъ кровотеченіемъ, и хотя мы (келліархъ и гр. Анна) усиленно просили его объ оставленіи до выздоровленія принятаго имъ на себя «правила» и безмолвнаго уединенія, но онъ, пренебрегая всѣми своими страданіями, не внимая нашимъ слезнымъ просьбамъ, оставивъ у себя св. дары и одинъ графинъ св. воды, затворился въ своей келіи на совершенное безмолвіе и безпомощное страданіе и такимъ образомъ пребывалъ до среды первой седмицы. А въ среду, не возмогши перенести сильныхъ страданій, допустилъ до себя меня и графиню и при сильной и убѣдительной нашей просьбѣ о приглашеніи доктора,—сказалъ

намъ сіи слова: «Теперь творите со мною, что хотите; видя ваши страданія и слезы, не могу вамъ отказать; только знайте, что мнѣ всѣ докторскія пособія ни мало не помогутъ и никто изъ смертныхъ, кромѣ Врача небеснаго».

«Мы же, видя его хотя и невольное согласіе на наши просьбы, немедленно призвали корпуснаго доктора и другихъ двухъ для консилиума; по докладѣ же о прибытіи докторовъ, приказалъ Фотій себя вести изъ той келіи, въ коей онъ подвизался, въ другую: «ибо въ сей келіи, — сказалъ онъ, — мѣсто не земнаго врача, а престолъ Врача небеснаго». Послѣ сихъ словъ вывели его изъ той комнаты въ другую, имъ назначенную; увидѣвши врачей, прежде всего сказалъ къ нимъ, показывая на насъ: «вотъ эти плаксы предають меня вамъ въ руки; дѣлайте со мной, что хотите». И началъ онъ рассказывать намъ свою болѣзнь, которая заключалась во внутреннемъ палящемъ нетерпимомъ огнѣ. При всѣхъ докторскихъ познаніяхъ и стараніяхъ, не получилъ онъ себѣ отъ нихъ вспоможенія въ страданіи; только и примѣтно было нѣкоторое успокоеніе по причащеніи св. таинствъ, кои ему приносили были по совершеніи литургіи. А въ четвертокъ вторыя недѣли поста, передъ вечеромъ, лишился онъ возможности и говорить; и лежа на диванѣ, и смотря на всѣхъ приходящихъ и плачущихъ о немъ, часъ отъ часу дѣлался покойнѣй. А въ пяттокъ, по совершеніи литургіи, пріобщился онъ св. таинъ, какъ замѣтно, съ великимъ удовольствіемъ. Въ первый же часъ ночи февраля 26, 1838 г., съ пятка на субботу, предаде душу свою Господеву».

Смерть Фотія скоро разнеслась по окрестностямъ; монастырь переполнился посѣтителями, которые день и ночь служили панихиды по умершемъ; въ кельѣ у него было такъ тѣсно, что, по замѣчанію келліарха, «погашались свѣчи въ подсвѣчникахъ передъ евангеліемъ и гробомъ, хотя свѣчи и довольно были толщину». Похоронили Фотія на 9-й день, въ «мраморномъ гробѣ», который Фотіемъ заранѣе былъ приготовленъ, подъ алтаремъ прідѣла св. Анны, устроеннаго Фотіемъ въ честь графини Анны.

С. Миропольскій.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

Въ домѣ Ѳеодота Семеныча дѣла шли по-прежнему неладно: Кирила почти не работалъ, часто пропадалъ куда-то изъ дома, нерѣдко возвращался пьяный, вообще былъ мраченъ, молчаливъ и озлобленъ; съ женой почти не говорилъ, отворачивался отъ нея, и на ея робкіе вопросы отвѣчалъ или бранью, или насмѣшкой. Послѣ извѣстнаго разговора съ матерью, когда онъ признался ей въ своей нелюбви къ женѣ и въ намѣреніи уйти изъ дома, онъ уклонялся и отъ бесѣды съ Ѳеодосеею Осиповной, отъ ея ласкъ и материнскихъ нѣжныхъ заботъ: изъ нѣкоторыхъ намековъ старухи онъ замѣтилъ, что если она не знаетъ ничего опредѣленнаго объ его новыхъ отношеніяхъ и намѣреніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, что-то подозреваетъ, желаетъ выспросить его и повліять на него въ пользу жени. Кирила замѣтилъ также, что старуха-мать стала снисходительнѣе и ласковѣе къ Аннѣ и даже раза два вступилась за нее, когда онъ къ ней придирался. Это сердило Кирилу и онъ сталъ набѣгать матери, что очень ее огорчало и мучило. Она твердила Аннѣ, что надо непременно поссорѣе сходить къ знахарѣй, но нужно было это сдѣлать, разумѣется, такъ, чтобы не зналъ ни мужъ, ни Ѳеодотъ Семенычъ. Въ ближайшее воскресенье выпало такое благоприятное

*) См. выше, ноябрь, 187 стр.

время: Федотъ Семенычъ уѣхалъ дня на два по дѣламъ волости, а Кирила, тотчасъ послѣ его отъѣзда, собрался уходить изъ дома, и на вопросъ матери: придетъ ли обѣдать?—отвѣчалъ, чтобы не ждали ни обѣдать, ни ужинать...

— Куда же ты это, Кирюшенька, пропадешь на цѣлый день?—спросила-было мать.

— Да что я: малолѣтокъ, что ли, сказываться вамъ?.. —огрызнулся Кирила. — Куда вздумается, туда и пойду... Не съ вами ли сидѣть, да бабы разводить?.. То-то любо, подумаешь!..

И онъ ушелъ, хлопнувши за собой дверь.

И мать, и жена замѣтили, что онъ жирно намазалъ масломъ волосы на головѣ, долго расчесывалъ ихъ передъ зеркальцемъ, надѣлъ новую ситцевую рубашку, хорошую поддѣвку и новыя сапоги.

Онѣ переглянулись между собой, когда дверь за нимъ захлопнулась, и нѣкоторое время, молча, грустно потлаживая одна на другую, прислушивались къ шагамъ Кирила на мосту и по лѣсенкѣ крыльца.

— Опять, видно, къ своей пошелъ... къ подлой... — вздохнувши, проговорила Анна, когда не стало слышно шаговъ мужа. — Ахъ, ты, Господи, Господи!.. Опять, пооди, что-нибудь понесъ къ ней... Давно ли овесъ обмолотили, ужъ весь, почитай, продалъ, а гдѣ денежки—не вижу... Ахъ, горе наше, горе!..

— Сходи, дурочка, къ гадалкѣ... Сходи, говорю... Вотъ те-перь ни его, ни отца, цѣлый день не будетъ, никто не хватится... Сбѣгала бы тѣмъ часомъ сейчасъ...—говорила Федосья Осиповна.

— Да съ чѣмъ я, матушка, пойду?.. Къ гадалкѣ съ пустыми руками не пойдешь, а у меня мѣдной копѣйки нѣтъ...

— Дамъ я тебѣ, дурочка, дамъ... Двѣ двугривенныя дамъ, только сходи... Погадаетъ—только одну двугривенну дай, а скажетъ что въ пользу, али снадобья дастъ, и другую отдай... Цѣловый-рупу общай, коли попроситъ, только бы *дала* да пользу сдѣлала—и рубля не пожаждю, дамъ... А то еще маслаца, да яичекъ захвати—подашь, какъ придеши, чтобы ее поманить-то, чтобы гадала-то хорошененько... Собирайся, да пооди, говорю...

— Больно мнѣ страшно, да и стыдно никакъ... Гдѣ ее найдешь, какъ взойдешь, что скажешь?.. Срамотушка!..

— То-то, дурочка... А ты спроси меня какъ... Порхачево знаешь... Иди прямо въ Порхачево, а придеши: спроси гадалку Арину—укажутъ... Станутъ спрашивать: почто нужно? скажи: пронажа въ дому сдѣлалась... Она и на пропажу раскладываетъ... А къ ней придеши, поклонись пониже, да на поклонъ-то подай

перво, кто принесешь, да попроси погадать... А станешь гадать: о чем?... Ну и скажи о судьбѣ своей и все свое горе открой, ничего не таи... Съ ней таиться нечего... Все равно, ей карта все покажетъ: онѣ такі люди, имъ видно!.. Узнаешь, она кто такая, такъ проси отворота, а не узнаешь, не покажетъ карта: на себя приворота проси...

— А не грѣшно, матушка?..

— Кабы ты дѣвка была, али на чужого человѣка приворота просила, то грѣхъ, и я бы тебя не послала, а ты объ своемъ законѣ тужишь: мужа воротить хочешь... Какой тутъ грѣхъ, дурочка!.. Развѣ бы я стала посылать тебя, коли бы грѣшно-то было?.. чай, я сама крещеная: грѣха-то боюсь не меньше тебя... Ступай-ка, ступай сморѣй, безъ сумлѣнія, покажь время есть...

— До Порхачева-то, вѣдь, матушка, верстъ пятнадцать, что больше: туда да назадъ болѣ тридцати будетъ.. Пѣшая-то я свороли сбѣгаю: ближе ночи не ворочусь... А какъ онъ придетъ, а меня нѣтъ...

— Такъ что же? И того лучше: лошадь-то дома... Лошадь возьми, заложь, да и поѣзжай... Вотъ!.. И того лучше: на лошади съѣзди... Дай карьѣ-то овсеца, да и сама бы перекусила...

— Ну, ужъ мнѣ и кусокъ-отъ въ горло нейдетъ... Вотъ карьѣ развѣ овсеца дать и вправду покажь... отвѣчала Анна, и стала поспѣшно собираться.

Опусти глаза, стараясь не смотрѣть въ сторону, проѣзжала Анна чрезъ свою деревню: она боялась, что кто-нибудь изъ сосѣдокъ остановитъ ее, станеть спрашивать: куда поѣхала, и она не сумѣетъ отвѣтить такъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, не обратить особеннаго вниманія на свою пѣдаду. Съ жгучимъ, тоскливымъ любопытствомъ, съ надеждою и невольнымъ страхомъ въѣзжала она въ Порхачево. У первой астрѣиной бабы Анна спросила: гдѣ живетъ у нихъ гадалка.

— Гадалка-то?.. Есть, есть такая,....— отвѣчала баба.— Живетъ точно... и гадасть.. Сказываютъ: отгадываетъ, точно... Тебѣ погадать, что-ли?..

— Нечтѣ...

— Сказывали тебѣ, что-ли, про негъ?..

— Нечтѣ.

— Это, стало быть, тѣку. Арину тебѣ нужно, Арину Панкратѣеву... Такъ ли, тебѣ сказывали—ту?..

— Сказывали только, что въ Порхачевѣ, у васъ, живетъ... Гадасть, чу...

— Ну, есть, есть... Это она самая и есть... Тѣтка Арина...

Больше никакой другой нѣтъ: одна она у насъ гадасть... Бываетъ, сказываютъ, сходится больно хорошо... Сама-то я не гадывала, не доваживалось, а отъ людей слыхала: одобряютъ, благодарятъ... А у тебя что же, несчастнице, что ли, повстрѣчалось?..

— Да... Въ горницу лезли... одѣжу унесли...

— Эво дѣло, матка... Ну, такъ поѣзжай къ ней, къ тѣтѣ Аринѣ... Къ ней прямо поѣзжай: она все тебѣ скажетъ... А много одежи-то унесли?..

— Да порядкомъ...

— Ночью, видать?..

— Да, ночью...

— Какъ: черезъ окно, али какъ?

— Окно взломали...—верѣшительно лгала Анна.

— А собакъ-то разѣ нѣтъ у васъ?.. Неужто не лаiali?.. Али не слыхали, заспали?..

— Видно, заспали...

— Эка, дѣвка... Бываетъ, матка, бываетъ... Вонъ, намени, не то у насъ, грѣшныхъ: церковь Божию въ Заболотѣ обокрали, желѣзно окно—и то выворотили да вгѣвали... И сторожъ есть, и часы, говоритъ, выходилъ ночью, билъ, а не слыхалъ... Много, чу, сказываютъ, унесли денегъ изъ сундука... Такъ тебѣ къ Аринѣ Панкратьевнѣ, къ ней самой... Она те все скажетъ... Очень ее благодарятъ...

— Въ коемъ же дому она живетъ-то?..

— А вотъ ея изба-то: на преулкѣ-то... На самомъ на проулкѣ... Вонъ видать... Вотъ это самый ея домъ и есть.. Къ нему прямо и поѣзжай...

— Покорно благодарю...

— Не нѣтъ, чтой-то... Вотъ, она самая тутъ и живетъ... тѣтка Арина... Къ ней прямо и поѣзжай... Хоть у воротъ лошади покинъ, а то у крыльца привяжи—все равно... Какъ же... гадасть, гадасть... Ступай къ ней...

Анна еще разъ поблагодарила словоохотливую бабу и поѣхала по ея указанію. Она остановилась у крыльца небольшой, но прочной и исправной избы.

Поднимаясь по лѣсенкѣ на крыльцо, Анна чувствовала, что отъ волненія у нея захватывало дыханіе, дрожали руки и ноги. Въ сѣняхъ ее встрѣтила благообразная, степенная женщина, съ умными, проницательными глазами, одѣтая въ темное платье и повязанная чернымъ платкомъ.

— Милости просимъ, матушка... Милости просимъ, пожалуйте сюда...—привѣтливо говорила она, отворяя дверь въ избу и освѣ-

щая темныя сѣни. Входи, небось... Не сумнѣвайся... — продолжала она успокоительнымъ тономъ, замѣти смущеніе Анны.

— Вижу: горе твое великое, несчастье твое тяжкое.. Садись-на, отдохни... Вотъ водицы исней, а послѣ и объ дѣлѣ твоемъ поговоримъ... На-на, исней... Моя вода въ пользу тебѣ пойдетъ: съ молитвой, на варѣ, изъ-за трехъ рѣкъ, съ четвертой черпана. съ молитвой и про тебя налита... Пей на доброе здоровье... Отъ этой воды и недугамъ бываетъ облегченіе, и вражій духъ ея не любить... Отвѣдай-ка со крестомъ, съ молитвой...

Анна перекрестилась и вышла.

— Вижу я: страхъ на тебя напалъ и сумѣненіе... Можетъ, сумнѣніе есть у тебя супротивъ меня, не думай: все съ молитвой творю, для добра, не для худа... Худа отъ меня добрымъ людямъ не живетъ, а, бываетъ, сами люди худа себѣ наживаютъ, которые люди неблагодарные, облыжные, злоковарные, что придутъ—клянются, помочи просятъ, слезьми обливается, а сдѣлаешь имъ,—добра не помнятъ, да еще хулу и поношеніе наыгаютъ... Ты не такая: по глазамъ, по лицу человека я вижу!.. Ну, только говори мнѣ всю правду: въ чемъ твое горе, ничего отъ меня не скрывай... чтобы вся душа твоя на лицо была...

— Все, матушка, расскажу, Арина Панкратьевна... Такъ тебя звать-то?..—говорила Анна.

— Я самая...

— Вотъ прими перво гостинчикъ отъ моей бѣдности... Не обезсудь... Да помоги моему горю...

— Ну, въ чемъ же твое горе-несчастье?.. Сказывай...—спрашивала Арина, спокойно принимая приношеніе Анны и откладывая его въ сторону.—Хоть и знаю я твое горе и безъ твоего скажу, да мнѣ душа твоя нужна чистая, открытая... Сказывай...

Анна со слезами рассказала о всѣхъ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, о нелюбви мужа и слухахъ относительно его связи со вдовою. Арина Панкратьевна очень ласковыми вопросами подерживала и направляла этотъ разговоръ.

— Ну, что же ты, чего же ты хочешь? о чемъ просить будешь меня?—спросила она, выслушавъ Анну.

— Погадай ты мнѣ, матушка, Арина Панкратьевна: не покажутъ ли карты мою злодѣйку, да нельзя ли какъ отворотить его отъ нея, чтобы не ходилъ онъ къ ней, знаться бы пересталъ, а ко мнѣ бы воймъ сердцемъ повернулся...

— Погадать — я погадаю, и что карта скажетъ: ничего не потаю, все тебѣ открою... Только, вѣдь, я не вольна въ карты: что хочетъ она, то и показывается; мое дѣло только карту по-

нать да рассказать по ней... Если покажетъ карта твою злодѣйку—твое счастье, а нѣтъ—не жалуйся... А только впередъ тебѣ скажу: наврядъ ли покажетъ... Больно вродно ты пришла, много времени запустила, — огрызъ больно твой-то, заматерѣлъ: теперь если и дать что, не съ-разу его проймаешь, — можетъ, не одинъ разъ придется тебѣ побывать ко мнѣ да снадобья брать: отъ раза наврядъ ли поможетъ... А вотъ погоди, — попытаемъ: что карта скажетъ...

Арина Панкратьевна слезила въ голбецъ и вынесла оттуда завернутую въ тряпицу колоду картъ; но, прежде чѣмъ приступила къ гаданью, вышла и заперла двери въ сѣней на крыльцо.

— Бѣда нынче народъ-то какой сталъ, — говорила она, возвращаясь и присаживаясь къ столу: — опасаться надо нынче и добро-то дѣлать людямъ... Вотъ и карты въ голбецъ прячу, и забираюся... Охо-хо-хо!.. Ну, слушай: что тебѣ карта скажетъ...

Арина Панкратьевна видѣла въ картахъ все то, что узнала уже отъ Анны, — и Анна слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ и принимала ее слова какъ откровеніе, какъ разоблаченіе невѣдомой для нея тайны. То-и-дѣло она выдыхала и кивала головой въ знакъ согласія, или приговаривала: «такъ, такъ, матушка, истинно такъ! правда это настоящая! такова моя судьба горькая! — Все самую истинную правду карта показываетъ!..»

— Да, есть у него кралечка-зазнобушка, — есть!.. Вотъ все коло это выходитъ, какъ ни кудаю... — говорила, между прочимъ, Арина Панкратьевна.

— А какая она, матушка, какая? — не видать?..

— Изъ себя, надо быть, дородная, румяная; глаза пріе, разныя; рѣчь бойкая, веселая... И живетъ не такъ чтобы очень далеко отъ васъ: не далеко — и не близко же... И смотри-ка ты: не онъ одинъ увивается около нея... Есть и еще... И тнутъ они, борются: кто кого перешибетъ — деньгами... И не сѣтъ онъ, твой-отъ, несетъ ей, тащить — а-и много!..

— Ужъ какъ не много: почитай, вовсе домъ разорилъ... — соглашалась Анна со вздохомъ. — А узнаю я ее коли-нибудь, — увижу?..

— Узнаешь... Въ долгихъ ли, — не могу сказать, не видно, а узнаешь безпремѣнно... Отъ нѣкотораго человѣка узнаешь: вотъ около тебя человѣкъ стоитъ — вотъ видишь? — отъ тебѣ все и скажетъ... А вотъ когда узнаешь, приходи ко мнѣ: тогда и поддѣлать можно будетъ... — заключила Арина Панкратьевна, смѣливая парой.

— А теперь развѣ нельзя? — робко и грустно спросила

Анна. — Не оставь, матушка, помощи... Вотъ прими за труды твои... Не обезсудь.

Анна подала ей два двугривенныхъ.

— Жалко мнѣ тебя, бабочка, только труднаго ты дѣла отъ меня просишь: сказываю тебѣ, глубоко это въ него посажено, — не скоро выгонишь... Теперь, коли ему дать, больно тяжело ему будетъ: пожалуй, и не снесетъ...

— Ну, такъ нѣтъ, ему не надо, матушка... Не надо!.. Ей бы какъ... нельзя ли?..

— И безпремѣнно нужно ее отворотить... Когда узнаешь ее, приходи тогда... Можешь, подѣлаешь...

— Матушка, Арина Панинрадьевна, я рубля не покажѣю...

— Твое дѣло, милая душа, не рублевое... Кабы за рубль-то такіа дѣла дѣлать, такъ не изъ чего и пачкаться, не изъ чего, при конѣшнемъ народѣ, и себѣ заботу дѣлать...

— Сволью же, матушка, прикажешь?.. Только бы силъ хватило... Кажется, ничего не покажѣю...

— Я цѣны никогда не уставляю: всякой по силѣ по своей благодарить... А только-что одно скажу: для добрыхъ я добра, для скупыхъ — скупа... Сама я училась у человѣчка: не даромъ и мнѣ это досталось... Вотъ тоже добродѣтельный былъ человѣкъ, много людямъ добра дѣлалъ, отъ всякихъ болѣзней пользовалъ, — а не зря же: проймаешь кто его деньгами — сдѣлаетъ, на-чисто поможетъ, вынудитъ... Ну, а кто поскупится, благодарности своей не покажетъ въ полное его удовольствіе, — по тому и пользу получаетъ... Милая душа, вѣдь не то же время: и мы-то платимся!.. Ты какъ думаешь?.. Нынче вонъ и староста придетъ — попотчуй, говорить: ты гадаешь, людей пользуешь, воровъ показываешь... краденое находишь... а нынче, говорить, это на-строга заказано, чтобы ни-ни, ни Боже мой, — зѣтнѣмъ не заниматься... Угощай, говорить, а то донесу, — суду представляю!.. А тутъ съ тѣмъ же сотскій идетъ... Волостные — и тѣ нагѣдываются... да пристрастия дѣлаютъ... И всѣхъ угощай... Да довольно тебѣ сказать: вонъ, простые ребята деревенскіе, молокососы, — и тѣ ставовымъ страшатъ... и тѣ могарыча просятъ!.. Вотъ нынче какой народъ-отъ сталъ отчаянный, да завистливый!.. Жить-то не даютъ; добро-то дѣлать мѣшаютъ!.. Хотъ совсѣмъ дѣло бросай и людей отъ себя отганивай... Да и бросила бы, коли бы не сиротство мое, да не нужно было семью кормить, а то — двѣ дочки у меня, а полосы нѣтъ, на сиротскомъ положеніи живу: надо прокормиться, обути, одѣться... Да и народа-то жалко, — безотбойно лѣзутъ, режутъ, просятъ: у

того лошадей свели, деньги, одѣжу украли — матушка, покажи; другому недужится, попортили добрые люди — нельзя ли какъ снять, попользовать; а иной — вотъ какъ и ты же — съ горемъ со своимъ, съ большимъ, идти: то съ женой, то съ мужемъ не лады; то сведи, то разведи — просать... Ну, какъ не помочь, коли знаешь, да умѣешь?.. Думаешь себѣ: отказать, — и передъ Богомъ-то грѣшно! вѣдь, не съ кѣмъ — со врагомъ борешься!.. Иные думаютъ, по глупости по своей, что мы со врагомъ-супостатомъ за-одно, а я тебѣ скажу: нѣтъ врагу-то непріятіе меня, потому — я супротивъ него со крестомъ да молитвой... Да и молитва молитвъ розъ: въ иной одѣ слова, а въ другой — другія; надо знать, которыя слова противъ котораго дѣйствуютъ... Пожалуй, вра-то читай, которая не слѣдуетъ, — онъ не испугается; а ужъ противъ моей ему не устоять — сдаться, потому — его отъ нея большій огня жжетъ, сердце у него выжигается!.. Такія естъ слова тяжкія, что и саму-то трасетъ, какъ ихъ слышишь!.. Ну, да ужъ нечего дѣлать: взялась людямъ служить, такъ поднимайся это на себя, терпишь... борешься съ нимъ: себя не жалѣешь!.. Такъ-то, милая!.. Такъ было бы изъ-за чего все это терпѣть-то!..

— Матушка, Арина Панкратьевна, ты меня не обесуди: теперь-то нѣтъ со мной ничего... А вотъ опять приѣду въ тебѣ, такъ ужъ ничего не помахлю: послѣднюю одѣжанку испродаю, да приду къ твоей милости, поклонюсь, — только не оставь, помоги...

— Приѣзжай, приѣзжай... Вотъ какъ узнаешь ее, такъ и приѣзжай...

— А узнаю я ее, матушка?..

— Ужъ сказано тебѣ, что узнаешь: отъ котораго человѣка не думаешь, не гадаешь, отъ того все и узнаешь...

— Такъ покорно тебѣ благодарю за неоставленіе твое... И отойдетъ это все отъ него, отъ моего-то? — можно все раздѣлить съ той-то, подлой, чтобы не зналъ онъ ее, не ходилъ бы къ ней?..

— Объ этомъ ужъ впередъ не загадывай, а молись Богу, да на меня надѣйся... Помни мои рѣчи: я не изъ тѣхъ, что слова на-вѣтеръ бросаютъ... Каждое мое слово къ дѣлу идетъ...

— Помню, помню, матушка... Не забуду... Покорно тебѣ благодарствую. Ровне легче мнѣ стало: такъ на дунѣ будто полегчало... И сама не знаю отчего: отъ рѣчей, что ли, отъ твоихъ?..

— Какъ ты воды моей отпѣдала, такъ тебѣ и легче стало... А слова мои сами-по-себѣ...

— Вѣрно, вѣрно, матушка!.. Дай Богъ тебѣ здоровья и всякаго благополучія... Прощай, Арина Панкратьевна... Ужъ я теперь поѣду въ дому: тоже не близко мѣсто... Прощай, родная...

Анна ѣхала домой дѣйствительно успокоенная, полная надежды, что Арина Панкратьевна непременно возвратитъ ей мужа. Она думала о томъ, какъ бы только узнать ей поссорѣе разлучницу, и соображала, кто бы это могъ быть тотъ человѣкъ, который неожиданно-негаданно откроетъ ей тайну Кирилы.

«Только бы ужъ ее-то узнать, а ужъ отвороту-то я выпрошу у Арины Панкратьевны», думала она дорогой. «Ужъ ничего не пожалѣю, а деньгами ее пройму: десять, такъ десять, — пятнадцать, такъ пятнадцать; шубу продамъ суконную, а ее ублагодарю, только бы сдѣлала... Все равно, разоряетъ же онъ домъ на ту, а я, по-крайности, для добра же... Шуба-то дѣло наживное, а какъ онъ вовсе-то уйдетъ изъ дома, то хуже будетъ... Кто-жъ бы этотъ человѣкъ былъ такой?.. Не спросила я, дура: молодъ или старъ? мужикъ или баба?.. Да нѣтъ: человѣчикъ! сказала: стало — мужикъ...

Анна никакъ не ожидала, что случай приготовлялъ ей торжественное подтвержденіе знахарства Арины Панкратьевны, что она встрѣтитъ этого человѣчка еще дорогой и узнаетъ, кто ее разлучница, не доѣзжая еще до дома...

II.

Феда работалъ на фабрикѣ, въ столярной мастерской, и хотя надежда его попасть въ машинное отдѣленіе не осуществилась съ-разу, но онъ не былъ особенно недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ работалъ и жилъ одинъ, вдали отъ шума и многолюдства фабричнаго, что вполне совпадало съ его нравственнымъ настроеніемъ: стругая, долбя, склеивая, онъ думалъ постоянно о Паранѣ, и, за этими думами, скучная, однообразная работа кнѣла въ его рукахъ. Искрѣдка заходилъ взглянуть на его работу Дмитрій Тимошенчъ, и хотя никогда не хвалилъ ничего, но не хулилъ и не бранился, а главное: скоро уходилъ изъ мастерской, не забывая, впрочемъ, никогда проговорить: «потарашиваться, поспѣшать нужно... копаешься!..» Феда понималъ, что работой его доволенъ строптивый и нерасположенный къ нему за что-то директоръ, и если говорить эти послѣдніе слова, такъ только для очистки совѣсти, а, можетъ быть, и съ цѣлью вы-

звать Оеда на возраженія, за которыя, конечно, бы ему досталось. По совѣту Александра Кузьмича, онъ старался заслужить если не расположеніе, то снисходительность со стороны директора, и потому или молчалъ на его слова, или скромно говорилъ: «постараюсь, Дмитрій Тимоѣевичъ!» На что этотъ послѣдній всегда приговаривалъ:

— То-то, постараюсь!.. Старанья-то большого не видно: на словахъ вы только! По-штучно нанять — жалованья бы не заработалъ!..

Оеда очень хорошо понималъ, что его работа обходится гораздо дешевле, чѣмъ платили мастеру, который работалъ по-штучно, и однажды занюхнулся-было:

— Позвольте по-штучно работать, Дмитрій Тимоѣевичъ?

Но тотъ сурово взглянулъ на него и прикрикнулъ:

— Пять разъ, что ли, съ тобой перераживаться: то по-мѣсячно просился, а теперь по-штучно?..

Уходя, оно сердито хлопнулъ дверью.

— За что не влюбилъ меня Дмитрій Тимоѣевичъ? — спрашивалъ Оеда у Александра Кузьмича.

— Да не то, что не влюбилъ, а онъ прокуратитъ надъ тобой, ломается... — отвѣчалъ тотъ. — Не по мысли ему, что ты прямо къ тятенькѣ прошелъ мимо его, и онъ тебя самъ приказалъ взять... Ну, да и то: хвалили тебя очень, да и самъ видитъ, что ты не чета другимъ рабочимъ: и уменъ, и грамотенъ, и книги разныя читалъ: они этого на смерть не любятъ!.. Полагаютъ, что ты зазнайка, много о себѣ думаешь... А для насъ, дескать, все равно, каковъ бы ты ни былъ: какъ другіе рабочіе, такъ и ты отъ насъ кормишься, жалованье получаешь... Значить, ты меня уважай, а мнѣ тебя уважать не приходится!.. Въ тому же, вотъ ты порядковъ-то нашихъ не зналъ, въ шапекъ передъ нимъ стоялъ, заговаривалъ точно съ равнымъ... Я съ нимъ о тебѣ говорилъ, онъ такъ тебя и понимаетъ, что въ тебѣ форса много, уважительности нѣтъ никакой: побить, говорить, надо спѣси съ него... намъ, говорить, рабочіе нужны, а не физика его!.. Ужъ лучше бы ты не говорилъ имъ, что физику знаешь: покоя она имъ не даетъ... За нее больше тебя и пропекается... Извѣстно: невѣжество!.. Сами ничего не знаютъ, не понимаютъ, — еле писать... вотъ и обижаются, что простой рабочій умѣе и больше его знаетъ... Другое дѣло, какъ бы ты прямо въ механики, или въ колеровщики поступилъ, да много зналъ, ну, это имъ нужно: тутъ бы они тебя уважали... А то простой рабочій, да еще съ физикой и механикой!.. Какъ его не осадить?.. Непремѣнно

надо осаживать, чтобы не зазнавался!.. Разбалованы мы больно... У насъ вѣдь, братъ, просто: и зуботычинну, и трясоволочку рабочій съѣсть — обижаться не смѣть... Да не то хозяинъ, или директоръ: приказчикъ надругается — и то молчи, а то съ фабрики долой... Ну, да наплевать!.. Не обращай на нихъ вниманія!.. Главное: молчи, что бы ни говорили, какъ бы ни ломались... Придетъ время — и за тобой будутъ ухаживать!..

— Да вѣдь хорошо молчать, Александръ Кузьмичъ, пока терпится... А какъ не стерпится?.. Я вотъ смирный былъ всегда: такъ меня и дома почитали... А, кажется, тронь-ка меня, ударь, особливо безъ дѣла, да, кажется, ни за что не снести, кто бы тамъ ни былъ...

— Вотъ онъ это по глазамъ у тебя видитъ... Этого-то онъ и не любитъ!.. По ихному такъ: коли онъ деньги тебѣ платитъ, такъ онъ все надъ тобой дѣлать можетъ, нанялся — проданся!.. А то ступай съ Богомъ: вовсе тебя не нужно, каковъ бы ты ни былъ... Вотъ коли узнаютъ въ тебѣ такой задоръ, ни за что тебя приказникомъ не сдѣлаютъ: у насъ хоть воруй, мошенничай, да, главное дѣло, угождай, молчи и кланяйся... Вотъ тогда, пожалуй, пойдешь въ люди!.. Ты знаешь ли: тамъ, на старой фабрицѣ, у насъ сосѣдъ есть, фабрикантъ, тоже богатый... Такъ у него самый любимый приказчикъ жалованье большое получаетъ и довѣріемъ пользуется, хоть извѣстный плутъ, а хозяинъ знаетъ, что онъ его обворовываетъ... А чѣмъ держится, какъ ты думаешь?.. Хозяинъ-то запибается, а какъ очень переложить, такъ на него ярость находить: непременно надо ему кого-нибудь бить и тираниить... Вотъ вся семья къ нему этого приказчика и подсылаетъ: онъ надъ нимъ и ломается, ругается, срамить, бьетъ его, за волосы деретъ, въ рожу плюетъ... А тотъ не то — обижаться, а точно за великую ласку себѣ принимаетъ: поучи, говоритъ, батюшка, Никандра Тихоничъ: отъ кого и науку принять, какъ не отъ васъ, сильныхъ людей, кого и бить, коли не насъ, дураковъ... Вотъ какой подлець!.. И говорить, ужъ большой капиталъ наворовать отъ хозяина... Вотъ у насъ какіе люди въ ходъ идутъ!..

Александръ Кузьмичъ часто забѣгалъ въ мастерскую къ Федѣ и иногда засиживался въ бесѣдѣ съ нимъ, а иной разъ, когда разговоръ не вязался, онъ сидѣлъ молча и безцѣльно смотрѣлъ, какъ Федя строгалъ доску, распиливалъ ее или связывалъ какую-нибудь раму.

— Неужто тебѣ, Федоръ, не скучно за этой работой? — спросилъ онъ его однажды.

— Отчего скучно? За работой никогда не скучно... — отъ-чалъ тотъ. — Вотъ кабы безъ работы куда заверли, вотъ тутъ стосковался бы хуже: съ ума бы, кажется, сошелъ...

— Да вѣдь работа работѣ рознь... Тутъ все одно и то же: думать-то не о чемъ...

— Какъ же не о чемъ: примѣриваешь, прилаживаешь, смотришь, чтобы и вѣрно, и чисто было... Обо всемъ надо подумать... А бываетъ, правда, что руки сами дѣлають, а ты въ головѣ-то переберешь въ то время и Богъ знаетъ что: обо всемъ передумаешь... Не видишь, какъ и время идетъ...

— Я вотъ смотрю, да дивлюсь на рабочихъ на фабрикѣ: стоятъ онѣ у ткацкаго стана цѣлый день, машина за него то-четъ, а онѣ только смотритъ: гдѣ бы нитка не порвалась, да путанка не вышла... И все одно и то же... Кажется, часъ постоятъ — умеръ бы съ тоски... А они ничего — веселы!.. И пускай бы — жалованье хорошее получали, а то гроши какіе-то... Бѣдность, вѣдая чортъ знаетъ что, въ лохмотьяхъ всѣ, а все ни о чемъ — веселѣхоньки!.. А я вотъ и сытъ, и одѣтъ, и заботы нѣтъ никакой, а брожу по фабрикѣ-то точно тѣнь: тамъ постою, по-смотрю, въ другомъ мѣстѣ — постою, въ контору зайду, смерть — тоска...

— Оттого, что безъ дѣла: работы нѣтъ по мысли. Вѣдь и за другими надзирать — то же работа: извѣстно — поскучишь, чѣмъ самому дѣлать, а все-жъ-таки работа... Вонъ у васъ десятники ходятъ, за ткачами смотрятъ, тоже дѣло дѣлають, плату за него получаютъ и скуки тоже не знаютъ... Надо, чтобы дѣло, которое дѣлаешь, въ прокъ шло, пользу приносило, — тогда не скучно...

— Вотъ и я то же думаю: оттого мнѣ и не мило все, чтó я не самъ по себѣ, а изъ-за чужой воли хожу да смотрю... Кабы выдумать себѣ такое дѣло, чтобы никто не мѣшалъ, не ввязывался, а самъ бы себѣ полный хозяинъ... Вотъ бы хорошо!.. И затѣваемъ мы одно такое дѣльцо съ Алѣмой Николавной... Хотимъ гдѣ-нибудь на деревнѣ, потихоньку отъ татеньки, школу завести для ребятъ, а пожалуй и для взрослыхъ — по праздни-камъ... Приходи — кто хочетъ — учись!.. Какъ ты думаешь?..

— А что же, это доброе дѣло... Ужъ какъ бы было хоро-шо, если бы сдѣлали!..

— Право. Тутъ по ближнимъ деревнямъ наши фабричные ребяткишки живутъ на квартирахъ: стали бы бѣгать, учиться въ смѣны... Наваятъ бы я большую избу и учителя... А по воскре-

сеннымъ воскресную бы школу сдѣлали для взрослыхъ; я бы самъ сталъ учить, когда можно—Алёна Николавна, и ты не хочешь ли?..

— Да я бы съ радостью...

— И я такъ думаю, что если тятенька узнаетъ, браниться станетъ, я ужъ не послушаю... не брошу этого дѣла... Да, можетъ, очень и браниться-то не будетъ, потому я на свои деньги сдѣлаю... У меня есть положеніе отъ него—триста рублей въ мѣсяцъ: на эти деньги можно школу содержать... Пускай же Алёна Николавна не смѣется, что я паразитъ, на чужой счетъ живу и все для себя, а для людей ничего не дѣлаю—вотъ пускай же увидитъ, что и я могу дѣлать!.. Такъ ты будешь съ нами учить по воскресеньямъ?..

— Съ моимъ полнымъ удовольствіемъ...

— А учителемъ-то мы думаемъ твоего позвать учителя, переманить... Я ему хорошее жалованье положу и квартиру найму на свой счетъ...

— Ужъ не знаю, пойдетъ ли?..

— А ты поговори съ нимъ... Ты вотъ что, Федоръ: въ это воскресенье, когда тятенька и Дмитрій Тимоѣенчъ съ сестрой лягутъ послѣ обѣда спать, мы сойдемся гдѣ-нибудь на совѣщаніе... И Алёна Николавна придетъ... Мы и потолкуемъ...

— Я въ это воскресенье-то хотѣлъ домой побывать...—проговорилъ Федя—и весь вспыхнулъ.

— Ну, посиѣешь еще сходить... Въ то воскресенье сходишь... А это дѣло такое, нужное... Надо непременно поскорѣе сообща перетолковать и согласиться... Нѣтъ, ужъ ты этотъ разъ останься...

— Да развѣ вы безъ меня не...

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ, чтобы и ты былъ непременно... Всѣ сообща... По крайней мѣрѣ, доброе дѣло затѣваемъ, не что другое... Нужно и на счетъ учителя столковаться, а послѣ ты съ нимъ и повидеешься, переговоришь... Этого откладывать нельзя... Я рѣшился поскорѣе...

Тяжело было Федѣ отказаться отъ мечты повидать въ ближайшее воскресенье Параню, но дѣло, затѣваемое Александромъ Кузьмичемъ, казалось ему очень важнымъ; при этомъ онъ вспомнилъ слова Василя Якимича о себалибѣ, о равнодушіи къ общественной пользѣ—и ему показалось совѣстно отказаться. Скрѣпя сердце, черезъ силу, онъ обѣщалъ остаться на это воскресенье на фабрикѣ.

Условились, чтобы Федя пришелъ къ Александру Кузьмичу часу въ третьемъ пополудни. Федя шелъ на совѣщаніе мрачный: хотя онъ остался и лишилъ себя удовольствія, о которомъ давно

мечталъ, ради добраго дѣла, хотя онъ совершилъ, казалось ему, подвигъ самоотверженія, но внутренно онъ не былъ доволенъ собою, страшно тосковалъ весь день, думая о Паранѣ, и находилъ, что Александръ Кузьмичъ могъ бы обойтись на этотъ разъ и безъ него. Анализируя себя, онъ съ досадою задавалъ себѣ даже такой вопросъ: не потому ли я только остался, что хозяйскій сынъ мнѣ велѣлъ?.. Кабы другой кто просилъ для того же дѣла, пожалуй не послушалъ бы, какъ бы нибудь отказался, отговорился!.. И что за совѣщаніе такое?.. развѣ велѣва безъ него? Ну, надумали и сдѣлали... Школу открыть: о чемъ тутъ совѣщаться? Коли деньги есть, нанялъ нѣбу просторную, да оповѣстилъ ребятишекъ: идите учиться, кто хочетъ, денегъ брать не будутъ: даромъ!.. Вотъ и все!.. Да былъ бы учитель хорошій!.. И зачѣмъ я имъ на это совѣщанье?.. Вотъ развѣ на-счетъ Василья Якимыча? Такъ скавали бы, что ему передать: я бы перескавалъ... А вотъ теперь: цѣлую недѣлю опять сиди, а тамъ Параня... Богъ ее знаетъ, что съ ней тамъ дѣлается... Хорошо, какъ дѣло изъ всего этого выйдетъ хорошее, доброе!.. А какъ такъ — только одни разговоры?..

Не безъ робости вошелъ Федя въ ворота хозяйскаго дома, и былъ радъ, что не встрѣтилъ никого на дворѣ, проходя къ крыльцу, черезъ которое долженъ былъ войти въ комнаты, занимаемыя Александромъ Кузьмичемъ. Будущему владѣльцу фабрики была отведена для его жительства чуть не цѣлая половина нижняго этажа. Во второмъ этажѣ жилъ Дмитрій Тимоѣичъ; тамъ же помѣщался и Кузьма Ивановичъ, когда пріѣзжалъ въ Старое село. Комнаты, которыя занималъ Александръ Кузьмичъ, хотя были тѣсно заставлены новомодной мебелью, выпишанною изъ Москвы, назались совсѣмъ необитаемыми, и смотрѣли какъ-то непривѣтливо, мрачно и скучно. Молодой хозяинъ дѣйствительно и не жилъ почти въ нихъ: цѣлый день онъ проводилъ или на фабрикѣ, или на-верху, у сестры, а въ своемъ отдѣленіи только ночевалъ или уходилъ сюда, чтобы почитать, когда наверхъ вѣвалась книга, и покурить потихоньку, такъ какъ куреніе табаку въ домѣ Кузьмы Ивановича было воспрещено и для Александра Кузьмича составляло удовольствіе запретное. Кузьма Ивановичъ хотя не былъ раскольниковъ, но держался старины, крестился большимъ, то-есть двуперстнымъ крестомъ и охотѣе посѣщалъ единоувѣрческую церковь, чѣмъ православную, хотя вообще не былъ особенно богомоленъ. Для сна и для куренья Александръ Кузьмичъ выбралъ себѣ самую заднюю комнату, которая одна и была обитаема: чрезъ остальные онъ только проходилъ, никогда почти

не останавливаясь въ нихъ. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, Александръ Кузьмичъ принималъ своихъ гостей въ одной изъ парадныхъ комнатъ. Оедаю онъ замѣтилъ изъ окна, когда тотъ пробирался по двору, и встрѣтилъ его еще въ сѣняхъ.

— Иди, иди сюда, за мной...—сказалъ онъ ему.

Оеда былъ нѣсколько смущенъ роскошной обстановкой комнаты, чрезъ которую проходилъ вслѣдъ за хозяиномъ: онъ никогда еще не видалъ ничего подобнаго.

— Это вы куда же меня ведете?—спросилъ онъ испуганно, проходя вторую комнату.

— Къ себѣ, въ себѣ... тутъ никого нѣтъ, кромѣ меня... Это мои комнаты...

— Всѣ ваши?.. Во всѣхъ одни живете?..

— Да... А что?..

— Ничего... Больно ужъ много... Скучно, чай, однимъ-то?.. Сколько покоевъ, а один...

— Да я и не живу почти въ нихъ: занимаю только одну комнату... А такъ вотъ—отвели мнѣ это отдѣленіе: вотъ, говорить, твои комнаты... Ну, мои и считаются...

— Да куда съ столько одному... Тоска возьметъ!.. Вотъ бы гдѣ шлоу-то завести: просторно бы, хоть сто человѣкъ вдругъ соберись—не тѣсно...

— А вотъ все женить-то мени собираются: для того и комнату столько отвели... Неравно, дескать, женишь, такъ вотъ и квартира ему съ молодой женой...

Александръ Кузьмичъ обратился къ Оедѣ и какъ-то печально усмѣхнулся. Оеда промолчалъ.

Они вошли въ комнату, гдѣ уже сидѣлъ одинъ гость—новое, незнакомое Оедѣ лицо.

— Вотъ онъ, Захаръ Яковичъ, механикъ-то нашъ, чтобъ я вамъ говорилъ...—сказалъ Александръ Кузьмичъ, указывая на Оеду.

Гость примычалъ что-то и, не вставая съ мѣста, протянулъ Оедору руку. Оеда съ любознательствомъ оглядѣлъ его. Это былъ угрюмый, хмурый, съ длинными вудластыми волосами, смуглый, худощавый молодой человѣкъ, въ затасканномъ коротенькомъ пиджакѣ, который былъ надѣтъ прямо на красную шерстяную рубашку, выпущенную сверхъ брюкъ; на ногахъ у него были высокіе, до колѣнъ, грязные, нечищенные сапоги. Онъ сидѣлъ на креслѣ сгорбившись и уткнувши подбородокъ въ ладонь лѣвой руки, которая упиралась локтемъ въ колѣно.

— Изъ барскихъ или изъ казенныхъ?—спросилъ онъ отры-

висто, уставившись глазами въ Оедора и не перемѣняя позы, въ которой сидѣлъ.

— Какъ—изъ барскихъ?.. Нынче барскихъ нѣтъ...—отвѣчалъ Оеда, оглядываясь и выбирая мѣсто гдѣ бы сѣсть, или хоть стать въ сторонѣ.

— Какъ нѣтъ?.. А временно-обязанные чьи же?..

— Нѣтъ, мы на выкупѣ: собственники...

— Собственники!..—усмѣхнулся гость.—Ну, значитъ, господскіе: господину становому и господину исправнику обязаны служить и повиноваться...

— Правда, правда!..—сказалъ Александръ Кузьмичъ, усмѣхаясь.—Садись, Оеда... садись вотъ хоть сюда... Что-жъ ты стоишь-то?..

— А вы кто же будете?—спросилъ Оеда, неловко усаживаясь на мягкое эластическое кресло.

— Жеребичей породы!... Дьячковъ сынъ!..—рѣзко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Изъ какого же села?—добродушно спросилъ Оеда.

— Они студентъ... университетскій... Вотъ кто!...—подсказалъ Александръ Кузьмичъ.

Въ это время послышались слѣшныя шаги въ сосѣдней комнатѣ—и хозяинъ бросился туда.

— Насилу, насилу вырвалась...—послышался женскій голосъ. Ну, ужъ племянники у васъ, Александръ Кузьмичъ: и видно, что будущіе монополисты—эксплуататоры... Ни на минуту свободы и отдыха не дадутъ: забавляя ихъ, занимая безпрестанно... Да, вѣдь, требуютъ, приказываютъ!.. Чортъ знаетъ что такое!.. Насилу отдѣлалась...

Съ этими словами въ комнату, гдѣ сидѣли Оеда и студентъ, вошла гувернантка Дмитрія Тимофееча, Алѣна Николавна, въ сопровожденіи хозяина.

— А, старый знакомый, здравствуйте!..—сказала она, увиди Оедо, и протягивая ему руку.—Ну, какъ поживаете?..

— Да ничего-съ...—отвѣчалъ Оеда, стоя передъ нею.

— А что же, прочитали, чтѣ я вамъ присылала съ Александромъ Кузьмичемъ?..

— Прочиталъ.

— Что, батюшка, каково?... А?... Что вы скажете?..

— Не знаю ужъ какъ и сказать... Неужели ужъ все это правда?..

Алѣна Николавна засмѣялась.

— Ахъ, юноша!.. Спрашиваетъ: правда ли?.. Васъ, видно,

еще жизнь мало учила, или вы неспособны наблюдать, или вы ретроградъ?.. Да вы посмотрите вокругъ себя: чтѣ тутъ дѣлается?.. Не только все правда, чтѣ вы тамъ прочитали, но это, только наша того вла, той мерзости, среди которыхъ мы живемъ... О, еще съ вами нужно много, много толковать! Я вамъ дамъ еще одну вещь—прочитайте и подумайте... Да подумайте хорошенько, обсудите все!.. Нѣтъ, батюшка, тутъ нужно не такими вопросами задаваться: правда ли?.. А нужно дѣйствовать, нужно принимать мѣры рѣшительныя, энергическія...

Разговаривая съ Федей, Алѣна Николавна безпрестанно взглядывала на студента. Александръ Кузьмичъ, стоявшій около нея, въ ожиданіи когда она кончитъ разговоръ съ Федей, замѣтилъ эти взгляды и прервалъ разговоръ, указывая на своего незнакомаго для нея гостя.

— Вотъ, Алѣна Николавна,—сказалъ онъ, позвольте познакомиться: студентъ изъ Петербурга... Захаръ Яковичъ Промитовъ.

— А, землякъ!.. Здравствуйте... Очень рада!..

Алѣна Николавна протянула руку.

— Мое почтеніе...—проговорилъ Промитовъ, неуклюже приставъ съ кресла, и какъ-то въ бокъ кланаясь; затѣмъ опять усѣлся въ прежней позѣ.

Алѣна Николавна помѣстилась около него.

— Медикъ?—спросила она его.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ естественникъ?

— Почему вы думаете?

Алѣна Николавна нѣсколько затруднилась отвѣтомъ.

— Такъ... Куда же нынче идти, какъ же на естественный?.. Или по медицинѣ, или на естественный...

— Не резонъ!..—проговорилъ Промитовъ.

— Да, конечно... По крайней мѣрѣ, реальныя знанія—не метафизика!.. Естественникъ всегда можетъ приложить свои знанія въ дѣлу, принести пользу...

— Никакой... И знанія у насъ не такія, чтобы въ дѣлу прикладывать:—зубримъ классификаціи да и шабантъ, а дай первую траву, чтѣ каждый мужикъ знаетъ—безъ атласа не опредѣлимъ... Такъ и во всемъ... Все вздоръ!.. А вы что: изъ институтовъ?..

— Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ... не институте!..—торопливо и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчала Алѣна Николавна...—Я кончила въ гимназій...

— Ну, это маленько получше. Тамъ уроки тверже учать...

— Я послѣ того два года на лекціи ходила...

— Это на педагогическіе курсы, что ли?..

— Нѣтъ... Тамъ узко, одностороннее: я ходила на всѣ публичныя лекціи...

— По клубамъ, значить... Тамъ читаютъ хорошо... — проговорилъ Промытовъ какъ-то неопредѣленно: — не то серафана, не то съ насмѣшкой, поглаживая свою бороду снизу отъ шеи впередъ и закрывая ею лицо.

Алена Николаевна вспыхнула.

— Вы смѣтаете, что ли?.. Тамъ всѣ знаменности читали... Я жила изъ слушала...

— Зачѣмъ смѣяться... Я не смѣюсь...

— Я въ Петербургѣ, во многихъ кружкахъ была... Знаю людей... Отчего ницѣ васъ не встрѣчала?.. — спросила тувернантка тоже не безъ язвительности.

— Не приходилось, значить: до нашего не дошли...

— Однако, Александръ Кузьмичъ, мы сошлись сюда для общаго... Надѣюсь, что мы здѣсь всѣ единоименными и можемъ говорить свободно?..

— Само собой, Алена Николаевна, — отвѣчалъ Копатниковъ. — Я вамъ не успѣлъ сказать: Захаръ Яковичъ привезъ мнѣ письмо изъ Петербурга отъ такихъ людей... которыхъ вы знаете... Я вамъ рассказывалъ: какіе это люди!.. Они пишутъ, что это самый уважаемый человѣкъ и просятъ меня во всемъ ему довѣряться, если только я самъ не переѣхался... А вы знаете: переѣхался ли я... Захаръ Яковичъ неожиданно пришелъ ко мнѣ, но я нарочно просилъ ихъ остаться: думалъ, что они могутъ хорошіе совѣты дать намъ въ нашемъ дѣлѣ...

— Это вы, барышня, на мой счетъ, что ли, сумѣваете?.. Не сумѣвайтесь!.. — сказалъ Промытовъ.

— Я васъ только объ одномъ попрошу: не называть меня барышней; потому что я этого ненавижу... Кажется, я на барышню не похожа!.. Вы, вонечку, меня мало знаете... Ну такъ знайте, что я предана идеѣ, можете быть болѣе, чѣмъ вы... И вы напрасно меня оскорбляете...

— Зачѣмъ оскорблять... Оскорбить не предполагалъ никого... Вы не сердитесь!.. Сами вы первая меня заговорили... Это вамъ только отместка...

Ну, значить, миръ!.. съ удовольствіемъ вскрикнула Алена Николаевна, протягивая руку Промытову. — Я добрая и сердиться долго не умѣю!.. Однако, начнемъ-те господа: я того и жду, что меня хватятся и будутъ искать!.. или же дѣти разбудятъ Лизавету Кузьминичну. Вотъ вы бы пожали въ моей пазурь:

совсѣмъ въ осадномъ положеніи живу и подъ надзоромъ полиціи... свободнаго шага сдѣлать нельзя!.. Последнія слова были съ занскивающей улыбкою обращены къ Промптову.

Тотъ величюшно промолчалъ.

— Ну-съ, Александръ Кузьмичъ, такъ приступайте... обратилась она къ хозяину. Молодой Кошатниковъ сѣлъ поближе къ своимъ гостямъ, отшатываясь и съ видимымъ смущеніемъ, конфуясь, началъ говорить, обращаясь преимущественно къ студенту:

— Вотъ видите ли, Захаръ Яковичъ, что мы надумали... Какъ вы найдете?.. Желая послужить для общества... и принести пользу... Мы вотъ богаты, живемъ въ роскоши, имѣемъ большіе барыши все черезъ рабочихъ, а они бѣдствуютъ и необразованы... Надумали мы открыть для нихъ школу... я на свои собственные средства, потому татенька у меня противъ всѣхъ этихъ школъ, но только нужно сдѣлать такъ, чтобы...

— Вы, я вижу, стѣсняетесь, Александръ Кузьмичъ, говорить про ваши семейныя отношенія... — перебила его гувернантка. — Позвольте я объясню, какъ человекъ посторонній... Вотъ видите въ немъ дѣло: здѣсь, въ семействѣ и на фабрикѣ, двѣ партіи: одна ретроградная и obscurantная — это татенька и его зять, у котораго я живу въ гувернанткахъ, съ нѣк сателитами, другая — прогрессивная и либеральная, въ которой принадлежимъ пока только мы трое: зять я, Александръ Кузьмичъ и онъ, Чернушкинъ... Вы понимаете, что на сторонѣ первой капиталъ, власть и сила, употребляемая исключительно съ эгоистической, эксплуататорской цѣлью... А при этомъ разумѣется и крайнее невѣжество и вражда къ просвѣщенію и развитію массы. Отецъ Александра Кузьмича и слышать не хочетъ объ устройствѣ школы для фабричныхъ, а вы понимаете, что она необходима прежде всего... Вотъ мы и надумали, на личные средства Александра Кузьмича, и безъ вѣдома его отца, открыть въ одной изъ сѣздныхъ деревень постоянную школу для дѣтей и воскресную для взрослыхъ рабочихъ... Въ послѣдней мы будемъ учить всѣ трое, а въ постоянные учителя имѣемъ въ виду пригласить одного — сельскаго учителя... изъ очень развитыхъ и передовыхъ... Съ ними усилятся и наша партія... Вотъ мы и собрались, чтобы потолковать, какъ это все оборудовать, намѣтить цѣль и программу...

— Позвольте... — остановилъ Промптовъ. — Все это очень прекрасно и похвально, только въ сущности, я вижу, выйдетъ одинъ ноль...

— Какъ вадоръ? какъ вадоръ?... Что вы такое говорите?.. — загорячилась Алёна Николавна. — Я никакъ не ожидала, чтобы вы...

— Погодите же... — перервалъ ее Промитовъ. — Развѣ вы не знаете, что на открытіе школы нужно получить разрѣшеніе... а если откроете безъ разрѣшенія, то ее скоростужио и приклоннуть, закрыть?.. Да, пожалуй, и васъ во Иисусу потагнуть...

— Вы забываете одно, что здѣсь глухая деревня... что о существованіи школы власти узнають развѣ черезъ годъ... А годъ слишкомъ большой срокъ, чтобы научить грамотѣ сотни двѣ рабочихъ... А это уже порядочная колонія первыхъ пионеровъ!.. Отъ нихъ черезъ годъ выучатся еще двѣсти человѣкъ... Вотъ вамъ и почва: сбѣте тогда!.. Притомъ на первое время мы будемъ очень осторожны... А потомъ, если бы и пришлось пострадать, такъ что же?.. съ радостью!.. по крайней мѣрѣ за доброе дѣло!.. А фундаментъ все-таки будетъ положенъ...

— И ни почвы вы не приготовите, никакого фундамента не заложите, потому-что почва-то никуда не годная, совсѣмъ не производительная... Ее нужно вывѣтрить предварительно, только не такими мѣрами... Да не только года, мѣсяца не продержится ваша затѣя... Первый ближайшій погъ донесетъ... сами мужики пойдутъ на васъ жаловаться...

— Охъ, что вы такое говорите!.. — вскричала Алёна Николавна. — Да вы отрицаете народъ, вы не вѣрите въ него...

— Не вѣрю...

— Какъ не вѣрите?

— Такъ и не вѣрю... Народъ любить и идетъ только за тѣмъ, кто держитъ надъ нимъ палку и бьетъ его, а кто его любить и идетъ къ нему съ добромъ, того онъ самъ бьетъ...

— Вы меня удивляете... Я не слыхала никогда ничего подобнаго отъ людей, которые...

— Мало ли вы чего не слыхали!.. На публичныхъ лекціяхъ объ этомъ не читаютъ...

— Вы напрасно остроумничаете... Я уже, кажется, вамъ говорила, что бывала во многихъ кружкахъ и до сихъ поръ нахожусь въ сношеніяхъ...

— Мало ли какіе есть кружки: въ нихъ чай пьютъ и разговоры разговариваютъ, въ другихъ пиво дуютъ и дебатируютъ... Только-то одинъ и тотъ же... Дѣло, барышня, нужно, а не разговоры!..

— Да я не вижу, баринъ, чтобы и вы какое-нибудь дѣло указывали... — вскричала Алёна Николавна, уже совсѣмъ рассер-

женная. — Да развѣ школа — не дѣло?.. Вотъ въ вашихъ словахъ, такъ кромѣ разговоровъ я дѣйствительно ничего не вижу!.. Почва не производительна, никуда не годная, школа — вздоръ; нужны особенныя мѣры: такъ какія же?.. Скажите!.. Видѣ, чтобы говорить народу объ ассоціаціяхъ, о рабочихъ союзахъ и о прочемъ, нужно, я думаю, его подготовить, чтобы онъ могъ понимать, что ему говорить, а для этого — нужно его учить или нѣтъ?.. Какъ вы думаете?..

— Думаю, что съ этаими подготовителями и учителями онъ и черезъ двѣсти лѣтъ будетъ стоять на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ...

— Да вы отрицаете даже прогрессъ... Такъ выскажите же ваши принципы, вашъ *profession de foi*... Мы говоримъ съ вами откровенно, нисколько не оспариваясь и не стѣсняясь... Скажите же намъ, какія ваши идеи, принципы, цѣли и намѣренія...

— Это ради чего же я вамъ буду докладывать?.. Это для празднословія-то?.. Если я буду вамъ говорить, такъ развѣ тогда, когда вы придете меня слушать и слушаться... Когда вы рѣшитесь и обяжетесь дѣлать то, что вамъ укажутъ и прикажутъ... Когда вы согласитесь войти въ организацію крѣпкую, строго-обдуманную, хорошо-управляемую и могучую, гдѣ никакіе дебаты и празднословіе невозможны, а требуется одно дѣло для дѣйствительной, несомнѣнной, а не мечтательной общей пользы... Когда вы вырастите и окрѣпнете духомъ для такого дѣла, тогда самъ Промптовъ или другой, такой же, какъ онъ, найдетъ васъ и скажетъ вамъ это дѣло, пожалуй — объяснитъ и идеи, и принципы, и намѣренія... Я вамъ скажу, что въ васъ есть задатки и вы до этого дойдете, но теперь еще рано... А теперь пока устраивайте вашу школу: отъ нечего дѣлать и это дѣло!..

Презаноса этотъ монологъ, Промптовъ точно преобразился: онъ выпрямился, гордо поднялъ голову, глаза его смотрѣли сурово, строго и горѣли огнемъ фанатика, все лицо его выражало рѣшительную, непреклонную волю. Алѣна Николаевна совсѣмъ притихла и смотрѣла на него чуть не со страхомъ и благоговѣніемъ: она вдругъ смирилась, почувствовавши силу, точно капризный конь въ рукахъ сильнаго и искуснаго наездника. Съ невольной робостью и уже прямо со страхомъ смотрѣлъ на него Александръ Кузьмичъ, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ Одея. Промптовъ всталъ.

— Прощайте-ка... — сказалъ онъ, обращаясь къ Александру Кузьмичу. — Я вамъ, кажись, мѣшаю только... Что-жъ отвѣтить: будутъ деньги, или нѣтъ?..

... — Будутъ, будутъ... — отвѣчалъ неспѣшно Александръ Кузьмичъ.

— Ну, ладно... Прощайте покамѣстъ. Вы на меня не сердитесь, — обратился онъ круто къ Алѣнѣ Николаевнѣ: — я вижу въ васъ хорошаго человѣка, способнаго на настоящее дѣло... И если я говорилъ грубо и сурово, такъ, во-первыхъ, у меня такая дурацкая манера, да и опротивляли эти подлѣя вѣжливости, а во-вторыхъ, всѣ ваши затѣи и ваша борьба кажутся мнѣ ребячествомъ и шалостью... А все-таки и школа, если вамъ удастся ее устроить, дѣло въ сущности хорошее, хоть и маленькое; для начала и оно не мѣшаетъ!..

— Такъ вы совѣтуете открывать ее? почти въ одинъ голосъ спросили Алѣна Николаевна и Александръ Кузьмичъ.

— Если хоть двухъ-трехъ лѣтнихъ чтецовъ выучите, и то заслуга... Прощайте, господа...

Промитовъ вынулъ головой всѣмъ присутствующимъ и, не подавая никому руки, пошелъ вонъ изъ комнаты. Александръ Кузьмичъ пошелъ его провожать.

— Что вы про него думаете? — спросила Алѣна Николаевна у Феди, оставившись съ нимъ наединѣ.

— А Богъ его знаетъ... отвѣталъ Федя неопредѣленно.

— Не въ немъ видна большая сила и воля... воля страшная!.. Этотъ человѣкъ на все пойдетъ!..

— Мало онъ говорилъ-то: все больше загадками...

Воротился Александръ Кузьмичъ, возбужденный и изволнованный.

— Вотъ человѣкъ-то!.. — говорилъ онъ. — Чортъ ему не братъ!.. Даже тяжело и страшно съ нимъ какъ-то... Вотъ ужъ этотъ за какое дѣло возьмется, такъ видно что сдѣлаетъ!..

— А, должно быть, они что-то большое и серьезное затѣваютъ... — проговорила Алѣна Николаевна.

— Да, да... Онъ мнѣ и до васъ намекалъ... и въ письмѣхъ нишути, только неясно... А школу-то и уходи опять совѣтовать открывать...

— Вы мнѣ послѣ узнаете подробно про него и про всѣхъ вашихъ петербургскихъ знакомыхъ, — просила Алѣна Николаевна. — А теперь намъ надо же рѣшить поспѣше про школу: кто и гдѣ, что меня будутъ искать!

Снова начались совѣщанія, результатомъ которыхъ было порученіе Федѣ переговорить съ Василиемъ Якимычемъ, а между тѣмъ Александру Кузьмичу прислать предложеніе для школы и квартиры учителя въ ближайшей деревнѣ. Алѣна Николаевна, а

также и Оеда, должны были распространять между рабочими мысль о необходимости учиться самимъ и заставлять учиться дѣтей, и готовить ихъ къ открытію, въ скоромъ времени, школы, противъ воли и желанія главнаго хозяина и директора фабрики.

Оеда ушелъ съ этого совѣщанія возбужденный, съ отуманенной головой и недозвольный. Масса неразрѣшенныхъ вопросовъ толпилась въ его головѣ; онъ чувствовалъ какую-то неудовлетворенность, какую-то досаду и на себя, и на окружающихъ, что-то было неясное, странное, точно умышленно-запутанное въ такомъ простомъ и хорошемъ дѣлѣ, какъ открытіе школы; онъ не умѣлъ объяснить себѣ въ чемъ именно, но чувствовалъ какую-то фальшь, притворство: точно всѣ они, участвовавшіе въ разговорѣ, играли комедію, а между тѣмъ онъ вѣрилъ въ искренность Александра Кузьмича, въ желаніе сдѣлать добро со стороны Алѣны Николаевны. О добротѣ послѣдней онъ уже слышалъ отъ многихъ на фабрикѣ: она ласкала грязныхъ ребятешекъ, раздавала имъ свое бѣлье, лечила и давала денегъ на лекарства больнымъ. Больше всего смущалъ его Промитовъ: какъ можно высказывать такое презрѣніе къ народу, такое недовѣріе къ нему, и съ такимъ энтузіазмомъ предпринимать что-либо во имя общей пользы? Онъ сравнивалъ его съ Василиемъ Якимичемъ, находилъ между ними нѣкоторое сходство, но и большую разницу: въ учителѣ было то же недовольство окружающихъ, раздраженіе и одолбленность, но не было и тѣни того спокойствія, самоуверенности и энтузіазма. Въ стремленіяхъ и желаніяхъ Василия Якимича была какая-то неопредѣленность, неясность; Промитовъ говорилъ загадками, что-то обрывалъ, но видно было, что у него была ясная и опредѣленная задача и цѣль. Василій Якимичъ старался доказать, объяснить, увлечь своими доводами и совѣтами; этотъ говорилъ мало, ничего не доказывалъ, но говорилъ такъ, какъ будто имѣлъ право требовать и приказывать... Почему же?.. Кто ему далъ это право?..

III.

Наконецъ, насталъ давно ожидаемый праздникъ, въ который Оеда надѣялся увидѣть Параню. Какъ только пошабалили на фабрикѣ, Оеда отпрашивался въ путь, несмотря на то, что время шло уже къ вечеру; ускореннымъ шагомъ онъ надѣялся дойти до Онучина еще до ночи, застать Параню съ матерью не-

сиящими, повидать ее хоть минуточку, и, смотря по приему и обстоятельствамъ, остаться ночевать у нихъ, либо идти къ Василию Якимичу, съ тѣмъ, чтобы на другой день опять прийти къ Паранѣ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Федя подходилъ къ Онуфиму, но, къ его удовольствію, въ окнахъ избушекъ еще мелькали огоньки. И нетерпѣніе, и радость, и какая-то безпричинная тревога наполнили сердце Феди: оно билось такъ сильно, точно хотѣло выскочить изъ груди. У него захватывало дыханіе. Юноша долженъ былъ останавливаться на минуточку, чтобы перевести духъ. На улицѣ деревни было совсѣмъ безлюдно и тихо, лаяли только изъ подворотень собаки. Вотъ, наконецъ, и избушка Парани.

Она съ внутри была чѣмъ-то зашпешена, но черезъ занавѣски свѣтился огонекъ, хотя и нельзя было видѣть, что дѣлается въ избѣ. Но тамъ еще не спали. Слышались голоса, смѣхъ. Федя остановился въ нерѣшимости: входить или нѣтъ въ избу. Вотъ мужской голосъ зашѣлъ веселую, непристойную пѣсню; ее прерывалъ женскій хохотъ. Федя весь задрожалъ: голосъ пѣвца показался ему знакомымъ, и неужели Параня слушаетъ эту пѣсню и хохочетъ вмѣстѣ съ матерью?.. А, вѣстася, слышались и ея смѣхъ: вѣдь ли Федя обманется и не узнастъ ея смѣха—такого серебрянаго, такого, бывало, радостнаго для него... Но вдругъ пѣсня оборвалась женскимъ визгомъ: это взвизгнула Параня, вѣрно она!.. И среди этого визга... почудилось ли Федѣ, или въправду... какъ будто слышались поцѣлуи... Что тамъ дѣлается?.. Холодный потъ выступилъ на лбу у Федора. Онъ рванулся къ воротамъ, толкнулъ калитку, но она была заперта изнутри. Федя вновь подошелъ къ окну съ намѣреніемъ постучаться и требовать, чтобы отперли ворота и впустили его, и поднялъ-было уже руку, но остановился: въ избѣ шла какъ-будто перебранка, слышались топотъ ногъ, какъ будто одинъ толкалъ другого, слышала дверь избы, огонь или потухъ, или его вынесли въ сѣни. Федя замеръ въ нерѣшимости, въ ожиданіи что будетъ дальше. Послышались голоса на дворѣ, шаги къ воротамъ, изъ подворотни мелькнулъ свѣтъ: Федя сообразилъ, что провожаютъ гостя, что свѣча вынесена на мостъ, чтобы освѣтить дворъ. Онъ притаялся за угломъ избы. Ночь была осенняя, темная: Федя надѣялся, что его не разсмотрятъ и стоялъ неподвижно, прислушиваясь. Щелкнула щевола, открылась калитка.

— Ну, ступай же, ступай... — говорила Дарья Тихоновна ласковымъ голосомъ. — Право ну, спать пора... Ну, что ждѣтъ праздникъ валобродилъ до полуночи... Ступай же, говорить... Завтра лучше двамъ приходи...

— Да, знамо, приду...—отвѣчалъ мужской голосъ, и въ немъ Одея тотчасъ же узналъ голосъ Кирилы.

Вся кровь бросилась въ голову юноши.

— Вотъ сердце-то вѣшуй!—мелькнуло у него въ головѣ.— Не даромъ тоска смертная была... Такъ, вѣдь, равнѣ оиъ къ ней? вѣдь, не къ ней! къ матери, ко вдовѣ!..

— Ты слышь-ка, повѣдь-ка сюда, жовидь... — продолжалъ Кирила, переступая подворотню.

— Ну, что еще?—спрашивала Дарья Тихожовна, выходя на улицу, и притворяя за собой калитку,

— Я знаю, вѣдь, подлая, отчего ты меня гонишь...—говорилъ Кирила вполголоса.

— Да извѣстно отчего: завтра праздникъ... Добрые люди давно спать ложатся... Нѣтъ на тебя дня-то...

— Нѣтъ, врешь, не оттого... А изъ-за Параньки!..

— Ну, извѣстное дѣло, хоть бы и изъ-за нея... Дѣвкѣ спать хочется, а ты сидишь, да еще лѣзешь къ ней, загрызаешь...

— Врешь, не хочется ей спать: она сама рада.. А ты зачѣмъ сторожишь насъ, минутки не дашь посидѣть одними?..

— Куда тебя одного пустить: ты вонъ и при мнѣ-то силомъ цѣловать лѣзешь въ обнимку... Развѣ это дѣло?..

— Нѣтъ, не силомъ, а тебѣ завидно, что она сама ко мнѣ всей душой: вотъ что тебя мутить...

— Такъ что ты, проваженный: и къ матеѣ, и къ дочкѣ, что ли, хошь ходить... Перекстись!.. Будетъ съ тебя грѣха-то и этого: ты вѣдь женатый!.. чортъ!..

— Такъ что, что женатый?.. Не твое дѣло!.. Ты думаешь, я изъ-за тебя, что ли, хожу къ тебѣ чуть не ежедневно, да весь домъ перетаскалъ сюда... Про тебя-то будетъ бы и шалеваго платка да штофа води... А тутъ дѣло такое пришло ко мнѣ: смертное!.. Житыя нѣтъ безъ нея... Вотъ тебѣ, сказываю!

— Поди-ка, поди... Вынь ты, что еще выдумалъ!.. Рыло-то намочилъ... Пьяница!.. Забрало его, не помнитъ что говорить!..

— Нѣтъ, помнитъ оиъ, знаетъ, что говорить... А слушай, Дарья: смерть моя пришла... Ни жить, ни быть безъ нея!.. Что хошь спрашивай: все отдамъ, весь домъ изведу, только ты мнѣ ее предоставь... Ну, хоть не мѣшай ты мнѣ!.. Дай волю!..

— Да что ты, бахвалъ, что ты о себѣ полагаешь?.. По твоему ли рылу Паранька?.. Да ты самъ-отъ продайся, и съ женой-то, и съ домомъ-то совсѣмъ, такъ ты пальца Паранькинова-то не стѣнишь... Да и не полагай: и смотришь-то она на тебя не захочетъ...

— Ну, ужъ это мое дѣло: захочешь, или нѣтъ.. А ты сама не бахвалься, а вотъ что думай: коли ты не уважишь меня, ни съ ней сбѣжамъ потихоньку.... Долго ли, воротно ли, а ужъ сманю я ее: вотъ тебѣ сказываю!.. И духу нашего не услышишь.. А нѣтъ, разбоимъ пойду: силой выграду, а ужъ будетъ моя!.. А ты лучше подушевно дѣлай, чтобы и тебѣ не голодать вѣкъ.. Я вотъ что надумалъ: испродамъ все, денегъ будетъ у меня достаточно... И поѣдемъ всѣ выѣстъ втроемъ куда ни на есть, въ отдаленную сторону, жить... Торговать станемъ, разбогатѣемъ... Почитать тебя стану...

— Убирайся ты, и вправду... Что ты, дуру, что ли, нателъ: испугать, али обойти меня хочешь?.. Видала, братъ, я на своемъ вѣку много вѣхъ бахваловъ-то!.. Не испугаешь меня, и на кривой-то не объѣдешь.. Кабы у тебя тысячи въ карманѣ-то были, да вынулъ бы ты ихъ и мнѣ въ руки отдалъ... ну, мы бы еще съ тобой поговорили... А этапъ-то?.. Ступай-ка, проваливай!.. Вышь ты, онъ меня чѣмъ манить: уѣдемъ да торговать станемъ на два алтына, богатѣть будемъ... Да ты сначала расторгнись, да тутъ и прїѣзжай за нами купцомъ да въ каретѣ... Вотъ ни съ тобой и поѣдемъ тогда!.. Вышь ты!.. Пошелъ!..

Дарья Тихоновна хлопнула калиткой передъ носомъ Кирилы и защекинула ее. Кирила торгнулся-было въ нее, но одумался и ушелъ. Въ избѣ Дарьи Тихоновны между тѣмъ погасъ огонь и все затихло.

Федя стоялъ нѣкоторое время точно одурѣлый. Холодный потъ капалъ съ его лба, руки и ноги дрожали, въ головѣ былъ какой-то туманъ: онъ не могъ связать двухъ мыслей. Ему хотѣлось и плакать, и броситься вслѣдъ за Кирилой, чтобы избить, или задушить его, хотѣлось поскорѣе войти въ домъ, чтобы видѣть Параню и съ перваго взгляда узнать, виновата ли она передъ нимъ, чтобы обругать Дарью Тихоновну, высказать ей все свое презрѣніе и негодованіе... Но сначала онъ не могъ двинуться съ мѣста, не могъ ни на что рѣшиться, потомъ пошелъ было вслѣдъ за Кирилой, но, отойдя нѣсколько шаговъ, снова воротился къ избѣ Парани и безсмысленно смотрѣлъ на темныя окна. Также полу-бессознательно, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ постучалъ въ окно. Отвѣта не было. Онъ постучалъ опять—съ большей силой. Кто-то съ воркотней подошелъ къ окну, и Федя услышалъ голосъ Дарьи Тихоновны:

— Чего еще нужно? Ступай, говорить, домой... Полуночники!.. Сказано: не пушу... Чего галашишься?... Деревню, что ли,

хочешь забаламутить?... Хопь все стучись: не пушу... и съ полатей не слѣзу... Ишь ты, собака!... Право, цѣсь!...

Феда повалъ, что эти слова относились къ Кирилѣ, и хотѣлъ-было откликнуться, сказать, что это не Кирило, а онъ, но въ сдавленнаго спавшюю гортань вылетѣлъ только неопредѣленный глухой звукъ; пересохшій языкъ не могъ вымолвить слова. Слезы душили его.

«Нѣтъ, лучше ужъ до завтра...» подумалъ Феда. «Теперь мнѣ ничего не сказать, да и онъ спать легли... А завтра посмотрю... можетъ, и его тамъ встрѣчу... Богъ съ тобой, Параня, Богъ съ тобой!...»

Юноша присѣлъ на заваленку у избы Дарьи Тихоновны, закрылъ лицо руками и тихо зарыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Въ деревнѣ уже всѣ огни погасли, все кругомъ спало, темная осенняя ночь безъ луны, безъ звѣздочки на небѣ, непроглядною тьмою покрыла землю, когда Феда, не успокоенный, не нѣсколько облегченный слезами, поднялся на ноги и, почти ощунью, на-память, пошелъ по направленію къ селу. Онъ рѣшился идти къ учителю, разбудить его, если бы даже тотъ спалъ и попросить ночлега. Село было ближе къ Онутину, чѣмъ Ступино, да онъ и боялся теперь, не повидавшись предварительно съ Параней, встрѣтиться съ Кирилой; кромѣ того, ему нужно было видѣть Василія Якимича по извѣстному дѣлу. Онъ могъ сказать ему, что пришелъ прямо съ фабрики, и потому запоздалъ, а завтра уйти пораньше подъ предлогомъ свиданія съ Федотомъ Семенычемъ и сестрою и необходимости къ ночи воротиться на фабрику. Онъ желалъ скрыть отъ Василія Якимича все, что сейчасъ видѣлъ и слышалъ, все, что выстрадалъ, и потому, подходя къ селу, старался успокоиться, удалить отъ себя мысль о Паранѣ и сосредоточиться на затѣваемомъ дѣлѣ и данномъ ему порученіи. Феда зналъ, что Василій Якимичъ будетъ очень доволенъ, если увидитъ, что ученикъ его интересуется общественными дѣлами больше, чѣмъ своими личными.

— Да и чего я, въ самомъ дѣлѣ, очень ужъ такъ къ сердцу принялъ,—успокаивалъ себя Феда:—вѣдь, это Киришка хвасталъ, и Дарья Тихоновна нехорошія слова говорила, а Параня, можетъ-быть, тутъ ни причемъ, ни душой, ни тѣломъ не виновата... Такъ только мнѣ горько сдѣлалось, что я не съ тѣмъ шелъ, не того ждалъ: думалъ—увидитъ, обрадуется... А тутъ этотъ проклятый... А зачѣмъ же она смѣялась на его пѣсню: это ея, ея смѣхъ я слышалъ... Ужъ меня сердце не обманетъ!... И онъ цѣловалъ

ее... Я это чувствовалъ!.. Хотя она и завязжала, да это что... Кабы не захотѣла, не посмѣлъ бы онъ и подступиться... да и не сидѣла бы она съ ними, ушла бы!... Развѣ мать велѣла?... Отъ нея станется!.. А, вѣдь, при другихъ же она ей не велитъ быть... Значить, сама захотѣла?... Ахъ, Господи, что же это будетъ? Что мнѣ дѣлать теперь?...

И снова, снова, мысли Оеда, противъ его воли, возвращались къ Паранѣ. Онъ шелъ и терзался, вдыхалъ, сжималъ съ бѣшенствомъ кулаки, не разъ готовъ былъ вновь зарыдать и послать проклятія Кирилѣ и матери Парани.

Но вотъ и волостное правленіе. Въ одномъ окошечкѣ его, въ нижнемъ этажѣ, свѣтился огонекъ. Это было окно квартиры учителя: значить, не спать еще. Оеда вспомнилъ, что Василій Якимычъ любилъ засиживаться по ночамъ, читая книгу, или просто ходя изъ угла въ уголъ съ папироскою въ рукѣ; завтра же праздникъ, слѣдовательно, ученія не будетъ, и Василію Якимычу можно спать хоть до обѣда. Оеда, сообразивъ это, остановился, чтобы собраться съ духомъ и притвориться спокойнымъ.

— Надо ему все рассказать: и про Александра Кузьмича, и про барышню, и про студента, и какіе у насъ разговоры, какіе замыслы... Онъ обрадуется, что я попалъ къ такимъ людямъ и что меня не влюбилъ директоръ и что я не за-одно съ главнымъ хозяиномъ, не въ особенной милости у него, и понимаю, что это за человекъ, какъ онъ только себя желаетъ и не думаетъ о рабочихъ, презираетъ и притѣсняетъ ихъ... Да, да, пускай же онъ не говоритъ, что я только для себя, что у меня въ головѣ одна нажива, да... Объ ней, о Паранѣ,—я и виду не подамъ... А будетъ спрашивать, скажу: не видѣлъ, ничего не знаю... Что ему за дѣло до нея?.. Затѣмъ ему знать?..

Оеда подошелъ къ освѣщенному окну и заглянулъ въ него. Комната Василя Якимыча была наполнена густымъ табачнымъ дымомъ, сальная свѣча тускло мерцала въ этомъ дыму, стоя у изголовья постели, на которой навзничъ лежалъ самъ хозяинъ. За спинкою кровати не было видно его самого, но видна была рука съ дымящейся папиросой, которую Василій Якимычъ то-и-дѣло подносилъ ко рту, выпуская затѣмъ цѣлыя облака дыма.

«Видно, что-нибудь не хорошо у него: чѣмъ-нибудь разстроенъ! — подумалъ Оеда. «Всегда онъ такъ, какъ что не по-немъ: либо бѣгаетъ взадъ да впередъ, либо лежитъ навзничъ да куритъ папироску за папироской»...

Оеда осторожно постучалъ въ окно. Василій Якимычъ порывисто вскочилъ, нервно осмотрѣлся, прислушался и подошелъ къ

окну; застѣвая рукою свѣчу, онъ старался разглядѣть, кто былъ на улицѣ, у него подь окномъ.

— Это я, я, Василій Якимычъ... Оеда!.. Отоприте, пустите меня!..

— Оеда!..—съ удивленіемъ и какъ будто даже съ радостью вскрикнулъ учитель.—Поди на крыльцо: сейчасъ отпру.

— Другъ любезный... какими это судьбами въ такое время?.. Откуда ты?—спрашивалъ Василій Якимычъ, встрѣчая своего гостя.

— Прямо съ фабрики... Нарочно къ вамъ, Василій Якимычъ: повидаться захотѣлось... Тоже идти не близко: вышелъ вечеромъ, запоздалъ... Ужъ не обезсудьте, не выгоньте, дайте переночевать...

— Что ты, братецъ... Да я тебѣ радѣхонекъ... Только не случилось ли чего съ тобой: лицо-то у тебя что-то такое... не веселое?..

— Нѣтъ, ничего... Съ устатку, должно быть: поспѣшалъ, шелъ очень скоро... Вѣрно оттого... А вотъ у васъ такъ видно что-нибудь не ладно... Разстройство какое-нибудь... неприятность... Я къ вамъ примѣнился... да и изъ лица вижу переѣмъ большую...

Василій Якимычъ, дѣйствительно, имѣлъ такой видъ, точно пережилъ какую тяжкую болѣзнь: похудѣлъ, осунулся, лицо потемнѣло, глаза были желтые.

— Э, братъ, жить не даютъ нашему брату!..—вскричалъ онъ съ раздраженіемъ.—Хороша ли, сладка ли наша жизнь на пятнадцать рублей жалованья въ мѣсяцъ, съ работой съ утра до вечера?.. Такъ и то отнять хотятъ, и этого лишитъ надо человѣка... Пускай издыхаетъ на улицѣ, какъ собака!.. Дѣлаешь дѣло свое честно, желаешь добра искренно, не жалѣешь себя для людей... Зачѣмъ? Кто тебя проситъ? Развѣ это нужно?.. Умѣй стоять на вытѣжку, руки держи по швамъ, молчи, не возражай, когда какой-нибудь идіотъ глупости тебѣ говорить и глупостей требуетъ—вотъ что нужно! вотъ въ чемъ должна быть твоя служба обществу, твой долгъ!.. Лучше ничего не дѣлай, лучше въ два года не выучивай дѣтей читать, лучше пьянствуй, играй въ карты, безпутничай, обирай съ дѣтей грибы и ворованныя яйца, какъ дѣлаютъ другіе, чѣмъ нарушать программу, учить дѣтей тому, что не показано, развивать ихъ головы, толковать о добрѣ и чести... А главное дѣло: помни это ты, какой ты червякъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ легко тебя раздавить, уничтожить, и потому трепещи, унижайся, не смѣй рассуждать и думать, а не то что возражать и разговаривать!.. Ну, скажи Оеда, скажи по совѣсти, не боясь меня обидѣть: выучивались ли у меня сколько-нибудь толковыя дѣти читать и писать въ три-четыре мѣсяца?..

— Да какъ же не выучивались: я самъ видѣлъ сколько мальчиговъ...

— Ну, дальше: любили ли мои дѣти школу, привязывались ли ко мнѣ, возбуждалась ли въ нихъ любознательность, дѣлали ли они ко мнѣ на перебой съ вопросами о томъ, о другомъ, о третьемъ — съ такими вопросами, на которые учитель обязанъ, не имѣетъ права не отвѣтить, если онъ не пошлякъ, не идіотъ и понимает свои обязанности?.. Ну, скажи по совѣсти...

— Да что говорить, Василій Якимычъ... Это не то, что я... каждый, мало-мальски толковый, неграмотный мужикъ скажетъ... Сколько разъ мнѣ приводилось слышать: удивлялись только, какъ къ вамъ дѣти рвутся въ школу, какъ онѣ васъ любятъ и какъ вамъ не надоѣстъ цѣлые дни возиться съ ними...

— Такъ это все вѣрно, значить!.. Ну, а слыхалъ ли ты, чтобы я училъ дѣтей подлости: неуваженію къ ихъ бѣднымъ неграмотнымъ родителямъ, къ правдѣ, къ закону?.. чтобы я внушалъ имъ духъ непокорности, самоувѣренности, зазнайства, чтобы я развращалъ ихъ дѣтскую душу невѣріемъ и кощунствомъ надъ тѣмъ, что для нихъ святыня?.. Ну, обвиняй меня въ этомъ, если можешь, если есть у тебя хоть какой-нибудь къ тому поводъ... Не совѣстись: говори прямо...

— Какъ же я буду васъ обвинять, Василій Якимычъ, коли этого никогда не было... Кто же это можетъ сказать?..

— Ну, вотъ видишь!.. А я все это дѣлалъ, во всемъ этомъ я обвиненъ!.. Я привязывалъ къ себѣ дѣтей для того, чтобы развращать ихъ, онѣ плохо знаютъ священную исторію, которой не я ихъ учу, потому, что я отвлекалъ ихъ вниманіе своими разсказами и объясненіями, не входившими въ программу, онѣ были невнимательны, шаловливы и непослушны въ классѣ священника потому, что я ихъ такъ настраивалъ, они рѣдко ходятъ въ церковь не потому, что разбѣгаются на праздники по домамъ и что ихъ не посылаютъ въ церковь родители, которые и сами не ходятъ, а потому, что я внушилъ имъ духъ невѣрія и неуваженія къ религіи... Это ребятишкамъ-то — десяти-одиннадцати лѣтъ!.. Они не умѣли показать ни страха, ни рабобѣзства, ни благоговѣнія къ особѣ г. посѣтителя школы, а отвѣчали ему на всѣ его вопросы бойко, смѣло, весело, какъ и слѣдуетъ дѣтямъ... значить, учитель внушаетъ имъ неуваженіе къ начальству — и прочее, и прочее... Господи, говорю, да, вѣдь, это дѣти, и притомъ дѣти деревенскіе, мужицкіе, развѣ они могутъ понимать что такое школьное начальство, которое они видятъ разъ въ годъ, и развѣ они знаютъ: какъ нужно себя держать съ нимъ?

«Должны понимать и знать... И вотъ это — настоящая ваша обязанность — внушить и растолковать имъ». — Да наконецъ, говорю, это тоже не входитъ въ мою программу, какъ сельскаго учителя!.. За это окрикъ, дерзость: «ты начинаешь, кажется, грубить... ты забываешься!.. Помни, съ кѣмъ говоришь!..» Да развѣ есть человѣческая возможность ни за что, ни про что оскорбленія выслушивать?.. Ну, и говорю: какъ же вы требуете вѣжливости отъ крестьянскихъ дѣтей, когда не знаете ее сами?.. — Поблѣднѣлъ, затрясся. «А-а, вотъ каковъ!..» Уже тутъ ни *ты*, ни *вы* не сказали!.. «Хорошъ наставникъ! Хорошъ руководитель дѣтей!..» И вотъ, братъ, Одея, велѣно убираться отсюда: послѣдніе дни въ школѣ, — черезъ недѣлю уже не засталъ бы меня здѣсь!.. И вѣдь главное-то, что обидно... Не то, что глупецъ и негодяй тебя не понялъ, оскорбилъ и лишаетъ куска хлѣба и любимаго, единственнаго дѣла, къ которому считалъ себя способнымъ... Ну, тутъ можно еще и самого себя обвинить: зачѣмъ не гибко, не уступчивъ, не терпѣливъ?.. Чтѣ дѣлать: съ волками жить, по волчьи и выть!.. Не убѣдившись за тридевять земель, когда пить-ѣсть нечего!.. А то, главное, досадно, что — какъ послѣ узналъ — хоть бы и сподличалъ, и унился, все бы равно было: у нашего попа — женина брата изъ семинаріи за неспособность изъ реторики, что ли, исключили — и мое мѣсто впередъ еще ему было обѣщано... Вотъ чтѣ обидно и горько!..

— Не горюйте, Василий Якимычъ! — вскричалъ Одея: — я къ вамъ съ добрыми вѣстями пришелъ... Есть для васъ мѣсто — много лучше здѣшняго будетъ!..

И Одея торопливо разсказалъ Василю Якимычу о предложеніи молодого Кошатникова.

Лицо учителя мгновенно оживилось.

— Вотъ, братъ, это дѣйствительно радость для меня!.. Спасибо, Одея!.. И въ самую критическую минуту!.. Да попасть въ школу порядочнаго частнаго человѣка — это моя давнишняя мечта!.. Дѣло не подневольное, устроенное не ради корысти или официальности, но изъ чистаго побужденія сдѣлать добро... Да тутъ душу положить можно!.. Не то, что за такое жалованье, а меня только кормите, да наготу чѣмъ-нибудь прикройте, — я и тутъ бы пошелъ... Нѣтъ, еще, слава Богу, есть, видно, люди на Руси!.. И какъ ты счастливо попалъ, Одея, въ хорошую колею, къ хорошему человѣку!.. Ну, разскажи же, разскажи мнѣ подробно, чтѣ это за человѣкъ, кто его окружаетъ, какъ ты живешь, чтѣ тамъ дѣлается, — все, все разскажи подробно... Это что-то неожиданно-счастливое, желанное!.. Разсказывай... Да по-

годи, согрѣемъ мы самоваръ, — давай на радостяхъ чай пить... Или спать, можетъ, хочешь? — такъ ложись на мою постель... Я спать совсѣмъ не хочу...

Но Оеда также не хотѣлъ спать. Пріатели обоюдными силами согрѣли самоваръ и усѣлись за него: удовольствіе Василя Якимыча облегчило и душу Оеди; онъ повеселѣлъ и подробно рассказывалъ о всемъ, что съ нимъ было на фабрикѣ, до послѣдняго совѣщанія включительно.

— Да, братъ, Оеда, это, можетъ быть, живны!.. Это не здѣшнее прозябаніе!.. Тамъ видна возможность борьбы, возможность прямого добра!.. И этотъ Промптовъ!.. Да, это загадка, но я ее, кажется, понимаю... Что же?.. Во всякомъ дѣлѣ есть низшія дѣйствующія и высшія — регулирующія силы... А въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ народнаго блага, онѣ равны по значенію, потому что одинаково необходимы и полезны... Еще Богъ знаетъ, что выше: быть ли непосредственно чернорабочимъ, какъ я, или направлять чужую дѣятельность? Тутъ еще могутъ быть увлеченія, ошибки, деспотизмъ: а тамъ — непосредственное добро и самопожертвованіе... И какъ я радъ, Оеда, за тебя, если бы ты зналъ!.. Теперь я попрошу у тебя извиненія въ моихъ прежнихъ словахъ и предположеніяхъ: нѣтъ, я вижу, ты не таковъ, ты не пойдешь по опасной дорогѣ... Ты прямо примыкаешь къ честной сторонѣ и становишься въ оппозицію къ одной темной, невѣжественной, силѣ... Значить, я могу съ гордостью сказать, что мое сѣмя упало въ тебѣ не на бесплодную почву!.. Ну, а что же твоя любовь?.. Скажи-ка ты мнѣ...

Разговора объ этомъ Оеда боялся больше всего; но вопросъ Проскурова засталъ его въ-расплохъ: онъ поблѣднѣлъ, опустилъ глаза и лицо его вдругъ огуманилось. Напрасно онъ искалъ въ головѣ подходящаго отвѣта, который съ-разу устранилъ бы дальнѣйшіе разспросы; онъ ничего не могъ придумать и молчалъ.

— Что, али что-нибудь недоброе узналъ? Ахъ, вотъ еще обрадуй: скажи, что эта дурь... ну, право, дурь, Оеда!.. свалилась съ тебя... Ну, что же моляишь? Вѣдь мы съ тобой друзья! Съ вѣмъ другимъ, а со мной-то тебѣ грѣхъ и стыдно скрытничать... Выкладывай скорѣе все, что есть на душѣ... Въ эту минуту я съумѣю и выслушать, и понять тебя, — и, можетъ быть, добрый совѣтъ дать, или утѣшить...

— Вы смѣтаетесь надо мной... Вы думаете, что это такъ только... — говорилъ Оеда, который и самъ почувствовалъ потребность высказаться, подѣлиться и чувствомъ своимъ, и горемъ. — Вы не знаете ея хорошенько и дурно думаете о ней, а она...

Это все мать!.. А мнѣ тяжело, когда вы смѣтаетесь, или браните ее...

— Значить, не прошло еще... Ну, ну, говори: даю тебѣ слово, что ни смѣяться, ни бранить ее не стану... Рассказывай все, коли хочешь, коли тебя это облегчить... Выслушаю какъ друга... А не хочешь говорить — не надо, не сказывай!.. Мнѣ только жалко тебя: все кажется, что тебя обманываютъ и что ты, вмѣсто дѣла, на пустяки, на мерзость душу свою отдаешь... Вотъ только почему спрашиваю, а то какъ хочешь... Твое дѣло!..

— Нѣтъ, я хочу сказать... Мнѣ больше нѣкому, какъ вамъ... Вы послушайте и посоветуйте мнѣ, только не смѣйтесь и не браните ее, зря... Я, вѣдь... Все, вѣдь, я по-прежнему къ ней, какъ и былъ... Нѣтъ, кажется, еще больше...

Отецъ опять душили слезы, — опять всѣ прежнія впечатлѣнія поднялись въ его душѣ.

— Да, ну, ну, рассказывай, — полно ужъ, горе-голова!..

Несвязно, прерывисто, то блѣднѣя, то краснѣя, рассказывалъ Отецъ всю исторію своей любви, но когда дошелъ до послѣднихъ событій, до случайно подслушаннаго имъ циническаго разговора Кирилы съ Дарьей Тихоновной, въ душѣ его, среди злобнаго раздраженія противъ этихъ двухъ лицъ, вдругъ поднялось чувство жалости къ Паранѣ, вмѣстѣ съ упрекомъ самому себѣ, что онъ въ ней усумнился, что онъ оскорбилъ ее напраснымъ подозрѣніемъ, и даже высказалъ это подозрѣніе стороннему человѣку. Онъ поспѣшилъ предупредить какой-либо выводъ, какое-либо замѣчаніе со стороны Проскурова на-счетъ Парани.

— Да нѣтъ, нѣтъ, Василій Якимычъ, вы и не думайте, и не судите ее по этому... Тутъ она ни въ чемъ не виновата: это все matka ея, да этотъ... Кирюшка... Она, Параня, не такая!.. Вѣрно вамъ говорю: не такая!.. А вы лучше надоумьте меня, посоветуйте: чтó мнѣ дѣлать? какъ быть?.. Уйду я на фабрику, видать мнѣ ихъ часто нельзя, а онъ тутъ... этотъ Кирила нашъ... Онъ отчаянный, — онъ на все пойдетъ!.. Чтó тутъ сдѣлать?.. Вы говорили: какъ другу, расскажи мнѣ все... Вотъ посоветуйте же мнѣ... Я придумать ничего не могу, а чтó думаю, — все не дѣло... А только-что мнѣ не жить безъ нея...

— Советовать-то, братъ, тутъ мудрено, хоть я, правда, и самъ напросился... Да я думалъ, надѣялся, что у тебя глаза открылись и что мнѣ придется только утѣшить тебя, да помочь совсѣмъ эту обузу съ плечъ спихнуть... Кабы ты страхнулъ съ себя эту блажь, совсѣмъ бы ты былъ теперь человѣкъ настоящій... и годился бы на всякое дѣло... Ну, да нѣтъ, — видно,

время еще не пришло!.. Такъ вотъ что: не будь же хоть бабой, поди къ нимъ, да и скажи прямо, что ты видѣлъ и слышалъ... И потребуй, что ли, тамъ, чтобы его не пускали, — чтобы или ты, или онъ... Хотя, по крайней мѣрѣ, увидишь, что они объ тебѣ думаютъ... Уже доведи, по крайности, дѣло до конца...

— А ну какъ мать скажетъ мнѣ: убирайся! тебя никто не спрашиваетъ въ наше дѣло мѣшаться!.. Я, молъ, и знать-то тебя не хочу...

— Да денегъ-то ты несешь имъ?

— Да много-ли денегъ!.. Что это!..

— Все-таки, значить, несешь... и впередъ привести пообѣщаешь... Ну, такъ не бойся, — не скажутъ!.. Вотъ кабы безъ денегъ пришелъ, — то другое дѣло: пожалуй, и прогнали бы...

— Эхъ, Василій Якимычъ, вы все про это... Да нѣтъ же, любить меня Парана: она обѣщалась ждать меня, ни за кого замужъ не идти, кромѣ меня... Вонъ, и Николая говорилъ, что она все поминаетъ меня... Я, вѣдь, два мѣсяца слипвомъ у нихъ не бывалъ, — ни вѣсти объ себѣ не посылалъ, ни денегъ... Онѣ, можетъ, думаютъ, что я и совсѣмъ отъ нихъ отсталъ... Нѣтъ, мнѣ бы какъ только Кирышку отъ нихъ отлучить...

— Такъ скажи про него женѣ и отцу... Вотъ!.. Ужъ, братъ, тутъ, если бабѣ скажешь, — усторожить!.. А отецъ, старшина, и матку-то Паранину припугнетъ, потому — она подарки отъ Кирила принимаетъ, домъ ихъ разоряетъ...

Федя задумался и молчалъ. По лицу его видно было, что онъ разсѣянно слушалъ Василія Якимыча, и что если онъ высказывался и просилъ совѣта, такъ только для того, чтобы говорить и думать вслухъ о своемъ недугѣ. Проскуровъ понялъ, что никакіе совѣты его тутъ неумѣстны, что Федя поступитъ такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ и минутному побужденію...

— Ты только вотъ что помни, Федя, — сказалъ онъ ему, — что тебѣ стыдно отдаваться совсѣмъ этой любовной блажи, что у человѣка есть дѣло и обязанности, которымъ онъ долженъ служить, какія бы тамъ у него ни были личные заботы и печали... А объ этомъ я больше съ тобой и говорить не хочу: мнѣ и противно, и досадно становится... Ты не слюняй какой-нибудь, и не баричь-бѣлоручка!.. У тебя вотъ очень ужъ нервная впечатлительность развита, точно ты въ городѣ на романахъ выросъ... Не забывай, что ты мужикъ, что романы тебѣ неприличны, что тебѣ надо работать и бороться, а не сахарничать... Нашему брату жизнь-то мачиха: на каждомъ шагу одни вострахи да под-

затыльники... Намъ нужно на все быть готовыми, все уми́ть грудью встрѣтить, всего своими руками да мозгами добиваться!.. А онъ тутъ будетъ объ разлапушкѣ думать, да сахара съ немю разводить... Наплюй!..— вотъ весь тебѣ мой дружескій совѣтъ!.. Больше объ этомъ и говорить не будемъ...

Василій Якимычъ ходилъ вездѣ и впередъ по своей коморѣ, пыхти папирской,—Оеда сидѣлъ у стола, подперши голову рукою, мрачный, печальный.

— Да,—говорилъ онъ сосредоточенно,—и я мужикъ, и Кири-ла мужикъ, и оба мы живемъ, и дѣлаемъ всякъ по-своему... И у всякаго сердце свое!.. Я отъ работы не бѣгаю, дома не разоряю, ала никому не хочу и не сдѣлаю... А ужъ коли пала Параня мнѣ на сердце, такъ не отнять ея у меня Кирилъ... Не бывать этому!.. Ладно же, я знаю, что я сдѣлаю!..

Оеда поднялъ голову и смѣло тряхнулъ ею. Лицо его ожи-вилось и повеселѣло: въ головѣ его вдругъ сложился планъ, который давалъ ему надежды, усновивалъ его. Онъ всталъ.

— А, вѣдь, ужъ не рано, Василій Якимычъ... —сказалъ онъ.—Смотри, скоро утро... Время, чай, соснуть и вамъ: я, можетъ, мѣшаю вамъ... Ложитесь, а я пойду вонъ въ школу, да тамъ прилягу на лавкахъ... Какъ разсвѣтетъ, такъ и уйду... По-прощаемся теперь... Я ужъ васъ завтра не потревожу...

— Да куда же ты такъ рано-то?.. Что надумалъ еще?..

— Вѣдь, мнѣ нужно побывать и у своихъ, и на фабрику, хоть ночью, воротиться...

— И туда?—спросилъ Проскуровъ, улыбаясь.

— И туда, Василій Якимычъ: не хочу лгать, туда прежде всего... А что надумалъ—послѣ скажу, коли сдѣлается: теперь говорить не стану, и то вамъ надоечиль... Да, вѣдь, мы, чай, скоро и увидимся тамъ, на фабрикѣ...

— Да, да, я скоро приду: вотъ только здѣсь совсѣмъ раз-считаюсь, и тотчасъ туда... Такъ тамъ и скажи, что согласенъ и радъ!.. А вотъ, братъ, что: я-то спать вовсе не хочу, да и завтра у меня цѣлый день дѣлать нечего—высплюсь... А тебѣ такъ вотъ нужно отдохнуть и укрѣпиться: ложись-ка на мою кровать, а я свѣчку унесу въ классъ и буду тамъ ходить и ку-рить: и тебѣ свѣтъ не мѣшаетъ, и мнѣ просторнѣе... А завтра чѣмъ свѣтъ я и разбужу тебя...

Оеда было уперся, но Василій Якимычъ настоялъ и уложилъ его на свое, не мягкое, впрочемъ, ложе.

Усталый, измученный и физически и нравственно, Оеда скоро уснулъ, но Василию Якимычу, который остатокъ ночи промар-

шировалъ по школѣ и выеурилъ безсметное количество папирсъ, не удалось разбудить пріятеля. Онъ вскочилъ на ноги, едва только стало свѣтать, наскоро попрощался съ учителемъ и ушелъ.

— Ну, братъ, совсѣмъ ты Ромео изъ Ступина!.. — сказалъ Проскуровъ, усмѣхаясь и провожая пріятеля.

IV.

Дарья Тихоновна и Параня проснулись поздно. Никола, по случаю праздника, находившійся дома, натаскалъ дровъ и опять залѣзъ на полати. Мать растопила печку и приготовилась стряпать, а дочь только-что встала, лѣниво потягиваясь, сѣдѣла на лавкѣ и медленно расчесывала гребнемъ свою длинную косу.

— Матушка!.. — окликнула Параня.

— Что?..

— Чай, поди, опять придется сегодня...

— Кто?..

— Ну, кому больше: знамо, Кириза...

— Какъ, чай, не придти... Придети!.. Обѣщался!..

— Миѣ уйти изъ дома-то, или нѣтъ?..

Дарья Тихоновна отвѣчала не вдругъ, а подумавши и нерѣшительно:

— Какъ знаешь... Перво, пожалуй, посиди... А тутъ, коли станеть дурить, да если мигну, такъ уйди...

— А онъ ко миѣ пристаесть... Отбою нѣтъ!.. — проговорила опять Параня, послѣ нѣвотораго молчанія.

— А ты не приманивай... не подпускай... Оборви его хорошенько...

— Да, пожалуй... Пытала: хуже только!..

— Ну, полно врать... Захотѣла бы, отсталъ съ-разу...

— Не таковский парень!.. Неотвязный!..

— Ты, дурочка, не думай... Вѣдь онъ женатый!..

— Такъ развѣ я не знаю...

— А ты почему знаешь?..

— Недавно узнала: сказали...

— Да, вѣдь, и миѣ-то недавно сказали... И поди-жъ ты, сколь времени таялся!.. Перво, на базарѣ, въ трактирѣ, мы съ нимъ повстрѣчались... Робать-то упростишь, видно, не сказывать, что женатый: боялся, видать, что до домашнихъ дойдетъ, и изъ

другой деревни сказалося... Такъ за холостого и шелъ... Недавно, недавно, я его уличила...

— Что же онъ?..

— Ничего, хохочетъ, смѣется!.. А тебѣ, говорить, что за дѣло: женатый я, или холостой?.. Какъ, я говорю, что за дѣло?.. Кабы я пережъ знала, что ты женатый, такъ можеть я бы и въ нѣбу-то тебя не пустила... Для того, говорить, я холостымъ и хожу!.. Поди ты съ нимъ!..

— Онъ веселый!.. лихой!..

— Лихъ-то онъ, лихъ... Да боюсь ужъ я, какъ бы бѣды съ нимъ не нажить...

— А что?..

— А то...—отвѣчала Дарья Тихоновна и взглянула на полати.

— Николка!—окликнула она сына и подождала; но отвѣта не получила.

— Спать! ничего... не услышитъ!..—сказала Параня, съ-разу понявши мать.

— Ты знаешь ли: чей онъ сынъ-отъ?—спросила Дарья Тихоновна вполголоса, подойдя близко къ дочери.

— Знаю: старшинновъ... Да отецъ-отъ его отдѣлялъ... Не то отдѣлялъ: все ему предоставилъ, и домъ, и все!..

— Онъ отбился у отца-то... Вѣдь, онъ, сказываютъ, деревню спалилъ... въ острогѣ два года сидѣлъ... Вѣдь, онъ бѣдовый!.. Не знаю, какъ отдѣлаться-то отъ него... Я ужъ давно вижу, что онъ къ тебѣ пристаётъ... Думала, не вижу что-ли?.. Вижу!.. А ты знаешь ли, что онъ вчера мнѣ загнулъ?..

— Что?..

— Отдай, говорить, мнѣ Параньку... Я весь домъ, все имѣнье распродамъ... Уѣдемъ, говорить, куда подальше, да и будемъ жить... А то, говорить, все равно смяю я ее... это тебя-то... Сама убѣжить со мной... Либо, говорить, силомъ выкраду!.. Отъ него все станется: онъ отчаянный!.. Вонъ глазищи-то какіе: ночь темная!..

— Ты что же ему сказала?

— Ну, что сказать-то: извѣстно—обругала!.. А ты вотъ зачѣмъ его приманивала-то?.. Видно, потачку давала, коли такіа рѣчи говорить?..

— Да чѣмъ я его приманивала? Ничѣмъ не приманивала... Сама же велѣла, чтобы не уходила, какъ придетъ...

— Такъ, вѣдь, дура, я думала—холостой да богатый: больно ужъ онъ машистъ, такъ деньгами-то и швыряетъ...

— Ну такъ, вѣдь, и я то же думала, что холостой... А ты видала ли жену-то его?..

— Нѣту, да что мнѣ за корысть...

— Вѣдь, она Оедина сестра...

— Знаю... Только я ему и не замкалась про Оедора-то, точно и не слыхала про него никогда...

— Гдѣ-то онъ, сердечный?.. Ни слуху, ни духу нѣтъ про него!.. Вотъ съ Николкой общался побывать, да такъ и не пришелъ...

— Да вотъ, вѣрь имъ!—наставительно сказала Дарья Тихоновна.—Наобщаются съ три короба, а послѣ и нѣтъ ничего...

— Ну, этому повѣрить можно!.. А видно, что-нибудь нельзя никакъ... На-ка, матушка, разбери мнѣ косы-то сзади...

— Да что, ужъ очень любь что ли?.. Кажись, не тоскуешь по немъ?..—спросила Дарья Тихоновна, исполняя просьбу дочери.

— Тосковать-то не тоскую, а все думается: больно ужъ онъ меня-то полюбилъ... Такъ полюбилъ, такъ полюбилъ!.. Да ужъ больно смиренъ, поступчивъ... Вей изъ него веревки... Только въ глаза смотреть!.. Этакой робкій парень, а душевный... и говорить сладко: не какъ наши, оглашенные...

— Да ничего, вѣдь, нѣтъ у него... Бѣдный!..

— Кабы не бѣденъ-то, такъ что бы!.. Лучше бы его не надо!.. Да общалъ разбогатѣть... просилъ только годокъ подождать...

Въ эту минуту двери избы отворились, и въ нихъ показался Оедоръ. Обѣ женщины вскрикнули отъ неожиданности. Параня съ распущенными еще по плечамъ волосами была особенно хороша, и Оедя какъ вошелъ въ избу, такъ и остановился точно окаменѣлый, любуясь на нее. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ, не въ силахъ былъ промолвить слова, забылъ даже поддороваться. Параня, вскочившая-было съ лавки, на встрѣчу Оедѣ, остановилась, вспоминая о своихъ распущенныхъ волосахъ, засмѣялась и, съ лукавой улыбкой, кокетливо поглядывая на Оедю, схватила платокъ и начала торопливо повязывать имъ голову. Отъ этой улыбки, отъ вызывающихъ взглядовъ Парани, отъ всей ея красоты, у Оеди потемнѣло въ глазахъ. Къ нему подошла Дарья Тихоновна.

— Вотъ легокъ на поминѣ-то, Оедоръ Герасимычъ, привѣтливо говорила она,—только-что мы съ Параней тебя поминали...

Голосъ Дарьи Тихоновны вывелъ Оедю изъ столбняка, заставивъ его ономнить и отвести глаза отъ Парани.

— Здравствуйте, Дарья Тихоновна,—отвѣчалъ онъ, чувствуя,

что вся кровь прилила къ его лицу. Онъ застыдился, точно школьникъ, пойманный за неопозволительной шалостью, и въ то же время вспомнилъ всѣ впечатлѣнія вчерашняго вечера, вновь почувствовалъ злобу и негодованіе противъ матери Параниной. Но онъ далъ себѣ слово до времени не подавать вида, что знаетъ о посященіяхъ и намѣреніяхъ Кирила.

— А я полагалъ, что вы не то, что вспоминать... и думать-то обо мнѣ перестали... — продолжалъ Федя съ улыбкой: — особенно вы, Парасковья Михайловна... Здравствуйте...

— Здравствуйте, — отвѣчала Параня, успѣвшая уже повязать платокъ и заглянуть въ висѣвшій на стѣнѣ верешокъ зеркала. — А вотъ и напрасно... Вонъ вы какъ насъ застали... Не ждали никого эку ранъ, а все же про васъ поминали...

— И какъ это можетъ быть, чтобы мы забыли дорогихъ пріятелей своихъ забывали, какъ вы?.. Да разве это можетъ статься, — подхватила Дарья Тихоновна... — Садитесь-на, гость дорогой; ужъ не обезсудь, въ чемъ засталъ: Параня-то недавно встала, а я за стряпней... Да не то, что забыть тебя, а дня не прошло, чтобы не поминали: гдѣ это нашъ другъ сердечный, куда это онъ закатился?.. И не вздумаетъ, и не вспомнитъ про насъ, сиротъ?.. Что это, родной, и самъ-дѣлъ тебя давно же видно?..

— Да все за дѣлами... Никакъ невозможно было: то дома у батюшки работу управлялъ, а теперь вотъ на фабрику поступилъ...

— На фабрику! — вскричали мать и дочь въ одинъ голосъ.

— Да, поступилъ...

— Ну, вотъ какъ!.. Хорошо ли же пришлось?.. По какимъ дѣламъ-то?..

— Да повею все, слава Богу... Дѣла мнѣ разные тамъ будутъ: и по столярной части, и около машинъ!..

— Значить, и жалованье хорошее получаете?..

— Да жалованье — это что! Сегодня одно, а завтра и вдвое дадутъ, смотря по дѣлу... А то главное, что съ хозяйскимъ сыномъ очень ужъ мы подружались... Такъ полюбилъ меня!.. И человекъ чудесный, добрый!.. И вся фабрика эта его будетъ: самъ-отъ старикъ нарочно ее для него и построилъ... Богачи страшные!..

— Что же, вамъ тутъ хорошо будетъ очень, Федоръ Герасимычъ, коли хозяева васъ такъ полюбили... Ужъ это на что лучше!..

— Да, слава Богу!.. А гдѣ же Ниволаша-то ваптъ?..

— А вонъ спитъ на полаткахъ... Да пора ему вставать... Вотъ я сейчасъ его разбужу...—сказала Дарья Тихоновна.

— Зачѣмъ, Дарья Тихоновна?.. Не нужно!.. Пускай его спитъ: сегодня праздникъ!.. Я только къ тому, что здоровъ ли, молъ... Меня сокрушало, что я точно повабылъ о немъ, а я не забылъ: вотъ получите денежекъ... я принесъ: на его обученье...

Өедя сталъ вынимать изъ кошелька приготовленную бумажку.

— Чтой-то, чтой-то, Өедоръ Герасимычъ... — встрепенулась Дарья Тихоновна. — Ужъ заботы твои велики о немъ: собѣстно даже...

— Теперь время зимнее подходить, тоже одежду нужно ему справить: шубу, сапоги теплые... Вотъ красенькую бумажку я покамъ принесъ... Получите...

— Ну, чтой-то, право, ну, собѣстно... Себя ты не обижаешь ли, Өедянушка?..—говорила Дарья Тихоновна, принимая деньги.

— Нѣту, не безпокойтесь!.. теперь Богъ милостивъ!.. Деньги будутъ!..

— Спасибо, родной, голубчикъ, спасибо... Дай Богъ тебѣ здоровья!.. Не оставляешь ты сиротъ!..

Өедя мелькомъ взглянулъ на Параню: она сидѣла, опустила глаза въ землю.

— Миѣ вѣдь вотъ нужно поторапливаться еще побывать къ сестрѣ, да къ Өедоту Семенычу... А къ ночи нужно на фабрику поспѣшать...—говорилъ Өедя.—Я къ вамъ на минутку только...

— Чтой-то, чтой-то... Побойся Бога!.. Нѣтъ, не пущу, не поѣвши... Вотъ печь растопилась: яиченку сдѣлаю, да блинчиковъ напеку... Какъ можно, экой гость дорогой, сколько времени не бывалъ, да я его такъ отпущу, голоднаго!.. Чтой-то, не обижай!.. Водочки, знаю, не кушаешь...

— Нѣтъ еще, благодарить Бога, не приучился...

— А вотъ что: блины-то блинами, а я сейчасъ сбѣгаю,—у сусѣдки самоварчикъ промыслю, чайку у меня испей... Да посиди, батюшка, не торопись: поспѣешь еще... Не пускай его, Паранька... А я сейчасъ сбѣгаю...

Дарья Тихоновна проворно юрнула изъ избы.

Өедя, оставшись одинъ, взглянулъ на Параню: та смотрѣла на него свѣтлымъ, открытымъ взглядомъ и улыбалась тою улыбкой, которую Өедя никогда не могъ вспомнить безъ трепета, и теперь онъ чувствовалъ, какъ сердце колотилось у него въ груди. Такъ молча смотрѣли они другъ на друга нѣсколько мгновений. Наконецъ, Өедя вдругъ всталъ и пересѣлъ рядомъ съ Параней.

- Такъ какъ же, Параня, не забыла ты меня?
- Видно не забыла, коли вспоминала...
- И никого не полюбила другого, повамъ не видались?..
- Кого здѣсь полюбить-то?
- А кабы было кого, такъ полюбила бы, значить?..
- Не знаю... А ты бы еще года на два задрепалъ...
- Такъ великъ ли срокъ-то, по который ждать хотѣла меня?..
- А вотъ какъ бы забыла, такъ и ждать перестала...

Одея вдругъ схватила Параню за руку.

— Паранюшка, солнышко, скажи всю правду, не обманывай меня: никого ты не полюбила, ни съ кѣмъ не играла безъ меня?—спрашивалъ Одея такимъ голосомъ, съ такимъ огнемъ въ глазахъ, что Параня подозрительно взглянула на него.

— Да нѣтъ же, полоумный, говорятъ тебѣ—нѣтъ...

— Скажи еще: и не цѣловалась ни съ кѣмъ?..

— Вотъ присталъ... Да нѣту, нѣтъ!..

— А Кириушка?—прошептала Одея, и глаза его вспыхнули злобой.

Параня покраснѣла, но тотчасъ же оправилась.

— Вотъ еще выдумалъ...—сказала она со смѣхомъ... — Не его ли ужъ, думаешь, полюбила, не онъ ли тебѣ что нахвасталъ?.. Пристаешь онъ ко мнѣ точно, надоѣлъ даже до смерти... да мнѣ-то онъ не надобенъ... Хоть бы его и вовсе не было!.. И матушки-то онъ надолучилъ, не знаетъ, какъ отъ него отвязаться...

— Сердечная ты моя!—вскричалъ Одея, сжимая Параню въ объятіяхъ.

— Отстань... Что ты... Смотри: вотъ Николка проснется...—шептала Параня,—либо маманька взойдетъ.

— Мнѣ теперь все равно!.. Слушай же, Параня... Коли точно ты никого не любишь, а обо мнѣ вспоминала, коли не забыла нашъ уговоръ, такъ вотъ что: приходи и ты на фабрику, гдѣ я живу, вставай на работу тамъ... Дѣло не мудреное и не тяжелое: оноло стана стоять... А тебѣ деньги будутъ платить... И видаться будемъ каждый день... Мнѣ безъ тебя не житье! А вотъ еще немного: дай только справиться съ дѣлами, мѣсто мнѣ дадутъ хорошее: тогда и повѣнчаемся... Здѣсь жить тебѣ нечего: на одномъ стыду, да на худой славѣ живешь, безъ дѣла безъ всякаго, Богъ знаетъ какъ... А тамъ, по крайности, хоть не большой, да свой кусокъ хлѣба заработаешь, своимъ честнымъ трудомъ: не на подлый подачки жить будешь... Что же, Параня? Согласна? Пойдешь?..

— Чудной ты, право!.. Ничего я не знаю, не умѣю... Что и за-фабрика-то не видывала, а ты меня работать зовешь туда...

— Этого не бойся: не ты первая... Тамъ и безъ тебя много приходять, что ничего не умѣютъ, а нанимаются—выучиваются и денежки зарабатываютъ...

— Да какъ я пойду: меня и мамонька не пустить...

— Такъ вотъ что: пускай и мать идетъ, и Николку возьмите—всѣмъ работа будетъ... И школа про Николку будетъ... И жалованье дадутъ ему, и учить будутъ даромъ... Вотъ на что лучше!..

— Не знаю ужъ... Наврядъ ли мамонька пойдетъ отъ своего дома... А домъ-отъ какъ же—бросить, что ли?..

— Да что вашъ домъ: чего онъ стоитъ?.. Заволотите его, оставьте до времени... Не худо бы и матери твоей честнымъ трудомъ пожить, не до старости же этапъ...

— Ну, ужъ не знаю: говори съ ней самъ, коли хочешь, да не боишься, что она тебя шугнетъ...

— Да я не побоюсь и говорить съ ней буду, только ты-то ее не отговаривай... А коли одну отпустить, или съ Николой, такъ иди, не отнеивайся...

— Не разберу я тебя: мудреное ты нечто затѣваешь... Коли купецъ тебя любить, жалованье тебѣ хорошее даетъ, такъ на что же тебѣ, чтобы и я, и мы всѣ работали?.. Неужто ты, какъ и женишься-то, такъ отъ хорошихъ достатковъ работать меня думаешь посылать?..

Федя не успѣлъ отвѣтить Паранѣ: на мосту слышались шаги Дарьи-Тихоновны. Онъ отошелъ отъ Парани и сѣлъ на прежнее мѣсто; но опытной «барынь» достаточно было одного взгляда, чтобы догадаться, что Федя не сидѣлъ неподвижно и молча, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Ну, вотъ и хорошо, что не пустила его, Параня... Спасибо, что остался... А то—какъ это можно... Не поѣмши хотѣлъ уйти. Вотъ я сейчасъ и самоварчикъ наставляю... — тараторила Дарья Тихоновна, выгребая углей изъ печи для самовара.

Въ это время проснулся Николка и, протирая глаза, посмотрѣлъ съ полатей внизъ.

— А, пришелъ!—сказалъ онъ радостно, увидя Федю.

— Здорово, Николаша!—отозвался Федоръ.

Мальчикъ проворно слѣзъ и подошелъ къ гостю.

— Вотъ ждали, ждали, да и дождались...—говорилъ онъ, здороваясь съ гостемъ.—Думали: не придетъ-то!.. Вотъ пришелъ!..

— Кто думалъ?..

— Кто?.. да вонъ мамка и Паранька...

— А кто же это, Николаша, ты тогда помнишь говорилъ мнѣ: кто къ вамъ вожеватый, съ гармоніей-то, часто безъ меня ходилъ?..

Дарья Тихоновна засуетилась и хотѣла-было предупредить отвѣтъ сына, но не успѣла.

— А Кирило-то Ѳедотычъ... — отвѣтилъ мальчикъ.

— Какъ Кирила Ѳедотычъ?.. Да вѣдь это мой зять, на моей сестрѣ женатъ... Развѣ онъ къ вамъ ходитъ, Дарья Тихоновна?.. Я и не зналъ...

— Какъ же, заходитъ когда... — отвѣчала она, старательно раздвывая самоваръ.

— А я и не слыхивалъ отъ него: хоть бы когда заикнулся!.. Такъ неужто съ этого сплетку сложили: на деревнѣ бабы сестрѣ проходу не даютъ, всѣ смѣются, что Кирила совсѣмъ домъ забросилъ, все во вдовѣ шляется... Неужто это про васъ?..

Дарья Тихоновна торопливо высала изъ избы, подъ какимъ-то предлогомъ, Николаю.

— Ужъ этого не знаю про кого... — отвѣтила она, когда Никола ушелъ, — а только-что зятекъ твой надокучилъ: не знаю какъ отъ него и отдѣлаться...

— А что же?..

— Да надѣлъ: лѣзетъ и во-время, и безъ-время... И бахвалисть очень: придетъ, деньги выдаетъ зря... Сначала холостымъ даже себя показывалъ... Не люблю я этакихъ!.. А поступить съ нимъ грубо боюсь... Говорятъ: онъ отчаянный!.. Съ нимъ бѣда!.. Деревню, сказываютъ, свою спалилъ со зломъ...

— А вотъ что, Дарья Тихоновна, вѣдь я вчера весь вашъ разговоръ за воротами съ Кирилой слышалъ... Я вѣдь тутъ стоялъ у васъ подъ окнами, только-что въ потемкахъ-то вы меня не видали... Я и стучался къ вамъ послѣ того, хотѣлъ-было зайти, какъ вы думали, что Кирила стучится...

Дарья Тихоновна совсѣмъ смутилась отъ неожиданности, взглянула безъ надобности въ печь, торопливо схватила кочергу и стала мѣшать дрова; но она была не изъ тѣхъ, чтобы совсѣмъ стать въ тупикъ, скоро собралась съ духомъ и надѣялась вывернуться изъ затрудненія.

— Ну, такъ вотъ, Ѳедоръ Герасимычъ, — заговорила она, — коли самъ слышалъ, такъ нечего тебѣ и рассказывать... Каковъ разбойникъ!.. Ну что съ нимъ подѣлаешь? Куда отъ него дѣнешься?.. Живу я одна, сиротой, безъ мужа: долго ли этому от-

пѣтому обидѣть насъ!.. Ужъ, право, и не знаю, какъ бы его отъ насъ отвадить... безъ грѣха, да безъ бѣды какой...

— А вотъ какъ, Дарья Тихоновна... Отпустите вы Параню съ Николѣй на фабрику, гдѣ я живу... Тамъ много и женщинъ, и ребятишекъ работаетъ—и ихъ наймутъ... Ужъ коли нужно будетъ, я молодого хозяина о нихъ попрошу: онъ для меня все сдѣлаетъ... А тутъ тѣмъ хорошо, что не только они оба деньги будутъ зарабатывать, а Николка и въ школу будетъ ходить... Даже и Парасковья Михайловна, коли захочетъ, такъ живо грамотѣ выучится, потому у насъ тамъ и для большихъ школа откроется по праздникамъ... Опять же и я могу ей пособить во всякое время... Вотъ, подумайте...

Дарья Тихоновна что-то соображала и отвѣчала не вдругъ.

— Да что же они оба тамъ дѣлать-то будутъ? Работа-то какая и какое имъ жалованье пойдетъ?.. Можетъ, не по силамъ и работу-то дадутъ, а жалованье малое будетъ: я не хочу ихъ на муку-то пускать...

— Муки никакой не будетъ и работа не такъ, чтобы тяжелая: Паранѣ у стана стоять да смотрѣть, какъ онъ точетъ машиной, а Николѣ цѣвки сучить дадутъ, или что другое—по годамъ его... А жалованье обоимъ рублей десять въ мѣсяцъ положить на первое время, а тамъ прибавятъ... Можетъ быть, даже и теперь больше положить... Я ужъ постараюсь...

— Да известно, коли ты у хозяина при рукѣ, да постраешься—такъ... А какъ же я-то здѣсь одна останусь?.. Я объ нихъ соскучусь, стоскуюсь совсѣмъ... Да и Параня-то одна тамъ будетъ... тоже не привычна она... Какъ Параня, пойдешь ли?

Федоръ напряженно глядѣлъ на Параню.

— Да я не знаю... Почему я знаю?.. Какъ ты скажешь: велишь идти, такъ пойду...

— По-моему, коли жалованье будутъ давать хорошее, да работой не уморятъ, такъ попытай—сходи: вѣдь не въ кабалу, и самъ-дѣлѣ... Тяжело будетъ, такъ и уйдешь... А тамъ людно, весело: народу много... всякаго... Авось, не соскучишься... А главная причина: вотъ и онъ тамъ, Федоръ Герасимычъ, не оставитъ васъ по знакомству и по пріятству своему...

— Не то не оставлю, Дарья Тихоновна, а кажется—душу свою заложу за нихъ!

— Только какъ же, гдѣ же онѣ жить-то тамъ будутъ? Тоже вѣдь и пить-ѣсть захотятъ... Кто же про нихъ сострапаетъ?

— Это надо въ ближней деревнѣ квартиру нанять у какого мужичка: это ужъ я приищу...

— Нѣтъ, а я вотъ что думаю: не идти ли и мнѣ съ ними туда?..

— Это бы было всего лучше, Дарья Тихоновна, — вскричалъ съ восторгомъ Ѳеда. — Я только-что хотѣлъ вамъ это сказать: и вы бы на фабрику поступили, вмѣстѣ съ Параней, и тоже бы денежки зарабатывали...

— Ну, пускай хоть на фабрикѣ-то работать я и старенька, а хоть они-то на глазахъ у меня будутъ, обшиты, обуты, накормлены... Они работать уйдутъ, а я все про нихъ припасу, не какъ чужіе люди: придуть не въ пустому мѣсту... Ну, а если и работка какая подвернется, я, слава Богу, не безрукая: чтó по силамъ, да время будетъ — и поработаю... Вотъ развѣ какъ?..

— И это чудесно, Дарья Тихоновна!.. — восторгался Ѳеда, и вамъ работу найдемъ: вы шить умѣете, тамъ народа много.

Ѳеда внутренне восхищался мыслью, что замыселъ его такъ удачно осуществлялся, что не только Параня, но даже мать ея будутъ честнымъ трудомъ зарабатывать деньги, что онъ будетъ видать Параню каждый день, выучить ее грамотѣ, а, можетъ быть, и дурная слава Дарьи Тихоновны замолкнетъ въ виду ея трудовой жизни, и такимъ образомъ для него облегчится возможность добиться согласія отца на бракъ съ Параней. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и чувствъ онъ все забылъ и простилъ Дарьѣ Тихоновнѣ, чтó лежало у него на душѣ противъ нея, онъ готовъ былъ даже любить ее, какъ мать Парани; но у Дарьи Тихоновны, такъ скоро согласившейся на предложеніе Ѳеди, были свои соображенія, о которыхъ онъ даже и не догадывался: она думала о фабричномъ многолудствѣ, о разныхъ молодыхъ неженатыхъ приказчикахъ, которые, конечно, не просмотрятъ красоту Парани, даже о самомъ молодомъ хозяйскомъ сынѣ... Она вѣрила въ красоту своей дочери и въ ея счастливую звѣзду... Она рѣшилась идти на фабрику, все видѣть самой собственными глазами и попытаться устроить судьбу дочери, а съ нею и свое спокойствіе и благополучіе на старость... Ѳеда въ этихъ соображеніяхъ игралъ самую послѣднюю роль и былъ такъ сказать только въ запасѣ.

А Ѳеда, увлеченный своими надеждами, счастливый и довольный, не удержался и высказался предъ Дарьей Тихоновной нѣсколько преждевременно:

— Вѣдь, я вамъ не чужой, — вскричалъ онъ, — вѣдь я вамъ все равно, что сынъ родной, Дарья Тихоновна!.. Сами, чай, вы замѣчали и догадывались, таятся теперь нечего... Я ужъ сказалъ

Паранѣ, скажу и вамъ: полюбилъ я ее, всѣмъ моимъ сердцемъ полюбилъ, только о ней одной и дума, и забота!.. Я знаю, вы за бѣднаго ее не выдадите, и она обѣщала мнѣ ждать, покамъ я справлюсь, и деньги хорошія стану зарабатывать, тогда и сватовъ пришлю... Теперь еще я получаю мало, да, Богъ милостивъ, скоро и вы мной не побрезгуете...

— Вотъ оно что! — вскричала Дарья Тихоновна, представляясь совсѣмъ изумленной... — Ну, ошеломилъ ты меня!.. Ахъ, вы плуты, плуты вы такіе!.. Да когда это вы столковались?.. Кажется, и съ глазъ-то никогда не сходили... А вотъ что, другъ сердечный, Ѳедоръ Герасимычъ, изъ всего видать, что ты хорошій человѣкъ и разсудительный, даромъ, что молодъ... Люблю я тебя и всѣ твои качества вижу и понимаю, а только что, правда это, за бѣднаго дочку не отдамъ... Развѣ самоволомъ уйду, безъ материнскаго благословенія, а по доброй волѣ — нѣтъ, не отдамъ. И умница ты моя, разумница, что ты надумалъ: вѣрно, вѣрно, батюшка, подожди, справляйся, вставай на ноги, чтобы жену не къ пустому мѣсту взять, и послѣ всю жизнь не плакаться!.. Дай-ка я расцѣлую тебя за это, сердечный ты мой, сыночекъ названный!...

И Дарья Тихоновна цѣловала Ѳедю и шутливо грозила Паранѣ, приговаривая: — Я тебѣ дамъ, вострый глазъ!.. Ишь ты какъ мать провела: столковались, сладились, а мать ничего и не знаетъ!..

— Ахъ, вытянется носъ у Кирюшкы, — продолжала она со смѣхомъ, — какъ придетъ вась, анъ и изба у насъ заколочена, и хозяевъ никого нѣтъ!.. А еще того лучше, какъ провѣдаешь, что и женишокъ у Парани припасенъ!.. Въ обиду ее не дасть...

— А вы не говорите, Дарья Тихоновна, никому до времени о нашемъ дѣлѣ, а особливо ему... — просилъ Ѳеда. — Вы сказывали ему что про меня, или нѣтъ?

— Нѣтъ, и не заикалась... Не подходилась...

— Такъ и не надо, и не говорите, точно и не знаете меня совсѣмъ...

— Зачѣмъ говорить, воли не велишь... Что мнѣ за надобность...

— Онъ, вѣдь, сегодня придетъ, такъ я и уйду отъ васъ пораньше, чтобы съ нимъ какъ не встрѣтиться...

— Али и ты его боишься? — не утерпѣла Параня, чтобы не подразнить Ѳедю.

— Нѣтъ, не его боюсь, Параня, а себя: — отвѣчалъ Ѳеда, нахмуясь, — не удѣлаетъ его голова, коли бы я увидѣлъ, какъ онъ къ тебѣ пристасть... Вотъ чего я боюсь!..

Параня взглянула на вдруг озлобившееся, сдѣлавшееся мрачнымъ лицо Оеда, и молча опустила глаза.

— Кабы не обошлось у насъ такъ дѣло, — продолжалъ Оеда, — да не порѣшили бы вы уйти со мной на фабрику, врядъ ли бы Кирила побывалъ опять сюда, а побывалъ бы, такъ покался...

Дарья Тихоновна многозначительно взглядывала на дочь при словахъ Оеда.

— И не связывайся ты, батюшка, Оедянушка, съ нимъ, — торопливо заговорила она, — Богъ съ нимъ, совсѣмъ!.. Онъ безпутный, отчаянный: ему все равно, а тебѣ себя беречь надо! Намъ бы только на фабрику-то отъ него уйти, тамъ-то ужъ, авось, насъ не достанетъ и ничего не подѣлаетъ... А ему бояться? Чего ему бояться его? Онъ не мы, бабы... Ну-ка, садись, откушай вотъ чайку: самоваръ-то поспѣлъ... Заваривай, Параня, да подчуй богоданнаго-то своего, а я покамъ яиченку толкну, да блинковъ напеку... Вотъ онъ у насъ сытой и пойдетъ...

Параня стала распорядиться чаемъ, и Оеда съ любовью, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее. Но въ душѣ у него было не спокойно: чего-то онъ не договорилъ, чего-то не узналъ, какая-то неясная забота беспокоила его. Онъ самъ не умѣлъ отдать себѣ яснаго отчета: отчего происходила эта внутренняя тревога, это недовольство, и лицо его отуманилось, несмотря на то, что глаза его встрѣчали ласковый и лукавый взглядъ Парани. Онъ молчалъ и задумался.

— Ну, что еще? Кажись, ужъ теперь все хорошо? все по твоему? — спросила его Параня шутливо: — а у тебя ровно что еще на умѣ есть...

— Есть, Параня... Покамъ вы здѣсь будете, когда тотъ... (Оеда не хотѣлъ назвать Кирила по имени) когда тотъ приходитъ будетъ... ты не сиди съ нимъ, тотчасъ уходи въ сусѣды... чтобы онъ не думалъ... чтобы не смѣлъ съ тобой ни заговаривать, ни заигрывать... Будешь уходить, Параня?..

Параня засмѣялась.

— Ахъ, парень... экой ты сумнительный!.. съ тобой — бѣда!.. — заговорила было она. Но Дарья Тихоновна перебила ее серьезнымъ тономъ:

— Не опасайся, Оедяна, не бойся!.. Не подпущу и близко!.. Какъ придетъ, такъ ее и вонъ изъ избы... Пускай, сидитъ съ одной со мной... Надоѣстъ, небось, уйдетъ скоро...

— Да что вы больно ужъ меня прятать-те хотите?.. — сказала Параня. — Не захочу, такъ и близко не подойдетъ... и безъ прятанья... Я его ни капельки не боюсь... Вотъ еще!.. Что вы

ужь очень съ мамонькой бонтесъ-то его?.. Экого страха онъ на васъ нагналъ!.. Пускай еще мамонька!.. А то...

Параня не договорила и насмѣшливо засмѣялась: она не могла удержать въ себѣ желанія подразнить Ѳедю. Тотъ вспыхнулъ. Дарья Тихоновна хотѣла-было что-то сказать, но онъ перебилъ ее:

— Такъ, стало быть, Параня, ты по доброй волѣ и по своей охотѣ подпускала его приставать къ себѣ?.. Сама, видно, заигрывала?.. Не даромъ вчера смѣялась да визжала, сидя съ нимъ...

— Завизжишь, какъ облапить да цѣловаться погѣзеть...

— И хвастаетъ, хвастаетъ, — вмѣшалась Дарья Тихоновна, — сама его бонтесъ, сама мнѣ жалобилась, что отбою отъ него нѣтъ, не знаетъ что и дѣлать съ нимъ, ни на что не взираетъ — лѣзетъ... Такой безстыдникъ, такой срамной, что бѣда!.. Придетъ, да сидеть, води съ собой принесетъ, закусокъ — изъ избы-то никакихъ его коломъ не выворотить... Сидеть, да и на поди... Горланить пѣсни да побасенки рассказываетъ!.. Что ты съ нимъ подѣлаешь?.. И ужь досидитъ до того, покажъ Паранька придетъ... Такой охальникъ!..

— Ну, такъ вотъ что, коли такъ, я не пойду домой, а подожду его здѣсь... Пущай онъ при мнѣ придетъ!.. По крайности, Парасковья Михайловна увидитъ, боюсь ли я его... Чай, меня-то не выгоните, Дарья Тихоновна, дадите посидѣть у васъ?

— Чтой-то, Ѳедянушка, да я рада тебѣ и Богъ вѣсть какъ: ты, вѣдь, не кто другой... Только я боюсь, что вы встрѣтитесь, такъ здору бы какого большого не вышло промежъ васъ нехорошаго: ему-то что, онъ ужь потерянный, въ острогѣ сидѣлъ, ему все ни почемъ... А тебѣ-то, сердечный мой... Вонъ ты у купцовъ, на знати и въ чести, опять же и не хотѣлъ ты, чтобы онъ зналъ про наши дѣла теперешнія... про твое намѣреніе... Вотъ я чего только опасаюсь!.. тебя-то мнѣ жалко, тебя-то берегу!..

— Да я самъ то думалъ сначала, Дарья Тихоновна... А теперь такъ разсудилъ, что мнѣ таится нечего: я по чести, по совѣсти, жениться хочу на Паранѣ, я люблю ее ото всего сердца, и коли ужь сказался теперь вамъ, и вы не противъ меня, а Параня будетъ ждать, какъ общалась, такъ ужь это дѣло, значить, сдѣлается... Сказывать, да рассказывать про это не ставимъ до времени, а и узнають, такъ не бѣда... Я ужь отъ Парани не отступлюсь, ни на кого ее не промѣняю, и никому не уступлю... А особливо не дамъ обижать, да надругаться надъ ней... Не бойтесь, Дарья Тихоновна, я отважу его отъ васъ и безъ

драки... Онъ женатый, онъ не долженъ по чужимъ домамъ шляться!.. У него жена хорошая, добрая!.. Опять же она сестра мнѣ, родная... Пускай же онъ видитъ, что я знаю, куда онъ отъ нея по цѣлымъ днямъ пропадаетъ... Авось, чай, совѣсть-то есть въ немъ хоть маленькая!..

Дарья Тихоновна, видимо, была недовольна рѣшеніемъ Оеди, но не знала, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, и метала сердитые взгляды на Параню.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, Федоръ Герасимычъ,—тараторила она:—какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай... А на Параньины ласы смотрѣть нечего, что боишься ты его... Чего тебѣ его бояться?.. Онъ скорѣе тебя испугается!.. А только вотъ домашніе твои узнаютъ, такъ не подумали бы, что онъ на насъ деньги сорилъ, али что другое... Деньги-то онъ кидаетъ во всѣ стороны: богачемъ себя показываетъ... Я даже еще сколько разъ его останавливала!.. А только-что мы тутъ не причемъ... На насъ бы чего не вывелъ... Такъ не вели домашнимъ-то: пускай не слушаютъ его, не вѣрятъ!.. Вотъ и блинчики поспѣли: на-ка вотъ — покушай на доброе здоровье...

Дарья Тихоновна очень старательно и радушно угощала Оедю, но была въ тревожномъ и озабоченномъ состояніи духа. Нѣсколько разъ она возвращалась въ разговоръ о томъ: не лучше ли Оедѣ уйти на-время, чтобы не встрѣчаться вовсе съ Кирилой; но Оедя уже не хотѣлъ и думать объ этомъ. Послѣ всѣхъ пережитыхъ сомнѣній и тревоженій, послѣ того, какъ онъ открылся матери и рѣшился не скрывать о своей любви, въ случаѣ крайности, даже передъ своими родными, онъ вдругъ успокоился, повеселѣлъ и чувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ возлѣ Парани, на которую уже смѣло и нетаясь смотрѣлъ, какъ на свою невѣсту, будущую жену. Въ немъ снова воскресла полная вѣра въ Параню и даже поддразниванье ея въ трусости онъ объяснялъ себѣ только желаніемъ Парани подольше не разставаться съ нимъ. Онъ пересталъ даже думать о всемъ прошедшемъ и хотѣлъ говорить только о будущемъ. Сидя противъ Парани, любуясь на нее, съ радостнымъ замираніемъ сердца встрѣчая ее взгляды и улыбку, отвѣчая веселымъ смѣхомъ на ея шутку, онъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, забывалъ даже о присутствіи Дарьи Тихоновны—и уйти теперь отъ нея, по доброй волѣ, казалось ему просто невозможнымъ.

«И совсѣмъ не пойду домой, весь день просижу вотъ такъ съ ней, и отсюда прямо пойду на фабрику!..»—мелькало у него въ головѣ.

О предстоящей встрѣчѣ съ Кирилой онъ не хотѣлъ даже и вспоминать: мысль о ней проносилась иногда чрезъ его душу, какъ легкое облачко, которое не оставляетъ даже и тѣни.

Параня тоже была весела, оживилась и, какъ казалось Оедѣ, съ любовью смотрѣла на него и говорила съ нимъ.

Ихъ бесѣдѣ никто не мѣшалъ и никто въ ней не участвовалъ: Николка, поѣвши блиновъ, убѣжалъ на улицу, а Дарья Тихоновна, сначала была не въ духѣ, молчала, и, отъ времени до времени безповойно взглядывая то въ окно, то на разговаривающихъ, хлопотала около печки и прибиралась въ избѣ; потому и она какъ-будто увлеклась настроеніемъ молодыхъ людей и, присаживаясь около нихъ на лавку, съ довольной улыбкой прислушивалась къ ихъ болтовнѣ.

Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и на порогъ показался Кирила.

V.

Всѣ невольно вздрогнули при появленіи давножданнаго, но забытаго гостя. Оедя поблѣднѣлъ, Параня вспыхнула, Дарья Тихоновна порывисто привстала-было съ лавки, но тотчасъ же опять сѣла, блѣдная и растерянная. Не лучше ихъ былъ и Кирила: смѣло, молодцомъ, вошелъ онъ въ избушку, и вдругъ точно остоленѣлъ, когда увидѣлъ Оедю. Онъ забылъ даже затворить за собою дверь и стоялъ нѣсколько мгновений неподвижно и молча, съ шапкой на головѣ и съ протянутой впередъ рукой, въ которой держалъ тѣмъ-то наполненный и завязанный узломъ цвѣтной платокъ. Всѣ молчали. Первая прѣшла въ себя и нарушила молчаніе Параня.

— Что ты, очумѣлъ, что ли, Кирила Оедотичъ?—заговорила она, засмѣявшись. — Хоть бы двери-то затворилъ да шапку-то снялъ... Здѣсь, чай, иконы Божіи, буки нѣтъ: чего испужался?..

— Ничего не испужался...—мрачно пробормоталъ Кирила, снявъ шапку и оборотился, чтобы затворить дверь.

— Здорово, Кириуша...—сказалъ Оедя. — Чай, удивился, что меня здѣсь встрѣтилъ: не чайлъ...

Онъ пошелъ къ нему на-встрѣчу и протянулъ руку.

— Не чайлъ и есть... — отвѣчалъ Кирила, собравшись съ духомъ и стараясь казаться спокойнымъ. — Какъ ты это попалъ сюда? Дарьѣ Тихоновнѣ, Параня...

Кирила раскланивался съ хозяевами и протянулъ-было руку

съ узоромъ, но вдругъ опять отдернулъ ее назадъ, осмотрѣлся и положилъ узелъ въ уголокъ на лавку.

— Ничего, братецъ, не чаю, — продолжалъ онъ, опять обращаясь къ Федѣ. — Смотрю: глазамъ не вѣрю, неужто онъ? откуда взялся?..

Кирила, безъ зова, усѣлся на лавку.

— Я здѣсь, вѣдь, ужъ давно знакомство веду...—отвѣчалъ Федя. — Вотъ съ фабрики шелъ побывать къ вамъ, присталъ, да по дорогѣ и зашелъ отдохнуть... А вотъ хозяйка добрые сейчасъ и угощеніе поставили, не пускаютъ: напоили, навормили...

— Такъ...—проговорилъ Кирила какъ-то неопредѣленно, ни на кого не глядя.

— Не хочешь ли и ты, Кирила Федотичъ, чайку-то? я подогрѣю самоваръ-отъ?—подстала, наконецъ, къ разговоръ и Дарья Тихоновна. — А то, можетъ, блинчиковъ?.. Опары-то осталось: я сейчасъ напеку, коли хочешь... На шестей огонь разведу... Печку-то скутала...

— Нѣтъ, не надо... Благодаримъ покорно... Развѣ тебѣ здѣсь по дорогѣ съ фабрики-то?—обратился онъ опять къ Федѣ, быстро перебѣгая въ то же время глазами по лицамъ всѣхъ присутствующихъ.

— Не такъ чтобы совсѣмъ по дорогѣ... да я, по знакомству, нарочно въ сторону свернулъ... Отдохнуть-то отдохнуть, да и такъ побывать у нихъ захотѣлось...

— Такъ...—протянулъ опять Кирила, становясь все мрачнѣе и мрачнѣе. — Не слыхалъ я, что ты тутъ знаешься... Никто не говорилъ...

— Да, вотъ, не доводилось, — вѣспалась Дарья Тихоновна: — ни тебѣ про него, ни ему про тебя сказать... Да, правда, мы его, Федора-то Герасимича, ужъ, поди, недѣль съ десять не видали... Думали, и онъ объ насъ забылъ совсѣмъ...

— Для чего забывать, Дарья Тихоновна, а случая не приводилось, да и дѣла не допускали, оттого и не бывалъ...—отвѣчалъ Федя. — Что, всѣ ли здоровы наши?—обратился онъ къ Кирилѣ.

— Ничего, здоровы.

— Федотъ Семеновъ дома?

— Нѣтъ, уѣхалъ... Да ничего, ступай: тамъ матушка и Анна, можетъ, и батюшка къ вечеру подѣдетъ...

— Да вотъ ужъ пойдемъ коли вмѣстѣ... Ты какъ сюда на-рекомъ, аки шелъ куда?..

— Нѣтъ, я такъ пошелъ разгуляться: туда да сюда, въ разные мѣста... Да вотъ и сюда зашелъ...

— Такъ домой-то развѣ не скоро еще пойдешь?..

— Нѣтъ, я еще не скоро...

— Ну, такъ и я посижу коли здѣсь... Что идти-то? Ѳедота Семеныча нѣтъ, тебя тоже, Ѳедосья Осиповна не жалуетъ меня... Нѣтъ, и я, коли, не пойду...

— Анна дома...

— Ну, что Анна... Она мнѣ тоже рада не будетъ, какъ приду безъ Ѳедота Семеныча и безъ тебя... Нѣтъ, не пойду!.. Хорошо, что встрѣтились: узналъ по крайности, что всѣ живы, здоровы... А коли ты пойдешь домой, такъ пойдемъ, тогда, пожалуй, и я схожу на минутку, сестру провѣдать... Вѣдь, сестра моя за нимъ замужемъ...—обратился Ѳедя къ Паранѣ.

Кирила совсѣмъ насупился и молчалъ. Не начинали разговора и другіе.

— Ну, Кирила Ѳедотычъ,—опять Параня прервала молчаніе, — ты сегодня не какъ вчера... Вчера смотри-ка-съ какой былъ... веселый... пѣсни пѣлъ, прибаутки сказывалъ: мы съ мамонькой животинки подвели... таково смѣшно сказывалъ!.. А сегодня нѣтъ... не таков!.. ничто притуманился... Отчего ты сегодня экой?..

— День на день не придется...—мрачно отвѣчалъ Кирила. — Не все зубы скалить... Сегодня ничто голова болить у меня...

— Такъ развѣ и вчера ты здѣсь былъ?—спросилъ Ѳедя съ непривычнымъ для него коварствомъ, отчего даже покраснѣлъ.

— Былъ...—не смотря на него, но твердо и рѣзко отвѣчалъ Кирила.

— Да ты что же, въ самъ-дѣлѣ: ты не хощь ли поѣсть?.. Ты не перемонься, скажись: я сейчасъ блиновъ напеку...—говорила Дарья Тихоновна, желая замѣть непріятный разговоръ. — А то чайку испей... я мигомъ вскипачу самоваръ-то... А чайку-то у меня есть еще маленько... Не перемонься, я говорю, а ты...

— Да ну, пожалуй... чайку изопью... А то вотъ что: вы самоваръ-то ставьте, а вонъ у меня тамъ въ узлѣ закуски разныя, да водка сладкая... Вотъ погоди-ка я...

И Кирила вдругъ рѣшительно и развязно всталъ, взявъ изъ угла узелъ и положилъ его на столъ, намѣреваясь развязывать.

— Что же это ты хочешь дѣлать?—остановила его Дарья Тихоновна:—въ гости пришелъ со своимъ угощеніемъ—это же годится...

— Чего не годится... Все равно, гдѣ ни на есть разопью же... Сегодня, смерть тоска меня одолеваетъ: пошелъ, закупилъ

всякихъ разныхъ равеностей, раскучуся, мѣтъ, гдѣ ни на есть, съ кѣмъ повстрѣчаюсь... Вотъ у васъ и разошьемъ...

— Ну, нѣтъ, Кирила Ѳедотычъ... Это не порядокъ: ты насъ не обижай...

— Да какая же обида?.. Вотъ Параня гостинчиками тутъ повабавится: орѣшковъ пощелкаетъ, пряничковъ, конфетовъ отвѣдаетъ, тутъ всего есть... А мы водочки...

И Кирило поспѣшно развязывалъ узелъ и подвинулъ его въ сторону, гдѣ сидѣла Параня.

— Я не пью... ты, вѣдь, знаешь...—сухо проговорилъ Ѳедя.

— Ну, сладкая, вѣдь!.. Сладкой-то выпьешь... это бабы и дѣвки пьютъ... Дай-ка стаканчикъ, Дарья Тихоновна... Вотъ Параня и та выпьетъ... Выпьешь, Параня?..

Ѳедя испуганно, въ упоръ взглянулъ на Параню.

— Напрасно... Я пить не стану...—сказала Параня.

— Что такъ сегодня?.. А помнишь, ономнись отвѣдывала...

— Такъ что, что отвѣдывала?.. А сегодня не хочу...

— Гм... что такъ это?..—алобно усмѣкнулся Кирило.—Можетъ и ты, Дарья Тихоновна, сегодня въ постницы записалась? Тоже не станешь?..

— Не стану и есть, Кирила Ѳедотычъ... Нечто у меня голова болить... Да и не во времени: равно какъ и рано еще... Сейчасъ только чаю напился, блинчковъ поѣлъ...

— Ну, подождамши можно: всего одинъ не выпью... А мнѣ такъ самое время теперь... Дай же стаканчикъ-то?..

— Да и ты бы, Кирила Ѳедотычъ, вотъ лучше чайку испилъ да блинчковъ поѣлъ... Ну что пути: охмѣлѣешь, пожалуй... Во хмѣлю-то ты не больно споеешь... Посиди ужъ у насъ лучше такъ, смирихоньво да хорошихоньво, вотъ чайку испей, побесѣдуй... А это ужъ все домой лучше отнеси, али куда знаешь...

Дарья Тихоновна говорила это ласковымъ, медовымъ голосомъ и старалась заглянуть въ глаза Кирилѣ. Она чувствовала себя не ловко, боялась какой-нибудь неприятной выходки со стороны Кирила, и видимо не знала, какъ себя держать, какъ положѣе повестн дѣло, чтобы устранить ссору, шумъ и всякаго рода неприятность.

— Это, значить, отъ меня сегодня никакого угощенія не принимается?.. Неприятенъ, значить?.. А хозяйка стала величествене!.. И гостинцы мои не требуются: домой везать нести... Гм... Ну, что же дѣлать?.. Одинъ буду угощаться... Что же, Дарья Тихоновна, не будетъ милости: и стаканчика не пожелуете?.. Для

насть, впрочемъ, все равно: мы и такъ можемъ, изъ горлышка въ горлышко...

И Кирило быстро опрокинулъ въ ротъ посудину съ водкой и жадно отпилъ изъ нея чуть не цѣлую половину.

— Вотъ это ладно будетъ... хорошо!.. — проговорилъ онъ, ставя со стукомъ полштофъ на столъ и весь красный, воспалившимися глазами поглядывая на хозяевъ. — Теперь поговоримъ, пожалуй, побесѣдуемъ... Ну, Лиса Патрикѣвна, то бишь — Дарья Тихоновна, отчего же вы вдругъ угощенья моего принимать не желаете?..

— Да не то не желаю, Кирила Федотычъ, — отыгрывалась Дарья Тихоновна, а къ намъ пожаловали, такъ нашего хлѣба-соли просимъ кушать, чѣмъ Богъ послалъ... Вотъ только въ чемъ...

— Видишь ты, какъ хвостомъ-то вильнула... Ловко, какже!.. Это ты передъ Федей-то, что ли, себя показываешь?.. Такъ напрасно: я пережъ думалъ, что онъ божій человѣкъ, простота, а коли ужъ мы здѣсь съ нимъ на одной половицѣ сошлись, такъ, значить, онъ только прикидывается тихонькимъ-то... а, выходитъ, по дѣламъ-то мы съ нимъ товарищи... Видите: она своего хлѣба-соли кушать подчууетъ... А когда же я съ пустыми руками сюда ходилъ въ тебѣ?.. Ну-ка, скажи...

— Такъ, вѣдь, это твоя добрая воля была... мы, кажется, ничего не требовали... Иной разъ изъ-за совѣсти изъ-за одной — угощенье твое принимаешь... А вотъ и не надо бы, коли самъ же теперь попрекаешь...

— Полно юлить!.. Не попрекалъ я, а отчего же ты вчера пила со мной, а сегодня не хочешь, отчего вчера, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, Параня принимала отъ меня всякое угощенье: и пряники, и орѣхи ѣла, а сегодня водъ и конфетовъ принесъ цѣлый узелъ, а можетъ тамъ и еще что есть... и не дотрогивается, и не смотритъ?.. Отчего такъ? что вы отъ Федюшки-то, что ли, больше, чѣмъ отъ меня ждете?.. Али ты въ женихи, что ли, его прощешь?..

Кирило злобно захохоталъ.

— Ну вотъ, вѣдь, я такъ и знала, — сказала Дарья Тихоновна: — какъ ты заложилъ, такъ и пойдешь шумѣть... здоровы!.. Что намъ, окромѣ тебя и вѣнаться что ли, ни съ кѣмъ нельзя?.. Ты гость — и онъ гость!.. Ты смотри-ка, только пришелъ, замухлѣлъ, задирался, а онъ сидитъ, словечка тебѣ не сказалъ на противъ... Ну, будемъ твое угощенье ѣсть, ну, давай... Ышь Параня, в ти... Ну, вотъ ѣдимъ... Ну, что же ты въ гору-то волеешь, парень?.. А-ахъ... экой беспокойный!.. Хочешь, не хочешь,

можетъ въ елотку-то кусокъ не идетъ, а если ужъ онъ угощаетъ, такъ не смѣй отказаться... Ышь!.. Дай-ка сюда водку-то, я приберу... Будетъ съ тебя... Испей вонъ лучше чайку...

— Погоди, не заговаривай... Не тронь водку, не тронь, говорить... Оеда, скажи ты мнѣ, по совѣсти, зачѣмъ ты сюда ходишь? Развѣ тебѣ мѣсто здѣсь?..

— Коли сию здѣсь, такъ—стало мѣсто...—отвѣчалъ Оеда, насунувшись. — А коли хочешь узнать всю правду, зачѣмъ я сюда хожу, подемъ домой, я тебѣ дорогой отероюся...

— Нѣтъ, ты здѣсь скажи, сейчасъ... Здѣсь чинится нечего: здѣсь дѣло на чистоту... Вишь, какой народъ: вчера я былъ гость дорогой, лучше меня нѣту, а сегодня думаютъ: ты не выродившій ли будешь!.. Такъ сказывай, да и давай торговаться, кто кого перешибетъ...

— Никому ты здѣсь не надобенъ,—вдругъ виѣшалась молчаливая до тѣхъ поръ Параня:—лицо ея горѣло и глаза гнѣвно блестя. Убирайся ты къ женѣ къ своей, а намъ этихъ нахаловъ да бахваловъ не требуется!.. Не думай ты о себѣ много, не похваляйся: видимъ тебя, понимаемъ довольно!.. Давно я мамонькѣ говорю, что въ шею бы тебя отселѣ нужно, охальника этого, а не то что угощеніе отъ тебя принимать... Чтѣ ты, подкупить, что ли, думалъ меня пряниками-то твоими?.. Возьми прочь твои гостинцы подлые, не надо ихъ... Неси, кто подешевле насъ стѣбитъ, а мы про тебя дороги!

Параня схватила узелъ и бросила его въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Кирила; онъ ударился о бутылку съ водкой и столкнулъ ее на полъ; водка разлилась и гостинцы Кирилы разсыпались по полу избы. Онъ самъ, блѣдный, растерянный, злѣй, вскочилъ на ноги, весь дрожалъ и смотрѣлъ на Параню испуганными глазами, конвульсивно сжимая кулаки.

Оеда смотрѣлъ на Параню съ изумленіемъ, но и съ восторгомъ: ему казалось, что онъ теперь любитъ ее еще больше прежняго и, по инстинктивному побужденію, поднялся и смѣлъ около нея съ той стороны, откуда былъ ближе къ ней Кирила.

Дарья Тихоновна совсѣмъ растерялась, охала, ахала, что-то бормотала и безозвательно поднимала и бросала опять на полъ разлетѣвшіеся ко нѣбѣ сласти.

— Такъ вотъ какъ...—проговорилъ наконецъ Кирила хриплымъ, тѣмъ сдавленнымъ голосомъ.

— Вотъ какъ!.. — повторила за нимъ Параня, сверкая глазами. — Ты думалъ, боится тебя здѣсь... Мнѣ тебя бояться нечего!..

— Что же, вы любите, что ли, съ нимъ? — спросилъ Кирила, указывая на Оедю.

— Не твое дѣло...

— На что же ты... на что ты... тянула меня?.. Голосъ Кирилы дрожалъ, въ немъ слышались слезы.

— Чѣмъ я тебя тянула?.. Ты самъ лѣзь, приставай, я не знала, какъ отбиться отъ тебя, охальника...

— Я иссохъ по тебѣ... исчахнулъ... я бы все тебѣ отдалъ... все!.. Тебѣ бы не такъ надо, коли не любишь совсѣмъ... не тянуть... Я думалъ...

Кирила опустился на лавку, оперся локтями на столъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ, или, вѣрнѣе, завылъ. Дарья Тихоновна, не зная что говорить и что дѣлать, тоже заплакала, или показывала видъ, что плачетъ.

— Ну, слушай, Кирила, — заговорилъ Оедя: — не реви, я тебѣ скажу всю правду: Параня невѣста моя... Я на ней жениться хочу...

Кирила вскочилъ какъ ужаленный.

— Жениться хочешь?.. Невѣста?.. Ну, такъ не вѣрь ему, Параня: не дадутъ ему жениться на тебѣ... Не такая имъ дѣвка нужна... не изъ такой семьи!.. Не вѣрь ему и не слушай: никогда ему не жениться на тебѣ... Его проклянетъ отецъ, какъ только онъ займется о тебѣ... Да и мой-то родитель, другъ и благодѣтель его, развѣ дастъ жениться на тебѣ?.. Да они и вась-то съ маткой со свѣту сживутъ, изъ волости-то выгонять, какъ узнаютъ, что ихъ любимое чадушко задумало... Вотъ вы увидите!.. Еще, можетъ, вспоманешь и меня, Парасковья Михайловна... Ну, коли инъ счастливо оставаться, женихъ съ невѣстой... Помни, Параня, иссрамила ты меня, обидѣла, вонъ прогнала, а я все-жъ таки тебя изъ глазъ не выпущу!.. А этотъ, свать мужъ, про теби не женихъ: ты такъ и знай... А тебѣ, Дарья Тихоновна, покорнѣйше благодаримъ на угощеньи, на ласковомъ привѣтѣ... Помни!.. Еще увидимся, восы!..

Кирила быстро повернулся, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ избъ.

— Ну вотъ, чуло мое сердце, что бѣда будетъ, коли онъ съ тобой здѣсь повстрѣчается!.. — говорила Дарья Тихоновна. — И сунуло тебя тутъ вступаться да ругаться съ нимъ!.. — упрекнула она дочь. — Совсѣмъ-было я его умаслила, такъ итѣть вотъ... Снялась отругиваться... Ну, что съ нѣзнаго спрашивать?..

— Такъ что же? Онъ будетъ надругаться надъ нами, а намъ слушать, да кланяться... — отвѣчала Параня. — Потакни-ка

ему, онъ и не то бы заговорилъ... Да онъ и не съ пьяна это, а сначала опѣшилъ, какъ Оедея увидалъ, а тутъ нарочно и выпилъ... для куражу... Вотъ что!.. Не боюсь я его... Наплевать!..

— Да вотъ, не боишься, а погоди-ка... кто его знаетъ что у него на умѣ?.. Можетъ, такого наплететъ, что и самъ-дѣлѣ Оедина-то родня объ насъ и невѣсть что подумаютъ... закажутъ ему не то что жениться на тебѣ, а и знаться-то съ нами...

— Не бойтесь, Дарья Тихоновна, — возразилъ Оеда. — Коли Параня любить меня не перестанетъ, я никого не послушаю и никто меня съ ней не разведетъ... А уйдете вы на фабрику, да будетъ тамъ Параня вмѣстѣ съ вами деньги зарабатывать честнымъ трудомъ, и батюшка дастъ мнѣ свое благословенье... А о Оедотѣ Семенчѣ я и не думаю: онъ мнѣ больше повѣритъ, чѣмъ Кирилъ... и батюшку еще за меня попроситъ... Старикъ меня знаетъ и любитъ!.. Да и Кирилу, еще погодите, я можетъ быть урезоню: поудержится много-то болтать... У меня есть на него страхъ... Теперь авось сегодня къ вамъ не воротится... Я пойду теперь въ Ступино, повидаться съ сестрой, а назадь ужъ, къ вечеру, ворочаться буду на фабрику, опять къ вамъ забѣгу... Покамъ прощайте... Вотъ, Дарья Тихоновна, вы Параню браните, зачѣмъ она Кирюшкѣ отвѣчала, а мнѣ она за это... такъ, кажется, еще любѣй стала... И что у меня ни было на душѣ противъ нея какое сомнѣнiе, послѣ этого все точно рукой сняло... Не браните вы ее, Дарья Тихоновна, за это!.. Прости меня, Паранюшка, что иной разъ я думалъ про тебя... сомнѣвался въ тебѣ... Теперь я тебя узналъ послѣ этого случая, и кто бы что ни говорилъ про тебя, ничему не повѣрю... всакому ротъ зашатаю!.. Прости меня... любая моя!.. солнышко мое ясное!..

Оеда остановился. Онъ стоялъ передъ Параней, смотрѣлъ на нее восторженными глазами, и не зная, не находилъ такихъ ласковыхъ словъ, которыми бы, въ присутствiи матери, могъ высказать ей всю силу любви своей. Параня раскраснѣлась и стыдливо потупилась, слушая его.

— Да ну, ну... поцѣлуйте уже что ли, поцѣлуйте на прощаньи-то.. — проговорила Дарья Тихоновна, любовно усмѣхаясь. — При мнѣ можно: я никому не скажу...

Но Параня закрыла лицо руками и отшатнулась въ сторону.

— Не надо... не хочу... Не стану... — говорила она. — Не смѣй, Оеда, трогать теперь, а то осержусь!..

— Да не буду, не буду... не бойся... золото мое!.. — усвоивалъ ее Оеда, на котораго предложенiе Дарья Тихоновны почему-то тоже непрiятно подѣйствовало. Отиройся только да

погляди... взгляни разокъ... Я уйду сейчасъ... До увиданья... Параня!..

— Да ну, уходи, что-ли... — проговорила Параня, улыбаясь, и отведя отъ лица руки, такъ взглянула на Федю, что у того отъ радости захватило дыханіе.

Онъ невольно, точно кѣмъ подтолкнутый сзади, рванулся-было къ Паранѣ и претянулъ руки, чтобы обнять ее, но тотчасъ же спохватился, удержался, и вслѣдствіе этого такъ смѣшино и неуклюже поклонился и повернулся, чтобы уйти, что насмѣшилъ и Параню, и Дарью Тихоновну. Онѣ провожали его веселымъ и добрымъ смѣхомъ, который не разсердилъ и не обидѣлъ Федю: онъ самъ усмѣхнулся, оглянувшись на нихъ, и вышелъ изъ избы совсемъ счастливый.

— До увиданья... Въ вечеру ждите!.. — проговорилъ онъ, затворяя за собою дверь.

VI.

Высочивши изъ избы Дарья Тихоновны, Кирила не зналъ, что ему дѣлать, куда идти. Страшная злоба, ревность и досада душили его; онъ чувствовалъ потребность отмстить и Паранѣ, и Федору, и старался сосредоточиться на мысли: что бы сдѣлать такое, чтобы съ-разу повредить имъ, поссорить и разлучить.

«Сказать его отцу!..» думалъ Кирила. «Разсказать, какая такая Барыня, Дарья Тихоновна, къ которой ихъ тихоня шляется, растолковать, на чьей дочкѣ жениться онъ хочетъ... да и какова сама эта доченька-то... Пускай же знаютъ, что хваленный ихъ не лучше насъ, грѣшныхъ!.. Они думаютъ, онъ на фабрикѣ, денежки зарабатываетъ для дома, а онъ вонъ гдѣ сидитъ, гдѣ деньги-то сорить... Туда безъ денегъ не ходи: знаемъ мы тоже Дарью-то Тихоновну довольно!.. Коли соглашается дочку отдать, такъ, значить, погромѣлъ у нея подъ носомъ денежками... На сухую-то ложку ее не сманишь тоже!.. Давно знакомство ведетъ... значить, давно и деньги даетъ... А гдѣ бралъ?.. Видать, что у насъ же изъ дому таскалъ... Правду матушка-то говорить... Вотъ тѣ и честной, и не пьющій, примѣрный!.. Надо и моему-то родителю разсказать: пускай знаетъ!.. Поди еще, не давалъ ли ему награды... О-о, проклятый потихоня, не даромъ завсегда у меня кнѣжо супротивъ него... Подхалима подый!.. Пожалуй, вѣдь, не повѣрять... Нѣтъ, хорошо бы ихъ обоихъ, стариковъ-то, привести, покамъ онъ сидитъ тамъ у нихъ, чтобы на мѣстѣ накрыть...

Ужъ не бывать же этому: такъ ли, снѣтъ ли, а разстрою я васъ... Погодите!.. Про меня узнаютъ? скажутъ?.. Наплевать мнѣ—все равно!.. Съ меня не что возмутъ, а не доставаться, такъ пусть не достается никому... Не мнѣ, такъ и не ему!.. Да отъ меня еще не уйдутъ!.. Посмотримъ еще... Ужъ пропадай моя голова, а я по-своему сдѣлаю!.. Кабы не любила она меня вовсе, не стала бы сидѣть около меня, да глазами заглядывать, да хихикать, не стала бы подзадоривать... Кабы не женатъ я былъ, она на Одеянку-то бы и не взглянула возлѣ меня... Она дѣвка веселая: ей лихаца нужно, а не экого тюрю, какъ Оедька... А эти шуточки-то, что гостинцы-то раскидала при немъ, ему на показъ: что вотъ, молъ, мы каковы благородны... Ну, это еще на-двое судить можно!.. Извѣстно, коли замужъ за него хочетъ, за жениха считаетъ, такъ мои рѣчи несносны показались... А коли развести ихъ, да походить хорошенько, такъ другой разговоръ пойдетъ... Нѣтъ, не Оедькѣ со мной тягаться... Погоди, тюря не-вареная, я тебя утѣшу: не видать тебѣ Параньки какъ ушей своихъ!.. Тебя со смиренствомъ твоимъ, да съ родительскимъ почтеніемъ приберутъ къ рукамъ: воротать съ фабрики-то, въ деревню опять возмутъ, да силой женятъ, вотъ и будешь сидѣть!.. А со мной не что подѣлають... Я самъ себѣ начало, самъ себѣ голова... Погоди!..»

Такъ думая и передумывая, злясь, волнуясь и угрожая, Кирила шелъ скорыми шагами, безсознательно направляясь къ дому. Онъ былъ совсѣмъ погруженъ въ самого себя, не смотрѣлъ по сторонамъ, бормоталъ иногда отрывочныя фразы изъ того, что думалъ, сжималъ кулаки, грозился и шелъ впередъ, не замѣчая, что сзади его, въ нѣкоторомъ разстояніи, давно уже тихо ѣхала телѣга. Въ телѣгѣ сидѣла женщина и задерживала порывавшуюся впередъ лошадь, не сводя испуганныхъ глазъ съ шагавшаго впереди Кирила. Она могла бы проѣхать мимо, и онъ, по всей вѣроятности, не обратилъ бы даже вниманія, но сидѣвшая въ телѣгѣ женщина была—Анна. Возвращаясь изъ Пархачева отъ знахарки, она вдругъ, совершенно неожиданно, къ ужасу своему узнала въ идущемъ впереди мужикѣ своего мужа. Анна оторопѣла, задержала лошадь, заставила ее идти шагомъ и съ замираніемъ сердца слѣдила за мужемъ. Испугъ ея смѣшался съ недоумѣніемъ, когда она разглядѣла странныя движенія мужа. Пьянъ? была первая мысль ея; но онъ шелъ твердо, не останавливаясь, не пошатываясь.—Что дѣлать?—раздумывала Анна: ѣхать ли впередъ, или остановиться совсѣмъ и дать ему йти?.. Ѣхать—узнаетъ, остановить, станетъ допрашивать: гдѣ была?

Что скажешь?.. Остановиться, дать уйти впередъ, такъ онъ къ дому идетъ, все равно узнаетъ, что меня нѣтъ и лошади нѣтъ: тоже будетъ пытаться, какъ приѣду... Что сказать-то мнѣ, батюшки мои, какъ вдругъ оглянется, да увидитъ?.. Сказать развѣ что къ своимъ, въ Чернушки, ѣздила, матушка отпустила? такъ дорога-то не та, не оттуда... Сказать... сказать развѣ...

Но Анна ничего не могла придумать, ни на что рѣшиться, какъ вдругъ Кирила остановился и присѣлъ на краю дороги, чтобы закурить папироску. Анна натянула возжи, лошадь остановилась, и бѣдная баба точно замерла съ прижатymi къ груди руками, съ неподвижно устремленными на Кирила испуганными глазами; сердце у нея точно перестало биться и холодный потъ выступилъ на лбу. Кирила, раскуривая папироску, случайно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стояла лошадь, и тоже сначала не вѣрилъ глазамъ своимъ... Да, лошадь—его собственная и баба сидитъ въ телѣгѣ—его жена!.. Что за чудо такое? Привидѣлась, что ли?.. Сидитъ и смотреть на него, глазъ не спускаетъ!.. Да, жена и есть, Анна!.. Она это сидитъ!.. Откуда взялась?..

— Анна! — вскричалъ Кирила чуть не съ ужасомъ. — Ты это?..

— Я, Кирила Ѳедотычъ... — отвѣчалъ робкій женинъ голосъ. Этотъ голосъ привелъ Кирила въ себя.

— Да откуда тебя чортъ взялъ?—спросилъ онъ, подходя къ телѣгѣ.—Куда ты ѣдила?

Анна не отвѣчала.

— Тебя спрашиваютъ... Али оглохла? Куда ѣдила?..

— Матушка послала!.. — отозвалась Анна нерѣшительно и робко.

— Куда?

Анна опять молчала.

— Да что ты, дьяволъ, онѣмѣла, что ли? Куда, я говорю, матушка послала?..

— Да тутъ... къ знакомѣ... къ своей... къ одной...

— Къ какой знакомѣ?.. Да что ты и вправду?.. Съ ума спятила, что ли, такъ кажись, не съ чего... Али тебя лѣшій обошелъ, память отшибло?.. Сказывай сейчасъ: гдѣ была?.. Ужъ не за мной ли досматривать ѣдила?.. Слышишь, сейчасъ сказывай, а то всю морду твою поганую сворочу на сторону... Ишь ты, рыло твоё поганое, паскудная харя!.. На человека-то не похожа!.. Навязалась на шею жерновъ, окаянная!.. Слышишь, спрашиваю: гдѣ была?..

— Ты перво скажи: гдѣ ты-то былъ? гдѣ ты-то плянешься

отъ жены?..—вскричала вдругъ Анна, забывшая страхъ и чувствуя только нанесенное ей мужемъ оскорбленіе. Вотъ первое ты скажи: гдѣ ты-то водишься отъ живой жены?... гдѣ ты-то былъ?..

— Гдѣ былъ?—отвѣчалъ Кирила, сверкая на жену глазами. —Знать хочешь?.. У полюбовницы своей былъ!.. У насъ одна выѣстъ съ твоимъ братомъ Ѳедюшкой!.. Спроси у него... Вотъ гдѣ я былъ!.. Ну, слышала?.. А ты гдѣ же была?

— А я у полюбовника...

— Ахъ, ты мурло... Кому ты нужна?.. Тоже!..—И Кирила ударилъ жену: воротившаяся къ нему злоба требовала жертвы, а она была подъ рукой.—Говори сейчасъ...

— Да вотъ хощь убей... не скажу...—отвѣчала Анна, рыдая. —Убей ужъ за-одно: легче будетъ...

— Э, да чорта мнѣ нужно: стану я допытывать тебя... Велика мнѣ надобность... Полѣзай вонъ изъ телѣги!..

— Зачѣмъ я полѣзу?..

— Пошла, говорятъ, покажъ цѣла...

— Да на что я полѣзу изъ телѣги?..

— Э, дьяволъ!.. —вскричалъ Кирила и потащилъ жену за воротъ.—Задущу...

— Ой, батюшка!.. Пустя душу на показаніе!.. Погоди, сама выѣзду... Господи!.. Конецъ, что ли, мой пришелъ послѣдній?.. Дай хощь перекреститься... Богу покаяться...

Съ рыданіями, дрожа всѣмъ тѣломъ и въ самомъ дѣлѣ думая, что мужъ хочетъ ее убить, не выѣзжала, а скорѣе вывалилась бѣдная Анна изъ телѣги; но не успѣла еще она подняться на ноги, какъ Кирила вскочилъ въ телѣгу и погналъ лошадь. Анна осталась одна среди дороги. Испуганная, избитая, оскорбленная она долго не могла придти въ себя и понять, что съ нею случилось. Безумно смотрѣла она вслѣдъ удаляющемуся мужу, который хлесталъ и погонялъ и безъ того усталую лошадь; потому сѣла тутъ же на дорогѣ и горько-горько заплакала. Она сидѣла, закрывши лицо руками и покачивалась изъ стороны въ сторону; рыданія надрывали ей грудь, разрѣшаясь воплями и причитаньемъ. Подавленная своимъ горемъ, оплакивая свою горькую участь, Анна не замѣтила, какъ подошелъ къ ней братъ, Ѳедя, и изумленный остановился передъ нею.

— Что ты, Анна, что ты?—о чемъ ревешь? Какъ ты попала сюда? Что еще надѣлалось?.. —спрашивалъ ее Ѳедя съ участіемъ.

— Ахъ, батюшка, Ѳединька...—заголосила Анна, узнавши, наконецъ, брата.—Откуда ты взялся? Ровно съ неба свалился...

Видно, Господь тебя послалъ ко мнѣ?.. Батюшка, родимый мой, Ѳедянушка!..

— Да расскажи путемъ: чтó такое послучалось?.. Какъ ты здѣсь-то, среди дороги?..

Съ рыданіями, прерывающимися голосомъ, несвязно и беспорядочно, рассказала Анна брату все, чтó произошло. Изъ всего ея разказа Ѳедя понялъ только, что Кирила прибилъ сестру, выкинулъ изъ телѣги, и самъ ускакалъ.

— Да за чтó же онъ тебя прибилъ-то?.. — допытывался Ѳедя.

— Не знаю, Ѳединька, ничего не знаю: ровно во снѣ мнѣ все это...

— А куда же поѣхалъ-то?

— Вонъ, туда, — въ эту сторону... Не знаю куда...

— Ну, такъ, значить, къ дому... Перестань, Аннушка... не реви... Вставай, да пойдемъ лучше домой... Я, вѣдь, къ вамъ шель... Вставай...

Ѳедя помогалъ сестрѣ подняться на ноги. Она все еще всхлипывала и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ пойдемъ... На ходу-то лучше... Переплачешься, такъ расскажи мнѣ все порядкомъ: я никакъ въ толкъ не возьму...

— Нѣтъ, Ѳединька, нѣтъ, ты мнѣ перво скажи: кто такая у васъ съ нимъ одна полюбовница есть... Онъ самъ мнѣ сказалъ: спроси, говоритъ, у Ѳедьки, — у насъ съ нимъ одна... Неужто и ты къ этой вдовѣ ходишь?.. Скажи мнѣ, батюшка... скажи, родимый... Назови ты мнѣ ее по имени... На тебя, значить, и указывала Арина Панкратьевна... Скажи, хорошій... Назови мнѣ ее... Вотъ я тебѣ въ ножки поклонюсь...

Анна бросилась въ ноги брату...

— Да полно, Аннушка, полно... Чтó ты?.. Съ ума ты сошла, что ли?

Ѳедя старался поднять сестру.

— Мнѣ только бы имя-то ее узнать, да гдѣ проживаетъ... Больше ничего не надо... Не встану, отъ ногъ у тебя не встану, — въ пыли, въ праху валяться буду, покамъ не скажешь, кто моя злодѣйка... та вдова клятая...

— Да пойдемъ, пойдемъ... Перестань... Я все тебѣ расскажу и растолкую — и ее назову, только опомнись, встань ты да пойдемъ... Я съ тѣмъ и шель, чтобы все тебѣ рассказать...

Анна быстро поднялась.

— Ну, вотъ, батюшка, вотъ не вѣрь... — говорила она. — А мнѣ это слово сказано: «встрѣтится тебѣ человѣчекъ, неожиданно-негаданно, на пути-дорогѣ, и все тебѣ откроетъ...» Вотъ не вѣрь

гадаю, что было того... Ну, рассказывай ты мнѣ, рассказывай, облегчи ты мою душу... Я и ревѣть не стану... Вотъ и слезъ нѣту, ровно ничего и не было...

Анна ждала объясненій Оеди точно какого-нибудь откровения, которое должно спасти ее, измѣнить къ лучшему всю ея судьбу; она смотрѣла на него съ какимъ-то трепетомъ и надеждою, вся превратилась въ слухъ, боясь проронить хоть одно слово, одинъ звукъ.

— Огъ тебѣ сказалъ, что у насъ одна съ нимъ полюбовница?..—переспросилъ Оедя.

— Сказывалъ, Оедянушка, сказывалъ... Такъ и сказалъ...

— А ты ему и повѣрила?..

— Повѣрила — не повѣрила, а такъ это мнѣ его слово на сердце пало, такъ точно стрѣлой пронзила... Вотъ, молъ, и узнаю же я ее... Такъ и подумала!.. Оедя мнѣ всю правду скажетъ...

— Сказать я тебѣ скажу, только ты до времени ничего никому не говори: ни нашимъ, ни Оедоту Семенчу...

— Не велишь, такъ зачѣмъ я стану говорить... Не стану, Оедянушка, не стану...

— Нѣтъ у меня никакой полюбовницы, а невѣста есть — точно...

— Какъ невѣста?.. Неужто же ты на экой... да на вдовѣ жениться хочешь?.. Чтой-то, Оедя?..

— А ты погоди... Не на вдовѣ, а на ея дочкѣ... Это дѣвушка честная, хорошая, даромъ что у такой матери выросла... А ужъ красавица, Аннушка, такая... Кажется, изойди бѣлый-свѣтъ — не найдешь такой: лицомъ ли, ростомъ ли, поведкой своей!.. А глаза — такъ, кажется... что захочетъ, то глазами-то и скажетъ: взглянетъ — все сердце всколыхнетъ, духъ займется!.. не то, что говорить: ровно тысячей рублей подарить, а ничего не надо, — отъ свѣта вольнаго откажешься, только бы смотрѣла она на тебя этими глазами своими!.. Ахъ, Аннушка, какъ люблю я ее, какъ люблю — сказать тебѣ не могу!.. Нѣтъ того на свѣтъ...

— А матеа-то, матеа-то, Оедянушка, молода еще видно?.. тоже рожей-то, видно, смазлива?.. Не стара еще она-то?.. Сама-то какая?..

Оедя, который въ первый разъ еще свободно говорилъ съ близкимъ человекомъ о любви своей и о любимой женщинѣ, такъ увлекся этимъ рассказомъ, воспоминаніемъ о Паранѣ и своими личными ощущеніями, что едва понималъ вопросъ Анны и разсѣянно отвѣчалъ ей.

— Да, она еще ничего... молода... не стара...

— А все ужъ, чай, ей подъ сорокъ, коли дочь — невѣста?..

— Будетъ, я думаю...

— Ишь, ты, подлая!.. А какъ зовутъ-то ее, Оединоушка... матку-то?..

— Дарья Тихоновна.

— А изъ какой же деревни-то будутъ они, Оеда?.. Гдѣ жить-то?..

— Въ Онучинѣ...

— Вотъ гдѣ!.. — почти вскрикнула Анна, радуясь, что она получила теперь всѣ нужныя ей свѣдѣнія. — Ишь, ты, подлая душа!.. Сорокъ лѣтъ — бабій вѣкъ, говорятъ, а она... Видишь ты!.. Такъ онучинская, — вотъ откуда!.. Ну, Кирила Оедотычъ, нѣтъ у тебя стыда! Не нашель ты получше-то... Съ кѣмъ связался, на кого жену промѣнялъ: на вдову дѣтнюю, старую... На кого ты домъ воришь!.. Не даромъ, люди смѣются!.. Ужъ, стало, баба никуда нетодная, непутная, коли у нея дочь — невѣста, а она гуляетъ, любовниковъ заводитъ... Такъ ты тамъ-то и повстрѣчался съ нимъ, Оединька?..

— Да, сегодня въ первый разъ... До этого раза и не зналъ ничего...

— Такъ неужто ты, Оеда, и самъ-дѣлѣ на ея дочкѣ жениться хочешь?.. Чтой-то, родной мой?.. Да батюшка-то и слушать не захочетъ, — и благословенія тебѣ не дастъ... Экая тѣщенька будетъ!.. Да и Оедотъ Семенычъ что скажетъ... И по мнѣ — такъ... Нѣтъ, батюшка, Оединька, чтой-то ты это надумалъ?.. Неужто ужъ таки-таки лучше ея, въ самъ-дѣлѣ, нѣтъ?..

— По мнѣ — нѣтъ, Аннушка... И вотъ я тебѣ что скажу... Параня моя до того мнѣ мила и дорога, что хоть бы пришлось батюшкѣ наперекоръ сдѣлать, съ Оедотомъ Семеничемъ поссориться... а я все-жъ-таки женюсь на ней... Придетъ время, — такъ и родителю скажу... По мнѣ, дочь за мать не отвѣтчица, и не всякая дочь по матери идетъ... Она не виновата, какая бы ни была у нея мать: была бы сама хороша, а за родителей съ нея спрашивать нечего... По мнѣ, еще это къ чести ея, что у такой матери, на такомъ виду, да сберегла себя, — хорошая да честная осталась!.. И мать, значить, не вдосталь пропала, коли дочь въ порядкѣ выросила, худому ее не учила, а оберегала...

— Да уберегла ли, Оединька? Полно, батюшка, молодѣ, вѣдь, еще ты, — всего не досмотришь... Гдѣ тебѣ до всего дойти... Онѣ, видать, ловкія: обойдутъ и не тебя...

Оеда вдругъ съ силой схватилъ сестру за руку. Анна взгля-

нула на него и испугалась: онъ страшно измѣнился въ лицѣ, дрожалъ и тяжело дышалъ, точно задыхался.

— Не смѣй... не смѣй!.. — проговорила онъ, съ усиленіемъ переводя духъ. — Ты ее не знаешь... Не такая она!.. Зачѣмъ же ты?.. Никогда не смѣй говорить этого!.. Я ее знаю... Ты подглядѣла бы, какъ она твоего Кирила отдѣлала: онъ началъ-было къ ней подливать... Выгнала изъ избы-то... Оттого онъ и злой-то такой... Видно, и тебя-то прибилъ съ этого: не зналъ ужъ на комъ злость сорвать...

— Какъ, Федюша, ты говоришь: онъ и къ ней подливалъ?.. къ твоей-то?.. Господи, батюшка, да ужъ онъ не къ ней ли и бѣгалъ-то?.. не съ ней ли онъ, полно, Федя?

Аннушка точно съ умысломъ мучила брата: ея слова точно острымъ ножомъ рѣзали его по сердцу.

— Твой Кирила живъ бы не ушелъ отъ моихъ рукъ, кабы это такъ было... — отвѣчалъ Федя мрачно. — Она не виновата, что онъ безпутный, охальникъ, — что совѣсти въ немъ нѣтъ... Кабы она его сегодня на моихъ глазахъ такъ не прогнала, Богъ-вѣсть, что бы еще у насъ съ нимъ было... Нѣтъ, нѣтъ, про нее не думай, а онъ... ты присматривай за нимъ, и Федоту Семенычу скажи моимъ именемъ, коли я самъ его не увижу да сказать не удосужусь, что онъ... подлый твой Киришкя!.. самый подлый человекъ!.. Я самъ слышалъ, какъ онъ подкупалъ мать, чтобы она продала ему дочь, страдалъ, похвалялся силой увести... Вотъ онъ какой!..

— Батюшки!.. батюшки!.. — завопила опять Анна, всплеснувши руками. — Куда мнѣ отъ него дѣться? куда головушку отъ стыда-горя спрятать?.. Что мнѣ дѣлать-то? Какъ мнѣ быть-то?

— Вотъ что, Аннушка... Я ужъ Кирила, можетъ, разведу съ Дарьей Тихомоновой: онъ скоро совсѣмъ изъ Онучина уйдутъ... А чтобы онъ не пьянствовалъ, дома не зорилъ и тебя не обижалъ, чтобы хоть немножко его поуспокоить, надобно тебѣ непременно все рассказать Федоту Семенычу и батюшкѣ: такъ и рассказали все, какъ есть, что я тебѣ сказывалъ и что сама знаешь...

— Оединыя, да онъ убьетъ меня... Посмотрѣлъ бы ты давеча: вѣдь я думала — конецъ мой пришелъ... А на него и смотришь-то страсть брала...

— Погоди же, постой... Для того-то ты батюшкѣ все и расскажи, чтобы онъ зналъ, какъ тебя мужъ мучитъ и tyrannитъ и какова тебѣ жизнь замужемъ — и чтобы тебѣ въ случаѣ, если Кирила не образумится, можно было уйти къ отцу... Я тебѣ и

прежде говорилъ и теперь опять скажу: нельзя съ такимъ мужемъ жить на этакомъ сраму, на такой обидѣ, какъ ты живешь... Ты не собака, чтобы онъ тебя билъ, а тебѣ у него руки ливать... Благодарить Бога, еще у васъ дѣтей нѣтъ... Ну, и уйди отъ него, Богъ съ нимъ... Все равно, онъ не живетъ же съ тобой, какъ слѣдуетъ съ женой... А коли опомнится, да придетъ—будетъ звать... Ну, тогда увидишь: коли по силамъ тебѣ будетъ забыть старое, да жалко тебѣ его, такъ и воротись... Теперь къ Дарьѣ Тихоновѣ ему ходить будетъ нельзя, да къ этому — и Федотъ Семенычъ его посовѣстять, и ты уйдешь къ батюшкѣ, такъ, пожалуй, и поведолѣ притихнетъ, образумится...

— Оединька, что я тебѣ скажу...

— Ну, что?

— Не погодить ли говорить-то, особенно коли тѣ уйдутъ изъ деревни?.. Можетъ, и такъ дѣло справится... Ты вотъ, вѣдь, не вѣришь... а я нашла человѣчка: общается поворотить его ко мнѣ, только-что надо денегъ достать, заплатить... Ужъ шубу думаю заложить, а заплачѹ: ничего не пожалѣю...

— Да за что же платить-то?

— А она подблаетъ... либо отворота отъ той, либо ко мнѣ привороту дастъ...

— Ну, Анна, не вѣрю я этимъ пустякамъ, такъ нечего мнѣ объ этомъ и говорить... А тебѣ не надо бы этого видора и слушать, и деньги на это изводить... Ты не дура, слава Богу, ты только съ горя всему рада повѣрить, за все схватиться... Нѣтъ, дѣлай, какъ я тебѣ говорю: непременно Расскажи все и Федоту Семенычу, и батюшкѣ... И для меня добро сдѣлаешь: все равно твой мужъ похвалялся, что про меня имъ расскажетъ, такъ, по крайности, пускай они отъ тебя настоящее узнаютъ... Ты скажи только, что хопъ я непременно женюсь на Паранѣ, да не скоро еще, когда хорошее жалованье буду получать на фабрикѣ... И попроси батюшку, чтобы онъ меня не разбивалъ и не водумалъ мѣшать, или отговаривать: во всемъ я слызъ ему покорный, во всемъ послушаюсь—только не въ этомъ... Такъ и скажи... Мѣсяца черезъ два я, можетъ, и самъ побываю у батюшки, коли можно будетъ: вотъ о праздникахъ, ось, о святкахъ... А до тѣхъ поръ, если захочетъ повидаться, не выберетъ ли времячко—самъ бы побывалъ ко мнѣ, на фабрику... Я ему самъ все расскажу... Вотъ жалко; Федота Семеныча дома нѣтъ...—сказывала твоей-то...

— Да, да, на два дни уѣхалъ, въ волюсь...

— То-то горе мое... Ну-да воротится, такъ ты тотчасъ ему скажи, что, молъ, приходилъ нарочно Федоръ повидаться и все

рассказать, да не застаѣ и въ великую, молю, милость просилъ, чтобы какъ можно побывалъ онъ у меня, что, молю, по гробъ жизни онъ этой милости не забудеть, если прїѣдешь... да поскорѣе... А на фабрикѣ, скажи, мнѣ жить очень хорошо, и хозяйскій сынъ, онъ знаетъ, очень меня полюбилъ, все равно-что другъ сталъ.. Я со старикомъ и о себѣ и объ тебѣ поговорю, а онъ прїѣдетъ, я знаю, какъ только ты ему скажешь...

Они подходили къ Ступину.

— Что же, ужъ мнѣ заходить ли къ вамъ въ домъ-отъ?... Старика нѣтъ, Федосья Осиповна меня не любитъ, съ тобой все переговорилъ, а тамъ еще, пожалуй, твоего встрѣчу—не вышло бы еще у насъ съ нимъ чего...

Федя остановился въ нерѣшимости.

— Прощай-ка лучше... Да, мнѣ ужъ и пора... Тоже до фабрики далеко.

Но Анна ухватила его за руку.

— Нѣтъ, нѣту, родименькой, Единька, доведи ты меня, проводи, ради Христа... Я и въ домъ-то взойти побоюсь теперь... Ты хошь меня до матушки-то проводи: она нынче ничего, много милостивѣй ко мнѣ стала... Она, вѣдь, сама и въ гадалкѣ-то меня послала, и лошадь велѣла взять... Коли дома Кирила Федотычъ, такъ хоть я приду-то при тебѣ, не такъ боязно... ну, а тамъ, ужъ чтѣ Богъ сдѣлаетъ... А нѣтъ его, такъ ты посади со мной, дай мнѣ душеньку-то отвести, посмотришь да поговорить съ тобой... Можетъ, надумаешь: и матушкѣ чтѣ скажешь... Право... Она теперь боится, что Кирила-то хочетъ уйти вовсе изъ дома, такъ гораздо лучше стала, почитай за-одно со мной, рука за руку... Онъ теперь и съ матушкой-то не ладитъ, и съ ней-то мало что говорить... Нѣтъ, Единька, зайдн, Христа-ради, зайдн, прошу я тебя... Да и его, чай, поди нѣтъ... Станетъ ли онъ дома сидѣть, особливо сегодня, въ праздниѣ... Бросилъ, чай, лошадь, изругалъ матушку, что дала мнѣ ее, да и опять ушелъ гулять...

Федоръ не могъ отвязать сестрѣ и пошелъ съ нею.

Въ избѣ они застали одну Федосью Осиповну въ сильномъ смущеніи. Она почти обрадовалась приходу Анны и рассказала, что сидѣла подъ ономъ, поджидая ея возвращенія отъ гадалки, какъ вдругъ увидѣла въ телѣгѣ скачущаго мимо дома Кирила: лошадь была вся въ мылѣ, а онъ еще дергалъ и хлесталъ ее.

— У меня такъ сердце и упало,—рассказывала старуха.—Ждала тебя, а вижу онъ скачетъ одинъ и мимо... Что, молю, за чудо такое: не повстрѣчалось ли чего, не сдѣлалось ли?.. Я

было высунулась въ окошко, оклинуть его, такъ не знаю, слышалъ ли, али нарочно виду не далъ, что слышитъ... Даже и на бабу-то не смотреть... Какъ вы повстрѣчались-то съ нимъ?...

Анна все подробно рассказала старухѣ о своей неожиданной встрѣчѣ съ мужемъ.

— Куда же онъ, батюшки, куда же это онъ носкавалъ-то?— спрашивала Федосья Осиповна со слезами на глазахъ.

— Такъ онъ, значить, въ эту сторону проѣхалъ?— спросилъ Оеда, показывая направление.

— Да, да, вотъ сюда, напрямомъ черезъ всю деревню.

— Ну, такъ я знаю куда онъ поѣхалъ...— проговорилъ Оеда.

— Куда? куда?— спросили въ одинъ голосъ мать и жена.

— Въ Чернушки, надо быть...

— Почто ему туда?— съ сомнѣніемъ и недоумѣніемъ замѣтила Федосья Осиповна.— Близко ли до Чернушекъ, а лошадь вся и безъ того въ мылѣ, устала, да и дѣлать ему тамъ нечего...

— А вотъ, посмотрите, что туда... къ нашему батюшкѣ...

— Не охочъ онъ былъ туда ѣдить-то никогда... возразила старуха такимъ тономъ, въ которомъ противъ ея воли слышалось нерасположеніе къ семьѣ Оеди.— Съ чего же ему вдругъ теперь надумалось?.. Нѣтъ, не можетъ быть... Не поѣдетъ онъ туда...

Оеда не сталъ спорить, но обратился къ сестрѣ:

— Вотъ что, Аннушка, ступай ты теперь же, коли въ силахъ, а нѣтъ, такъ отдохнувши, или завтра чѣмъ свѣтъ, ступай къ батюшкѣ и расскажи ты ему все, что я тебѣ говорилъ... Пустите ее, Федосья Осиповна.

— Да чтой-то, батюшки мои, что за тайности-секретности у васъ?.. — возразила старуха. — Зачѣмъ вдругъ всѣмъ Чернушки понадобились?.. И Кирюша, чу, туда уркавалъ и ей туда же бѣжать надобно... Да что такое?.. Скажите хоть что-нибудь...

— Никакихъ секретностей нѣтъ, Федосья Осиповна... Пускай Анна вамъ все расскажетъ, а только, если сходитъ она, такъ и для нея и для васъ лучше будетъ...

— Али гадала что указала?.. — проговорила Федосья Осиповна.— Ты ему разблаговѣстила, что ли, все, братцу-то?

— Не вѣрять онъ, матушка, гадалкамъ-то, — отвѣчала Анна, — а она мнѣ все такъ точно сказала: встрѣтишь, говорить, чоловіка нежданно-негаданно, и онъ все тебѣ расскажетъ... И я теперь все узнала!.. Отъ него же узнала, отъ Оединьки!.. Онъ встрѣтился: все рассказалъ... Прежде насъ онъ все зналъ... Горькое, матушка, стыдобушка!.. Все такъ точно!..

Анна заплакала.

— Да что, дурочка, что? Ты мнѣ Расскажи скорѣе... Можно, чай, матери-то сказать?

Последній вопросъ былъ обращенъ съ нѣкоторымъ упрекомъ въ Федѣ.

— Она вамъ все расскажетъ, Федосья Осиповна, — отвѣчалъ Федя, — только вы отпустите ее поскорѣе въ Чернушки, а ты сходи, Аннушка... Пожалуйста, сходи...

— Да я хоть сейчасъ, Феденька, вотъ только бы матушка...

— Да коли нужно, такъ сходи... Что же...

— Такъ счастливо оставаться, Федосья Осиповна... Прощай, Аннушка... Я пойду...

— Чтой-то больно скоро?.. — проговорила Федосья Осиповна, больше ради церемоніи: — она сгорала отъ нетерпѣнія услышать рассказъ Анны. — Правда, мужиковъ-то нѣкого дома нѣтъ... Да хоть бы закусилъ, что ли, поѣлъ бы чего...

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю... Не хочу ничего... Мнѣ время идти на фабрику... Я вѣдь и шелъ на минутку, только вотъ сестру повидать, да дорогой встрѣтились — все переговорили... Прощенья просимъ, Федосья Осиповна... Прощай, Аннушка.

Старуха болѣе не задерживала гостя, и даже была недовольна, что Анна пошла проводить брата за ворота въ то время, какъ ее свѣдало женское и материнское любопытство.

Федоръ не хотѣлъ присутствовать при рассказѣ Анны, боясь какихъ-нибудь обидныхъ замѣчаній относительно Парани со стороны Федосьи Осиповны, да и торопился воротиться въ Онутино, куда манили его Паранины глазки и надежда уговорить Дарью Тихоновну сегодня же уйти на фабрику. Онъ зналъ, что мужицкіе сборы, даже и женскіе, не продолжительны, а идти всю дорогу виѣсть съ Параней, не разставаться съ ней и тамъ, на фабрикѣ, принявшись за работу, — знать, что она тутъ, близко, почти на глазахъ — какое бы это было счастье! —

Простившись за воротами съ сестрой, онъ быстро зашагалъ по дорогѣ въ Онутино, а Анна торопливо воротилась къ Федосьѣ Осиповнѣ, нетерпѣнія которой вполне понимала и сама желала удовлетворить его поскорѣе: рассказывать новости, даже непріятныя и печальныя, говорить о своемъ горѣ, для крестьянъ всегда, если не удовольствіе, то большое утѣшеніе.

VII.

Федя не ошибся въ своей догадкѣ: Кирила дѣйствительно прѣмчался въ Чернушки. Во время разговора съ женой, при встрѣчѣ съ нею на дорогѣ, въ головѣ Кирилы мелькнула мысль: немедленно ѣхать къ Герасиму Дмитричу, рассказать ему о намѣреніи Федора жениться на Паранѣ и подбить старика тотчас же ѣхать въ Онучино, чтобы накрыть Федю на мѣстѣ. Недолго думая, онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе: вытолкнулъ изъ телѣги жену и поѣхалъ. Дорога ему шла прямо черезъ Ступино, и онъ, чтобы избѣжать разспросовъ и объясненій съ матерью, проскакалъ мимо своего дома, показывая видъ, что не замѣтилъ Федосьи Осиповны и не слышалъ ея оклика.

До Чернушекъ было добрыхъ десять верстъ; усталая лошадь, непривычная къ скорой ѣздѣ, выбилась изъ силъ и начала безпрестанно заявлять желаніе идти шагомъ, или по крайней мѣрѣ легонькой рысцой; но Кирила нещадно погонялъ ее, посылая въ то же время проклятія жентѣ, которая осмѣлилась куда-то ѣздить на ней. Страсть бушевала въ душѣ Кирилы: онъ не могъ ни о чемъ хорошенько думать, не уясняя себѣ своего настоящаго положенія, былъ полонъ однимъ чувствомъ ненависти и мести къ Федѣ, которое и торопился скорѣе удовлетворить.

Появленіе его на измыленной, усмеленно вздымавшей боками лошади, у воротъ дома Герасима Дмитрича, напугало старика. Отъ-нечего дѣлать, ради праздника, онъ сидѣлъ со старшимъ сыномъ на заваляннѣй своей кибѣ, и, первая мысль, которая пришла ему въ голову при видѣ измученной лошади и встревоженнаго лица Кирилы, была та, что въ семьѣ случилось какое-нибудь большое несчастіе. Онъ торопливо поднялся на ноги и быстро подошелъ въ телѣгѣ прежде, чѣмъ Кирила успѣлъ высчитать изъ нея.

— Что подѣлалось, Кирила Федотычъ?.. Что такое?.. Все ли здорово?.. — закидалъ онъ зятя торопливыми тревожными вопросами, даже забывши предварительно поздороваться съ нимъ. — Анна жива ли?.. Али Федотъ Семенычъ?.. Молю скорѣе... Не томи...

— Всѣ здоровы... кланяются...—отвѣчалъ Кирила, выскакивая изъ телѣги и чувствуя нѣкоторую неловкость.—Здорово живешь, батюшка... Свату Ивану Герасимычу...

— Что же ты это?.. — удивленно спрашивалъ старикъ, вскорѣ здороваясь съ зятемъ.—Напугалъ меня до смерти: и самъ-

отъ такой... никакой... и лошадь-то въ мылѣ... Даже и теперь колѣнки трясутся!.. Да ты сказывай правду, не таишь: можетъ что подѣлалось, да не хочешь вдругъ испугать...

— Дѣльцо-то есть одно... Пойдемъ, батюшка въ избу... — говорилъ Кирила, оглядываясь по сторонамъ.

Отъ сосѣднихъ избъ медленнымъ шагомъ подходили къ нимъ мужики, очевидно тоже заинтересованные неожиданнымъ появленіемъ Кирилы.

— Пойдемъ-те въ избу... Это дѣло такое... А вонъ чужіе люди подходятъ... — повторилъ Кирила вполголоса.

— Пойдемъ, пойдемъ... — заторопился Герасимъ Дмитричъ, вновь чувствуя сильное беспокойство... — Иванъ, введи лошадь-то во дворъ...

— Да, пожалуй, не тронь ее тутъ, сватъ Иванъ... Я вѣдь не долго... Постоить и таѣ... Пойдемъ лучше съ нами...

Всѣ озабоченные, встревоженные, пошли въ избу.

— Вотъ что, батюшка, пойдемъ перво въ свѣтелку, что ли, или куда... чтобы безъ бабъ... намъ однимъ чтобы переговорить... — замѣтилъ Кирила, останавливаясь на мосту.

Эта таинственность окончательно смутила старика, встревожила даже и всегда спокойнаго, невозмутимаго Ивана.

— Знамо въ свѣтелку... А коли кто есть — выгонимъ... И запереться даже можно... — преговорилъ онъ озабоченно.

— Пойдемъ, пойдемъ... — твердилъ Герасимъ Дмитричъ, дрожащими руками отворяя дверь въ свѣтелку... — А вы сидите тамъ, не ходите сюда, нивого не надо... — обратился онъ къ бабамъ, высвѣтившимъ было въ сѣни на встрѣчу гостю.

Кирило мимоходомъ только поздоровался съ ними. Бабы въ недоумѣніи поняли, что назадь въ избу и не сразу затворили за собою двери, съ жаднымъ любопытствомъ поглядывая на Кирилу.

— Ну, чего рты-то разинули?.. Затворяйтесь!.. — проворчалъ на нихъ Иванъ.

— Что же такое, Кирила Федотычъ?.. сказывай скорѣе... — Совсѣмъ даже сердце упало!.. — торопилъ Герасимъ Дмитричъ, войдя въ свѣтелку и усаживаясь около зятя.

— Да ты что же такъ ужъ очень, батюшка?.. — успокаивалъ его Кирила. Не пугайся очень-то... Конечно, что тебѣ это услышать будетъ не въ удовольствіе, а все же еще дѣло поправить можно...

— Да что такое?.. Говори скорѣе... — чуть не взмолился Герасимъ Дмитричъ.

— Ты говори сразу... не сумѣвайся... — повторилъ за нимъ и Иванъ.

— Да что сумѣваться... знамо, сразу нужно сказать: вѣтъ! ѣхалъ, торопился... — отвѣчалъ Кирило. Одея вѣтъ забаловался очень... Вотъ что...

— Какъ Одея забаловался?.. Что ты?.. Въ чемъ забаловался?.. Господи помилуй!.. — проговорилъ старикъ.

— А такъ, связался съ одной бабенкой гулящей, со вдовой, да еще на ея дочкѣ жениться хочетъ...

— Да что ты?.. Какъ узналъ?.. Онъ на фабрикѣ живетъ... Тамъ развѣ?..

— Нѣтъ, не на фабрикѣ, а въ Онучинѣ... Слыхали Онучину деревню, отъ насъ верстъ за пять... Вотъ гдѣ... Онъ и теперь тамъ, у этой самой вдовы... И къ намъ не приходитъ, а весь день тамъ, можетъ еще со вчерашняго дня... Хотите поѣзжайте, сами увидите: еще захватите его тамъ... И ужъ онъ, выходить, давно съ ними возжается: сначала съ маткой, а теперь съ дочкой... И жениться на ней хочетъ... Ужъ взявъ объявляются женихомъ съ невѣстой... Знамо и деньжонки туда таскать, какія были... Вонъ, батюшка, родитель мой, его тоже не оставлялъ, награждать, я знаю—и эти деньги туда же на нихъ, видать, извѣлъ... А онъ такія: этимъ живутъ... И не его, тамъ оберутъ до ничего... Пропадеть парень задаромъ... Жалко!..

— Вотъ онъ отчего, видно, и жениться-то не хотѣлъ, въ люди-то, на-сторону, просился!.. — замѣтилъ Иванъ.

— Такъ, само собой, для этого самаго... Отсюда ему не складно бѣгать-то туда, а съ фабрики-то ушелъ... кто его видѣть!.. Напрасно вы пустили его тогда... говорилъ Кирило.

Герасимъ Дмитритчъ сидѣлъ печально и задумчиво опустивши голову. Ему обидно и горько было слышать такую новость объ его любимомъ сынѣ, которымъ онъ внутренне гордился, въ котораго безусловно вѣрилъ и для котораго ожидалъ другой, лучшей судьбы. Его огорчала эта новость еще больше потому, что ее сообщалъ Кирило. Герасимъ Дмитритчъ былъ дурного мнѣнія о своемъ зятѣ и не разъ упрекалъ себя, что отдалъ за него дочь.

Ему казалось не похоже на правду все то, что рассказывалъ Кирило; ему просто не хотѣлось вѣрить, казалось невѣроятнымъ, чтобы умный, скромный, разсудительный Одея былъ способенъ и на такіа знакомства, и на такіа связи.

— Полно, да правда ли это? — проговорилъ онъ, несмотря на зятя.— Не сплѣтѣ ли однѣ?.. Отъ кого ты узналъ-то?

— Чего отъ кого, коли своими глазами видѣлъ, своими ушами слышалъ: самъ онъ мнѣ сказалъ, что жениться хочетъ на этой дѣвкѣ...

— Да какъ же такъ, гдѣ-жъ ты его видѣлъ?

— Да тамъ же и видѣлъ, вотъ какіе-нибудь два часа назадъ, у этой самой гулящей вдовни и съ невѣстой рядомъ... Сидятъ, чай пьютъ, блины ѣдятъ... Праздничнымъ дѣломъ, я разгуляться ходилъ къ пріятелю къ одному въ это самое Опучино, а онъ мнѣ и говоритъ: а твой, говоритъ, зятѣкъ здѣсь, Федоръ Герасимычъ, — гостится, говоритъ, у нашей Барыни... «Барыней» ее прозываютъ... у Дарьи Тихоновны... Я даже не повѣрилъ ему, обругалъ его, а онъ божится: да онъ, говоритъ, давно съ ней живетъ, а не вѣришь, сходи, говоритъ, посмотри самъ... А я, признаться, какъ еще холостой былъ, такъ знавалъ ее... такъ самая что ни на есть охальная, гулящая, сполочъ-баба!.. Погоди-жъ, думаю, я самъ схожу, посмотрю... Вхожу невзначай: такъ и есть, сидитъ нашъ молодецъ тамъ... По одну руку мать, по другую — дочка: онъ въ середочкѣ... Здравствуй, молъ, какъ такъ, какими судьбами тебя Богъ сюда занесъ?.. А смотрю: у нихъ ужъ и сладкая водка на столѣ и закуски разныя... Я и сталъ было его стыдить... Какъ взѣдятся на меня бабы — вонъ гнать; я было на нихъ, срамить ихъ сталъ... Батюшки мои, поднялся нашъ Федя, дрожить весь: не смѣй, кричитъ, про нихъ худого слова сказать!.. Это, говоритъ, моя невѣста нареченная!.. указываетъ на дѣвку... А другая-то, говорю, какая же тебѣ родня-то придется?.. Смѣюсь... Ну, ужъ тутъ бѣда что было: чуть не убили меня... Дѣвка-то кидаться стала всѣмъ, что подъ руку попалось, мать съ кулаками лѣзетъ, Федянка... Ну, думаю себѣ, парень, попалъ ты, завязь!.. Выскочилъ отъ нихъ, да сейчасъ на лошадь, да къ вамъ... Что же, думаю, какъ ни какъ, свои люди — родня, и парня жалко: пропадетъ за-даромъ... Самъ изъ этихъ когтей не выпарапается... Надо отцу, брату сказать... Вотъ нарочно и прискакалъ къ вамъ!.. Заложите лошадь, побѣжайте поскорѣе, тамъ еще застанете: чай, раньше ночи не уйдетъ... Я бы на своей съ радостью довесть, да долго протащится, устала очень... Гналъ я ужъ ее очень шибко...

— Что, Иванъ, что дѣлать-то?.. — смущенно и печально спросилъ старикъ.

— А что дѣлать?.. Взять его съ фабрики, да женить здѣсь, покамъ не избаловался вовсе — вотъ и все...

— Да нѣтъ... А теперъ-то: ѣхать или нѣтъ?

— По-моему, чего тутъ ѣздить, лошадей гонять?.. Мало ли онъ чего надурить: не найдешься за нимъ...

— А, можетъ, не правда...—обмолвился Герасимъ Дмитритчъ,

— Не правда!—вскричалъ Кирила.—Ну, такъ ужъ поѣдемъ, батюшка: я тебя хоть на своей довезу... Это мнѣ даже обидно слышать: я по родству, жалѣючи парня, нарочно прискакалъ, а ты не вѣришь мнѣ... Что же я, выдумку выдумалъ, что ли? Да что мнѣ за надобность?.. Кабы не жалѣючи васъ, да его... какъ по родству... такъ что бы мнѣ? наплевать! я бы и не почесался!.. Нѣтъ, а ужъ теперь, коли ты сказалъ это слово, такъ ужъ поѣдемъ... Вели ему, свать Иванъ, ѣхать... Пускай же онъ самъ, своими глазами посмотреть, а мнѣ чтобы въ лгунахъ-обманщикахъ не быть... Нѣтъ ужъ, коли такъ, поѣдемъ же, батюшка, безпремѣнно, сею же минутою...

— Поѣдемъ, я съѣзжу... Ты меня довези на своей, а оттуда, назадъ, я пѣшкомъ дойду...

— Поѣдемъ и на моей... все одно мнѣ въ оборотъ ѣхать... Хоть и устала, а ничего, добѣжать... Только скорѣе собирайся, чтобы захватить его...

— Да что мнѣ собираться-то: взялъ шапку, да и готовъ...

Черезъ нѣсколько минутъ тестъ съ зятемъ выѣхали въ одной телѣгѣ изъ Чернушекъ, возбуждавши живое любопытство не только въ домашнихъ, но и во всей деревнѣ. Это любопытство осталось неудовлетвореннымъ: хотя и осаждали вопросами молчаливаго Ивана, но добиться отъ него ничего не могли.

— Дѣло одно вышло... не касающее!... отвѣчалъ онъ одно и то же всѣмъ любопытствующимъ.

Герасимъ Дмитритчъ ѣхалъ молча и насупившись: онъ былъ очень огорченъ и сконфуженъ. За-то безъ конца говорилъ Кирила все на одну и ту же тему: о дурной славѣ Дарьи Тихоновны и ея дочери, о томъ, какая бы гибель была для Оеди, еслибы онъ не узналъ во время грозившей бѣды, и по родству, не предупредилъ его отца.

«Больно ужъ ты, парень, что-то хлопчешь да заботишься о Оедѣхѣ...» подоврительно думалъ про себя, хотя и не высказывалъ, Герасимъ Дмитритчъ, слушая красноречіе зятя. «Да вотъ, погоди, самъ до всего дойду, все увижу!.. Эхъ Оедянка, Оедянка, неужто ужъ ты такъ повихнулся и самъ-дѣлѣ?.. Вотъ чего не чаялъ!.. Лучше бы мнѣ не сдаваться тогда на твои слова: не отпускать бы тебя... Либо женить бы сначала...»

Съ половины дороги Кирила сталъ беспокоиться, что время спозднелось и, погоняя лошадей, высказывалъ опасеніе, что они, по-

жалуй, придуть въ Опучино поудно и не застають Федора у Дарьи, особенно онъ настаивалъ на томъ, чтобы не заѣзжать въ свой домъ и не останавливаться у него, такъ какъ женщины любопытны, будутъ доспрашивать, да допытываться: куда, да зачѣмъ, да почему? и все имъ расскажи подробно и обстоятельно, пойдутъ суды да пересуды, а время уйдетъ... Если же теперь Федю не вастать, то будетъ, пожалуй, запирается, что былъ у Дарьи, и его же, Кирилу, луномъ сдѣлаетъ... А послѣ самоврутой и женится... Федота же Семеныча дома нѣтъ, а съ Анной, Герасимъ Дмитричь лучше повидается, какъ назадъ пойдетъ.

Старикъ не возражалъ и не соглашался съ разсужденіями и доводами Кирилы, но слушалъ ихъ молча.

Не довѣжая версты полторы до Ступина, оба они увидѣли идущую къ нимъ навстрѣчу женщину и съ одинаковымъ изумленіемъ узнали въ ней Анну.

— Куда это она идетъ?—спросилъ Герасимъ Дмитричь.

— Кто ее знаетъ... не знаю...—отвѣчалъ Кирила, насупившись. «Не жаловаться ли ужъ на меня собралась къ родителю?» мелькнуло у него въ головѣ. «Вотъ не въ время встрѣтилась!»

Анна, съ своей стороны, тоже еще издали узнала свою лошадь и сѣдковъ въ телѣгѣ, и торопилась къ нимъ на встрѣчу.

«Чудное дѣло: зачѣмъ это онъ батюшку везетъ»...—думала она. «Смотри, что-нибудь затѣваетъ, либо супротивъ меня, либо на-счетъ Федянки. Да ужъ погоди же, коли такъ, все батюшкѣ расскажу: пускай разсудить... Теперь и Федосья Осиповна меня поддержитъ: мы съ ней теперь за-одно... Поди-ка какъ ревѣла, на плечо ко мнѣ припала, какъ я все-то ей разсказала... Сама даже посылать стала: поди, говорить, съ отцомъ посоветуй»...

Съ такими мыслями встрѣтились родные. Кирила долженъ былъ, хоть и по-неволѣ, остановить лошадь. Сердито и молча смотрѣлъ онъ на жену. Она избѣгала его взгляда.

— Здорово, Аннушка... Куда это ты? — спрашивалъ Герасимъ Дмитричь у подходящей дочери.

— Я къ тебѣ было, батюшка... Да вотъ хорошо—встрѣтились... А ты къ намъ, что ли?..

— Нѣтъ, было не къ вамъ... Мы вотъ съ Кириломъ Федотичемъ твоимъ въ одно мѣсто ѣхали... Да оттуда я зайду и къ вамъ... Полѣзай въ телѣгу-то, подвеземъ къ дому, а дорогой по-толкуемъ...

— Дойдетъ и пѣша... Тутъ не далеко, а лошадь-то устала...

намъ, вѣдь, еще ѣхать придется...—проговорилъ Кирила и хлестнулъ лошадь, торопясь поскорѣе отдѣлаться отъ жены.

— Постой, постой маленько... — остановилъ его Герасимъ Дмитритчъ. — Эвой, братецъ, ты какой!.. Дай хоть словечко-то перемолвить съ дочвой...

Кирила съ досадою остановилъ лошадь. Старикъ повернулся къ Аннѣ, которая съ опечаленнымъ, смущеннымъ видомъ осталась сзади телѣги.

— Да ты что же въ намъ собралась-то? — спрашивалъ Герасимъ Дмитритчъ: — такъ, погоститься, али нарвовомъ, по дѣлу по какому?..

— По большому дѣлу, батюшка, по нужному!.. — отвѣчала она со слезами въ голосъ. — Очень мнѣ до тебя надобность есть, большая!..

— Такъ пусти ее въ телѣгу-то... — сказалъ Герасимъ Дмитритчъ Кирилу. — Ужъ, Господи помилуй, не какая тяга... Подвеземъ ее въ дому-то хоть шажкомъ: не далеко тутъ, а она скажетъ покамъ, чтó за надобность такая...

— Время только даромъ проведемъ, батюшка... — бормоталъ Кирила: — тамъ, пожалуй, не застанемъ, а она еще попытъ будетъ: куда ѣдемъ... А надобность ея какая?.. Пустякъ, чай, какой-нибудь... Опослѣ скажетъ... Поѣдемъ лучше поскорѣе...

И Кирила началъ хлестать бѣдную лошадь, но та, обрадовавшись минутной остановкѣ, неохотно шла даже и шагомъ, и на удары Кирила, на сердитое подергиванье возжами, отвѣчала только тѣмъ, что встрахивала головой, а рысью не бѣжала, такъ что Анна не отставала отъ телѣги и шла вслѣдъ за нею.

— Да все одно: не побѣжить ужъ она, видно, скорѣе-то, опѣшѣла...—проговорилъ Герасимъ Дмитритчъ, и, уже не спрашивая Кирилы, потѣснился въ телѣгѣ и сказалъ дочери:

— Садись, Анна... Полѣзай скорѣй въ телѣгу...

— Какъ не побѣжить... Пойдетъ!.. — возражалъ Кирилъ, злобно дергая возжи и показывая видъ, что не слышитъ послѣднихъ словъ теста.

Анна между тѣмъ бѣжала съ боку, примѣриваясь какъ бы поставить ногу на конецъ оси и влѣзть въ телѣгу: инстинктивно поняла она, что мужъ желаетъ уѣхать отъ нея и по тому же инстинкту не хотѣла, даже боялась, отпустить ихъ, не узнавши въ чемъ дѣло.

— Да остановись же, братецъ!.. Чтой-то!.. Еще, пожалуй, подъ колесо попадетъ...—сказалъ Герасимъ Дмитритчъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосъ и даже самъ ухватился за возжи.

— Ну, такъ не говори же, что я солгалъ, коли не заста-
немъ... самъ на себя пеняй!..—сердито отозвался Кирила, бросая
возжи, и искоса злобно взглядывая на жену, которая успѣла-таки
въ это время ввалиться въ телѣгу.

— Да куда вы больно такъ торопитесь?—спросила она, уса-
живаясь въ ногахъ у отца, Лицомъ къ нему и къ мужу, который
отворотился и смотрѣлъ въ сторону.

— На что тебѣ меня-то?.. Какое такое большое дѣло, го-
воришь?..—вмѣсто отвѣта, спросилъ ее Герасимъ Дмитритчъ.

Анна замѣтила, какъ Кирила передернуло отъ этого вопроса.

— Ахъ, батюшка родимый,—отвѣчала она, —дѣло мое та-
кое... не здѣсь, въ телѣгѣ: на дому, затворившись, да въ слезахъ,
нужно его сказывать!..

— Вотъ нынче порядки какіе пошли... — раздражительно
проговорилъ Кирила: — жена съ какими-то дѣлами ходитъ, а
мужъ ничего не знаетъ!.. Даве встрѣтилъ, невѣдомо куда ѣздила,
лошадь измучила, не сказывается куда, а теперь, тайкомъ отъ
мужа, опять къ отцу побѣжала... Нечего сказать: хороши по-
рядки!..

— Что ужъ намъ съ тобой, Кирила Оедотычъ, о порядкахъ
говорить,—также раздражительно возразила Анна:—развѣ мы съ
тобой, какъ слѣдуетъ мужу съ женой живемъ, въ одномъ совѣтѣ,
да въ любви?..

— А какъ же еще жить-то?.. Что ты жаловаться, что ли,
на меня къ отцу-то бѣжала, что даве выругалъ да толконулъ,
что не сказываешься, куда ѣздила, лошадь совсѣмъ измучила?..
Вона, еле ноги передвигаетъ!.. Такъ жалуйся, а мнѣ никто не
закажетъ тебя за дѣло поучить!.. Вишь ты, она будетъ тайкомъ
отъ мужа, невѣдомо куда, ѣздить, да не сказываться, а мнѣ гла-
зами хлопать, да кланяться: кататься, молъ, женушка, гуляй въ
свою волю... Нѣтъ еще, погодишь!..

— Полно, Кирила Оедотычъ, не грѣши... Гдѣ ужъ мнѣ гу-
лять... не пристало мнѣ!.. Гулять ли, нѣтъ ли, видно, ужъ тебѣ
одному, а мнѣ только слезами обливаться, да Богу молиться!..
А, правда бы, можетъ лучше, что мужъ въ одну сторону, а жена
въ другую: по крайности, другъ дружкѣ мѣшать бы не стали...
Не спрашивать бы другъ о дружкѣ и не навѣдываться, а такъ,
равно чужіе... Можетъ, этакъ-то бы, по-твоему: на что бы лучше!..
Можетъ, еще посмотрю, такъ и сдѣлаю: лучше уйти отъ грѣха,
чѣмъ на погибель и саму себя и мужа подводить... какъ даве...
Да вотъ еще покамъ вмѣстѣ-то живемъ, такъ Богъ поневолѣ, и
не хочешь, да сводить... Вотъ даве ни ты, ни я не чаяли, а

Богъ снесъ насъ, встрѣтились: ты со своего дѣла ворочался, думалъ, что и я съ другого такого же, тоже со своего... А я, можетъ, по твоему же дѣлу ѣздилъ, только не скажу по какому, потому не время: послѣ, можетъ, признаюсь, покорюсь во всемъ..

— Вотъ видишь ты!.. Вотъ и слушай, что она говорить!.. Не возьми зло!..

Кирила былъ внутренно доволенъ, что попалось подъ руку обстоятельство, которое какъ-бы оправдывало его поведеніе относительно жены: онъ умышленно напиралъ на таинственную поѣздку Анны. Но и та поняла его мысль.

— Полно-ка, Кирила Оедотычъ, не за то ты меня билъ и срамилъ, что я ѣздилъ: все тебѣ равно, и не спросилъ бы; развѣ бы только лошади пожалѣлъ, что взяла, такъ я не безъ спроса: мнѣ матушка велѣла... А за то ты меня билъ и срамилъ, что не въ часъ встрѣтилась, не въ добрый твой часъ подъ руку тебѣ попала... Вотъ какъ лучше признайся!..

— Плети, плети передъ отцомъ-то... заговаривай зубы-то!.. Мнѣ не заговоришь: я все равно свое спрошу, потихоньку отъ меня, невѣдомо куда ѣздить женѣ не позволю... И побить тебя за это всегда побью!.. Вотъ при отцѣ твоємъ говорю!..

— Коли за это за одно будешь бить, Кирила Оедотычъ, такъ я не пожалуюсь, да и бить-то тебѣ, пожалуй, не придется: не подыщешься вдругорядъ...

— Ну-ка, будетъ ужъ, вонъ деревня-то близехонько, выѣзжай: дойдешь и пѣшкомъ!.. А мы съ батюшкой-тестемъ теперь поѣдемъ... Уждъ воротится, будетъ время, нажалобимся на меня, сколько душѣ угодно... Выѣзжай...

Кирила остановилъ лошадей.

— Да куда же вы это, батюшка, ѣдете? — опять спросила Анна, заглядывая въ глаза отцу, который во время ихъ перебранки ѣхалъ молча, опустилъ внизъ голову и ни на кого не смотря.

— Такъ, вѣдь, ты про свое дѣло не рассказываешь, — хотѣлъ отыграться Кирила, — ну, и мы до времени не скажемъ... Выѣзжай же, говорятъ, скорѣе... Невогда намъ...

— А ты зайдѣ, батюшка, лучше теперь на часокъ: право, мнѣ больно нужно тебѣ сказать...

— Да коли все объ этомъ же, дочка, такъ успѣешь и послѣ наговориться... Промежъ васъ судить мнѣ хоть и не больно по мысли, и польза, не знаю, будетъ ли, да все равно и не теперь можно, опослѣ... Съ разу васъ не рассудишь... А теперь, правда, что я по дѣлу...

— Да кабы мое-то дѣло было, батюшка, одно, такъ я бы

и говорить не стала... Правда, что насъ сразу не расудишь... Да ужъ и что я... Пускай, Богъ все видитъ!.. мнѣ Одея наказывалъ безпрѣмѣнно тебя повиждать...

Кирила вздрогнулъ. Герасимъ Дмитричъ оживился.

— Какъ, Одея?.. Разъ ты его видѣла?..

— Какъ же, видѣла... Недавно вотъ только ушелъ отъ насъ.. Меня попросилъ къ тебѣ сбѣгать, а самъ на фабрику пошелъ:— время, говорить, идти, тоже не далеко... А больно нужно, батюшка, зайди въ избу!..

— Ну, коли Оедоръ... такъ нужно зайти... Зайду... — рѣшилъ Герасимъ Дмитричъ такимъ тономъ, на который возражать было напрасно.

Кирила повелѣнѣлъ, и съ такой ненавистью и злобой посмотрѣлъ на жену, что та, случайно встрѣтившись съ его глазами, невольно вздрогнула и отворотилась.

Молча подѣхали къ дому.

— Такъ не поѣдешь? — спросилъ Кирила, обращаясь къ старуку.

— Нѣтъ, вотъ перво узнаю, что онъ Аннѣ наказывалъ... А тутъ, можетъ, тотчасъ и поѣдемъ...—отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ, выльзая изъ телѣги.

— Тогда нечего даромъ и лошадь мучить... — проговорилъ Кирила грубо:—я и лошадь отложу... Пеняй самъ на себя, коли все дѣло погубишь...

— Нельзя же, Кирила Оедотычъ...—оправдывался Герасимъ Дмитричъ.—Можетъ и самъ-дѣлѣ что нужное... объ немъ же...

— Да мнѣ все равно, наплевать!.. И я, дуракъ, ввязался... Пронади вы пронадомъ всѣ-то... Очень мнѣ нужно!..

Изъ избы выходила на-встрѣчу гостю и сыну Оедосы Оси-повна, увидѣвшая ихъ въ окно. Кирила, сердито, съ ругатель-ствами, ввелъ лошадь на дворъ, хотѣлъ-было отложить ее, и уйти изъ дома, но передумалъ. Его сильно интересовало узнать, что будетъ рассказывать Анна, или, по крайней мѣрѣ, какія будутъ послѣдствія этого разсказа. Онъ предчувствовалъ, что при этомъ разоблачится многое изъ его похожденій, и сначала не хотѣлъ-было показываться въ избу, но любопытство, надежда какъ-нибудь вывернуться и повредить Оедѣ взяли верхъ.

— А тамъ, чортъ ихъ дер!.. Что мнѣ этотъ старый хрычъ!.. Если что много будетъ разговаривать, такъ я и изъ избы вы-пихну: я тутъ хозяинъ-то, никто!..

Съ самонадѣяннѣмъ, нахальнымъ видомъ вошелъ онъ въ избу.

Тамъ сидѣла одна Федосья Осиповна, пригорюнясь, подперши голову рукою.

— А гдѣ же батюшка-тесть? — бойко спросилъ Кирила у матери.

— Въ свѣтелкѣ съ Анной...

— Такъ и я пойду туда къ нимъ...

Кирила сдѣлалъ-было движеніе къ дверямъ.

— Не ходи... Заперлись они тамъ, одни...

— Что еще за тайности такія?..

— Посовѣтовать имъ надо промежъ себя... Просились: я пустила въ горницу...

— Такъ, вѣдь, чай, не отъ мужа секреты-то эти?.. Пускай ты, а я, я думаю, мужъ тоже... Я пойду, постучусь...

И, не слушая возраженій матери, онъ пошелъ и сталъ стучаться въ запертую изнутри дверь горницы.

— Это я... Отопри, Анна...—приказывалъ онъ спокойнымъ, но повелительнымъ голосомъ.

— Погоди, Кирила Федотычъ, — отозвался оттуда Герасимъ Дмитричъ, — мы вотъ только съ Анной переговоримъ...

— Да что же я-то?.. Чужой, что ли?.. Не мужъ?.. Въ дому не хозяинъ?..

— Дѣло не до тебя... Наше дѣло, семейное... Про Федяну... Не обезсудь!.. Погоди маненью!.. — твердо отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ.

— Чудеса, ей-Богу, ноне пошли... Хозяина изъ дома вонъ гонять!..—сказалъ Кирила, отходя отъ дверей, и, ругаясь, воротился въ избу.

— Ахъ, Кирюшенька, Кирюшенька!—говорила Федосья Осиповна, печально смотря на сына и качая головою.

— Ну, что еще?..—огрызнулся онъ на мать. — Ты чего?..

— Ничего я, батюшка... Боюсь, не сгубилъ бы ты себя остатки... Все я знаю... Опомнись, батюшка!.. Одумайся: оглянись на истиннаго Бога!..

— Эхъ, отстань, матушка... Надоѣли вы мнѣ всѣ до смерти!.. Была хошь одна засуха—жена, а теперь и ты, я вижу, ей въ руку запѣла... Говорю: одно осталось, изъ дома бѣжать безъ оглядки!.. Ну, чего оглянись на истиннаго Бога? Ну, что я дѣлаю? Отчего мнѣ погибать?.. Погибель-то моя одна: вонъ она здѣсь заперлась отъ мужа!.. Ну, что ты все-то знаешь?..

— Все знаю, батюшка...

— Ну, говори: что тебѣ еще напечали?.. Федька, чу, былъ

тутъ... Ты нонче и его слушаешь, коли что на меня плететь?.. Ну, говори, что ты знаешь?..

— А какъ же, Кирюшенька, вдова-то?..

— Ну, такъ что, что вдова?..

— И дочка у нея...

— Ну, и дочка есть... А еще-то что же?

— Такъ неужто, Кирюшенька, это можно: отъ живой жени ты весь домъ къ нимъ перетаскалъ, да еще и...

— Ну, что же еще-то?—говори...

— Да ужъ правда, что и говорить-то, языкъ не ворочается... Кажется, и не повѣрилъ бы, кабы не самъ ты повѣстемъ давалъ!..

— Какія еще повѣстки?..

— А уйти-то вовсе изъ дома!.. Испродать, вѣдь, ты все хотѣлъ да уйти, ихъ съ собой взять... Вотъ меня-то не хотѣлъ брать съ собой... Съ дочкой-то бы жилъ, а старая полубовнища замѣсто матери бы у тебя была... Вотъ, вѣдь, ты что затѣвалъ!.. Такъ развѣ легко это матери слышать?..

— Вотъ что: ты слушай вого хочешь и сколько хочешь!.. Мнѣ все одно: слушай больше!.. А я тебѣ скажу: не житье мнѣ здѣсь съ вами, вотъ что!.. Всѣ вы на меня опрокинулись... Мало отца, жена и тебя противъ меня подбила... И своего отца вонъ привела... Всѣмъ я вамъ поперекъ горла всталъ, и выходить, что мнѣ дома не жизнь, а каторга!.. По неволѣ вонъ изъ дома смотришь... Еще и совсѣмъ уйду, убѣгу—вотъ дайте срокъ!..

— Да чѣмъ мы, Кирюшенька, чѣмъ мы тебѣ согрублили? Что не по твоему сдѣлали?! Ужъ про меня-то, кажется, грѣхъ тебѣ сказать: я ли тебя не любила, я ли душу за тебя свою не закладывала? Когда я поперекъ тебѣ слово молвила? Кому бы я за тебя глаза не выпаранала?.. Ну-ка, сердечный другъ, родное мое дитяtko, ну-ка—подумай!..

— Да, была ты мать... На тебя только еще и надежда у меня была... А теперь ты что говорить стала? Я домъ разорилъ, весь къ любовницамъ перетаскалъ... Я мать съ дочкой увести хочу... Я съ дѣвкой отъ живой жены убѣжать думаю, а на этой самой дѣвкѣ Оедька жениться хочеть... ужъ женихомъ нареченнымъ объявляется!.. Вотъ это ты знаешь ли? Это тебѣ сказывали ли?

— Какъ такъ, Кирюшенька?

— То-то, какъ?.. Ты вотъ всему вѣришь, что подлая же-нушка съ братцемъ про меня плетутъ, а про себя, небось, они тебѣ не рассказываютъ... А я, можетъ быть, и ходилъ-то, и гостилъ, ну и дарилъ когда, безъ этого съ ними молва, можетъ

все изъ-за того только, чтобы, по родству, все дознать да допросить, да помѣшать парню погнать напрасно... Думалъ, тоже вѣдь, шуринъ, женинъ братъ, моего родного батюшки любимчикъ... Думалось, вотъ, молъ, и парня спасу, да и вамъ всѣмъ носъ утру: вотъ, молъ, вашъ любимецъ, петихоня, святъ-мужъ, коего вы мнѣ въ примѣръ-то ставили... Вотъ онъ какой, смотрите!.. Не одни мы, грѣшныя!.. Думалъ все-таки хопъ въ совѣсть возьмутъ немножко, да спасибо скажутъ, а они меня же виноватымъ дѣлають... Такъ не горько мнѣ это, не противно, можно мнѣ дома жить, на сторону не смотрѣть?..

Бедосѣя Осиповна совсѣмъ растерялась: она почувствовала себя кругомъ виноватою передъ сыномъ, въ душѣ ея закипѣлъ съ новою силою гнѣвъ и ненависть къ Аннѣ и Федѣ, она смотрѣла и слушала сына съ благоговѣніемъ, со страхомъ, что онъ разсердится и отвернется отъ нея навсегда.

— Кирюшенька! Кирюшенька!.. Сердечный мой!.. лепетала она, обливаясь слезами. — Ахъ, они подлые!.. ахъ, они окаянныя!.. Чувствовало мое сердце, что все это одѣя слѣзками, все одна неправда... Батюшка, Кирюшенька, прости ты меня дуру старую!.. Сыночекъ ты мой золотой, родной ты мой!.. Да я ихъ... да я ихъ, кажется!.. Прости ты меня, прости, Кирюшенька... Не гнѣвайся ты на меня, дуру старую...

Бедосѣя Осиповна навзрыдь плакала.

— Да ну отстань, матушка... Богъ съ тобой, не реви!.. А на нихъ на всѣхъ мнѣ ровно наплевать... Чортъ съ ними!.. Пускай, чтò хотятъ, то и мелютъ... Досадно только показалось, что для нихъ же старался, а они... А пуще всего эта дурица, уродъ этотъ, плакса смелница, женушка моя, мнѣ вдосталь опротивѣла!.. Да вотъ больше того обидно, что и ты-то имъ повѣрила...

— Батюшка, батюшка... Кирюшенька!.. — рыдала Бедосѣя Осиповна, кидаясь на шею къ сыну. — Никогда больше... ни въ жизнь имъ не повѣрю... Подлые!.. проклятые!.. смутники окаянныя!.. нивогда... ни въ живы!.. Золото мое!.. сердечный мой!..

— Ну, ладно, матушка... Ладно... Переставь же... Не все одно толковать!..

Кирила освободился отъ обаяній матери и усаживалъ ее на лавку. Онъ такъ вошелъ въ свою роль, что даже лицо его приняло выраженіе оскорбленнаго достоинства, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ пострадалъ за правду отъ людской неблагодарности.

Въ это время въ набу вошли Герасимъ Дмитріичъ и Анна. Старикъ былъ видимо разстроенъ и опечаленъ, но старая казалась спокойнымъ; Анна шла вслѣдъ за нимъ, низко опустивши

на лицо платокъ, которымъ покрывала была ея голова и старалась скрыть слѣды слезъ, которыя только-что отерла концомъ того же платка. Робко, точно виноватая, пробиралась она за синнюю отца, въ темный уголъ избы и бояливо взглядывала на мужа и свекровь. Начавши говорить съ отцомъ о Федѣ, она незамѣтно увлеклась собственнымъ своимъ горемъ и, въ первый еще разъ въ жизни, раскрыла передъ отцомъ всѣ подробности своего печальнаго положенія въ семьѣ, рассказывала о всѣхъ поношеніяхъ мужа, о тѣхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, которыя она переносила и отъ него, и отъ свекрови. Федосью Осиповну, впрочемъ, она оправдывала и вполнѣ извиняла, а за послѣднее время даже была благодарна ей. Герасимъ Дмитричъ еще прежде многое подозрѣвалъ, о многомъ догадывался, но никакъ не ожидалъ, чтобы жизнь дочери была такъ тяжела и разладъ ея съ мужемъ дошелъ до такихъ размѣровъ. Уже со времени дѣла, по которому судился Кирила, Герасимъ Дмитричъ потерялъ къ нему всякое довѣріе и считалъ его дурнымъ человекомъ; изъ рассказовъ Феда онъ зналъ, что и свекровь не ладитъ съ его дочерью, жалѣлъ о ней, упрекалъ не столько себя, сколько судьбу въ неудачномъ бракѣ Анны, но смотрѣлъ на Анну, какъ на отрѣзанный ломоть, на ея судьбу, какъ на дѣло рѣшенное, въ которое ему вмѣшиваться не приходится и которое теперь уже въ рукахъ Божіихъ. Мало ли на свѣтѣ народа терпятъ: у всякаго своя судьба, свое счастье!.. Онъ предвидѣлъ и не удивился бы, если бы услышалъ отъ дочери, что Кирила пьянствуетъ, бездѣлничаетъ, мотаетъ, бьетъ и обижаетъ жену, особливо подъ пьяную руку, даже распутничаетъ; но рассказъ о любовныхъ поношеніяхъ Кирила со вдовою и ея дочерью, объ его намѣреніи обобрать и распродать весь домъ, все хозяйство, чтобы убѣжать съ дочерью любовницы и жить съ нею безъ брака — совсѣмъ ошеломилъ старика. Это было такъ ново, такъ чудовищно, такъ не похоже на все то, что онъ до сихъ поръ видѣлъ въ крестьянской жизни, что Герасимъ Дмитричъ только вздыхалъ, пожималъ плечами да крестился, слушая дочь. А тутъ рядомъ другая новость, что его сынъ, его любимецъ, скромный и разумный Федя, хочетъ непременно жениться, даже безъ его согласія и благословенія, на той самой дѣвкѣ, съ которою хотѣлъ уйти въ бѣги вать... Герасимъ Дмитричъ сдвѣшилъ, какъ говорится, опѣшилъ, растерялся, ничего не могъ сообразить хорошенько и не столько съ горемъ, сколько съ недоумѣніемъ и ужасомъ, смотрѣлъ на плачущую передъ нимъ дочь...

— Что же это такое, Анна?.. Что за времена настали?..

Какъ тутъ жить? Что дѣлать?.. Я и ума не приложу... Оедяну пускай скрутить не долго... Ваять его домой да женить тотчасъ же...

— Не женится онъ, батюшка, на другой... ни за что... И не думай!.. Изъ дома убѣжить!..

— Убѣжить!.. Господи помилуй!.. Этакой парень, смиренный!.. Гдѣ ему убѣжать... Онъ не Кирюшка твой!.. А что вотъ съ этимъ дѣлать?.. Съ твоимъ-то?.. Какъ его-то унять?..

— Да ему только того и хочется, чтобы ты Оедю-то отъ нея... отъ той... увелъ... разлучилъ бы ихъ... Онъ опять и почнетъ ее сманивать, да и сманить... Убѣгутъ!..

— Да что же дѣлать-то?.. Я и не придумаю... этакихъ дѣловъ въ примѣрѣ-то николи не бывало, да и народъ нынче другой пошелъ!.. Въ прежнее время задурилъ парень, повихнулся... Ну, взялъ его, выпоролъ и разъ и два, да и женилъ... вотъ, онъ и живетъ, остепенится, опаматается!.. Не даромъ пословица: женится—перемѣнится... Да этихъ и слуховъ-то не было, прежде, чтобы жениться безъ родительскаго благословенія, либо отъ живой жены... да съ другой въ убѣгъ уйти!.. А поди-ка, нынче... Ну, да и какъ его выпорешь... хоть бы Оедьку?.. Грубости отъ него никогда никакой... ни пьетъ, ни мотается... работаетъ за двоихъ... какъ его выстегаешь? за что? Да и рука-то на него не поднимется!..

— Ты, батюшка, повидайся съ нимъ: онъ Богъ знаетъ какъ просилъ, чтобы повидались съ нимъ: и ты, и Оедотъ Семеннычъ... Тогда поговорите сообща, все обдумаете... Только ты его, Оедю, бранью да руганью, али сердитымъ сердцемъ не бери... Смотри-ка онъ какой умный да великатый?.. Его такъ, ласковымъ словомъ лучше...

— Да развѣ я не знаю...

— А вотъ ужъ про моего, такъ я вотъ что надумала... Подожду еще что будетъ, опять къ гадалкѣ схожу... а ужъ коли отъ нея пользы не получу, я жить на этомъ сраму не стану, я къ тебѣ приду жить... Ты прими меня, батюшка...

— Знаю, приму... Только какъ же ты отъ мужа уйдешь?.. Какъ же ты жить будешь: ни вдова, ни дѣвка?.. Тоже ровно не слыкано и не привидано этихъ дѣловъ?..

— Что же мнѣ дѣлать-то, батюшка?.. Чего мнѣ ждать-то?.. Чтобы люди ужъ въ лицо смѣялись, да пальцами показывали... али чтобы онъ меня совсѣмъ прикончилъ... А онъ не въ добрый часъ и то сдѣластъ, какъ-нибудь подвернешься!.. Ты бы посмотрѣлъ,

какой у него глазъ-то на меня, страсть—ужась взглянуть!.. Не влюбилъ онъ меня до смерти... ровно лютаго верога...

Анна навзрыдь плакала.

— Ну что же... нечего дѣлать!.. Приходи, приходи!.. Не реви... Я, знамо, радъ тебѣ... Вотъ свата-то нѣтъ, ровно нарочно: съ нимъ бы поговорить, посудить!.. А я теперь коли поѣду съ твоимъ туда,—Ѳедьку не застану, хотъ тѣхъ посмотрю...

— Побѣжай, съѣзди, батюшка... Съѣзди, посмотри... мнѣ разскажешь!..—обрадовалась Анна.—Только ты съ Ѳедей смотри, полегче, коли застанешь тамъ!.. Съѣзди, родимый!..

— Съѣзжу, съѣзжу... И съ твоимъ-то дорогой попробую, поговорю...

Послѣ этого рѣшенія они и вышли въ избу.

— Ну что же, Кирила Ѳеодотычъ, поѣдемъ, куда правились...—сказалъ Герасимъ Дмитричъ, притворно спокойнымъ голосомъ, останавливаясь среди избы и не присаживаясь.—Я готовъ... Съ дочкой все переговорили... Поѣдемъ...

— Чего ужъ теперь ѣхать... Не почто... Ночь на дворѣ!..—отвѣчалъ холодно Кирила, несмотря на Герасима Дмитрича.— Не поѣду я...

— Куда еще ему ѣхать... Будетъ ужъ съ него, довольно!.. Отблагодарили за хлопоты!.. Спасибо!..—не утерпѣла и вѣзгивалась Ѳеодосья Осиповна, раздражительно и враждебно...

Анна встрепенулась отъ этого тона свекрови и напряженно стала вглядываться въ нее: она тотчасъ же поняла, что у нея произошло примиреніе съ сыномъ и что Анна потеряла союзницу.

— Ну, такъ какъ же быть-то?.. А я надумалъ идти...—продолжалъ тѣмъ же искусственно спокойнымъ голосомъ Герасимъ Дмитричъ.—Видно, одному придется... Ну, пойду одинъ: тамъ коли переночую... А завтра опять зайду, можетъ сватушка въ тому время воротится... Прощайте коли, сватьюшка... зятекъ любезный!..

— Батюшка, и я съ тобой пойду: провожу тебя!..—сказала вдругъ Анна.

— Не вѣду, какъ сказать тебѣ...—нерѣшительно отозвался Герасимъ Дмитричъ, вглядывая на Кирила и Ѳеодосью Осиповну.

— Ты куда еще?.. Тебѣ что нужно?.. съ какой такой стати?..—грубо и сердито вскрикнулъ на нее Кирила.—Оставайся дома!..

— Нѣтъ, Кирила Ѳеодотычъ, я пойду съ батюшкой...—рѣшительно отвѣтила Анна.—Не въ сѣби, вѣдь, и не съ чужимъ человекомъ... съ родителемъ пойду!.. Изъ дома ничего не унесу!.. А завтра воротимся... Поѣдемъ, батюшка...

— Ну, коли нинѣ пойдемъ и самъ-дѣлѣ... Мнѣ охотнѣе съ тобой-то... Прощенья просимъ, прощайте, Христа ради...

Не дождавшись отвѣта на поклонъ хозяевъ, старикъ повернулся и пошелъ къ дверямъ, которыя уже отворила передъ нимъ Анна, спѣшившая уйти изъ избы отъ глазъ мужа и свекрови. Кирила, понявшій намекъ Анны о побѣгѣ, не нашелся сразу что сказать и только злобно сверкнулъ на нее глазами.

— Вотъ такъ жена!.. — говорила за то вслѣдъ уходящимъ Федосья Осиповна. — И батюшка хорошъ! Хорошему учить дочку: никого не спросилась, свилась—собралась!.. Будетъ мужъ любить такую жену!..

Далѣе уже слѣдовала брань раздраженной старухи, которой, впрочемъ, не слышали Герасимъ Дмитричъ и Анна, поспѣшно затворивши за собою дверь избы.

— Да пускай ее идетъ!.. — остановилъ мать Кирила. — Лучше, глаза мои не видятъ!.. Хошь бы сивозъ землю провалилась!.. Совсѣмъ бы не воротилась!..

Кирила видѣлъ, что не можетъ остановить Анну, но въ душѣ очень безпокоился за послѣдствія встрѣчи жены съ Дарьей Тихоновной и Параней. Къ сердцу у него подступила тоска и злоба; онъ схватился руками за волосы и, стиснувши зубы, оперся локтями о столъ. Федосья Осиповна подошла было съ ласками, но онъ грубо оттолкнулъ ее.

А Герасимъ Дмитричъ съ Анной спѣшно шлъ, вдоль деревни, среди опускающихся сумерекъ.

— Ладно ли сдѣлала, что пошла?.. — законически спросилъ ее Герасимъ Дмитричъ, уже не мало отойдя отъ дома.

— Батюшка, да страхъ меня, ужась взяла теперь дома-то одной съ ними остаться... — отвѣчала Анна. — Развѣ ты не видалъ, какіе они оба: и матушка-свекровь, и муженекъ-отъ?.. Глазками бы съѣли меня!..

Она не призналась, что, кромѣ этого страха, ее гнало изъ дома и непреодолимо влекло въ Онучину, нестерпимое, жгучее любопытство... Тамъ враги ея, ея ненавистная разлучница, тамъ невѣста Федя... Она узнаетъ, увидитъ ихъ!.. Анна шла такъ скоро, что Герасимъ Дмитричъ едва поспѣвалъ за нею.

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

* * *

Догорѣла румяная зорька вдали
И по степи вечернія тѣни легли...
И ни звука кругомъ—всюду тишь и покой,
Прожужжить только жуекъ, промелькнувъ надъ травой.

Степь исчезла во тьмѣ—а на небо взгляни:
Кто-то тамъ высоко зажигаетъ огни...
И надъ степью они, тихо зыблясь, горятъ—
Въ необъятный свой міръ и зовутъ и манятъ.

И что скрылось въ душѣ, притаилось днёмъ,
То проснулось теперь—и замахнуло крыломъ,—
И страхнувъ жизни гнётъ, въ міръ надвѣздный паритъ—
И душа умилаясь молитвой звучитъ.

И. СУРИКОВЪ.

НАДО ЖИТЬ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Байронъ сказалъ (гдѣ — неизвѣстно), что ежедневное бритье для мужчинъ уравниваетъ боли родовъ у женщинъ. Андрей Егоровичъ не находилъ этого. Напротивъ, однимъ изъ любимыхъ моментовъ дня у него былъ именно моментъ бритья и послѣдующій моментъ утренняго чая. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Надежда Ивановна уѣхала погостить у престарѣлой своей маменьки, и Андрей Егоровичъ оставался «соломеннымъ вдовцомъ». Бодрость и эластичность какая-то охватывала его съ той минуты, какъ онъ рѣшался покинуть Капую отдохновенія и нѣги, стремительно поднимаясь съ постели. Сложный бритвенный приборъ, вѣдь это — цѣлое хозяйство, а весь этотъ методическій процессъ раскладыванія, правленія орудій, жатвы сивой растительности, вытиранія и притиранія, съ бодрымъ фырканьемъ, это — мастерство, даже искусство какое-то, а выѣстъ и совершеніе обряда. Бакенбарты обрамлялись такъ, чтобы они книзу совершали нѣжный спускъ подъ ухо, на образецъ, видѣнный подражателемъ у одного дипломата. Но торжествомъ искусства была верхняя губа. Андрей Егоровичъ скоблилъ ее такъ заботливо, какъ будто искоренялъ всходы какого-нибудь вреднаго ученія, — чтобы и слѣда никакого не осталось. Какая пріятность провести потомъ пальцами по этому перешейку, между носомъ и губой, и ощущать совершенный мраморъ, но мраморъ мягкій, теплый: такъ бы, казалось ему, прямо впитаться въ какія-нибудь пухленькія губки и — ни малѣйшимъ образомъ не уколоть.

«Да, жить, жить», думалось солидному, но еще весьма отзвучатому во всѣхъ прелестяхъ жизни человѣку, въ то время, какъ онъ уже во второй разъ доходилъ до тонкой розовой подковы, украшавшей дно чайной чашки. Въ самомъ дѣлѣ, Андрей Егоровичъ, живя почти полъ-вѣка, все еще въ дѣйствительности какъ-бы не жила. Онъ въ свое время былъ безукоризненнымъ гимназистомъ и студентомъ, прямо со школьной скамьи поступилъ на службу, женился рано. Его жизнь — сначала тетради и экзамены, а потомъ дѣловые бумаги и ежедневная забота о состояніи двухъ барометровъ, отъ которыхъ зависѣло спокойствіе, сносность существованія: въ департаментѣ — директоръ, дома — жена. На одномъ — ясно, такъ на другомъ — переменчиво, а то и пасмурно. А вѣдь есть же на свѣтѣ и такія вещи, какъ свобода, — жизнь всею полнотой человѣческихъ стремленій. Есть же счастливые люди, которыхъ не даромъ манили тѣ алія губки, которыя только въ сновидѣніяхъ улыбаются ему, звали его... Есть же Швейцарія съ такими видами, что внизу бездна, въ небѣ — гора, на горѣ альпійскій стрѣлокъ цѣлится въ дикую козу, а сбоку — водопадъ, бушующій отъ борьбы съ каменными препонами, какъ воображеніе солиднаго, но еще отзвучатаго во всѣхъ прелестяхъ жизни человѣка.

Андрей Егоровичъ надѣлъ новую шляпу, несмотря на то, что погода стояла сомнительная; даже не взялъ зонтика, а тросточку, и не поѣхалъ, а пошелъ въ департаментъ. На пути все какъ-будто сговорилось не допускать развитія въ его головѣ ни одной дѣловой мысли. Такъ, онъ вспомнилъ, что Арканья опять переѣзжаетъ на новую квартиру и просилъ у него денегъ на задатокъ.

Но только-что онъ началъ-было мысленно журить сына за этотъ номадный образъ жизни, который особенно не рекомендуетъ студента начальству, какъ прошла такая блондиночка, что Андрей Егоровичъ невольно провелъ пальцами по гладковыбритому мѣсту. Тонкость и вмѣстѣ — полнота, все какъ-разъ гдѣ чему слѣдуетъ быть; ротикъ — микроскопическій и два бѣлыхъ верхнихъ зубка какъ-то играючи куснули нижнюю губку. Изящная простота стянутой по стану и бедрамъ одежды; въ тонкихъ, правильныхъ и мягкихъ чертахъ лица ея — прелесть юности, а между тѣмъ въ ясныхъ, большихъ глазахъ какъ-будто уже сознаніе; походка, между тѣмъ, — совершенно дѣвичья; въ рукахъ — папка, съ надписью «Musique»; шляпка — соломенная, сверху востренькая, съ крыломъ какой-то синей птицы на-боку.

Въ груди Андрея Егоровича что-то «вкнуло». Обернувшись раза два, но безуспѣшно (да и какой же могъ быть успѣхъ для него?—вѣдь все равно никогда бы ничего не вышло), онъ только прибавилъ шагъ. Тогда въ умъ его внезапно возникло тревожное недоумѣніе: вчера, по отмѣтѣхъ министра на входящей бумагѣ, слѣдовало увѣдомить другого министра и сообщить мѣстному управленію. Первая исполнительная бумага была представлена; ее переписывалъ Захаровъ; Андрей Егоровичъ еще припоминалъ, что между словомъ «ученія» и словомъ «направленныя» онъ самъ поставилъ запятую, опущенную Захаровымъ. Но нѣтъ было переписано—и было ли переписано—предписаніе мѣстному управленію? Попробовалъ онъ припомнить: въ которую бумагу имъ было вложено «подлинное» отношеніе?

Но въ это самое время къ магазину, мимо котораго онъ шелъ, подъѣхала коляска съ шикарной брюнеткой. Она была очень мало подражена, — пожалуй, даже вовсе нѣтъ; развѣ чуть-чуть синенькая струйка подъ блестящими глазами. Дальнѣйшее описаніе мы, если позволите, «сжмкнемъ», такъ какъ читать портреты скучно. Впрочемъ, именно «сжмканность» уже сама можетъ замѣнить описаніе. *Minois chiffonné* и все прочее также *chiffonné*, но какъ-то весьма удачно. Случай такъ не «сжмкаетъ».

Шикарная брюнетка бойко ухватила рукой складку своего чернаго платья, которая тотчасъ же сложилась не безъ пикантнаго изищества, обнаруживъ этажа три кружевъ, прежде не видныхъ. Небольшая, высово-камбрированная нога въ полусапожѣхъ, подъ которыми каблукъ подѣвжалъ почти подъ самыя носки, опустилась на плиту тротуара; бѣглый взглядъ на-право и на-лѣво, съ наклоненной нѣсколько маленькой головой, и затѣмъ—въ два прыжка—дама была въ магазинѣ. Андрей Егоровичъ успѣлъ однако примѣтить, какіе змѣинные изгибы описала на этомъ короткомъ пути ея небольшая фигурка: начиная съ талии и кончая названными трехъ-этажными «кружевами» (трѣхъ былъ притянуть рукой)—все это, такъ-сказать, взвилось на-верхъ по трѣмъ-четыремъ ступенькамъ, которыя вели въ дверь магазина.

Предписаніе мѣстному управленію совершенно исчезло изъ ума Андрея Егоровича. Можетъ быть, съ тѣмъ предписаніемъ была связана судьба отечества, которая обыкновенно составляла одну изъ серьезныхъ заботъ нашего хотя скромнаго, но полезнаго дѣятеля. Но въ этотъ день ему, очевидно, хотѣлось мѣропріятій совсѣмъ въ сторону отъ прямыхъ обязанностей. «Змѣя-искусительница», подумалось ему—и думалось далѣе (даже въ то время,

когда швейцаръ принималъ его пальто и трость, дѣлая усиленно ловкія и быстрыя движенія): «Вотъ за такой фигуркой, да взвиться бы въ магазинъ; накупить ей тамъ всякой штуки, и затѣмъ — все остальное, прочее... Только бѣда — какъ овладѣть; а тутъ Надежда Ивановна и вернется. Что тогда?»

— Николай Николаевичъ, сошли бумаги изъ вчерашняго доклада? — обратился онъ къ журналисту, миновавъ свое отдѣленіе.

— Только-что принесены, — отвѣчалъ тотъ. — Вѣдь ужъ половина перваго. Андрей Егоровичъ, васъ уже директоръ спрашивалъ.

— Позвольте мнѣ взглянуть на мои бумаги.

И Андрей Егоровичъ, погруженный въ сферу обычной дѣятельности, всѣмъ чааньемъ души углубился въ перелистыванье яб-сколькихъ, красиво написанныхъ, энергически подписанныхъ, и солидно и округленно скрѣпленныхъ министерскихъ бумагъ.

Тутъ она, тутъ. Не безъ ограднаго чувства пробѣжала Андрей Егоровичъ эту бумагу, въ переписанномъ существованіи которой было усомнился. Она была, какъ слѣдуетъ, скрѣплена и подписана, — значить, одобрена директоромъ и признана за выраженіе министерской мысли. Слово становилось дѣломъ, а вѣдь слово это — то-есть, собственно слова — было написано въ черновой самимъ Андреемъ Егоровичемъ. Гдѣ тотъ публицистъ въ Россіи, который могъ бы утѣшить себя мыслью, что слово, сегодня имъ начертанное, завтра же становилось бы дѣломъ? Даже рука канцелярскаго чиновника Перепельскаго на этотъ разъ казалась Андрею Егоровичу особенно бойкою. — «Рублей двадцать-пять надо будетъ дать на Рождество», подумалъ онъ: «какая ловкая завитушка надъ II въ этомъ словѣ — «Превратныя».... Да, превратныя... Отчего это Аркашка все съ квартиръ съѣзжаетъ?»

Но тутъ раздался колокольчикъ въ кабинетѣ директора; дежурный чиновникъ нырнулъ туда и, тотчасъ вынырнувъ назадъ, позвалъ нашего дѣлопроизводителя.

Мы не рѣшимся — по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ — послѣдовать за нимъ въ такое, такъ-сказать, «священное» мѣсто, какъ кабинетъ директора департамента, который мы, на манеръ Теккерея, назовемъ «департаментомъ спѣшныхъ мѣропріятій». О характерѣ самого этого, значительнаго лица достаточно сказать, что онъ раздѣлялъ своихъ подчиненныхъ на двѣ категоріи: тѣхъ, въ разговорѣ съ которыми онъ иногда вставлялъ французскія фразы, —

и тѣхъ, въ разговорѣ съ которыми онъ французскихъ фразъ не вставлялъ. Андрей Егоровичъ принадлежалъ къ числу первыхъ.

Когда Андрей Егоровичъ вышелъ изъ кабинета, то на лицѣ его явственно отражался отблескъ того величія, къ которому онъ только-что былъ допущенъ. Онъ былъ красивый еще мужчина, лѣтъ сорока-пяти, нисколько не ожирѣвшій. Въ волосахъ на головѣ было у него просѣди никакъ не болѣе, чѣмъ нужно, чтобы намекнуть на усиленную дѣятельность ума. Впрочемъ, это было только какъ-бы одно «подозрѣніе» просѣди,—подозрѣніе, которое было ему даже къ лицу. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, а въ маленькихъ острыхъ глазахъ, тонкомъ, довольно длинномъ носѣ и широкомъ протяженіи наиболѣе гладко выбритаго мѣста — между носомъ и верхней губой—было нѣчто повелительное. Однимъ словомъ, онъ могъ служить изящнымъ типомъ такихъ людей, о которыхъ, когда они достигаютъ ступеней извѣстныхъ, говорится, что, «кажется, онъ еще слишкомъ молодъ для такого мѣста». Онъ былъ бы «молодой» дипломатъ, «молодой» директоръ. Даже для того, чтобы быть привлекательнымъ женихомъ онъ еще казался вовсе не старъ. Но читателю извѣстно, что Андрей Егоровичъ Саханинъ былъ женатъ.

— Позовите ко мнѣ Перепельскаго — распорядился онъ, удаляясь въ свой небольшой кабинетъ.

Перепельскій вошелъ къ нему.

— Послушайте,—обратился къ нему Андрей Егоровичъ: — вы не можете долѣе оставаться на службѣ.

— За что же, Андрей Егоровичъ? — спросилъ отличный переписчикъ.

— Въ какомъ видѣ были вы, когда васъ встрѣтилъ вчера г. директоръ—и съ кѣмъ?

— Я никогда не пью — съ достоинствомъ возразилъ Перепельскій:—а шелъ я съ родною сестрой.

— Тѣмъ хуже. Лучше бы вы позволяли себѣ иногда... чѣмъ показываться на улицѣ въ ситцевой рубашкѣ, смазныхъ сапогахъ и пледѣ, съ дамой въ клеенчатой шляпкѣ... ф! милостивый государь!

— У меня только и есть еще вицмундиръ и пальто.

— И ходили бы въ нихъ. А сестра ваша чѣмъ занимается?

— Позвольте однако,—возразилъ Перепельскій, котораго начинало раздражать негодованіе... но онъ сдержалъ себя и сказалъ:—она слушаетъ..... курсы.

— А! Тѣмъ хуже. Вы завтра ужъ и не являйтесь, а за аттестатомъ приходите черезъ недѣлю.

— Послушайте, Андрей Егоровичъ — уже взмолился Перепельскій: — вѣдь я же содержу сестру, да еще мать; что вы со мною дѣлаете...

— Я не могу вдаваться въ дальнѣйшія объясненія, — сухо отвѣтилъ Саханинъ. — Директоръ сказалъ — уволить, и вы будете уволены.

При этомъ Андрей Егоровичъ солгалъ, такъ какъ директоръ только сдѣлалъ ему замѣчаніе. Но онъ самъ тотчасъ же отрекся отъ Перепельскаго, аттестовалъ дурно его нравственность и предложилъ его уволить, потому что самъ не намѣренъ былъ терпѣть у себя такого чинаовника, который компрометируетъ его отдѣленіе передъ начальствомъ.

Перепельскій не получилъ отъ него иного отвѣта и, понурия голову, вышелъ, въ волненіи зацѣпившись рукавомъ за ручку двери.

А Саханинъ обратился къ своимъ бумагамъ. Но прежде онъ вскрылъ лежавшее на столѣ частное письмо: полковникъ Черемисовъ, его знакомый, приглашалъ его зайти сегодня и ѣхать вмѣстѣ «провѣтриться» и пообѣдать. «И познакомлю васъ съ дамой — *vous m'en direz des nouvelles*» — стояло ниже подписи.

II.

Аркаша, сынъ Андрея Егоровича Саханина, съ которымъ мы познакомились, перѣхалъ на новую квартиру безъ внесенія задатка, кромѣ того рубля, который былъ данъ имъ при первомъ осмотрѣ квартиры. Онъ видимо понравился своей новой хозяйкѣ, и только этимъ можно объяснить ея снисходительность. Даже тогда, какъ она узнала изъ вида на жительство, что ея новый постоялецъ — студентъ, она не рѣшилась потребовать съ него деньги впередъ за мѣсяцъ.

— До сихъ поръ я не пускала студентовъ, — объяснила она ему, когда онъ просилъ ее обождать нѣсколько дней, — съ ними слишкомъ много хлопотъ.

— Кутать очень? — съ усмѣшкою спросилъ Аркаша.

— Нѣтъ, не то... — и хозяйка безъ всякой, повидимому, связи продолжала: — но вы совсѣмъ еще... вы еще очень молоды, и притомъ сейчасъ видно — изъ порядочнаго семейства.

При этомъ хозяйка бросила взглядъ на развѣшанные предметы одежды, на шелковый зонтикъ, поставленный въ уголъ, на

красивый портфель — и закончила одобрительным и улыбающимся обзором самого Аркадия, отчего тот слегка покраснел.

Вместо обѣда, въ этотъ день Аркаша пилъ чай, такъ какъ уходить изъ дому было нельзя; онъ поджидалъ Горлицына, который вызвался доставить ему уроки. Съ Горлицынымъ онъ недавно познакомился у одного товарища, и хотя новый знакомый не особенно ему нравился, но онъ охотно принялъ его предложеніе. Карманныхъ денегъ, которыя онъ прежде получалъ отъ отца, было слишкомъ достаточно, пока онъ жилъ у родителей; но на наемъ квартиры и полное содержаніе ихъ было слишкомъ мало, а отецъ, не одобрявшій самаго переѣзда сына на вольное жительство, ничего не прибавлялъ.

Заслышавъ голосъ Горлицына и бестолковые отвѣты горничной, молодой Саханинъ отворилъ дверь и впустилъ гостя.

— Переѣхали?

— Какъ видите. Не знаю, на долго-ли.

— Это ужъ какъ судьба велитъ.

— Представьте, какая гадость! Пусть бы ужъ справлялись и прочее, какъ всегда. Нѣтъ, — третьяго дня сказалъ, что не приду до вечера, а зашелъ съ лекціей за табакомъ. Представьте — ящикъ отворенъ, всѣ бумаги выложены на столѣ, а на сакъ-вожжѣ погнуты края; видать, чья-то рука лазила и тамъ пошарить. Этакой мерзавецъ, этотъ Анисимовъ!

— Да, съ виду — дохлый старикашка, а еще многихъ своихъ постояльцевъ въ Петербургѣ переживетъ. Еслибъ со мною были раньше знакомы, я бы васъ предупредилъ. Онъ извѣстенъ нѣкоторымъ людямъ, но не безызвѣстенъ и инымъ людямъ... — сказалъ Горлицынъ. — Давайте же, батенька, разливайте.

— Какимъ же еще инымъ? — разсѣянно спросилъ Саханинъ, наливая гостю.

— Такъ... людямъ противоположнаго сорта. Вотъ, я что вамъ скажу, Саханинъ. Уроки, кажется, удалось устроить. Только немножко далеко — у брантмейстера ...ской части, мальчугану 12 лѣтъ; онъ въ гимназіи. Полтинникъ за часъ, но за то каждый день и два мѣсяца сряду, до экзаменовъ, иначе мальчугана исключать, — онъ второй годъ въ классѣ.

— Незавидно; но что же дѣлать, все-таки 12 рублей въ мѣсяцъ. Только — у брантмейстера, вотъ что неладно.

— Эхъ, батенька, — и Горлицынъ поначалъ головой, держа стаканъ пальцами снизу; — можетъ быть, брантмейстеръ вамъ нужнѣе окажется, чѣмъ кто другой.

Аркаша призадумался.

— Знаете, Горлицынь, — произнесъ онъ потомъ немного нараспѣвъ, такимъ голосомъ, въ которомъ еще отзывались иногда альтковыя ноты: — я вамъ ужъ разъ говорилъ, что ни на какое дѣло я не могу, мнѣ не вѣрять...

— Вовсе не то, а у васъ значить, силы, батенька, нѣтъ. Маменька забаловала. Надо же и на себя полагаться. Вѣдь вотъ вы прежде и панталончики не сами надѣвали, а теперь выбрались на свободу, и даже имѣете собственные убѣжденія по государственному праву, которое штудируете.

— Ниванякъ выработанныхъ убѣжденій я не имѣю, — грустно сказалъ Аркаша. — Ни убѣжденій, ни силы. Хорошо бы было, если бы имѣлъ... Одно чувствую: душа просится на просторъ, а простора нѣтъ. Знаю, что вы хотите сказать, я уже многое слышалъ въ этомъ родѣ. Но я не вѣрю, да если бы и вѣрилъ... я все-таки не на все согласенъ. Если бы я ясно видѣлъ предъ собой дорогу, то былъ бы радъ идти. Но идти не за кѣмъ и иногда мнѣ, право, кажется, будто — я трапея какая-то.

— Не огорчайтесь, не углубляйтесь въ самонаученіе. Это, скажу вамъ, — вздоръ-съ. Человѣкъ долженъ приносить пользу, а не объѣдаться на мірской счетъ, изучая свое идеальное нутро. Вы прочли ту книжку?

— Прочелъ, и можетъ быть тамъ правда; но я не увѣренъ. Богъ его знаетъ, какъ оно есть. Такъ вы адресъ-то мнѣ пожалуйста продиктуйте:ской части? Огъ въ самомъ домѣ и живетъ?

Горлицынь далъ Саханину адресъ его будущаго ученика, поставилъ пустой стаканъ на столъ, похлопалъ Аркашу по плечу, приговаривая «младенецъ» — и ушелъ. Саханинь зажегъ свѣчку и углубился въ книжку. Огъ сидѣлъ бокомъ къ двери. Свѣтъ прямо падалъ на его лицо и ослѣплялъ лучомъ его небольшой прямой носъ, губы, сложенные безъ малѣйшаго напряженія, какъ у дѣтей, круглый подбородокъ и линію лба, которая казалась совершенно прямою, такъ какъ она скоро исчезала въ густыхъ кольцахъ свѣтлыхъ волосъ, совершенно золотыхъ при близкомъ свѣтѣ. Нѣсколько дѣтское выраженіе его лица представляло контрастъ съ его могучими плечами. Пальцы его бессознательно сдвигали мелкіе кусочки бумаги, на которой лежалъ сахаръ. По временамъ, онъ переставалъ читать и, въ раздумьѣ надъ прочитаннымъ или случая, сгибалъ указательный палецъ и потомъ быстро оттапливалъ бумажные ватышки, какъ будто стрѣлая ими въ медность. Разъ онъ обернулся — въ двери стояла ховийна.

— Я велю убрать и сдѣлать вамъ постель — быстро проговорила она: — прислугу надо отпустить раньше спать.

Саханинъ согласился. Когда присланная хозяйкой старая служанка хотѣла постлать постель, оказалось, что не было простыни. Въ чемоданѣ было все бѣлье, но простыни остались на прежней квартирѣ. Онъ пошелъ къ хозяйкѣ, и просилъ ссудить ему простыню на день, на два, пока онъ достанетъ прежнія изъ стирки.

Въ собственной комнатѣ хозяйки была та роскошь, какую можно найти въ меблированныхъ комнатахъ гдѣ-нибудь на Пескахъ или въ Полкахъ: диванъ и стулья округленныхъ формъ, обитыя ситцомъ, и на спинкахъ ихъ — вязанные платочки для предохраненія ситца отъ напояженныхъ волосъ посѣтителей; самодѣльный туалетъ, устроенный изъ складного зеркала въ три четверти аршина высоты, поставленнаго на небольшомъ столикѣ и убраннаго кисеею, которая спускалась по тремъ сторонамъ съ палки, прикрѣпленной сзади. Итакъ, это была и гостиная, и будуаръ г-жи Бѣлиевой. Узнавъ отъ Саханина, въ чемъ дѣло, она засмѣялась. — «Ну какъ же можно такъ забывать! А-ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ». И она тотчасъ принялась съ нѣкоторымъ усиленіемъ отворять средній ящикъ своего комода.

Тутъ только Саханинъ замѣтилъ, что его хозяйка вовсе не была нѣчто въ родѣ старушки, какъ то, неизвѣстно почему, казалось ему до сихъ поръ. По разсмотрѣніи, она оказалась стройной женщиной всего лѣтъ тридцати, съ небольшими головой и станомъ, на сравнительно длинныхъ ногахъ, очень бѣлокурая, съ полной грудью, но довольно тонкою и гибкою таліей. У нея былъ правильный, съ небольшимъ горбикомъ носъ, сухощавый и съ узкими ноздрями; губы ея были немножко толсты. Все лицо выражало добродушную твердость. Движенія ея были бойки, хотя не размашисты.

Вытаскивая ящикъ, туго набитый бѣльемъ, она подала верхнюю часть тѣла назадъ, какъ вдругъ упрямый ящикъ, по той прихоти, которая свойственна ихъ натурѣ, внезапно двинулся впередъ, и хозяйка, наступивъ на ногу стоявшему позади ея Саханину, выпустила изъ руки ключъ и чуть-было не упала, если бы Аркадій не поддержалъ ее.

— Ахъ, извините, — сказала она, оборачиваясь къ нѣскольکو-сконфуженному гостю, и, посмотрѣвъ на него сбоку, улыбнулась. Потомъ, подавъ ему простыню, она прибавила: — «знаете, вѣдь это немножко неловко, что я даю вамъ свою простыню»... и, смотря ему теперь уже прямо въ лицо, какъ-то засмѣялась глазами. Въ дѣйствительности она не смѣялась, но въ ея темно-сѣрыхъ глазахъ, которыя вечеромъ казались карими, было порядочно шалости.

Саханинъ благодарилъ, но покраснѣлъ и, уходя, думалъ про себя:—«вотъ еще сунулъ чортъ къ этой глупой альбаношкѣ».

Первымъ дѣломъ Саханина-младшаго на слѣдующее утро было сходить на прежнюю квартиру, содержавшуюся оставшимъ лавосемъ Анисимовымъ, за вещами. Захвативъ тамъ свои двѣ простыни и одну книгу, какъ-то забытую, онъ пришелъ на новую квартиру и, положивъ эти вещи на столъ, тотчасъ вынесъ опять, отправившись въскую часть, въ брантмейстеру, за уроками. — «Еще одинъ урокъ каждый день», разсуждалъ онъ на пути, «и тогда можно будетъ совсѣмъ обходиться безъ ежемѣсячной просьбы денегъ у отца и обычныхъ нотаций».

Между тѣмъ, какъ только комната новаго жильца была прибрана служанкою, въ комнату эту вошла сама хозяйка, г-жа Бѣлзева, — и, увидавъ на столѣ бѣлье, тотчасъ, какъ любительница порядка, взяла простыни, чтобы положить ихъ въ стоявшій тутъ же шкафъ. На одной изъ полокъ этого шкафа, она увидала нѣсколько книгъ, а надъ ними лежалъ фотографическій портретъ, такъ-называемый «кабинетный». Портретъ изображалъ пожилую женщину съ строгими чертами лица и съ собачкой на волѣнкахъ. Прежде чѣмъ спрятать простыни, она, конечно, сложила ихъ какъ слѣдуетъ, потому что онѣ были свернуты кое-какъ. При этомъ изъ одной изъ нихъ выпалъ узкій и довольно толстый бумажный пакетъ, запечатанный близъ угла въ четыремъ печатами, на которыхъ видѣлись топоръ и другой инструментъ, въ родѣ кирки или якоря. Она уложила бѣлье, положила пакетъ на столъ и, взглянувъ на заглавный листъ книги, пошла къ себѣ, захватила какое-то шитье, и сѣла за работу, у окна.

«Должно быть, его мать, — думала хозяйка; — кажется, есть сходство; только суровая такая, и съ собачкой, точно бездѣтная. Впрочемъ, что-жъ собачка... Но онъ-то все-таки одинъ въ Петербургѣ, а вѣдь еще дитя. И навѣрное нѣтъ женщины, которая бы его иногда приголубила. Да, никого нѣтъ, это видно по застѣнчивости...» — подсказывала ей мысль, въ то время, какъ, проглатнувъ шитье на колѣнѣхъ, она разглаживала полотно лѣвою рукою.

— Варвара Антоновна.

Хозяйка взглянула на вошедшую служанку.

— Жильца-то надо скорѣе прописать — продолжала та. — Дворникъ приходилъ поутру, сказывалъ: надо, говорить.

— Ну, и пропишемъ, его видъ ужъ у меня.

— Да нѣтъ, сегодня чтобъ; такъ дворникъ приназначалъ, и

городовой ему сказывалъ, поутру приходилъ; студентъ, говорить, потеропитесь.

— Откуда же городской-то узналъ?

— А Богъ его знаетъ. Онъ только сказалъ: надо, говорить...

— Ну, хорошо.

И Варвара Антоновна снова принялась за шитье, по временамъ поглядывая на проходившихъ по двору. Комнаты ея составляли отдѣльный флигелекъ, въ которому велъ изъ-подъ воротъ особый деревянный троттуаръ.

Теперь на этомъ троттуарѣ раздались шаги, и хозяйка, взглянувъ на приближавшихся посѣтителей, вдругъ вскочила съ мѣста и закусила губу. Затѣмъ, она бросилась стремглавъ въ комнату Сахангина, инстинктивно схватила положенный ею на столъ паветъ, прихватила съ нимъ и книгу; выронила ее съ испуга, услышавъ громкій звонокъ, но, поднявъ съ полу и какъ угорѣлая прибѣжавъ въ свою комнату, сунула то и другое въ холодную печку. Между тѣмъ, въ комнатѣ Сахангина раздавались уже шаги.

Варвара Антоновна ухватила одной рукой за диванъ, другую за столъ, и старалась оправиться.

«Дура я, дура» — шопотомъ произнесла она и бросилась-было опять въ печь, Богъ знаетъ съ какой цѣлью. Но ее остановила «завдяя» мысль: поведно; зачѣмъ брала, не подумавъ.

— Варвара Антоновна, — раздался голосъ служанки, и хозяйка вошла туда, гдѣ были посѣтители.

Ихъ было трое. Они осматривали комнату съ большой подробностью. Вѣроятно, имъ случилось на прежней квартирѣ открыть впоследствии какія-либо на первый взглядъ незамѣтныя неудобства, такъ что здѣсь они хотѣли удостовѣриться во всемъ доподлинно. Они не только раскрывали шкафъ и столъ, но изслѣдовали даже тюфякъ, подушки и всѣ предметы одежды, находившіеся въ комнатѣ. Первое же, что они осмотрѣли, были простыни. И въ строгомъ смыслѣ они были правы. Насѣкомыя прячутся въ самыхъ затасанныхъ скважинахъ и складкахъ. Чтобы убѣдиться вполне въ ихъ отсутствіи, не мѣшаетъ прибѣгать даже къ микроскопу. Кто ихъ знаетъ, гдѣ они сидятъ; особенно днемъ; можетъ, даже въ биврахъ. Никогда не занимайте меблированной комнаты безъ тщательнаго осмотра ея во всѣхъ подробностяхъ. Особенно если жить втроемъ, какъ, быть можетъ, намѣревались эти посѣтители; тутъ тѣмъ болѣе нужна чистота.

Хотя комната была уже накануне отдана, но для полной точности мы замѣтимъ, что билетикъ съ окна не былъ еще снятъ;

а г-жа Бѣлоса была слишкомъ выволинована, чтобы пускаться въ такія объясненія, которыхъ отъ нея не требовали. Итакъ, если посетители не выразили желанія нанять комнату, то это слѣдовало приписать тому обстоятельству, что, вѣроятно, комната имъ въ концѣ-концовъ не понравилась, а не тому, чтобы хозяйка объявила имъ, что комната уже не отдается.

Какъ только Саханинъ послѣ обѣда возвратился домой, онъ услышалъ за дверью голосъ хозяйки: «Можно войти?» — Вотъ пристала баба, — подумалъ Аркадій, но пригласилъ. Она взяла его за руку и повела къ себѣ. Саханину это казалось очень глупо, и онъ только изъ природной деликатности не вырвалъ у нея руки. Но онъ едва передвигалъ ноги, такъ что эта миника, при крайне серьезномъ выраженіи лица Варвары Антоновны, имѣла видъ, какъ будто провинившагося мальчика ведутъ въ «угольную комнату».

— Да что же вамъ отъ меня угодно? — съ досадою спросилъ жилецъ хозяйку, придя, наконецъ, въ ея спальню. Она молча занерла дверь на ключъ и пошла къ печкѣ. — «Чортъ знаетъ, что это», — хотѣлъ сказать Аркадій, но не сказалъ, потому что хозяйка, доставъ изъ печи пакетъ, подала ему, чѣмъ и привела его въ ошеленчателное недоумѣніе.

— Къ чему же мнѣ это?

— Ш-ш-ш... И она, нагнувшись еще разъ къ печкѣ, вынула оттуда книгу, которую Саханинъ тотчасъ призналъ за принадлежащій ему томъ русскаго перевода Герберта Спенсера.

— Зачѣмъ же вы мою книгу-то туда клали? — уже съ улыбкой спросилъ Аркадій. Она продолжала молчать, но раскрыла книгу и указала ему пальцемъ заглавіе: «Основанія соціологіи».

— Напрасно вы испугались, — продолжалъ Саханинъ, думая, что понялъ, въ чемъ дѣло. Эта книга продается во всѣхъ магазинахъ. — Его теперь занимала уже только мысль, что, стало-быть, хозяйка его все-таки могла понять «соціологію» хоть въ такой мѣрѣ, чтобы испугаться ея.

Но когда она, наконецъ, стала говорить и послѣшпо, вполголоса, объяснила ему все, переживая вновь только-что испытанное, такъ что грудь ея все болѣе волновалась, а глаза начинали блестѣть, — онъ долженъ былъ перемѣнить совсѣмъ свое мнѣніе о хозяйкѣ. Только Саханинъ ничего не зналъ о пакетѣ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ попалъ въ нему въ постельное бѣлье.

— Я совсѣмъ не жду, чтобы вы мнѣ рассказывали или при-

знавались, — сказала г-жа Бѣлѣва, опускаясь на стулъ, — я просто прошу васъ, какъ ближняго, не губите себя; не губите вашей матери, если она жива... А что до квартиры, — прибавила она, — такъ дѣлайте, что для васъ лучше. Если хотите оставаться — оставайтесь; мнѣ нѣчего бояться васъ, и вы меня не бойтесь.

Саханинъ старался утѣрить ее, что и ему нѣчего бояться; что пакета этого онъ никогда не видалъ, что онъ сейчасъ пойдетъ и справится, не захватилъ ли его по ошибкѣ. Едва ли, впрочемъ, ему удалось вполнѣ успокоить ее; впечатлѣніе было еще слишкомъ живо. — «Во всякомъ случаѣ, вы — добрая», сказалъ онъ, подавая ей руку: «вы вѣрили въ опасность и добровольно подвергали ей себя, вы — милая, добрая, я этого не забуду». Онъ два раза крѣпко пожалъ ее руку, и, замѣтивъ, что у нея щеки вспыхнули, а въ глазахъ засверкала нѣкоторая «чувствительная роса», онъ поспѣшно повернулъ ключъ и вышелъ изъ ее комнаты.

Тотчасъ же онъ отправился на прежнюю свою квартиру, подозревая, что пакетъ принадлежитъ прежнему сосѣду его, по комнатамъ, Зальцману. Зальцманъ служилъ гдѣ-то прикащикомъ, но былъ человѣкъ довольно образованный, такъ что, при сосѣдствѣ, Саханинъ не могъ не познакомиться съ нимъ нѣсколько.

Зальцмана не было дома, а въ комнатѣ его былъ страшный беспорядокъ. Книги были вывалены на полъ, бѣлье было разбросано на диванѣ, три стула стояли по срединѣ комнаты, изъ комода торчалъ одинъ пустой ящикъ, а столъ былъ придвинутъ отъ окна къ дивану. Только бумагъ нигдѣ не валялось; только онѣ однѣ и были, вѣроятно, уложены въ порядкѣ. Должно быть, этотъ Зальцманъ бросалъ свои вещи, куда попало.

— Что, Зальцманъ не приходилъ? — спросилъ Аркадій, проходя обратно черезъ кухню. При этомъ онъ лѣвой рукой придерживалъ на груди свое пальто, подъ которымъ былъ прижатъ таинственный пакетъ. Хозяинъ Анисимовъ, нехотя и не безъ злобы во взглядѣ, на него повесился.

— Дороже васъ были гости, да не застали, — пробормоталъ онъ. — Не пришли ли чего своего поискать? Поздненько, баринъ. То къ нему за простынями, — то зачѣмъ? Довольно мнѣ хлопотъ съ вашимъ братомъ; полно, и пускать-то васъ не стану... — сердито ворчалъ онъ и продолжалъ ворчать на эту тему, пока Аркадій, видя, что дѣла Зальцмана не ладны, и что, не выдавъ его, ихъ и поправить нельзя, рѣшился, наконецъ, уйти.

На пути домой, онъ припомнилъ, что Зальцманъ говорилъ ему разъ, гдѣ служить. Хотя это было сказано вскользь и давно

забыто Саханинымъ, но теперь онъ вдругъ совершенно ясно вспомнилъ адресъ, какъ будто усилюе, сдѣланное имъ надъ памятью, прижало въ ней пружину отъ того ящичка, гдѣ хранился этотъ адресъ, и потаенный ящичекъ выскочилъ. Онъ пошелъ въ то мѣсто. Но тамъ уже два дня не видали Зальцмана. Словомъ, дѣло было дрянъ.

Пакетъ надо было хранить, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ принадлежалъ именно Зальцману и могъ быть ему крайне нуженъ. Быть можетъ, счастье Зальцмана было, что пакетъ находился въ вѣрныхъ рукахъ Аркаши. Мало ли что тамъ могло быть, хоть деньги, напримѣръ. Уничтожить его, не вскрывъ, означало бы нанести человѣку, быть можетъ, большой ущербъ; пожалуй, даже погубить его. — А вдругъ пакетъ совсѣмъ не Зальцмана? Но чей же въ такомъ случаѣ? — Саханинъ не могъ даже придумать никакой догадки. Посмотрѣть—что тамъ? Можешь узнать такія вещи, которыхъ не имѣешь права знать, да и не хочешь знать.

Аркадій рѣшился снести пакетъ, при первомъ случаѣ, на отцовскую квартиру, и спрятать его тамъ такъ, чтобы нельзя было его найти иначе, какъ послѣ усиленнаго разыскиванія. А кто же сталъ бы разыскивать на квартирѣ у дѣлопроизводителя департамента «спѣшныхъ мѣропріятій».

III.

На одной рѣчкѣ есть трактиръ, который представляетъ большое удобство. Туда можно пріѣхать *en tout bien tout honneur* пообѣдать съ пріателемъ, который васъ уважаетъ, то-есть съ которымъ вы стѣсняетесь; можно пріѣхать даже съ порядочными дамами, если мужчинъ не менѣе двухъ, и если дамы, хотя порядочныя — невозможно *fast*, какъ говорятъ англичане, т.-е. придерживаются того особеннаго свободомыслія, которое не запрещаетъ дамъ быть «очень замѣчаемой», выдаваться нѣкоторой эксцентричностью. Но въ другой разъ можно пріѣхать въ этотъ трактиръ совершенно при иной обстановкѣ и найти столько же удобства, даже еще болѣе.

Къ этому-то благотѣльному учрежденію подкатила около семи часовъ іюльскаго вечера коляска съ Андреемъ Егоровичемъ и полковникомъ Черемисовымъ. Едва были сдѣланы распоряженія относительно «карты» и того, что согрѣть, что охладить, какъ въ той же двери подѣбкала коляска съ двумя изящными дамами,

изъ которыхъ, впрочемъ, одна, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи, была гораздо изящнѣе другой; можно даже сказать, только она и была изящна.

Андрей Егоровичъ внутренне ахнулъ, когда эти дамы вошли въ бесѣдку, по слѣдамъ Черемисова. Это была та брюнетка, которая утромъ на его глазахъ порхнула въ магазинъ, оставивъ въ его умѣ какъ-бы мотивъ изъ «Всѣ ми жаждемъ любви». Никакихъ представлений не послѣдовало. Но тотчасъ же въ бесѣдкѣ раздался звонкій смѣхъ, которымъ м-мъ Эрмансъ Дюмонъ зашѣлила всѣ церемоніи ознакомленія и сдѣлала всѣхъ довольными. Обѣдъ пошелъ бойко, и Андрей Егоровичъ показался самому себѣ вовсе не такъ варжавѣвшимся, какъ онъ полагалъ. Онъ пустилъ въ ходъ всю ту салонную искрометность, какую онъ нѣкогда проявлялъ на вечерахъ псевдо-аристократическихъ и значительно-коммерческихъ, когда не былъ еще женатъ и мѣтилъ въ камеръ-юнкеры. Но какъ человекъ тѣмта, помнившій, что стиху «Отъ веселья прачусь» соответствуетъ стихъ: «Когда дурачиться — дурачусь», онъ эту салонную искрометность пустилъ не безъ примѣси нѣкотораго канальства. Очевидно, онъ умѣлъ быть Régence, когда слѣдовало. Штатскій элементъ рѣшительно бралъ верхъ надъ военнымъ, такъ какъ Черемисовъ былъ довольно односложенъ.

«Должно быть придерживается положительныхъ результатовъ», не безъ ревности подумалъ штатскій. Потому что Эрмансъ была въ самомъ дѣлѣ хороша. Она могла быть не на мѣстѣ въ бель-этажѣ театра, когда ея циркулярные взгляды, да излишній подъемъ красивой головки (не говоря уже о крайне-модномъ нарядѣ) выдавали ее. Но здѣсь, за обѣдомъ посреди зелени, за тѣми бутылками, которыя она, быть можетъ, вливали на лужку въ Аньеръ или Ромевиллѣ, она была въ своемъ элементѣ, и фамиллярная, рѣзкая рѣчь ея шѣлилась какъ вино.

Замѣчательно, что чѣмъ вульгарнѣе ставовилась ея рѣчь, тѣмъ она дѣлалась остроумнѣе. Она переставала быть дѣланною. Эрмансъ была репріе, все что есть наиболѣе репріе, и въ остроумной гривуазности ея выходовъ проявлялась живѣе давно забытая ею самой крестьянка, собиравшая виноградъ, — тамъ, тамъ далеко, dans ce beau pays de France, гдѣ хорошенькія женщины естественно попадаютъ въ Парижъ, даже безъ помощи того языка, который у насъ доводитъ до Кіева.

— Завтра кавалергарды выступаютъ изъ лагеря, — замѣтила Черемисовъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ напомнить, что настоящий вечеръ и завтрашній день представляютъ каникулы, такъ

какъ человекъ не можетъ въ одно и то же время вести эскадронъ на походъ и слѣдить за похождениями хорошенькой женщины.

— А мнѣ наплевать, — отвѣчала Эрмансъ, во французскомъ изложеніи, конечно. — Я сама своя, вѣдь и жить надо; не такъ ли, мой добрый, — медленно прибавила она, осторожно устанавливая рюмку шампанскаго на возвышенной плоскости цилиндра Андрея Егоровича.

— Вы берете въ плѣтъ мою шляпу, — нашелся онъ, — а свою готовы бросить черезъ мельницы, не такъ ли?

— Да; вотъ глядите... И быстрымъ движеніемъ снявъ свою шляпу, Эрмансъ размахнулась ею за ленту, и бросила ее вверхъ. Шляпка повисла на ели, саженьхъ на двухъ высоты.

Въ то же время носкомъ ботинки она сбила рюмку вина съ цилиндра своего визави такъ ловко, что бокалъ полетѣлъ въ вусты, не проронивъ на шляпу ни капли.

Наконецъ, Андрей Егоровичъ *жилъ*. Онъ до такой степени жилъ, въ сравнительной и даже превосходной степени, что, схвативъ руку Эрмансъ, запыхаясь, произнесъ:

— Отпейте половину, а я другую — тогда я достану вашу шляпку.

— Идетъ.

Послѣ этого брудеръ или швестеръ-шафта, солидный Андрей Егоровичъ бросился къ ели, и, какъ сынъ деревенскаго дьячка лавать за гнѣздами, началъ цѣпляться четырьмя оконечностями за дерево. Но духомъ легче воспарить, чѣмъ тѣломъ. Фигура Андрея Егоровича, такъ сказать, оказалась солиднѣе, чѣмъ онъ самъ. И хорошо, что было такъ. Иначе какой-нибудь профажій могъ бы увидеть на деревѣ одного изъ старшихъ дѣлопроизводителей департамента «спѣшныхъ мѣропріятій».

Шляпку, конечно, снялъ татарченковъ; а Эрмансъ аплодировала ему, откинувшись станомъ на спинку стула и смотря вверхъ. Въ лицѣ ея было неподдѣльное удовольствіе, почти дѣтское. За поднятою твердой грудью ея округлялась гибкая, нѣжная шея; изъ-за раскрытыхъ губъ видѣлись зубы, которые, вмѣстѣ съ глазами, составляли единственную настоящую красоту ея «скомканнаго» личика.

Но Андрею Егоровичу въ этотъ моментъ она казалась идеально-красивой. Пользуясь минутой, когда полковникъ вышелъ, онъ попросилъ ее дать себѣ руку. Эрмансъ безъ всякаго жеманства дала ему руку. Онъ придвинулся къ ней и быстро засучивъ ей рукавъ по локоть. Рука была точно выточенная; округ-

ленность соединялась съ тонкостью и свѣжестью. Однимъ словомъ, это была рука до такой степени общающаяся, что Андрей Егоровичъ готовъ былъ забыть все, даже присутствіе молчаливой подруги Эрмансъ. Но вдругъ другая рука очаровательницы быстро нахлобучила ему шляпу почти до носа.

— *Pas de ça, mon cher*, — прибавила она, побарабанивъ у него по тулѣ. И когда онъ высвободился изъ тисковъ цилиндра, она совершенно серьезно спросила у него:

— Какъ помѣтилъ вашъ министръ этотъ докладъ, знаете, о заключеніи контракта на ремонтъскаго зданія?

Андрей Егоровичъ на минуту остолбѣлъ. Во-первыхъ, какая связь между ея шалостями и такимъ вопросомъ? Во-вторыхъ, онъ, точно, видѣлъ упомянутый докладъ сегодня же утромъ, у журналиста, въ числѣ «сошедшихъ» бумагъ, но революціи не прочелъ. Но неужели даже въ дѣла департамента «спѣшныхъ мѣропріятій» проникла благотѣльная гласность до такой степени?

— Это не по моему отдѣленію, не у меня, — отвѣтилъ онъ, — а вамъ на что?

— Вы будете такъ добры — справьтесь и дайте мнѣ знать, — ласково сказала она. — Не правда ли?

— Писать — ни за что. Я не умѣю писать.

— Ну, вы справитесь, не правда ли? Попросите того, другого господина, вашего товарища. Для меня? — И она, взявъ его за обѣ руки, приблизила къ нему лицо; взглядъ ея былъ самый невинный, просто добродушный; но она смачивала губки кончикомъ языка. — А за это я съ вами увижусь — вы мнѣ скажете, а я перестану на васъ сердиться.

— Можетъ быть? — съ циничной томностью спросилъ онъ.

— Можетъ быть; — и вздохнувъ, она закончила смѣшной, но граціозной гримаской, въ ту самую минуту, когда шпоры возвѣстили о возвращеніи расплатившагося Черемисова.

Прошли недѣли двѣ. Андрей Егоровичъ давно добылъ справку, которой желала Эрмансъ, и попросилъ «другого господина», своего товарища, чтобы въ докладъ сверхъ трехъ пунктовъ, находившихся въ благопріятномъ «соображеніи», были прибавлены еще два пункта. Первый пунктъ былъ, что дѣло требовало неотлагательныхъ мѣръ къ ремонту; второй — что исправляемая подрядчикомъ цѣна была не выше сложныхъ пятилѣтнихъ; третій — что залогов подрядчика были совершенно благонадежны. Два пункта, добавленные по просьбѣ Андрея Егоровича гласили, что

и самъ подрядчикъ, по имѣющимъ свидѣніямъ, былъ благонадеженъ нравственно, и что онъ получилъ даже какое-то отличіе за усердіе къ построенію церкви въ балтійскомъ краѣ. Эти послѣднія свидѣнія были извлечены изъ дѣлъ, которыхъ товарищъ Андрея Егоровича не могъ имѣть въ виду.

Саханинъ-старшій зналъ адресъ Эрмансъ отъ полковника. Но знаніемъ этимъ теперь еще не воспользовался; потому что не зналъ, можно ли имъ воспользоваться безъ приглашенія. Сверхъ того, онъ ждалъ, когда докладъ «пройдетъ», чтобы имѣть болѣе права на благодарность. Вдругъ онъ получилъ, съ посланнымъ лакеемъ, записку на глянцовитой блѣдно-сѣрой бумажкѣ, съ лиловымъ шифромъ Н. D. Въ этой запискѣ, ему давалось обѣщаніе быть на другой день въ половинѣ седьмого вечера въ томъ же трактирѣ на рѣчкѣ. Часа за два до назначеннаго времени Андрей Егоровичъ полетѣлъ въ купѣ на рѣчку, и, занявъ мѣсто, на этотъ разъ уже не въ бесѣдѣ, заботливо составилъ карту. Все это, кромѣ поѣздки, заняло у него до получаса времени, и оставалось еще полчаса до прибытія гостя. Дѣлопроизводитель закурилъ сигару, взялъ газету и сѣлъ у отвореннаго окна.

Онъ началъ читать передовую статью, но прямо со второго абзаца, такъ какъ зналъ, что въ первомъ обыкновенно содержится только нѣчто въ родѣ вступительнаго аккорда, напр.: «Теперь, когда вся Россія взираетъ... болѣе чѣмъ когда-либо выступаетъ на первый планъ забота» и т. п.

«И дѣйствительно» — такъ начинался второй абзацъ... Но въ это время по троттуару на берегу рѣчки быстро прошелъ подъ дождемъ молодой человекъ, въ которомъ Саханинъ-старшій тотчасъ узналъ Саханина-младшаго. «Куда это онъ шляется», подумалъ отецъ, и мысль о томъ, что, благодаря отдѣльному жителству сына, онъ не имѣетъ никакихъ свидѣній объ его образѣ жизни, въ десятый разъ радовала дѣлопроизводителя. Не то, чтобы между ними существовала какая-либо нравственная связь. Андрей Егоровичъ, можетъ быть, и любилъ сына, какъ плоть отъ плоти, но эта привязанность находилась въ скрытомъ состояніи. Онъ издавна привыкъ видѣть со стороны сына дѣйствія хотя и не запрещенныя отцомъ, но и не разрѣшенныя имъ положительно, вслѣдствіе прямой просьбы. Какъ Аркаша росъ и изъ мальчика превратился въ юношу, все болѣе мушавшаго, — безъ всякой просьбы о разрѣшеніи или содѣйствіи отца къ этому, такъ точно онъ и въ умственномъ развитіи, а потомъ и въ дѣйствіяхъ обходился безъ руководства отца. Между тѣмъ, Андрей Егоровичъ имѣлъ о сыновнемъ долгѣ и отцовскомъ призваніи

совершенно иное представленіе, и постепенное развитіе самостоятельности въ сынѣ казалось ему рядомъ захватовъ. Выступать съ прямыми запрещеніями не было поводовъ; но тѣмъ хуже: родительскому авторитету не было даже и такихъ случаевъ, чтобы проявиться и поддержать себя.

Но отдѣльное проживаніе сына, въ такое время, какъ тогдашнее, представляло еще спеціальныя неудобства. И Андрей Егоровичъ положивъ въ умѣ рѣшительно потребовать, чтобы сынъ возвратился, жалѣлъ, что еще всего нѣсколько дней тому назадъ выдалъ ему полное мѣсячное жалованье.

Однакоже онъ втянулъ на часы—ровно семь. Въ приятномъ трепетѣ онъ прошелся къ подъѣзду, потомъ обошелъ садикъ и, наконецъ, вѣснувъ, принялся опять за газету. «И дѣйствительно», читалъ онъ, «если историческая правда и правильно поняты выводы общественныхъ наукъ осуждаютъ слишкомъ скороспѣлыя стремленія, то не менѣе справедлива сознанная уже польза такой доли самоуправленія, которая указывается термометромъ общественной зрѣлости; а потому и вопросъ о подводахъ для земскихъ фельдшеровъ находить въ настоящую минуту — что бы ни говорили наши консерваторы — полное себѣ оправданіе въ наличности общественныхъ потребностей, отъ удовлетворенія которыхъ зависятъ внутреннія силы и даже внѣшнее величіе Россіи».

Съ неудовольствіемъ оттолкнулъ Андрей Егоровичъ газету и задумался. Мысли его были раздражительнаго свойства. Онъ самъ былъ либераль, такъ какъ считалъ либераловъ болѣе благонамѣренными, чѣмъ консерваторы—уже потому, что либералы почти всѣ служатъ—на штатныхъ мѣстахъ, а консерваторы находятся въ отставкѣ или только числятся, что придаетъ имъ и болѣе самостоятельности и даже наклонность въ нѣкоторому оппозиціонному духу. Но въ первый разъ ему либеральный языкъ газеты, почему-то, показался противенъ. И въ то же время ему ужасно захотѣлось ѣсть.

Онъ вынулъ часы — половина восьмого. Значить, часомъ позже назначеннаго ею времени; значить, она не пріѣздетъ; нудла. Настроеніе Андрея Егоровича не улучшилось отъ такого вывода. Казалось, всѣ ему измѣняли: и сынъ, котораго онъ готовъ былъ направлять, но который уклонялся отъ направленія, и либерализмъ, который смутно заговорилъ о какихъ-то потребностяхъ, вмѣсто того, чтобы оставаться принципомъ приватности, каково было его законное призваніе; и наконецъ, женщина, которая Андрею Егоровичу не принадлежала, но могла

принадлежать. Ничего ему не оставалось кромѣ «двухъ обѣдовъ». А вѣдь два обѣда наединѣ, при всемъ аппетитѣ—нѣчто грустное.

Онъ вышелъ въ большую, общую комнату и почти обрадовался, увидавъ тамъ полковника Черемисова, который еще только разсматривалъ *тепи*. Было уже три четверти восьмого, и дождь, переставшій на время, пошелъ опять. Саханинъ-старшій пригласилъ полковника обѣдать съ нимъ, и они сѣли въ комнату, гдѣ не сбылось ожидаемое свиданіе.

Хотя полковникъ былъ человѣкъ порядочнаго общества и бывшій кантъ на аломъ воротникѣ придавалъ ему даже видъ кандидата на полученіе со временемъ того, другого и третьяго, но все-таки сидѣть съ нимъ, вмѣсто того, чтобы осуществлять мечты, было не особенно весело. Къ тому же, дождь располагалъ къ искусственному возбужденію. Вслѣдствіе всего этого; Андрей Егоровичъ въ точности сталъ соблюдать всѣ правила объ очереди напиться, и повуждалъ къ тому же собесѣдника. Передъ закуской они по-русски выпили по рюмкѣ водки, послѣ супа по-англійски выпили по рюмкѣ хереса, послѣ рыбы по-французски выпили по рюмкѣ икѣма, потомъ, въ свою очередь и шамбертена попробовали, и лафита, и, начавъ шампанское еще съ горошка, пили его даже нѣсколько долѣе очереди, то-есть, послѣ десерта. Конечно, пили всего небольшое, чѣмъ «было для нихъ полезно», по англійскому выраженію; но и не меньше того.

«Спѣшныя мѣропріятія» слишкомъ развили въ дѣлопроизводителей дипломатическую осторожность, чтобы онъ прямо началъ съ разспросовъ объ Эрмансѣ, какъ ему бы хотѣлось. Говорили объ обѣдѣ, о нѣкоторыхъ производствахъ и даже коснулись производительныхъ силъ Россіи, то-есть акціонерныхъ предпріятій, въ которыхъ даже стыдно было серьезному человѣку не участвовать, а между тѣмъ Саханинъ доселѣ не участвовалъ.

— Для этого надобно самому сидѣть на чемъ нибудь, — замѣтилъ Андрей Егоровичъ.—Хорошо собакѣ лежать на снѣгѣ; хоть сама не съѣстъ, но другіе въ немъ видятъ нужду, и вотъ ей — готовая точка отправленія... А у меня что? У меня въ вѣдѣніи — интересы нравственные... Вотъ кричатъ: жирѣютъ на счетъ бюджета! И кто кричитъ: адвокаты, который собираетъ шерсть съ «нравственныхъ завоеваній» и прогрессивно набиваетъ свои прогрессивные карманы. Журналисты, который пишетъ публичные доклады въ пользу такого-то концессіонера... А мы? Мы — жрецы въ нѣкоторомъ родѣ. Да нѣтъ — и тѣ отъ алтаря бывали сыты. А у насъ? — на обухѣ ржи не смолотишь. Почетное положеніе,

да чортъ ли въ немъ. Trop de fleurs! mon cher... Помните Шнейдэръ? Никогда у насъ ни одна артистка не умѣла такъ носить этого греческаго платья, fendu sur le genou... Что-жъ вы шамбертенъ презираете?

И дѣлопроизводитель подлилъ полковнику.

— Да, у нея статьи были въ порядкѣ—отозвался Черемисовъ.—Вы знаете, что ее разъ...—Но окончанія этой фразы не записано авторомъ.

— Впрочемъ,—возвратился онъ къ прежнему сюжету,—и на сѣнѣ лежать не надо, если имѣть споровку. Вотъ Стрижевскій, посмотрите.

— Кавалергардъ? Вѣдь онъ богатъ.

— Нѣтъ, старикъ, его дядя, Петръ Аполлонычъ. Вѣдь онъ прожилъ когда еще; мы еще учились. Кромѣ почетнаго званія, не служить. А онъ пружина всѣхъ дѣлъ. То-есть загребааетъ такіе куши, что... И никакой спеціальности не знаетъ, а вездѣ директоръ; половина большихъ дѣлъ въ Петербургѣ чрезъ него дѣлается.

— Связи.

— Да вѣдь что же однѣ связи? Вотъ племянникъ его и при связяхъ, развѣ что полкъ въ провинціи получить; да и то не дождется; прогоритъ раньше. Вотъ теперь бутылка шампанскаго—шесть съ полтиной.

Полковникъ коснулся бокаломъ усовъ и потомъ прижалъ ихъ нижней губой.

— А у Петра Аполлоныча связи дѣловыя, — прибавилъ онъ и взялъ корпусъ нѣсколько назадъ.

— А давно ли вы видѣлись съ м-ше Дюмонъ?—равнодушно спросилъ Андрей Егоровичъ, какъ-бы по поводу кавалергарда.

— Разъ какъ-то былъ, съ нимъ,—на чашку чая. Она претонкая штука и—между нами—я думаю, что и онъ-то былъ у нея на равныхъ правахъ, или на равномъ безправіи со мной.

— Разошлись?

— То-есть... Она вѣдь, чортъ ее знаетъ... Сегодня такъ, завтра этакъ. Переведетъ на систему Платона, а между тѣмъ не говорить—оставь надежду. Я никогда не видалъ женщины съ большими фантазіями.

— А какъ же она живетъ?—практически спросилъ Андрей Егоровичъ.

— Только не на его счетъ,—гдѣ ему! У нея вдвое больше ума, чѣмъ у него кредита. А бабѣнка забористая; главное—вертливостью какою-то такъ вотъ и тянетъ.

— Тамъ вѣтъ и тѣнѣтъ — гуно поистернѣ дѣмонпроизводителѣ. — Тамъ съ нѣю нѣтъ дѣла?

— Спросъ есть, но нѣтъ предложенія. Он не lui connaît que cet imbécile... то-есть я по крайней мѣрѣ о другомъ никогда не слышалъ... Читали вы передовую статью въ «Родномъ Органѣ»? — перемѣнили онъ разговоръ, нагибаясь въ стулъ, чтобы закурить сигару.

Андрей Егоровичъ секунды двѣ оставался еще въ размышленіи. Потомъ, какъ-бы усиленно оторвавшись отъ него, съ напускной поспѣшностью отвѣтилъ: — Нѣтъ; я сегодня читалъ «Всеобщее Удовольствіе». Да просто хоть ничего не читай.

— А что?

Андрей Егоровичъ досталъ газету съ окна, но продолжалъ держать ее въ рукѣ, даже не смотря въ нее. «Насъ просто губитъ распушенность» — съ жаромъ сказалъ онъ. Развѣ можно осуждать скороспѣлыя стремленія указаніемъ на какія-то неудовлетворенныя общественныя потребности; le zozistivo et ce qui s'ensuit?

Черемисовъ деликатно снялъ золу съ своей сигарки концомъ мизинца и произнесъ: «у-гм».

— Кто же долженъ рѣшать, что подлежитъ удовлетворенію и что скороспѣло? — выпятился Андрей Егоровичъ. — Вѣдь это такая штука, на двѣ вторострой сидитъ просто семинаристскій подвѣхъ. Если же рѣшать должны тѣ, кому слѣдуетъ, то неудовлетворенныя дѣйствительныя нужды и быть не можетъ; значить — остаются одни скороспѣлыя стремленія. И это пишется въ такое время, когда всѣ интересы находятся въ колебаніи.

— То-есть что же собственно... это уаъ вы казаете къ несиммамъ впадете — возразилъ полковникъ. — Въоо не всѣ интересы въ колебаніи.

— А что, увеличеніе штатовъ?

Черемисовъ утвердительно кинулъ.

— Такія времена, — пояснилъ онъ, улыбулся едва примѣтно и закинулъ плечами.

IV.

Уроки Аркадія Сахарина въ брантмейстерскомъ семействѣ продолжались всего двѣ недѣли. И не то, чтобы онъ ежелъ ихъ слишкомъ для себя тяжелыми или малодоходными. Нѣтъ, брантмейстеръ самъ отгадалъ ему, откровенно объяснивъ, что считаетъ неудобнымъ посѣщеніе студентомъ зданія...своей части. При

этомъ, онъ аккуратно вручилъ Саханину двѣ трехрублевныя бумажки. До полученія новаго жалованья отъ отца оставалось еще немного менѣе мѣсяца; а между тѣмъ Аркадій имѣлъ неосторожность большую часть недавно полученныхъ отъ отца денегъ употребить на приобретение новаго «пиджака», а хозяйкѣ все еще уплатилъ только за полмѣсяца впередъ.

Прекращеніе уроковъ совершенно разстроило его мѣсячный бюджетъ. Если бы теперь уплатить хозяйкѣ за весь мѣсяцъ впередъ, какъ былъ уговоръ при наймѣ квартиры, то на все содержаніе за тотъ мѣсяцъ осталось бы 11 рублей. А 11 рублей далеко не то, что 17, которые были бы, если бы не прекратились уроки. Эта разница въ 6 рублей представляла въ данномъ случаѣ именно тотъ комфортъ, безъ котораго Аркадья еще обходиться не умѣлъ: — право обѣдать каждый день, вносить рубль сладчины на содержаніе больного товарища, имѣть всегда свѣчи и сахаръ, наконецъ, пользоваться иногда «конкою».

Конечно, г-жа Бѣльева не стала бы непремѣнно требовать уплаты остальной половины квартирныхъ денегъ впередъ. Она была такъ добра, что вѣроятно согласилась бы ждать и дольше двухъ недѣль. Но вѣдь слѣдовало же помнить, что она сама, сверхъ небольшой пенсіи, только и жила отдачей въ наймы четырехъ комнатъ.

Варвара Антоновна — надо объяснить вкратцѣ — была бездѣтная вдова нѣвскаго «фонтаннаго мастера» въ Петергофѣ. Она была дочь унтеръ-офицера, но, оставшись сиротой, была воспитана въ богатомъ семействѣ, въ среднемъ качествѣ между камеристкой и компаньонкой. Вслѣдствіе того, она имѣла случай кое-чему поучиться, прочла главныхъ русскихъ беллетристовъ, понимала, хотя не говорила, по-французски, и даже могла, въ прежнее время, играть два кадрили на фортепіано. Замужемъ она была всего годъ и вдовѣла года два. Хотя, повторимъ, Саханинъ былъ убѣжденъ, что она подождала бы его денегъ; но самая доброта ея представляла такое обстоятельство, которое теперь понуждало его или быть съ нею совершенно въ расчетъ, или подумать о переездѣ на готовую квартиру — къ отцу.

Саханинъ не могъ долѣе не замѣчать, что г-жа Бѣльева принимала въ немъ слишкомъ живое участіе. Она не дѣлала ему глазокъ, наоборотъ, старалась свое участіе скрыть; но по многимъ мелочамъ нельзя было, наконецъ, не замѣтить. Послѣ того случая, который былъ рассказанъ выше, Саханинъ не могъ не заходить къ ней иногда. Онъ познакомился съ нею и находилъ даже удовольствіе въ ея очень неглубокомъ разговорѣ. Онъ

стала давать ей книги, даже читала ей. Но при таких-то чужих, онъ раза два, неожиданно поднявъ глаза, увидѣлъ, что она, опустивъ свою работу на колѣни, смотрѣла на него такъ, что становилось неловко, и при встрѣчѣ съ его глазами, тотчасъ, опускала свои.

Ей было тридцать лѣтъ, и притомъ хотя она была недурна, но въ ней не было ничего, что соответствовало бы его идеалу любви. А такъ какъ онъ имѣлъ къ ней доброе чувство, то тѣмъ неловче становилось его положеніе.

Лучше было переѣхать. Онъ побывалъ у отца. Тотъ не преминулъ спросить его, завелъ ли онъ себѣ пладъ, смазные сапоги и мягкую шляпу; потомъ изъ рода ироническаго перешелъ въ родъ категорическій, и рѣшительно потребовалъ, чтобы Аркадій возвратился на жительство въ семью.

Сынъ обѣщалъ, и свиданіе на этомъ кончилось. Аркадій освѣдѣтельствовалъ то мѣсто, въ которомъ имъ былъ спрятанъ пакетъ, принадлежавшій, по его догадкѣ, пропавшему Зальцману. Зальцманъ въ самомъ дѣлѣ исчезъ. По крайней мѣрѣ, Аркадій еще нѣсколько разъ напрасно заходилъ къ нему на квартиру, но никто изъ жильцовъ не видывалъ Зальцмана съ самаго того дня, когда вещи его оказались въ такомъ беспорядкѣ. А вещи все еще были у Анисимова, который при каждой встрѣчѣ продолжалъ злобно коситься на Саханина. Пакетъ оказался въ сохранности.

Когда Аркадій объявилъ г-жѣ Бѣляевой, что долженъ на дняхъ переѣхать къ отцу (онъ не сказалъ, что по приказанію отца), то Варвара Антоновна, къ нѣкоторому удивленію его, вполне одобрила это намѣреніе, такъ что Аркадій нѣсколько усомнился въ своихъ предположеніяхъ и даже внутренне обругалъ себя фатомъ.

Она сказала, что не совѣтовала ему этого сама только потому, что опасалась задѣть его самолюбіе; что въ семьѣ ему будетъ и лучше, и главное—безопаснѣе жить.

Сказавъ это, она медленно подняла свои вѣки, окаймленные темными рѣсницами, которыя, вмѣстѣ съ почти русыми, тонкими бровями, рѣзко противорѣчили ея блѣскаватымъ волосамъ. Выраженіе ея глазъ было хорошее, спокойное и доброе. Она казалась, немного блѣдна, но ея замѣчательно нѣжная кожа всегда легко мѣняла окраску.

На столѣ въ своей комнатѣ Саханинъ нашелъ зачехленную записку; тутъ же лежали сургучъ и карандашъ, вынутый изъ стаканъ, въ которомъ они прежде находились вмѣстѣ съ перьями.

Въ ней было написано: «Любевный Саханинъ, живу до сихъ поръ въ Лѣсной (слѣдовать адресъ), но завтра утромъ уѣзжаю въ Москву. Если будетъ возможность, зайду въ вамъ сегодня. Если нѣтъ—приходите ко мнѣ сегодня въ Лѣсной, гдѣ я долженъ быть въ 7 часовъ вечера. Прошу васъ зайти прежде на нашу прежнюю квартиру и посмотреть въ вещахъ З.—не окажется ли моего пакета—узкій, длинный; четыре печати. Я оставилъ его у З., переѣзжая; онъ теперь мнѣ очень нуженъ, а къ Анисимову я показаться не могу, и вы не говорите ему обо мнѣ. Если найдете, ждите меня до 4 часовъ. Потомъ идите въ Лѣсной. Сдѣлаете мнѣ великое одолженіе. *Милень*». Михѣевъ былъ студентъ другого училища, товарищъ А. Саханина по прежней квартирѣ и хорошій малый. Онъ держался Горлицынскихъ идей, но Аркадію былъ давнѣе знакомъ и болѣе нравился, чѣмъ Горлицынъ.

Ясно, что дѣло было серьезное и спѣшное. Саханинъ тотчасъ пошелъ въ отцовскую квартиру за пакетомъ. Дорогой, онъ не могъ объяснить себѣ двухъ вещей: почему для такого важнаго дѣла Михѣевъ не общалъ навѣрное зайти къ нему и удостовѣриться, что порученіе исполнено; затѣмъ—какъ онъ могъ полагать, что такой пакетъ уцѣлѣлъ бы въ вещахъ Зальцмана? или онъ не зналъ объ исчезновеніи Зальцмана?—это было невѣроятно.

Большая загородная улица, которая представляла для Аркадія ближайшій путь въ Лѣсной, бываетъ довольно оживлена около этого времени дня, лѣтомъ. Это была еще не та праздничная, выставочная ѣзда, какая бываетъ на ней по вечерамъ, но ѣзда солидная, дѣловая. Дачники возвращались домой отъ дневныхъ трудовъ. Вагоны конножелезной дороги были битомъ набиты; къ нимъ не было подступа. Саханинъ отправился пѣшкомъ. Начиная съ большого моста почти всѣ экипажи ѣхали въ одну сторону: изъ города, унося счастливыхъ прочь отъ его жары, перестройки и перекраски, удушливой атмосферы его торжашаго трудомъ, прочь отъ смрада этого рынка, на которомъ масса «бѣло-рабочихъ», какъ и чернорабочихъ искала найма, предлагала всѣ свои услуги, и продавшійся считалъ себя счастливымъ, а неуспѣвшій еще продать своей свободы, своей души и тѣла считалъ себя обиженнымъ судьбою.

Саханинъ проходилъ мимо построекъ новыхъ и мимо древнихъ, для Петербурга, зданій. И ему пришло на мысль народное повѣрье, что Петербургъ когда-нибудь провалится въ воду. Какая картина была бы, если бы вся эта видимая громада, пред-

ставленная древними и новыми зданиями, поподобалась вnezапнымъ наводненіемъ? Если бы всѣ эти крыши развѣхались, колокольни покочнулись, одна стѣна стала бы осѣдять, а другая нагнулась бы посмѣяться, куда тронулась сосѣдка, и потому рухнула бы вслѣдъ за нею въ бездонную воду. И во что обратился бы тогда этотъ дѣловой выѣздъ достаточной буржуазіи изъ Петербурга?

Напримѣръ, вотъ эта пара состоятельныхъ купцовъ, развалившихся въ коляскѣ, съ самодовольнымъ выраженіемъ въ лицахъ, съ сознаніемъ понесенныхъ трудовъ. Насклько они сегодня почистили казну, много ли роздали магарычей, на полъ-ли часа или на дѣлѣй часть увеличили 12-ти-часовую работу дѣтей, которымъ столько же дѣтъ отъ роду, сколько часовъ труда вложили? Берегись! — кричитъ кучеръ, и въ испугѣ метнулся въ сторону старушка и мальчикъ съ ношей на головѣ. Берегись, сторонись, — хозяйка ѣдутъ.

И что же? Вдругъ эти гордые гнѣдые жеребцы отъ треска и гула ввалились бы на дыбы; тотъ хозяинъ, что въ фуражкѣ и длинномъ сюртукѣ, въ испугѣ привсталъ бы съ мѣста и, уцепившись одной рукой въ спину кучера, другою началъ бы судорожно креститься. А тотъ хозяинъ, что въ модной шляпѣ котелкомъ, гражданинъ образованный, членъ городского благоустройства, тотъ непременно озянулъ бы назадъ, лица растерянными глазами городского. Онъ тоже учился, онъ даже до сихъ поръ еще знаетъ, напримѣръ, что столица Дании — городъ Копенгагенъ, но не знаетъ, что городской при всей расторопности не можетъ спасти коляску, съ паромъ жеребцовъ и съ паромъ тучныхъ хозяевъ, во время наводненія.

А этотъ обстоятельный русскій иностранецъ? — онъ съ такимъ бодримъ сознаніемъ своего достоинства ѣдетъ въ просторной глянцовой динейкѣ, на тѣлѣзаводѣ, ласкающемъ вобѣ, который, очевидно, обладаетъ на овсѣ тонкаго кучера съ рѣдкой бородкой, въ кафтанѣ коричневаго цвѣта. Этотъ оставилъ позади себя, въ узкой, не особенно благоухающей теперь улицѣ, производную мастерскую, въ которой сегодня произвелъ расчетъ и распоряженіе на два дня. Вычеты сдѣланы по книжечкѣ, протоколъ объ ученикѣ, которому подмастерье проломилъ голову, благополучно составляетъ въ смыслѣ собственной неосторожности, а золотушному, но постоянно влюбленному юному Шарру въ послѣдній разъ нужно, что если онъ запретъ лажу полчаса раньше срока, то будетъ неминуемо *hinausgeschmissen*. Однимъ словомъ, все приведено въ порядокъ.

Какъ подѣйствовалъ бы на этого «броттерра» видъ качающихся зданій и выступающей воды? Онъ не повѣрилъ бы глазамъ своимъ. Онъ далъ слово своей супругѣ привезти сегодня на дачу нѣкоторыя излишества для хозяйства, поволительныя, однако, при средствахъ; въ томъ числѣ арбузы. Маленькому Карлу онъ обѣщаль большой резиновый мячъ. И дѣйствительно, онъ везетъ; все это поставлено въ корзинкѣ, въ его ногахъ. И вдругъ—неужели же нельзя будетъ пробѣжать? Вѣдь жена положительно рассчитываетъ на арбузы для третьяго кушанья; да, наконецъ,—какой примѣръ для маленькаго Карла—нельзя поможиться на отца! Но когда аккуратный хозяинъ убѣдился бы, что происходитъ въ самомъ дѣлѣ наводненіе, онъ навѣрное съ негодованіемъ произнесъ бы: *dieses Russland!*

Но нѣтъ, Петербургъ не потонетъ, думалъ нашъ мечтатель. Это — сказки. Напротивъ, сама Нева, какъ замѣчаютъ ученые, постепенно мелѣетъ; авось и гора въ немъ будетъ убывать, какъ убываетъ воды. Старыя строенія уступятъ мѣсто новымъ; вотъ тотъ деревянный мостъ замѣнится каменнымъ. Но и по каменному мосту точно также одни будутъ ѣздить въ собственныхъ экипажахъ, а другіе—ходить. Да и вѣдали-ли бы пятеро рабочихъ проволочной мастерской, съ г. Шварцомъ, въ эту линейку, гдѣ сидятъ теперь только хозяинъ съ кучеромъ? А тысячами людей еще невозможно помѣститься въ купеческой коляскѣ. Наводненіе—хаосъ!—рыпалъ онъ. Однажды уже было искорененіе всѣхъ волъ и исправленіе порядковъ посредствомъ всемірнаго потопа. И что же? Развѣ Каинъ пересталъ убивать Авеля, развѣ Содомъ и Гоморра не воздвиглись вновь?

Если бы образъ мыслей могъ ясно отражаться на лицѣ человека, то младшій Саханинъ могъ бы нести свой пакетъ подъ застегнутымъ пиджакомъ столь же спокойно, какъ Саханинъ старшій возилъ свой портфель. Въ самомъ дѣлѣ, правильныя экономическія воззрѣнія его прикрывали бы пакетъ, какъ моринный флагъ прикрываетъ иногда непріятельскій товаръ. Но такъ какъ мнѣнія наружу не выступаютъ, то Аркаша не беспокоился за свою пошу только потому, что на немъ были: новый пиджакъ, не совсѣмъ старое еще пальто и шляпа твердая, а не мягкая; голенища же его были короткія, да и тѣ благонамѣренно скрывались отъ глазъ прохожей публики, чтобы не служить невольными знаменами вредныхъ идей.

Михѣвъ жилъ вблизи самаго зданія Лѣсного института, на большой дорогѣ, напротивъ его парка,—въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ города дѣлаетъ значительный подъемъ. Этого-то

подъемъ и подаетъ жителямъ Лѣсного поводъ утверждать, будто почти нѣтъ мѣстности, находящейся на одномъ уровнѣ высоты съ фонарикомъ исавіевскаго собора. Но такъ какъ те же самое говорится дачниками Пемлонной-Горы и Мурнина, лежащихъ выше Лѣсного, а также проживающими въ Юкки — второе еще выше обвѣхъ, сейчасъ названныхъ мѣстностей — то вопросъ этотъ остается открытымъ.

Не трудно было найти комнату Михѣева въ довольно большемъ, но въ это лѣто пустомъ деревянномъ строеніи. Михѣева не было еще дома, когда дворникъ указалъ Аркадію его окна. На двери висѣлъ замокъ, а въ окна видны были чемоданъ, еще раскрытый, двѣ кучки книгъ на столѣ, а рядомъ съ ними — огарокъ въ подсвѣчникѣ, пустая пивная бутылка и стаканъ. На гвоздѣ еще висѣла блуза, а въ углу стояла дубина собственнаго надѣла владѣльца, т. е. некрапленая. Онъ долженъ былъ скоро вернуться, такъ какъ было уже три-четверти седьмого.

Саханинъ садился подъ деревья этой, густой части парка и нѣсколько разъ возвращался подъ окна; но Михѣева все не было. Дождь порядочно смочилъ Аркадія на послѣдней половинѣ его пути, но теперь пересталъ, и Саханинъ, котораго томилъ ожиданіе, рѣшился пойти — на-угадъ — на-встрѣчу Михѣеву по другой дорогѣ, ведущей на Самсоньевскій проспектъ. Здѣсь онъ повстрѣчался сперва съ тремя полицейскими, которые шли въ сопровожденіи господина въ статскомъ платьѣ, съ усами и короткими бакенбардами: «вѣрно скандалъ въ «Золотомъ-Якорѣ», подумалъ Аркадій, «и дворникъ ведетъ сукурсъ». Пройдя далѣе, онъ встрѣтилъ цѣлыя вереницы рабочихъ, возвращавшихся съ заводовъ Выборгской стороны, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Уже темнѣло, и Аркадій не могъ замѣтить желто-сѣраго колорита ихъ лицъ. Но его поразила молчаливость этихъ людей, которымъ предстояла пріятная перспектива ужина и отдыха. Видъ это, было также возвращеніе дѣлового Петербурга изъ дома, послѣ окончанія дневной работы. Но выраженіе лицъ у этихъ запоедавшихъ дѣятелей было совсѣмъ иное, чѣмъ у первыхъ. Тутъ уже невозможно было создать себѣ въ воображеніи различные нравственные типы по внѣшнимъ различіямъ.

Возвращавшіеся были разнаго пола и возраста, и одѣты были одни на городской, — другіе на сельскій манеръ. Но, странное дѣло, всѣ они казались совершенно похожими другъ на друга, какъ дѣти одной матери. Да они и были дѣтми одной матери — суровой, безмощной работы. Машиннаго, ровнаго движенія дѣтей и ихъ молчаніе были особенно страшны. Нѣтъ, чтобы

соскочить съ тротуара въ сторону, потянутся другъ за дружкой, съ тѣми восклицаніями, взвизгиваніями и смѣхомъ, которые выражаютъ и еще сами усиливаютъ веселье. Буда! — они какъ-будто возвращались съ покоронъ; покоронили день и шли домой — безъ веселья, но и безъ слезъ, зная, что и вчера были такіа же покоронны — и завтра будутъ. Развѣ такъ возвращаются дѣти изъ школы?

— «Многое все-таки можетъ измѣниться въ лучшему», утѣшалъ себя Аркадій, «и, вѣроятно, измѣнится. Во всякомъ случаѣ — здѣсь онъ повернулся и пошелъ назадъ, такъ какъ уже стемнѣло и опять зачастилъ дождь — во всякомъ случаѣ, если бы работѣ и разнесли фабрику, то имъ досталось бы всего по десятку кирпичей на человѣка»!

Подгоняемый дождемъ, онъ пошелъ скоро и еще медленнѣе, по сѣту, мерцавшему изъ оконъ Михѣева, убѣдился, въ немалому своему удовольствію, что тетя явилась, наконецъ, домой. Но когда онъ поровнялся съ окнами, то увидѣвъ въ нихъ нѣчто такое, что заставило его быстро отскочить въ сторону. Въ комнатѣ Михѣева были привидѣнія. Вещи сами-собою вылетали изъ чемодана на полъ; книги поднимались надъ столомъ, раскрывались и тутъ же опять опускались на прежнее мѣсто. То-есть, конечно, ему только такъ показалось; въ дѣйствительности этого не могло быть.

Усталость четырехъ-часовой ходьбы — сперва въ городѣ, потомъ за городъ, голодъ (Саханникъ съ девяти часовъ утра ничего не ѣлъ), истома долгаго ожиданія, — наконецъ, нервное напряженіе, вѣроятно, вызвали въ немъ эту галлюцинацію. Сперва, отдавшись истиннѣе, онъ бросился черезъ дорогу въ чащу парка.

Здѣсь онъ остановился, судорожно прижимая ладонь къ сердцу, которое усиленно объ немъ билось; въ вискахъ и вдоль позвоночного столба у него стучало, какъ-будто въ аккомпаниментъ его разъ повторяемому слову: «прочь, прочь, прочь!...» Но черезъ минуту или двѣ онъ нѣсколько оправился. Заговорило то самое-любое, которое у нервныхъ людей и есть мужество. Онъ почувствовалъ даже какую-то швейническую ологу броситься туда, напротивъ, разбить раму и вступить въ борьбу съ привидѣніями. А можетъ быть, его влекло и то неодолимое любопытство, которое, какъ говорятъ, ощущается при галлюцинаціяхъ. Можетъ быть, онъ даже надѣялся оказать помощь Михѣеву.

Какъ бы то ни было, Аркадій перешелъ черезъ дорогу и осторожно приблизился къ окну, не подходя къ нему ближе, нежели. Прежняя галлюцинація возобновилась: набабъ еще продолжался, но Михѣева въ комнатѣ не было. Вдругъ Аркадій по-

чувствовали, что кто-то сзади схватил его талию; въ этотъ моментъ раздался свистокъ локомотива. Теперь имъ овладѣлъ уже не случайный, безсчетный страхъ, при видѣ необыкновеннаго происшествія, но вполне реальное опасеніе потерять важный для товарища пакетъ. Онъ былъ силенъ — и усталость смѣнилась энергіею отчаянія.

Быстро повернувшись, онъ старался схватить нападавшаго одной рукой за горло. Тогда тотъ водиною его ногой и они нѣмѣстѣ упали. Но Саханинъ очутился сверху, восточилъ и побѣждалъ, куда глядѣли глаза, которые, впрочемъ, ничего не видѣли въ темнотѣ, послѣ смѣта. Нападавшій погнался за нимъ, а въ это время слышались шаги и изъ дверей Микѣева, и кто-то пустился за нимъ въ погоню вокругъ дома.

Саханинъ увидѣлъ деревню и тотчасъ спрятался въ кусты, боясь, что въ деревнѣ его выдадутъ собаки. Когда одинъ изъ нападавшихъ пробѣжалъ мимо кустовъ, онъ пустился назадъ, — и въ тотъ самый моментъ, когда слышалъ за собою быстрое топанье возвращавшейся погони, онъ самъ сорвался и полетѣлъ въ ровъ. Съ минуту онъ лежалъ неподвижно, чувствуя довольно сильную боль въ колѣнѣ.

Ничего не было слышно. Натолкнувшій, вѣроятно, пробѣжалъ по другой сторонѣ дома, а если и взглянулъ послѣ по эту сторону, то уже не могъ видѣть Саханина, исчезнувшаго въ ровъ. На днѣ рва протекала грязный ручеекъ; руки и лицо Аркадія были въ грязи, которая наполняла даже его щедрѣ. Подняться на ноги онъ боялся, чтобы не быть увидѣннымъ. Онъ пролезъ нѣсколько саженей по дну рва на рукахъ и ногахъ, стараясь не слишкомъ марать одежду, чтобы не быть замѣченнымъ на дальнѣйшемъ пути, если бы удалось ускользнуть отсюда.

Доползши до лѣвого мѣста, въ которомъ на скатѣ рва были кусты, Саханинъ рѣшился встать, осторожно выйдя изъ рва и засѣвъ въ кусты. Отсюда онъ осматрѣлся. Ровъ замыкался посреди изгиба, которымъ окружены были садикъ параллельные ему, чрезъ который онъ спасся отъ чьей-то погони. Вѣроятно, это были дворники, принявшіе его за лѣвого человека. Но странно, что Саханинъ вовсе и не старался убѣдить себя, что привидѣніи могли быть только плодомъ его галлюцинаціи. Онъ вспоминалъ а какъ какъ о совершенно реальныхъ существахъ, но боялся не за себя, а за пакетъ, который ощупывалъ своимъ пальцемъ.

Онъ взглянулъ туда — на дану, гдѣ жилъ его товарищъ, и увидѣлъ желѣзныя огенъка снѣрва довольна высока, погонѣ нимъ, наконецъ, на самомъ днѣ рва, воалѣ дачи. Его искали.

Передъ ними была большая огорода близъ казармъ. Туда было также опасно пуститься, тамъ какъ тамъ наѣхало бы гдѣ-нибудь сторожъ; да и проходить пришлось бы мимо казармъ, на большой траншѣ, гдѣ его легко могли настичь. А слѣдовало рѣшиться тотчасъ-же.

Онъ потихоньку перелѣзъ чрезъ плетень и пошелъ по заднимъ садамъ, оборачиваясь, чтобы взглянуть на овошникъ, и вдругъ неожиданно вышелъ на какой-то переулочекъ, откуда увидалъ пренесшійся по желѣзной дорогѣ поѣздъ. Онъ понялъ направленіе переулка и рѣшительно пошелъ по нему, перешелъ чрезъ большую дорогу въ паркъ, а тамъ взялъ направо, назадъ, въ сторону дачи, съ которой бѣжалъ прежде.

Миновавъ ее, на большомъ отдаленіи, онъ опять перешелъ дорогу и направился наконецъ на небольшую рощицу, которая виднѣлась среди поля. Оттуда онъ достигъ выходившей въ то же поле опушки большого сада, и далѣе сталъ пробираться къ артиллерійской лабораторіи, по дорогѣ обсаженной кустами и мелкими лѣсомъ. Обойдя лабораторію слѣва, онъ очутился въ большомъ сосновомъ лѣсу и пошелъ по направленію къ Полюстрову.

Колѣно болѣло немного, но не беспокоило его. За то, онъ прудрогъ въ своей мокрой одеждѣ, дрожалъ отъ испытанныхъ припадковъ нервнаго возбужденія. На него напалъ позывъ судорожной зѣвоты, а ноги почти отказывались продолжать непосильную, наконецъ, работу. Только голода онъ не чувствовалъ. Дождь оказалъ ту услугу, что лѣгко смылъ грязь съ платья, но не съ колѣнъ, лица и рукъ.

Дождь пересталъ и выглянуло мѣсяцъ. Въ лѣсу царствовала совершенная тишина; только совы покрикивали по временамъ, да высоко на соснахъ молчаливо копошились перья ворона.

На вотъ—уже иной порошокъ. Это—человѣкъ вышелъ изъ тѣни и пошелъ прямо на Аркадія. По шинели и черному кепи онъ узналъ солдата. Впрочемъ, этотъ солдатъ могъ отплатить развѣ шалостью; до пачета съ бумагами ему не могло быть дѣла. Солдатъ, однако, поразившись съ Саханнымъ, на двухъ шагахъ разслышавъ остановился въ недоумѣніи и вернулся туда, откуда вышелъ. Ростъ ли нутника показался ему значительнымъ, такъ какъ самъ онъ былъ изъ мелкихъ, востровыхъ; или онъ призналъ самого Саханна за ночного молодца—только онъ скрылся, оглянувшись еще назадъ.

Когда Аркадій пришелъ къ полюстровской рѣчкѣ, на которой стоялъ деревенный, то, наконецъ, въ первый разъ, постѣ

шестнадцати часовъ, съѣлъ. Онъ смывъ пятна съ кофѣи, вымылъ руки и лицо, выколосалъ ноги съ сапогами.

Отдохнувъ съ четверть часа, онъ прошепелъ парюмъ на Неву и послѣ полутора-часовой новой ходьбы, которую онъ прерывалъ иногда, садясь куда пошло, пришелъ домой и, шатаясь отъ усталости, бросился прямо на постель. Было: одиннадцать часовъ.

Должно быть, служанка замѣтила въ наружности Саханина нѣчто необыкновенное, такъ какъ черезъ пять минутъ въ его комнату она явилась со свѣчкой, въ сопровожденіи хозяйки.

— Что это съ вами, Аркадій Андреевичъ? — вскричала г-жа Билзева, — слегка прикоснувшись къ его плечу.

— Я очень усталъ; я кашну; ничего, — пробормоталъ онъ въ отвѣтъ.

— Да вѣдь вы въ грязи, у васъ платье мокрое... Ваше мое! на васъ кровь...

V.

Аркадій всталъ. При свѣтѣ, онъ убѣдился, что дождь только слегка смылъ съ него грязь, но весь передъ былъ усыпанъ пятнами, а на одномъ кофѣи сушено прервалось и на бѣлѣ виднѣлось красное пятно.

— Это ничего; я такъ, поскользнулся, упалъ... Но отъ сострадательной хозяйки нельзя было отдѣлаться такимъ образомъ. Она сама помогла ему снять мокрое пальто и, увидавъ пакетъ, когда онъ растегнулъ свой пиджакъ, успала служанку ставить самоваръ, несмотря на отговариваніе Аркадія.

Какъ только та вышла, Варвара Антоновна, оглянувшись въ во слѣдъ, вырвала у Аркадія пакетъ и стала говорить шепотомъ:

— Вѣрно въ этомъ все дѣло... Дайте, я разорву его и выброшу вонъ...

Саханинъ остановилъ ее за руку, причемъ слегка распался намянутый ею въ видѣ жалата острый «регенераторъ», и обнаружилось, что она была въ юбкѣ. Но она находилась въ такомъ волненіи, что забыла объ этомъ, машинально запахнулась опять и продолжала тѣмъ же голосомъ:

— Непремѣнно надо уничтожить... Но пусть пока... Вамъ надо прежде всего согрѣться и перевязать ногу... Я увижу, а вы раздѣнитесь и дайте. Потомъ займетесь чаемъ. Постойте, я вамъ достану вина...

И прежде чѣмъ Саханинъ могъ сдѣлать возраженіе, она выбѣжала изъ комнаты, достала у другихъ жильцовъ бутылку вина, и явилась держа подносъ съ бутылкой, стаканомъ и пробочникомъ. Регенмантель былъ уже надѣтъ въ рукава.

— Расскажите, чѣмъ съ вами было... два слова... — добивалась она, стоя возлѣ него и откупоривая бутылку. Аркадій сказалъ, въ «двухъ» словахъ, опустивъ эпизодъ о привидѣніяхъ или, по крайней мѣрѣ, не называя ихъ такъ.

— «Ахъ, вы, бѣдный, бѣдный»... — шептала она и бутылка въ ея рукѣ дрожала надъ стаканомъ: «Послушайте, непременно разорвите этотъ пакетъ... Да, вѣдь, вы весь день не спали... а я умна, укладываю васъ спать... Надѣньте хоть что-нибудь сухое покаянство... У меня есть сыръ и хлѣбъ... я сейчасъ... и она протягивала Аркадію руку съ полнымъ стаканомъ вина. Нѣсколько пуговицъ на ея накидѣ разстегнулись еще въ то время, когда она усиливалась откупорить бутылку; ночная кофта ея вовсе застегнута не была, и Аркадій, принимая стаканъ изъ одной ея руки, въ то время, какъ въ другой она держала бутылку, вспомнилъ какую-то видѣнную имъ картину. Мастерски моделированная, высокая грудь ея нѣсколько секундъ какъ будто то устремлялась прямо въ него, то съ робостью отступала... Было ли это волненіе только отъ спѣнности, отъ страха, вынужденнаго его разговоромъ?

Она выпила вино двумя большими глотками и ободряющій жаръ сталъ разливаться по его жиламъ. Она все стояла передъ нимъ, захвативъ теперь рукой накидку въ большой узелъ на груди. Саханинъ взглянулъ ей въ лицо: легкій румянецъ покрывалъ ея щеки, глаза ея блестяли изъ-подъ ресницъ, длинныя рѣсницы, а тонкія, рѣзкія брови нагнулись на глаза, какъ бываетъ въ минуты гнѣва... «Она просто очень хороша собой, и какъ я этого прежде не замѣтилъ», подумалось Аркадію.

«Вакханка. Да скорѣе всего именно вакханка. Не вакханка влюбл...» — Саханинъ не окончилъ въ умѣ своемъ этого слова. Когда-то мальчикомъ онъ мечталъ о своей возлюбленной, но чувственная любовь существовала для него только въ книгѣ.

— Еще стаканъ и я уйду, вы раздѣвайтесь, — говорила она.

«Suave mari magno — вспомнилось Аркадію изъ инкогнито книжекъ. — Приятно изъ этой теплой, свѣтлой комнаты, гдѣ мнѣ ради, гдѣ о мнѣ заботятся, оглянуться на то домашнее нѣво, по которому меня травили какъ звѣря, о рѣ, гдѣ я захлебнулся

гравью, о темномъ лѣсѣ, гдѣ я былъ одинъ, безпомощнѣ, гдѣ были только совы и гулявшій ночью солдатикъ.

Отъ двухъ стакановъ вина, выпитыхъ натопажъ, у него слегка закружилась голова, и онъ нагнулся и ухватился за небольшую, полную руку хозяйки.

Она поддержала его другою рукой за плечо, думая, что онъ падаетъ.

— Аркадiй Ан...— испуганно сказалъ она:

— Ибѣ, мнѣ хорошо, — отвѣтилъ Саханинъ и прижалъ ея руку между обѣихъ своихъ. — Мнѣ хорошо у васъ; спасибо вамъ; безъ васъ я чувствовалъ бы себя одиознымъ, брошеннымъ среди всего Петербурга.

— За это мнѣ всегда и было жалко васъ. — Она медленно отняла свою руку, но взглянула на него не съ жалостью, а съ такой грустью, какъ будто это былъ моментъ прощанья съ вѣчными дорогами. — Но вы завтра перейдете къ батюшкѣ и не будете одни.

Саханинъ слегка вздохнулъ.

— Боюсь, что вамъ эта исторiя не пройдетъ даромъ, — сказала она. — Вы не чувствуете дрожа?

Когда Аркадiй выпилъ при ней два стакана горячаго чаю и вѣлъ сперва по принужденiю, а потомъ охотно, она нѣсколько успокоилась и вышла изъ комнаты, кивнувъ ему въ дверяхъ головой съ печальной улыбкой.

Саханинъ вслушался тогда же, какъ легъ. Но сонъ его былъ тревожный. То ему чудилась потопя, то снились привидѣнiя. То ему казалось, что Варвара Антоновна и онъ, оба закованы по ногамъ, и что она, подавая ему пилу, умоляетъ его распилить желѣзное кольцо. Онъ хочетъ исполнить это, но кольцо у нея на колѣнѣ; черное, оно перетягиваетъ ея бѣлую, какъ у статуи, но нѣжную и теплую ногу. То она все какъ будто ухватывается за него, больнымъ, и укутываетъ его въ одеяло, а ему кажется, что она его нянька; она послѣдняя изъ нянекъ, которыя у него были, та, которой онъ почему-то стыдился. То вдругъ опять за нимъ погнались призракъ, а онъ упалъ грудью на какую-то бумагу и кричить о помощи товарищей...

Въ сильномъ испугѣ, онъ поднялся на постели и открылъ глаза. Передъ нимъ стояло что-то бѣлое. Онъ хотѣлъ оттолкнуть руками видѣнiе, но обѣ руки его были взяты и на нихъ упали двѣ горячiя капли.

— Аркадiй... что съ вами... Вы кричали...— тихо произнесъ голосъ г-жи Бяковой.

— Ахъ, это вы, Варвара Антоновна; милая Варвара Антоновна... извините... я ничего; мнѣ просто приснился страшный сонъ.

Она успокоила его, но, убѣжденная, что онъ серьезно боленъ, рѣшительно объявила, что посидитъ на стулѣ возлѣ него, пока онъ заснетъ. И онъ, поцѣловавъ ей руку, заснулъ, не выпуская этой руки изъ своей. Сонъ его теперь былъ тихъ, но какъ ему показалось, продолжался недолго. Однако, было уже довольно свѣтло, когда онъ снова проснулся; часа четыре лѣтней ночи. Она еще сидѣла на стулѣ возлѣ него, но голова ея лежала у него на подушкѣ; она заснула. Длинные рѣсницы были опущены, а полуобнаженная грудь медленно и ровно поднимала узкое кружево, окаймлявшее надъ корсажемъ рубашку. Наклала, соскользнувъ съ плеча, лежала однимъ концомъ въ спиннѣ стула, другимъ на полу.

Въ первый разъ Саханинъ почувствовалъ чувство страстной нѣжности. Онъ не думалъ въ эту минуту, но чувствовалъ, что никто не былъ ему такъ преданъ, какъ она. Онъ забывалъ о матери. И вотъ эта женщина, не думая о себѣ, какъ-будто отдавалась ему; она теперь какъ-будто его.

— Варя, — томно прошепталъ онъ надъ нею, но прошепталъ для себя, — такъ, чтобы она не могла услышать. Потомъ, безъ всякаго намѣренія это сдѣлать, точно толкнутый неудержимой силою, онъ вдругъ крѣпко поцѣловалъ ее въ губы и въ грудь. Она всоочила и хотѣла бѣжать, но, оглянувшись на него и увидя его протянутыя за ней руки, увидѣвъ въ глазахъ его то чувство, въ разгадѣ котораго не ошибется ни одна женщина, она стремительно бросилась въ нему.

— Ты зналъ, вѣдь ты зналъ, что люблю, что я въ тебя влюблена какъ безумная.... тихо говорила она, когда часы пробили шесть и они разставались.

— Варя, моя Варя, моя, моя....

VI.

Въ утро, слѣдовавшее за неудачной вечерней поѣздкой Андрея Егоровича Саханина на рѣчку, онъ чувствовалъ менѣе бодрости и эластичности при совершеніи обряда бритья и утренняго чая. Произошелъ рядъ тѣхъ непріятностей, какія обыкновенно случаются, когда встанешь, что называется, съ лѣвой ноги. Празд

бризны, они подрезать ремни, потом зацепить бритвой прищипать на щеки, наконец прочесть во «Всеобщем Удовольствии», за часом, статью еще более неуместную, чѣмъ прежняя. Въ этой статьѣ доказывалось, что хотя собственно повери все отлично, но между тѣмъ никто не станетъ отрицать, что хорошаго въ дѣйствительности мало. Загнѣвъ, неутѣшительный этотъ фактъ прямо относился въ винѣ самого общества, а въ заключеніи подпущена была такая мысль, что прошло то время, когда общество могло оставаться безучастнымъ зрителемъ совершающагося. «Чортъ ихъ знаетъ, чего они хотятъ» — рассуждалъ дѣлопроизводитель. «Если понять буквально, то это значило бы, что приглашаютъ своего читателя поступить сторожемъ въ департаментъ «спѣшныхъ мѣропріятій», то-есть кривать душой, такъ какъ хорошо знаютъ что читатель въ сторонѣ къ намъ не пойдетъ, а если бы пошелъ, то не сталъ бы уже подписываться на «Всеобщее Удовольствіе». Если же подобрать въ этимъ словамъ смыслъ иной, то этотъ смыслъ прямо разрывалъ бы съ традиціями либерализма, который всегда означалъ именно удовольствіе, какъ то выражено и въ самомъ заглавіи либеральнаго органа. И долго ли останется приличнымъ для солиднаго человѣка именовать себя либераломъ, если либерализмъ начнетъ распатывать свои же основные столбы: признательность и удовольствіе?»

Позвоительно думать, что неудача шаловливыхъ надеждъ Андрея Егоровича была на дѣй его политическимъ недоумѣніемъ; а можетъ быть и прищипъ на щеки, нечаянно задѣтый бритвою. Но случается часто, что погода, пасмурная съ утра, къ полудню проясняется. Такъ случилось и теперь. Человѣкъ подаль ему глядцовитый сѣренькій конвертъ, въ которомъ была записка слѣдующаго содержанія:

«Мои бои, я не могла сдержать обѣщанія, по причинѣ форсе мажэнге. Имѣете или не имѣете что сообщить мнѣ, признайте сегодня въ 9^{1/2} на чашку чаю. Н. Д.»

«Такъ-то еще лучше», съ удовольствіемъ подумалъ Саханинъ-старшій, и для порядка, поднявъ, сложилъ и положилъ на столъ листъ газеты, прежде брошенный имъ на полъ.

Отъ уже почти готовъ былъ ѣхать на службу, когда ему доложили фамилію незнаемую, съ прибавленіемъ, что этотъ господинъ проситъ только пяти минутъ, по очень важному дѣлу. Саханинъ принялъ.

Вошедшій былъ человѣкъ, котораго нельзя и назвать иначе, какъ солиднымъ по преимуществу. Отъ него именно такъ и вѣдало респектабельность. Умѣренное дородство, выраженіе лица, ма-

нера говорить и держаться — все это, казалось, было дано ему природой прямо для того, чтобы онъ сдѣлался маклеромъ, швейцаремъ въ богатомъ домѣ, директоромъ частнаго учрежденія или театральнымъ благороднымъ отцомъ. Передавать съ точностью, какъ онъ обратился къ дѣлопроизводителю, какъ предавалъ сдѣланныя тѣмъ возраженія и, наконецъ, исполнѣ расположилъ его въ свою пользу, значило бы дѣлать общій достояніемъ то, что доступно весьма немногимъ, и тѣмъ самымъ вредитъ развитію дѣла частнаго кредита, которое у насъ еще только начинается. Но вопреки цѣль предложеній этого дѣлевого человѣка сообщить можно, такъ какъ стремиться къ извѣстной цѣли дано каждому; но вопросъ не въ имѣніи цѣли, а именно въ тѣхъ приемахъ, которыми она достигается.

Собесѣдникъ Андрея Егоровича былъ уважаемый членъ одного нисколько не «дутаго» частнаго предпріятія. Если бы чины у насъ имѣли еще вѣсть, то можно бы сообщить и чины, нисколько не уронивъ тѣмъ этого господина въ глазахъ читателя. Но либеральнѣе, да и интуитивнѣе назвать его только такъ, какъ мы его называли — уважаемымъ членомъ нисколько не дутаго предпріятія. Это предпріятіе, чтобы оставить свою солидность уже внѣ всякаго сомнѣнія, встрѣчало необходимость переступить на свою сторону главную пружину всѣхъ тогдашнихъ дѣлъ, геніальнаго старика Стрижевскаго, который почему-то именно враждовалъ противъ такого солиднаго дѣла. Стрижевскій былъ хороши съ директоромъ департамента, цѣль служилъ Саханинъ-старшій; а самъ Саханинъ былъ вхожъ на вечера къ директору, хотя обѣдать у него еще никогда не обѣдывалъ. Стрижевскій же частенько обѣдалъ у директора, но на вечерахъ его никогда не бывалъ. Вопросъ заключался просто въ томъ, возьмется-ли Андрей Егоровичъ испросить у директора, для солиднаго господина, позволеніе явиться къ нему на квартиру (гдѣ директоръ никого, кромѣ частныхъ знакомыхъ, не принималъ), чтобы предложить ему участіе въ одномъ благотворительномъ учрежденіи. Все остальное солидный незнакомецъ бралъ на себя. Подблизивъ на чувство состраданія къ близкимъ въ этомъ сановникѣ, интуитивъ ему личное въ себѣ расколосеніе и впоследствии познакомиться чрезъ него съ Стрижевскимъ, — все это солидный господинъ предоставлялъ себѣ и казался увѣренъ въ своемъ будущемъ успѣхѣ.

Дѣло было, конечно, щекотливое; для подчиненнаго — просить начальника принять кого-либо на квартиру, когда это противорѣчиво обычаямъ начальника — не совсѣмъ удобно. Но вѣдь если стѣбать и даже очень стѣбать попытаться, почему же не поини-

таться... Не съестъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ. Притомъ предлогъ такой—благотворительный, даже можно сказать національный, и нисколько не относящійся къ кругу служебныхъ правъ и обязанностей уважаемаго начальника. Да, наконецъ, въ головѣ дѣлопроизводителя мелькнула мысль о возможности еще иныхъ путей...

Онъ общалъ. И собесѣдникъ его вышелъ довольный, и самъ онъ поѣхалъ на службу въ отличномъ настроеніи. Точно произошла закладка какого-то, величественнаго по проекту архитектора, зданія.

Веселое расположеніе Андрея Егоровича еще усилилось, когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ: онъ напелъ въ отдѣленіи у «того господина», своего товарища, что докладъ, которымъ интересовалась Эрмансъ, «сошелъ» сегодня же, съ резолюціей совершенно благопріятнаго свойства. Съ этой вѣстью онъ полетѣлъ вечеромъ по приглашенію, и уже на дорогѣ такъ-сказать предвкушалъ всю заманчивость и пикантность «чашки чаю». Но оказалось, что онъ былъ приглашенъ не одинъ. Онъ засталъ у Эрмансъ полковника Черемисова, а послѣ пріѣхали еще два болѣе юныхъ товарища молодого Стрижевскаго по полку и одинъ пожилой, широколицый, густобакенбардистый джентльменъ, скорѣе изъ компаніи стараго дяди, чѣмъ изъ общества племянника. Three are no company—гласитъ поговорка. Но еще менѣе удовольствія, когда вмѣсто того, чтобы быть вдвоемъ, окажешься въ числѣ трехъ, помноженныхъ на два.

Сверхъ того, старшій Саханинъ былъ не совсѣмъ пріятно озадаченъ той роскошной обстановкой, какую увидѣлъ. Онъ ожидалъ найти что-нибудь шикарное, такъ сказать на перомыжку; а напелъ онъ маленькое и уютное, правда, помѣщеніе, но въ немъ не только настоящую роскошь, ту, которая не знаетъ ничего поддѣльнаго, а еще художественную капризность убранства. «Недосягаемо»,—подумалось ему.

Изъ готической библіотеки, отдѣланной не «подъ дубъ», а именно дубомъ, съ превосходно выточеннымъ и украшеннымъ рѣзьбой потолкомъ, комнаты, гдѣ только-что кончили пить кофе, онъ перешелъ въ гостиную, обитую голубымъ шелкомъ, вышитымъ золотыми чѣлами. Здѣсь онъ засталъ м-ше Дюмонъ, которая сидѣла противъ серебрянаго самовара и держала въ лѣвой рукѣ маленькую совершенно прозрачную фарфоровую чашку, подъ дномъ которой онъ замѣтилъ два мѣта. Да и нельзя было не замѣтить, такъ какъ она жестикулировала этой пустой еще чашкой, доканчивая какой-то прерванный появленіемъ Саханина разговоръ.

— Это должно же имѣть конецъ! Вы такъ и скажите, — заключила она, обращаясь снова къ Черемисову, послѣ того какъ правую руку подала Андрею Егоровичу, сказавъ ему: «а! вотъ вы». — «N-i-ni c'est fini», — вульгарно добавила она въ заключеніе, и при этомъ пронавала чашкой на воздухъ какой-то затѣливый вензель.

— Belle dame — вступился Андрей Егоровичъ, — знаете ли главный подвигъ маршала Саксонскаго?

— Нѣтъ, а зачѣмъ?

— Онъ однажды фарфоровой чашкой разбилъ самоваръ.

— De Saxeа! не дурно, — всмѣялась она. И вы имѣете умъ на меня не сердиться?

— Болѣе того. Довольно ума, чтобы не спрашивать васъ, какова была force majeure.

— Нѣтъ, — вставилъ Черемисовъ, — m-me Dumas мнѣ подалась и въ своемъ общаніи, и въ невозможности его исполнить. C'était sérieux.

— То-есть что вы этимъ хотите сказать? — И Эрмансъ махнула своей салфеткой по рукамъ полковника.

Приходъ двухъ новыхъ, названныхъ уже гостей прервалъ разговоръ. Но вызвалъ другой, равносильный ему по глубокости мыслию. Маленькій звонкій смѣхъ хозяйки сталъ раздаваться по комнатамъ и поддразнивалъ мужчинъ къ разсказыванію по большей части выдуманныхъ глупостей о людяхъ извѣстныхъ.

— Хотите вы замолчать немного? — сказала она всѣмъ и обратясь къ Саханину съ серьезной миной: — et se доклад?

— N-i-ni c'est...

— Fini — закончила она: — то-есть утверждень. И написано сегодня? Потому что онъ, вы знаете, le pauvre homme... нѣтъ я вамъ послѣ когда-нибудь разскажу.

— У васъ все послѣ. Все сдѣлано.

— Ну, вы — brave homme. Я васъ люблю за это.

— Послушайте, вѣдь это не совсѣмъ похвала. Я читалъ въ одномъ англійскомъ романѣ такой отрывъ о человѣкѣ: онъ слишкомъ добръ, чтобы получить что-либо — «he is too kind to be anything else...» Эрмансъ припомнила это, такъ какъ — примѣръ почти неслыханный — нѣсколько смекала по-англійски; а романъ этотъ былъ изъ разряда сенсационныхъ, которые ей были доступны. Тамъ былъ благородный лордъ, упражняющійся на трапеціи, и молодая вдова, sporting lady, которая бредила жеребцами: — «О, эти англичане!» вскричала она.

— Таллейранъ вотъ что сказалъ объ англичанахъ, — всту-

вишь Саввининъ. — «У нихъ, — говорить, — тридцать-шесть вѣръ, а блюдъ одно — ростбѣфъ».

— А у васъ, въ Россіи, — возразила легкомысленная Эрмансъ, — тридцать шесть блюдъ и ни во что нѣтъ вѣры.

— А въ такомъ случаѣ мы... n'est-ce pas? — спросилъ ши-роколицыи господинъ, окинувъ взглядомъ всѣхъ.....

При этомъ замѣчаніи хозяйка повзвонила, и тотчасъ былъ по-данъ карточный столикъ, по четыремъ угламъ втораго были поды овальными стеклами головы, снятыя съ карточекъ самыхъ извѣстныхъ пѣвицъ, артистовъ, наѣздницъ и приставленныхъ въ фотографическимъ же снимкамъ туловищъ работы знаменитѣй-шихъ скульпторовъ. Этотъ столикъ подарилъ ей старикъ Стри-жевскій. Но Эрмансъ называла эту мебель — une hotteur.

Когда гости ушли за карты, Эрмансъ увела Андрея Его-ровича въ прелестный «фонарикъ», который выходилъ на Нев-скій. Онъ былъ полуотдѣленъ отъ библіотеки строемъ высокихъ растеній въ кадкахъ, а на потолокъ въ немъ горѣлъ газовый рожекъ въ темно-красномъ стеклянномъ полпаке, такъ что мѣсто было уединенное и, вмѣстѣ, свѣтлое. Тяжелыя гардины зеленого бархата съ кистями, подбитыя бѣлой шелковой матеріею, закрывали теперь окна этого убѣжища.

— Послушайте, m-g Socrane, — сказала она серьезно и добродушно. — Я васъ еще благодарю... Но вещи должны быть straight между нами. Вы, я вижу, — мечтаете. Этого не будетъ, потому что невозможно; такъ, само по себѣ невозможно. Кромѣ того, я знаю, что вы человѣкъ семейный и бѣдный (10 тысячъ, включая родовой доходъ, квартирные и награду — пронеслось въ умъ Андрея Егоровича). Но вы... Si vous n'avez pas le sac, vous avez votre sorbonne... — и она погладила его лобъ (зачѣмъ не бритое какое-нибудь мѣсто? Что лобъ — гладкій, неудивительно). — Вы можете сдѣлаться богатымъ, и я — я чувствую къ вамъ сла-бость — приглашаю васъ въ посредники. Это очень мило, вы знаете. Посредникомъ въ дѣлахъ очень большихъ... Но...

Андрей Егоровичъ былъ въ самомъ дѣлѣ если не бѣденъ, то «бѣдный» въ этотъ моментъ. Прощайте иллюзіи. Но онъ уже набилъ себѣ руку хоронить иллюзіи. Сперва похоронилъ иллюзіи университета, потомъ иллюзіи идеальной любви и семейнаго счастья, далѣе — иллюзіи быстрой карьеры, наконецъ — иллюзіи ли-берализма. Стоило попридержаться себя еще разъ и вмигъ погрѣть иллюзію побѣды надъ чѣмъ-то дразнящимъ нервы, пикантнымъ и изысканнымъ до невѣроятности.

И онъ погрѣлъ — что значить привычка! Моментально, онъ

отрекся. Изъ головы его вышла готовая «другая комбинація», во всеоружіи, какъ Минерва, богиня мудрости, вышла изъ головы прелюбодѣйнаго царя Олимпа.

Почему бы вмѣсто неловкаго домогательства у директора, не пустить утѣшнаго солиднаго собесѣдника по этому легкому пути сближенія съ старымъ свиньей Стрижевскимъ?—догадался онъ.

И разговоръ его съ Эрмансъ принялъ совершенно дѣловой оборотъ, причемъ были даже опредѣленно названы кушны. А когда все было условлено какъ слѣдуетъ, она присѣла къ нему на колѣни и, потрепавъ его по обѣимъ щекамъ, вышла въ гостиную.

VII.

Послѣ того, что произошло за его прогулкой въ Лѣсной, Аркадій и не думалъ болѣе переѣзжать къ отцу. Но онъ былъ убѣжденъ, что отецъ за такое непослушаніе лишитъ его того жалованья, какое выдавалъ ему до сихъ поръ. Скоро ли возвратится мать, онъ не зналъ навѣрное. Да и мать могла бы только урывками давать ему деньги, и все-таки настаивала бы, чтобы онъ жилъ въ семействѣ. Какъ же было жить на ея деньги, отказываясь исполнить ея желаніе? Правда, мать могла побудить отца измѣнить его рѣшеніе. Аркадій очень хорошо зналъ это. Но вѣдь «въ такое время», она еще болѣе, чѣмъ отецъ, могла опасаться его жительства внѣ дома, а стало-быть пришлось бы дѣйствовать развѣ на ея жалость. «Мнѣ, мать, ѣсть нечего». Притомъ Аркадій любилъ мать, и его возмущала мысль пользоваться ея деньгами для того, чтобы жить съ Варей.

Онъ рѣшился продать всѣ наименѣе нужныя свои вещи: карманные часы и разныя бездѣлушки, подаренныя ему кѣмъ-либо, кромѣ матери, или купленныя имъ самимъ въ прежнее время изобилія. Ему хотѣлось бы даже, чтобы Варвара Антоновна перестала жить отдачей комнатъ въ наймы; собственное положеніе его при этомъ было неловко, да онъ слишкомъ и полюбилъ ее, чтобы не стараться поставить ее выше. Можетъ быть, она стала бы еще учиться, наввно мечталъ онъ. Да, онъ привязался всей душой къ этой женщинѣ, которая была годами восемью, а можетъ быть и десятью, старше его, но которая первая полюбила его и полюбила его, какъ онъ это сознавалъ, безгранично, навсегда, хотѣла быть его вещью, хотя по своему природному уму, и по любознательности всего своего нравственнаго существа, могла

быть его равноправной подругой. А по горячей, страстной привязанности, какую къ ней чувствовалъ Арнадій, она и должна была быть такою. Онъ не думалъ, что женится на ней, да и сама г-жа Бѣльева со смѣхомъ отвергла эту мысль, когда онъ однажды ее высказалъ; хотя за смѣхомъ онъ почувствовалъ на своей челѣ нѣчто влажное, когда она обняла его за то, что онъ свазалъ такую «хорошую» плусть. Но онъ никакъ не думалъ о того, чтобы это была временная связь.

Практическій выводъ всего былъ тотъ, что болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо было найти уроки и, по возможности, много уроковъ. Онъ обратился опять къ Горлицину. Тотъ общался и сталъ чаще видѣться съ Арнадіемъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній Горлицинъ сдѣлалъ въ комнату у Арнадія и велъ съ нимъ серьезный разговоръ.

— У васъ идеалы чисто-буржуазные, — замѣтилъ Горлицинъ. — Васъ маленька слишкомъ долго цепенала, и вотъ все ваше идеалъ въ томъ, чтобы расправить руки и ноги на свободѣ... Свобода, личная сила, независимость — знаете ли, такъ это все переведется на практическій языкъ, когда вамъ будетъ тридцать пять лѣтъ? Личная сила будетъ значить — накопленіе денегъ на счетъ ближняго, независимость — совершенное равнодушіе къ судьбѣ всего человѣчества, а свобода — бѣгъ за разными тряпками тайкомъ отъ жены.

— То-есть, — возразилъ Арнадія, — вы хотите сказать, что я лично сдѣлаюсь дрянью. Но допустите на минуту, что я остался бы вѣренъ своимъ идеаламъ, какъ вы думаете останусь я вѣрнымъ банкиромъ. Если я вижу высшія личныя блага въ свободѣ и силѣ, то развѣ не логично предположить, что я стану служить общей свободѣ, умноженію умственной и матеріальной силъ своей страны? А въ этомъ, по-моему, и долженъ заключаться идеалъ вполнѣ развитаго человѣка.

— Отвлеченности, милый мой, отвлеченности. Идеаломъ должна служить реальная общая польза, а не свобода померать съ голоду, и не сила, принуждающая людей мириться съ проклятымъ существованіемъ.

— Да вѣдь, наконецъ, ваши же идеалы не могутъ осуществиться безъ предварительнаго осуществленія моихъ. Если васъ запереть въ клітку, то вы не будете въ состояніи служить никакой-либо пользѣ. Если предположить общество, связанное по рукамъ и ногамъ, то оно ничего не можетъ предпринять само для улучшенія хотя бы своего матеріальнаго бита.

— Такъ, такъ, — промолвилъ свазалъ Горлицинъ: — благо-

тельная самостоятельность, орудующая въ согласіи съ благотворительной гласностью. Посмотрите кругомъ, что изъ этого выходитъ.

— Ничего не можетъ выходить изъ того, чего еще нѣтъ, — защищался Аркадій.

— А въ иныхъ мѣстахъ, что же вы видите? Филистаровъ, подставляющихъ ногу другимъ филистарамъ. Все человѣчество раздѣлено на безчисленные категоріи паразитовъ, которые водятся на чужомъ тѣлѣ, и, наконецъ, истощивши его, вождятъ другъ друга.

— Но, вѣдь, ужъ для того, чтобы говорить всѣмъ то, что вы говорите теперь мнѣ, — возразилъ Соханинъ, — вы должны обставить себя такими условіями, которыя я и ставлю ближайшимъ идеаломъ. Въ иныхъ мѣстахъ эти условія существуютъ.

— И какая же отъ нихъ, въ концѣ-концовъ, польза? — съ жаромъ вскричалъ Горлицынъ. — Нѣсколько столбовъ съ часами и кафтанами наверху, какъ мы видѣли на Марсовомъ-полѣ. Десяти людей дѣлать и падаютъ, а долѣзаетъ и беретъ призъ одинъ. Остальные валяются внизу, но не только безъ часовъ и кафтана, а безъ картофеля, безъ сосисъ для дѣтей своихъ.

— Любезный Горлицынъ, — сказалъ Аркадій, смягчая свой тонъ, по мѣрѣ того, какъ языкъ собесѣдника дѣлался болѣе горькимъ: — между нами — недоразумѣніе. Вы говорите о пользѣ экспериментовъ по улучшенію быта европейскаго человѣчества...

— Экспериментовъ! Да, хотя бы и экспериментовъ; риска нѣтъ, потому что хуже быть не можетъ, проигрывать нечего, — отвѣчалъ Горлицынъ съ запальчивостью.

— Ну, хорошо. А я говорю о самой возможности предпринимать какіе-либо опыты улучшенія. Вѣдь, этой возможности нѣтъ. Согласитесь, что прежде надо владѣть своими руками и ногами, а послѣ думать о производствѣ опытовъ.

Горлицынъ на минуту замолчалъ; потомъ сказалъ съ нѣкоторой одерзанностью:

— Руки и ноги принадлежать каждому человеку, если только онъ владѣетъ своей головой. Вотъ бѣда, если въ головѣ засѣли разные страхи и предрассудки, а тѣмъ хуже — слепой эгоизмъ.

— Вопросъ въ томъ, сколько рукъ. Если немногихъ — вы ничего никогда не сдѣлаете. А много и бить не можете; вы никогда не заставите массу людей жертвовать собой для улучшенія чьего-либо быта. Тутъ есть коренное противорѣчіе. Сотни эвалтированныхъ людей — пожалуй; но сотни тысячъ никогда не пойдутъ на закланіе для того только, чтобы у оставшихся миллионы было побольше картофеля. Великія подвижничества совер-

шлются большимъ числомъ людей только въ силу нравственныхъ побужденій. Я читалъ, напримѣръ, исторію русскаго раскола.... Да, вотъ, ближе — неужели вы думаете, что русскій солдатъ бодро шелъ на вѣрную смерть, въ траншею, для того только, чтобы улучшить бытъ болгаръ, которые жили богаче, чѣмъ староста въ его деревнѣ? Неужели, зная, что его жена и ребенокъ пойдутъ по міру, онъ утѣшалъ себя мыслью, что за те болгары не будутъ платить десятину, то-есть ту же подушную подать? Нѣтъ. Онъ шелъ бодро потому, что стыдно солдату бѣжать; потому что въ немъ говорили долгъ и честь — понятія чисто-нравственныя.

— А почему же долгъ и честь могутъ быть такими сильными стимулами только въ виду непріятеля? — спросилъ Горлицынъ.

— Потому что они могутъ говорить сильно и вѣсть на смерть только тогда, если они говорятъ совершенно ясно и непреложно и требуютъ мгновеннаго рѣшенія: да или нѣтъ.

— А почему же вы думаете, что не менѣе ясно и непреложно...

— Потому что знаю, что вовсе не ясно и не непреложно.... и даже весьма несознательно. Вотъ—не сердитесь, Горлицынъ—вѣдь, сколько вы со мной ни бесѣдовали, вы никогда не могли мнѣ объяснить обстоятельно, какимъ же образомъ будетъ добываться болѣе большое количество картофеля....

Горлицынъ махнулъ рукой.

— Съ вами и говорить бы не стоило, — сказалъ онъ: — вы — маленькій снорокъ. Вамъ это кажется смѣшно — недостатокъ картофеля. Вотъ недостатокъ эстетическаго чувства—о, это другое дѣло; это—неискупаемый грѣхъ.

— И потому, что я не вѣрю въ подвижничество сотни тысячъ людей изъ-за вопроса объ улучшеніи пищи миллионѣвъ, — развивалъ далѣе свою мысль Саханинъ, — я и утверждаю, что хотя для достиженія вашей же цѣли необходимы такія условія дѣятельности, чтобы опыты эти могли быть требуемы и производимы безъ всякаго подвижничества—мирнымъ путемъ законодательныхъ мѣръ и ученыхъ изслѣдованій. Значить, если я ставлю на первый планъ выработку такихъ именно условій, то вашъ идеалъ не можетъ быть даже гласно формулированъ прежде, чѣмъ осуществится предварительно мой.

— Вы—буржуа до мозга костей, — сердито сказалъ Горлицынъ и даже сплюнулъ на сторону. — А намъ нѣтъ дѣла до интересовъ буржуазіи и ея счетовъ съ кѣмъ бы то ни было. Пусть она ведетъ ихъ какъ хочетъ, пусть получаетъ что хочетъ, пусть

ничего не получает — намъ все равно. У меня дѣла служить въ коннозаводствѣ. Пусть онъ назначается на свою должность прямо или оборотомъ голосовъ у лошадей, это будетъ рѣшительно то же самое. Онъ, если бы и узналъ полководца, вѣроятно былъ бы совершенно равнодушенъ къ назначенію дядюшки, такъ какъ для нихъ вопросъ въ овсѣ, а не въ дядюшкиной карьерѣ.

— Откуда же такое презрѣніе къ уму тѣхъ, чей бытъ вы хотите улучшить? Я думаю, что даже лошади различаютъ добраго конюха отъ злого. Но что крестьяне различаютъ одного мирового посредника отъ другого, это мнѣ кажется весьма вѣроятно. Интересы и счеты буржуазіи, которые вы такъ предпріимаете — вѣдь, это и есть первые изъ тѣхъ интересовъ человечности и права открыто заботиться объ общемъ благѣ, согласно своему научному убѣжденію, которыхъ вы требуете.

— Наука! вотъ еще метонъ.... Официальная наука это — мѣста и пенсіи для снабдившихъ себя дипломами. Когда человеку хочется жрать, то это есть право, первое право человека, и оно должно быть безусловно удовлетворено, а тамъ стройте себѣ разные потѣшныя голубятни, съ каморой для бѣлыхъ наверху, съ каморой для серыхъ и синихъ внизу....

Но рѣчь Горлицына, который уже начиналъ путаться, была прервана приходомъ совершенно неожиданнаго гостя.

— Михѣевъ! — воскликнули оба собесѣдника. — Давно ли? — спросилъ Саханинъ.

— Только вчера. И Зальцмана я видѣлъ два дня тому назадъ. Но онъ — уѣхалъ, а я могу гадать.... Кстати, чтобы не позабыть послѣ, — обратися онъ къ Аркадію. — Зальцманъ говорилъ мнѣ, что онъ положилъ въ свой ящикъ съ бѣлѣмъ одинъ мой пакетъ. Не нашли вы его?

Аркадій удивился, что Михѣевъ говорилъ объ этомъ при Горлицынѣ, котораго онъ зналъ мало. Вѣроятно, Михѣевъ знаетъ его хорошо.

— Я нашелъ этотъ пакетъ еще раньше, чѣмъ вы писали мнѣ о немъ. Перебѣгая отъ Анисимова, я забылъ свои простыни. Прихожу за ними — оказывается, что дражка положила въ мое комодъ бѣлье Зальцмана, а къ Зальцману — мои простыни. Теперь я понимаю.... — продолжалъ онъ даѣе, болѣе уже для самого себя: — Зальцманъ вечеромъ, найдя свой пакетъ, вѣроятно взялъ этотъ пакетъ и сунулъ въ мое бѣлье, считая его своимъ. Нашли у себя въ комодѣ чужія вещи, а спросили у Анисимова, чей же мое бѣлье? Онъ сказалъ, что дражка дѣлать принесла все, и я догадался. По его указанію, я и нашелъ эти

въ ящикъ Замидмана и, передавъ Андимиону мѣтку, унесъ ихъ, а съ ними и пакетъ, котораго не видѣлъ.

— Что за путаница, — замѣтилъ Михѣрь, и прибавилъ: — вы, однакожъ, дайте мнѣ его сейчасъ, а то забудете. Онъ мнѣ очень нуженъ; въ немъ — мои записки химіи. Я хочу прійтись за нее теперь.

Саханинъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего же эти записки такъ заботливо заперты, да еще какой-то таинственной печатью — и узналъ, что записки сильно растрепались, такъ что не всѣ листы цѣлы; а заперты они — валинскими у Михѣрева путевскою пудовидой — съ топерикомъ и вироюй. Тогда Аркадій въбѣжалъ къ г-жѣ Бѣловой такъ поспѣшно, что она испутилась чего-нибудь опять необыкновеннаго. Особенно когда онъ спросилъ пакетъ, который одѣлъ ей на храненіе.

— Кто же это у тебя? — прошептала она.

— Самъ Михѣрь. А знаете, Вара, что въ этомъ пакетѣ? Записки химіи!

— А мнѣ-то нагерьѣлись страхи. Но, — прибавила она задумчиво, глядя въ окно: — если когда-нибудь, не дай Богъ, тебѣ пришлось бы неожиданно уѣхать, — непременно выйди меня. Я хоть пѣшкомъ пойду на край свѣта; а то ты одинъ, на чужой сторонѣ... Ты прональ бы. Вѣдь, ты такой ребенокъ.

— Вотъ же тебѣ за это! И рѣзвый, но высокій и широкими плечей ребенокъ схватилъ стройную женщину на руки и перенесъ ее, какъ она стояла, съ шнуромъ въ пальцахъ — на другую сторону комнаты.

VIII.

Никогда еще, казалось Андрею Егоровичу, онъ не чувствовалъ себя такимъ властичнымъ и, сказать прямо, такимъ молодымъ, пожалуй, даже шаловливымъ, но вѣстѣ серьезно-умнымъ человекомъ, какъ въ одно утро, дней черезъ десятокъ послѣ заключеннаго имъ съ Эрмансъ договора. «Солидное частное предприятие» обошлось безъ всякаго посредничества директора «спѣшныхъ мѣропріятій». Представитель этой солидной компаніи былъ сведенъ съ старикомъ Стрижевскимъ, и своими вѣскими резонами убѣдилъ его смѣнить вражду на милость, которой первые результаты уже дали себя почувствовать. А кто былъ посредникомъ? Во всякомъ случаѣ, вторымъ посредникомъ былъ самъ Андрей Егоровичъ, и въ ящикѣ его письменнаго стола можно было найти

неоспоримое, приятное тому доказательство. Сверхъ того, имѣлось въ виду участіе въ самомъ управленіи предпріятія, сопряженное съ значительнымъ увеличеніемъ средствъ. Имѣлись въ виду еще и другія подобныя дѣла; а между тѣмъ директоръ департамента вчера пригласилъ его, въ первый разъ, къ себѣ обѣдать, спросивъ сперва очень любезно:

— Вы знакомы съ камергеромъ Стрижевскимъ?

— Нѣтъ, лично не знакомъ,—отвѣчалъ Саханинъ.

— А онъ интересуется вами и говорилъ мнѣ объ васъ; прибѣгайте ко мнѣ просто обѣдать завтра,—и онъ будетъ.

«Да, такъ можно жить», съ удовольствіемъ помышлялъ старшій Саханинъ. Онъ позвонилъ и велѣлъ человѣку подать бриться; но сперва тотъ передалъ ему два письма. На одномъ онъ узналъ почеркъ жены. Она увѣдомляла его, что черезъ день выѣзжаетъ домой.

«Гм», подумалъ Саханинъ, «а, впрочемъ, чтожъ? Больше средствъ, больше и простора... такъ жить можно».

Второе письмо было отъ Черемисова. Оно увѣдомляло, что въ связи съ производившимся въ то время у мирового судьи дѣломъ, Ареаша подвергнуть предварительному заключенію. «Надѣюсь, что это—простое недоразумѣніе, которое скоро выяснится», прибавлялъ авторъ письма, «и прилагаю его записку къ вамъ». Съ негодованіемъ, поблѣднѣвъ отъ злости, развернулъ Андрей Егоровичъ эту, незапечатанную записку и прочелъ въ ней нѣсколько безсвязныхъ словъ: «Не тревожьтесь; я до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ; но такъ жить нельзя...»

— Эхъ, молодость, молодость! сказалъ почти вслухъ Андрей Егоровичъ, — «такъ жить нельзя», — выдумалъ что!

Онъ желчно улыбнулся; вспомнилась-ли ему собственная его юность, или онъ подумалъ объ ожидающемъ его обѣдѣ?

Л. ЛУКЪЯНОВЪ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

Окончаніе.

VIII *).

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЕ И СЛАВЯНСКІЕ ПРОТЕСТЫ ПРОТИВЪ ПАНСЛАВИЗМА.

За послѣдніе годы газеты были переполнены извѣстіями о томъ, какъ «панславизмъ» беспокоитъ или раздражаетъ европейскихъ политиковъ и публицистовъ, почти поголовно. Противъ него — воѣ: и Бисмаркъ, и Биконсфильдъ, и мадьярскій парламентъ, и французскіе республиканцы; почти безъ исключенія — газетная литература, наконецъ, волонтеры въ родѣ Розена и т. п. Какъ нѣкогда въ тридцатыхъ годахъ изъ этого слова дѣлали пугало для устрашенія Европы противъ Россіи, такъ и теперь не мало было говорено о предполагаемыхъ захватахъ и завоевательныхъ планахъ Россіи во главѣ панславизма. Въ сущности, этихъ завоеваній боялись теперь гораздо меньше; чувствовали, что Европа будетъ достаточно согласна, если бы действительно Россія возымѣла какіи-либо опасныя намеренія. На берлинскомъ конгрессѣ Россія осталась въ одиночествѣ противъ явнаго или закулиснаго единодушія всѣхъ остальныхъ членовъ конгресса. Во всякомъ случаѣ, хоть и не боялись теперь, какъ бывало, «Чингисхана, вооруженнаго всѣми изобрѣтеніями европейской цивилизаціи»,

*) См. янне: сент. 812; окт. 726; ноябрь, стр. 818.

но и нѣважъ не желали допускать политическаго усиленія Россіи, ставили ему всякія препятствія,—и не безъ основанія находятъ, что вліяніе Россіи можетъ очень возрасти съ освобожденіемъ балканскаго славянства, перенесли свое дѣятельное или пассивное противодѣйствіе Россіи и на славянской вопросъ. «Панславизмъ» опять пригодился—хотя балканскій вопросъ еще далеко не есть панславизмъ, и хотя къ настоящему «панславизму» Россія и не заявляла нынѣ ни малѣйшей охоты, въ чемъ не трудно было убѣдиться хотя бы по положенію вопроса въ русскомъ обществѣ и литературѣ и по положенію главнѣйшихъ представителей славянской идеи въ Россіи.

Въ нашей печати вражда западной дипломатіи къ славянскому движенію (по отраженію отъ Россіи) дава поводъ къ извѣстнымъ нападеніямъ на цѣлую Европу, на всю ея цивилизацію — старыя нападенія, которыя, повидимому, получали теперь подтвержденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что бросать славянство на жертву туркамъ, лицемѣрно ссылаясь на турецкія реформы, было дѣломъ достаточно постыднымъ; но и въ упомянутыхъ нападеніяхъ была односторонность, а кромѣ того, и доля лицемѣрія. Во-первыхъ, «дипломатія» вездѣ и всегда не бывала иною, и напрасно было бы ждать отъ насъ однихъ филантропіи и защиты свободъ народовъ. Представляя чисто внѣшніе политическіе расчеты государствъ, дипломатія вообще не думаетъ входить въ нравственныя и матеріальныя интересы чужого народа, не имѣетъ обыкновенія помогать борьбѣ чужого народа за свою свободу, а если выгодно, то и продаетъ его; обстоятельства подобнаго рода рассматриваются только съ точки зрѣнія своей выгоды. Въ «ягоху конгрессовъ», европейская дипломатія, и наша въ томъ числѣ, усердно трудилась надъ подавленіемъ всякаго признака народной свободы, и русская политика обнаруживала тогда особенную ревность, предлагая русскія арміи для укрошенія революцій, между прочимъ, же ближе какъ въ Италіи. Принципомъ была «законная власть», и таковою считалась даже власть варвара, — именно той самой Турціи. Во второй четверти столѣтія Россія такъ же, какъ теперь другія государства, дѣлала заявленія о цѣлостности и независимости Турецкой имперіи, хотя возмужаніе славянства было кронически неизлечимое, какъ прежде и послѣ. Если требовали отъ дипломатіи сочувствій къ свободѣ народовъ, то надо думать не объ однихъ болгарахъ, но также о славянахъ Босніи и Герцеговины: о нихъ въ послѣднее время было столько безотрадныхъ извѣстій, что, кажется, они также нуждаются въ заступничествѣ: кто имъ дастъ его? Во-вторыхъ, взгляды и дѣйствія европейской

дипломатии и вторичная: ей гаетная литература вовсе не интересовала европейскаго общественнаго мнѣнія. Если представить себѣ, что этотъ славянскій міръ совсемъ чуждъ для западной Европы, для англичанъ, французскъ, германцевъ, и по языку, и по своей первобытности, и по народному характеру (по которому онъ долженъ бы быть столько близокъ для насъ); что національный вопросъ южнаго славянства для нихъ такъ же далекъ, какъ для насъ испанскіе вопросы, и что, напротивъ, нѣкоторые соображенія скорѣе побуждали ихъ относиться къ вопросу если не враждебно, то равнодушно; — если представить себѣ все это, то будетъ недобросовѣстностью забывать, что лучшіе умы европейской публицистической литературы, которые обращались къ изученію славянскаго вопроса и лично видѣли его въ дѣйствительности, обнаружили столько пониманія и столько искреннихъ сочувствій къ славянскому дѣлу, сколько очень можно было бы пожелать и для самого русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, имена Гладстона, Макъ-Гахана, Свайлера, Форбеса, Макъ-Колли, Ивенса, какъ еще ранѣе г-жъ Мэкиенни и Ирби, Дентона, Варрелла, а въ послѣднее время еще «Дочери Капитана», издавшей замѣчательную книгу о Турціи и болгарскомъ славянствѣ, Гельвальда и др., станутъ въ ряду безкорыстѣйшихъ друзей южнаго славянства, вѣчасти даже лучшихъ знатоковъ его современнаго быта. Нѣкоторые, какъ Макъ-Гаханъ и Свайлеръ, займутъ мѣсто въ самой исторіи болгарскаго освобожденія. Ихъ интересъ къ вопросу не былъ имъ данъ ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ, ни старыми историческими связями и преданіями; въ своей защитѣ болгарскаго дѣла, англійскимъ писателямъ надо было идти противъ нетерпимости собственнаго общества, что вездѣ не легко.

Въ настоящее время въ Европѣ въ «панславизмъ» не очень вѣрятъ, кажется, даже тѣ, кто говоритъ объ его «опасностяхъ», т.-е. не вѣрятъ, чтобы Россія въ самомъ дѣлѣ предприняла завоевать или освободить и присоединить къ себѣ все славянство. Вѣрятъ развѣ только наивные люди, не знающіе положенія вещей.

«Опасности панславизма» — только политическая уловка, за которой скрывается просто вражда къ Россіи. Что Россія «не любитъ» въ Европѣ — это навѣстие (и объясняется все не тѣми сантиментальными причинами, какія у насъ теперь выставляются); что съ ней ведутъ борьбу и хотятъ помѣшать распространенію ея вліянія, это понятно; но въ самомъ дѣлѣ остается вѣдущимъ фактъ, что ради «опасностей панславизма» нечастное балканское славянство осуждалось и еще осуждается на рабство; что ради этихъ опасностей отвергались безобразія ту-

решилаго правленія, достигалось отдѣленіе «Восточной Румелии» и Македоніи отъ балканскаго цѣлага, отдача Балканъ турецкимъ гарнизонамъ, и т. д. Не знаемъ, какой «панславизмъ» отдать Австріи Босну и Герцеговину, напереворъ воимъ народнымъ желаніямъ и всякой справедливости. По послѣднимъ извѣстіямъ, отдѣленіе Македоніи уже принесло свои плоды; рѣзня началась.

Намъ вспоминается, что при первой вспышкѣ герцеговинскаго возстанія, турки съ наглостью, рассчитанной на наивность европейской публики, а пожалуй и правительства, утверждали, что волненіе въ Невесиньскомъ округѣ произвели «соціалисты». Счастье, что вспышка такъ разрослась, что говорить о соціализмѣ было уже глупо, да и некогда; а то, пожалуй, турокъ поощрили бы хорошенько истребить соціализмъ. Теперь столь же достаточнымъ основаніемъ дунить румелійскихъ и македонскихъ болгаръ, боснійскихъ и герцеговинскихъ сербовъ, служить «опасности панславизма». Положеніе австрійскаго славянства, безъ сомнѣнія, также ухудшается опасеніями за его племенные отношенія къ русскому народу, и опять все тѣ же обвиненія.

Въ другихъ условіяхъ, чѣмъ теперь, одни эти безконечные толки о «панславизмѣ», съ ихъ комментаріями изъ башки-бузудныхъ подниговъ, въ состояніи были бы навести славянскихъ политическихъ людей на мысль, что въ самомъ дѣлѣ единственное средство устроить свои дѣла есть этотъ панславизмъ. Къ сожалѣнію, внутренняя политическая жизнь славянства такъ подавлена, чужими и своими, что говорить теперь о «панславизмѣ», грозящемъ Европѣ, есть шутка или иронія.

У насъ, и въ Европѣ гораздо менѣе извѣстны другого рода протесты противъ панславизма, — протесты самого западнаго и южнаго славянства.

Мысль о цѣломъ славянствѣ вообще возникла прежде всего, и всего больше, между книжными и учеными людьми; первый «панславизмъ» состоялъ изъ очень скромной и умѣренной мысли о «литературной взаимности» — между четырьмя или пятью отдѣльными славянскими племенами. Такая «взаимность», очевидно, оставляетъ вопросъ какъ онъ есть; она касалась бы только однихъ ученыхъ людей. Она имѣла бы свою важность какъ средство взаимнаго ознакомленія, потому что славяне мало даже знали другъ друга; — но далеко она не шла. Позднѣе, является мысль объ одномъ обще-славянскомъ языкѣ, которая имѣла послѣдователей и въ

славянствѣ и у насъ, но до сихъ поръ вызвала, кажется, гораздо больше отрицаній, чѣмъ утвержденій.

Что касается панславизма политическаго, то онъ въ тѣ времена ограничивался почти только поэтическими предположеніями, и въ литературѣ западнаго славянства мы напрасно ожидали бы найти много заявленій, похожихъ на теорію Штура. Были надежды на Россію; отъ южнаго славянства бывали прямыя обращенія къ Россіи, напр., во время сербскаго возстанія; въ моменты національно-политическаго одушевленія рисовались картины будущей свободы, будущаго союза всѣхъ славянъ; въ борьбѣ съ врагами высказывались гордыя похвалы славянскимъ исполнителямъ, тянувшимся отъ Адриатики, до Тихаго Океана, — но все это не приходило ни къ какой ясной политической мысли. Южное славянство въ началѣ столѣтія едва стало выбиваться изъ-подъ турецкаго ига; славянство австрійское едва возвращалось къ національному сознанію. Россія была великое, но слишкомъ неизвѣстное царство; она была далека отъ славянства, чтобы относительно ея могла возникнуть какая-нибудь опредѣленная политическая комбинація. Ближайшая славянская страна, Польша, была ей прямо враждебна... Такимъ образомъ, мысль о настоящемъ племенномъ освобожденіи могла быть у западнаго славянства только чисто поэтическимъ идеаломъ, какъ и было у Коллара.

Впервые, реальный политическій вопросъ возникъ для западнаго славянства съ сороковыхъ годовъ, и особенно съ 1848. При этомъ оказалось, что, когда славянству пришлось имѣть дѣло съ настоящими практическими дѣлами, идея настоящаго «панславизма», какъ онъ изображался у европейскихъ публицистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, вовсе не пользовалась особеннымъ сочувствіемъ. «Панславизмъ», изображаемый этими публицистами, предполагалъ политическое сліяніе славянъ съ Россіей; въ тогдѣшнемъ характерѣ Россіи это сліяніе очевидно могло быть только подчиненіемъ, и, слѣдовательно, паденіемъ частныхъ народностей: но *такою* панславизма не желалъ ни одинъ изъ славянскихъ народовъ. На пражскомъ съѣздѣ 1848 политическія стремленія западнаго славянства выразились только въ идеѣ дойляльной федераціи австрійскаго славянства подъ властью того же Габсбургскаго дома, — никакъ не болѣе. Тѣ, кто кричали объ «опасностяхъ панславизма» могли очень успокоиться.

Пересматривая въ частности мнѣнія славянскихъ политиковъ и самые факты, надо убѣдиться, что славянство всего меньше расположено къ сліянію, которое грозило бы частнымъ народностямъ. Выше мы говорили о *чешскихъ* мнѣніяхъ. Для чеховъ,

какое-нибудь соединеніе славянства вообще мыслимо только въ федеративной формѣ, т.-е. такой, которая оставляла бы неприкосновенной ихъ внутреннюю независимость и національную свободу. «Панславизмъ», какъ подчиненіе и поглощеніе ихъ народности, кажется имъ чуть не оскорбленіемъ, — и это понятно. Они съ гордостью думаютъ о своемъ недавнемъ возрожденіи, когда ихъ національность возстала почти изъ мертвыхъ, когда они успѣли произвести новую народную жизнь и литературу. Они не менѣе гордятся своимъ прошедшимъ, когда Чехія играла столь великую роль въ судьбахъ европейскаго просвѣщенія; въ этой гордости, какъ и въ сознаніи своей новой заслуги передъ славянствомъ — возбужденія славянскаго самосознанія трудами чешскихъ ученыхъ, — они даже считали себя передовымъ народомъ славянскаго міра: и возможно ли, чтобы этотъ передовой народъ отступилъ на второй планъ, стерся и уничтожился? Эта мысль приводитъ ихъ просто въ негодованіе.

По мнѣнію чеховъ, почти единогласному, панславизмъ не есть какая-нибудь серьезная вещь, о которой слѣдуетъ говорить; это — не больше, какъ фантазія мечтателей, невыполнимость которой становится съ каждымъ днемъ яснѣе. Имъ казалось, что Россія пользовалась этой фантазіей въ своихъ дипломатическихъ расчетахъ; но что теперь въ панславизмъ болѣе и болѣе перестаютъ вѣрить и тѣ, кто его боялся ¹⁾.

¹⁾ Панславизмъ и между-славянскія отношенія чехи опредѣляютъ вообще такъ:

„Панславизмъ есть мнимое стремленіе славянъ къ политическому единству всѣхъ ихъ племенъ, какое въ новѣйшее время приписываютъ имъ главные образцы нѣмцы, сами дѣлая изъ этого пугало. Поводъ къ такому мнѣнію дала отчасти врожденная симпатія всѣхъ славянскихъ народовъ съ ихъ единоплеменниками и общая ненависть ихъ враговъ, отчасти идея литературной славянской взаимности, провозглашенная особенно Колларомъ, которой подложена политическія цѣли. Хотя панславизму и въ самомъ широкомъ смыслѣ нельзя было отказать въ правѣ, но интересы отдѣльных славянскихъ народовъ такъ однако различны, и вообще обстоятельства такъ мало благоприятны практическому проведенію этой мысли, что стремленія къ политическому единству всѣхъ славянъ до сихъ поръ нигдѣ не проявились въ практическомъ дѣлѣ, а только какъ праздная фантазія нѣкоторыхъ мечтательныхъ головъ. Самое болѣе — можно допустить, что, быть можетъ, Россія, которая по этнографическимъ и политическимъ отношеніямъ должна бы была стать ядромъ будущаго всеславянскаго государства, для достиженія своихъ цѣлей никогда хитро пользовалась противъ своихъ дипломатическихъ противниковъ этимъ пугаломъ, котораго ложность и ничтожество сама очень хорошо знаетъ; между тѣмъ это заставляло тѣхъ, кто имѣлъ причину бояться соединеннаго славянства, тѣмъ болѣе вѣрить въ панславизмъ, какъ грозящую погибелю и истребленію всей европейской образованности. Но въ новѣйшее время: болѣе панславизма сильно упала и несостоятельность ея признается все болѣе и болѣе, хотя взаимность славянъ, т.-е. очувствіе всѣхъ славянскихъ племенъ

Чехи, вѣроятно, совершенно ошибаются и въ томъ, что будто панславизмъ былъ такимъ хитрымъ оружіемъ Россіи, какъ говорится въ приведенной цитатѣ. Правда, теперь еще мало извѣстна дипломатическая исторія второй четверти столѣтія; но достаточно извѣстно, что русская дипломатія этого періода не равъ осуждалась тѣми же чешскими политиками, какъ «не славянская», даже какъ «нѣмецкая». Внутренняя политика этого періода не была благоприятна для панславистическихъ идей, проявившихся въ Россіи: это уже совершенно извѣстно. Какъ бы то ни было, чехи отвергали всякую возможность того панславизма, какого опасались въ Европѣ въ прежнее время; они отрицались отъ него и теперь. Послѣ московскаго сѣзда, гдѣ чехи слышали славянофильскихъ рѣчей, ихъ отрицаніе высказано было очень рѣзко. Палацкій отвѣчалъ на славянофильскія идеи такимъ категорическимъ заявленіемъ:

«Въ Европѣ и въ Россіи существуютъ разныя мнѣнія объ отношеніяхъ русскихъ къ другимъ славянамъ. Нѣкоторые изъ русскихъ видятъ въ этихъ отношеніяхъ доказательство извѣстной платонической любви между славянскими народами; другіе полагаютъ, что славяне должны слиться съ русскими... Эти послѣдніе утверждаютъ, что всѣ славяне должны сдѣлаться русскими. Ихъ панславизмъ есть слѣдовательно панрусизмъ.

«Я отвѣчаю всѣмъ и каждому такъ: — чехи болѣе тысячи лѣтъ были за свою національную индивидуальность и сохранили ее цѣной безчисленныхъ жертвъ. Они не захотятъ пожертвовать ею ради какихъ-то сомнительныхъ обѣщаній. То же самое и у всѣхъ другихъ славянъ, особенно у южныхъ.

«Мы никогда не покинемъ своего языка; мы никогда не пожертвуемъ своей литературой. Химера одного общаго языка для всѣхъ славянъ всегда останется химерой — и больше ничѣмъ. Чехи будутъ своими собственными господами; чехи никогда не будутъ русскими подданными; на это мы никогда не согласимся».

Въ этихъ словахъ высказано если не всеобщее, то самое распространенное мнѣніе чеховъ объ этомъ предметѣ.

Политическаго панславизма, съ Россіей во главѣ, еще меньше чеховъ желаютъ поляки. Давно замѣчено, что поляки очень равнодушны къ славянскому движенію, и дѣйствительно, они всего меньше участвовали даже въ чисто литературной сторонѣ его.

другъ къ другу, тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается, какъ это видно также у другихъ народовъ общаго происхожденія, напр., романскихъ и скандинавскихъ». — (Статья о панславизмѣ въ „Научномъ Словарѣ“, чешской энциклопедіи).

Это объясняется особымъ политическимъ и литературнымъ положеніемъ Польши. Для нея не было таковой необходимости «возрожденія», какъ для другихъ западныхъ и южныхъ племенъ славянства: она до недавняго времени была цѣла и независима; ея историческое преданіе не прерывалось; она не была принуждена отыскивать своего родства. Когда произошла катастрофа «раздѣловъ», Польша сочла это своимъ личнымъ политическимъ бѣдствіемъ и искала избавленія въ политическихъ средствахъ. Припомнимъ, однако, что и въ польской литературѣ были замѣчательные ученые, которые старались завязать общеславянскія связи, — какъ Линде, Кухарскій, Ходаковский, Мацѣевскій и пр.; но большинство было слишкомъ поглощено политической идеей, и общеславянскій интересъ не великъ въ польской литературѣ и до сего дня.

Съ другой стороны, русско-польскія отношенія давно стали большимъ мѣстомъ и слабой стороной обще-славянскаго вопроса. Для тѣхъ, кто думалъ найти рѣшеніе вопроса въ обще-славянскомъ союзѣ, эти отношенія были трудностью, которую не знали какъ объяснить и обойти; они бывали возраженіемъ и упрекомъ, какіе дѣлало намъ западное славянство, когда шла рѣчь о пан-славянскомъ союзѣ и единствѣ. Такъ было на пражскомъ съѣздѣ, и такъ было на московскомъ. Въ литературѣ польской эти упреки повторены были множество разъ. Для противниковъ Россіи въ европейской литературѣ это тѣмъ болѣе былъ вѣчный примѣръ, на основаніи котораго славянству отъ союза съ Россіей грозили порабощеніемъ.

Какъ историческія отношенія Руси и Польши были съ древнѣйшихъ временъ наполнены постоянной политической и національной борьбой, такъ новѣйшія русско-польскія отношенія представляютъ одно изъ самыхъ печальныхъ и болѣзненныхъ явленій въ современномъ славянскомъ движеніи. Со времени раздѣловъ, исторія польскаго общества исполнена вражды къ «московскому наѣзду»: то поляки искали себѣ иноземныхъ орудій для борьбы съ Россіей, то иностранцы употребляли ихъ такимъ орудіемъ. Было время, когда эти отношенія приняли-было дружелюбный характеръ, — это была пора основанія царства польскаго, — и тогда одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей польской политической литературы, Сташицъ, призывалъ оба народа къ братскому единству и общалъ имъ въ этомъ единствѣ могущество и процвѣтаніе. Но этотъ медовый мѣсяцъ былъ непродолжителенъ. Вскорѣ начинаются недоразумѣнія, сказывается внутреннее противорѣчіе неограниченной русской монархіи и польской конституціи; умы поля-

вовъ направляются на старыя воспоминанія, на поиски прежней независимости и «границъ 1772 года». Въ результатъ этихъ національных стремленій вспыхнуло возстаніе 1830—31 г. Послѣ возстанія исключительность обѣихъ сторонъ дошла до крайней степени, и соглашеніе стало труднѣе чѣмъ когда-либо. Исключительность польская развивалась особенно сильно подъ вліяніемъ эмиграціи. Послѣ неудачи возстанія большое число именно наиболѣе настойчивыхъ патріотовъ оставило Польшу, и здѣсь-то, въ эмиграціи, началось чрезвычайное броженіе умовъ, которое доннынѣ таготеетъ надъ русско-польскими отношеніями какъ непримиренный и непримиримый споръ. Эмиграція поглощена была революціонными планами, цѣлью которыхъ было отраженіе «наѣзда» и восстановленіе старой Польши. Въ первое время, эмигранты были очень радушно приняты во Франціи: это поднимало ихъ духъ, воспоминанія о только-что конченной борьбѣ были еще свѣжи, и заставляли еще болѣе страстно желать возвращенія потеряннаго. Отношеніе къ Россіи становилось все болѣе и болѣе острымъ. Эмиграція составляла еще цѣльный національный островокъ, гдѣ собирались спасшіеся отъ крушенія; въ рядкахъ ея были представители всѣхъ классовъ общества—во главѣ стоялъ «король», князь Адамъ Чарторижскій, былъ ученый европейской извѣстности — Лелевель, былъ первый польскій поэтъ — Мицкевичъ. Это была странная жизнь, чрезвычайно возбужденная, полная фантазій, надеждъ, сначала и бодрости, но вмѣстѣ глубоко печальная... Эмиграція обнаруживала большую дѣятельность, между прочимъ и литературную: издавалось нѣсколько журналовъ, выходило много книгъ и книжекъ, съ разсказами, патріотическими планами, воззваніями. Изъ эмиграціи шли нити заговоровъ и тайныхъ обществъ въ прусскую, австрійскую и русскую Польшу; литература эмиграціи имѣла сильное вліяніе дома, куда проходила черезъ всѣ затворы...

Но возбужденіе было лихорадочное; почвы для его исхода не было—отчаянныя попытки кончались неудачно, обѣдственно, да и не могло быть иначе; въ Россіи шли слѣдствія надъ эmissарами, чрезвычайные суды и ссылки; краковскія волненія 1846 года кончались паденіемъ послѣдняго свободнаго польскаго уголка; галицкія убійства того же года произвели подавляющее дѣйствіе—было убѣжденіе, что русинскіе крестьяне, истреблявшіе польскихъ помѣщиковъ, были подосланы самимъ австрійскимъ правительствомъ. У многихъ изъ поляковъ возникла тогда мысль, что остается одно—примиреніе съ русской властью; были сдѣ-

лани попытке; онѣ остались безъ отвѣта... Подъ конецъ самое положеніе эмиграціи становилось все болѣе стѣснительнымъ.

Въ этой тяжелой жизни, не дававшей никакой реальной надежды, въ вѣчныхъ порываніяхъ къ недостижимой родинѣ, могли надломиться самыя крѣпкія силы. Польскій характеръ вообще богатъ фантазіей; здѣсь она развивалась до послѣдней степени — и въ сторону религіи, и въ политику, и въ исторію. Явился мистицизмъ Товянскаго, собравшій цѣлую школу; явился «мессіаниззмъ» Мицкевича, фантазіи Вронскаго, послѣднѣ историческія теоріи Духинскаго... Надо прочесть послѣднія лекціи въ курсѣ Мицкевича въ Collège de France, прочесть рассказы о впечатлѣніи, какое онъ производилъ, чтобы увидѣть, до какой степени экзальтаціи доходили и профессоръ и слушатели. Исторію онъ превращалъ въ ясновидѣніе (и дѣйствительно приписывалъ ясновидѣніе славянскимъ поэтамъ), — Наполеонъ сталъ для него настоящимъ предметомъ культа, — и могущественный талантъ, глубокое чувство уходило на поэтическій бредъ, въ которомъ родина неизмѣнно носилась передъ душой поэта.

Невозможность реальной политической дѣятельности, вліяніе всякихъ революціонныхъ элементовъ, собиравшихся во Франціи и въ Англіи передъ 1848 годомъ, создавали особую атмосферу, въ которой польскій патриотизмъ эмиграціи вырождался въ революціонную отвлеченность и вмѣстѣ рутину. Не могло уже быть рѣчи о вниманіи къ дѣйствительности, безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ: впоследствии оказывалось, что эта революціонная отвлеченность не принесла однаго перемѣны во внутренніе общественные взгляды. Съ революціоннымъ радикализмомъ мирились всѣ старыя историческія заблужденія, тотъ же католическій консерватизмъ, ту же нетерпимость къ русскимъ элементамъ края, нѣкогда завесѣвшимъ отъ Польши.

Мицкевичъ въ теченіи трехъ лѣтъ на своихъ лекціяхъ говорилъ о славянствѣ, но поляки и теперь мало имъ интересовались: весь славянскій міръ заключенъ былъ въ Россіи и Польшѣ; славянскій вопросъ заключался только въ ихъ борьбѣ; славянство не входило въ расчеты польскихъ политиковъ о будущей судьбѣ польскаго народа, или же входило въ одномъ смыслѣ, — что Польша, въ союзѣ съ западнымъ славянствомъ, или во главѣ этого союза, будетъ бороться противъ Россіи. Такъ-называемый «русскій панславизмъ» былъ предметомъ самаго рѣшительнаго протеста.

Далѣе, русскій панславизмъ не находилъ сочувствія и у сербо-хорватовъ. Въ сороковыхъ годахъ, готовясь къ борьбѣ съ

мадярами, хорваты въ патриотическомъ одушевленіи грозили своимъ врагамъ все-славянскимъ единствомъ, гордились исполненной массой братскихъ славянскихъ племенъ, — но практически, какъ извѣстно, это братство и единство не принесли никакой осязательной пользы. Въ самомъ дѣлѣ, что могло сдѣлать славянство въ своемъ внѣшнемъ разединеніи, при недостаткѣ внутренней связи національныхъ интересовъ? Главная политическая сила славянства, Россія, была слишкомъ далеко, — имѣла слишкомъ мало общаго съ крайнимъ западомъ славянства, да, кажется — что бы ни говорили тогдашніе публицисты, обличавшіе панславизмъ — рѣшительно не интересовалась имъ. Мудрено ли, что обращенія къ все-славянству остались поэтической фразой и патриотическимъ самообольщеніемъ, и что вскорѣ пришлось со всѣмъ отложить ихъ въ сторону. Вопросъ остался въ тѣхъ тѣсныхъ границахъ, какія давала ближайшая обстановка, и политическія стремленія хорватовъ обратились къ единственному, что было, — къ историческому возвеличенію стараго хорватства, какъ чехи обращаются къ старой «чешской коронѣ». Хорваты забыли о панславянскихъ мечтаніяхъ 1840-хъ годовъ, перестали надѣяться на всеславянство, которое, при всей его громадности, оказалось совершенно безсильнымъ. Не мудрено, что ихъ крайніе политики стали, наконецъ, рассчитывать на западную помощь и союзы; вспоминая историческія заслуги хорватскаго народа, отражавшаго нѣкогда турецкія нашествія, они думали, что Европа должна вознаградить ихъ теперь. Надежды были, разумѣется, совершенно напрасны; но и вообще хорватскіе патриоты такъ же мало расположены къ панславизму, какъ чешскіе.

Сербы, уже какъ православные, гораздо ближе къ намъ, чѣмъ хорваты; они ближе къ намъ и по географіи, и по исторіи, старой и новой. Тѣмъ не менѣе, какъ мы указывали прежде, съ первыхъ шаговъ начинавшейся вновь сербской литературы, въ ней обнаружилось стремленіе къ отдѣльному развитію, предпочтеніе своей исключительной народной личности старому преданію «славяно-сербской» школы. Въ тѣ времена, въ началѣ столѣтія, еще не было никакой ясной мысли о панславизмѣ; но еслибъ она была, литературная реформа Вука была бы косвеннымъ протестомъ противъ нея. Впослѣдствіи наши славянофилы и обвиняли Вука за «не-славянскія» тенденціи; въ томъ, что Вукъ удался отъ старой азбуки (которая была та же, что русская), что онъ стремился писать чистымъ народнымъ языкомъ, безъ вниманія къ преданіямъ стараго книжнаго языка, видѣли не больше, ни меньше какъ угодничество и исполненіе капризовъ

Австріи. Мы понимаемъ, что можно было бы спорить противъ нѣкоторыхъ подробностей Вуковой реформы; но что же можно было связать противъ главнаго—противъ введенія въ книгу «народнаго» языка; что «не-австрійское», а «русское», могъ бы сдѣлать Вукъ въ этомъ отношеніи? Да и сказала ли *тогда* хоть слово объ этомъ сама русская литература? Она ничего не говорила, ничѣмъ не участвовала въ этомъ сербскомъ дѣлѣ. На какомъ же основаніи она теперь могла поднимать противъ Вука свои обвиненія? Мы объясняли, какъ однако естественны были эти стремленія Вука. Дѣло заключалось не въ его личности, а въ самой сущности народныхъ славянскихъ развитій. Въ сербскомъ народѣ были давнія сочувствія къ Россіи; говорятъ, что они и теперь очень сильны, и послѣ событій прошедшей войны стали еще опредѣленнѣе,—но не слѣдуетъ думать, чтобы этотъ народъ сталъ отказываться отъ своей народности, которой именно и служилъ Вукъ. У насъ этого, страннымъ образомъ не видѣли даже люди знающіе. Не слѣдуетъ также заблуждаться, противопоставляя русскимъ сочувствіямъ народа сдержанность «интеллигенціи» или даже отчужденіе ея. Передъ народомъ вопросъ нашихъ междуплеменныхъ отношеній является въ самыхъ общихъ очертаніяхъ; онъ понимаетъ ихъ догадкой, чувствомъ — въ данномъ случаѣ понимаетъ вѣрно — но отъ него ускользаютъ подробности, оцѣнка обстоятельствъ, характеровъ дѣятелей данной минуты. Дѣло въ томъ, что и съ нашей стороны дѣйствуетъ не чистая народная стихія; не все же, что дѣлалось, можно было бы считать дѣйствительнымъ выраженіемъ чувствъ и желаній народа и общества; исключительные круги, которымъ принадлежитъ вліяніе, иногда дѣйствовали даже совсѣмъ наперекоръ тому, что называется народнымъ чувствомъ. Очевидно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ требуется для «братскаго» народа большая осторожность, — ему надо очень присматриваться, взвѣшивать, соглашаться, но также и не соглашаться: это послѣднее за народъ и дѣлаетъ его «интеллигенція». Правда, ея «отчужденіе» имѣетъ нѣрѣдко и другія причины, — незнаніе своего народа, эгоистическое равнодушіе къ его интересамъ; но оно можетъ быть и результатомъ соображеній, о которыхъ мы говорили.

Нѣтъ сомнѣнія, что хотя бы сербскій народъ относился къ намъ со всѣми сочувствіями, образованные сербы не противорѣчили своему народу, когда не сочувствовали «панславизму» въ «московскомъ» смыслѣ, потому что, по всѣмъ вѣроятіямъ, и самый сербскій народъ, еслибъ ему выяснилась сущность дѣла, отнесся бы сдержанно къ этому «панславизму», который такъ настоя-

чиво требуетъ себѣ первенства. Оставалось бы еще спросить — представляетъ ли самый московскій «панславизмъ» настоящія мысли и желанія русскаго народа? Вѣдь это еще вопросъ.

Этотъ вопросъ именно представился въ 1861 году, когда славянофильскій кружокъ издалъ въ Лейпцигѣ извѣстное «Посланіе къ сербамъ изъ Москвы», подписанное всѣми главными представителями школы. Посланіе произвело на сербовъ вообще непріятное впечатлѣніе, которое высказано было, главнымъ образомъ, въ отвѣтъ извѣстнаго сербскаго ученаго — Даничича ¹⁾. Въ русской литературѣ внѣ славянофильскихъ кружковъ «Посланіе» также не встрѣтило сочувствія. Самая форма этого произведенія была странная. Какъ бы ни былъ кружокъ исполненъ любви и благожелательства къ сербамъ, — прямое, такъ-сказать, официальное обращеніе нѣсколькихъ лицъ къ цѣлому народу имѣло въ себѣ нѣчто чрезвычайно высококомѣрное. Тѣ же мысли могли быть высказаны въ общемъ разсужденіи тѣмъ лицомъ, перомъ котораго было написано «Посланіе», — это было бы естественно и скромно; форма прямого обращенія предполагала въ подписывавшихъ его людяхъ роль наставниковъ и руководителей. Въ чѣмъ нмѣ дѣлались эти наставленія и подавались совѣты?

Сербы почувствовали это высококомѣріе. Подобное отношеніе къ славянскому братству замѣтно обнаружилось въ теченіи славянскаго съѣзда въ Москвѣ 1867 года. Здѣсь, вѣроятно, сербы, какъ и другіе славянскіе гости, должны были получить впечатлѣніе, что русскіе «панслависты» именно впередъ смотрятъ на славянство какъ будущіе повелители. Въ сербскихъ изданіяхъ можно было встрѣтить самыя опредѣленныя заявленія противъ панславизма (т.-е. предполагаемаго русскаго панславизма съ властолюбивыми и нивелирующими стремленіями), и, между прочимъ, приведенныя выше слова Палацкаго повторены были въ сербской газетѣ «Видов Дан» съ выраженіями полного согласія и сочувствія.

Литературно-политическое направленіе сербской «омладины» остается чуждо панславизму въ томъ смыслѣ, что настаиваетъ на чисто-сербскихъ интересахъ, на развитіи своей народной индивидуальности. Въ ея дальнѣйшихъ идеалахъ — никакъ не сліяніе, а ожиданіе, что придетъ со временемъ свобода національностей, гдѣ не будетъ оспариваться чужое народное право.

Заявленія народнаго индивидуализма — какъ у сербовъ, такъ и у другихъ славянъ — нерѣдко также впадали въ крайность;

¹⁾ Впрочемъ, Даничичу отвѣчалъ Вуичевичъ, въ защиту «Посланія».

противъ притязаній московскаго панславизма они выставляли требованія частныхъ народностей съ настойчивостью, которая, къ сожалѣнiю, не достаточно оправдывалась фактами и, слѣдовательно, похожа была на самонадѣянность: положенiе вещей вовсе не таково, чтобы отдѣльные племена славянства могли устроить свои дѣла безъ чужой помощи и безъ союза. Но остается несомнѣннымъ, что славянскія народности запада и юга, при всей трудности ихъ политическаго и образовательнаго положенiя, никакъ не хотѣли допустить какого-нибудь ущерба свободѣ и цѣлости своихъ національных особенностей.

Не были исключенiемъ и *болгары*. Положенiя хуже ихъ не испытывало въ послѣднiе вѣка ни одно изъ славянскихъ племенъ, и однако, въ то время, когда пробудилось народное сознанiе и возникло стремленiе къ освобожденiю отъ турецкаго ига, они также ни мало не думали искать свободы пожертвованiемъ народности. Какъ вездѣ въ славянскихъ народностяхъ, ихъ заботы направились именно на свою народную особность, старинныя историческiя преданiя болгарскаго народа, на изученiе народнаго быта, нравовъ, поэзiи, — на созданiе новаго литературнаго языка. Мысль о подчиненiи иному славянскому племени, съ потерей національной индивидуальности, была какъ нельзя дальше отъ нихъ, и въ тѣхъ газетахъ, которыя болгарскiе патрiоты издавали съ крымской войны въ Румынiи и гдѣ они проповѣдовали національную борьбу за свободу, мы находимъ тѣ же обычныя возраженiя и протесты противъ панславизма.

IX.

ОБЩИЯ ЗАМѢЧАНIЯ.

Что же такое, наконецъ, панславизмъ? Есть ли это чистая «фантазiя мечтательныхъ головъ» — и тогда, убѣдившись въ этомъ, надо отложить ее въ сторону какъ произвольную и невозможную задачу; или же есть въ немъ нѣчто, — и тогда, въ чемъ оно заключается?

Прежде всего мы имѣемъ передъ собою фактъ возрожденiя славянскихъ національностей, совершающiйся съ конца прошлаго столѣтiя. Не всегда замѣчаютъ необычайность этого факта. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ народностей, находившихся цѣлые вѣка въ летаргическомъ снѣ, пробуждаются одна за другой. По видимому, у нихъ уже не было будущаго; въ своей исторiи онѣ

были страшно сломлены, или жизнь ихъ медленно подтачивалась; племена теряли свою національность, покоряясь властелинамъ, сильнѣйшимъ физически или умственно: обитмечивались, туречились, превращались въ грековъ, мадьяръ, итальянцевъ; почти вездѣ потеряли онѣ свой высшій классъ, богатый и образованный; народность оставалась только въ безправной, лишенной образования и сознанія массѣ, которой трудно было вырваться изъ-подъ политическаго и общественнаго гнета, сохраниться подъ вліяніями чужого высшего образования, и предстояло мало-помалу затеряться въ господствующей національности. Но происходитъ совсѣмъ иное: въ этихъ подавленныхъ, едва понимающихъ свое состояніе племенахъ мелькаютъ первыя искры сознанія, и мало-по-малу создается за-ново національная жизнь, происходитъ формация языковъ, являются новыя литературы съ замѣчательными произведеніями поэзіи и науки, открываются богатые источники народной поэзіи — такой красоты, о которой уже забыла Европа и которая напоминаетъ ей о Гомерѣ. Съ народнымъ сознаніемъ возрождается мысль о сверженіи ига, о завоеваніи свободы: происходитъ возстаніе сербовъ — угнетенной раи, поселянъ, — и вскорѣ возрождается государство, погибшее еще въ XIV вѣкѣ; княземъ этого государства выбирается, какъ бывало въ младенчествѣ народовъ, предводитель, такой же поселянинъ, который на своемъ вѣку бывалъ и разбойникомъ. Правда, освободились тогда только сербы, и то одна часть; но «возрожденіе» распространилось во всемъ славянствѣ.

Пробудившіяся въ жизни племена не остаются одиноки. Они чувствуютъ между собою связь; единоплеменность внушаетъ имъ сочувствіе другъ въ другу, правда, долго туманное, не выясненное, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше оно крѣпнеть; въ Россіи, самомъ крупномъ изъ славянскихъ племенъ и единственномъ сильномъ государствѣ, складывается понятіе о необходимости помогать единоплеменникамъ. Взаимныя сочувствія не оставались безплодными; тотъ, кто прошелъ дальше, помогалъ оставшему; владыкѣй большимъ просвѣщеніемъ помогалъ тому, кто былъ имъ бѣденъ; сильный помогалъ слабому. Такъ, на первыхъ шагахъ «возрожденія», русскіе помогли болгарамъ черезъ Венелина и другихъ ученыхъ историковъ, помогли сербамъ и черногорцамъ — своимъ политическимъ вліяніемъ; ученый словинецъ Копитаръ направлялъ предпріятія Вука; чехи помогли словакамъ и обратно; сербы — хорватамъ; чехи — лужичанамъ. Чешская, русская и польская наука, въ тѣсномъ союзѣ, выяснила старую судьбу племени, его общую древность, сочитала славянскіе народы къ

настоящую минуту, и этимъ дала имъ прочный исходный пунктъ взаимнаго изученія и солидарности. Вскорѣ прямо была высказана мысль о необходимости ихъ умственного общенія, о литературной взаимности. Она и установилась до значительной степени. Введеніе славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ открыло у насъ правильное (хотя и до сихъ поръ ограниченное лишь небольшимъ кругомъ специалистовъ) общеніе съ литературами западнаго и южнаго славянства, въ которомъ въ свою очередь есть свои специалисты того же рода. Это было уже начало панславизма — въ области литературы. Въ сороковыхъ годахъ въ Европѣ заговорили о панславизмѣ политическомъ, какъ о грядущемъ переворотѣ и опасности.

Таковъ былъ общій ходъ фактовъ.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ широкимъ историческимъ явленіемъ. Мы указывали источники этого явленія, которые заключаются, съ одной стороны, во внутреннемъ развитіи, совершавшемся медленно, но постоянно въ средѣ самихъ славянскихъ племенъ; съ другой — въ обще-европейскомъ ходѣ вещей, во влияніи освободительныхъ, образовательныхъ и гуманитарныхъ идей прошлаго и нынѣшняго вѣка. Славянское возрожденіе совершалось именно въ этомъ духѣ — въ духѣ освобожденія и просвѣщенія. Благородная, внушающая глубокое уваженіе черта славянского возрожденія есть именно поднятіе народной массы къ сознательному человѣчному существованію, возвращеніе миллионной населенія къ свободѣ и просвѣщенію, уваженіе къ народной старинѣ, преданьямъ, обычаю, изученіе ихъ, въ которомъ славяне отчасти предварили европейскую науку. Это былъ своего рода романтизмъ, но не феодальный, а демократическій, — не оставшійся только капризомъ литературной школы, но соединенный съ заботой о практической помощи народному сознанию, о популярной литературѣ и пр. Результаты оказывались уже скоро. Для тѣхъ, кто заботился о «цѣлости и независимости» Турціи, кто хотѣлъ вѣрить въ турецкія реформы, можно было указать фактъ, что сербы, въ пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія, болгары въ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ открытія ихъ первой школы въ тридцатыхъ годахъ, еще подъ турецкимъ владычествомъ, пріобрѣли такую степень народнаго образованія, какой турки не умѣли достигнуть въ пять столѣтій своей жизни въ Европѣ и владычества надъ этими народами. По всему этому характеру своего содержанія, славянское возрожденіе есть одинъ изъ сильныхъ фактовъ обще-европейскаго прогресса; это — естественное и глубокое примѣненіе европейской идеи, которое такимъ обра-

зомъ можетъ свидѣтельствовать, что славянство—не какая-нибудь новая орда, грозящая потопить европейскую цивилизацію, а такое же европейское племя, возбужденное духомъ времени и стремящееся войти въ кругъ этой цивилизаціи съ тѣмъ сознаниемъ человѣческаго достоинства, какое прививается европейской образованностью.

Возрожденіе сильно именно тѣмъ, что племенные инстинкты, потребность національной свободы шли и идутъ въ немъ рядомъ съ потребностью гуманитарнаго просвѣщенія. Это очевидно изъ всего характера и содержанія новѣйшихъ славянскихъ литературъ: размѣры большей части изъ нихъ очень незначительны, но онѣ совершенно оправдываютъ сдѣланное замѣчаніе... Правда, что у противниковъ славянства нѣтъ особеннаго желанія убѣждаться въ этомъ.

Но если таковы источники и характеръ славянскаго движенія, очевидно, что его нравственно-политическое *право* не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, право не только на то, что имъ уже сдѣлано, но и на дальнѣйшее развитіе. То, что приобрѣтено, —уже много въ сравненіи съ прежнимъ подавленнымъ состояніемъ славянства: сравнимъ нынѣшнюю Чехію съ тѣмъ, что была она сто лѣтъ назадъ, вспомнимъ, что была Сербія, Болгарія сто лѣтъ тому назадъ. Но, говоря безотносительно, эти приобретенія еще чрезвычайно далеки отъ того, что необходимо для обезпеченія національной жизни. И прежде всего, не восстановлена самая цѣльность племенъ — по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это совершенно необходимо и было бы возможно (напр. относительно сербовъ и болгаръ, остающихся за Турціей);—или, въ австрійскомъ славянствѣ, не обезпечена внутренняя политическая равноправность славянской народности съ чужой господствующей, напр., чеха въ Богеміи, хорвата, серба, словака, русина въ Венгріи и т. п. Болгаринъ, сознавшій потребности разумнаго человѣческаго существованія для отдѣльной личности и для народа, *не могъ* не стремиться къ освобожденію своего народа; сербъ въ свободномъ уже княжествѣ или въ Черногоріи *не могъ* не помышлять объ освобожденіи своихъ ближайшихъ единоплеменниковъ (сосѣдей, друзей и братьевъ) изъ-подъ возмутительнаго ига; словакъ, хорватъ, сербъ, русинъ такимъ же образомъ *не могъ* не враждовать съ мадьярами, потому что не видѣлъ отъ нихъ простой юридической и общественной равноправности и справедливости. Всѣмъ имъ остается одинъ путь—борьба, самая справедливая, потому что національность, въ которой они себя сознавали,

не только не обезпечивалась, но была сама по себѣ причиною притѣсненія, — но борьба, страшно тяжелая.

«Національный принципъ» подвергался разнымъ теоретическимъ нареканіямъ, и заслуживалъ ихъ, когда извращался въ орудіе реакціонной политики или дипломатической интриги. Здѣсь роль его была иная; онъ дѣйствовалъ здѣсь своими элементарными силами и былъ единственнымъ орудіемъ политическаго, общественнаго и нравственнаго возрожденія цѣлыхъ племенъ. Гдѣ историческая судьба связала національности радикально несходныя, какъ въ Турціи, гдѣ политическая форма соединила азіатскія племена съ европейскими и поставила именно послѣднія, единственно способныя къ европейскому развитію, въ положеніе илотовъ; или гдѣ — въ государствѣ европейскомъ нѣтъ однако равноправности, гдѣ именно національность подчиненнаго племени влечетъ съ собою «лишеніе нѣкоторыхъ правъ», какъ въ Австріи и т. п., тамъ этотъ же принципъ становится условіемъ народнаго развитія, высшимъ нравственнымъ началомъ. Сколько бы ни негодовала дипломатія на нарушеніе ея спокойствія, дѣйствіе національнаго принципа вызвало славянской міръ изъ его вѣковой летаргіи, и онъ составляетъ основу славянскаго современнаго движенія.

Скучно бываетъ читать нападенія на славянство именно съ этой стороны. Славяне виноваты, что не хотятъ быть нѣмцами, венграми, турками; — какъ и у насъ (по мнѣнію многихъ), поляки виноваты, что не хотятъ быть русскими. Но во всей Германіи поднимается вопль, что Данія угнетаетъ трехъ нѣмцевъ въ Шлезвигѣ и изъ-за нихъ поднимается война, въ которой Пруссія и Австрія успѣшно побѣждаютъ Данію; во Франціи, завоеваніе Пруссіей и обратное онемеченіе Эльзаса есть національный трауръ, тема для тиртеевскихъ рѣсентъ, для политическихъ филиппикъ, сенсаціонный сюжетъ для живописи и скульптуры. Но если пруссаки освободили теперь страждущаго шлезвигца, если французъ приходитъ въ патристическую печаль объ эльзасцѣ, — то, кажется, должно быть еще болѣе имъ понятно, что болгаринъ и сербъ ненавидѣли турецкое господство, словакъ и хорватъ — венгерское, чехъ — нѣмецкое и т. д. Нынѣшняя война, привлекавшая въ Турцію нѣсколько первостепенныхъ европейскихъ публицистовъ и очень раскрывшая характеръ турецкой власти, выяснила, между прочимъ, тѣ вещи, которыя до-сихъ-поръ болгары и сербы выносили на себѣ и къ которымъ не желала приглядѣться пристально европейская дипломатія и публицистика. Стало ясно, что турецкое господство есть вещь невозможная, что въ борьбѣ славянъ съ турками шелъ вопросъ о борьбѣ европейской куль-

туры съ азіатской «цивилизацией». Въ другомъ видѣ, но также невозможно было (при *настоящемъ* порядкѣ вещей) примиреніе славянской національности съ нѣмцами, съ мадярствомъ и т. д. Существуетъ фактъ, что славянская народность, самымъ своимъ присутствіемъ, есть поводъ къ общественно-политическому стѣсненію; понятно, что славянский патриотъ не можетъ не относиться враждебно къ угнетателю, — согласиться съ послѣднимъ будетъ значить — измѣнить своему народу, стать самому въ ряды угнетателей.

Національное сознаніе, явившись, наконецъ, въ славянскихъ обществахъ должно было развиваться все въ большихъ размѣрахъ. Новыя славянскія литературы выросли въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, онѣ наполнялись изученіемъ народности — историческія преданія прошедшаго, бытъ современный, народный языкъ, поэзія, все это стало предметомъ изслѣдованій, описаній, сличеній; съ другой стороны, онѣ стремились усвоить плоды литературъ европейскихъ, догнать результаты, выработанные европейскимъ развитіемъ въ тѣ вѣка, когда славянство по-неволѣ бездѣйствовало. Наконецъ, вопросъ былъ поставленъ политическимъ образомъ. Отчасти приводило къ тому собственное логическое развитіе народности, воспоминаніе о временахъ старой свободы и политическаго могущества, стремленіе освободиться отъ стѣсненій, угнетающее дѣйствіе которыхъ стало ощутительнѣе; съ другой стороны, это естественное развитіе поддерживали внѣшнія событія — какъ войны Россіи съ Турціей, возбуждавшія балканское славянство, какъ войны Наполеоновскія, какъ іюльская революція, какъ сорокъ-восьмой годъ.

Политическая борьба славянства за свою національную свободу большей частью была еще мало удачна, но далеко не безплодна: съ конца прошлаго вѣка и донинѣ южное славянство перешло отъ полного рабства къ образованію государствъ; при большемъ политическомъ искусствѣ, при большей сознательности славянскаго міра, результатъ могъ бы быть еще несравненно шире, чѣмъ онъ есть въ настоящую минуту. Мало-по-малу стала являться мысль о необходимости національной солидарности племенъ — панславизмъ.

Эта мысль о панславизмѣ (въ какой бы то ни было формѣ, все равно) возникала естественно, сама, изъ родственности славянскихъ племенъ, какъ скоро эта родственность была признана. Нѣкогда, и, повидимому, не въ очень отдаленной древности, славянство составляло группу племенъ, несравненно болѣе близкихъ

одно другому по всѣмъ племеннымъ свойствамъ, чѣмъ теперь. Нашъ начальный лѣтописецъ еще знаетъ преданія о выселеніи сербовъ и хорватовъ на югъ и западъ изъ карпатской страны, гдѣ они прежде жили. Теперь собрано довольно много свидѣтельствъ, что въ средніе вѣка славяне даже далеко разселенные знали другъ о другѣ, помнили единство своего происхожденія и имѣли извѣстныя племенные сочувствія; правда, это сочувствіе мало подѣйствовало на практическія событія, но ближайшіе сосѣди знали другъ друга очень хорошо, какъ болгары съ сербами, сербы съ хорватами, хорваты съ словенцами, чехи съ поляками, русскіе съ поляками, а въ старину съ болгарами, малоруссы украинскіе съ русинами галицкими, русины венгерскіе съ словаками и т. д. Исторія не однажды сближала сосѣднія племена въ общей судьбѣ. Такимъ образомъ, по всему славянству тянулась нить племенныхъ сношеній, болѣе близкихъ или далекихъ. Особенно тѣсная связь была между русскимъ славянствомъ и балканскимъ, болгарами и сербами: они близки по происхожденію, принадлежа вмѣстѣ въ одному изъ двухъ главныхъ отдѣловъ славянскаго племени, близки по историческимъ отношеніямъ и единовѣрію, вслѣдствіе котораго нѣкогда южные славяне бывали нашими церковными учителями, а потомъ, подъ турецкимъ игомъ, искали книжно-церковной помощи у насъ, начиная еще со временъ московскаго царства. Отсюда ихъ надежды на русскую помощь, а поданная помощь оставляла благодарную память и усиливала надежды на будущее. Новѣйшее изученіе народностей указало между славянскими племенами столько родственнаго, что племенное чувство невольно оживлялось; изъ ученыхъ круговъ это впечатлѣніе распространялось въ обществѣ и, какъ мы видѣли въ сербо-турецкой войнѣ, способно было вызвать даже въ нашемъ хаотическомъ обществѣ извѣстныя предпріятія на помощь сербамъ. «Взаимность» дѣлалась сознательной.

Въ Европѣ эта помощь славянству со стороны Россіи изображалась часто именно какъ «макиавелическая политика», скрывавшая завоевательные планы Россіи. Не пускаясь въ темную исторію дипломатическихъ плановъ, довольно замѣтить, что если были у Россіи макиавелическіе планы, то они исполнялись очень дурно, потому что въ войнахъ съ Турціей, въ большинствѣ счастливыхъ, Россія пріобрѣтала меньше, чѣмъ могла бы пріобрѣсти, русская политика меньше заботилась о славянствѣ, чѣмъ могла; напротивъ, показывала слишкомъ много... добродушія, когда не только не пользовалась удобными случаями въ захватахъ, но еще заявляла, что желаетъ сохраненія «цѣлости

и независимости» Турція,—и дѣйствительно сохраняла. Выше приведено достаточно примѣровъ, что наши «Макиавели» вовсе не поощряли развитія у насъ славянскаго вопроса... Притомъ, если русская политика оказывала покровительство христіанамъ Турціи, помогала Сербіи, то въ этомъ принимали участіе и европейскія державы; а для Россіи было бы если уже не дѣломъ истинныхъ сочувствій, то дѣломъ приличія оказать покровительство той церкви, которой принадлежит и ея народъ, какъ Франція оберегала Римъ для папы, какъ она вмѣшивалась въ дѣла сирійскихъ христіанъ. Россія притомъ помогала не однимъ славянамъ: въ прежнее время, Россія, больше чѣмъ балканскому славянству, помогала Греціи, Молдавіи и Валахіи. Сама Европа дала Греціи свое покровительство.

Съ точки зрѣнія «макиавелизма», въ нашей помощи славянству удивительно не то, что она подавалась, а то, что она подавалась такъ медленно и такъ скудно. Въ прежнее время, дѣйствительно, русская дипломатія гораздо меньше думала о славянахъ Турціи, чѣмъ о принципѣ законной власти его величества султана надъ славянами.

Такъ или иначе, отрывочно, неполно и случайно обнаруживались факты политическихъ сочувствій; практически ихъ сила была еще крайне ограничена, но они считались уже несомнѣнными теоретически, и у отдѣльныхъ лицъ стали складываться въ теорію политической солидарности и славянскаго единства: это и былъ такъ называемый панславизмъ, т.-е. чистая теорія, или, вѣрнѣе, на половину теорія, на половину идеалъ національныхъ патріотовъ, философско-историческое построеніе,—справедливое или несправедливое, но которое *никогда* не было правительственной системой. Теорія развивалась различно въ разныхъ рукахъ и въ разныхъ обстоятельствахъ. Сначала выставлены были одни факты, именно факты племенного родства, общей старины и народныхъ преданій, сходства племенныхъ характеровъ и быта. Шафарикъ представилъ панславянскіе итоги древности и современнаго состоянія племенъ. Колларъ говорилъ о литературномъ панславизмѣ въ формѣ «взаимности». Для западныхъ славянъ трудно было говорить о панславизмѣ политическомъ,—отъ нихъ не могла идти его инициатива, по подчиненному состоянію и слабости племенъ; заговорили русскіе теоретики, какъ Породинъ и славянофилы. Западный панславизмъ Штуръ ставъ почти на ту же точку зрѣнія. Самой крайней (впрочемъ, для практическихъ вопросовъ славянской политики мало выясненной) теоріей была славянофильская теорія о противоположности двухъ міровъ, греко-славянскаго и романо-гер-

манскаго. (У нашего правительства ни эта централистическая, ни другая, федеративная, теорія панславизма, не имѣли успѣха и не получали одобренія.) Въ то же время въ Европѣ пошли толки о панславизмѣ какъ о явной будто бы системѣ русской политики. Фактовъ, доказывавшихъ это, конечно, не было; но въ Европѣ помнили о греческомъ проектѣ Екатерины (онъ показывалъ широкіе завоевательные планы, хотя доказывалъ противъ панславизма), вѣрили въ «завѣщаніе Петра Великаго», боялись могущества Россіи во второй четверти столѣтія, усмиреніе Польши и уничтоженіе ея конституціи считали первымъ шагомъ нивелирующей политики, видѣли вліяніе Россіи въ дѣлахъ балканскаго полуострова; — въ частности, считали книжки гр. Гуровскаго внушенными русскимъ правительствомъ, слыхали о московскихъ патріотахъ, считали правительственнымъ агентомъ Погодина (который былъ панславистомъ просто въ свою голову); наконецъ, знали о славянскомъ возрожденіи. Изъ всего этого составилось довольно матеріала, чтобы говорить о русскомъ панславизмѣ; присоединились частныя опасенія различныхъ противниковъ славянства и Россіи, и они стали указывать на грозящую опасность: — мадьяры, опасаясь (въ тѣ годы, передъ 1848) хорватовъ и сербовъ; нѣмцы, подозревая чеховъ и другихъ славянъ; поляки, пугаясь Россіи и пугая ею. Существованіе панславизма, какъ злостнаго политическаго плана, было принято за фактъ. Сами славяне, наслушавшись толковъ, сознавая присутствіе племенныхъ связей, слыша нѣчто о московскихъ теоріяхъ, не зная хорошенько внутреннихъ русскихъ отношеній, также стали пугаться «поглощенія» и стали съ негодованіемъ отверчиваться отъ панславизма.

Обѣ стороны, и Европа, и славянство, крайне преувеличивъ дѣло, несправедливо судили и самые факты. Одни были неправы, бросая тѣнь на естественное развитіе національной жизни въ славянствѣ, какъ въ послѣдніе годы изъ-за «панславизма» отнималось у болгаръ право на свободное человѣческое существованіе. Были неправы и славяне, которые, изъ-за боязни «поглощенія», не оцѣниваютъ всей серьезной сущности вопроса, именно, что панславизмъ, — въ той или другой формѣ междуплеменной солидарности, — есть единственное обезпеченіе ихъ сохраненія и будущаго развитія.

Славяне чувствуютъ, что эта солидарность необходима, но до сихъ поръ не умѣли примирить этой необходимости съ чувствомъ своей народной индивидуальности. Опасеніе понести ущербъ для нея внушаетъ имъ опасенія; они знаютъ силу Россіи, разчитываютъ на нее, но все-таки относятся къ ней сдержанно — и въ

сущности мало интересуются ее внутреннимъ бытомъ. Разумная о Россіи, они (напр. чехи) съ удовольствіемъ отмѣчаютъ въ ее общественной и политич. прожитіи «славянскій идеалъ»; славяне радовались успѣхамъ русскаго дѣла въ Болгаріи; — въ чемъ же основаніе этой радости? Очевидно, не столько въ общечеловѣческомъ интересѣ дѣла, сколько именно въ интересѣ племенномъ, въ сознаніи, что «взаимность», какъ оказывается, можетъ стать политической силой, которая совершаетъ великія услуги славянскому дѣлу, — быть можетъ, со временемъ и ихъ собственному. Но если этой взаимности предположить развитіе, то концомъ развитія можетъ быть только панславизмъ, который былъ бы высшей степенью взаимности. Славянство ищетъ политической свободы, понимаетъ необходимость собственнаго энергическаго усилія, крутомъ себя видитъ только вратомъ, и нуждается въ помощи, потому что однихъ силъ каждаго отдѣльнаго племени мало для достиженія цѣли. Гдѣ же эта помощь? — ее можно ожидать только отъ племенной солидарности и союза. Кто будетъ отвергать этотъ союзъ, уходить отъ него, тотъ рискуетъ національной гибелью. Словомъ, панславизмъ — единственное средство политическаго обезпеченія, гарантія независимости, какая можетъ быть отыскана славянствомъ. Славянство путается той формы, въ какой выражались панславянскіи тенденціи въ московской школѣ, нуждается могущества Россіи и ее суроваго отношенія къ польской національности, и какъ будто никогда не ждетъ отъ Россіи другихъ взглядовъ и другого способа дѣйствій. Но едва ли возможно думать, что нивѣйшія политическія условія останутся неподвижными; вѣроятнѣе, напротивъ, что время будетъ дѣлать свое, что придутъ болѣе широкія формы и идеи, которыя дадутъ мѣсто и такому славянскому союзу, какой теперь считается невозможнымъ; неизмѣнность формъ можетъ стать опасностью для самой Россіи. Само развитіе славянской солидарности можетъ здѣсь действовать, отрывая новыя условія и потребности — если только сумѣетъ идти въ уровень съ лучшими стремленіями въ самомъ русскомъ обществѣ.

Панславянская солидарность необходима не въ одномъ политическомъ, но и во внутреннемъ, образовательномъ смыслѣ. Первое можетъ еще долго оставаться недостигнутымъ; политическія преобразованія въ самой Европѣ могутъ даже совсѣмъ устранить необходимость политическаго панславизма, — по крайней мѣрѣ, ослабить ее; но это не измѣнитъ необходимости образовательно-литературной солидарности. Западное славянство боится германизма, но послѣдній производится не только политическими сред-

ствами, а также простое образовательнымъ превосходствомъ, — и, отставая въ этомъ отношеніи, славянство будетъ само себя поднашивать; слѣдовательно, надо стремиться въ тому, чтобы для пріобрѣтенія болѣе высокой культурной степени не было необходимо отказываться отъ своей національности и забывать ее. Въ этомъ отношеніи славянству остается дѣлать очень многое. Справедливо замѣчено было, что раздѣленное, какъ теперь, славянство будетъ бессильно и въ развитіи образовательно-литературномъ: мелкія литературы, ограниченные небольшими кругомъ силъ и публики, неизбежно будутъ стѣснены и въ развитіи своего содержанія. Чтобы слѣдить (хотя до известной степени) за движеніемъ европейской науки, четыре-пять славянскихъ литературъ должны будутъ рядомъ дѣлать одно и то же дѣло, отнимая время и силы отъ самостоятельныхъ работъ, и такъ какъ въ небольшихъ литературахъ просто не будетъ читателей для самостоятельныхъ специальныхъ работъ, то научныя силы будутъ уходить — какъ теперь — все въ ту же нѣмецкую литературу. Тѣсный горизонтъ частнаго племени долженъ ограничивать и дѣятельность поэтическую, которая несомнѣнно зависитъ отъ объема національной жизни, отъ развитія цѣлой литературы. Намъ кажется, что литературная солидарность (въ какой бы формѣ она ни произошла) и здѣсь оказала бы оживляющее дѣйствіе. Безъ всякихъ панегириковъ русской литературѣ, нельзя не признавать, что кругъ ея литературныхъ идей, художественное достоинство ея произведеній, разнообразная выработка стиля, широта замысловъ стоитъ гораздо выше явленій всѣхъ другихъ славянскихъ литературъ (не исключая и польской).

Но, говоря все это, мы нисколько не думаемъ отвергать права другихъ славянскихъ литературъ, называть ихъ русской жизнью и т. п. То, что дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ въ славянскихъ литературахъ, имѣетъ свое достаточное историческое объясненіе, и — установленіе солидарности, о которой мы говоримъ, быть можетъ, всего больше должно быть дѣломъ самой русской литературы. Ея значеніе и интересъ въ ней въ славянствѣ возвышаются только съ ея значеніемъ дома, а послѣднее тѣсно связано съ развитіемъ обществѣности.

Для того, чтобы взаимное сближеніе славянства могло осуществиться, нужно столь многое, что въ настоящее время напославянствѣ справедливо можетъ казаться произвольной фантазіей и заявленія объ его необходимости съ русской стороны — націо-

нальной жадностью (на что наводят идеи некоторых из наших славянофилов).

Современный славянский мир почти без исключения протестует против него, отстраняя вперед свои племенные и исторические особенности. Но самъ онъ въ настоящую минуту исполненъ таинмъ противорѣчiemъ основныхъ принциповъ политическихъ и религиозныхъ, историческихъ преданій, общественно-національных стремленій, что противорѣчія, кажется, несоединимы: православіе—и католицизмъ, неуклонная абсолютная монархія—и привычка къ (худой или хорошей) конституціонной жизни, къ народно-бытовой непосредственности, Россія—и Польша, «обрусѣніе»—и упорная защита народной индивидуальности. Гдѣ вѣтъ раздорѣчія въ одномъ отношеніи, — оно сохраняется въ другомъ, и несетъ въ себѣ зародки разрыва. Такъ, восточное славянство (русскіе, болгары и сербы) соединяется единствомъ религиознымъ, многими историческими преданіями и недавней помощью; но и здѣсь отношенія деликатны, потому что у болгаръ и сербовъ является ревнивое опасеніе за неприкосновенность своей народности ¹⁾. Въ западномъ славянствѣ оближеніе затруднено цѣлымъ рядомъ несогласій — до того, что (какъ мы видѣли выше въ словахъ Палацкаго) уже теперь, такъ-сказать, ничего не видя, оно, по чувству племенной особы, относится къ предполагаемой русской гегемоніи съ настоящей враждой. Эти протесты и указываютъ, гдѣ причины существующаго и возможнаго раздора, и какииъ путемъ возможенъ оближеніе и союзъ.

Въ какой формѣ устроится будущій нанславизмъ (повторяемъ, въ какой бы ни было формѣ національной солидарности), и устроится ли онъ вообще—это, конечно, неизвѣстно, потому что возможно и то, и другое. Славянство можетъ опоздать съ союзомъ, и останется въ видѣ *membra disjecta*, съ сомнительной способностью противо-дѣйствовать организованнымъ чужимъ вліяніямъ и вмѣшательствамъ. Но если признавать, что союзъ необходимъ для національнаго бытія славянскаго мира, то въ основаніи стремленій къ

¹⁾ Русское общество, не особенно привыкшее къ политической деликатности, въ теченіи послѣднихъ годовъ не разъ высказывалось отталкивающимъ для славянства образомъ: такимъ бывали предположенія, что болгарамъ нужно бы теперь принять русскій языкъ, такъ какъ ихъ языкъ (неизвѣстный тѣмъ, кто дѣлалъ эти замѣчанія) чрезвычайно сходенъ съ русскимъ; такъ, корреспонденты и публицисты съ удовольствіемъ приводили замѣчанія добровольцевъ изъ простого народа, что-де „сербы — это тѣ же русскіе, только изъ бѣградской губерніи“ и т. п. Повторяшіе это, вѣроятно, не думали о значеніи своихъ словъ; но сербамъ и болгарамъ онѣ не могли нравиться. Другіе случаи этого рода бывали и раньше...

нему долженъ быть не духъ исключительности и нетерпимости, который еще продолжаетъ господствовать въ междуславянскихъ отношеніяхъ, а духъ примиренія. Когда извѣстная русская школа отождествляетъ славянонѣй въ православіи, пророчить гибель европейской цивилизаціи, отталкиваетъ католическое славянство, а школа польская рѣшаетъ, что Россія есть племя варваровъ, которое должно быть отѣснено въ Азію, — говорить объ этомъ союзъ смѣшно. Обѣ стороны, конечно, считаютъ себя непогрѣшимыми. Не находясь въ этомъ критичномъ состояніи, мы думаемъ, что обѣ стороны находятся въ глубокомъ заблужденіи. Обѣимъ сторонамъ недостаетъ хладнокровной критики и вниманія къ положенію и интересамъ другого племени. Обѣ теории проповѣдуютъ нетерпимость и насилие, и послѣдовательный результатъ ихъ была бы истребительная борьба — бесчисленная, между прочимъ, потому, что у обѣихъ сторонъ есть общіе враги, которымъ этотъ раздоръ служилъ бы только въ «пользу и увеселенію».

Первымъ условіемъ, необходимымъ для панславянскаго сближенія, были бы — религиозная терпимость и уваженіе къ чужей народности. Было бы странно, если бы панславянскій союзъ отнималъ или, по крайней мѣрѣ, стѣснялъ у нихъ то же, что у нихъ отнимали турки, мадьяры и тѣмцы, — между тѣмъ, понятіе о правѣ народностей у насъ до сихъ поръ почти не существуетъ: обѣ «обрусьи» у насъ говорили такъ легко, какъ о починкѣ мостовыхъ; стоило украинофиламъ воспользоваться малорусскимъ языкомъ не для однихъ стишковъ, а для популярныя книги, какъ начались крики о сепаратизмѣ; поляки, имитируя національныя стѣсненія въ царствѣ, дѣлали такіе же стѣсненія русинскому языку въ Галиціи и т. д.

Право народности есть однако капитальный пунктъ всего славянскаго движенія, — которое наполовину защитой этого права. Тяжесть нарушенія его имитировали различными образомъ почти всѣ западные и южные славяне, и въ усиленіе сопротивленія народность стала еще болѣе чувствительна, и совершенно понятно, что они упорно стоятъ теперь за ея неприкосновенность. Одни, какъ поляки и чехи, два главныхъ племени западнаго славянства, имѣли издавна богатую литературу, которая составляетъ для нихъ предметъ гордости. У поляковъ эта литература не прерывалась, но въ нынѣшнемъ столѣтіи въ русской Польшѣ подвергалась все болѣе стѣсненіямъ, — такъ что свободная печать окончательно перешла въ польскія земли Австріи и Пруссіи, и въ пріютъ эмиграціи, Парижъ. Стѣсненіе пало и на другія сто-

речи польской національной жизни, прибавляясь къ политическимъ мібрамъ, прилитымъ противъ Польши... У чеховъ была старая замѣчательная литература и свободная національная жизнь, но та и другая была насильственно прервана въ началѣ XVII столѣтія и заглохла на полтора вѣка; католическая реакція за-прещала и истребляла національныя праванія и литературу, казнила людей, жгла книги и т. д. Съ возобновленіемъ литературы въ концѣ XVIII столѣтія здѣсь явилась снова на сцену національная жизнь, которая уже считалась не существующею.

У православныхъ сербовъ и болгаръ съ паденіемъ ихъ царствъ, съ XIV—XV вѣка письменность почти окончательно исчезла, не уцѣлѣло почти никакого книжнаго преданія, а литература, вознившая у нихъ съ конца прошлаго или шестнадцатаго столѣтія, начиналась положительно вновь, на новомъ народномъ языкѣ, лишь съ слабыми воспоминаніями изъ старой книжности.

Такимъ образомъ, кромѣ поляковъ (и отчасти западныхъ сербо-хорватовъ) литература всѣхъ остальныхъ славянъ была въ полномъ смыслѣ слова возрожденіемъ. Мы указывали особенныя свойства возрожденія, составлявшія его силу. Оно было по преимуществу народное, демократическое... Съ паденіемъ старыхъ государствъ, славяне потеряли весь высшій «культурный» классъ, который или погибъ въ историческихъ катастрофахъ, или выѣхалъ народу и народности, вступивъ въ ряды побѣдителей. Такъ было у болгаръ, сербовъ, чеховъ, словаковъ, русиновъ (у белѣвчанъ, высшій классъ становился польскимъ или мадьярскимъ). Национальная жизнь сохранялась только въ бытовомъ преданіи и могла возродиться только изъ среды народа. Такъ это дѣйствительно и было...

Новые дѣятели набирались изъ самыхъ глубокихъ народныхъ слоевъ: родимой перекъ писателей, ученыхъ, политическихъ дѣятелей, военныхъ предводителей была деревня; родъ — крестьяне, много сельскій священники; первая впечатлѣнія — чистый народный бытъ. У людей этого происхожденія любовь къ народу могла быть и была, прямая, непосредственная. Вмѣстѣ начинавшіеся литературы выбирали своимъ языкомъ — языкъ самого народа, создавали новое содержаніе изъ народнаго матеріала, потому что старина была совершенно искрѣблена или забыта. Это престолярскій языкъ, мало-по-малу прилаживаемый къ книжн., литературный языкъ, построенный сверху. Такъ, риничинскій сербскій книжный языкъ не восходитъ дальше Вука Караджина; босарскій считается лишь труднымъ жаргономъ, а еще донынѣ не установленъ и т. д. Национальнѣе было: такъ должна подавлена, что ее нужно было

реставрировать: начинается изучение элементов народности. Нужно было обезпечить основанія національнаго дѣла — возникает забота о народномъ образованіи, основываются народные школы, пишутся популярныя книги. Понятно, какую важность эти народныя литературы имѣли для возстановленія національности, для образованія народной массы.

Мы упоминали, какъ легко говорили у насъ о бѣдности этихъ литературъ, предлагая вмѣсто нихъ введеніе русскаго литературнаго языка; но это были литературы на языкѣ своего народа, заключали въ себѣ все его поэтическое и патріотическое содержаніе, служили его начинающей образованности, — словомъ, были дороги своему народу, какъ вообще бываетъ дорога литература, и только что созданныя, онѣ были гордостью славянскихъ патріотовъ. Да и кромѣ того: русская литература несравненно богаче каждой изъ южнославянскихъ; но литература чешская, польская также не бѣдны, и имъ не легко предложить принятіе русскаго литературнаго языка. Дѣлать такихъ предложеній нельзя; нужно, чтобы русскій языкъ самъ по себѣ сталъ привлекателенъ и важенъ для славянства, а это можетъ быть достигнуто только внутреннимъ развитіемъ и свободой русской литературы. А теперь многія славянскія литературы въ этомъ послѣднемъ отношеніи гораздо ея выше. Странно, смѣшно сказать, что не только чешская или заграничная польская, но даже какая-нибудь русинская литература въ Галиціи, въ прежнее время даже болгарская въ Румыніи — могли говорить свысока о подценурной русской литературѣ и рѣзныхъ случаяхъ, какіе съ ней бывають!

Слѣдовательно, если бы мы желали литературнаго объединенія, надо: не требовать отъ славянъ принятія русскаго языка, — это будетъ совершенно бесполезно, да и невозможно, — а стараться поставить саму русскую литературу въ такое положеніе, чтобы она, безъ всякихъ хлопотъ и рекомендацій съ нашей стороны, получила для нихъ образовательный, научный и политическій интересъ. Слѣдовательно, прежде всего нужна забота объ обезпеченіи самой русской литературы, а она сводится, конечно, къ дѣльному положенію нашей общественности. — Въ частности, наша литература приобретаетъ важность для славянства только тогда, когда будетъ сама владѣть болѣеимъ знаменіемъ славянскихъ дѣлъ, когда славянскіе интересы (которые стали у насъ обнаруживаться не дѣлѣе, какъ только въ послѣдніе годы) получатъ въ нашей жизни болѣе право гражданства и возможность иниціативы: общество не можетъ дѣловаться однимъ насиль-

нимъ любовиствомъ, а дѣятельная инициатива находится въ известномъ положеніи, о которомъ можно имѣть понятіе по судьбѣ славянскихъ комитетовъ...

Со временемъ это положеніе вещей, вѣроятно, измѣнится, и русская литература въ состояніи будетъ занять въ славянскомъ мірѣ мѣсто, достойное «великаго народа» и «великой державы», — какового она теперь не имѣетъ, — и привлечь къ себѣ умы славянства. Но для этого ей предстоитъ еще громадный трудъ — расширить свое содержаніе, приобрести столько самостоятельности, чтобы въ вопросахъ славянскихъ она могла высказывать не одно національное хвастовство или сентиментальность, а въ вопросахъ науки она не была только повтореніемъ (на половину недосказаннымъ, перечеркнутымъ) литературъ западныхъ: иначе въ первомъ случаѣ она не будетъ интересна для славянъ, а во второмъ славяне будутъ предпочитать обращаться къ подлинникамъ, какъ дѣлаютъ теперь.

Ближайшимъ дѣломъ славянскихъ литературъ остается взаимное изученіе своихъ неродно-политическихъ отношеній, и для насъ, въ особенности, забота о внутреннемъ положеніи нашей литературы.

Чѣмъ долженъ стать панславизмъ въ политическомъ отношеніи?

Выше мы указывали, какія политическія теоріи строились о томъ, какъ можетъ быть достигнуто частное или полное объединеніе и освобожденіе славянства. Одни думали о «русскомъ панславизмѣ»; другіе о «западно-славянскомъ»; Потоцкіе мечтали о чемъ-то въ родѣ русско-славянской имперіи отъ Адриатики до Камчатки и Алеутскихъ острововъ; славянофилы — не зная хорошаго, о какой политической формѣ союза, но о союзѣ славянства, возвращеннаго въ православіе; о такомъ же союзѣ думалъ Штуръ; австрійскіе славяне, въ особенности чехи, надѣялись на федерацію австрійскаго славянства, или на славянскую Австрію; поляки думали сами стать во главѣ западнаго славянства, а чаще — просто объ отдѣльной восстановленной въ старикъ границахъ Польшѣ; европейскимъ публицистамъ въ прежнее время мерещилась имперія славянскаго Чингисъ-хана, захватывающаго среднюю Европу и т. д.

Мы не беремся дѣлать предсказаній, какъ нѣкоторые изъ славянофильскихъ мыслителей; мы не имѣемъ такихъ свѣдѣній о будущемъ славянства, которое, напротивъ, кажется намъ очень загадочнымъ. Вѣрно только, что не будетъ ни чингисъ-хановаго завоеванія, ни погодинской имперіи: ни то, ни другое не

въ духѣ новой исторіи. Затѣмъ, славянскій міръ можетъ принять самыя различныя формы, между прочимъ — въ худшемъ случаѣ потерять многихъ своихъ членовъ, въ лучшемъ — достигнуть національной свободы, и при этомъ однако совсѣмъ обойтись безъ политическаго сліянія. Мы видѣли, какъ мало само славянство жаждетъ объединенія, которое стѣснило бы частныя народности, и, вѣроятно, надолго удовлетворилось бы, если бы были удовлетворены первоначальныя требованія его внутренней свободы и политической цѣльности. Нужна только та «справедливость», о которой говорилъ Штуръ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, остаться спокойной Болгарія, разрываемая на части, на половину свободная, на половину отдаваемая обратно туркамъ? Не дастъ ли это одно достаточнаго повода въ политическому волненію, которое тотчасъ клѣмать какъ панславизмъ? Можетъ ли оставаться спокойнымъ сербское племя, также разрываемое на куски, наперекоръ всѣмъ естественнымъ связямъ? Тотъ и другой фактъ, и подобные имъ будутъ по-прежнему производить бременіе въ славянскомъ мірѣ, пока не достигнется какое-нибудь болѣе разумное политическое устройство племенъ, которыми такъ давно приходилось и приходится вести бездомную жизнь на своей родинѣ. Племенные сочувствія имѣютъ, безъ сомнѣнія, свою роль въ между-славянскихъ отношеніяхъ; но здѣсь глубокое основаніе сочувствій и желанія подать помощь заключается не въ какомъ-нибудь отвлеченномъ ультра-національномъ задорѣ, не въ идеалистическомъ «панславизмѣ», а въ естественномъ побужденіи помочь единоплеменнымъ народамъ, получить тѣ элементарныя обезпеченія, въ которыхъ не могло бы отказать имъ безпристрастно примѣненное народное право.

Когда существуютъ такіе отношенія, противорѣчація самому простому чувству политической справедливости; когда имѣетъ всѣ данныя быть и развиваться политическій панславизмъ, стремленіе въ союзу, который одинъ можетъ обѣщать опору для справедливаго дѣла. Въ этомъ смыслѣ развитія нравственно-національныхъ связей, мимо всякихъ плановъ о какомъ-нибудь все-славянскомъ государствѣ, панславизмъ долженъ стать дѣломъ для всего славянства. Начатки такого стремленія уже существуютъ: Россія (хотя мало и не постоянно) уже помогала Сербіи, Черногоріи, теперь Болгаріи. Въ своемъ нравственномъ и политическомъ интересѣ, и въ интересѣ самого славянства, она не должна находить этого пути — никакого ущерба чуждому настоящему «праву» — едѣсь не произойдетъ; но справедливости давно обидящимся народамъ могла бы быть оказана. Что при этомъ развѣется,

напр., Турція, то это будетъ вовсе не нарушеніемъ чужеземнаго «права», а его восстановленіемъ.

Нравственно-политическая солидарность, о которой мы говоримъ, есть однако еще новая вещь. Не только въ нашемъ обществѣ (мы не говоримъ здѣсь о дѣйствующей нынѣ политикѣ— взгляды ея намъ неизвѣстны), но и въ самомъ славянствѣ еще не умѣли выяснять себѣ отношеній, какія должны бы связывать обѣ стороны для общихъ цѣлей. Славянство не умѣетъ отличать Россіи официальной отъ неофициальной, государства отъ общества, дѣйствующей дипломатіи отъ нарождающихся взглядовъ общества и литературы, отличать того, что можетъ быть сдѣлано въ настоящую минуту, и того, чего можно и надо ожидать въ ближнему будущемъ. Быть можетъ, это мало пособитъ въ настоящую минуту; но думаемъ, что теперь болѣе внимательное изученіе взаимныхъ отношеній было бы очень полезно для будущаго—это приготовило бы взаимное пониманіе двухъ обществъ, болѣе прочныя литературныя связи, разсѣло бы недоразумѣнія, какіхъ еще много, въ особенности ту взаимную нетерпимость, политическую и религіозную, которая составляетъ одно изъ главныхъ золь славянской жизни, и помогло бы опредѣлить какъ общіе интересы. Не менѣе труда предстоитъ и для нашего общественнаго сознанія. Солидарность съ славянствомъ не была бы вѣрный политическій союзъ съ чужимъ государствомъ, который создается расчетами данной минуты и всякими случайностями; здѣсь выходитъ, напротивъ, нравственно-національный элементъ, потому что таковъ элементъ есть племенное единство: его историческое изученіе дастъ факты для объясненія нашей старины и народности; разумно понимаемое теперь, оно вырастаетъ въ сочувствіе къ національному разнью нашихъ единоплеменниковъ и отражается на нашемъ собственномъ самосознаніи. Вопросъ, слѣдовательно, не можетъ или не долженъ оставаться только дѣломъ государства и, напротивъ, требуетъ участія и инициативы общества,—здѣсь основаніе на тому требованію, которое выставлено Штурмомъ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы могла у насъ идти серьезная и добросовѣстная рѣчь о панславянской взаимности и союзѣ, о славянской роли Россіи, нужны, какъ говоритъ онъ, основательныя преобразованія въ нашей общественности, которыя дали бы возможность открытымъ обсужденіямъ предмета въ свободной печатной рѣчи и возможность общественной инициативы. Вотъ

¹⁾ „Славянство и міръ будущаго“, стр. 181; „Вѣстн. Вар.“, въ ноябрьской числѣ, стр. 843.

знаменательный пунктъ славянскаго вопроса; онъ былъ замѣченъ даровитымъ славяниномъ, горячимъ патріотомъ своей родины, но вмѣстѣ привязаннымъ глубоко къ Россіи и призваннымъ общеславянской союзъ,—но у насъ все еще остается невразумительнъ.

Но нуженъ ли панславизмъ самому русскому обществу?

Въ западномъ славянствѣ, имѣющемъ обыкновенно слабѣе понятіе о русской жизни и литературѣ, часто думаютъ, что въ русскомъ обществѣ есть «славянская» партія, т.-е. славянофилы (съ которыми, однако, какъ мы видѣли, они совсѣмъ не могутъ поладить), и партія, враждебная славянству, «западная», даже «нѣмецкая», какъ называли ее чехи (противники славянофиловъ выходили «нѣмцами»!). Въ чемъ дѣйствительно были несогласны русскія партіи, до недавняго времени оставалось непонятно на славянскомъ югѣ и западѣ. Тамъ знали нѣчто о спорахъ нашихъ партій въ сороковыхъ годахъ и продолжали примѣнять это и къ нынѣшнимъ партіямъ. Не знаемъ, увидятъ ли они теперь различіе нашихъ партій.

До послѣдней войны наше общество было порядочно равнодушно ко всякимъ славянскимъ дѣламъ, и имѣло о нихъ весьма умѣренные свѣдѣнія.

И донинѣ, несмотря на то, что въ послѣднихъ событіяхъ обнаружилось много сочувствій къ славянству, вовсе нельзя сказать, чтобы онѣ установились у насъ прочно и сознательно. Въ настроеніи общества были тогда самые различные мотивы: у однихъ (немногихъ) давній интересъ къ славянству; у другихъ — непосредственныя впечатлѣнія отъ варварскихъ убійствъ; дагѣе — религиозныя сочувствія къ единовѣрцамъ; былъ обычный, бессодержательный шовинизмъ; наконецъ — у очень многихъ, потребность въ какомъ-нибудь живомъ дѣлѣ, чтобы спастись отъ подавляющей апатіи и скуки... Начавшееся дѣло увлекало и вызвало самыя высокія нравственныя движенія. Но дѣло кончилось; домашняя жизнь возвращается въ старую колею, еще занимаютъ результаты событій, но возвращается и прежняя безжизненность общественнаго быта, возбужденнаго чувства ничто не поддерживаетъ, и въ концѣ-концовъ является полу-равнодушное отношеніе къ дѣлу, на которое потрачено столько силъ и столько жертвъ.

Положеніе русской общественности легко указываетъ причины этого равнодушія. Во-первыхъ, событія идутъ мимо общества и оно охлаждаетъ къ ихъ теченію; съ другой стороны, всѣми чув-

сказывается (а многими очень сильно), что у насъ есть много вещей, для насъ гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ славянский вопросъ. Намъ слишкомъ часто «не до связать».

Въ этомъ именно издавна заключалась причина равнодушія нашего общества къ славянскому вопросу. Людямъ серьезнымъ, но не склоннымъ къ національному идеализму, было ясно, что, по внутреннему положенію нашего общества, славянский вопросъ ему недоступенъ; что, какъ бы онъ ни былъ важенъ самъ по себѣ, есть гораздо болѣе важные наши собственные вопросы, которые требуется рѣшить раньше, и притомъ только съ рѣшеніемъ этихъ настоятельныхъ домашнихъ дѣлъ мы имѣли бы возможность отнестись къ славянскому вопросу не съ одними голыми теоріями или наивно-поэтическими мечтаніями. Они думали и думаютъ до сихъ поръ, что постановка вопроса (какая дѣлалась нашей славянской школой), безъ этой существенной оговорки, есть вредная ошибка, потому что она отвлекала общество отъ ближайшихъ его задачъ, вводила въ заблужденіе объ его действительномъ положеніи, нитала самообольщеніями; тѣмъ болѣе еще, что съ теоріей «греко-славянскаго міра» соединилась, относительно внутреннихъ нашихъ дѣлъ, идеально-консервативная теорія, которую не всегда можно было различить отъ теорій совсемъ грубо-консервативной. Что самообольщеніе действительно ниталось, это можно было видѣть въ волю на новѣйшихъ толкахъ о славянствѣ и Европѣ: когда нужно было позаботиться по крайней мѣрѣ узнать что-нибудь о баланскомъ славянствѣ, у насъ была уже обличеная «Европа» и ея цивилизація¹⁾; дошло до того, что челоуѣкъ, усомнившійся въ этой теоріи, занозоривался ея партизанами въ недостатки любви къ отечеству, а между тѣмъ Европа откинула отъ Болгаріи Восточную Румелію и Македонію все для тѣхъ латроукъ, Востію и Герцеговину (съ которыми и началась страшная борьба) подарила Австріи... Сколько подъ фразами объ освобожденіи славянства, какія стали ходить въ обществѣ, скрывалось лицемеріи и абсолютной пустоты, объ этомъ будущій истерикъ справится у сатирика, сочиненія котораго останутся изумительнымъ «зерцадомъ» нашего времени.

Была еще одна очень серьезная сторона дѣла. Противники нашей славянской школы не желали, чтобы славянство было введено въ заблужденіе относительно Россіи: во ихъ мнѣніи, было само-надеянность говорить о преданаченіи Россіи быть универсаль-

¹⁾ Въ „Вѣстн. Евр.“ приведенъ былъ еще недавній приговоръ профессора русской исторіи и представителя здѣшняго славянскаго комитета, осудившій ихъ на погуби.

ной заидитницей славянства, какъ о фактѣ, — когда факта еще не было, — а тамъ, рано было заявлять требованіе главенства. Во-вторыхъ, они думали, что никола безъ достаточнаго основанія присвоивала себѣ одной паллину «русскій» взглядъ на славянскія отношенія, — думали это по очень простой причинѣ: русское общество не имѣло и до сихъ поръ не имѣетъ полной свободы для выраженія своихъ мнѣній. Могло быть (и пожалуй было бы), что если бы такая свобода существовала и если бы русскій «народъ» (которымъ вообще такъ смѣло распоряжаются наши теоретики) могъ самъ выражать свои мысли, независимо отъ газеты, то онъ бы высказался не совсѣмъ такъ, даже совсѣмъ иначе, нежели тѣ, кто самозванно брались за него говорить.

Такия мысли являлись еще въ сороковыхъ годахъ, когда Погодинъ выступилъ первымъ публицистомъ по славянскому вопросу и когда начиналась славянофильская школа, — и высказываются донынѣ.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ слышалось — кромѣ тѣхъ выражений сочувствія, какія вызывались близкими, сильными впечатлѣніями событій — два рода мнѣній о существѣ дѣла: одни (мы говоримъ о людяхъ убѣжденных, а не о фразерахъ) въ прежнемъ духѣ славянской идеологии говорили о предзнаменованіи Россіи, восгоржались исполненіемъ его въ вышней войнѣ, предвѣщали гибель европейской цивилизаціи и замѣну ея славянскою; люди одного отъѣнка эти мнѣнія находили, что вопросъ еще не со- вѣсь сдѣланъ, но, впрочемъ, смотрѣли на дѣло съ особеннымъ энтузіазмомъ, въ убѣжденіи, что все-таки славянскіе принципы восторжествуютъ. Другіе, напротивъ, съ самаго начала смотрѣли недоумѣливо на внутреннее противорѣчіе между характеромъ нашего общественнаго быта и свойствомъ предстоящей освободительной задачи; они съ наивѣщей порочью смотрѣли на ходъ и ожиданіе событій, на ту массу «оборонитъ сторонъ», которая оказалась въ освободительномъ дѣлѣ. Они убѣждались, что противорѣчіе действительно расширилось...

Такой глубокой раздоръ мнѣній можетъ навести сомнѣніе, слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ русскому обществу тратить силы и время на задачи, которымъ не соответствуетъ наше внутреннее положеніе. Многие и рѣпаютъ, кто же слѣдуетъ. Малозначность славянскихъ дѣлъ и отношеній еще утѣшаетъ насъ, что это міръ — намъ чуждый, которому мы можемъ приносить только финансо- скую силу, а отъ него ничего не получать. Но, тѣмъ не менѣе, славянский вопросъ существуетъ и для насъ: онъ поставленъ исторически, и ведетъ за собой свои послѣдствія. Россія принимала

участіе въ освобожденіи Сербіи, освободила (хотя пока только на половину) Болгарію; мы замѣшаны въ славянскій вопросъ со стороны Польши, а съ нею связаны черезъ западный и юго-западный край; Польша и Малороссія сближаютъ насъ съ дѣлами Галиціи. Все это — вопросы самые реальные, которые, рано или поздно, потребуютъ себѣ общественнаго вниманія — какъ уже, случалось, и требовали его; надо желать, чтобъ они не заставляли насъ врасплохъ, съ невыясненными понятіями. Съ другой стороны, славянское возрожденіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, безъ сомнѣнія, принесетъ новыя факты сближенія. Кто слѣдитъ за «мелодіями, побѣдами» западныхъ и южныхъ славянскихъ литературъ, замѣтитъ, что возникаетъ, хотя еще немногими проявленіями, солидарность въ литературно-общественныхъ идеяхъ, какой доселѣ еще не было. Литературная «взаимность», которая ограничивалась археологіей и филологіей, начинаетъ захватывать область общественныхъ вопросовъ, — на которой только и можетъ со временемъ вырасти полное взаимное пониманіе.

Мы должны бы вончить общими выводами, но мы не имѣли цѣлью выставить программы. Настоящая минута очень неудобна для всестороннихъ изслѣдованій, для полныхъ и ясныхъ заключеній; мы хотѣли только, сколько возможно, устранить тѣ ошибочныя мнѣнія, какия мѣшали и мѣшаютъ у насъ правильному пониманію самыхъ крупныхъ сторонъ въ славянскихъ дѣлахъ, и указать, какимъ единственнымъ путемъ можно придти къ вѣрной постановкѣ труднаго вопроса: наши панславянскіе взгляды выяснятся въ теоріи и будутъ прочно поставлены практическіи лишь тогда, когда наши общественныя силы будутъ имѣть прочное развитіе, позволяющее на нихъ опереться. Только тогда мы будемъ въ состояніи говорить съ правомъ о нашемъ значеніи для панславянскаго союза и единства.

А. Пыпинъ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ДАННИКЪ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

Составляя историческую монографію о Богданѣ Хмельницкомъ, мы хотя и обращались тогда во всѣ наши древле-хранилища, гдѣ могли надѣяться найти письменные источники объ эпохѣ, которую принимались обрабатывать, но не все могли видѣть и читать, потому что не вездѣ давался намъ во всему доступъ, въ виду разныхъ высшихъ соображеній тѣхъ почтенныхъ особъ, которыя заведывали такими источниками. Отъ этого въ нашу монографію не вошло иное, чтó, повидимому, должно было войти, такъ какъ собранія, гдѣ хранились эти источники, обозначены у насъ въ перечнѣ источниковъ въ числѣ тѣхъ, которыми мы пользовались. Недавно, занимаясь въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ матеріалами для исторіи Малороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, мы случайно наткнулись на значительное количество документовъ, относящихся къ Богдану Хмельницкому, изъ которыхъ многіе оказались намъ до-сихъ-поръ неизвестными. Благодаря доброму вниманію г. управляющаго главнымъ московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ, барона Ф. А. Бюлера, и подначальныхъ его чиновниковъ (которыхъ предупредительность и готовность оказывать всѣ зависящія отъ нихъ услуги выше всякой признательности), мы имѣли возможность просмотрѣть эти документы, и съ удивленіемъ увидали тамъ кое-что, долженствующее, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, измѣнить не только личный нашъ, но и вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многозначительной эпохи.

Его отношенія къ Турціи представляются въ немъ свѣтъ, а не въ томъ, въ какомъ привыкли мы себя изображать ихъ.

Знаменитый казацкій вождь, котораго мы считаемъ искреннимъ слугою московскаго престола и однимъ изъ славнѣйшихъ двигателей дѣла объединенія русскою державы, былъ на самомъ дѣлѣ данникомъ оттоманской порты и не переставалъ считать себя такимъ и послѣ переславскаго договора, когда, казалось намъ, ничто не дозволяло бы сомнѣваться въ его вѣрности Россіи.

Такія отношенія начались еще въ 1619 году, какъ показываетъ одинъ документъ о плаваніи по Черному морю и о торговлѣ, напечатанный въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, но совершенно утвердился онъ въ концѣ 1650 года, какъ ясно свидѣтельствуется хранившаяся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ грамота султана Мехмета, писанная по-турецки на пергаментѣ съ приложеннымъ при ней старымъ польскимъ переводомъ. Она гласитъ такъ:

«Наиблаженнѣйшему изъ монарховъ религіи Іисусовой гетману казацкому Богдану Хмельницкому, его же конецъ да будетъ счастливъ чинится, писаніе сіе, исходящее отъ нашего высокаго и пресвѣтлаго трона чрезъ одного изъ урядниковъ нашихъ Османъ-Чауша, возвращающагося вмѣстѣ съ вашимъ посломъ, который привезъ ваше писаніе, исполненное самой завязтой искренности. Сообразно съ обычаями всего свѣта, величнѣйшій намѣстникъ нашъ, величнѣйшій нашъ великій визирь приказалъ перевести его дословно и подать намъ. И мы, уразумѣвши его содержаніе, то-есть ваше и всего войска вашего прошеніе, поняли, что вы скорбите на своихъ неискреннихъ друзей, равно какъ и на жестокихъ вашихъ непріятелей: все о чемъ вы писали къ намъ, мы узнали и уразумѣли. Знайте же, что высокая Порта обикла оказывать милость и милосердіе друзьямъ и карать своихъ враговъ. Вы съ вѣрною искренностію откровенно высказались, отдаетесь подъ крикъ и подъ протекцію непобѣдимой Порты нашей, и мы сердечно и любовно принимаемъ васъ и о вѣрности и искренности вашей не сомнѣваемся. Что вы секретно сообщали Османъ-Чаушу, о томъ о всемъ въ подробности онъ сообщилъ намъ, и мы тотчасъ къ вельможному монарху хану крымскому послали свой вѣрнѣйшій и строгій указъ, повелѣвая, чтобъ онъ никогда своихъ очей и ушей не обращалъ на польскую сторону, напротивъ, если бы оттуда подулъ какой-нибудь вѣтеръ, несущій на васъ войну и гоненіе, если бы полки неожиданно и насильно напали на войско ваше, то чтобъ онъ тотчасъ своимъ быстролетнымъ

войскомъ постарался подать вамъ помощь, гдѣ бы только оказалось это нужнымъ. Мы ему это сурово призывали. А нова только вы со всемъ войскомъ вашимъ будете вѣрными искренно преданными счастливой Портѣ нашей, до-тѣль-норъ ведите сношеніе съ ханомъ безопасно, и не обманетесь. Уже теперь высокая Порта вполне принимаетъ васъ подъ свою протекцію, и вы будете въ томъ увѣрены и намъ черезъ своихъ пословъ въ подробности объясняйте о всемъ, что дѣется въ вѣкахъ вашихъ. Нынѣ же, въ знакъ нашего расположенія, исходящаго отъ великихъ монарховъ, цесарей, владыкъ всего свѣта, при семъ нашемъ ясномъ писаніи посылаемъ штуку златоглаву и нафтавъ, чтобъ вы съ увѣренностію возложили на себя этотъ нафтавъ въ томъ смыслѣ, что вы теперь стали нашимъ вѣрнымъ данникомъ. А что вы намъ яснѣйшую Портѣ просили, что готовы данъ давать, какъ иные наши христіанскіе данники даютъ, то мы, благорасположенные къ вамъ, оцѣнивая ваши добродѣтели, тѣмъ остаемся довольны. А притомъ, чтобъ вы пословъ своихъ, людей достойныхъ на резиденцію сюда, къ намъ прислали, въ утвержденіе нашей дружбы посылаемъ вамъ сіе писаніе.

Данъ въ началѣ мѣсяца Ребіуль Эвеса 1061 (въ декабрѣ 1650)».

Грамота эта доставлена была Хмельницкому въ ту пору, когда онъ, предвидя скорое возобновленіе войны съ поляками, боялся польскими стараниями склонить на сторону Польши крымскаго хана Исламъ-Гирея, данника Порты, прежняго союзника казаковъ, подворывая въ послѣднемъ охлажденіе къ себѣ. Хмельницкій думалъ побудить Турцію приказать хану возвать за казаковъ уже въ силу того, что казаки стали подвластными турецкому султану, которому повиноваться обязанъ былъ крымскій владетель.

Въ февралѣ слѣдующаго 1651 года начались первыя неприязненныя дѣйствія между казаками и поляками. Изъ Очакова татарскій вождь Вели-ата писалъ къ Хмельницкому, что скоро прѣбудутъ въ Очакову вспомогательныя татарскія силы, и вѣселились какъ онъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, воевалъ подъ Збарашемъ въ 1649 г., просилъ казацкаго гетмана замолвить о немъ доброе слово передъ ханомъ, видимо заискивая протекцію у новаго верховнаго повелителя мусульманъ; но турецкій начальникъ въ Очаковѣ Арамаданъ-бегъ писалъ къ Хмельницкому, что этотъ Вели-ата разсылалъ письма къ татарамъ, будто съ согласія хана, чтобъ татары не стѣснили помогать казакамъ. Это сдѣлалось при-

чиною замедленія орды, и Хмельницкій напрасно укорялъ въ томъ его, Арамадана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Арамаданъ-бегъ извѣщалъ, что уже салтанъ, братъ ханскій, съ ордою въ Перекопѣ, а самъ Арамаданъ-бегъ выступилъ въ походъ въ пятницу съ казацкими посланцами: Матвѣемъ, Бѣлошанкою и Буткомъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мартѣ великій визирь Мелитъ-Ахметъ-паша извѣщалъ Хмельницкаго, что государь его, султанъ оттоманскій, благосклонно принялъ увѣренія казацкаго гетмана и всего войска въ дружественномъ расположеніи къ Турціи и въ вѣрности ея монарху, и повелѣлъ приказать крымскому хану, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ братьями своими велъ орду на помощь казакамъ противъ поляковъ. Въ то же время написано было отъ имени падишаха господарю молдавскому суровое неодобреніе его поступковъ, показывавшихъ его нерасположеніе къ Богдану Хмельницкому, такому же, какъ и онъ самъ, даннику оттоманскаго императора. Султанъ опять посылалъ Хмельницкому въ знакъ своей неизмѣнной къ нему благосклонности богатый кафтанъ, а визирь отъ себя послалъ ему въ подарокъ дорогой вораллъ персидскій. Визирь совѣтовалъ гетману отправить въ Варшаву своихъ пословъ, чтобъ вывѣдать о замыслахъ поляковъ, но никакъ не довѣрять коварнымъ увѣреніямъ въ желаніи мира, а о томъ, чтó узнаеть, доставлять свѣдѣнія въ Турцію. Нѣкто Бекташъ-ага-Янчерикъ въ томъ же мартѣ писалъ къ Богдану Хмельницкому изъ Константинополя, что при дворѣ падишаха всѣ радуются союзу съ казаками, а именитые сановники денно и нощно прославляютъ подвиги Богдана Хмельницкаго. Недавно пріѣхавшій изъ Чигирина Османъ-ага опять былъ отправленъ къ казацкому гетману и повезъ ему извѣстіе, что, кромѣ крымскаго хана, придутъ къ нему на помощь силы изъ Добруджской земли. Разомъ съ ласковымъ вниманіемъ къ своему дѣлу со стороны мусульманскихъ властей, Хмельницкій получалъ благословенія и благожеланія отъ представителей православной іерархіи въ земляхъ, подвластныхъ турецкому государю. Константинопольскій патріархъ Паресній, отъ 4 февраля, послалъ къ Хмельницкому грамоту, въ которой величалъ гетмана какъ воителя за православную вѣру противъ латинства и призывалъ на него Божіе благословеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ и о подачѣ чрезъ посланнаго въ русскія страны какого-то Никиту Михайловича. Февраля 18, подобная патріаршая грамота послалась къ тогдашнему кievскому митрополиту Сильвестру Коссову, а февраля 20, двѣ грамоты: одна къ генеральному писарю войска запорожскаго Ивану Выговскому, другая—къ бывшему уже при

Хмельницкомъ митрополиту Коринескому, который впоследствии былъ убитъ на Берестечскомъ сраженіи. Всѣ четыре грамоты, касающіяся одного предмета, писаны по-гречески и съ приложенными латинскими переводами хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ иностранникъ дѣлъ. Изъ нихъ видно, что послами въ Константинополь отъ Богдана Хмельницкаго были тогда Антонъ Ждановичъ, кievскій полковникъ, и какой-то Павелъ Ивановичъ, а при нихъ былъ переводчикъ, именемъ Павелъ.

Послѣ несчастнаго иоразенія казацкихъ силъ подъ Берестечкомъ, когда Богдану приходилось мириться съ поляками на условіяхъ, далеко не такъ выгодныхъ, какими были прежнія заключенія съ королемъ подъ Зборовымъ, Хмельницкій писалъ къ турецкому султану изъ обова подъ Бѣлою-Церквою въ сентябрѣ (безъ означенія числа): «На сихъ дняхъ подданный вашего императорскаго величества Османъ-Чаушъ въ добромъ здравіи прибылъ къ намъ вмѣстѣ съ нашими послами и доставилъ намъ нисмо вашего величества, которое мы, какъ подобало, почтительнѣйше приняли. Ваше императорское величество обѣщали намъ прислать на помощь хана крымскаго и ниня войска изъ добруджской земли, но мы, не жая оставаться безъ дѣла, при помощи всемогущаго Бога, имѣли страшную битву съ ляхами, о чемъ вашему императорскому величеству сообщить подданный вашего величества Османъ-Чаушъ, который во войхъ битвахъ участвовалъ и видѣлъ все, что здѣсь дѣлалось; но такъ какъ вспомогательныя силы изъ Крыма и изъ Добруджи опоздали, пришлось намъ постановить миръ съ ляхами. Однако мы постоянно и незыблительно остались въ давнишней пріязни съ ханомъ крымскимъ и желаемъ сохранять пріязнь эту до послѣднихъ минутъ нашей жизни. Также хотимъ пребывать вѣрными подданными вашего императорскаго величества, какъ и добромъжелательными друзьями хана. Нураддинъ султанъ находился при насъ во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ, повазалъ себя мужественнымъ и достоинъ за свою отлагу уваженія и справедливой награды при достодожной признательности. Хотя мы съ ляхами заключили миръ, однако держимъ ляховъ въ рукахъ. Того ради покорно просимъ ваше императорское величество написать снова къ хану, чтобъ онъ соблюдалъ союзъ, который мы съ нимъ заключили, и во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и случайностяхъ находился бы съ нами, что и мы съ нашей стороны ему и вашему императорскому величеству взаимно общаемъ, а на сей часъ поклонъ намъ отдаютъ какъ вѣрные подданные, прося Бога даровать вашему императорскому величеству при долголѣтнемъ здравіи де-

бѣду надъ каждымъ изъ нашихъ непріятелей.—Въ обѣи подѣ Бѣлоу-Церковью, въ сентябрѣ Вашего императорскаго величества вѣрный и низайшій подданный Богданъ Хмельницкій гетманъ».

Повидямому, Хмельницкій хотѣлъ тогда въ насамѣ своемъ увлечься отъ сообщенія своему государю истины о пораженіи, постигшемъ казаковъ. Онъ объясняетъ, будто бы, не дождавшись прибытія обѣщанной помощи и между прочимъ прибытія хана съ ордами, казаки вступили въ битву съ ляхами, но не такъ было: ханъ успѣлъ соединиться съ казацкимъ войскомъ и убѣжалъ съ своими татарами въ самый разгаръ берестечской битвы, увлекая за собой Хмельницкаго противъ его собственной воли, и казаки, оставшись безъ вождя, понесли страшное пораженіе. Хмельницкій, какъ кажется, вовсе не дѣластъ никакого намека на берестечское дѣло и, говоря о битвахъ съ ляхами, имѣетъ въ виду тѣ, которыя происходили у него съ войскомъ Потоцкаго и Калиновскаго подѣ Бѣлоу-Церковью, и только на этихъ битвахъ могъ присутствовать Османъ-Чаушъ, который, какъ гласитъ письмо Хмельницкаго, только на-дняхъ передъ тѣмъ пріѣхалъ къ гетману вмѣстѣ съ казацкими послами, возвращавшимися отъ султана. Быть на берестечскомъ сраженіи, потому сѣздить въ Турцію и успѣть воротиться опять въ Украину едва ли могъ онъ въ тѣ времена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; притомъ мы знаемъ, что посланникъ турецкаго султана, нашедшійся у Хмельницкаго во время берестечскаго сраженія, былъ взятъ въ плѣнъ поляками. Вѣроятно, этотъ взятый въ плѣнъ посланецъ турецкаго султана былъ Османъ-ага, объ отправленіи котораго къ Хмельницкому писалъ послѣднему Бекташъ-ага-Яничеръ въ мартѣ. Этого Османъ-агу надобно отличать отъ Османъ-Чауша, нѣсколько разъ ѣздившаго къ казацкому гетману и пріѣзжавшаго къ нему въ то время, какъ онъ заключалъ съ польскими военачальниками договоры подѣ Бѣлоу-Церковью.

Въ январѣ 1654 года состоялся, какъ всѣмъ извѣстно, переяславскій договоръ съ московскими послами, и въ силу этого договора гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и со всею Малою-Россією поступилъ въ подданство московскаго царя. Какъ же съ тѣхъ поръ относился бывшій вѣрный подданный турецкаго величества къ этому величеству и къ его подручникамъ? Предъ нами письмо Богдана Хмельницкаго къ крымскому хану отъ 16 апрѣля того же 1654 года. Объ этомъ писемѣ мы упоминали въ нашей исторической монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, зная его по одной рукописи Публичной бібліотеки разноименнаго отдѣла, но это не должно мѣшать

привести его по списку архива иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ здѣсь оно и полнѣе и вѣрнѣе. Хмельницкій пишетъ къ хану:

«Что мы писали о поновленіи присяги между казаками и татарами, то это завязалось не по моей волѣ, а по волѣ цѣлаго войска, по тому поводу, что трактаты, состоявшіеся подъ Каменцемъ (жванецкій договоръ въ декабрѣ 1653 года) объ насъ, не повели ни къ чему послѣдовательному, и мы до сихъ поръ не имѣемъ привилегій отъ короля на зборовскія условія; напротивъ, вмѣсто мира, — великое безпокойство и война; къ тому же и нѣкоторые изъ войскъ вашей ханской милости учинили намъ великія кривды, а потому войско наше какъ бы пришло въ сомнѣніе. Но когда мы остались увѣренными въ неизмѣнномъ благорасположеніи вашей царской милости и въ вѣчной неразрывной присягѣ, то мы вашу царскую милость благодаримъ, а съ своей стороны обѣщаемъ, что навѣки вѣчные ничѣмъ не нарушимъ нашей присяги, и послѣ насъ будутъ соблюдать ее и потомки наши, которую присягу, Бога высочайшаго призывая во свидѣтели, мы нынѣ поновляемъ, желая оную сохранять вѣчно, развѣ бы какая-нибудь значительная немилость оказалась къ намъ отъ вашей царской милости по кознямъ непріятельскимъ. Богъ видитъ, мы того не желаемъ, а напротивъ — низайше просимъ вашу царскую милость: если бы кто на насъ клеветать сталъ, не извольте вѣры. Хотя ваши враги на насъ клеветаютъ лживо, а тутъ сами подъ нами копаютъ ямы. Мы обезпечились было постановленнымъ миромъ и ожидали привилегій королевскихъ на зборовскія условія, но вмѣсто мира явился Потоцкій съ войскомъ польскимъ и съ пятью тысячами венгровъ и еще волоховъ, надъ которыми старшой Глигоръ Гурмась. Напавши, они опустошили многія мѣстечки и, людей убивая, вторглись подъ самую Умань. Но по милости Божіей не получили они себѣ утѣшенія; напротивъ, принуждены были уходить назадъ съ большимъ для себя вредомъ. Однако же къ намъ доходить извѣстіе, что они еще большія силы собираютъ на насъ, и Радзивиллъ съ войскомъ приближается въ Любечу и Лоеву. Затѣмъ еслибъ и далѣе войска ихъ вступили на насъ, покорно просимъ вашу царскую милость о вспомогательныхъ силахъ, сообразно вѣчной присягѣ.

«Мы обязаны будемъ заслужить это взаимною нашею службою противъ каждаго непріятели. Что касается до Москвы, что мы съ нею вошли въ пріязнь, то мы учинили такъ по совѣту вашей царской милости, когда поляки со всѣхъ сторонъ на насъ привлекали враговъ, отчего же и намъ того же съ ними не чинить; лучше же намъ имѣть друзей со стороны Смоленска и другихъ

городовъ королевскихъ! Что же наши посланцы намернули передъ вашимъ царскимъ величествомъ, яко бы Москва нами овладѣть имѣла (орановаѣ mioła), то такая у насъ въ то время была бы вѣдомость, но теперь о томъ нѣтъ уже никакой рѣчи. Когда проявится у насъ что-нибудь новое по этой части, мы не замедлимъ уведомить о томъ вашу царскую милость. На счетъ задержанныхъ татарскихъ невольниковъ мы издали универсалъ, чтобъ такіе гдѣ найдутся, были на волю отпущены; татаринъ вашъ, вѣсть съ нашими казаками, поѣхалъ отыскивать ихъ по городамъ. Обо всемъ этомъ подробное устно сообщить посланецъ нашъ Семенъ Савичъ. Мы же вторично прося вашей милости къ намъ, сами себя съ нашими добровольными услугами отдаемъ вашей царской милости. Вашей царской милости добροжелательный слуга Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ занорожсensemъ.

«По написаніи этого письма пришли къ намъ два вѣрныхъ извѣстія о томъ, что поляки постановляютъ у себя на сеймѣ. Одно извѣстіе доставлено уманскимъ полеовникомъ. Когда подъ Умань приходили ляхи, тогда нашимъ попалъ въ плѣнъ всендѣзъ капелланъ польскаго гетмана Потоцкаго; онъ хотя былъ раненъ и находился при смерти, но подъ совѣстью сообщилъ нашимъ такъ: «Мы сюда идти не думали, но король и Рѣчь-Посполитая послали насъ. Я самъ былъ на сеймѣ и знаю навѣрное: король самъ лично не пойдетъ на войну, и останется въ Варшавѣ, а на свое мѣсто пошлетъ королевскаго брата Карла, который тотчасъ, какъ только трава начнетъ расти, двинется прямо подъ Умань съ войскомъ, состоящимъ изъ поляковъ, молдаванъ, венгровъ и нѣмцевъ; уже теперь приказано Потоцкому тамъ укрѣпить хорошенько обозъ. Когда всендѣзъ этого спросилъ: зачѣмъ такъ глубоко въ Украину идетъ королевское войско?—онъ отвѣчалъ:—татаръ на помощь къ себѣ ожидаетъ королевскихъ, говорятъ, обѣщано нѣсколько десятковъ тысячъ талеровъ на войну противъ казаковъ. Другая вѣдомость изъ литовскихъ краевъ: при одномъ трутѣ нашамъ письмо, писанное авизами, оно согласовалось слово въ слово съ тѣмъ, что объявилъ всендѣзъ. Изволь, ваша царская милость, выкинуть въ это: какіе у нихъ замыслы? Мы имъ не доверимъ, но предупреждая ихъ заранѣе, просимъ покорно вашу царскую милость, изволь намъ дать свое рѣшеніе и сообщить нашимъ посланцамъ совѣтъ: какъ намъ поступать съ арами и беями, и какъ давать отпоръ тѣмъ, которые начнутъ наступать на насъ. Изволь также уведомить насъ о вспомогательныхъ силахъ! скоро ли они будутъ. Богъ видитъ, мы не

даемъ повода къ разрыву съ вами. Вторично просить: изволь о всемъ увѣдомить насъ чрезъ нашихъ посланцевъ, а мы, собравши свои полки, станемъ ожидать. Далѣе, что у насъ будетъ происходить, и какія извѣстія откуда нибудь получимъ, обо всемъ не замедлимъ увѣдомить вашу царскую милость».

Чтобы повѣсть смыслъ и духъ этого письма, надобно припомнить нѣкоторыя тогдашнія обстоятельства. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1653 г. Хмельницкій воевалъ противъ поляковъ за-одно съ Исламъ-Гиреемъ, но крымскій властитель шелъ съ своими ордами на помощь казацкому вождю не по искреннему расположенію къ казацкому дѣлу и даже не въ видахъ приобрести для себя выгоды отъ польской державы, какъ было передъ зборовскимъ договоромъ, онъ шелъ по волѣ и по приказанію турецкаго султана, своего сюзерена. Поляки заключили съ крымскимъ ханомъ миръ подъ Каменцемъ: то былъ такъ-называемый въ исторіи жванецкій договоръ. Въ пользу казаковъ Исламъ-Гирей выговорилъ у короля Яна Казимира обѣщаніе возобновить зборовскій договоръ, подвигавшій украинское казачество до такой высоты, до какой оно до того времени не достигало, но скоро, вслѣдствіе новой войны и берестецкаго пораженія, замѣненный другимъ, менѣе выгоднымъ для казаковъ, бѣлоцерковскимъ договоромъ. Обѣщаніе осталось пустымъ обѣщаніемъ, и объ этомъ-то говорить Хмельницкій въ настоящемъ письмѣ своемъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ жванецкаго договора, Богданъ Хмельницкій отдался московскому государю и въ Переяславлѣ присягнулъ ему на вѣрное подданство. Между тѣмъ онъ уже прежде учинился подданнымъ турецкаго падишаха и въ силу такого подданства имѣлъ право на содѣйствіе Турціи и ея данника, крымскаго хана, противъ своихъ заклятыхъ враговъ — поляковъ. Понятно, что новая присяга на вѣрность, уже иному государю, должна была измѣнить его прежнія отношенія Хмельницкаго къ Турціи и къ хану. Хмельницкій думалъ укрыть ее отъ своихъ мусульманскихъ союзниковъ. Страхаясь, какъ показывается въ письмѣ его къ хану, по возможности не распространяться объ этомъ щекотливомъ предметѣ, онъ ограничивается намеками, представляющими отвѣщеніи казацкаго вожди къ московскому государству такъ, какъ будто у него состоялось нѣкое дружественное соглашеніе съ Москвою съ цѣлью побудить ее дѣйствовать непріязненно противъ Польши, съ которою у московскаго царя были свои давніе счеты, и притомъ Богданъ замѣчаетъ, что это сдѣлается даже по соблаву самого хана, который когда-то говорилъ Хмельницкому, что если войнами прилезнаютъ противъ казаковъ со всѣхъ сторонъ враговъ, то поче-

му же не дѣвать того же казакамъ и не платить прагамъ своимъ ихъ же монетомъ? Но до хана уже доходили слухи, что московское государство (Москва) имѣло овладѣть казачкою стражею; и по этому поводу Хмельницкій глухо сообщаетъ, что и у нихъ ходила-было такая вѣдомость, но теперь уже о томъ нѣтъ болѣе рѣчи. Разумѣется, такая политика не могла продолжаться на многою годы, и крымское правительство скоро должно было узнать всю истину; въ томъ же 1654 году по смерти Исламъ-Гирея, при наслѣдникѣ его, поляки заключили съ Бримоу дружественный союзъ противъ московскаго государства и казаковъ, и на много лѣтъ послѣ того татарскія орды, подвластныя хану, воевали за поляковъ противъ казаковъ такъ же ревностно, какъ до того времени за казаковъ противъ поляковъ.

Что касается до отношеній непосредственно въ Турцію и къ ея монарху казачаго гетмана послѣ подданства московскому государю, то они вѣсколюбо выясняются изъ султанской грамоты, отправленной къ Богдану Хмельницкому въ сентябрѣ 1655 года. Она гласитъ такъ:

«Послы ваши, Романъ и Яновъ, принесли намъ поклонъ и отдали грамоту, въ которой вы сообщаете, что Макметъ-Гирей-ханъ соединился съ ляхами—да, кромѣ того, съ венграми и съ румынскими людьми земли нашей—и воевалъ противъ васъ, нарушивъ свою присягу, и вы, видя вокругъ себя враговъ, принуждены были позвать къ себѣ Москву на помощь. Тѣмъ не менѣе, однако, вы прибѣгаете къ намъ и просите, чтобъ мы васъ подъ руку нашу и подъ оборону приняли, сообразно давнимъ писаніямъ вашимъ. Мы васъ, яко вѣрныхъ и доброжелательныхъ слугъ нашихъ, подъ оборону нашу беремъ и обѣщаемъ помогать вамъ противъ каждаго вашего непріятеля. Прежде взырь мой не отворялъ во мнѣ дверей послать вамъ, но теперь, уразумѣвши подлинно изъ грамоты вашей, послали мы во всѣ земли наши, дабы всѣ о томъ знали и, никакой причины въ несогласію вамъ не подавая, жили съ вами въ дружелюбіи и рукъ противъ васъ не поднимали. По всѣмъ землямъ моимъ я оповѣстилъ, что войско запорожское состоитъ подъ рукою моею, именую васъ, какъ всѣхъ другихъ,—вѣрными и доброжелательными слугами моими. Затѣмъ просимъ тебя, гетманъ Богданъ Хмельницкій, держи въ обузданіи войска свое, чтобъ ни моремъ, ни сухопутнымъ не входилъ въ государства наши и не осмѣливался опустошать ихъ, помни, что и мы всѣмъ землямъ нашимъ повелѣли жить съ вами въ дружбѣ. Особенно и о томъ приложите стараніе, чтобъ московскіе казаки въ государство

наши моремъ не ходили и государствѣ нашихъ не опустошали, и если бы кто близкій къ вамъ или далекій сталъ непріятелемъ и воевать противъ насъ захотѣлъ, — вы были бы готовы съ войскомъ идти на него. А мы тоже обѣщаемъ: кто бы только сталъ вамъ непріятелемъ и началъ противъ васъ воевать, — окажемъ вамъ помощь, какъ только вы намъ о томъ дадите знать. Для лучшей вѣры и вѣрности, вы потребовали отъ насъ присяги, — и присяга наша такова есть: напередъ свидѣтельствуемся тѣмъ, кто сотворилъ и землю, и небо, и насъ всѣхъ, подъ рукою котораго мы всѣ живемъ, — свидѣтельствуемся и всѣми пророками, которыхъ признаемъ какъ мы, такъ и вы. Пусть они стануть на ономъ свѣтѣ свидѣтелями въ томъ, что я со всѣмъ государствомъ моимъ хочу соблюсти мою присягу. Вы также, гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, присягу свою принесли намъ въ томъ, что будете намъ вѣрными и доброжелательными слугами, какъ и мы присягу свою вамъ принесли, что будемъ васъ имѣть вѣрными и доброжелательными слугами своими; итакъ, вы о насъ вѣрите, что мы васъ за вѣрныхъ слугъ своихъ имѣемъ, а мы вѣрить будемъ, что вы желаете быть нашими вѣрными слугами. Какъ съ прежнимъ ханомъ, Исламъ-Гиреемъ, жили вы въ дружелюбіи, такъ и съ нынѣшнимъ ханомъ живите въ дружелюбіи, а также съ молдаванами, волохами, венграми — какъ съ нашими слугами — находитесь въ дружелюбіи. Я же, помня, что вы оставались съ нами въ долготѣнней дружбѣ и о ней не забывали, при вашихъ, умоляемыхъ выше, послахъ, отправляемъ къ вамъ посла нашего — Шагинъ-агу, черезъ котораго, по нашему обычаю, посылаемъ къ вамъ шесть кафтановъ, которые примите благодушно и не забывайте насъ. Ибо какъ мы читаемъ тѣ четыре книги, Моисеемъ намъ данныя, на которыхъ и присягу нашу принесли, то ваше посольство нынѣ омончилось и, разъ присягнувши, надобно много лѣтъ жить въ дружескомъ согласіи».

Эта грамота, писанная слишкомъ чрезъ полтора года послѣ присяги Богдана Хмельницкаго на вѣрность московскому государю, показываетъ, что гетманъ передъ своимъ давнимъ сюзереномъ старался объяснить связь свою съ московскимъ государствомъ такъ, какъ-будто это былъ союзъ противъ поляковъ и притомъ возбужденный крайнимъ положеніемъ, вслѣдствіе неobservance присяги хана Махметъ-Гирей, ставшаго казакамъ изъ союзника непріятелемъ. Это была неправда: договоръ съ московскимъ государствомъ совершился еще при Исламъ-Гирей и никакъ не потому, что крымскій ханъ сталъ казакамъ врагомъ, —

напротивъ, это послѣднее событіе произошло именно вслѣдствіе соединенія казаковъ съ московскимъ государствомъ. Изъ султанской грамоты видно также, что и при стамбульскомъ дворѣ существовало нѣкоторое время недовѣріе къ казацкому гетману: султанъ извѣщаетъ, что визирь не отворялъ дверей оттоманскаго монарха посламъ казацкимъ, пока, наконецъ, присланныя гетманомъ объясненія и увѣренія не возстановили дружескихъ отношеній султана къ казакамъ, и пока Богданъ Хмельницкій не возобновилъ прежняго своего обязательства, состоявшагося въ 1650 году.

Документы, изъ которыхъ мы почерпнули всѣ печатаемые свѣдѣнія, въ московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ составляютъ часть отдѣла польской коронной метрики и, заключааясь въ двухъ картонахъ, озаглавлены: «Сношенія Польши съ Малороссіею». Обнимаая періодъ гетманства Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Юрія Хмельницкаго и Тетери, они прерываются на 1663 годѣ. Одна часть этихъ документовъ, болѣе ранняя, попала въ руки поляковъ во время берестечской побѣды надъ казаками, когда побѣдителямъ досталась шкатулка Хмельницкаго съ бумагами, — другая часть была завезена въ Польшу Тетерею, который, какъ извѣстно, увезъ съ собою скрбы Хмельницкаго и klejnotы войска запорожскаго, къ числу которыхъ присоединялись и письменные документы. Говорятъ, что въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ никто не помнитъ, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ или польскихъ историковъ пользовался именно этими документами. Большая часть ихъ нигдѣ не была напечатана, и мало такихъ, которыхъ содержаніе по другимъ спискамъ было извѣстно занимавшимся исторіею Малороссіи. Историческое значеніе личности Богдана должно представиться въ иномъ свѣтѣ. Его преемники — Бруховецкіе, Дорошенки, Орлики и другіе, со второстепеннымъ значеніемъ, преслѣдуя идею самобытности Украйны подъ верховною властью Оттоманской Порты, не дѣйствовали въ-разрѣзъ съ политикою Богдана Хмельницкаго, — напротивъ, думали только слѣдовать по указанному имъ кривому пути, а Юрій Хмельницкій, пожалованный отъ султана званіемъ князя Малороссійской Украйны, былъ не «сынъ, недостойный славнаго родителя», но вполне былъ его достоинъ, какъ и Богданъ оставилъ для Малороссіи достойнаго себя сына.

Н. Костомаровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1878.

Древность вопроса о «поврежденіи нравовъ». — Что такое истинный нигилизмъ? — Осужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки ей со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источникъ его успѣховъ. — Теорія «анархій» и «вспышекъ». — Неудачныя ссылки на исторію. — Замѣтка по поводу преобразованія учебныхъ заведеній въ Финляндіи.

Сѣтованія на упадокъ нравовъ, на всеобщую распушенность, постоянно возрастающую — не новы. Начиная отъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и до новѣйшихъ временъ, тема эта была одною изъ наиболѣе излюбленныхъ и поочередно примѣнялась во всѣмъ, смѣнявшимся одна другую, эпохамъ; тѣ времена, въ сравненіи съ которыми наше время признается теперь безнравственнымъ, въ свою очередь слышали тотъ же приговоръ о себѣ изъ устъ строгихъ судей, сравнивавшихъ ихъ со стариною болѣе отдаленною. Подобныя сѣтованія совершенно логичны съ точки зрѣнія первороднаго грѣха и постепеннаго развращенія челоуѣчества. Но только съ этой точки зрѣнія и можно объяснить себѣ предположеніе, что каждая эпоха представлялась хуже эпохи предшествовавшей. Повѣрно, что въ разныя времена указывались различныя причины для объясненія усилѣній безнравственности. Почти всегда впрочемъ причины эти сводились къ тому, что люди „забыли Бога“ и увлеклись „новыми идеями“, порожденіе которыхъ одними прямо приписывалось дьяволу, а другими — ангеламъ его, лжеумудрецамъ и лжеучителямъ, въ числѣ которыхъ поочередно указывались въ разныя времена люди весьма несходныхъ убѣжденій: религіозные реформаторы, германскіе философы, французскіе энциклопедисты, проповѣдники женской эманципаціи, первые французскіе соціалисты, новѣйшіе натуралисты и, наконецъ, — какъ нынѣ оказывается — русская журналистика, популяризовавшая тѣхъ натуралистовъ у насъ и вообще распространявшая „новыя идеи“.

„Въ нѣкоторыхъ временахъ этому вопросу (объ уравниніи женщинъ) приклинивается духъ сенты, упадокъ нравствъ усложняется ала, известъ мужчинъ дѣлается пособницею наглости женщинъ, и монаются на сѣбѣ ученія объ освобожденіи и всеобщемъ блудѣ... Тогда обществу наступаетъ копецъ“. — „Я долго жилъ въ близи геснитала, при которомъ читались курсы амуршества: это была истинная школа проституціи и сводничества“. — „Новыя идеи о женщинѣ содѣйствовали, въ числѣ другихъ причинъ, современному развращенію“. — „Уравненіе половъ ведетъ къ общей распущенности; безъ кореннаго различія въ приваженіяхъ половъ, немислимы ни семья, ни религія; безъ хозяйства и безъ семьи не могутъ существовать ни правосудіе, ни общество, а только чистый эгоизмъ, междоусобная борьба, разбойничество“. — „Ваша школа — школа сводничества и безстыдства; сентиментализмъ дѣлаетъ саму женщину отаратительницею“. — „Въ наше время блудъ сильнѣе всего, послѣ денегъ“. — „Всякое ученіе, льстящее страстямъ, вмѣсто того чтобы подчинять ихъ праву, есть возбужденіе къ блуду“. Таковы любовная философія Руссо, натурализмъ Бернарда-де-Сенъ-Пьера, философія сенсуализма Гольвеція, Сенъ-Ламберта и др., Азфантена и Фурье. — „Начиная отъ времени Ж. Ж. Руссо, любовь стала выше права, и теперь мы видимъ результатъ“. — „Франція одѣлалась развратною съ Вольтеромъ, Монтескьё, Дидеротъ и т. д.“. — „Даже незаконное, но постоянное сожительство или свободная любовь — которую вѣрнѣе можно бы назвать свободнымъ бракомъ — становится очень рѣдкимъ; молодежь, потерявъ стыдъ и деликатность, не долге удовлетворается имъ; она предпочитаетъ солитизировку; болѣе возбужденія, и цѣна выше; общій блудъ“. — „Ведетъ борьба противъ семейства и противъ личности; ни брака, ни права болѣе не хотятъ знать; стремятся къ общей проституціи; въ этомъ признаются гласно... Любовь для любви — вотъ новый девизъ;... кто хочетъ разрушенія брака, эманципація женщины, тотъ хочетъ гибели права и свободы“..

Быть можетъ, кто-нибудь подумаетъ, что эти выписки сдѣланы нами изъ брошюры одесскаго профессора Цитовича, о которой такъ часто упоминалось въ газетѣ за прошлый мѣсяцъ. Дѣйствительно, сходство большое; но выписки эти сдѣланы изъ Прудона, а сдѣланы онѣ съ цѣлью показать, во-первыхъ, что пр. Цитовичъ не лгавый беретъся отнести предполагаемые имъ успѣхи безнравственности — къ распространенію „новыхъ идей“, въ особенности идей объ уравниніи женщинъ; во-вторыхъ, чтобы показать до какихъ абсурдовъ могъ договориться даже такой человѣкъ какъ Прудонъ, который по силѣ мнѣнія во всякомъ случаѣ не уступалъ г. Цитовичу, а следя за двумя первоначальными ложными положеиіями: 1) будто упадокъ нравствъ

идеть возраста, и 2) будто безнравственность производится новыми идеями, а не общественными условиями, соответствующими данному народу и данному времени.

Мы не намѣрены вовсе входить въ полемику собственно между г. Цитовичемъ и авторомъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“, по поводу которыхъ первый написалъ свою брошюру; но рассмотримъ сочиненіе одесскаго профессора само по себѣ, по главному его смыслу. Главный же смыслъ этого сочиненія не въ самозащитѣ г. Цитовича отъ чьихъ-либо нападеній, но въ обвиненіяхъ, какія онъ самъ представляетъ. Прослѣдимъ ходъ разсужденій обвинителя, причѣмъ оговоримся, что мы съ точностью не видимъ, гдѣ начинаются и на чемъ кончаются его обвиненія, на кого они представляются со всей строгостью, и кто отъ нихъ изъять. Пр. Цитовичъ обращается къ автору статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и говоритъ ему „ви“, „ваше сословіе“, „ваша новая мысль“, „ваши сподвижники“, „читающіе васъ для поученія“. Но изъ самого смысла его разсужденій, изъ того значенія, какое онъ придаетъ явленіямъ, противъ которыхъ ополчается, явствуется, что предметами его обвиненій служатъ не одинъ и не нѣсколько писателей, вообще не единичные люди и не частные примѣры, но едва ли не вся совокупность сторонниковъ „новыхъ идей“. Такъ, по нѣкоторымъ мѣстамъ брошюры, можно заключить, что авторъ обвиняетъ русскую журналистику вообще — въ противоположность профессорскому сословію; русскую беллетристику цѣликомъ — въ противоположность нравственному богословію; русскую современную молодежь огуломъ какъ она есть — въ противоположность идеальной молодежи, какъ она могла бы быть создана профессорами, если бы профессора — прибавляетъ авторъ, — „не были бессильны создать для университетской молодежи нѣмыя условія и формы жизни“, — забывая даже при этомъ, что и журналистика можетъ оправдываться такими же „если бы“.

При такой неограниченности сферы обвиненій автора, мы заранѣе просимъ его извиненія, если случайно поймемъ ее шире, чѣмъ то соответствовало его намѣренію. Но онъ не будетъ въ правѣ возразить намъ, что того или другого онъ не думалъ осуждать, — такъ какъ не позаботился самъ разграничить тѣ „новыя идеи“, тѣхъ журналистовъ и беллетристовъ и ту часть молодежи, которыхъ предпринялъ карать, отъ тѣхъ „новыхъ идей“, ихъ поборниковъ и приверженцовъ, которыхъ осуждать не думалъ.

Пользуясь однимъ выраженіемъ своего оппонента, г. Цитовичъ предпринялъ изслѣдовать естество той „живой воды, за которой у насъ „люди духовной жаждой тонкими прибѣгали“ къ журналистикѣ, а не къ сословію присяжныхъ ученихъ, т.-е. профессоровъ. Онъ ста-

вить вопросъ: „что же это за живая вода?“ Чтобы безошибочно отвѣчать на такой вопросъ, есть только одно средство — сдѣлать точный химическій анализъ „живой воды“. При этомъ оказалось бы, какіе элементы въ ней — существенные, какіе составляютъ только случайныя примѣси, какіе, наконецъ, только механически смѣшаны съ первыми. Затѣмъ, уже слѣдовало бы опредѣлить, которые изъ обнаружившихся элементовъ соответствуютъ физиологическимъ потребностямъ русскаго общества, и которые имъ не соответствуютъ, которые полезны, которые вредны. Тогда и выяснилось бы, что общество вынуждено было искать у журналистики, для удовлетворенія дѣйствительныхъ своихъ потребностей, много такого, чего оно не могло ни искать у профессоровъ прагматически излагающихъ специальности, ни требовать отъ нихъ. Сверхъ того, допустимъ, оказалось бы и много такого, чего общество въ дѣйствительности вовсе не требовало и что представляло нѣкоторые увлеченія журналистики, свойственныя всякому человѣческому дѣлу. Наконецъ, выяснилось бы еще и количество постороннихъ элементовъ, механически смѣшавшихся съ проводившимися журналистикою новыми идеями, а именно — тѣ искаженія, иногда смѣшныя, а подчасъ и уродливыя, какимъ могли подвергнуться новыя научныя слова и политическія понятія въ умахъ мало воспитанныхъ, неразвитыхъ, но самоуверенныхъ людей.

Но г. Цитовичъ — и за это мы наиболѣе сѣтуемъ на него, такъ какъ онъ выступаетъ въ качествѣ представителя ученаго сословія — совершенно пренебрегъ основнымъ методомъ науки — анализомъ. Онъ смѣшалъ все въ одну кучу, и написалъ вмѣсто изслѣдованія — нѣчто такое, въ чемъ истинное соотношеніе вещей замѣняется юмористическою аллегоріею, а доказательность разсужденія — одною бойкостью полемическихъ выводовъ. Отсюда-то и произошла полнѣйшая невозможность составить себѣ какое-нибудь понятіе — противъ чего въ сущности онъ ратуетъ. Противъ легкомыслія журналистики? Противъ развращенія современныхъ нравовъ? Противъ распушенности молодежи, или противъ безсилія университетскихъ ученыхъ создать для нея „днныя условія и формы жизни?“

Приводимъ разсужденія автора въ той случайной, произвольной и механической связи, какъ они представлены имъ. Произвольный приѣмъ начинается съ того, что вмѣсто изслѣдованія сущности, состава новыхъ идей, или по усвоенному авторомъ выраженію, — „живой воды“, — онъ прямо обращается къ розыску „родника, изъ котораго она выходитъ“. Итакъ, съ самаго уже начала, вмѣсто вѣрнаго научнаго средства — химическаго анализа „воды“, авторъ прибѣгаетъ къ приему чисто-гадательному, къ предположенію о „родникѣ“, съ тѣмъ, чтобы по свойствамъ имъ же произвольно указаннаго родника опре-

дѣлать свойство выходящей изъ него воды. Родникъ этотъ, по словамъ автора—платье вѣчного права и применявшихъ къ нему учрежденій. Разгулъ животныхъ инстинктовъ, обусловленный существованіемъ вѣчного права: вотъ что, по словамъ г. Цитовина, наследовали отъ „хвостатыхъ отцовъ“ „хвостатые дѣти“ 50-хъ и 60-хъ годовъ. „Дѣти“ этого періода, во что бы то ни стало, нужно было стоять презрѣнно необузданности вѣрностяческихъ новаторовъ дѣни и желовой распушенности и такимъ путемъ уклониться отъ требованій наступающаго гражданского порядка... Они отправились на поиски за теоретическими оправданіями своимъ крайне практическимъ нормамъ, чтобы возвести свои животные инстинкты въ рядъ научныхъ принциповъ, и во имя этихъ принциповъ спасти свой наследственный хвостъ, не дававший имъ покоя“. „Такова была заданъ“... „Теперь (?) мы знаемъ гдѣ находится подлинный родникъ живой воды“...

И вотъ изъ этого родника идутъ нѣсколько источниковъ, которыми русская журналистика и рекомендовала „дѣти“ пользоваться, для того, чтобы въ совокупности эти источники произвели потребный результатъ—теоретическое оправданіе разгула животныхъ инстинктовъ. Первый источникъ—„последнія слова науки“, научающія не вѣрить въ Бога; второй источникъ—„теорія рефлексовъ головного мозга“, уничтожающая чувство отвѣтственности, обязанности и долга; третій источникъ—„рабочій вопросъ“, „борьба труда съ капиталомъ“, которая въ Россіи, по словамъ исследователя, не имѣетъ элементовъ, такъ какъ капитала нѣтъ, а школа труда развѣ что начинается“(!), такъ что источникъ этотъ ведетъ только къ оправданію праздности и даже воровства „напряженной лошади у вдовы-крестьянки (непрѣмѣнно воровства? непрѣмѣнно воровства у крестьянки? непрѣмѣнно у крестьянки едеи?); четвертый источникъ—„общинное владѣніе“, который, впрочемъ, какъ-то недостаточно уединенъ, и въ мысляхъ автора—какъ и въ мысляхъ многихъ нашихъ консерваторовъ—смѣшивается съ мыслью борьбы труда противъ капитала и (что тоже) частной поземельной собственности. Наконецъ, представляется авторомъ пятый источникъ, въ которомъ вода по его отзыву „горячая, кѣнистая“; это—„женскій вопросъ“, разработанный въ смыслѣ промісхита, „половой подборъ“, растолкованный и примѣненный въ смыслѣ ничѣмъ не стѣсненнаго удовлетворенія полового инстинкта. Этотъ источникъ авторъ описываетъ съ особенной любовью и, разумѣется, у него не обходится безъ „гравыныя эпохы“, „зеленоватаго цѣта лица“, стрижки волосъ и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которыми, начиная съ 62-го года, тѣ мыслители, съ которыми г. Цитовичъ теперь вступилъ въ союзъ, ссылаются доказать намъ не столько прелесть „ки-

сейчасъ барышень (цѣль сличеніе невинная), сколько необходимости разныхъ мѣропріятій свойства уже вовсе не невиннаго.

Когда вслѣдъ за такой полемической запиской г. Цитовичъ объявляетъ, что народъ не пойдетъ къ описаннымъ сейчасъ источникамъ, то этому легко повѣрить. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ: или эта аллегорія есть не болѣе, какъ шутовство, или она должна изображать какое-нибудь дѣйствительное явленіе русской жизни. Въ послѣднемъ предположеніи вѣдь все можно подвести только одно дѣйствительное явленіе, а именно, что нѣкоторые неразумные умы, лишеныя тѣхъ прочныхъ нравственныхъ основъ, которыя могутъ быть даны только семейнымъ воспитаніемъ и никогда не могутъ быть даны ни школою, ни чтеніемъ журналовъ, хватались за всякія „жалкія слова“, въ родѣ „последнихъ выводовъ науки“, „рефлексовъ головного мозга“ и „эманципаціи“ женщинъ, какъ за оправданіе своей нравственной запущенности, разнузданности своихъ животныхъ инстинктовъ. Это явленіе могло быть у насъ и можетъ существовать еще и теперь: понятно, что „народъ“, т. е. неразумная и полуграмотная масса не руководствуется такими теоретическими оправданіями грубыхъ инстинктовъ по очень простой причинѣ, потому, что понятія о „рефлексахъ головного мозга“ и самыя слова этого рода ей совершенно недоступны.

Итакъ, допустимъ, что явленіе сейчасъ указанное у насъ дѣйствительно встрѣчалось и еще встрѣчается, и что его можно было наблюдать именно среди молодежи. Но у насъ всегда преувеличивалого значеніе. Притомъ, сущность дѣла не въ словахъ, и совершенно равно, прикрывается ли нравственная распушенность учеными словами или не прикрывается; во всякомъ случаѣ не эти слова служатъ источниками безнравственности, а — грубые нравовъ, отсутствіе нравственнаго вліянія семьи, дѣлкость, запущенность, среди которой росли дѣти, среди которой слагался нѣтъ характеръ. „Народу“ нѣтъ никакой нужды уважать мудренныя слова, чтобы прикрывать ими то, что отвѣтствуетъ правами, что извѣщается безчисленными примѣрами. Преступленія дѣли, которыя растутъ въ семьѣ, гдѣ пьяный отецъ бьетъ мать и живетъ со снохою, гдѣ характеръ съ нѣжнѣйшихъ лѣтъ формируется при отсутствіи всякаго нравственнаго авторитета родителей, гдѣ вечерніе посидѣлки молодыхъ людей обоимъ пола сопровождаются самыми циническими шутками и забавами, конечно, не могутъ ни сохранить нравственной чистоты, ни выработать въ себѣ высокія идеалы, ни приобрести чувство нравственной ответственности или хотя бы безразличности. Соберите вы этихъ молодыхъ людей хотя бы одного пола, и держите ихъ въ безбрачномъ состояніи до 20-лѣтняго возраста гдѣ-нибудь за фабрикой или на отгородѣ, и вы уви-

дите картину самого циничнаго разврата, безъ всякаго пособія „последнихъ выводовъ науки“ и „рефлексовъ головного мозга“.

Но войдемъ далѣе. Мы всею не думаемъ обвинять въ распущенности одинъ народъ, противопоставляя, по примѣру Чичикова—„просвѣщеннаго дворянина—грубой лакейской физиономіи“. Возьмите наши провинціальныя и столичныя клубы, въ которыхъ участвуютъ женщины, и вы убѣдитесь, что распущенность и отвращеніе къ труду—при внутренней, душевной пустотѣ—еще вѣрнѣе возмущается страстью къ нарядамъ и къ картежному выигрышу, чѣмъ страстью цитировать Вихнера или Дарвина. Выходитъ, что же мы говоримъ объ образованномъ сословіи? Видѣ самъ авторъ яркими красками живописуетъ правду: „никого не смущаютъ,—говоритъ онъ,—тѣ обыкновенные случаи, гдѣ, отрѣшившись отъ предразсудковъ, на аренѣ свободной любви подвизаются прокуроры, адвокаты, чиновники всѣхъ вѣдомствъ и ранговъ,—но подвизаются не по старому, а съ надлежющими ссылками на послѣдніе выводы науки“. Очень хорошо; но, во-первыхъ, обвиненія автора, стало-быть, уже не могутъ падать специально на молодежь, если, по его словамъ, прокуроры, адвокаты, чиновники „всѣхъ ранговъ“, а слѣдовательно, и возрастовъ, ведутъ себя не лучше ея.

Затѣмъ спрашивается уже только, какую роль тутъ играютъ „последніе слова“ науки, и въ какой мѣрѣ „по старому“ означенные чиновники, купцы и купчихи подвизались менѣе, чѣмъ „по новому“? Неужели г. Цитовичъ серьезно думаетъ, что тотъ, кто подъ предлогомъ „борьбы труда съ капиталомъ“ своровалъ у вдовы-крестьянки запряженную лошадь, тотъ, который извинялся рефлексами головного мозга, поступилъ на содержаніе къ женщинѣ (автору извѣстны даже случаи поступленія одного на содержаніе къ нѣсколькимъ женщинамъ, составляющимъ между собою складчину), тѣ судьи, которые сводничаютъ своихъ дочерей съ женатыми мужчинами подъ предлогомъ свободной любви, или тѣ отцы, которые растлѣваютъ своихъ дочерей подъ предлогомъ полового подбора—дѣлаютъ всѣ эти мерзости не потому, что они сами—негодяи, а потому, что они слышали о вышеприведенныхъ ученыхъ словахъ? Неужели г. Цитовичъ можетъ имѣть серьезное убѣжденіе, что не будь „новыхъ идей“, не было бы и всѣхъ этихъ примѣровъ? Духовенство, недостаточно сильное въ нравственномъ вліяніи на народъ, наши заботы о наблюденіи за народными школами, вѣсто принятія на себя широкаго почина въ умовшеніи ихъ, сѣмьи, въ которыхъ дѣти растутъ среди ежедневной брани между родителями, отцы, просиживающіе за картами то время, которое могли бы употреблять для сближенія съ дѣтьми и направленія ихъ умственной жизни, матери, которыя страдаютъ душевной пустотой, не имѣютъ ни одного серьезнаго умственнаго интереса, не-

какихъ чистыхъ пристрастій ни къ литературѣ, ни къ наукѣ, ни къ какому-либо искусству, женщины, для которыхъ единственные живо затрогивающіе ихъ интересы представляются „обѣдами взглядовъ“, приобрѣтеніемъ новой шляпки или картежнымъ выигрышемъ, мужчины, которыхъ не увлекаетъ искренно никакая общественная мысль — уже потому, что нѣтъ никакой надежды примѣненія ея къ дѣлу, — все это общество, лишенное всякой дѣятельности, въ которой чувствовалась бы общая солидарность, и потому осужденное жить грубымъ эгоизмомъ, такъ легко переходящимъ въ стремленія чисто-животныя — имѣютъ ли они право возбуждать какое-либо специальное изслѣдованіе причинъ нравственной распущенности? Зачѣмъ же было все поминать имена Дарвина, Бюкнера, и хотя бы русскую журналистку, которая все-таки старалась по мѣрѣ возможности будить это общество, завлекать его въ сферу умственныхъ интересовъ?

У насъ много толковали о „нигилизмѣ“ и „нигилистахъ“. Обязательная литература этого вопроса почти исчерпана ею, и г. Цитовичъ своей брошюрой только весьма нечувствительно обогатилъ ее. Но при всей своей обширности эта литература неполна въ томъ смыслѣ, что никто доселѣ не занялся изслѣдованіемъ семейной жизни въ Россіи и исторіи умственного развитія дѣтей, забываемыхъ семьей. Вотъ гдѣ истинный нашъ нигилизмъ. Отсутствие нравственного авторитета родителей, отсутствие связи между ними и дѣтьми, отсутствие руководства и хорошаго примѣра, отсутствие возвышенныхъ интересовъ, которые оживляли и питали бы духовную жизнь въ семьѣ, отсутствие сферы такой дѣятельности, въ которой могла бы проявляться общественная солидарность — это цѣлый рядъ однихъ отрицаній, и онъ-то и представляетъ истинный нашъ нигилизмъ. Мы должны откровенно признаться, что семья нѣмецкаго колониста есть болѣе живой, болѣе связующій своихъ членовъ, болѣе нравственно-дѣйствующій организмъ, чѣмъ семья нашего чиновника или купца, кромѣ счастливыхъ исключеній.

Причины, указанныя выше, производятъ то, что въ дѣйствительности русскій человѣкъ до сихъ поръ, несмотря на славянскую мягкость, болѣе эгоистъ, чѣмъ какой-либо иностранецъ. Русскій человѣкъ эгоистъ не въ такомъ смыслѣ, что онъ готовъ принести въ жертву своей личной выгодѣ или личному наслажденію интересы всѣхъ своихъ ближнихъ и судьбу своей страны, нѣтъ. Онъ, напротивъ, очень способенъ на самопожертвованіе, въ видѣ отдѣльных, случайныхъ фактовъ. Онъ охотно подастъ нищему, охотно пожертвуетъ на благотворительное дѣло или на поднесеніе подарка артисту, или на устройство крейсерскаго флота. Онъ вообще склоненъ къ щедрости, особенно въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но въ одномъ онъ во-

все не щедръ: онъ крайне эконометъ мыслью о чьихъ-либо, не его личныхъ интересахъ, хотя бы это были интересы ближайшихъ къ нему лицъ. Онъ больше способенъ неожиданно сдѣлать чувствительное для себя денежное пожертвованіе на какое-нибудь дѣло, чѣмъ три раза къ ряду присутствовать на собраніяхъ, въ которыхъ то дѣло будетъ обсуждаться; скорѣе рѣшится взять для дѣтей дорого стоящихъ учителей, чѣмъ станетъ удѣлять дѣтямъ хоть немного своего времени, для того, чтобы приблизить ихъ къ себѣ и слѣдить за ихъ нравственнымъ развитіемъ. Вообще, русскій человѣкъ девятидесятихъ всего времени своихъ размышленій посвящаетъ самому себѣ, не только своимъ дѣламъ, но своимъ забавамъ, своимъ личнымъ вкусамъ, и едва ли даже на одну-десятую думаетъ объ интересахъ близкихъ къ себѣ лицъ, а еще менѣе объ интересахъ общественныхъ. Нѣмецъ, пожертвовавъ какихъ-нибудь два гульдена на общественное дѣло, станетъ болѣе заботиться о немъ, приметъ въ немъ болѣе искреннее, болѣе живое участіе, чѣмъ русскій, который пожертвовалъ 10 рублей—и затѣмъ махнулъ рукой. Вотъ этотъ-то эгоизмъ особаго рода, этотъ недостатокъ солидарности, личная мелочность, господствующая въ умѣ человѣка надъ тѣми высокими побужденіями, какія могутъ возникать только изъ глубокаго чувства солидарности съ семьей и затѣмъ съ обществомъ—это-то есть истинный нашъ нигилизмъ. Отъ него-то происходитъ и то, что мы такъ мало дорожимъ умственными интересомъ, и такъ легко мѣняемъ убѣжденія, которыя носимъ только на-показъ, и что поэтому въ насъ такъ мало того элемента, который предохраняетъ человѣка отъ впаденія въ жизнь чисто-животную.

Теперь спрашивается, какое же право имѣло общество ожидать, чтобы въ той его части, которая представляется собственно молодежью, не отражалось и легкомысліе, и нѣкоторая склонность къ распущенности, и легкое усвоеніе непонятныхъ, но бывшихъ въ ходу новыхъ идей, и даже обращеніе ихъ именно въ извѣщеніе животныхъ инстинктовъ? Какое право имѣла нравственно-несостоятельная семья требовать, чтобы дѣти, которыя росли въ ней безъ нравственнаго руководства, безъ вниманія къ ихъ умственнымъ потребностямъ, безъ выработки чувства уваженія къ родителямъ и нравственнаго съ ними родства, не являли собой, однажды выйдя изъ семьи, примѣровъ настоящей дикости? И почему семья могла удивлять ихъ дикость въ тѣхъ случаяхъ, когда она проявлялась въ отсутствіи уваженія къ чему-либо, въ душевной пустотѣ, въ несерьезномъ отношеніи къ идеѣ долга и къ самой наукѣ, наконецъ, хотя бы и въ злоупотребленіи тѣми или другими научными терминами для оправданія такихъ

инстинктовъ, которымъ отцы ихъ и дяди, а иногда и матери, предавались дома безъ всякаго научнаго оправданія?

Было бы противно здравому смыслу допустить, что въ какую-либо эпоху молодежь вся поголовно была хуже того общества, къ которому она принадлежала. Этого не могло быть и не было. Молодежь была лучше общества; даже тотъ студентъ, который (употребимъ слова г. Цитовича) „обругалъ Вирхова и обольстил акушерку“ извиняя себя „новыми словами“, былъ все-таки выше тѣхъ „судей, которые сводничали своихъ дочерей“, по словамъ того же г. Цитовича. Учатся молодежь обыкновенно бываетъ выше и чище общества уже потому, что молодость вообще отзывчивѣе къ влеченіямъ благороднымъ, къ занятію идеями, которыя—каковы бы даже онѣ ни были—все-таки оказываютъ на нравственное существо человека болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ житейскія дразги, нажива, и безсодержательныя наши увеселенія. Сверхъ того, молодежь все-таки стоитъ близко къ наукѣ, которая можетъ только возвышать человека, и многіе изъ этой молодежи, очень многіе, если не большинство, переносили страшныя лишенія и вели труженическую жизнь для того, чтобы имѣть возможность учиться. Неужели же молодежь прежнихъ временъ была нравственнѣе этой? Та кадетская и привилегированная молодежь закрытыхъ заведеній, которая въ старшихъ классахъ занималась битьемъ и развращеніемъ новичковъ, которая хотя не слыхала о „борьбѣ труда съ капиталомъ“, но еще на школьной скамейкѣ толковала о будущихъ взяткахъ, и, вытягиваясь въ струнку передъ начальствомъ, тайкомъ проводила время въ самыхъ циничныхъ разговорахъ и самыхъ развратныхъ забавахъ? Или хотя бы та университетская молодежь прежняго времени, у которой пьянство и драки въ неприличныхъ мѣстахъ считались признаками добраго бурша, у которой карты замѣняли нынѣшніе, хотя бы и незрѣлые, социальныя толки, и которая хвасталась такими подвигами, что нынѣшній типическій „нигилистъ“ въ блузѣ и длинныхъ сапогахъ, не посмѣлъ бы и заикнуться о нихъ въ кругу своихъ товарищей? И все-таки, мы убѣждены, что и тогдашняя молодежь была выше и даже нравственнѣе тогдашняго общества, общества Чичиковыхъ или, если пойдемъ дальше, общества Скотининныхъ. Это просто законъ природы, на которомъ вездѣ основано дальнѣйшее совершенствованіе человѣчества.

Г. Цитовичъ видитъ корень нынѣшней „распущенности“, прикрывающейся „новыми идеями“, въ крѣпостномъ правѣ, воспитанныхъ имъ животныхъ инстинктахъ и отвращеніи къ труду. Но это говоритъ имъ самими только для краснаго словца, для прикрытія либеральнымъ словомъ чего-то совсѣмъ иного. Опредѣленіе это совершенно произвольно. Въ числѣ описываемыхъ имъ „жаждущихъ“ и тол-

лящихся у „источниковъ живой воды“, юноши, выросшіе въ помѣщичьихъ семьяхъ, составляли ничтожное меньшинство. Большинство же состояло изъ дѣтей чиновниковъ, духовныхъ и всякихъ „разночинцовъ“, которые никогда Ганками и Палашками не владѣли, и должны были трудиться болѣе или менѣе честно, но все-таки трудиться, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Да сверхъ того, мы уже указали на тотъ фактъ, что идеаловъ нравственности напрасно было бы искать и въ крестьянствѣ, и въ фабричномъ людѣ, и въ сословіи городской прислуги. Полюбоуйтесь, что дѣлается въ этихъ средахъ, никогда не слыхавшихъ о Дарвинѣ и „рефлексахъ мозга“. Причемъ же тутъ крѣпостное право?

Главныя обвиненія автора послѣ крѣпостного права падаютъ на журналистику, которая популяризировала „последнія слова науки“ и проводила „новыя идеи“. Объ этомъ мы будемъ говорить наименѣе, такъ какъ абсурдъ этихъ обвиненій слишкомъ очевиденъ. Другое дѣло, самый фактъ „поврежденія нравовъ“; всегда найдется много людей, склонныхъ повѣрить этому мнимому факту. Что касается либеральной журналистики, то вѣдь въ числѣ поддерживаемыхъ ею „новыхъ идей“ были и тѣ именно, которыя повели къ самой отміѣнѣ крѣпостного права и къ проведенію въ жизнь другихъ реформъ, и должны повести со временемъ къ осуществленію реформъ дальнѣйшихъ, которыя только и способны внести въ общество сознаніе солидарности интересовъ, дать жизни его содержаніе болѣе высокое, чѣмъ личная нажива и карты. А относительно „последнихъ словъ науки“, имѣла ли журналистика право игнорировать ихъ?

Затѣмъ, пусть г. Цитовичъ прямо укажетъ, въ какихъ органахъ проводились мысли, что рефлексы головного мозга, борьба за существованіе, гнетъ капитала надъ трудомъ и уравниленіе женщинъ оправдываютъ похищеніе у крестьянки-вдовы (!) запряженной лошади, поступленіе женщинъ и мужчинъ на содержаніе и подведеніе казеннаго ящика подъ общинное владѣніе? Нужно ли говорить, что такихъ органовъ не было? Но очень могло быть, что дрянной человѣкъ, такой, который тридцать лѣтъ тому назадъ „поступилъ бы на содержаніе“ безъ всякихъ оправдательныхъ документовъ, потому что ихъ въ то „нравственное“ время и не требовалось, нынѣ сдѣлавъ то же самое, кощунственно сослался на научную теорію борьбы за существованіе. Что же изъ этого слѣдуетъ: то ли, что дрянной человѣкъ не былъ бы дряннымъ, если бы русская журналистика промолчала о Дарвинѣ передъ русской публикой?

Если бы г. Цитовичъ хотѣлъ быть логичнымъ, то ему во всякомъ случаѣ пришлось бы обвинять не столько русскую журналистику, знакомившую общество съ Фейербахомъ, Моленотомъ, Дарвиномъ и

преч., но самихъ этихъ философовъ и ученыхъ. Это было бы и болѣе легчине, и болѣе добросовѣстно, и болѣе смѣло. Такъ поступали наши гг. Цитовичи добраго стараго времени, когда они, по словамъ поэта, жаловались на журналистовъ:

Мало имъ, что они Малого
И Гизота въ печать ввели,
Кровопѣцу Прудона, злодѣя
Тѣра выше небесъ вознесли!

Такъ поступаютъ доселѣ и клерикалы, жалующіеся на „колебаніе основъ“ и „поврежденіе нравовъ“—с'est la faute à Voltaire! Такъ поступилъ и Прудонъ; какъ мы видѣли выше, онъ прямо относилъ вину къ Вольтеру, Руссо, энциклопедистамъ и первымъ учителямъ социализма, а не къ популяризаторамъ ихъ. Но у г. Цитовича не хватило на это храбрости, и въ его лицѣ ученый отказался отъ логики для того только, чтобы объ эту логику не скотенулся памфлетистъ. Для этого г. Цитовичъ придумалъ слѣдующій пріемъ: въ Европѣ, молъ, „широкое теченіе научной мысли даетъ различные боковые потоки... но тамъ, на мѣстѣ все это безвредно и въ общемъ не отклоняется въ сторону отъ главнаго русла“. У насъ же именно изъ этихъ боковыхъ теченій, особенно изъ застоившихся, и черпали „живой воды“ и „смачивали ею“ собственныя домашнія издѣлія“. Такимъ образомъ, г. Цитовичъ-ученый спасаетъ себя отъ неловкой для профессора логической необходимости явиться открытымъ обвинителемъ всей современной науки, а за то г. Цитовичъ-памфлетистъ получаетъ право относить оправданіе воровства лошади у крестьянки-вдовы къ русской журналистикѣ, черпавшей изъ „боковыхъ потоковъ“, а не изъ главнаго русла. Но этотъ пріемъ оказывается совершенно несостоятельнымъ, потому что всѣ четыре „источника“, указываемые г. Цитовичемъ, кромѣ общаго владѣнія, то-есть и раціонализмъ, и теорія рефлексовъ мозга, и законъ борьбы за существованіе, и вопросъ объ отношеніяхъ труда къ капиталу, и вопросъ объ уравниніи женщинъ — заимствованы вовсе не изъ какихъ-то „боковыхъ потоковъ“ западной науки, застоившихся и высыхающихъ, если только авторъ не отнесетъ къ этимъ потокамъ и имена замѣчательнѣйшихъ представителей всей науки именно въ главномъ ея руслѣ, то-есть, въ современномъ раціоналистическомъ направленіи.

Нѣтъ, Прудонъ, рассуждая о поврежденіи нравовъ, поступалъ логичнѣе и добросовѣстнѣе. Правда, вслѣдствіе того у него абсурдъ и рельефнѣе выступилъ наружу, чѣмъ у нашего автора. Но это дѣлаетъ только честь Прудону. Его рассужденіе за то цѣльно и ясно, а у г. Цитовича вышла какая-то полемическая путаница, въ

которой невозможно даже уловить съ точностью, кого и что онъ въ сущности обвиняетъ: крѣпостное право, русскую журналистику, западную науку, защитниковъ общиннаго начала, или мужчинъ поступающихъ на содержаніе къ нѣсколькимъ женщинамъ во складчинѣ между послѣдними. Въ силу его разсужденія, означенные мужчины могутъ сослаться на русскую журналистику, ихъ развратившую, русская журналистика — на европейскую науку, хотя бы въ „боковыхъ ея потокахъ“, а европейскіе боковые потоки отвѣтятъ: что же мы—ничего; мы у себя дома безвредны; если мы оказываемся вредны тамъ у васъ, въ Россіи, то въ этомъ вина не наша, а вина бывшаго у васъ крѣпостнаго права, которое вскормило вашихъ духовныхъ бурсаковъ въ гаремахъ крѣпостныхъ дѣвокъ, выростило въ ничего-недѣланіи три-четверти вашей нынѣшней интеллигенціи, происходящей отъ разночинцевъ, непривыкшихъ къ труду, обучило вашихъ мѣщанъ пьянству, и вашихъ кулцовъ обжорству, а вашихъ дворянъ-карьеристовъ — выходу въ люди чрезъ сводничество своихъ женъ и женитбу на любовницахъ знатныхъ людей. Наконецъ, сами эти дворяне — такъ какъ мы ихъ называли послѣдними и благо нынче мода на историческія ссылки — возражать: а развѣ въ прежнія времена не существовалъ le Duc d'aux Cerfs? И кто назначалъ неспособнаго герцога де-Субизъ, героя Россбаха, главнокомандующимъ французскою арміею?

И всѣ будутъ правы.

Не будетъ правъ только самъ г. Цитовичъ, хотя его и усиленно оправдываютъ нынѣ „Московскія Вѣдомости“. Онъ не останется правымъ потому, что окажется уличеннымъ во враждѣ съ логикою, что несовмѣстимо съ серьезной разработкой науки; потому что окажется повиннымъ въ подсказываніи вновь старыхъ обвиненій реакціоннымъ похотямъ, и также потому что не будетъ имѣть за себя даже того снисхожденія, на которое даютъ право снѣлость и откровенность обличителя, хотя бы само обличеніе было абсурдомъ. Вотъ, напр., Прудонъ говоритъ, дѣйствительно, снѣло и ясно, что развратъ исходитъ отъ самой мысли объ уравнианіи женщины; объявляетъ прямо— „я отрицаю женскіе гени“, отдѣлывается не стѣсняясь и Вольтера, и Руссо. А г. Цитовичъ желаетъ, по извѣстной пословицѣ, и невинность соблюсти, т. е., оказать все уваженіе Вольтеру и Руссо, и написать что-нибудь совершенно безонасное и желанное.

Г-нъ Цитовичъ въ одномъ мѣстѣ ссылагается на „извѣстное положеніе дѣлъ, которое связываетъ профессоровъ по рукамъ и по ногамъ“; говорить: „мы безсильны создать для университетской молодежи нныя условія и формы жизни“, и замѣчаетъ, что „вотъ опять одинъ изъ тѣхъ частныхъ случаевъ, гдѣ водворяющіе новую мысль нахо-

дать себѣ случайныхъ, но цѣльныхъ и вѣрныхъ союзниковъ“. Но мы позволимъ себѣ усомниться, чтобы путь, избранный г. Цитовичемъ, наиболѣе соотвѣтствовалъ созданію и для молодежи, и для самихъ профессоровъ, иныхъ условій и формъ жизни. По крайней мѣрѣ на помощь г. Цитовичу уже явились такіе союзники, отъ которыхъ всего менѣе можно ожидать содѣйствія къ созданію новыхъ условій и формъ жизни. Приверженцы г. Цитовича призываютъ пока на его защиту — строгость цензуры, а въ подкрѣпленіе выражаемыхъ имъ пожеланій объ „иныхъ условіяхъ“, указываютъ на необходимость отмены нынѣшняго университетскаго устава, т.-е., на устраненіе въ университетахъ выборнаго начала и полное подчиненіе ихъ чиновникамъ. Конечно, *sola rose un homme!* Но для г. Цитовича было бы лучше, если бы его обличенія и крайнія мнѣнія принцисывались только одному смѣшенію понятій. Для публициста, искренно желающаго университетамъ иныхъ условій и имѣющаго ясныя представленія о дѣйствительности, слишкомъ очевидно, что не русская журналистика и не „живая вода“ служатъ тутъ главною помѣхой; для него не можетъ даже подлежать вопросу, въ чемъ могутъ представиться и для университетовъ, и для всей умственной жизни въ Россіи главныя условія здоровья и благосостоянія. У самого г-на Цитовича можно найти намеки тамъ, гдѣ онъ, объясняя безвредность на Западѣ тѣхъ же идей, которыя у насъ дѣлаются зловердными, говорить о *широкомъ* (т.-е. не узкомъ) на Западѣ теченіи научной мысли. Если же все это г-ну Цитовичу извѣстно, то къ чему же онъ призываетъ всѣ небесныя громы на русскую либеральную журналистику?

Но въ послѣднее время русской либеральной журналистикѣ пришлось перенести нападеніе не отъ одного г-на Цитовича, а также и съ другой стороны, повидимому, не имѣющей ничего общаго съ настроеніемъ автора упомянутой брошюры. Отъ г. Цитовича мы узнаемъ, что русская либеральная журналистика только развращаетъ своихъ читателей и, по заключительнымъ словамъ его брошюры, „подъ мѣтой иноземныхъ издѣлій новѣйшаго фасона торгуетъ отечественнымъ старьемъ: тряпками и битой посудой, не прибранными послѣ 19-го февраля 1861 г.“. Въ противоположномъ концѣ, въ одномъ, вѣроятно, заграничномъ изданіи, раздается о той же нашей журналистикѣ совершенно сходныя отзвѣны, которые отрицаютъ даже самое призваніе либеральной публицистики, утверждаютъ, что ея девизъ — стоять „разиня ротъ и ждать подачекъ“; что либераловъ въ русской печати вовсе нѣтъ, что рефермы явились такъ, сами собой, безъ всякаго участія общественной мысли, выражаемой печатью, въ ихъ осуществленіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, эти на этотъ разъ

союзники г. Цитовича стараются, по его методу, смѣшивать всѣ органы русской печати въ одну кучу, такъ что всякая отдѣльная ошибка или личная недобросовѣстность ложилась бы на отвѣтственность всей либеральной печати, и доказываютъ, что никто изъ ея дѣателей не имѣетъ и права на названіе либерала. Кого нельзя упрекнуть въ корыстной цѣли или въ противорѣчіи всѣмъ извѣстнымъ и не подлежащимъ спору принципамъ либерализма, у того, опять по методу г. Цитовича, выдергиваютъ какую-нибудь отдѣльную фразу, хотя и не противорѣчащую тѣмъ же принципамъ, но получающую въ отдѣльности, помощью намереннаго искаженія, совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой она имѣла въ цѣльномъ разсужденіи. Все это дѣлается съ цѣлю стереть всѣ различія, приравнять всѣхъ къ наименѣ заслуживающимъ уваженія и затѣмъ сказать молодому поколѣнію — полюбуйтесь на русскую либеральную прессу, на русскихъ либераловъ; они таковы, что заслуживаютъ только презрѣнія. Затѣмъ выводъ одинъ—добросовѣстность и истина только у нихъ. Крайности сходятся во всемъ: подобное же убѣжденіе, вѣроятно, имѣетъ и г. Цитовичъ въ отношеніи самого себя.

Если бы въ отношеніи либеральной печати отрицалось знаніе, опровергались бы ея мнѣнія, если бы глумились надъ ея слабостями; тогда она молчала бы, помня одно—равность обоюднаго положенія, дѣлающую полемику не совсѣмъ удобною. Но дѣло идетъ совершенно о другомъ, и потому она молчать не можетъ.

До сихъ поръ, вступать въ открытую полемику съ мнѣніями, выражаемыми издаലെка, рѣшались только такіе органы, которые считали, что „крѣпкія“ слова русскаго лексикона не только не уменьшаютъ силы доводовъ, но, напротивъ, увеличиваютъ ее. Введенный ими въ употребленіе приѣмъ, дѣйствительно, и установился, даже сдѣлался какъ-бы условіемъ *sine qua non*, то-есть такимъ, безъ соблюденія котораго самое разсужденіе объ извѣстныхъ тенденціяхъ становится на практикѣ затруднительно. Но какія же были послѣдствія этого? Совсе не тѣ, на какія рассчитывали авторы подобныхъ приѣмовъ,— а потому, попробуемъ отложить въ сторону всѣ квалификаціи, съ какими люди, стоящіе на почвѣ законности, обыкновенно обращались у насъ къ нарушителямъ ея, то-есть, такіа квалификаціи какъ, напр., преступныя попытки, покушенія на государственную казну и т. д. Попробуемъ разсуждать совсѣмъ безъ эпитетовъ о явныхъ нарушеніяхъ законности. Быть можетъ, намъ удастся безъ этого еще болѣе уяснить сущность дѣла. Въ наше время это становится просто необходимою, и молчаніемъ нельзя отдѣлываться, несмотря на всѣ выгоды, какія представляются этой системою для молчащаго лица.

Но прежде, чѣмъ разбирать ту роль, какую хотять взять на себя

въ Россіи нѣкоторые наши новые мыслители, бросить взглядъ на значеніе, которое имѣетъ въ Германіи партія, принимаемая ими, по-видимому, за образецъ. Соціально-демократическая партія въ Германіи въ самомъ дѣлѣ есть дѣйствующая политическая партія и можно даже сказать, единственная партія рѣшительной оппозиціи; вовсе не въ сущности ея ученія, а именно въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве и заключается весь секретъ ея силы. Въ виду замедленія политическихъ преобразованій, которыя соответствовали бы дѣйствительнымъ нынѣшнимъ потребностямъ германской націи, и въ виду фактической слабости либеральныхъ партій, главнѣйшее значеніе соціально-демократической партіи въ Германіи и заключается въ томъ, что она есть партія рѣшительной оппозиціи, не поддающейся на компромиссы. Въ этомъ смыслѣ собственно экономическія ученія этой партіи представляются второстепеннымъ элементомъ. Невозможно повѣрить, чтобы полмилліона избирателей въ грамотной Германіи были дѣйствительно убѣждены въ возможности немедленного упраздненія собственности посредствомъ революціи! Но эти полмилліона подають голоса за соціальныхъ демократовъ именно потому, что извѣрились въ ту либеральную оппозицію, которая вотъ уже тридцать лѣтъ (съ 1848 г.) ничего не могла добиться отъ прусскаго правительства. И дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ имѣють вліяніе нѣмцы дѣйствующія, безусловно-оппозиціонныя партіи, какъ-то католическая и національная (польская, французская), вліяніе соціальныхъ демократовъ оказывается ничтожнымъ; они тамъ замѣнены другимъ, весьма живымъ оппозиціоннымъ элементомъ. Стало быть, главный ихъ успѣхъ и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи зависитъ не столько отъ ихъ экономическихъ ученій, сколько отъ обстоятельствъ, дающихъ имъ значеніе единственной рѣшительной оппозиціонной партіи. Все это надобно понимать.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самой точкѣ отправления, изъ которой вышли разныя соціалистическія ученія. Точка эта — неудовлетворительность экономическаго быта рабочихъ; отсюда стремленіе къ улучшенію этого быта, посредствомъ сближенія производителя-рабочаго съ потребителемъ, при устраненіи, по мѣрѣ возможности, того посредничества или комиссіонерства, которое держитъ въ рукахъ орудія производства. Пока это стремленіе держится на почвѣ науки, и пока оно переходитъ хотя въ практическіе опыты, но совершающіеся въ строго-законныхъ формахъ, какія установлены въ той или другой странѣ, — въ немъ нѣтъ ничего страшнаго. Сама государственная власть во всѣхъ странахъ, болѣе или менѣе, пыталась въ отдѣльныхъ случаяхъ регулировать нѣкоторыя условія для обезпеченія народнаго продовольствія, иногда устанавливала таксы на нѣ-

которые продукты продовольствія и всегда старалась въ своихъ хозяйственныхъ операціяхъ имѣть дѣло, по возможности, съ самими производителями, устраивая перекупщиковъ или коммиссіонеровъ, и даже принимала въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣры противъ монополюстовъ. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ существовали таксы на нѣкоторые продукты и принимались мѣры противъ дровяной монополии; полицейское управленіе само закупало дрова, раздавало ихъ жителямъ по дешевой цѣнѣ и тѣмъ ограничивало жестокой произволъ капиталистовъ-промышленниковъ.

Напоминаемъ это вовсе не съ цѣлью преувеличивать значеніе такихъ мѣръ, но только для того, чтобы показать, что стремленіе помочь бѣдному люду противъ безграничной эксплуатаціи никогда окончательно не отвергалась государственной властью. И самое устройство производительныхъ артелей, даже съ помощью отъ государства, еще недавно признано княземъ Бисмаркомъ, въ его рѣчи противъ социалистовъ, за мысль, которой онъ сочувствуетъ и которую былъ бы готовъ осуществить, если бы ему указали практическій способъ для ея осуществленія. Искренно или неискренно говорилъ онъ—это другой вопросъ. Мы хотимъ только доказать, что въ самой мысли о государственной инициативѣ для улучшенія быта рабочей массы нѣтъ ничего страшнаго. Признаніе земельной собственности за крестьянами въ Россіи было даже такъ и названо „улучшеніемъ быта“ крестьянъ. Само-собой разумѣется, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ, признанная законами, политическая борьба партій, вполне мыслимо и законно стремленіе партій рабочихъ приобрести возможно большую силу въ парламентѣ и добиться отъ государства мѣръ для улучшенія быта рабочихъ—и хотя бы попытокъ устройства большихъ производительныхъ артелей. Здѣсь представляется уже только практическій вопросъ объ осуществимости такого чисто-ассоціаціоннаго производства въ большихъ размѣрахъ. Но ни страшнаго, ни преступнаго въ самой мысли о нихъ нѣтъ—или пришлось бы признать опасными людьми: князя Бисмарка, тайнаго совѣтника Вагенера и тѣхъ пасторовъ, которые недавно проповѣдывали въ Пруссіи такъ-называемый „христіанскій социализмъ“. Все законно въ предѣлахъ закона, равнаго для всѣхъ—и ничего нѣтъ страшнаго въ попыткахъ мирныхъ, не грозящихъ никому насилію.

Опасность можетъ явиться только тогда, когда заходить рѣчь о томъ, чтобы насильственно переименовать весь общественный бытъ по программѣ, выдуманной кѣмъ-то, или, лучше сказать, по десяти, весьма не сходнымъ между собой программамъ, изобрѣтеннымъ разными „фракціями“,—когда хотѣть силою упразднить собственность и установить общее владѣніе. Эта опасность велика потому, что она

предполагаетъ разрушеніе, страшную междоусобицу, а въ заключеніе хаосъ и, быть можетъ, — гибель цивилизаціи. Но противъ этого есть сильное средство: надо же сколько-нибудь надѣяться на здравый смыслъ народовъ! — онѣ-то и есть это сильное средство. Если бы въ социально-демократическому движенію въ Германіи не примѣшивался элементъ политическій, если бы другія либеральныя партіи имѣли тамъ болѣе серьезное значеніе, чѣмъ какое — въ силу существующихъ обстоятельствъ — онѣ могли пріобрѣсти, то социальныя демократы, мы убѣждены въ этомъ, лишились бы главнаго элемента своего успѣха и главной своей силы. Они представлялись бы тогда уже не единственной дѣйствующей партіею рѣшительной оппозиціи, а главнымъ образомъ — именно только поборниками абстрактнаго коммунизма. Тогда изъ полу-милліона ихъ избирателей отъ нихъ, навѣрное, отпали бы три-четверти, такъ какъ водвореніе коммунизма путемъ насилія противно здравому смыслу народа.

Но обратимся теперь къ разсужденіямъ собственно нашихъ новыхъ мыслителей. Они объясняютъ, что не хотятъ предрѣшать вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго социалистическаго строя, и предоставляютъ будущее будущему; что они въ настоящемъ берутся только за осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій социалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ социализма, которыя уже созданы въ умахъ народа. Итакъ, они берутся вызвать революцію для осуществленія такого строя, котораго сами не въ состояніи даже развить, т.-е. который имъ въ сущности неизвѣстенъ. А между тѣмъ, они навивно провозглашаютъ, что социализмъ есть высшая форма всеобщаго всечеловѣческаго счастья, какою когда-либо выработывалась человѣческимъ разумомъ, — что нѣтъ для него ни пола, ни возраста, ни религіи, ни національности, ни классовъ, ни сословій: всѣхъ онъ зоветъ на чудный пиръ жизни, всѣмъ онъ дастъ миръ, свободу, счастье, сколько каждый можетъ взять.

Возможно ли утверждать это, когда еще не знаешь самого того строя, который долженъ осуществить такую Аркадію, когда этотъ строй еще только имѣетъ возникнуть въ будущемъ изъ какихъ-то элементарныхъ основъ, лежащихъ въ умахъ народа. А что если основы эти окажутся гораздо ближе къ управленію становаго пристава, чѣмъ къ „чудному пиру жизни“? Да, но вѣдь мыслители предполагаютъ „нирвовую проповѣдь идей социализма въ народѣ“. Стало-быть, не будущій социалистическій строй долженъ самъ развиться изъ основъ, которыя созданы въ умахъ народа, но, наоборотъ, строй этотъ уже предрѣшенъ и уму народа долженствуетъ сообщиться широкою проповѣдью социализма. Да это ясно и изъ словъ, что социализмъ — выс-

ная форма всечеловѣческаго счастья, какая только когда-либо вырабатывалась человѣческимъ разумомъ. Стало-быть,—это уже форма, выработанная въ настоящее время, — до такой степени выработанная, что можно ее сравнивать со всѣми иными извѣстными формами общественнаго быта и отдавать ей предпочтеніе. Форма эта до такой степени предрѣшена и выработана, что оказывается возможнымъ указывать теперь даже на нѣкоторыя второстепенныя ея особенности: для нея нѣтъ ни пола, ни возраста, ни національности и т. д. Позволительно однако сомнѣваться, что хотя бы элементарныя основы строя, не признающаго ни пола, ни національности, ни религіи, были уже въ настоящее время „созданы въ умѣ народа“, въ которомъ мужья едва ли не поголовно тиранствуютъ надъ женами, вѣря, что жена—собственность мужа, съ той только разницей отъ вещи, что ее жалѣть нечего, а надо учить; отрицаніе религіи и національности, очевидно, также плохо вяжется съ тѣми элементарными основами, которыя покамѣстъ созданы въ умѣ народа.

Пусть намъ позволено будетъ на минуту забыть, что мы ведемъ разговоръ съ такими мыслителями, которые сами объявляютъ своимъ девизомъ „активную борьбу“, то-есть — то, что мы назовемъ экстралегальными дѣйствіями. Иначе отъ насъ потребуютъ такого грома осужденій, за которымъ совершенно пропадетъ аргументація. А она-то именно и нужна. Вранью мы мѣяться не будемъ; погѣряемся мыслями. Проведемъ параллель.

Дано такое положеніе: одни, дѣйствительно подъ покровительствомъ законовъ, хотя и не совсѣмъ безопасно, въ теченіи 16-ти лѣтъ, со времени 19-го февраля 1861 года, выражаютъ насущныя потребности общества; они, слѣдуя славнымъ преданіямъ Посошкова и Новикова, будятъ его, проводятъ въ сознаніе общества необходимость первой, истинно-великой реформы—отмѣны рабства, и достигаютъ того—невиданнаго доселѣ примѣра—что большинство самихъ рабовладѣльцевъ въ моментъ освобожденія рабовъ не рѣшается выказаться крѣпостниками, что этотъ же классъ составляетъ добросовѣстныхъ осуществителей великаго дѣла — мировыхъ посредниковъ перваго періода; разрабатываютъ вопросъ о новой судебной организаціи, старательно ищутъ средину между французскимъ прокурорствомъ, безусловно обвиняющимъ, и англійскимъ требованіемъ частнаго обвинителя, который не всегда является, проводятъ въ жизнь учрежденіе присяжныхъ; разрабатываютъ, въ предѣлахъ возможности, вопросъ школьный, вопросъ объ умственной будущности Россіи, заботливо отыскиваютъ на потребности земства, будятъ общество и стараются поддержать малѣйшій практическій признакъ его самостоятельности, его охоты дѣйствовать для реальной пользы, для пре-

успѣянія, для удовлетворенія дѣйствительныхъ, насущныхъ нуждъ. И все это — не безъ риска, хотя бы риска быть непонятыми, при данныхъ условіяхъ.

Съ другой стороны, мы видимъ мыслителей, являющихся въ „двѣнадцатый часъ“, чтобы сказать намъ, что все это — вадоръ, что никакой заслуги у насъ нѣтъ, что мы поголовно лжемъ, что мы только прислуживаемся, что мы несостоятельные и безнравственные писатели и что только они, эти мыслители... Чтѣ же они открыли? Отрицательныя стороны нашей жизни — мы ихъ знали безъ нихъ. Чтѣ они предлагаютъ взаимѣнь? Лассалъ? — Онъ говорить не то, чтѣ говорятъ они. Съ основными мотивами его дѣятельности находить возможнымъ согласиться даже князь Бисмаркъ. Карла Маркса? — Маркса, какъ и Лассалъ, мы знали раньше ихъ. Но Марксъ, котораго они такъ триумфально противопоставляютъ Лассалю, никогда не выводилъ своей программы до ученія объ учрежденіи „казачьихъ круговъ“, вольныхъ автономныхъ общинъ съ выборными отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли: сами приверженцы Маркса признаютъ эти автономныя общины — нелѣпостью. Ставить культурнымъ идеаломъ въ XIX столѣтіи „казачьи круги“ — слишкомъ наивно.

Мыслители-революціонеры утверждаютъ, что такова была всегда неизмѣнная „программа“ народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ въ Россіи: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ, и что такова же она „безъ сомнѣній“ остается и теперь для громаднаго большинства русскаго народа, а потому ее и усваиваютъ они — „революціонеры-народники“. Пугачевъ соціалистъ! Въ какомъ же смыслѣ? Въ томъ ли, что онъ провозглашалъ себя царемъ, прикрываясь мнимымъ династическимъ правомъ? Или въ томъ только, что онъ объявлялъ уничтоженіе крѣпостного ига? Но вѣдь революціонный пріемъ само-по-себѣ еще не есть принципъ социализма, а отмѣна крѣпостного права требовалась и осуществлена также не соціалистами. Въ той самой „знаменитой рѣчи объ идеѣ рабочаго сословія“, на которую мыслители ссылаются, Лассалъ опредѣлилъ значеніе крестьянскихъ возстаній въ Германіи и не только не видѣлъ въ нихъ „соціализма“, но называлъ ихъ реакціонными движеніями — въ томъ смыслѣ, что они одушевлялись идеею среднихъ вѣковъ, а именно, что всякое право исходитъ изъ владѣнія землею, и домогались признанія и освобожденія крестьянскаго землевладѣнія, непосредственнымъ подчиненіемъ его имперской власти. Не то ли самое выражалъ собою Пугачевъ, съ тою лишь разницей, что и власть государственную присвоивалъ самому себѣ? О какомъ соціализмѣ можетъ быть рѣчь, когда говорится о томъ періодѣ, который сами соціалисты называютъ періодомъ крѣпостныхъ отношеній, въ противоположность періоду отно-

пейный капитал-владѣльца къ вольнонаемному работнику? А вѣдь только этому послѣднему періоду, по общему взгляду всѣхъ социалистовъ, и соответствуетъ ихъ ученіе.

Итакъ, у мыслителей, о которыхъ мы бесѣдуемъ, что ни слово, то противорѣчіе — не только исторіи и очевиднымъ фактамъ современности, но и противорѣчіе самимъ себѣ. То они не хотятъ предрѣшать, каковъ долженъ быть социалистическій строй, представляютъ въ будущемъ самому народу „развить“ этотъ строй; то они восхваляютъ этотъ строй, какъ нѣчто уже вполне определенное и хорошо имъ извѣстное, даже во второстепенныхъ чертахъ; то они утверждаютъ, что элементарныя основы социализма уже созданы въ умѣ русскаго народа, — то объясняютъ, что социализмъ есть форма, исключающая разноправность пола, религіи и національности: стало-быть, форма диаметрально-противоположная основнымъ нынѣшнимъ воззрѣніямъ русскаго крестьянства на семейный бытъ, а также — нравственному и политическому міровоззрѣнію крестьянства. Пугачевъ — представитель народнаго протеста противъ крѣпостнаго права — является имъ идеаломъ, дагѣе котораго они сами не намѣреваются идти, а между тѣмъ дѣйствительная отмѣна крѣпостнаго права, при помощи самихъ же посредниковъ-дворянъ, называется ими „милолетнимъ сновидѣніемъ“, и общество, по ихъ отзыву, „ничего для достиженія ея не дѣлало“.

Впрочемъ, пусть не подумаютъ они, что мы удовольствимся, изобличивъ ихъ въ явныхъ самопротиворѣчіяхъ. Если бы мы этимъ ограничились, то они, по всей вѣроятности, улыбнулись бы про себя, не безъ коварства, какъ улыбается дипломатъ, когда хитросплетенную его депешу уличаютъ въ неполномъ соблюденіи требованій логикѣ и исторической правды. Мы сдѣлаемъ нѣчто больше, чѣмъ указать такіа самопротиворѣчія; мы постараемся примирить ихъ. Противорѣчія себѣ являются только потому, что мыслители считаютъ пока неудобнымъ, для цѣлей своей пропаганды, высказаться до конца, съ полной искренностью. Только хвостикъ „послѣдняго слова“ партіи проглядываетъ въ ихъ словахъ о „вольныхъ, автономныхъ общинахъ“. Но вѣдь хвостикъ есть конецъ самого становаго хребта, и ухватившись за него, можно вытащить изъ-подъ груды противорѣчій и самую головку ученія. Для тѣхъ неопытныхъ, которыхъ эти мыслители подвергаютъ своей убійственной, безнадежной „рекрутской повинности“, полезно знать съ точностью какому идеалу ихъ призываютъ служить.

Не изъ нынѣшнихъ заявленій революціонеровъ извѣстно намъ, что современный социализмъ раздѣляется на „фракціи“, какъ выражаются они, — а въ дѣйствительности — на лагеря, безпощадно враж-

дующіе одинъ съ другимъ, взаимно обзывая противниковъ всѣми самыми неслестными словами, какія только придуманы ненавистью партій. Къ одному изъ этихъ лагерей принадлежать мыслители, умалчивающіе насъ въ безразличности и „рабскихъ мысляхъ“. Положимъ въ нѣсколькихъ словахъ, уже безъ всякихъ благовидныхъ прикритій, отличительное ученіе этой „фракціи“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ у нея есть ученіе, выработанное безъ всякаго спроса у тѣхъ „умовъ русскаго народа“, на которые представители ея ссылаются.

Отъ слишкомъ общаго наименованія „соціалисты“ мы должны отказаться при этомъ опредѣленіи, и замѣнить его болѣе точнымъ словомъ „коммунисты“. Слово „соціализмъ“, болѣе общее, удерживается и приверженцами Маркса, и Либкнехта только по привычкѣ. На самомъ дѣлѣ, и Марксъ, и Либкнехтъ, и Бебель — коммунисты. Но „фракція“, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ еще отличительный девизъ, который на съѣздахъ коммунистовъ за границею она заявляетъ съ гордостью, а пока умалчивается только въ письменныхъ бесѣдахъ съ русской молодежью. Этотъ девизъ — „анархія“. Они такъ и называютъ себя „анархистами“. На этихъ съѣздахъ, они не признаютъ Карла Маркса „главою своей школы“, какъ они же рекомендуютъ его въ Россіи, скрываясь за именемъ извѣстнаго ученаго. Тамъ, гдѣ они дѣйствовали открыто и высказывались вполне, они низвергли предводительство Маркса въ „международномъ обществѣ“, какъ отсталого человѣка, а его ученіе о всемогущемъ, всеобъемлющемъ и всерегулирующемъ государствѣ отвергли какъ нестерпимѣйшій деспотизмъ и провозгласили вмѣсто государства — „анархію“, такъ и называя ее. Анархія именно и представляется имъ въ учрежденіи „вольныхъ, автономныхъ рабочихъ общинъ“, которыя образуются, дѣйствуютъ и разъединяются безъ всякаго государственнаго принужденія. Идею государства, правленія, они прямо устраняютъ, противопоставляя ей — принципъ вольныхъ, автономныхъ рабочихъ общинъ.

Итакъ, теорія Маркса для этихъ мыслителей уже — *überwundener Standpunkt* — отсталое дѣло; у нихъ имѣется иная, удобная тѣмъ, что далѣе ея, кажется, уже никому идти нельзя; радикальнѣе „анархій“ трудно что-нибудь придумать. „Вольныя, автономныя общины рабочихъ“ — вотъ положительная программа новыхъ мыслителей. Они идутъ въ „народъ“ вовсе не для того, чтобы узнать отъ него его слово, но для того, чтобы постараться навязать ему придуманное ими. Но такъ какъ дѣло обращенія хотя бы „широкой проновѣдью“ народа въ десятки милліоновъ крестьянъ, очевидно, представлялось бы непосильнымъ даже тысячамъ агитаторовъ, то они, для ободренія своихъ приверженцевъ, и стараются увѣрить ихъ, будто основныя идеи

нихъ уже гнѣздятся издавна въ умахъ русскаго народа, будто она только подслушана ими у него. На дѣлѣ же она вовсе не подслушана у него, такъ какъ была провозглашена на Западѣ людьми, которые никакого общенія съ русскимъ народомъ не имѣли, да и придумывали свою теорію вовсе не спеціально въ виду русскаго народа, но въ виду всемірнаго рабочаго пролетаріата.

Вотъ простое объясненіе всѣхъ тѣхъ самопротиворѣчій, какія отмѣчены нами выше. Народу хотѣтъ навязать готовую теорію — коммунизмъ и анархію вольныхъ общинъ; для подготовки народноѣ революціи во имя этихъ идеаловъ хотѣтъ производить рядъ „вспышекъ“, т.-е. частныхъ смутъ, которыя, будучи хотя бы и безплодными сами по себѣ, должны служить для подготовки активному коммунизму — „боевой арміи“, какъ откровенно говорится за границею — „интеллигентнаго рабочаго меньшинства“, какъ болѣе сдержанно говорится въ Россіи. А чтобы признаваемые къ „рекрутской повинности социализма“, увлекаемые въ безнадежное во всякомъ случаѣ предпріятіе (о преступности мы не говоримъ, такъ какъ вперёдъ отказались отъ всякихъ правовыхъ квалификацій) — не усомнились какъ-нибудь, то ихъ стараются увѣрить, что идеалы эти уже лежатъ въ основѣ народнаго ума, что, стало быть, стѣбитъ только поднести фитиль, а порохъ готовъ, и готовъ въ громадномъ количествѣ.

Но молодые люди не должны забывать слѣдующаго: въ умахъ русскаго крестьянства нѣтъ ровно ничего соотвѣтствующаго идеаламъ космополитическаго коммунизма и анархіи вольныхъ рабочихъ общинъ. Всѣ основы міровоззрѣнія русскаго крестьянства прямо противоположны этимъ неудобопонятнымъ представленіямъ. Семейный бытъ, религія, сила національнаго духа, наконецъ, самый экономическій складъ, всѣ эти условія существованія и личности десятковъ миліоновъ людей пришлось бы передѣлывать для осуществленія тѣхъ идеаловъ, если бы они и были осуществимы, чему нигдѣ и никогда еще не бывало примѣра. Сама русская сельская община, на которую любятъ ссылаться, есть форма *землевладѣнія*, а не отмѣна собственности съ организаціею труда. Въ русской земледѣльческой общинѣ нѣтъ ни общей работы, ни солидарности въ барышахъ производства, ни распредѣленія вознагражденія за трудъ по усердію, способностямъ и хотя бы потребностямъ каждаго. А такъ какъ масса населенія въ Россіи — *землевладѣльческая*, то въ Россіи невозможнѣ народная попытка къ осуществленію коммунизма, чѣмъ гдѣ-либо, въ тѣхъ странахъ, гдѣ большинство населенія составляютъ безземельные, ничѣмъ не владѣющіе рабочіе. Ссылаться же на одну неудовлетворительность экономическаго положенія, на случаи частнаго недовольства существованіемъ можно сколько угодно, но изъ этихъ обстоя-

тельность нивать не слѣдуетъ, что осуществленіе такой-то готовый идеалъ; если самая сущность идеала противна народнымъ воззрѣніямъ, то никакія „вспышки“ не подготовили бы народъ къ его воспріятію. Они только создали бы рядъ совершенно безплодныхъ бѣдствій и личныхъ страданій. Не только осуществить идеалъ (самъ по себѣ, впрочемъ, неосуществимый) онѣ бы не могли, но не могли бы даже сколько-нибудь поколебать государственный организмъ потому, что одно изъ несомнѣннѣйшихъ свойствъ русской народной массы — свойство создавшее все историческое величіе страны бѣдной, малообразованной — есть нешкороенная, безусловная преданность русскаго народа идеѣ *государства*, то-есть той самой идеи, которую кореннымъ образомъ отрицаютъ „анархисты“, проповѣдники „вольныхъ, автономныхъ общинъ“.

Надо, наконецъ, сказать нѣсколько словъ и о сущности самихъ этихъ представлений: вольныя общины, анархія, и о „вспышкахъ“, какъ средствъ къ ихъ осуществленію. Когда не далѣе, какъ въ прошломъ году, въ сентябрѣ засѣдалъ въ Женевѣ „всемирный конгрессъ“ социалистовъ, на которомъ „анархисты“ заявили себя такъ рѣшительно *противъ* ученія Маркса о всерегулирующемъ государствѣ, то приверженцы Маркса, въ свою очередь, попробовали усчитать, что такое въ дѣйствительности были бы „вольныя автономныя общины“, и высказали убѣжденіе, что эти вольныя общины, дѣйствующія совершенно самостоятельно, пришли бы къ взаимному подрыву производства, къ соперничеству; тогда приверженцы Маркса объявили, что эти вольныя общины должны представить не что иное, какъ начало *свободной конкуренціи*, то-есть тотъ самый принципъ, на которомъ держится нынѣшній капиталистическій строй, и противъ котораго они и борятся. Что касается практики „вспышекъ“, то „вспышечниками“ тамъ же было разъяснено, что ихъ могутъ только благодарить всѣ противники всякаго социализма, такъ какъ не можетъ быть болѣе вѣрнаго средства для дискредитированія всего предпріятія, какъ устройство вспышекъ безплодныхъ, съ одной цѣлью „подготовленія“ какой-то арміи будущаго.

Итакъ, вотъ что рекомендуютъ мыслители, обвиняющіе русскую либеральную журналистику въ „рабской неискренности“. Пусть все, что молодо и что составляетъ цвѣтъ и надежду своей земли, пусть будущіе слуги ея соботвенной силы, ея преусиѣнія и ея свободы — знаютъ какъ безнадежны и несостоятельны тѣ мечты, которыми ихъ увлекаютъ, стараюсь подѣйствовать на нихъ дѣйствительно благородныя чувства энергій и готовности къ самоотверженію.

Кончимъ частнымъ объясненіемъ. Въ обзорѣ нашихъ ми безусловно отвергали принципъ и практику политическихъ убійствъ, и

между прочимъ замѣтили, что политическія убійства никогда не поднимали впередъ дѣла свободы. Намъ возражаютъ тамъ же, что убійства не только зачастую служили дѣлу свободы, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ неразрывно слились въ памяти народа съ самымъ именемъ свободы. Въ подтвержденіе намъ указываютъ на легенду о героѣ Косова поля Милошѣ Обреновичѣ, поразившемъ турецкаго султана, и совѣтуютъ сходить посмотреть на оперы—„Вильгельмъ Телль“ и „Юдифь“, такъ какъ сомнѣваются, чтобы мы знали эти примѣры изъ исторіи. Нечего сказать, хороши примѣры! Какъ будто Косово поле было ареной освобожденія Сербіи, а не порабощенія ея на долгіе вѣка. Какъ будто освобожденіе Швейцаріи (освобожденіе отъ иностраннаго ига, а не социальный переворотъ) совершилось не на поляхъ Моргартена, Земпахъ, а дѣломъ Телля, котораго самое существованіе исторически не доказано? Что касается Юдифи, то ссылка на ветхозавѣтную книгу въ настоящемъ случаѣ не лишена юмора; приходитъ на умъ французская поговорка: „le diable lui aussi peut citer l'Écriture“. Но опять-таки Юдифь спасла городъ отъ осады, а не расчистила путь для политическихъ или социальныхъ преобразованій. За то мы, даже и при тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ въ исторіи, которыя намъ приписываются, беремся считать не три легендарныхъ примѣра, но цѣлый десятокъ вполне историческихъ примѣровъ, когда политическое убійство было употребляемо прямо какъ средство противъ свободы, и когда послѣдствіемъ убійства была сильнѣйшая реакція. Не все что въ оперѣ — эффектно,—нравственно и хотя бы цѣлесообразно въ жизни. Впрочемъ, мы предложили бы найти хотя одного уважающаго себя публициста во всей Европѣ (включая сюда гг. Либнехта и Бебеля), который рѣшился бы защищать практику политическаго убійства, и который, если вопросъ былъ бы предложенъ ему, назвалъ бы убійство иначе, чѣмъ назвали и мы его.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ, „Русскій Миръ“, былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей о Финляндіи, гдѣ между прочимъ сообщались подробности о новѣйшей системѣ обученія въ Великомъ Княжествѣ; намъ часто приходится ходить далеко за примѣрами, но мы мало знаемъ о томъ, что дѣлается у нашихъ весьма почтенныхъ соседей, и въ то же время соотечественниковъ, а потому статьи „Русскаго Мира“ не могли не обратить на себя вниманіе. Вотъ что именно говорится, между прочимъ, въ этихъ статьяхъ о классическѣхъ въ Финляндіи:

„Сокращеніе преподаванія классическихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, готовящихъ къ университету, финны, однако,

не считаютъ себя ни греками, ни римлянами и, кажется, стоятъ за древніе языки лишь настолько, насколько они нужны для элементарной подготовки молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя въ университетѣ специальному изученію классическихъ древностей, и насколько занятія мертвыми языками не мѣшаютъ занятіямъ прочими, не менѣе важными и живыми предметами. Такъ же, по нѣмоторымъ даннымъ, относится къ общеобразовательному значенію классицизма и финляндская періодическая печать. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, нѣкто А. Fr. N., помѣстивъ въ самой распространенной шведской газетѣ Финляндіи: „Heisingfors Dagblad“, рядъ бойко написанныхъ и убѣдительныхъ статей, направленныхъ противъ деспотическаго господства классицизма въ общемъ образованіи, и эти статьи, несмотря на ихъ рѣзкій и вызывательный тонъ, прошли безъ всякихъ возраженій. Между тѣмъ, авторъ предпослалъ своей первой статьѣ заимствованный имъ изъ Вине смѣлый эпиграфъ: „un système faux a pour complices tous ceux qui le ménagent par leur silence“, и сожалѣетъ, что убѣжденіе въ „спасительности“ латинскаго языка еще составляетъ въ Финляндіи основу формальнаго образованія, хотя отъ этой основы отказались и сосѣди-шведы, замѣнявшіе въ высшихъ классахъ своихъ среднихъ училищъ латинскій языкъ нѣмецкимъ. Авторъ сѣтуетъ, что, по милости латинскаго языка, книга природы остается для значительнаго числа финляндскаго юношества „запечатанною семью печатами“ и что еще нѣтъ динамита, который разнесъ бы въ дребезги скалу латинизма въ Финляндіи. „Non scholae, sed vitae!“ — таковы, по мнѣнію А. Fr. N., пароль и лозунгъ правильной системы общаго образованія“.

Желая повѣрить извѣстіе, сообщенное въ газетѣ, гдѣ и самъ авторъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „кажется“, мы искали разъясненія у лицъ компетентныхъ, и можемъ теперь съ увѣренностью сказать, въ видѣ небольшой поправки къ предыдущему, слѣдующее.

Въ настоящее время для поступленія въ число студентовъ Гельсингфорскаго университета знаніе латинскаго языка требуется пока отъ всѣхъ, за исключеніемъ воспитанниковъ финляндскаго кадетскаго корпуса, кончившихъ полный курсъ общихъ классовъ корпуса. Но, собственно говоря, обязательность латинскаго языка на вступительномъ экзаменѣ въ университетъ отмѣнена уставомъ 1872 года при преобразованіи учебныхъ заведеній Финляндіи. Въ силу этого устава, съ 1872 г. въ Финляндіи учреждены, на ряду съ классическими лицейми—реальныя училища изъ 2-хъ и 4-хъ классовъ, и одинъ реальный лицей изъ 7-и классовъ, который и былъ открытъ въ сентябрѣ 1872 года, въ количествѣ двухъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно увеличиваться на одинъ классъ до своего комплекта—семи

классовъ. Такимъ образомъ, въ будущемъ 1879 году произойдетъ первый выпускъ изъ реального лицея въ университетъ; но въ немъ латинскій языкъ не обязателенъ, и потому съ будущаго года начнется поступленіе въ Гельсингфорскій университетъ безъ латинскаго языка. А такъ какъ молодые люди, получившіе домашнее образованіе, должны для поступленія въ Гельсингфорскій университетъ предварительно выдержать окончательный экзаменъ въ классическомъ или реальномъ лицей, то доступъ въ университетъ безъ экзамена изъ латинскаго языка въ Финляндіи окажется доступнымъ для всѣхъ. О греческомъ языкѣ нѣтъ и рѣчи.

Такова фактическая сторона дѣла. Съ 1872 года въ Финляндіи, значитъ, произошелъ еще болѣе рѣшительный переворотъ въ системѣ классицизма, какой около того же времени совершился и въ западной Европѣ, на что мы въ свое время достаточно указывали, и потому возвращаться къ этому предмету было бы излишнее: *non bis in idem!*

Но намъ невольно приходятъ въ голову другія мысли по поводу сосѣднихъ намъ гиперборейцевъ: вотъ счастливая страна, гдѣ система образованія совсѣмъ иная, классицизмъ не пользуется исключительностью, и тѣмъ не менѣе, сколько мы знаемъ о ея общественной жизни, въ этой жизни г. Цитовичъ нашелъ бы мало красокъ для своихъ картинъ, и молодежь остается тамъ молодою—и больше ничего, спокойно ожидая своей нелегкой череды начать общественное служеніе.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24, ноября, 1878.

ПОДЪ НОВЫМЪ ЗАКОНОМЪ.

Считать ли вотированіе чрезвычайнаго закона противъ социалистовъ дѣлсообразнымъ или, напротивъ того, вредоноснымъ? Но это вопросъ, обсужденіе котораго является теперь уже дѣломъ западнымъ. Законъ сдѣлался совершившимся фактомъ, и остается только наблюдать надъ его послѣдствіями. Хотя прошло всего только четыре недѣли съ тѣхъ поръ, какъ законъ вошелъ въ силу, но и этого времени достаточно, чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе о томъ, какіе результаты обѣщаетъ этотъ законъ въ будущемъ. Содержаніе закона вамъ извѣстно, такъ что я не стану о немъ распространяться. Законъ даетъ правительству, т.-е. полицейскимъ властямъ, самое обширное полномочіе немедленно подавлять всякое публичное проявленіе социаль-демократической агитаціи, а именно: печать, общества и общественныя собранія. Вы помните, что оппозиція напирала въ особенности на два пункта, возстававъ противъ этого закона. Во-первыхъ, на то, что вообще невозможно подавить умственнаго движенія, что преслѣдованія только усиливаютъ его развитіе—и оно принимаетъ даже зловѣщій характеръ, какъ скоро подавляется гласная агитація; а во-вторыхъ, — на то, что хотя законъ направленъ только противъ социаль-демократовъ, но даетъ неблагонамѣренному министерству возможность притѣснять и всѣ другія партіи, такъ что свобода печати, напримѣръ, уже не можетъ считаться обезпеченной, разъ ей будетъ нанесена такая страшная брешь этимъ закономъ. Если припомнить событія подобнаго же рода, къ тому же—еще не очень отдаленныя, а именно—іюньскій указъ 1863 года, то найдешь весьма понятными эти послѣднія опасенія. Въ ту пору оппозиція въ прусскомъ ландтагѣ достигла своего зенита; на ея сторонѣ несомнѣнно стояло громадное большинство страны; консервативная партія окончательно провалилась на многихъ выборахъ, и оппозиція казалась до того непобѣдимой, что, по новѣйшимъ сообщеніямъ, самъ король подумалъ однажды объ отреченіи, такъ какъ считалъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ отказываться отъ военной организаціи, — своего собственнаго дѣтища. Только то обстоятельство, что кронъ-принцъ, спрошенный о томъ: приметъ ли онъ правленіе въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ отрицательно,—помѣняло тогда этому плану, который, по всей вѣроятности,

сти, сообщилъ бы совѣтъ нное направленіе всей исторіи нѣмецкаго народа.

Перваго іюня 1863 года появился вышеупомянутый указъ, которымъ печать устранялась отъ обычнаго суда и отдавалась на произволъ административныхъ властей, главнымъ образомъ, президента полиціи въ Берлинѣ и правительственныхъ президентовъ въ провинціяхъ. Я чрезвычайно хорошо помню событія того времени. Послѣ тяжелой реакціонной эпохи, длившейся съ 1848 по 1858 годъ, когда прессѣ приходилось особенно много терпѣть, наступилъ періодъ сравнительной свободы. Газету нельзя уже было осудить или запретить иначе какъ по приговору суда, и хотя судьи были очень строги,—однако ни одной газеты имъ не удалось вполнѣ запретить. Ударъ, нанесенный указомъ 1-го іюня печати, былъ оглушительнъ. Только тотъ, кто пользовался нѣкоторое время охраной суда, можетъ составить собѣ понятіе о томъ, что значить, когда его лишатъ такой охраны однимъ почеркомъ пера: пока печать подчинена суду,—приговоры могутъ составляться только относительно опредѣленныхъ фактовъ и выраженій. Конечно, возможно, что даже осторожный писатель будетъ осужденъ за выраженіе, которое онъ недостаточно обдумалъ или считалъ ненаказуемымъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ все же имѣетъ сильныя гарантіи, что его не осудятъ ни за что, ни про что, и что судьи дѣйствуютъ по совѣсти. Ни подъ какимъ видомъ не можетъ онъ быть осужденъ за общее направленіе своей газеты или своего сочиненія, но всегда и во всѣхъ случаяхъ на сцену должно выступать какое-нибудь опредѣленное выраженіе, какое-нибудь опредѣленное мѣсто, между тѣмъ какъ характеръ административной системы суда печати какъ-разъ обратный, и стремится карать не за опредѣленное выраженіе или мысль, а за направленіе вообще. Всѣ большія берлинскія газеты немедленно протестовали въ 1863 году противъ указа, который дѣйствительно шелъ въ разрѣзъ съ постановленіями конституціи, гарантировавшими свободу печати. Результатомъ этого было то, что уже на другой день всѣ газеты получили первое предостереженіе, а послѣ втораго правительство получало полномочіе безъ дальнѣйшихъ околичностей запрещать газету. Если оно только хотѣло, то могло окончить весь процессъ въ три дня, — и противъ этого не было спасенія. Многія газеты объявили тогда немедленно, что не будутъ больше печатать передовыхъ статей и вообще статей съ разсужденіями, и нѣкоторыя газеты—напримѣръ, „Кёльнская“ и берлинская „Фоссова газета“—очень долго придерживались этого правила. Но большинство газетъ подчинилось обстоятельствамъ и старалось, примѣняясь къ нимъ, проводить свои воззрѣнія. Дѣло было, конечно, не легкое—и нѣкоторыя уступки приходилось дѣлать; но писатели и въ другихъ стра-

нахъ могутъ долгое время переживать репрессивную систему, и имъ удастся, при большомъ мужествѣ, большомъ самоотверженіи и большой ловкости, все-таки выразить общественное мнѣніе, несмотря на всѣ затрудненія. Впрочемъ, въ Пруссіи случилось обстоятельство, которое спасло печать отъ худшихъ послѣдствій. Нѣсколько дней послѣ изданія указа, кронъ-принцъ, во время своей поѣздки въ Данцигъ, отозвался неодобрительно объ этомъ указѣ, о которомъ ему, какъ онъ увѣрялъ, ничего не было извѣстно. Это обстоятельство, само-собой разумѣется, произвело очень сильное впечатлѣніе и съ-разу подносило политику министерства. Запрещены были всего-на-всего только двѣ самыя радикальныя газеты,—остальныя кое-какъ пресуществовали въ это несчастное лѣто. Уже осенью, когда во Франкфуртѣ собрался сеймъ государей, правительство само признало, въ какой степени ему необходима поддержка независимой печати, чтобы бороться съ австрійскими планами; а когда ландтагъ снова собрался, то онъ объявилъ весьма рѣшительно, что отказывается одобрить новый указъ,—и печать снова перешла къ прежней системѣ.

Съ этихъ поръ у насъ свобода печати развивалась медленно, но постоянно, и хотя не могла сравниться съ свободой печати въ Англіи и въ Америкѣ, однако запрещеніе газеты стало вещью почти невозможной, тогда какъ прежде она была возможна вслѣдствіе того, что полиція имѣла право предварительной конфискаціи. Конечно, судъ долженъ былъ рѣшить затѣмъ—и возможно скоро—правильно ли произведена конфискація или нѣтъ, но номеръ газеты, пробывшій сутки или двое подъ сѣквестромъ, разумѣется, терялъ всякое значеніе.

Указъ 1 іюня 1863 г. имѣлъ одно дѣйствіе, о которомъ охотно умалчиваютъ, потому что тутъ задѣта гордость печати, хотя оно въ высшей степени заслуживаетъ вниманія. А именно: печать заранѣе предвидѣла, что станетъ гораздо менѣе интересна при новомъ законѣ, чѣмъ была прежде, и поэтому она убѣждала публику оставаться вѣрной газетамъ, несмотря на имѣнившіеся обстоятельства, чтобы тѣмъ самымъ высказаться противъ указа. Но цѣль не была достигнута. Публикѣ, конечно, нравился оппозиціонный и смѣлый языкъ печати, но ея самопожертвованіе и политическій тактъ не простирался до того, чтобы она стала подписываться на менѣе интересныя газеты—и произошла всеобщая убыль подписчиковъ. Я уже раньше имѣлъ случай не разъ указывать на то, какъ охотно народъ или значительная часть его поддерживаетъ оппозицію до тѣхъ поръ, пока дѣло ограничивается одними словами, и какъ быстро покидаетъ ее, когда приходится перейти къ дѣйствию, когда потребуются настоящія жертвы.

Неограниченной свободой печати послѣднато времени социальная демократія сумѣла воспользоваться весьма успѣшно и—надо отдать ей справедливость—весьма искусно. Я уже раньше говорилъ объ этомъ, но нахожу нужнымъ еще разъ подчеркнуть это. Въ тотъ моментъ, какъ социаль-демократическая партія нашла средство посредствомъ цѣлаго ряда подставныхъ редакторовъ обезпечить на всякій случай выходъ своихъ листовъ, самыя строгіе приговоры не могли вызвать прекращеніе газеты. Послѣднимъ примѣромъ этого рода послужилъ не социаль-демократическій органъ, а газета, жившая исключительно скандалами и поддерживавшаяся весьма знатными людьми, враждебными Бисмарку; то была знаменитая „Deutsche Eisenbahn-Zeitung“, гдѣ постоянно принималъ участіе графъ Арнимъ и баронъ фонъ-Лоэ. Замѣчательно, что не нападки на графа Бисмарка вызвали запрещеніе газеты, но статья, въ которой содержались весьма злобистыя нападки на одинъ совѣтъ городского суда. Судъ разгнѣвался и повелъ дѣло съ чрезвычайной, безпримѣрной скоростью и приговорилъ одного редактора къ такому строгому наказанію,—между тѣмъ какъ другой обратился въ бѣгство,—что газетѣ поневолѣ пришлось прекратить свое существованіе, такъ какъ для нея не находилось редактора. Большая же социаль-демократическая партія всегда находила новыхъ редакторовъ на мѣсто старыхъ, и нельзя отрицать, — эти люди частію дѣйствительно были преданы своему дѣлу; но надо также сознаться, что такой порядокъ дѣла ставилъ правительство въ очень непріятное и затруднительное положеніе. Либеральная партія въ Германіи до послѣдней минуты оставалась при томъ воззрѣніи, что свобода печати должна быть неограниченная, что вредныя стороны свободы устраняются опять-таки свободой. Можно оставить безъ возраженія это воззрѣніе, и указать лишь на то, что правительство обязано держаться существующихъ законовъ, а эти законы отнюдь не признають безусловной свободы печати, но устанавливають судебную отвѣтственность, которую социаль-демократическая печать сумѣла сдѣлать призрачной. По моему личному мнѣнію, положеніе, что свобода сама вызываетъ то зло, которое она причиняетъ, требуетъ оговора. Въ нашемъ журналѣ печатались недавно цѣлый рядъ статей о послѣднемъ сочиненіи Тэнъ. Тэнъ, какъ извѣстно, принятъ недавно членомъ академіи, хотя по своему политическому направленію онъ считался бы у насъ, въ Германіи, приверженцемъ крайней реакціонной правой. Но, помимо всякихъ симпатій или антипатій къ этому направленію, нельзя не признать много вѣрнаго въ нѣкоторыхъ его замѣчаніяхъ. Между прочимъ, весьма вѣрно его замѣчаніе о томъ, что революціонныя идеи отнюдь не вездѣ производять одно и то же дѣйствіе, не вездѣ находятъ одинаково благоприятную почву. Идеи, создавшія французскую революцію, суще-

ствовали за полстоletія передъ тѣмъ въ Англіи, но ограничивались лишь весьма небольшимъ кружкомъ людей, между тѣмъ какъ во Франціи онѣ съ необыкновенной быстротой охватили все общество, включая и тѣ сословія, для которыхъ онѣ были всего опаснѣе, а именно дворянство и духовенство и даже самую королевскую власть. Поэтому необходимо всякое историческое явленіе обсуждать, изучая ту почву и ту среду, въ которой оно развивается. Нигдѣ социальная демократія не распространилась съ такой быстротой, какъ въ Германіи, и несомнѣнно, что нѣкоторыя свойства нѣмецкаго характера, частію прирожденные, частію воспитанныя исторіей, особенно этому содѣйствуютъ, или, другими словами, — нѣмецкая почва болѣе благоприятна для этихъ идей, чѣмъ почва другихъ странъ. Вполнѣ изслѣдовать это явленіе не легко, но можно сказать вообще, что распространенное въ Германіи образованіе содѣйствуетъ тому, что идеи, имѣющія дѣйствительное или кажущееся научное основаніе, гораздо легче прививаются массамъ, нежели въ другихъ странахъ. Въ Пруссіи къ этому присоединяется еще военный характеръ государства: я подразумеваю при этомъ не постоянную армію, а общую воинскую повинность—съ одной стороны, налагающую на каждого очень большія жертвы и заставляющую во многихъ случаяхъ опираться на государство, а съ другой стороны—непомѣрно развитое чиновничество, которому въ его низшихъ слояхъ социаль-демократическія идеи весьма симпатичны. Чиновникъ по самому существу своего положенія весьма легко проникается социаль-демократическими идеями, потому что самъ живетъ и дѣйствуетъ по тому же принципу, какимъ руководится социаль-демократія. Социаль-демократія желаетъ каждого превратить въ чиновника, каждый долженъ занимать опредѣленное мѣсто въ государствѣ, на которомъ онъ работаетъ для государства и отъ него получаетъ свое вознагражденіе. Совершенною противоположностью этому служить свободное производство, но его-то чиновникъ и не знаетъ. Ему опредѣлено извѣстное содержаніе, которое въ большинствѣ случаевъ лишь очень медленно и постепенно можетъ быть улучшено, но за то государство заботится о немъ,—это содержаніе за нимъ обезпечено, и, кромѣ того, государство обезпечиваетъ его на случай болѣзни, старости и несчастныхъ случаевъ.

Такъ-называемые приверженцы манчестерской системы, т.-е. приверженцы существующаго экономического порядка, которому несомнѣнно угрожаетъ сильная опасность, не безъ основанія упрекаютъ государство и спеціально прусское правительство въ томъ, что оно неощащаетъ социаль-демократію. Причина этому коренится въ томъ, что прусское королевство спеціально выдаетъ себя за представителя бѣднѣйшихъ и нишнихъ классовъ, и что, при военномъ характерѣ

этого государства, когда ему приходится требовать отъ каждого своего подданнаго величайшія жертвы кровью и жизнью, оно необходимо должно считать до нѣкоторой степени всѣхъ своихъ подданныхъ равноправными. Одинъ умѣренный либераль высказалъ однажды въ рѣшительную минуту жизни, что прусское королевство помазано демократическимъ елеємъ—и эти слова съ насильской подхвачены реакціонерами. Но они имѣютъ весьма глубокое значеніе и—въ известномъ отношеніи—консервативный смыслъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ здѣсь возбудила большое вниманіе небольшая брошюрка, разсматривавшая „Государство“ Платона, „Утопію“ Томаса Мура, „Солнечное государство“ Кампанеллы и „Икарію“ Кабета. Послѣднее государство, новѣйшее изъ всѣхъ этихъ фантазій, несомнѣнно коммунистическое, хотя первыя тоже отчасти таковы. Но идеи Кабета о распредѣленіи труда, о всеобщей опеке государства воплотѣ тежественны съ идеями нынѣшнихъ социаль-демократовъ. Въ Кабетовскомъ государствѣ безусловно запрещается свобода прессы. Кому придетъ охота въ часы досуга написать книгу, тотъ можетъ это сдѣлать, но безъ разрѣшенія правительства она не должна быть напечатана. Стихотворенія, романы, драматическія произведенія, дѣйствующія на воображеніе и развивающія опасныя стремленія, запрещаются. Еще хуже участь періодической печати. Журналистовъ въ Икаріи не существуетъ, хотя назначенный для того чиновникъ издаетъ газету для каждой общины, для каждой провинціи и для цѣлой націи, но эти газеты составляютъ не что иное, какъ протоколъ, и содержатъ одни голые факты. Репортеру воспрещено сообщать о нихъ свое сужденіе, такъ какъ въ образцовомъ, икарійскомъ государствѣ имѣетъ значеніе только мнѣніе народа, который считаетъ только народныя собранія органами своей воли. Редакторъ газеты имѣетъ случай заявить свой голосъ въ народныхъ собраніяхъ. Въ принципѣ противъ этого нечего возразить, такъ какъ коммунисты, какъ и социаль-демократы, считаютъ, что они могутъ создать наилучшее государство, совершеннѣйшее изъ государствъ. Выходя изъ этого убѣжденія, они имѣютъ не только право, но обязаны подавлять всякую оппозицію, и такимъ образомъ безусловная свобода приводитъ къ полному рабству. Та же самая исторія повторяется и съ религіозными убѣжденіями: тѣ, которые считаютъ, что римская церковь одна даетъ блаженство, естественно приводятся къ тому, чтобы навазывать свои воззрѣнія силою, когда убѣжденіе не дѣйствуетъ. Въ своей исторіи цивилизаціи Лекки отлично выяснилъ, что инквизиторы, которыхъ исторія рисуетъ намъ въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, вовсе не были такими чудовищами, какими намъ кажутся, но что добросовѣстный фанатизмъ подвигалъ ихъ на безчеловѣчныя по-

ступил. ● Совершенною противоположностью этому всегда являлась терпимость скептицизма, который ничего не считает совершенством и не стремится во что бы то ни стало навязать свои мнѣнія и убѣжденія. Можно адѣсь замѣнить слово скептицизмъ пессимизмомъ. Пессимизмъ играетъ въ новѣйшей философіи весьма важную роль, но весьма немногіе понимаютъ его какъ слѣдуетъ. Очень интересная брошюрка, появившаяся недавно вторымъ изданіемъ въ Цюрихѣ: — „Die sogenannte sociale Frage, oder die neueste Voksverdummung, von Eduard Fries“, — рассматриваетъ социализмъ съ этой точки зрѣнія, выставляя его какъ результатъ оптимистическаго воззрѣнія на вселенную въ противоположность истинному, пессимистическому воззрѣнію. Вездѣ, — говоритъ авторъ цитатой изъ Шопенгауэра, знаменитаго представителя пессимизма, — и во всѣ времена проявлялось сильное недовольство правительствами, законами и общественными учрежденіями, и главнымъ образомъ потому, что люди расположены сваливать на нихъ всѣ бѣды, которыя неразлучны съ человѣческимъ существованіемъ, такъ какъ, выражаясь мистически это — то проклятіе, которое принялъ Адамъ, а съ нимъ и весь родъ человѣческій. Но никогда еще это фальшивое представленіе не проводилось такимъ живымъ и нахальнымъ образомъ, какъ демагогами новѣйшаго времени. Эти послѣдніе въ качествѣ враговъ христіанства являются оптимистами. Земная жизнь для нихъ конечная цѣль, и міръ самъ по себѣ превосходно устроенъ и представляетъ настоящую обитель блаженства. Вопіющее, колоссальное зло, царящее въ мірѣ, приписываютъ они безусловно правительствамъ; если бы эти послѣдніе поступали какъ слѣдуетъ, то на землѣ установился бы рай, т.-е. всѣ могли бы безъ нужды и труда ѣсть, пить и прозябать себѣ подобныя.

Пессимизмъ, говоритъ Фриезъ, дѣйствительно представляется самымъ сильнымъ оружіемъ противъ социаль-демократіи, но имъ еще не пользовались какъ слѣдуетъ. Какъ разъ послѣднее время, въ которое социаль-демократія такъ быстро развилась въ Германіи, представлялось для нея особенно благоприятнымъ. Въ послѣднія десять лѣтъ урожай былъ довольно удовлетворительный; Германія не опустошалась никакими эпидеміями или другими народными бѣдствіями. Войны велись внѣ страны, и если внесли трауръ во многія семьи, то все же этой бѣды нельзя сравнить съ бѣдами, которыя приходится терпѣть, когда война ведется въ самой странѣ. Въ такіе времена люди естественно начинаютъ принимать временный періодъ счастья за долговѣчный, и утѣшаютъ себя тѣмъ, что новѣйшія открытія и усовершенствованія дѣйствительно могутъ предохранить человечество отъ повторенія прежнихъ бѣдствій. Промышленности и капиталу, — продолжаетъ ав-

торь,—обязаны мы во всякомъ случаѣ тѣмъ, что, благодаря машинамъ, въ настоящее время производится въ тысячу разъ болѣе работы, нежели прежде посредствомъ одной ручной работы и производится въ тысячу разъ больше предметовъ, нежели прежде. Благодаря крупной промышленности стало возможнымъ производить массу предметовъ потребления въ громадныхъ количествахъ и по удивительно дешевой цѣнѣ; вещи, бывшія прежде рѣдкостью, теперь стали весьма обыкновенными, и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь низшихъ классовъ много улучшилась въ матеріальномъ отношеніи. Это улучшение сказывается и на жилищахъ, на одеждѣ, на средствахъ въ образованіи и на тысячахъ удобствахъ жизни. Капиталу обязаны мы тѣмъ, что въ настоящее время даже бѣднѣйшій рабочій или крестьянинъ носить платье изъ хорошаго сукна, хорошія рубашки, часы въ карманѣ, живетъ въ порядочно мебелированной комнатѣ, можетъ покупать книги и другія образовательныя средства, словомъ, что въ настоящее время въ извѣстномъ отношеніи рабочее сословіе живетъ такъ же хорошо, какъ во времена, когда жили одни лишь зажиточные буржеры. Но насколько люди выиграли относительно жилищъ, одежды, образовательныхъ средствъ и тысячи удобствъ жизни, настолько — вслѣдствіе увеличенія народонаселенія — они проиграли въ дѣлѣ питанія. Промышленныя издѣлія становятся все дешевле и дешевле, а съѣстные припасы все дороже и дороже; въ бѣдные промышленныя среднія вѣка людямъ приходилось обходиться безъ тысячи удобствъ новѣйшаго времени, а питались они безспорно лучше. Но въ этомъ отношеніи ни капиталъ, ни промышленность неповинны. Чтѣ они могли сдѣлать, они сдѣлали. Капиталъ не виноватъ въ томъ, что еще не изобрѣтено машинъ, посредствомъ которыхъ было бы возможно превращать камни въ хлѣбъ и мясо, а воду въ вино, пиво и кофе; быть можетъ, коммунистическій способъ производства ухитрится въ будущемъ произвести такіа чудеса. Но ухудшеніе положенія человѣчества въ дѣлѣ питанія наступило бы во всякомъ случаѣ, и капиталъ и промышленность, которымъ социалисты приписываютъ всю вину, тутъ не причѣмъ.

Я не могу распространяться далѣе объ аргументахъ Фриса, который очень энергически нападаетъ на социалистовъ, въ томъ числѣ и на самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ, какъ Лассаль и Марксъ, но совершенно справедливо, что это ученіе проводится весьма многими, которые прикрываются мнимой объективностью и научными теоріями. Одной изъ выдающихся книгъ этого рода является брошюра бывшаго австрійскаго министра Шеффле: „Die Quintessenz des Socialismus“, вышедшая въ короткое время шести изданій и всѣми признаваемая какъ чисто научная книга. Образъ дѣйствія автора, со-

ставившаго себя уважаемое имя въ социалистической литературѣ цѣлымъ рядомъ большихъ сочиненій, очень просто, не тѣмъ не менѣе сомнительно. Онъ указываетъ на то, какія цѣли должны имѣть социалисты, и отдѣляетъ отъ нихъ все вредное и революціонное, что имъ приписывается. При этомъ онъ сопровождаетъ каждое положеніе примѣчаніемъ, что если социаль-демократія отброситъ то да это,—ученіе ея станетъ въ высшей степени разумное и достойное вниманія. Такимъ образомъ, возникаетъ цѣлая картина социалистическихъ стремленій, сама по себѣ весьма невинная, но совершенно идущая въ разрѣзъ съ истиной, такъ какъ социализмъ вездѣ и неизмѣнно является съ тѣми придатками, отъ которыхъ Шеффле стремится его освободить.

Нѣмецкое правительство немедленно послѣ принятія закона противъ социалистовъ—послѣдовавшаго весьма быстро: 19 октября онъ былъ принятъ рейхстагомъ, а 21 уже обнародованъ—принялось съ необыкновенной энергіей дѣйствовать противъ социалистовъ; одно за другимъ слѣдовали запрещенія социалистическихъ газетъ, социалистическихъ сочиненій, социалистическихъ собраній и обществъ. Социаль-демократы были, очевидно, захвачены върасплохъ; они не ожидали такой поспѣшности, а также совсѣмъ иначе представляли себѣ примѣненіе закона, нежели оно вышло въ дѣйствительности. Полицейскія власти запрещаютъ немедленно всякую газету, которая выступаетъ на мѣсто прежней, объявляя, что она не что иное, какъ продолженіе первой, а потому подлежитъ конфискаціи, надатели же ея, опредѣленной закономъ карѣ. Социаль-демократы, напротивъ того, ожидали, что послѣ запрещенія первой газеты продолженіе ея будетъ конфисковано только тогда, когда исполнѣ обнаружатся ея тенденціи, и рассчитывали, такимъ образомъ, вести нѣкоторое время борьбу и поддерживать агитацію между приверженцами своей партіи. Радикальная оппозиція въ рейхстагѣ, которая противилась принятію закона, тоже применила къ воззрѣніямъ социаль-демократовъ и перенесла образъ дѣйствія правительства. Національ-либеральная партія, ея органы и, сколько я могу судить, огромное большинство среднихъ классовъ, напротивъ того, исполнѣ одобряютъ образъ дѣйствія правительства, такъ какъ продленіе мелкой и ожесточенной борьбы не могло бы имѣть другого дѣйствія, какъ отдалить ту цѣль, какою домогаются, а именно—возстановить спокойствіе въ умахъ. За то въ двухъ другихъ направленіяхъ правительство выказало большую умѣренность. Во-первыхъ, оно почти совсѣмъ не воспользовалось правомъ личнаго преслѣдованія социаль-демократическихъ агитаторовъ—до сихъ поръ всего только одинъ случай этого рода имѣлъ мѣсто въ Саксоніи,—а во-вторыхъ, оно съ величайшей осмотритель-

ностью избѣгало всего, что могло бы дать пищу многочисленнымъ жалобамъ и опасеніямъ, что законъ будетъ обращенъ противъ чисто политическихъ партій. Прогрессивная пресса, со времени изданія закона, очень сильно критиковала дѣйствія правительства и самый законъ. Но не было сдѣлано ни малѣйшей попытки со стороны правительства къ судебному преслѣдованію, хотя надо сознаться, что самыя крайнія изъ прогрессивныхъ газетъ зашли въ своихъ нападкахъ гораздо дальше теперь, когда социалистическихъ органовъ почти что не существуетъ, нежели въ то время, когда сами боролись съ социаль-демократіей. Опасенія, высказываемыя противниками закона, а именно: что вслѣдствіе его, социаль-демократическая агитація изъ гласной станетъ тайной и отъ этого еще пуще ожесточится и обострится, пока не оправдалась. Многие увѣряютъ, что еще до изданія закона противъ социалистовъ, социаль-демократическая агитація достигла своего апогея, и уже на выборахъ оказалось, что социаль-демократы не въ силахъ столько привлечь голосовъ на свою сторону, сколько ихъ было у нихъ на предыдущихъ выборахъ. Другіе говорятъ, что большинство свѣжихъ приверженцевъ социаль-демократіи отстали отъ нея, запуганные частію покушеніемъ на жизнь императора, частію утомленные фразами. Несомнѣннымъ оказалось то, что вызывающій тонъ, которымъ говорили социалистическіе депутаты о законѣ во время преній, на дѣлѣ оказался несоотвѣтствующимъ положенію вещей. Они хвалились численною силою своихъ приверженцевъ, превосходствомъ своей организаціи, своими батальонами, какъ они любятъ выражаться, и высказывали, ничѣмъ нисколько не стѣсняясь, свое презрѣніе къ закону; одинъ изъ нихъ, Бракке, весьма рѣзко замѣтилъ: — мы плюемъ на законъ! Если бы социаль-демократы были въ состояніи произвести нѣчто подобное революціи, то они, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы это уже изъ одной политики, чтобы найти какой-нибудь исходъ для своей борьбы.

Если вообще, какъ я уже сказалъ, одобреніе правительственной системы подавленія социаль-демократіи оказалось значительнѣе, чѣмъ этого ожидали, то рука объ руку съ нимъ идетъ другое, крайне замѣчательное движеніе. А именно со всѣхъ сторонъ, какъ со стороны тѣхъ, кто одобряетъ законъ, такъ и со стороны тѣхъ, кто его осуждаетъ, одинаково признается, что однихъ репрессивныхъ мѣръ недостаточно, и что за-одно съ ними должны идти мѣры, ведущія къ увеличенію благосостоянія рабочихъ классовъ. При этомъ любимою тѣмой является устройство жилищъ для рабочихъ—*cités ouvrières* — блистательный примѣръ которыхъ представленъ въ большомъ фабричномъ, французскомъ городѣ Мольтгаузенѣ. Практическаго характера эти предложенія до сихъ поръ не имѣли, и нельзя не

признать, что ихъ не всегда легко осуществить, если только не предпринять экспроприации въ огромныхъ размѣрахъ, что уже будетъ социаль-демократической мѣрой. Но какъ бы то ни было, а такое движеніе, гдѣ бы оно ни проявлялось, будетъ имѣть по крайней мѣрѣ то значеніе, что докажетъ добрыя намѣренія имущественныхъ классовъ и успокоитъ чувства ненависти и зависти къ богатымъ, которые теперь живутъ въ рабочихъ классахъ.

Вышеупомянутое движеніе въ политическихъ кружкахъ выдвигаетъ, вмѣстѣ съ приведеніемъ въ исполненіе закона противъ социалистовъ, внутреннюю политическую жизнь на первый планъ. Последніе выборы постепенно привели прогрессивную партію, нѣкогда столь сильную, къ такому *minimum*'у, что въ парламентскомъ смыслѣ ее едва ли можно назвать партией въ рейхстагѣ. Въ палатѣ депутатовъ она, конечно, сильнѣе, но палата депутатовъ не распускалась въ послѣднее время, и ея избирательный періодъ истекаетъ вмѣстѣ съ настоящей сессіей, такъ что только тогда окажется, настолько ли утратила прогрессивная партія почву подъ ногами при трехклассной системѣ выборовъ, какъ при общей подачѣ голосовъ, лежащей въ основаніи рейхстага. Такая старинная и большая партія, какъ прогрессивная, которая ведетъ свое начало еще съ 1848 г., слѣдовательно, съ первыхъ дней прусской парламентской жизни, конечно, не легко помирится съ тѣмъ, что ей нѣтъ больше мѣста въ жизни народа, и что необходимо разсмотрѣть, какія ошибки повели къ ея паденію; съ давнихъ поръ замѣчено, что берлинскіе избиратели и вожаки имѣютъ необыкновенно большое вліяніе на составъ партій, а въ кругу берлинскихъ депутатовъ всегда видно тяготѣніе къ лѣвой, т.-е. къ радикальнымъ воззрѣніямъ. Но безпристрастное обсужденіе провинціальныхъ отношеній покажетъ, что какъ разъ этотъ самый радикализмъ виноватъ въ томъ, что многіе умѣренно-прогрессивные элементы въ странѣ отшатнулись отъ партіи. Здѣшніе вожаки этой партіи впадаютъ въ ошибку; если полагаютъ, будто только невѣрность принципу, представляемому ихъ партией, выразившаяся въ уступкахъ правительству, повела къ ослабленію партіи ¹⁾, и что ей слѣдуетъ поэтому тѣснѣе сблизиться съ радикальными элементами, которые въ восточной Германіи нѣвѣстны подъ именемъ народной партіи, а также и съ социаль-демократіей.

Большой митингъ этой партіи собирается здѣсь сегодня и на немъ будутъ обсуждаться всѣ вопросы, касающіеся организаціи партій. Здѣшніе вожаки выработали программу, прекрасно составленную, и кото-

¹⁾ Выше, во „Внутреннемъ Обзорѣнн“ мы объяснили подробно, почему мы не разделяемъ этого мнѣнія нашего почтеннаго корреспондента относительно ошибочности вождей партіи прогрессивной: именно, власть и слабость политическихъ партій въ Германіи составляютъ причину успѣха социализма. — *Ред.*

рад, безъ сомнѣнія, послужить знаменемъ для сильной оппозиціи. Въ ней выставляется основнымъ принципомъ дѣятельность нѣмецкой прогрессивной партіи: развитіе парламентской конституціи посредствомъ укрѣпленія правъ рейхстага и посредствомъ учрежденія отвѣтственнаго передъ нимъ имперскаго министерства, сохраненіе всеобщей, равноправной, прямой и закрытой подачи голосовъ, назначеніе суточныхъ членамъ рейхстага, равенство передъ закономъ безъ различія состоянія и партій, разбирательство политическихъ преступковъ и проступковъ по дѣламъ печати передъ судомъ присяжныхъ, обезпеченіе свободы печати, сходки и общества, сокращеніе военныхъ повинностей посредствомъ сокращенія срока службы, ежегодное вѣтированіе налоговъ, удержаніе свободы переселенія, свободы промысловъ, свободы составлять стачки, личную свободу и свободу совѣсти, ограниченіе церковной юрисдикціи и религіозныхъ корпорацій государственнымъ закономъ, независимость школы относительно церкви, и еще нѣсколько другихъ пунктовъ, менѣе интересныхъ, по части политико-экономическаго и гуманитарнаго законодательства для охраненія рабочихъ.

Эта программа будетъ имѣть, очевидно, необходимымъ послѣдствіемъ отдѣленіе прогрессивной партіи отъ всѣхъ другихъ либеральныхъ партій и прежде всего отъ національ-либераловъ, которые до сихъ поръ не рѣшались порвать съ ней всякую связь, и, кромѣ того, вызоветъ крайнюю оппозицію правительства, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе въ исполненіе этой программы совершенно измѣнитъ характеръ государственной формы въ Пруссіи и въ Германіи, представляющей собою сильную монархію. Парламентъ станетъ все-сильнымъ, какъ въ Англіи, а король или императоръ превратится въ простаго исполнителя рѣшеній парламента. Вторымъ пунктомъ для спора послужитъ вопросъ о военной организаціи. Извѣстно, какая ожесточенная борьба ведется по поводу срока службы и ежегоднаго вѣтирования военнаго бюджета. Послѣдней положенъ былъ конецъ установленіемъ такъ-называемаго военнаго септенната, срокъ которому истекаетъ въ 1880 г., и тогда снова поднимутся оживленные пренія, результатъ которыхъ совсѣмъ нельзя предвидѣть. Правительство императора стоитъ на томъ, что невозможно еще сократить срокъ военной службы, а также и на томъ, что содержаніе арміи не можетъ быть поставлено въ зависимость, какъ въ Англіи, отъ ежегоднаго парламентскаго голосованія. Далѣе, большая часть программы направлена противъ закона о социалистахъ, а именно: вышеприведенное мѣсто, гдѣ требуется равенство передъ закономъ безразлично для всѣхъ партій,—выраженіе, доселѣ ни разу не появлявшееся въ программахъ

подобнаго рода, и допущеніе втораго именно теперь вызвано не чѣмъ инымъ, какъ закономъ противъ социалистовъ.

Итакъ, прогрессивная партія провозглашаетъ оппозицію противъ закона о социалистахъ, безразлично — произведетъ онъ свое дѣйствіе въ періодъ, назначенный для его существованія, или нѣтъ. Что касается требованія нѣкоторыхъ иныхъ вольностей, то онѣ принадлежать не одной только прогрессивной партіи. Такъ, напримѣръ, всеобщая подача голосовъ до сихъ поръ еще не подвергалась серьезнымъ нападкамъ, хотя сама прогрессивная партія долго возставала противъ нея. Настоящимъ основателемъ ея, какъ извѣстно, былъ самъ Бисмаркъ, и до сихъ поръ онъ еще ничего не сказалъ и не сдѣлалъ такого, въ чемъ можно было бы усмотрѣть, что онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о всеобщей подачѣ голосовъ. Противъ нея возстаютъ средніе классы, которые никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что каждому предоставляется равный голосъ при обсужденіи важныхъ національных дѣлъ. Но такое отношеніе существуетъ не въ одной только Германіи, а и въ свободнѣйшихъ государствахъ, какъ Америка и Швейцарія, встрѣчаются сильныя противники всеобщей подачи голосовъ. Въ Швейцаріи она доведена до крайняго предѣла, и стоитъ только взять въ руки любую швейцарскую газету, чтобы натолкнуться на жалобы о чрезвычайной опасности такой системы.

Необыкновенно поучителемъ въ этомъ отношеніи готтардскій вопросъ, до сихъ поръ еще не рѣшенный. Какъ извѣстно, это предпріятіе составилось на такихъ основаніяхъ, что сама Швейцарія дала сравнительно небольшую часть капитала, а остальную, несравненно болѣе значительную, долю Італія и Германія. Этотъ капиталъ данъ былъ à fonds perdu, а тѣ суммы, съ которыхъ новѣйше можно было надѣяться получать проценты, собраны были на частныя средства. Первыя же работы по постройкѣ этой дороги оказались неудачными. Постройка потребовала гораздо большихъ суммъ, и такимъ образомъ государства, даровавшія субсидіи, должны были увеличить ихъ размѣръ. Італія и Германія объявили, что согласны на это, а также и швейцарское правительство. Но тутъ нѣкоторые кантоны стали дѣлать большія затрудненія центральному правительству, а такъ какъ Італія и Германія не хотѣли увеличивать субсидіи, если Швейцарія не приметъ въ ней соотвѣтствующаго въ ней участія, то не разъ надвигалась опасность, что все громадное предпріятіе рухнетъ; даже и въ настоящій моментъ одинъ кантонъ, а именно Ваатландскій, привелъ всѣ сдѣланныя до сихъ поръ усилія въ нуль. Трудно понять, какъ это не видать, что неусыхъ гигантскаго предпріятія по проведенію туннеля, поглотившаго уже таковой крупный капиталъ у швейцарцевъ, грозитъ Швейцаріи гро-

мандными финансовыми бѣдствіями, не говоря уже о томъ, что нельзя допустить, чтобы великія державы, участвующія въ этомъ предпріятіи, дозволили, безъ дальнѣйшихъ околѣчностей, нанести такой ущербъ своимъ интересамъ. Но либеральные швейцарцы открыто сознаются, что рѣшеніемъ народнаго представительства руководить вовсе не политическая мудрость.

Очень рѣзко нападаетъ также на всеобщую подачу голосовъ знаменитый американскій историкъ, Френсисъ Паркманъ, и статья его переведена на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: „Фіаско всеобщей подачи голосовъ“. Авторъ непосредственно знакомъ съ самодержавіемъ народа и нападаетъ на него съ ожесточеніемъ, показывающимъ, что самодержавіе это не сумѣло внушить ему любовь къ себѣ. Всеобщая подача голосовъ, — говорятъ онъ между прочимъ, — навязанная нашей странѣ соперничествомъ враждующихъ другъ съ другомъ партій, которыя выдавали за народный голосъ подкупленные ими голоса, возведена съ тѣхъ поръ въ принципъ, который многіе считаютъ священнымъ. Но этотъ, такъ-называемый, принципъ далеко не имѣетъ такого всеобщаго значенія, и примѣненный безъ толку, оказывается немедленно глупостью. Всеобщая подача голосовъ примѣнима только къ тѣмъ народамъ, которые по своему характеру и образованію подготовлены къ ней, и единственнымъ рациональнымъ вопросомъ при этомъ является вопросъ, какая степень образованія требуется для этого. Во всякомъ случаѣ на такую подготовку требуется время, въ народѣ должны существовать традиціи самоуправленія. Всеобщая подача голосовъ существуетъ у нѣкоторыхъ европейскихъ націй и существуетъ на ряду съ высокой степенью цивилизаціи и благосостоянія. Но въ этихъ странахъ существуютъ традиціи и весьма сильное центральное правительство, такъ что зло, происходящее отъ плохого выбора, основаннаго на невѣжествѣ или недобросовѣстности, парализуется противодействіемъ силъ, у насъ неизвѣстныхъ. Но даже, и въ этихъ странахъ конечные результаты этого эксперимента составляютъ не безъ основанія предметъ серьезныхъ опасеній. Намъ говорятъ, что для того, чтобы сдѣлать изъ худого избирателя хорошаго, намъ стоитъ только образовывать его. Ему недостаетъ не только ума, но также и сознанія, что его интересы связаны съ интересами общины, не говоря уже про отсутствіе пониманія нравственныхъ и политическихъ обязанностей. Это зло нельзя исправить умѣньемъ читать, писать и считать; школа можетъ напичкать его мозги всѣми свѣдѣніями, какія онъ можетъ усвоить, но отъ этого онъ ни на волосъ не станетъ лучшимъ гражданиномъ. Вы должны его образовывать, а не пичкать отрывчатыми свѣдѣніями, вы должны развить въ немъ принципы нравственности и пониманіе политическихъ и обществен-

нить обязанностей, но подобное образованіе не легко дается и требует здраваго сужденія и способностей. Обучить учителей — вотъ первый шагъ, который намъ предстоитъ сдѣлать, и здѣсь, какъ и вездѣ, въ связи съ общественнымъ образованіемъ находится дѣлая дѣла маленій“.

Эти общія замѣчанія, очевидно, касаются также и Германіи, особенно первое. Затѣмъ авторъ нападаетъ на сильную испорченность нравовъ въ Америкѣ и нападаетъ на тамошнюю систему общественнаго образованія. Эти замѣчанія тѣмъ замѣчательны, что именно въ Германіи либеральная партія, какъ и уже не разъ говорилъ это, видитъ въ образованіи единственное спасеніе, и забываетъ при этомъ, что съ образованіемъ должно соединиться чувство долга, религіозность, сильный патриотизмъ въ каждомъ для того, чтобы образованіе не стало вреднымъ. Американскій писатель приводитъ въ примѣръ что американскій ирландецъ хотя и образованнѣе своего отца, но, во всей вѣроятности, такой же плохой гражданинъ, какъ и этотъ послѣдній. „Онъ умѣетъ писать, — говоритъ авторъ, — но онъ ничего не читаетъ, кромѣ сенсационныхъ романовъ и скандальныхъ иллюстрированныхъ листовъ, наполняющихъ его зловредными идеями и которые неизбѣжно должны притупить болѣе сильный умъ, чѣмъ у него, и развратить болѣе нравственнаго человѣка, чѣмъ онъ. Обыкновенно онъ менѣе трудолюбивъ, чѣмъ его отецъ, и такъ же мало заботится объ общемъ благѣ. Люди, ратуящіе за какието неотъемлемыя права, превозносятъ избирательное право до небесъ, какъ такое учрежденіе, которое можетъ воспитать добрыхъ гражданъ. При нѣкоторыхъ условіяхъ, въ этихъ утвержденіяхъ есть нѣкоторая доля правды: необразованный и равнодушный избиратель, когда онъ окруженъ честными и разумными избирателями, склоненъ къ исправленію, но для этого необходимо, чтобы тѣ, кого избирательное право должно воспитывать, были отдѣлены другъ отъ друга и подчинены хорошему вліянію. Когда обширные округа и въ особенности избирательные округа большихъ, населенныхъ городовъ кишатъ толпами невѣжественныхъ и буйныхъ избирателей, то зло становится нестерпимымъ. Тогда избирательное право воспитываетъ одно только буйство. Говорятъ, что бдительность — цѣна, которою приходится оплачивать свободу, но и другое условіе, не менѣе важное, должно быть соблюдено, а именно: свобода требуетъ умѣренности. Она должна стоять на твердомъ основаніи; должна избѣгать спороспѣлыхъ, теоретическихъ обобщеній и сообразоваться съ законами развитія, на которыя указываютъ разумъ и опытъ. Она должна строить будущее на своемъ прошломъ. Когда она, какъ безумная, гоняется за ослабительными, абстрактными идеями, то стремится къ своей гибели; словомъ, она

должна быть практична. Эти слова употребляются здѣсь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляютъ политическіе плуты, но въ томъ смыслѣ, какой ему придаютъ благородные люди^а.

Соображенія, на основаніи которыхъ князь Бисмаркъ далъ въ свое время всеобщую подачу голосовъ, были совсѣмъ иныя. Канцлеръ руководствовался тѣмъ воззрѣніемъ, что результаты каждой избирательной системы, въ цѣломъ и въ общей сложности, довольно одинаковы, что общее направленіе всегда при этомъ выразится, и что именно у насъ, въ Германіи, если аристократія, образованное бюргерство и высшіе по богатству и познаніямъ классы будутъ исполнять свой долгъ, то всеобщая подача голосовъ отнюдь не будетъ имѣть такихъ дурныхъ послѣдствій, какъ въ Америкѣ, гдѣ отсутствуютъ всѣ тѣ смѣшчающіе элементы, какіе у насъ есть. Что эти элементы отсутствуютъ—это признаетъ Парманъ въ каждой строчкѣ своего сочиненія, и, очевидно, отчаявается въ возможности появленія такихъ элементовъ въ ближайшемъ будущемъ. Извѣстно, что въ послѣдніе нѣсколько десятилетій дѣтъ нѣкоторые нѣкоторые лицами богатства начинаютъ приносить обычные плоды, приписываемые имъ нѣкоторыми историками и мыслителями, а именно то, что сыновья богатей начинаютъ заниматься наукой и искусствами. Но въ Америкѣ число этихъ лицъ чрезвычайно какъ ограничено и, кромѣ того, представляется еще то невыгодное обстоятельство, что богатство и досугъ, даваемый имъ, не примѣняются на служеніе общественному дѣлу, такъ-какъ занятіе политикой считается, такъ-сказать, грязнымъ дѣломъ, и его представляютъ тѣмъ, у кого нѣтъ иного средства для жизни или по-крайней-мѣрѣ для проморилена себя. Я уже раньше имѣлъ случай замѣтить, что всеобщая подача голосовъ въ Германіи очень сильно пострадала отъ того несчастнаго обстоятельства, что вскорѣ, послѣ дарованія ея разгорѣлась культурная борьба. Громадное вліяніе католической церкви выказалось здѣсь, такъ-какъ, по ея приказаніямъ, разносимымъ по городамъ и селамъ тысячами солдатъ въ духовномъ одѣяннѣ, собирались приверженцы ультрамонтанства. Такимъ образомъ, почти одна треть народныхъ представителей, какъ въ имперіи, такъ и въ Пруссіи, состояла изъ ультрамонтанъ, и поэтому никакого соглашенія между либералами и консерваторами, между дружественными правительству и оппозиціонными партіями не могло состояться въ это время, такъ-какъ фаланга ультрамонтанъ, стоя между этими двумя большими партіями, востанно оказывала свое содѣйствіе той изъ нихъ, которая по какимъ-нибудь причинамъ была ей симпатична въ данную минуту, или по-крайней-мѣрѣ казалась менѣе вредной. Съ этой бѣдой князь Бисмаркъ тѣтено боролся. Въ мѣстностяхъ, гдѣ можно было быть почти увѣреннымъ, что выборы будутъ сдѣ-

жаны въ духѣ дружественномъ правительству, какъ, напр., въ Верхней Силезіи, гдѣ наиболѣе имѣется крупныя землевладѣльцы во всей Пруссіи, и гдѣ можно было ожидать, что земельные мотивы имѣютъ настолько вліяніе на население, чтобы дать желаемое направление выборами,—случилось совершенно обратное. Власть такихъ даже магнатовъ, какъ герцогъ фонъ-Ратиборъ, князь фонъ-Плецъ и другіе, оказалась ничтожной передъ властью католическихъ епископовъ, и магнатамъ пришлось уступить мѣсто передъ избирательной урной кандидатамъ ультрамонтанъ, болѣею частью простымъ и незнакомымъ духовнымъ лицамъ. Далѣе, князь Бисмаркъ съ проницательностью государственнаго человѣка употребилъ всѣ усилія, чтобы привлечь аристократію на государственную службу.

Вы извините меня, если я снова вернусь къ книгѣ Тама, гдѣ такъ превосходно показано, какъ удаленіе аристократіи отъ государственной жизни во Франціи послужило главной причиной страшной силы и громадныхъ размѣровъ революціонной катастрофы. Нѣсколько аристократовъ, по желанію князя Бисмарка, выступили на арену политической жизни. Его твердый представитель и предполагаемый преемникъ, графъ Штольбергъ—самый крупный и богатый землевладѣлецъ въ Пруссіи, и нужно большое самоотверженіе съ его стороны, чтобы посвящать себя общественнымъ дѣламъ, вмѣсто того, чтобы жить баринско въ своихъ помѣстьяхъ. Многіе дипломатическіе посты замѣщены аристократами, въ парламентѣ представители ихъ весьма многочисленны и дѣятельны. Было бы несправедливо сказать, что бюргерское сословіе оттѣсняется на задній планъ аристократіей, потому что ни при какой еще системѣ не встрѣчалось столько бюргерскихъ именъ въ числѣ министровъ, какъ при настоящей. Министръ сельскаго хозяйства, Фридентъ, министръ народнаго просвѣщенія Фальтъ, министръ финансовъ Гобрахтъ, министръ торговли Майбахъ—все это бюргеры по рожденію. Но не на одну только аристократію, а какъ уже выше сказано—на всѣ образованные классы приходится опираться для того, чтобы всеобщая подача голосовъ не принесла съ собою вредныхъ послѣдствій, а здѣсь-то и ждетъ самое горькое разочарованіе. Имущественные классы должны были бы сказать себѣ, что въ виду опаснаго характера всеобщей подачи голосовъ, въ ихъ интересахъ лежитъ необходимость идти рука объ руку съ правительствомъ и быть возможно умѣреннымъ даже въ справедливыхъ своихъ политическxхъ требованіяхъ, дабы социаль-демократія не могла, въ силу известной поговорки: *Quibus litigantibus tertius gaudet*, воспользоваться ихъ столкновеніемъ. Но какъ разъ въ этомъ направленіи ничего ровно не дѣлается. Виргерство, средніе классы всегда поставили свою гордость въ томъ, чтобы стоять въ оппозиціи къ правительству, и,

закрывая глаза на развитіе социаль-демократіи, они динамично способствовали ея преуспѣванію.

Въ послѣдніе дни въ Берлинѣ происходили выборы въ городское представительство. Эти выборы производятся подобно выборамъ въ палату депутатовъ, на основаніи трехклассной системы. Собраніе обновляется не съ-разу, но по частямъ — принципъ, долгое время существовавшій въ нѣмецкихъ земляхъ даже въ политическихъ представительствахъ, потому что въ немъ видѣли оплотъ противъ слишкомъ большого потрясенія, обусловливаемого всеобщей подачей голосовъ. Каждое изъ трехъ различныхъ отдѣленій избираетъ нѣсколько городскихъ депутатовъ промежь себя, и всего болѣе интереса представляютъ, натурально, выборы третьяго отдѣленія, такъ какъ оно самое многочисленное и содержитъ довольно значительное число людей изъ рабочаго класса. И вотъ—оказалось слѣдующее. На этихъ послѣднихъ выборахъ социаль-демократы находились въ такомъ меньшинствѣ, что, собственно говоря, не могли идти въ расчетъ даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ они имѣли весьма значительное большинство. Откуда это происходитъ?—спрашиваютъ всѣ себя. Одни думаютъ, что причина этому заключается въ томъ, что социальная демократія уже совсѣмъ распалась, вслѣдствіе того, что ей недостаетъ центра для агитаціи; другіе усматриваютъ причину въ нѣкоторыхъ побочных обстоятельствахъ: во-первыхъ въ томъ, что тутъ голосованіе открытое, тогда какъ выборы въ рейхстагъ бывають закрытые; во-вторыхъ въ томъ обстоятельствѣ, что избирательный цензъ, которому подчинены избиратели третьяго отдѣленія, дѣлаетъ то, что многіе рабочіе исключены изъ права выборовъ, чего нѣтъ при выборахъ въ рейхстагъ.

Эти аргументы особенно охотно выставляются органами прогрессивной партіи, и это не называетъ, что она не совсѣмъ закрываетъ глаза на тотъ фактъ, что ея собственные интересы, т.-е. интересы руководящаго бюргерства, болѣе перетягивають на сторону ограниченной подачи голосовъ, нежели всеобщей, которая зависитъ отъ элементовъ, не подлежащихъ контролю небольшой, сравнительно, партіи. Такимъ образомъ, тутъ реакція происходитъ такъ-сказать снизу: вы приносите конечно, что я часто распространялся о неосновательности толковъ про наступающую реакцію, вызванныхъ отставкою Кампгаузена и назначеніемъ графа Штольберга. Всѣ утѣренія министерства, что этого не будетъ, ни въ чему не служили. При этомъ либералы впали въ очень странное заблужденіе. Они проглядѣли, что, въ силу неизбѣжнаго круговорота событій, въ самой стражѣ наступилъ нѣкоторый переворотъ во мнѣніяхъ въ реакціонномъ направленіи. Въ настоящее время нѣтъ такой вольности, дарованной въ счастливейшее время Бис-

марьевскаго управленія, которая бы не осуждалась голосами изъ народа. Самымъ кореннымъ изъ этихъ законовъ былъ законъ о свободѣ переселенія, ни одинъ не былъ такъ глубоко обдуманъ, какъ тотъ, который отмѣнилъ всѣ прежніе ростовщичіе законы и замѣнилъ ихъ свободой обращенія. Но какъ разъ оба эти закона вызываютъ недовольство у такой массы людей, что истинный приверженецъ свободы и прогресса не можетъ безъ печали наблюдать это явленіе. Я по крайней мѣрѣ предвижу заранѣе, что это движеніе, именно потому, что рассчитано на неразуміе, и потому, что массы всего легче убѣждаются самыми недѣльными аргументами, сдѣлается непреодолимымъ. Въ ландтагѣ центръ уже возвѣстилъ о запросѣ: не согласится ли правительство предложить союзному совѣту отмѣнить законъ касательно свободы указныхъ процентовъ. При этомъ ожидается, что правительство будетъ отстаивать либеральное дѣло, и выяснится, какъ неосновательна, какъ ошибочна была тактика оппозиціи выставить правительство какъ шайку реакціонеровъ, съ которою нужно бороться во что бы то ни стало. Опасность реакціи является совсѣмъ съ другой стороны.

Упомяну въ короткихъ словахъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, связанныхъ съ общественной и политической жизнью. Ландтагъ имѣлъ всего лишь нѣсколько засѣданій, и настроеніе его было, кажется, довольно примирительнаго характера. Новому министру финансовъ Гобрехту выпала непріятная задача—заявить ландтагу объ имѣющемся дефицитѣ, между тѣмъ какъ его предшественникъ Кампгаузенъ цѣлое десятилѣтіе имѣлъ удовольствіе купаться въ милліардахъ. Въ то время либералы осыпали его похвалами. Въ настоящее время среди либераловъ раздается запоздалая, а потому и безполезная критика его дѣятельности, и люди начинаютъ вопрошать: дѣйствительно ли все, что дѣлалъ тогда министръ, было такъ разумно, какъ это считали, и не былъ ли онъ ослѣпленъ такъ же, какъ и другіе блескомъ эры милліардовъ, и не вналъ ли въ такую же тяжкую ошибку, какъ и тотъ, кто купить себѣ домъ вдвое дороже того, что онъ стоитъ, или акцію рудниковъ, 200% сверхъ *pari*. Гобрехтъ съ похвальной откровенностью сознался въ дефицитѣ. Надъ нимъ подшучивали раньше, что онъ, въ качествѣ бургомистра городовъ Бреслава и Берлина, очевидно ничего не смыслитъ въ финансовыхъ дѣлахъ; не кажется, что здѣсь снова оправдалась поговорка: „*Wem Gott ein Amt giebt, dem giebt er auch Verstand*“. Гобрехтъ доказалъ, что онъ очень хорошо понимаетъ финансовыя дѣла, и его рѣчь нисколько не страдала неясностью.

Затѣмъ общественной жизни было нарушено литературнымъ явленіемъ, о которомъ вы, быть можетъ, подробнѣе поговорите; но я

все же упомяну о немъ хотя въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь появилась книга, синскавная рѣдкій успѣхъ, но въ сущности успѣхъ скандала. Въ 1870 г. нѣкій докторъ Морницъ Бушъ сопровождалъ князя Бисмарка въ походѣ, въ качествѣ газетнаго репортера. Вскорѣ послѣ окончанія войны онъ былъ уволенъ, хотя никто не зналъ, за что собственно, и съ тѣхъ поръ жилъ литературнымъ трудомъ. Въ настоящее время онъ издалъ рассказъ о томъ, что дѣлалъ и что говорилъ князь Бисмаркъ во время похода. Но въ этомъ рассказѣ содержится много такого, разглашеніе чего не можетъ быть пріятно ни князю Бисмарку, ни тѣмъ, кого его замѣчанія касаются. Князь не щадитъ никого ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ расположеніи духа, а тутъ онъ не стѣсняется,—по всей вѣроятности потому, что и не помышлялъ о возможности, что его выдадутъ. Но такъ какъ это случилось, то его защитники объявили слѣдующее: юридически у князя нѣтъ никакого оружія, чтобы остановить публикацію, но онъ уже во время похода замѣтилъ, что г. Бушъ злоупотребляетъ оказываемымъ ему довѣріемъ. Это и было причиной его увольнения. По случаю этой книги ходили всякаго рода слухи: будто бы различныя лица чувствуютъ себя оскорбленными и намѣрены потребовать отчета у канцлера; будто бы императоръ и кронпринцъ недовольны нѣкоторыми выраженіями, хотя, конечно, не прямо ихъ касающимися, и многіе уже полагали, что эта книга послужитъ камнемъ преткновенія для Бисмарка, о который онъ свернетъ себя немъ, и, конечно, радовались этому. При всякой неудачѣ подобнаго рода Бисмаркъ имѣетъ случай убѣдиться, какъ много у него враговъ, и какихъ ожесточенныхъ враговъ! Но при этомъ забываютъ одно: за Бисмаркомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится во главѣ управленія, неусыпно наблюдаютъ, и многое изъ сказаннаго имъ, неизвѣстное массѣ публики, перекается въ небольшихъ кружкахъ; многое, о чемъ онъ и не подозрѣваетъ, сочиняется на его счетъ. Этимъ, посвященнымъ во всѣ тайны кружковъ, книга Буша не слазитъ ничего новаго: она можетъ интересовать только массу публики.

Переговоры съ римской куріей еще ни къ чему не привели, несмотря на постоянно возвышаемое соглашеніе. Чрезвычайно трудно сказать, въ какой стадіи своего развитія находятся эти переговоры, такъ какъ они ведутся людьми, скромность которыхъ вынуждаетъ всякаго сомнѣній. Можетъ быть, мы завтра будемъ удивлены извѣстіемъ объ ихъ окончаніи, можетъ быть, дѣло затянется еще на далѣе время. Одно только кажется несомнѣнно, что обѣ стороны очень желаютъ соглашенія.

Извѣстія о здоровьѣ императора довольно благопріятны, и можно считать за вѣрное, что въ началѣ будущаго мѣсяца онъ вер-

нется въ свою столицу, гдѣ уже дѣлаются приготовленія къ его приему. Несомнѣнно также и то, что по возвращеніи — если только не наступитъ перелома въ его здоровьѣ къ худшему — онъ вступитъ въ управленіе дѣлами. Это произойдетъ безъ всякаго колебанія въ общественной жизни, такъ какъ кронпринцъ въ шесть мѣсяцевъ своего управленія ничего не сдѣлалъ, что бы не было вполнѣ въ духъ его отца. Но замѣстительство дало твердую увѣренность народу, что даже въ случай смерти теперешняго императора, которая рано или поздно наступитъ, управленіе перейдетъ въ твердыя руки и будетъ вестись въ духъ свободы и народнаго блага.

К.

ПАРИЖСКИЯ ПИСЬМА.

12/21 ноября, 1878.

XLIII.

ЗАКРЫТІЕ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Выставка закрылась. На-дняхъ рѣшится ея въ послѣдній разъ пропустить публику. Посѣтители бросили прощальный на нее взглядъ, — и дѣлу конецъ. Но за то теперь наступило время свести итоги этой выставки, привлекавшей громадныя толпы народа. Я говорилъ о выставкѣ въ май мѣсяцъ, когда она открывалась; теперь поговорю въ ноябрѣ, когда она закрылась. Я долженъ констатировать ея успѣхъ, передать всѣ размышленія, возбужденныя ею, наконецъ, вывести нѣсколько практическихъ заключеній.

I.

Какое странное и любопытное зрѣлище представлялъ Парижъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ! Прежде всего мнѣ кажется интереснымъ открыть этотъ космополитичный Парижъ, гдѣ сошлись всѣ народы міра. Я убѣждалъ на это время въ окрестную деревню, опасаясь отъ толпы, постоянно возрастающей; но каждый мѣсяцъ, когда дѣла призывали меня въ Парижъ на два, на три дня, я дивился пре-

вращенію нашего большого города. Одни только парижане могли замѣтить глубокую переимѣну, ставившую вверхъ дномъ всѣ ихъ привычки. Они не узнавали Парижа и про себя мечтали о томъ днѣ, когда его возвратятъ имъ.

Улицы стали совсѣмъ не тѣ. Конечно, парижане вовсе не боялись толпы, они привыкли къ громадному стеченію народа въ эпохи своихъ празднествъ. Но это бывала знакомая имъ толпа, и сама привычная къ нашимъ улицамъ и тротуарамъ; къ тому же, эта толпа была у себя дома и не загромождала дороги. Но парижане были совсѣмъ озадачены толпой, которая стеклась на выставку; она казалась подавляющей, и отъ нея было тѣсно; провинціальные семьи заваливали собою тротуары, и хуже всего то, что онѣ еле волочили ноги, истомленные продолжительной ходьбой, и толпились вокругъ всѣхъ фонарей, чтобы отдохнуть. Я видалъ такіа, которыя по цѣлымъ часамъ просиживали на бульварныхъ скамьяхъ, не будучи въ состояніи шагу ступить далѣе; дѣти спали на рукахъ у матерей, отцы искали глазами булочную, чтобы утолить раздражительный голодъ всѣхъ своихъ домохозяевъ; точно плоть съ пассажирами Медузы очутился среди Парижа. Надо сказать, что разстоянія большія, экипажей найти было не легко, и приходилось простаивать по-долгу въ хвостѣ, чтобы попасть въ ресторанъ. По утрамъ улицы еще имѣли веселый видъ; прїѣзжіе мужественно пускались въ путь группами въ пять-шесть человѣкъ, отдохнувъ за ночь, воодушевленные любопытствомъ, бодрые; они шли завоевывать Парижъ, какъ-бы смѣясь надъ усталостью. Но по вечерамъ провинціалы наводили уныніе на улицы; они возвращались домой съ вытянутыми лицами, усталые, оглушенные, ослѣпленные, повѣся носъ. Съ трехъ часовъ пополудни начиналось всеобщее бѣгство; одни торчали у дверей кафе, другіе шли куда глаза глядятъ, дѣлая отчаянные знаки флажками, которые молча проѣзжали мимо; наконецъ, третьимъ шагомъ плелись въ свою гостиницу, точно издохшіе послѣ тяжелой бѣгѣнки, впервые вышедшіе на улицу. Иностранцы, преимущественно англичане, были бодрѣе; особенно послѣдніе привыкли къ путешествіямъ, къ продолжительнымъ экскурсіямъ, совершаемымъ всей семьей. Но что за странныя фигуры! На каждомъ шагу натыкаешься на какое-нибудь диво: то попадется китаецъ съ косою, то арабы, драпированные въ большіе бѣлые бурнусы, то невозмутимые турки въ желтыхъ турбанахъ. Впрочемъ, пожалуй, что иностранцы, одѣтые по-европейски, были еще изумительнѣе въ своихъ дорожныхъ костюмахъ, въ которыхъ они щеголяли, не стѣняясь тѣмъ, что ихъ туалетъ былъ очень смѣтъ за ночь, проведенную въ варочѣ. Улыбка невольно показывалась на губахъ при нѣкоторыхъ встрѣчкахъ; худощавыя женщины, затянутыя какъ-бы въ чехлы отъ зонтиковъ, тол-

стали въ короткихъ курткахъ, группы въ декольтированныхъ платьяхъ, одна копилась другой. Никогда въ жизни не видывалъ я такого вавилонскаго столпотворенія по части модъ; минутами можно было подумать, что мы находимся среди карнавала, на которомъ воссозданы всѣ отжившія моды. У парижанъ удивительное чутье для распознаванія иностранцевъ или провинціаловъ. Достаточно походки, часто одного жеста. Во время выставки не трудно было проявить это чутье, потому что пріѣзжіе нисколько не стѣснялись. Отсюда необычайный видъ, который представляли наши улицы въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Подумалъ бы право, что происходятъ нашествіе чужеземцевъ; Франція и Европа переселились къ намъ и проходили передъ нашими глазами среди грохота экипажей, уличной толкотни и гвалта.

Любопытно было бы также описать экипажи, красовавшіеся во время выставки. Мы можемъ гордиться Парижемъ, нашими окрестностями и общественными зданіями, но, право, намъ нельзя хвастаться, когда рѣчь зайдетъ о нашихъ экипажахъ. Я не говорю про омнибусы и конно-железныя дороги; они могутъ гордиться хорошими лошадьми, комфортабельными каретами и аккуратностью въ отправленіи. Я говорю про фіакры, про эти отвратительныя маленькія каретки, которыхъ Парижъ по истинѣ долженъ стыдиться. Хорошая половина этихъ каретъ ужасно грязна; дверцы не запираются; кузовъ покосился на одинъ бокъ, рессоры ломаются. Что до лошадей, то онѣ внушаютъ состраданіе. Тонкія, голодныя, онѣ еле влечутъ ноги. Ни въ какой другой столицѣ нѣтъ такихъ северныхъ общественныхъ экипажей ¹⁾.

Извѣстно, что въ началѣ августа извозчики составили стачку, но это ни къ чему не привело. Я боюсь, что долго еще дѣла будутъ оставаться въ этомъ положеніи. Компанія фіакровъ злоупотребляетъ своею монополіей. Для того, чтобы введены были серьезныя усовершенствованія, надо было бы, чтобы высшая администрація энергично ихъ потребовала. Часто возникали обѣ улучшенійхъ, но публика не видать исполненія этихъ прекрасныхъ обѣщаній. Напротивъ того, дѣла идутъ все хуже и хуже. Надо было бы все переимѣнить: экипажи, лошадей, кучеровъ, которые стали еще нахальнѣе прежняго. Сознавая себя необходимыми, они предписывали свои законы. Если лицо, подзвизывавшее ихъ, имъ не нравилось, они отъѣзжали прочь, смѣясь въ носъ. Въ первое время тактика ихъ заключалась въ томъ, чтобы возить исключительно иностранцевъ, которыхъ они надѣялись грабить, и которые, по ихъ расчетамъ, должны были щедрѣе давать на водку. Но оказалось наоборотъ, что иностранцы не имѣютъ при-

¹⁾ Очевидно, потѣшенный авторъ былъ не во всѣхъ столицахъ.—Ред.

вычки давать на воде, какъ мы, парижане. Поэтому въ концѣ-концовъ извозники возненавидѣли выставку. Какъ только имъ скажутъ: „на Марсово поле“—они начинаютъ ворчать, и часто отказывались ѣхать. Не проходило дня, чтобы въ полицейскую префектуру не поступило двухъсотъ или трехъсотъ жалобъ. Повторяю: фіакры составляютъ настоящій поворотъ Париза.

Напротивъ того, я нахожу, что публика несправедлива къ ресторанамъ и гостинницамъ. Бездѣ сомнѣнія, они слишкомъ увеличили свои цѣны. Но только кто путешествовалъ, тотъ знаетъ, чѣмъ кормятъ въ Испаніи, въ Италіи, въ Германіи, и на чемъ тамъ кладутъ спать, чтобы оцѣнить по достоинству парижскія кухни и постели. Въ большихъ иностранныхъ городахъ существуетъ обыкновенно двѣ, три гостинницы, гдѣ можно остановиться, не опасаясь быть отравленнымъ; я говорю вообще. Въ гостинницахъ второго и третьяго разряда жизнь невозможна. Въ особенности въ Испаніи кормятъ ужасно. Постели въ Германіи жестки и сыры, и покрыты простынями, величиною съ носовой платокъ. Въ Парижѣ можно остановиться въ любой гостинницѣ. Самые скромныя заведенія, напр., Bonillous Duval подають превосходную говядину, весьма прилично приготовленную и за очень умѣренную цѣну. Во время выставки эти заведенія не измѣнили своихъ цѣнъ, и надо было видѣть, какъ залила туда толпа. Давка—вотъ былъ главный недостатокъ ресторановъ. Тамъ обѣдали другъ на другѣ, да и то многимъ приходилось ждать часъ или два, прежде нежели занять уголокъ стола. И однако ресторановъ въ Парижѣ видимо-невидимо! Въ ресторанахъ перваго разряда натурально давка не была такъ велика, тѣмъ болѣе, что цѣны отпугивали. Тутъ были злоупотребленія, это несомнѣнно. Приводятъ баснословные счеты. Но тѣ же самые факты проявлялись во всѣхъ столицахъ во время выставокъ. Давно рѣшено, что выставки существуютъ для обогащенія содержателей гостинницъ и ресторановъ.

Никогда не забуду, какъ я былъ пораженъ, когда въ одинъ изъ своихъ приѣздовъ въ Парижъ въ эти шесть мѣсяцевъ, я приблизъ въ него поутру, съ намѣреніемъ уѣхать обратно вечеромъ, устроивъ на-скоро всѣ свои дѣла. Бѣда заключалась въ томъ, что я набиралъ всякаго рода порученій во время этихъ кратковременныхъ путешествій, и что мнѣ необходимо нужно было взять извозника тотчасъ же по выходѣ изъ вагона. Тутъ и начались мученія. Нѣтъ извозника. Часто мнѣ приходилось ходить живомъ полъ-дня. Если я находилъ извозника, то онъ требовалъ, чтобы я продержалъ его не долѣе часа или двухъ. Извозники естественно предпочитали, чтобы ихъ брали на одинъ конецъ, потому что такимъ образомъ они получали больше на воде. Если я заходилъ въ ресторанъ, немая бѣда. Мѣста не ха-

тало, гарсоны теряли голову, на кухнѣ отъивалась суматоха. Поэтому, понятно, съ какою радостью я ѣхалъ обратно на желѣзную дорогу, какъ только-что мнѣ удавалось приблизительно совершить всѣ свои дѣла. Просто, точно гора съ плечъ сваливалась. Мой зеленый уголокъ съ его лугами и деревьями, служившій мнѣ убѣжищемъ, казался мнѣ раемъ. Никто меня не толкалъ въ намъ, не слышно было въ немъ людскихъ голосовъ, слыло одно только необъятное небо. Парижъ по-истинѣ оказывался невозможнымъ для парижанъ отъ мая мѣсяца по ноябрь.

Совсѣмъ тѣмъ несомнѣнно, что многіе парижане въ немъ оставались именно изъ любви къ шуму и толпѣ. Я знаю людей, которые находили всю эту давку очень любопытной и чувствовали себя постоянно какъ-бы на праздникѣ. Я говорю про людей праздныхъ, про тѣхъ, у кого много досуга, и они не знаютъ, чѣмъ его наполнить. Эти простаивали по цѣлымъ часамъ на порогѣ ресторановъ, глядя на проходящій народъ; толпотня на тротуарахъ, давка въ ресторанахъ, городъ, взятый приступомъ, доставляли имъ зрѣлище, которое они находили занимательнымъ. Впрочемъ, только они хорошо осмотрѣли выставку. Они осматривали ее во всѣхъ подробностяхъ, не торопясь. Они побывали на ней разъ сто, поставивъ себѣ задачей осматривать каждый разъ лишь небольшой уголокъ ея. Это было единственнымъ способомъ все увидѣть и не устать. Люди занятые, которые могли побывать на выставкѣ всего какихъ-нибудь три, четыре раза, стремясь за-разъ объѣхать всѣ сады и галереи, сохраняли отъ своей безумной бѣготни впечатлѣніе безпримѣрной суеты и чувство сильной усталости. Поэтому я увѣренъ, что парижскіе зѣваки лучше всего ознакомились съ выставкой, а говорю про тѣхъ фландровъ, которыхъ встрѣчаешь въ залѣ уголовного суда, передъ строящимися зданіями, про мелкихъ рантье и праздныхъ людей, не пропускающихъ ни одного зрѣлища.

До сихъ поръ все еще трудно опредѣлить число посѣтителей, побывавшихъ въ Парижѣ. Увѣряютъ, что число иностранцевъ, останавливавшихся въ гостиницахъ, превосходить двѣсти тысячъ. Многіе жили въ частныхъ домахъ. Кромѣ того, надо было бы звать число провинціаловъ, которое гораздо значительнѣе. Любопытно будетъ узнать цифру путешественниковъ, доставленныхъ желѣзными дорогами. Ни въ какую эпоху движеніе по желѣзной дорогѣ не было такъ велико. Ежедневно приходили дополнительные поѣзды, увеселительные поѣзды, которые даже подъ-вонецъ мѣшали правильному сообщенію. Поѣзды запаздывали, рельсовъ не хватало. А какое движеніе на дебаркадерахъ! Доходы были, должно быть, колоссальные.

Если сравнить посѣтителей 1867 г. съ посѣтителями 1878 г., то

въ числѣ послѣднихъ не найдешь столько императоровъ, королей и принцевъ, но за то публика была гораздо многочисленнѣе. Тутъ успѣхъ былъ демократическій, посѣтители брали не качествомъ, но количествомъ. Въ самоутѣлѣ насъ навѣстили только: кромѣ русскихъ великихъ князей, шахъ персидскій, принцъ Уэльскій, наслѣдный принцъ шведскій, эрцгерцогъ Леопольдъ австрійскій. Можно даже сказать, что одинъ принцъ Уэльскій специально интересовался выставкой, устроенной французской республикой. Отсутствие королей и императоровъ легко объясняется политическими причинами, и мнѣ нѣтъ нужды на этомъ настаивать. Впрочемъ, въ заключеніе я возвращусь къ характеру успѣха выставки. Народъ, все народы міра торжествовали надъсь. Кто видѣлъ Парижъ въ эти праздничные мѣсяцы, тотъ никогда не забудетъ великій городъ, озаренный лучами юньскаго солнца или окованный первыми октябрьскими холодами. Онъ будетъ рисоваться въ воображеніи съ своимъ обширнымъ горизонтомъ, съ своимъ глубокимъ небомъ, подъ которымъ такъ величественно поднимался и опускался воздушный шаръ-плѣнникъ. Парижъ въ самомъ дѣлѣ вернулъ свое значеніе первостепенной столицы.

Я не стану входить въ слишкомъ большія подробности по случаю празднествъ, закончившихъ выставку. Я удовольствуюсь ихъ бѣглымъ обзоромъ.

Торжество раздачи наградъ было прекрасно, несмотря на усилія враговъ республики его испортить. Пришлось, къ несчастію, отсрочить его до 21-го октября. Надѣбно было бы раздать награды по крайней мѣрѣ въ августѣ. Что касается недовольства экспонентовъ, не получившихъ награды, оно неизбежно и не должно слишкомъ тревожить. Болѣе половины экспонентовъ получили медали или орденъ; это, право, почтенная цифра, которую нельзя было увеличить, не лишивъ награды всякаго значенія. Безъ сомнѣнія, могли произойти несправедливости, но когда и гдѣ бываетъ неограниченное жюри? Въ итогѣ надо признать, что все произошло наилучшимъ образомъ. Франція выказала большое гостепріимство, удѣливъ важное мѣсто для иностранцевъ. Когда улягутся недовольство и досада перваго впечатлѣнія, то все признаютъ, что все хорошо, что хорошо кончится. Я бы съ своей стороны могъ многое сказать по поводу этой системы конкурсовъ и наградъ, дѣлающей изъ насъ вѣчныхъ школьничковъ, отдающихъ подъ ферулу учителей, болѣе или менѣе способныхъ о насъ судить. Но я предпочитаю отложить пока свои разсужденія и сказать нѣсколько словъ о торжествѣ, происходившемъ во дворцѣ промышленности.

Раздача наградъ происходила во дворцѣ промышленности. Большая стеклянная зала была роскошно убрана. Хотя въ ней оказа-

здесь возможнымъ раздать двадцать-двѣ тысячи мѣстъ, но пришлось сдѣлать много недовольныхъ. На официальной эстрадѣ, отдѣленной краснымъ бархатомъ съ золотой бахромой, заняли мѣсто: маршалъ Макъ-Магонъ, Одиффре-Пакъ, президентъ сената, Жюль Гревъ, президентъ палаты депутатовъ, иностранные принцы, находившіеся въ Парижѣ, министры и высшіе офицеры и сановники. Ничего, впрочемъ, не могло быть проще самой церемоніи. Было много музыки. Тутъ находилось тысяча восемьсотъ музыкантовъ, включая официальный оркестръ, игравшій въ концертахъ Трокадеро, музыка республиканской гвардіи, нѣсколько хоровъ военной музыки, официальные хоры концертовъ Трокадеро, наконецъ тысяча двѣсти орфеонистовъ. Вещи, которымъ наиболѣе апплодировали—это маршъ изъ „Пророка“, хоръ Генделя и хоръ солдатъ изъ „Фауста“. Затѣмъ стали дефилировать передъ официальной трибуной награжденные экспоненты. Пришлось отказаться отъ мысли призывать каждого экспонента. Только получившіе большую награду проходили небольшими группами, и у каждой шель во главѣ президентъ группы. Такимъ образомъ сначала появилась первая группа, предводительствуемая живописцемъ Мейсономъ, который одинъ вошелъ на эстраду, чтобы получить изъ рукъ министра земледѣлія и торговли переплетенный каталогъ и ящикъ съ наградами для всей группы. Шествіе продолжалось. У каждой группы былъ свой особый значокъ; въ особенности былъ замѣченъ значокъ первой группы: знамя изъ бѣлаго муара, на которомъ три вышитые вѣнка окружали слова: *живопись, скульптура, архитектура*, и значокъ третьей группы: знамя изъ голубого бархата, украшенное великолѣпной вышивкой, изображавшей фарфоровую вазу, бронзовый кубокъ, бюстъ и факелъ; наконецъ, значокъ девятой группы: знамя изъ зеленого бархата, посреди котораго красовался великолѣпный золотой букетъ. Раздача наградъ продолжалась, и всего лентъ мы представимъ ее себѣ, если припомнимъ о раздачѣ наградъ въ какомъ-нибудь коллегіѣ. Впрочемъ, прочитанъ былъ только списокъ большихъ наградъ и почетныхъ дипломовъ, присужденныхъ французскимъ и иностраннымъ экспонентамъ. Понадобилось бы нѣсколько часовъ, если бы вздумали раздавать всѣ серебряныя и бронзовыя медали. Въ „Journal Officiel“ того дня былъ напечатанъ подробный списокъ, и этого было довольно. Начавшійся въ часъ пополудни, церемонія окончилась въ три часа съ небольшимъ.

Раздача наградъ происходила въ понедѣльникъ, 21-го октября. На другой день, во вторникъ, данъ былъ большой праздникъ въ Версальскомъ дворцѣ. Не знаю, кому первому пришла въ голову мысль объ этомъ праздникѣ. Мысль, по истинѣ, соблазнительная:

воскресить на одну ночь великолѣпіе дворца Людовика XIV, воспользоваться тѣмъ, что официальное правительство находится въ Версалѣ, чтобы пригласить республику протанцовывать въ этихъ обширныхъ салонахъ, поблекшихъ и обезлюдѣвшихъ со времени агоніи монархіи. Но только если проектъ и былъ соблазнителенъ, за то выполнение должно было встрѣтить необходимыя препятствія, о которыхъ слѣдовало бы подумать ранѣе.

Надо однако сказать, что все было пущено въ ходъ, чтобы придать возможно больше блеску этому празднеству. Для танцевъ избрали очаровательную зеркальную галерею, составляющую одно изъ чудесъ дворца. Пятьдесятъ двѣ люстры и около тысячи восьмисотъ свѣчей, вставленныхъ въ нѣсколько десятковъ люстръ, освѣщали ее. На двухъ концахъ залы помѣщались два оркестра. Другіе салоны, между прочимъ салонъ мира и салонъ войны—были также ярко освѣщены. Былъ устроенъ громадный буфетъ, великолѣпно сервированный въ залѣ коронованія. Наконецъ, для того, чтобы придать празднику общественный характеръ, толпѣ открыли доступъ въ паркъ, гдѣ долженъ былъ быть фейерверкъ; лужайки были иллюминированы цвѣтными фонарями и тысячи венеціанскихъ фонарей качались на деревьяхъ. Рассчитывали на колоссальный успѣхъ.

И что-же! праздникъ оказался неудачнымъ. Правда, что на бѣду пошелъ дождь и вокругъ парка стало страшно грязно. Но хуже всего то, что внутри дѣло обошлось не лучше. Начать съ того, что въ этомъ дворцѣ, отличающемся меланхоліей и ледяной сыростью гробницы, зубъ-на-зубъ не попадалъ. Тысяча восьмисотъ свѣчей въ зеркальной галерей не могли разсѣять мрака, скопившагося тамъ въ теченіи столѣтій лѣтъ, и оркестры, казалось, рыдали подъ заплывшими потолками. Словомъ, зрѣлище было плачевное. Въ довершенію бѣды — пригласили слишкомъ много народа. Такъ какъ толпа носталино прибывала, то многіе испугались того, что имъ придется пробыть здѣсь до утра и хотѣли-было уйти назадъ. Тутъ начался страшный беспорядокъ. На лѣстницахъ происходила давка; нельзя было больше двинуться ни назадъ, ни впередъ. Но этого мало: сохраненіе верхняго платья было очень худо организовано; прислуга потеряла голову и не было никакой возможности получить свое платье. Болѣе половины приглашенныхъ должны были уѣхать домой въ бальномъ костюмѣ. Погода стояла не теплая; началось настоящее бѣгство темной ночью, мужчины во фракахъ, женщины съ голыми плечами. Пять дней спустя еще не всѣ пальто и не всѣ шали были возвращены по принадлежности.

Можно было бы сдѣлать философскій выводъ изъ этого неудачнаго праздника. Онъ доказалъ, что версальскій дворецъ не что иное,

как развалины. Сколько бы его ни осыпали, сколько бы его ни украшали цвѣтами, воскресить его невозможно. Онъ умеръ такъ же, какъ и монархія умерла у насъ. Ударомъ жезла не пробудить его, какъ какой-нибудь дворецъ спящей красавицы. Эти обширныя, обветшалыя залы не пригодны больше для удовольствій нашего вѣка. И притомъ, какая странная мысль: призвать изъ Парижа женщинъ въ бальныхъ туалетахъ! Хотя со временъ Людовика XIV изобрѣли желѣзную дорогу, однако путешествіе все еще слишкомъ длинное. Я видѣлъ женщинъ, плакавшихъ на Оружейной площади, 22-го октября, отъ того, что не находили своихъ экипажей и боялись, что имъ придется провести ночь подъ открытымъ небомъ. Словомъ, я думаю, что урокъ былъ хорошій, а даже нашелъ его слишкомъ строгимъ. Отнынѣ, когда захотятъ, чтобы дамы потанцовали, то оставить Версаль дремать въ своемъ историческомъ величїи и зажгутъ люстры въ Парижѣ.

II.

Вопросъ о театрахъ во время выставки одинъ изъ интереснѣйшихъ. Очень любопытно сравнить сборы 1867 г. съ сборами 1878 г., а также и пьесы, которыя давались тогда и теперь. Можно, такимъ образомъ, обозрѣть тотъ путь, какой совершила наша драматическая литература въ одиннадцатилѣтній періодъ времени.

Прежде всего надо констатировать общіе результаты. Въ 1878 г. всѣ театры вмѣстѣ получили на два съ половиною милліона больше сбора, нежели въ 1867 г. Это колоссальный, неожиданный успѣхъ. Надо припомнить, что 1867 годъ выставили эпохой чрезвычайнаго благосостоянія; имперія находилась въ апогеѣ своего могущества, Франція была окружена яркимъ ореоломъ славы; казалось невозможнымъ, чтобы общественное благосостояніе, блескъ Парижа, слава нашего искусства и нашей промышленности стали еще громче и сильнѣе.

И вотъ, молодая республика наша уже богаче и славнѣе. Театральные сборы всегда были безспорнымъ признакомъ общественнаго спойовствїа и благосостоянія. Цифры на лицо: сборъ на два съ половиною милліона превышаетъ сборъ 1867 г. Имперію затмили; республиканскій Парижъ, родившійся наканунѣ, уже богаче и славнѣе ея.

Но надо войти въ подробности. Я займусь каждымъ театромъ отдѣльно и назову пьесы, которыя на немъ давались тогда и теперь, и объясню причины его благосостоянія или неудачи. Это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ исторіей нашихъ театровъ за послѣдніе годы.

Comédie Française, какъ извѣстно, особенно процвѣтаетъ. Нѣкогда еще не была она въ такихъ барышахъ; все, что она даетъ, имѣетъ успѣхъ; публика съ боя разбираетъ мѣста. Въ 1867 году въ продолженіи тѣхъ шести мѣсяцевъ, что длилась выставка, этотъ театръ собралъ 763.866 фр.; въ 1878 году онъ собралъ въ тотъ же промежутокъ времени 1.241,990 фр. Итакъ, въ 1878 году имѣется избытокъ въ 478,125 фр. Это выходитъ добрая треть. А надо замѣтить, что уже въ 1867 г. сборъ казался громаднымъ. Но особенность заключается въ томъ, что представленія стобють другъ друга въ томъ и въ этомъ году. Такъ въ обѣ эпохи давали „Эрниани“, Виктора Гюго, но съ тою только разницей, что въ настоящее время драматическія произведенія великаго поэта стали классическими, и, понятно, что публика больше не критикуетъ ихъ, а массой устремляется на нихъ. Въ 1867 г. я вижу, кромѣ того, „Mademoiselle de Belle-Isle“ и „le Duc Job“, а въ 1878 г. „le Demi-Monde“ и „les Fourchambault“. На мой взглядъ эта послѣдняя пьеса должна была особенно благопріятно повліять на выручку. Выставка какъ разъ застгла великій успѣхъ, которымъ увѣчалось это произведеніе Эмиля Ожю. Натурально, что пьеса, которая и безъ того уже привлекала публику, оказалась притягательной для иностранцевъ и для провинціаловъ. „Le Demi-Monde“, который я нахожу очень устарѣвшимъ, тоже давалъ хорошіе сборы. По моему мнѣнію, достоинство пьесъ одинаково въ обѣ эпохи. Процвѣтаніе Comédie Française обуславливается не столько достоинствомъ произведеній, сколько превосходствомъ комической труппы, пользующейся особымъ расположеніемъ публики. Надо также принять во вниманіе весьма искусную администрацію Эмиля Перрена.

Въ Одеонѣ мы наталкиваемся на противный случай. Сборы 1867 г. доходили до 292,851 фр.; сборы 1878 г. только до 251,538 фр.; слѣдовательно, разница оказывается въ пользу 1867: 41,312 фр. Причину этой неудачи надо искать въ распоряженіяхъ директора этого театра Дюкенеля. Неуспѣхъ обуславливается ложнымъ расчетомъ съ его стороны. Съ давнихъ поръ онъ приготовилъ пьесу для выставки — знаменитую „Joseph Balsamo“, которую Александръ Дюма сострипалъ изъ романа своего отца. Онъ принесъ большія жертвы ради этой пьесы, затратилъ безумныя деньги, надѣясь на шумный и колоссальный успѣхъ. Онъ не обращалъ вниманія на замѣчанія критиковъ; Одеонъ при его маіи превращался въ соперника нашихъ мелодраматическихъ театровъ. Онъ старался привлечь публику великолѣпнымъ декорациямъ и костюмовъ, различными сценическими фокусами, настоящими фейерверкомъ, который происходилъ на сценѣ. И вышло, что онъ былъ наказанъ, хотя и подѣломъ, но очень жестоко. „Joseph

Balsamo" не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха именно потому, что ему даны были неподходящія рамки. Великолѣбныя декорации и блистательная *mise-en-scène* вызывали зѣвоту; драма показалась длинна, скучна, недостойна литературнаго театра. И громадныя суммы, затраченныя съ тѣмъ, чтобы увлечь публику, только сдѣлали неудачу чувствительнѣе. Словомъ, пьеса не принесла дохода. Директоръ, возлагавшій на нее всѣ надежды, оказался безъ пьесы въ эпоху выставки. Въ то время, какъ „Fourchambault" въ Comédie-Française давалъ maximum сбора, „Joseph Balsamo" влчилъ плачевное существованіе въ Одеонѣ. Хуже всего то, что Дюкенель не могъ приготовить другихъ пьесъ; ему пришлось возобновить старье, между прочимъ, „les Dapicheff", знаменитую русскую пьесу, въ которой такъ мало русскаго, что авторы не осмѣлились дать ее въ Россіи изъ боязни, чтобы публика ее не освистала. Въ 1867 г. Одеонъ далъ „le Testament de César Girodot" и „le Marquis de Villemer", два превосходныхъ произведенія, которыя съ тѣхъ поръ перешли на сцену Comédie Française. Эти пьесы изъ репертуара Одеона. Не доказываетъ ли это Дюкенелю, что для того, чтобы получать барыши, все-таки выгоднѣе всего эксплуатировать литературнымъ образомъ литературную сцену, не стараясь нажить капиталъ на бульварныхъ мелодрамахъ? Увидимъ, обратитъ ли его этотъ опытъ на путь истинный; но я на это не разсчитываю.

Gymnase переживаетъ окончательное паденіе. Это обстоятельство сказывается въ послѣдніе годы. Если мы сравнимъ сборы въ 1867 г., которые доходили до 322,915 фр., съ сборами въ 1878 году, которые не превысили 258,533, то найдемъ разницу слишкомъ въ шестьдесятъ четыре тысячи франковъ сравнительно съ 1867 г. Всякаго рода причины обуславливаютъ этотъ сравнительный неуспѣхъ. Во-первыхъ, драматическіе писатели мало-по-малу покинули Gymnase. Дюма-сынъ перешелъ въ Comédie Française, Сарду преданъ Vaudeville. Мейльякъ и Галевн остались вѣрны Variétés, Palais-Royal и Renaissance. Такимъ образомъ, въ 1878 г. Gymnase'у пришлось довольствоваться своимъ репертуаромъ, не имѣя возможности поставить ни одной новой пьесы, сколько-нибудь порядочной; а надо сказать правду, репертуаръ его страшно обветшалъ; въ 1867 г., напротивъ того, Gymnase давалъ „les Idées de madame Aubray" и „Nos bons villageois", бывшія тогда самой послѣдней новинкой. Одни уже имена Дюма-сына и Сарду привлекали публику. И не въ однихъ пьесахъ недостатокъ, самихъ актеровъ уже больше не имѣется. Великолѣбная труппа Gymnase, дивный ensemble, которой такъ славился, мало-по-малу разстроились: Декле умерла, Вланшъ Пирсонъ перешла въ Vaudeville, m-me Паска и m-lle Делапортъ тоже оставили эту сцену,

не говори уже про мужчинъ: Лесюера, который умеръ, и Бормса, перешедшаго въ *Comédie Française*; другихъ тоже не досчитываемся. Въ настоящее время остались только второстепенные актеры, если исключить Сень-Жермена, дарованіе котораго такъ тонко и такъ оригинально. Наконецъ, кажется, что директоръ Монтиньи утратилъ чутье и ловкость, которыми въ былое время славился. *Gymnase*—театръ отпѣтый.

Перехожу къ *Vaudeville*, который, напротивъ того, имѣетъ большой успѣхъ. Стоить только сравнить доходы въ 1867 г.: 317,889 фр. съ доходами въ 1878 г.: 396,114 фр., и мы увидимъ въ пользу послѣдняго года разницу въ 78,225 фр. Чтò всего удивительнѣе, это то, что *Vaudeville* пережилъ очень тяжелыя времена; онъ нѣсколько разъ находился наканунѣ банкротства. Никакая пьеса не имѣла тамъ успѣха; самые извѣстные писатели, лучшія произведенія жестоко проваливались, такъ что мало-по-малу пустота воцарялась вокругъ театра, который, казалось, преслѣдуетъ какой-то злой геній. Затѣмъ въ одинъ прекрасный вечеръ успѣхъ снова улыбнулся ему, хотя никто не могъ бы хорошенько сказать, чѣмъ это обуславливается. Ужъ, конечно, если сравнить пьесы, игранныя въ 1867 г.: „*la Dame aux Camélias*“ и „*la Famille Benoiton*“, съ тѣми, которыя давались въ 1878 г.: „*le Procès Veauradieux*“, „*les Dominos roses*“ и „*les Bourgeois de Pont-Arcy*“, то никакъ нельзя сказать, что вышему своему достоинству обязаны они тѣмъ, что дали лучший сборъ. Съ точки литературнаго достоинства я предпочитаю репертуаръ 1867 г. Итакъ, надо допустить, что успѣхъ обуславливался просто большимъ стеченіемъ народа. Здѣсь мы можемъ прослѣдить непосредственное вліяніе выставки 1878 г. на театральные сборы. Успѣхъ театра *Vaudeville* былъ бы необъяснимъ, если бы мы не знали, что число иностранцевъ и провинціаловъ сильно увеличилось въ Парижѣ.

Я не могъ достать точныхъ цифръ сбора театра *Palais-Royal* во время выставокъ 1867 и 1878 гг. Но несомнѣнно, что сборъ въ 1867 г. былъ значительнѣе. Театръ *Palais-Royal* переживаетъ бѣдственный кризисъ въ послѣдніе годы. Дѣла его, уже не процвѣтавшіе и въ 1867 г., стали никуда негодными въ 1878 г. Я уже объяснялъ въ одной изъ своихъ статей, что это паденіе театра, нѣкогда столь любимаго и столь усердно посѣщавшагося публикой, зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ главныя: утомленіе старой труппы, въ которой остались одни только старики, и перенесеніе центра моды изъ Пале-Рояльскаго сада на бульвары. Естественно, что писатели, имѣющіе успѣхъ, бѣгутъ изъ театра, гдѣ пьесы ихъ не даютъ. Лабишъ больше не пишетъ; Мейльякъ и Галези предпочитаютъ театръ *Variétés*, гдѣ больше жизни и молодости. Въ 1867 г.

въ Palais-Royal еще давались новинки, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ году, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, ему пришлось вернуться къ своему обычному репертуару. Конечно, этотъ репертуаръ превосходитъ и немногіе театры могутъ похвалиться лучшимъ. Но только съ теченіемъ времени и онъ пріѣдается. Это видно по оборамъ. Пале-Рояль нуждается въ новыхъ писателяхъ и новыхъ актерахъ, въ полномъ обновленіи; безъ того онъ, какъ и Gynpase, станетъ театромъ отпѣтымъ.

Театръ Variétés вполне процвѣтаетъ. Онъ, повидимому, наследовалъ публику пале-роальскаго театра. А между тѣмъ я нахожу, сравнительно съ 1867 г., разницу въ 28,600 франковъ въ ущербъ 1878 году. Вотъ цифры: 860,851 фр. въ 1867 г. и 832,281 фр. въ 1878 г. Чтобы объяснить этотъ фактъ, надо припомнить, что Variétés давали въ 1867 г. „la Grande-Duchesse“, эту знаменитую пьесу, казавшуюся такой потѣшной и служившей какъ-бы жалкой карикатурой нашихъ бѣдствій. M-lle Шнейдеръ производила фуроръ, разыгрывая „Le sabre de mon père“. Въ этомъ году попытаться было возобновить „la Grande-Duchesse“ въ Буффахъ, но пьеса показалась очень устарѣвшей. Съ другой стороны, m-lle Шнейдеръ, послѣ продолжительнаго отдыха, снова появилась въ театрѣ Gaieté въ роли Chonchon въ пьесѣ „la Grâce de Dieu“, и сами друзья ея сознаются, что она лучше бы сдѣлала, если бы удовольствовалась воспоминаніемъ прежнихъ успѣховъ. Такъ измѣняется слава въ здѣшнемъ мірѣ, когда она основана только на модѣ и на капризѣ; десяти лѣтъ достаточно, чтобы похоронить величайшій драматическій успѣхъ пьесы и актеровъ, восторгавшихъ цѣлое поколѣніе. „La Grande-Duchesse“ и m-lle Шнейдеръ отцвѣли за-одно, состарѣлись и уступили мѣсто другой модѣ, которую позабудутъ еще быстрее, быть можетъ. Въ нынѣшнемъ году успѣхъ выпалъ на долю „Niniche“, гдѣ главную роль играла Жюдишъ. Успѣхъ „Niniche“ произвелъ настоящій скандалъ въ театральномъ мірѣ, далеко неприхотливомъ на счетъ успѣха. До перваго представленія пьесы казалась до того глупой, что боялись, что она не выдержитъ даже одного представленія. И вотъ Жюдишъ, которую очень любитъ публика, нѣла въ ней большой успѣхъ. „Niniche“ выдержала двѣсти пятьдесятъ съ чѣмъ-то представленій и доставила театру громадный доходъ. Я не колеблюсь высказать, что это большой стыдъ для нашей драматической литературы. Конечно, я въ сто разъ предпочелъ бы „la Grande-Duchesse“, гдѣ были по крайней мѣрѣ смѣшныя сцены и оригинальный комизмъ. „Niniche“ не должна была бы дать и половины сборовъ „la Grande-Duchesse“, и просто скандалъ, что она дала всего какихъ-нибудь 28,600 франковъ меньше противъ той. Когда подумаешь, что такая мерзость, какъ этотъ пош-

лий водевилъ, далъ около милліона сбора, тогда какъ *chefs-d'oeuvres* Корнеля приносили доходъ, едва-едва хватавшій ему, чтобы не умереть съ голода, то проникаешься глубокой горечью въ виду людской глупости.

Перехожу въ театрамъ, гдѣ даются драмы. *Porte-Saint-Martin* имѣло великолѣпные сборы. Доходы 1878 г. превышаютъ на 111,000 франковъ доходы 1867 года. Съ одной стороны, мы имѣемъ цифру 915,519 фр., а съ другой — 1.026,515 фр. Распространяться объ игравшихъ пьесахъ нечего. Въ 1867 г. давали „*Closerie des Genêts*“ и „*la Biche au Bois*“; въ 1878 г. „*les Misérables*“ и „*le Tour du Monde en 80 jours*“. Одно стоитъ другого. Драматическое приспособленіе романа Виктора Гюго даже ниже драмы Фредерика Сулье. Что касается „*le Tour du Monde*“, то, по-моему, эта научная сказка гораздо менѣе забавна, чѣмъ „*la Biche au Bois*“. Очевидно, значить, что „*Porte-Saint-Martin*“ имѣло большіе доходы оттого, что толпа роковымъ образомъ стремилась въ театры. Вся эта масса посѣтителей жаждала театральныхъ представленій и не вникала въ достоинство пьесъ. Если бы давали еще худшія произведенія, то театры все-таки были бы полны. Директоры хорошо это знали. Вотъ почему они не дѣлали никакихъ усилій. Вся ихъ тактика заключалась въ томъ, чтобы давать пьесы, имѣвшія раньше успѣхъ, такъ чтобы на афишѣ стояло, что пьеса дается въ двухъ-сотый или въ трехъ-сотый разъ. Это служило вѣрной приманкой; зрители шли на вѣру. Въ сущности для драматическаго искусства не бывало еще хуже сезона, какъ выставка 1878 г.

Въ *Châtelet* перевѣсь на сторонѣ 1867 г. Вотъ цифры: 1.144,101 франковъ въ 1867 г., и 965,370 въ 1878 г.; разница въ пользу 1867 г.: 178,731 фр. Откуда это происходитъ — довольно трудно сказать. Въ самомъ дѣлѣ, и тогда и теперь давались волшебныя пьесы: въ 1867 г. „*Cendrillon*“; въ 1878 г. „*les Sept Châteaux du Diable*“. Пьесы стоѣтъ другъ друга, и посѣтителей должно было бы быть больше, такъ какъ стеченіе народа въ Парижѣ было значительнѣе. Надо допустить, что существуютъ какія-то загадочныя теченія. Однако, слѣдуетъ сказать, что „*Cendrillon*“ была поставлена съ большиною тщаніемъ и роскошью, а публика это чувствуетъ. Она инстинктивно привлекается шумомъ и блескомъ. Впрочемъ, правду сказать, довольно удачно и то, что старая пьеса, дѣлный годъ не сходявшая съ подмостковъ, дала около милліона сбора.

Въ театрѣ *Gaieté* сборъ въ 1878 г. значительно превышаетъ сборъ въ 1867 году. Въ послѣднемъ году собрано было только 449,176 фр., а въ первомъ 729,424 фр.; разница, слѣдовательно, на 280,247 фр. Я не помню, какъ шли дѣла въ *Gaieté* въ 1867 г.

Видно, что въ эту эпоху тамъ давали: „le Testament d'Elisabeth“, „le Courrier de Lyon“, „la Tour de Londres“, „Peau d'Ane“, — это были пьесы возобновленные. Нынѣшній годъ давали новую волшебную пьесу: „le Chat botté“ и возобновили „Orphée aux Enfers“. По этому поводу замѣчу, какому забвенію предали музыку Оффенбаха, который производилъ фуроръ въ 1867 г. Однинадцать лѣтъ тому назадъ, Оффенбахъ былъ нужнымъ человѣкомъ, богомъ. „La Grande Duchesse“, привлекала королей и принцевъ въ Variétés. Кромѣ того, имя его стояло на пяти или шести другихъ афишахъ; театры сочли бы себя погибшими, если бы не играли его забавную музыку. И вотъ, вдругъ нынѣшній годъ отлично обошлись безъ него. Всего только рискнули возобновить два его произведенія въ Gaieté: „la Grande-Duchesse“ и „Orphée aux Enfers“. Да и то ихъ давали въ послѣдніе два мѣсяца. Такъ прошла слава, созданная модой и особыми обстоятельствами. Возвращаясь къ Gaieté и поясняя, что увеличеніемъ сбора этотъ театръ обязанъ главнымъ образомъ волшебной пьесѣ „le Chat botté“.

Что касается Ambigu, то этотъ театръ давно уже находится при послѣднемъ надыханіи. Въ 1867 г. онъ собралъ всего лишь 323,666 фр., а въ 1878 г. получилъ всего 259,349 фр., что составляетъ разницу слишкомъ въ шестьдесятъ четыре тысячи франковъ. Произведенія, игранныя тогда и теперь, стоятъ другъ друга: съ одной стороны, давались „la Bouquetière des Innocents“, „Rocambole“, „le Juif-Errant“; съ другой „les Abandonnés“, „les Deux Orphelines“, „la Jeunesse de Louis XIV“. Надо сказать, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Ambigu перемѣнилась дирекція, и театръ оставался закрытымъ въ продолженіи двухъ недѣль. Это объясняетъ шестьдесятъ четыре тысячи франковъ разницы. Есть даже шансы на то, что дѣла въ Ambigu поправятся. Новый директоръ молодой и дѣятельный человѣкъ. Но ему нужны пьесы и труппа.

Я забылъ упомянуть про Folies-Dramatiques, гдѣ даютъ вотъ уже скоро два года все одну и ту же оперетку: „les Cloches de Corneville“, на которой директоръ ухитрился собрать еще 607,383 фр. въ продолженіи шести мѣсяцевъ, что длилась выставка. Въ 1867 г. сборъ былъ всего 177,344 франковъ. Слѣдовательно, налешекъ въ 430,039 фр. Колоссальная прибыль. Известно, впрочемъ, что Кентенъ ухитрился превратить свой театръ въ наиболѣе популярный въ Парижѣ; послѣ колоссальнаго успѣха „la Fille de M-me Angot“, онъ напалъ на такой же успѣхъ, поставивъ „les Cloches de Corneville“. Теперь, когда онъ ставитъ пьесу, то она держится обыкновенно на афишѣ вечеровъ шестьсотъ подъ рядъ. Никогда еще ничего подобнаго не бывало въ Folies-Dramatiques. Это былъ маленькій,

тщедушный театрикъ, директора котораго еле-еле сводили концы съ концами, благодаря тому, что не платили актрисамъ. На немъ давали нехитрые водевили, державшіеся обыкновенно два мѣсяца. Теперь Folies-Dramatiques даютъ почти такіе же доходы, какъ Opéra-Comique, и даваемые на этомъ театрѣ оперетки производятъ настоящій фуроръ. Въ этомъ видно значеніе времени. Глухость публики не то, что растеть, но опомляется: „la Fille de M-me Angot“ и „les Cloches de Corneville“ замѣнили „la Dame-Blanche“.

Я никогда не говорю про музыкальныя представленія, потому что чувствую себя тамъ не въ своей сферѣ. Однако могу привести цифры. Сборы оперы, доходившія въ 1867 году до 1,147,183 фр. возросли въ 1878 году до 2,082,667 фр. Слѣдовательно, въ этомъ году налѣшекъ оказался почти въ миллионъ. Произведенія, дававшіяся въ 1867 г. были: „Don Carlos“, „Alceste“, „l'Africaine“, „Robert le-Diable“, „la Muette“, „la Fiancée de Corinthe“, „le Corsaire“; въ 1878 году давали: „Faust“, „la Favorite“, „le Fandango“, „les Huguenots“, „Robert-le-Diable“, „le Prophète“, „Guillaume Tell“, „Freyschütz“, „Polyeucte“. Словомъ, одинъ репертуаръ стоитъ другого. Увеличеніе сбора, очевидно, обуславливается новымъ помѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что оперная труппа распаталась, и можно многое и многое возразить противъ исполненія. Но мѣстъ больше, цѣны повышены, не считая того, что въ настоящее время столько же ѣздятъ въ оперу, чтобы посмотреть на главную лѣстницу и на залу, сколько заѣхъ, чтобы послушать музыку, такъ какъ ее зачастую знаютъ наизусть. Несмотря на финансовое благоденствіе нашей оперы, нельзя отрицать того, что она переживаетъ въ настоящую минуту опасный артистическій кризисъ. Всѣ новыя произведенія, которыя на ней ставятъ, проваливаются: „Polyeucte“, послѣдняя опера Гуно, имѣла весьма слабый успѣхъ. Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, великіе пѣвцы переводятся; поэтому ощущаешь невольную тревогу, несмотря на два миллиона сбора, полученнаго во время выставки. Спрашиваешь себя, станеть ли публика посѣщать оперу, когда вдоволь наглядится на зданіе, а на сценѣ будетъ встрѣчать обветшалыя вещи и безголосныхъ пѣвцовъ.

Сборъ въ Opéra-Comique тоже былъ значительно нынѣшній годъ, нежели въ 1867 г.; разница доходитъ почти до 100,000 франк. Въ 1867 г. получено: 856,057, а въ 1878 г. 946,295 фр. Но тутъ зала не причесть. Напротивъ того, надо сказать, что новый директоръ Карвалло выказалъ необыкновенную ловкость, потому что, когда онъ принялъ бразды правленія въ Opéra Comique, этотъ театръ переживалъ весьма опасный кризисъ. Дѣло въ томъ, что комическая опера Скриба и Обера была задавлена серьезной оперой и оперет-

кой. Поэтому театр, эксплуатировавший этот, по преимуществу, французскій генре оперы, увидѣлъ себя покинутымъ публикой, которая бѣжала въ новую залу на бульварѣ Капуциновъ или же тѣснилась въ буффахъ, Variétés, Folies-Dramatiques и Renaissance. При такихъ-то обстоятельствахъ Карвалло ваялъ на себя хитрую задачу привлечь публику въ Opéra Comique. Многіе до него претерпѣли крушеніе, и театръ находился въ агоніи, а онъ успѣлъ привлечь въ него публику. Въ 1867 г. какъ и въ 1878 держались обычнаго репертуара—что дѣлаетъ еще очевиднѣе успѣхъ Карвалло.

Я перебралъ всѣ значительные театры. Теперь желаю сдѣлать выводъ изъ всего вышесказаннаго. Какъ я уже говорилъ въ началѣ, процвѣтаніе нашихъ театровъ во время выставки 1878 г. доказывается двумя съ половиной милліонами излишка противъ сбора въ 1867 г. Это цифра громадная, передъ которой остается только преклониться. Но надо прибавить, что если денежная сторона дѣла блистательна, за то литературная плачевна. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить „les Fougchambault“ Эмиля Ожье, пьесу съ большими достоинствами, то окажется, что на нашихъ театрахъ давали старье или посредственные вещи. Съ другой стороны, въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, съ 1867 г., не народилось ни одного новаго писателя. Одинъ только Гондине проявилъ нѣкоторый талантъ. Кромѣ его, мы встрѣчаемъ все тѣхъ же гг. Эмиля Ожье, Александра Дюма-сына, Виетерьена Сарду, Мейльяка и Галеви. Я не могу приводить серьезно именъ гг. Мильо и Генневена, имѣвшихъ большой успѣхъ, но совершенно особаго рода. Ихъ „Niniche“ заслуживаетъ остаться какъ примѣръ пошлостей, одобряемыхъ публикой, если эта пошлость носитъ хорошенюкой женщиной, которая въ модѣ.

Не надо однако отчаиваться. Если нѣтъ новыхъ людей и новыхъ произведеній, за то проявляется новое движеніе въ нашей драматической литературѣ. Натуралистическій переворотъ, о которомъ я вамъ говорилъ нѣсколько разъ, совершается вопреки всему и дастъ въ концѣ-концовъ хорошіе результаты. Кромѣ того, одиннадцать лѣтъ—слишкомъ краткій періодъ времени въ исторіи литературы; нельзя ожидать, чтобы гениіи нарождались черезъ каждыя одиннадцать лѣтъ. Мнѣ этотъ одиннадцатилѣтній періодъ какъ разъ представляется переходнымъ: онъ подготовлялъ расцвѣтъ, который, по всей вѣроятности, близокъ. Надо ждать и надѣяться.

III.

Представимъ себѣ, что общество семнадцатаго вѣка внезапно воскресло, подъ мановеніемъ волшебнаго жезла. Велико было бы его изумленіе передъ нашими всемірными выставками и въ особенности передъ общественными преобразованиями, которыя онѣ уже вызвали.

Въ продолженіи шести мѣсяцевъ выходцы съ того свѣта могли бы видѣть на Марсовомъ полѣ и на Трокадеро все, что наука и промышленность изобрѣли съ конца прошлаго столѣтія. Сколько открытій! сколько завоеваній! Достаточно вспомнить всѣ примѣненія пара и электричества, тысячи новыхъ машинъ, усовершенствованія всякаго рода, внесенныя въ фабрикацію малѣйшихъ предметовъ. Но это не все. Въ эпоху Людовика XIV, напримѣръ, понятія о наукѣ и о промышленности были очень ограниченныя, если ихъ сравнить съ широкой и колоссальной идеей, какую мы имѣемъ о нихъ теперь. Система выставокъ не примѣнялась въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Никогда люди не присутствовали на торжествѣ труда въ грандіозныхъ дворцахъ, нарочно для того построенныхъ, и куда стекаются всѣ народы міра. Я веду къ тому рѣчь, что всеобщія выставки нашего времени суть результатъ демократическаго переворота, совершившагося въ нашемъ обществѣ и что онѣ содѣйствуютъ этому перевороту. Онѣ выдвигаютъ на первый планъ націю, колоссальное усиліе всѣхъ труженниковъ; онѣ устриваются въ честь работника, производителя, и заставляютъ блѣднѣть всякую другую славу передъ славой тѣхъ, кто держитъ въ рукахъ какое-нибудь орудіе или инструментъ. Вотъ почему при Людовикѣ XIV всемірная выставка была бы аномаліей, и почему общество семнадцатаго вѣка было бы изумлено и даже утрачено, если бы его поставили внезапно лицомъ въ лицу съ изумительнымъ зрѣлищемъ, которое намъ представили Трокадеро и Марсово поле.

Чудное зрѣлище представляетъ стремленіе современныхъ обществъ къ свободѣ и прогрессу путемъ труда. Въ былое время у насъ были только ярмарки. Нѣкоторыя были знамениты, какъ, напр., ярмарка въ Бокерѣ, на которую ежегодно стекался весь югъ Франціи. Но ярмарки были только рынки, облегчавшіе торговые сдѣлки. Имъ было чуждо соревнованіе конкурса; онѣ велись самымъ рутиннымъ образомъ. Ничто въ прошломъ не можетъ сравниться съ современными выставками. На ряду съ благородствомъ крови, онѣ создали новое благородство, которое я назову благородствомъ труда. Какой смыслъ имѣютъ медали, кресты, раздаваемые промышленникамъ, коммерсантамъ, ученымъ, какъ не смыслъ патента на благо-

родство. Въ былое время, когда какой-нибудь военачальникъ завоевывалъ страну, онъ дѣлилъ ее между своими полководцами, даруя имъ извѣстныя привилегіи, и создавалъ такимъ образомъ дворянство, привилегированный классъ, которому естественно выпадали на долю всѣ почести и всѣ богатства. Современные дворяне суть не что иное, какъ потомки этихъ счастливыхъ полководцевъ. Но было бы трудно въ настоящее время создать дворянство при такихъ условіяхъ; времена завоеваній миновали, какъ миновало время раздѣла земель между побѣдителями. Германскій императоръ могъ произвести Бисмарка въ князья, но это титулъ чисто почетный, который не влечетъ за собой никакой дѣйствительной власти. Одинъ трудъ создаетъ нынче новое дворянство, а всемірныя выставки являются періодическою оказіею поставить во главѣ націй производителей, отличившихъ себя. Развѣ мы не видѣли во Франціи доказательства тому, что я говорю? У насъ есть только одинъ кавалерскій орденъ, орденъ почетнаго легіона, котораго всегда такъ страстно домогаются, хотя въ извѣстныхъ эпохи его раздавали слишкомъ щедро. И этотъ орденъ былъ пожалованъ многимъ коммерсантамъ и промышленникамъ. Въ принципѣ никогда бы не дали кавалерскую ленточку фабриканту шоколада или фортепіанъ. А между тѣмъ, кавалерами сдѣлали фабрикантовъ фортепіанъ, шоколада и другихъ промышленниковъ. Я видѣлъ въ числѣ кавалеровъ одного упаковщика, одного шляпнаго фабриканта, ювелировъ. Конечно, я не осуждаю такой выборъ, напротивъ того: я нахожу, что мы правы, награждая всякій трудъ. Но я только констатирую фактъ, что орденъ почетнаго легіона вполнѣ одемократизированъ. На-дняхъ одинъ мучной торговецъ умеръ командоромъ. Вотъ дворяне новаго рода,—предки, которыми можно будетъ гордиться, хотя они часто вышли изъ самыхъ низменныхъ слоевъ общества. Замѣьте, кромѣ того, что ихъ благородство не фетишное, оно опирается не на пустомъ титулѣ, такъ какъ этотъ титулъ былъ имъ данъ только тогда, когда они составили свою карьеру. Они пользуются властью, даваемой высокимъ положеніемъ въ обществѣ, миллионнымъ состояніемъ и часто даже играютъ значительную политическую роль. Наши французскіе налаты преимущественно состоятъ изъ такихъ крупныхъ промышленниковъ, увѣнчанныхъ медалями и крестами на выставкахъ. Если они содержатъ также нѣсколько представителей нашего стариннаго дворянства, то эти послѣдніе находятся въ меньшинствѣ и не имѣютъ больше никакого вліянія на страну, которая принадлежитъ вполнѣ новымъ людямъ.

Итакъ, я правъ говоря, что всемірныя выставки создали новое дворянство, поставивъ во главѣ великаго общественнаго движенія

великихъ производителей и, увѣнчавъ ихъ, какъ необходимыхъ людей, оказавшихъ услуги отечеству. Медали, кресты, розданные промышленникамъ, коммерсантамъ и ученымъ, суть патенты на современное дворянство.

Совсѣмъ тѣмъ я упрекну всемірныя выставки именно въ томъ, что онѣ являются конкурсомъ. По-моему, ничего не можетъ быть болѣе ребяческимъ и опаснымъ, какъ конкурсъ. Не слѣдовало бы назначать опредѣленное число наградъ; слѣдовало бы раздавать ихъ столько, сколько найдется экспонентовъ, ихъ заслуживающихъ. При конкурсѣ необходимо кто-нибудь является первымъ и послѣднимъ. Иногда это бываетъ очень несправедливо. Кромѣ того, является вопросъ о жюри, которое можетъ ошибаться.

Иду далѣе. Всякая идея о наградахъ связана съ воспоминаніемъ о раздачѣ школьныхъ наградъ, вызывающей улыбку. Припоминается школа, и спрашиваешь себя, неужели надо всю жизнь быть школьникомъ, не лучше ли свободно трудиться, находя вознагражденіе въ самомъ трудѣ. Смѣшно представить себѣ бородатого мужчину, часто сѣдоголавого, поднимающагося на эстраду точно маленький мальчикъ, и получающаго изъ рукъ властей медаль съ такимъ же волнованіемъ, съ какимъ двѣнадцатилѣтъ онъ получаетъ книжку съ картинками. Это недостойно взрослыхъ людей. Конечно, я говорю здѣсь про ученыхъ, живописцевъ, скульпторовъ и писателей. Какъ скоро дѣло коснется коммерсанта, промышленника, — награды: медали, почетные отзывы, кресты получаютъ особое значеніе. Кромѣ чести, они служатъ для экспонента какъ-бы выѣской. Награждаютъ или отличаютъ его произведенія. Отнынѣ его фирма будетъ пользоваться болѣею славой на рынкѣ, покупщиковъ у него прибавится, цифра его аферъ удвоится. Какъ скоро въ дѣло замѣшано не одно только тщеславіе, то желаніе наградъ вполне понятно, и я одобряю ихъ раздачу на всемірныхъ выставкахъ. Во-первыхъ, экспоненты не явятся, если не будутъ надѣяться на награду; во-вторыхъ, какъ я уже говорилъ, эти награды суть патенты на новое дворянство.

Итакъ, я займусь только художниками и писателями. Тутъ я буду строгъ. Живописцы, прозаики и поэты могутъ, пожалуй, сказать, что если они стремятся получить медаль или крестъ, то единственно лишь вѣнчать, чтобы придать болѣе цѣны своимъ произведеніямъ и найти имъ лучший сбытъ. Но это плохой аргументъ, потому что публика не разсуждаетъ, когда набрасывается на какую-нибудь книгу или картину: какое ей дѣло до того, есть крестъ у автора или нѣтъ; для нея достаточно, если книга или картина ей нравятся. Опытъ доказываетъ это ежедневно. Нѣтъ, если въ искусствахъ и въ литературѣ преслѣдить отчаянная погоня за награ-

дами, то это только потому, что не существует людей болѣе падких до крестовъ и медалей, какъ тѣ, что владѣютъ перомъ или кистью. Такъ какъ уже зашла рѣчь объ этомъ, то я выскажу все, чтó думаю, потому что давно уже испытываю желаніе облегчить свою душу.

Поговоримъ сначала о живописцахъ и скульпторахъ. Они настоящіе школьники. И идутъ впередъ только благодаря конкурсамъ, наградамъ, медалямъ и крестамъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ „École des Beaux Arts“, куда вступаютъ путемъ конкурса и гдѣ конкурсы происходятъ круглый годъ. Затѣмъ, по выходѣ изъ нея, предстоитъ конкурсъ на полученіе большой римской медали. Затѣмъ идетъ цѣлая административная цѣпь, проходятся различныя степени, какъ въ университетѣ. Но это еще не все. Вотъ, наконецъ, художникъ господинъ надъ самимъ собою; вы думаете, что онъ, наконецъ, обрѣтетъ свои помочи, и пойдетъ самостоятельно, внѣ всякой опеки. Какъ бы да не такъ! Только-что онъ выйдетъ изъ „École des Beaux Arts“, какъ ему приходится подчиниться системѣ ежегодныхъ картинныхъ выставокъ, если онъ желаетъ предстать передъ публикой при выгодныхъ условіяхъ. Администрація стережитъ его и забираетъ въ свои руки.

Ежегодныя картинныя выставки устанавливаютъ родъ іерархіи между художниками, живописцами и скульпторами. Извѣстность, слава регулируются на нихъ съ математической точностью. Такимъ образомъ, при первомъ успѣхѣ художника ему даютъ третью медаль. И вотъ отнынѣ онъ попалъ въ колею: онъ постепенно получитъ вторую медаль, первую медаль. Это вопросъ времени и протекціи. Когда онъ получитъ всѣ медали, его объявляютъ внѣ конкурса. Онъ можетъ отнынѣ получить только почетную медаль, которая придетъ въ свою очередь, если только живописецъ мало-мальски искусенъ. Медали истощены, идутъ вресты. Крестъ кавалера получается довольно легко: нѣтъ живописца мало-мальски счастливаго, который бы не получилъ его лѣтъ въ тридцать-пять-шесть. Офицерскій крестъ приходитъ къ сорока годамъ; всемірная выставка представляется отличнѣмъ случаемъ для полученія его. Что касается командоровъ почетнаго легіона, то они очень рѣдки среди художниковъ. Однако, добиваются и до командора, будучи членомъ академіи и сохраняя херонія отношенія съ „École des Beaux-Arts“. Повторяю: для повишенія существуютъ кадры, какъ въ арміи. Повишенія происходятъ регулярно, каждый годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ эпоху картинной выставки. Каждый разъ раздаютъ четыре или пять крестовъ, иногда больше, что въ концѣ-концовъ составитъ вѣроятную цифру.

Чтобы лучше понять положеніе, въ какое поставлены художники,

разсмотримъ теперь, какъ идутъ дѣла у писателей. Поэтъ, романистъ, простой журналистъ прїѣзжаетъ изъ провинціи и вырастаетъ въ Парижѣ; какъ только пускается въ литературу, такъ немедленно пользуется полной свободой, безъ всякаго контроля. Онъ не наталкивается ни на какіе конкурсы, отъ него не спрашиваютъ никакихъ патентовъ; зачастую у него нѣтъ даже степени бакалавра. И вотъ онъ — одинъ, не признавая надъ собой никакого начальства, борясь въ своемъ углу и ничего ровно не ожидая отъ администраціи. Когда онъ напишетъ свое произведеніе, ему надо отыскать издателя. Государство не предоставитъ въ его распоряженіе типографіи, какъ оно предоставляетъ залы выставки въ распоряженіе художниковъ. Ему не отъ кого ждать ни протекціи, ни помощи. Наконецъ, издатель найденъ, произведеніе появляется въ печати. Оно имѣетъ успѣхъ или не имѣетъ его, — это рѣшаетъ публика. Никакое журн не навязываетъ своего мнѣнія публикѣ. Конкурсовъ не существуетъ. Писатель зависитъ только отъ самого себя и отъ покупателей. Администрація никогда не становится между нимъ и публикой. Никакой опеки, никакой раздачи наградъ; борьба ведется изолированной личностью, которая должна рассчитывать только на свои собственные усилія.

Правда, существуетъ французская академія и ежегодно раздаетъ нѣсколько наградъ. Но этого никакъ нельзя сравнивать съ ежегодными конкурсами картинныхъ выставокъ. Во-первыхъ, надо хлопотать объ этой наградѣ; во-вторыхъ, она назначается за весьма ограниченный родъ произведеній и обставлена такими условіями, что исключаетъ изъ конкурса всѣ истинно серьезныя произведенія. Поэтому чаще всего она достается женщинамъ, спеціальнымъ писателямъ и благонамѣреннымъ поэтамъ. Никогда и ни одинъ изъ нашихъ великихъ поэтовъ или великихъ романистовъ не былъ увѣнчанъ академіей. Наконецъ, эти награды немногочисленны и не имѣютъ никакого вліянія на будущіе успѣхи лауреатовъ. Громадное большинство писателей ими пренебрегаетъ.

Говорить ли теперь про „Société des gens de lettres?“ Это общество не имѣетъ рѣшительно никакого литературнаго характера. Это простая ассоціація ради денежныхъ интересовъ. Оно было учреждено затѣмъ, чтобы наблюдать за финансовыми интересами своихъ членовъ, чтобы взимать пошлины съ права перепечатки и чтобы вести процессы, въ случаѣ нужды, съ издателями или редакторами журналовъ. Неоднократно, правда, заходила рѣчь объ основаніи центральныхъ типографій и книжнаго магазина; но пришлось отступить передъ невозможностью удовлетворить всѣ тщеславія. Талантливый писатель никогда не согласится работать на пользу посредственнаго писателя. Впрочемъ, „la Société des gens de lettres“ настолько благоразумно,

что не учреждаетъ конкурсовъ для своихъ членовъ. Ему и безъ того не легко живется, а съ конкурсами его постигла бы неминуемая смерть. При имперіи оно, правда, получало отъ правительства небольшую субсидію, которую, быть можетъ, и до сихъ поръ получаетъ. Кромѣ того, 15 августа комитетъ представилъ министру народнаго просвѣщенія двонхъ изъ своихъ членовъ, чтобы онъ выбралъ между ними и далъ крестъ. Должно быть, этотъ опытъ признали неудачнымъ, потому что онъ не повторялся. Въ настоящее время, если писателю дадутъ крестъ, то потому, что министръ самъ, значить, пожелалъ этого.

Итакъ, вотъ каково положеніе дѣлъ: художники всю свою жизнь остаются подъ опекой государства, тогда какъ писатели творятъ на свободѣ, не ожидая ни откуды покровительства. Этимъ и объясняется почему всякій живописецъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, получаетъ крестъ къ тридцати-пяти годамъ, а писатель крупно-даровитый зачастую награждается крестомъ не ранѣе сорока или сорока-пяти лѣтъ. Officiers почетнаго легіона не рѣдки среди художниковъ; ихъ можно по пальцамъ перечесть среди поэтовъ и романистовъ. Флоберъ, Гонкуръ и многіе другіе знаменитые прозаики простые кавалеры почетнаго легіона, тогда какъ Кабанель и Жеромъ — командоры. Среди великихъ современныхъ писателей я не знаю ни одного командора, потому что самъ Викторъ Гюгô только officier. Это очень легко объяснить. Министры и не прочь были бы награждать писателей; но относительно художниковъ у нихъ организована цѣлая система; ежегодныя выставки картинъ періодически влекутъ за собой раздачу крестовъ, тогда какъ относительно писателей имъ приходится дѣлать настоящія усилія и брать на себя инициативу, что всегда не легко. Напримѣръ, существуетъ обычай раздавать пять крестовъ живописцамъ, послѣ выставки; составляются списки, министру стѣбитъ только подписать свое имя. Для писателей не назначается опредѣленнаго числа крестовъ, не составляется списковъ. Самъ министръ долженъ отыскивать достойнаго, отличать самые замѣчательные таланты. Понятна вся затруднительность такого дѣла. Во-первыхъ, необходимо здравое сужденіе; затѣмъ извѣстное мужество, потому что зачастую, когда талантъ оригиналенъ, онъ пугаетъ, а министры неохотно себя компрометируютъ. Результатъ очень печаленъ: кресты обыкновенно такъ плохо раздаются въ литературѣ, что не имѣютъ никакого значенія. Литературные фабриканты получаютъ кресты, тогда какъ замѣчательныя писателямъ приходится такъ долго ждать его, что онъ утрачиваетъ въ ихъ глазахъ всякое значеніе. И тутъ опять-таки третьестепенные романисты носятъ въ петлицѣ офицерскую ленточку, тогда какъ знаменитые романисты всю

жизнь остаются кавалерами. Когда награды раздаются такъ безпорядочно, когда онѣ не слѣдуютъ іерархическому порядку, а являются результатомъ благосклонности и интриги, онѣ мало-по-малу теряютъ всякую цѣну. Если ихъ назначаютъ слишкомъ щедро живописцамъ, то все же тамъ онѣ имѣютъ хоть какой-нибудь смыслъ: ихъ получаютъ въ свое время, послѣ правильного чередованія. Всякій живописецъ, имѣющій успѣхъ, непременно награждается крестомъ. Въ литературѣ, повторяю, кресты раздаются зря, по усмотрѣнію администратіи, и никакой цѣны больше не имѣютъ.

Разумѣется, я вовсе не желаю для писателей опеки, тяготящей надъ художниками отъ школьной снѣжки и до академическаго кресла. Гораздо здоровѣе двигаться на свободѣ, на вольномъ воздухѣ, не имѣть надъ собою начальства, рассчитывать только на свой талантъ. Мы свободны, а художники дежурятъ, согнувшись въ три когителіи въ переднихъ министрахъ. Единственною цѣлью моей было констатировать нѣкоторые факты, объяснить нѣкоторыя аномаліи. И теперь перехожу къ тому пункту, который имѣетъ въ моихъ глазахъ капитальную важность: къ абсолютному отсутствію произведеній пера на всемірной выставкѣ.

Да! вся Франція была на лицѣ, Франція труженическая, промышленная, торговая, ученая, артистическая, за исключеніемъ Франціи литературной. Выставлены были машины, ткани, мебель, сырье, даже картины; но не было выставлено ни одной поэмы, ни одного романа, ни одного критическаго или историческаго сочиненія. Я ошибаюсь: эта поэма, этотъ романъ, это критическое и историческое сочиненіе присутствовали на выставкѣ, потому что у издателей были свои витрины во дворцѣ Марсоваго поля. Но только тамъ выставили бумагу и чернила, печать и фабрикацію; сама же мысль хотя и присутствовала, но въ счетъ не шла, не участвовала въ конкурсѣ. И доказательствомъ этому служить то, что кресты раздавались издателямъ, но никто изъ писателей не получилъ награды. Изъ издателей даже очень многіе получили кресты. Я насчиталъ цѣлыхъ пять. Нѣкоторые изъ этихъ крестовъ очень удивили. Что за чепуха! талантливый человѣкъ приноситъ торговцу чернилами и бумагой произведеніе, на которомъ этотъ послѣдній наживаетъ деньги и въдобавокъ торговца этого награждаютъ крестомъ. Пусть награждаютъ краснодеревщика, который сработалъ прелестную мебель изъ куска палисандроваго дерева; это понятно: кусокъ палисандроваго дерева не станетъ на это жаловаться. Но когда награждаютъ крестомъ издателя за то, что онъ ограбилъ елико возможно писателей, у которыхъ купить рукописи—это иное дѣло. Писатели въ правѣ жаловаться. Я размышлялъ объ этихъ вещахъ передъ витринами издателей на Марсовомъ полѣ.

Вѣдныя книги, разставленныя симметрически, точно бутылки съ виномъ! Онѣ были мертвы, потому что ихъ нельзя было ни трогать, ни раскрывать. Онѣ представляли собой только запечатанную бумагу. Что за дѣло до содержанія ихъ: было ли оно плохо или гениально? О нихъ судили по наружности.

Конечно, я понимаю, что не такъ легко выставить поэму или романъ, какъ, напримѣръ, картину. Я не требую литературныхъ выставокъ, осуществленіе которыхъ кажется почти невозможнымъ, а съ другой стороны, рисовало бы перейти въ каррикатуру, если бы было возможно. Но только мнѣ было грустно оттого, что на всемірной выставкѣ литература отсутствовала. Все восхвалялось, все награждалось, за исключеніемъ мысли, высказанной въ книгѣ, — этого высшаго проявленія народнаго гения. На художниковъ пролился дождь медалей и крестовъ, и даже они показали довольно дурной примѣръ жадности, потому что жури, раздававшее награды, начало съ самихъ себя. Гг. Мессонье, Кабанель, Жеромъ и другіе набросались на почетныя медали съ жадностью, скандализировавшей всѣхъ художниковъ. Что касается писателей, то они все еще ждутъ спасибо отъ страны, на славу которой работаютъ столь усердно. Положимъ, что нельзя было показать ихъ произведеній посѣтителямъ всего міра, которые стекались въ Парижъ. Но развѣ нельзя было придумать какого-нибудь средства почтить ихъ, записать гдѣ-нибудь ихъ имена, громко выразить, что и они имѣютъ право участвовать въ торжествѣ Франціи?

Нѣтъ, конечно, писатели въ праздники не участвовали. Никогда даже не переживали они болѣе тяжелыхъ временъ, какъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Среди суматохи и гвалта книгопродавцы почти не продавали книгъ. Книгъ не покупали, потому что ихъ некогда было читать. Публика набрасывалась на кофейни, на рестораны, еще на другія мѣста, но ей едва хватало времени заглянуть даже въ газету. Только на дебаркадерахъ продали нѣсколько книгъ. Поэтому писателямъ пришлось бѣжать изъ Парижа. Они искали убѣжища по деревнямъ, въ ожиданіи, пока волны людскія отхлынутъ назадъ. Имъ нечего было ждать отъ этой одурѣлой публики, а они заранѣе знали, что администрація о нихъ не вспомнитъ. Ни денежной выгоды, ни почета, ни дѣлъ, ни наградъ — вотъ ихъ участь. Тѣмъ лучше! потому что это упрочиваетъ ихъ независимость. Теперь, когда Парижъ пустѣетъ и снова возвращенъ имъ, они первые вернутся въ него, чтобы засвидѣтельствовать великій успѣхъ выставки и употребить весь свой талантъ на то, чтобы сдѣлать это торжество еще блистательнѣе.

IV.

Въ послѣдній разъ я отправился на выставку, въ день ея закрытія. Было что-то печальное въ прощаніи со всѣми этими чудесами, которыя, въ теченіи 6 мѣсяцевъ, привлекали къ себѣ цѣлый свѣтъ, и теперь снова должны были разсѣяться по лицу земли.

Наступала осень, въ садахъ деревья теряли листъ, лужайки желтѣли, въ аллеяхъ было грязно. Казалось, что передъ вами одинъ изъ тѣхъ покинутыхъ хозяевами парковъ, гдѣ собирается поселиться зима съ своими вьюгами и снѣгомъ. Солнце уже не пекло, какъ бывало, когда страшно было переходить черезъ Іенскій мостъ; не было болѣе вокругъ павильоновъ веселой, пестрой толпы, на которой яркими пятнами выдѣлялись дамскіе туалеты; исчезли кресла на колесахъ, въ которыхъ возили утомленныхъ дамъ, не видать семей, расположившихся для отдыха въ тѣни деревь, не слышно оркестра, увеселяющаго зрителей. Толкотня все еще была порядочная, но зрители торопились, толкали другъ друга, бросались изъ одного павильона въ другой, быстрымъ взглядомъ окидывая опустѣвшіе сады. То была публика озабоченная, не та праздная публика, которая разгуливая здѣсь въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, имѣла передъ собой достаточно времени, и не спѣшившая насладиться; теперь публика была дѣловая, имѣвшая въ своемъ распоряженіи всего лишь нѣсколько часовъ, и, несмотря на это, желавшая все осмотрѣть. И, замѣчу мимоходомъ, я знаю много парижанъ, ожидавшихъ этого послѣдняго дня, для посѣщенія выставки; тутъ-то они и бросились на выставку, и нѣкоторые даже тѣтено толкались на другой день въ запертыя двери выставки. Въ характерѣ парижанъ лихорадочная торопливость, соединенная съ самой полной безпечностью. Прибавьте къ этимъ запоздалымъ толпы работниковъ, которымъ разрѣшенъ даровой входъ, нѣсколько провинціаловъ и иностранцевъ, все еще блуждавшихъ по Парижу,—и вы будете имѣть понятіе объ этой толпѣ, все еще бродящей по Парижу, подобно разсѣянному стаду. Они уже не заглядываютъ въ придѣлы, а торопятся въ главныя галереи осмотрѣть то, что непременно нужно видѣть.

Я одинъ посѣтилъ маленькіе павильоны Трокадеро. Вѣдные павильоны, построенные на скорую руку, чтобы просуществовать 6 мѣсяцевъ, они уже состарѣлись, отъ нихъ отдавало разрушеніемъ. Китайскій замокъ, японская ферма, деревянные шведскіе и норвежскіе домики, всѣ эти красивыя игрушки печально глядѣли подъ сѣрымъ небомъ, предчувствуя свой близкій конецъ. Одинъ только алжирскій замокъ, съ обѣяннымъ пальмовыми деревьями дворомъ, казался еще

крѣпкимъ, несмотря на свой меланхолическій и одинокій видъ. Все это предоставлено сегодня заступу и скупщикамъ старыхъ зданій.

Въ огромныхъ галереяхъ Марсова поля, куда ливень заставилъ и меня спрятаться, господствовало общее „*saute qui peut*“. Въ особенности въ иностранныхъ отдѣлахъ началась уже уборка. Экспоненты опорожняли свои витрины, упаковывали тюки, забивали гвоздями ящики. Нѣкоторые залы были пусты. Французскіе экспоненты не такъ торопились, и держались до конца. И среди этой уборки слышались торопливые шаги публики, стучавшей каблуками по мосткамъ; люди звали другъ друга; немногіе любопытные останавливались на минуту, но тотчасъ же бѣжали дальше. Машинная галерея, со своими колесами и рычагами, стоявшими неподвижно, имѣла, можетъ быть, самый печальный видъ, паровыя машины перестали дѣйствовать, работники уже занимались разборкой большихъ машинъ. Это былъ конецъ. Я медленно обошелъ галерею, прощался со всѣми этими вещами.

И, однако, эта печаль не лишена была надежды. Выставки никогда не исчезаютъ безслѣдно. Въ то время, какъ опустошаются галереи, разрушаются зданія, надъ ними витаетъ ихъ духъ. То шагъ впередъ, сдѣланный прогрессомъ. То эпоха въ человѣческомъ трудѣ. Стоить только припомнить эти эпохи во Франціи: 1855, 1867, 1878 гг., и тотчасъ же онѣ становятся близки: то триумфальныя эры нашей промышленности и искусствъ. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, прощаніе съ выставкой 1878 г. не имѣетъ въ себѣ ничего убійственнаго. Она сыграла свою роль великолѣпно, и если исчезла, то окруживъ новымъ сіяніемъ чело Франціи. Отнынѣ она останется одною изъ самыхъ славныхъ эпохъ нашихъ.

Передъ уходомъ я обернулся, бросилъ послѣдній взглядъ на широкое пространство между дворцами Трокадеро и Марсова-поля, и невольно сталъ сравнивать 1867 г. съ 1878 г. Необходимо сдѣлать эту параллель, которая имѣетъ огромный историческій интересъ. Въ 1867 г., какъ я сказалъ, имперія была въ своемъ апогеѣ, ей невозможно было подняться выше, она казалась такою могущественной, что того, кто вздумалъ бы предсказывать ея близкое паденіе, сочли бы за сумасшедшаго. Обращаясь къ этой эпохѣ 1867 г., вспоминаешь праздники, задаваемые дворомъ, вспоминаешь всѣхъ королей и принцевъ, блестящія свиты которыхъ то-и-дѣло проѣзжали по Парижу. Выставка имѣла огромный успѣхъ; никогда не толпилось столько народа на нашихъ улицахъ. Говорили, что подобное торжество не могло быть скоротечно. Сами противники имперіи понурили головы, думая, что династія навсегда останется на тронѣ, послѣ столь славнаго года. И вотъ, это торжество имперіи, медленно со-

здававшейся и находившейся въ полной своей силѣ, выпало на долю республикѣ, едва народившейся, выпало и шире, и полнѣе, и рѣшительнѣе. Это слѣдуетъ заявить; на этомъ я буду наставлять. Повторяю, республика только-что родилась, ее еще окружають затрудненія, причиняемыя борьбою партій; вчера еще она жила со дня на день, и, тѣмъ не менѣе, стоило ей только созвать Францію и весь міръ на выставку, и она съ-разу превзошла всѣ чудеса второй имперіи, которая имѣла неоспоримое могущество правленія, утвержденнаго и подерживаемаго силой. Что же было бы, еслибъ республика просуществовала лѣтъ 20 и опиралась на прошлые успѣхи, на періодъ спокойствія и благоденствія, вмѣсто того, чтобы наступить послѣ страшныхъ опустошеній, которыя недавно поставили Францію на край гибели?

Было бы интересно сравнить въ подробностяхъ двѣ эпохи: 1867 и 1878 гг. Несомнѣнно, какъ я уже сказалъ, успѣхъ обѣихъ выставокъ носить различный характеръ. Въ 1867 г. были празднества двора, официальные торжества, пріѣздъ монарховъ; это имѣло, пожалуй, больше блеску. Въ 1878 г. монархи почти не пріѣзжали; нѣтъ двора, и, вслѣдствіе того, нѣтъ парадныхъ торжествъ, но общественные праздники полны такой красоты и такого энтузіазма, что еще не видано ничего подобнаго; иллюминаціи, освѣщавшія Парижъ съ одного конца до другого; знамена, развѣвавшіяся въ каждомъ окнѣ; національный восторгъ безъ удержу, въ которомъ чувствовалось біеніе всѣхъ сердецъ; громадныя толпы народа, почти вдвое больше посѣтителей на выставкѣ, колоссальныя сборы; такое громадное стеченіе народа, что толпа, довольно значительная, посѣтителей 1867 г. кажется, въ сравненіи съ настоящимъ, ничтожной. Вотъ факты. Чтобы охарактеризовать ихъ, я скажу, что если имперія достигла правительственнаго успѣха, республика одержала успѣхъ демократическій. Къ намъ не пріѣзжали государи, но насъ посѣтила вся Европа. Народы тронулись съ мѣста, если монархи оставались дома. Всѣмъ ясны политическія причины, которыя могли ихъ удержать, и потому никто не удивляется ихъ отсутствію; зато съ какою поспѣшностью всѣ сосѣднія націи явились засвидѣтельствовать намъ свою симпатію. Въ 1878 г. все было величественнѣе, глубже, чѣмъ въ 1867 году.

Подумайте теперь, какія затрудненія пришлось побѣдить республикѣ, чтобы обезпечить успѣхъ за выставкой. Какъ я уже говорилъ, мы только-что пережили жестокой кризисъ 1870 г., въ которомъ потеряли столько крови и денегъ. Можно было опасаться, что мы слишкомъ понадѣялись на наши жизненныя силы, что мы слишкомъ поторопились доказывать міру, что семи лѣтъ намъ было достаточно, чтобы занять прежнее мѣсто между націями. Ничуть не бывало. Не-

смотря на торговые кризисы, несмотря на политическія потрясенія, Франція съ легкостью произвела то усиліе, котораго отъ нея требовали. Но самымъ печальнымъ препятствіемъ была война, которую противники республики не переставали вести съ выставкой. Когда они поняли, что не могутъ овладѣть ею, что она неизбежно обратится во славу республиканскимъ учрежденіямъ, они принялись всачески нападать на нее, открыто, глухо, стараясь уронить ее насмѣшками и клеветами. Враги Франціи не могли бы вести себя враждебно. Стоить перечестъ позднѣе всѣ статьи въ ежедневныхъ газетахъ, посвященныя выставкѣ реакціонерами; они все порицали, отрицали очевидность; клялись, что на Марсовомъ-полѣ никого не бываетъ, и что выставка разоритъ Францію. Будь ихъ власть, они никого бы не пустили, и вся ихъ тактика имѣла, повидимому, одну лишь цѣль: превратить въ пораженіе побѣду, которая, къ счастью, обозначалась все рельефнѣе по мѣрѣ того, какъ они ее оспаривали. Жалкій трудъ и возмущающій душу! Пруссаки не мечтали причинить столько зла Франціи. Пусть Франція погибнетъ, рѣшили противники республики, лишь бы республика тоже погибла!

Вотъ среди какихъ затрудненій восторжествовала выставка. Я желаю привести нѣсколько цифръ, чтобы показать, какъ велико это торжество. Приходъ достигъ почти до тринадцати милліоновъ, и сюда не причисляются абонементы. Кроме того, было довольно много даровыхъ билетовъ. Выставку посѣщали около ста тысячъ лицъ ежедневно. Безъ сомнѣнія, суммы, истраченныя на постройку дворцовъ, были значительны; но впередъ, прежде нежели подведены итоги, можно сказать, что операція даже съ финансовой точки зрѣнія оказалась превосходной, если принять въ расчетъ излишекъ таможенной пошлины и увеличеніе желѣзнодорожныхъ доходовъ, съ которыхъ государство взимаетъ пошлину.

Въ счетъ прихода надо отмѣтить шесть или семь милліоновъ, полученныхъ отъ продажи матеріаловъ, полученныхъ послѣ слома дворца на Марсовомъ-полѣ. Рѣшено было, что дворецъ Трокадеро, ставшій нынѣ собственностью города Парижа, не будетъ сломанъ. Что касается дворца на Марсовомъ-полѣ, его хотѣли уничтожить. Причиной выставляли необходимость возвратитъ военнымъ властямъ обширное пространство, которое имъ было нужно для маневровъ войскъ.

Но мысль, что разрушать такое зданіе, приводила всѣхъ въ отчаяніе. Всѣ просили сохранить эти великолѣпныя галереи, эти павильоны изъ желѣза и чугуна, такіе легкіе и такіе крѣпкіе — чудо современной архитектуры. И правительству пришлось уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія. Въ настоящее время рѣшено, что

часть дворца будетъ сохранена. И мнѣ кажется любопытнымъ сообщить вамъ, во что превратится эта громадная постройка, которую постигла вся Европа. Постараюсь быть яснымъ, насколько возможно.

Военный министръ получить такъ-называемую галерею ручного труда, параллельную фасаду военной школы, два боковыхъ придела и двѣ галереи машинъ, идущія отъ военной школы къ воротамъ Раппъ съ одной стороны и къ воротамъ Дезе—съ другой. Въ этихъ трехъ зданіяхъ будутъ помѣщаться военные магазины; а въ громадномъ внутреннемъ дворѣ, занимающемъ около тридцати гектаровъ, устроить плацъ для маневровъ. Вотъ часть, отведенная военной власти. Отъ воротъ Раппъ до воротъ Дезе будетъ идти широкій бульваръ, служащій сообщеніемъ между кварталомъ Gros-Caillois и Гренельскимъ. Кромѣ того, городъ Парижъ получитъ въ свою собственность часть мѣста, идущаго вдоль новыхъ военныхъ магазиновъ, и разобьетъ на немъ плантаціи деревь, какъ это сдѣлано по обѣ стороны Инвалиднаго плаца. Перехожу теперь собственно къ дворцу. Министерство земледѣлія и торговли вступить во владѣніе мѣстомъ, находящимся, съ одной стороны между набережной д'Орсэ и новымъ бульваромъ, съ другой стороны—между проспектомъ де-Лабурдонэ и проспектомъ Сюффренъ. Это обширное пространство, въ четыреста метровъ, будетъ огорожено со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, сохранится отъ дворца выставки весь фасадъ, центральный куполъ, парадная галерея и два угловыхъ купола; кромѣ того, сохранять часть галерей машинъ, что образуетъ два флигеля направо и налево, до новаго бульвара. Всѣ части галерей, заключающіяся между этими флигелями, будутъ тоже сохранены. Наконецъ, между прежнимъ французскимъ отдѣломъ и прежнимъ англійскимъ отдѣломъ, внутри построекъ, будетъ разбитъ садъ на мѣстѣ картинныхъ галерей, которыя исчезнутъ. Словомъ, выставка будетъ разбита на-двое проходить; вся южная часть будетъ предоставлена военному министерству, а вся сѣверная часть сдѣлается собственностью министерства земледѣлія и торговли, которое и осуществить въ ней грандіозный проектъ.

Вотъ каковъ этотъ проектъ. Теперешній паркъ останется въ своемъ настоящемъ видѣ, съ своимъ монументальнымъ крыльцомъ, своими лужайками, аллеями, фонтанами, каскадами, озерами. Оставятъ также и павильоны, прочно построенные. Въ этомъ прекрасномъ саду, занятомъ въ глубинѣ колоссальнымъ фасадомъ и галереями дворца, устроенъ будетъ промышленный музей, гдѣ паровыя машины будутъ приводить въ дѣйствіе всѣ извѣстные намъ механизмы. То будетъ постоянная выставка всѣхъ производствъ и всѣхъ продуктовъ

французской промышленности. Тамъ будутъ лить металлы, фабриковать стекло, фаянсовую и фарфоровую посуду, материн, бумагу и пр. и пр. Кроме того, будетъ устроенъ музей декоративныхъ искусствъ въ центральной части дворца.

Это будетъ великолѣпно и послужитъ новымъ торжествомъ для французской республики. Выставка 1878 г. не исчезнетъ вполне, какъ выставка 1867 г. Два дворца — дворецъ на Марсовомъ-полѣ и на Трокадеро — останутся другъ противъ друга. Они займутъ мѣсто въ числѣ самыхъ обширныхъ и самыхъ замѣчательныхъ зданій Парижа. Чудная зала въ Трокадеро, производившая такой фуроръ, переживетъ концерты, которые давались въ ней; передѣлаютъ только каскадъ, оказавшійся неудачнымъ. На Марсовомъ-полѣ, какъ я уже сказалъ, будетъ устроена постоянная выставка и музей. Одной изъ причинъ, выставившихся противъ сохраненія дворцовъ, была та, что этотъ кварталъ слишкомъ удаленъ отъ центра и что, по окончаніи выставки, никто въ нихъ и не заглянетъ. Я же убѣжденъ въ противномъ, что въ виду такихъ привлекательныхъ элементовъ толпа будетъ валить сюда. Елисейскія-поля тоже считались на краю свѣта; а между тѣмъ въ настоящее время весь Парижъ посѣщаетъ картинныя выставки, устраиваемыя ежегодно въ дворцѣ Промышленности. Эти кварталы, до сихъ поръ пустынные, населятся какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, какъ скоро парижанъ будетъ притягивать туда интересное зрѣлище. Не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ тамъ настроятъ множество великолѣпныхъ домовъ.

Конечно, будетъ выгоднѣе сохранить дворцы, нежели ихъ разрушить. Продажа матеріаловъ доставила бы нѣсколько милліоновъ; но эти милліоны скоро вернутся въ доходы съ выставки и въ увеличившейся стоимости квартала. Повторяю, проектъ грандіозенъ.

Остается сдѣлать выводъ, и выводъ этотъ вѣроятно сдѣланъ всѣми иностранцами, посѣтившими Парижъ. Уѣзжая отъ насъ, они всѣ навѣрное подумали: семь лѣтъ тому назадъ Парижъ былъ въ слезахъ; онъ носилъ трауръ по себѣ и по Франціи. Городъ въ особенности пострадалъ. Его предѣстья были пробиты ядрами чужеземной войны и ядрами войны междоусобной; дороги были пересѣчены земляными насыпями, палисады окружали его рвы. Внутри бѣдствія были еще значительнѣе. Пруссаки бомбардировали цѣлый кварталъ; французы, убивая другъ друга, зажигали пожары на всѣхъ перекресткахъ. Десять или двѣнадцать общественныхъ зданій обращены были въ пепелъ, зрѣлище было до того ужасно, что изъ сосѣднихъ странъ пріѣзжали поглядѣть на него съ лихорадочнымъ любопытствомъ. Я уже не говорю про наши разстроенныя финансы, про нашу разстроенную администрацію и армію. Ничего не существовало больше, нужно было все за-ново

создать. И что же! прошло семь лѣтъ, и иностранцы не видятъ больше ни одной изъ нашихъ ранъ. Всѣ онѣ залечены. Предмѣстья зелены и спокойны. Укрѣпленія снова приняли свой добродушный видъ. На нашихъ перекресткахъ тщетно стали бы искать слѣдовъ пожаровъ. Новые дома выше и богаче старыхъ. Зданія выстроены за-ново; у ратуши уже возводится второй этажъ. Одно только Тюльери остается въ развалинахъ, въ ожиданіи пока уступитъ мѣсто проектированному большому саду. И это не все; республика въ свою очередь захотѣла украсить Парижъ; она осуществила проектъ, передъ которымъ отступила имперія; она провела Avenue de l'Opéra, великолѣпный проспектъ, ведущій отъ площади „Théâtre-Français“ къ бульвару Капуциновъ. Парижъ захотѣлъ доказать иностранцамъ, что онъ сталъ настолько силенъ, что можетъ помышлять и о роскоши. Итакъ, вотъ выводъ: иностранцы видѣли всѣ раны, отъ которыхъ мы чуть не погибли, и видѣли наше выздоровленіе, возбуждавшее ихъ симпатію и восторгъ. Франція одержала великую побѣду, благодаря своимъ жизненнымъ силамъ, своему труду, своему героизму.

Эмиль Зола.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

ЛЕОПАРДИ ВЪ НОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Giacomo Leopardi. Deutsch von Paul Heyse. In zwei Theilen. Berlin. 1878.

Нѣмецкій языкъ гораздо больше распространенъ у насъ, чѣмъ итальянскій, и мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, обращая ихъ вниманіе на почтенный трудъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя о первоклассномъ итальянскомъ поэтѣ и мыслителѣ, у насъ почти неизвѣстномъ. Съ громкимъ именемъ Джакомо Леопарди у рѣдкаго изъ насъ соединяется ясное представленіе объ его оригинальномъ талантѣ и литературномъ значеніи. Правда, онъ не нашъ современникъ; его литературная дѣятельность относится къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Но эта дѣятельность такова, что значеніе ея не прекратилось со смертію самого поэта. Оно, напротивъ, выросло за послѣднее время, какъ то нерѣдко бываетъ съ большими талантами, слишкомъ выдающимися надъ общимъ уровнемъ своей современности. Италія считаетъ его теперь

однимъ изъ первыхъ двигателей своего политическаго возрожденія, и отводить ему почетное мѣсто рядомъ съ своими даровитѣйшими писателями ¹⁾. Трудъ П. Гейзе, на который мы обращаемъ теперь вниманіе читателей за отсутствіемъ русскаго перевода сочиненій Леопарди, показываетъ, какъ сильно заинтересованы ими и въ Германіи. На французскомъ языкѣ уже появилось нѣсколько монографій, посвященныхъ его жизни и образу мыслей, его стихотвореніямъ и прозѣ ²⁾. Недалеко какъ въ прошломъ году французскій моралистъ идеалистической школы, Карбъ, въ статьѣ о пессимизмѣ, какъ болѣзни нашего матеріалистическаго вѣка, возвелъ Леопарди въ родоначальники этого столь распространеннаго направленія ³⁾.

Въ нашей короткой замѣткѣ, вызванной трудомъ П. Гейзе, невозможно очертить во всѣхъ подробностяхъ въ высокой степени цѣльную, глубоко поэтическую и оригинальную личность мало извѣстнаго у насъ итальянскаго поэта. Мы можемъ только передать въ немногихъ словахъ то общее впечатлѣніе, какое вынесли сами изъ неотразимо втягивающаго чтенія его произведеній и переписки, изданной уже послѣ его смерти друзьями. Наша цѣль не та, какую имѣютъ въ виду Карбъ и П. Гейзе. Они приступаютъ къ оцѣнкѣ мыслей и поэзіи Леопарди, какъ моралисты. Очарованный прелестью его стиха, оригинальностью образовъ, глубиной и искренностью его настроенія, П. Гейзе боится, однакоже, дать въ руки своимъ читателямъ нѣмецкій переводъ многихъ его сочиненій, не предпославъ имъ опроверженія основной мысли, которою проникнуто все, написанное поэтомъ. Современнымъ моралистамъ не особенно трудно доказать, что мрачный пессимизмъ Леопарди не всегда выдерживаетъ критику. Но Леопарди характеренъ и великъ именно своею односторонностью, именно тѣмъ, что онъ ярко освѣтилъ одну изъ грустныхъ и реальныхъ сторонъ нынѣшняго склада человѣческой жизни. Наша цѣль не опровергать его, а по возможности очертить эту замѣчательную фигуру, которая именно тѣмъ и плѣнительна, именно тѣмъ и нова, что такъ не нравится крайнимъ оптимистамъ. Представьте себѣ Леопарди безъ его

¹⁾ Самое полное собраніе сочиненій Леопарди, на родномъ его языкѣ, издаю Ратіери во Флоренціи, въ 1845—46 г. (Giacomo Leopardi. Opere), въ четырехъ частяхъ. Отдѣльныя его произведенія пережили, кромѣ того, множество изданій.

²⁾ Bouché-Leclercq: Giacomo Leopardi, sa vie et ses oeuvres.—Aulard: Essai sur les idées philosophiques et l'inspiration poétique de G. Leopardi. Къ сожалѣнію авторъ послѣдняго изъ этихъ сочиненій поставилъ себѣ неблагоприятную задачу показать, что нравственныя муки, пережитыя поэтомъ, преувеличены и нѣтъ самими, и другими. Какъ будто кто-нибудь другой, кромѣ самого поэта, можетъ лучше знать испытанныя имъ тяжелыя ощущенія и мрачныя думы, выраженные съ такою искренностью, глубиной и послѣдовательностью въ его сочиненіяхъ.

³⁾ Revue des deux Mondes. 15 Novembre, 1877.

трагического взгляда на жизнь, безъ той потрясающей страдальческой ноты, которая звучитъ такъ характерно на каждой его страницѣ, безъ ѣдкой и тонкой проны глубока убѣжденнаго пессимиста, — и его высоко-поэтическая личность обратится въ ничто: передъ вами останется риторъ вмѣсто поэта.

Да, Леонарди былъ пессимистъ, самый послѣдовательный и безпоощадный къ людямъ въ своихъ выводахъ, исполненный глубочайшаго недовѣрія, даже презрѣнія къ окружающей его жизни. Можно назвать его поэтомъ и мыслителемъ отрицательныхъ сторонъ жизни, которыя тѣмъ глубже поражаютъ большой, послѣдовательный умъ и страстную душу, чѣмъ грандіознѣе и шире ихъ ожиданія и стремленія, чѣмъ мизернѣе окружающая ихъ дѣйствительность. То не было разочарованіе человѣка, уже насладившагося благами земного существованія; сомнѣніе въ дѣйствительности этихъ благъ запахло въ душу Леонарди съ ранней юности, и оставалось его неизмѣннымъ спутникомъ до самой смерти. Ни въ юности, ни въ зрѣлыхъ годахъ, не относился онъ къ судьбамъ человѣка съ тою легкостью, съ какою относится къ нимъ посредственность, предающаяся потомъ дюжинному разочарованію; ни въ юности, ни въ зрѣлыхъ лѣтахъ не примирался онъ съ дѣйствительностью на среднихъ терминахъ, не уступалъ ей ни одного изъ неудовлетворенныхъ требованій своего непреклоннаго ума и пламеннаго сердца, способнаго и безпредѣльно любить и безпоощадно ненавидѣть. Онъ былъ поэтъ и мыслитель человѣческаго страданія, — страданія не мечтательнаго, до ужасающей степени реальнаго, которое не покидало его во всю жизнь, которому онъ былъ вѣренъ до самой смерти. Страданіе и жизнь были въ его мнѣніи и чувствѣ явленіями и понятіями равнозначущими, тождественными, навсегда неразрывно связанными между собою. Эта мысль охватила все существо поэта, онъ далъ ей изящную теоретическую и поэтическую обработку, она стала главной тѣмой его страдальческой музыки. Аскетически неподкупный на многія блага существованія, которыхъ жаждалъ посредственность, безупречно чистый душою, кѣжно отзывчивый на вниманіе и симпатію немногихъ друзей, безнадежно влюбленный, измученный униженіемъ, безъисходнымъ тогда положеніемъ родной Италіи, физически слабый и больной, онъ отвернулся отъ жизни съ жгучею болью въ сердцѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ ея ничтожествѣ и томительной скукѣ.

Въ то время, когда жилъ Леонарди, человѣкъ еще воображалъ себя всемогущимъ царемъ природы, центромъ всего міровданія, призваннаго удовлетворять его желанія, стремленія, помыслы. Въ поэтическихъ образахъ, набросанныхъ рукою мастера, Леонарди раньше другихъ показавъ все безсиліе человѣка въ природѣ, одарившей его

способностью къ стремленіямъ и замысламъ, которые заранѣе обречены бесплодному томленію. Вы можете соглашаться съ нимъ, или нѣтъ; вы можете находить его мрачнымъ и одностороннимъ, но искренность его убѣжденія и чувства такъ плѣнительна, глубина ихъ оказываетъ на васъ такое втягивающее вліяніе, поэтическіе образы такъ характерны и цѣльны, облечены въ такую наглядную форму, которая въ то же время рѣжетъ какъ острая сталь, — что вы невольно поддаетесь обаянію этого замѣчательнаго таланта, находите въ вашей собственной душѣ сочувственный отзывъ на его страданія и узнаете въ его произведеніяхъ многое, очень многое пережитое вами самими.

Таково общечеловѣческое значеніе Леопарди.

Это значеніе не было оцѣнено при его жизни, и только теперь, въ наше скептическое время, когда Шопенгауеръ и его школа въ Германіи пришли къ такому же воззрѣнію на человѣка и его жизнь, когда естествознаніе посбавило съ человѣка значительную долю его старообрядческой спѣси, — только теперь европейскія литературы съ интересомъ и любовью возвращаются къ поэтической фигурѣ первой жертвы и перваго талантливаго выразителя современныхъ скептическихъ воззрѣній. Мы, по обыкновенію, отстаемъ и въ этомъ отъ западныхъ литературъ, и имя Леопарди до сихъ поръ едва-едва коснулось нашего слуха.

Леопарди было всего двадцать лѣтъ, въ 1818 году, когда онъ выступилъ открыто на литературное поприще съ своими „*canzone*“. Италія находилась тогда въ состояніи оцѣпенѣнія. Всѣ порывы ея къ самостоятельной жизни были подавлены австрійскими штыками; какъ всегда бываетъ въ мрачныя эпохи народной жизни, — высшіе слои населенія предались удовольствіямъ и наслажденіямъ, потопляя въ нихъ сознаніе своего угнетеннаго положенія; народъ погрязъ въ тяжелой нуждѣ и житейскихъ дразгахъ; и только въ подспудныхъ, невидимыхъ на поверхности, слояхъ тлѣли искры ненависти къ *cani tedeschi* и охраняемому ими австрійскому деспотизму. Обращеніе тлѣвшихъ искръ въ пламя было, конечно, вопросомъ времени; но мы ясно видимъ это теперь, *post factum*, послѣ совершившихся съ того времени событій. Тогдашнему человѣку трудно было найтись въ темномъ лѣсу всецѣльной, повидимому, реакціи, и всѣ условія, порождающія безразсвѣтное отчаяніе въ патріотическомъ сердцѣ итальянца, были съ избыткомъ на лицо. Свободный Пьемонтъ еще не свѣтился тогда привывшимъ маякомъ на итальянскомъ горизонтѣ, и густой мракъ окуталъ, нѣкогда свободную, Италію. Система Меттерниха царилъ повсемѣстно и нераздѣльно, жестоко подавляя всякое проявленіе національнаго чувства, всякое либеральное стремленіе. Въ стихотворе-

ни двадцати-лѣтняго Леонарди „Къ Италіи“, эти гнетущія условія дѣйствительности отпечатлѣлись съ замѣчательною яркостью и силой. Юноша-поэтъ видитъ передъ собою возведенныя предками стѣны, арки, колонны, безчисленные памятники искусства, но онъ напрасно ищетъ принадлежавшей предкамъ славы, лавровъ и меча. Италія представляется ему сраженною, безсильною, съ мертвенной блѣдностью въ лицѣ. Въ мучительной тоскѣ молить онъ небо и землю сказать ему, кто виновникъ ея бѣдствій, кѣмъ закованы ея руки, кто пригнулъ ее къ землѣ и заставилъ недвижно сидѣть и горько, горько плакать. Но еслибъ она пролила еще ручьи слезъ, то и ихъ было бы мало, чтобы залить бездну ея горя и позора. Красавица упала съ высоты и точно разбилась. Это зрѣлище раздираетъ душу поэта. Онъ взываетъ къ оружію, онъ жаждетъ борьбы, жаждетъ смерти въ борьбѣ за Италію, и молить Провидѣніе обратить кровь его въ пламя и воспламенить имъ всѣ сердца. Ему было бы такъ отрадно смочить своею кровью дорогую ему землю!

Но „дорогая земля“ отвѣчала пока вынужденнымъ молчаніемъ и застоємъ на эти крики душевной боли; въ дѣйствительности поэта окружалъ небольшой городокъ съ его рѣзкимъ, горнымъ воздухомъ, который онъ считалъ причиною своихъ физическихъ недуговъ, съ населеніемъ, погруженнымъ въ мельчайшія житейскія дразги; поэтъ выросъ и большею частью жилъ тамъ въ своемъ обѣднѣвшемъ семействѣ, наследовавшемъ отъ предковъ одинъ только бесполезный графскій титулъ, одиноко работая надъ прошлымъ Греціи, Рима и Италіи, снѣдаемый одинокими стремленіями горячей души и непреклонной воли. Онъ присматривается къ людямъ, онъ вдумывается въ ихъ отношенія, и съ ужасомъ отступаетъ передъ открывающеюся ему картиною жизни. Не зная личнаго счастья, не вида никакихъ знаменій народнаго возрожденія, онъ переноситъ свои наблюденія въ исторію, на все человѣчество, и новый, еще болѣе ужасъ охватываетъ его впечатлительную душу. И онъ перестаетъ вѣрить личному счастью и народному благу, и всему человѣчеству. Изъ патріота онъ становится съ юношескихъ лѣтъ пессимистомъ, изъ страстнаго католика—последовательнѣйшимъ скептикомъ, избравшимъ человѣческое ничтожество любимымъ предметомъ своей ѣдкой и тонкой ироніи. Если годы блестящей дѣятельности Гарибальди можно назвать полнымъ разсвѣтомъ итальянскаго возрожденія, то годы жизни и литературной дѣятельности Леонарди были для Италіи темною, беззвѣдною ночью, долго предшествовавшею этому разсвѣту. Въ политической жизни народовъ дни и ночи не смѣняются такъ быстро, какъ въ природѣ; темная ночь тянулась для Леонарди до самой его смерти въ 1837 году, и еще пережила его добрыхъ тридцать лѣтъ.

Когда, послѣ многихъ жертвъ и усилій, принесенныхъ дѣлу свободы и поглощавшихъ лучшія силы страны, пробилъ, наконецъ, часъ освобожденія, поэтѣ давно уже не было въ живыхъ. Да и могъ ли онъ удовлетвориться политическимъ возрожденіемъ отечества, утративъ вѣру въ человѣка?

Въ мрачныя эпохи народной жизни, всегда и вездѣ наиболѣе сознательно страдаютъ лучшіе люди интеллигенціи. Одинъ изъ нихъ, горя нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе сломить позорную неправду, сѣйшать открыто выступить въ борьбу съ нею, не углубляясь въ трудности подобныхъ предпріятій, и неизбѣжно погибаютъ, временно ослабляя свою преждевременной гибелью собственное дѣло. Другіе уходятъ въ себя, страдая нравственно не меньше тѣхъ, кто обрекъ себя гибели въ открытой борьбѣ съ гнетущими условіями жизни. Но мѣра нравственнаго страданія, выпавшаго на долю Леопарди, была еще ужаснѣе. Строгій анализъ человѣка не оставилъ ни одного здороваго уголка въ душѣ поэта, одаренной исключительной способностью и къ глубокому чувству, и къ отвлеченной мысли. Съ какой стороны ни подходилъ онъ къ жизни, она постоянно и съ поразительной ясностью представлялась ему ничѣмъ не отвратимымъ страданіемъ. И личное и общественное счастье оставалось для него до самой его смерти фантастическими грезами, которымъ никогда не суждено осуществиться. Горькое положеніе родной страны, послѣ столѣтій славы и свободы, привело его къ отрицанію историческаго прогресса. Задыхаясь отъ собственныхъ выводовъ, онъ не хотѣлъ, однакоже, тѣшить себя призраками, и еслибъ истина могла быть еще печальнѣе и безотраднѣе, онъ и тогда не бѣжалъ бы отъ нея, чтобы вѣрить хоть на минуту въ то, что считалось за счастье въ средѣ, его окружавшей. Отсюда стройно и тонко развитое имъ пессимистическое воззрѣніе на жизнь и судьбы человѣка, отсюда и глубоко потрясающая нота его изящныхъ поэтическихъ произведеній, — отсюда и прямая нравственная связь его съ современнымъ скептицизмомъ, предвѣстникомъ котораго онъ можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Замѣчательно, что въ томъ самомъ 1818 году, когда появились первыя канцоны Леопарди, уже порвавшаго съ католицизмомъ, чтобы предаться философіи полнаго отчаянія, Шопенгауеръ отправился въ Италію, передавъ издателю свою рукопись о „Мирѣ, разсматриваемомъ какъ воля“. Итальянскій поэтъ и нѣмецкій мыслитель никогда не знали другъ друга. Почти достоверно, что Леопарди никогда не читалъ сочиненія Шопенгауера, которое и въ самой Германіи распространилось гораздо позже. Они пришли къ своимъ сходнымъ воззрѣніямъ, каждый своимъ путемъ, предвѣщая нравственный кризисъ, разрѣшеніе котораго еще далеко впереди...

Леопарди былъ знатокъ греческой и римской литературы, которыми занимался много и самостоятельно; знаменитый Имбуръ, посѣтивъ Италію, называлъ его хорошимъ эллинистомъ; и дѣйствительно, на всѣхъ его сочиненіяхъ лежитъ печать глубокаго знакомства съ лучшими писателями Греціи и Рима; вы встрѣчаете въ нихъ то же чувство мѣры, ту же красоту формы, то же совершенство языка. Особенно плѣнила его діалогическая форма греческихъ писателей, и собственные его діалоги отнюдь не уступаютъ лучшимъ произведеніямъ древнихъ мастеровъ въ томъ же родѣ. По формѣ, они смѣло могутъ быть поставлены на-ряду съ діалогами Лукіана, а по идеѣ—они выше послѣднихъ. Мы приведемъ нѣкоторые изъ этихъ прелестныхъ діалоговъ въ русскомъ переводѣ: бесѣду физика съ метафизикомъ, и бесѣду между продавцомъ альманаховъ и прохожимъ. Они гораздо другихъ, но все же знакомятъ съ образомъ мыслей и манерой поэта.

Физикъ. Нашелъ! нашелъ!

Метафизикъ. Что случилось? Что ты нашелъ?

Физикъ. Искусство долго жить.

Метафизикъ. А что за книга у тебя въ рукахъ?

Физикъ. Въ этой книгѣ я передаю людямъ искусство долго жить, и если, благодаря моему открытію, другіе люди будутъ жить долго, то я по меньшей мѣрѣ буду жить вѣчно, приобрету безсмертную славу.

Метафизикъ. Послушай моего совѣта. Возьми свинцовый ящикъ, положи туда эту книгу, зарой его въ землю, и прежде чѣмъ умрешь, не забудь указать это мѣсто, чтобы можно было пойти туда и открыть твою книгу, когда найдутъ еще и искусство жить счастливо.

Физикъ. А до тѣхъ поръ?

Метафизикъ. До тѣхъ поръ твоя книга бесполезна. По-моему, она имѣла бы большую цѣну, еслибъ научала искусству рано умирать.

Физикъ. Искусство это уже давно извѣстно, и не трудно ему научиться.

Метафизикъ. При всемъ томъ мнѣ сдается, что такая книга была бы полезнѣе твоей.

Физикъ. Отчего?

Метафизикъ. Оттого, что если жизнь не даетъ счастья,—а она никогда его не давала,—то для насъ же лучше, если она коротка, и не тянется долго.

Физикъ. Что ты! Жизнь хороша сама по себѣ, и всякій отъ природы жаждетъ и любитъ ее.

Метафизикъ. Такъ думаютъ люди, но они обманываютъ самихъ

себя, какъ ошибается толпа, принимая цвѣта предметовъ за ихъ свойства, тогда какъ они происходятъ не отъ предметовъ, а отъ свѣта. Я утверждаю, что человѣкъ любитъ только свое счастье и желаетъ единственно его. Оттого онъ любитъ жизнь лишь постольку, поскольку считаетъ ее орудіемъ или субъектомъ этого счастья; онъ собственно любитъ послѣднее, а не жизнь, хотя и смѣшиваетъ ихъ очень часто. Но это заблужденіе такъ же естественно, какъ и заблужденіе о цвѣтѣ предметовъ. Что любовь человѣка къ жизни не всегда естественна или, лучше, не всегда необходима, видно уже изъ того, что въ древности многіе добровольно избирали себѣ смерть, хотя и могли бы жить, а въ наше время многіе, при разнообразныхъ обстоятельствахъ, желаютъ себѣ смерти, иные же сами лишаютъ себя жизни. Все это было бы невозможно, если бы любовь къ одной только жизни была свойственна человѣческой природѣ; напротивъ, такъ какъ любовь къ собственному счастью врождена каждому живому существу, то скорѣе міръ погибнетъ, чѣмъ кто-нибудь перестанетъ любить свое счастье и по-своему стремиться къ нему. Я, съ своей стороны, полагаю, что счастливая жизнь была бы благомъ, но только какъ счастливая, а не какъ жизнь. Жизнь несчастная, поскольку она несчастна, есть зло, а такъ какъ природа, по крайней мѣрѣ, человѣческая природа, такова, что жизнь и несчастье нераздѣльны, то подумай самъ, что отсюда вытекаетъ.

Физикъ. Пожалуйста, оставимъ этотъ меланхолическій вопросъ, и отвѣчай мнѣ добросовѣстно, безъ столькихъ ухищреній: неужели, по-твоему, человѣку не было бы пріятно жить вѣчно—я разумѣю жить не умирая, жить не послѣ смерти?

Метафизикъ. На твое сказочное предположеніе, я отвѣчу также сказкой, тѣмъ болѣе, что я никогда еще не жилъ вѣчно, и потому не могу говорить по собственному опыту, никогда не встрѣчалъ никого, кто былъ бы безсмертенъ, да и нигдѣ, кромѣ сказокъ, не читалъ о такихъ людяхъ. Если бы съ нами говорилъ Калиостро, то, можетъ быть, онъ просвѣтилъ бы насъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ прожилъ нѣсколько столѣтій, хотя въ концѣ-концовъ онъ тоже умеръ, какъ и всѣ другіе и, стало быть, не былъ безсмертенъ. Позволяю же рассказать тебѣ, что жизнь надѣла мудрому Хирону, хотя онъ и былъ божествомъ; онъ просилъ у Зевса позволенія умереть—и, дѣйствительно, умеръ. Подумай: если безсмертіе неудобно для самихъ боговъ, то каково же было бы оно для людей? Невѣдомый, но знаменитый народъ, гиперборейцы, къ которымъ нельзя проникнуть ни по суку, ни по морю, и которые въ избыткѣ надѣлены всѣми благами, особенно прелестными ослами, обыкновенно приносимыми тамъ въ жертву богамъ. — гиперборейцы, если я не опи-

баюсь, могутъ сдѣлаться безсмертными, такъ какъ они не знаютъ ни болѣзней и заботъ, ни войнъ и раздоровъ, ни дороговизны и преступлений. И однакоже, всѣ они умираютъ; проживъ лѣтъ тысячу, они не могутъ долѣе выносить жизнь, добровольно бросаются съ одной своей скалы въ море и тонутъ въ немъ. Послушай еще другую сказку. На одномъ праздникѣ, братья Витонъ и Клеобъ запряглись въ колесницу своей матери, Юнониной жрицы (муловъ въ то время не было подъ рукою), и подвезли ее къ храму. Жрица молила богиню наградить благочестіе синовей высшимъ благомъ, какое только можетъ выпасть на долю людей. Юнона, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ безсмертными, что было въ ея власти и что случилось въ то время нерѣдко, въ ту же минуту послала обоимъ юношамъ тихую кончину. То же было съ Агамедомъ и Трофоніемъ. Окончивъ постройку храма въ Дельфахъ, они просили Аполлона заплатить имъ за трудъ; онъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ желаніе не простѣе, чѣмъ дать, предоставляя имъ пока проживать на собственный счетъ. Въ седьмую ночь послалъ онъ имъ сладкій сонъ, отъ котораго имъ еще предстоитъ пробудиться, и послѣ этой награды, они уже не просили никакой другой. Такъ какъ мы занялись сказками, то я хочу рассказать тебѣ еще одну, по поводу которой мнѣ хотѣлось бы предложить тебѣ нѣкоторый вопросъ. Я знаю, твои собратья перѣшили, что въ каждой населенной странѣ и подъ всякимъ небомъ жизнь человѣка имѣетъ приблизительно одинаковую продолжительность, съ весьма незначительными отклоненіями, если рассматривать каждый народъ въ массѣ и въ цѣломъ. Но одинъ древній авторъ повѣствуетъ, что въ иныхъ мѣстахъ Индіи и Эіюіи люди не живутъ далѣе сорокалѣтняго возраста; кто умираетъ въ этомъ возрастѣ, тотъ умираетъ старикомъ, а семилѣтнія дѣвушки уже считаются невѣстами. Это послѣднее обстоятельство, какъ мы знаемъ, почти подтверждается въ Гвиней, Деніѣ и другихъ странахъ жаркаго пояса. И если мы примемъ за истину, что существуетъ одинъ или нѣсколько народовъ, у которыхъ сорокалѣтній возрастъ служитъ предѣломъ жизни и притомъ по законамъ природы, а не по другимъ причинамъ, какъ думали о готтентотахъ, то я желаю бы знать, считаются ли эти народы болѣе счастливыми, или же болѣе несчастными, чѣмъ другіе?

Физикъ. Разумѣется, болѣе несчастными, потому что они раньше умираютъ.

Метафизикъ. А я, на томъ же основаніи, прихожу къ противоположному выводу. Но не въ этомъ дѣло. Прислушайся немного. Я говорилъ, что просто жизнь, что одно только ощущеніе собственного существованія не есть нѣчто такое, что мы, по нашей природѣ, могли

любить и къ чему могли бы стремиться. Но люди естественно любить и желаютъ того, что съ бѣльшимъ правомъ называется жизнью, — силы и полноты ощущеній. Всякая живая и сильная дѣятельность или страсть, если она не вызываетъ тяжелаго ощущенія или боли, пріятна намъ только потому, что она жива и сильна, хотя бы она и не представляла никакого другого отраднаго свойства. У людей, чьихъ жизнь, по закону природы, длится не болѣе сорока лѣтъ, т.-е. на половину короче, чѣмъ у другихъ народовъ, она была бы во всѣхъ отношеніяхъ живѣе, чѣмъ у насъ; если они вдвое скорѣе вырастаютъ, достигаютъ зрѣлости, старѣютъ и умираютъ, то и жизненные процессы ихъ природы должны совершаться съ удвоенной быстротой, и произвольныя ихъ дѣйствія, подвижность и живость должны соответствовать этимъ условіямъ. Они имѣли бы, такимъ образомъ, въ болѣе короткое время такое же количество жизни, какъ и мы, и этого количества, распределеннаго на меньшее число лѣтъ, было бы достаточно для ихъ пополненія, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ немного лѣтъ оставалось пустыми, тогда какъ того же количества жизни слишкомъ мало на удвоенное время. Ихъ дѣйствія и ощущенія, болѣе сильныя и замкнутыя въ болѣе тѣсномъ кругѣ, могли бы наполнять и оживлять собою все ихъ существованіе, тогда какъ въ нашей долгой жизни часто остаются пустыми большіе промежутки, безъ живой дѣятельности и живыхъ ощущеній. А такъ какъ желательно не одно только существованіе, но существованіе счастливое, такъ какъ добрая и злая доля каждаго не измѣряется количествомъ прожитыхъ имъ дней, то я и прихожу къ тому заключенію, что чѣмъ короче жизнь тѣхъ народовъ, тѣмъ менѣе она бѣдна удовольствіями или тѣмъ, что называютъ удовольствіями, и что она лучше нашей, лучше жизни первыхъ царей Ассиріи, Египта, Китая, Индіи и другихъ странъ, которая, — возвращаясь къ нашимъ сказкамъ, — тянулась тысячи лѣтъ. Оттого я не только не стремлюсь жить вѣчно и охотно предоставляю безсмертіе рыбакамъ, которымъ приписалъ его Лейбентенъ (поскольку онъ не пожирается людьми или китами), но и желаю, чтобъ, вмѣсто замедленія или временной приостановки нашего тѣлеснаго роста ради продленія жизни, — какъ предлагаетъ Моверцій, — мы могли ускорять ее и сокращать ее продолжительность до жизненнаго срока однодневныхъ насѣкомыхъ, изъ которыхъ старѣйшія не переживаютъ одного дня, и однако же умираютъ правдами и неправдами. Тогда, мнѣ кажется, уже не оставалось бы времени для скуки. Что скажешь ты на это?

Физикъ. Скажу, что твое сужденіе ни мало меня не убѣждаетъ, и если ты любишь метафизику, то я, съ своей стороны, придерживаюсь физики; если ты вдаешься въ тонкости анализа, я беру вопросъ

въ грубомъ и цѣломъ—и вполне довольствуюсь этимъ. Не прибѣгая въ микроскопу, я думаю, что жизнь красивѣе смерти, и лучше яблоко первой, но не стою на томъ, что онѣ хороши или дурны сами по себѣ.

Метафизикъ. Я подписываю этотъ приговоръ Париса. Но, вспоминая обычай тѣхъ варваровъ, которые въ каждый несчастный день опускаютъ по черному камню въ колчанъ, а въ каждый счастливый день по бѣлому, я невольно задаюсь вопросомъ, какъ мало бѣлыхъ камней оказывалось вѣроятно въ колчанѣ каждого къ концу его жизни, и какъ много черныхъ. Мнѣ хорошо бы имѣть передъ собою всѣ камешки тѣхъ дней, которые еще остается прожить, чтобы отбросить черные и выкинуть эти дни изъ моей жизни, оставивъ только бѣлые, хоть я и убѣжденъ, что бѣлыхъ окажется гораздо меньше, да и бѣлизна ихъ будетъ сѣрвата.

Физикъ. Многіе, напротивъ, хотя бы всѣ ихъ камешки были черны и даже чернѣе обыкновеннаго, желали бы подбавлять къ нимъ новые даже и того же цвѣта; они убѣждены, что ни одинъ новый камешекъ уже не будетъ такъ черенъ, какъ самый послѣдній. А такіе люди, къ которымъ и я принадлежу, въ самомъ дѣлѣ могутъ прибавить не мало дней къ своей жизни при помощи того искусства, которому я учу въ моей книгѣ.

Метафизикъ. Пусть каждый думаетъ и поступаетъ по-своему; по-своему не преминетъ дѣйствовать и смерть. Но если ты, утѣя продлить жизнь, желаешь принести дѣйствительную пользу людямъ, то придумай искусство увеличивать число и живость ихъ ощущений и дѣятельностей. Этимъ путемъ ты дѣйствительно продлишь человеческую жизнь, и если тебѣ удастся наполнить тѣ неизмѣримыя пространства времени, въ теченіи которыхъ наше существованіе скорѣе можетъ быть названо присутствіемъ на свѣтѣ, чѣмъ жизнью, ты можешь похвалиться тѣмъ, что продлилъ ее, и притомъ безъ притязанія дѣлать невозможное возможнымъ или насиловать природу, а скорѣе помогая ей. Развѣ меньше насъ жили древніе, хотя и окруженные болѣе большими и непрерывными опасностями, приходилось раньше умирать? Ты окажешь людямъ великое благодѣаніе; изъ жизнь была всегда—не говорю счастлива—но тѣмъ менѣе несчастлива, чѣмъ болѣе она была подвижна и интересна, конечно не отъ страданія и бѣдствій. Но когда она такъ богата праздностью и скукой, что можно назвать ее пустою, то приходится почти согласиться съ отзывомъ Пиррона, что жизнь ничѣмъ не отличается отъ смерти. Еслибъ я это думалъ, то, клянусь, я сильно боялся бы смерти. Въ концѣ-концовъ, жизнь должна же стать живою, то-есть дѣйствительно жизнію, или смерть гораздо лучше ея.

Приводимъ еще коротенькую бесѣду на улицѣ между продавцомъ альманаховъ и гуляющимъ прохожимъ.

Торовецъ. Альманахи, новые альманахи! Новые календари! Купите альманахи, господа!

Прохожий. Альманахи на новый годъ?

Торовецъ. Да, господинъ.

Прохожий. А счастливъ будетъ новый годъ?

Торовецъ. О, непременно.

Прохожий. Такъ же счастливъ, какъ и прошлый годъ?

Торовецъ. Гораздо счастливѣе.

Прохожий. Какъ позавчерашний?

Торовецъ. Несравненно счастливѣе.

Прохожий. Съ какимъ же другимъ годомъ онъ сравнится? Развѣ ты не жалалъ бы, чтобъ новый годъ походилъ на одинъ изъ послѣднихъ годовъ?

Торовецъ. Нѣтъ, господинъ, этого я бы не желалъ.

Прохожий. А сколько прошло новыхъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ты продаешь альманахи?

Торовецъ. Да лѣтъ двадцать прошло, господинъ.

Прохожий. Не запомнишь ли ты такого года, который прошелъ для тебя счастливо?

Торовецъ. Нѣтъ, не запомню, господинъ.

Прохожий. А жизнь все-таки—вещь хорошая. Не правда ли?

Торовецъ. Разумѣется.

Прохожий. Ты, можетъ быть, жалалъ бы еще разъ пережить эти двадцать лѣтъ, и вообще все прошлое время, съ тѣхъ поръ, какъ родился на свѣтъ?

Торовецъ. Ахъ, господинъ, если-бъ Богу было угодно допустить это!

Прохожий. А если-бъ тебѣ пришлось опять пережить все прошлое съ его радостями и горемъ?

Торовецъ. Этого бы я, разумѣется, не пожелалъ.

Прохожий. Какую же другую жизнь желалъ бы ты пережить вновь? Мою ли, или жизнь короля, или жизнь кого-нибудь изъ другихъ людей? Или ты думаешь, что король и всякій другой не отвѣтилъ бы то же самое, что и ты, и что если-бъ пришлось повторять ту же жизнь, то никто не пожелалъ бы этого?

Торовецъ. Конечно.

Прохожий. Стало быть, и ты не желалъ бы при этомъ условіи начинать сизнова, если нельзя жить иначе?

Торовецъ. Нѣтъ, не желалъ бы, господинъ.

Прохожий. Какой же иной жизни ты желаешь?

Торювецъ. Какую Богъ пошлетъ, безъ дальнѣйшихъ условій.

Прохожій. Жизнь на-удачу, о которой ты ничего не зналъ бы напередъ, какъ ничего не знаешь о новомъ годѣ?

Торювецъ. Конечно.

Прохожій. Этого желалъ бы и я, еслибъ пришлось жить снова, этого и всѣ желаютъ. Но это доказываетъ только, что до сихъ поръ всѣмъ приходилось плохо отъ этой жизни на-удачу, и каждый думаетъ, что зло, имъ пережитое, было чаще и важнѣе, чѣмъ добро; оттого никто не хочетъ родиться на свѣтъ снова, чтобы пережить еще разъ прежнюю жизнь съ ея счастьемъ и невзгодами. Жизнь, которую считают благомъ, — не та жизнь, какую мы знаемъ, а та, которая намъ невѣдома; это не прошлая, а будущая жизнь. Съ новаго года судьба начнетъ относиться благосклонно — къ тебѣ, ко мнѣ и ко всѣмъ, и тогда начнется счастливая жизнь. Не такъ ли?

Торювецъ. Надо надѣяться.

Прохожій. Такъ покажи мнѣ лучший изъ твоихъ альманаховъ.

Торювецъ. Вотъ, господинъ; вотъ этотъ стоить тридцать солиди.

Прохожій. Вотъ и деньги.

Торювецъ. Благодарю, господинъ. До свиданія. Альманахи, новые альманахи! Новые календари!

Кромѣ стихотвореній и діалоговъ, П. Гейзе перевелъ также съ большимъ искусствомъ и очень близко къ подлиннику 107 отрывочныхъ мыслей, записанныхъ Леопарди, его рассказъ изъ собственной жизни: „Нерива“, взглядъ на исторію человѣчества и критику самого Леопарди къ его стихотвореніямъ. Недостаетъ только ученыхъ трудовъ поэта: „Saggio sopra gli errori popolari degli antichi“ и „Studii filologici“. Мы также оставимъ въ сторонѣ послѣдніе и остановимся на отрывочныхъ мысляхъ поэта, между которыми есть мысли поразительно характерныя, оригинальныя и выраженные въ художественной формѣ. Вотъ одна изъ нихъ:

„Я долго противился признавать за истину все то, что выскажу въ слѣдующихъ строкахъ. Не говоря уже о томъ, что оно было со-всѣмъ не свойственно моей природѣ, что мы всегда склонны судить о другихъ во себѣ, — я никогда не былъ склоненъ ненавидѣть людей, а скорѣе стремился любить ихъ. Но опытъ, наконецъ, заставилъ меня убѣдиться, и я увѣренъ, что читатели, часто и разнообразно сталкивавшіеся съ людьми, признаютъ истину моихъ словъ; другимъ они покажутся преувеличенными, пока опытъ не отверстъ имъ глаза, если только имъ представится случай дѣйствительно изучить человѣческое общество.“

„Я утверждаю, что міръ есть тайный союзъ плутовъ противъ честныхъ людей, — низкихъ людей противъ благородныхъ. Когда двое или болѣе плутовъ встрѣчаются въ первый разъ, — они легко признають другъ друга, точно по условному знаку, за то, что они на самомъ дѣлѣ, и тотчасъ понимаютъ другъ друга, или — если это несогласно съ ихъ выгодами — навѣрное ощущають влеченіе одинъ къ другому и оказываютъ другъ другу большое почтеніе. Если у плута есть договоръ или дѣло съ другимъ плутомъ, — онъ часто поступаетъ вполне добросовѣстно и не обманываетъ его; но когда ему приходится имѣть дѣло съ честными людьми, тогда немислимо, чтобы онъ не обошелъ ихъ и не постарался имъ навредить, какъ ему удобнѣе. Хотя онъ и знаетъ, что имѣть дѣло съ людьми нравственно сильными, способными отмстить ему, но онъ рассчитываетъ на то, что ему обыкновенно удастся: хитростью одолѣть ихъ нравственную силу. Я часто видалъ, что очень трусливые люди, которыхъ приходилось выбирать между еще болѣе трусливыми плутомъ и очень храбрымъ человекомъ, изъ страха принимали сторону плута, и это всегда будетъ такъ, когда заурядные люди будутъ находиться въ такомъ положеніи, потому что пути, которыми дѣйствуетъ человѣкъ храбрый и честный, всѣмъ извѣстны и просты, а пути негода — скрыты и безконечно разнообразны. Извѣстно, что то, чего мы не знаемъ, внушаетъ намъ больше страха, чѣмъ то, что мы знаемъ; отъ мести великодушнаго человѣка не трудно защититься уже одними трусостью и страхомъ; но никакой страхъ и никакая хитрость не даютъ достаточной защиты отъ тайныхъ преслѣдованій и крючковъ, — даже и отъ прямыхъ нападеній со стороны низкаго врага. Въ обыденной жизни люди болѣею частью мало боятся истиннаго мужества, между прочимъ — потому, что это мужество, чуждое всякаго лицемерія, обходится безъ тѣхъ прикрасъ, которыя придаютъ дѣлу устрашающій видъ; оттого ему часто и не вѣрятъ вовсе. А плутовъ — боятся, точно они мужественны, потому что плуты своимъ хвастовствомъ умѣютъ придавать себѣ видъ храбрости.

Бѣдные плуты встрѣчаются рѣдко: честный человѣкъ, внапавшій въ нужду, ни отъ кого не находитъ помощи, — во многихъ возбуждаетъ даже злорадетво; но когда бѣднѣетъ плутъ, — весь городъ приходитъ въ движеніе, чтобы помочь ему. Причину угадать не трудно: мы всегда бываемъ тронуты несчастьемъ того, кого считаемъ своимъ сосоварищемъ; намъ представляется тогда, что судьба угрожаетъ и намъ самимъ, — и мы охотно оказываемъ помощь и поддержку, если можемъ; въ противномъ случаѣ мы имѣли бы видъ людей, открыто согласныхъ допустить, чтобы то же самое случилось въ подобномъ случаѣ и съ нами. Плуты, составляющіе большинство на свѣтѣ и

располагающіе наибольшими средствами, поддерживаютъ одинъ другого, даже не зная другъ друга лично; каждый изъ нихъ помогаетъ другому, какъ своему сотоварищу, и чувствуетъ себя обязаннымъ помогать, въ силу существующаго между ними тайнаго союза. Оставленіе завѣдомаго плута въ нуждѣ было бы для нихъ большимъ огорченіемъ: нищета между людьми, которые на словахъ, разумѣется, чтятъ добродѣтель, легко можетъ быть названа въ такихъ случаяхъ варой, а это можетъ послужить въ поношенію, — даже къ невыгодѣ всѣхъ другихъ плутовъ. Оттого имъ до того пріятно устранить это огорченіе, что весьма рѣдки случаи, когда бы плуты, если только они не совсѣмъ безвѣстные люди, не вышли очень сносно изъ постигнаго ихъ несчастья.

„Напротивъ, хорошіе и честные люди, рѣзко отличаясь отъ большинства, представляются ему существами другой породы, и оно не только не видитъ въ нихъ сотоварищей и пріятелей, но даже считаетъ ихъ какъ-бы непрічастными правамъ человѣческаго общества; въ этомъ качествѣ ихъ преслѣдуютъ — мы видимъ это ежедневно — съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ, смотря по степени низости помысловъ и по злокачественности того времени и того народа, среди котораго они живутъ. Какъ въ тѣлѣ животныхъ природа постоянно стремится выдѣлять соки и части, не подходящія къ тѣмъ веществамъ, изъ которыхъ составлено самое тѣло, такъ и въ людскихъ обществахъ та же самая природа заботится о томъ, чтобы люди, значительно выдѣляющіеся изъ посредственности, особенно когда это выдѣленіе ощущается какъ непріятность, уничтожались или вытѣснялись со всею возможною силой. Хорошихъ и честныхъ людей ненавидятъ еще и потому, что они обыкновенно искренни и называютъ вещи настоящими ихъ именами, а это — преступленіе, котораго люди не прощаютъ: они никогда не бываютъ такъ сильно озлоблены ни противъ того, кто творитъ зло, — ни противъ самаго зла, какъ противъ того, кто называетъ его по имени. Оттого часто случается, что кто говоритъ зло, тотъ приобретаетъ богатства, почести и силу, а кто называетъ его по имени, — того влекутъ на плаху: люди терпѣливо переносятъ все, посылаемое имъ другими или небомъ, если при этомъ падать ихъ на словахъ“.

Вотъ сколько горечи накопила жизнь въ чистой и чуткой душѣ поэта. Нельзя сказать, чтобы съ тѣхъ поръ условія человѣческаго существованія кореннымъ образомъ измѣнились къ лучшему.

Кому случилось быть въ Римѣ, тотъ, конечно, не разъ видѣлъ тамъ, въ своихъ прогулкахъ по Монте-Пинчіо, бюстъ Леонарди рядомъ съ другими знаменитостями Италіи. Этотъ бюстъ не особенно

удаченъ и не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Гораздо лучше небольшой портретъ поэта, приложенный его талантливымъ переводчикомъ къ тому изданію, по поводу котораго мы сказали нѣсколько словъ о Леопарди. Неправильныя острыя черты этого лица, на которомъ лежитъ печать страданія и пропіи, примечательно оригинальны. Нельзя придумать лучшей иллюстраціи къ произведеніямъ писателя, трагическая судьба котораго заключается именно въ его непреклонной вѣрности своей основной идеѣ, и который можетъ быть съ полнымъ основаніемъ названъ первымъ выразителемъ и первою жертвою новѣйшаго пессимизма.

В. К.

НЕКРОЛОГЪ

Николай Владиміровичъ Ханьковъ

р. 24 окт. 1819 г.—† 3-го (15-го) нояб. 1878.

Н. В. Ханьковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ дѣятелей, которые посвятили лучшую пору своей жизни на самостоятельное изученіе восточнаго вопроса и ближайшихъ нашихъ сосѣдей въ Средней-Азій. Курсъ наукъ онъ окончилъ въ царскосельскомъ лицей въ декабрѣ 1836 года, и поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ; это обстоятельство и представило ему случай отдаться вполне той спеціальности, на поприщѣ которой онъ скоро приобрѣлъ вполне заслуженную имъ извѣстность, какъ изслѣдователь средне-азиатской исторіи, географіи, этнографіи, лингвистики, и какъ собиратель восточныхъ рукописей, поднесенныхъ имъ въ даръ нашей Публичной Библіотекѣ. Въ 1843 г. появилось въ свѣтъ замѣчательное его сочиненіе: „Описаніе Бухарскаго ханства“, съ картою и планами, изданное азіатскимъ департаментомъ, и переведенное въ 1865 г. на англійскій языкъ барономъ Клемомъ. Не менѣе важенъ другой трудъ Ханькова: „Списокъ мѣстъ въ сѣв.-зап. части Средней Азій“, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически (2-е изд. 1855 г.). Последнимъ трудомъ Н. В. Ханькова былъ не такъ давно появившійся въ печати переводъ классическаго сочиненія Риттера „Иранъ“, съ комментаріями и дополненіями переводчика (1874 г.). Научныя заслуги покойнаго были оценены и за границею: въ 1861 г. Ханьковъ получилъ большую золотую медаль Географическаго Па-

рижскаго общества, которая выдается за открытія по землѣвѣдѣнію. О степени важности этой награды можно судить по тому, что въ теченіи почти пятидесятилѣтія, начиная съ 1837 года, такую медаль, кромѣ Ханькова, получили всего 6 лицъ: адмиралъ Баку, братья Шлагинтвейты, Беккеръ, Нахтигаль и Камеронъ. Отъ нашихъ специалистовъ слѣдуетъ ожидать теперь подробной оцѣнки научныхъ заслугъ покойнаго; мы, съ своей стороны, ограничимся нѣсколькими литературными чертами изъ послѣднихъ дней его жизни, заключенными въ перепискѣ покойнаго съ друзьями. Болѣзнь давно уже вынудила Н. В. Ханькова избрать лучший климатъ, подъ условіемъ сохранить при этомъ возможность продолженія научныхъ занятій; онъ и поселился въ Парижѣ, а лѣтнее время проводилъ обыкновенно въ его окрестностяхъ, въ Рамбулье, гдѣ и застала его смерть. Событія послѣднихъ лѣтъ должны были особенно интересовать Ханькова, какъ знатока восточныхъ дѣлъ, и въ своей перепискѣ онъ не разъ высказываетъ свои взгляды какъ на восточную политику, такъ и на то, что совершалось на его глазахъ въ западно-европейскомъ обществѣ. Счастливый случай доставилъ въ наше распоряженіе нѣсколько такихъ писемъ; пусть онѣ послужатъ матеріаломъ для біографіи покойнаго и дадутъ ему возможность, такъ сказать, продолжить свое существованіе, бесѣдуя съ нами, обращааясь къ намъ.

„10-го апрѣля 1878 г.

„24, rue des Écoles.

„Душевно благодарю за обязательное извѣщеніе о печальныхъ, но глубоко меня интересующихъ событіяхъ, болѣзни Ю. А. Гагемейстера и Д. А. М. Первый самъ извѣстилъ меня съ истинно-философскимъ спокойствіемъ о несомнѣнно-дурномъ исходѣ его болѣзни; второй же, я надѣюсь, поправится и съ обновленными силами будетъ продолжать свое тяжкое служеніе добру. Послѣднимъ трудомъ Гагемейстера будетъ, если онъ успѣетъ его окончить, исследование о производительныхъ силахъ Россіи, коимъ онъ сталъ заниматься во время болѣзни, чтобы разсѣяться отъ черныхъ мыслей, неизбежныхъ спутницъ всякаго смертнаго приговора. Предметъ этотъ дѣйствительно слѣдовало бы изучить. Знаменитая рѣчь Гостомысла варажскимъ князьямъ, повторенная 900 лѣтъ позже Державиннымъ въ извѣстныхъ его стихахъ:

Богатая Сибирь, наклонилась надъ столами,

Разсыпала по нимъ и злато, и серебро, и т. д.

— невольно врѣзались въ мозгъ каждаго русскаго, и онъ дѣйствительно думаетъ, что его отчизна, хотя холодна и сурова, но неистощимо богата, и что жадная Европа рада будетъ отсыпать ему всѣ свои капиталы, добытые ею терпѣніемъ, знаніемъ, бережливостью, предприимчивостью, изобрѣтательностью, настойчивостью, трудомъ тяжкимъ, неусыпнымъ, ежечаснымъ, въ теченіи долгаго времени,

только за допускъ ея къ этимъ кладямъ, хранящимся подъ пеленами снѣга и льда. Многое поддерживаетъ русскаго въ этихъ патріотическихъ фикціяхъ и суевѣріяхъ, но прежде всего то, что онъ богатъ сырцомъ, тогда какъ другіе богатѣютъ обдѣлкою этого сырого матеріала, безъ котораго и обдѣлывать было бы нечего, а слѣдовательно, жить и жить нельзя. Второй камень основы этой вѣры—заблужденіе, раздѣляемое, впрочемъ, и на Западѣ, что долго еще у насъ народонаселеніе будетъ развиваться въ прогрессіяхъ, давно уже невозможныхъ въ западной Европѣ... Первое самообогащеніе доступно только въ обществѣ, не дошедшемъ въ своемъ развитіи до признанія силы историческихъ законовъ и неумѣющаго еще обвинить поучительности прошедшаго. Иначе всякій бы легко понялъ, что основа западно-европейскому богатству составила въ эпоху, когда Россія была еще, такъ-сказать, *terra incognita* для Европы, и что, стало-быть, не только жизнь западной Европы возможна безъ помощи Россіи, но и въ самомъ обогащеніи ихъ русскій элементъ игралъ и играетъ очень второстепенную роль, что весь русскій сырецъ съ большою выгодною можетъ быть заимствованъ изъ Америки, а въ будущемъ вѣроятно будетъ получаться еще легче изъ Африки, куда, очевидно, англійская сила хочетъ перенести свою дѣятельность, если Индію будетъ трудно или невыгодно сохранять въ своей власти. Какъ въ южной Азіи англичане вытѣснили своихъ предшественниковъ, а потомъ соперниковъ, португальцевъ, голландцевъ и французовъ, такъ они сдѣлаютъ и въ Африкѣ, и Ливингстоны, Камероны, Бекеры, Гордоны и *tutti quanti*—въ другомъ видѣ Клейвы и Гастингсы будущей англо-африканской имперіи, съ тою только разницею, что въ азіатскій материкъ они могли проникать только съ юга, тогда какъ Африку они атакуютъ съ Египта, съ Мыса Доброй Надежды, съ Занзибара и со всего западнаго побережья, омывающаго Африку Атлантическаго океана. Розыски источниковъ Нила и уничтоженіе вывоза невольниковъ—хорошіе предлоги, а неистощимое плодородіе почвъ всей озерной внутренней Африки, превосходные водяные пути на з. и с., и богатства всѣхъ родовъ южной Африки и Мадагаскара—истинная *суть* этого движенія. До XVI-го вѣка въ Европѣ одна Ганза знала о существованіи Россіи въ промышленномъ смыслѣ; но, конечно, и для нея Россія не составляла главнаго источника обогащенія, а самые богатые европейскіе центры, какъ Венеція и Генуя, и вовсе насъ игнорировали, а все-таки ни одно европейское государство съ голода не помирало, и если теперь въ Европѣ голодъ немалымъ, то этимъ она обязана не русскому хлѣбу, а желѣзнымъ дорогамъ и правильности и скорости пароходныхъ сообщений.

Переходя теперь къ вопросу о народонаселеніи, нельзя не сказать, что онъ, повидимому, болѣе основателенъ, чѣмъ предыдущій,—но, къ сожалѣнію, и это только *повидимому*. Если мы сравнимъ статистическія таблицы хода народонаселенія у насъ и въ западной Европѣ, то *численная* быстрота увеличенія останется за нами. Но, принимая въ соображеніе, что въ этомъ столѣтіи мы воевали:

1) съ французами, 1805 г.	1 годъ.
2) „ турками, 1807—12 гг.	5 „
3) „ французами, 1812—14 гг.	3 „

4) „	ливонами, 1807 г.	1	„
5) „	персами	2	„
6) „	турками, 1828—29 гг.	2	„
7) „	поляками, 1880—81 гг.	2	„
8) „	хивинцами, 1839—40 гг.	1	„
9) „	венграми, 1849 г.	1	„
10) „	турками, француз., англич., итальянц. 53—55 гг.	2	„
11) „	поляками, 1863 г.	1	„
12) „	хивинцами, бухарцами и коканцами	4	„
13) „	турками, 1877—78 гг.	1	„

Въ 13 войнъ, всего. 26 лѣтъ

— что на Кавказѣ постоянно велась война съ 1818 по 1859 г., т. е. въ теченіи 41 года, что съ прежними составитъ 67 лѣтъ; что всѣ эти войны велись исключительно войсками, пополняемыми изъ русскаго населенія, — то окажется, что этому населенію изъ 78 лѣтъ XIX-го вѣка едва выдалось 11 полныхъ годовъ мира, когда это население могло оправиться. Не забудьте, что въ этомъ длинномъ спискѣ нашей воинственности я не упомянулъ кавказскихъ войнъ Цицианова, Гудовича и Ртищева; я не упомянулъ объ амурской экспедиціи. Присоедините къ этому холеру, посѣщавшую Россію съ 1829 года разъ десять, три или четыре значительныхъ голода, ежегодные пожары, уничтожающіе миллионы на тридцать народнаго достоянія и т. п., смертность, господствующую въ нашихъ пріютахъ незаконнорожденныхъ и, въ концѣ-концовъ, кабаководство, періодическое пораженіе народнаго богатства скотскими надежами, — и тогда только можно понять, какая сила жизни въ русской расѣ, но нельзя думать, что приращеніе ея идетъ естественнымъ порядкомъ. Каждое новое поволеніе смѣняется, не замѣняя предшествующаго ему. Болѣзненность въ народѣ, этотъ страшный тормазъ его правильнаго численнаго возрастанія, растеть у насъ быстрѣе, чѣмъ на Западѣ, и если вліяніе его не ослабнетъ, онъ не только будетъ держать въ равновѣсіи воспроизводительную способность русскаго народа, но, какъ во Франціи, отъ другихъ причинъ, одолѣетъ ее, и будущіе итоги народныхъ перенесей станутъ давать результаты отрицательные. Этому царствованію суждено было благотворно воснудиться всѣхъ трехъ народныхъ лѣтъ, и вліяніе его въ этомъ отношеніи такъ сильно, что можно надѣяться, что даже послѣдняя война съ Турціею не измѣнитъ къ худшему коренныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ теченіи его на благо народа...

„Мы помѣшали вчера окончить это письмо подачею № „Times“, въ коемъ я прочелъ съ отвращеніемъ рѣчь англійскаго перваго министра. Видитъ Богъ, что я не сторонникъ *quand même* —нашей политики относительно Турціи. Я убѣжденъ, что намъ было бы полезнѣе дожидаться окончательнаго разложенія этого историческаго трупа, и на тысячную долю того, что намъ стоила война, вырыть два Шербурга — одинъ около Одессы, другой на кавказскомъ берегу Чернаго моря, а на одну двухъ-тысячную — завести хорошій флотъ въ Черномъ морѣ; но все же это меня не миритъ съ іезуитскимъ тономъ рѣчи Биконсфильда. Чего онъ туда не вписалъ — и приниженаго положенія невооруженной Англіи, когда всѣ въ Европѣ вооружены,

и особой важности, придаваемой Пальмерстономъ 40 деревнямъ, отошедшимъ къ Молдо-Валахиі по парижскому трактату, и похвалы своимъ соперникамъ-врагамъ въ лицѣ лорда Кардвелля, — словомъ, если бы я былъ англичаниномъ, мнѣ было бы стыдно выслушать подобную защиту интересовъ моей страны, даже если бы я истолковалъ это, какъ оно и было въ сущности, невозможностью признаться въ истинныхъ побужденіяхъ, двигающихъ Англію на позидію защиту Турціи. Истинная причина этой политики была почти нѣ-хотя, или, правильнѣе, вскользь высказана сэромъ Генри Раулинсономъ въ послѣднемъ засѣданіи лондонскаго географическаго общества. Какой-то г. Брайсъ (Bruse) читалъ записку о своемъ восхожденіи на Арапатъ; чтобы придать интересъ этому мало интересному разсказу, лишенному всякаго научнаго значенія, путешественникъ вздумалъ пересыпать политическими замѣтками хвостъ своей повѣсти и замѣтилъ, что Россія, присоединяя себѣ Арменію по Саганлувскій хребетъ, приобретаетъ большой блокъ скалъ и почвы, залитой лавою, для извлеченія пользы изъ коей надобно располагать большими капиталами, которыхъ у Россіи долго еще не будетъ. Сэръ Генри, отвѣчая ему, сказалъ: „It was also true that the country was, financially, worthless. Although Russia might annex the whole country as far south as Lake Wan, it could never pay financially; but it would pay politically, in the *prestige* which it would confer“. Но въ этомъ, мнѣ кажется, англичане ошибаются. Конечно, если что могло насъ лишить этого „престижа“ въ глазахъ азіатцевъ, то это—несчастный исходъ крымской кампаніи, но помѣшало ли это намъ, съ обычною легкостью нашихъ азіатскихъ приобретеній, приурочить къ имперіи: Амурскій край, китайскій сѣверный Туркестанъ, Ташкентъ, Самаркандъ, Коканъ, и утвердить наше полное вліяніе на Хиву, Бухару и туркменъ? Престижа нашего въ Азій не поколеблѣютъ никакія наши европейскія неудачи; вотъ, если бы какая-нибудь *восточная* держава насъ одолѣла,—дѣло было бы другое. Дѣятельный антагонизмъ Англіи не помѣшалъ намъ въ 1812 г. присоединить Ленкоранъ, въ 1828 г. Эриванъ и Нахичеванъ, въ 1829 г. Ахалцыхъ и все восточное поморье Чернаго моря, и если бы покойный императоръ не боялся такъ въ виду Пальмерстоновскихъ гиперболъ страшной мощи Англіи, а начать бы съ нею борьбу немедленно по восшествіи Людовика-Филиппа на французскій престолъ, когда Пруссія и вся Германія были въ нашихъ рукахъ,—Англія въ настоящую эпоху поняла бы, что китъ хотя и большой звѣрь, но все же слону онъ ничего сдѣлать не можетъ, крошѣ урѣзки пицци, но и денежнымъ голодомъ однако его одолѣть онъ не въ состояніи...

Парижъ, 12 апр. 1878.

Вскорѣ послѣ этого письма, Ханьковъ получилъ извѣстіе о смерти Ю. А. Гагемейстера, виѣстѣ съ благодарностью за высланную имъ изъ Парижа брошюру Гизо; эта послѣдняя и послужила ему темою новаго письма:

„Рамбулье, 29-го апр. (11-го мая) 1878.

„16, rue de l'Hopital.

„.... Я очень радъ, что брошюра Гизо ¹⁾ понравилась Вамъ. Въ ней дѣйствительно много дѣльнаго и хорошо примѣнимаго къ нашему времени; главное же ея достоинство въ моихъ глазахъ, это—напоминание о той странной эпохѣ, пережитой западной Европой, гдѣ вслѣдствие многихъ и многихъ причинъ вдругъ развилась повальная духовная болѣзнь въ заговорахъ. Въ Германіи—тугендбундъ, въ Италіи—карбонари, во Франціи—„друзья свободы“, члены „красной булавки“ и т. д. —все это пустилось заговаривать и заговариваться, тѣмъ не менѣе никакого особеннаго вреда отъ этого не вышло, и будь правительство Карла X немного ловче, не выходило оно такимъ поддразнивающимъ публику образомъ изъ правилъ имъ самимъ принятой хартіи, не было бы и революціи 1830 года, въ особенности если бы оно дождало до извѣстія о взятіи Алжира. Такъ какъ у насъ зашла рѣчь объ этой эпохѣ, непосредственно слѣдовавшей за вѣнскимъ конгрессомъ, то я совѣтую Вамъ прочесть, если Вы не читали, маленькую поэму Томаса Мура „Fudge's family in Paris“; одинъ изъ членовъ этой великобританской семьи, бѣдный *cousin*, сопровождающій своихъ родственниковъ въ Парижъ, гдѣ послѣ Ватерлоо англичанъ ненавидѣли—Кассандра своего времени и предсказываетъ все, что должно произойти изъ несправедливыхъ рѣшеній вѣнскаго конгресса. Предсказанія эти дѣлаютъ большую честь прозорливости Мура и во многомъ разъясняютъ потребность той эпохи въ заговорахъ.

„Я на выставкѣ еще не былъ“ и т. д.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ханьковъ возвращается къ тѣмъ апрѣльскаго письма, къ восточному вопросу, и опять по поводу новыхъ явленій въ текущей литературѣ, но на этотъ разъ специально говорить о мотивахъ англійской политики за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ:

„Рамбулье, 15-го (27-го) іюня 1878 г.

„... Я на-дняхъ получилъ изъ Оренбурга письмо съ брошюрой о Каракумской степи и съ просьбой сообщить мое мнѣніе о результатахъ, добытыхъ тщательнымъ изслѣдованіемъ этой степи относительно проведенія въ ней желѣзной дороги. Я былъ очень радъ, найдя въ своихъ путевыхъ журналахъ 1841 г. полное подтвержденіе словъ брошюры...

„Бы мнѣ какъ-то мелкою писали, что поглощены интересомъ чтенія III-го тома жизни принца-консорта (принцъ Альбертъ) и чтеніемъ писемъ королевы Викторіи ²⁾. Дѣйствительно, письма эти очень поучительны для насъ. Они явно показываютъ, какъ ошибочна была наша политика относительно Англіи въ теченіи всѣхъ 25 лѣтъ прош-

¹⁾ Ханьковъ говоритъ о рѣдкой въ наше время брошюрѣ Гизо: „Des conspirations et de la justice politique. Par. 1821“.

²⁾ The life of H. R. H. the Prince-Consort, by Th. Martin. Vol. III, Lond. 1878.

лаго царствованія. Королева была скрытна, какъ всякая благовоспитанная альбіонка; но все же было два основанія заподозрить ее въ руссофобіи: 1) благоговѣніе ея предъ мнѣніями Веллингтона, и 2) вліяніе, коимъ пользовался у нея принцъ Альбертъ. Веллингтонъ не скрывалъ своего руссофобства, по смерти Каннинга, послѣднимъ политическимъ актомъ коего было разрѣшеніе англійскому флоту съ нашими кораблями и кораблями французовъ уничтожить турецкій флотъ подъ Навариномъ; онъ во всѣхъ своихъ публичныхъ рѣчахъ обличалъ наши честолюбивые замыслы на Востокъ и доказывалъ необходимость Англійи сопротивляться этому честолюбію *quand-même*. Принцъ Альбертъ, конечно, былъ осторожнѣе. Вліяніе покойнаго государя на германскія правительства было такъ сильно, что, конечно, не Кобургцу было высказываться противъ него, но выдавая себя за человѣка, исключительно преданнаго идеямъ либерализма и прогресса, онъ не могъ сочувствовать идеямъ строгаго консерватизма Николая Павловича и весьма естественно привилъ женѣ убѣжденіе, сформулированное гдѣ-то у Гейне: „Zwei Sachen verdanken wir in Deutschland dem russischen Einflusse: Despotismus und Cholera“. Навивность руссофобіи въ лицахъ, очень угодныхъ королевѣ, вслѣдствіе ихъ хорошихъ отношеній къ принцу-консورتу, всегда поражала меня своими размѣрами. Такъ, напримѣръ, я помню одинъ разговоръ съ М-г Chadwick'омъ, устраивавшемъ когда-то, по идеѣ принца Альберта, дома для бѣдныхъ мастеровыхъ и получающаго порядочную пенсію изъ суммъ, составляющихъ собственность королевы. Между прочимъ, онъ договорился до того, что Европа позволила намъ завладѣть Крымомъ и Закавказьемъ, въ надеждѣ, что мы сдѣлаемъ эти страны болѣе безопасными для лицъ и имуществъ и болѣе образованными, чѣмъ это было подъ турецкимъ владычествомъ, но что теперь, какъ Европа убѣдилась, почти столѣтнимъ опытомъ, что мы этого не могли достичь, *слѣдуетъ* земли эти у насъ отобрать и возвратитъ прежнимъ властителямъ. Я сначала этому посмѣялся, но, вспомнивъ, кто мнѣ это говоритъ, невольно призналъ въ этихъ откровенныхъ послѣбѣдненныхъ изліяніяхъ отголоски того, что говорятъ о насъ въ интимномъ обществѣ королевы — и пересталъ смѣяться. Изъ всѣхъ руссофиловъ ни одинъ, кромѣ сэръ Родерика Мурчисона, не пользовался благосклонностью королевы Викторіи, да и тотъ обязанъ этимъ не геологическимъ изслѣдованіямъ, а тому, что былъ послѣдній живой адъютантъ Веллингтона.

„У васъ должно быть сердито на Парижскую выставку, такъ какъ, кромѣ безсмысленнаго ординарца здѣсь Н. Н. М—ва, ни вы, ни Г—ъ, ни А—а, ни Н—и, ни З—цкій сюда не собираетесь!.....“

Приведемъ еще одно письмо, писанное за мѣсяцъ до смерти, и опять по поводу литературныхъ вопросовъ дня и появившихся въ послѣднее время новыхъ брошюръ въ области публицистики, въ связи съ тѣмъ же письмомъ отъ 29-го апрѣля:

„Рамбуль, 5-го октября 1878 г.

„.... Réveillaud совершенно правъ ¹⁾. Буржуазія, достигшая путемъ отрицанія и бунта того завиднаго матеріальнаго положенія, въ которомъ она нынѣ находится, думаетъ закрѣпить его за собою и за своимъ потомствомъ, соединившись даже съ нѣкоторымъ подчиненіемъ, какъ прежнее дворянство, клерикальному началу. Отчасти мнѣніе это не лишено основанія, такъ какъ народъ, *peuple*, т.-е. единственный классъ современнаго общества, отъ коего буржуазія можетъ ожидать удара, сильно связанъ съ клерикалами, если не по симпатіи къ этому направленію, то по вліянію своихъ жентъ, въ числѣ коихъ незаклерикаленныя составляютъ малѣйшее исключеніе. Но при этомъ буржуазія вовсе не обращаетъ вниманіе на то, что въ прошедшей монархической и дворянской Франціи клерикалы были вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрующіе, а теперешніе клерикалы всѣ процѣжены чрезъ Вольтера и энциклопедистовъ. Крестоносецъ и его потомки до XVIII-го вѣка видѣли въ патерѣ единственнаго спасителя отъ наказанія за разгульную и преступную жизнь; а клерикалъ-буржуа видѣтъ въ церковномъ институтѣ хорошо организованную полицію, содержаніе которой ему мало стѣбитъ, но дѣйствія коей чрезъ жентъ весьма ощутительны и въ смыслѣ консерватизма матеріальныхъ благъ. Кромѣ того, клерикализмъ съ вѣрою прямо велъ къ монархизму; клерикализмъ же безъ вѣры не ведетъ никуда и обманетъ буржуазныхъ клерикаловъ въ ихъ расчетахъ. Къ этимъ общимъ причинамъ присоединилось и то особенное обстоятельство, что Людовику-Наполеону надобно было подкрѣпить свое царствованіе жи на какихъ-либо основахъ, и онъ выбралъ ихъ, съ свойственнымъ отсутствіемъ логичности, а именно: клерикализмъ, народность и социализмъ. Конечно, чепушистое соединеніе это самыхъ противоположныхъ элементовъ на его же голову пало взорванными имъ осколками. Клерикализмъ первый отвернулся отъ него; затѣмъ итальянская и нѣмецкая народности, совокупившись, дали второй сильнѣйшій толчокъ Франціи; третій—пока еще ожидается.

„Что-же касается до фразъ Фриза ²⁾ и Мингетти ³⁾, то, по-моему,

¹⁾ Къ Ханкову обращенъ былъ вопросъ, не преувеличиваетъ ли Ревель, авторъ брошюры: „La question religieuse et la solution protestante. Par. 1878“—утверждалъ, что въ послѣднее время во Франціи клерикализмъ дѣлаетъ ужасающіе успѣхи, грозящіе дальнѣйшему прогрессу европейской цивилизаціи. Это, именно, и утверждается въ брошюрѣ Ревель.

²⁾ „Noch nicht einmal hundert Jahre sind verflossen, seit in einer furchtbaren Revolution der tausendjährige Staat des Mittelalters zusammenstürzte und sich auf dessen Trümmern der moderne bürgerliche Staat erhob, und schon stehen wir wieder, allem Anscheine nach, an der Schwelle einer noch viel grössern Umwälzung, durch welche nicht bloss eine Staatsform, sondern die bestehende Gesellschaftsform in Frage gestellt wird“. — *Fries*: Die sociale Frage. Zürich, 1878.

³⁾ „Tutto cio che si attiene alla politica, al giure, alla economia, si va rimutando, e noi assistiamo ad una grande trasformazione della società, dei suoi ordini e delle sue leggi. — *Minghetti*: Stato e chiesa. Milano, 1878.

это—реторика. То же сказано было Шиллеромъ, 78 лѣтъ тому назадъ, но, само собою разумѣется, гораздо изящнѣе:

.... Es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen.

Какъ подготовляются физическіе катаклизмы? Матерія, составляющая внѣшнюю оболочку планеты, непрерывно мѣняетъ формы своихъ частицъ, совокупленія конихъ чрезъ то получаютъ различныя плотности. Отъ этого мѣняются и другія силы, какъ-то: сдѣляемость, взаимное притяженіе, упругость и т. д.; прежнія формации разлагаются; образуются новыя болѣе или менѣе устойчиваго равновѣсія, и вдругъ эта кривая, выражающая ходъ этихъ метаморфозъ планетной матеріи, быстро возвысится, или упадетъ. При всякомъ изъ этихъ скачковъ, либо Лиссабонъ залетѣть водою, либо вдавится Мертвое море, либо Везувій начнетъ послѣ 1000-лѣтняго покоя извергать пламя, и люди при видѣ этого катаклизма думаютъ, что случилось что-либо необычайное, между тѣмъ какъ все шло и идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, и только кривая метаморфозъ матеріи сдѣлала крутой погибъ вверхъ или внизъ. Она шла отъ a_1 къ a_2 , къ a_3 и т. д., и вдругъ именно оттого, что шла по этимъ точкамъ, вдругъ на точкѣ a_n дѣлаетъ скачекъ къ a_{n+1} . Точно также дѣлается и въ социальномъ мірѣ. Соприкосновенія людей мѣняютъ формы ихъ отношеній, установившійся порядокъ этихъ отношеній быстро измѣняется, затѣмъ снова взволнованныя части находятъ свой *modus vivendi*, и опять нѣсколько лѣтъ онъ идетъ до новаго катаклизма...

Это письмо обрывается за недостаткомъ мѣста; „негдѣ и протиться съ Вами“—прибавляетъ Ханыковъ, замѣтивъ, что и четвертая страница исписана имъ до конца.

М. С.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Англія и Афганистанъ.

Въ наше время военныя приготовленія и самую войну въ Европѣ принято оправдывать принципами гуманности, національными сочувствіями или—по меньшей мѣрѣ—международнымъ правомъ. Но для войнъ, предпринимаемыхъ европейскими правительствами внѣ Европы, подобныя оправданія считаются излишними. Въмѣсто оправданій, здѣсь являются простыя объясненія интересовъ—и объясненія самыя безперемонныя. Предлогами служатъ обыкновенно просто соображенія о необходимости „обезпечить границу“, „наказать дерзость“, „проложить пути для торговли“ и т. п. Такъ и предпринятая въ прошломъ мѣсяцѣ англійскимъ правительствомъ война противъ кабульскаго эмира Ширъ-Али была объяснена только „необходимостью“ наказать его за нанесенное Англіи оскорбленіе и обезпечить сѣверо-западную границу британской Индіи отъ покушеній „далекаго“ неприятеля, т. е. Россіи.

Какъ первое объясненіе было несправедливо,—такъ второе было нелогично. Въ чемъ состояло оскорбленіе, нанесенное Англіи кабульскимъ эмиромъ? Въ іюлѣ нынѣшняго года Ширъ-Али принялъ въ Кабулѣ русское посольство. Тогда генераль-губернатору британской Индіи, лорду Литтону, было предписано предъявить эмиру нѣкоторыя требованія. Изъ депеши министра по дѣламъ Индіи, лорда Кранбрука, отъ 6/18 ноября, къ лорду Литтону, недавно обнародованной, мы узнаемъ, что тѣ требованія заключались, будто бы, только въ томъ, чтобы эмиръ допустилъ въ Кабулѣ англійское посольство, предводимое сэромъ Невиллемъ Чамберленомъ; эмиру, будто бы, объяснялось только, что такъ какъ два года тому назадъ онъ отказался принять англійское посольство, подъ предлогомъ заботливости объ его безопасности, а теперь допустилъ въ Кабулѣ посольство Россіи, которая соглашеніемъ съ Англіею въ 1872 году признала Афганистанъ лежащимъ внѣ области ея дѣйствій (beyond its sphere of action), — то затѣмъ онъ уже не имѣетъ благоразумнаго повода отказывать (could not reasonably refuse) принять англійское посольство.

Сомнительно, чтобы тогдашнія требованія ограничивались этимъ, такъ какъ вслѣдъ за „оскорбленіемъ“, т. е. за новымъ рѣшительнымъ

отказомъ допустить въ Кабульъ английское посольство, эмиру были предъявлены (какъ мы узнаемъ изъ того же документа) требованія не только объ извиненіи съ его стороны, но уже о допущеніи *посольства* въ Кабульъ английского посольства. Ясно, что это пребываніе нисколько логично не истекло ни изъ отказа Ширъ-Али принять хотя бы временное английское посольство, ни изъ самаго „оскорбленія“. Еще менѣе логично слѣдовало изъ нихъ заявленное герцогу Виконсфилдомъ, въ его рѣчи въ Гильдголлѣ, требованіе о „научномъ исправленіи границы“. Правда, объ этомъ послѣднемъ требованіи ничего не упоминается въ депешѣ лорда Кранбрука, но какими же образомъ первый министръ могъ упоминать о немъ за обѣдомъ, если оно не было въ дѣйствительности включено въ заявленный Ширъ-Али ультиматумъ? Впрочемъ, даже английскія газеты признаютъ подозрительный пропускъ этого требованія въ депешѣ лорда Кранбрука, налагающей весь ходъ переговоровъ, а потому мы должны принять, что оно было включено въ ультиматумъ.

Но теперь, спрашивается, возможно ли полагать, что посольство Чамберлена не имѣло иной цѣли, какъ только послужить отвѣтной демонстраціею на вріенъ въ Кабульъ русскаго посольства? По всей вѣроятности, лордъ Литтонъ тогда же въ письмѣ, полученномъ эмиромъ 10-го сентября, потребовалъ отъ Ширъ-Али чего-нибудь сверхъ допущенія сэра Н. Чамберлена въ Кабульъ. Иначе нельзя объяснить себѣ содержанія послѣдовавшаго затѣмъ ультиматума. Въ самомъ дѣлѣ: логично ли вслѣдствіе отказа независимаго владѣтеля допустить въ свою столицу временное английское посольство — потребовать, чтобы онъ, сверхъ извиненій за обиду, допустилъ *посольство* пребываніе у себя посольства, да еще согласился на „исправленіе границы?“ Ясно было, что уже въ первомъ обращеніи лорда Литтона къ кабульскому эмиру должно было заключаться что-нибудь похужее на тѣ требованія, которыя потомъ были предъявлены ему въ видѣ ультиматума.

Теперь слѣдуетъ объяснить, въ какомъ положеніи находился Ширъ-Али по отношенію къ подобнымъ домогательствамъ со стороны Англіи, основаннымъ на нѣсколько разъ повторенныхъ напоминаніяхъ о давности дружественныхъ сношеній ея съ эмиромъ, на трактатѣ 1855 года съ Достъ-Магомедомъ, — и, наконецъ, на соглашеніи 1872 года между Англіею и Россіею, при которомъ Кабульъ назывался независимымъ государствомъ, такъ что Англія отказывалась даже гарантировать, что изъ него не будетъ совершено вторженій въ концы, признанный нейтральнымъ между обѣими европейскими державами.

Эмиръ не могъ не знать, что Англія еще три года тому назадъ

задумала покончить конецъ независимости Афганистана, такъ какъ ея дѣйствія противорѣчили и договору 1855 года съ Достъ-Магометомъ, и соглашенію 1872 года между Россією и Англією. Достъ-Магометъ всегда отказывалъ Англіи въ приѣмѣ ея посольства, и всего черезъ годъ по заключеніи трактата съ Англією, а именно въ 1856 году—объявилъ, что дружба его съ Англією возможна только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы отъ него не требовали допущенія въ его страну англійскихъ офицеровъ. Далѣе—келатское ханство, входящее въ составъ Афганистана, признавалось Англією подвластнымъ Ширъ-Али, и ханство это было признано частью Афганистана въ 1872 году, при соглашеніи Англіи съ Россією. Между тѣмъ, въ 1876 году, когда еще даже не началась война Россіи съ Турцією, остъ-индское правительство пригласило и Ширъ-Али, и хана келатскаго присутствовать въ Дели при торжественномъ обрядѣ провозглашенія королевы англійской — „императрицею Индіи“. Ширъ-Али не принялъ этого приглашенія и призналъ его обиднымъ для себя, такъ какъ остъ-индское правительство не имѣло права считать его вассаломъ „императрицы Индіи“. Но келатскій ханъ поѣхалъ въ Дели. Предварительно, съ келатскимъ ханомъ заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго остъ-индское правительство обязалось уплачивать ему ежегодно по 12 тыс. фунт. стерлинг., а ханъ дозволилъ англичанамъ содержать гарнизоны въ нѣкоторыхъ пунктахъ его владѣній, строить желѣзныя дороги и укрѣпленія. Результаты этого договора были слѣдующіе: въ Келатъ назначенъ былъ военный англійскій резидентъ, а англійскія войска заняли весьма важный Боланскій проходъ, открывающій доступъ въ Афганистанъ съ юга, по направлению къ Кандахару, откуда дорога идетъ чрезъ Газни въ Кабулъ, а изъ Кабула—въ Самаркандъ. За Боланскимъ проходомъ англичане тогда же заняли городъ Кветту.

Спрашивается: могъ ли равнодушно смотрѣть на эти дѣйствія, не вызванныя ни малѣйшей виной со стороны кабульскаго эмира — Ширъ-Али? Если уже говорить объ оскорбленіи, то скорѣе всего слѣдуетъ допустить, что такіа дѣйствія англичанъ были явнымъ оскорбленіемъ верховнаго влстителя Афганистана — эмира кабульскаго.

Какъ владѣтель независимый, онъ имѣлъ полное право принять *гражданское* посольство русское и отказать въ приѣмѣ такого посольства англійскаго, которое вело къ нему предложенія, несообразныя съ его независимостью и состояніемъ—по общему предположенію—въ допущеніи *постоянныхъ* англійскихъ резиденто въ Кабулъ, Кандахаръ и Гератъ, а сверхъ того еще какое-то исправленіе границы. Занятіе Кветты англичанами было уже угрожающимъ Афганистану

дѣйствию. Но, прежде чѣмъ Ширъ-Али могъ нанести Англіи „оскорбленіе“ отказомъ отъ принятія ея посольства, само ость-индское правительство нанесло ему явное оскорбленіе тѣмъ, что англійское посольство, сопровождаемое вооруженнымъ отрядомъ, *сиде не домогавшеся* отбѣта Ширъ-Али на полученное имъ 10 сентября письмо лорда Литтона, въѣхало въ Кабулистанъ 21 сентября. Такая дерзкая навазчивость исключала уже всякую деликатность въ сношеніяхъ, и было совершенно естественно, что когда сэръ Н. Чамберленъ прибылъ въ укрѣпленію Аламоскиду, въ Хайберскомъ ущельѣ, то начальникъ афганскаго гарнизона объявилъ англійскому посольству, что не пропуститъ его далѣе. Вслѣдъ затѣмъ въ Англію забѣда тревогу объ оскорбленіи, нанесенномъ ей кабульскимъ эмиромъ, и „дѣятели“ стали разрабатывать этотъ вопросъ на всѣ лады. Все дѣло было объяснено коварными просками Россіи; отказъ въ допущеніи англійскаго посольства послѣ дружественнаго приѣма посольства русскаго (котораго нѣкоторые члены и по сію пору остаются въ Кабулѣ) былъ выставленъ какъ такое посягательство на честь Великобританіи, котораго англійская нація ни въ какомъ случаѣ не могла стерпѣть.

Приняли „постыдныя времена“ Гладстона, толковалось торійское печатію; нѣмѣннее правительство Великобританіи сумѣло остановить самую Россію передъ воротами Константинополя; оно не дозволило ничтожному полу-варварскому вождю, и такъ далѣе, и т. д.

Между тѣмъ, стоить только справиться съ фактами, и убѣдишься, что и „оскорбленіе“ и проски Россіи тутъ не причеиъ, а что еще два года назадъ, за годъ до войны Россіи съ Турціею, торійское министерство рѣшилось отказаться отъ всей прежней политики ость-индскихъ генералъ-губернаторовъ по отношенію къ Афганистану, и приняло новую систему обезпеченія сѣверо-западной границы Остъ-индіи отъ „далекаго непріятеля“; такую систему, которая заключалась въ уничтоженіи самостоятельности Афганистана. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ депешѣ англійскаго министра (лорда Крабрука), обнародованной въ прошломъ мѣсяцѣ, когда Англія официально состоитъ въ „дружественныхъ отношеніяхъ“ къ Россіи, неходится одно довольно-важное выраженіе. Лордъ Крабрукъ напоминаетъ лорду Литтону, что, допустивъ въ свою стрічку русское посольство и обязавшись принять посольство англійское, кабульскій эмиръ не исполнилъ трактата 1855 года, который обязывалъ его „быть другомъ нашихъ друзей и врагомъ нашихъ враговъ“ (*The friend of our friend and the enemy of our enemies*), то-есть поступать въ смѣхъ явиле противоназаченному типу, какъ оиъ поступилъ. Читая, Россіа, въ официальномъ документѣ англійскаго министра, обнародован-

номъ въ ноябрѣ 1878 года; кельоннымъ образомъ причисленъ къ врагамъ Англіи.

Мы уже говорили о занятіи англійскими войсками Кветты и работѣ военной дороги, ведущей чрезъ Болашскій проходъ въ Афганистанъ, но направленію въ Бандахару и напомнили, что это было сдѣлано за три года до „оскорбленія“, которымъ имѣе объясняться необходимость вторженія въ самый Кабуль.

Но планъ о занятіи въ Афганистанѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, и въ числѣ ихъ именно Кветты возникалъ еще гораздо раньше; о немъ была рѣчь еще при жизни прежняго эмира Достъ-Магомета, который былъ другомъ англичанъ. Если планъ этотъ не былъ приводимъ въ исполненіе, то только потому, что въ прежнее время британское министерство болѣе принимало въ расчетъ мнѣніе мѣстнаго управленія. А начальники этого управленія — какъ имѣе оказывается изъ заявленій бывшихъ генералъ-губернаторовъ Индіи, лорда Лауренса и лорда Нортбрука — были постоянно противъ занятія пунктовъ въ Афганистанѣ. Въ „Daily News“ приведено недавнее мнѣніе, высказанное по этому предмету еще въ 1858 году генераломъ сэромъ Г. Эдвардсомъ, который рѣшительно осуждалъ предложеніе о занятіи Кветты и говорилъ, что подобныя дѣйствія Англіи имѣли бы непрямѣннымъ послѣдствіемъ: сближеніе афганскихъ народовъ съ Россією. Итакъ, за 10 лѣтъ до имѣннаго оскорбленія, англійскій генералъ предсказалъ, что нѣчто въ родѣ этого оскорбленія, то-есть сближеніе афганцевъ съ Россією, должно явиться именно какъ послѣдствіе занятія Кветты. При обсужденіи того же вопроса въ естъ-индскихъ военныхъ кругахъ во время переговоровъ съ Россією объ установленіи „нейтральной полосы“, при министерствѣ Гладстона, одержало верхъ мнѣніе, что Англіи не можетъ быть расчета зимой идти на встрѣчу Россіи и принимать на себя преодоленіе трудностей похода въ Афганистанъ для встрѣчи съ нею. Тогда разсуждали такимъ образомъ: граница англійскихъ владѣній тамъ, гдѣ стоитъ передовой англійскій пикетъ; выгодноѣе, чтобы онъ былъ отдѣленъ отъ Россіи громаднымъ хребтомъ Гиндукума, ущельями Афганистана, воинственными его племенами и удаленностью пути; при такихъ условіяхъ вся трудность дѣла падаетъ на русскихъ войска, которые пошли бы на англійскія владѣнія; нѣтъ разсчета снимать эту задачу съ нихъ, идти имъ навстрѣчу и удалаться отъ нашего базиса.

Но лордъ Виконсейльдъ — приверженецъ политики наступательной. Мнѣнію всѣхъ прежнихъ генералъ-губернаторовъ онъ предпочелъ составленный сэромъ Бартлемъ Фреремъ планъ занятія Кветты и утвержденія англійскими резидентами въ главныхъ городахъ Афганистана. Какъ уже сказано выше, лорду Литтону было предписано

послать Шир-Али ультиматумъ, который требовалось, чтобы онъ далъ согласие на постоянное пребываніе въ Кабуль англійскаго послѣдствѣ (это объявлено въ депешѣ лорда Крабрука 6 (18) ноября), на исправленіе границы (это требованіе заявлено въ рѣчи лорда Биконсфилда въ Гильдхоллѣ) и на возвращеніе англійскихъ резидентовъ въ другіе главные города Кабулистана; сдѣланіе объ этомъ требованіи основано только на слухахъ, но оно согласно съ планами сэра Вартли Фрера, который принятъ въ руководство, начиная съ 1876 года. Орекомъ для утвердительнаго отвѣта эмира назначено было 8 (30-го) ноября, причѣмъ ему было объявлено, что въ противномъ случаѣ „его намѣренія будутъ признаны враждебными и съ ними поступать, какъ съ открытыми врагами“ (and to treat him as a declared enemy).

Дѣйствительно, на другой же день, то-есть 7 (31) ноября, англійскія войска изъ Пеншавера, на р. Индѣ, перешли границу и вступили въ Афганистанъ по дорогѣ чрезъ Хайберскій проходъ на Кабуль. Этотъ пеншаверскій отрядъ находится подъ главнѣйшимъ начальствомъ генерала Броуна и состоитъ изъ 10,364 чел., въ томъ числѣ 7,544 англичанъ. Другой такъ-называемый куранскій отрядъ направился въ Жалотъ и укрѣпленія Тѣлла, находящіяся недалеко отъ Пеншавера, по дорогѣ болѣе южной и ведущей параллельно пути пеншаверскаго отряда на афганскую крѣпость Куранъ, на Ниванскій и Шутуръ-Гардаскій проходы, далѣе также на Кабуль со стороны юга. Этотъ отрядъ состоитъ, по числу начальствомъ генерала Ребертса, изъ 5,776 чел., въ томъ числѣ 1616 англичанъ. Оба эти отряда должны взаимно согласовать свои дѣйствія, такъ какъ имъ общимъ объектомъ служить столица эмира — городъ Кабуль. Совершенно самостоятельное назначеніе имѣеть третій, вьетскій отрядъ. Квотта находится въ рукахъ англичанъ и соединяется съ британскою Индіей дорогою изъ Шинартура (на р. Индѣ) на одинъ изъ главныхъ городовъ Афганистана — Кандагаръ; здѣсь, южнее Квотты, находится Веланскій проходъ, въ которомъ англичане проложили удобную дорогу, съ тѣмъ цѣлю, какъ они овладѣли Квоттой. Но въ Квоттѣ была только небольшая гарнизонъ. Предназначенный для дѣйствія здѣсь отрядъ вышелъ изъ Ханпура на Индѣ, по дорогѣ чрезъ Дера, Дадуръ и Веланскій проходъ на Квотту. Передовая часть этого отряда (генералъ Вилдольфъ) только теперь достигъ Квотты; за нѣмъ послѣдуетъ остальная часть, которая стануло въ Инду также вблизи Ханпура, а именно въ Мультанѣ. Эта вторая часть вьетскаго отряда находится подъ личнымъ начальствомъ генерала Стюарта, который имѣетъ званіе главнокомандующаго вьетскаго отряда. Поэтому, когда идетъ рѣчь объ отрядахъ „квоттскомъ“ и „мультанскомъ“

отдѣльно, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что это только часть одного и того же кавалерійскаго отряда ген. Стюарта, изъ которыхъ передовая колонна подъ начальствомъ ген. Вилдальфа. Въ этой передовой части состоитъ 5,260 чел., а въ остальной 6,880 чел.; всего подъ главнымъ начальствомъ ген. Стюарта находится 11,590 чел., въ томъ числѣ 8,880 англичанъ. Назначеніемъ отряда ген. Стюарта служить отвлечь часть силъ Ширъ-Али къ югу и занявъ Кандахара поколебать власть эмира въ этой болѣе отдаленной части Афганистана; быть можетъ — вызвать возстаніе въ пользу сына его и отставленнаго брата — Януба. Изъ Кандахара можно будетъ затѣмъ дѣйствовать и противъ Кабула съ третьей стороны, то-есть съ востока; но для этого требовалось бы совершить громадный обходъ и овладѣть крѣпостью Гузни или Гузен, находящейся на двухъ-третяхъ пути отъ Кандахара къ Кабулу. Сомнительно, чтобы такое предпріятіе было исполнимо и вѣроятно, и Стюартъ ограничится занятіемъ Кандахара. По свѣдѣніямъ корреспондента Daily News, Ширъ-Али ненамѣренъ и защищать этого города, полагаясь на крѣпость Гузни; въ такомъ случаѣ диверсія тутъ и не произойдетъ, развѣ что она пойдетъ въ видѣ возстанія въ пользу Януба.

Военныя дѣйствія до сихъ поръ подвинулись еще недалеко и ограничились тѣмъ, что ген. Броунъ вступилъ въ Хайберскій перевалъ и занялъ 22 ноября находящееся въ этомъ перевалѣ укрѣпленіе Алимескидъ, а ген. Робертсъ занялъ Курумъ. Укрѣпленіе Алимескидъ находится въ мѣстности, имѣющей 2,483 ф. высоты надъ уровнемъ моря; самое укрѣпленіе стоитъ на утесѣ, который возвышается на 600 ф. надъ дномъ ущелья. Но оно командуется другими, окружающими его высотами. Помянуто, что форть не долго устоялъ противъ дѣйствія 40-ка-фунтовыхъ английскихъ орудій, хотя самъ очень живо отвѣчалъ пальбою изъ 7-ми-фунтовыхъ пушекъ и дѣйствіемъ гранатъ. Послѣ дѣйствія артиллеріи, данута была пѣхота съ фронта и фланговъ, но наступленіе ночи прекратило бой, а на другой день англичане заняли Алимескидъ отпущенными имъ заняли его. Въ Алимескидѣ къ Броуну подошли его кавалерія, состоящая подъ начальствомъ ген. Макферсона. Подвигавшись далѣе, въ Хайберскію ущелью, ген. Броунъ 25 ноября занялъ укрѣпленный пунктъ Дакка, также оставленный непріятелями. Здѣсь уже начинается большое Кайберское ущелье и начинается малое — Хурдъ-Кайберъ. Тутъ дорога становится столь узкою, что мѣстами два всадника не могутъ вѣсть рядомъ. Затѣмъ ближайшій городъ, также укрѣпленный — Джеллабабадъ. За Джеллабабадомъ открываются другіе перевалы и ущелья, крайне трудныя для перехода. Такъ Хурдъ-Кабуль имѣетъ

7,466 футовъ высоты надъ уровнемъ моря; переходъ черезъ него явномъ почти невозможенъ.

Корреспондентъ „Daily News“ ссылается на рассказъ майора Гофа (Hough), который участвовалъ въ экспедиціи въ Афганистанъ 1888 — 89 годовъ и проходилъ этотъ перевалъ. Гофъ приводитъ случаи замерзанія людей; онъ пишетъ, что когда кавалерія переходила чрезъ ручьи, то ноги лошадей и сапоги всадниковъ при выходѣ изъ воды тотчасъ покрывались слоемъ льда; самъ командующій отрядомъ, Каттонъ былъ одѣтъ въ гусарскомъ доломанѣ, окаймленномъ такою широкой и толстою полосой льда, что когда этотъ слой отвалился, онъ буквально оторвалъ съ собой нѣсколько пугоницъ. Тотъ же корреспондентъ положительнo отрицаетъ возможность, чтобы пешаварская, да и курамская колонны зимою прошли чрезъ эти перевалы и приблизились къ Кабулу. Онъ признаетъ необыкновеннымъ зимній переходъ нашихъ солдатъ чрезъ Балланы, но замѣчаетъ, что, во-первыхъ, Хурдъ-Кабулъ на 2 тысячи футовъ выше, чѣмъ который либо изъ балланскихъ переваловъ, а, во-вторыхъ, туземныя войска, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоятъ англійскія силы, непривычны въ холоду. Онъ полагаетъ, что далѣе Джелалабада во всякомъ случаѣ идти не слѣдуетъ, а достаточно оставить тамъ на зиму одну бригаду и затѣмъ возобновить походъ съ наступленіемъ весны.

Что касается курамскаго отряда, то, по тому же мнѣнію, ему придется зимовать въ долинѣ Курама, а съ возобновленіемъ дѣйствій весной, — отрядъ ген. Робертса раньше другихъ можетъ увидѣть Кабулъ. По послѣднимъ имѣющимся свѣдѣніямъ, курамскій отрядъ прошелъ чрезъ Дурваджалъ и 27 ноября спустился въ курамскую долину: курамскій фортъ, подвергнутый артиллерійскому огню, былъ скоро очищенъ гарнизономъ, который бѣжалъ въ Пейваръ.

Наконецъ, въ кветтскомъ отрядѣ серьезныхъ дѣйствій нельзя ожидать до соединенія обѣихъ его частей; а ген. Стюартъ едва ли до января можетъ прибыть въ самую Кветту.

До сихъ поръ англичане могли похвалиться успѣхомъ: съ незначительными потерями, они овладѣли нѣсколькими укрѣпленными пунктами, нашли въ нихъ десятки пушекъ, и плѣнныхъ забрали столько, что пришлось ихъ распускать, чтобы не стѣснить своего движенія впередъ; впрочемъ, огромное большинство этихъ „плѣнныхъ“ вовсе не принадлежали къ войскамъ эмира и были взяты не въ бою. Афганскія войска доселѣ повсемѣстно отступали и очень благоразумно дѣлали, конечно. Главная — но за то огромная — трудность для англичанъ представляется самыми условіями мѣстности и времени года, а также необходимостью для обонхъ восточныхъ от-

рядомъ (нешиверскаго и журамскаго) получать всѣ сообщенія изъ Пешавера, такъ какъ большая часть пути — пролегаетъ по мѣстностямъ совершенно-бесплоднымъ. Чѣмъ болѣе они отдаляются отъ базы своихъ сообщеній, тѣмъ невыгоднѣе для нихъ и тѣмъ болѣе шансовъ для непріятеля обратиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не только кабульскія войска, но и другія племена Афганистана, особенно афридіи, съ которыми англичане вели войну всего годъ тому назадъ, воспользуются первой возможностью, чтобы нанести на линіи сообщеній англійскихъ отрядовъ съ Индѣи. Нѣчто подобное уже обнаруживается послѣдними телеграммами: 29 ноября афридіи напали на англійскую команду въ Каиберскомъ ущельѣ; переправъ близъ загражденъ и провіантскій обозъ долженъ былъ возвратиться; возобновился также огонь близъ Аминескида. Но это первый признакъ такихъ случайностей, которыя неминуемо участятся по мѣрѣ движенія англичанъ впередъ и затрудненія пути глубокой зимою.

Собственно для Россіи, предпріятіе англичанами похода въ Афганистанъ могло бы послужить поводомъ къ различнымъ дѣйствіямъ. Но, само собою разумѣется, не всѣми удобными поводомъ непременно слѣдуетъ пользоваться. Вѣщная политика не можетъ унестись изъ виду положенія финансовъ и вообще внутреннихъ дѣлъ и должна соображать рискъ новыхъ предпріятій съ тою долею дѣйствительной пользы для страны, на какую можно рассчитывать отъ нихъ. А въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ когда-либо, въ послѣдніе лѣтъ пятнадцать, Россія нуждается въ продолженіи внутреннихъ улучшеній.

ИЗВѢСТІЯ

I. Приглашеніе къ пожертвованіямъ на учрежденіе пріюта для взрослыхъ слѣпыхъ, въ С.-Петербургѣ, въ память доктора Влессига.

Петербургское общество не забыло, конечно, что весною нынѣшняго года смерть неожиданно похитила одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей медицинской науки, приобрѣвшаго въ области окулистики громкую и вполне заслуженную извѣстность не только въ Россіи, но и за границею, *Роберта Филипповича Влессига*. Кончина эта, бывшая печальнымъ послѣдствіемъ самоотверженнаго исполненія долга покойнымъ и истинно-христіанской заботливости объ исцѣленіи възрѣвшихъ его попеченію больныхъ, поразила и глубоко опечалила всѣхъ знавшихъ Влессига, такъ какъ, помимо ученыхъ заслугъ, онъ снискалъ общее уваженіе своею необыкновенно теплою, любящею дунгою и всегдашнею готовностью помогать нуждающимся и страждущимъ всѣми способами, какіе только находились въ его распоряженіи.

Вотъ почему кружокъ наиболее близкихъ покойному людей тогда же рѣшилъ увѣковѣчить память о немъ такимъ дѣломъ, которое было бы достойно имени Р. Ф. Влессига и города, гдѣ проявлялась его дѣятельность, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, чье сердце полно сочувствія къ человѣческому страданію. Лучшимъ для того средствомъ признано было осуществленіе завѣтнаго желанія, задушевнѣйшей мысли умершаго, — желанія, которое онъ повторялъ своимъ друзьямъ еще за нѣсколько недѣль до смерти. Оно состояло въ томъ, чтобы основать убѣжище для несчастныхъ, которые потеряли зрѣніе, будучи уже взрослыми и тѣмъ самымъ лишены возможности работать; жалкое существованіе этихъ страдалцевъ, поддерживаемое лишь случайною и скудною милостынею, постоянно заботило покойнаго, который не переставалъ разыскивать средства къ облегченію ихъ участи. Долго-временный опытъ Влессига, какъ главнаго врача адѣйвей глазной лечебницы, показалъ ему настоятельную, можно сказать — вопіющую необходимость основанія подобнаго пріюта. Извѣстность, какою пользуется глазная лечебница, привлекаетъ въ это учрежденіе весьма многихъ ищущихъ не только Петербурга, но и самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи. Несмотря на громадный процентъ получающихъ полное исцѣленіе, все-таки встрѣчаются болѣзны, надъ которыми наука должна произносить роковой приговоръ неизлечимости. Изъ числа этихъ страдалцевъ многие, не находя себѣ мѣста въ адѣйвей институтѣ слѣпыхъ, учрежденіемъ собственно для воспитанія малолѣтнихъ, и не имѣя возможности поступить въ другое изъ адѣйвей благотворительныхъ учреждений, такъ какъ она вообще переполнена наисильнѣйшимъ — остаются буквально безъ пристанища, подвергаясь опасности погибнуть отъ голода и стужи.

Порожденная такими прискорбными фактами мысль Блессига нашла себѣ глубоко-сочувственный отголосокъ въ душѣ его друзей и почитателей, и не останется, безъ примѣненія на практикѣ, если публика, а особенно всѣ тѣ, которые обязаны возвращеніемъ или улучшеніемъ зрѣнія искусству и заботамъ покойнаго, не откажутъ, съ своей стороны, содѣйствовать ея осуществленію. Въ настоящее время получено разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ открыть подписку для сбора денегъ на устройство и содержаніе пріюта для взрослыхъ слѣпыхъ и уже образованъ комитетъ, который будетъ заведывать этимъ дѣломъ, а впоследствии представить отчетъ о результатахъ своей дѣятельности. По предварительно составленной сметѣ, потребуется около 250 руб. въ годъ на содержаніе одного слѣпого; сообразно суммѣ, какую дастъ подписка, опредѣлятся и размѣры предполагаемаго пріюта.

Высоко-человѣколюбивая дѣль этого учрежденія и ния человѣка, въ память и по мысли котораго приступлено къ осуществленію истинно-общепользнаго дѣла, внушаютъ надежду, что наше общество откликнется на настоящій призывъ съ такою же готовностью, съ какою оно всегда является туда, гдѣ нужно облегчить участь страждущихъ.

Подаркованія принимаются исключительно лицами, получившими отъ комитета сборныя книжки, изъ которыхъ будутъ вырѣзываться и выдаваться жертвователямъ квитанціи на внесенныя суммы.

Члены комитета: докторъ, графъ И. Х. Магавли, Моховая, 34; с.-петербургскій суперъ-интендантъ К. И. Лаадандъ, Большая Офицерская, 54; потомственный почетный гражданинъ Е. Е. Маллисенъ, Б. Конюшенная, 5; дѣйствительный статскій совѣтникъ В. С. Чирковъ, Почтамтскій пер., 2.

II. КИТАЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА.

Предметами выставки служатъ работы доктора Пасецкаго, исполненныя во время его путешествія въ Китай, и собранная имъ коллекція этнографическихъ вещей: костюмы, головные уборы, обувь, амуны съ печати китайцевъ, монеты, образцы шовъ, свойственной исключительно Китаю, модели разныхъ манящихъ и приборовъ (варимѣръ, употребляющихся при обработкѣ чая), письменныя принадлежности, образцы китайскихъ надѣлій и искусствъ (шелковыя ткани, надѣлія изъ бамбука, эмали, серебра, рисовой бумаги, слоновой кости, фарфора, картины китайскаго рисованія), предметы употребляющіеся при богослуженіи, музыкальные инструменты и многіе другіе предметы китайскаго обихода. Работы д-ра Пасецкаго представляютъ собраніе около 300 предметовъ исключительно акварельныхъ рисунковъ съ натуръ, весьма разнообразнаго содержанія. Одна картина, въ сто

слишкомъ аршинъ длины, изображаетъ непрерывный путь изъ среды Китая до нашей западно-сибирской границы, на протяженіи около 6000 верстъ, и даетъ зрителю наглядное и полное представленіе о характерѣ мѣстностей на этомъ пути, пересекающемъ Монголію и Гоби черезъ Небесныя Горы и песчанныя пустыни до предгорій русскаго Алтая.

Имѣя общеобразовательное значеніе, эта выставка, помѣщающаяся на Вас. Остр., на углу 1-й линіи и Волыш. просп., въ д. № 18, бываетъ открыта, кромѣ четверга, по воскресеньямъ и въ праздничные дни, когда воспитанники учебнаго заведения свободны отъ занятій.

М. СТАСОВЪЗВЪТЪ

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878 году.

Въ 1878-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл. (382,000 жит.).	экз.	Бессарабская губ. (1,091,000 жит.).	экз.	Минскъ	экз.
Акмолин	2	Килинскъ	83		2
Омскъ	14	Оргѣвъ	4	Виленская губ. (1,002,000 жит.).	109
Петропавловскъ	8	Новоселица	2	Вильно	32
	19	Сталинскъ	1	Троки	1
Амурская обл. (44 000 жит.).		Кучино	1	Жижморъ	1
Благовѣщенскъ	10	Глинная	1	Свенцянъ	3
Албазинъ	2	Вильцы	3	Безданъ	1
Михайлово-Семеновская	1	Сороки	2	Диева	2
Черныя	4	Скуляны	1	Ошмянъ	1
	17	Бендеры	116	Молодечно	2
Архангельская губ. (281,000 жит.).		Татарбузари	8	Вилейко	2
Архангельскъ	14	Волонтировская	1	Субботинская	1
Кемь	1	Тарутино	1		46
Онега	1	Унгенъ	1	Витебская губ. (889,000 жит.).	
Сорокская	1	Корнелти	1	Витебскъ	8
	17	Кубей	4	Невель	1
Астраханская губ. (602,000 жит.).		Казаранъ	1	Сенниковская	1
Астрахань	23	Хотинъ	1	Рудня	1
Екатериноскъ	1	Ейденцы	8	Днепобургъ	6
Сѣроглазненская	1	Атаки	1	Рѣкина	1
Красный-Яръ	1	Вричанъ	2	Собѣжъ	1
	26	Акерманъ	5	Люцинъ	1
Бакинская губ. (539,000 жит.).			188	Антопольская	2
Баку	17	Варшавская губ. (926,000 жит.).		Дрисса	2
Шемаха	5	Варшава	88	Вименовичи	1
Сальяны	1	Новый-Дворъ	7	Полоцкъ	6
Ленкоранъ	2	Сквернени	3	Великъ	1
Куба	3	Александровъ погранич.	1		33
	28	Влоцлавскъ	4	Владимирская губ. (1,380,000 жит.).	
		Кутно	2	Владимиръ	17
		Гостининъ	1		
		Ловатъ	1		

им.	жн.	им.	жн.	им.	жн.
Александровъ	3	Вутуринцова	3	Вресь-Лгзовскъ	6
Киржачъ	1	Новохоперскъ	1	Кобринъ	1
Переяславъ-Залесскій	3	Воронежъ, ст.	3		29
Сима	1	Землянкъ	3	Дагестанская обл.	
Вазнинъ	2	Бобровъ	6	(482,000 жит.).	
Ковровъ	2	Острогожскъ	4	Темиръ-Ханъ-Шура	20
Муромъ	7	Коротоякъ	3	Гуньбъ	2
Никольское	1	Валуйки	2	Дашлагара	1
Шуя	3	Уразово	1	Дербентъ	2
Палега	1	Мандрово	1	Петровскъ	3
Иваново-Вознесенскъ	4	Барючъ	2	Чиръ-Юртъ	1
Тейково	1	Богучаръ	2		31
Гороховецъ	2	Вичговская	1	Екатеринославская губ.	
Суздаль	2	Калачъ	2	(1.352,000 жит.).	
Юрьевъ-Польскій	1	Шестаковская	1	Екатеринославъ	26
Меленки	1	Павловскъ	1	Верхнеднѣпровскъ	8
Второвская	1	Россома	3	Кущеваловская	1
	33	Ровеньки	1	Александровскъ	7
Вологодская губ.		Хриново	2	Павлоградъ	3
(1.008,000 жит.).		Чарикове	2	Тотильная	2
Вологда	17	Кантимировка	2	Никополь	1
Грязовецъ	1		74	Ростовъ-на-Дону	22
Никольскъ	1	Выборгская губ.		Нахичеванъ-на-Дону	2
Великій-Устюгъ	1	(289,000 жит.).		Вахмуть	4
Вельскъ	2	Виборгъ	4	Ивановская	1
Кадниковъ	3	Вильманстрандъ	1	Луганскій заводъ	7
Тотьма	1	Фридрихсгамъ	2	Славяносербскъ	1
Итъ-Сисольскъ	1	Мустаяки	1	Орховская	2
	27		8	Михайловская	2
Вольинская губ.		Вятская губ.		Влагодатное	1
(1.704,000 жит.).		(2.406,000 жит.).		Таганрогъ	17
Житомиръ	12	Вятка	10	Юзовка	2
Волочинскъ	1	Орловъ	2	Новомосковскъ	6
Овручъ	1	Слободской	3	Маріуполь	3
Ковель	2	Глазовъ	1	Грининская	1
Владимиръ-Волынский	2	Уржумъ	2	Лозовая	1
Луцкъ	4	Кингурская	1	Перещепино	1
Ровно	2	Яранскъ	1	Надеждино	1
Гощанская	1	Котельничъ	1	Гавриловка	1
Новоградъ-Волынский	3	Малиннъ	2	Корсунъ	1
Кореца	1	Елабуга	3	Софіеава	1
Любаръ	1	Сарапулъ	2		124
Острогъ	3	Ижевскій заводъ	3	Елисаветпольская губ.	
Заславъ	2	Воткинскій заводъ	1	(594,000 жит.).	
Шепетовка	1	Лубана	1	Елисаветполь	11
Старомонстантиновъ	5		35	Ново-Актафивская	1
Купель	2	Гродненская губ.		Шума	4
Красновская	1	(1.009,000 жит.).		Тертерская	1
Дубно	3	Гродно	10	Делижанъ	1
Кременецъ	2	Вілоостокъ	3		13
Радзивиловъ	2	Сокотка	1	Енисейскій губ.	
Кривинъ	1	Дружненскі	1	(378,000 жит.).	
Полонное	1	Винниинъ	1	Красноарскъ	5
Клеваль	1	Волковискъ	1	Минусинскъ	5
	54	Слонимъ	1	Корелино	1
Воронежская губ.		Заполье	1	Каргино	3
(2.163,000 жит.).		Тевли	1	Енисейскъ	3
Воронежъ	28	Вальскъ	1		19
Нижедвинскъ	1	Високолитовскъ	1		
Задовскъ	1				

Закаспійскій воен. окр. (56,000 жит.)	2	Жиздра	4	Ново-Александровск.	1
Красноводск.	2	Боровск.	1	Вилькомиръ	1
Заравишскій округъ	9	Козельск.	2	Ракинск.	1
Самарканд.	9	Михѣвская	1		25
Батд-Бурганъ	2	Мединъ	1	Костромская губ. (1.176,000 жит.)	
	11	Троицкая	1	Кострома	15
Забайкальская обл. (481,000 жит.)		Мещовск.	1	Судиславъ	1
Чита	9		32	Макарьевъ	1
Кяхта.	8	Калининская губ. (669,000 жит.)		Евдокимово	1
Цетровскій заводъ	1	Калинъ	10	Галичъ	2
Селенгинск.	1	Велюнь	1	Буй	1
Троицкосавск.	1	Верушевъ	1	Солиталичъ	1
Нерчинск.	5	Ленчина	2	Кологривъ	1
Нерчинскій заводъ	2	Коло	2	Чухлома	1
Мелонугинская	1	Турецъ	1	Нерехта	8
Стрѣтинская	1		17	Кинешма	3
Горбачевская	1	Кіевская губ. (2.175,000 жит.)		Ахуъ	1
Средняя Кара.	2	Кіевъ	123	Вичуга	3
	32	Казатинъ	8	Писцовая	1
Закатальскій округъ (69,000 жит.)		Махновецъ	8	Варнавинъ	1
Закаталъ	2	Самгородокъ	1	Юрьевецъ-Повольскій	2
	2	Бердичевъ	4	Пучежъ	1
Иркутская губ. (878,000 жит.)		Попельня	1	Ветлуга	2
Иркутск.	36	Кожанка	2		41
Киренск.	1	Васювъ	1	Кубанская обл. (832,000 жит.)	
Витимск.	4	Липовецъ	7	Екатеринодаръ	20
Верхоянск.	1	Васильевъ	1	Уманская	1
Жигаловская	1	Сквира	4	Ейск.	5
Хоготская.	1	Ружинъ	3	Усть-Лабинская	1
Нохтуйск.	7	Каневъ	2	Майкопъ	5
Лиственничная	1	Черкасн	8	Лабинская.	1
Горбовская	1	Смѣла	8	Армавиръ	1
Тулуновское	1	Тараща	8	Батапагинская	2
Тельминская	1	Вогуславъ	8	Крымская	2
Заларинская	1	Корсунъ	1	Темрюкъ	1
	56	Звенигородка	5	Ладомская	1
Казанская губ. (1.705,000 жит.)		Тальное	2	Невинномиская	1
Казань	67	Чигиринъ	2		41
Свияжск.	1	Шнола	2	Кульджинскій районъ (190,000 жит.)	
Маріинск.	1	Умань	7	Вулдъжъ.	4
Нарезовокушск.	1	Вѣлая-Церковь	6		4
Тетюши	1	Радомисль	4	Куралинская губ. (620,000 жит.)	
Спаскъ	4	Коростышевская	1	Мятава	7
Чистополь.	6	Кочеровская	1	Тукутъ	1
Дашевъ	1	Гуровщина	1	Анбава	4
Туркешская	2	Воронцово-Городище	4	Голдлингенъ	1
Александровск.	1	Фундуклеева	1		18
Чебоксары	1		203	Курская губ. (1.055,000 жит.)	
	84	Ковенская губ. (1.156,000 жит.)		Курскъ	22
Калужская губ. (996,000 жит.)		Ковно	10	Фатежъ	3
Калуга	18	Тельши	8	Никольская	2
Александровскій хут.	1	Россиенн	1	Тимъ	4
Таруса	2	Таурогенъ	1	Обоянъ	2
		Юрбургъ	8	Бѣлгородъ	5
		Поневѣжъ	1		
		Шавли	3		

экз.		экз.		экз.	
Борова	1	Яновъ	1	Бутыво	1
Новый-Осколь	7	Белжиды	1		544
Ворисовка	1	Ивангородъ	4	Нижегородская губ.	
Грайворонъ	1		16	(1.272,000 жит.).	
Льговъ	2	Минская губ.		Нижний-Новгородъ	35
Дмитриевъ	4	(1.183,000 жит.).		Горбатовъ	4
Суджа	5	Минскъ	18	Лисково	2
Рыльскъ	4	Доевъ	1	Сергачъ	4
Мирополье	2	Борисовъ	2	Мангушевская	2
Глушковъ	1	Негорылово	1	Арзамасъ	3
Щигры	4	Вобруйскъ	9	Лукояновъ	2
Вуринская	1	Можаръ	6	Починки	1
Дьяконово	1	Язвиничская	1	Семеновъ	1
Красное	1	Рыница	1	Воскресенское	1
	73	Новогрудокъ	1	Васильсурскъ	1
Кутанская губ.		Городецъ	1	Балахна	1
(571,000 жит.).		Корелачи	1	Городецъ	1
Кутанскъ	17	Пинскъ	2		60
Озургети	5	Слуцкъ	8	Новгородская губ.	
Поти	3	Несвижа	1	(1.011,000 жит.).	
Зугдиданъ	3		37	Новгородъ	21
Варшавская	1	Могилевская губ.		Любань	1
Самтредиа	1	(948,000 жит.).		Веребанинская	3
Хони	1	Могилевъ	13	Торбино	1
	31	Орша	2	Кирилловъ	1
Кѣлецкая губ.		Горы-Горки	2	Славская-Полесье	2
(519,000 жит.).		Мстиславль	2	Оскупская	1
Кѣльцы	2	Гомель	6	Кукуйская	1
Хмельники	1	Климовичи	2	Валдай	1
Пинчегъ	1	Чериковъ	1	Боровичи	5
Мѣховъ	2	Краснополье	1	Череновецъ	5
Ольгути	2	Чечерскъ	1	Вѣловерскъ	2
Пилица	1	Сидоровичи	1	Старая-Руса	3
	9	Быховъ	1	Крестини	2
Люблинская губ.		Славянъ	1	Сомино, пристань	1
(1.001,000 жит.).			33		50
Рига	19	Московская губ.		Новландская губ.	
Дерптъ	7	(1.773,000 жит.).		(184,000 жит.).	
Перновъ	1	Москва:		Гельсингфорсъ	8
Волдераа	1	Черезъ Газет. Экспед.	86	Свеаборгъ	2
Феллины	1	Безъ доставки	425		10
	23		511	Область Войска Донского.	
Ломжинская губ.		Серпуховъ	5	(1.086,000 жит.).	
(489,000 жит.).		Молоди	1	Новочеркаскъ	31
Ломжа	8	Можайскъ	2	Новониколаевъ	1
Болно	1	Руза	1	Голодаевка	4
Пѣхановецъ	1	Коломна	1	Харьковская	1
Островъ	1	Бронники	1	Урюпинская	3
Замбровъ	1	Раменская	2	Усть-Медвѣдичная	2
Пултускъ	2	Завидовка	2	Филоновская	2
	14	Клинъ	1	Нижегородская	3
Люблинская губ.		Подсолонечная	2	Нюля	1
(707,000 жит.).		Воскресенскъ	1	Шалаевская	1
Люблинъ	4	Звенигородъ	1	Вокоская	3
Новая-Александрія	2	Сергѣевскій пос.	5	Казанская	1
Грубыйскъ	1	Вогородскъ	2	Грушевское	2
Красноставъ	1	Верея	1	Каменская	1
Хелмъ	2	Дмитровъ	2	Сулнинская	1
		Волоколамскъ	1		

звз.		звз.		звз.	
Махтанга	1	Мокшанн	4	Тулъчинъ	2
	58	Краснослбодскъ	2	Ольгополь	5
Олеонская губ.		Чембаръ	1	Винница	3
(297,000 жит.).		Никольская пойма	1	Литвиъ	1
Петрозаводскъ	11	Воейковская	1	Джуринская	2
Повнець	2	Симанщина	2	Шаргородъ	2
Олонекъ	1		57	Попелюхи	2
Витегра	2	Пермская губ.		Калиновка	2
Пудожъ	1	(2.199,000 жит.).		Круты	4
Каргополь	1	Пермь	35	Змеринка	1
	18	Оханскъ	8	Ваннарга	1
Оренбургская губ.		Осса	1	Проскуроеъ	3
(900,000 жит.).		Екатеринбургъ	27	Меджибожъ	2
Оренбургъ	27	Верхотурье	2	Варъ	1
Челябинскъ	4	Далматовъ	1	Ярмолинцы	1
Троицкъ	3	Каменскій заводъ	1	Городокъ	1
Илецкая-Защита	3	Кушвинскій заводъ	3	Войтовцы	1
Шарлакская	1	Логиновская	1	Старый-Синякъ	1
Орскъ	1	Невлянский зав.	1	Могилевъ	4
Нижнеозерская	1	Нижнетагильскій зав.	6	Новая-Ушица	2
	88	Шадринскъ	1	Дунаевцы	3
Орловская губ.		Синертскій зав.	1	Ямполь	1
(1.597,000 жит.).		Вилимбаевскій зав.	2	Кривое-Озеро	1
Орелъ	24	Веретя	5	Балта	3
Брянскъ	8	Солнгамскъ	2	Голованевскъ	1
Карачевъ	8	Красноуфимскъ	2	Гайсинъ	2
Хотинекъ	2	Чердынъ	2		68
Миценскъ	5	Камышовъ	2	Полтавская губ.	
Воховъ	2	Ирбать	4	(2.102,000 жит.).	
Бромъ	1	Сугатская	1	Полтава	29
Котомки	1	Кунгуръ	3	Гадячъ	4
Дмитровскъ	2	Ключевская	1	Миргородъ	5
Съвскъ	4	Нижне-Сергнскій зав.	1	Лохвица	1
Трубчевскъ	1	Паша	1	Зеньковъ	3
Малоярхангельскъ	1	Богословскій заводъ	1	Опошня	1
Дросково	2		108	Переяславъ	3
Ливны	8	Петроковская губ.		Борисполь	1
Становой-Колодезь	2	(682,000 жит.).		Золотоноша	6
Елецъ	9	Петроковъ	6	Пирятинъ	5
Русско-Бродская	2	Ледъ	2	Яготино	1
Донъ	1	Ласкъ	1	Прилуки	6
Измайлово	1	Новорадомскъ	2	Тепловка	1
Бобровка	1	Рава	1	Дубны	10
Бѣжинскъ	1	Ченстоховъ	5	Хороль	5
Змиевка	1	Граница	1	Рѣшетилровка	1
Моховая	1	Бендинъ	1	Кобеляки	5
Становая	1		19	Кременчугъ	7
	79	Плоцкая губ.		Градизскъ	1
Пензенская губ.		(472,000 жит.).		Екононовичская	1
(1.168,000 жит.).		Плоцкъ	5	Кочубеевка	1
Пенза	29	Праснынь	1	Старовиловская	1
Нижний-Ломокъ	4	Млава	3	Константиноградъ	3
Наровчатъ	2		9	Карловская	1
Городище	1	Подольская губ.		Ромны	4
Ворисовская	1	(1.933,000 жит.).			106
Саранскъ	4	Каменекъ	11	Приморская область.	
Нисаръ	3	Брацлавъ	2	(45,000 жит.).	
Исса	1	Теплицъ	1	Николаевскъ	3
Царевщина	1	Нижнекрапивинская	2	Хабаровская	4
				Владивостокъ	3

Камень-Рыболов	2	С.-Петербургская губ.	Борохунзирь	1
Новгородский-Посетъ	2	(1,325,000 жит.) экз.	Токмакъ	1
Софійскъ	1	О.-Петербургъ:	Вараколь	2
	16	По почтѣ	Ленчанская	2
Псковская губ.		Безъ доставки	Копаль	1
(776,000 жит.)				15
Псковъ	17	Гатчино	Симбирская губ.	
Порховъ	5	Луга	(1,206,000 жит.)	
Боровичи	8	Тулячино	Симбирскъ	22
Островъ	5	Гдовъ	Ардатовъ	7
Холмъ	1	Серебрянка	Алатырь	3
Новоржевъ	1	Чирковныи	Болховская	2
Горинская	1	Ямбургъ	Курмышъ	2
Торопецъ	8	Нарва	Талыгина	1
Опочка	4	Тосна	Тагайская	2
Великіе-Луки	1	Коркмяки	Тетюшская	2
	41	Сестрорядцъ	Корсунъ	6
Радомская губ.		Левановка	Бунискъ	1
(592,000 жит.)		Новая-Ладога	Сенгилей	1
Радомъ	8	Шлиссельбургъ	Сызрань	8
Козеницы	2	Павловскъ	Терягульская	4
Опатовъ	1	Царское-Село	Прозинно	1
Сандомиръ	1	Петергофъ	Новоспаское	1
Опочка	1	Ораниенбаумъ		68
	18	Кронштадтъ	Смоленская губ.	
Рязанская губ.			(1,140,000 жит.)	
(1,477,000 жит.)		Саратовская губ.	Смоленскъ	20
Рязань	11	(1,751,000 жит.)	Рославль	3
Касимовъ	5	Саратовъ	Юхновъ	1
Михайловъ	3	Балаховъ	Знаменская	1
Спаскъ	1	Турки	Починковъ	5
Ижевское	1	Царицынъ	Ивановская	1
Зарайскъ	3	Лубовскій посадъ	Рабцова	1
Егорьевъ	3	Петровскъ	Балой	4
Пронскъ	1	Сердобскъ	Духовщина	1
Сапожовъ	4	Сосновка	Портъче	2
Рязскъ	3	Ртищевъ	Дорогобужъ	2
Рябенбургъ	1	Беково	Ельня	2
Данковъ	1	Аткарскъ	Красный	2
Кораблино	2	Маринская	Гжатскъ	3
Окулова	2	Камышинъ	Вязьма	7
Тумн	1	Каменка	Каменская	1
Старожиловъ	1	Кондаль	Уваровская	1
Скопинъ	1	Хвалынскъ	Ирдевская	2
	44	Вольскъ	Сергивановская	1
Самарская губ.		Кузнецкъ		60
(1,873,000 жит.)		Камешкирь	Ставропольская губ.	
Самара	15	Никулино	(474,000 жит.)	
Бугурусланъ	4		Ставрополь	19
Сергѣевскіи мнн. водн	2	Семипалатинская обл.	Медвѣжнская	3
Николаевскъ	1	(501,000 жит.)	Александровское	1
Дергачевская	1	Семипалатинскъ	Прасковья	1
Бузулукъ	2	Каргараинъ	Новогоргольевская	2
Булгаково	2	Бухторма		26
Бугульма	4	Зайсанскій постъ	Сувазская губ.	
Ставрополь	1	Усть-Каменогорская	(524,000 жит.)	
Балаково	1		Сувазскъ	7
Гратевка	1	Семипалатинская область	Верхоболовская	1
Ворская	1	(540,000 жит.)	Маріамполь	1
	85	Вѣрний	Вильковинскъ	1

		эвз.	эвз.	Тюльинская губ.	
				(868,000 жит.).	
Августовъ.	1	Толстиковская.	1	Тифлисъ.	88
Сейнъ.	1	Козловъ.	4	Царское-Болодино.	3
	12	Усмань.	3	Валий-Калачъ.	2
Сѣдлецкая губ.		Липецкъ.	3	Ахалкалаки.	3
(506,000 жит.).		Лебедянь.	3	Сингахъ.	1
Сѣдлецъ.	9	Новочеркутино.	1	Гори.	5
Вѣла.	6	Грязи.	2	Михайловская.	1
Яновъ.	1	Окры.	1	Воржонская.	1
Мендзержицъ.	1	Земетчина.	1	Манглисъ.	1
Влодава.	1	Ворисоглѣбскъ.	10	Джалалъ-Огли.	1
Славатичи.	1	Хворостянка.	1	Телавъ.	1
	18	Добринка.	2	Думеть.	3
Сырѣ-Дарьинская обл.		Мордово.	1		109
(886,000 жит.).		Волконская.	2	Томская губ.	
Ташкентъ.	28	Разсказово.	1	(839,000 жит.).	
Казалинскъ.	7	Кирсановъ.	6	Томскъ.	17
Холмевъ.	1	Муравьевская.	1	Канскъ.	1
Чемевъ.	1	Уметъ.	1	Барнаулъ.	6
Аулие-Ата.	1	Кулики.	1	Вѣйскъ.	1
	88	Токарева.	1	Зимногорскъ.	4
Тавастгустевская губ.			86	Маринскъ.	1
(202,000 жит.).		Тверская губ.			89
Тавастгустъ.	1	(1,529,000 жит.).		Тобольская губ.	
Ойскъ.	1	Тверь.	8	(1,087,000 жит.).	
	2	Спировская.	2	Тобольскъ.	8
Таврическая губ.		Корчева.	2	Тюмень.	3
(716,000 жит.).		Кири.	1	Тара.	2
Симферополь.	27	Бжецкъ.	2	Якуторовскъ.	2
Каховка.	2	Кашинъ.	5	Курганъ.	3
Алешки.	2	Калезинъ.	3	Ишимъ.	2
Перекопъ.	3	Троицкая.	2	Березовъ.	1
Айбарская.	1	Малышево.	1	Еланская.	1
Евпаторія.	1	Максатиха.	2	Туринскъ.	2
Алушта.	2	Торжокъ.	4		24
Феодосія.	4	Старца.	2	Тургайская область.	
Керчь-Ениколь.	17	Ржевъ.	6	(340,000 жит.).	
Ялта.	15	Зубцовъ.	3	Иргизъ.	1
Карасубазаръ.	2	Сущигорцы.	2		1
Судакъ.	1	Винный-Волочокъ.	1	Тульская губ.	
Севастополь.	18	Осташковъ.	1	(1,168,000 жит.).	
Бахчисарай.	1	Выдропускъ.	1	Тула.	20
Генчическъ.	1		47	Лесенки.	1
Мелитополь.	5	Терекская обл.		Крапивна.	2
Орѣховъ.	2	(581,000 жит.).		Одоевъ.	4
Большой Токмакъ.	1	Владикавказъ.	15	Вѣленъ.	4
Спировская.	2	Прохладная.	1	Доробино.	2
Верланскъ.	9	Кизляръ.	8	Черны.	5
Нагайскъ.	2	Нальчикъ.	1	Новосиль.	2
Ново-Александръ.	1	Моздокъ.	8	Кашира.	3
	119	Грозный.	3	Веневъ.	2
Тамбовская губ.		Воздвиженская.	2	Шаховская.	1
(2,151,000 жит.).		Ведень.	2	Ефремовъ.	4
Тамбовъ.	29	Хасафъ-Юртъ.	2	Вогородицкъ.	3
Моршанскъ.	4	Шелкозаводская.	2	Епифанъ.	3
Спасскъ.	1	Георгиевскъ.	5	Лукьяновка.	1
Шацкъ.	1	Пятигорскъ.	1	Оболонское.	1
Каргалино.	1	Кисловодскъ.	2		58
Елатама.	2	Ессентуевская.	1	Уральская область.	
Кадокъ.	1	Минороссійская.	1	(347,000 жит.).	
Куликовская.	1	Минеральныя воды.	1	Нижне-Уральскъ.	6
			46		

Гурьевъ	2	Вознесенскъ	8	Черноморскій округъ.	
Калинковъ	1	Березовка	8	(15,000 жит.)	
	9	Александрия	10	Новороссійскъ	8
Уфимская губ.		Бобринецъ	1	Тула	1
(1.865,000 жит.)		Максимовская	1	Анапа	1
Уфа	12	Новогеоргиевскъ	2		5
Остерятамакъ	8	Ново-Украинка	1	Эриванская губ.	
Саткинский зав.	2	Елисаветградъ	20	(648,000 жит.)	
Поддубовская	1	Новомиргородъ	5	Эриванъ	11
Взлаутовскій	3	Ольмополь	8	Караикская	1
Бирскъ	1	Ананьевъ	8	Нижне-Ахтиская	1
Байки	1	Марьяновская	1	Александрополь	38
Монастырскіе дубаи	2	Северинова	1	Ордабать	1
Мензелинскъ	1	Николаевъ	26	Игдырь	1
Аскинская	1	Джемуриевская	1	Джульфи	1
	27	Очаковъ	4		49
Ферганская область.		Знаменка	4	Эстляндская губ.	
Бокандъ	1	Шестаковна	1	(828,000 жит.)	
Наманганъ	1	Купцова	1	Ревель	10
Маргеланъ	18	Доинская	1	Балтійскій портъ	1
Ошъ	1	Казанка	1	Ташъ	1
Андижанъ	2	Новый-Бутъ	8		12
	18	Ново-Одесская	1	Якутская область.	
Харьковская губ.		Ново-Воронцовка	4	(282,000 жит.)	
(1.698,000 жит.)		Дубосары	1	Якутскъ	8
	63		249		8
Харьковъ	63	Черниговская губ.		Ярославская губ.	
Ахтирка	8	(1.660,000 жит.)		(1.001,000 жит.)	
Лебедина	2	Черниговъ	16	Ярославль	14
Дергачи	1	Стародубъ	6	Романово-Борисогл.	2
Сумы	11	Новомировъ	8	Помехонье	8
Бѣлополье	1	Елѣиное	1	Мышкинъ	1
Валки	3	Погаръ	1	Рибинскъ	5
Коломакъ	2	Седневская	1	Молога	1
Змиевъ	1	Новый-Росскъ	1	Петровскъ	1
Волчанскъ	7	Козелецъ	1	Ростовъ	2
Богодуховъ	2	Рѣпинская	1	Даниловъ	1
Гравовская	1	Семипольская	2	Бараново	1
Чугуевъ	5	Новгородъ-Сѣверскій	5	Семибратово	1
Изюмъ	2	Соснина	1	Пичаикино	1
Купинскъ	5	Красный-Рогъ	1		38
Сенъевская	1	Почепъ	1	За границею.	
Новомиргородскій	2	Мглинъ	8	Англія	2
Старобильскъ	2	Суражъ	4	Бельгія	2
Вѣловодскъ	1	Кличинъ	1	Германія	68
Славянскъ	2	Вережа	1	Греція	8
Алексѣевка	1	Глуховъ	5	Египетъ	1
Тростянецъ	1	Тулиголовъ	1	Индія	2
	119	Кролевецъ	2	Италія	9
Херсонская губ.		Коропъ	2	Китай	8
(1.597,000 жит.)		Воронежъ	1	Румынія	7
Херсонъ	18	Шостка	1	Сѣверная Америка	8
Радѣйная	1	Ковтопъ	7	Турція	4
Виргула	2	Батуринъ	1	Франція	30
Тирасполь	7	Ворана	8	Черногорія	1
Одесса	116	Плиски	3	Швейцарія	8
Маяки	1	Нѣжинъ	9	Швеція	2
Покровская	1	Бобровицы	3	Южная Америка	1
Песчаный бродъ	1		87	Японія	2
					148

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	249	32. Виленская .	46	63. Петроковск.	19
2. Киевская. .	209	33. Терская об.	46	64. Елисаветпол.	18
3. Бессарабск.	188	34. Рязанская .	44	65. Олонекская .	18
4. Екатеринос.	124	35. Костромская	41	66. Судецкая .	18
5. Харьковск..	119	36. Кубанск. об.	41	67. Ферганская .	18
6. Таврическ..	119	37. Псковская .	41	68. Архангельск.	17
7. Варшавск. .	109	38. Оренбургск.	38	69. Амурск. об.	17
8. Тифлисская.	109	39. Минская. . .	37	70. Калишская .	17
9. Пермская. .	108	40. Вятская . .	35	71. Люблинская.	16
10. Полтавская.	106	41. Самарская .	35	72. Примор. об.	15
11. Саратовск. .	91	42. Могилевск .	33	73. Семирѣченск.	15
12. Черниговск.	87	43. Московская .	33	74. Ломжинская .	14
13. Казанская .	86	44. Сырѣ-Д. об.	33	75. Курляндск.	13
14. Тамбовская .	86	45. Ярославская	33	76. Радомская .	13
15. Орловская .	79	46. Витебская .	32	77. Сувальская .	12
16. Воронежск..	74	47. Забайк. об.	32	78. Эстляндская	12
17. Курская . .	73	48. Калужская .	32	79. Заравн. окр.	11
18. Подольская.	68	49. Дагест. обл.	31	80. Нюландская	10
19. Симбирская.	63	50. Кутансская.	31	81. Кѣлецкая. .	9
20. Нижегород.	60	51. Томская . .	30	82. Плоцкая . .	9
21. Смоленская.	60	52. Гродненская	29	83. Уральск. об.	9
22. Обл. В. Дон.	58	53. Лифляндск.	29	84. Выборгская.	8
23. Тульская . .	58	54. Вавинская .	28	85. Семинал. об.	8
24. Пензенская .	57	55. Вологодская	27	86. Черном. ок.	5
25. Иркутская .	56	56. Уфимская .	27	87. Кульдж. р.	4
26. Волынская .	54	57. Астраханск.	26	88. Якутск. об.	3
27. Владимірс.	53	58. Ставропол. .	26	89. Закасп. окр.	2
28. Новгородск.	50	59. Ковенская .	25	90. Закасп. ок.	2
29. Эриванская.	49	60. Тобольская .	24	91. Тавастгустск.	2
30. С.-Петерб. .	48	61. Ашмог. об.	19	92. Тургайс. об.	1
31. Тверская . .	47	62. Енисейская .	19		

4135

II. Въ С.-Петербурѣ. 1338

III. Въ Москвѣ 511

IV. За границей 148

Всего: экз. 6182

А. Хомиковскій

Визиситоръ редакціи.

№ 12.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ ~~1878~~ году.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1879-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россіи: 8а границѣ:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — в.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ такъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычнымъ уступкою

На оборотѣ:

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторѣ журнала и въ ея Московскомъ Отдѣленіи можно получать полные экземпляры «Вѣстника Европы» за 1878 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ТИПОГРАФИИ М. ОТАЮЛЕВИЧА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,
д. № 7.

НОВАЯ КНИГА:
ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ
А. Н. Пынина и В. Д. Спасовича.

Издание второе, вновь переработанное и дополненное, въ двухъ томахъ. Томъ I-й.
Стр. 447. Спб. 1879. Ц. 3 рубля, съ пересыл.

НОВАЯ КНИГА:
КУРСЪ
ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОНОМИИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.
ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СТАТИСТИКОЙ РОССИИ И ГЛАВНѢЙШИХЪ
ГОСУДАРСТВЪ МИРА.
Одобрено Ученымъ Комитетомъ Минист. народн. просвѣщ. для реальнѣхъ училищъ.
А. П. Субботинъ.
С.-Петербургъ. 1878. Стр. 328. Цѣна 2 рубля.

КАТАКОМЫ.
НОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.
Евгеніи Туръ.
С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

Восьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“:
МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.
Избранныя сатиры, съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ.
Спб. 1878. Стр. 488 и VIII.—Цѣна 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубль.
Въ декабрѣ выйдетъ томъ IX: Гр. Л. Н. Толстой.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальною Комиссіею.
Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВЪ.

Соч. Ю. Э. Янсона. Т. I. Территорія и населеніе. Спб. 1878. Стр. 372. Цѣна 2 руб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТІЯ.

Сочиненіе Сергѣя Соловьева, въ двухъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 560. Цѣна 2 р. съ пер.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ.—Флоберъ.—Гонкуръ.—Додэ.—А. де-Мюссе.—Тэнъ.—Ремюза.—Шатобрианъ.—Тьеръ.—Ж. Зандъ.—В. Гюго.—А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пыпина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, взятыми изъ печати за послѣднее время, и новыми работъ писателя Вѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наканунѣ пятидесятихъ годовъ.—II. Н. В. Гоголь въ Римѣ.—III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г.—IV. Е. Н. Ковалевскій.—Спб. 1877. Стр. 348. Ц. 1 р. 50 коп.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1876. Стр. 445. Ц. 2 р.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политическими рисунками. Составилъ А. Н.—въ. Спб. 1876. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп., вмѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1878 году.

А. Замятка. Новая теорія г-на Евгения Маркова (фев., 836).

А. Л. Развитие русскихъ законовъ о евреяхъ (мар., 353).

Андреевскій, С. А. Октябрьская ночь (январь, 265).— I. Майская ночь. II. Августовская ночь (фев., 630).— Воронъ. Поэма Эдгара Поэ. Съ предисловіемъ автора (мар., 108).— Изъ современныхъ поэтовъ Франціи: I. Шарль Боделеръ. II. Франсуа Коппе. III. Жанъ Ришпенъ (апр., 690).— Аннабель-Ли. Изъ Эдгара Поэ (май, 115).— Изъ современныхъ поэтовъ Франціи: Жанъ-Ришпенъ и Боделеръ (июнь, 611).— Стихотворенія: I. Изъ Эдгара Поэ Страна сновъ. II. Изъ Дранмора (июль, 159).— Другу. Стих. (авг., 606).— Пѣсни: I-V (дек., 583).

Арсеньевъ, К. К. Давидъ-Фридрихъ Штраусъ (сент., 278; окт., 570).

Барсовъ, Е. В. Критическія замѣтки объ историческомъ значеніи «Слова о полку Игоревѣ» (окт., 767; ноябрь, 346).

Бекетовъ, А. Н. Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ (авг., 566).

В. Всемирный торговый рынокъ въ 1877 году (июль, 341).

В. К. Дѣло г-на Илювайскаго въ Галиціи (январь, 361).

В. М. Изъ Ларры, испанская сатира 30-хъ годовъ (май, 194).

В—тъ, А. Давность славянской идеи въ русскомъ обществѣ, по поводу статей Е. Карновича и В. Ламанскаго (май, 283).

Васильчиковъ, кн. А. Н. По поводу критикъ и рецензій на книгу «Земле-владѣніе и земледѣліе» (фев., 778).

Веселовскій, Александръ Н. Рабле и его романъ (мар., 128).

Веселовскій, Алексѣй Н. Мольеръ, сатирикъ и человѣкъ (май, 57).

Ворононовъ, Ф. Ф. Наши поземельные налоги (май, 318).

Генъ, А. А. Этапный лазаретъ Государыни Цесаревны въ турецкую кампанію 1877—1878 года (июль, 297).

Герье, В. Н. Исполнить Тѣнь, какъ историкъ Франціи (апр., 534; май, 117; сент., 234; дек., 511).

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. А. Стихотворенія: I. Ужъ не пора-ль домой? II. Ночь (январь, 5).— I. Весной. II. Первый громъ. III. Мы говорять: забудь тревоги дня (июнь, 473).— Я тихо брегъ проѣзжаю дорогой. II. О, еслибъ върнулъ я (ноябрь, 101).

Д. Русская грамматика въ Англіи (іюль, 398). — Начатки литературной солидарности (авг., 826).

Д—евъ. Послѣднія десять лѣтъ жизни П. Ж. Прудона (іюнь, 522; іюль, 163; авг., 484; сент., 28).

Данилевскій, Г. П. Потемкинъ на Дунаѣ, истор. повѣсть (февраль, 501).

Зела, Эм. Парижскія письма: XXXII. Новые успѣхи драмы во Франціи (янь, 404). — XXXIII. Наши современные поэты (фев., 873). — XXXIV. Новѣйшій романъ Альфонса Додэ «Набобъ» (мар., 408). — XXXV. Современная французская молодежь (апр., 865). — XXXVI. Французская революція въ книгѣ Тэна (май, 389). — XXXVII. Открытіе всемірной выставки (іюнь, 811). — XXXVIII. Французская школа живописи на выставкѣ 1878 года (іюль, 871). — XXXIX. Парижскія окрестности (авг., 799). — XL. Характеристики современнаго французскаго романа (сент., 438). — XLI. Современная блѣдъ (окт., 864). — XLII. Современные типы женщинъ во Франціи (нояб., 439). — XLIII. Закрытіе всемірной выставки въ Парижѣ (дек. 865).

К. В. Леопарди въ новомъ переводѣ (дек. 896).

К., М. П. По поводу Пушкинскихъ писемъ въ «Вѣст. Европы» (мар., 435).

Кавелинъ, К. Д. О задачахъ искусства (окт., 465).

Ковалевскій М. М. Критическая замѣтка. Матеріалы для изученія Болгаріи (мар., 436).

Коршъ, В. О. Ремесленные союзы въ Англіи (авг., 635). — Политическое значеніе Константинополя (сент., 423). —

Костомаровъ, Н. Н. Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской порты (дек. 806).

Краснопольскій, А. М. Господа денутаты. Очерки и рассказы съ натуры (авг., 521). — Деревенскіе дѣльцы. Рассказъ (сент., 125).

Л., А. Любушка, святочный рассказъ (мар., 201). — Старинныя дѣла. Рассказы

и воспоминанія: I. Птичница (іюнь, 476). II. Березай (іюль, 48).

Лисовскій, Н. Письмо въ редакцію, по поводу училищныхъ совѣтовъ (май, 418).

Лукиановъ, Л. Надо жить. Рассказъ (дек., 724).

Мечниковъ, М. Н. Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ (іюль, 9; авг., 437).

Миллеръ, О. О. Лордъ Байронъ и его судьба (февр., 457; апр., 652).

Минскій, Н. М. Стихотворенія: Думы и грезы. III. Наше горе. IV. Зачѣмъ? V. Пѣсни молота (фев., 672). — VI. Въ сумерки, (апр., 821). — I. Увядшіе листья. II. Памяти Н. III. Засуха (іюль, 5). — I. Предъ зарею. II. Среди могилъ. III. Моя вѣра (нояб., 5).

Мирнопольскій, С. Н. Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ. — Историко-біограф. очеркъ (нояб., 8; дек., 587).

Н. А. Новость по народно-учебной литературѣ: «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы, комитета грамотности» (іюнь, 838).

Наблюдатель. Парижъ и всемірная выставка (іюль, 400).

Надкинъ, Г. П. Каленикъ (нояб., 104).

О., Д. Надъ свѣжей могилой. Стих. (іюнь, 729).

Н., А. Взаимныя отношенія въ славянствѣ. По поводу болгарскихъ дѣлъ (іюнь, 757). — Некрологъ: Магъ-Гаханъ (іюль, 424).

Н., Л. Некрологъ. Ю. А. Россель (мар., 441). — Дѣтская больница св. Владимира въ Москвѣ (сент., 461).

Не—вичъ, В. Послѣдніе дни обвинителя. Романъ трехъ дней (апр., 570; май, 240).

Н—ій, А. Элегія (май, 317).

Н—евъ, М. Письменные донесенія В. И. Григоровича изъ Константинополя и его книга: «Путешествіе по европейской Турціи» (фев., 896).

Половскій, Л. А. Литературный конгрессъ въ Парижѣ (авг. 674; сент., 354).

Половскій, Я. П. Стихотворенія: I.

Въ гаремѣ брань и плачь. 2. Что мнѣ она! (нояб., 60).

Петѣхнѣвъ, А. А. Выгодное предпріятіе. Комедія (январь, 47).—Молодые побѣги, повѣсть (окт., 658; нояб., 187; дек., 637).

Пушкинъ, А. С. Новые письма къ невѣстѣ и къ жевѣ. 1830—36 гг. (январь, 7; мартъ, 5).

Пыпинъ, А. Н. Болгарія и болгары передъ войною (мартъ, 281; апр., 699).—Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ (сент., 312; окт., 726; нояб., 313; дек., 771).

Пясецкій, П. Я. Два мѣсяца въ Габровѣ.—Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг. (сент., 83; окт., 516).

Р. М. Современная Рига, ея общественная жизнь и порядки (мартъ, 321).

Реньяръ, А. Наука и литература въ современной Англіи. Письмо седьмое (мартъ, 230).—Письмо восьмое (июль, 260).

Россаъ, Юр. Среднеазиатская культура и наша политика на востокѣ (июнь, 578; июль, 117).

С. М. Два дѣла александровской эпохи (январь, 435).—Некрологъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ (фев., 906).—Н. В. Хавыковъ (дек. 911).

Семевскій, В. И. Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ (май, 5; июнь, 421).—Посессионные крестьяне въ XVIII вѣкѣ (окт., 610; нояб., 141).

Сергѣевичъ, В. И. Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммисіи (январь, 188).

Слонимскій, Л. Забытые экономисты: Тювенъ и Курно (сент., 5).

Смирновъ, В. Н. Официальная Турція въ лицахъ (январь, 275; фев., 600).

Станкевичъ, А. В. Кареннина и Левинъ. Литературно-критическіе очерки (апр., 784; май, 172).

Суриковъ, Н. З. Стихи: Догорѣла румяная зорька вдали (дек., 723).

Сѣменовъ, Н. М. Элементы мысли (мартъ, 39; апр., 457).

Текстъ берлинскаго трактата (авг., 751).

Трироговъ, В. Г. Податная десятина (нояб., 62).

Тургеневъ, М. С. Предисловіе къ «новымъ письмамъ А. С. Пушкина (январь, 7).

Утинъ, Евг. И. Болгарія во время войны. Забѣтки и воспоминанія (фев., 676; апр., 737; июнь, 672).—Въ Болгаріи (нояб., 260).

Ф. И. Патронать въ Россіи и за-границею (фев., 640).

Холодковский, Н. А. Двѣ сцены изъ «Фауста» Гёте. I. Погребъ Ауэрбаха. II. Вальпургіева ночь (мартъ, 266).—Отрывки изъ «Фауста» Ленау. I. Первый танецъ. II. Фаустъ у гроба матери. III. Смерть Фауста (окт., 506).

Цертелевъ, кн. Д. И. Стихотворенія: I. Скользятъ нашъ челнъ. II Ты, солнце. III. Пока довольные судьбою. IV. Утро. (апр., 733).

Черняевъ, Л. Подходный налогъ съ финансовой точки зрѣнія (авг., 612; сент., 178).

Шмилъгагенъ, Фр. Старая пословица: The skeleton in the house. Повѣсть (январь, 312; фев., 731).

Э., А. Новый свидѣтель декабрьскаго переворота. Два тома «Исторія преступленія» В. Гюго (июнь, 618; июль, 210).—Изъ воспоминаній писателя (авг., 647).

З. Забѣтка. Новый Апостать. Последнее слово Дюбуа-Реймона о классицизмѣ (апр., 894).

З. З. Некрасовъ, какъ поэтъ (дек., 473).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе. Январь: Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го. — Приѣздъ государя императора въ Петербургъ. — Взглядъ на историческую почву развитія. — Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи. — Дѣла мира и дѣло войны. — Сравненіе съ войною 1828—1829 годовъ. — Причины неуспѣха крымской кампаніи. — Усиѣхи и недостатки, обнаружившіеся нынѣ. — Внутренніе вопросы и задачи. — Дальнѣйшая работа. — Амнистія печати (379 стр.). — **Февраль:** Бюджетъ 1878 г. — Отчетъ контроля за 1876 годъ. — Уменьшеніе доходовъ. — Чрезвычайныя военныя потребности. — Средства къ возвышенію доходовъ. — Временныя факты, вызванныя войною. — Ея финансовое наслѣдство. — Вопросъ о производительности страны (814 стр.). — **Мартъ:** Послѣ войны. — Опытъ гражданскаго управленія въ Болгаріи. — Слабость нашихъ предварительныхъ сѣдѣній и невлѣрность расчетовъ. — Технические недостатки въ военномъ дѣлѣ. — Роль земства и печати въ эпоху войны. — Полемика одесскихъ газетъ съ тифлисскимъ „Обзоромъ“. — Врачебная помощь со стороны женщинъ. — Финансовый вопросъ и преобразование податей. — Наша акцизная система. — Современное состояніе почтоваго дѣла въ Россіи (382 стр.). — **Апрѣль:** Дѣло народнаго образованія. — Крестьянскіе платежи въ петербургской губерніи. — Число народныхъ школъ въ Россіи. — Государственный починъ въ начальномъ образованіи. — Содействие земства и обществъ. — Устраненіе препятствій. — Двухклассныя училища. — Учительскія семинаріи. — Постановленія черниговскаго и рязанскаго земствъ. — Слова князя Волконскаго (825 стр.). — **Май:** Судебный процессъ 31-го марта, и приговоръ присяжныхъ. — Относительныя свойства суда присяжныхъ вообще. — Параллельные случаи оправдательныхъ приговоровъ у насъ и за-границею. — Разсужденія въ палатѣ лордовъ по поводу убійства. — Двѣ си-

стемы. — Единствообразіе и единство. — Жалобы изъ Грузіи, и отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1876 годъ (343 стр.). — **Іюнь:** Поступленіе таможенныхъ и акцизныхъ доходовъ въ 1877 году. — Вліяніе золотой пошлнны. — Иамсканіе новыхъ ресурсовъ. — Письмо винокуреннаго заводчика. — Кредитное обращеніе. — Пересмотръ выкупныхъ платежей. — Законъ объ арендѣ общинныхъ земель. — Мысли по поводу полемики о государственныхъ заменахъ (781 стр.). — **Іюль:** Новый сводъ уголовной статистики за 1876 г. — Медленное развитіе нашей судебной территоріи. — Устойчивость формъ новаго свода и составныя его части. — Значеніе судебной статистики для министерства юстиціи. — Общій картина судебного дѣлопроизводства и ея частности. — Сумма преступности въ 1876 г., и ея распределеніе по родамъ преступленій. — Цифры религиозныхъ преступленій. — Кража и ея топография. — Процентъ оправданій и осужденій. — Значеніе уголовной статистики для законодателя. — Матеріалы для будущей уголовной статистики: апрахонское побоище и т. п. (321 стр.). — **Августъ:** Первые заботы послѣ мира. — Новыя назначенія. — Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ. — Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще. — Замѣтка о подоходномъ налогѣ. — Нынѣшнее положеніе крестьянскаго хозяйства. — Преобразование земледѣльческихъ училищъ. — Сибирскій университетъ. — Усиленіе уѣздной полиціи. — Крестьянское самоуправленіе (717 стр.). — **Сентябрь:** Убі.ство ген. Мезенцова. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ. — Отказы попечителей. — Новый заемъ. — Кредитное обращеніе. — Разрядный налогъ и уравнительность. — Преобразование податей. — Удержаніе золотой пошлнны (892 стр.). — **Октябрь:** Старый вопросъ объ общественной самодѣятельности. — Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ. — Школы въ хотинскомъ

уѣздѣ. — Инспекція по описанію инспектора. — Измѣненіе сроковъ вноса крестьянами охладныхъ сборовъ. — Злоупотребленія заемщиковъ у земельныхъ банковъ. — Приѣмъ войскъ въ Варшавѣ (818 стр.). — Ноябрь: Наши валютныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проекты гг. Бунге и Клауфмана, и мнѣніе г. А. Кошелева. — Новые налоги. — Слухи о табачной монополіи. — Акцизъ съ табака. — Казенная монополія во Франціи и Австріи (886 стр.). — Декабрь: Древность вопроса о „поврежденіи нравовъ“. — Что такое истинный нигилизмъ? — Осужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки ей со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источникъ его успѣховъ. — Теорія „анархіа“ и „всмишекъ“. — Неудачныя ссылки на исторію. — Замѣтка по поводу преобразованія учебныхъ заведеній въ Финляндіи (818 стр.).

II. Корреспонденція. I. Берлинъ: Планы Бисмарковскихъ реформъ (фев., 839). — Конецъ либеральной эры въ Пруссіи (апр., 846). — Роковое время (іюнь, 789). — Отъ покушенія и до выборовъ (авг., 767). — Политическія и неполитическія воспоминанія изъ канцелярной поѣздки (окт., 843). — Подъ новымъ закономъ (дек., 845). — II. Лондонъ: Разногласіе въ сент-джемскомъ кабинетѣ. (фев., 857). — Военныя приготовленія и военныя силы Англіи (май, 372). — „*Coup de matre*“ лорда Биконсфилда (августъ, 786). — Исторія съ Афганистаномъ (ноябрь, 423).

III. Обзорѣніе военныхъ дѣйствій. — Декабрь (яна., 443). — Январь (фев., 915). — Мѣсяцъ перемирія (мартъ, 443). —

IV. Иностранная политика. Май: Миръ или война? (862 стр.). — Іюнь: Закрытие германскаго сейма (778 стр.). — Августъ: Берлинскій трактатъ (740 стр.). — Сентябрь: Положеніе дѣлъ въ Германіи (414 стр.). — Октябрь: Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ (835 стр.). — Ноябрь: Пренія чрезвычайной сессіи

Томъ VI. — Декабрь, 1878.

германскаго сейма (412 стр.). — Англія и Афганистанъ (дек. 920).

V. Библиографическій Листокъ. Январь: Императоръ Александръ I. С. Соловьева. — Нѣмецкіе поэты, п. р. Н. Гербеля. — Очерки общей теоріи гражданского права. С. Муромцева. — Геродское самоуправленіе въ Россіи. И. Дитяткина. — Исторія Востока, Греціи и Рима. Бар. Н. Корфа. — Февраль: Въ средѣ умѣренности и аккуратности. М. Е. Салтыкова (Щедрина). — Анна Каренина. Гр. Л. Н. Толстого. — Очерки Персіи. П. Огородникова. — Миръ реальный и миръ идеальный. И. Я. Бинева. — Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой, т. II. — Мартъ: Сочиненіе Ю. Ф. Самарина, т. I. — Сборникъ государственныхъ знаній т. V. — Историческіе и критическіе опыты Т. Карлейля. — Русскій промисловый налогъ, А. Субботина. — На память о Н. А. Некрасовѣ. — Апрель: Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, новое изданіе. — Статистика производительныхъ силъ Россіи. Составилъ Л. М. Карачунскій. — Основныя начала горнаго искусства. Пер. Домгера и Г. Лебедева. — Книга для первоначальнаго чтенія, II т., В. Водовозова. — Война въ Малой Азіи въ 1877 году. Г. К. Градовскаго. — Публичныя лекціи. Ор. Миллера. 2-ое изданіе. — Май: Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ спеціальною комиссіею Комитета грамотности. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, томъ XXII. — Сборникъ государственныхъ знаній, п. р. В. П. Безобразова, т. IV. — Семь сказокъ для дѣтей. Варвары Софроновичъ. — Литературная, музыкальная и художественная собственность, т. I. И. Г. Табачникова. — Іюль: М. Е. Салтыковъ. Русская бібліотека, т. VIII. — Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе. — Разборъ книги князя А. Васильчикова: „Землевладѣніе и земледѣліе“. В. Герье и Б. Чичерина. — Исторія педагогики Карла Шмидта, пер. Эд. Циммермана. — Римская религія отъ Августа до Антонина, Гастона Буассье, перев.

1/4 61/11

Марин Корсажъ. — О лѣсоохраненіи по русскому праву. Исслѣдованіе Сергія Ведрова. — Июль: Разыскатели истины. Ил. Панаева. — Сравнительная статистика Россіи и зап.-европейскихъ государствъ. Ю. Янсона. — Затѣище и бунъ. Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ. — Хожденіе игумена Данила въ св. землю. Извѣд. М. Веневитинова. — О городскихъ налогахъ въ Москвѣ. М. Щепкина. — Августъ: Катакомбы. Евгений Туръ. — Письма о научной философіи. Лесевичъ. — Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. А. Голубева. — Собрание сочиненій Гёте, въ переводахъ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля. — Сказки и рассказы. Н. Щедрина (М. Салтыкова). — Сентябрь: Исслѣдованіе по римской исторіи, преимущественно въ области третьей декады Ливія. Владимира Шпрогова. — Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ. — Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. — Октябрь: Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, въ пяти томахъ, съ атласомъ, И. С. Влюха. — Ученіе о цѣтахъ по отношенію къ искусству и техникѣ. Соч. В. фонъ-Вецольда, переводъ С. Ламанскаго. — Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи, въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина. — Турція, ея могущество и распаденіе. А. Чемерзина. — Русская бібліотека, томъ пятый: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. Второе изданіе. — Ноябрь: Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. XXIII. — Жизнь и труды Стрелова. Н. Барсукова. — Желѣзно-дорожное хозяйство, т. II. А. Чупрова. — Курсъ русскаго уголовного права, вын. II. Н.

С. Таганцева. — Очерки Цейлона и Индіи. И. П. Минаева. — Сборникъ законовъ объ охотѣ. — Декабрь: Потерянный и возвращенный рай, Дж. Милтона, изд. Мариса. — Земля и люди, Эл. Реме, т. II. — Сонъ и бодрствованіе, И. Орманскаго. — Сны на-яву, Л. Пальмина. — Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востоѣ Россіи, адм. Невельскаго. — Юридическій календарь на 1879 г., М. Острогорскаго.

VI. Новѣстія. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. (январь, 456). — О русской выставкѣ въ Пилзень (мартъ, 455). — I. Извлеченіе изъ отчета главнаго управленія общества по именованію о больницъ и раненыхъ воякахъ за 1877 годъ. — II. Международный литературный съѣздъ во время парижской выставки 1878 года (апр., 908). — Отъ департамента земледѣлія и сельской промышленности (іюнь, 841.). — Отчетъ общества для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, за 1877 г. (іюль, 427). — Объявленіе Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. — Общество для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (августъ, 838). — Отъ комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества по изслѣдованію формъ и порядковъ крестьянскаго землевладѣнія: Опытъ программы по изслѣдованію повсемѣльной общины (октябрь, 896). — Извлеченіе изъ полугодоваго отчета кишиневскаго общества пособія нуждающимся въ образованіи (ноябрь, 470). — Приглашеніе къ пожертвованіямъ на учрежденіе приіята для взрослыхъ слѣпыхъ въ Спб. въ память д-ра Блессига. Китайскимъ художественнаго этнографическаго музея (дек. 929).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

НОВЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1878.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

СТР.

Стихотворенія. — 1. Предъ зарею. — 2. Среди могилъ. — 3. Моя мѣра. — Н. М. МИНСКАГО.	5
Фотій Спаскій, юрьевскій архимандритъ. — Историко-біографическій очеркъ. — I—VIII. — С. И. МИРОПОЛЬСКАГО.	8
Стихотворенія. — 1. Въ гаремѣ брань и плачь. — 2. Что мнѣ она! — Я. П. ПОЛОНСКАГО.	60
Податная десятина. — Экономическіе опыты. — В. Г. ТРИРОГОВА.	62
Стихотворенія. — 1. Я тихо брелъ проѣзжею дорогой. — 2. О, еслибъ вѣрнѣ я. — Гр. А. А. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА.	101
Каленикъ. — Историческая повѣсть изъ послѣднихъ временъ Запорожья. — Г. П. НАДКИНА.	104
Посовошенныя крестьяне въ XVIII вѣкѣ. — Очеркъ изъ исторіи обязательнаго фабричнаго труда. — III-V. — Окончаніе. — В. И. СЕМЕВСКАГО.	141
Молодые повзги. — Повѣсть. — Часть вторая. — А. А. ПОТЪХИНА.	187
Въ Болгаріи. — Изъ замѣтокъ и воспоминаній. — I. — Е. И. УТИНА.	260
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. — VI-VII. — А. Н. ПЫПИНА.	318
Хроника. — Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о полку Игоревѣ“. — Окончаніе. — Е. В. БАРСОВА.	346
Внутренніе Овозрѣнія. — Наши наличныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проекты гг. Бунге и Кауфмана, и мнѣніе г. А. Кошелева. — Новыя налоги. — Слухи о табачной монополіи. — Акцизы съ табака. — Казенная монополія во Франціи и Австріи.	386
Иностранная политика. — Првнія чрезвычайной оговорки германскаго сейма.	412
Корреспонденція изъ Лондона. — Исторія съ Афганистаномъ. — В.	428
Парижскія Письма. — XLII. — Современные типы женщинъ во Франціи. — ЭМ. ЗОЛА.	439
Извѣстія. — Извлеченіе изъ полугодичнаго отчета Кишиневскаго общества пособія нуждающимся въ образованіи.	470
Библиографическій Листокъ. — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. — Жизнь и труды Строева. Н. Барсукова. — Желѣзно-дорожное хозяйство, г. П. А. Чупрова. — Курсъ русскаго уголовного права, вып. II. Н. С. Таганцева. — Очерки Цейлона и Индіи, И. П. Миняева. — Сборникъ законовъ объ охотѣ.	

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

	стр.
Н. А. Некрасовъ, какъ поэтъ.—З. З.	473
Инполитъ Тэнъ, историкъ Франціи.—XIII-XVII.—Окончаніе.—В. И. ГЕРЬЕ	511
Пэонн.—I-V.—С. А. АНДРЕЕВСКАГО.	583
Фотій Спаоскій, юрьевскій архимандритъ.—Историко-біографическій очеркъ.—IX-XV.—Окончаніе.—С. И. МИРОПОЛЬСКАГО.	587
Молодые повзги.—Повѣсть.—Часть третья.—А. А. ПОТВХИНА	637
Стихотвореніе.—Догорѣла румяная зорька вдаль.—И. З. СУРИКОВА.	723
Надо жить.—Разсказъ.—Л. ЛУКЪЯНОВА.	724
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ.—VIII.—Западно-европейскіе и славянскіе протесты противъ панславизма. — IX. Общіе замѣчанія. — Окончаніе. — А. Н. ПЫПИНА.	771
Богданъ Хмельницкій, данникъ оттоманской порты.—Н. И. КОСТОМАРОВА.	806
Хроника.—Внутреннее Озвращеніе.—Древность вопроса о „поврежденіи правъ“. — Что такое истинный нигилизмъ? — Осужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источникъ его успѣховъ.—Теорія „анархизма“ и „всплывшихъ“. — Неудачныя ссылки на исторію.—Замѣтка по поводу преобразованія учебныхъ заведеній въ Финляндіи.	818
Корреспонденція изъ Берлина. Подъ новымъ закономъ.—К.	845
Парижскія Письма.—XLIII.—Закрытіе всемірной выставки въ Парижѣ.—ЭМ. ЗОЛА	865
Литературная замѣтка.—Леопарди въ новомъ переводѣ.—В. К.	896
Некрологъ.—Н. В. Ханниковъ.—М. С.	911
Иностранная политика.—Англія и Афганистанъ.	920
Извѣстія. — I. Приглашеніе къ пожертвованіямъ на учрежденіе пріюта для взрослыхъ слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ, въ память д-ра Блессига. — II. Китайская художественная этнографическая выставка	929
МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1878 году.	932
Алфавитный указатель авторовъ и статей „Вѣстника Европы“ за 1878 годъ.	941
Библиографическій Листокъ.—Потерянный и возвращенный рай, Дж. Милтона, изд. А. Ф. Маркса.—Земля и люди, Эл. Реклю, т. II: Франція.—Сонъ и бодрствованіе, И. Г. Орманскаго.—Син на-лаву, Л. Пальмина.—Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи, адм. Невельскаго.—Юридическій календарь на 1879 г., М. Острогорскаго.	

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на все періодическія изданія и вымыкаетъ иногороднымъ все книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 42.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 42.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА**ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА**

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Критика философской системы Монтана и дополненіе этой системы мыслями Гегеля и нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ. Соч. И. Полетяки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Миръ реальный и миръ идеальный. Соч. И. Я. Бикова. Предметъ этого сочиненія: изслѣдованіе ощущенія и вѣнскіе основнаго начала природы. Въ текстѣ 163 чертежа. Спб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдованія основнаго начала позитивной философій. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Письма о научной философій. В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Разыскатели истины (Иммануэль Кантъ (1724—1804), Иоганнъ Готтлибъ Фихте (1762—1814), Фридрихъ-Генрихъ Якоби (1743—1819)). Составилъ Ипполитъ Панаевъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ составителя. Спб. 1878 г. Ц. за 2 т. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Современное направленіе философій и нѣкоторые ея принципы. Соч. И. Полетяки. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Барчумъ. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Безпечальное житье. Романъ. Сочин. А. Михайлова. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Виргиліева Энеида. И. П. Котляревскаго. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

До свѣтлѣ Думи и поэми. П. Кулиша. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ VI. Съ портретомъ и факсимиле покойнаго И. Г. Оршанскаго. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Записки глухца. Сочиненіе Эжена Нозля. Съ предисловіемъ Е. Литтре, — и Воспитаніе Феодала. Сочиненіе Эркмана Шатриана. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Изъ воспоминаній судебнаго слѣдователя. Очерки и разсказы. Н. П. Тимофѣева. Москва. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Каталомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгенія Туръ. Новое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Сочин. Гр. А. К. Толстого. Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ переплетъ съ золотымъ тисненіемъ. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова.

*) Книжки, поступившія въ Складъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, указаны въ каталогѣ; на книгахъ, вышедшихъ въ текущемъ году, обозначены годъ изданія.

Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

На морѣ. Жюль Верна. Переводъ Марка-Вовчага; съ 45 картинками и портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р., въ переплетъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

На встрѣчу. Очерки и стихотворенія. Василія Маркова. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Біографія, критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный съ негатива фотографа С. Л. Левичаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Чистый сборъ отъ этого изданія назначается на лучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особымъ ею почетомъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Нѣмецкіе поэты. Въ біографіяхъ и образахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 50 к., въ пер. 8 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Павелъ-Іосифъ Шафарикъ. Очеркъ изъ исторіи чешской литературы XIX вѣка по „Словнику научному“ Николая Задерацкаго. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Потанинъ на Дунаѣ. 1790-й годъ. Историческая повѣсть Г. П. Данилевскаго. Спб. 1878. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

По поводу пересмотра устава университетовъ. Я. Степанова. Казань. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Про украинскихъ козаци, татаръ та турки. Злобинъ М. Драгомановъ. Ц. 10 к.

Путешествія и рассказы. А. А. Тиханскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Пѣсни и сатиры и комедія Либераль въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Д. Д. Миняева. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русская Библиотека, томъ VIII: М. Е. Салтыковъ. Избранныя сатиры, съ біографіею и портретомъ автора. Спб. 1878. Стр. 438. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Русская Библиотека. Т. V. А. С. Грибоедовъ. Комедія „Горе отъ ума“.— Лубочный театр.— Своя семья.— Грузинская ночь.— Хищники на Чегемѣ.— Перениска.— Портреты.— Біографія.— Изъ критики Бѣлинскаго.— Второе изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.; въ англ. переплетѣ 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Рѣчи и статьи. Джона Тиндала. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Славянскій ожегодникъ. Сборникъ статей по славяновѣднію. Составилъ Н. Задерацкій. Кіевъ. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Славянскій сборникъ, томъ II, съ приложеніемъ этнографической карты русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣв.-вост. Угріи и „Буковинѣ“. Изданіе спб. славянскаго благотвор. общества. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета. т. I. Ц. 3 р. съ пер. Т. III. Ц. 3 р. съ пер.

Собраніе сочиненій М. А. Шакинскаго. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Шакинскаго. Т. II. Отдѣлъ историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7-й томъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Однанадцать т. М. 1878 г. Ц. 16 р. 50 к., съ перес. 18 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Таинственный островъ. Жюль-Верна, съ 150 гравюрами Барбона. Перевъ Марка-Вовчага. 3 т. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на зеленой бумагѣ съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 3 р. 25 к., съ перес. 8 р. 50 к.—Портретъ особю: 50 к.

Францъ фонъ-Зинингенъ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перевъ. А. С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., въ 3 ф.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Древнѣйшая бытовая исторія славянъ вообще и чеховъ въ особенности. Соч. Дра Я. Э. Воцеля. Переводъ съ чешскаго Н. Задерацкаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Жизнь европейских народов Е. Н. Водозовой. Ч. I. *Жизни Юга*. Подробное описание жизни, нравов и обычаев: болгар, сербов, черногорцев, герцеговинцев, босняков, турок, албанцев, румын, греков, итальянцев, испанцев, португальцев, французов и швейцарцев, съ 26 рис. Изд. 2-е Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 25 к., въ переплетъ 4 р. 55 к., съ пер. 5 р. Ч. II. *Жизни Севера*. Описание нравов и обычаев англичан, шотландцев, ирландцев, голландцев, бельгийцев, шведов и датчан, съ 24 рис. Ц. 3 р. 75 к., въ пер. 4 р. 25 к., въ переплетъ 4 р. 55 к., съ пер. 5 р.

Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатия. Соч. Сергія Соловьева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ перес.

Исторія Коммунизма. Соч. Альфреда Сюдра. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ, 3 тома. Соч. Лабула. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Исторія Сербии, по сербскимъ источникамъ. Соч. проф. Ранке. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 8 ф.

Историческія судьбы женщины. Дѣтубійство и проституція. С. С. Шамкова. Изданіе второе. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 30 к.

Люди Бемлі. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. Н. Добролюбова. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Очерки организаціи и происхожденія служилого сословія въ допетровской Русіи. Исследование Н. Загоскина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ. Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Турція, ея могущество и распаденіе. Историческія и военные очерки. Съ картой турецкихъ завоеваній XIV, XV и XVI столѣтій и планомъ Константинополя. А. Чемерзина. Т. I. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очеркъ путешествія по европейской Турціи, съ картою окрестностей Охридскаго и Преспанскаго озеръ. Виктора Григоревича. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Природа и жизнь Америки. Дрэнера. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Способы образованія рѣчныхъ долинъ европейской Россіи. В. Докучаева. Спб. 1878. Ц. 2 р. съ перес.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи. 5-тъ т. и томъ графическихъ изображеній. Ц. 50 рублей, съ пересылкою 60 руб. Т. I. Постройка и эксплуатация желѣзныхъ дорогъ. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к. Т. II. Производство, потребление и торговля земледѣльческими продуктами. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к. Т. III. Скотоводство. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Т. IV. Вѣтшная торговля. Ц. 10 р., съ пер. 12 р. Т. V. Финансовыя результаты. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Карта движенія вѣтхъ грузовъ, заключающаяся въ томъ графическихъ изображеній, отдѣльно 3 р., съ пер. 5 р.

Курсъ промышленной экономіи и Коммерческой географіи въ связи съ торговле-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. Сочин. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1878. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Малый земельный кредитъ въ Россіи. Князь А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Образцовый уставъ селско-судосберегательнаго товарищества съ необходимыми къ нему объясненіями и приложеніями. 5-е изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Основанія политической экономіи съ примѣрами изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., въс. 8 ф.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Территорія и населеніе. Ю. Э. Яковлевъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука-книжка. Для обученія и самообученія грамотѣ въ 200 картинками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 к., съ пер. 8 к.

Бунинъ, Н. Концентрическій учебникъ русской грамматики для русскихъ дѣтей. Курсъ 1-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф. Курсъ

2-й. Ц. 65 к., перес. за 1 ф. Курсы 3-й. Ц. 75 к., пер. за 1 ф. Курсы 4-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф.

Безз. Письма о воспитании, пер. Кожениковой и Ржевской. Ц. 30 к., съ перес. за 1 ф.

Воспитание умственное, нравственное и физическое, соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Герон Севастополя. Составилъ А. В. Арсеньевъ. Изданіе 2-е, дополненное. Сиб. 1878 г. Ц. 30 к., въ накб 40 к., за пересылку 10 к.

Душевная жизнь животныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Ц. въ переплетъ 50 к., въ бумажѣ 40 к., съ пер. 75 к. и 55 к.

Дѣла наши съ турками. Историческо-военный очеркъ. П. Я. Бугайскаго. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Евтушевскій, В. Арифметическій ящикъ въ 1,000 кубиковъ. Составъ его и объясненіе употребленія. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

Евтушевскій, В. Арифмет. счеты. Объясненіе ихъ употребленія. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

Жизнь дѣтей. Собраніе рассказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Сиб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ, классное пособие для элементарныхъ школъ. Составилъ Г. Паульсонъ. Ц. 12 к., съ перес. 20 к.

Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Зоппле, Гаака и др. Сост. Ю. Вазъ. Сиб. 1878 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Затревъ, П. Начальная арифметика для сельскихъ школъ, съ 20 табл. Ц. 1 р. 25 к. Таблицы отдѣльно 40 к., перес. за 1 ф.

Изъ русской жизни и природы. Е. Н. Водовозовой. Рассказы о животныхъ, растеніяхъ, временахъ года, явленіяхъ природы, о главнѣйшихъ промыслахъ и очерки изъ народной жизни, съ 15 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к., въ переплетъ 2 р., за пер. 30 к.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей. Д-ра Фр. Диттеса. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія Россіи съ картинками и вопросами для повторенія народныхъ училищъ. М. Острогорскаго. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Историческая хрестоматія. Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курсы Новейш. Исторіи. Составилъ А. Овсвинниковъ. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

Историческая хрестоматія на новой и не-

вѣйшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Названія и алфавиты. Историческо-военный очеркъ. П. Я. Бугайскаго. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій. Составилъ Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исслейбомъ). Сиб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Краткій Русско-Латинскій словарь. Пособіе для учащихся гимназій при исполненіи письмен. задачъ по латинскому языку. Сост. Ю. Вазъ. Сиб. 1878 г. Ц. 85 к., съ перес. 1 руб.

Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи. М. Острогорскаго. Для III и IV классовъ гимназій иprogимназій и для низшихъ учебныхъ заведеній. 4-ое изд., съ значит. измѣненіями и дополненіями. Сиб. 1878 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Лѣтніи занятія въ полѣ съ перомъ и карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Маленькимъ дѣти. Н. А. Олдовезъ-Несмѣловъ. Рассказы для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми-лѣтняго возраста. Съ картинками. Сиб. 1878 года. Ц. 85 к., съ перес. 60 к.

Наглядно-звуковыя прописи въ „Первой Учебной Книжкѣ“ Паульсона. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 430 нѣмыхъ картинокъ. Сиб. 1878 г. Ц. 8 к.

Наглядно-звуковыя прописи въ „Ручному Слову“ Умнинскаго. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 400 нѣмыхъ картинокъ. Сиб. 1878 г. Ц. 8 к.

Наглядно-звуковыя прописи въ „Русской азбукѣ“ Водовозова. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 470 нѣмыхъ картинокъ. Сиб. 1878 г. Ц. 8 к., съ пер. 15 к.

Наглядно-звуковыя прописи въ азбукѣ Бунакова. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 460 нѣмыхъ картинокъ. Сиб. 1878 г. Ц. 8 к.

Начала космографіи, со многими полн. въ текстѣ. Сост. для употреб. въ сред. учебн. заведеніяхъ К. Краевичъ. Изд. 2-е. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начатки Ботаники. І. Д. Гукера. Переводъ съ англійскаго, съ измѣненіями и дополненіями А. Ф. Баталіна. Съ 67 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., на переплетъ за 1 ф.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школахъ и

дома на 28 раскрашенных листов. Составлен по атласу доктора Амора и употребительнейшим руководством Смирнова, Лебедева etc. Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исодойбой). Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обиходная книжка для мальчиков. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Оборона Севастополя. Рассказ очевидца. П. Я. Бугайскаго. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Объ употреблении задачника письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Сост. І. Паульсонъ. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Обучение грамотѣ и родному языку по первой учебной книгѣ. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Составилъ І. Паульсонъ. Ч. 1. Ц. 1 р. 4. Ц. 80 к., за перес. 25 к.

Общая военная повинность. М. Острогорскаго. Народное чтеніе. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

О способахъ обученія предметамъ учебного курса начальныхъ народныхъ училищъ. Н. Блянова. Съ приложеніемъ прикѣпнаго каталога кабинета наглядныхъ пособій съ 20-ю рисунками въ тексты. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Пароцъ. Всеобщая исторія педагогики. Перев. Гергардта. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Пособіе для практическихъ занятій по русскому языку и словесности въ среднихъ классахъ гимназій и дополненіе стихотвореній (съ разборами и объясненіями), назначенныхъ мин. нар. просв. для изученія въ нижнихъ 4-хъ клас. гимназій. Составилъ П. Надеждинъ. М. 1878 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Ремизовъ Кружа. А. Алленсмей. Новая переработка темъ де-Фосъ. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажамъ. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; въ перекл. 2 руб. 50 коп., лѣс. 2 ф.

Редная азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. 2-е пересмотрѣнное, исправленное и дополненное изданіе, съ 300 рисунками и наставленіемъ, какъ учить по этой азбуцѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 4 к.

Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Ф. Ленормана. Т. II. В. І. Араби. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русско-славянско-русская азбука для одновременнаго обученія чтенію и письму. Сост. П. Памковскій, съ рисунками и тексты. Ц. 20 к.

Русскія народные сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнберга). Ц. 20 к. „Рѣзвый и ловкій“ въ Семѣ и Шмелѣ. Сборникъ поделочныхъ дѣлъ и вышитійъ на

отрицатель воздуха; со многими рисунками въ тексты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Самъ сказано для дѣтей. Варвары Софроновны. Съ иллюстраціями, раб. Ежисавети Вѣмъ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. въ перекл. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, специальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Сиб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Умственное развитіе дѣтей. Е. Н. Водовозовой. Отъ перваго проявленія сознанія до 8-ми-лѣтняго возраста. Нравственное и умственное развитіе дѣтей, работы, игры, физическія упражненія, рассказы, сказки, загадки, пословицы и наблюденія надъ явленіями природы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Употребленіе знаменъ армянскаго въ русскомъ письмѣ съ приложеніемъ русской рѣчи и систематическаго диктанта. Сост. П. И. Богдановъ. Кіевъ. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ Сиб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Хронологія всеобщая и русской исторіи. Пособіе и справочная книга при изученіи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М. Острогорскаго. Сиб. 1878 г. Древняя исторія. Ц. 25 к., съ пер. 80 к. Средняя исторія. Ц. 25 к., съ перес. 80 к. Новая исторія. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холд. Руководство для учащихся, съ 9-ю таблицами и 39 политипажамъ. Сост. Д-ръ К. Вокъ. 6 изданіе. Сиб. 1878 г. Ц. 85 к., съ перес. 60 к.

Элементарный курсъ ботаники. Сост. С. Никитицкій, преподак. 1 и 4 Моск. зем. гимназій. Изданіе 2-ое, значительно дополненное. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Элементарная свѣдѣнія изъ химіи. Учебное пособие къ курсу физики. С. Ковалевскаго, преподавателя физики и химіи въ Сиб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Сиб. 1878 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Чтеніе и письмо по картинкамъ. Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. Съ 800 рисунками въ тексты. Ц. 15 к., съ перес. 40 к.

Ключъ изъ „Чтенію и писму по партіямъ“. Ц. 15 к., съ пер. 80 к.

Ямъ Амьстъ „Номинскій“. Великая дидактика, содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему. Ц. 1 р. 75 к. Роскошное изданіе. Ц. 3 р., перес. за 2 фута.

ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ—АРИМОЛОГІЯ.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Θ. Страшкевичемъ. Изданіе 2-е, дополненное описаніемъ Аэниъ, съ планомъ древняго города. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Слово о плыку Игоревѣ. Поэтичный памятникъ руской письменности XII вѣку. Текстъ с переводомъ и с поднесенными видамъ Омелян Огоновскій. У Львові. 1876 г. Ц. 2 р. съ переплечкомъ.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Курсъ теоретической ариометрии. Жозефа Вертрана. Члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Органическая химія. П. Алексѣева, проф. ун-в. св. Влад. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій А. Ганно, профессора физико-математическихъ наукъ. Перевелъ съ 15 французскаго изданія Ф. Палленковъ и В. Черкасскій. Изъ курсу приложено 1106 политиважей, хромофотографированный рисунокъ латы сестровъ, множество дополненій автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній и краткій очеркъ популярной химіи. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ примененіи въ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковского. Ц. 8 р.; вѣо. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анализъ мочи. 4-е исправленное и дополненное изданіе. Профессора Д. И. Кошлякова. Съ рисунками. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Гербаризация. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Естественный подборъ. Сочиненіе А. Р. Уоллеса. Переводъ подъ ред. Н. П. Вагнера. Съ прилѣпками и дополнительной статей, съ портретомъ Уоллеса, его біографіей, статьями и извлеченіями изъ сочиненія проф. Вейсмана. Съ четырьмя хромофотографированными таблицами и политиважками. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Минералы явленія, общія известности и растеніямъ. Курсъ общей физиологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Исторія науки хлѣба. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ писмахъ. Соч. Маса. Изданіе второе, съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Книга природы, съ 1000 рисунками. 4 тома. Сочин. Шеддаеръ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи общей патологіи (патологической физиологіи), читан. Профес. В. Памутинымъ. Ч. I. Патологія тканей (гистопатологія). Казань. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Лекціи объ элентричествѣ. Джона Тиндала. Съ 60 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Нѣкоторые способы леченія ранъ. Дра Штейнера. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред. д-ра М. Шершевскаго. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Нѣкоторые и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. О. Гримма. Ц. 1 р. съ перес.

Настоящія растенія. Соч. Чарльза Дарвина. 8 выпуска. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 8 р.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политиважками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецкаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекціи и статьи Джона Тиндала, съ предисловіемъ и прилѣпками проф. Гельгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рассказы о чудесахъ природы. Записаны изъ соч. Цирхера и Маркелла. Ц. 80 к., съ пер. 75 к.

Роль воображенія въ развитіи есте-

ственных наук. Д. Тиндала. Перевелъ Ф. Памленковъ. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.
Руководство къ частной патологии и терапії. Составленъ подъ ред. Н. v. Ziemssen'a. Т. I. Общественная гигиена и промишленныя болѣзни. Харьковъ. 1878 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р. Т. XII. Болѣзни периферическихъ нервноспинальныхъ нервовъ. Харьковъ. 1878 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ патолого-анатомической диагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра I. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 60 коп. съ пер.

Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на фзіологическія основанія и практическія примѣненія ея. Соч. Іосифа Гиртля. Переводъ съ 13-го послѣдняго изданія. Спб. 1878. Ц. 8 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Руководство къ женскимъ болѣзнямъ, составленное подъ редакціей Д-ра т. Бильрота. Болѣзни женскаго мочеиспускательнаго канала и вульвы. Проф. Д-ра Ф. Винкеля. Съ 59-ю полнотипажми въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство къ собиранію, храненію и наблюденіямъ надъ насѣкомыми и другими низшими животными и Скелетированіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Свѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Дженомъ Тиндалемъ, съ портретомъ и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сопоставленіе низшихъ и высшихъ силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перевелъ Ф. Памленковъ. Ц. 10 к., съ пер. 30 коп.

Труды Санктпетербургскаго общества естествоиспытателей, подъ редакціей А. Бекетова. Т. VIII. Съ приложеніемъ Путешествія по Закавказскому краю въ 1875 г. съ зоологическою цѣлю профес. К. Кеелера. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уходъ за дѣтми и выкармливаніе ихъ. Д-ра А. Ясоби, профес. по дѣтскимъ болѣзнямъ въ College of physicians and surgeons, въ Нью-Йоркѣ. Киевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ученіи фзіологін. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Ученіи дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Фзіологін растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и об-

щимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ при сенатѣ 1866—1876 г. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Спб. 1878. Ц. 6 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Исслѣдованія по русскому праву семейному и наследственному. И. Г. Орманскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Исторія права Московскаго государства. Т. I. Введеніе—Визшняя исторія права.—О верховной власти въ московскомъ государствѣ и о земскихъ соборахъ.—Н. П. Загоскина. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Крестильное дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоіянія.

Мурсъ Гражданскаго Судопроизводства. Сочиненіе Крониха Малишева. Т. 1. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Т. II. Ц. 2 р. 50 копѣекъ, съ пер. 3 р.

Мурсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въс. 2 ф.

Мурсъ Русскаго Уголовнаго права. Н. С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Мурсъ общаго гражданскаго права Россіи. Сочиненіе Крониха Малишева, Доктора с.-петербургскаго университета. Т. I. Спб. 1878. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.

Молодые преступники и учрежденія для нихъ исправленія, съ обзоромъ русскихъ учрежденій. Доктора уг. права А. Ф. Кистяковскаго. Киевъ. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Настоящая справочная книга для судебныхъ дѣателей. М. Острогорскаго. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Описательная социологія или группы социологическихъ фактовъ, классифицированныхъ и распределенныхъ Гербертомъ Спенсеромъ. Англія. Таблицы составилъ Джемсъ Колье. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Опытъ теоріи страхового договора. И. Степанова. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общіи порядки производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологін. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ приложеніи пош-

жени замѣтки Э. В. Тайлора по вопросу объ анемизмъ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вышлѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Очерки по социологическимъ правамъ. П. Деларова. Т. I. Очеркъ I: О правѣ въ ряду другихъ сферъ умственной жизни человѣка. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Руководство къ особенной части Русскаго Уголовнаго права, т. III. Преступленія: 1, противъ брака и правъ семейственныхъ; 2, противъ законовъ о состояніяхъ; 3, общеполитическія преступленія (поджогъ и т. п.). Магистръ правъ Н. А. Неклюдова. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Русское законодательство о злѣчахъ. Очерки и изслѣдованія И. Г. Орнанскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ законовъ объ охотѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1878 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Сиб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ II. Судопроизводство. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго Департамента Пр. Сената за 1876 годъ. Составилъ А. Книримъ и Евг. Ковалевскій. Т. I. Матеріальное право. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Т. II. Судопроизводство. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Сиб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Сиб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Уставныя грамоты XIV-го—XV вв., опредѣляющія порядокъ вѣдѣнаго правительственнаго управленія. Н. Загоскина. 2 вып. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Мисеризмъ, одимизмъ, столверченіе и опиритизмъ. Съ историческою и музыкальною точкою зрѣнія. Лекція, читанная, въ декабрѣ

1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Одноголосныя пѣсни съ русскими народными мелодіями съ аккомпаниментомъ на фортепiano. Музыка Рубина. Изданіе Е. Н. Водовозовой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ театральныхъ пѣсней для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. М. В. Карпѣева. Т. I: 1. Маруся. 2. Филипповъ аккорды. 3. Любительскій спектакль. 4. Въ ожиданіи поезда. 5. Откликнулось сердечко. 6. Какъ свѣтъ на голову. Т. II: 1. Изъ ости не вышнень. 2. Себя на утѣ. 3. На перевязочный пунктъ. 4. Женщина Отелло. 5. Ненавистники женщинъ. 6. Хочешь міра—объяви войну. 7. Женское оружіе. 8. Не великъ узелокъ да туго завязанъ. Сиб. 1878 г. Ц. каждому тому 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Теорія звука въ приложеніи къ музыкѣ. Лекція профес. Блацерни. Переводъ съ итальянскаго В. А. Чечотта, подъ редакцію Н. А. Гезехуса, съ многотысячными политонажами въ текстѣ. Сиб. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Ежедневная записная книжка на 1879 г. съ календаремъ на каждый день, особыми листами для адресовъ, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, многими необходимыми справочными свѣдѣніями и отрывными листами., въ 1 стр. на каждый день 1 р., на 1/2 стр. 75 к., за перес. 25 к.

Календарь термометръ на 1879 годъ съ отрывными листами на каждый день. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 40 к., безъ термометра 75 к., съ пер. 1 р. 40 к., съ пер. 90 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политонажными рисунками. Составилъ А. Н.—в. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Табель на 1879 годъ, бывшая Академическая. Ц. безъ рисунка въ листахъ 10 коп., съ рисункомъ въ листахъ 15 коп., на папѣ 80 коп.

Таблицы для умноженія, потрѣбныя на арифметической машинѣ Тома. Сост. К. Л. Петрихъ. 3 я., съ 1—3000. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 75 к. за вышесл.

КНИЖНЫЙ Складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 43.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 43.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Критика философской системы Комта и дополнение этой системы мыслями Гегеля и нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ. Соч. И. Полетяки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Миръ реальный и миръ идеальный. Соч. И. Я. Бикова. Предметъ этого сочиненія: исследование ощущенія и изысканіе основнаго начала природы. Въ текстѣ 163 чертежа. Спб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдованія основанаго позитивной философій. В. Лесевича. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Письма о научной философій. В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Психологическія этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Разыскатели истины (Иммануэль Кантъ (1724—1804), Иоганнъ Готтлибъ Фихте (1762—1814), Фридрихъ-Генрихъ Якоби (1743—1819)). Составилъ Ипполитъ Панаевъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ составителя. Спб. 1878 г. Ц. за 2 т. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Современное направленіе философій и нѣкоторые ея принципы. Соч. И. Полетяки. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Барчунъ. Картины прошлаго. Евгения Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Безпечальное житье. Романъ. Сочин. А. Михайлова. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Виргиліева Энеида. И. П. Котляревскаго. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собрание статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

До свѣтлы Души и поэмы. П. Кулиша. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Еврейская бібліотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ VI. Съ портретомъ и факсимиле покойнаго И. Г. Оршанскаго. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Записки глупца. Сочиненіе Эжена Нозя. Съ предисловіемъ Е. Литтре, — и Воспитаніе Феодала. Сочиненіе Эрмана Шатриана. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Изъ воспоминаній судебнаго слѣдователя. Очерки и рассказы. Н. П. Тимофѣева. Москва. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михайловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. т. I. Ц. 3 р. съ перес.

Катаномбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгения Тура. Новое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Сочин. Гр. А. К. Толстого. Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ переплетѣ съ воло-

*) Книжки, поступившія въ Складъ въ началѣ мѣсяца, указаны въ каталогѣ; на книжкахъ, вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Вѣстникъ Европы.—Дѣкабрь, 1878.

А

тнмъ тисненіємъ. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Мобсаръ. Т. Г. Шевченко 3 додаткомъ споминокъ про Шевченка писателів Тургенева и Полонского, съ портретомъ. У Проз. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

На морѣ. Жюль Верна. Переводъ Марка Вовчка; съ 45 картинами и портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р., въ переплетъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

На встрѣчу. Очерки и стихотворенія. Василія Маркова. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Наташъ Шудрынъ. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Николай Алексѣвичъ Некрасовъ. Біографія, критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный съ негатива фотографа С. Л. Левничаго фотографією Леиерсье въ Парижѣ. *Чистый сборъ отъ этого изданія назначается на лучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особымъ его попеченіемъ.* Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Нѣмецкіе поэты. Въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пер. 3 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Осужденная. Разсказъ изъ уголовной хроники. Н. П. Тимофеева. Москва. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Павель-Іосифъ Шафарикъ. Очеркъ изъ исторіи чешской литературы XIX вѣка по „Словнику научному“ Николая Задерацкаго. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Потемкинъ на Дунаѣ. 1790-й годъ. Историческая повѣсть Г. П. Данилевскаго. Спб. 1878. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

По поводу пересмотра устава университетовъ. Я. Степанова. Казань. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни, 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Про украинськихъ мовцівъ, татар та турків. Зложивъ М. Драгомановъ. Ц. 10 к. **Мухоместыя и разсказы.** А. А. Тиманскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Пѣсни и сатиры и комедія Либералъ въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Д. Д. Минаева. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русская Библіотека, томъ VIII: М. Е. Салтыковъ. Избранныя сатиры, съ біографією и портретомъ автора. Спб. 1878. Стр. 438. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Русская Библіотека. Т. V. А. С. Грибоедовъ. Комедія „Горе отъ ума“. — Лубочный театръ. — Своя семья. — Грузинская ночь. — Хищники на Чегемѣ. — Переписка. — Портретъ. — Біографія. — Изъ критики Вѣлинскаго. — Второе изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.; въ англ. переплетѣ 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Рѣчи и статьи. Джона Тиндала. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Славянскій емогедимъ. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Составилъ Н. Задерацкій. Кіевъ. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Славянскій сборникъ, томъ II, съ приложеніемъ этнографической карты русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣв.-вост. Угріи и „Буковинѣ“. Изданіе спб. славянскаго благотвор. общества. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета, т. I. Ц. 3 р., съ пер. Т. III. Ц. 3 р. съ пер.

Собраніе сочиненій М. А. Мансиновича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Мансиновича. Т. II. Отдѣлъ историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскіхъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7-мъ томовъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Одинадцать т. М. 1878 г. Ц. 16 р. 50 к., съ перес. 18 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Тантисвенный островъ. Жюль-Вернъ, съ 150 гравюрами Барбона. Перев. Марка Вовчка. 8 т. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ

золотымъ тиснениемъ, ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портреты особо: 50 к.

Францъ фонъ-Зикингенъ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., въс. 2 ф.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Древнѣйшая бытовая исторія славянъ вообще и чеховъ въ особенности. Соч. Д-ра Я. Э. Воцеля. Переводъ съ чешскаго Н. Задерацкаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Жизнь еврейскихъ народовъ. Е. Н. Водозовой. Ч. I. *Жители Юга.* Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ, босняковъ, турокъ, албанцевъ, румынъ, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ, съ 26 рис. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 25 к., въ изданіи переплетъ 4 р. 55 к., съ пер. 5 р. Ч. II. *Жители Севера.* Описаніе нравовъ и обычаевъ англичанъ, нидерландцевъ, ирландцевъ, голландцевъ, бельгийцевъ, шведовъ и датчанъ, съ 24 рис. Ц. 3 р. 75 к., въ пер. 4 р. 25 к., въ переплетъ 4 р. 55 к., съ пер. 5 р.

Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатія. Соч. Сергѣя Соловьева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ перес.

Исторія американскаго флота во время возстанія. Соч. Чарльса Бойнтонъ. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Исторія Коммунизма. Соч. Альфреда Сюдра. Ц. 2 р. 50 к., съ перес.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ, 3 тома. Соч. Лабуэ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Сербіи, по сербскимъ источникамъ. Соч. проф. Ранке. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 8 ф.

Историческія судьбы женщины. Дѣтубійство и проституція. С. С. Шашкова. Изданіе второе. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 30 к.

Люди Боминъ. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. И. Добротворскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Очерки организаціи и происхожденія служилого сословія въ до-петровской Руси. Исслѣдованіе Н. Загоскина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главнѣе дѣатели. Военно-историческія очерки.—Составилъ Л. Л. Штурмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Турція, ея могущество и распаденіе. Историческіе и военные очерки. Съ картою турецкихъ завоеваній XIV, XV и XVI столѣтій и планомъ Константинополя. А. Чемерзина. Т. I. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очеркъ путешествія по европейской Турціи, съ картою окрестностей Охридскаго и Преспанскаго озеръ. Виктора Григоровича. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Природа и жизнь Америки. Дрепера. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Русскій рабочій у старо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Способы образованія рѣчныхъ долинъ европейской Россіи. В. Докучаева. Спб. 1878. Ц. 2 р. съ перес.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи. 5-тъ т. и томъ графическихъ изображеній. Ц. 50 рублей, съ пересылкою 60 руб. Т. I. Постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к. Т. II. Производство, потребленіе и торговля земледѣльческими продуктами. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к. Т. III. Скотоводство. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Т. IV. Внѣшняя торговля. Ц. 10 р., съ пер. 12 р. Т. V. Финансовыя результаты. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Карта движенія вѣтъ грузовъ, заключающаяся въ томъ графическомъ изображеній, отдѣльно 8 р., съ пер. 5 р.

Курсъ промышленной экономіи и Коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. Сочин. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Мелкій земельный кредитъ въ Россіи. Князя А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Образцовый уставъ сельско-ссудосберегательнаго товарищества съ необходимыми къ нему объясненіями и приложеніями. 5-е изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., въс. 8 ф.

Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. Т. I. Территория и население. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука-конѣйка. Для обученія и самообученія грамотѣ съ 200 картинками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 к., съ пер. 3 к.

Бунаковъ, Н. Концентрический учебникъ русской грамматики для русскихъ дѣтей. Курсъ 1-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф. Курсъ 2-й. Ц. 65 к., перес. за 1 ф. Курсъ 3-й. Ц. 75 к., пер. за 1 ф. Курсъ 4-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф.

Бонз. Письма о воспитаніи, пер. Кожевниковой и Ржевской. Ц. 80 к., съ перес. за 1 ф.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Герон Севастополя. Составилъ А. В. Арсеньевъ. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., въ папкѣ 40 к., за пересылку 10 к.

Душевная жизнь животныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Ц. въ переплетѣ 50 к., въ бумажѣ 40 к., съ пер. 75 к. и 55 к.

Дѣла наши съ турками. Историческое-военный очеркъ. П. Я. Бугайскаго. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Евтушевскій, В. Арифметическій ящикъ въ 1,000 кубиковъ. Составъ его и объясненіе употребленія. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

Евтушевскій, В. Арифмет. счеты. Объясненіе ихъ употребленія. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

Жизнь дѣтей. Собраніе рассказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ, классное пособие для элементарныхъ школъ. Составилъ I. Паульсонъ. Ц. 12 к., съ перес. 20 к.

Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Зоффле, Гааке и др. Сост. Ю. Базъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Затрѣвъ, П. Начальная арифметика для сельскихъ школъ, съ 20 табл. Ц. 1 р. 25 к. Таблицы отдѣльно 40 к., перес. за 1 ф.

Изъ русской жизни и природы. Е. Н. Водозовоѣ. Рассказы о животныхъ, растеніяхъ, временахъ года, явленіяхъ природы, о главнѣйшихъ промыслахъ и очерки изъ народной жизни, съ 15 рис. 8-е изд.

Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 2 р., за пер. 30 к.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей. Д-ра Фр. Диттеса. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія России съ картинками и вопросами для повторенія народныхъ учащихся. М. Острогорскаго. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Историческая хрестоматія. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Курсъ Новой Исторіи. Составилъ А. Овсянниковъ. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

Историческая хрестоматія не новой и нѣтъшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи. М. Острогорскаго. Для III и IV классовъ гимназій иprogимазій и для низшихъ учебныхъ заведеній. 4-ое изд., съ значит. измѣненіями и дополненіями. Спб. 1878 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Лѣтнія занятія въ полѣ съ перомъ и карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Маленькія дѣти. Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Рассказы для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми-лѣтняго возраста. Съ картинками. Спб. 1878 года. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.

Наглядно-звуковыя прописи къ „первой Учебной Книжкѣ“ Паулсона. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 480 нѣмкихъ картинокъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 к.

Наглядно-звуковыя прописи къ „Родному Слову“ Ушинскаго. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 400 нѣмкихъ картинокъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 к.

Наглядно-звуковыя прописи къ „Русской азбукѣ“ Водозовова. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 470 нѣмкихъ картинокъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 к., съ пер. 15 к.

Наглядно-звуковыя прописи къ азбукѣ Бунакова. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 460 нѣмкихъ картинокъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 к.

Начала космографіи, со многими помы. въ текстѣ. Сост. для употреб. въ средн. учебн. заведеніяхъ К. Краевичъ. Изд. 2-е. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начатки Ботаники. I. Д. Гукера. Переводъ съ англійскаго, съ измѣненіями и дополненіями А. Ѳ. Баталіна. Съ 67 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., на пересылку за 1 ф.

Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка, составленное Александромъ

Камковичъ. 5-ое исправлен. изданіе. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку 1056—1057 г. Казань. 1878 г. Ц. 80 к., съ перес. 40 к.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школы и дома на 28 раскрашенныхъ листахъ. Составленъ по атласу доктора Амора и употребителѣйшимъ руководствамъ: Смирнова, Лебедева etc. Н. Штраухомъ. (Карты проецированы и рисованы В. Исслейбомъ). Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обиходная книжка для мальчиковъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Оборона Севастополя. Разсказъ очевидца. П. Я. Бугайскаго. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Объ употребленіи задачника письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Сост. І. Паульсонъ. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Обученіе грамотѣ и родному языку по первой учебной книгѣ. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Составилъ І. Паульсонъ. Ч. І. Ц. 1 р. 4. II. Ц. 80 к., за перес. 25 к.

Резюмеъ Нрузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фос. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажамъ. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; въ перепл. 2 руб. 50 коп., въ с. 2 ф.

Родная азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. 2-е пересмотрѣнное, исправленное и дополненное изданіе, съ 200 рисунками и наставленіемъ, какъ учить по этой азбукѣ. Спб. 1878 г. Ц. 4 к.

Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Ф. Ленормана. Т. II. В. І. Араба. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русско-славянско-румынская азбука для одновременнаго обученія чтенію и письму. Сост. П. Пашковский, съ рисунками въ текстѣ. Ц. 20 к.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ) Вейкбергъ. Ц. 20 к.

„Рѣзвый и ловкій“ въ Семѣ и Школт. Сборникъ подвижныхъ игръ и занятій на открытомъ воздухѣ; со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Семь сказокъ для дѣтей. Варвары Софроновичъ. Съ иллюстраціями, раб. Елисаветы Вѣтъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народ-

но-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стр. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Умственное развитіе дѣтей. Е. Н. Водовозовой. Отъ перваго проявленія сознанія до 8-ми-лѣтняго возраста. Нравственное и умственное развитіе дѣтей, работы, игры, физическія упражненія, разсказы, сказки, загадки, пословицы и наблюденія надъ явленіями природы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Употребленіе знаменъ проименія въ русскомъ письмѣ съ приложеніемъ русской рѣчи и систематическаго диктанта. Сост. П. И. Богдановъ. Кіевъ. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Хронологія всеобщей и русской исторіи. Пособіе и справочная книга при изученіи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М. Острогорскаго. Спб. 1878 г. Древняя исторія. Ц. 25 к., съ пер. 30 к. Средняя исторія. Ц. 25 к., съ перес. 30 к. Новая исторія. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся, съ 9-ю табличками и 89 политипажамъ. Сост. Д-ръ К. Богъ. 5 изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ перес. 60 к.

Элементарный курсъ ботаники. Сост. С. Никитинъ, препод. 1 и 4 моск. жен. гимназій. Изданіе 2-ое, значительно дополненное. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Элементарныя свѣдѣнія изъ химіи. Учебное пособие къ курсу физики. С. Ковалевскаго, преподавателя физики и химіи въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Чтеніе и письмо по картинкамъ. Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. Съ 800 рисунками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

Ключъ къ „Чтенію и письму по картинкамъ“. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

Жизнь Амосъ Моменскій. Великая дидактика, содержавшая всеобщее искусство всѣхъ учить всему. Ц. 1 р. 75 к. Роскошное изданіе. Ц. 3 р., перес. за 2 фунта.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Θ. Стражевичемъ. Изданіе 2-е, дополненное описаніемъ Афинъ,

съ планомъ древняго города. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Слово о пълну Игоравѣ. Поетичный памятникъ руской письменности XII вѣку. Текстъ с переводомъ и с поясненіями издавъ Омельян Огоновскій. У Львовѣ. 1876 г. Ц. 2 р. съ пересадкою.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Законъ штормовъ, разсматриваемый въ связи съ обыкновенными движеніями атмосферы. Соч. Профес. Дове, съ чертежами и картами штормовъ. Пер. П. Мордовинъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Курсъ теоретической арифметики. Жозефа Бертрана. Члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Органическая химія. П. Алексѣева, проф. ун-в. св. Влад. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій А. Ганно, профессора физико-математическихъ наукъ. Перевели съ 15 французскаго изданія Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Къ курсу приложено 1106 политипажей, хромофотографированный рисунокъ пяти спектровъ, множество дополненій автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній и краткій очеркъ популярной химіи. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Анализъ мочи. 4-е исправленное и дополненное изданіе. Профессора Д. И. Кошлякова. Съ рисунками. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Гербаризація. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
Естественный подборъ. Сочиненіе А. Р. Уоллеса. Переводъ подъ ред. Н. Ц. Вагнера. Съ примѣзаніями и дополнительной статьей, съ портретомъ Уоллеса, его біографіей, статьями и извлеченіями изъ сочиненія проф. Вейсмана. Съ четырьмя хромофотографированными таблицами и политипажями. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Жизненные явленія, общія животнымъ и растениямъ. Курсъ общей физиологіи Клода Бернара. Лекція, читанная въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 46-ю рисун-

ками въ текстѣ и одной таблицей. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Исторія нусочка хлѣба. Описаніе жизни человека и животныхъ въ нисматъ. Соч. Массе. Изданіе второе, съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Книга природы, съ 1000 рисунками. 4 тома. Сочин. Шеддеръ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Курсъ климатическихъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Ленци общей патологіи (патологической физиологіи), читая. Профес. В. Цамутинимъ. Ч. I. Патологія тканей (гистопатологія). Казань. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ленци объ аментричности. Джона Тиндалля. Съ 60 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Новѣйшіе способы леченія ранъ. Дра Штейнера. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред. дра М. Шершевскаго. Сиб. 1878. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Насткомыи и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. О. Гринма. Ц. 1 р. съ перес.

Насткомыи растенія. Соч. Чарльза Дарвина. 3 выпуска. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 8 р.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политипажями въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекція и статьи Джона Тиндалля, съ предисловіемъ и примѣзаніями проф. Гельмгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Разказы о чудесахъ природы. Записано изъ соч. Цурхера и Марволла. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Роль асбестовъ въ развитіи естественныхъ наукъ. Д. Тиндалля. Переводъ Ф. Павленковъ. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Составлен. подъ ред. Н. v. Ziemssen'a. Т. I. Общественная гігіена и промышленныя болѣзни. Харьковъ. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. Т. II. Болѣзни периферическихъ нервовъ. Харьковъ. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію трупоу. Дра. I. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер.

Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на физиологическія основанія и практическія примѣненія ея. Соч. Іосифа Гирталя. Переводъ съ 18-го послѣдняго изданія. Спб. 1878. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Руководство къ женскимъ болѣзнямъ, составленное подъ редакціей Д-ра т. Вильрота. Болѣзни женскаго мочеиспускательнаго канала и пузыря. Проф. Д-ра Ф. Винкеля. Съ 59-ю политипажными въ текстъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Руководство къ собиранію, храненію и наблюденіямъ надъ насекомыми и другими низшими животными и скелетированію. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Свѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Джономъ Тиндалемъ, съ портретомъ и 60 рисунками въ текстъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Соотношенію низменныхъ и физическихъ силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перевелъ Ф. Палленковъ. Ц. 10 к., съ пер. 30 коп.

Труды Санктпетербургскаго общества естествоиспытателей, подъ редакціей А. Бекетова. Т. VIII. Съ приложеніемъ Путешествія по Закавказскому краю въ 1875 г. съ зоологическою цѣлью профес. К. Кесслера. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уходъ за дѣтми и выхрѣмленіе ихъ. Д-ра А. Ясоби, профес. по дѣтскимъ болѣзнямъ въ College of physicians and surgeons, въ Нью-Йоркѣ. Киевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Вримке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересилкою.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ прав. сената 1866—1876 г. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Спб. 1878. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Землевлѣдніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Сочиненіе князя А. Васильчикова. 2 т. на вѣленовой бумагѣ. Ц. 4 р., съ пер. 6 р.

Крестыанское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ

премій графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ Гражданскаго Судопроизводства. Сочиненіе Крониды Малышева. Т. 1. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Т. II. Ц. 2 р. 50 копѣекъ, съ пер. 3 р.

Курсъ русскаго уголовного права. Н. О. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въс. 2 ф.

Курсъ Русскаго Уголовнаго права. Н. С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Сочиненіе Крониды Малышева, Доцента с.-петербургскаго университета. Т. I. Спб. 1878. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересилкою 3 р.

Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія, съ обзорѣніемъ русскихъ учреждений. Доктора уг. права А. Ф. Кистяковскаго. Киевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Настоящая справочная книга для судебныхъ дѣателей. М. Острогорскаго. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Общійное владѣніе. К. Казекина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Описательная социологія или группы социологическихъ фактовъ, классифицированныя и распредѣленныя Гербертомъ Спенсеромъ. Англія. Таблицы составилъ Джемсъ Кохъ. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Опытъ теоріи страхового договора. И. Степанова. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Опытъ комментаріи къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ приложеніи помѣщены замѣтки Э. В. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣтъ на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II выстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Промысловый налогъ и методы его установленія въ западно-европейскихъ государствахъ въ Россіи. Исслѣдованіе Дмитрія Львова. Казань. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и исслѣдованія И. Г. Орманскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ законовъ объ охотѣ. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Пра-

интельствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Сиб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ II. Судопроизводство. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго Департамента Пр. Сената за 1876 годъ. Составилъ А. Книрникъ и Евг. Ковалевскій. Т. I. Матеріальное право. Сиб. 1878 г. Ц. 8 р., съ перес. 3 р. 50 к. Т. II. Судопроизводство. Сиб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Сиб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Сиб. 1876 г. Ц. 8 р., перес. за 8 ф.

Уставныя грамоты XIV-го—XV вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Н. Загоскина. 2 вып. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Бухгалтерія или наука книговеденія по двойной системѣ въ двухъ частяхъ. Сост. О. Г. Журовъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ. Составилъ О. Г. Журовъ. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Месмеризмъ, одиллизмъ, столоверченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точкой зрѣнія. Лекція, читанная въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Одноголосныя пѣсни съ русскими народными мелодіями съ аккомпаниментомъ для фортепіано. Музыка *Рубин*. Изданіе Е. Н. Водовозовой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ театралныхъ пьесъ для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. М. В. Карпѣева. Т. I: 1. Маруся. 2. Фальшивый аккордъ. 3. Любительскій спектакль. 4. Въ ожиданіи поезда. 5. Отликивающъ

сердечко. 6. Какъ сѣсть на голову. Т. II: 1. Изъ сотни не выкинешь. 2. Себѣ на умѣ. 3. На перевязочный пунктъ. 4. Женщина Отелло. 5. Независтникъ женщинъ. 6. Хочешь міра—объяви войну. 7. Женское оружіе. 8. Не волнись узелокъ да туго завязанъ. Сиб. 1878 г. Ц. каждому тому 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Теорія звука въ приложеніи къ музыкѣ. Лекція профес. Блацерни. Переводъ съ итальянскаго В. А. Четотта, подъ редакціею Н. А. Гезехуса, съ многочисленными политипажными въ текстѣ. Сиб. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Англійскій броненосный флотъ. Сост. П. Мордовинъ. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Ежедневная записная книжка на 1879 г. съ календаремъ на каждый день, особыми листами для адресовъ, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, многими необходимыми справочными свѣдѣніями и отрывными листами., въ 1 стр. на каждый день 1 р., на 1/2 стр. 75 к., за перес. 25 к.

Календарь термометръ на 1879 годъ, съ отрывными листами на каждый день. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 40 к., безъ термометра 75 к., съ пер. 1 р., и 60 к., съ пер. 90 к.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководствъ въ тушеніи всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Причины взрывовъ паровыхъ котловъ и средства для ихъ устраненія. Руководство для кочегаровъ, машинистовъ и др. М. 1878 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Табель на 1879 годъ, бывшая Академическая. Ц. безъ рисунка въ листахъ 10 коп., съ рисункомъ въ листахъ 15 коп., на папѣ 30 коп.

Таблицы для умноженія, повторенія на арифметической машинѣ Томаса. Сост. К. Л. Петрихъ. 3 в., съ 1—3000. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 75 к. за выпускъ.

Юридическій календарь на 1879 годъ. М. Острогорскаго. Цѣна въ переплетѣ 1 р., съ перес. 1 р. 80 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества, Московскаго Отдѣленія

І. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Вольшая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

Москва, Неглинная, № 10
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА:

Чайковский, Новѣйшія сочиненія: Дѣтскій альбомъ, Сборникъ легкихъ пьесокъ для дѣтей (подражаніе Шуману), op. 39 (2 p.); 6 романсовъ для пѣнія: Серенада, То было раннею весной, Средь шумнаго бала, О есиль ты могла, Любовь мертвеца, Флорентинская пѣсня — вѣстѣ (1 p. 50 к.); „Евгеній Онегинъ“, полная опера для пѣнія (6 p.); Variations sur un thème Rossini pour violoncelle avec piano (1 p. 80 к.); Concerto pour Violon avec piano (4 p. 50 к.).

Для фортепіано: Артемьевъ, Целена палатъ маршъ (30 к.). Bargiel, Trois morceaux de salon (45 к.); Huit morceaux, op. 41 (1 p.). Bauer, La séduisante. Valse favorite (50 к.); Курьерскій поѣздъ, галопъ (40 к.). Baumbfelder, Caprice hongrois (40 к.). Behr, Parforce. Galop de salon (20 к.); Diavolina. Polka gracieuse (20 к.). Braga, Sérénade favorite (85 к.). Brambach, Scherzino (80 к.); Cavatine (20 к.); Sérénade (20 к.); Faccata (85 к.). Bruch, 4 Clavierstücke (45 к.). Cramer, „Aida“. Fantaisie brillante (60 к.). Czeczott, Du bist wie eine Blume. Romance (30 к.); Polonaise (30 к.); Oh quand je dors! Romance de Liszt transcrite (50 к.). Delleux, Sérénade de Haydn (20 к.). Durand, Chaconne (30 к.); Pomponnette (80 к.); Галлеръ, Impromptu (20 к.). Главачъ, „Сабля моя“, сербская пѣсня (40 к.). Godefroid, Réverie Mazurka (30 к.). Goldstein, 2 morceaux: l'aube, le rêve (каждый 30 к.). Gounod, Mireille. Valse-Ariette (35 к.). Gregh, En poste. Galop di bravura (35 к.). Harmston, Souvenir du lac d'Uphal. Nocturne (35 к.). Hause, Nocturne (30 к.). Heller, La chasse. Morceau caractéristique (35 к.). Herzberg, Черноморскій маршъ (25 к.). Löschhorn, Gondoliera (20 к.); Sérénade (85 к.); Saltarella (35 к.). Hiller, Nocturne (85 к.). Hitz, Bon soir. Mignardise (30 к.). Hlavac, Sixième valse (40 к.). Hofmann, Souvenir de Bessarabie. Fantaisie sur des airs moldaves (75 к.). Isell, Barcarolle (30 к.); Intermezzo (30 к.). Ketterer, Défilée-Marche (30 к.). Kirehner, Bolers (80 к.). Křina, Rémiscences. 10 petits morceaux (1 p.); 3-e Gavotte (30 к.); Nocturne op. 118 (80 к.); Novellette (30 к.). Kontski, Souvenir de Naples. Tarantelle (35 к.). Lamothe, La malle des Indes. Galop (30 к.); Leybach, Requiem de Verdi (75 к.); Aida de Verdi (75 к.). Litolf, Frascati-Valse (35 к.); La boîte de Pandore. Valse (30 к.).

На пересылку прилагается особе и взимается съ общаго вѣса посылки. Требования Гг. многогородныхъ исполняются съ первоотходящемъ почтомъ. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

Здѣсь же принимается подписка на музыкальный журналъ для фортепіано „Die musicalische Welt“ (Музыкальный Свѣтъ) на 1879 г. (годъ 8-й), издаваемый Г. Литольтфонъ въ Брауншвейгѣ и содержащемъ ежемѣсячно отъ 5 до 6 избранныхъ совершенно новыхъ пьесъ любимыхъ современными композиторовъ. Годовая цѣна подписки 3 р., съ перес. 4 р. 30 к.

„ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ“

БЫВШІЙ „ДѢТСКІЙ САДЪ“.

Будетъ выходить въ 1879 г. въ направленіи, принятомъ съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выведена теорія. Редакція поставила себѣ задачей въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія, выложить теорію, на которой должно быть основано воспитаніе. Въ отдѣлѣ критики и бібліографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются рассказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи, въ педагогическомъ отдѣлѣ: Вліяніе семьи и школы, Забывчивость, Мнѣніе англійскаго педагога объ экаменатахъ, Теорія воспитанія Спенсера, Дѣбуа Реймона о современномъ образованіи, Причина дѣтской смертности Португалева, Женское рукодѣлье М. Артемьевой, Дѣти игрушки, Что должно требовать отъ учителя, Чтеніе, Какъ воспитывать женщину, Волл, Преподаваніе географіи, Глухота въ нотамъ. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Вильямъ Пеннъ, Сказка о рубашкѣ, Булатъ и мысль, стихотвореніе, Буря и кораблекрушеніе, Зеленый Островъ. Изъ пѣсень о городѣ, стихотвореніе А. Михайлова. Н. А. Некрасовъ М. Артемьевой, съ портретомъ Некрасова. Для младшаго возраста: Встрѣча, съ рисункомъ, Пропажа Лени, Каучукъ и гуттаперча, Погоня при лунномъ свѣтѣ, Алена, рассказъ М. Артемьевой, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ.

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8-ю долю большаго формата. Цѣна 4 р. 50 к., безъ доставки съ пересылкой и доставкой 5 р.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: Екатерининскій проспектъ, д. № 51, кв. 4.

Издатель А. Поповъ.

Редакторъ Н. Бѣлозерская.

Въ Редакціи находится семь изданій дѣтскихъ книгъ:

- Сборникъ журнала „Воспитаніе и Обученіе“ для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р. 36 к.
- Сборникъ „Воспитанія и Обученія“ для дѣтей младшаго возраста, съ рисунками. 1 р. 30 к. Оба сборника составлены изъ статей помѣщенныхъ въ журналъ за 1877 г.
- Сборникъ журнала „Дѣтскій Садъ“ для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р. 25 к.
- Сборникъ журнала „Дѣтскій Садъ“ для дѣтей младшаго возраста, съ рисунками. Ц. 1 р. 20 к. Оба сборника составлены изъ статей помѣщенныхъ въ журналъ за 1876 г.
- Дѣтскіе рассказы М. Цебриковой. Съ рисунками. Ц. 85 к.
- Записки гувернантки, повѣсть для юношества М. Цебриковой. Ц. 1 р.
- Быль и вымыселъ, сборникъ, ел-же. Ц. 1 р.
- Американки XVIII вѣка. Ц. 1 р. 75 к.
- Патриція Кембаль, романъ для молодыхъ дѣвушекъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Зеленый Островъ М. Фаусетъ. Разсказъ о томъ, что такое деньги, торговля и трудъ. Ц. 15 к.
- Очерки Ирландской жизни В. С. Тренча. Ц. 1 р. 25 к.
- „Дѣтскій Садъ“ журналъ за 1876 г. Ц. 4 р.
- „Воспитаніе и Обученіе“ журналъ за 1877 г. Ц. 4 р.
- Изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ М. Цебриковой:
- Зимъ XIX вѣка А. Эскроса, съ приложеніемъ статей—Теорія Воспитанія Спенсера—2-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая жизнь, романъ Ауэрбаха изъ бывае народныхъ учителей. Ц. 2 р. 20 к.
- Медицина и Медики Э. Литтра. Ц. 2 р.
- Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ Н. Р. Выпускъ 1-й, повѣсть „Мамеяки“. Ц. 60 к.
- Выпускъ 2-й, „Самодуръ“. Ц. 50 к.
- Депутатъ города Парима. Романъ изъ 2-й французской имперіи. Ц. 2 р.

Подписчикамъ журнала дѣляется 20%, уступки со всѣхъ изданій. За пересылку прилагается за фунтъ 25 к. съ упаковкой, за слѣдующіе—смотря по почтовой таксѣ. За пересылку журнала прилагается за 3 фунта.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„ПРИРОДА И ОХОТА“

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ И ОХОТНИЧІЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ ежемѣсячно, книгами около 15 печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ, и 2—3 литографированными (частью хромолитографированными) приложеніями. Въ концѣ года, по прикиру прежнихъ лѣтъ, будутъ выданы подписчикамъ особая премія. Въ Журналѣ принимаютъ участіе многіе известные популяризаторы, путешественники и охотники.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- I. Популярныя статьи по чистому и прикладному Естествознанію, Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи и Сельскому Хозяйству, Военному и Морскому дѣлу и т. п.
- II. Статьи этнографическаго содержанія. Путешествія русскихъ и иностранцевъ.
- III. Хроника новѣйшихъ открытій, усовершенствованій и изобрѣженій.
- IV. Монографіи охотничьихъ и промысловыхъ, вредныхъ и полезныхъ животныхъ.
- V. Статьи по ружейной и псовой охотѣ,—о ружьяхъ, собакахъ, породахъ птицъ и закрѣй, какъ предметѣ охоты.
- VI. Охотничьи разсказы и очерки.
- VII. Мелкія статьи и корреспонденція. Снѣдь.

Подписка цѣна: на годъ 12 р., съ перес. 13 р. 50 к., на полгода 7 р., съ перес. 8 р.

Примѣчаніе: Лица, подписавшіяся (съ конторою редакціи) до 1-го января, получаютъ 4 хромолитографированна премія (Воръ, Лоси, Глухаринъ топа, Визомъ гонимы въ острога) на 1878 годъ и пользуются уступкой 20%, со всѣхъ изданій редакціи, включая Журналъ за 1878 годъ.

Оставшіеся экземпляры Сборника „Природа“ и „Журнала Охоты“ (издававшихся до 1877 года отдѣльно) продаются въ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: Сборникъ „Природа“ 1873—1877 гг. (17 томовъ, съ 120 отд. хромолитограф. и литографированными приложеніями и множествомъ рисунковъ въ текстѣ) за 40 р. с. (пересылка за сорокъ пять фунт.—по разстоянію); „Журналъ Охоты“ со 2-й полов. 1874 по 1877-й годъ включительно (7 томовъ, по полугодіямъ; съ 40 отдѣльными хромолитограф. и литограф. рисунками и многими полиптиками въ текстѣ, 7 преміями и особыми приложеніями: „Записки псового охотника Симбирской губ.“ П. М. Матеварианова и „Тетерень-ко-сать“—монографія Л. П. Сабантѣва)—за 20 р. с. (пересылка за 20 ф. по разстоянію). Каждый томъ Сборника и Журнала Охоты продается отдѣльно по 3 р. (перес. 4 ф.).

Редакторъ-Издатель: Л. П. Сабантѣвъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Градскій переулокъ, д. № 23.

ПОДПИСКА

НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

въ 1879 году.

Съ 1879 г. «Биржевыя Вѣдомости» вступаютъ, подъ нынѣшней редакціей, въ шестой годъ своего существованія.

Отнюдь не имѣя исключительно спеціального характера, на который повидному указываетъ заглавіе газеты, «Биржевыя Вѣдомости» по своей программѣ представляютъ собою органъ политическій, литературный, экономическій и общественный.

Сообразно этой программѣ, сверхъ передовыхъ статей по вопросамъ внѣшней политики и внутренней жизни, корреспонденцій изъ-за границы и русскихъ городовъ, библиографическихъ замѣтокъ, театральныя и музыкальныя рецензій, текущихъ извѣстій и т. п., составляющихъ обычный, ежедневный матеріалъ газеты, въ ней помѣщаются, въ видѣ еженедѣльныхъ періодическихъ обзорѣй: а) разборъ текущихъ явленій русской литературы и журналистики (А. М. Славяновскаго), б) воскресный фельетонъ подъ заглавіемъ «Наброски и Недомолвки», имѣющій содержаніемъ петербургскую общественную жизнь (М. Ѳ. Васильевскаго); в) юмористическое обзорѣіе, въ стихахъ и прозѣ, явленій современной общественной жизни, подъ заглавіемъ «Чѣмъ Хата Богата» (Д. Д. Минина); г) «Московскія Письма» (А. П. Лукина). Въ остальные дни въ фельетонѣ газеты дается мѣсто другимъ статьямъ фельетоннаго характера и произведеніямъ беллетристическимъ, какъ оригинальнымъ, такъ и переводнымъ, изъ которыхъ въ нынѣшнемъ году между прочимъ напечатаны: «Норовилъ по собѣсти» Г. И. Успенскаго, «На своемъ» А. Н. Плещеева, «Изъ воспоминаній о нпшущей братіи» П. Д. Боборыкина, «Изъ воспоминаній о послѣдней войнѣ» Н. В. Максимова, «Исторія одного мошенничества» Арсеньева, «Герои послѣдней войны» его же, «Оъ дорога» В. Ѳ. Момовича, «Копилка Христа-ради» В. О. Михомича, «Набобъ», романъ А. Додѣ, «Разсказы» его же, «Святая парочка Форскихъ горъ» Бретъ-Гарда, «Балванди» Эдм. Абу, «Аттила мельница» Э. Золя и др. Въ отдѣлѣ «Изо дня въ день» входятъ не только текущія извѣстія, какъ доставляемыя собственными репортерами, такъ и извлекаемыя изъ другихъ газетъ, но и замѣтки по поводу разныхъ явленій петербургской и заграничной жизни и газетныхъ статей, мелочи въ стихахъ и прозѣ и т. п. Сверхъ того тутъ же помѣщаются, по мѣрѣ накопленія матеріала: а) обзорѣіе иностранной сатирической печати (П. И. Вейнберга), съ приведеніемъ въ переводѣ лучшихъ стихотвореній и прозаическихъ статей ея, б) театральныя и музыкальныя рецензій (А. Н. Плещеева, П. И. Вейнберга и Н. П. Галлера), в) отчеты о произведеніяхъ современной иностранной литературы (А. Н. Плещеева и друг.) и т. п. Отдѣлу биржевому, составляемому Н. Н. Константиновымъ, отведено надлежащее мѣсто и приданъ совершенно самостоятельный характеръ. Въ отдѣлѣ судебномъ помѣщаются подробные или сокращенные стенографическіе отчеты о выдающихся процессахъ. Заграничныхъ корреспондентовъ газета имѣетъ: въ Лондонѣ, въ Парижѣ, Миланѣ, Вѣнѣ и Прагѣ; внутреннихъ: въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Оренбургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Николаскѣ, Новочеркасскѣ, Таганрогѣ, Твери, Ригѣ, Архангельскѣ, Енисейскѣ и др. городахъ.

Труды собственно редакціонныя раздѣляются съ нижеподписавшимися Э. К. Ватсонъ, заведующій также и иностраннымъ отдѣломъ. Постоянное участіе въ газетѣ принимаютъ

слѣдующія лица: П. Д. Боборыкинъ, Н. О. Василевскій, П. Н. Вейнбергъ, О. О. Вороновъ, К. Н. Галлеръ, В. О. Кекевичъ, Н. Н. Константиновъ, Н. С. Курочкинъ, С. Н. Ламакинъ, А. П. Лукинъ, Н. В. Максимовъ, Д. Д. Мишаевъ, В. О. Михневичъ, А. Н. Плещинъ, А. О. Пржемонтовъ, А. М. Скафитерскій, К. М. Станковичъ, Г. Н. Успенскій, Н. Н. Фирсовъ.

Подписка на «Виржевыя Вѣдомости» принимается на слѣдующихъ основаніяхъ:

ПОДПИСКА ВЪ РОССІИ.

Мѣсяцы.	Городскіе.			Иногор.		Мѣсяцы.	Городскіе.			Иногор.
	Безъ до- ставкн.	Съ до- ставкою.	Съ пере- сылкою.				Безъ до- ставкн.	Съ до- ставкою.	Съ пере- сылкою.	
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.			Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	
12	14 50	16 —	17 —			6	8 50	9 50	10 —	
11	13 75	15 —	16 —			5	7 —	8 —	9 —	
10	13 —	14 —	15 —			4	5 50	6 40	7 20	
9	12 —	12 70	14 —			3	4 10	4 70	5 70	
8	10 75	11 50	13 —			2	2 80	3 20	3 80	
7	9 50	10 50	12 —			1	1 50	1 70	2 —	

ПОДПИСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Мѣсяцы.	Всѣ европейскія госу- дарства и Сѣверная Америка.		Южная Аме- рика.	Австралія, Китай и Японія.
	Руб. К.	Руб. К.		
12	23 —	32 —	40 —	
6	12 —	17 —	22 —	
3	6 20	9 —	11 50	
1	2 40	3 —	4 —	

Подписка открыта въ главной конторѣ «Виржевыхъ Вѣдомостей», въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42; въ Москвѣ—у Н. А. Мейера, на Маросѣйскѣ, д. Леонова. Въ Одессѣ—въ отдѣленіи конторы «Виржевыхъ Вѣдомостей», Успенская улица, домъ № 83. Въ Харьковѣ—въ отдѣленіи конторы, у Николая Петровича Овсянникова, Богуновскій переулокъ, домъ Савченко.

Подписка принимается не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ, за ручательствомъ г. казначея того учрежденія, въ которомъ находится подписавшійся; для неслужащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Виржевыхъ Вѣдомостей».

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ съ пересылкою въ губерніи, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 руб., въ концѣ марта 6 руб. и въ началѣ августа 4 руб.; а съ доставкою въ Петербургѣ—ушачиваютъ въ конторѣ при самой подпискѣ 6 руб., въ концѣ марта 5 и въ концѣ іюня 5 руб.

Редакторъ-издатель В. А. ПОЛЕТИКА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

52 № **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** 52 №

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ бесплатными приложеніями.

Годовая цѣна: 13 р. безъ дост., 14 р. 50 к.—съ дост. и 16 р.—съ пер.

48 № **МОДНЫЙ СВѢТЪ** 48 №

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДАМЪ И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Съ картинками, выкройками и разными другими приложеніями.

Годовая цѣна: I-го изд. 4 р.—5 р. 50 к. съ дост. и 6 р. съ пер.

"	"	II-го	"	5	"	—	6	"	50	"	"	"	7	"	"	"
"	"	III-го	"	7	"	—	8	"	50	"	"	"	9	"	"	"

52 № **ОГОНЕКЪ** 52 №

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

СЪ 24-МЯ ВЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ ВЪ ГОДЪ.

Годовая цѣна: 4 р. безъ дост. и 5 р. съ доставкою и пересылкою.

Главная контора редакцій этихъ журналовъ находится въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. № 16.

Въ книжныхъ магазинахъ К. Риккера и Н. Фону — въ С.-Петербургѣ, а также въ магазинѣ Ѳ. Салаева — въ Москвѣ, находится въ продажѣ:

УЧЕБНИКЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА

ДЛЯ МЛАДШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ ПРОГРАММѢ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Составилъ Ю. Штокманъ.

ЧАСТЬ I (курсы II и III классовъ гимназій). Ц. 60 к. — ЧАСТЬ II (курс IV класса гимназій) съ хрестоматіею и словаремъ. Ц. 1 р.

Это руководство стремится прежде всего къ возможному облегченію труда учащихся и преподавателей. Для достиженія такой цѣли, заключающейся въ немъ учебный матеріалъ расположенъ по всесторонне-обдуманному плану, съ соблюденіемъ постепеннаго перехода отъ легкаго къ болѣе трудному, и, сверхъ того, теоретическая часть, какъ и практическая, примѣнена къ силамъ учащихся. Запасъ словъ, необходимый для прохожденія практической части, ограниченъ, по мѣрѣ возможности: въ каждомъ параграфѣ одни и тѣ же слова служатъ для перевода и русскихъ и нѣмецкихъ упражненій и каждое слово въ теченіи годового курса встрѣчается въ упражненіяхъ до 15-ти разъ. Вслѣдствіе такого расположенія, ученики II-го класса, при помощи 400 только словъ, въ состояніи перевести 640, послѣдовательно расширяющихся нѣмецкихъ и русскихъ фразъ. Грамматическія правила отчасти обобщены, — отчасти обработаны вновь, съ цѣлью ихъ упрощенія и изложенъ просто и удобопонятно; притомъ особенное вниманіе обращено на тщательную обработку такихъ отдѣловъ, которые для русскаго, практически не знакомаго съ изучаемымъ языкомъ, обыкновенно представляютъ наиболѣе затрудненій. Сдѣйствуя, съ одной стороны, прочному усвоенію этимологій, существенныхъ особенностей строя нѣмецкой рѣчи и опредѣленнаго количества словъ, учебникъ, въ то же время, при помощи методически расположенныхъ упражненій, подготавливаетъ учащихся къ переводу легкихъ, связанныхъ статей съ русскаго.

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

иллюстрированный журналъ домашнего и общественнаго воспитанія, въ 1879 году (девятый годъ изданія) будетъ издаваться по той же программѣ, въ тѣ же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати-двухъ книгъ и сорока номеровъ „ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 рублей.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія) выходитъ ежемѣсячно, то-есть 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ пересылкою 10 рублей.

II. ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ (отдѣлъ для родителей и воспитателей) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (то-есть ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Спб., Васильевскій Островъ, 15-я линія, домъ № 8, или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „СЕМЬЯ и ШКОЛА“ (адресъ почтамту извѣстенъ).

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

БОЛЬШ. МОРСКАЯ, д. № 9.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО:

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ

ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА.

БОЛЬШОЕ ИЗДАНИЕ IN-FOLIO.

Съ 50-ю вольшими картиннами Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А. ШУЛЬГОВСКОЙ.

Оъ полнынъ подоточнынъ англійскимъ текостомъ.

Въ простомъ коленкоровомъ переплетѣ . . .	25 руб.
Съ пересылкою въ ящикѣ	30 „
Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ въ картонѣ	30 „
Съ пересылкою въ ящикѣ	35 „

Издание классическихъ авторовъ въ роскошномъ видѣ есть дая уваженіе къ ихъ безсмертнымъ именамъ, и такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, становясь настольной книгой, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасные, не утратившіе своей прелести въ теченіи вѣковъ страницы.

Предпринимая это изданіе я не жалѣлъ ни труда, ни времени (не говоря уже объ огромныхъ затратахъ). чтобы придать знаменитому творенію Мильтона, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Сдѣланный вновь для этого изданія переводъ А. Шульговской вѣренъ подлиннику и отличается какъ красотою языка, такъ и вѣрностью оригиналу.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, имѣющими такую красоту и изящество заграничными изданіями, стоящими по 40 руб. и болѣе, — до такой степени дешева, что объ этомъ нечего даже и распространяться.

Для подарковъ на Елку это изданіе, по своему красивому и очень богатому переплету, исполненному по рисункамъ художника Ив. Нанова, будетъ весьма кстати. Для этого рекомендуемъ въ особенности изданіе въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: Для городскихъ. — Объявленіе отъ лечебницы д-ра О. Ю. Ковалевскаго. Для иногороднихъ. — 1) Объявленіе отъ книж. маг. М. Вольфа: а) о подпискѣ на 1879 г. иллюст. журн. для дѣтей и юношества „Залученное Слово“ и б) о дѣтскихъ книгахъ съ политипажами. — 2) Объявленіе журн. „Ваза“. — 3) Объявленіе журн. „Нива“. — 4) Объявленіе журн. „Дѣло“. — 5) Объявленіе журн. „Живописное Обозрѣніе“. — Для городскихъ и иногороднихъ: — 1) Объявленіе „August Deubner in St.-Petersburg“. — 2) Объявленіе картографическаго заведенія А. Ильина.

Сборник Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. Спб. 1878. Стр. 732. Ц. 3 р.

Каждый новый том нашего Историческаго Общества является среди нас как свѣтлый лучъ изъ мрака недавней старины; каждый томъ возвращаетъ исторію то или другое изъ похищеннаго у нея архивами. Ныѣшній выпускъ содержитъ въ себѣ письма Екатерины II къ Фридриху Гримму, известному въ свое время по своимъ близкимъ отношеніямъ къ энциклопедистамъ. Эти письма служатъ живымъ портретомъ императрицы, ея необыкновеннаго ума, своеобразныхъ нравовъ; слова поэта, что Екатерина — „и не на тронѣ была бы великою женой“ — не имѣютъ въ себѣ ничего риторическаго для того, кто прочелъ бы хотя часть изъ этой въ высшей степени любящей ея переписки; мы говоримъ въ настоящемъ случаѣ о высокой степени даровитости автора писемъ, а не о характерѣ ея, который, впрочемъ, былъ различенъ въ различныя эпохи. Историческое Общество, оставаясь вѣрнымъ своему правилу — не только издавать памятники, но и издавать ихъ хорошо, всегда поручаетъ надзоръ за такимъ важнымъ дѣломъ людямъ самымъ надежнымъ и авторитетнымъ; такъ и нынѣшній томъ вышелъ подъ наблюдениемъ акад. Я. К. Грота. Мы замѣтимъ только одно, впрочемъ не особенно важное, отступленіе отъ общаго правила въ ныѣшнемъ выпускѣ отъ предыдущихъ: французскій и нѣмецкій оригиналы писемъ на этотъ разъ не сопровождаются русскимъ переводомъ, и, конечно, не по желанію редакціи сдѣлать экономію труда или мѣста. Текстъ писемъ снабженъ всеми необходимыми толковыми примѣчаніями, а въ предисловіи приведены краткія біографическія свѣдѣнія о Гриммѣ и его отношеніяхъ къ императрицѣ.

Жизнь и труды П. М. Строева. Николай Барсукова. Спб. 1878. Стр. 668.

Жизнь и труды Строева могутъ быть почти названы исторіею нашей археологіи. Біографъ покойнаго съ величайшимъ трудолюбіемъ и тщаніемъ собралъ и систематически расположилъ бумаги и всю переписку Строева, скончавшагося въ 1876 г., на 80-мъ году жизни. Такимъ образомъ, жизнеописаніе покойнаго заключаетъ въ себѣ много интереснѣйшихъ данныхъ къ объясненію причинъ, содѣйствовавшихъ или замедлявшихъ успѣхи нашей археологіи, и знакомитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ характеромъ нашихъ археологическихъ учреждений, съ которыми жизнь Строева была связана неразрывно. Нельзя было соорудить лучшаго памятника въ честь почтенной и полезной дѣятельности лица, которому отечественная исторія останется всегда признательною за заботливую охрану ея духовнаго достоянія.

Железнодорожное хозяйство. Томъ II. Сочин. А. Чупрова. М. 1878. Стр. 342.

Въ первомъ томѣ, вышедшемъ три года тому назадъ, авторъ доказывалъ, что въ железнодорожной экономіи издержки производства находятся въ самой тѣсной связи съ условіями спроса. Потому онъ теперь и приступилъ къ ближайшему изученію условій спроса, допуская только четыре фактора, вліяющіе на валовой доходъ железнодорожнаго дѣла: количество грузовъ, длина ихъ пробѣга, родъ грузовъ и величина провозной платы. Считаю первый изъ нихъ са-

мымъ рѣшительнымъ по своему вліянію на судьбу предпріятій этого рода, авторъ посвящаетъ весь этотъ томъ сравнительно-статистическому изученію одного количества грузовъ, а остальные три фактора отлагаетъ до слѣдующаго тома. Въ приложеніи помѣщены таблицы валового дохода и движенія грузовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, сверхъ специальныхъ таблицъ, разбѣянныхъ между текстомъ.

Курсъ русскаго уголовного права. Н. С. Таганцева. Вып. 2-й. Спб. 1878. Стр. 324. Ц. 2 р.

Продолжая начатый курсъ, авторъ посвящаетъ новый выпускъ изложенію ученія о преступномъ дѣяніи, по двумъ его элементамъ — фактическому и психическому, и потому дѣлитъ свое изслѣдованіе на двѣ части, изъ которыхъ одна разсматриваетъ внутреннюю сторону преступленія, во всѣхъ видахъ виновности, а также ея доказательства и предположенія; другая — внѣшнюю сторону преступленія, по различнымъ ступенямъ развитія преступной дѣятельности, въ различныхъ формахъ, при разнообразныхъ средствахъ и пособіяхъ; въ заключеніе, говорится объ обстановкѣ преступленія и причинной связи. Какъ видно изъ приведеннаго нами указанія на составныя части новаго выпуска, его содержаніе касается самыхъ трудныхъ вопросовъ криминалистики, и вмѣстѣ самыхъ интереснѣйшихъ. Дѣло специалистовъ — оценить ближе, какое мѣсто принадлежитъ новому труду автора въ наукѣ уголовного права; мы, съ своей стороны можемъ только говорить о томъ, что книга написана, несмотря на отягченность задачъ, весьма просто, ясно и общедоступно, и для желающихъ проверить выводы автора текстъ снабженъ обильно цитатами изъ нашей и иностранной литературы уголовного права.

Очерки Цейлона и Индіи. Изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго. И. П. Миняевъ. Двѣ части. Спб. 1878. Стр. 284 и 238.

Авторъ доставляетъ намъ довольно рѣдкій случай изучать сосѣднюю Азію изъ первыхъ рукъ; обыкновенно, какъ чай изъ Китая, такъ и извѣстія о нашихъ сосѣдяхъ на востокѣ мы получаемъ чрезъ Лондонъ. Наши читатели знакомы уже съ нѣкоторыми изъ очерковъ Индіи, присланными авторомъ въ журналъ во время путешествія, — и потому намъ остается только сказать, что въ отдѣльномъ изданіи въ статьямъ, напечатаннымъ у насъ, присоединено весьма много новыхъ главъ, которыя превосходно дорисовываютъ современный характеръ англійскаго господства въ Индіи и отношеній побѣдителя къ побѣжденнымъ. Проф. И. П. Миняевъ, будучи специалистомъ, могъ сдѣлать болѣе, чѣмъ обыкновенный туристъ-любитель, и потому его наблюденія не ограничивались одною поверхностью видѣннаго и слышаннаго имъ въ Индіи.

Сборникъ законовъ объ охотѣ. Спб. 1878. Стр. 53. Ц. 50 к.

Правильность охоты, столь необходимая для сохраненія одного изъ важныхъ богатствъ страны, часто нарушается не отъ одной злой воли, но и отъ невѣдѣнія. Потому настоящая брошюра, соединившая въ себѣ все наше законодательство объ охотѣ, заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Въ концѣ приложена уставка Общества охоты 1872 года; это тѣмъ болѣе кстати, что въ обществѣ очень мало распространено извѣстіе о результатѣ его дѣятельности.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1879-й годъ:

ГОДЪ—12 книгъ:

въ Россіи: на границахъ:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою. . . 5 » — » 7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается:
съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою. . . 2 » 50 » 3 »

Подписывавшіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допуска* выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ адреса* просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственнымъ.

Заказы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

